Российское общество социологов
Министерство образования и науки Российской Федерации
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина



Современное российское студенчество: историческая память о Великой Отечественной войне и формирование патриотизма и гражданственности

Екатеринбург 2011

УДК 37.017.4-057.875:94(47).084.8
ББК 74.58р30+63.3(2)622
С56

Современное российское студенчество: историческая память о Великой Отечественной войне и формирование патриотизма и гражданственности/ **под общей ред. Ю.Р. Вишневского. Екатеринбург: УрФУ, 2011. 510 с.**

ISBN 978-5-82-95-0072-6

Редакторы-составители:

к.полит.н., доц. А.А. Айвазян, д.ф.н., проф. Ю.Р. Вишневский (отв.редактор), В.А. Ружа, Д.В. Трынов

В книге рассматриваются результаты мониторинга (федеральные исследования Российского общества социологов «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне», проведенные в 2005 и 2010 гг.), обобщаются многочисленные материалы по теоретико-методологических и эмпирическихисследований по проблемам исторической памяти, патриотизма и гражданственности. Монография может быть полезна всем интересующимся данной проблематикой, организаторам патриотического воспитания молодежи, преподавателям, студентам и аспирантам гуманитарных вузов, всем, кому дорога память о Великой Победе.

УДК 37.017.4-057.875:94(47).084.8
ББК 74.58р30+63.3(2)622

ISBN 978-5-82-95-0072-6

© Авторы, 2011
УрФУ, 2011

Современность наполнена противоречивыми и неоднозначными тенденциями и процессами. Формирование гражданственности и патриотизма сегодняшней молодежи находится под влиянием этих процессов. С одной стороны, это демократизация и глобализация общественной жизни, а с другой стороны – нарастание асоциальных проявлений, националистических и террористических выступлений в мире.

Россия по своей территории, сырьевым и природным богатствам является объектом внимания европейского и североамериканского сообщества как источник сырья. Однако российское культурно-историческое наследие, российское образование имеют важный вес в мире, и по мнению исследователей, является нашим стратегическим приоритетом, хотя в последние десятилетия наше образование претерпело и продолжает испытывать на себе разнообразные не всегда полезные изменения и трансформации. Воспитание гражданина и патриота в этих условиях являются исключительно важными для будущей истории России.

Воспитание гражданственности и патриотизма в России несомненно базируются на традиционных фундаментальных основаниях, одним из которых является историческая память, память о Великой Отечественной войне. Традиционно с 2005 года Российское общество социологов проводит исследования, посвященные исторической памяти. Исследуется трансформация взглядов молодежи на роль и место победы российского народа в Великой Отечественной, места этой победы в истории страны и мира в целом. Неизменными вдохновителями и руководителями исследований и дальнейших публикаций являются руководители региональных отделений РОС. Эти исследования – не только проявление общественной инициативы членов нашего научного сообщества. Не менее значимы эти исследования, особенно – их коллективный характер – и в плане научного взаимодействия членов Российского общества социологов, что заметно повышает их вклад в развитие социологической науки и повышении её социальной роли.

Хочется выразить искреннюю признательность и благодарность всем, кто принимает участие в этом проекте, который можно смело назвать проектом памяти о Великой Отечественной войне!

Президент РОС
В.А.Мансуров

Введение

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы. А.С. Пушкин

«Забыть о войне нельзя не только потому, что этого требует память о тех, кто не вернулся с фронта и не только потому, что искренний разговор о войне – это всегда призыв к миру. Это еще и воспитание чувств». Юлия Друнина

Наша книга выходит накануне 22 июня 2011 года – к 70-летию начала Великой Отечественной войны, войны «священной», войны «народной», войны, ставшей для каждого советского человека, для каждой семьи тяжелейшим испытанием и одновременно являющейся величайшим событием не только в истории XX века, но и всей истории человечества. День 22 июня – это «День памяти и скорби». Памяти о Великой Победе, о великом подвиге, который совершили деды и прадеды современных студентов. Скорби о тех, кто на фронте и в тылу, жертвуя нередко самым дорогим – жизнью, «приближали, как могли», День Победы. 1418 дней – для человечества краткий миг. Но эти дни должны оставаться в памяти все новых поколений вечно. Каждому новому поколению, вступающему в активную самостоятельную жизнь нужно помнить, «какой ценой завоевано счастье» – счастье мирной, свободной жизни

В процессе создания этой книги, в итоге превратившейся в коллективную монографию с участием известных отечественных и зарубежных ученых (социологов, историков, философов, педагогов), её замысел углублялся и обогащался. Первоначально предполагалось обобщить материалы двух федеральных исследований, инициированных Российским обществом социологов, «Российское студенчество о Великой Отечественной войне» (2005 и 2010 гг.). Затем задача усложнилась – исследователей заинтересовало, насколько полученные ими результаты соотносятся с общими тенденциями развития патриотического сознания российской молодежи (шире – разных поколений россиян, еще шире – народов тех стран, которые еще недавно входили в состав СССР, других стран – участников Второй мировой войны). Наконец, сказалась и серьезная теоретико-методологическая переориентация отечественной социологической науки, потребовавшая по-новому рассмотреть многие исходные понятия проведенного исследования и, прежде всего, патриотизм, гражданственность, социальная и историческая память.

Целый ряд фактов оживления в молодежной среде экстремистских и националистических настроений (в частности, события на Манежной площади в Москве в декабре 2010 г. и отклики на них) вновь актуализировали проблемы гражданского воспитания молодежи, соотношения гражданственности, патриотизма и национализма[1].

В данном случае стоит задуматься, что в молодежном сознании эти события далеко не всегда воспринимаются как экстремистские. Согласно исследованию «Межнациональная нетерпимость в городской молодежной среде»[2], 76% опрошенных молодых людей сочувствовали участникам выступлений на Манежной площади в Москве, 78% респондентов назвали события на Манежке акцией протеста против коррупции и так называемой этнической преступности (58 %) и не увидели в этом националистического выступления, хотя основными лозунгами были «Россия для русских» и «Москва для москвичей». Обратим внимание еще на один аспект проблемы. Э.Р. Тагиров в начале 2000-х гг. зафиксировал распространенность среди современной молодежи стереотипов «баррикадной культуры»: по данным опроса ка-

[1] Примечателен вывод известного деятеля российского образования А. Кондакова, связавшего данные события с недостатками работы современной российской школы: «в последнее время школа предоставляла детям лишь знания, а не воспитание, что и привело к побоищу на Манежной площади».

[2] Проведено Агентством социальных технологий «Политех» при содействии Института этнологии и антропологии РАН (см.: ru.wikipedia.org›).

занских студентов – будущих экономистов и финансистов – 37% предпочитают соперничество, никогда не уступают своих интересов и готовы на применение силы ради достижения победы; 27% предпочитают «не ввязываться» в конфликт, 19% – готовы полностью уступить сопернику, 15% считают лучшим для себя искать компромисс, хотя не знают, как это делать, лишь 2% – готовы к сотрудничеству и совместному поиску решения[1]. А это означает важность целостного анализа молодежи, необходимость изучения взаимосвязи его патриотического сознания с ценностными установками и ориентациями, нормами поведения, повседневными жизненными практиками.

Ныне возрастает интерес социума и научной общественности к историческому прошлому России, особенно к событиям, в которых гражданственность и патриотизм народа проявились наиболее наглядно и определили успех. В ряду этих исторических событий, несомненно, самое знаменательное – Победа советского народа в Великой Отечественной войне. Представленные в коллективной монографии материалы отражают сложный и противоречивый процесс исторической памяти (а нередко и исторического забвения) современного – постсоветского – российского студенчества. При этом исследования более широкого плана, охватывающие и иные группы молодежи, и иные возрастные группы, раздвигают границы анализа, позволяют выявить и общие тренды, и специфические особенности данного процесса. В таком широком подходе к исследуемой проблеме мы исходим из методологии понимания «русского мира»: «Русский мир – это не только Россия и русские в мировой истории – это связь во времени и пространстве, в жизни и сознании тех, кто объединены чувством сопричастности всей многовековой истории России с ее взлетами и падениями, грехами, заблуждениями и метаниями. Русский мир – это и мы сами в мире, и мир в нашем русском взгляде на него»[2].

Широкий временной диапазон (как правило, в монографию включались исследования 2005-2010 гг., но в отдельных материалах отражены и исследования 1990-х, начала 2000-х гг.) помогает представить процесс исторической памяти (или исторического забвения) в динамике. Осмысление феномена Великой Победы как исторической памяти раскрывает сложные механизмы реализации «интегральной и социально-инерционной функций в сохранении для ныне живущих поколений глубинных, жизненно важных смыслов прошлого»[3]. А это значит и выявляет, что уже удалось достигнуть в патриотическом воспитании современного студенчества, а что еще предстоит сделать в ближайшие годы.

Собственно о необходимости возрождения в России патриотического сознания и патриотического воспитания активно заговорили уже с начала 2000-х гг. Свидетельством государственного подхода к этому важному делу явились три последовательно реализуемые Федеральные целевые программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001 – 2005 гг., 2006 – 2010 гг. и 2011 – 2015 гг. Важными импульсами явились юбилейные даты – 60-летие и 65-летие Великой Победы.

Стремление по-новому осмыслить исторический опыт и обратиться к патриотизму как к социокультурному феномену, цементирующему целостность и единство общества на уровне властных структур особенно проявилось в выступлениях руководителей страны. По оценке Д.А. Медведева, «межнациональная рознь представляет огромную опасность для развития страны»[4]. Необходимо «уделять внимание нашей многонациональной культуре, но – вне всякого сомнения – особое внимание должно уделяться русской культуре». Русская культура – «это костяк всей национальной культуры. Нужно развивать лучшие черты национально-

---

[1] Тагиров Э.Р. Культура мира – идеология развития человечества (конфликтологический подход). Казань, 2004. С.117.

[2] Нарочницкая Н.А. Русский мир. СПб., 2007. С.5.

[3] Юбилей великой победы: канун возрождения и развития российского патриотизма. Волгоград, 2005. С.6.

[4] [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.gazeta.ru/news/lenta/2011/01/17/n_1659938.shtml http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/253262/starshij_brat#ixzz1BN7r9Ugc В этой связи уместно вспомнить мнение русского мыслителя Г.П. Федотова, определившего крушение Российской империи в 1917 г. как «итог векового выветривания национального сознания», когда русский народ «потерял сознание нужности России» (См.: Федотов Г.П. Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т.1. С.175).

го характера: терпимость, отзывчивость, умение уживаться с соседями». Созвучна и мысль В.В. Путина: «Конечно, нам должно быть стыдно за то, что сейчас происходит. Вы посмотрите, мы же все родом из недалекого прошлого. Ведь в Советском Союзе не было таких проблем с межнациональными отношениями. Советской власти удалось создать обстановку межэтнического и межконфессионального мира… Советской власти удалось создать некую субстанцию, которая оказалась над межэтническими и межконфессиональными отношениями. К сожалению, она была и носила идеологический характер. Это социалистическая идея. Даже придумали некую новую общность людей. Советский народ». И подчеркнул: «Есть только одно, что может заменить то, что неплохо работало раньше, – это общероссийский патриотизм»[1].

Постановка проблемы общероссийского патриотизма особенно актуально звучит на фоне недавних заявлений руководителей ряда стран ЕЭС (Великобритания, ФРГ, Франция) о «кризисе мультикультурализма»[2].

Но в социальных и гуманитарных науках сохраняется и даже обостряется ситуация, связанная с *недостаточной разработкой концептуальных основ современной теории российского патриотизма*. Не перевелись попытки редуцировать такое сложное и противоречивое социокультурное явление, как патриотизм, к кратким, «понятным», «легко» операционализируемым и реализуемым в воспитательной практике качествам личности.

Более того, применительно к патриотизму особенно проявляется *несогласованность методологических оснований*. Налицо своеобразный *терминологический хаос*, специфика которого в том, что сходное понимание разными авторами патриотизма как «любви к Родине» сочетается с разным содержательным наполнением и неадекватной трактовкой и «Родины», и «любви», и характера отношения к Родине, Отечеству, и формирования этого отношения – особенно у молодежи. Ситуация усугубляется из-за междисциплинарных различий, когда в ракурсе той или иной науки акцентируются разные аспекты понятия «патриотизм», происходит его «педагогизация» или «психологизация», многогранность патриотического воспитания сводится к военно-патриотическому. Соответственно, возникла проблема разработки *интегративного* определения понятия «патриотизм», выявления специфики социологического анализа этого социокультурного явления и – как предпосылки его эмпирического исследования – операционализации понятия «патриотизм».

Обращение к категориальному анализу патриотизма и взаимосвязанных с ними понятий «историческая память» и «гражданственность» придало целостность обобщению результатов эмпирического исследования, хотя и заметно усилило плюрализм и разнообразие высказываемых взглядов и занимаемых позиций. Волгоградские коллеги обратили внимание на существенную характеристику такого плюрализма[3]: «Наследие Великой Победы, являясь средоточием общенациональных духовных ценностей, существует в пространстве современных поколений россиян, имеющих различные ценностные векторы (демократические, либеральные, общечеловеческие, религиозные, коммунистические и др.)». Но, представляется, что именно в спорах, дискуссиях рождается научная истина.

Наша коллективная монография призвана внести посильный вклад в возрождение и

---

[1] Цит. по: Польгуева Е. Планета братства – СССР // Советская Россия. 2010. 30 декабря. Мы намерено использовали материал оппозиционной газеты, чтобы показать: серьезные изменения в ориентациях властных структур не прошел незамеченным. И, возможно, патриотизм явится основой интеграции здоровых сил российского социума вне зависимости от их политических ориентаций.

[2] Д. Кэмэрон (премьер Великобритании): «Политика мультикультурализма нас подвела, настало время либерализма с мускулами»; А. Меркель (канцлер ФРГ): «Этот подход, когда говорим, что живем бок о бок и довольны друг другом, абсолютно себя не оправдал»; Н. Саркози (президент Франции): «Это провал! Мы во всех наших демократических сообществах слишком сильно озабочены идентичностью тех, кто приезжает, и недостаточно – идентичностью тех, кто их принимает» (См.: Комсомольская правда, 2011. 12 февраля). Справедливости ради подчеркнем: для европейских стран и для России проблема мультикультурализма выступает в разных ипостасях – для них актуальнее культурное взаимодействие коренных жителей и мигрантов, для России – культурное взаимодействие различных народов, веками совместно живущих на родной земле.

[3] Юбилей великой победы: канун возрождения и развития российского патриотизма. Волгоград, 2005. С.7.

дальнейшее развитие системы патриотического воспитания как приоритетного направления в общей системе воспитания граждан России. А в этом направлении предстоит еще сделать немало.

Важно сформировать у каждого гражданина России (особенно – у будущего молодого специалиста) активную жизненную позицию, социально-значимые, духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, взгляды и идеалы, национальное самосознание и такие качества, как патриотизм, любовь и преданность своему Отечеству; долг и ответственность за судьбу Отечества и готовность к его защите, уважение к старшим, религиозным воззрениям граждан, историческому и культурному прошлому России.

Необходима систематическая и целенаправленная деятельность органов государственной власти, соответствующих социальных и государственных институтов (прежде всего, семьи и учреждений образования и культуры), общественных объединений и организаций по формированию у граждан высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины. Особое внимание – наряду с военно-патриотическим воспитанием – должно быть уделено гражданско-патриотическому воспитанию, формированию правовой культуры и законопослушности, высокой нравственности и общей культуры, четкой гражданской позиции, развитию осознанного, ответственного и активного стремления к участию в общественной жизни страны.

В рамках патриотического воспитания важно развивать историческое сознания и историческую память на основе глубокого изучения истории государства, традиции и культуры народов России; формировать уважительное отношение к истории России и её историческим традициям. Вместе с тем нужно учитывать, что в современном российском обществе и массовом сознании феномен Великой Победы представлен как преимущественно феномен прошлого, непосредственных участников этих исторических событий остается, к глубокому сожалению, все меньше. Важно шире использовать способность прошлого трансформироваться в настоящее – через передачу своих смыслов, ценностей, нравственных принципов новым поколениям. Поэтому наряду с формированием преемственности традиций и поколений – все более актуальна и задача формировать «патриотизм сегодняшнего дня», т.е. четко выраженную и отстаиваемую гражданскую позицию, развивать чувство патриотизма, любви к Родине и родному краю, гордости за их историю, ответственности за их судьбу – с акцентом на активное деятельное участие в решении социальных проблем. У студентов – будущих высококвалифицированных специалистов – особенно важно сформировать понимание взаимосвязи патриотизма и профессионализма, ответственного отношения к своей профессии, к профессиональному долгу.

В патриотическом воспитании необходимо преодолевать недооценку национально-государственных и социально-политических ценностей, повысить уровень доверия граждан к государству, его политике и государственной символике.

Важнейший ориентир патриотического воспитания – формирование российского патриотизма, противодействие распространению идей экстремизма, социальной, национальной и религиозной нетерпимости, становление патриотов России, граждан правового, демократического государства, способных к социализации в условиях гражданского общества, уважающих права и свободы личности, использующих возможности правовой системы, проявляющих национальную и религиозную терпимость, уважительно относящихся к языкам, традициям и культуре других народов России и мира, толерантных к иному мнению, умеющих находить компромиссы.

Наконец, весьма значимо и формирование чувства гордости и патриотизма, уважительного отношения к «малой Родине» – мой край, моя область, мой город, мое село, мой район, мой дом, мой двор.

Наша коллективная монография (в ряде случаев напоминающая Интернет-конференцию) – скорее «информация к размышлению», чем рецептурный справочник, разъясняющий, как и

в каком направлении следует совершенствовать патриотическое воспитание молодежи и студентов. Но тем важнее нам представляется подчеркнуть неправомерность получающего вновь распространение безразличного отношения к результатам опросов общественного мнения – вплоть до игнорирования этого мнения или принятия решений, противоречащих этому мнению.

Среди последних примеров, тесно связанных с проблематикой нашей монографии, подобного игнорирования можно привести постановку как актуальной сегодня задачи *«десталинизации»*. Дело не в личных симпатиях (или скорее – антипатиях) членов редколлегии к человеку, деяния которого до сих пор получают неоднозначные оценки. Для нас – как социологов – важнее, какова направленность, каков характер этих оценок.

А они, например, по последним данным ВЦИОМ таковы[1]: «С каждым годом все больше русских считают, что роль Сталина в России страны была скорее положительной (с 15% до 26%), а тех, кто уверен в обратном, напротив, становится все меньше (с 33% до 24% соответственно). Относительное большинство опрошенных ВЦИОМ по-прежнему убеждено в том, что роль этого человека в истории неоднозначна (39%). При этом планы «десталинизации общественного сознания» граждане России категорически не одобряют, утверждая, что она исковеркает историческое сознание, сделает его однобоким (45%). Только 26% склонны думать, что «десталинизация» поможет России двигаться дальше, осознав ошибки прошлого. При этом четверть русских (24%) сообщили, что их семья пострадала от сталинских репрессий (27% пять лет назад). Из них подробности о жизни репрессированных родственников известны 10%, еще 14% знают только о самом факте преследований. Почти половина наших сограждан утверждают, что репрессированных в их семье не было (46%). Еще около четверти (26%) признаются, что ничего не знают о том, как репрессии повлияли на судьбу их родственников, причем неинформированных за последние пять лет стало больше (с 23 до 26%), а тех, кто знает о репрессированных родственниках – напротив, меньше (с 27 до 24%).

Близки и данные Левада-центра[2]: «Примерно половина (48%) русских считает, что разоблачение культа личности Сталина на XX съезде принесло стране пользу. Эта доля выше среди мужчин, предпринимателей, рабочих, специалистов, поколения 40-55-летних, людей с высшим образованием, хорошо обеспеченных, москвичей и жителей небольших городов. Почти четверть (22%), наоборот, думают, что XX съезд пошел во вред России. Больше таких среди пенсионеров и людей старше 55-ти, с низкими доходами, жителей средних городов. Остальные затруднились с ответом. Чаще всего это были студенты и молодежь в целом. Как ни странно, относительное большинство одобряет не только разоблачение сталинизма, но и – парадоксальным образом – самого Сталина. 42% считают, что роль Сталина в истории России положительная, 37% - что она отрицательная. Однако распределение этих ответов то же: Сталина одобряют те же группы населения, которые осуждают XX съезд, и наоборот. 32% опрошенных считают, что Россия уже избавилась от последствий сталинизма, почти столько же – 30% - что еще нет, но постепенно их преодолевает. Почти равное число голосов набрали варианты ответа «И никогда не избавится» (12%) и «Это и не нужно: при Сталине было много хорошего» (11%).

Итак, в социологическом ракурсе картина весьма противоречивая. Но что это означает? На наш взгляд, необходимость бережного отношения к истории, недопустимость однозначных решений. Перефразируя известные слова, что «каждый народ имеет то правительство, которое имеет», можно сказать и то, что «каждое правительство имеет народ, который имеет». И, соответственно, любая политика, любое воспитание – в том числе – и патриотическое воспитание (как основная проблема данной монографии) должны разрабатываться и осуществляться с учетом реального уровня массового сознания народа или конкретных социальных групп. Задача и долг гуманитарных наук (социологии, истории) – объективно фиксировать этот уровень.

Удалось ли авторам монографии выполнить эту задачу судить нашим читателям.

---

[1] http://www.regions.ru/news/society/2353313/
[2] http://www.regions.ru/news/nations/2348229/

А.А. Айвазян, к.полит.н.
(УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург)

Методология гражданственности и гражданское самосознание

Проблемы и особенности гражданственности в молодежной среде анализируются и прогнозируются на основе, прежде всего, социологических исследований. Но не менее важной проблемой «здесь» и «сейчас» – в нашем российском обществе и государстве, для нашей молодежи – является проблема *полицентричности моделей понимания патриотизма и гражданственности*. Кто такой идеальный гражданин? Кто такой идеальный патриот? Вариантов определений (порой, прямо противоположных) может быть бесконечное множество. Негативно оценивая современную молодежь («Они – не патриоты…», «У них нет ценностей…»…), любой взрослый человек вкладывает свое субъективное понимание этих ценностей. При этом вкладывается собственный образ патриота и/или гражданина. И таких образов оказывается бесконечное множество. Как преодолеть субъективность, ангажированность, как объективировать *«пространство образов»*?

На наш взгляд, прежде всего, необходимо очертить методологические *«границы понимания»* этих образов, моделей, т.е. ответить на вопрос – что же не является «гражданственностью»? Какому феномену противопоставляется «гражданственность»?

Методологическое исследование связано с рядом сложностей и проблем. Любая методология представляет собой систематизированную «схему», целостную конструкцию, имеющую рамки самоограничения. Попытка методологического анализа категории гражданственности не может быть не связана со схематичностью и определенно установленными рамками понимания. Отдавая отчет в этом, мы, преднамеренно, изначально обрисовываем контуры понимания гражданственности: какое общество является гражданским, какое – нет; гражданин какого государства обладает гражданским самосознанием, какого – не обладает. Такая условная жесткая дифференциация «гражданского» и «негражданского» позволит определить базовые признаки этих понятий и придерживаться методологической последовательности. Совершенно очевиден умозрительный подтекст *«гражданских»* категорий (гражданское общество, гражданская культура и т.д.). В пространственно-временном континууме гражданственность выступает как качественная характеристика развитости общества, гражданских прав и свобод личности и т.д. – уровень социально-политической реальности примеряется нормами априорно выстроенной научным сообществом модели.

Гражданственность, в большинстве своем, моделируется *в трех ракурсах:* в антропологическом (*гражданин*), социальном (*гражданское общество*), и политическом (*демократическая политическая система*).

Человек становится гражданином государства с определенного возраста, юридической регламентации «гражданства» государства. Де-юре, он получает определенные права и обязанности по отношению к этому государству. Де-факто, он может их не ощущать, ими не воспользоваться. К примеру, в тоталитарном политическом режиме (если не брать случайности) человек не ощущает своих прав, свободу на свои права. Если с юридической точки зрения граждане двух государств могут иметь равные права и обязанности, то де-факто, они могут быть разные в зависимости от типа политического режима каждого государства. Свобода – базовый признак гражданственности. Она не ощущается в тоталитарном режиме. Стало быть, говоря о гражданственности человека, мы не можем не упомянуть его субъект-объектные взаимоотношения с *государством:* в каком государстве он живет, осуществляются ли его права в этом государстве.

Человек – государство, государство – человек, от этих взаимоотношений во многом зависит мера гражданственности. В этом аспекте человек – политическое существо (Аристотель), структура гражданственности которого содержит в себе, прежде всего, элемент политического. Политичность в контексте гражданственности мы рассматриваем в узком «демократическом» значении. И взаимосвязь человека с государством (как взаимосвязь двух структурообразующих элементов гражданственности) есть взаимосвязь человека не с

идеоцентричным или теоцентричным типом политической системы, а с демократическим.

Другая ипостась гражданственности – *гражданское общество*. Нас интересуют его реальные эмпирические признаки. По определению, это – общество, относительно независимое и свободное от государства. А характеристика человека в таком обществе его независимость (материальная, интеллектуальная, моральная) от самого общества и от государства. В данном аспекте из анализа исключается традиционное общество (в духе «общности» Ф. Тённиса). Под последним можно понимать тот его тип, где доминирует формализованная культура, где действия человека детерминируются традицией (религиозной, культурной, идеологической), обычаями, обрядами. В традиционном обществе существует оппозиция: свой-чужой, друг-враг, нет свободы действий. Есть определенные табу, через которые нельзя перешагнуть. Человек детерминирован в своих действиях скорее кровно-родственными, морально-этическими, культовыми императивами, нежели свободно рациональными, критическими соображениями.

Если воспользоваться терминологией Ф. Тённиса («общество» и «общность»), то применительно к «*гражданскому*» и «*традиционному*», первое – «общество», второе – «общность». К основным социальным институтам *гражданского общества* он относит ассоциации, корпорации, общественные организации. *Традиционная общность* функционирует благодаря общине, семейным, родовым, соседским связям. *Гражданское общество* направлено в будущее, *традиционная общность* живет прошлым. Но, с другой стороны, «традиционность» – еще не «консервативность», если под последней понимать «поле напряжения между традицией и новизной»[1]. В консервативном обществе традиция – всего лишь индикатор политической культуры, но не самоцель, как в традиционных общностях. Поэтому традиционная общность – «догражданское» состояние, а консервативность «включается в пространство гражданственности».

Само «пространство гражданственности» («цивильности», «цивилизации», от «civil») замыкается в определенных парадигмах, сформированных научным сообществом и *становится мультипарадигмальным. Тем самым, гражданственность – интегральная характеристика норм, ценностей, образцов поведения человека в определенном политическом времени и пространстве.* Гражданственность определяется имманентным состоянием человека, общества и государства, а *гражданское самосознание личности* – это имманентная личности рефлексия общественного и политического сознания. И процесс развития самосознания человека (формирования самосознания личности) связан с воздействием *государства* и *общества* на *человека*. Анализ этого процесса начнем с описания основных *императивов «государства» и самосознания личности в контексте политического и гражданского.*

«Государство» можно рассматривать и как «часть», и как «целое» (П. Рикёр). Как «*часть*» государство – социальный институт, организационно-управленческая подсистема политической системы. И одним из главных элементов его функционирования является идеологический механизм правящей партии или правящей элиты в целом. *Идеология или идеологии* – тот императив, посредством которого происходит влияние государства на сознание индивида, то есть, субъект-объектное отношение. «Идеология регулирует, интегрирует и направляет деятельность индивидов во всех сферах жизни общества... Правящая идеология – это не только идеологическое учение, но и четко организованная целостная структура, которая пронизывает все общество, выступает интеллектуальной основой его формирования»[2].

Нас интересует то «пространство» идеологий, которое конституирует политику, а не детерминирует ее. Это «пространство» идеологий «гражданских» партий – «пространство» от левоцентризма до правоцентризма, не радикальное «пространство». Хотя дихотомия левые/правые довольно-таки условная. Можно согласиться с мнением Ю.Н. Давыдова, что «в прежней триаде – центр, левые, правые – в рамках которой преимущество обеспечивалось

---

[1] Абелинскас Э.Ю. Консерватизм как мировоззрение и политическая идеология (опыт обоснования). Екатеринбург. 1999. С. 26.

[2] Человек и общество: Краткий энциклопедический словарь – справочник (политология). Ростов-на-Дону. 1997. С.158-159.

силам, ориентированным на прогресс, ... намечаются изменения: в самом существенном пункте левые оказываются гораздо ближе к правым, чем к центру (как это было прежде)»[1]. Классические либеральная и консервативная идеологии трансформировались в неолиберализм и неоконсерватизм. Если неолиберализм добавил этатистские функции к свободам личности, социальную ориентированность государства, то неоконсерватизм пересматривает формулу «все, что новое – чуждое» и одобряет самоуправляемость общества. Таким образом, нельзя усмотреть существенной разницы между этими двумя идеологиями, в частности, и между идеологиями в пространстве «гражданственности» в целом. В современных политических процессах идеология – не цель, а средство в политических играх. В решающий для игры момент любой политический субъект может не воспользоваться этим средством и, более того, он может применить другое средство, другую идеологию (или идеологему). Только при этом другая идеология (согласно принятой нами методологии) должна находиться в «пространстве гражданственности», иначе не будет политики, не будет игры, и идеология будет детерминировать политику (как в тоталитарных режимах).

Стало быть, неоконсерватизм, неолиберализм как основные идеологии демократического режима (хотя имеют место и многие другие узконаправленные идеологии, например, идеологии «зеленых», феминистские, пацифистские движения и др.) вбирают в себя все человеческие блага. Они адресуются ко всем слоям, учитывают их интересы и потребности. Различие только в базисных ценностях и направлениях этих двух идеологий. Можно говорить о биполярности «гражданских» идеологий: с одной стороны, вечное «совершенствование» политической системы – прогресс, вечный идеал, с другой стороны – имманентное воспроизводство «самого себя»: своих национально-государственных лидеров, героев, архетипов и т.д. Это тенденция к глобализации, к «стиранию» границ, стремление к «гражданскому миру», с одной стороны, и локализация каждой политической системы, с другой.

Поэтому, идеология (как мысль) «уже «вышла» за пределы себя самой в своем собственном бытии, уже не является более только теорией; когда она мыслит, она ранит или примиряет, сближает или разделяет, она разрывает, расчленяет, она соединяет и воссоединяет, она уже не может не освобождать и не порабощать»[2]. Происходит «деидеологизация» мысли (Р.Арон, С.М.Липсет, К.Поппер). Но идеология – не только мысль, не только теория сама по себе, она является средством достижения конечных целей для политической партии – власти. А к власти «приводят» политического акто́ра граждане, электорат. Мы подходим ко второму императиву политики, уже *непосредственно влияющему на гражданское самосознание личности (в части его политического сознания) – политическим технологиям.* Возникновение технологий, надо полагать, есть результат того времени, когда играть в политику стратегическими средствами (например, идеологиями) стало невозможно. Политика приобрела бифуркационно временной характер: все решает ситуация, обстоятельства, условия политического поля «здесь» и «сейчас».

Программы партий и движений, их стратегические цели и задачи («пространство идеологий») становятся недостаточно «доступными» для политического сознания общества. Появляются технологии, которые позволяют «внедрить» «пространство идеологий» в сознание электората, «подать» информацию на общедоступном и понятном электорату языке. При этом политический процесс делится на избирательные процессы, во время которых в максимально короткий срок и функционируют технологии. Средства массовой информации выполняют роль ретрансляторов, коммуникаторов политической информации. При этом сознание каждого индивида не просто принимает информацию, но и находится под ее психологическом воздействием. Здесь индивиду важно превратиться из «объекта» в «субъект» (в этом его гражданская, политическая сущность). Из широкого спектра вариантов, своих представителей в политическом сообществе человек должен выбрать самостоятельно, сохраняя психологическую дистанцию между огромным массивом убеждающей информации и собственным рациональным выбором, используя собственную политическую организованность (уро-

---

[1] История теоретической социологии. Т.1. М. 1997–1998. С.485.

[2] Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб. 1994. С. 349.

вень политической социализации). Человек как субъект сам *осознает* свой выбор, если обладает *гражданским самосознанием* (в данном случае, в политическом понимании). Здесь различие между политическим сознанием и гражданским самосознанием индивида заключается в том, что обладание политическим *сознанием* – необязательно *о-сознание – самосознание*.

Но вернемся к информационно-политическим технологиям, к современным средствам трансляции и ретрансляции политических идеологий или идей. Они являются средствами политических актóров для достижения власти. При этом *«поле власти»* понимается «как пространство игры, внутри которого владельцы капитала (разных его видов) борются именно за власть над государством, то есть над государственным капиталом»[1].

Если борьбу за «власть» можно представить как определенную «игру», то политическое поле можно сравнить с «зеленым сукном» казино. Каждый игрок делает ставки и играет, применяя профессиональное мастерство и ловкость. При этом есть правила игры (Закон в политическом «поле»), которые нельзя нарушать, хотя наиболее ловкие и изощренные игроки применяют нестандартные способы игры, нарушая правила де-факто, но де-юре оставаясь «законопослушным» (в политическом поле – это «черный PR»). Цель игры – выигрыш «капитала» (в политическом поле – «государственного капитала»). Только, в отличие от карточной игры, игра «в политику» осуществляется в присутствии электората, она нацелена на электорат, и выигрыш в этой игре зависит от выбора электората. А что касается «ставок» игроков, то они различны, нет равных возможностей. Конечно же, играет роль профессионализм «игроков», но зачастую количество «ставки» играет решающую роль – «экономика определяет политику» (К.Маркс). «Гражданственность» относительно экономической базы политических игроков проявляется в «прозрачном» использовании ими установленной избирательным правом суммы денег (а не ее «превышение»). Свидетельством такого рода гражданской «зрелости» является реформирование, на практике (эмпирически) – финансирование предвыборных кампаний. «Общественное восприятие слишком сильного влияния «больших денег», а не идей на политику привело к переменам. Например, Канада, Великобритания, Испания, США, Япония, Австралия пересматривают или уже пересмотрели положение о финансировании предвыборной кампании. Одной из основных международных тенденций этого опыта является стремление к открытости через отчетность. Поскольку финансирование предвыборной кампании трудно контролировать, основной идеей является дать возможность избирателям самим решить, кто является лучшим кандидатом, и убедиться в том, что они знают, кто стоит за этим кандидатом. Отчетность является ключом к решению этой задачи»[2], т.е. отчетность – это «гражданский акт», который способствует сохранению демократического режима, политической открытости.

Итак, можно сказать, что *политические идеологии и политические технологии являются основными императивами государства как политического сообщества – как «части» общества. Они являются основными факторами влияния на политическое сознание человека: идеологии «доносятся» до человека посредством технологий. Эти два императива являются способом «проверки» гражданского самосознания личности и основным условием реализации политического процесса.*

Но государство еще и «целое» (идентично с обществом). Существует определенный «дух» «государства» в «обществе» и в «человеке». Один из современных ученых П. Бурдье, перефразируя цитату М.Вебера: «Государство есть человеческое сообщество, которое внутри определенной области – «область» включается в признак! – претендует (и с успехом) на монополию легитимного физического насилия»[3], считает, что государство претендует также на «символическое насилие». «Если государство в состоянии осуществлять символическое на-

---

[1] Бурдье П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика. М., СПб. 1999. С.136.

[2] Надо К. О международном опыте финансирования избирательных кампаний //Выборы и референдумы. №1. 1999. С.26.

[3] Цит. по: Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения М. 1990. С.645.

силие, то оно воплощается одновременно в виде специфических структур и механизмов и «субъективно» или, если хотите, в головах людей, в виде мыслительных структур, категорий восприятия и мышления»[1].

Государство – это политическое сообщество, социальный институт управления, оно «занимает» один из «срезов» сознания человека – политическое сознание, формирование которого происходит посредством навязывания «(в частности через школу) категорий мышления, которые мы спонтанно применяем ко всему, что есть в мире, а также к самому государству»[2].

Школа (в том числе и высшая) осуществляет образовательную и воспитательную функции государства. В школе воспроизводятся национально-государственные идеологические символы, мифы и т.д. Это те «максимы», которые государство «внедряет» через школу в политическое сознание общества. Процесс формирования политической социализации индивида (подростка) начинается в школе. У выпускника школы (почти гражданина) формируется гражданское самосознание. Во всяком случае, это цель, которую ставит перед собой любое демократическое государство. Это – должное. Но достигается ли оно в сущем. Например, гуманитарные дисциплины «внедряют» в сознание подростка элементы гражданственности, гражданской культуры, имманентные национально-государственной общности: это основные положения Конституции, национально-государственные праздники, символы, мифы, герои, то есть исторически преемственные, устоявшиеся «отборные» элементы политической культуры. Но существование индивида *со-временно*, он живет в определенное политическое время. И происходящий в нем (во времени) политический процесс вносит свои коррективы, изменения в политическую социализацию индивида.

Итак, попытаемся резюмировать соотношение «политического» и «гражданского» в ракурсе «государства». Гражданское самосознание личности, на которое влияют императивы государства (и как «целого», и как «части») содержит элементы должного, идеального. Любой идеал имеет морально-этическую сущность. Стало быть, соотношение «политического» и «гражданского» необходимо рассматривать с морально-нравственных, ценностно-нормативных позиций. «Политика предстает в качестве сферы осуществления стремления к благой жизни. Вот почему в начале «Никомаховой этики» Аристотель вводит политическую связь как реализацию преимущественно этических целей»[3]. Это «стремление» политики есть должное, перспектива, идеал. А какова политика в сущем, насколько она соотносится с моралью? И. Кант считал, что «истинная политика не может сделать шага, не присягнув заранее морали»[4]. Гегель же по этому поводу заметил, что «нравственная субстанция, государство, имеет свое наличное бытие, то есть свое право, непосредственно не в абстрактном, а в конкретном существовании и что лишь это конкретное существование, а не одна из многих считающихся моральными заповедями мыслей может служить принципом его деятельности и поведения»[5].

Надо полагать, вопрос об отношении морали к политике не простой. Как реальность, политика считается «грязным делом» и нередко выступает по ту сторону от морали. И в то же время «пространство политических идей и идеологий» всегда «окрашено» морально-ценностными императивами. *Это противоречие «снимает» соотношение политики и гражданственности как соотношение демократического «сущего» и вечно идеального «должного». Такое соотношение можно сравнить с соотношением «нравственности» и «морали», где первое – это «политика», а второе – «гражданственность».*

Политика – нравственна (имеет свои «нравы»), она находится во времени и пространстве. Политика «здесь» и «сейчас» отличается от политики «там» и «тогда» или «там» и «сейчас»

---

[1] Бурдье П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика. М., СПб. 1999. С. 133-134.
[2] Там же. С. 127.
[3] Рикёр Поль. Герменевтика. Этика. Политика. М. 1995. С. 46.
[4] Кант И. Сочинения. В 8-ми т. Т.1. М. 1994. С.49.
[5] Цит. по: Мерло-Понти М. От Мосса к Клоду Леви-Строссу // Мерло- Понти М. В защиту философии. М. 1996. С.88.

– она всегда относительна, всегда проявляет свой «характер» («нравы»).

Гражданственность исходит из морали, она, в некотором роде, недосягаема. Это абсолют, к которому человек всегда стремится, постоянно совершенствуется. Это – не «бытие» (как политика), а «становление». Гражданственность, как мораль трансформируется во времени и пространстве за счет «части» политики (как нравственности), той «части», которая может становиться моралью. Но в этой трансформации не меняется суть, содержание, меняется лишь форма. Стало быть, гражданственность есть содержание, политика – форма. Первое без второго не может существовать так же, как второе без первого. Там, где нет политики, нет гражданственности и, наоборот. Но гражданственность – это не только политика, вторая только придает «форму» первой, совершенствует и «двигает» ее. В первом приближении гражданское самосознание личности («содержание») имеет необходимую ему «форму» – *политическое сознание*. Последнее воспроизводится с помощью государственных императивов. Есть ли другие формы гражданского самосознания? Возможно ли оно без политического сознания? Для ответов на эти вопросы рассмотрим гражданское самосознание личности с позиции «общества».

Если государство как часть (политическое сообщество) и как целое («дух» государства) воспроизводит и транслирует свои ценности, символику, формализуя и кодифицируя их целерационально, то «общество» (как в локальном, так и в глобальном его понимании) культивирует «себя» (культивируется) в большинстве своем хаотически, иррационально, архетипически.

Проанализируем основные императивы локального общества как основания для развития гражданского самосознания личности.

Человек, уже родившись, является носителем общественного сознания и национально-традиционной культуры. Важную роль в процессе культивирования общества играют *архетипы* (предшествующие формы), которые составляют содержание коллективного бессознательного, которое «представляет собой часть психики, которую в терминах отрицания можно отличить от личностного бессознательного по тому факту, что первое не обязано своим существованием, в отличие от последнего, личному опыту и, следовательно, не является индивидуальным приобретением. Элементы коллективного бессознательного своим существованием обязаны исключительно наследственности»[1]. И прежде, чем развиваются рациональные элементы, в структуре сознания человека имеют место иррациональные, подсознательно-наследственные элементы. Они – «часть» коллективного бессознательного, национально-традиционных механизмов, где основу традиции составляет феномен «вечного и непрерывного мышления»[2]. *Здесь стирается грань между генезисом сознания человека, отдельно взятого индивида, основу которого составляет дорациональное, архетипически «подчиненное» мышление, и генезисом общественного сознания, основу которого также составляет дорациональное, догражданское (по политическому времени) традиционное мышление.*

«Коллективное общественное сознание локальной общности ... практически самодостаточно и не испытывает особой потребности и необходимости ни в ином теоретико-концептуальном знании, ни в специализированных средствах его трансляции. Главной и (постепенно) единственной константой, централизованной институцией культуры, «организующей» идеологические и нравственные механизмы функционирования сферы коллективного сознания (и поведения) общности, становится церковь»[3]. Речь идет о теоцентричном догражданском, дополитическом времени, где преобладало традиционное сознание (господство Веры над Разумом). И это исторически догражданское сознание догражданского *общества* сопоставимо с генетико-архетипическим «уровнем» сознания (в части бессознательного) *человека*. *Предположительно, весь исторический процесс развития общественного сознания (от традиционного, догражданского по постиндустриальное, современное сознание)*

---

[1] Юнг К.Г. Сознание и бессознательное: Сборник. СПб. 1997б. С. 339.

[2] Там же. С.97.

[3] Кузьмин М.Н. Переход от традиционного общества к гражданскому: изменение человека // Вопросы философии. 1997. № 2. С.60.

воспроизводится генезисом гражданского самосознания современного человека. Это, по выражению Гегеля, «единство исторического и логического».

Следуя этой гипотезе, вернемся к роли архетипов в формировании гражданского самосознания. К. Юнг считает, что «только понимание своей архетипической природы, восприятие своего «нормального» несчастья sub specie aeterni (с точки зрения вечности - лат.) помогает человеку совладать с ним и обрести волю к жизни»[1]. К. Юнг полагает, что архетипы мешают проявлению сознательности: рефлексии, сомнения, мысленные эксперименты «чужды бессознательному, инстинктивному уму (mind) первобытного человека... Стремление человека прогнать инстинктивные порывы, его сопротивление инстинкту и есть та сила, которая создает сознание. Инстинкт принадлежит природе и стремится увековечить природу, тогда как сознание способно лишь стремиться к культуре или ее отрицанию»[2].

Культивирование «естественных» элементов общества происходит, предположительно, благодаря *образованию и воспитанию. Таким образом, последние факторы – своего рода, связующее звено между иррационально-архетипическими и целерациональными императивами. Язык, культура народа (так же как и императивы «государства») воспроизводятся в сознании ребенка воспитанием и образованием целерационально, они как бы «накладываются» на генетически-архетипический фундамент.* «Образование теснейшим образом связано с понятием культуры и обозначает в конечном итоге специфический человеческий способ преобразования природных задатков и возможностей». Надо полагать, именно образование формирует «рациональную» часть и создает баланс между сознательными и бессознательными элементами в структуре гражданского самосознания. Для Гегеля образование состоит в том, что «каждый отдельный индивид, поднимающийся из своей природной сущности в сферу духа, находит в языке, обычаях, общественном устройстве своего народа заданную субстанцию, которой он желает овладеть»[3]. Доминирование «природных сущностей» постепенно заменяется доминированием гражданственности культуры. Последнее и есть «заданная субстанция». Она рождается в «обществе» и «обществом». О*бразование – это связующее звено между культивированием общества и воспроизводством «государства». И если «содержание» образования есть культивирование локальной национально-традиционной культуры, то «форма» образования – есть воспроизводство национально-государственной культуры.* Содержание не бывает без формы. Гражданская культура культивируется в «обществе» и «оформляется» в государстве». В этом аспекте «общество» «входит» в «государство» (иначе эта была бы традиционной общностью без «государства»).

Таким образом, *политическое о-сознание своей сущности есть первая «форма» гражданского самосознания личности.* Это – результат политической социализации индивида, процесса[4], «в котором в несколько этапов под влиянием прежде всего типа семейных, властных отношений, а затем отношений со сверстниками формируется определенная картина политического мира», – а также *о-сознание* своей политической социализации. Гражданское самосознание политически социализированного и осознанного индивида есть психологическое ощущение своих обязанностей, своей роли в политическом процессе. Он обладает набором знаний, адекватных политическому времени и пространству, когда и где он существует. В структуре его сознания преобладает рациональное мышление, которое регулирует иррационально-эмоциональные порывы, не дает выплеснуться «антигражданским» элементам (проявлению радикальных политических мыслей и поведения).

Итак, *политическое сознание индивида, в котором с рождения заложены наследственно-генетические архетипические элементы, развивается под воздействием императивов «общества» – локальной общности (семья, этнос, нация), главным образом воспитания и образования – и под воздействием императивов «государства» – идеологий, технологий, образо-*

---

[1] Юнг К.Г. Сознание и бессознательное: Сборник. СПб., 1997. С.10.
[2] Там же. С.14.
[3] Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1998. С.51; 56.
[4] Шестопал Е.Б. Человек, политика, психология (материалы круглого стола) // Вопросы философии. № 4. 1995. С.8.

вания. При этом степень политической осознанности индивида прямо пропорциональна степени осознанности себя гражданином, первой формы гражданского самосознания.

Можно допустить, что гражданское самосознание личности ограничивается этой формой – психологическим ощущением себя гражданином «своего» государства, политическим «субъектом» (а не «объектом»). Однако, согласно логике нашего исследования, гражданственность включает также неполитическую сущность человека, субъекта гражданского общества (или сообщества). Поэтому гражданское самосознание личности может иметь и второй уровень, вторую форму существования, для анализа которой необходимо рассмотреть *детерминанты гражданского общества как условия для дальнейшего развития гражданского самосознания (от первого до второго уровня).*

Неполитический «срез» сознания и культуры в целом (то есть еще и поведения) не может называться «гражданским», если индивид политически не социализирован (в той степени, в которой мы понимаем политическую о-сознанность). Отсутствие психологического самоощущения и самоосознания гражданства (гражданином государства) у индивида говорит о догражданственности его сознания. Хотя гражданственность индивида культивируется из традиционных, «извечных» основ локального общества, тем не менее она «оформляется» в «государстве» и «государством». Индивид – участник политического процесса (глобального или локального). При этом он может быть не непосредственным, а опосредованным участником.

Гражданственность общества культивируется высоким уровнем социализации индивидов, их независимостью от государства, горизонтальными «субъект-субъектными» отношениями. Субъект гражданского общества может не участвовать в политике, но он политически социализирован, развитие его самосознания прошло стадию политического о-сознания.

Поэтому культивирование личностного самосознания в гражданском обществе следует рассматривать, начиная *с первого уровня – политической социализации, которая является первым условием дальнейшего развития гражданского самосознания. Вторым условием можно считать уровень свободы личности:* внутренней и внешней. Необходима «психология самостоятельной, самодеятельной, потенциально не ограниченной в своей самореализации индивидуальности с ее могучей раскрепощенной энергетикой личной независимости и гражданской свободы, с чувствами собственного достоинства и чести и одновременно с тем – с грузом индивидуальной ответственности и долга, с установкой на всемерную активность, предприимчивость и инициативу, вытекающими из необходимости полагаться в этом огромном и изменчивом мире только на самого себя»[1].

Это – свобода «духа» (Гегель), внутренняя свобода. Но она находится в отношениях взаимозаменяемости и взаимозависимости с внешними факторами свободы. Можно согласиться с тем, что «условием существования гражданского общества является не объективно обусловленный порядок, а самодеятельность его членов и образуемых ими ассоциаций, то есть свободная, сознательная деятельность людей»[2]. Свобода проходит через весь спектр детерминант и императивов гражданского общества. И как одно из условий развития гражданского самосознания личности свобода детерминируется скорее внешними факторами, которые и обеспечивают личности самостоятельность, самоуправляемость, определенную независимость от государства. Ведь речь идет об обществе надгосударственном, наднациональном – о «мировом правовом гражданском обществе» (И.Кант). Личность в таком обществе по определению свободна. Но эта свобода достигается не только значимостью «быть», но и значимостью «иметь»...

Стало быть, *третьим условием развития гражданского самосознания (до второго уровня) можно считать частную собственность*. Последняя де-факто является признаком экономической свободы индивида. Априорные и апостериорные определения сущности и суще-

---

[1] Кузьмин М.Н. Переход от традиционного общества к гражданскому: изменение человека.– Вопросы философии. № 2. 1997. С. 62.

[2] Резник Ю.М. Гражданское общество как феномен цивилизации. Ч.2. Теоретико-методологические аспекты исследования. М. 1998. С.21.

ствования «среднего класса» есть ни что иное, как понимание экономикоцентричности гражданского общества. Устанавливается определенный имущественный ценз, по которому в «пространстве» Запада определяется человек из среднего класса – слоя, который составляет примерно 70-80 % в социальной структуре общества. Для глобального понимания общества такая схема вполне приемлема: человек – «гражданин мира» и волен сам выбирать «пространство» своего существования, для этого есть вполне конкретное условие – имущественный ценз, «прожиточный максимум» для «своего времени» и «любого пространства».

Однако логика нашего исследования проходит не только через «глобальное общество», но и через локальное общество (имеется в виду общество определенного государства). Исходя из этого, имущественный ценз детерминируется не только для западного пространства в целом, но и для локальных обществ с учетом неравномерного экономического развития последних. Поэтому одновременно с *имущественным цензом среднего класса* можно говорить об *имущественном цензе среднего слоя*, как о слоя экономически наиболее развитого но адекватного своему обществу своего государства. Ибо, исходя из методологии нашего исследования, это – политически о-сознанный индивид, у него есть психологическое ощущение гражданской принадлежности. Изолированный от общества и государства индивид не может быть субъектом гражданского общества.

Либеральный принцип – моя свобода кончается там, где начинается свобода другого – подводит нас *к другому наиболее важному условию развития гражданского самосознания – праву*. Последнее можно понимать в наиболее широком смысле: право внутреннее (морально-категорический императив) и внешнее (соотношение права и закона). Право, помимо своей объективной формы существования, – это «особого рода сложные эмоционально-интеллектуальные психические процессы, совершающиеся в сфере психики индивида»[1]. Это внутренние, морально-нравственные нормы, которых придерживается каждый индивид. Это самоощущение, самовосприятие мира, некоторый баланс между предубеждениями и осознанностью. В этом аспекте можно согласиться с предположением К. Юнга: «Одна из напастей, от которой страдает современный человек, – это раздвоение личности. И это не психология, а обычное явление, наблюдаемое повсеместно»[2]. К.Юнг полагает, что «единство» сознания «слишком легко ... порывается. А способность контролировать эмоции, весьма полезная с одной стороны, с другой выглядит довольно сомнительно, ибо лишает человеческие отношения разнообразия, яркости и теплоты»[3]. Отсутствие «единства» сознания и характеризует субъект гражданского общества. Человек целерационален, он ощущает нормы «договорного начала», ощущает меру личностной свободы. Но одновременно человек находится под воздействием своих предубеждений, комплексов, которые формируют темперамент и характер[4]. Эта двойственность: рациональное и эмоциональное – формирует баланс меры и срединности между эгоистичностью и человечностью, между дипломатичностью и принципиальностью, между разумом и темпераментом. Это и есть морально-нравственный категорический императив – *внутреннее право*.

«Внешнее право по своей сущности и, следовательно, по своему понятию – это исторически определенная и объективно обусловленная форма свободы в реальных отношениях, мера этой свободы, форма бытия свободы, формальная свобода»[5]. В таком понимании право сопоставимо с нравственностью общества и Законом государства. Нравы общества (национальная ментальность, ценности, мораль, доминирующие в обществе) культивируются правами человека. Законы государства (нормы правоотношений, международные права, легитимация /демократической/ власти) также культивируются правами человека. Таким образом, можно предположить, что *баланс между «нравами» общества и Законами государства обратно пропорционален уровню развитости правовой культуры человека. Чем меньше разни-*

---

[1] Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т.1. СПб. 1909. С.84.
[2] Юнг К.Г. Сознание и бессознательное. Сборник. СПб. 1997. С.17.
[3] Там же. С.19.
[4] Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1998. С. 59.
[5] Нерсесянц В.С. Право и закон. М. 1983. С.342.

ца между «правами общества» и «правами государства», тем выше уровень правовой культуры человека, развитости правовой государственности. Правовая культура, помимо прочего, является фактором, соединяющим общество с государством: естественные составляющие гражданского самосознания и политического.

Еще одно, главное условие необходимо, на наш взгляд, для формирования второго (неполитического) уровня гражданского самосознания. Мы имеем в виду профессионализм и профессиональную культуру человека. Последняя определяется как «категория, характеризующая степень овладения профессиональной группой, ее представителями, специфическим видом трудовой деятельности в любой сфере общественного производства»[1]. Профессиональная культура способствует выделению определенной сферы деятельности, где индивид свободен. И можно согласиться с тем, что «всякая культура содержит некое стремление. Культура есть направленность, и направлена культура всегда на какой-то идеал, а именно идеал всегда означает «благо». «Благо» сообщества, благо здесь или где-то, теперь или потом» (Хейзинга)[2]. Таким образом, профессионализм формируется в профессиональном сообществе и сообществом. Последнее – не структурный элемент локального общества, а признак «глобальности» общества, надгосударственности, наднациональности. У этого типа сообщества нет политических границ. Оно выделяется только по профессиональному признаку. Можно говорить о политическом, экономическом, культурном, научном и др. сообществах. Профессионализм и профессиональная идентификация – важнейшие признаки современного человека, определяющие его свободу и ответственность, независимость и уверенность в себе. В условиях «стирания границ» и кризиса культуры, именно высокий уровень профессионализма и профессиональная идентичность обеспечивают человеку полноценное гражданское самосознание в духе ответственной свободы и свободной ответственности.

Итак, *политически осознающий себя индивид – человек, обладающий гражданским самосознанием первого уровня (самосознанием гражданина), может развивать свое самосознание до второго уровня при определенных условиях, детерминантах гражданского общества. Второй уровень можно назвать самосознанием субъекта гражданского общества.* При этом само гражданское общество можно понимать как «качественную определенность общества, определяемую уровнем развития индивида, степенью независимости его от общества и государства»[3].

Самосознание субъекта гражданского общества есть постижение существом собственной субстанции. «Субстанция духа есть свобода, то есть независимость от другого, отношение к самому себе. Дух есть само-для-себя сущее, само себя своим предметом имеющее, осуществленное понятие»[4]. Гегель весьма актуален, «субстанция духа» входит в контекст гражданского самосознания, если только добавить к ней внешние условия.

Итак, *гражданское самосознание личности, как и гражданственность в целом, содержит элемент идеальности, умозрительного должного конструкта. Но должное возникает из сущего и материализуется в сущем. Поэтому можно говорить о сущности гражданского самосознания личности, которая представляет собой ряд имманентно-рефлективных самооценок, осознанного восприятия своих прав и обязанностей в обществе и государстве, самоощущения своей роли (непосредственной или опосредованной) в политическом процессе. Можно провести дифференциацию гражданского самосознания личности: первый уровень – форма самосознания гражданина; второй уровень – форма самосознания субъекта гражданского общества.*

Очевидно, что методологический анализ – попытка схематизировать «должное», унифицируя сущее. Методология очерчивает пространство возможного…, определяя границы и контуры этого пространства, а теория осваивает это пространство с различных уголков и по-

---

[1] Модель И. М. Профессиональная культура политика (методологические проблемы) / Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. Екатеринбург. 1994. С.64.
[2] Хейзинга Й. В тени завтрашнего дня. М. 1992. С. 259 – 260.
[3] Гайда А.В. Гражданское общество. Екатеринбург. 1994. С.27.
[4] Гегель Г.-В.-Ф. Сочинения. М., 1929. С.41.

зиций. Гражданское теоретическое пространство – многогранно, мультипарадигмально, специфично. В каждой теоретической концепции – свое иногда ангажированное (идеологически) обоснование социально-политической объективной действительности. Мы, в своем методологическом анализе, попытались не касаться этой действительности, но подразумевать ее *со-временность* и с глобалистских, и с общероссийских, и с антропологических позиций, тем самым, разворачивая и определяя поле для научно-теоретического дискурса.

Айвазян А.А., Ольховиков К.М., д.филос.н.
(УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург)

Представления о гражданственности и экстремизме: общее и особенное

Принципиальные основы представлений о гражданственности и экстремизме переплетаются в проблемном поле взаимности – невзаимности западных и российских политических акцентов. Россия попадает в «мертвую зону» западного политического понимания, в силу избыточной близости и раздражающе неустранимой конкурентности. Сюжеты гражданственности и экстремизма позволяют переоценить основные перспективы и риски политической социализации российской молодежи.

Мы хотим обратиться не к буквальным схождениям и расхождениям отечественной и западной политической мысли, но к принципиальным смысловым контекстам их соотнесения. Иначе говоря, рассмотреть возможности критической переоценки западных смысловых конструктов внутри российских политических представлений. Сюжеты гражданственности и экстремизма достаточно разноплановы, но тесно взаимосвязаны по своей злободневности. По своей сути, гражданственность идеологически «центрична», репрезентирует умеренность, соотнесенность и относительность сознания и поведения, а экстремизм идеологически «эксцентричен», радикален и репрезентирует абсолютность, догматичность и крайность сознания и поведения. Стилистически, гражданственность укоренена в историко-культурном контексте, а экстремизм – в актуально-нормативном. К тому же, экстремизм отмечен зловещими связями с политической социализацией молодежи. Но принципиальные основы представлений о гражданственности и экстремизме переплетаются в проблемном поле взаимности-невзаимности западных и российских политических акцентов.

Политический лексикон и исходные критерии цивилизованности, доминирующие в глобальном формате публичности, принадлежат западной традиции. Уникальные черты целого ряда социальных и культурных комплексов зачастую выглядят более чем странно в свете этих базисных представлений. При этом случай России имеет наиболее выраженную непредсказуемость, которая во многом обусловлена переплетением судеб Европы и России. При сопоставлении Запада с несомненным Востоком (Китай, Индия или даже мусульманский Восток) заведомо очевидны базисные контрасты; обнаруживаемые совпадения непредсказуемых нюансов воспринимаются как чудесный симптом сближения и творческого союзничества (формула «Запад есть Запад, Восток есть Восток», принадлежащая Р. Киплингу). Таким образом, Россия попадает в «мертвую зону» западного политического понимания, в силу избыточной близости и раздражающе неустранимой конкурентности, обосновываемой всякий раз достаточно непредсказуемыми резонами.

Традиция западного интеллектуализма основана на социальном статусно-ролевом наборе гражданина. Тяжеловесная восточная сословность, иудейская теократическая идентичность, духовный радикализм ислама, а более всего – «грех» русской интеллигенции (примем эту нарицательную формулу «Вех») качественно несовместимы по своим смысловым установкам с установками западного политического понимания. При этом опять-таки именно русская конфигурация идейных расхождений с Западом наиболее болезненна, поскольку сочетает детальность взаимных претензий с тотальностью географических, конфессиональных, психологических соседств и различий. Иначе говоря, именно отношение Запада к России позволяет выдающимся западным интеллектуалам проговаривать собственное политическое бессознательное. В таком сценарии Россия не имеет никаких шансов оправдания средствами

западной политической гражданственности в глазах западной элиты.

Однако несовпадение реалий и их оценок составляет не только проблему западного интеллектуализма, но в не меньшей степени порождает проблему современного российского политического самосознания. Европейский лексикон, помноженный на разницу дискурсивных практик, порождает болезненную рефлексивность суждений о судьбах России в современном мире. Будучи исторически и культурно взаимосвязанной с Западом, Россия не может решать собственные проблемы, не преодолевая всякий раз этой культурной пропасти внутри себя. Едкая несправедливость западных нападок на Россию нужна нам не для самобичевания, но для эффективного ответа на общечеловеческие вызовы, порожденные западной цивилизацией. Эти вызовы не нашли адекватного ответа в инструментах западной цивилизованности и культуры. Очевидно, разные способы, а также потенциальные ресурсы реагирования на эти проблемы непосредственно связаны с иным статусом культуры в российских цивилизационных процессах. Провалы и прорывы России лишь подчеркивают ее статус великой державы, великой культуры. Но культурное лидерство не так очевидно, не так массово и объективировано, как лидерство цивилизационное, принадлежащее до наших дней Западу.

Наибольшей отчетливостью в современных политических оценках обладают темы гражданина (свобода человека, его права, институционально гарантированные способы публичного действия) и экстремизма (бунт, сепаратизм, механизмы достижения публичной справедливости). На наш взгляд, между этими смысловыми сюжетами существует глубинная связь, которая не сводится лишь к генетическим обстоятельствам, но в значительной степени генерируется и поддерживается способами актуализации иногда совершенно конкретных событий, их оценок, взаимности-невзаимности ожиданий и контекстов. Индикатором проблем гражданского самосознания и его рисков в России стали процессы политической социализации молодежи.

Гражданин – ключевой смыслообраз европейской (в широком смысле) рациональной политической мифологии. Этот сюжет тематически наполняет базисные историософские и философские проблемы российской государственности, по преимуществу в преломлении широких интересов русской интеллигенции во все времена ее существования. Вопросы о русской ментальности, о версиях происхождения государства, о поисках виновных в разные периоды истории (кто виноват?), о путях развития России, и тому подобные – возникали всегда. Отвечали на них, обосновывали различные версии не только философы, но и писатели, художники, ученые. В этом тоже просматривается иной способ позиционирования российской интеллигентности на фоне западного интеллектуализма. Попытаемся раскрыть основные факторы, детерминирующие ход развития истории и специфику российской цивилизации, через их наполнение темой гражданственности.

Остановимся на геополитическом факторе (евроазиатская сущность государства), социоструктурном факторе (специфика российского общества), религиозном факторе (сущность православия).

Геополитический фактор. Со времен Киевской Руси (IX в.) до формирования российской цивилизации (по мнению Л. Гумилева – XIX в.) российское государство постепенно и экстенсивно расширялось в территориальных размерах и в этническом составе. Философ Филофей (ему принадлежит концепция «Москва – третий Рим») одним из первых отмечал эту особенность в качестве «мессианской роли русского народа». И, очевидно, что в отличие от Римской империи, которая сформировалась в результате завоевательных походов, Россия расширялась за счет других геоэтнических территорий в результате освобождения их от других завоевателей. Полиэтничность России – ключевая составляющая геополитического фактора. Способствует или тормозит формирование гражданственности, гражданского общества множественность этносов в одном государстве?

У каждого этноса свои традиции, свой менталитет, свой язык, своя культура. Но потребность сосуществования в одном государстве создает потребность надэтнической идеи. Именно таковыми можно считать в политической истории России государственно-гражданские конструкты «Москва – третий Рим», «Евразийство», «Славянофильство» и т.д.

Это – объединяющие все народы России (во главе с русским) национальные идеи, надэтнические, по своей сути, политические идеи. Россия представляет собой нацию, которая в разные периоды политической истории мобилизовалась именно под такие идеи.

Таким образом, геополитический фактор Восток-Запад, многонациональность, огромные географические размеры отражают уникальность российской цивилизации. Поэтому, изначально, Россия тяготеет к *государственной гражданственности.*

«Антигражданственностью» (с позиций геополитического фактора) можно считать доминирующие в российской истории радикальные политические процессы – крайность, напряженность политического поля: бунты, смуты, революции, которые сменялись тотальными режимами в разных формах. Эти моменты и определяют крайности, исторически проявляющиеся в политической культуре общества, ее поведенческий аспект – подданнически-патриархальный тип сменялся активистски-революционным типом.

У нас есть основания утверждать, что в российском обществе созревали «гражданские» слои, которые с определенного времени (примерно с XIX в.) начали давать «плоды». С этой целью займемся анализом *социоструктурного фактора*. Основой «гражданского общества» (в западном смысловом контексте) является средний класс, появление которого в российском обществе современные ученые относят к XVIII в. Зачастую упоминают о заслугах Петра I как «создателя среднего класса нового типа», подразумевая интеллигенцию, офицерство, чиновничество, купеческо-предпринимательское сословие. Или такое утверждение: «В России XVIII в. сложилось гражданское общество, членами которого были помещики, получившие право частной собственности на землю и прикрепленных к ней крестьян...»[1]. Далее речь идет о дворянской революции, которая длилась весь XVIII в. и «завершилась Указом о вольности дворянской Петра III и Жалованной грамотой Екатерины II, согласно которым дворянское гражданское общество получило независимость от государства и институционально закрепленные формы организации»[2].

Полагаем, что вышеназванные утверждения о формировании среднего класса в России с XVIII в. весьма сомнительны. Во-первых, «дворянское гражданское общество» не могло быть полностью независимым от государства – абсолютной монархии. Во-вторых, нельзя говорить о гражданском обществе (как «части» всего общества) при крепостном праве в аграрной стране, где большую часть общества (около 80 %) составляло крестьянство. В этом плане уместна аналогия российского общества с древнегреческим обществом. В социальной структуре полиса необходимо видеть не только гражданское общество (граждан), но и оставшееся большинство общества – рабов. Последними в российском обществе можно считать крепостных крестьян, хотя положение свободных крестьян было не лучше. То есть нельзя говорить о «цивильности» (от «civil» – гражданский) всего общества, если «цивильной» оказывается меньшая его часть. И хотя есть основание полагать, что с XVIII в. в России формируется средний слой, говорить о «среднем классе», тем более о «гражданском обществе» (средний класс – еще не гражданское общество) в тот период, не совсем убедительно.

Предвосхищая возможную критику относительно дифференциации общества на «большинство» и «меньшинство», необходимо отметить, что «цивильность» – гражданственность как феномен Запада не есть абсолютная ценностная характеристика, а представляет собой онтологическое измерение российского общества с позиций общезападного «гражданского пространства». Здесь уместно говорить о «неодновременности» как «несовременности» отдельных обществ, переживающих процессы модернизации. В российском варианте процессу модернизации подвергалось не все общество, а сообщество – средний слой, который, в свою очередь, дифференцируется. Средний слой представляли не только и не столько помещики, «третье сословие», – то есть те слои, которые обладали имущественным цензом. Средний слой в России представляла и интеллигенция. Ключевский писал: «Когда среди нас стало водворяться искусство чтения и письма, с ним вместе появились и книги, и вместе с книгами пришла к нам книжная мудрость... Тогда русский ум припал гладко к книгам... С тех пор ра-

---

[1] Ленинизм и Россия / Под. ред. А.В. Гайды. Екатеринбург, 1995. С.9.
[2] Там же. С.9-10.

зумным и понимающим человеком стал у нас считаться человек «книжный», т.е. обладающий научно-литературным образованием, и самою глубокою чертою в характере этого книжника стало смиренномудрие личное и национальное. Так народился первый достоверно известный по письменным памятникам тип русского интеллигента».[1]

Именно *интеллигенция* (в более широком понимании этого слова) стала носителем «гражданственности» российского общества. Это была независимая (образовательный ценз) от государства прозападно ориентированная часть общества. Это был слой-гарант «гражданственности», который обеспечил окончательный поворот от традиционного – к политическому обществу как к парадигме «гражданственности государства». Но вместе с тем интеллигенция принесла с собой и многое из русского традиционного общества. К примеру, *духовность* – исконно российская черта, которая предположительно является одной из детерминант российской гражданственности.

Здесь мы подходим к третьему фактору – *религиозному*. «Правая вера» долгое время сдерживала формирование политического гражданского общества, если под одним из главных критериев последнего понимать процесс секуляризации. Католицизм, а позднее и протестантизм «растворились» в политическом поле Запада с Нового времени. Этому способствовали «жизненность», «практицизм» христианства, организационно укорененного в каноническом праве. Более того, религия на Западе становится социальным институтом, доминирующим в гражданском обществе, но не навязывающимся в конкуренты государству. Догматы православия, напротив, несли в себе духовно-аскетические черты. Общество оставалось традиционным. «Соборность» блокировала проявления индивидуализма. И хотя провиденциализм русского православия, Византийского наследия вносил в сознание интеллигенции потребность в рефлексии модернизационных процессов Запада, тем не менее до XVIII в. Россия оставалась теократическим государством. Можно согласиться с одним из современных политологов, который полагает, что «чем заметнее, активнее и даже агрессивнее западный секуляризм, тем более замаскированным (до определенного момента) становится обмирщение русского общества и, одновременно, реакция на этот секуляризм. Нечто подобное происходит и в других восточнохристианских культурах»[2].

Здесь хотелось бы вернуться к *духовности*, корни которой находятся в православии. Первоначальная, «аутентичная» духовность имела практический религиозный смысл. «Духовность» православного человека выражается в отречении от мирской жизни: верность Богу, религиозным обрядам, православному аскетизму; сострадание и соболезнование ближнему, покорность царю, посланнику Бога, доминирование Веры над Разумом. «Духовность» в светском понимании, где дух становится синонимом сознания, означает интеллектуальное совершенствование, развитие самосознания человека, многостороннюю образованность, т.е. доминирование разума над верой. В чем же проявляется духовность: в религиозной или светской сущности человека? Эмоциональную или рациональную составляющую она привносит во внутренний мир человека? Полагаем, что духовность, по своей сути, ориентирует на пренебрежение внешними условиями, материальным богатством, предполагает соучастие, содействие, общность. И если религиозная духовность – это общинность, коллективность, то светская духовность – это сообщность независимых (интеллектуально) личностей.

«Духовность» русского человека в XVI–XIX вв. не могла быть не связана с ее «гражданственностью». Надо полагать, что секуляризация (долгая и поздняя по сравнению с Западом) российского общества, его «гражданизация» (равно как и социализация, политизация) человека происходили с сохранением элементов православной духовности. Последняя причудливыми способами трансформировалась в светскую «духовность». Однако рационализация духовности, формирование светского российского человека не преодолели своей «первородной связи», сохранили черты (быть может, бессознательно архетипически) православной духовности. Поэтому гражданственность российского человека, гражданственность российской интеллигенции, аристократии, меньшинства российского общества имела свои *особенности*

---

[1] Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С.300-301.
[2] Салмин А.М. Современная демократия: очерки становления. М., 1997. С.214.

в виде неприятия частной собственности, со-общности (вместо независимых личностей), равенства и вольности (в русском понимании свободы), доминирования морально-этических ценностей.

Итак, вышеназванные эмпирические факторы Российской цивилизации позволили выявить принципиальные по сравнению с Западом особенности и границы российской гражданственности. Эти факторы позволяют говорить о России как о самобытной, но общецивилизационной политической системе, где гражданственность человека определялась, наряду с западными ценностями, также и традиционно-архетипическими российскими императивами. Это двойственное онтологическое измерение человека в политическом пространстве отразилось в теоретических изысках российских мыслителей, вплоть до всеединства В.С. Соловьева как самого известного на Западе русского философа.

Экстремизм – нарицательный способ исключения субъекта из числа носителей рациональной политической цивилизованности. Тема экстремизма дает повод наиболее резким взаимным упрекам России и Запада, отравляет внутреннюю среду возможного диалогического понимания современной российской политической жизни. Эта «печальная актуальность», к сожалению, не обнаруживает признаков угасания. Проводятся многочисленные исследования, конференции, семинары, дискуссии, касающиеся экстремизма в целом или различных его аспектов, в частности. Но, несмотря на публичный интерес к данной теме, целенаправленную политику государственных и муниципальных органов власти, усилия социальных институтов по профилактике и предотвращению данной социальной патологии, она не демонстрирует признаков угасания. Проблема усугубляется вопросами политической социализации молодежи в обществе, переживающем социетальную трансформацию. И именно молодежь максимально восприимчива к экстремистским настроениям и действиям.

Понятие *extremism* (от лат. *extremus* – крайний) – приверженность крайним взглядам и, в особенности, мерам. Понятию «экстремизм» ПАСЕ дала определение в 2003 г. Согласно этому определению, «экстремизм – это такая форма политической деятельности, которая прямо или косвенно отвергает принципы парламентской демократии». Из данного определения видно, что, во-первых, на международном уровне экстремизм понимается только в рамках политической деятельности (или действий), во-вторых, экстремизм – все то, что противоречит парламентской демократии. Если исходить только из политической природы экстремисткой деятельности, то, соответственно речь идет либо об ультраправых экстремистских проявлениях – фашистских или национал-социалистических, либо о леворадикальных действиях (или деятельности), что характеризуется классически анархистскими *абсентеистическими* проявлениями. Подобное понимание экстремизма редуцирует его сущность к юридическому рассмотрению этого разноплановой феномена. То есть экстремистскими называются те политические действия (или деятельность), которые находятся вне международного правового поля (западных политических представлений) и, соответственно, вне правового поля цивилизованных государств:

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;
- воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного

самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;

- совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации;
- пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;
- публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;
- публичное заведомо ложное обвинение лица, занимающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;
- организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;
- финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг.

Тем самым экстремизм как политическое явление (хотя в своей сущности может быть и религиозным, и этническим, и социальным явлением) и в России регламентирован юридически. Т.е. «крайность» акта определяется его незаконностью. А носит ли этот акт политический, религиозный или социальный характер – это уже второй вопрос. Но если мы говорим об основаниях данного явления, следует указать на его неразрывную связь с политической социализацией гражданина, с гражданской социализацией человека. А значит – необходимо исследовать истоки и основания экстремистских настроений, коренящихся в человеческой природе, понимая всю *многоликость экстремизма* как психологического феномена, который потенциально может привести к деструктивным действиям (или деятельности). Экстремизм – антропологическая изнанка гражданственности.

В этой связи можно предположить, что экстремистские настроения в сознании человека основаны на противопоставлении себя и другого (других) как своего и чужого, друга и врага. То есть любое противопоставление в сознании потенциально может формировать «крайнее» настроение (пока еще не действие или деятельность). На наш взгляд, превенция эффективна именно в отношении экстремистских настроений. Рассмотрим основные причины (факторы) вышеуказанных дихотомических противопоставлений в сознании молодого человека.

Возрастные особенности молодежи. Проблема «отцов и детей» – проблема на все времена. Возрастающая актуальность этой проблемы связана с нашей новейшей историей, как и с нашим советским прошлым. Воспитание «отцов» (родителей нынешней молодежи) происходило в СССР, а воспитание и социализация современной молодежи – «детей» – пришлись на время «новой» России. Тем самым, противоречие между общественным сознанием «отцов» и общественным сознанием «детей» проявляется в ценностных ориентациях – в исходных мотивациях мировоззрения в целом. Мировоззренческие ориентации советского человека исходили из приоритета коллективных идеологически ангажированных ценностей. «Экономического человека» как такового не было, был «идеологический человек». Современная молодежь ориентирована на ценности «экономического человека», на принципы рыночной экономики, в которой молодежь «живет» – социализируется. Тем самым формируется противоречие между социализацией молодого человека в обществе и его воспитанием родителями, перестроившимися осознанно в новую реальность, но пребывающими, архетипически и стереотипически, в советском прошлом. Разновозрастные поколения выражают разные способы соотнесенности с западными политическими представлениями о гражданственности. И одним из отражений этой ситуации является постоянная «ценностно-ориентированная двойственность» в сознании молодого человека.

Сегодня по-иному действует и *этнический фактор*. Л.Н. Гумилев определял этнос как «коллектив, противопоставляющий себя другому коллективу». Именно противопоставление является основной сущностью этнического самосознания. Любой этнос формирует и культивирует различные ценности (мировоззренческие, стереотипические, культурные, поведения). Вся этническая культура формируется под знаменами *противопоставления*. Представитель этноса идентифицирует себя с этой культурой и противопоставляет себя представителю другой культуры. Основанием для противопоставления являются стереотипы, которые носят, в основном, негативный характер. Каждый этнос позиционирован в общественном сознании посредством определенных стереотипов. Это – самая «болевая точка» в полиэтничной стране. Перед представителями этнических меньшинств (в особенности в национальных республиках – субъектах РФ) возникает выбор – либо оставаться бикультурным, либо ассимилироваться в титульный – русский этнос, чтобы быть в среде представителей титульного этноса «своим». А в сознании этнически русского молодого человека также возникает вопрос по отношению к представителям других этносов: «Почему в моей стране разговаривают на другом языке, демонстративно ведут другой образ жизни и, самое главное, идентифицируют себя с моей страной или еще хуже – чувствуют себя «хозяевами жизни»? Идея понимания России как «политической нации» (где этнический фактор – не приоритетный), которой в 1990-е гг. придерживались российские либералы, не прижилась и не приживется в нашей стране. На наш взгляд, генезис формирования российской государственности, процесс становления России как полиэтничного государства показывает другое «решение» этнического вопроса: несмотря на гетерогенный состав, в России приоритетным является русский этнос со своей мессианской ролью, где русская культура и русский язык сосуществуют с культурными мирами других этнических групп. Что, в свою очередь, возможно лишь при достаточно развитой государственной гражданственности – в противном случае мы имеем ситуацию, аналогичную постколониальной конфликтности этнических сознаний.

В не меньшей степени *трансформировался и религиозный фактор*, в ходе процессов клерикального ренессанса. Этот фактор является глубинным, исконным основанием для противопоставления своих и чужих ценностей. Любая религиозная конфессия – догматична и бескомпромиссна по своей сути. Любая конфессия предлагает свой вариант «единственно правильного мировоззрения» со своими ценностными установками, что не спасает религиозное сознание от внутренней напряженной борьбы за чистоту и аутентичность. Даже в рамках одной религии различные направления трактуют базисные ценностные установки по-своему. Например, сунниты и шииты в исламе, православие, католичество, протестантизм в христианстве и, наконец, старообрядцы и никониане, РПЦ в России и за рубежом. А последствием трансформации религии в этику поведения является формирование различных норм и ценностей, доминирующих в том или ином обществе, явно или скрыто, в виде архетипов сознания. Например, протестантская этика (которую достаточно подробно анализировал М. Вебер) со своей капиталистической ориентацией (одобрением частной собственности, благоприятной духу предпринимательства) резко отличается от православной этики – наиболее ортодоксальной в христианстве, содержащей в себе приоритет духовных ценностей и общинного существования. Носитель любой религиозной этики, так или иначе, противопоставляет себя (в основном бессознательно) носителю другой этики. При этом ситуация, описанная Вебером, касается четко очерченного религиозного образа жизни, а современная российская религиозность имеет явный диффузный характер, что сообщает ей нормативную непредсказуемость и статус потенциального ресурса острой конфликтности. Религиозные различия стали в современной России средством маскировки не-религиозной борьбы социальных групп. А отсутствие традиционных, узнаваемых демаркаций, включая иерархии, упрощает мобилизационное применение религиозных аргументов в обосновании экстремизма. Но экстремизм как таковой чаще основан не на подлинном религиозном фундаментализме, а на фундаментальных претензиях на религиозность, которая как никогда проблематична.

Даже *географический фактор* обретает новые смысловые конфигурации в современной России. «Географическая» природа противопоставлений основана на геополитических и ад-

министративно-территориальных размерах малой Родины, места происхождения человека: мегаполис, маленький город, село. В рамках методологии различных научных теорий (Ф. Теннис, К. Юнг, О. Шпенглер) – в так называемом культуркритическом направлении, возникла идея о том, что географический размер и тип населенного пункта места рождения и проживания в детско-подростковом возрасте определяет особенности восприятия жизнедеятельности и ценностные установки. В этом смысле, *элементы несовместимости между ценностными установками молодых людей, родившихся в мегаполисе и в маленьком городе, между подростками из деревни и маленького города неизбежны*. Это достаточно серьезная проблема, требующая междисциплинарных исследований. В сознании молодого человека очерчиваются «рамки» жизнедеятельности со своими установками, ценностями, нормами поведения, образом жизни. В мегаполисе сосуществуют молодые люди с различными «географическими рамками» сознания, что создает устойчивую взаимную потребность выражения этих противопоставлений «своего» и «чужого» любыми возможными средствами. В этой «неодновременности» (термин Э. Блоха), в этих различных «мирах» сознания могут рождаться проблемы непонимания, психологические комплексы, которые могут перерасти в агрессивные, «крайние» настроения. Российская провинциальность, российские столичные комплексы, включая конкуренцию «вторых» и «третьих» «столиц», дают богатую пищу конкурентым позиционированиям социальных групп, включая группы молодежи.

Противопоставления могут иметь и физиологические основания. Именно в подростковый период начинаются сравнения: кто лучше, кто красивее. Наиболее остро переживаются физиологические недостатки, что также может являться темой агрессивности и проявления «крайнего» поведения. Инструментальный характер подобных различий взаимосвязан с их непредсказуемой ситуативностью. «Физиологический» экстремизм прозрачен в качестве инструмента, остается в сфере неосознаваемого агента иных эксцентричных смыслов, работает как катализатор среды социальных предпочтений. В целом, у нас отсутствует расовая дифференциация по образцам западного постколониализма. Зато процветает стихийное хулиганство, основанное на стереотипах внешности представителей «неместного» населения. Очевидно, лишь наличие развитых комплексов внутренних авто- и гетеро-стереотипов может компенсировать подобное «нелицеприятие» в некоторых группах российской молодежи. Их беда в том, что они не вполне граждане России и не вполне носители русской культуры, или иной этнической культуры. И не стоит приписывать пороки, связанные с отсутствием гражданственности и культурности, российскому политическому самосознанию как таковому.

Наиболее остро противопоставления проявляются на почве социального статуса родителей. Здесь играют роль и экономический, и профессиональный факторы. Молодые люди сравнивают себя и других, ранжируют престижность профессии родителей, появляется элемент подражания, элемент противопоставления. Очевидная нестабильность институциональной среды в современной России не позволяет вполне артикулировать *стратификационные стереотипы*, характерные как для Запада, так и для Востока. В целом более понятны стилевые инструменты, маркирующие ранги социального престижа по «советской инерции», однако эта уходящая реальность чудовищно трансформировалась в представлениях постсоветской молодежи и носит откровенно случайный характер. Тем больше напоминают черный юмор западнические выпады против дефицита юридической справедливости в России, скроенные по антисоветским образцам и слабо подправленные «притянутыми за уши» фантастическими карикатурами «царской империи». Но фундаментальное непризнание специфических черт российской молодежи не дает нам повода абсолютизировать тотальную идентичность молодежи в современных обществах. Главный позитивный признак российской молодежи связан с возможностью формирования государственной гражданственности, не имеющей аналогов на Западе.

Природа противопоставлений, безусловно, различна. С одной стороны, это интересно – все люди разные. Но, с другой стороны, эта *«инаковость»* наиболее остро, иногда драматично переживается именно в подростковом и молодежном возрасте. Формируются мировоззрение, ценностные установки, происходит сравнение с другими и противопоставление себя

другим. Именно эти противопоставления могут являться основанием для экстремистских – «крайних» настроений. При этом проблема толерантности в России, а в особенности – в среде молодежи, отмечена печатью замаскированных различий, где наиболее проблематичным оказывается статус гражданственности. Поэтому «внешние» социальные призывы к толерантности совершенно не эффективны. Необходимо понимать и работать с «внутренней» природой – развивать психологическую способность человека уважать все чужое, не теряя своего. Ключевой фактор развития толерантности – баланс ценностных ориентаций человека и цивилизованности, культурной почвы и образованности, эмоциональности и рациональности, этничности и гражданственности. Именно этот баланс может быть препятствием для экстремистских настроений в сознании молодого человека. Такой баланс дает почву гражданскому самосознанию. Только человек, способный осознать свои чувства, настроения (взглянуть на себя со стороны), может их контролировать, может толерантно относиться ко всему чужому, не теряя себя. «Иное» и «чужое» можно и не понимать, но необходимо уважать и принимать как то, что сосуществует со «своим».

Таковы объективные факторы, способствующие избеганию рисков несформированной гражданственности в молодежной среде. Разумеется, этим не исчерпывается среда, вакантная для конструктивных политических представлений. Однако гражданственность как осознанная идея, отражающая смысловую среду политического становления личности, дает уникальный шанс и перспективу переоценки навязанных представлений о ресурсах российской политической культуры и цивилизованности. Соответственно, изнаночным контрагентом выступает чувственная идея экстремизма, отражающая политическую среду антропологического разрушения личности.

Современная Россия в очередной раз несет в себе уникальную возможность выражения ключевых политических смыслов гражданственности, составляющих шанс инструментального преодоления антропологических установок экстремизма. Эта задача затрагивает весь комплекс оснований политической социализации молодежи. Таковы фактические прагматические рамки категориального диалога России и Запада, интеллигентности и интеллектуализма. Интрига в том, что большинство сюжетов политического самосознания преодолимы не во внешнем диалоге, а в рефлексивной переоценке сталкивающихся установок. Понять другого можно, лишь поняв себя в отношении к этому другому и к самому себе. Российская гражданственность – это уникальная цивилизационная задача, разрешимая средствами российского культурного самосознания, это надежный антипод экстремизма. А экстремизм не уничтожим тотально, но управляем в качестве цивилизационной опасности, будучи смертелен в качестве нерешенной культурной проблемы.

Ю.Андреева, Е.Л. Омельченко, д.соц.н. (Центр «Регион», Ульяновск)

В лабиринтах нового молодежного патриотизма

События последнего времени в России и в Европе говорят об активном формировании молодежных солидарностей. Речь идет как о формальных молодежных движениях и партиях, мобилизованных сверху под определенные политические цели, так и о солидарностях, ядром которых становится поддержание определенных ценностей, разделяемых лидерами и большинством участников. Молодежь все активней начинает себя публично обнаруживать не только на «привычных» молодежных сценах, но и на различных «политических» арены: площадях, центральных улицах, съездах партий, Интернет форумах, блоговых порталах. С начала нового тысячелетия происходит переформатирование молодежных культурных сцен и арен. Среди лозунгов и знамен этих процессов просматриваются, пусть хаотично используемые идеи патриотизма, стихийного национализма и ксенофобии. Нередко выступления сопровождаются экстремистскими проявлениями.

Молодежь в России «спала» 15-20 после перестроечных лет. Молодежь Западной Европы активно осваивала пространства стилевых супермаркетов и отрабатывала рыночные практики, оформляясь в любимый маркетологами «глобальный молодежный сегмент». Молодежь

Восточной Европы, постсоветских стран и республик, с невероятной скоростью осваивали и адаптировали модели потребления и культурные практики своих западных сверстников. В это же время в разных уголках и странах происходит соединение /столкновение поисков свежих идей «национальных государств» и сообществ политическими элитами новых государственных формирований – со стихийными, неоформленными идеями разной молодежи о том, как и в каком направление строить идентичности (групповые, солидарные, национальные). В то время как ученые и публицисты по привычке продолжали говорить о молодежной аполитичности, ее отказе от участия в публичной политике, высоком уровне недоверия к власти, государству и силовым структурам, формировались и укреплялись ценности «новой» молодежи.

Стимулом к активному молодежному партстроительству послужили «цветные» события в Европе и бывших союзных республиках. Начинают разрабатываться молодежные проекты, призванные канализировать просыпающуюся и требующую публичности молодежную энергию. Официально поддерживаемая волна нового молодежного активизма частично опирается на национал патриотическую риторику, доставшийся в «наследство» комплекс национальной неполноценности, дополненный фантомными болями потерянного имперского величия и власти – это своего рода рационализация патриотизма ксенофобного толка. «Нормальная» молодежь, не включенная в субкультурные или политизированные сообщества, редко и ситуативно участвует в публичных акциях, но в их среде распространяется так называемая бытовая ксенофобия: от анекдотов – до повседневного неприятия «других» и «чужих». Эти настроения базируются на упрощенной картине мира, поп культурных интересах и практиках, поддержке патриархального гендерного порядка, стереотипической нормативности, обывательской морали и культе силы. Бытовая ксенофобия – благодатная почва для реализации национал патриотических проектов. «Продвинутая» молодежь отказывается от попсовой политики, но вольно или невольно начинает включаться в публичные дискуссии о ценностях национального самосознания (пример: латентная, а подчас и открытая борьба так называемых «про/фашистов» и «анти фашистов»). Активисты и правозащитники реагируют на открытые проявления экстремизма: стычки, столкновения, демонстрации, выступления, убийства, издевательства. С их помощью эти факты выводятся в публичное пространство и становятся предметом общественного обсуждения. Подобные исследования бесспорно важны. Однако нам как социологам в большей степени интересны бытовые проявления ксенофобии.

Из всех проявлений морального сознания, наверное, ни одно не вызывало такого разнообразия дискурсов, как патриотизм. Эта категория остается предметом «системной рефлексии» на протяжении всей истории российского/советского государства, включая поиски и интерпретации национальной идеи, художественные смыслы стремления к «вечному катарсису» и «великой истине», аппеляциям к «памяти войны» и пресловутому «национальному самосознанию».

Патриотизм, как некое «идеальное» понятие обладает собственной онтологией: его становление в описании морального чувства личности для социального означивания сейчас достигло своего апогея. За период исторических трансформаций, происходящих в стране, концепт «патриотизма» сузил свой объем, свелся к «преданности, любви, готовности защищать Родину» и расширил свое содержание, наполнившись дополнительными признаками различных индивидуальных трактовок, и интерпретаций. Анализ современных контекстов молодежного патриотизма[1] позволяет определить его как глубокий эмоционально-поведенческий молодежный конструкт, связанный с групповой идентификацией и практиками.

Часто критериями «патриотичности» или «непатриотичности» называются дискурсивно воспроизводимые категории, по наличию/отсутствию которых судят о собственном и чужом патриотизме. Например, знание истории своей страны и того места, где ты родился, знание истории своей семьи, своего происхождения, своих корнях, включенность в политические процессы современности и т.д.

---

[1] Используются результаты исследовательского проекта «Новый российский патриотизм», реализованного НИЦ «Регион» в г. Воркута (октябрь 2007 г.) и г. Санкт-Петербург (апрель 2008 г.).

Зафиксировавшись в языке, патриотизм, используемый как категория анализа глубинных чувств и стремлений молодежи, описывает не только их готовность жить и работать в стране и на ее благо, но и обладает рядом дополнительных смысловых оттенков. Для современных молодых в языковом архиваторе «патриотизма» не существует или это понятие амальгамирует в себе прошлую (старую), советскую, не модную, не современную, политически ангажированную специфику молодежных коннотаций патриотизма.

Конечно, контексты и смыслы патриотизма или того, что им называют субъективно принципиально неисчерпаемы, глубина этого морального чувства до конца вряд ли может быть осмыслена в рамках какого-то бы ни было дискурса, тем не менее, возможно хотя бы немного расширить рамки его однозначной «государственной» трактовки и обратить внимание на множественность индивидуальных разрешений совпадения гармоничного чувства личности и реальных государственных идеалов.

Е.В. Андреева (РГУПС, Ростов на/Дону).

Трансляция культурной памяти и сохранение национального самосознания

Любой прогресс общественного развития связан с передачей культурно-исторического опыта от поколения к поколению. Система, характеризующая стабилизацию общества, его уровень культурного развития включает в качестве центральных звеньев образование и воспитание. На протяжении всей истории общества складывались различные парадигмы образования и воспитания человека. Они имеют не только научно-педагогическую, но и общекультурную ценность. Основной элемент культурологической парадигмы образования заключается в осознании типа культуры, способов развития человека в процессе освоения элементов культуры, обучения, поведения, общения. Культура – значит «взращивание», соответственно, применительно к человеку – это его формирование и совершенствование. Образование – оптимальный способ вхождения человека в мир науки, и, наряду с воспитанием – передача социального опыта и овладение ценностями мировой культуры. Жизнь и практика человека, культурное наследие различных народов и отрасли постоянно развивающейся науки – неиссякаемый колодец, из которого черпается и пополняется содержание образования. Для каждого культурно-исторического этапа развития социума и государства характерна своя система образования, а для народа, нации – система воспитания. Образование – это процесс трансляции культурно оформленных образцов человеческой деятельности. В процессе воспитания человек осваивает социокультурные нормы, имеющие культурно-историческое значение, поэтому смысл образования не только в трансляции социального опыта во времени, но и в воспроизводстве устоявшихся форм общественной жизни в пространстве культуры. Вопросы взаимодействия культуры, образования и воспитания как ведущих факторов общественного прогресса и развития цивилизации в центре внимания всего мирового сообщества.

Поликультурное воспитание[1] предполагает учет культурных и воспитательных интересов разных национальностей и этносов, а также предусматривает адаптацию человека к различным ценностям в ситуации существования множества разнородных культур, взаимодействие между людьми с разными традициями, ориентацию на диалог культур, отказ от культурно-образовательной монополии в отношении других наций и народов. Поликультурное воспитание культивирует в человеке дух солидарности и взаимопонимания во имя мира и сохранения культурной идентичности разных народов. Жизнь человека – звено в цепи поколений. Молодой человек живет в пространстве социально-культурной традиции, которая и формирует его характер, стиль поведения, устремления, ценности, интересы. Обеспечение преемственности культурно-образовательной традиции, сохранение самобытности народа и сложившейся системы ценностей будут способствовать их «интеграции в систему мировых ценностей как элементов макросоциума»[2]. При этом традиция выполняет важнейшую функцию в системных процессах образования и воспитания молодого поколения. Культура – такая

[1] См.: Бордовская Н.В., Реан А.А. Педагогика. СПб., 2000.
[2] Там же. С.64.

часть общечеловеческого достояния, которая кропотливо и преднамеренно созидается и передается нам другими людьми, но никто не может ею овладеть без приложения собственных усилий. Освоение культуры предполагает научение, позволяющее осмыслить ее элементы в том ключе, как это задумывалось ее создателями.

В настоящее время культурное достояние человечества является залогом его сохранения. Современная система образования обращает все более усиливающееся внимание на гуманитаризацию образования, расширение общекультурной подготовки будущих специалистов, в какой бы сфере общественной жизни не протекала их деятельность. Но освоение современного культурного пространства для молодого поколения россиян проблематично, так как с начала XX в. изменяется соотношение между высокой, элитарной и низовой культурой, которая превращается в массовую. Культура стала массовой не только по количеству вовлеченных в нее субъектов, но и по упрощению потребляемого продукта. Массовая культура начинает выступать в виде официальной культуры как ее превращенная форма. Все эти изменения в культуре с неизбежностью отразились и на характере деятельности различных социальных институтов, включая систему образования.

В настоящее время разрушение единого пласта культурной памяти стало очевидным. В связи с этим не только теоретическую, но и практическую значимость имеет проблема сохранения и восстановления общей культурной памяти народов России, без чего и их совместная будущность становится весьма проблематичной. Разрушение культурно- исторической памяти затрагивает суть культурной идентичности россиян. Поток разоблачительных публикаций, затронувших все значимые этапы и личности отечественной истории, заполнивший все периодические издания в 1990-е гг., оказался травмирующим для культурно-исторической памяти народов России и вызвал культурный шок. Культурный шок определяется как конфликт старых и новых культурных норм и ориентиров. «Конфликт двух культур на уровне индивидуального сознания»[1] привел к полной дезориентации общественного сознания по отношению к ключевым для национального самосознания событиям и личностям. Единообразию культурной памяти, обеспечиваемому при советской власти государственным контролем над образованием и средствами массовых коммуникаций, пришел конец. Проблематичным стало само понятие единой культурной памяти у народов, ранее составлявших единую историческую общность «советский народ». Культурно-историческая память стала мозаичной, а это грозит утратой общей культурной идентичности той общности, которую именуют ныне «россияне». «Двукратное на протяжении жизни двух поколений отвержение привычных мировоззренческих паттернов и двукратная ломка структур социального бытия поставили под угрозу социальную самоидентификацию большинства российских граждан»[2].

Итогом длительного разрушения культурно-исторической памяти российского общества стало ослабление связи поколений. Знаменательны результаты выборочного социологического опроса населения России, в котором приняли участие 2 401 человек в возрасте 18 лет в 26 субъектах РФ. Опрос был проведен в июне 2001 г. На вопрос «Знаете ли Вы имя и отчество Ваших прадедов?» только 24% опрошенных ответили: «Да, знаю», 43% опрошенных знали не всех, а 33% не знали имена и отчества своих прадедов. У 1% опрошенных из домашних реликвий, сохраненных в семье, 74% заняли фотографии и только 14% – семейные письма, дневники, рукописи. То, что было значимо в памяти отцов и дедов, для поколения, родившегося в начале 1990-х гг., либо не представляет никакого интереса, либо оценивается отрицательно. Среди молодых людей опрос выявил относительно меньшее количество высоких оценок созидательного и нравственного потенциала русского народа. Главное же, что показал опрос, состояло в расхождении представлений, с одной стороны, о великом культурном наследии и, с другой – о недостаточном нравственном потенциале народа. Скорее всего, культура ассоциируется в сознании молодежи с элитным духовным производством и его гениями, а уровень нравственности оценивается на основе практики повседневной жизни. Одна из реальных проблем современного этапа развития нашего общества состоит в том, что

---

[1] Ионин Л.Г. Социология культуры. М., 1998. С.22.

[2] Полонская И.Н. Традиция, смысловые грани понятия // Научная мысль Кавказа. 2004. № 2. С.14.

«большая» культура вытесняется из духовной жизни на периферию эрзацами массовой культуры[1]. Прошлое превратилось в объект политических и идеологических манипуляций разнонаправленных политических сил, у каждой из которых была своя Россия, которую они потеряли. «Между тем массовое сознание, уставшее от постоянных разоблачений прошлого требовало *объяснения* прошлого, в том числе и неприятного, травмирующего, жестокого, взамен его разрушения, неприятия и осуждения. Теоретическое объяснение (не оправдание!) травмирующих событий истории означало бы возвращение утраченной идентичности, замену ее «советской» формы на «российскую» [2].

В условиях разрушения «советской» идентичности вышла на первый план этнокультурная идентичность, представляющая сложный социально-психологический феномен, включающий глубинные сознательно-бессознательные переживания и обусловленные культурой формы ее манифестации, обладающая безальтернативностью и наибольшей устойчивостью, воспринимаемая человеком как данность. Этнокультурная идентичность включает и ментальность народа, в которой проявляется его культурная наследственность, комплекс тех качеств, которые передаются от предков и позволяют данному этнокультурному сообществу сохраниться и развиваться Ментальность народов, сосуществующих столетия вместе, сохранялась прежде всего во всех пластах фольклора, закреплялась в языковой картине мира. Способом сохранения и передачи культурной памяти служила традиция, в которую входит комплекс ценностно-окрашенных норм поведения, форм сознания и институтов человеческого общения. Традиция обеспечивает связь настоящего с прошлым, а также степень зависимости современного поколения от прошлого. Традиция понимается в современной науке не только и не столько как обычаи, обряды, ритуалы и прочие элементы социального бытия, на и как «глубинные представления, принципы и идеи, которые стоят за ними как некое интенциональное ядро и система ноэм, как некая экзистенциальная структура культуры и универсальный коммуникативный механизм социума и, наконец, универсальный процесс хранения и передачи информации»[3].

Современное состояние культурной памяти является результатом воздействия на нее со стороны мощного государственного аппарата Советской власти, формировавшего идеологически приемлемые картины прошлого.

Особенно интенсивно шла музеефикация памяти, она заключалась в том, что утративший связь с живой историей, насильственно вырванный из контекста культуры артефакт представлялся в виде памятника, который новая власть сделала доступной для простых людей. Так происходило с дворцами и усадьбами представителей дворянского класса, который последовательно уничтожался. В России усадьба с ее старинной библиотекой, портретами предков, прадедовским садом, «темной лип аллеей» и прочими известными атрибутами «дворянского гнезда» была хранилищем культурной памяти. Перестав быть частным владением, усадьбы утратили и свою индивидуальную историю. О старой не вспоминали, а новая сливалась с историей советского сельского хозяйства в целом. Новые названия улиц, площадей и городов создавали у поколений, родившихся в постреволюционное время, представление о Новом мире, который утратил генетическую связь, культурную обусловленность «проклятым прошлым».

Процесс интерпретации культурной памяти является общим для любого типа культуры, переживающего культурную трансформацию. Специфика социокультурной ситуации, которую пережила наша страна в XX в. заключается в том, что процесс насильственной трансформации культурной памяти имел не непрерывный характер, в нем были определенная цикличность, возвратные движения к ключевым событиям и фигурам, отношение к которым вновь и вновь пересматривалось.

---

[1] Бойков В.Э. Состояние и проблемы формирования исторической памяти («круглый стол») // Социс. 2002. № 8. С.75-76.

[2] Козлов В.А. Российская цивилизация. Российский посткоммунистический синдром: «Разрушенное прошлое» и кризис советской идентичности // Общественные науки и современность. 2003, № 4. С.88.

[3] Тхагапсоев Х.Г. Постижение Кавказа: новые ракурсы// Научная мысль Кавказа. 2003. № 2. С.49-50.

Для современной культуры характерно глубокое переживание связи современности с историческим прошлым, которое неудобно, а порой и просто невыносимо, как, например, массовые преступления времен Второй мировой войны, и культура пытается то фиксировать его в форме священной памяти, подлежащей скорее однозначному судебному приговору, чем научному исследованию с его пересмотрами концепций, то организованно забывать его, ищет морально приемлемые формы «трудного прощения» – разумеется не всех и не всего, ибо у некоторых преступлений срока давности нет. В последние десятилетия XX в. произошел ряд кардинальных изменений современной культуры, приведший к изменениям в функционировании культурно-исторической памяти: переосмысление культурной и индивидуальной самобытности – стремительное развитие процесса глобализации и новых информационных технологий.

Возвращение культурной памяти в нашей стране происходящее в настоящее время осложнено тем, что процесс «перестройки» общественного сознания проходит на фоне глобализации, которая проявляется в стирании языковых и национальных границ в мировом масштабе. Среди возможных негативных последствий глобализации – угроза самобытности культур, навязывание с помощью развитых информационных коммуникаций культурных стандартов и образцов США. Открытость информационного пространства РФ, начиная с 1990-х гг., привела к массированному воздействию образов и стандартов западной, прежде всего американской культуры, что обозначило нарастающий разрыв между поколениями в отношении к отечественной истории и культуре.

Глобализация культуры сопряжена с ее американизацией, так как распространение по всему миру американского телевидения, газет и журналов, рекламных роликов приводит к тиражированию ценностей, норм, стандартов общества потребления. Лишенная всякого ощущения развития вне происходящего настоящего и чуждая всяким представлениям о «корнях», глобальная культура переменчива, повсеместна. Соответственно, входя в глобализационный процесс, российское общество не должно утрачивать свою идентичность, культуру, терять свою систему ценностей, основу нашего успешного развития.

Молодое поколение не испытывает ностальгии по прошлому, его память не загружена идеологическими стереотипами. Во многом это явилось следствием кризиса прежнего мировоззрения в 90-е годы, когда на общество обрушился вал информации. Были открыты архивы, из которых без кропотливой предварительной обработки были извлечены ранее недоступные материалы, сразу же растиражированные в прессе. Одновременно государство уменьшило материальное финансирование хранилищ культурной памяти – музеев, библиотек, архивов и звеньев образовательной системы. Произошел травматический шок от того прошлого, которое представало в журнальных публикациях и передачах как катастрофа, невосполнимая лакуна в культурном и историческом прошлом России. В общественном сознании нарастала эмоциональная усталость, снижение интереса к прошлому нашей страны, картина которого стала размыта в глазах молодого поколения до полной неясности. Одновременно в обществе и государственных структурах нарастало понимание того, что разрушив прежние стереотипы и ничего не создавать взамен, значит создать духовный вакуум, который быстро заполнится учениями адептов новых сект, экстремистских движений, мистикой, оккультизмом.

В условиях обвального разрушения исторической памяти фундаментальным для единства российской культуры и личностной идентификации, особенно молодого поколения, остается культурное наследие народов России. Культурное наследие включает в себя не только вещественные объекты, образующие памятники материальной культуры и территории, но виды деятельности, технологии производства и самих людей как «носителей» традиционных культурных ценностей.

Наследие как духовный и интеллектуальный потенциал является одним из наиболее значительных компонентов национального достояния России, который позволяет ей оставаться среди великих мировых держав. Объекты наследия создают предпосылки для сохранения самобытности, они закрепляют многообразие национальных, этнических и религиозных

культур, разнообразие природы, служат фундаментом воспитания патриотизма молодого поколения. Бережное, осознанное отношение к культурному наследию, трансляция культурной памяти – необходимое условие сохранения культурной идентификации россиян, укрепления национального самосознания в процессе воспитания и образования современной молодежи.

А.И. Афанасьева (к.филос.н.)., В.И. Меркушин (к.ист.н., РАГС, Москва)

Историческая память россиян о Великой Отечественной войне

Великая Отечественная война – важнейшая составляющая Второй мировой войны – эпохальное событие XX столетия не только для народов нашей страны, отстоявших честь, свободу и независимость своего Отечества. Она имеет всемирно-историческое значение: ее итогом был полный разгром немецкой армии, повлекший за собой освобождение европейских стран от фашистского порабощения. Отечественная война – целая историческая эпоха, вместившая экономические, политические, идеологические, военные, социальные, психологические теории и практики, взлеты и падения, ожидания и разочарования, идеалы, цели, интересы, невиданный патриотизм и героизм. Историческая народная память о ней – огромная ценность, духовный капитал России.

Доминанты народного «военного» сознания – *всеобщность гордости* за выигранную войну, за Победу; всенародный патриотизм, массовый героизм, ярко проявившиеся не только в годы войны, но и в послевоенный период воодушевления, с которым советские люди восстанавливали разрушенное народное хозяйство; единство фронта и тыла. За годы, прошедшее после Победы, в стране произошли не менее важные события – развал СССР и крушение советского строя, трансформация социалистической системы в капиталистическую. Изменилась страна, выросли новые поколения людей, модифицировалось общественное сознание.

Что и *как* помнят об этой войне россияне, по каким меркам оценивают ее сегодня, каковы уроки войны и Победы для новой России, показало социологическое исследование «Великая Отечественная война 1941 - 1945 гг. в исторической памяти народа (к 60-летию Победы)»[1]. Сравнение ответов позволило выявить диапазон и глубину знаний, представлений, суждений о Великой Отечественной войне, динамику суждений, затухания или расширения (всплеска) народной памяти, нарастания элементов реконструированной исторической памяти. В этом отношении наибольший интерес представляет сравнение полюсных групп: респондентов 60 лет и старше с когортой 18 - 24 летних.

---

[1] Проведено в ноябре 2004 г. Социологическим центром Российской академии государственной службы при Президенте РФ в 18 субъектах страны. Выборочная совокупность опрошенных – 1601 человек – формировалась по многоступенчатой квотной выборке с вероятностным отбором респондентов на завершающем этапе ее реализации. Она репрезентирует этнический состав российского населения, его территориальное размещение, соотношение жителей разных типов поселений, социально-профессиональные и демографические группы людей в возрасте 18 лет и старше. Цель исследования заключается в изучении состояния и функционирования исторической памяти россиян о Великой Отечественной войне, того, как она сохраняется, воспроизводится и проявляет себя в оценках различных сторон войны и победы, каковы тенденции ее изменения по истечении 60 лет. В русле поставленной цели изучались: знания и представления о Великой Отечественной войны, источники знаний; оценки движущих сил войны; факторы победы; отношение к победителям, поколению, одержавшему Победу, к памятникам войны и ее участников, а также проблемы искажения исторической памяти о войне; народная память и власть. Соответственно было разработано 6 блоков вопросов анкеты. **Объект** исследования - народ России, дифференцированный по социально-демографическим (пол, возраст, образование, профессионально-служебный статус) и географическому признакам: а) города: Москва, Санкт-Петербург; крупные, средние, малые; село; б) регионы: тыловые и бывшие в немецкой оккупации. Важнейшим содержательным признаком является возрастной. Было выделено 6 возрастных групп. Для удобства анализа каждой из них присвоен номер: I. 18 – 24 лет, родившиеся после 1986 г. - дети перестройки; II. 25 - 29 лет – когорта, испытавшая при своем формировании влияние «старого» и «нового» социального времени; III. 30 – 39 лет, группа, вступление в трудовую деятельность которой совпало с началом перестройки, реформирования; IV. 40 – 49 лет, активные участники перестройки, реформирования; V. 50 – 59 лет, когорта, осуществлявшая вместе со старшим поколением великие стройки; VI. 60 лет и старше – ровесники Победы, дети войны, довоенные дети, участники и свидетели войны, главная сила послевоенного восстановления и развития народного хозяйства.

Предмет исследования – изучение того, как память людей выражает себя сегодня в знаниях, суждениях, представлениях и оценках Великой Отечественной войны в целом и многообразных ее сторон, как интерпретирует военное прошлое с позиций коллективного (обобщенного) и индивидуального опыта, повседневных практик, как взаимодействует с официальным дискурсом. Для понимания исторической памяти о Великой Отечественной войны необходимо иметь в виду ее *двоякое содержание*. В ней диалектически взаимосвязаны 1) *«живая», непосредственная память народа и 2) универсальная обобщенная реконструированная память (историческая литература, учебники по истории, телевидение, художественные произведения, кинофильмы и т.д.*). Первая – *событийная память.* Это индивидуальные и семейные истории, которые повествуют не только о том, *что́* было (факты, события), но и *ка́к* это было. Она нередко приходит в противоречие с тем, что встречается в обобщенном опыте, в реконструированной памяти.

Событийная, народная память богаче, многообразнее, конкретнее, красочнее. В обобщенной реконструированной памяти факты, события, процессы выступают в несколько огрубленной, обобщенной, но более осмысленной, систематизированной форме; между ними всегда остается зазор. Бытующая ныне память о войне являет собой весьма противоречивый комплекс правдивых, истинных и ложных, искаженных знаний, представлений, понятий, образов, идеологем и т.д. Существует *два вектора движения памяти*: восприятие действительности определяется прошлым опытом, знаниями, интеллектом, общей культурой; эта действительность продуцирует избирательность памяти, актуализируя те или иные стороны прошлого опыта.

Противоречивость памяти о Великой Отечественной войне усугубляется вторжением *идеологического компонента*, который привносится правящими структурами в соответствии с политическими интересами, целями и задачами трансформации общества. Существующая власть *объективно* заинтересована в поддержании, культивировании событийной народной памяти, в правдивом отображении, освещении Великой Отечественной войны; *субъективно* же, отвергая советское социалистическое прошлое нашей Родины, защита которой была главным смыслом и основным содержанием Отечественной войны, источником народного патриотизма и героизма, она вольно или невольно провоцирует искажение, фальсификацию военных событий, факторов Победы, принижение заслуг ветеранов и т.д. Таким образом, *главное противоречие* исторической памяти о Великой Отечественной войне заключается в столкновении, борьбе событийной, правдивой памяти, с одной стороны, и сфальсифицированной, с другой.

Гипотетически можно предположить, что: память о войне постепенно стирается, слабеет, «усыхает»; она все больше выходит за пределы непосредственной «живой» памяти. Причины этого: а) *временна́я:* годы войны и Победа все больше отдаляются по времени; б) *естественная* (и противоестественная): живые носители памяти уходят из жизни, унося с собой память о войне, в последнее десятилетие их число составляет большинство в том миллионе человек, которые умирают ежегодно; в) *политико-идеологическая,* связанная с негативной оценкой многих аспектов Отечественной войны, особенно с начала трансформации общества; г) проблемы *выживания* в постсоветской России, с одной стороны, гасят
память о войне, переключают ее на вопросы личного выживания, под воздействием которых накапливается психологическая усталость, апатия, с другой – память о войне вытесняет погоня за собственностью, богатством.

Одним из главных показателей отношения к этому эпохальному историческому событию XX в. является *интерес* к нему народа.

Отметим сразу, что доля совсем неинтересующихся невелика – 4% от общего числа респондентов, но вместе с теми, кто «мало интересуется», они составляют 21%, т.е. каждый пятый, плюс еще 2%, которые затруднились подтвердить свой интерес/неинтерес – не ответили. Позиция тех, кого события войны «очень интересуют» и «скорее интересуют, чем нет», выглядит достаточно внушительно – ее занимают 77%.

Таблица 1

«Интересуют ли Вас события Великой Отечественной войны 1941 - 1945 гг.?»

(% от числа респондентов)

Варианты	Σ	Возрастные группы (годы)					
		18-24	25-29	30-39	40-49	50-59	60 и старше
Очень интересуют	38	23	19	17	37	48	68
Скорее интересуют, чем нет	39	47	46	53	38	33	23
Мало интересуют	17	23	27	22	17	12	7
Совсем не интересуют	4	5	6	6	4	5	0
Затруднились ответить	2	2	2	2	4	2	2

Приведенные данные особенно интересны, если сопоставить «полюсные» возрастные группы – 18-24-летних с группой 60-летних и старше. Тех, кого «очень интересуют» и «скорее интересуют, чем нет», в молодежной группе на 22% меньше, чем в крайней правой. Очень интересующихся событиями войны в группе 60 лет и старше ровно в 3 раза больше, чем у 18-24-летних. Может показаться, что приведенных данных недостаточно, чтобы сделать вывод о том, что они подтверждают правомерность гипотезы об ослаблении исторической памяти у когорт 18-24-летних, а также следующих за ней групп, у которых интерес к событиям Великой Отечественной войны также значительно, на 15-20%, ниже в сравнении с группами. 50-летних и старше. Но отмеченная тенденция проявилась по многим другим позициям, например, в ответах на вопрос о возможности победы СССР без второго фронта (разница 19%); в оценке праздника «День Победы», о роли Сталина. Стариковская память оказалась почти на 20% крепче, чем молодая, по вопросу, кого помнят они из крупных военачальников. В молодежной группе оказалось в 3 раза больше, чем в самой старшей возрастной группе, тех, кто никого не помнит из полководцев войны, и в 2,5 раза меньше помнящих Героев Советского Союза той поры.

Полагаем также, что высвеченное исследованием состояние исторической памяти молодых россиян объясняется не столько их возрастными особенностями, сколько социально-политическими причинами, связанными с социальным статусом, уровнем образования, доступом к информации, характером семьи и др. В вопросах о знании у младших (18-29-летних) групп почти во всех случаях показатели ответов ниже, чем в старших. Кроме того, наблюдается определенный разброс в показателях. Что касается оценочного компонента, ответы во всех группах очень сходны, близки и нередко совпадают (см., например, данные о факторах победы, о роли в войне Рузвельта, Черчилля, Сталина). Появляется подозрение, что а) в изучении истории в учебных заведениях *оценочная* компонента опережает *знаниевую*; б) не исключено, что некоторые показатели «подтянулись» за последнее время в связи с подготовкой к 60-летию Победы активизировавшимися госпропагандой и СМИ. Не смогли назвать ни одного из полководцев Отечественной войны почти треть молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет. А ведь это вчерашние и сегодняшние школьники, студенты. Невозможно помнить то, чего не знаешь. Известный всему миру подвиг «Молодой гвардии» не получает «прописки» в сознании молодежи, вместе с исключением произведения А. А. Фадеева из школьной программы и практическим отсутствием в кинопрокате фильма, снятого по мотивам романа. На момент опроса ничего не знают о молодогвардейцах в группе 18 - 24 и 25 - 29 лет 40% и 23%, соответственно, плюс 23% и 21% тех, кто затруднился дать какой-либо ответ по данному вопросу, что равносильно незнанию. Парадоксально, но оценку молодогвардейцам они дают, считая их героями, патриотами Отечества, 31 и 48% соответственно. Кроме того, современные молодые прагматики полагают, что молодогвардейцы были «романтики, не понимавшие, что жизнь – высшая человеческая ценность».

За годы Великой Отечественной войны 11384 воинов удостоены звания Героя Советского Союза. 13 городам, проявившим особые образцы мужества и стойкости в их защите, присвоено почетное звание городов-героев. Герои войны, полководцы – это символы легендарного времени. Через них, как правило, происходит в значительной мере восприятие эпохи,

времен Великой Отечественной войны. Вопрос о том, помнят ли современные россияне полководцев, героев войны, был оставлен открытым. Ответы показали, что 86% опрошенных помнят крупных военачальников военных лет; 70% – Героев Советского Союза того времени. Прочное место в памяти народа принадлежит легендарному полководцу Г.К. Жукову – 80% опрошенных. Хорошо помнят К.К. Рокоссовского (40%), И.С. Конева (23%), Р.Я. Малиновского (9%), А. М. Василевского (6,2%), К.Е. Ворошилова (7%), С.М. Буденного (6%) и др. Из числа Героев Советского Союза были названы Александр Матросов, Александр Покрышкин, Зоя Космодемьянская, Алексей Маресьев, Николай Гастелло, Иван Кожедуб и др.

Одним из главных индикаторов восприятия исторических событий, связанных с Великой Отечественной войной, является оценка роли И. В. Сталина в войне. Почти две трети респондентов оценили ее положительно. Обращает внимание выраженная дифференциация положительных и отрицательных оценок по возрастным группам. Наблюдается постепенное возрастание положительных оценок от 48% в младшей группе (18 - 24 года) до 84% в старшей (60 лет и старше), убывание отрицательных оценок от 19% до 5% в соответствующих группах. Как показывает сравнение данных исследования исторической памяти 2001 и 2003 гг., дифференциация оценки роли Сталина в истории нашей страны по возрастным группам устойчиво сохраняет отмеченную тенденцию. В то же время при оценке роли Сталина в целом в судьбе России количество положительных оценок на порядок ниже – одна треть респондентов по сравнению с двумя третями при оценке его роли в Великой Отечественной войне. Это свидетельствует о том, *что в массовом историческом сознании победа советского народа над фашизмом устойчиво связана с именем Сталина, хотя оценка его роли не является безусловно положительной.* Так, значительная часть опрошенных (45,4%) в числе основных причин поражений Красной Армии в первые месяцы войны назвали стратегические просчеты Сталина и советского руководства. Этот факт, по всей видимости, влияет на более критический подход к оценке Сталина в истории страны в целом.

В числе военачальников времен Отечественной войны 2,6% ответивших назвали и расстрелянного еще до войны М.Н. Тухачевского Особенно часто упоминали его респонденты в Москве, Самаре, Свердловске, Татарстане. Встречаются в ответах и другие казусы. Называют героями Великой Отечественной войны участников Гражданской войны, не доживших до 1941 г.: Фрунзе, Котовского, Дзержинского. Встречаются, правда, как единичные, упоминания Кутузова, Суворова, Нахимова, Ушакова – военачальников и флотоводцев, но совсем других войн и времен. И совсем курьезный факт. В числе полководцев назван маршал Градов (вымышленный образ из телевизионного сериала «Московская сага»). В ответах респондентов встречаются и «неточности». Почти 3,0% респондентов думают, что Япония входила в число стран, составлявших ядро *антигитлеровской* коалиции, а 96% не знают и только 4% знают, что Италия состояла в гитлеровской коалиции и была членом ядра этой коалиции, называвшегося «Ось: Берлин – Рим – Токио»; 29% ответивших считают, что Советский Союз в этой войне воевал, прежде всего, против империалистической Японии.

В основе исторической памяти о Великой Отечественной войне лежат знания о ней. В *исторической памяти обнаруживаются два компонента*: а) собственно знаний, в данном случае исторических знаний, имеющих дело с хронологией, конкретными историческими фактами, событиями, действиями людей – единичных и групповых субъектов, классов, наций, целых народов, стран, государств; закономерностей исторического развития и т.д.; б) оценочный компонент, представляющий спектр оценок конкретных исторических объектов и субъектов действия и самого знания о них, а также суждения по поводу того или иного исторического факта, события, действия. Методика исследования включала вопросы на изучение обоих компонентов, получение данных об уровне знаний исторической конкретики, а также оценок наиболее важных событий войны, характеристик главных субъектов исторического действия, прежде всего, советского народа, Красной Армии, военных деятелей, государственных и негосударственных институтов (школа, семья, церковь, СМИ и др.). Для этого использовались в анкетах и закрытые, и открытые вопросы. Некоторое представление об уров-

не знания главных сражений и битв Отечественной войны дают приводимые ниже результаты исследования

Таблица 2

«Показатели знаний исторических дат крупных военных событий

(% от числа респондентов)

Варианты	Σ	Возрастные группы (годы)					
		18-24	25-29	30-39	40-49	50-59	60 и старше
Начало Второй мировой войны	44	44	40	45	49	39	44
Битва под Москвой	70	60	57	70	77	79	70
Курская битва	41	37	34	33	46	50	42
Сталинградская битва	65	68	53	62	72	74	63
Прорыв блокады Ленинграда	64	57	51	62	69	74	65
Разгром милитаристской Японии	67	63	55	65	72	73	66

Таблица 3

Источники знаний о событиях Великой Отечественной войны

(% от числа респондентов. Сумма ответов не равна 100%, так как по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов)

Варианты	Σ	Возрастные группы (годы)					
		18-24	25-29	30-39	40-49	50-59	60 и старше
Из своего личного опыта	10	3	2	2	2	3	38
Изучал(а) в школе, вузе, в других учебных заведениях	68	78	82	81	72	70	38
Из рассказов родителей, родственников, друзей, знакомых	41	28	21	25	43	63	56
Из семейных «архивов»	10	4	8	9	8	13	17
Из кинофильмов, театральных постановок	58	57	59	61	67	59	46
Из художественной литературы о войне	49	47	43	53	55	58	37
Из средств массовой информации	34	31	35	42	39	36	24
Из посещения музеев, воинских мемориалов	28	25	32	31	36	30	18
Из походов по местам боевой славы	8	7	6	9	11	8	6
Другое	2	3	2	2	1	-	3

Как видно, по 4 пунктам из 6 о событиях Великой Отечественной войны дали верные ответы от 64 до 70% респондентов. Меньше оказалось осведомленных о Курской битве; надо полагать, это связано с тем, что о ней меньше пишут в общероссийской прессе, обходят вниманием телевидение, учебная литература. Вопрос о времени начала второй мировой войны, собравший 44% ответов, оказался в одном фокусе с Великой Отечественной войной, даты начала которых разные. Это сыграло «роковую роль» в ответах.

Фундамент исторической памяти закладывается в учебных заведениях, где изучается история. Здесь учащаяся и студенческая молодежь получает в большей или меньшей мере систематизированные знания по отечественной истории, в том числе и по истории Великой Отечественной войны. Согласно данным исследования, этому источнику исторических знаний принадлежит первое место среди других источников. Так считают 68% респондентов. Причем, наиболее высоко оценили этот источник молодые респонденты из первых трех возрастных групп. Из общего ряда довольно высоких оценок канала получения исторических знаний по всем группам выбивается группа самых старших (38%), для которых школа и вуз остались в далеком прошлом. Поэтому исключительно важно, чтобы постановка историче-

ского образования в учебном процессе вооружала соответствующими знаниями в оптимальном варианте, означающем не только качественное преподавание в рамках учебной программы, но и широкий выход за ее пределы в форме исторических кружков, факультативов, просмотра фильмов, спектаклей по исторической проблематике (фильмы о Великой Отечественной войны 18 - 24-летние любят смотреть: старые – 27%; современные – 15; те и другие – 40%), походы по местам боевой славы, встречи с ветеранами войны и т.д. Как видно из материалов исследования, пробелов в исторических знаниях, как говорят, «выше крыши». Первостепенна роль двух «столпов» – преподавателей и учебников по истории. О несовершенстве учебников по российской истории, написанных за рубежом и соотечественниками под эгидой Сороса, писалось и говорилось немало, но ошибки и недостатки исправляются медленнее, чем совершаются. В настоящей статье отметим лишь один штрих – об альтернативных учебниках. Считаем, что обучать истории по такой методике просто противопоказано. История как наука, оперирующая конкретным историческим материалом, опирающаяся на факты, на принцип историзма, не может служить моде, вкусовщине, произвольному выбору того или другого, излагать историю Великой Отечественной войны на 15 страницах, на 50 или вообще исключить ее из учебника; оценивать по критерию истины или потребности текущей политики. Надо, чтобы в учебных заведениях изучали не историческую мифологию Великой Отечественной войны, а ее подлинную историю.

Для формирования исторического сознания, поддержания, укрепления и обогащения исторической памяти трудно переценить роль «домашних университетов», семейного воспитания, семейных «архивов», реликвий и атрибутики Великой Отечественной войны. Но среди других источников место этого источника – 8-е, предпоследнее (10%). Заслуживает особого внимания «канал», на котором в огромной мере зиждется историческая память – рассказы родителей, друзей, знакомых, – отмеченный 41% респондентов. Четко просматривается тенденция – сокращение роли этого источника в молодежных возрастных группах. Но ведь именно по этому каналу в семьях, в соседском общении, в коллективных встречах, на посиделках и т.д. наиболее интенсивно функционировала «живая», событийная историческая память. Здесь горячо и эмоционально, подробно, до мелочей и деталей рассказывалось, что было и как было. Как отступали в 41-м и наступали в 44-м по дорогам Смоленщины, про непокоренную Брестскую крепость и оборону Севастополя, как отстояли Москву и устроили немцам Сталинградский «котел», прокладывали «дорогу жизни» в Ленинград и осуществляли прорыв блокады, вели «рельсовую» войну в Белоруссии и форсировали Днепр, бились до последнего солдата за безымянную, но тактически важную высоту, сражались на Курской дуге, как горели танки и земля под Прохоровкой, как боролось партизанское подполье, ковалось в тылу оружие, готовилось снаряжение и хлеб – «Все для фронта, все для победы!» Наконец, как штурмовали Берлин, освобождали Польшу, Румынию, Чехословакию, Венгрию, другие страны Европы. Все это с годами истончается, бледнеет, растворяется во времени, меркнет в живой народной памяти. Расширяется диапазон писаной исторической памяти.

В Великой Отечественной войне с обеих сторон были задействованы самые различные факторы: социально-политические, экономические, военно-технические, стратегические, геополитические, но главным среди них был *человеческий* фактор. Нападая на СССР, фашистская Германия рассчитывала на молниеносную войну, уповая на военно-техническое и экономическое превосходство. Вкупе с фактором неожиданности нападения расчет сработал на начальном этапе войны. Однако в достижении полной победы решающую / определяющую роль сыграл человеческий фактор.

Человеческий фактор – понятие довольно емкое, содержательное, но на войне его вкратце можно свести к качествам таких субъектов, как руководители, лидеры воюющих сторон, полководческая когорта, солдаты, армия в целом. Отечественную войну вел весь советский народ, и определяющую роль сыграли ненависть к фашизму, решимость отстоять свою землю, страну, высокий морально-политический дух, талант полководцев и военачальников, другие качества, которые вызывают законную гордость у ныне живущих поколений. Однако самыми действенными факторами Победы по общему представлению явились *патриотизм* –

63% и *героизм* – 63%. Примечательно, что показатели у всех групп отличаются незначительно: в «полюсных» группах патриотизм назвали 64% 18 -24-летних и 64% 60-летних и старше; героизм 60 и 61% соответственно. Именно эти качества сыграли определяющую роль в победе над врагом.

Таблица 4

Факторы, сыгравшие определяющую роль **в достижении победы над фашизмом**
(% от числа респондентов. Сумма ответов не равна 100%, так как по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов)

Варианты	Σ	Возрастные группы (годы)					
		18-24	25-29	30-39	40-49	50-59	60 и старше
Ненависть к фашизму	48	37	38	45	50	56	57
Советское воспитание	20	15	19	19	22	18	25
Патриотизм	63	64	56	62	61	67	64
Героизм на фронте и в тылу	63	60	63	63	65	67	61
Открытие союзниками Второго фронта и их материальная помощь	13	16	16	9	9	15	12
Партизанское движение	34	33	40	33	35	33	34
Наличие талантливых полководцев и военачальников	37	32	49	32	39	38	38
Система обороны, созданная Сталиным	7	2	9	6	6	5	12
Огромная территория СССР, суровый климат, бездорожье	24	25	27	26	27	22	16
Другое	2	2	-	2	2	2	1
Затрудняюсь ответить	2	2	2	3	2	1	2

Таблица 5

Вызывает чувство гордости *(% от числа ответивших. Сумма ответов не равна 100%, так как по методике опроса можно выбрать несколько вариантов)*

Варианты	Σ	Возрастные группы (годы)					
		18-24	25-29	30-39	40-49	50-59	60 и старше
Массовый патриотизм и героизм на фронтах	85	82	82	85	84	85	88
Военное искусство полководцев	29	27	28	26	31	35	27
Перебазирование в кратчайшие сроки сотен оборонных предприятий в восточные районы страны	23	21	21	23	22	29	22
Подвиг тружеников тыла, работавших на заводах, в колхозах, на стройках	60	55	57	55	58	65	68
Другое	2	3	1	2	2	3	1

Идея патриотизма является фундаментальной для понимания по существу всех вопросов, касающихся Великой Отечественной войны, особенно поведения на войне больших групп людей, отдельно взятого индивида. Российский народ патриотичен по своей природе. Однако за последние годы военно-патриотический ген в сознании и поведении граждан России подвергся значительной мутации, его пытаются выдавить из исторического сознания россиян. Для этого используются устные выступления известных, мало известных и совсем неизвестных политиков и политиканов, издаются псевдонаучные труды, ведутся исследования, теоретические разработки, создаются фильмы, передачи на радио, ТВ и т.д., и т.п. Общая направленность этих изысков – фальсификация всенародного патриотизма, проявленного в

войне и в послевоенный период восстановления разрушенного хозяйства, доходящая до полного отрицания и откровенного антипатриотизма.

Утверждается, что на фронте и в тылу дух безысходной жертвенности преобладал над патриотизмом, который если и проявлялся, то под действием страха, принуждения, насилия со стороны режима, что нужно различать белый и красный патриотизм, что патриотизм отжил свой век и ныне он устарел и т.д. В этом же ключе обсуждаются вопросы героизма советских людей, приобретшего массовый характер на фронте и в тылу.

Процесс *дегероизации* в стране начался еще в доперестроечный период (анекдоты о Чапаеве, о подлинности молодогвардейского подполья и т.д.). С началом перестройки и рыночных преобразований дегероизаторы, поправ все нравственные нормы и принципы, усилили атаки на ратный и трудовой героизм военных лет. Дегероизация стала одним из направлений фальсификации Великой Отечественной войны. Муссируется тезис о том, что героические поступки на фронте совершали от отчаяния темные, неграмотные люди, оболваненные большевистской пропагандой. Главный тезис: «Кровь и пот войны начисто смывает героизм». Что героизм на фронте был чаще принудительным, считают 5% ответивших, а в каждой из молодежных групп 7%. В настоящее время появился запрос общества на патриотизм – не только, а может не столько на *военный*. Он пока как бы повернут в прошлое – к победе в Великой Отечественной войне, связан с завоеванной победой и представляет гордость за страну, за народ. Нынче не менее важен «мирный патриотизм»: «экономический» (в запросе на отечественную продукцию), «культурный», «космический», «спортивный» и др.

Согласно данным исследования, патриотами считают себя 45%; «Скорее да, чем нет» – 37%; не считают себя таковым – 5% и «Скорее нет, чем да» – 7%; затруднились ответить – 6%. Исследование выявило устойчивость мифа, сотворенного еще геббельсовскими идеологами, что Россию спасли не патриотизм и героизм советского народа, а такие факторы, как огромная территория, «генерал мороз» и другие геополитические факторы. И сегодня этот миф держится в исторической памяти 24% ответивших, что принижает роль героического подвига, совершаемого именно в суровых климатических условиях и на огромной территории.

Наконец, о роли такого человеческого фактора в победе над фашизмом, в оценке респондентов, как лидеры антигитлеровской коалиции – Рузвельт, Черчилль, Сталин

Таблица 6

Оценка роли руководителей антигитлеровской коалиции в победе над фашизмом

(% от числа опрошенных)

Варианты	Оценка роли	Σ	Возрастные группы (годы)					
			18-24	25-29	30-39	40-49	50-59	60 и старше
Рузвельт	Решающая	4	5	3	4	3	5	3
	Значительная	36	35	40	33	35	39	38
	Незначительная	29	27	21	33	34	27	27
	Затрудняюсь ответить	31	34	36	31	29	29	33
Черчилль	Решающая	4	5	3	5	3	5	3
	Значительная	36	39	36	33	36	37	35
	Незначительная	29	23	27	32	33	29	27
	Затрудняюсь ответить	31	33	35	30	28	29	35
Сталин	Решающая	49	40	37	40	49	53	67
	Значительная	27	27	41	31	27	25	21
	Незначительная	10	12	7	13	12	7	4
	Затрудняюсь ответить	14	21	15	17	11	15	8

Как видим, россияне отдали предпочтение «Вождю». Соотношение оценок *решающей роли* в достижении Победы этого «триумвирата» далеко не в пользу Рузвельта (4%) и Черчилля (4%); у Сталина – 49%. Подчеркивая это, надо иметь в виду один нюанс: для Рузвельта

и Черчилля это была Вторая мировая война, для Сталина – Великая Отечественная война, завершить которую не очень спешили помочь его коллеги по антигитлеровской коалиции, открыв второй фронт лишь в июне 1944 г., когда до окончания Отечественной войны оставалось меньше года. Видимо респонденты не забыли этот исторический факт – только 39% из них оценили его положительно.

В освещении истории Великой Отечественной войны имели место две обобщенные оценки – *идеализация и фальсификация* – обе грешившие против истины, хотя причины и нравственно-политические последствия их разные. *Идеализация* проявлялась в годы войны и особенно в первые послевоенные десятилетия. Психическая травма от потерь нуждалась в психологической компенсации, которая могла выразиться только в окружении памяти погибших ореолом героизма, их преданности Родине, всему святому, что с ней связано, в сохранении памяти о них, их светлого образа («Сережка с Малой Бронной и Витька с Моховой...»), сливавшегося в конечном итоге в коллективный образ – народа-героя. Кощунственно было разрушать этот образ. Он историчен. Идеализация не означала замалчивания фактов предательства, измены, дезертирства во время войны, информация о которых вызывала гнев и негодование большинства народа. С начала 1990-х гг. действует кумулятивный эффект накопления негативного отношения к Великой Отечественной войне. Попытки переосмыслить социально-исторический опыт предшествующих поколений повлекли за собой стремление переписать военную историю, сопровождавшееся *фальсификацией* по всем направлениям и аспектам войны. Этому в значительной мере способствовало расширение поля реконструированной памяти и сокращение событийной, «живой» памяти. В развернувшейся фальсификации истории Великой Отечественной войне наиболее уязвимым оказалось *старшее поколение*: ветераны войны – фронтовики и труженики тыла, дети военных и довоенных лет, ровесники Победы, которые переживают вторую за свою жизнь (первой была травма, нанесенная войной) *психологическую травму*. С одной стороны, остается гордость за подвиг всемирно-исторического значения – за победу в великой войне, а с другой – униженное положение двоякого рода: борьба за выживание (материальная депривация) и моральное унижение, откровенное очернение истории войны, ее результатов и поколений «выигравших». В общественное сознание активно продвигаются тезисы по существу провокационного характера: «о выигравших и проигравших в войне»; «нужна ли была Победа такой ценой»; «Россия – нация исторических неудачников» и т.п.

Особенно в этом усердствуют средства массовой информации.

Таблица 7

«Искажается ли история войны 1941 – 1945 гг. в некоторых публикациях в печати, передачах телевидения и радио?» *(в % от числа ответивших)*

Варианты	Σ	Возрастные группы (годы)					
		18-24	25-29	30-39	40-49	50-59	60 и старше
Да, очень часто	39	37	22	30	37	47	48
Иногда	39	41	45	46	39	37	32
Нет	6	5	6	7	6	3	7
Затруднились ответить	17	17	28	17	17	12	14

В массовом сознании обозначился некий скепсис, ирония в отношении к фронтовикам, труженикам тыла, к их бескорыстию, бессребренничеству, высоко ценимых большей частью общества. На вопрос: «Как Вы оцениваете поколение людей, победивших в Великой Отечественной войне?» 68% респондентов ответили: «Они совершили великий исторический подвиг, плодами которого пользуются наши современники». Вместе с тем, более четверти (27%) опрошенных считают, что это «Поколение победителей, которые не сумели воспользоваться плодами Победы». В целом же отношение большинства респондентов к ветеранам войны – и фронтовикам, и «трудовикам» – позитивное. Дань уважения к ним звучит в ответах на вопрос «О чем Вы вспоминаете, прежде всего, когда думаете о войне?» Ответы «О судьбе

фронтовиков» и «О тружениках тыла» вместе собрали 62%, (по группам в I – 44%; II – 39; III – 47; IV – 62; V – 74; VI – 91%. В представлениях всех групп опрошенных это было героическое поколение, проявившее героизм на фронте и в тылу: так считают 63% респондентов, а в группе 50 - 59 лет – 67%. Им было что защищать, о чем емко сказал поэт Н. Доризо:

Не ресторан, не стойка бара,
Не магазин и не лабаз.
Шестая часть земного шара
Была у каждого из нас!

Они беззаветно любили свою великую Родину (советскую в то время) и не щадя собственной жизни отстаивали ее, воевали за землю русскую, и каждый еще за «малую Родину», за отчий дом, «за родной огонек», за своих близких и любимых. Победа стоила того, чтобы платить столь высокую цену. Страшный бой кровавый шел «не ради славы, ради жизни на земле» (А. Твардовский). Так думают 68% опрошенных; 24% не согласны с этим; 7% затруднились ответить. Участники опроса из всех групп – всего 71% находят, что сегодня о ветеранах войны в нашей стране заботятся недостаточно; 18% оценили заботу о них положительно. Почти половина респондентов согласны с тем, что необходимо в пенсионном обеспечении уравнять фронтовиков и тружеников тыла. По вопросу о замене ветеранам льгот денежной компенсацией респонденты разделились на три группы:

1) к монетизации относится «отрицательно» и «в основном отрицательно» – 43% ответивших, а в группах 50 - 59-летних, 60 и старше - 48% и 46% соответственно;

2) те, кто к монетизации относится «положительно» и «в основном положительно» – 35%; 3) затруднившиеся ответить – 25%.

Это о живых. Что касается павших, то исследование показало: память о них меркнет; зарастают травой и бурьяном дороги и тропы к их могилам; предаются забвению имена. Регулярно посещают воинские захоронения лишь 5%, в том числе представители I группы - 2% ответивших и 12% тех, кому 60 и более.

Оживление несколько наступает в День Победы. Об этом сообщили 33% респондентов. Не посещают по разным причинам 52%. Очень низко оценивается состояние воинских захоронений. Следует ли продолжать работу по увековечиванию памяти о Победе в войне и ее участниках, или не стоит ворошить память о делах давно минувших дней, на эти вопросы однозначно «Да, обязательно» сказали 80% самых молодых; 76% группы, следующей за ними; III группы – 81%; IV – 83%; V – 90% и самой старшей – 94%.

Изучение исторической памяти о Великой Отечественной войне убеждает в том, что страна, государство сильны духом народа, единством, сплоченностью на основе идеи, близкой, понятной, достойной того, чтобы пойти за нее «на труд, на праздник и на смерть» (В. Маяковский). СССР победил в войне, прежде всего, потому, что руководство страны, несмотря ни на какие издержки, сумело донести до народа главную и неоспоримую идею о смертельной опасности, нависшей над страной, о том, что речь шла о жизни и смерти страны, государства, а потому *это война народная, справедливая, священная*. В самом начале войны появилась очень своевременная, нужная тогда песня А. Александрова «Священная война» на стихи В. Лебедева-Кумача: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...». Песня прозвучала и была воспринята как гимн, как набат, призыв, звавший народ на борьбу с нависшей опасностью. Сегодня, как и в 1941 г., нужна большая идея, близкая и понятная людям, способная овладеть массами, пробудить народную историческую память, стать собственной идеей народа. Великая Отечественная война явилась для народов Советского Союза величайшей трагедией, неизмеримого людского страдания, нечеловеческой жертвенности, но она была и вершиной невиданного взлета человеческого духа, поразившего весь мир. Победа советского народа в этой войне – воплощение мужества, стойкости русского характера, российского менталитета, величия России. Идеология русской победы – непререкаемая нравственная ценность. Память о Великой Отечественной войне, о Победе, о Народе-Победителе священна!

С.С. Балабанов, к.соц.н. (Нижегородский отдел ИС РАН, Н. Новгород);
З.Х. Саралиева, д.ист.н. (ННГУ имени Н.И. Лобачевского, Н. Новгород)

Историческая память о Великой Отечественной войне: поколенческий подход

История Отечества – это не только летописи и архивы, рукописное наследие, памятники культуры, науки и техники, а историческая память индивидов, осознающих свое родство с сотнями предшествующих поколений, активно работающее на самоидентификацию человека с другими соотечественниками. Благодаря историческому сознанию и сохранению в поколениях исторической памяти люди становятся «своими» (а не «чужаками») в своей стране, интегрируются и консолидируются в обществе, несут за него ответственность. История Отечества, усвоенная гражданами как неотъемлемая часть своей жизни, представляет собой мощные скрепы общества, не дающие ему развалиться под действием центробежных сил. «Иваны, не помнящие родства», манкурты, утратившие свое прошлое, не имеют и будущего. Таким образом, прошлое нашей страны, каким бы трудным оно ни было, это общее достояние граждан, а его изучение и сохранение в памяти народной – важнейшая политическая, нравственная, культурная задача. Что касается молодого поколения, то изучение истории своей Родины – необходимое условие формирования гражданственности и исторического сознания. В этом значение истории страны для личности и общества.

Согласно данным ВЦИОМ, в России главным событием отечественной истории XX в., которым сегодня гордится наибольшее количество россиян (87%), является Великая Отечественная война 1941-1945гг. Мы не властны над прошлым. Историю Великой Отечественной войны как минувшую социальную действительность, события и свершения прошлой общественной жизни людей нельзя изменить и поправить. Но историческое сознание, наши представления, взгляды, оценки, чувства, отношение к тем годам и людям подвержены изменениям и манипулированию. Наша историческая память представляет непрерывный диалог прошлого с настоящим. Меняемся мы, меняются власти, трансформируются представления о прошлом. Перманентное изменение взглядов на историю Отечественной войны связано не только и не столько с открытием новой информации. С интересом наблюдаем, в каком направлении корректируется сегодняшнее освещение этого периода жизни страны, какие персонажи исчезают, какие появляются из небытия, как расставляются акценты при презентации новых архивных данных, под каким углом прочитываются привычные тексты. В этом смысле Россия – страна не только с неопределенным будущим, но и с непредсказуемым прошлым.

Сравнительный анализ исторического сознания нескольких поколений наших современников, сформировавшихся как личности в различные конкретно-исторические периоды, представляет значительный научный интерес и исследовательскую проблему. Эмпирические исследования исторической памяти поколений на примере Великой Отечественной войны как одного из самых выдающихся событий истории Отечества XX в. могут подтвердить или развеять опасения относительно разрыва в преемственности исторической памяти нескольких поколений наших современников.

В канун празднования 60-летия Дня Победы социологи ряда институтов РАН и вузов четырех городов Приволжского федерального округа (Н. Новгорода, Казани, Оренбурга, Самары) провели в январе-феврале 2005 г. опрос населения на тему «Великая Отечественная в памяти поколений». Цель исследования – выявить особенности исторического сознания разных поколений жителей областных центров о Великой Отечественной войне: содержания, характера и объема знаний, избирательности и глубины исторической памяти, своеобразия и единства восприятия и оценок. Опрошено по целевой выборке 1460 человек, от учащихся ПТУ до пенсионеров. Главное внимание уделено молодежи, соответственно, наполненность возрастных когорт выглядела следующим образом: лица в возрасте 16-22 лет – 838 чел.; 40-50 лет – 354 чел.; 60-69 лет – 226 чел.; 80 лет и старше – 42 человека, все они были объединены в три группы – «молодое», «среднее», «старшее».

Мы исходили из нескольких гипотез:

- существует большое различие между поколениями не только в знаниях о Великой войне, но и в интересе к ней. История Великой Отечественной войны не единожды перелицовывалась, что накладывало своеобразный отпечаток на ее видение. Не исключалось, что историческое сознание поколений может отличаться в такой степени, что история страны не одна для всех, а своя у каждого поколения;
- предполагалось, что это – возрастные различия, а каждое поколение более или менее гомогенно, однородно по своим представлениям и оценкам;
- не существует гендерных различий между мнениями мужчин и женщин;
- в сознании старшего поколения сохраняются стереотипы, сложившиеся непосредственно в годы войны и первых послевоенных лет;
- новая информация влияла и влияет на представления о Великой Отечественной войне.

Проведенное исследование в значительной мере развеяло наши опасения относительно разрыва в преемственности исторической памяти ныне живущих поколений о Великой Отечественной войне.

В целом до 80% опрошенных интересуются историей Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945гг., но молодое поколение несколько в меньшей степени. Среди девушек четверть опрошенных заявила, что им не интересна эта тема. Они реже смотрят фильмы о войне, мало читают книг на эту тему, не обсуждают со сверстниками, потому что «эмоционально тяжело читать и смотреть про горе, насилия, убийства, голод, непомерный труд…» Тем не менее, и стар, и млад, и женщины, и мужчины воспринимают 9 Мая как Великий Праздник. Хотя линия фронта не дошла до территории областей и республик Поволжья, война прошлась кровавым колесом по семьям отцов и дедов наших респондентов, оставила след в судьбах и памяти живущих поколений. В семьях каждого третьего из четырех опрошенных родные и близкие родственники воевали на фронте, у каждого второго кто-то был ранен. Каждый третий участник опроса вспоминал, что к их матерям, бабушкам и прабабушкам приходили похоронки, в каждой четвертой семье есть пропавшие без вести. К этому скорбному списку можно добавить годы жизни в оккупации, угон в Германию, пребывание в лагерях смерти, уход из жизни родственников после войны от открывшихся ран, обморожений… Интерес жителей четырех регионов России к истории Великой Отечественной войны проявляется, в частности, в том, что военная тема всплывает в неформальном межличностном общении людей. За последние три месяца по меньшей мере 70% респондентов так или иначе не раз затрагивали эту тему в общении с окружающими людьми.

Самый распространенный источник знаний о войне для всех поколений – художественные фильмы (88%); далее идут информационные программы ТВ, а у учащейся молодежи – уроки истории Отечества (82%). Остаточные знания истории Великой Отечественной войны в школьном и вузовском вариантах «присутствуют» в ответах половины отцов и трети дедов нынешних молодых людей. Увы, в XXI в. уже нельзя надеяться, что система образования даст необходимый минимум знаний по истории войны. По мере удаления от этого события неуклонно сокращается изучение этого периода отечественной истории. Необходимость дать учащимся и студентам адекватное представление о наиболее значимых эпизодах войны конкурирует с невозможностью сохранять с течением времени объем изучаемого материала: таковы жесткие рамки создания и подачи учебных текстов. Например, в учебнике истории СССР под редакцией М.П. Кима, изданном в 1977 г., освещению Великой Отечественной войны отводилось 43% всего объема, а в учебном пособии для общеобразовательных учреждений А.А. Левандовского и Ю.А. Щетинова (5-е издание, 2001 г.), названным в аннотации наиболее совершенным из ныне существующих учебников, интересующему нас периоду уделено 8% объема учебника[1]. В числе основных источников знаний о войне у всех поколений фигурируют семейные воспоминания; у молодежи – встречи с ветеранами (52%). Пресса

[1] См.: История СССР. Под ред. члена-корреспондента РАН М.П. Кима, учебник для 10 класса, 1938-1976 г.г. М., 1977. 260 с.; А.А. Левандовский, Ю.А. Щетинов. Россия в XX веке: Учеб. для 10-11 кл. общеобразоват. учреждений . 5-е изд. М., 2001. 368 с.

редко упоминается в анкетах молодых людей в качестве основных источников информации. Характерно, что события военной поры молодые люди обсуждают не со сверстниками, а с собеседниками из поколений отцов и дедов. Различия в основных источниках получения информации о Великой Отечественной войне обусловливают в определенной степени объем и содержание знаний, степень их достоверности, характер оценок событий и персонажей военных лет.

Около трети анкеты составляли вопросы на знание некоторых фактов и событий военных лет.

Таблица 1

Доля респондентов, правильно указавших две и более фамилий деятелей военных лет, песен, фильмов, книг о войне

(% по группам опрошенных)

Номинации	Учащиеся					Работающие			Пенс
	Шк	ПТУ	Тех	Гум	Техн	Рук	Спец	Раб	
Маршалы СССР военных лет	34	15	18	37	54	84	79	61	66
Немецкие командующие	13	1	2	13	13	39	42	27	28
Советские партизаны и разведчики	8	6	1	6	4	32	28	26	27
Советские летчики	7	-	3	6	7	50	45	42	39
Конструкторы военной техники	12	5	4	11	20	62	51	35	36
Писатели-военные корреспонденты	5	4	4	5	10	28	31	28	20
Артисты военных лет	12	1	3	7	4	38	57	43	60
Песни военных лет	24	18	17	23	31	58	57	47	47
Любимые фильмы	10	8	9	7	8	13	12	4	15
Любимые книги	6	3	3	3	5	7	12	9	10

Сокращения: Шк – учащиеся 11-х классов; ПТУ – учащиеся профтехучилищ; Тех – учащиеся средних специальных заведений; Гум – студенты социогуманитарных специальностей вузов; Техн – студенты технических и естественнонаучных специальностей; Рук – руководители всех уровней и предприниматели; Спец – учителя, врачи, инженеры, техники, ученые; Раб – рабочие; Пенс – пенсионеры

Что касается учащейся молодежи, то их информированность вызвала, мягко говоря, некоторое разочарование. Самым слабым звеном по уровню информированности в опрошенном контингенте оказались учащиеся профтехучилищ, примерно такой же уровень демонстрируют учащиеся техникумов и других средних специальных учебных заведений. Лишь по количеству упомянутых книг и фильмов о войне они стоят рядом со своими сверстниками из 11-х классов общеобразовательных школ, которые, в свою очередь, по знанию истории Отечества находятся на одном уровне со студентами вузов, а по ряду позиций опережают их. Это неожиданный результат, не делающий чести студентам.

В одной из гипотез предполагалось, что студенты-гуманитарии покажут лучшие знания в данной области, чем студенты-«технари» и «естественники». Это предположение не подтвердилось. Гендерная асимметрия среди студентов спутала все карты. Среди гуманитариев преобладают девушки, которые, как было показано выше, в меньшей степени интересуются историей Великой Отечественной войны, тогда как среди студентов-естественников и «технарей» преобладают лица мужского пола. Эта избирательность исторической памяти мужчин и женщин определила конечные результаты тестирования в студенческой среде.

Среди работающего населения лучшие знания ВОВ показали руководители разного уровня и предприниматели (в их числе большинство мужчин – любителей и знатоков истории войны). На втором месте – специалисты (как правило, с высшим образованием), далее рабочие. Пенсионеры показали себя одной из наиболее информированных групп населения, обнаружив хороший уровень исторической памяти о данном периоде отечественной истории. Среднее и старшее поколения подтвердили явное превосходство над своими детьми и внуками в знании основных персонажей военного периода отечественной истории. Этот результат не стоит воспринимать как осуждающий приговор нынешнему поколению молодых

людей. Историческое сознание младшего поколения находится в стадии становления, интенсивно пополняется новым содержанием, углубляется, приходит в систему, и со временем, надо полагать, по многим показателям догонит нынешнее поколение отцов.

Каких именно героев, согласно исследования, чтит и помнит страна? Какие фильмы о войне живут в памяти поколений? Имеет ли историческая память поколений общее поле?

Итак, знает ли страна своих полководцев? В целом, да, и достаточно хорошо. Бесспорный лидером общественного мнения по частоте упоминания у всех поколений является маршал Г.К. Жуков; в непосредственной близости по рейтингу маршал К.К. Рокоссовский, затем маршал И.С. Конев. Другие маршалы упоминаются в несколько раз реже.

Узнаваемость немецких командующих в памяти населения связана не с их победами, а преимущественно с их поражениями. Яркий пример – фельдмаршал Паулюс. (Не хотим знать и вспоминать тех, кто бил нас, но хорошо помним, кого громили наши войска). В представлениях о военных деятелях германского Вермахта чувствуется влияние на историческую память молодежи телесериала «Семнадцать мгновений весны». Учащиеся пытаются поставить в ряд командующих зав. партийной канцелярией Бормана и шефа гестапо Мюллера, министра пропаганды Геббельса.

Встречаются и анекдотические казусы. В число командующих немецкой армии записаны маршал Блюхер, Багратион, Рузвельт. Александра Матросова провели чуть ли не по всем номинациям (он и партизан, и летчик, и писатель, и конструктор военной техники…). На вопрос: «Сколько, примерно, советских солдат повторили подвиг А. Матросова?» – две трети молодежи, половина лиц среднего возраста и 45% пожилых не представляют порядок цифр (в прежних учебниках называлось более 200). Школьники 11-х классов часто задают контрвопрос: «А кто это? Что за подвиг он совершил?»

В молодежной среде запредельно высокий рейтинг у Зои Космодемьянской, действовавшей в тылу врага и воспетой в поэме М. Алигер. Учащиеся и студенты всех городов будто сговорились и дружно называли свою сверстницу, отдавшую жизнь за Родину. Присутствие остальных героев войны в тылу врага и в памяти народной связаны не только с их боевыми заслугами и проявленным мужеством, но и с увековечением их памяти в книгах, кинофильмах, песнях. Не стоит ждать от общественного мнения признания, адекватного заслугам героев перед Отечеством. Талантливый PR может преувеличить наши представления об их роли в Великой Отечественной войне и удлинить срок жизни в памяти народной. Надежными хранителями памяти о героях войны являются названные их именами города и села, улицы, школы, дома культуры, библиотеки. Такого рода «подсказки» более надежны для народной памяти, и их можно только приветствовать.

В ряду трех десятков советских летчиков, перечисленных в анкетах, имена трижды героев Советского Союза А. Покрышкина и И. Кожедуба открывают рейтинги известности во всех поколениях. Здесь общественное признание совпадает с официальным признанием. Массовая ошибка всех поколений, особенно молодого, – включение в число лучших летчиков-истребителей Отечественной войны В.П.Чкалова, погибшего в 1939 г., русского летчика П.Нестерова, погибшего при первом в мире воздушном таране в 1914 г.

Среди создателей военной техники в памяти трех поколений живут преимущественно одни и те же авиаконструкторы. Традиция называть созданные ими самолеты именами главных конструкторов способствует сохранению их имен в историческом сознании.

С началом войны многие писатели стали фронтовыми корреспондентами и вели художественную летопись войны. В верхних строках рейтингов одни и те же известные всем поколениям имена писателей. Данное обстоятельство свидетельствуют о единстве исторической памяти современников разного возраста. Автор «Моабитских тетрадей» Муса Джалиль, который не был военным корреспондентом, введен в число лидеров среди писателей-военных корреспондентов массовым признанием молодежью Казани.

Ощущают ли наши современники дыхание военной поры? Представляют ли состояние духа на фронте и в тылу? На основе материалов исследования на эти вопросы можно дать утвердительный ответ.

Таблица 2

Рейтинги популярных артистов, песен, кинофильмов, книг о войне

Номинация	Поколения		
	Молодое	Среднее	Старшее
Артисты военных лет	К. Шульженко М. Бернес Л. Орлова Д. Шостакович	К. Шульженко Л. Русланова М. Бернес Л. Утесов	К. Шульженко Л. Русланова Л. Утесов М. Бернес
Песни военных лет	Катюша Синий платочек Священная война Смуглянка-молдаванка Темная ночь	Катюша Синий платочек Смуглянка-молдаванка Священная война Темная ночь	Катюша Синий платочек Священная война Землянка Темная ночь
Кинофильмы о войне	А зори здесь тихие В бой идут одни старики 17 мгновений весны Звезда	В бой идут одни старики А зори здесь тихие Освобождение 17 мгновений весны	В бой идут одни старики А зори здесь тихие 17 мгновений весны Они сражались за Родину
Любимые / известные книги о войне	Б. Васильев. А зори здесь тихие А. Твардовский. Василий Теркин А. Фадеев. Молодая гвардия К.Симонов. Живые и мертвые	Б. Васильев. А зори здесь тихие К. Симонов. Живые и мертвые М. Шолохов. Судьба человека Г.Жуков. Воспоминания и размышления	А. Фадеев. Молодая гвардия Г. Жуков. Воспоминания и размышления Б. Полевой. Повесть о настоящем человеке К.Симонов. Живые и мертвые

Пока поются песни военных лет, продолжаются показы фильмов военной поры и создаются новые на ту же тему, стоят на книжных полках школьных и домашних библиотек книги про Великую Отечественную войну, память о ней будет сохраняться в будущих поколениях.

Лучшие песни, созданные перед войной и во время войны, пережили своих создателей и исполнителей, поются до сих пор не только на концертах, посвященных праздничным датам. Знаменитая «Катюша» и «Священная война» стали символами военных лет, лирические песни «Синий платочек», «Смуглянка–молдаванка», «Землянка», «Темная ночь» и некоторые другие выдержали испытание временем. Ленинградская симфония Д.Д. Шостаковича в памяти половины опрошенных тесно связана с местом и временем ее создания и первого исполнения в осажденном городе. Полагаем, что лучшим произведениям искусства, созданным в годы войны, и в дальнейшем предстоит долгая жизнь.

Поразительно единство выбора и признания респондентами всех поколений четырех городов кинофильмов о Великой Отечественной войне. «В бой идут одни старики», «А зори здесь тихие» вызвали одинаковый резонанс в памяти всех молодых людей, их отцов и дедов. Заметно и то, что в молодежное сознание входят иные кинофильмы о войне 1941-1945гг. («Курсанты», «Штрафбат и др.), которые редко упоминаются и неоднозначно воспринимаются старшим поколением, считающим эти картины недостаточно правдивыми. Можно пожалеть, что ряд фильмов о войне выдающихся режиссеров, собравших награды на международных кинофестивалях, хотя и упомянуты в анкетах, но не вошли в «десятку» по числу упоминаний.

Одним из показателей единства и преемственности исторического сознания разных поколений являются представления о том, благодаря чему Советскому Союзу удалось победить в этой тяжелой и кровавой войне.

Таблица 3

Оценка значимости факторов Великой Победы тремя поколениями

(Доля оценок «4» и «5» по пятибалльной шкале, в %)

Факторы	Поколения		
	Молодое	Среднее	Старшее
Патриотизм и героизм советских людей	98	99	98
Военное искусство советских полководцев	88	83	86
Единство партии и народа	63	65	79
Географические и климатические условия СССР	57	61	65
Превосходство советской военной техники	48	55	66
Руководящая роль ВКП (б)	34	51	64
Поддержка власти православной церковью	28	24	23
Гений генералиссимуса Сталина	24	25	45
Помощь союзников	32	19	24
Божья воля	52	45	47

Заметно, что полное совпадение оценок поколений вызвал фактор патриотизма и героизма советских людей. Практически 100% опрошенных представителей молодого, среднего и старшего возраста назвали данный фактор наиважнейшим и определяющим. Абсолютное большинство современников разного возраста гордятся полководцами, полагая, что их военное искусство также в решающей степени обеспечило верх над немецко-фашистскими захватчиками. Географические и суровые по сравнению с Европой климатические условия сыграли свою роль. Проигрывая в первые месяцы войны пространство, Советский Союз выигрывал время, чтобы оправиться от первых ударов и собрать силы для отражения агрессора. Вспомним, что Гитлер собирался закончить военную кампанию на Востоке до зимы. По-видимому, у него были проблемы и с зимним обмундированием для солдат, и с военной техникой, не подготовленной к боевым действиям в зимних условиях.

Младшее поколение заметно отличается от старших в оценке руководящей и направляющей роли ВКП(б) как факторе победы. Сегодня деятельность коммунистов во время войны в СМИ практически не освещается, более того, фальсифицируется. Между тем мы имеем дело с реальностью истории – нравится это кому-то или нет. За годы войны почти три миллиона коммунистов отдали свою жизнь во имя Победы, в процентном отношении больше, чем беспартийные. С утверждением «коммунисты первыми поднимались в атаку, последними покидали поле боя» полностью согласны три четверти поколения отцов и дедов, тогда как среди молодежи всего 36%; 23% такое суждение считают «пропагандой»; но наибольшее число молодых (41%) затруднились ответить. Можно сказать в этом пункте молодежь – основная жертва дезинформации и манипуляции историческим сознанием.

Среди старшего поколения многие респонденты (45%) считают, что СССР победил благодаря гениальности генералиссимуса И.В. Сталина. Эту точку зрения разделяет заметно меньшее число опрошенных молодых людей и среднего поколения (всего четвертая часть). Весьма интересна для анализа и размышления оценка политики И.В. Сталина в отношении Германии в предвоенные годы: «отрицательно» – 43% «молодых»; 55% – из среднего поколения; 41% – «старшего» и затруднились с оценкой соответственно 37%; 31%; 30%.

Вспоминая и пропуская через разум и сердце историю Великой войны и Великой Победы, респонденты обязательно сталкиваются с вопросом, а могли бы ныне живущие поколения, современная Россия и Российская армия выдержать такое испытание? Сегодня кажется невероятным, как можно было не дрогнуть, выстоять и победить. История не знает сослагательного наклонения. Тем не менее, позволительно провести мысленный эксперимент и перенести респондентов из 2005 в год 1941-й. Полторы тысячи жителей городов Приволжского

федерального округа попытались ответить на очень непростой вопрос: «Как Вы считаете, победила бы *сейчас* наша страна в *такой* войне?»

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Победила бы сейчас наша страна в такой войне?»
(в % по группам)

Варианты ответов	Молодое		Среднее		Старшее		Ветераны	
	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен
Да	50	28	35	28	28	29	32	32
Нет	27	43	31	38	48	39	32	37

Примерно третья часть так и не смогла сказать твердое «да» или «нет». Ответы представителей различных гендерных и возрастных когорт показали изрядный скептицизм женской части в молодом и среднем поколениях относительно нынешнего поколения мужчин как защитников Родины. Каждый второй будущий защитник Отечества утвердительно отвечает на этот вопрос, тогда как остальные мужчины не столь оптимистичны: только треть, оценивая (со своей «колокольни») состояние Российской Армии, морально-политическое состояние поляризованного российского общества, дееспособность и авторитет власти и другие необходимые условия победы, выражают уверенность в благополучном исходе заданной прожективной ситуации. У старшего поколения (без ветеранов) ответы на данный вопрос противоположны ответам их внуков. Пожалуй, это самый яркий пример разногласий мужской части двух поколений в оценках. Что касается женщин всех поколений, то всего 28-32% из них, независимо от возраста, отвечают на поставленный вопрос утвердительно и в среднем 40% – отрицательно. Невольно на память приходят слова поэта, которые представительницы прекрасного пола по природе своей чувствуют сильнее и глубже: «Да, были люди в наше время, Не то, что нынешнее племя! Богатыри – не вы!»

Такие непраздничные оценки наших респондентов лежат в общем русле общественного мнения россиян о состоянии современного российского общества. Но не все так плохо. Русь всегда славилась тем, что в критические моменты истории страны находила в себе неведомые ей самой силы, объединялась в единое целое против общего врага и побеждала. Так было и так будет! Поэтические строки, с одной стороны, упрек нынешнему поколению (на этот раз поколение – все население России начала XXI в.) в слабости духа. Но эти же слова – не что иное, как дань памяти военному поколению, богатырям, спасшим 60 лет назад народы СССР и Европы от коричневой чумы; удивление и восхищение их мужеством, отвагой, самоотверженностью, патриотизмом.

Результаты зондажа исторической памяти трех поколений жителей четырех городов Приволжского федерального округа позволяют сделать вывод о том, что история Великой Отечественной войны в принципиальных вопросах едина для младшего, среднего и старшего поколений населения нашей Родины, героическое прошлое которой и сегодня «работает» на консолидацию современного российского общества, на связь и преемственность поколений.

А.А. Бодалев, д.псих.н. (РАО, Москва)

Феномен нравственности и гражданственности

Для настоящего и будущего России предельно важно, чтобы нравственность и гражданственность в их наиболее действенном проявлении стали доминирующим стержнем в личностной структуре каждого человека. Тема человека – нашего современника, нравственная составляющая в его личностно-субъектной структуре, особенности, отличающие его совесть от совести человека, пик развития которого, как гражданина в его личностных и субъектных проявлениях, пришелся на период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. и послевоенный подъем страны. В те годы с содержательным наполнением основного постулата нравственности было просто: нравственно все, что в поступках и деяниях человека – нашего соотечественника работает на поражение врага, вознамерившегося уничтожить советское государ-

ство, а также то, что в его поступках и деяниях способствует укреплению и развитию Родины. И, соответственно, человеком с чистой совестью оказывался тот, кто постоянно думал и действовал в интересах нашего государства и его народа.

И в настоящее время истиной, не требующей доказательств, должно оставаться положение, что нравственно то, что, соответствуя убеждениям наших сограждан, воплощается в их повседневном поведении, в делах, последствиями которых является благополучие нашего государства и его народа во всех его основных характеристиках – экономической, политической, национальной, правовой, культурной, связанной со здоровьем и образованием всех слоев населения, внешней и внутренней безопасностью страны, ее экологией и демографиической обстановкой в ней. И, соответственно, претензий к совести того или иного гражданина нашего Отечества ни у кого не должно возникать, если он как индивид, как личность и как субъект со всеми своими возрастными, гендерными, этническими и профессиональными особенностями, занимая конкретную индивидуальную нишу в организме нашего государства и общества, результатами своей жизнедеятельности обеспечивает либо в вещной, либо в духовной форме сохранение и приумножение названных выше ценностных характеристик человека.

Очевидно, в идеале так должно было обстоять дело и с нравственностью, и с совестью в нашей теперешней российской действительности. Но поскольку главными идолами в ней, рожденными изменениями, произошедшими в стране, стали деньги и неразрывно связанные с ними частная собственность и потребительская психология, в нравственности и в совести многих наших сограждан произошли кардинальные изменения. Для той части наших соотечественников, в сознании которых деньги и их приумножение любыми средствами заняли доминирующее место и возвысились над такими ценностями, как благо Родины, другие люди, сохранение планеты Земля – нравственным стало все, что лично для них обеспечивает накопление этих денег или рост того, что является их эквивалентом. И при таком варианте развития человека как личности и как субъекта его нравственность становится псевдонравственностью и соответственно изменяется и его совесть.

Совесть – способность человека осуществлять нравственный самоконтроль, самостоятельно определять для себя нравственные обязанности и требовать от себя их выполнения, а также постоянно производить оценку совершенным поступкам и деяниям с целью установления соответствия их тем нравственным правилам, которые стали для человека не подвергающейся сомнению единственной нормой.

У людей псевдонравственных (точнее, безнравственных) совесть оказывается либо извращенной, либо начисто отсутствует. И такие люди, утрачивая духовность, становятся циниками. Таких людей, обуреваемых жаждой наживы, ищущих и находящих лазейки для своих махинаций в несовершенных законах, готовых ради дальнейшего обогащения на предательство, ни во что не ставящих жизнь и честь своих конкурентов, в теперешней России появилось немало. Они выступают в облике политиков, лицемерно радеющих за благополучие народа, хозяйственников, умиляющих психологически близорукую часть населения простотой поведения и доступностью для граждан, предпринимателей, пытающихся убедить легковерных, что они пошли в бизнес, чтобы укреплять финансовые устои государства. Масок у таких безнравственных и, соответственно, бессовестных циников, которыми они пытаются прикрыть истинные цели своего жизнетворчества, изобретено немало. Эти делягициники могут выступать и в роли губернаторов, представлять органы правопорядка, энергетику страны, сферы образования, здравоохранения и еще во многих других. Это мы познаем на множестве фактов, которые постоянно преподносит нам жизнь.

Конечно, в таком огромном социуме, каким является Россия, присутствует категория граждан, которых по результатам анализа содержательных характеристик, как их нравственности, так и их совести, следует отнести к маргиналам. В личностно-субъектной структуре их на субъективном уровне ставшие их собственными, подлинные ценности жизни и культуры в континууме норм, на которые они ориентируются в своем поведении, в определенных ситуациях устойчиво и однозначно выполняют роль мотиваторов их поступков и деяний.

Вместе с тем, присутствующие в том же континууме псевдоценности, тоже в определенных ситуациях активно инициируют, говоря образно, владельцев этих псевдоценностей к поведению, не носящему нравственного характера. И совесть у такого типа наших сограждан проявляется очень своеобразно. Голос ее начинает «звучать» для них, и они на самом деле переживают угрызения совести, когда совершают поступки или осуществляют деяния, противоречащие усвоенным ими действительным нравственным ценностям. И она молчит, когда их действия вызываются тоже усвоенными ими, по мере накопления жизненного опыта, псевдоценностями, то есть она не проявляется, когда они ведут себя фактически безнравственно.

Маргиналов, поклоняющихся, образно говоря, в своем повседневном поведении в одних жизненных ситуациях Богу, олицетворяющему подлинную нравственность, а в других ситуациях – Идолу – выразителю безнравственности, и, соответственно, явно обнаруживающих совесть в первом случае и демонстрирующих ее полное отсутствие во втором, немало. Наблюдения красноречиво свидетельствуют об этом. Но Россия – страна с многовековыми патриотическими традициями, страна, для которой всегда был характерен менталитет соборности, коллективизма в поддержании и приумножении основных ценностей жизни и культуры. И большая часть наших сограждан, даже та, которая вынуждена выживать, а не жить, испытывая элементарную материальную необеспеченность, продолжает настойчиво вбирать в свой духовный мир все лучшее, что есть в отечественной и мировой культуре, понимаемой в широком смысле, и, соответственно выработанным в ней высоким эталонам мыслить, переживать и действовать и в сфере гражданской, и в сфере профессиональной, и в сфере семейно-бытовой. Естественно эти наши сограждане во всех областях своего бытия живут и творят только по законам высокой нравственности, и совесть для них – это действительный нравственный самоконтроль, она постоянно дает о себе знать и на рациональном уровне – в форме осознания нравственного значения совершаемых действий, так и в форме эмоциональных переживаний в зависимости от оценивания этих действий – чувства исполненного долга или, наоборот, угрызения совести.

Для всех нас впечатляющими примерами такого типа россиян – наших современников – является горстка псковских воинов-десантников, не пропустивших пытавшихся прорваться через ущелье на равнину несколько тысяч чеченских боевиков. Не менее блистательный образец нравственности продемонстрировали все без исключения российские воины, когда для подавления «грузинского блицкрига», не сомневаясь, пошли в бой и не дали спровоцировать современный мировой военный пожар. За это мы в неоплаченном долгу перед погибшими миротворцами: Героем России Псковской десантной дивизии, старшим лейтенантом Алексеем Пуцыкиным и его товарищами, Героем России, заместителем командира полка по воспитательной работе, майором Денисом Ветчиновым, отдавшим свою жизнь, спасая жизнь других людей. В эту когорту входит и доктор Рошаль, бесстрашно идущий туда, где мирным людям, захваченным террористами, грозит смерть… К этой когорте высоконравственных наших современников, людей с чистой совестью относится и академик Алферов, пожертвовавший свою Нобелевскую премию на развитие науки. Это перечисление высоконравственных и совестливых наших соотечественников можно продолжать и дальше. Их бесконечно много у нас на Руси. Они – и среди тех, кто управляет нашим государством, и тех, кто работает в местном самоуправлении, и кто поднимает нашу промышленность и сельское хозяйство, и кто пытается сохранить высокую планку в области образования и науки, и тех, кто занят усилением оборонной мощи и укреплением правопорядка, и тех, кто борется с проникновением пошлости и бездуховности в сферу искусства. И сейчас первоочередной задачей общества, культивируемого в нем социального образования является сплочение всех нравственно здоровых граждан нашей страны, всех, у кого пепел погибших за ее свободу и независимость, за ее экономическую и оборонную самодостаточность стучит, образно говоря, в сердце.

Хотелось бы подчеркнуть, что нравственность человека, прежде всего воплощается в его гражданственности. Когда имеется в виду гражданственность, то при этом предполагается принадлежность человека или группы людей к населению какого-либо государства; созна-

ваемая ими возможность пользоваться всеми правами гражданина, обеспеченными законами этого государства, конкретный уровень сформированности у них актуальных гражданских качеств, а также степень готовности каждым из них исполнять гражданские обязанности, служить государству, гражданам своей страны, заботиться об общественном благе и благополучии государства. Видимо, если человек готов и действительно способен отдать свою жизнь во благо своему Отечеству, если он в повседневном своем труде проявляет себя как созидатель – творец воплощаемых в материальную или духовную формы «продуктов», приумножающих достояние народа, если он открыто восстает против тех, кто поднимает руку на это достояние; если он, не корысти ради, оказывает помощь нуждающимся соотечественникам независимо от их возраста, пола, профессии, этнической принадлежности, религиозных представлений; или, если он проявляет ответственность и заботу в отношении своей семьи; постоянно сознательно стремится расти как профессионал в главном для него виде деятельности – можно утверждать, что гражданственность такому человеку определенно присуща. Но возникает вопрос о психологических характеристиках этого многосложного субъектно-личностного качества гражданственности, которое у одних людей может иметь очень протяженный континуум проявлений, у других, этот континуум может быть, наоборот, очень локально коротким.

Социальное образование одним из своих приоритетов выдвигает задачу по формированию гармонично развитой личности, которой присущи высокие социально ценностные нравственные принципы и позиции. Своеобразно дает о себе знать и личностно-деятельностная природа этого качества. Гражданственность, если она у человека сформирована, инициируют чаще всего ситуации, участником которых он оказывается. При этом для разных людей ситуации, вызывающие проявление качества гражданственности, могут совершенно не совпадать. Объясняя случаи несхожести проявления гражданственности у разных людей, не обойтись без использования понятий социального интеллекта, его частного проявления – эмоционального интеллекта, о котором много сейчас пишут, и феноменов ценностей и отношений. Из всего сказанного выше становится очевидным, что качество гражданственности теснейшим образом сопрягается с нравственностью и совестью людей, если под нравственностью понимать интегральное психическое образование, представленное в сознании, самосознании и подсознании человека, а также в его эмоциональной и волевой сферах, проявляющееся у него как устойчивая потребность и постоянная способность выстраивать свое поведение во всех областях жизнедеятельности в соответствии с общечеловеческими ценностями. В избранной трактовке гражданственности, нравственности и их взаимосвязи совесть выступает как способность личности осуществлять нравственный самоконтроль, самостоятельно формулировать для себя по своей сути нравственные цели планируемых поступков и деяний, требовать от себя их выполнения и затем оценивать сделанное, опять же придерживаясь нравственных критериев.

Проблема полноценного проявления гражданственности и формирование ее стоит предельно остро. В годы после развала прежней государственной, экономической, политической, законодательной, идеологической и других систем был фактически утрачен коллективный порыв народов, результатом которого было превращение СССР в великую индустриальную державу, победа в Великой Отечественной войне, послевоенное восстановление, первенство в освоении космоса и другие эпохальные достижения. И совершенно очевидно, формирование гражданственности у наших соотечественников в теперешних очень непростых условиях должно носить системный характер и осуществляться комплексно, подчиненной решению этой задачи деятельностью многих официальных и неофициальных, государственных и общественных структур. Представляется, что высшая власть страны должна, наконец, четко определить программу развития страны, содержательно, конкретно и гласно обозначив, что предполагается осуществить и, конечно, показать, как это должно сказаться на общекультурной и гражданской составляющих типичных представителей нашего народа. Нарочито не очерняя и не лакируя прошлое, на фактах проявления гражданственности в длинной цепочке поколений россиян, в том числе и поколения, стоящего сейчас у своего физиче-

ского финиша, надо развивать это интегральное качество, совершенно необходимое для достижения настоящего благополучия нашей страны, у нашей молодежи. При этом надо помнить, что каждое новое поколение вбирает в себя опыт предыдущего путем освоения достижений культуры и цивилизации, воплощаемых в материальных и духовно-нравственных свершениях. Для настоящего и будущего России предельно важно, чтобы нравственность и гражданственность в их наиболее действенном проявлении стали доминирующим стержнем в личностной структуре каждого человека. А такого результата не будет, если наше государство и общество не проявят на всех уровнях их активности хорошо скоординированных коллективных усилий во имя и во благо конкретного человека.

А.М. Бойков., д.филос.н. (Дагестанский НЦ РАН, Махачкала)

Русский национализм: этносоциальные истоки, виды и причины роста

Русский национализм как общественно-политическое течение родился в начале XX в. как стихийная реакция этносоциума на приближающееся крушение Российской империи, которое в русской этноистории стало катастрофой цивилизационного уровня. Русская духовность включала полиэтнические принципы соборности и державности, бывшие векторами государственного строительства издревле. На закате Российской империи, а в дальнейшем в трансформированном виде в СССР (пролетарский интернационализм , дружба народов, новая историческая общность – советский человек), они более чем наглядно показали свою неработоспособность и, главное, отсутствие всякой перспективы национального саморазвития для их носителя – русского этноса в условиях многонационального государства. Исторические принципы соборности и державности, как и характерный для русских вообще мировоззренческий полиэтнизм, развились из территориального принципа формирования русских (славянских) общин. Антиподом ему являлся родоплеменной принцип общинности, принятый у практически всех народов, окружавших русских и проживавших на будущей территории российского государства. Таким образом, в этническом стереотипе русских исторически сформировались этносоциальная слабость, этническая уступчивость и неагрессивность в области межэтнических взаимоотношений по сравнению с националистическими устремлениями целого ряда малых народов России, которые в этом отношении были явными антиподами русских. Русские ощущали себя сильным этносом лишь во внешних войнах, при этом защищая не столько себя, сколько государство-державу и другие народы России. Однако это не приносило русским этнических дивидендов. В силу несовместимости базовых принципов общинности у русских и нерусских полиэтнические принципы соборности и державности в империи Романовых принималась как жизненный императив только русским народом. Нерусские народы его лишь декларировали, а их этнические элиты беззастенчиво эксплуатировали эти принципы в своих интересах, сами им не следуя в силу этнических и конфессиональных традиций.

Из изложенного очевидно, что русский национализм не мог изначально развиваться с преобладанием этнократической тенденции, хотя бы в силу исторической инерции русского общества. Развитие идеологии русского национализма в социокультурной динамике было противоречивым и медленным. Во многом это было вызвано тем, что русский этносоциум унаследовал неконкурентноспособное в межэтнических взаимоотношениях пассивное мировоззрение, что выразилось в слабо развитом национальном самосознании. Ростки активных его форм, как ответ на негативные для русских этносоциальные реалии, этнос способен прочно усвоить только в ходе естественной смены поколений.

Русский этнос на рубеже XX в., будучи имперским (государствообразующим), не был в России этническим большинством, составляя только 43% населения. Собственно русская часть многонациональной правящей элиты империи в своей государственной практике исповедовала надэтническую имперскую идеологию. Ее обусловили принципы соборности и державности, иллюзорность которых в роли полиэтнической скрепы народов империи была охарактеризована выше. В силу русской государственнической традиции собирания земель и

народов, сформировавшейся в феодальной стране, политика русских Царей, характеризовалась не истреблением или принижением, но поощрением этнических элит на основе, как минимум, сословного уравнивания их с русским дворянством.

В советский период политика национально-социального угнетения русского народа на фоне наделения привилегиями нерусских народов была продолжена партийно-государственной элитой СССР. Но ущемление русских в советское время осуществлялось уже не по этническому, а по территориальному принципу, т.е. опосредованно под фиговым листком формального равенства всех национальностей. В СССР в худшем положении находились советские граждане, проживавшие в РСФСР, где русские составляли подавляющее большинство. Фактически же русские платили наивысшие в СССР налоги, ущемлялись территориально, имели наименьшие возможности в получении высшего образования, ученых степеней и званий и, во многом *поэтому, не смогли создать* вплоть до настоящего времени свою этническую элиту.

Причем в аспекте территориального ущемления русских характерной является беспринципная избирательность по отношению к проклятому тоталитарному прошлому в наши дни. Либерально-демократический режим провозгласил полный отказ от всего советского наследия и предал анафеме в официозных СМИ и, в том числе, лучшие социальные завоевания и народный патриотизм, как таковой. Но режим оставил незыблемыми и вне критики административные границы национально-территориальных субъектов. Да еще возвел их вместе с русскими этническими территориями в Конституции РФ в ранг государств, хотя и в скобках. Между тем, хорошо известно, что в советское время в эти субъекты искусственно включили исконно-русские этнические земли, произвольно оторвав русское население вместе с территорией от своей этнической целостности. Для России имеет смысл выделить *два характерных типа национализма*. Один тип национализма может дополняться и чертами другого.

Первый тип – это этнонационализм, который в полиэтническом социуме получил государственное оформление в виде федерации, приводит к этнократии элит титульных этносов в субъектах федерации. Этнонационализм, выросший из племенного этноцентризма в силу родоплеменного принципа формирования общинности у большинства нерусских народов России, естественно и логично развился в настоящее время в этнократию титульных этнических элит в национальных республиках и округах России. Этнонационализм развивался в неявном виде в национально-территориальных субъектах Союза ССР и РСФСР уже с момента их образования (этнократия – власть одного этноса – в многонациональной республике сродни расизму, фашизму). У русских этнонационализм, как идеология национального движения, не существовал ранее никогда вплоть до самого последнего времени. Характерно, что даже идеология русских фашистов в Манчжурии в 1930-х гг. опиралась на принцип соборности и идеал общероссийской нации. Эта идеология относилась к типу национализма как фактора развития. Ответом на этнократическую политику нерусских титульных элит со стороны активного творческого меньшинства русского этноса может быть только развитие альтернативного мировоззрения в виде русского национализма с тенденцией к радикализации.

Второй тип – национализм как фактор развития, в рамках которого формируется государство-нация с более или менее выраженным приоритетом национальных духовных ценностей. Этот тип национализма в России никогда не существовал в чистом виде, в качестве государственной идеологии. Можно говорить лишь об отдельных его компонентах в виде государственного патриотизма времен Российской империи или рухнувшей вместе с крушением СССР идеологемы КПСС относительно слияния всех народов страны в новую историческую общность советского человека.

Современный либерально-демократический режим ограничивается государственно-патриотической риторикой, которая является изначально непоследовательной и неосуществимой уже в силу приверженности режима идее глобализации. Втягивание России в глобализацию на практике имеет одной из своих целей, как и в остальном мире, стирание наций как таковых вместе с государственными суверенитетами отдельных стран. Кроме того, второй тип русского национализма, не говоря уже о первом, требует безусловной опоры на русскую

этносоциокультуру в качестве духовных и культурных основ государство образующей нации. В реальности в настоящее время в России усилиями официозных СМИ и вкупе с политикой государства русская культура и духовность, мягко говоря, принижаются, а если выражаться откровенно, стираются. И если та часть активного творческого меньшинства русского этноса, которая сейчас ищет пути реализации национализма как фактора развития в конституционных рамках, в частности, парламентской деятельности, не найдет возможностей для легальной борьбы за осуществление своего идеала, то она начнет дрейфовать в сторону радикализации своей идеологии. На этом пути она неизбежно придет к этнонационализму.

Одна из главных причин роста национализма у русских состоит в том, что правящий режим, декларирующий свою приверженность либерал-демократии, в своей практической политике нарушил вопиющим образом по отношению к русскому народу одну из базисных ценностей либеральной доктрины - принцип этнического равенства. Это демонстрирует сознательную избирательность режима в применении этого принципа в условиях полиэтнического социума России, что обернулось на практике этносоциальным неравенством русских. Таким образом, либерализм в России в этой части стал на позиции своего идеологического антипода – фашизма; русские в России, фактически, оказались в положении низшей расы, которой де-факто отказано в возможности развивать свою национальную культуру и даже сохранять этническую идентичность. Одновременно подавляющая часть русского социума оказалась оттесненной на нижнюю ступеньку социальной лестницы, оставшись при режиме либералов, как и во времена советского строя, наиболее эксплуатируемой его частью. Вследствие этого русские стали единственным этносом России, вошедшим в состояние демографической катастрофы. Русскую молодежь государство (находящееся под контролем малого народа) рассматривает в роли главного поставщика пушечного мяса во всех локальных войнах и конфликтах, на всех чужих границах в странах СНГ, а во внутренней социально-экономической политике откровенно игнорирует особенности русской национальной традиции и этносоциокультуры. При том, что русские по сей день составляют этническое большинство России. Отказавшись на практике от либерального базового принципа этнического равенства по отношению к русским, правящий либерально-демократический режим автоматически сполз в колею идеологической преемственности, взяв де-факто на вооружение надэтническую (советскую) идеологию. Эта идеология, несмотря на либеральную риторику режима, выразилась в политике предоставления льгот и привилегиях для нерусских народов и ущемления русского.

В.Э. Бойков д.ф.н. (РАГС, Москва)

Состояние и проблемы формирования исторической памяти россиян[1]

Историческая память составляет одну из основ осознания человеком своего «Я» в семейной родословной и в истории своего народа, понимания нашего «Мы» в национальной и культурной общности страны, а также в рамках общечеловеческой цивилизации. Ее роль особенно актуальна в формировании патриотического отношения граждан страны к своему Отечеству в настоящее время, когда в российском обществе происходит трансформация духовных ценностей, социальных институтов и нравственных регуляторов поведения, когда формируется новая политическая система общества и преобразуются отношения между гражданами и государством.

---

[1] Исследование проведено в июне 2001 г. Социологическим центром РАГС в 26 субъектах РФ. Выборочная совокупность опрошенных объемом 2401 человек формировалась по многоступенчатой квотной выборке с вероятностным отбором респондентов на завершающем этапе ее реализации. Она репрезентирует этнический состав российского населения, его территориальное размещение, соотношение жителей разных типов поселений, социально-профессиональные и демографические группы людей в возрасте 18 лет и старше. Некоторые данные указанного опроса сопоставлены с результатами исследований прошлых лет, осуществленных по аналогичной методике.

В этой связи обратимся к материалам социологического исследования, посвященного этой проблеме.

Отношение населения к историческим достижениям, событиям и личностям

В памяти людей аккумулируются представления о героических событиях отечественной истории, о выдающихся деятелях и ярких достижениях страны. Эти представления играют роль ценностных ориентиров, способствуют укреплению гражданского самосознания и патриотизма. Но память хранит и картины бесславных войн, кровавых репрессий, социальных невзгод, повлекших большие нравственные, человеческие и материальные утраты. Эти ее феномены, напротив, могут рождать у людей отрицательные эмоции, вызывать отчужденное отношение к стране и государству.

С учетом отмеченного, в исследовании изучались оба эти аспекта. А именно: опрошенным были заданы вопросы о том, *какими достижениями в истории России, по их мнению, можно гордиться и какие события прошлого вызывают у них чувства горечи и стыда.* В обоих случаях респонденты формулировали свои ответы без подсказок социологов.

Таблица 1

Распределение представлений о символах гордости и об отрицательных событиях в отечественной истории (в % от количества опрошенных)

Символы гордости	%	Отрицательные события	%
Развитие космонавтики	33	Война в Чечне	21
Победа над фашизмом	23	Сталинские репрессии	14
Научные достижения	16	Горбачевская перестройка	13
Культура и искусство	14	Война в Афганистане	9
Создание военной техники	7	Развал СССР	7

Полученную картину дополняют следующие факты: 78% опрошенных полагают, что Россия оказала значительное влияние на мировое развитие в области науки; 71% – отметили ее большой вклад в прогресс человечества в области культуры (поэзии, музыки, живописи и др.); 45% – считают, что видное место нашей страны в мире обусловлено ее военной мощью, которая была достигнута в советский период истории. Судя по этим данным, историческую *гордость у многих граждан вызывают прежде всего достижения в сфере отечественной науки и техники, культуры и искусства, а также успехи в военной области, определяющие ее высокий статус в мире.* Что касается отрицательных представлений об историческом прошлом, то они в основном связаны с политическими событиями, ослабившими, по оценкам опрошенных, страну и государство.

В полном соответствии с этой логикой восприятия отечественной истории абсолютное большинство населения отметило выдающуюся роль в ней таких неординарных представителей отечественной мысли, как Менделеев (93% опрошенных), Пушкин (92%), Ломоносов (90%), Циолковский (85%), Лев Толстой (84%), Королев (79%) и многих других, а также талантливых военачальников – Суворова (85%), Жукова (81%) и т.д. Их колоссальную роль в развитии России одинаково высоко оценивают представители разных демографических групп, территориальных и национальных общностей. Значение данных символов трудно переоценить в формировании уважительного отношения российских граждан к истории своего Отечества.

Отмеченные акценты исторической памяти населения, как представляется, недостаточно полно учтены в государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001-2005 годы», принятой федеральным правительством 16 февраля 2001 г. В формировании патриотизма важно более активно опираться на традиции, созданные предшествующими поколениями в духовной сфере общества.

История России в отличие от многих других стран изобилует социальными и политическими реформами. В этой связи опрошенным было предложено оценить наиболее значимые из них с точки зрения их влияния на развитие России.

Таблица 2

Рейтинг реформ в исторической памяти людей (в % от количества опрошенных)

Реформы	Ускорили прогресс	Не имели значения	Задержали развитие	Трудно сказать
Реформы Петра I	86	1	1	12
Отмена крепостного права	70	8	2	20
Октябрьская революция	34	7	30	29
Перестройка, начатая М.С. Горбачевым	21	10	41	28
Реформы 1990-х гг., начатые Б.Н. Ельциным	15	11	45	29

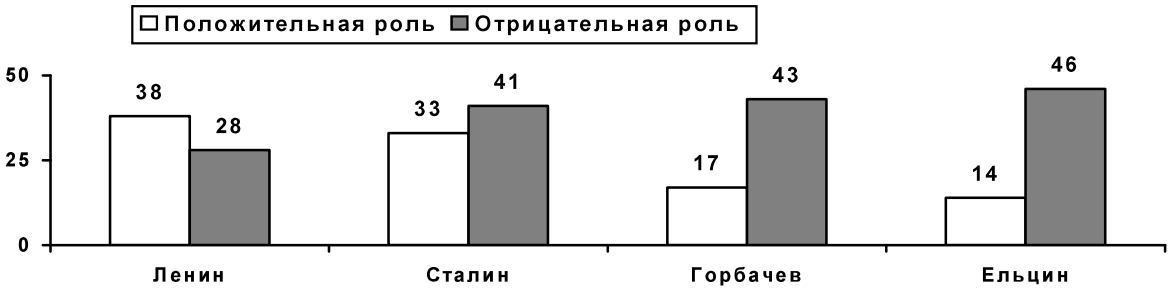
Обратим внимание на устойчивость некоторых оценок. В аналогичном исследовании исторического сознания российского населения в мае 1990 г. (объем выборки – 2196 человек) отметили прогрессивное значение Петровских реформ 72%, периода Октябрьской революции – 50% опрошенных.

Несмотря на множество исторических мифов, прогрессивность Петровских реформ в памяти людей ассоциируется с развитием образования, науки, промышленности, градостроительства, с укреплением российской государственности и т.д. Аналогично в памяти о длительном периоде истории нашей страны после 1917 г. фигурируют, наряду с ужасами террора и репрессий, всеобщее образование, развитие науки и культуры, создание индустриальной мощи страны, победа над фашизмом, зарождение и развитие космонавтики и многие другие достижения подлинно исторического масштаба. Стало быть, даже при скудости исторических знаний именно практические результаты коренных социальных реформ (в том числе в плане соответствия этих результатов общенациональным интересам прогресса) определяют их восприятие в исторической памяти народа.

Игнорирование и тем более противодействие этому проявлению исторической памяти в информационной политике, в системе образования и воспитания контрпродуктивно, так как противоречит доминирующим настроениям в обществе и их объективной исторической основе. В пользу этого вывода говорит и тот факт, что 53% опрошенного населения отрицательно оценили демонтаж памятников советского периода страны. Восприятие исторических эпох массовым сознанием традиционно сопряжено с личностями, которые в эти времена находились у государственного штурвала. Поэтому опрошенным было предложено оценить роль ряда исторических деятелей в судьбе России.

По полученным данным, наш народ наиболее высоко оценивает роль Петра I. По общему мнению 90% респондентов, он оказал огромное влияние на формирование государственности России, на ее превращение в великую мировую державу. По данным упомянутого исследования в 1990 г., дань уважения Петру I отдали 74% опрошенных. Иначе выглядит картина исторических представлений опрошенных о лидерах государства, руководивших страной в советский и постсоветский периоды ее истории.

Рис.1. Соотношение положительных и отрицательных оценок Ленина, Сталина, Горбачева и Ельцина в судьбе страны (в %)



Рассматривая эти оценки, следует учитывать, что для видения подлинной глубины процессов последнего столетия и их реальных последствий наши современники более пристрастны, чем в оценке исторических символов предыдущих веков. И – тем не менее – реальное проявление массовых представлений о лидерах государства в его новейшей истории заслуживает рассмотрения, ибо эти представления составляют ценностную и социально-психологическую основу отношения людей к нынешним событиям в жизни общества.

Из четырех бывших лидеров государства, результаты оценок которых представлены выше, только в отношении к *Ленину* количество положительных суждений о его роли в истории общества и государства преобладают над количеством отрицательных. Заметим также, что соотношение позитивных и негативных оценок его деятельности совпадает с распределением представлений опрошенных об историческом значении Октябрьской революции в развитии страны. Но, говоря об образе Ленина и его детища – революции, следует обратить внимание на два других немаловажных обстоятельства. Во-первых, сопоставление приведенных данных с материалами опроса 1990 г. показывает, что за последнее десятилетие облик Ленина и значение Октябрьской революции в качестве локомотива истории в историческом восприятии существенно померкли. Во-вторых, среди представителей ряда категорий населения (молодежи, людей с высшим образованием, занятых предпринимательской деятельностью и др.) преобладающим стало отрицательное отношение и к Ленину, и к революции. Констатация неоднозначного отношения населения к Ленину как идеологу коммунизма и первопроходцу в строительстве социализма имеет смысл вовсе не с точки зрения ревизии исторического ранга его деятельности. Существенно другое – соответствует ли связанная с ним социальная память доминирующим в обществе установкам социального развития страны? Едва ли, так как, по данным многочисленных социологических опросов, подавляющее большинство населения не желает возврата к советской модели общественного устройства. Кроме этого, при всем уважении значительной части людей к Ленину, он запечатлен в массовом сознании только в качестве положительного образа, но не как идеологический символ борьбы за социальные права на базе большевистской идеологии.

В оценке исторической роли *Сталина* негативные оценки фиксируются чаще положительных. Но сравнение материалов исследований разных лет показывает, что его авторитет в исторической памяти народа возрастает: в 1990 г. высоко оценили его историческую роль 6% опрошенных, а в 2001 г. – 33%. Это объясняется главным образом уважительным отношением населения, особенно старших возрастных групп, к героике периода Великой Отечественной войны.

Если сравнивать отношение разных категорий населения к Сталину, Брежневу, Горбачеву и Ельцину, то наблюдается отчетливая зависимость – чем ниже уровень образования опрошенных, тем больше доля положительных оценок заслуг перед Отечеством Сталина и Брежнева и, наоборот, – отрицательных оценок исторического рейтинга Горбачева и Ельцина. Аналогичны тенденции в восприятии результатов деятельности указанных руководителей страны наблюдаются в разных возрастных группах и территориальных общностях: представители старших поколений и сельского населения чаще почитают Сталина и Брежнева, а молодежь и жители крупных городов более лояльно оценивают Горбачева и Ельцина.

Эти и другие социологические данные дают веские основания для следующего вывода. События политической истории последнего столетия и их персонификация в лице руководителей государства запечатлелись в исторической памяти народа преимущественно в негативном изображении в отличие от достижений науки и техники, литературы и искусства, выдающиеся представители которых являются патриотическим ориентиром.

Патриотические чувства в исторической памяти

Историческая память, являясь интеллектуальным и эмоциональным отражением событий минувших веков, обращена вместе с этим к опыту текущей жизни и будущему народа, страны и государства. Именно поэтому в совокупности представлений, оценок, настроений и других форм проявления общественной психики, связанных с восприятием отечественной и мировой истории, наблюдается широкое многообразие суждений. Это выражается, в частно-

сти, в различиях понимания исторического прошлого представителей разных социальных категорий населения.

Совокупность социологических материалов показывает две тенденции. Одна тенденция выражается в относительно большей приверженности традиционному российскому патриотизму представителей старших возрастных групп населения. Другая тенденция состоит в относительно большей склонности образованной части населения к положительному восприятию жизненных стандартов, проникающих из-за рубежа. Обе тенденции находят отражение в различиях оценок ментальных качеств русского народа, исторического прошлого страны, перспектив России, в эмиграционных настроениях и т.д.

Таблица 3

Доли положительных оценок исторически обоснованных характеристик русского народа в разных возрастных группах (В %% от количества опрошенных в каждой группе)

Характеристики русского народа	Σ	Возрастные группы (годы)		
		18-24	40-49	50-59
Народ-освободитель	79	74	80	79
Созидатель великой культуры	78	78	78	81
Народ-строитель	69	64	70	72
Защитник народов	64	61	66	65
Технически передовой народ	51	47	48	51
Народ-коллективист	48	43	48	51
Высоконравственный народ	45	39	46	42

Возрастные группы от 25 до 29 лет и от 30 до 39 лет занимают промежуточные позиции между более молодыми и старшими респондентами. Наиболее высока доля позитивных оценок всех характеристик русского народа в группе респондентов, достигших 60 и более лет.

Особый интерес представляет национальная и гражданская самоидентификация молодежи, проявляющаяся в суждениях о русском народе, о статусе российского государства на международной арене и т.д. В принципе, расхождения в доле положительных оценок различных ментальных качеств российского народа в разных возрастных группах невелики. Тем не менее, среди молодых людей относительно меньше количество высоких оценок созидательного и нравственного потенциала русского народа. Главное же состоит в расхождении представлений, с одной стороны, о великом культурном наследии и, с другой – о недостаточном нравственном потенциале народа. Скорее всего, культура ассоциируется в сознании людей с элитным духовным производством и его гениями, а уровень нравственности оценивается на основе практики повседневной жизни. И в этом состоит одна из реальных проблем современного этапа развития нашего общества, суть которой в том, что «большая» культура вытесняется из духовной жизни на периферию эрзацами массовой культуры.

Обращает на себя внимание и то, что на протяжении многих лет сохраняется предрасположенность значительной части наших граждан к эмиграции из России. Причем это стремление выражают не только представители науки, искусства, спорта и других категорий населения, рассчитывающих на улучшение возможностей для достойной работы, получения зарплаты, удовлетворения творческих амбиций и т.д.

Таблица 4

Распространенность эмиграционных настроений (в % от количества опрошенных)

Варианты	1990 г.	1993 г.	1998 г.	2001 г.
Не имеют желания уезжать в другую страну	71	72	67	68
Хотели бы уехать в другую страну на постоянное место жительства или временно	19	15	23	21
Затруднились ответить	10	13	10	11

Объемы общероссийской выборки опрошенных в исследованиях 1993 и 1998 гг. составляли 2400 респондентов.

Эмиграционные настроения обусловлены экономическими, социальными и многими другими проблемами жизнеобеспечения населения. В какой-то мере их иллюстрируют следующие данные исследования, проведенного в декабре 2001 г. (опрошены 2400 человек): 61% респондентов крайне низко оценили степень своей защищенности от возможных экономических потрясений; 75% – считают что их социальное положение в обществе хуже, чем должно быть по их представлениям; 65% – постоянно опасаются стать жертвами преступлений.

При этом, чем моложе возрастная группа опрошенных, тем чаще у ее представителей выражено стремление временно или даже навсегда перебраться в другую страну

Таблица 5

Эмиграционные настроения в разных возрастных группах

Варианты	Σ	Возрастные группы (годы)		
		18-24	30-39	50-59
Предпочитаю жить в России даже при плохом развитии событий	65	52	62	73
Хочу временно уехать и собираюсь это сделать	7	16	7	4
Хочу навсегда уехать и собираюсь это сделать	2	3	2	1
Хотел бы эмигрировать, но нет возможности	13	12	15	13
Затруднились ответить	13	17	14	9

Выявление разнородных исторических представлений в массовом сознании необходимо для их учета в формировании патриотического отношения населения к стране и государству, в усилении воспитательного воздействия культуры, искусства, образования, средств массовой информации в этом процессе. А проблема достаточно актуальна. Ее острота в значительной мере обусловлена искажением норм русского языка, его засорением иноязычным жаргоном. Как свидетельствуют данные, некритическое отношение к отечественной языковой среде наблюдается чаще у молодых людей.

Таблица 6

Отношение к широкому использованию иностранных слов в печати, радио- и телепередачах в разных возрастных группах

Характеристики русского народа	Σ	Возрастные группы (годы)		
		18-24	30-39	50-59
Очень положительное и положительное	16	28	15	12
Безразличное	32	38	41	24
Очень отрицательное и отрицательное	45	27	37	57
Затруднились определить	7	7	7	7

Прежде системе формирования патриотизма народа была подчинена мощная и скоординированная система образования, книгоиздательства, кино, учреждений культуры – библиотек, театров, музеев и т.д. Сейчас речь идет не об идеологическом содержании, а об организационной и финансовой основе этой системы. Она позволяла достаточно эффективно решать задачи культурного тиражирования и иной поддержки важнейших направлений духовного производства. Ныне условия совершенно иные. Произошло разгосударствление СМИ, культуры и в значительной степени образования. Уменьшились не только объемы финансирования учреждений и организаций сферы духовной жизни, но и ухудшились возможности влияния государства на развитие духовных и нравственных ресурсов общества.

При снижении уровня духовного производства и определенной утрате нормативного контроля над его содержанием оказалась ослабленной традиционная для нашего общества просветительская роль прессы, литературы и искусства. Теперь неясно, кто преимущественно и в каком направлении выполняет «пастырскую» миссию утверждения ценностных ориентиров жизни и нормативно-практических регуляторов поведения.

Для иллюстрации ситуации упомянем такие факты. В настоящее время в России количество изданий на один миллион населения находится на уровне 1913 г., а русская дореволю-

ционная классика составляет в общем объеме выпуска художественной литературы за год около 12% по названиям и 6% – по тиражам. Не будем забывать и о том, что цена книг в настоящее время такова, что их приобретение доступно далеко не каждой семье. Отсюда следует вывод: в решении задач формирования исторического сознания необходимо искать новые подходы, соответствующие нынешним реалиям.

В качестве резюме уместно заметить, что радикальные изменения, происходящие сейчас во всех областях жизни российского общества, накладывают существенный отпечаток на наше восприятие событий прошлого. В этих условиях исключительно важное значение приобретает бережное отношение к тем ценностям, которые составляют основу менталитета российского народа.

С.Е. Вершинин, д.филос.н. (РГППУ, Екатеринбург)

Неодновременность образа Родины

Одной из объективных тенденций процесса трансформации российского постсоветского общества является возрастание социальной (экономической, политической, культурной, идеологической и пр.) неоднородности. Эта неоднородность может быть конкретизирована как *неодновременность функционирования и развития различных социальных институтов, групп, индивидов*. Неодновременность[1] как асинхронность и несовременность функционирования и развития определенных социальных групп, культур, отдельных индивидов друг относительно друга является фундаментальным свойством социальной жизни любого общества. Неодновременны течение и события внутренней и внешней жизни молодых людей и стариков, мужчин и женщин. Неодновременны различные религиозные традиции, обладающие своими системами летоисчисления, специфическими культурами и ритуалами[2]. Неодновременны различные общества и культуры, сосуществующие в рамках какой-либо исторической эпохи.

Неодновременность как *несовременность* тех или иных социальных институтов и групп друг относительно друга свойственна не только мировой или региональной истории, но и любому обществу, находящемуся в процессе модернизации. Неодновременность проявляется в сохранении определенных способов производства, политических и культурных традиций, типов мировосприятия и мировоззрения, не совпадающих (опережающих или отстающих) с другими способами производства, другими типами политического и культурного поведения и мышления, доминирующими в данном обществе. Неодновременны крестьяне с их ориентацией на календарное время, связанное с сельскохозяйственными работами, по отношению к рабочим и служащим больших промышленных городов, живущими совсем в ином социальном и личном времени. Неодновременным являлось существование дворянства, духовенства, подпольных предприянимателей в социалистическом обществе, приобретших, однако, в постсоветском социуме статус наиболее современных. В нынешних условиях, напротив, неодновременно существование различных социальных слоев, потерявших прежние источники дохода и высокий социальный статус. В этой связи политические партии, призывающие вернуться назад, являются наиболее явными выразителями неодновременности. Но и партии, зовущие вперед, тоже в определенной степени являются неодновременными. Однако степень их расхождения с господствующими ценностями является не столь радикальной, как в первом случае. Мы говорим в данном случае только об институциализированных политических

---

[1] Мы используем термин «неодновременность», опираясь на концепцию неодновременности, разработанную в трудах известного немецкого мыслителя Э. Блоха (Bloch E. Erbechaft dieser Zeit. Frankfurt a/M., 1985. S.45-207). Термин «неодновременность» является более динамичным (по сравнению с понятиями «культурный круг», «социальная неоднородность», «неравномерность экономического и политического развития») и более синтетическим, ибо дает характеристику как объективных социальных процуессов, так и форм их восприятия индивидами и группами, т.е. внутренних аспектов социального взаимодействия. Таким образом, этот термин позволяет зафиксировать некое объективное положение дел, определенным образом переживаемое индивидами и группами индивидов.

[2] См.: Гофф Ж. ле. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С.124-184; Иорданский В.Б. Хаос и гармония. М., 1982. С.82-96; Ткаченко Г.А. Космос, музыка, ритуал. М., 1990. С.91-104.

организациях. Когда же речь идет о внепарламентских формах политического и культурного протеста, различных религиозных движениях и сектах, то в них, в соответствии с провозглашенными ценностями может существовать совсем иное социальное (культурное, идеологическое, политическое) время. Тогда весь спектр социальных движений предстает в виде совокеупности линейных временных траекторий, по которым движутся, переживая их, участники этих движений. Эти траектории могут пересекаться, могут быть противоположны по направлению, паралл5ельны и т.д. Таково, например, позитивное или негативное переживание истории в ожидании политической революции, переживание последствий какой-либо войны и т.п. Непрекращающиеся интерпретации индивидами и группами действий других индивидов как «отсталых», «идущих в ногу со временем», «несвоевременных», «забегающих вперед»[1] и т.п. свидетельствуют о постоянном присутствии проблематики неодновременности в социальной жизни.

Очевидно, что неодновременность в своих объективных и субъективных формах должна иметь некоторые границы, в которых она может существовать и развиваться. *Неконтролируемая неодновременность*, получающая мощный толчок во времена социальных кризисов, может привести к потере социальных связей, разрушению социального порядка и взаимодействия. Поэтому она всегда уравновешивается, сопровождается, взаимодействует с другой тенденцией – *одновременностью*.

Одним из основных условий эффективного функционирования и развития любого общества как целостной системы является определенная степень координации и кооперации составляющих его социальных институтов, групп и индивидов. Одновременность означает не только констатацию факта сосуществования новых и старых социальных структур в данном настоящем, но и императив ориентации, настроенности на господствующую иерархию экономических, политических, культурных ценностей, мотиваций деятельности, этических норм. Проблема достижения социальной одновременности в аспекте социального управления выступает как проблема синхронизации действий различных социальных суюъектов. Синхронизация выражается, в частности, в определении неких темпа и ритма социальной жизни. Это достигается с помощью самых разнообразных механизмов – от экономического и политического регулирования, идеологического манипулирования, технологий социализации и образования до моды и традиций *повседневного* быта. Применение тех или иных механизмов диктуется как национальной культурной традицией, так и степенью несовпадения способов и ритмов групповой жизни, приобретающего в конкретных исторических условиях антагонистический или неантагонистический характер.

Так, например, происходившие в недавней советской истории процессы индустриализации, электрификации, радиофикации являлись синхронизацией образа и ритма жизни, социального и личного времени всех индивидов, социальных групп, регионов и республик. *Борьба за господство во времени и над временем* стала приметой социальной советской истории. Власть над временем означала и власть над общественным и индивидуальным сознанием. Часы на Спасской башне Московского Кремля в качестве Главных Часов страны стали символом и камертоном всей общественной жизни. Наступление Нового года, открытие партийных съездов, военных парадов удостоверялось и освящалось боем этих часов[2]. Одновременность, олицетворявшаяся этими часами, не только носила ритуальный характер, но и выступала мощным средством социальной терапии, смягчающим болезненные последствия многочисленных социальных изменений.

Доминирующие нормы и образцы социальной деятельности задают или создают определенную последовательность событий: например, при направленности из прошлого в будущее – от момента рождения некоего пророка, свершения значимого события (победы в войне, на

---

[1] Политическая жизнь российского общества полна такими эпитетами, раздаваемыми по каждому поводу.

[2] Такое положение сохраняется и до сих пор. Пока определенные политические, культурные, временные символы, характеризующие относительную независимость и самостоятельность регионов, не будут найдены, изобретены, внедрены в общественное сознание, главный камертон российского общества будет задавать определенные ритмы и последовательности.

выборах, провозглашения политической независимости); при направленности из будущего в прошлое – от ожидаемого изменения мира: катастрофы, Страшного Суда в теологическом или мирском варианте и т.д. События датируются по определенным правилам, а их значимость определяется в соответствии с господствующими в данном обществе (социальной группе, регионе, властвующей элите) ценностями. В одной культуре традиции это могут быть конфликты и войны, стихийные бедствия, неурожаи, пресечение очередного заговора неких вражьих сил, а другой – прорывы в технологии, пуски очередных промышленных и торговых предприятий, успехи в накоплении или распределении личного и общественного (государственного, регионального, корпоративного) богатства.

Исторических вариантов может быть сколь угодно много, но их суть состоит в том, что разные способы и критерии датировки социального и исторического времени приводят к возникновению различных образов прошлого и будущего, с которыми идентифицируются и в которых живут различные индивиды и группы. При этом различные образы прошлого и будущего определяют характер переживания и сознавания настоящего, которое, собственно, и является *неодновременным по отношению к другим настоящим, переживаемым и сознаваемым другими индивидами*. Солидарность и возможность социального взаимодействия возникает при определенной степени тождества сознавания *«теперь», «современности», «сегодня»*.

То, что в данный момент индивид сознает и помнит, что для него является актуальным и значимым, те задачи, решением которых занята какая-либо социальная группа или политическая организация, - все это предопределяет возникновение *особого временно́го ряда*[1]. Так, например, борьба региональной элиты за поднятие экономического и политического статуса своего региона и вовлечение в этот процесс все большего числа людей и структур приводит к возникновению и укоренению в массовом сознании жителей региона своего особого – *регионального* – времени. Такое время окрашено прежде всего в политические тона, так как его

[1] Неодновременность настоящего может иметь множество характеристик, определяющих в кризисные времена степень децентрализации социальных систем и групп. Одной из них является определенная мера соотношения, с одной стороны, сознавания и запоминания, с другой – забывания. Следует особо подчеркнуть, что не только историческая память, но и забывание является сущностной чертой любого социально-исторического процесса, характеризующей последний с точки зрения прерывности, перехода в новое качество. Забывание как неповторение определенной информации, стирание её из коллективной и индивидуальной памяти, наложение (интерференция) и модификация определенных интерпретаций (см.: Lexicon der Psychologie. Bd.1. 1991. S.677-678) свойственно не только индивидуальному сознанию, но и политической жизни, социальной истории и т.д. Забывание – вместе с воспоминанием – является необходимым условием группового и личностного тождества. Воспоминание об определенном событии, напоминание об определенной системе ценностей, доминирующей в данном обществе или группе, означает одновременно забывание других событий и ценностей. Культура исторической памяти неразрывно связана с культурой исторического забывания. В контексте советской истории это означало, например, что воспоминание об Октябрьской революции 1917 г. исключало память об Иисусе Христе, краткий курс ВКП(б) – жития святых и т.д. Построение определенной иерархии планомерно и ритуально повторяющихся воспоминаний обеспечивает определенную синхронность массового сознания. При этом в периоды общественных кризисов эта синхронность нарушается, а различные меры соотношения воспоминания и забывания оказываются в центре политической борьбы. Любая социальная революция есть осуществление воли к забыванию. Забывание становится необходимым условием строительства нового общества. Тем самым добровольное или принудительное забывание является фактором как личного выживания, так и социальной интеграции. Неразрывные зигзаги политической линии компартии в советское время приучили мыслить одномоментно и забывать сегодня то, что еще вчера следовало помнить. Такая долгая тренировка политического сознания не прошла бесследно и, в конечном счете, обернулась против ее организаторов. В целом можно предположить, что в модернизаторских движениях, даже независимо от желания их идеологов, забыванию придается большее значение нежели в консервативных. Это подтверждается историей попыток модернизации всего общества, так и его отдельных сфер. Не стали исключением и времена перестройки. Расширение исторической памяти с одновременной критической переработкой прошлого сопровождалось активным забыванием советских традиций в тех слоях населения, которые успешно адаптировались к условиям рыночного хозяйства. И, напротив, эти традиции культивируются внутри тех групп, которые находятся в самоизоляции по отношению к развивающимся общественным процессам. Тем самым, относительная синхронность массовых воспоминаний и забываний, которая была присуща советскому обществу, оказывается расколотой на ряд разнонаправленных сегментов. Эта децентрализованная разнонаправленность – при отсутствии терпимости по отношению к неодновременности – способствует дистанцированию отдельных индивидов и социальных групп друг от друга.

направленность, темп и ритм определяются политическими стратегиями и успехами или неудачами в осуществлении этих стратегий. Наряду с *политическим региональным временем* существует *ряд других времен*, связанных с наличием самостоятельной *культурной, экономической истории*, особенностей геополитического положения региона, города, области. Однако политическое время региона связывает все их воедино, становясь в определенной степени опосредующим звено вместо абсолютно главенствовавшего прежде «московского времени».

Отметим, наконец, еще одно важное обстоятельство, связанное с признанием факта неодновременности социальной *жизни: синхронное сосуществование различных объективно и субъективно не одновременных тенденций* означает, что в социальной жизни как целого государства, так и составляющих его регионов присутствует некая объективная провокативность. Возникающее в результате социальных контактов взаимодействие одних индивидов, групп, культур с другими вызывает ощущение, а затем и определенную интерпретацию объективно существующей *социальной дистанции*, связанной с разным пониманием и переживанием настоящего. Эта интерпретация может приобретать самые различные формы, в том числе представление одних участников или наблюдателей взаимодействия *о провокационности поведения* (идей, желаний) других участников. В данном случае речь идет не о произвольном или конъюнктурном приписывании друг другу определенных мотиваций с целью разрешения той или иной политической, идеологической ситуации в свою пользу, но о своеобразной социально-культурной интерпретации групповым и индивидуальным сознанием факта несовпадения ритмов социальной жизни. Тогда *феномен провокации* теряет свой волюнтаристски политизированный, демонический характер и превращается в атрибут любого межгруппового и межкультурного взаимодействия[1]. Возвращение этому термину его первоначального смыслы (лат. provocation – вызов) позволяет представить процесс развития или совокупность социальных изменений как непрерывное объективное провоцирование одних социальных субъектов другими.

Общей же задачей всех политических сил остается признание *феномена одновременной неодновременности*, а также *права любого индивида и группы в рамках гражданского общества на неодновременность существования и развития*. Это же относится и к неодновременности сосуществования и центра и регионов. Тогда децентрализация становится необходимым выражением объективной социально-исторической ситуации неодновременности, подавлявшейся в советском обществе и ставшей очевидной в постсоветском.

Следствие такой ситуации является децентрализация общественного и индивидуального сознания и только затем уже определенных политических действий. На наш взгляд, анализ тенденции децентрализации возможен через исследование тех ключевых символических образований, где ошибка одновременности и неодновременности проявляется особенно отчетливо. Одним из таких напряженных пересечений является понятие *«Родина»*.

Понятие «Родина» – чрезвычайно емкий и синтетический образ, объединяющий в себе самые различные компоненты – экономические, политические, идеологические, эстетические, эмоциональные. Традиционные определения Родины и Отечества основывались, скорее, на пространственном признаке: «Отечество – данная политическая, социальная и культурная среда, в которой живет и трудится народ»[2]. Другие определения Родины см.: Макаров В.В. Отечество и патриотизм: логико-методологический анализ. Саратов. 1988. Более

---

[1] Трактовка феномена провокации в советской литературе был выдержан в традиционно алармистском тоне. В зарубежной литературе этот феномен характеризуется более нейтрально: «Провоцировать – вызывать, раздражать .. а)делать так, что другой чувствует себя задетым и соответствующим образом реагирует… б) делать так, чтобы нечто, что не было в порядке вещей, было вызвано как следствие чего-либо… в) искусственно вызывать для диагностических или терапевтических целей посредством диеты, определенных медикаментов физические раздражения, определенные реакции, проявления болезни» (Duden. Das grosse Woerterbuch der deutschen Sprache: Un 6 Bd. Bd.5. Mannheim, 1980. S.2059). Предлагаемая нами онтологическая трактовка переносит феномен провокации из сферы психологических характеристик различных форм коммуникативного взаимодействия в сферу социальной жизни. Она позволяет более отчетливо представить провокативный характер неодновременности в периоды как стабильного, так и кризисного развития общества.

[2] Научный коммунизм. М., 1983. С.216.

интересным представляется определение В. Брожика: «Родина – это совокупность жизненно важных ценностей и значений, которые человек досконально знает и которые связывают его со средой»[1]. На мой взгляд, наиболее адекватным инструментарием при анализе образа Родины является феноменологическая социология (прежде всего теория А. Шютца). Категории последней – естественная установка, актуальный и потенциальный масштабы действия, запас знания, структуры релевантности – позволяют наиболее точно описать структуру ценностного патриотического сознания и отразить характер связи индивида с окружающим его обществом. Свойства же повседневного жизненного мира – очевидность, беспроблемность, понимаемость и т.д. – вполне могут применены при анализе образа Родины в общественном и индивидуальном сознании.

Наличие образа Родины является одним из необходимых условий ориентации индивида (группы индивидов) в социальном пространстве и времени. Это существенный компонент личностной и групповой самоидентификации, являющийся опосредующим звеном при взаимодействии с окружающим обществом. Образ Родины является изначально противоречивым: с одной стороны, он привязан к месту рождения, пространству и не зависит от наших желаний[2]. Осознавание *уникальности данного этапа личной истории в каком-либо месте* (при всей ее похожести на другие биографии) создает сильное эмоциональное отношение, которое при позитивном характере последнего становится фундаментом патриотического мировосприятия. Это обстоятельство привязывает образ Родины к некоей реально существующей (или существовавшей) конкретно-исторической ситуации.

С другой стороны, этот образ отражает желаемое положение дел, является проекцией желаний и интересов (как интимных, так и общественных) и потому может принимать самые разнообразные формы – родительского дома, ландшафта[3], «града небесного», определенной культуры и т.д. Родина – это то, что знакомо, очевидно, беспроблемно, безопасно, где я могу понимать людей, а они могут понимать меня. По существу, основные признаки Родины являются проекциями основных характеристик желаемого и воображаемого повседневного жизненного мира индивидов. Поэтому этот образ является более субъективным, приватным, интимным в отличие от понятия «Отечество», являющегося более анонимным, отчужденно-политизированным и связанным с лояльным отношением к государству.

Такая внутренняя противоречивость образа объясняет как некоторые особенности массового поведения людей (волны эмиграции в различные периоды истории в большинстве стран мира), так и стратегию идеологического манипулирования массами. В условиях СССР, в частности, происходило *стягивание воедино различных характеристик Родины* – образа, который должен был объединить прошлое, настоящее и будущее всех граждан данного государства. Воедино связывались экономические, политические, культурные, идеологические характеристики Родины как точки пересечения истории и географии. Этот синтетический образ должен был иметь не только пространственные, но и единые временные характеристики[4]. Ссинхронизация, своеобразная «*социальная синтония*» получали легитимацию посредством такой единой Родины. В рамках подобного образа социальный порядок оказывался торжеством одновременности, а неодновременность символизировалась социальным хаосом. Официальная одновременность приобретала первенствующее и доминирующее значение, а на

---

[1] Брожик В. Марксистская теория оценки. М., 1982. С.233-235

[2] Ж.-П. Сартр убедительно показал «до какой степени случайным являются мое рождение и определенное этим мое место» (Цит. по: Ярошевский Т. Личность и общество. М., 1973. С.214-218). Ж. Амери, определяя Родину как пространственно-временной континуум детства и юности , считает, что эмоциональное отношение к переживаниям и воспоминаниям об этом периоде жизни определяет единственность Родины. В этом смысле никакой «новой» Родины, по его мнению, быть не может (Amery J. Jenseits von Schuld und Suehne. Bewaeltigungsversuche eines Ueberbewaeltigten. Stuttgart, 1980. S.74-100).

[3] О категории ландшафта см.: Ritter J. Subjekttivitaet. Frankfurt a/M. 1980. S.141-165.

[4] Об официальных пространственно-временных характеристиках СССР см.: Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург, Пермь, 1995. С.35, 53-60; Паперный В. Культура Два. М., 1996. С.109-143.

долю неодновременности в общественном сознании оставалась роль реликта прошлого, музейного экспоната, но не необходимого условия полноценной социальной жизни региона.

Начавшийся в сер. 1980-х гг. процесс трансформации социалистического общества означал постепенное разрушение синхронности. Последнее обстоятельство привело к *сегментации образа Родины в общественном сознании.* Распадение единой Родины произошло не только объективно (распад СССР), но и субъективно. Такая субъективная переориентация сопровождалась прежде всего переворачиванием основных характеристик картины мира и картины общества: атеистический СССР – православная Россия, альтруизм – эгоизм, бедность – богатство и т.д. Вместе с тем усиление политического сепаратизма сопровождалось выдвижением различными политическими движениями – прежде всего, национальным – собственных исторических и социологических интерпретаций образа Родины. Таким образом, первая серьезная сегментация образа Родины означала ее *регионализацию*, строившуюся, прежде всего, на этнической основе.

Но и внутри этнически однородного населения параллельно происходили аналогичные процессы. В соответствии с определенными ориентациями личностной и групповой самоидентификации *образ Родины распадается в общественном сознании на ряд сегментов.* Можно говорить о тенденции появления и кристаллизации таких *сегментов*.

1.*Экономическая Родина* – место, где возможна эффективная экономическая деятельность, обеспечивающая желаемый уровень жизни. Это место может приобретать самые различные очертания – банк, фирма, наконец, просто деньги. Это могут быть конкретные государства с их национальными экономическими особенностями (например, США, ФРГ, Израиль и т.п.) или же, в более общей форме, определенный тип общества (традиционное, капиталистическое, обновленное или ранее существовавшее социалистическое). За всеми подобными поисками стоит все более нарастающая тенденция связывания образа экономической Родины не просто с благосостоянием, но с тем, что лежит в основе этого благосостояния – собственностью, владением определенным имуществом (капиталом). Эта тенденция напоминает традицию, существовавшую в средние века и в Новое время в Западной Европе, в частности, в Германии. Право на жительство в определенной общине или городе могли получить прежде всего те люди, которые приобретали или владели собственностью (дом, двор, хозяйство). Это «право на родину» (Heimatreht), по существу, означало, что наличие Родины связывалось с наличием собственности[1]. Богатые люди могли иметь родину, бедные – нет (не обладали «правом на родину»)[2]. Пролетарский интернационализм в определенной степени стал продолжением этой традиции. В советский период понятие Родины значительно утратило свои экономические характеристики в пользу политико-идеологических признаков. В настоящее время происходит возврат к прежней ситуации, когда определенный уровень экономического благосостояния во многом определяет отношение индивидов к окружающей действительности и предопределяет то или иное социально-культурное или политическое поведение.

2. *Политическая Родина* – реальное или воображаемое политическое пространство, обеспечивающее соблюдение – и в настоящем, и в будущем – тех или иных желаемых прав человека, прав этнической или профессиональной группы. Этот образ – постоянный объект политической борьбы-дискуссии об устройстве будущей России между политическими течениями, партиями, во время выборов наглядно демонстрируют многообразие моделей желаемой политической Родины. Изначальное напряжение между реальной и воображаемой Родиной достигает пика и воплощается в многочисленных антиномических сравнениях (униженная – великая, разоренная – процветающая и т.д.). А способы разрешения этого напряжения меняются, например, переворачиваются отношения центра и региона: «сильный Урал – сильная Россия».

3. *Идеологическая Родина* – различные философские и социологические концепции, идеи, лозунги, отражающие желаемую, идеальную картину общества. Именно тут модель воображаемой Родины воплощается со всей полнотой конкретных признаков и императивных критериев. Появление множества идеологем стало способом интерпретации происходящих событий,

---

[1] В XX в. ситуация изменилась: Всеобщая декларация прав человека от 10.12.1948 в ст.13 зафиксировала право свободного передвижения и выбора места жительства.

[2] См.: Brockhaus Enzyklopedie. Bd.9. Mannheim, 1989. S.618.

так и убежищем для многих разочарованных (неодновременных господствующим современным тенденциям) индивидов и групп, резервной партизанской базой для стремящихся к каким-либо переменам. Стремительная социальная и политическая дифференциация общества заставляет индивидов и группы осваивать всевозможные идеологические ниши, черпать в них аргументы в пользу своей позиции, искать определенный идеологический комфорт.

4. *Культурно-историческая Родина* – место и время в истории человечества, мировой и отечественной культуры, которое отвечает эстетическим и культурным вкусам индивида или группы. Одних привлекает средневековье, других – Древняя Русь, третьих – Париж начала XX в., четвертые снова грезят «о той единственной гражданской...» и т.д.[1] При этом одним из самых существенных здесь является вопрос о *«родине Родины»*, то есть вопрос о происхождении и генезисе основных качеств Родины, поиске первоначала (религиозного или светского), основного события (битва, переворот, некое чудо, образование какого-либо социального института, оформление национального языка и т.п.), положившего начало истории Родины.

Разумеется, все выделенные нами в качестве идеальных моделей сегменты носят достаточно условный характер и в реальном общественном или групповом сознании могут в чистом виде и не проявляться. Хотя, на наш взгляд, все они существовали и ранее, в советскую эпоху, как *компоненты образа Большой Родины*, не имевшие самостоятельного значения и ориентированные на общую для всех точку – центр. В постсоветское время они *начинают оформляться в качестве самостоятельных и*, что важно подчеркнуть, *часто не зависящих друг от друга, противоречащих друг другу ориентаций*. Можно любить свою культуру и ненавидеть экономику, восхищаться природой и презирать политический режим… Причины столь быстрой сегментации требуют серьезного исследования, но все же можно указать на ряд обстоятельств, существенно повлиявших на этот процесс и в той или иной степени продолжающих влиять ныне.

Прежде всего, наблюдался *разрыв между официальным образом Большой Родины и той повседневной малой родиной, в которой пребывало большинство населения прежнего СССР*. Неудовлетворительные условия жизни «внизу» не соответствовали картине общества, спускавшейся сверху, и порождали соответствующие реакции в виде внутренней и внешней эмиграции, диссидентства, преступности и т.д. Дистанцирование от официального образа Большой Родины, сложившаяся за годы советской власти *традиция безместности*[2] приводили к необходимости конструирования самими индивидами или их объединениями своего образа Родины и воплощения его в жизнь. Кухня, квартира, дача, места прогулок, летнего отдыха, круг единомышленников – вот типичные попытки отечественного «самостроя» патриотизма в данной сфере. Необходимость индивидуальных усилий по созданию собственной комфортной среды жизни, часто *по принципу «вопреки»* – вопреки господствующей идеологии, морали, общепринятым вкусам, национальным традициям, – вошла в привычку и, более того, начала приобретать черты новой национальной традиции.

Эта новая традиция ярко проявилась во времена перестройки, когда началось массовое реконструирование ново-старой Родины. Снос памятников, переименование улиц и городов, провозглашение республик – приметы привычного процесса «делания» Родины, вышедшего из подполья, ставшего из приватного общественным. Положительным моментом в этом процессе явилось снятие статично сакральных характеристик Большой Родины, придание ее образу большей динамичности и субъективности. Однако релятивизация этого образа, различная у либералов и коммунистов, директорского корпуса и мафиозных группировок не только в рамках настоящего, но прошлого и будущего, привела к его значительному ослаблению и, вероятно, даже исчезновению для некоторых соци-

---

[1] Примеры выбора такой культурно-исторической Родины многочисленны. Приведем примеры из недавней советской истории. П. Вайль и А. Генис так описывали ситуацию 1960-х гг.: «В начале 1960-х гг. наиболее прогрессивная часть советской молодежи осваивала Америку, не пересекая государственную границу. Так называемые «штатники» – люди, отдавшие всю свою любовь чужой стране – представляли в России утрированных американцев. Не имея возможности поменять континенты, они строили себе Америку прямо в Москве (Вайль П., Генис А. Интервенция // Иностранная литература. 1991. №2. С.250; Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М., 1996). Очень часто примером такой же внутренней эмиграции становилось изучение иностранных языков, увлечение музыкой и т.п.

[2] См.: Глазычев В.Л. Дух места // Освобождение духа. М., 1991. С.138-167. О поиске «дома» см.: Козловский В.В., Федотова В.Г. В поисках социальной гармонии. Свердловск, 1990. С.90-110.

альных групп. Проблемы, связанные, например, с иммиграцией русского населения из стран ближнего зарубежья в Россию (враждебность местного населения по отношению к переселенцам, часто встречающееся безразличие органов государственной власти к данной проблеме) лишний раз доказывают это[1].

Укажем далее на постоянно ухудшающееся состояние окружающей среды, подрывающее самые глубинные связи индивида с Родиной. Существовавшая ранее и существующая ныне привязанность к месту рождения, детства, проживания, образ Родины как ландшафта, воспетый романтиками начала XIX в., в конце XX в. становится анахронизмом. *Деградация природы* сужает пространство комфортного существования – как обрабатывать отравленную почву, дышать загазованным воздухом, купаться в мертвых озерах? Русские радиоактивные березки – символ прощания с прежней, советской Родиной. Но это также и прощание с Родиной-природой. Соответственно и *попытки спасения Родины начинаются часто с изменения отношения к природе, с экологизации политики и политического мышления.*

Все вышеназванные сегменты образа большой и малой Родины претерпевают различные изменения, но нельзя не заметить попыток синтезирования всех их в некий новый образ. Это исходит на различных уровнях, но прежде всего на региональном. Однако признание факта объективной и субъективной неодновременности в социальной, а, следовательно, и в политикой жизни существенно ограничивает эти попытки и заставляет, в конечном счете, отказаться от идеи абсолютного, все на себя замыкающего центра. И все перипетии политической борьбы в постсоветском политическом пространстве так или иначе свидетельствуют о наличии такой тенденции. Подводя итоги краткого анализа феномена неодновременности, отметим еще раз, что децентрализация является не столько политической тенденцией, связанной с определенным периодом исторического развития постсоветского общества, сколько отражением и выражением атрибутивного феномена социальной жизни – неодновременности. Существование этого феномена практически во всех сферах жизни общества должно приниматься во внимание при выработке политических стратегий. Для новых социальных технологий это означает вызов и требование разработки концепции некоей «*социальной ритмологии*», заменяющей концепцию централизации и децентрализации. Общий смысл воссоздать уже невозможно или очень трудно, но его в некоторых ситуациях может заменить общий социальный или групповой ритм, учитывающий пространство и границы феномена неодновременности. Тогда и любые политические и социальные акции должны обязательно оцениваться в контексте создания или разрушения определенных политических, культурных, идеологических ритмов. Общий ритм вместо общего центра, но и децентрализация как специфический ритм, обладающий онтологической самоценностью и собственной логикой, неодновременность как особого рода социальная упорядоченность – вот что должно стать предметом анализа при исследовании процессов трансформации постсоветского общества.

Ю.Р. Вишневский,д.филос.н.; В.А. Ружа
(УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург)

Семантическое пространство понятия «патриотизм» в массовом сознании

Важнейшая предпосылка любого социологического исследования (в том числе и проблематики патриотизма, исторической памяти – и в целом, и применительно к такому выдающемуся событию отечественной и мировой истории, как Великая Отечественная война 1941-1945 гг.) – *эмпирическая интерпретация исходного понятия.* В отношении *патриотизма* решение этой исследовательской задачи затруднено многозначностью этого понятия в исторической и социокультурной практике, обилием и разнородностью существующих его определений, преимущественно *описательным (перечислительным) подходом*, который до сих пор реализуется даже в научных работах.

---

[1] Усилия по реконструкции образа Родины сосредотачиваются прежде всего на формировании положительных характеристик малой Родины.

Принимая подход А.Б. Гофмана об *инструментальном значении определений* (при этом он ссылается на принцип Декарта: о терминах не спорят, о терминах договариваются)[1], отметим, что в реальных ситуациях (особенно, когда понятия – подобно «патриотизму» – сильно политически и идеологически окрашено) бывает сложно. На важность *семантического аспекта* анализа патриотизма обратил внимание О.А. Бельков, сравнив слова героев двух фильмов (советского /1944 г./ «Иван Никулин – русский матрос» и российского «Штрафной батальон»). Первый говорит, что он сражается не за любую Россию, а за *советскую*, второй – что воюет не за советскую власть, а за *русскую* землю[2].

Представляется важным использовать в социологическом анализе технологии других научных дисциплин, в частности, *лингво-семантический анализ*, широко используемый в лингвистике, близкий социологической методике контент-анализа. *Лингво-семантический анализ* нацелен на выявление *семантического поля* (semantic field) – совокупности слов, объединяемых смысловыми связями на основе единого общего понятия или сходства признаков их лексических значений[3]; совокупности языковых единиц, объединенных каким-то общим семантическим признаком; объединения языковых единиц, проводимое по содержательным (семантическим) критериям[4]. Но в социологическом исследовании акцентируются не *языковые единицы*, а *содержательные* (имеющие определенный *социальный* смысл). И в этом проявляется специфика *контент-анализа:* смысловой единицей контент-анализа должна быть *социальная* идея, *социально значимая тема*[5]. Однако в рамках *категориального* анализа *пространственная* ориентация лингво-семантического анализа – на семантическое поле – является приоритетным. Выявить *разнообразие* значений того или иного понятия – его *масштаб* – оказывается важнее *частотной (количественной)* характеристики контент-анализа.

При этом, даже не соглашаясь с мнением, что «лингвистическое или этимологическое толкование происхождения и предназначения того или другого термина в настоящее время – не слишком благодатное занятие», нужно признать справедливость предостережения, что «очень уж далеко иногда дистанцируется этимологическая природа термина, его устоявшееся в теории значение и вкладываемый в него смысл при переносе его в другой ареал пользования»[6]. Тем более, когда в оборот лингво-семантического анализа включаются смысловые единицы, между которыми огромный разрыв – и пространственный, и темпоральный. Но для реального обыденного сознания (сегодня все более испытывающего влияние СМИ и Интернета) и характерно преодоление такого разрыва. Более того, оно все чаще проникает и в научные работы (таковы, в частности, обзоры степени научной разработанности тем во многих диссертационных исследованиях, особенно когда для автора исторический подход не выступает определяющим).

Из разнообразных методов установления границ семантического поля и построения поля нами – с учетом специфики исследовательских задач – избран логико-понятийный, «связан-

---

[1] См.: Гофман А.Б. О личном отношении к науке (Интервью Ю.М. Резника с профессором А.Б. Гофманом, май-июнь 2009 г.) // Личность. Культура. Общество. Том XII. Вып.1. №№53-54. М., 2010. С.394-415.

[2] Бельков О.А. Помнить войну // Власть. 2005. №5. С.10.

[3] http://tolkslovar.ru/p12486.html

[4] См.: Алимпиева Р.В. Семантическая значимость слова и структура лексико-семантической группы. Л., 1986; Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1976; Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996; Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. М., 1990; Воробьев В.В. Лингвокультурология. М., 1998; Долгих Н.Г. Теория семантического поля на современном этапе, развития семасиологии //Филологические науки. 1973. №1. С.109-110; Ивашкович Т.И. Понятие «семантическое поле» на современном этапе развития семасиологии [Элетронный ресурс] Режим доступа: http://forum.aspu.ru/viewtopic.php?f=51&t=2825; Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования//Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001; Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учебник. М., 2007; Лингвистическая и экстралингвистическая семантика. М., 1992; Щур Г.С. Теории поля в лингвистике. М., 1974; и др.

[5] Рабочая книга социолога. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1983. С.296.

[6] См.: Герасимов Г.И., Илюхина Л.В. Инновации в образовании: сущность и социальные механизмы [электронный ресурс] режим доступа: http://www.i-u.ru/biblio/archive/gerasimov/03.aspx

ный с идентификацией определенной концептуальной или денотативной сферы и соотнесением этой сферы со средствами ее выражения»[1].

Ориентиром для нашего анализа выступали уже имеющиеся в литературе попытки систематизации понятий на *«языке мудрости»* – языке «глубоких, емких и в то же время лаконичных мыслей, мыслей убедительных, понятных всем и каждому»[2]. Справедливо мнение, что «мудрая мысль – это не только яркое, крылатое слово, несущее в себе остроумный парадокс, глубокомысленную аллегорию, блеск здравого смысла. Это и знание правды жизни, отражение общественных и человеческих проблем, а иногда и предвосхищение общечеловеческой перспективы». И к проблеме «патриотизма» в определенной мере можно отнести мнение авторов систематизации мудрых изречений о «счастье», что «мысли о счастье» «предстают перед нами в форме пословиц и поговорок, афоризмов и изречений, метких суждений», что «мысли о счастье *полны антиномий*»: «Кажется, что нет такого утверждения о счастье, которому нельзя было бы противопоставить прямо противоположное, что нельзя дать такой совет, которому не противоречил бы столь же авторитетно другой»[3].

Существенная предпосылка достоверности лингво-семантического анализа и контент-анализа – *отбор источников информации*. Огромное количество людей на протяжении столетий пытались по своему описать природу и истоки патриотизма, раскрыть природу любви к родине, родному дому, выдвигали различные как научные, так и обыденные подходы, концепции и взгляды. Руководствуясь этим, нами были привлечены для анализа понимания патриотизма в обыденном сознании афоризмы[4] и изречения общественных и политических деятелей, деятелей науки, культуры и искусства, пословицы и поговорки. Основу для формирования лексико-семантического поля «патриотизм» составили материалы сайтов Интернет[5], что должно было обеспечить определенную полноту представленности различных лексических единиц. Одновременно в качестве единиц информации рассматривались афоризмы и изречения, пословицы и поговорки, выявленные дополнительно авторами при изучении научно-популярной литературы *по проблемам патриотизма и исторической памяти*[6].

В итоге для анализа было использовано 320 единиц информации.

Каково же семантическое пространство определений «патриотизма», «Родины», «исторической памяти»?

Начнем с самого общего. По справедливому замечанию Н.Г. Чернышевского, *«патриотизм» – священное слово*. И сегодня актуальна его мысль: *«необходимо определять, что именно мы хотим разуметь под ним»*. Тем самым, задается четкий ориентир – столь многогранное, полисемантическое понятие требует смысловой определенности.

---

[1] Шафиков С.Г. Теория семантического поля и компонентной семантики его единиц. Учебное пособие. Уфа, 1999. С.23.

[2] Мелешко Е.Д., Назаров В.Н. Счастье (систематизация мудрых изречений) // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения. М., 1988. С.258.

[3] Там же. С.258-259.

[4] Афоризм (греч. aphorismos – краткое изречение) - обобщённая, законченная, глубокая мысль определенного автора, выраженную в лаконичной, отточенной форме, отличающейся меткой выразительностью и явной неожиданностью суждения. Как и пословица, афоризм не доказывает, не аргументирует, а воздействует на сознание оригинальной формулировкой мысли.

[5] [Электронные ресурсы] Режим доступа:
http://www.fraznik.ru/tw/506.html?page=1; http://www.modnaya.ru/library/004/065.htm
http://textik.ru/ca/aphorisms/tema/11254/2/; http://www.proshkolu.ru/user/epichin/blog/60944/
http://fictionbook.ru/author/konstantin_dushenko/citatiy_iz_vsemirnoyi_istorii_ot_drevnos/read_online.html?page=11;
http://aforism.nnov.ru/?owner=%D1%F2%E8%E2%E5%ED%20%CB%E8%EA%EE%EA;
http://www.proshkolu.ru/user/epichin/blog/60944/; http://www.slovonevorobei.ru/aforizm/aforizm_1080_1.shtml;
http://ariosto.ru/o-rodine-i-patriotizme/page/4; http://ariosto.ru/letter/%D0%9C/; http://smallbay.ru/gods/slavs.html;
http://aphorism-list.com/poslovica.php?page=rodina&tkposlovica=rodina;
http://www.wisdoms.ru/135.html; http://batfx.com/lofiversion/index.php/t2034.html;
http://mudrostvekov.siteedit.ru/patriotizm; http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000053.

[6] Впрочем, авторы понимают, что полностью реализовать все принципы лингво-семантического поля (принцип присутствия; недискретность, непрерывность и целостность поля; его историчность) в данном конкретном случае не удалось.

Наиболее общеупотребительной трактовкой патриотизма (в качестве основного концепта обыденного и научного сознания) выступает *любовь к Родине, Отечеству*: «Патриотизм есть чувство любви к Родине» (И.А. Ильин). Одна из самых ёмких характеристик – у прекрасного знатока русского языка В.И. Даля: *любитель отечества, ревнитель о благе его, отчизнолюб, отечественник или отчизник.*

Особенно подчеркивается *эмоционально-чувственный аспект патриотизма*. Любовь к Родине (патриотическое чувство) рассматривается как «благороднейшее чувство», «важнейшая сторона и личной, и общественной *культуры духа*» (Д.С. Лихачев), «*чувство органическое, естественное», которое «не требует никаких оправданий, обоснований»* (А.И. Солженицын), *«самое высокое, наиболее сильное чувство в человеке»* (К.Д. Ушинский[1]), «страстное, беспредельное желание блага Родине» (Н.Г. Чернышевский). Патриотизм – как *«одно из наиболее глубоких чувств»* личности – соотносится с закрепляющими его *«веками и тысячелетиями обособленных отечеств»* (В.И. Ленин).

При этом само понимание Родины, Отечества определяется *уровнем культуры личности*: «Чем выше человек, – отмечает известный собиратель афоризмов И. Шевелев, – тем шире для него понятие «Родина». В.В. Розанов рассматривает эту проблему в иной плоскости – ставя вопрос: «до какого предела мы должны любить Россию?», он отвечает: «до истязания, до истязания самой души своей», «мы должны любить ее до «наоборот нашему мнению».

Раскрывая эту связь *патриотизма с личностью и её культурой*, русский мыслитель И. Ильин справедливо считал: «Патриотизм может жить и будет жить лишь в той душе, для которой есть на земле *нечто священное*: которая живым опытом (может быть, вполне «иррациональным») испытала объективное и безусловное достоинство этого священного – и *узнала его в святынях своего народа*»[2]. Соответственно, «в основе патриотизма, – по его мнению, – лежит *акт духовного самоопределения*».

Немецкий писатель, публицист, афорист Л. Бёрне обратил внимание на то, что *«любовь к родине не признает половинчатости*; кто не делает для нее всего – ничего не делает; кто не все отдает ей – тот во всем ей отказывает». По мнению российского педагога К.Д. Ушинского, *важны не только всплески патриотических чувств*, когда «чувство патриотизма» пробуждается «по временам с истинно львиной силой», но и их проявление и «*влияние на спокойный ход нашей жизни, на исполнение постоянных, ежедневных наших обязанностей*».

В афоризмах, изречениях, пословицах и поговорках, ставших объектом нашего анализа, *Родина и Отечество обычно выступают синонимично*, хотя определенные семантические различия и проявляются. Общее – любовь к Родине, Отечеству – конкретизируется в разных направлениях:

- *страна* («Россия – наша Родина и наше Отечество – страна, где мы родились, страна, созданная нашими предками! Всем этим мы от рождения дышали, как воздухом, – воздухом которого даже не замечаешь, но без которого жить невозможно» /русский философ С.Е. Трубецкой/; «Это святая обязанность – любить страну, которая вспоила и вскормила нас, как родная мать» /М. А. Шолохов/);
- *народ* («Что такое Родина? Это весь народ, совершающий на данной площади свое историческое движение. Это прошлое народа, его настоящее и будущее. Это его своеобразная культура, его язык, его характер. Это цель совершаемых им революций, исторических скачков, узлов его истории» /А.Н. Толстой/);
- культура, религия, язык и история народа («Родина есть нечто от духа и для духа» /И.А. Ильин/; «Есть патриотизм, исходящий из семейного и родового чувства, с тем, чтобы отсюда покрыть всю ширину и глубину, и энергию национального духа и национального бытия. Но есть патриотизм, исходящий из религиозного и нравственного облика родного народа, от его духовной красоты и гармонии, с тем, чтобы отсюда покрыть все дисгармонии его духовного смятения» /И.А. Ильин/; «Мы должны изучать Россию, любовно вглядываться в ее черты,

---

[1] Ушинский К.Д. Собр. соч., т.2 М.-Л., 1952, с. 431.
[2] Ильин И.А. Наши задачи. Волгоград, 1997. С.11.

вырывать в ее земле закопанные клады. Мы должны знать ее историю, любить ее героев, ценить и самые древние памятники ее литературы… Мы должны чтить и героев – строителей нашей земли, ее князей, царей и граждан, изучая летописи их борьбы, их трудов, учась на самих их ошибках и падениях, не в рабском подражании, но в свободном творчестве вдохновляясь подвигом предков. Мы должны знать живую Россию, ее природу, жизнь ее народов, их труд, их искусство, их верования и быт»[1] /Г.П. Федотов/). Ставя в свое время задачу совершенствования отечественного воспитания, К.Д. Ушинский в качестве ориентира называл человека, который «всегда, всего более и всего ближе знаком со своим отечеством: с родным ему языком, литературой, историей, географией, и т.д.»[2];

- *отчий край, родная земля, родная природа* («Охранять природу – значит охранять Родину, – в этих словах М. Пришвина отражается, говоря современным языком, экологический аспект патриотизма, о котором, к сожалению, и в теории, и на практике вспоминают крайне редко).

Поэтический *образ «дыма Отечества»* можно найти и у Гомера («Видеть хоть дым, от родных берегов вдалеке восходящий»), и у Лукиана («Дым отечества светлее огня на чужбине»), и у Г.Р. Державина («Отечества и дым нам сладок и приятен»).

Часто говорят о «странной любви» М.Ю. Лермонтова к Отчизне. Но его лирическое описание родной природы и сегодня вызывает отклик в душе каждого россиянина:

«Но я люблю – за что, не знаю сам –
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям».

Впрочем, это же справедливо и в отношении слов русского поэта Ф.Н. Глинки: «Отчего же люди прилепляются сердцем к степям диким, к лесам дремучим, к странам, засыпанным снегами? Кто виною чудесной привязанности сей? Никто, кроме тебя, о любовь к Отечеству! Ты вселяешь в душу неизъяснимую привязанность к родным источникам, к родным лесам, даже к самым бесплодным пескам Отечества. Ты вселяешь необоримое влечение к Родине!..». И становится понятным патриотическое изречение, например, французского поэта XVI в. Дю Белле: «Свою галльскую Луару я предпочитаю латинскому Тибру».

- *дом, домашний очаг, место, где мы выросли, или к нескольким местам, где мы росли; старые друзья, знакомые лица, знакомые виды, запахи, звуки и т.д.* «Патриотизм, – отмечал Д.С. Лихачев, – прежде всего, начинается с любви к своему городу, к своей местности, и это не исключает любви ко всей стране». Этот мотив звучит и в стихотворении украинского поэта Т.Г. Шевченко:

Святая родина! святая!
Иначе как ее назвать!
Ту землю милую, родную,
Где мы родилися, росли
И в колыбели полюбили
Родные песни старины.

О том же поется в известной песне:

С чего начинается Родина?
С картинки в твоем букваре,
С хороших и верных товарищей,
Живущих в соседнем дворе.
А может, она начинается
С той песни, что пела нам мать,
С того, что в любых испытаниях

[1] Федотов Г.П. Будет ли существовать Россия // О России и русской философской культуре. М., 1990. С.456–457.
[2] Ушинский К.Д. Педагогические сочинения. М., 1988. Т.2. С.358.

У нас никому не отнять. (М. Матусовский)

По замечанию А.Т. Твардовского: «Эта *малая Родина* со своим особым обликом, со своей, пусть скромной и непритязательной красотой предстает человеку в детстве, в пору памятных на всю жизнь впечатлений ребяческой души, и с нею, с этой отдельной и милой Родиной, он приходит с годами к той большой Родине, что обнимает все малые и – в великом целом своем – для всех одна». «С кем мы росли и живем, к тем привыкаем. Душа их сообразуется с нашею; делается некоторым ее зеркалом; служит предметом или средством наших нравственных удовольствий и обращается в предмет склонности для сердца. Сия любовь к согражданам, или к людям, с которыми мы росли, воспитывались и живем, есть моральная любовь к отечеству», – подчеркивал личностный аспект патриотизма Н.М. Карамзин.

Чаще всего в афоризмах, изречениях, пословицах и поговорках подчеркивается *значимость Родины для человека:* «Нет на свете места приятнее домашнего очага» (Цицерон); «Нет ничего милее родины» (Лукиан); «Любовь к родине превозможет все» (Вергилий); «Отчизна – это край, где пленница душа» (Вольтер); «Отчизны голос – голос лучшей музы» (французский поэт П. Беранже); «Лучше черствый хлеб у себя дома, чем множество блюд за чужим столом» (итальянский публицист начала XVI в. П. Аретино); Кто не живет на родине, не знает вкуса жизни» (Осетинская пословица); «Лучше умереть вдали от родины, чем прожить без родины в душе» (российский поэт XX в. В. Делоне); «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись; горе тому, кто это думает, двойное тому, кто действительно без нее обходится» (русский писатель И.С. Тургенев, проживший много лет заграницей); и др.

Нередко это – *характеристика от противного*: «Людей, покидающих отечество для чужих краев, на чужбине не уважают, а на Родине чуждаются» (древнегреческий баснописец Эзоп); «Нет ничего худшего, чем блуждать в чужих краях» (Гомер); «Люди без Родины становятся *исторической пылью, блеклой осенней листвой*, гонимой с места на место и втаптываемой чужеземцами в грязь» (И.А. Ильин); «Человек без родины – это *песчинка, отданная на произвол случайностям времени и пространства*» (французский писатель XIX в. Ж. Лакордер); «Нет у человека ничего прекраснее и дороже родины. Человек без родины – *нищий человек*» (белорусский поэт Я. Колас); «Нет! Человеку нельзя жить без родины, как нельзя жить без сердца» (советский писатель К.Г. Паустовский); «Чужбина родиной не станет» (И. Гёте); «Всегда я презирал и ныне презираю бродяг, не помнящих родства!» (русский поэт XIX в. А.М. Жемчужников) и др.

Дело, конечно, не в том, что человек не может покинуть родные места – развитие цивилизации делало социальную (и территориальную) мобильность все более интенсивной. И пословица «где родился, там и пригодился» сегодня чаще всего отражает устаревшее явление. Речь идет *о сохранении связей с Родиной (и большой, и малой)*, чтобы постоянно сохранялось настроение, отмеченное Г.Р. Державиным, «мила нам весть о нашей стороне»; чтобы было, по словам французского драматурга П. Корнеля, «сладостно к стенам Отчизны возвратиться». *Патриотизм* (любовь к Родине) *неотделим от ностальгии* (тоска по Родине). Как писал немецкий философ и писатель XVIII в. И.Г. Гаман, «Родину забыть нельзя. Нет более благородной болезни, чем тоска по родине». Более того, пребывание за пределами Родины обостряет это чувство и ведет к более высокой оценке Родины: «Не был на чужбине – не оценишь сполна свою страну» (туркменская пословица); «На чужбине еще больше родину ценят» (афганская пословица); «Побывавший на чужбине становится добрее» (персидская пословица); «Только на чужбине познаешь всю прелесть родного языка, только там чувствуешь, что такое родина» (немецкий писатель XIX в. Г. Фрейтаг); и др. Очень интересный момент подметил Г. Гейне: «Странная вещь – патриотизм, настоящая любовь к родине! Можно любить свою родину, любить её целых восемьдесят лет и не догадываться об этом; но для этого надо оставаться дома. Любовь к немецкой отчизне начинается только на немецкой границе». Понятно, что это относится не только к Германии. «Человек, который не изведал чужбины, – говорится в турецкой пословице, – не знает цену человека».

С социологической точки зрения представляет интерес часто акцентируемое соотнесение патриотизма с гражданственностью.

Эта связь – двоякая. С одной стороны – в русле известной поэтической формулы поэта Н.А. Некрасова («А что такое гражданин? Отечества достойный сын. Он, как свои, на теле носит все язвы родины своей) – *гражданин – достойный сын Отечества*. Критерий человеческого достоинства личности соотносится с силой его патриотизма: «Историческое значение каждого русского великого человека измеряется его заслугами Родине, его человеческое достоинство, – писал Н.Г. Чернышевский, – силою его патриотизма». Еще шире – *как критерий «благородства всякой истинной культуры»* – рассматривает патриотизм Н.А. Бердяев. Для него определяющая характеристика культуры – патриотизм, «культ предков, почитание могил и памятников, связь сынов с отцами». Созвучно с этим и образное, пушкинское о равно близких нам чувствах, в которых «обретает сердце пищу»: *«Любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам»*. *Социокультурная сторона патриотизма* углубляется Д.С. Лихачевым, видевшим в патриотизме «*начало творческое*, начало, которое может вдохновить всю жизнь человека: избрание им своей профессии, круг интересов – все определять в человеке и все освещать».

С другой стороны, – уже А.Н. Радищев, отмечал: «*Истинный человек и сын отечества* есть одно и то же». В любви к Родине видел французский император Наполеон «первое достоинство цивилизованного человека». Любовь к Отечеству, – по В.А. Сухомлинскому, – «сердцевина человека». Обобщением такого подхода можно считать слова В.Г. Белинского: «Человек является, прежде всего, сыном своей страны, гражданином своего Отечества, горячо принимающим к сердцу его интересы». «Всякая благородная личность, – писал он, – глубоко сознает свое *кровное родство, свои кровные связи с отечеством*».

Чувство любви к Родине углубляется *самоидентификацией себя с Родиной, с её интересами, её благом*. Для гражданина «язвы» (тяготы, проблемы) его Родины – «свои», Родина – «своя»: «Рану, нанесенную Родине, каждый из нас ощущает в глубине своего сердца» (В. Гюго). Эту нерасторжимость Родины и гражданина, присущее ему *чувство сопричастности с ней* удачно выразил еще Сенека: «Мы любим родину не потому, что она большая, а потому, что *она своя*». В рамках переклички «через века» стоит обращение поэта А.А. Блока к Родине: «О, Русь моя! Жена моя!» – Родина предстает как самая близкая, родная. «Из любви к отечеству», – по словам французского мыслителя Ж.-Ж. Руссо, – были совершены «самые большие подвиги добродетели». «Ты связан с этим организмом (Отечеством)» «непрерывной пуповиной», – пусть и несколько физиологично – писал М.Е. Салтыков-Щедрин, подчеркивая: «прикосновение этого живого организма» ты «непрерывно чувствуешь». Еще сильнее эта мысль звучит в его словах: «Я люблю Россию до боли сердечной и даже не могу помыслить себя где-либо, кроме России». А для русского драматурга А.Н. Островского есть только два сорта людей: «либо патриот своего отечества, либо мерзавец своей жизни». В известной мере обобщающей можно считать оценку писателя А.Н. Толстого: «Патриотизм – это не значит только одна любовь к своей Родине. Это гораздо больше. Это – сознание своей неотъемлемости от Родины и неотъемлемое переживание вместе с ней ее счастливых и ее несчастных дней».

Отражением этой *близости человека с Родиной* являются многочисленные афоризмы: «Любовь к Родине начинается с *семьи*» (Ф. Бэкон); «любовь к Отечеству закладывается *в детстве*» (В.А. Сухомлинский); «Где прошло детство, там и начинается Родина» (белорусский писатель К. Черный). Характерен и ряд, выстроенный Д.С. Лихачевым: «Будем любить свой народ, свой город, свою природу, свое село, свою семью»[1]. Представляется очень важной мысль актера С.Ю. Юрского: «Родина для меня – это еще и мои *учителя*. Они все здешние, и те, кто умер задолго до меня, я их принял как своих учителей, и те, кто буквально меня учили». Существенна (и очень актуальна для современной России) мысль И.А. Ильина: «Русская *армия всегда была школой патриотической верности*», выступала как «основа нашего

---

[1] Лихачев Д.С. Избранное. Мысли о жизни, истории, культуре. М., 2006. http://www.elbrusoid.org/content/vzglyad/p330368.shtml

национального самосознания», так как «армия невозможна без патриотизма и жертвенности».

Соответственно, патриотизм («проявление любви к Родине, Отчизне, Отечеству») – есть, по В.И. Далю, «*цель и результат патриотического воспитания молодёжи*». А с учетом взаимосвязи патриотизма и гражданственности он (вместе с интернационализмом) является «*стержнем гражданского воспитания*» (Б.Т. Лихачев[1]). Сохранили свое значение и некоторые мудрые советы об ориентирах патриотического воспитания: «Воспитание внуков начинается с дедушки» (английская пословица); «Лучшее средство привить детям любовь к отечеству состоит в том, чтобы эта любовь была у отцов» (Ш. Монтескье) и др.

Становление патриотического сознания – уровневый, поэтапный процесс: «Каждый человек, – по мнению советского писателя Ю.М. Полякова, – «проходит в своем духовном развитии, в поиске своего отношения к стране, в которой он родился и вырос, несколько этапов: сначала только я, потом я и Россия, потом Россия и я и, наконец, – в конечном счете, растворится в своем Отечестве».

Требуют глубокого осмысления и понимания слова русского философа И.А. Ильина: «*Обретение родины должно быть пережито каждым из людей самостоятельно и самобытно*. Никто не может предписать другому человеку его Родину – ни воспитатели, ни друзья, ни государственная власть, ибо любить и радоваться, и творить по предписанию невозможно». О негативном отношении к предписанному патриотизму сходную мысль высказал и немецкий поэт Г. Гейне: «Нам был предписан патриотизм, и мы стали патриотами, ибо мы делаем все, что нам приказывают наши государи».

О существующем противоречии в подходах наглядно говорят два близких по форме афоризма. Один принадлежит американскому президенту Дж. Кеннеди: «Не спрашивай, что твоя родина может сделать для тебя, – спроси, *что ты можешь сделать для своей родины*». Другое – известному афористу М. Стейнбеку: «Не спрашивай, что ты можешь сделать для своей родины, – *тебе и так об этом напомнят*». Если интерпретировать их социологически, то в первом случае проявляется *антропоцентристская* парадигма в социологии (от человека – к обществу), во втором – *социоцентристская* (от общества – к человеку). Пушкинское «Мой друг, Отчизне посвятим души прекрасные порывы!», некрасовское «Иди в огонь за честь Отчизны, за убежденье, за любовь!» – как бы образное воплощение жизненных ориентиров личности в русле антропоцентристской парадигмы. Песенное «Раньше думай о Родине, а потом – о себе», «Жила бы страна родная и нету других забот» – социоцентристской парадигмы.

Парадоксально, но наиболее близкое к трактовке *интегративного* подхода понимание патриотизма можно найти у «государственника» Гегеля («патриотизм основывается на сознании абсолютного государства»): «готовность отдать своё достояние и жизнь ради целого в народе тем больше, чем больше отдельный человек может ради общего дела действовать по собственной воле и самостоятельно, и чем больше доверия испытывает он к государству». Менее философски, но более кратко эту же мысль высказал и русский художник Н.К. Рерих: «Защита Родины есть защита и своего достоинства».

Отметим и *несводимость патриотизма к его эмоционально-чувственной стороне*. В известном стихотворении К.Н. Батюшкова:

О, память сердца! Ты сильней
Рассудка памяти печальной
И часто сладостью твоей
Меня в стране пленяешь дальной, –

разграничиваются «память сердца» и «память рассудка». Как верно отметил американский политический деятель Э. Стивенсон, «патриотизм – это *не взрыв эмоций*, а спокойная и прочная преданность, длящаяся на протяжении всей жизни человека». «Патриотизм не должен

[1] Лихачев Б.Т. Педагогика. Курс лекций. М., 1999. С.292.

ослеплять нас, – предупреждал и Н.М. Карамзин, – любовь к отечеству есть действие ясного рассудка, а не слепая страсть».

В понимании патриотизма *связь Родина, Отечество – личность обычно выступает как обоюдная*. Человек не только любит Родину, «мы ей обязаны нашими силами, и вдохновением, и радостями» (Л. Блок). «Любовь к собственному благу, – писал Н.М. Карамзин, – производит в нас любовь к отечеству, а личное самолюбие – гордость народную, которая служит опорою патриотизма».

Без Отчизны человеку невозможно жить, особенно это проявляется в личностном плане – примечательны строки советского поэта С. Викулова:

И ты великодушная на диво.
Казни меня забвеньем, коль солгу...
И без меня ты можешь быть счастливой, –
Я без тебя, Россия, не могу.

Как близки к ним (и позволяют выйти на уровень обобщения, отвлекаясь от национальных особенностей) слова французского писателя XIX в. В. Гюго:

Как жить нельзя без хлеба,
Так без отчизны невозможно жить.

Более того, Родина как бы обобщает, интегрирует различные проявления любви. Об этом говорил еще Цицерон: «Нам дороги родители, дороги дети, близкие, родственники; но *все представления о любви к чему-либо соединены в одном слове «отчизна»*. Какой честный человек станет колебаться умереть за нее, – если он может принести этим ей пользу?» А по ёмкой оценке К.Д. Ушинского, Родина – *«общественный цемент»*, который «связывает людей в честное, дружное общество»[1].

Нередко в афоризмах и изречениях особенности национального патриотизма соотносятся с *менталитетом той или иной нации*. Так, английский политический деятель видел такую особенность своих соотечественников в сочетании традиций и инноваций («способность наливать новое вино в старые мехи»). В известном стихотворении Ф.И. Тютчева:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить.
У ней особенная стать,
– В Россию можно только верить»

подчеркивается уникальность исторического и духовного опыта России, его несравнимости с опытом других народов и стран и несводимости к нему. Менталитет русских – по Н.А. Бердяеву – бескорыстие, жертвенность, чувство справедливости, соответствие пейзажу русской земли – безграничность, бесформенность, устремленность в бесконечность, широта. Для Достоевского «высшая и самая резкая характеристика черт нашего народа – это *чувство справедливости*». «Русская душа, гений русского народа, – писал он, – может быть, наиболее способны из всех народов вместить в себя идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия»[2].

Патриотизм как гражданственность – это не только любовь, но и исполнение гражданского долга, служение Отечеству («Жить – Родине служить»). В патриотизме сливаются воедино и нравственный долг человека («долг патриота сводится к тому, чтобы поддерживать свою страну и служить ей в национальной политике», суть которой – «проявлять свою мощь, преследовать свой национальный интерес», «нравственная обязанность настоящего патриота служить народу в Добре, или истинному благу народа», – писал русский философ В.С. Соловьёв), и цель его жизни («сделать как можно больше пользы моему Отечеству – вот единственная цель моей жизни, и к ней-то я должен направлять все свои способности» /К.Д. Ушинский/). И ныне актуальны и злободневны эмоциональные слова Н.В. Гоголя, об-

[1] Ушинский К.Д. Собр. соч., т.2 М.-Л., 1952, с. 431.
[2] Достоевский Ф.М. Дневник писателя: Избранные страницы. М., 1989. С.517.

ращенные «ко многим честным и даже весьма умным людям России», у которых в его времена зарождалась «близорукая мысль», «будто в теперешнее время они уже ничего не могут сделать для России, и будто они ей уже не нужны совсем»: «Нет, если вы действительно полюбите Россию, вы будете рваться служить ей».

«Патриот, – писал Н.Г. Чернышевский, – это человек, служащий родине, а родина – это, прежде всего, народ». В.С. Соловьев соотносит «добродетель патриотизма» с «ясным сознанием своих обязанностей по отношению к отечеству и верным их исполнением». А еще раньше Д.И. Фонвизин писал: «Ты должен посвятить Отечеству свой век, коль хочешь навсегда быть честный человек». Отчизне нужно посвятить не только «души прекрасные порывы» (А.С. Пушкин), но и дела. «Патриотизм, чей бы он ни был, *доказывается не словом, а делом*» – созвучны с этим и слова В.Г. Белинского. Поэтому столь значим в афоризмах и изречениях акцент на *«живой, деятельный патриотизм»* (Н.А. Добролюбов), когда речь идет о любви к Родине как «любви напористой, активной, страстной, неукротимой», а «не об отвлеченной, не о платонической любви» (М.И. Калинин)[1].

Патриотизм и гражданственность взаимосвязаны и в понимании: *истинный патриот – законопослушный гражданин*. По словам английского юмориста П. Уостхолма, «истинный патриот – это человек, который, заплатив штраф за неправильную парковку, радуется, что система действует эффективно».

«Сила патриотизма» рассматривалась советским писателем Л.М. Леоновым как «всегда *пропорциональная количеству вложенного личного труда*». При этом он жестко замечал, что «бродягам и тунеядцам всегда бывало чуждо чувство родины!» В афоризме венгерского общественного деятеля XIX в. Л. Кошута («Патриотизм есть источник жертвенности уже потому, что он не рассчитывает на вознаграждение, когда исполняет свой долг») подчеркнут иной аспект патриотизма как гражданского долга – *жертвенность и бессеребреничество*.

Мысль о *готовности пожертвовать жизнью* («идти в огонь» – «Иди в огонь за честь Отчизны, за убежденье, за любовь...» /Н.А. Некрасов/) во имя Родины, Отчизны, Отечества лейтмотивом проходит через многие афоризмы и изречения. Их можно найти уже у древнегреческого поэта Тиртея («Биться мы стойко должны за детей и за землю родную, грудью удары встречать в сече, души не щадя»[2]) и римского поэта Горация («Радостно и почетно умереть за Отечество!»). В образной форме об этом писали: французский поэт Ш. Пеги («Блажен, кто пал в бою за плоть земли родную, Когда за правое он ополчился дело»[3]); грузинский поэт Ш. Руставели («Лучше гибель, но со славой, чем бесславных дней позор»); русские поэты Ф.Н. Глинка (в «Солдатской песне»:

«Вспомним, братцы, россов славу
И пойдем врагов разить!
Защитим свою Державу:
Лучше смерть, чем в рабстве жить»)

и А.С. Пушкин («Воспоминания в Царском Селе»:

«Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны,
Восстал и стар и млад, летят на дерзновенных.
Сердца их мщеньем зажжены,
Вострепещи, тиран!
Уж близок час паденья!
Ты в каждом ратнике узришь богатыря,
Их цель иль победить, иль пасть в пылу сраженья
За Русь, за святость алтаря!»).

---

[1] Калинин М.И. О молодежи. Избранные речи и статьи. М., 1975. С.191.
[2] Перевод Ф. Зелинского.
[3] Перевод Б. Лившица.

Эту же мысль философски выразил и Гегель: «Истинное мужество просвещенных народов состоит в готовности к самопожертвованию во имя родины». Наконец, можно напомнить и слова «Пламенной» (Пасионарии) Д. Ибаррури («Лучше умереть стоя, чем жить на коленях»), и девиз Кубинской революции («Patria o muerte /«Патриа о муэрте»/ – «Родина или смерть»), и песню «Священная война» («Вставай страна огромная, Вставай на смертный бой /В. Лебедев-Кумач/). В известной мере обобщающим является понимание патриотизма русским общественным деятелем П.Б. Струве, соотносимым им с тем, чтобы каждый россиянин «чтил величие ее прошлого и чаял, требовал величия для ее будущего», чтобы самоотвержение «миллионов русских людей бестрепетно, безропотно и бескорыстно умиравших за Россию» были для него святыми.

Преклоняясь перед самоотверженностью этих людей, святостью их подвига во имя Родины, отметим и поставленную английским философом Б. Расселом *дилемму патриотизма*: «патриотизм – это готовность убивать и быть убитым по самым тривиальным причинам»; «патриоты всегда говорят о готовности умереть за отечество, и никогда – о готовности убивать за отечество». Афоризм президента США Т. Рузвельта отразил другую сторону проблемы: «Важно, чтобы ты был готов умереть за свою страну; но еще важнее, чтобы ты был *готов прожить жизнь ради нее*».

Лейтмотивом многих афоризмов и изречений о патриотизме является *соотнесение любви к Отечеству и гордости за Отечество*. Убедительно о том, что «гордиться славою своих предков, не только можно, но и должно», писал А.С. Пушкин, определявший «неуважение оной» как «постыдное малодушие». «Когда мы любим, гордимся отечеством, – говорил академик И.П. Павлов, – это значит, что мы гордимся его великими людьми, т.е. теми, которые сделали его сильным и уважаемым на исторической сцене». Гордостью за свою Родину было проникнуто обращение М.В. Ломоносова к молодежи:

О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

От Гомера идет понимание «любить Родину» – значит *защищать её*: «Знаменье лучшее всех – за отечество храбро сражаться»[1]. Эта линия продолжилась в ключевой фразе героя известного советского фильма «Офицеры» – «Есть такая профессия – Родину защищать», а в современной России – в названии государственного праздника «День защитника Отечества».

Патриотизм выражается не только в битвах с внешними врагами, но и в том, чтобы «высказывать смелое слово истины», что, по мнению К.Д.Ушинского, «бывает иногда гораздо опаснее, чем подставить лоб под вражескую пулю, которая авось пролетит и мимо»[2]. Созвучна с ним и мысль римского историка Саллюстия о патриотическом долге общественного деятеля: «Прекрасно служение родине хорошими делами, но неплохо и служение ей хорошими речами». При этом «настоящий патриотизм не тот, который суетится и чванится в торжественные минуты, а *тот, который ежедневно и неутомимо заботится об общем благе и не бахвалится этим*» (Л. Граф). Повседневный патриотизм важнее «праздничного».

Во многих афоризмах и изречениях объект патриотизма – Родина, Отечество – рассматривается *в сравнении – в диапазоне от человечества до наций (народов) в многонациональном государстве*. В соотнесении Родины и человечества проявляется несколько подходов.

---

[1] Перевод Н. Гнедича
[2] Ушинский К.Д. Собр. соч., Т.2. М.-Л., 1952. С.474.

• *Всеобщая братская любовь – выше патриотизма*: «Патриотизм – хорошее качество, гораздо лучшее, чем эгоизм, присущий индивидуалисту, но всеобщая братская любовь – выше патриотизма, и если они вступают в конфликт между собой, то предпочтение следует отдать братской любви» (английский писатель и ученый К.С. Льюис); «Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только стать *братом всех людей, всечеловеком*, если хотите. О, все это славянофильство и западничество наше есть одно только великое недоразумение» (Ф.М. Достоевский)[1]; «Моя родина – вселенная, весь род человеческий – мои братья, моя религия – творить добро» (американский просветитель Т. Пейн); «Умному весь мир Родина» (Чеченская пословица) и др.

• *Подлинная любовь к Родине неотделима от любви к человечеству*: «Без подлинной любви к человечеству нет подлинной любви к родине (А. Франс); «Наша истинная национальность – человек (Г. Уэллс); «Любовь к отечеству должна выходить из любви к человечеству, как частное из общего» (В.Г. Белинский); «Нравственная обязанность настоящего патриота – служить народу в человечестве и человечеству – в народе» (В.С. Соловьев); «Любовь к отечеству совместима с любовью ко всему миру» (К. Гельвеций);

• Но и *«отрицание России во имя человечества есть ограбление человечества»* (русский философ Н.А. Бердяев); «Кто не любит своего народа, тот не полюбит и чужого (Осетинский афоризм); «Кто не принадлежит своему отечеству, тот не принадлежит и человечеству» (В.Г. Белинский); «Ногами человек должен врасти в землю своей родины, но глаза его пусть обозревают весь мир» (американский философ Д. Сантаяна)

• Одновременно: «*Осознанная любовь к своему народу не соединима с ненавистью к другим*. Любя свой народ, свою семью, скорее будешь любить другие народы и другие семьи и людей. В каждом человеке существует общая настроенность на ненависть или на любовь, на отъединение себя от других или на признание чужого – не всякого чужого, конечно, а лучшего в чужом,— не отделимая от умения заметить это лучшее. Поэтому ненависть к другим народам (шовинизм) рано или поздно переходит и на часть своего народа — хотя бы на тех, кто не признает национализма» (Д.С. Лихачев); «Человек, ненавидящий другой народ, не любит и свой собственный» (Н. Добролюбов);

• Более того, *подлинный патриотизм побуждает бороться с дискриминацией и несправедливостью по отношению к другим нациям*:

«Есть русскость больше, чем по крови:
Как перед нравственным судом,
Проснувшись русским,
При погроме себя почувствовать жидом» (Е. Евтушенко)

• Наконец, *«тот, кто всюду живет, нигде не живет»* (древнеримский поэт Марциал); «Чтобы быть интернационалистом, нужно сперва иметь родину» (французский писатель Ж. Дюамель);

Храня пристойный вид,
Кто поумней, зовет себя: космополит.
Я ùначе людей подобных называю...
Космополиты вы? прочь громкие слова!
Всегда я презирал и ныне презираю
Бродяг, не помнящих родства! (А.М. Жемчужников)

• Отметим и шутливый афоризм российского писателя В.А. Шендеровича: «Мерить дюйм на свой аршин патриотично, но утомительно», ставящий фактически проблему *границ, пределов противопоставления патриотизма и космополитизма.*

Пожалуй, наиболее *противоречиво выглядят оценки патриотизма в сравнении с национализмом.*

Крайние полюса можно обозначить, с одной стороны, позицией Д.С. Лихачева: «Народы, в которых патриотизм не подменяется национальным «приобретательством», жадностью и

[1] Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Л., 1980. Т.XXVI. С.147.

человеконенавистничеством национализма, живут в дружбе и мире со всеми народами. Можно только радоваться, живя в стране, где встречаются и сходятся самые различные народы – различные по обычаям, культурным традициям и национальному характеру… Истинный патриотизм в том, чтобы обогащать других, обогащаясь сам духовно. Национализм же, отгораживаясь стеной от других культур, губит свою собственную культуру, иссушает ее. Культура должна быть открытой. Несмотря на все уроки XX в., *мы не научились по-настоящему различать патриотизм и национализм*. Зло маскируется под добро. Если доминирует в человеке общая настроенность к восприятию чужих культур, то она неизбежно приводит его к ясному осознанию ценности своей собственной…»; «*Национализм – это самое тяжелое из несчастий человеческого рода*, как и всякое зло, оно скрывается, живет во тьме и только делает вид, что порождено любовью к своей стране. А порождено оно на самом деле злобой, ненавистью к другим народам и к той части своего собственного народа, которая не разделяет националистических взглядов. Национализм порождает неуверенность в самом себе, слабость, и сам, в свою очередь, порожден этим же»[1]. Может быть, не столь ярко, но достаточно четко разграничивал патриотизм и национализм Президент Франции Ш. де Голль: «Патриотизм – это когда любовь к вашему народу стоит на первом месте. Национализм – это когда ненависть к другим народам стоит на первом месте». А известный ученый А. Эйнштейн рассматривал национализм как «детскую болезнь, корь человечества», т.е. то, что исторически преодолевается.

С другой, – словами русского писателя И.А. Ильина: «*Национализм есть духовный огонь, возводящий человека к жертвенному служению*, а народ к духовному расцвету».

Но и *противопоставление патриотизма и национализма* (более распространенное: «Мой патриотизм – это не замыкание на одной нации; он всеобъемлющ, и я готов отказаться от такого патриотизма, который строит благополучие одной нации на эксплуатации других» /индийский общественный деятель Махатма Ганди/; «Национализм не есть только естественная и элементарная любовь к своей Родине и своему народу, сознание исторической судьбы. Национализм есть прикрытая форма эгоцентризма, гордости и самомнения, чванства и бахвальства. Все, что признается грехом и пороком для отдельного человека, признается добродетелью для национального коллектива. Национализм пользуется элементарными инстинктами, но он есть уже рационализация, есть целая идеологическая доктрина» /Н.А. Бердяев/; «Эгоизм, корысть, самомнение, гордость, воля к могуществу, ненависть к другим, насилие – все делается добродетелью, когда переносится с личности на национальное целое. Для нации все дозволено, во имя ее можно совершать преступления с человеческой точки зрения... Национализм есть уже потенциальная война»[2]) и *их отождествление* связано с разным пониманием нации, что особенно важно для многонациональных стран. Поэтому столь важно прислушаться к предостережению А.И. Солженицина: «В странах многонациональных, как наша, национальный патриотизм есть составная и подкрепляющая часть общегражданского – и горе тому государству, где эти патриотизмы разошлись»[3]. А афорист Ж. Вольфрам заметил: «Я слишком горжусь своей страной, чтобы быть националистом».

Родина в афоризмах и изречениях нередко выступает и в иной *плоскости – в соотнесении со свободой и независимостью*. В разной форме эта мысль высказывалась многократно: «Без свободы нет отечества» (французский филологXIX в. Л. Бешерель); «*Моя родина – там, где есть свобода*» (американский просветитель Т. Джефферсон); «Родина не национальное и географическое понятие. *Родина – это свобода*!» (отечественный ученый и общественный деятель А.Д. Сахаров)[4]. Французский писатель А. Франс на основе данного критерия (свобода) даже разграничил Отечество и Родину: «*Только свободный гражданин имеет отечество*; раб, крепостной, подданный деспота имеют лишь родину». Близок подход французского пи-

---

[1] Лихачев Д.С. Избранное. Мысли о жизни, истории, культуре. М., 2006. http://www.elbrusoid.org/content/vzglyad/p330368.shtml

[2] Бердяев Н. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии. М., 2001. 137-138.

[3] Солженицын А.И. Россия в обвале. М., 1998. С.154.

[4] Сахаров А.Д. Воспоминания//Знамя, 1991. №5. С.169.

сателя Ф. Шатобриана: «Когда свобода исчезла, остаётся еще страна, но отечества уже нет». А французский критик Э. Ален выделил «две добродетели гражданина» – сопротивление и послушание: «Послушание обеспечивает порядок; *сопротивление обеспечивает свободу*».

Особенно данный аспект получил развитие в изречениях философов и политических деятелей: «Нет отечества без благополучия; общество без справедливости содержит в себе лишь врагов; угнетенное общество заключает лишь угнетателей и рабов; рабы не могут быть гражданами; *только свобода, собственность, безопасность делают отечество дорогим, и только любовь к отечеству создает гражданина*»… «Гражданин может быть связан с обществом, с отечеством, со своими ближними только узами счастья; если узы эти разорваны, то он вправе считать себя свободным»[1] (П. Гольбах); «Не может быть свободен народ, угнетающий другие народы» (Ф. Энгельс).

Отношение к Родине связывается с тем, насколько свобода утверждается в ней («чем легче и вольнее живется на свете какому-нибудь народу, тем сильнее любит он свою Родину и свои учреждения» /русский критик Д.И. Писарев/), *а рабство преодолено*. И тут пламенный призыв итальянского революционера Дж. Мадзини *(«Родина – дом человека, а не дом раба»)* как бы перекликается с критикой русским писателем Н.Г. Чернышевским («Жалкая нация, нация рабов, сверху донизу – все рабы»)[2].

«Рабство» (как правило, оно понимается в широком смысле – *угнетение, беспрекословное подчинение* и т.д.) неприемлемо и *в своем Отечестве*, и – тем более – *перед лицом внешней опасности «порабощения»*. Первый – *внутренний аспект* – отразился в приведенных выше словах Н.Г. Чернышевского. С ними созвучны строки русского поэта К.Н. Батюшкова:

Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.

Второй – внешний – аспект ярко выразил Ф.Н. Глинка:

«Что лучше: жизнь, где узы плена,
Иль смерть, где росские знамена?
В героях быть или в рабах?

И тут возникает еще один важный момент в понимании патриотизма как любви к Родине: сама эта *любовь не должна быть «слепой»:* «Нападки... на недостатки и пороки народности есть не преступление, а заслуга, есть истинный патриотизм» (В.Г. Белинский); «В недавнее время патриотизм состоял в восхвалении всего хорошего, что есть в отечестве; ныне уже этого недостаточно, чтобы быть патриотом» (Н.А. Добролюбов); «Любовь к Отечеству заключается, прежде всего, в глубоком, страстном и небесплодном желании ему добра и просвещения, в готовности нести ему на алтарь достояние и самую жизнь; *в горячем сочувствии ко всему хорошему* в нем и *в благородном негодовании против того, что замедляет путь к совершенствованию*... (Н.А. Некрасов); «Иметь родину – значит любить ее, но не тою любовью, которая знает о негодности своего предмета и потому, не веря в свою правоту и в себя, стыдится и себя и его; и вдруг выдыхается от «разочарования» или же под напором нового пристрастия» (И.А. Ильин)[3].

Подлинная любовь к Отечеству несовместима со славословием («Иные так расхваливают свою страну, словно мечтают ее продать /афорист Ж. Петан[4]/). «Патриотизм требует, – писал русский философ В.С. Соловьев, – чтобы мы любили свой народ, а истинная любовь сочувствует действительным потребностям, сострадает действительным бедствиям тех, кого мы любим. Патриотизм требует, чтобы мы хотели действительно практически помочь своему народу в его бедах»[5]. Знаменателен и его вывод: «Я не могу служить как следует своему

---

[1] Гольбах П. Система природы или о законах мира физического и мира духовного. М., 1940. С.87, 177.
[2] Чернышевский Н.Г. Избранные сочинения. Т.5. М., 1932, С. 488.
[3] Ильин И.А. Наши задачи. Волгоград, 1997. С.11.
[4] Петан Ж. Афоризмы. Избранное. М., 2009.
[5] Соловьев В.С. Национальный вопрос в России: Соч. в 2 т. Т.1. М.: Правда, 1989. — – С.286

Отечеству, если я при этом не служу истине и справедливости». Об этом же говорил в полемике со славянофилами А.И. Герцен: «Славянофилы…обвиняют своих противников в недостатке патриотизма и в том, что они мало любят народ… Они присваивают себе монополию на патриотизм, они считают себя более русскими, чем кто бы то ни было, они постоянно упрекают нас…за наши горькие и полные гнева речи, за откровенность, заключающуюся в том, что мы выставляем на свет темную сторону русской жизни. …Да, это так, есть ненависть в нашей любви… мы не боимся высказать самые жестокие истины, но мы их говорим потому, что любим»[1]. Диалектику такой любви отражает английское выражение: my country – right or wrong (Это – *моя* страна, права она или нет!)

И все-таки *нельзя*, – как подчеркивал в своей «Апологии сумасшедшего» русский общественный деятель П.Я. Чаадаев, – «любить свою родину с закрытыми глазами». И продолжал: «Мне чужд, признаюсь этот блаженный патриотизм, этот патриотизм лени, который приспособился видеть все в розовом свете… Я полагаю, что мы пришли после других для того, чтобы делать лучше их… Я предпочитаю бичевать свою Родину, предпочитаю огорчать ее, предпочитаю унижать ее, – только бы ее не обманывать». Истинный патриотизм предполагает и нападки «на недостатки и пороки народности». Это, – по словам В.Г. Белинского, – «есть не преступление, а заслуга, есть истинный патриотизм». У французского просветителя Ш. Монтескье подчеркнуто: «Каждый гражданин обязан умереть за отечество, но никто не обязан лгать ради него». Сходное желание «выстирать флаг, вместо того чтобы сжечь его» можно найти в афоризме американского пацифиста Т. Норманна. «Патриотизм – по мнению русского писателя А.И. Солженицына, – это цельное и настойчивое чувство любви к своей родине, с готовностью жертвовать ей, делить невзгоды, но со служением не угодливым, не поддержкою несправедливых притязаний, а откровенным в оценке ее пороков, грехов и в раскаянии за них»[2].

О том, насколько *сложно и противоречиво такое чувство*, убедительно говорят слова А.С. Пушкина: «Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног – но мне досадно, если иностранец разделяет со мной это чувство». И самое главное – нужно *разделять со своим народом его горести и беды*. Патриотизм – в понимании А.Н. Толстого, – это «сознание своей неотъемлемости от Родины и *неотъемлемое переживание вместе с ней ее счастливых и ее несчастных дней*». Или, – как написала о себе в «Реквиеме» А.А. Ахматова: «Я была тогда с моим народом, там, где мой народ, к несчастью, был».

Не может сын глядеть спокойно
На горе матери родной,
Не будет гражданин достойный
К отчизне холоден душой..., - писал Н.А. Некрасов.

Поэтому столь важно подчеркнуть выраженную во многих афоризмах и изречениях мысль: *истинная любовь к Отечеству – способность «полюбить слабую родину, униженную, больную, оскорбленную»* (русский писатель и философ В.В. Ро́занов), не бросить Родину в беде («Родная сторона и в несчастье мила»): «Счастливую и великую Россию любить – не велика вещь, мы ее должны любить именно тогда, когда она слаба, мала, унижена», – написал в свое время историк М.И. Ростовцев. «Россию любить нужно всегда, надо *любить ее и в шторм*», – писал уже в наше время советский писатель Б.Л. Васильев. Более того, «патриот тот, – по словам П.А. Павленко, – кто в самые трудные минуты для Родины берется за самые трудные дела». А афорист В. Грудев видит «разницу между теми, кто бежит из «этой страны», и теми, кто не бросит Родину в беде», в сравнении: «Когда корабль тонет, одни стараются *спастись*, а другие *спасти*».

С неприятием «любви с закрытыми глазами» и связана содержащаяся во многих афоризмах и изречениях *критика так называемого «квасного патриотизма»:* «Многие, –отмечал русский поэт П.А. Вяземский, – признают за патриотизм *безусловную похвалу всему, что свое*. Тюрго (французский государственный деятель XVIII в.) называл это *лакейским* пат-

[1] Герцен А.И. О развитии революционных идей в России. М., 1958. С.110.
[2] Солженицын А. Россия в обвале. М., 1998. С.152.

риотизмом... У нас можно бы его назвать *квасным патриотизмом*». «Берегитесь *тупого, нетерпимого, кичливого патриотизма*, потому что он часто бывает только предлогом для самых черных поступков, во всех, кроме земляков, видит только неприятелей, часто служит мнимым оправданием оскорбления человеческих прав и злоупотребления насилием по отношению к более слабым соседям или соотечественникам, присоединенным к другим нациям», – призывал и чешский философ и гуманист Я. Коллар. Близка к этому призыву и мысль В.Г. Белинского: «Патриотизм не должен превращаться в «китаизм», «который любит свое только за то, что оно свое, и ненавидит все чужое за то только, что оно чужое, и не нарадуется собственным безобразием и уродством»[1]. Поэтому-то заявлять о своем патриотизме не значит быть истинным патриотом. А в афоризме В. Андреева отмечается и возможность массового воздействия такого «ура-патриотизма»:

«Патриотизм квасной не меньше нас хмелит:
Вам это каждый на трибуне объяснит!»[2]

Поэтому-то в афоризмах четко разграничивается *героический патриотизм* («Родина – мать, умей за нее постоять»; «Древняя и новая история народов не представляет нам ничего трогательнее этого *героического патриотизма*. Боевая слава была колыбелью народа русского, а победа – вестницей бытия его» /русский историк Н.М. Карамзин/) и *«героизм по команде»*. Именно к последнему обращены слова великого ученого А. Эйнштейна: «Те, кто радостно маршируют в строю под музыку… получили головной мозг по ошибке: для них и спинного было бы достаточно. Я настолько *ненавижу героизм по команде*, бессмысленную жестокость и весь отвратительный нонсенс того, что объединяется под словом «патриотизм», равно как презираю подлую войну, что скорее готов дать себя разорвать на куски, чем быть частью таких акций». Такой «патриотизм» связан с политиканством, когда политик, по словам афориста Т. Гинена, – «*человек, который пожертвует вашей жизнью за свою родину*».

Наличие «квасного», «тупого, нетерпимого, кичливого» патриотизма объясняет известную трактовку С. Джонсона «патриотизм – последнее прибежище негодяя» (приводя эту фразу, американский писатель А. Бирс писал: «Мы берем на себя смелость назвать это прибежище первым»). В унисон звучат слова немецкого поэта Г. Гейне («Во все времена негодяи старались маскировать свои гнусные поступки преданностью интересам религии, морали и патриотизма») и английского писателя О. Уайльда («Патриотизм – это великое бешенство»). Развивая свою мысль Уайльд подчеркивал: «Патриотизм по сути своей агрессивен, а патриоты, как правило, – люди злые». Как бы перекликаясь с ним, афорист Ж. Вольфрам заявлял: «У милитаризма нет родины». А английский драматург Б. Шоу считал: «Никогда не будет в мире покоя, пока вы не выколотите патриотизм из человеческого рода».

Наиболее глубоко такое критическое отношение к патриотизму выражено великим русским писателем Л.Н. Толстым[3]. По его оценке, «*для правителей патриотизм – орудие достижения властолюбивых целей. А для управляемых – рабское подчинение тем, кто у власти. Патриотизм есть рабство*». Рассматривая распространенное официальное понимание «настоящего, хорошего патриотизма» – «желать своему народу или государству настоящих благ, таких, которые не нарушают благ других народов», Толстой подчеркивал, что «свойства истинных благ, будут ли это блага нравственные, научные, или даже прикладные, практические, по существу своему таковы, что они распространяются на всех людей». Этим и определялся его вывод: «желание таких благ кому бы то ни было не только не есть патриотизм, но исключает его». Аналогичной была и его контраргументация в отношении утверждений «защитников патриотизма», что «особенности каждого народа составляют необходимое условие прогресса человечества, и потому патриотизм, стремящийся к удержанию этих особенностей, есть хорошее и полезное чувство». Для Толстого же очевидно, что «не воображаемый,

---

[1] Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т.4. М., 1954. С.489.

[2] Андреев В. Афоризмы, фразы, умные мысли и изречения http://www.fraznik.ru/aw/978.html. Меткую характеристику квасного патриотизма дал В. Сумбатов: «Квасной патриотизм – это когда квасят носы за Родину» (Сумбатов В. С ума сошедшее. Афоризмы для умных и веселых. М., 2005).

[3] Толстой Л.Н. Патриотизм и правительство // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. в 90 тт. Т.90. М., 1958.

а действительный патриотизм, тот, который мы все знаем, под влиянием которого находится большинство людей нашего времени и от которого так жестоко страдает человечество», «есть очень определенное чувство предпочтения своего народа или государства всем другим народам или государствам, и потому желание этому народу или государству наибольшего благосостояния и могущества, которые могут быть приобретены и всегда приобретаются только в ущерб благосостоянию и могуществу других народов или государств». Поэтому патриотизм своего времени рассматривается им как «чувство неестественное, неразумное, вредное, причиняющее большую долю тех бедствий, от которых страдает человечество», которое служит «главным препятствием осуществлению сознаваемого уже людьми идеала братского единения народов». Именно против такого «патриотизма», «когда всякий народ считал возможным и справедливым, для своего блага и могущества, подвергать избиению и грабежу людей другого народа», направлен пафос русского мыслителя.

В русле такого подхода истинный патриот, – по словам В.С. Соловьёва, – «*во всяком чужом племени и народности найдет положительную добрую сторону*», для него «отчуждение своего народа от других, исключительное признание его добрым по преимуществу есть уже зло» и «на этом злом основании ничего, кроме зла, произойти не может».

Разведение «патриотизмов» со времен Английской и Французской буржуазных революций все чаще соотносится с социально-политическими моментами. Начинается и концептуальное становление теории «патриотизма». «Патриотическая идея, – указывал В.И. Ленин, – ведет свое происхождение еще от Великой революции XVIII века»[1]. Лозунг Великой французской революции «Нет сословий – есть только граждане одной нации!» определял как путь к общенациональному патриотизму ликвидацию сословных различий.

В марксизме этот подход конкретизировался[2]. Отвечая на упреки коммунистов, «будто они хотят отменить отечество, национальность», К. Маркс и Ф. Энгельс афористично писали: *«Рабочие не имеют отечества*. У них нельзя отнять то, чего у них нет»[3]. Рассматривая патриотизм через призму классовой борьбы и пролетарской революции, они прогнозировали: «В той же мере, в какой будет уничтожена эксплуатация одного индивидуума другим, уничтожена будет эксплуатация одной нации другой». Соответственно, по словам Ф. Энгельса, *«подлинно национальные идеи»* в рабочем движении рассматривались как *«подлинно интернациональные»*. Обосновывался основной политический ориентир: «Необходимо сохранять истинно *интернациональный дух*, *исключающий* возникновение какого бы то ни было *патриотического шовинизма* и радостно приветствующий всякий новый шаг в пролетарском движении, от какой бы нации он ни исходил».

Развивая идеи пролетарского интернационализма, В.И. Ленин писал: «*Капитал есть сила международная*. Чтобы ее победить, нужен международный союз рабочих, международное братство их». К. Либкнехт духе данного подхода подчеркивает *антипатриотиотизм капитала*: «Капитал не признает отечества, и при этом он тем менее патриотичен, чем больше заявляет о своем патриотизме». Об этом же говорят и мыслители, далекие от марксизма. По словам немецкого писателя Г. Манна, *«тресты не знают родины»,* а французский писатель Ш. Шеншоль связывает это с тем, что «Родина для коммерсанта – это его карман» (по аналогии можно соотнести эти слова с потребительским отношением к Родине – «Где хорошо – там и Родина»[4]).

В.И. Ленин рассматривал Отечество как историческое понятие. Соответственно, конкретно-исторически представала в его работах «защита Отечества». В предреволюционные

---

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.6. С.451.

[2] По логике нашего семантического анализа идеи марксизма (и их дальнейшее развитие в период революции, строительства социализма и ныне – на постсоциалистическом этапе) рассматриваются не в научном, теоретико-методологическом плане, а как идеи, многие годы функционировавшие (и даже – определявшие его) в общественном сознании.

[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.4. С.444.

[4] С тем потребительским отношением, которым возмущался М.Е. Салтыков-Щедрин, писавший: «Отечеству надлежит служить, а не жрать его».

годы (особенно в период империалистической – Первой Мировой – войны) поражение России (точнее – царского самодержавия) считалось правомерным – как фактор, ускоряющий революцию. «Защита Отечества» соотносилась лишь с «освободительными войнами»: «Если во время войны речь идет о защите демократии или о борьбе против ига, угнетающего нацию, я нисколько не против такой войны и не боюсь слов «защита отечества», когда они относятся к этого рода войне или восстанию»[1].

После революции позиция изменилась и трансформировалась в *«защиту социалистического Отечества»*: «Ту Россию, которая освободилась, которая... выстрадала свою советскую революцию, эту Россию мы будем защищать до последней капли крови!» На этой основе развивалась *идея советского патриотизма*, суть которой в словах М.И. Калинина: «Необходимым составным элементом коммунистического воспитания является также развитие любви к Родине, к социалистической Родине, развитие советского патриотизма».

Ныне, как можно судить по взглядам Г.А. Зюганова, *возрождение социализма коммунисты связывают с возрождением патриотизма: в духе слогана:* «Патриотизм и социализм неразделимы»[2]. *При этом подчеркивается* «готовность к сотрудничеству со всеми, кто любит Россию». *Россия видится как* «общий дом для множества народов и языков, культур и верований».

Важный семантический аспект анализа патриотизма связан с понятием *«государственный патриотизм»*, смысл которого философски выразил Гегель: «Под патриотизмом часто понимают лишь готовность к чрезвычайным жертвам и поступкам. Но по существу он представляет собой умонастроение, которое в обычном состоянии и обычных жизненных условиях привыкло *знать государство как субстанциальную основу и цель*. Это сознание, сохраняющееся в обычной жизни и при всех обстоятельствах, и есть то, что становится основой для готовности к чрезвычайному напряжению». Позднее – у русского философа И.А. Ильина – речь идет патриотизме государственной формы: «Советский патриотизм» есть нечто извращенное и нелепое. Это есть *патриотизм государственной формы.* «Советский патриот» предан не своему настоящему Отечеству (России) и не своему народу (русскому народу). Он предан той *советской форме,* в которой Россия страдает и унижается вот уже тридцать лет; он предан той партийно-коммунистической «Советчине», которая гнетет и вымаривает русский народ с самого начала революции. «Советский патриот» предан *власти,* а не *родине; режиму,* а не *народу; партии,* а не *отечеству».* Не останавливаясь на правомерности и обоснованности критики Ильиным «советского патриотизма», подчеркнем – в рамках семантического анализа патриотизма – осуществленного им разграничения «власти» и «Родины», «режима» и «народа», «партии» и «Отечества». Бразильский дипломат С. Паранос призывал своих коллег «служить не тому или иному режиму, а своей родине». У русского писателя М.Е Салтыкова-Щедрина можно найти и требование: не путать и не смешивать разные понятия – *«Отечество» и «Ваше превосходительство».*

В русле данного разграничения можно рассматривать и критические строки русского философа Г.П.Федотова в адрес русской предреволюционной интеллигенции (точнее – по автору – «ее господствовавшего западнического крыла»), что ей «*национальная идея была отвратительна своей исторической связью с самодержавной властью*. Все национальное отзывалось реакцией, вызывало ассоциацию насилия или официальной лжи. Для целых поколений «патриот» было бранное слово. … Народ потерял сознание нужности России. Ему уже ничего не жаль: ни Белоруссии, ни Украины, ни Кавказа. Пусть берут, делят, кто хочет. «Мы рязанские. Таков итог векового выветривания национального сознания»[3].

Соответственно важно учесть и нередко высказываемое в афоризмах и изречениях мнение, четко выраженное Н.А. Бердяевым: «*Судьба России бесконечно дороже судьбы классов*

---

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.30. С.262.

[2] См., например, Зюганов Г. Душа и стяг. Патриотизм и социализм неразделимы //Советская Россия, 1999. 28 октября.

[3] Федотов Г.П. Будет ли существовать Россия? // О России и русской философской культуре. М., 1990. С.452.

и партий, доктрин и учений». По его словам, «наша любовь всегда должна быть сильнее нашей ненависти. Нужно любить Россию и русский народ больше, чем ненавидеть революцию и большевиков». Сходна и позиция В.С. Соловьева: «Люди, заявляющие свою веру в Россию и свою любовь к русскому народу… должны оставить всякую междоусобную брань и травлю и понять, наконец, что в России теперь может быть только два лагеря: лагерь людей, желающих действительно помочь народу в его действительной беде и лагерь людей равнодушных или враждебных этому делу»[1]. Не менее страстный призыв подняться над «политическими страстями» содержится в словах другого русского философа С.Л. Франка: «В пылу политических страстей … в этом туманящем чаду…, мы невольно отрекаемся от несчастной матери (родины). Мы выставляем напоказ ее позор, мы стараемся даже преувеличить ее скорби и глубину ее нравственного падения… Мы взваливаем на других и на нее самое ту ответственность за ее грехи и несчастия, которая одинаково лежит на всех нас, ее детях»[2].

В разнообразии указанных мнений, отметим и изречение русского философа и общественного деятеля П.Б. Струве, частично уже цитировавшееся выше: «России безразлично, веришь ли ты в социализм, в республику или в общину, но ей важно, чтобы ты *чтил величие ее прошлого и чаял, требовал величия для ее будущего*, чтобы благочестие Сергия Радонежского, патриотизм Петра Великого, геройство Суворова, поэзия Пушкина, Гоголя и Толстого, самоотвержение Нахимова, Корнилова и всех миллионов русских людей бестрепетно, безропотно и бескорыстно умиравших за Россию, были для тебя святыми. Ибо ими, этими святынями, творилась и поддерживалась Россия как живая соборная личность и как духовная сила, Ими, их духом и мощью мы только и можем возродить Россию». Оно значимо и тем, что соотносит патриотизм с уважением к прошлому своего Отечества и верой в её будущее, внося в его понимание *темпоральный смысл*.

Историческая память – *неотъемлемый компонент патриотизма*. Это связано уже с важной (не только научной, но и шире – гуманистической) ролью истории. «Уважение к минувшему, – по словам А.С. Пушкин, – вот черта, отличающая образованность от дикости». Как писал историк В.О. Ключевский: «Без знания истории мы должны признать себя случайными, не знающими, как и зачем мы пришли в мир, как и для чего в нем живем, как и к чему должны стремиться». Развивая эту мысль применительно к соотечественникам, ученый полагал, что «каждый из нас должен быть хоть немного историком, чтобы стать сознательно и добросовестно действующим гражданином»[3]. «Знание прошлого Отечества, – отмечал советский писатель В.С. Пикуль,– делает человека богаче духом, тверже характером и сильнее разумом… Патриотизм – страстное до ярости чувство своей огромной Родины, за которую человек готов драться и отдать жизнь». Советский писатель Ф.А. Абрамов даже считал, что «народ умирает, когда становится населением. А населением он становится тогда, когда *забывает свою историю*».

Многое, конечно, зависит от характера самой истории как науки, от того, насколько она реально является, по словам французского историка М. Блока, «наукой о людях во времени». Существенно и то, реализует ли историк те требования, которые предъявлял своим коллегам (и современным ему, и будущим) Н.М. Карамзин [4]: «Историк должен ликовать и горевать со своим народом. Он не должен, руководимый пристрастием, искажать факты, преувеличивать счастие или умалять в своём изложении бедствия; он должен быть прежде всего правдив; но может, и даже должен неприятное, всё позорное в истории своего народа передавать с грустью, а в том, что приносит честь, о победах, о цветущем состоянии говорить с радостью и энтузиазмом. Только таким образом может он сделаться национальным бытописателем, чем, прежде всего, должен быть историк».

Историческое прошлое значимо уже определенным опытом, позволяющим избегать ошибок. «Почему люди так любят изучать свое прошлое, свою историю? – Ставил вопрос

---

[1] Соловьев В.С. Народная беда и общественная помощь: Соч. в 2 т. – М.: Правда, 1989. – Т.2. – С.383
[2] Франк С.Л. Крушение кумиров: Соч. М., 1990. С.164.
[3] Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. М., 1987. Т. 1. С. 62.
[4] Карамзин Н.М. Соч. Л., 1984. Т. 2. С. 49-50.

В.О. Ключевский и отвечал, – Вероятно, потому же, почему человек, споткнувшись с разбега, любит, поднявшись, оглянуться на место своего падения»[1]. Именно в этом смысле французский историк Л. Февр определяет историю как «науку о прошлом и науку о будущем». Надпись на колонне у входа в Национальный архив США гласит: «У того, кто не помнит своего прошлого, не будет будущего». А американский писатель У. Фолкнер справедливо заметил: «Прошлое не умерло, оно даже не прошло». Во многих афоризмах подчеркивается необходимость *помнить прошлое*, *изучать историю*: «Мы вопрошаем и допрашиваем прошедшее, чтобы оно объяснило нам наше настоящее и намекнуло нам о нашем будущем» (В.Г. Белинский); «Кто не помнит своего прошлого, обречен пережить его снова» (американский философ Дж. Сантаяна); «Прошедшее нужно знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, не умело убрать своих последствий» (В.О. Ключевский).

В *ракурсе патриотизма* проблема *прошлого* предстает в ряде аспектов. С одной стороны, речь может идти о *социальной ностальгии по прошлому*[2]. Как писал Г. Гейне, «прошлое – родина души человека. Иногда нами овладевает тоска по чувствам, которые мы некогда испытывали. Даже тоска по былой скорби». «Прошлое, хранящееся в памяти, – отмечал польский философ Т. Котарбиньский, есть часть настоящего». С другой стороны, патриотическое чувство уважения к предкам порождает *нежелание «иметь другую историю»*, что в свое время прекрасно выразил А.С. Пушкин: «Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя… но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал»[3]. *Отечество* в этом плане – это и *страна, созданная нашими предками*. Поэтому-то – по словам римского историка Тацита – «патриотизм – это соревнование с предками». К тому же учтем и меткое высказывание польского ученого Л. Гиршфельда о разном восприятии времени на Родине и на чужбине: «На родине у тебя и прошлое и будущее. В чужом краю – одно лишь настоящее».

Прошлое неразрывно связано с настоящим и будущим. Отражая эту взаимосвязь, христианский философ Августин Блаженный писал: «Неточно выражаются о трех временах, когда говорят: прошедшее, настоящее и будущее, а было бы точнее, кажется, выражаться так: настоящее прошедшего, настоящее будущего»[4].

Само по себе прошлое изменить нельзя: «Прошедшее – это тоже вид бытия, и, быть может, самый надежный. Прошедшего не вернуть. Неуязвимо и незыблемо то, что уже произошло»[5]. И все-таки значимость прошлого открывает *возможности манипулировать им, искажать его, использовать это искажение в своих целях*. О такой возможности и говорится в ряде афоризмов: «Людей и народы заставляют делать выводы из былого; между тем лишь то, что будет, что предстоит сделать сейчас, объяснит нам, что собственно, было и какое имело значение» (польский афорист К. Ижиковский); «Кто управляет прошлым, тот управляет будущим; *кто управляет настоящим, тот управляет прошлым*» (Дж. Оруэлл).

Несмотря на то, что *стремление переписать историю и безнравственно* («Суд потомства плох уже тем, что рассматривает дело в отсутствие потерпевшего», – писал отечественный афорист Э. Кроткий), и *не очень прагматично* (как предупреждал английский политик У. Черчилль: «Если мы будем сражаться с прошлым, мы потеряем будущее»)[6], «сражение с прошлым» и в исторической науке, и в политической практике устранить не удается. Отмеченное А.И. Герценом («Русское правительство, как обратное провидение, устраивает к лучшему не будущее, а прошлое») относится – как показывает история – *не только к «русскому», не только к «дореволюционному» правительству, да и не только к «правительству»*.

---

[1] Ключевский В.О. Соч. в 9 т. Т. IX. М., 1990. С. 390.

[2] В данном случае представляется удачным понимание социальной ностальгии как «создаваемого post factum мифа об общественном строе, общественных отношениях, образе жизни, идеалах и целях, свойственных прошлому» (Зборовский Г.Е., Широкова Е.А. Социальная ностальгия: к исследованию феномена // Социс. 2001. №8. С.32)

[3] Переписка А.С. Пушкина. М., 1982. Т. 2. С. 290.

[4] Антология мировой философии в 4 т. Т.1. Ч.2. М., 1969. С.587.

[5] Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С.164.

[6] http://www.dergachev.ru/doklad/.

Пересмотр истории выступает питательной средой национализма. Национализм в этом смысле и есть – готовность пересматривать историю, «прошлое»: «Всякого националиста преследует мысль, что прошлое можно – и должно – изменить (Дж. Оруэлл).

Соответственно крайне важно реализовать принцип, обоснованный английским историком Т. Маколеем: «Правители должны не обвинять людей в отсутствии патриотизма, а сделать все от себя зависящее, чтобы они стали патриотами». И начинать нужно с *исторической правды о прошлом*, каким бы драматическим и трагическим оно не было. Но было бы легкомысленно представлять, что утвердить такой – объективный – подход к истории просто, что достаточно этого только захотеть. Как предупреждал американский философ К. Льюис сформировать его крайне трудно, хотя и важно: «Вторая разновидность патриотизма – особое отношение к прошлому своей страны. Я имею в виду прошлое, которое живет в народном сознании, великие деяния предков. Марафон, Ватерлоо. Прошлое это и налагает обязательства и как бы дает гарантию. Мы не вправе изменить высоким образцам; но мы ведь потомки тех, великих, и потому как-то получается, что мы и не можем образцам изменить. Это чувство не так безопасно. Истинная история любой страны кишит постыднейшими фактами. Если мы сочтем, что великие деяния для нее типичны, мы ошибемся и станем легкой добычей для людей, которые любят открывать другим глаза. Когда мы узнаем об истории больше, патриотизм наш рухнет и сменится злым цинизмом или мы нарочно откажемся видеть правду. И все же, что ни говори, именно такой патриотизм помогает многим людям вести себя гораздо лучше в трудную минуту, чем они вели бы себя без него».

Одновременно нельзя и постоянно *«бежать от настоящего в прошлое»*, игнорировать то, что «последняя страница истории – это современность»[1] (А.И. Герцен), подменять решение современных проблем постоянным обращением к тем или иным историческим событиям или периодам.

Наконец, важная сторона патриотизма – его *устремленность в будущее*. И дело не только в том, чтобы вслед за В.В. Маяковским «трижды славить» «Отечество, которое будет» или вновь возрождать пропагандистские иллюзии о «светлом будущем». Самое главное – сформировать у новых поколений стремление собственными делами созидать свое будущее.

В заключение вновь обратимся к историческому опыту, в частности, к идеям русских философов начала XX в. Сравнивая историю и современную ему Россию, Г.П. Федотов приходил к выводу: «Наша традиция богата и славна, но она *запылилась, потускнела в сознании последних поколений*. Для одних затмилась прелестями Запада, для других – официальным и ложным образом России[2]». Об «угасшем в народе патриотизме» писал и П.Б. Струве. При этом он подчеркивал «необходимость напрячь все усилия для того, чтобы зажечь и организовать» патриотизм. В том, что в «страшную и трагическую минуту русской истории» (эти строки писались в конце сентября 1917 г.) «Россию может пспасти лишь патриотический подъем, лишь исключительное напряжение национального духа», был уверен и Н.А. Бердяев, хотя с глубокой озабоченностью отмечал: «Но порыва этого у нас нет, есть лишь призывы к нему и слова о нем».

Между этими словами и современностью – почти сто лет. Понимаем, что применение метода аналогии в истории (да и в любой серьезной науке) весьма ограничен. И все-таки, если «история учит» (и не только тому, что она «ничему не учит»), хотелось бы надеяться: подлинное вождение России неотделимо от «патриотического подъема»

Ю.Р. Вишневский, В.А. Ружа

Историческая память и память о войне в общественном сознании

Президент РФ Д.А. Медведев считает, что память о Великой Отечественной войне очень важна в наши дни и новые поколения наших граждан обязаны знать, сколько крови и слёз

---

[1] Герцен А.И. О развитии революционных идей в России. М., 1958. С.110.

[2] Федотов Г.П. Будет ли существовать Россия // О России и русской философской культуре. М., 1990. С.456 – 457

было пролито в этот период[1]. Обращаясь к тем, кому сегодня нет и 20, он продолжает: «Когда-то Василий Ключевский довольно точно сказал, что история ничему не учит, а только наказывает за незнание своих уроков. Поэтому очень важно не просто интересоваться историей – надо знать её. И не для того, чтобы блеснуть эрудицией в какой-то компании. Это нужно, прежде всего, для вашего будущего, а стало быть, для будущего нашей страны. Мы должны сохранить историческую память – нашу с вами память»[2].

Невероятно, но факт: только 51% россиян считает, что нападение Германии на СССР 22 июня 1941 г. было неожиданным для руководства Советского Союза. Противоположного мнения придерживаются 40% респондентов. Уже 16% считают, что в это время руководство СССР само планировало нападение на Германию. Всего 51% респондентов считает, что победа в Великой Отечественной войне – это «только наша победа», а 45% – что это – «победа всех сил антигитлеровской коалиции». Отвечая на вопрос, «на ком, по вашему мнению, лежит основная ответственность за многомиллионные потери в этой войне?», 30% назвали Сталина. Лишь 28% россиян считают, что ответственность лежит только на немецкой стороне[3]. Наивно полагать, что через 5 лет такой же опрос выдаст более радужные результаты.

Так что же такое историческая память? Каковы **с**войства исторической, коллективной и индивидуальной памяти. Как с годами угасает память о войне? Помнит ли молодежь о войне? Что помнит, победы или поражения, славу или позор? Из каких источников черпает знания? Нужно ли помнить о войне? Ведь про Первую мировую, Февральскую, Октябрьскую революции и Гражданскую войну почти не вспоминают. Так, если в 1989 г. Октябрьскую революцию относили к главным событиям века 62% россиян (2-е порядковое место после Победы в Великой Отечественной войне), то в 2003 г. – 40% (4-е место)[4]. Тем самым, мы отчетливо видим и смену поколений во власти и в обществе, что выражается и в реструктурации исторического времени.

> «Одна из величайших основ, на которых зиждется культура, – память. В созидании культуры участвуют многие поколения людей». «Память вовсе не механистична. Это важнейший творческий процесс: именно процесс и именно творческий».
>
> Д.С. Лихачев

В последнее десятилетие среди огромного количества проблем, волнующих российское общество, появилась проблема исторической памяти, как специфического феномена общественного сознания и поведения людей. Можно перечислить большое количество ученых начиная с Аристотеля занимавшихся и занимающихся проблемами памяти. Среди них зарубежные ученые Дж. Арден, Я. Ассман, П. Гири, Ф. Йейтс, Дж. Килстром, П. Нора, П. Рикёр, С. Роуз, М. Хальбвакс и отечественные – Ю.А. Арнаутова, П.К. Анохин, И.С. Бериташвили, Б.В. Дубин, С.Н. Зенкин, А.Р. Лурия, С.В. Месяц, Ж.И. Резникова, М. С. Роговин, Б. Я. Рябко, И.К. Стаф, Ж.Т. Тощенко, М.В. Шенцев и др.

По мнению Ж.Т. Тощенко, историческое сознание представляет собой совокупность идей, взглядов, представлений, чувств, настроений, отражающих восприятие и оценку прошлого во всем его многообразии, присущим и характерном как для общества в целом, так и для различных социально-демографических, социально-профессиональных и этносоциальных групп, а также отдельных людей. Оно впитывает в себя различную информацию (систематизированную и несистематизированную) через систему образования, семью, окружающих, через средства массовой информации, художественную литературу и т.п. Историческая память[5] является выражением процесса организации, сохранения и воспроизводства прошло-

---

[1] Медведев Д.А. Выступление на приёме по случаю 64-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://news.kremlin.ru/transcripts/4016.

[2] Медведев Д.А. 7 мая 2009. О Великой Отечественной войне, исторической истине и о нашей памяти. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://blog.kremlin.ru.

[3] Бобров А. Июнь с мечтой и мятой // Советская Россия. 2010. 29 июня.

[4] Дубин Б.В. Память, война, память о войне. Конструирование прошлого в социальной практике последних десятилетий. Отечественные записки, 2008, № 4 (43). С. 6-21.

[5] Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С.93.

го опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности людей или для возвращения его влияния в сферу общественного сознания.

Историческая память – важный компонент исторического сознания, которое выступает как «совокупность транслируемых от поколения к поколению знаний и представлений, ценностей и символов, идей и убеждений, верований и обычаев, традиций, норм и правил поведения. Оно образует ядро этнической и культурной самоидентификации людей, оказывающей существенное влияние на регуляцию поведения индивидов, коллективов, социальных групп и сословий, этносов и общества в целом»[1].

Особого внимания в последнее время заслуживают идеи М. Хальбвакса, французского философа, социолога, социального психолога. В своей работе «Социальные рамки памяти» автор основную идею выразил следующим образом. «Существует коллективная память и индивидуальные рамки памяти (для анализа памяти автор использовал понятие «рамки»), и наше индивидуальное мышление способно к воспоминанию постольку, поскольку оно заключено в этих рамках и участвует в этой памяти»[2]. Вот основные мысли М.Хальбвакса:

- Память индивидов и групп социально детерминирована.
- Воспоминания всегда являются реконструкцией[3].
- Прошлое не сохраняется неизменным в памяти индивидов[4].
- Прежде чем вызывать в памяти воспоминания, мы их проговариваем[5].
- Воспоминания со временем изменяются[6].
- Воспоминание может и не сохраняться[7].
- Коллективная память имеет исторический характер: «история не просто воспроизводит рассказы современников о событиях прошлого, но время от времени и подправляет их – не только потому, что располагает другими свидетельствами, но и с тем, чтобы приспособить их к приёмам мышления и репрезентации, свойственным нынешним людям»[8].
- В эпохи социальных потрясений и переворотов коллективное сознание особенно часто и активно обращается к памяти о прошлом.

Мы видим ценность работы М. Хальбвакса в привлечении внимания к тому факту, что память складывается в неоднородном, исторически возникшем и фрагментарном пространстве общества. При этом «память о прошлом и формируется, и деформируется одновременно, и науки об обществе должны принимать во внимание этот двойной процесс – как минимум, делая поправку на его искажающее воздействие, а также исследуя законы его протекания»[9].

Комментируя взгляды и мысли М. Хальбвакса, И.К. Стаф указывает, что память не только представляет собой систему, где образы прошлого связаны ассоциативными отношениями, но и, что важнее всего, отражает отношения между людьми, т.е. опять-таки носит социальный характер[10].

---

[1] Бойков В.Э., Меркушин В.И. Историческое сознание в современном российском обществе: состояние и тенденции формирования / Историческая память в массовом сознании российского общества (Результаты социологического мониторинга) // Социология власти. 2003. №2. С.11.

[2] Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007. С.28-29.

[3] Там же. С.56.

[4] Там же. С.325-326.

[5] Там же. По поводу этого наблюдения И.К. Стаф замечает: «Вероятно, с точки зрения современных, прежде всего электронных технологий этот вывод французского социолога нуждается в ряде уточнений: … сегодня в обществе снижается роль вербальных форм обмена информацией, а их место постепенно занимают зрительные образы» (Стаф И.К. Чужая память? // Отечественные записки. 2008. № 43. С.24).

[6] Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007. С.127.

[7] Там же. С.129.

[8] Там же. С.209.

[9] Зенкин С.Н. Морис Хальбвакс и современные гуманитарные науки // Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007. С.24.

[10] Стаф И.К. Чужая память? // Отечественные записки. 2008. № 43. С.24.

Дубин Б.В., анализируя работу М.Хальбвакса, делает следующие выводы[1]:

- Память имеет социальное (коллективное) измерение.
- Память не только формируют и поддерживают, но деятельно и непрестанно конструируют и реконструируют социальные институты и группы (семья, церковь, социальные классы).
- Коллективная память носит принудительный, обязательный (нормативный) характер[2].
- Памяти как относящейся «исключительно к прошлому» противостоит рассудок, исходящий «из настоящего»: «В этом смысле память функционирует только под контролем рассудка».
- Работа памяти имеет вид восстановления временной последовательности («программы опыта»), продолжения прошлого настоящим.
- Идет переструктурирование культурного времени: роль главного события и, одновременно, начала новейшей истории теперь принимают на себя Великая война и Великая Победа.
- Течение времени, и смена поколений ставят общество перед проблемой передачи памяти от «живых свидетелей» (ветеранов) к «наследникам», принимающим образ прошлого, которое не было пережито ими в качестве собственного настоящего и может быть усвоено только символически, через посредство символов.
- Монополизация памяти государством. Новый образ войны и победы распространяется в социокультурном пространстве: идет характерная для империй трансляция ключевых символов и значений на периферию. Это относится к званию «город-герой» и строительству мемориалов в таких городах, переносу в них Вечного огня и т.п.[3]

Каковы же на наш взгляд свойства исторической памяти?

1. Она не только актуализирована, но и избирательна – она нередко делает акценты на отдельные исторические события, игнорируя другие. В этой ситуации историческая память нередко персонифицируется, и через оценку деятельности конкретных исторических личностей формируются впечатления, суждения, мнения о том, что же представляет особую ценность для сознания и поведения человека в данный период времени. Так, в период нахождения у власти Н.С. Хрущева был в забвении Маршал Победы Г.К. Жуков В период руководства Л.И. Брежнева, М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина не раз происходила его переоценка. Сегодня для молодежи фамилия И.В. Сталина как великого руководителя государства и полководца уже мало о чем говорит. Его больше вспоминают как тирана, уничтожившего миллионы людей. Различных войн и военных конфликтов в истории российского народа с начала XX в. было множество… Однако в памяти народной остались далеко не все из них, а наиболее трагичные: Великая Отечественная война, война в Афганистане, Чеченские события.

Исследователи исторического сознания россиян выделяют и другой аспект избирательности. По данным В.Э. Бойкова, например, практически белым пятном в исторической памяти людей является история народов, проживающих в России, история республик, краев и областей в составе Российской Федерации, история наций или народов, представителями которых являются респонденты. По самооценкам опрошенных, только 29% из них достаточно хорошо знают историю русского народа; от 6 до 9% – историю украинского, белорусского, еврейского и других народов. Практически единицы заявили, что хорошо знают историю народов По-

---

[1] Дубин Б.В. Память, война, память о войне. Конструирование прошлого в социальной практике последних десятилетий // Отечественные записки, 2008, № 4 (43). С. 6-21.

[2] Близка к этому идея Э. Дюркгейм о «коллективных представлениях»: «В сущности, это самое существенное в понятии социального принуждения. Все, что оно в себе заключает – это то, что коллективные способы действия или мышления существуют реально вне индивидов, которые постоянно к ним приспосабливаются. Это вещи, обладающие своим собственным существованием» (Дюркгейм Э. Метод социологии // Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С. 20).

[3] По этому поводу Президент РФ Медведев Д.А. говорит: «прошло уже 65 лет, но в российских городах попрежнему ярко горит Вечный огонь – символ нашей жизни, символ нашей памяти о героическом прошлом. И год от года таких памятников становится не меньше, а больше. И это особенно радостно» (Медведев Д.А. Выступление на приёме по случаю 65-летия Победы в Великой Отечественной войне. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.kremlin.ru/transcripts/7688).

волжья, Севера, Сибири и Дальнего Востока, Северного Кавказа и Закавказья. Наконец, только половина опрошенных знают историю городов, поселков и сел, в которых живут[1].

2. Историческая память, несмотря на определенную неполноту, способна удерживать в сознании людей основные исторические события прошлого вплоть до превращения исторического знания в различные формы мировоззренческого восприятия прошлого опыта, его фиксации в легендах, сказках, преданиях.
3. Намеренное преувеличение исторической памяти, гиперболизация отдельных моментов исторического прошлого.
4. При оценке событий XX в., срабатывает краткосрочная историческая память, когда многие ее реальные участники еще живы и события истории еще являются частью личной жизни человека и поэтому не избавлены от индивидуального их восприятия, их специфического понимания и объяснения. На это восприятие накладывают отпечаток официальные и полуофициальные трактовки событий, литературные и бытовые оценки деятельности государственных и общественных деятелей, причем многие из них многократно пересматривались применительно к происходящим изменениям в политической жизни страны. Но очевидно, что попытки воздействовать на историческую память в угоду политическим и идеологическим интересам, изменить историческое сознание по большому счету не удаются.

Интересующий нас феномен Великой Отечественной войны сегодня продолжает очень высоко оцениваться исторической памятью. Президент РФ Медведев Д.А., говоря о Великой Отечественной войне, исторической истине и о нашей памяти, подчеркивает: «В жизни каждого из нас есть праздники и памятные даты, которые имеют особое значение. А есть такие случаи, когда стирается грань, когда личное становится общим, общее воспринимается как очень близкое, очень личное. 9 Мая, День Победы, – это тот самый пример такого праздника. Это наш общий праздник, праздник каждого из нас, праздник всех российских семей. Естественно, у каждого из нас есть и собственное отношение к этому празднику. И, как правило, это связано с нашими близкими родственниками, дедами, прадедами, которые воевали, прошли через горнило войны»[2].

Великая Отечественная война оценивается исторической памятью как наиболее значимое явление по следующим причинам[3]:

- Эта память связана с историей каждой семьи, т.к. это событие затронуло самые существенные и сокровенные стороны в личной жизни людей.
- Великая Победа определила не только будущее нашей страны, но и всего мира и поэтому его оценка базируется не только на осознаваемом, но и на интуитивном признании роли этой войны в истории всего человечества.
- Война стала «символом, который выступает... важным элементом позитивной коллективной идентификации, точкой отсчета, мерилом, задающим определенную оптику оценки прошедшего и отчасти понимания настоящего и будущего».

В социологических исследованиях начала 1990-х гг. Великая Отечественная война признается важнейшим событием XX в., занимая первое место (57% опрошенных) по сравнению с Октябрьской революцией (второе место, 50%). Этот порядок не изменился в оценке этих событий в последующие годы, несмотря на огромные общественные сдвиги в политическом и экономическом устройстве страны, что лишний раз подтверждает, что нет автоматизма влияния общественного бытия на общественное сознание. Исследования Всероссийского центра исследования общественного мнения (ВЦИОМ), охватившие по репрезентативной выборке все население России, показали, что в 1989 г. самым выдающимся событием XX в.

---

[1] Бойков В.Э., Меркушин В.И. Историческое сознание в современном российском обществе: состояние и тенденции формирования / Историческая память в массовом сознании российского общества (Результаты социологического мониторинга) // Социология власти. 2003. №2. С.14.

[2] Медведев Д.А. 7 мая 2009. О Великой Отечественной войне, исторической истине и о нашей памяти. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://blog.kremlin.ru.

[3] Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень. 1997. №5. С.12-13.

Великую Отечественную войну (вторую мировую войну) назвали 77%, в 1994 г. – 73% опрошенных. О том, что это событие стало символом для всего народа, всех его слоев и групп, свидетельствует такой факт: значимость этой войны для истории народа отметили 70% юношей и девушек в возрасте до 25 лет и 82% людей старше 50 лет. А это означает, что опыт в оценке старшего поколения трансформировался и приобрел символическую значимость и для последующих поколений[1].

По всем опросам общественного мнения, проведенным Левада-Центром, Победа в этой войне – главное событие XX века для населения России[2]. Больше того, это едва ли не единственное позитивное событие века и, в этом плане, единственное более или менее несомненное достижение советского периода отечественной истории. Сознание его первостепенной значимости объединяет не менее трех четвертей россиян (по опросу 1999 г. даже 85%) – из событий, относящихся к прошлому, такой сплачивающей силой не обладает никакой другой символ.

Иначе говоря, из событий XX в. нас объединяет и роднит в основном только оценка Великой Отечественной войны. Подобное единодушие проявляется также при оценке наших научно-технических достижений, таких, как полет Юрия Гагарина, освоение космоса, что отмечает практически каждый третий опрошенный.

По результатам федеральных исследований РОС, проведенных в 2005 г.[3] и в 2010 г.[4], среди факторов, влияющих на её патриотическое воспитание, события Великой Отечественной войны по-прежнему занимают важное место. И все-таки социологический анализ представлений российских студентов о Великой Отечественной войне не может не учитывать и влияние иных факторов. Ведь не только прошло 60-65 лет после Великой Победы (а это – три «шага» поколений), но и произошло столько событий, которые могли бы заслонить в сознании молодежи её значимость. К тому же эти молодые люди столкнулись и сталкиваются с такими неоднозначными оценками (и переоценками) социальных и исторических ценностей, что им нелегко сформулировать своё, достаточно адекватное отношение[5].

И тем показательнее их ответы об интересе к событиям тех военных лет. За 5 лет (2005-2010 гг.) число согласных с утверждением «Великая Отечественная война была давно, мне это не интересно» сократилось с 7% до 2%. 4 из 5 респондентов-студентов в 2010 г. совершенно не согласны с этим утверждением, каждый шестой – не очень согласен. В 2005 г. промежуточного варианта «не очень согласен» не было, поэтому адекватное сравнение невозможно, но позитивная тенденция прослеживается. Выясняется главное – у большинства современных студентов интерес к Великой Отечественной войне сохраняется, более того – он за последние пять лет даже несколько вырос. Причем особых различий – в зависимости от города, вуза, курса, пола – практически не зафиксировано. Кстати, отметим, что и по многим другим вопросам различия в ответах носят преимущественно *индивидуально-личностный*, а *не социально-групповой характер*.

Этот личностный момент особенно проявился в оценках студентами тех мыслей и чувств, которые вызывает у них Великая Победа. Приоритетным является мнение, что Великая Отечественная война сохранится в памяти не только нынешней молодежи (рост за 2005-

---

[1] Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень. 1997. №5. С.12-13.

[2] Дубин Б.В. Память, война, память о войне. Конструирование прошлого в социальной практике последних десятилетий. Отечественные записки, 2008, № 4 (43). С. 6-21.

[3] N = 1084 студента вузов Екатеринбурга, Казани, Краснодара, Магнитогорска, Нижневартовска, Тюмени; структура выборки по полу – мужчины – 55%, женщины – 45%; по курсам обучения – 1-2 курсы – 37%; 3 курс – 49%; 4-5 курсы – 14%.

[4] N = 3230 студентов вузов Альметьевска, Белгорода, Волгограда, Екатеринбурга, Казани, Краснодара, Магадана, Магнитогорска, Москвы, Нальчика, Нижневартовска, Нижнего Новгорода, Перми, Тюмени, Уфы, Челябинска; структура выборки по полу – мужчины – 42%, женщины – 58%; по курсам обучения – 1-2 курсы – 40%; 3 курс – 40%; 4-5 курсы – 20%.

[5] Вишневский Ю.Р., Ружа В.А. и др. Война была … вчера. Российское студенчество о Великой Отечественной войне // Актуальные проблемы социологии и менеджмента: общество – управление – образование - молодежь – культура. Екатеринбург. 2005. С.3-10.

2010 гг. с 6% до 10%), но и будет примером для новых поколений (рост – с 48% до 56%). Напротив резко сократилось (с 36% в 2005 г. до 23% в 2010 г.) мнение, что память о Великой Отечественной войне заслоняют иные события проблемы. Катастрофические настроения о «полном разрыве поколений», о нигилистическом отношении современной молодежи применительно к Великой Победе оказались сильно преувеличенными. И все-таки основания для беспокойства, конечно, есть. Устойчивым (присущим для 1 из каждых 9-10 респондентов) является мнение, что героизм участников войны – на фронте и в тылу – чужд для современной молодежи. Пусть это даже и не личное отношение – респонденты как бы оценивали распространенные в среде их сверстников настроения. Но тем и показательнее такие оценки. Нельзя недооценивать и присущий общественному (тем более – молодежному) сознанию своеобразный «оптический обман», когда события более близкие по времени и непосредственно воспринимаемые, злободневные, актуальные воспринимаются как более значимые. Позитивный результат мониторинга – снижение доли студентов (в 2005 г. – каждый третий, в 2010 г. – каждый четвертый), отметивших, что память о Великой Отечественной войне заслоняют иные события. И тем важнее, чтобы формирование этой памяти («Никто не забыт и ничто не забыто») у современной молодежи не было пущено на самотек, носило не кампанейский (от юбилея к юбилею), а постоянный, системный характер.

Завершая краткий анализ исторической памяти и памяти о великой войне в общественном сознании, подчеркнем главное. В целом представления современных студентов о Великой Отечественной войне могут быть оценены позитивно. Особенно позитивной выступает динамика последних пяти лет, что отражает определенные успехи в патриотическом воспитании молодежи. И все-таки деформации в историческом сознании студенческой молодежи весьма сильны. А это означает, что позитивный потенциал Великой Победы в формировании будущего специалиста-профессионала как патриота и гражданина своей Родины используется пока явно недостаточно.

> Пусть уцелеет все: и боль, и стыд,
> И даже чувство горькое и жгучее.
> За что-то, верю, Бог и нас простит.
> Но – обеспамятить? Ни в коем случае!
> М. Найдич

Ю.Р. Вишневский, В.А. Ружа

Представления российских студентов о Великой Отечественной войне: 5 лет спустя[1]

В ряду событий, определяющих историческую память современной российской молодежи (особенно – студенческой молодежи), среди факторов, влияющих на её патриотическое воспитание, события Великой Отечественной войны по-прежнему занимают важное место. И все-таки социологический анализ представлений российских студентов о Великой Отечественной войне не может не учитывать и влияние иных факторов. Ведь не только прошло 60-65 лет после Великой Победы (а это – три «шага» поколений), но и произошло столько событий, которые могли бы заслонить в сознании молодежи её значимость. К тому же эти молодые люди столкнулись и сталкиваются с такими неоднозначными оценками (и переоценками) социальных и исторических ценностей, что им нелегко сформулировать своё, достаточно адекватное отношение.

И тем показательнее их ответы об интересе к событиям тех военных лет:

Таблица1

Великая Отечественная война была давно, мне это не интересно?

Варианты ответа	2010	2005
согласен	2	7
не очень согласен	16	–
не согласен	82	93

[1] Статья опирается на результаты Федеральных исследований РОС, проведенных в 2005 г. и в 2010 г. Обобщение результатов исследования 2005 г. см.: Вишневский Ю.Р., Ружа В.А. и др. «Война была … вчера». Российское студенчество о Великой Отечественной войне // Актуальные проблемы социологии и менеджмента: общество – управление – образование - молодежь – культура. Екатеринбург. 2005. С.3-10.

В 2005 г. промежуточного варианта «не очень согласен» не было, поэтому адекватное сравнение невозможно, но позитивная тенденция прослеживается. Выясняется главное – у большинства современных студентов интерес к Великой Отечественной войне сохраняется, более того – он за последние пять лет даже несколько вырос. Причем особых различий – в зависимости от города, вуза, курса, пола – практически не зафиксировано. Кстати, отметим, что и по многим другим вопросам различия в ответах носят преимущественно *индивидуально-личностный*, а *не социально-групповой характер*.

Этот личностный момент особенно проявился в оценках студентами тех мыслей и чувств, которые вызывает у них Великая Победа.

Таблица 2

Какие мысли и чувства вызывает День Победы?

Варианты ответа	2005	2010
Подвиг в Великой Отечественной войне будет примером для новых поколений	48	56
Память о Великой Отечественной войне заслоняют иные события проблемы	36	23
Героизм Великой Отечественной войны чужд значительной части нынешней молодежи	10	11
Память о Великой Отечественной войне сохранится в сознании нынешней молодежи	6	10

Приоритетность позиции, что память о Великой Отечественной войне сохранилась и будет примером для новых поколений, за пять лет даже несколько усилилась. Катастрофические настроения о «полном разрыве поколений», о нигилистическом отношении современной молодежи применительно к Великой Победе оказались сильно преувеличенными. И все-таки основания для беспокойства, конечно, есть. Устойчивым (присущим для 1 из каждых 9-10 респондентов) является мнение, что героизм участников войны – на фронте и в тылу – чужд для современной молодежи. Пусть это даже и не личное отношение – респонденты как бы оценивали распространенные в среде их сверстников настроения. Но тем и показательнее такие оценки. Нельзя недооценивать и присущий общественному (тем более – молодежному) сознанию своеобразный «оптический обман», когда события более близкие по времени и непосредственно воспринимаемые, злободневные, актуальные воспринимаются как более значимые. Позитивный результат мониторинга – снижение доли студентов (в 2005 г. – каждый третий, в 2010 г. – каждый четвертый), отметивших, что память о Великой Отечественной войне заслоняют иные события. И тем важнее, чтобы формирование этой памяти («Никто не забыт и ничто не забыто») у современной молодежи не было пущено на самотек, носило не кампанейский (от юбилея к юбилею), а постоянный, системный характер.

В последние годы социологи отмечают снижение роли традиционных институтов социализации, в том числе и *семьи*. Но как хранитель памяти семья по-прежнему играет немалую роль. Более того – многие исторические события (и Великая Отечественная война тут не исключение) для молодежи воспринимаются как значимые, когда социальный контекст дополняется семейно-родственным. Такая тенденция четко отразилась в ответах респондентов на вопрос «Чем для Вашей семьи является День Победы?»

Таблица 3

Чем для семьи является «День Победы»?

Варианты ответа	2010	2005
«Праздник со слезами на глазах»	29	16
День памяти о родных, прошедших войну	59	65
просто выходной	12	19

Еще один позитивный результат мониторинга – за пять лет почти вдвое выросла доля респондентов, рассматривающих День Победы как традиционно всенародный праздник, смысл которого замечательно точно выражен в словах известной песни (в 2005 г. Таким было мнение каждого шестого, в 2010 г. – почти каждого третьего). В 1,5 раза сократилась и доля тех, кто видит в Дне Победы «просто выходной». Последнее можно отнести частично и на счет СМИ, которые (по крайней мере, в отношении Дня Победы) изменили тональность и явно сменили акценты в стремлении к «бытовизации» многих советских праздников. И все-таки приоритетным становится восприятие Дня Победы преимущественно через семейно-родственные отношения. Понимание праздника как всеобщего, как «радости, разделенной на всех» постепенно отходит на второй план.

Есть ценности, которым нет цены:
Клочок бумаги с пушкинским рисунком,
Учебник первый в первой школьной сумке
И письма не вернувшихся с войны
М. Борисова

Память о войне в семьях сохраняется не только как феномен сознания, но и запечатленная в разнообразных реликвиях.

Таблица 4

Хранятся ли у Вас дома реликвии Великой Отечественной войны?

Варианты ответа	2010	2005
Да	50	40
Нет	50	60

На первый взгляд результат мониторинга парадоксален: за пять лет доля отметивших сохранение в их семьях реликвий Великой Отечественной войны не уменьшилась, а возросла. Но это лишь доказывает, что действуют две противоположные тенденции. С одной стороны, конечно, время безжалостно, и материальные носители памяти исчезают, теряются (если их специально не хранить), быстрее, чем «память сердца». Но одновременно сказывается и общественная ориентация на сохранение (или – забвение) исторической памяти. В первые послевоенные годы оказались сильно приниженными награды фронтовиков и тружеников тыла (не случайно появилась песня с призывом: «Фронтовики, наденьте ордена!»). Позднее – с середины 1960-х гг. – приоритетной стала монументальная пропаганда. Личные вещи и другие реликвии Великой Отечественной войны, если и сохранялись, то преимущественно в государственных музеях, музеях боевой и трудовой славы предприятий. О сохранении же их в семье («домашнем музее») речи практически не было. Но в последние годы вновь активизируется поисковая деятельность. Возможно, это и отразилось в результатах мониторинга. По крайней мере, они показывают важность данного направления формирования патриотизма молодежи.

Великая Отечественная война, как и многие крупные события исторического прошлого для современной молодежи – не только событие. О событиях войны студенты немало слышали, видели (в кино-, телефильмах), читали, изучали их в школе и вузе.

По данным опроса 2003 г., абсолютное большинство населения получило представления об истории России из учебников (77% опрошенных), кинофильмов (70%), телевизионных передач (66%), художественной литературы и мемуаров (43%)[1] (Соотношение их роли: 30% – 27% – 26% – 17%). Что же знают наши респонденты о Великой Отечественной войне – о её полководцах и героях, о важнейших событиях и сражениях, какие литературные произведения, фильмы и песни о войне запечатлелись в их памяти?

В среднем респонденты в 2010 г. называли двух-трех полководцев, героев (в 2005 – 45% назвали 2-3 полководцев, героев, 33% – 1, 21% – 4 и более). Преобладают общие ответы, но есть (особенно – в отношении героев) и различия по городам: в *Альметьевске* чаще других упоминают Джалиля и Гафиятуллина, в *Белгороде* – Н.Ф. Ватутина, в *Волгограде* – Еремен-

[1] Бойков В.Э., Меркушин В.И. Историческое сознание в современном российском обществе: состояние и тенденции формирования / Историческая память в массовом сознании российского общества (Результаты социологического мониторинга) // Социология власти. 2003. №2. С.14.

ко, Павлова, Чуйкова, Штеменко, Шумилова, в *Екатеринбурге* – Кузнецова, в *Москве* – панфиловцев, в *Уфе* – Губайдуллина и Гордеева.

Таблица 5

Каких полководцев и героев Великой Отечественной войны знают (ответы на открытый вопрос – в % от числа ответов)

Варианты ответа	2010	2005
Полководцы Великой Отечественной войны		
Г.К. Жуков	92	70
К.К. Рокоссовский	35	33
И.В. Конев	13	10
И.В. Сталин	9	10
В.И. Чуйков	5	2
А.М, Василевский	4	2
К.Е. Ворошилов	4	4
Р.Я Малиновский	3	2
Н.Ф. Ватутин	3	2
А.И. Еременко	2	1
И.Х. Баграмян, П.С. Рыбалко, М.Е. Катуков, П.А. Ротмистров, С.К. Тимошенко, И.Д. Черняховский, Б.М. Шапошников, С.М. Штеменко, М.С. Шумилов и др. (выделены те, кто добавился в списке в 2010 г.)	1 и ниже	1 и ниже
Герои Великой Отечественной войны		
А. Матросов	9	6
З. Космодемьянская	7	2
Н. Гастелло	4	2
А.П. Маресьев	3	2
Я.Ф. Павлов	3	1
А.И. Покрышкин	3	1
Н.И. Кузнецов	2	1
Панфиловцы	2	1
И.Н. Кожедуб	2	1
М. Джалиль, М. Егоров, Р. Зорге, М. Казей, М. Кантария, Д.М. Карбышев, В. Котик, О. Кошевой, А. Молдагулова, В. Талалихин, С. Тюленин, А. Чекалин и др. (выделены те, кто добавился в списке в 2010 г.; не упомянуты, но были в 2005 г. М. Девятаев и А. Маринеску)	1 и ниже	1 и ниже

В ответах на этот вопрос наиболее активны *мужчины*. По полу более-менее равномерно распределились лишь ответы, где называли Г.К. Жукова. В анкетах юношей, гораздо чаще, чем у девушек назывались К.К. Рокоссовский, И.В. Конев, В.И. Чуйков и особенно И.В. Сталин. Аналогичная ситуация и по героям – А. Матросов, Н. Гастелло, А.П. Маресьев, Я.Ф. Павлов. Общая тенденция нарушена лишь в отношении З. Космодемьянской – девушки называли её значительно чаще, чем юноши.

Относительно равномерно распределились ответы на данный вопрос и по *курсам.* Заметна чуть большая активность в отношении полководцев у студентов IV-V курсов.

Заметны определенные различия в активности *по профилю обучения* – в целом «гуманитарии» и «технари» отмечают в своих ответах полководцев и героев Великой Отечественной войны чаще, чем «естественники» и «экономисты». Наибольшие отклонения проявились в упоминаниях З.Космодемьянской, Н.Гастелло (их особенно часто называли гуманитарии), В.И. Чуйкова, Я.Ф. Павлова (тут особенно активными были «технари»). Скорее всего, тут отразились различия по полу и структуре выборки по городам.

Как и в 2005 г., среди *неправильно названных* (всего таких ответов – 3%) полководцы дореволюционной России (М.И. Кутузов, А.В. Суворов, П.С. Нахимов, Ф.Ф. Ушаков) и гражданской войны (М.В. Фрунзе, М.Н. Тухачевский).

Еще одна общая черта двух этапов мониторинга – в 5% ответов называются «безымянные герои» (добавим к ним вариации – «неизвестный солдат», «мой прадед, дед» и т.д.). Распространенность таких ответов (в духе слов из песни «Мы все войны шальные дети – и генерал, и рядовой») связана, на наш взгляд, не с дегероизацией войны. Нельзя не учитывать одну из важнейших ценностных установок современной российской молодежи, устоявшую даже перед лицом рыночных перемен, – ориентацию на справедливость.

Великая Отечественная война длилась 1418 дней, она охватывала множество конкретных событий – от крупных сражений до «боев местного значения». Какие же из этих сражений знают наши респонденты? В 2010 г. в среднем назвали 2,7 события; в 2005 г. 51% назвали 2-3 сражения, 29% – 4 и более, 19% – 1).

Таблица 6

Знают важнейшие сражения Великой Отечественной войны (ответы на открытый вопрос)

Варианты ответа	2010	2005
Сталинградская битва	69	63
Битва на Курской дуге	59	61
Блокада Ленинграда	51	46
Битва под Москвой	34	24
Штурм Берлина	19	18
Оборона Севастополя	5	2
Оборона Брестской крепости	5	2
Сражение под Смоленском	3	2
Форсирование Днепра	2	2
Ржевская операция, Операция «Багратион», освобождение Восточной Европы, битва за Кавказ, «Малая Земля», освобождение Украины, освобождение Белоруссии, оборона Тулы, оборона Заполярья	1 и ниже	1 и ниже

Ответы на этот вопрос в зависимости от города распределились относительно равномерно. Да и проявившиеся различия вполне объяснимы: в ответах волгоградских студентов чаще других называется Сталинградская битва, в ответах московских студентов – битва под Москвой, в ответах белгородских студентов – битва на Курской дуге. В ответах юношей чаще, чем в ответах девушек, назывались наиболее важные события Великой Отечественной войны. Исключение – лишь блокада Ленинграда, она в «женских» ответах упоминается относительно чаще. В зависимости от курса особых различий в ответах студентов не зафиксировано.

Среди неправильных ответов (их доля – 3%), как и в 2005 г., – сражения из истории дореволюционной России. К Шипке, Аустерлицу, Крымской войне, упомянутым в 2005 г., в опросе 2010 г. добавились – Куликовская битва, Ледовое побоище, переход Суворова через Альпы. Новое явление – упоминание о высадке союзников в Нормандии и бомбардировке Хиросимы и Нагасаки.

Примечательны и ответы о фильмах, литературных произведениях о Великой Отечественной войне, которые знают наши респонденты (см.: Таблица 7).

Круг названных респондентами литературных произведений и – особенно – кинофильмов заметно расширился (в 2005 г. он включал около 70 наименований; в 2010 г. – более 150 наименований). Одна из причин – увеличение объема выборки. Но возможна и иная интерпретация – расширение круга интереса к художественным произведениям военной тематики. Правда, произошло и определенное расширение (за рамками Великой Отечественной войны) круга произведений – по военной тематике в целом: от «Войны и мира» и «Севастопольских рассказов Л.Н. Толстого до «Адмирала», «Чапаева» и «Доктора Живаго» через «Ивана

Бровкина» и «Максима Перепелицы» к «Водителю для Веры» «Ворошиловскому стрелку» и «9-й роте».

И хотя называются все эти произведения крайне редко (каждое – не более чем в 5-10 анкетах), происходящее смещение исторического сознания во времени и пространстве (оно отмечалось выше и в отношении полководцев и героев войны, важнейших сражений) весьма характерно.

Различия в пристрастиях *у юношей и девушек* по отношению к художественным произведениям более четкие. Лишь в отношении поэмы «Василий Тёркин» и кинофильмов «Звезда», «В бой идут одни старики» их мнения были относительно сходными. Чаще, чем в среднем, в *«мужских»* ответах отмечались «17 мгновений весны», «В августе 44-го» и особенно «Они сражались за Родину», в *«женских»* – «Офицеры», «Мы из будущего», «Судьба человека» и особенно «А зори здесь тихие».

Таблица 7

Знают фильмы, литературные произведения о Великой Отечественной войны (ответы на открытый вопрос)

Варианты ответа	2010	2005
К/ф «В бой идут одни старики»	46	23
К/ф «А зори здесь тихие»	35	36
Поэма «Василий Теркин»	17	23
Сериал «17 мгновений весны»	16	18
К/ф «Звезда»	14	10
К/ф «Они сражались за Родину»	13	12
К/ф «Офицеры»	11	6
К/ф «Мы из будущего»	8	-
К/ф «В августе 44-го»	7	6
К/ф «Горячий Снег»	5	5
Судьба человека	4	4
Повесть о настоящем человеке	4	3
Диверсант	3	2
Штрафбат	3	2
Освобождение	2	2
Летят журавли	2	2
На безымянной высоте	2	2
«Завтра была война»	2	2
Молодая гвардия	2	2
Стихотворение «Жди меня»	2	2
Аты баты шли солдаты,	1	4
Батальоны просят огня, Сын полка, 4 танкиста и собака, Живые и мертвые, Два товарища, В окопах Сталинграда, «Женя, Женечка и катюша», «Баллада о солдате», «Судьба человека», «Иваново детство», произведения М. Джалиля, «Последний бронепоезд», «Курсанты» и др.	1 и меньше	1 и меньше

Во многом сходными были ответы респондентов о песнях, музыкальных произведениях о Великой Отечественной войне. В среднем в исследовании 2010 г. на 1 ответ приходится 2,3 песни (в 2005 г. назвали 1 песню – 35%, 2-3 песни – 48%, 4 и более песен – 18%).

Круг названных песен о Великой Отечественной войне расширился еще более (в 2005 г. было названо около 50 песен, в 2010 г. – почти 130). Доля неправильно включенных в список песен незначительна – около 1%. Респонденты, очевидно, включали просто свои любимые песни – «Идет солдат по городу», «Прощание славянки», «Нежность», «По долинам и по взгорьям».

Таблица 8

Знают песни, музыкальные произведения о Великой Отечественной войны (ответы на открытый вопрос)

Варианты ответа	2010	2005
Катюша	59	36
День Победы	56	36
Священная война "Вставай страна огромная..."	15	17
Смуглянка	14	6
Синий платочек	10	7
Три танкиста	9	4
Темная ночь	9	7
Журавли	6	5
Землянка	6	4
Песня из к/ф «Белорусский вокзал»	4	3
Эх, дороги	4	3
На безымянной высоте	3	2
Офицеры	3	2
Алеша	2	1
Жди меня (песня), 7 симфония Шостаковича, «Ах, эти тучи в голубом», песни В. Высоцкого, Венский вальс, Бери шинель, пошли домой», «Давай, закурим, товарищ, по одной», Соловьи, «Враги сожгли родную хату», песни Б. Окуджавы, Баллада о красках», Случайный вальс, Песня военных корреспондентов, Севастопольский вальс, «Поклонимся великим тем годам» и др.	1 и меньше	1 и меньше

Завершая наш краткий анализ, подчеркнем главное. В целом представления современных студентов о Великой Отечественной войне могут быть оценены позитивно. Особенно позитивной выступает динамика последних пяти лет, что отражает определенные успехи в патриотическом воспитании молодежи. И все-таки деформации в историческом сознании студенческой молодежи весьма сильны. А это означает, что позитивный потенциал Великой Победы в формировании будущего специалиста-профессионала как патриота и гражданина своей Родины используется пока явно недостаточно.

Сегодня правомерно ставить вопрос и шире – о формировании «социологии Победы». По оценке В.Н. Кузнецова, «уникальность социологического подхода к изучению феномена «Победа» обусловлена тем, что процесс движения от цели к результату (победе, счастью) включает в себя: мотивацию, поступки людей и их взаимосвязи, идеалы и ценности, российскую мечту, патриотизм, ответственность, идеологию, самоотверженность, сострадание, терпимость, безопасность, умения и навыки жить во имя Родины, волю к Победе, уважение права Другого человека и народа на жизнь и счастье»[1].

В.В. Гаврилюк, д.соц. н., В.В. Маленков, к.соц.н (ТюмГНГУ, Тюмень)

Гражданственность, патриотизм и воспитание молодежи

Особенности положения *молодежи* как субъекта социального партнерства в период трансформации российского общества можно охарактеризовать через взаимоотношения: молодежь и труд; молодежь и политика; молодежь и образование; молодежь и государство.

Наши исследования молодежи 1990-х гг. в Тюменском регионе говорят о существенных изменениях в структуре указанных взаимоотношений. Особое место в этих изменениях занимает игнорирование воспитательной работы с молодежью. Практика такого рода работы с подрастающим поколением в сфере образования до сих пор лишена логичности и последова-

[1] См.: Кузнецов В.Н. Социология Победы // Безопасность Евразии. 2004. №2.

тельности, а то характеризуется ее полным отсутствием. Незаконченный процесс социальной стратификации, отсутствие внятно обозначенных ценностных приоритетов, не сложившйся опыт социального взаимодействия новых экономических групп – предпринимателей и наемных работников – затрудняют выбор задач воспитательной деятельности. Социологи отмечают амбивалентность современного общественного сознания, господство социальных мифов и парадоксальность, как специфический признак индивидуального и массового сознания россиян.

Очевидно, что ни «общечеловеческие ценности», ни особенности «национальной идеи» не стали конструктивными факторами в консолидации современной России. Идея «конкурентоспособности» носит скорее инструментальный характер и вряд ли будет воспринята обществом как главная идея новой России. На наш взгляд, общим основанием новой идеологии (а значит и основой воспитания) сегодня могут выступить *идеи патриотизма и гражданственности*. Русский человек, россиянин всегда доверял государству больше, чем обществу (часто просто не разделяя их), и идею служения связывал с отношением к Родине. Стремление к социальному порядку, справедливости, защищенности национальное самосознание всегда сопрягало с сильным государством, возлагая на него решение важнейших для людей проблем.

Высшая заслуга человека традиционно воспринималась, как способность быть гражданином своей страны, патриотом, деятельность которого приносит ей пользу и славу. Наивысшие достижения (в спорте, искусстве, науке, в труде) всегда служили способом демонстрации гражданственности. Пожалуй, справедливо мнение, «что утверждение гражданственности – главное средство возрождения России, укрепления российской государственности, достижения согласия (договора) между властью и обществом, включения жизненных сил граждан в осуществление реформ»[1]. Однако гражданственность часто понимается по-разному, исходя из тех или иных убеждений относительно дальнейшей траектории социального развития России.

В каждой культуре находит выражение некая *идеализированная модель государства, общества, гражданина,* которая соответственно обозначается как «идеал государства», «идеал общества», «идеал гражданина». В соответствии с представлениями о современном государстве, его идеал воплощается в концептах «правовое государство», «социальное государство», «государство всеобщего благосостояния». В свою очередь, применительно к идеалу общества, используются эпитеты «открытое», «справедливое», «гражданское». Важнейшим моментом в понимании сущности гражданского идеала являются способы его формирования, характер и каналы его воздействия на ценности и установки молодого поколения. Именно в них он конкретизируется, трансформируясь из состояния общих представлений о должном и сущем в конкретные воспитательные программы, ценностные стандарты.

Структурные свойства гражданственности понимаются нами, вслед за Э. Гидденсом, как «совокупность правил и ресурсов, способствующих производству/воспроизводству социальных институтов, «зафиксированных» во времени и пространстве»[2], а также институционализированных гражданских ролей. Исходя из этого, под *гражданственностью* мы понимаем *совокупность базовых,сложившихся на определенный момент времени ценностей, норм и ролей, принятых за образец.* Критерием определения степени *гражданственности личности* является соответствие между социетальной *моделью*, объективированной как декларируемые, возможные, желаемые характеристики человека, и *реальным поведением индивида как исполнителя гражданских ролей.*

Обращение к исследованию гражданственности предполагает вычленение заранее определенных культурных и структурных параметров этого феномена. Нам представляется, что гражданственность как определенный тип еще не сложилась в современной российской действительности. Поэтому, мы не предлагаем некую заранее определенную модель, ее индикаторы, поскольку она априори будет являться плодом наших собственных убеждений, мнений

---

[1] Полухин О.Н. Идея, опыт и идеал гражданственности: философский проект. М., 2003. С.3.
[2] Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. М., 2003. С.68.

и т.д. Процесс становления гражданственности в нашей стране развивается не на «пустом месте»[1]. Это скорее процесс непрерывного изменения, и не только сознания граждан. Он разворачивается на всех уровнях развития общества и личности, является многоаспектным, многоуровневым, поливариантным. Процесс трансформации гражданственности от советской к современной российской предполагает наличие промежуточных стадий, переходных типов. По мере движения к современному идеалу гражданственности актуализируются различные факторы. Среди них можно назвать такие, как разочарование в неолиберальном проекте реформирования России, стремление искать свой (независимый) путь, обращение к прошлому, прежде всего к советскому. Эти факторы определяют содержание становления российской гражданственности. При этом сегодня социокультурная программа, основанная на неолиберальном идеале демократической гражданственности, воспринимается уже как одна из многих. В то же время в качестве *превалирующих вариантов рассматриваются исторически сложившиеся в нашей стране типы и модели гражданственности.* Среди них особое значение приобретает вариант, основанный на учете *советского опыта гражданственности*. Следует отметить, что он не предусматривает возврата к прежнему идеалу, а апеллирует к позитивным чертам, присущим советскому опыту. Например, в последнее время все более осознается потребность в целенаправленной государственной политике в области гражданского воспитания, возрождении воспитательной функции образования.

Современный этап становления российской модели гражданственности приобретает следующие основные черты:

- конфронтация с ортодоксальным вариантом неолиберального проекта гражданственности;
- активный поиск альтернативных путей развития «гражданственности российского типа»;
- осознание необходимости существования объединяющих ценностей, российской национальной идеи, основанной на принципах патриотизма, духовности, правовой культуры;
- признание активной роли государства в процессе структурирования гражданской сферы общества;
- активизация идеологической и социализационной функции государства;
- восстановление разрушенного гражданско-патриотического воспитания;
- активная роль гражданских структур, в процессе институционализации которых происходит репрезентация нравственных ценностей, вырабатываются модели поведения (гражданские роли).

Идеи патриотизма и гражданственности в постперестроечное время были подвергнуты тщательнейшей ревизии, вплоть до полной замены их смысла. Сегодня патриотами называют себя националисты и даже фашисты, а понятие гражданин употребляют чаще всего в значении «гражданин мира». Возрождение истинного смысла ключевых для идеологии новой России понятий необходимо и с прагматической точки зрения, так как воспитание новых поколений должно основываться на ясных, однозначных представлениях о базовых ценностях.

С целью определения степени гражданственности, ее проявления в структуре сознания и деятельности личности в современной России, мы провели социологическое исследование. В качестве эмпирической модели гражданственности выступали показатели, характеризующие человека в единстве его субъектно-деятельностных признаков. Мы выделили *два блока показателей* – субъектные модели гражданственности и ее деятельностную составляющую. *В процессе конструирования субъектной модели гражданственности были определены следующие индикаторы:*

1) значимость социальных проблем, характеризующих степень включенности в процессы функционирования общества;
2) оценки качеств, характеризующих личность как гражданина;
3) жизненные проекты личности, целевые установки исполнения гражданских ролей;

---

[1] Подробнее см.: Новичкова И.Ю. Социоисторический контекст становления российской гражданственности. М., 2002.

4) ориентации личности на общегражданские ценности;
5) ценностное отношение к государству; оценочные суждения относительно деятельности современных российских государственных институтов;
6) представления об идеальном типе гражданина; конструирование собственной модели гражданского поведения;
7) модели гражданской идентичности.

Второй блок показателей составили деятельностные, поведенческие проявления гражданственности. Среди них мы выделили: интенсивность и частоту участия в деятельности общественных организаций; степень участия в мероприятиях гражданско-патриотической направленности; степень участия в избирательном процессе.

Объектом эмпирического исследования гражданственности в постсоветский период была выбрана молодежь в возрасте от 14 до 30 лет. Исследование проводилось в 2004-2005 гг. по выборке, репрезентирующей генеральную совокупность по поло-возрастному признаку и месту жительства. В качестве генеральной совокупности выступало *население юга Тюменской области* указанного возраста. Объем выборки составил 1211 человек, ошибка выборки по одному признаку – не более 5%.

Для того, чтобы определить, какие проблемы волнуют молодежь, мы предложили ответить на вопрос: «Что в настоящее время беспокоит Вас больше всего?», который предполагал 28 вариантов ответа (из них можно было указать не более пяти). Учитывая то, что вопросы по-разному волнуют каждого человека, мы распределили ответы по степени их удаления от личных интересов и потребностей к социальным. Таким образом, структура вариантов ответа включала: а) личные проблемы; б) социальные проблемы, напрямую затрагивающие личные интересы человека; в) социетальные проблемы (относящиеся ко всему обществу и лишь опосредованно влияющие на личную жизнь).

Анализ проводился как по всему массиву, так и по отдельным группам. В частности, ранжирование по всему массиву показало, что в основании иерархии проблем находятся витальные потребности, такие как «мое будущее» (ранг 1; 64% от всего массива); «материальное положение» (ранг 2; 41%); «состояние здоровья» (ранг 3; 39%). Наряду с ними также указывались «опасение не найти работу» (27%), «обеспеченность жильем» (27%). Проблемы, обозначенные нами как общегражданские, имеющие макросоциальное значение, занимают средние и последние места в иерархии предпочтений. Так, «экологическая обстановка» волнует 16% опрошенных (ранг 11), «нравы (безнравственность) в среде молодежи» – 15% (ранг 13). Последние позиции срединных значений занимают: «уменьшение авторитета России в международном сообществе» – 10% (ранг 18), «состояние культуры в обществе» – 9% (ранг 19), «состояние с правами и свободой человека в стране» – 8% (ранг 20). Замыкают иерархическую лестницу «снижение чувства коллективизма и товарищества у россиян» (6%), «отсутствие общенациональной идеи, способной объединить все слои общества» (4%), «ситуация в межнациональных отношениях в стране» (3%), занимая, соответственно, 24-ю, 25-ю и 26-ю позицию в ранговой таблице. Таким образом, можно сделать вывод: *общегражданские, социетальные проблемы, отношение к которым во многом характеризует личность как гражданина, меньше всего беспокоят молодежь*. Хотя в целом такая структура ответов соответствует нормальному распределению границ значимости – личные проблемы всегда больше беспокоят человека – следует отметить достаточно значительную дистанцированность этих проблем от ключевых, общегражданских. Это позволяет заключить: такая степень репрезентации данного вида проблем негативно проявляется на качественных характеристиках, определяющих уровень гражданственности.

В период социальной трансформации одним из ключевых вопросов является социальное проектирование приемлемого для него будущего. В основании данных проектов лежат определенные представления, идейные предпосылки. Для того, чтобы выяснить, насколько и в какой степени они поддерживаются в молодежной среде, мы задали вопрос: «Какие идеи кажутся для Вас наиболее привлекательными?» Вариантов ответа было предложено 12, из них один являлся открытым. Всего можно было указать не более трех позиций. Ответы распре-

делились следующим образом. *Безопасность*, занимающая ключевую позицию в структуре потребностей личности стоит на первом месте (ранг 1). Данную идею поддерживают 57% респондентов. Идею *стабильности* поддерживают 53% респондентов
(ранг 2). Ключевым показателем в структуре «демократической гражданственности» является *отношение к свободе и правам человека, его личному достоинству*. Данная идея занимает третий ранг. Ее поддерживают 41%, что позволяет говорить о достаточно высокой
степени ориентации на эту ценность. Весьма высоко ценится *идея равенства и справедливости* – четвертый ранг (38%). Одна из базовых ценностей-целей патриотически настроенных сил современного общества – *возрождение сильной России*, поддерживается – 34% респондентов (ранг 5).

Как отмечает А.И. Редель, «для россиян с их менталитетом чрезвычайно важна связь духовности и нравственности. Духовность как ценность, – утверждает она, – занимает в структуре российского менталитета центральное место, это – особенность «русской души», ценностный приоритет духовно-нравственного элемента»[1]. Необходимо напомнить, что *духовность и нравственность* являются одними из ключевых ценностей, характеризующих гражданственность ориентации социального субъекта. Однако исследование показало – молодежь не рассматривает эту идею в качестве ключевой, что подтверждается полученными данными. Всего лишь 19% респондентов обозначили ее как «привлекательную» для них. Далее (ранг 7) следует *идея развития рыночных отношений и свобода предпринимательства*. Поддержка данной ценности характеризует также уровень развития достижительной ориентации молодежи, являющейся основой активистской модели гражданственности; она отмечена небольшим количеством опрошенных (18%).

Структурирование новой социальной реальности проходит в России в жестком противостоянии инноваций и традиций, нового с привычным, апробированным в течение многовековой истории нашей страны. Считаем, что одно из необходимых условий успешной модернизации России – сохранение традиций. Их возрождение, продуцирование и развитие представляет, наряду с другими факторами, основу национальной культуры, будущего созидания России. Такую установку разделяют далеко не все опрошенные нами респонденты. *Идея возрождения традиций* находится как бы «в хвосте» выстроенной нами иерархии, на восьмой позиции, пользуется поддержкой 9% опрошенных.

Последующие три идеи, по нашему мнению, относятся к числу тех, которые активно обсуждаются в обществе, но воспринимаются скорее как достаточно противоречивые, требующие конкретизации, прояснения их смысла. Например, *идея централизации власти* может восприниматься позитивно ввиду объективной необходимости сохранения единства страны, государственной целостности, однако, как правило, сильная центральная власть сильно ограничивает права «регионов» и местного самоуправления, что несет в себе опасность ущемления значительной части прав и свобод граждан. Вероятно, по этой причине поддержку данной модели власти выражают всего 8% молодых людей. Замыкают ранговую таблицу такие ценности, как *«интересы моей нации»* (7%) и *«самостоятельность регионов»* (5%), 10 и 11 ранг соответственно. Отметим существование устойчивой корреляции между идеей самостоятельности регионов и необходимости сильной центральной власти. Эти понятия являются дихотомическими – чем больше сторонников сильной центральной власти, тем меньше поддерживающих идею самостоятельности регионов, и наоборот. Данный вопрос был сверхактуальным в начале 1990-х гг., сейчас же он потерял былую остроту, что и подтверждают результаты проведенного опроса.

Существует определенная взаимосвязь между поддержкой социальных идей и симпатиями относительно идейно-политических течений, их отстаивающих. Если представить идеальную картину, когда те или иные движения имеют четко обозначенную идеологическую основу и последовательно проводят ее в жизнь, а граждане в достаточной степени информи-

---

[1] Редель А.И. Духовность – основа российского менталитета. К вопросу о социокультурных предпосылках модернизации российского общества. М., 2000. С.17.

рованы, понимают смысл этих идей, то можно с уверенностью утверждать, что зависимость между ними прямая. Однако в реальности может быть и так, что человек симпатизирует националистам, но в то же время воспринимает свободу и права человека как высшую ценность. Для того, чтобы выяснить, в какой степени соприкасаются представления об идеях и их организационных носителях, мы предложили респондентам ответить на вопрос: «Какому идейно-политическому течению Вы симпатизируете?». Ответы распределились следующим образом. Либералам, отстаивающим приоритеты прав и свобод человека симпатизируют 15% респондентов; защитникам природы – 12%; социал-демократам – 11%; сторонникам рыночных реформ – 6%; коммунистам – 4%; центристам, которые стремятся избегать крайностей – 3%; русским националистам – 2%; националистам, представляющим иные народы – 3%. Большинство опрошенных указали на отсутствие симпатий к какому-либо движению вообще. В данном вопросе также велико число отказавшихся отвечать.

Одним из аспектов гражданственности являются представления о том, *что значит «быть гражданином».* В процессе осознания этого личность конструирует в своем сознании референтную модель, представляющую собой систему ролей, идеальных и реальных представлений о способе бытия гражданина. Следует отметить, что представления молодежи в основном сводятся к формальным признакам, характеризующим гражданина. Так, 52% опрашиваемых отметили в качестве конституирующего признака гражданина его непосредственное проживание в России. Вторую позицию в ранговой лестнице занимает ответ «обладать правами гражданина России» – 47%. Способность обладать как правами, так и обязанностями, быть связанным чувством долга со своей страной как основной элемент гражданства указали 41% респондентов. Три другие показателя, характеризующие ценностную основу современной гражданственности, в суждениях респондентов представлены в достаточно незначительной роли. Один из ключевых элементов, определяющих степень гражданственности личности, – «патриотизм» отметили всего 17%, «быть причастным к великой истории и культуре страны» – 11%, «своей активностью способствовать развитию гражданского общества и демократии» – 11%. Достаточно внушительным в контексте данного исследования выглядит число ответивших (почти каждый 14-ый), что они не задумывались над этим (7%).

Патриотизм является важнейшей ценностной составляющей гражданственности. Для того, чтобы определить «степень патриотизма» молодежи, был сформирован специальный блок вопросов. На один из них: «Что для Вас означает «быть патриотом»?» мы получили следующую структуру ответов. Первый ранг занимает ответ «любить и гордиться Россией» (66%). Далее идут: «быть готовым защитить Россию» (49%), уважать традиции и культуру России (36%). Следует отметить, что в основном в качестве характеристики патриотизма молодежь обозначает пассивное, созерцательное отношение к различным объектам типа «любить», «уважать» и т.д. Признаки же активной формы патриотизма представлены значительно реже. Так, необходимость своим личным участием способствовать процветанию страны отметили всего 22% опрашиваемых (4 ранг). Деятельностная характеристика патриотизма, проявляющаяся в стремлении обустроить Россию, где проживают разные народы, находится на предпоследнем месте ранговой таблицы (13%). Вместе с тем, на вопрос о том, считают ли они себя патриотами, положительные ответы дали 44% респондентов, отрицательные – 18%. Очень многие отметили, что они над этим не задумывались (36%).

Важнейшая составляющая гражданской ориентации человека – его отношение к стране, своему родному городу (селу), готовность защищать интересы своей Родины. В развитие данной темы нами исследовался индикатор «готовность выехать за границу при условии появления такой возможности». В результате мы получили следующие данные. Готовность уехать за границу навсегда высказали 14% респондентов, поехали бы на некоторое время (учиться, работать) 60% опрашиваемых, предпочитают жить в России даже при плохом развитии событий – 18%, затруднились с ответом – 7%.

Мы предложили респондентам выразить свое отношение к службе в армии. Число ответов, что все здоровые мужчины должны отслужить в армии положенный срок, составляет 37% от опрошенных. Считают, что призывник должен иметь возможность при желании

пройти альтернативную службу 19%. Убеждены в том, что в настоящий момент необходимо перейти от призыва к комплектованию армии на контрактной основе 39%. Одним из определяющих признаков патриотической направленности личности является отношение к Родине. Вместе с тем, данное понятие понимается каждым по-разному, в него вкладывается различный смысл. Что есть для молодежи Родина, каковы ее пространственные характеристики? На этот вопрос мы получили следующие ответы: «Россия в целом» – 56%, «город (поселок), в котором живу» – 15%. Считают своей Родиной Тюменскую область 8%. Интересным моментом является то, что 4% определяют в качестве своей Родины СССР. Характерно, что ассоциируют себя с Советским Союзом как с образом будущей России несколько большее количество респондентов – 6%. Следует отметить, что в более старших группах молодежи данный вид ассоциации составляет 9%, тогда как поколение постсоветской генерации отмечает данную позицию реже – 5%. Большинство опрошенных (48%) ассоциируют себя с современной Россией, хотя и переживающей трудности, но продолжающей преобразования. Это означает, что гражданско-государственная идентичность превалирующей части молодежи представляет тип идентификации «здесь-и-сейчас». Значительно меньшее, хотя и внушительное, количество респондентов (16%) идентифицируют себя с будущим состоянием России (перспективная идентичность), характеризуемым посредством эпитетов «Великая», «возрожденная». Изучение общественного мнения, позиций молодежи в отношении гражданских и патриотических ценностей может стать основанием для соответствующей воспитательной работы в этой среде.

Сегодня в образовательных учреждениях воспитание не является комплексной деятельностью, что, в свою очередь, свидетельствует о деформации института образования. Для выявления реального положения в организации воспитательной работы с учащейся и студенческой молодежью в 2005 г. был проведен *опрос экспертов*, в качестве которых выступили проректоры, заместители директоров по воспитательной работе вузов, ссузов и профессиональных училищ Тюменской области. По педагогическому стажу большинство экспертов – опытные преподаватели: 51% имеют стаж более 20 лет, 25% – от 11 до 20 лет. Их квалификационный и должностной статус позволяет считать полученные данные обоснованной экспертной оценкой состояния воспитания в региональных учреждениях профессионального образования. Опросный лист эксперта был построен таким образом, чтобы выявить реальное состояние дел в области воспитания (основные направления работы, систематичность проводимых в учебных заведениях мероприятий, приоритетные области воспитательной деятельности, наличие специальной работы с одаренной молодежью и профилактики девиантного поведения, а также оценку готовности педагогических коллективов к возрождению системного характера воспитания).

Анализ полученных эмпирических данных позволяет утверждать: во-первых, все эксперты отмечают острую необходимость и своевременность возрождения системы воспитательной работы в учебных заведениях; во-вторых, подтверждают потребность в подготовке кадров для этого вида деятельности. Например, 82% экспертов считают безусловно необходимой подготовку таких специалистов. Предсказуемость результата опроса побудила нас задать несколько контрольных и уточняющих выраженные позиции вопросов. Так, не очень отчетливо представляют себе эксперты то, чем конкретно должен заниматься специалист по воспитанию в их учебном заведении – 75% из них уклонились от ответа. Таким образом, реальное поле для деятельности воспитателя в профессиональном учебном заведении и сегодня, даже для специалистов, занимающихся этой работой, пока не очерчено, не очень ясно. Еще более показательным является факт оценки готовности к возрождению воспитательной работы в педагогическом коллективе. Большинство опрошенных считают, что эта задача должна решаться на государственном уровне, и основными субъектами возрождения должны стать федеральные и региональные властные структуры. Роль профессиональных (например, Совет ректоров) и других общественных объединений – незначительна. Еще меньшую ответственность возлагают эксперты на сами педагогические коллективы (2% экспертов). Итак, ответственность за возрождение воспитательной деятельности в учреждениях профессио-

нального образования эксперты готовы делегировать отдаленным от непосредственного педагогического коллектива, причем, чем более удален субъект, тем большую ответственность возлагают на него эксперты.

Из опросов экспертов следует, что существующая сегодня практика внеучебной деятельности в учреждениях профессионального образования не позволяет говорить о системном характере воспитательной деятельности, скорее это сеть разрозненных мероприятий, в основном связанная с будущей профессиональной деятельностью, отчасти художественно-эстетическим, еще меньше – гражданским воспитанием. Справедливости ради необходимо отметить, что отсутствие воспитания замечено не сегодня. В профессиональной среде вопросы о возрождении воспитания на новых, некоммунистических основаниях, стали ставиться уже с 1992 г. Именно к этому времени относятся попытки разработать новые концепции воспитания молодежи России. В разработанных программах приоритет отдается способности к самоопределению в меняющихся социальных условиях, формированию физически и нравственно здорового человека, обладающего высоким уровнем информационной культуры, целостным научным мировоззрением. Однако краткосрочный характер программ подтверждает недостаточную разработанность концептуальных оснований по осуществлению воспитания.

Тем не менее, некоторые общие подходы уже обозначены. Среди основных элементов можно выделить доминирующие идеи и принципы подхода к воспитательной работе: идея гуманизации и гуманитаризации; создание условий для раскрытия творческих способностей; социализация личности как гражданина России; формирование социальной активности; развитие потребности и опыта самовоспитания; возрождение интеллектуального, духовного и творческого потенциала, воспитание толерантности и уважения к другим людям, народам, странам.

И.Л. Грошев, к.с.н. (ТюмГНГУ, Тюмень);
Грошева И.А., к.соц.н. (ТюмГАМЭУиП, Тюмень)

Трансформация идей патриотизма в молодежной среде: системный анализ

Трансформация современной России представляет собой закономерный процесс изменения ее социокультурной природы и его успешность основывается на радикальном изменении не только социально-политической и экономической сфер жизни, но и на новых приоритетных ценностях и жизненных стратегиях россиян, оказывающих активное обратное воздействие на общественные отношения.

Специфика социокультурных процессов в современной России определяется характерными особенностями советского периода, связанного с господством административно-командной системы, другими словами с тоталитарным обществом, в котором было сформировано несуверенное и манипулируемое массовое сознание и типы конформного поведения, основанного на стереотипах сознания и фиксированных установках, когда всякое инакомыслие объявлялось диссидентством и преследовалось на основе реализации принципов ожесточенной классовой борьбы с идеологическими противниками. Это сформировало массовое осознание особого типа, для которого особенно характерно расхождение между декларируемыми ценностями, личными предпочтениями и реальным поведением, составляющим принципиальную особенность того периода истории.

В России конца XX в. происходит трансформация ценностного сознания россиян, когда в условиях становления либерально-рыночного государства должен появиться индивид, обладающий суверенным мышлением, плюралистической системой ценностей, высокой предприимчивостью и пониманием свободы как важнейшей ценности современного человечества. Формирование человека, обладающего таким типом ценностного сознания предполагает, с одной стороны, ресоциализацию (необходимую преимущественно для старших возрастов), а с другой – формирование сознания молодежи в новых приоритетных системах ценностей.

Исследователи XX в. (Х. Ортега-и-Гассет, М. Мид, Г. Маркузе) отмечают, что радикальное изменение культурных ценностей и образцов, нигилистическое отношение к традицион-

ным культурным образцам, характерное для жизнедеятельности этносов, осуществляющих модернизацию, может привести, а зачастую и приводит к потере этнической идентификации, а значит и к растворению культуры этноса, превращении его в пресловутое население, состоящее из маргиналов, одинаково чуждых и враждебно относящихся как к старой, так и к новой культуре. Особенностью модернизационных процессов, происходящих в ценностном сознании россиян, является то, что доминантные ценности русской культуры были всегда дихотомичны и амбивалентны и русская культура развивалась в рамках культурных оппозиций, что придавало ей особую устойчивость.

Следует отметить, что потребности в престиже, достижении реализовывались какое-то время назад гордостью за свою страну, за ее достижения, уверенностью в государственных гарантиях прав на труд, образование, безопасность, здоровье, наконец, жилье. Они актуализировались в социальной активности – ударный труд, миграция, изобретения, созидание в различных областях общественной жизни, членство в общественных организациях. Указанные потребности не только остаются, но и обостряются в условиях социальной нестабильности, а средства их удовлетворения сокращаются. Знание истории, традиций, обычаев своего народа всегда выполняло консолидирующую роль, способствовало преемственности поколений, формировало патриотизм.

Например, в 1997 г. свое восхищение Петром I и его свершениями высказали 48% голосов, «золотому веку Екатерины» – было отдано в 3,5 раза меньше голосов, остальные периоды отечественной истории: отмена крепостного права, революция, правление Сталина, «оттепель», «застой» и т.д., вплоть до недавнего прошлого («перестройка» и президентство Б. Ельцина) привлекли симпатии совсем немногих – от 2% до 6% опрошенной молодежи[1]. Спустя 10 лет молодым россиянам вновь было предложено оценить основные периоды истории России. В целом общая конфигурация ответов не изменилась.[2] Молодежь ориентировалась на те же оценочные модели, которые были в то время характерны для массового сознания населения в целом.

Исследования, проведенные в свое время к 60-летию Великой Победы среди населения России, позволяют сделать вывод о том, что такое значительное событие XX в. как история Великой Отечественной войны в принципиальных вопросах едина для младшего, среднего и старшего поколений населения, героическое прошлое России и сегодня «работает» на консолидацию современного российского общества, на связь и преемственность поколений.[3] И сегодня, спустя пять лет, молодежь в возрасте от 16 до 25 лет также гордится победой в Великой Отечественной войне 1941-45 годов (83%)[4]. Не очень молодых людей[5] радует авторитет России в мире (15%) и демократические свободы, которые достигнуты в нашей стране в 1990-е гг. (7%). Однако вызывает тревогу постепенное забвение значимых событий, которые вымываются потоком времени из памяти молодого поколения. Исследователи А.И. Афанасьева и В.И. Меркушин отмечали, что среди молодых людей в возрасте 18-24 года оказалось в 3 раза больше, чем в когорте 60 лет и старше, тех, кто никого не помнит из полководцев войны, и в 2,5 раза меньше помнящих Героев Советского Союза той поры. Не смогли назвать ни одного из полководцев Отечественной войны почти треть молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет. Среди них – вчерашние и сегодняшние школьники, студенты. Авторы сетуют, что невозможно помнить то, чего не знаешь и считают, что состояние исторической памяти моло-

---

[1] Общероссийские репрезентативные исследования, проводившиеся Российским независимым институтом социальных и национальных проблем (РНИСНП) по единой методике в 1995 и 1997 гг. и Институтом социологии РАН в 2007 г. Объем выборочной совокупности в каждом исследовании – по 1750 человек соответственно

[2] Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: демографические тенденции, историческое сознание. Мониторинг общественного мнения. Ноябрь-декабрь 2009. № 6 (94). С.39.

[3] Саралиева З.Х., Балабанов С.С. Великая Отечественная в памяти трех поколений //Социс. 2005. №11. С.19.

[4] Общероссийское исследование, проведенное Центром социального прогнозирования и маркетинга в апреле-мае 2009 г. в 21 субъекте РФ, с репрезентацией данных исследования на федеральном уровне и на уровне административных округов РФ. Выборка составила 2000 человек

[5] Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: демографические тенденции, историческое сознание. Мониторинг общественного мнения. Ноябрь-декабрь 2009. № 6 (94). С.38.

дых россиян объясняется не столько их возрастными особенностями, сколько социально-политическими причинами, связанными с социальным статусом, уровнем образования, доступом к информации, характером семьи и др.[1]

Другими авторами отмечается тот факт, что в числе основных источников знаний о войне у всех поколений фигурируют семейные воспоминания; у молодежи – встречи с ветеранами (52%). Пресса редко упоминается в анкетах молодых людей в качестве основных источников информации. Характерно, что события военной поры молодые люди обсуждают не со сверстниками, а с собеседниками из поколений отцов и дедов.[2] Имеются у авторов и претензии к современным учебникам истории, где информации о таком значимом событии уделяется всего лишь 8% от объема учебного пособия. Разные эксперты недовольны ими по-своему. Например, известный историк Н. Винокуров недоволен самим содержанием современных учебников истории, а не только организацией материала в них. «Учебники изуродованы, – считает он. – Их авторы начали переписывать историю, в том числе и историю Второй мировой войны, очерняя нашу победу»[3].

Как показал опрос, проведенный ВЦИОМ в 2004 г., память о Великой Отечественной войне в значительной степени сохраняется на уровне семейных преданий. Половина россиян (50%) знает о войне непосредственно из рассказов своих близких, а также из семейных архивов. Ведь у подавляющего большинства россиян (91%) кто-то из родственников в ней принимал участие, а каждый десятый потерял в ней кого-то из своих близких[4]. В то же время треть опрошенных – 31%, зная, что кто-то из их родственников воевал, тем не менее, уже не знакома с подробностями их военной биографии. Опять же, в молодежной среде (18-24 и 25-34 года) число не сохранивших семейные воспоминания гораздо выше - 43%[5].

Ученые бьют тревогу: с каждым годом россияне все хуже и хуже знают историю. По данным Левада-центра, если в 2001 г. на вопрос о том, кто был противником и союзником СССР в годы Второй мировой войны, затруднились ответить 15% и 13% опрошенных соответственно, то в 2004 г. – 18% и 24%. Дети иногда путают Великую Отечественную войну с Отечественной войной 1812 г., не говоря уже о том, что часть школьников не знают ни полководцев, ни героев Великой Отечественной войны. Кстати, данные опросов, проводимых в 2004 и в 2010 гг., показали, что среди студенческой молодежи дела обстоят не лучшим образом. Из тех выпускников, которые сдавали ЕГЭ по истории в 2005 г., высший балл (100) получили 16 человек. Для сравнения, по русскому языку их 416[6].

Прочное место в памяти народа принадлежит легендарному полководцу Г.К. Жукову – 80% опрошенных. Хорошо помнят К.К. Рокоссовского (40%), И.С. Конева (23%), Р.Я. Малиновского (9%), А.М. Василевского (6%), К.Е.Ворошилова (7%), С.М. Буденного (6%) и др. Из числа Героев Советского Союза были названы Александр Матросов, Александр Покрышкин, Зоя Космодемьянская, Алексей Маресьев, Николай Гастелло, Иван Кожедуб и др. Такие же результаты были получены и у других исследователей[7]. Встречались и курьезные ответы. Называли героями ВОВ участников Гражданской войны, не доживших до 1941 г.: Фрунзе, Котовского, Дзержинского. Встречаются, правда, как единичные, упоминания Кутузова, Суворова, Нахимова, Ушакова – военачальников и флотоводцев, но совсем других войн и вре-

---

[1] Афанасьева А.И., Меркушин В.И. К 60-летию великой Победы. Великая Отечественная война в исторической памяти россиян. Социс. 2005. №5. С.14.

[2] Саралиева З.Х., Балабанов С.С. Великая Отечественная в памяти трех поколений. Социс. 2005. №11. С.5.

[3] Одноглазый Жуков? [Электронный ресурс] Режим доступа: http://old.wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/8133.html

[4] Опрос проведен ВЦИОМ 17-18 апреля 2004 г. Опрошен 1601 человек в 100 населенных пунктах в 39 областях, краях и республиках России.

[5] Пресс-выпуск №1483 http://old.wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/13446.html

[6] Одноглазый Жуков? [Электронный ресурс] Режим доступа: http://old.wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/8133.html

[7] Саралиева З.Х., Балабанов С.С. Великая Отечественная в памяти трех поколений // Социс. 2005. №11. С.2-19.

мен. И совсем курьезный факт. В числе полководцев назван маршал Градов (вымышленный образ из телевизионного сериала «Московская сага»)[1].

В мае-июне 2010 г. к 65-летию Великой Победы Российским обществом социологов (РОС) среди молодежи был проведен всероссийский опрос, охвативший 3450 человек в 15 городах России. 79% от числа опрошенных помнят Г.К. Жукова; 30% – К.К. Рокоссовского, 12% – И.С. Конева, 8% – И.В. Сталина, 2% – С.М. Буденного и др. В числе Героев Советского Союза назывались практически те же фамилии, что и пять лет назад. Как курьез добавились «Штирлиц и радистка Кэт». В череде значимых событий отметили Сталинградскую битву (60%), битву на Курской дуге (48%), блокаду Ленинграда (45%). Эти данные коррелируют с данными опроса ВЦИОМ,[2] где две трети россиян (68%) назвали Сталинградскую битву важнейшим событием Великой Отечественной войны, а 31% считали, что именно это событие явилось коренным переломом в ходе битвы[3].

Однако стоит отметить, что проблема исторической безграмотности все-таки существует. Например, согласно тому же опросу ВЦИОМ каждый десятый не смог назвать дату начала Великой Отечественной войны. Причем из этих россиян 10% не вспомнили год, а 3% всех респондентов не знали, участвовал ли в войне кто-нибудь из их родственников. Кроме этого в ходе опроса, проведенного РОС, почему-то прозвучала Куликовская битва (0,3%) и уже совсем курьезно – Ледовое побоище (0,1%). Мы сколько угодно можем сетовать на плохие учебники и «беспамятную и неблагодарную молодежь». Но наше поколение в возрасте наших детей много читало, уважало ветеранов, ходило в музеи и слушало классическую музыку, и уж точно наши родители не смотрели по пять сериалов в день и не проводили отпуск по системе «все включено». Историческая память (читай – социальная) на самом деле очень хрупкая вещь. Все зависит от того, как расставить акценты. Есть такой болезненный аспект памяти о войне, как преступления, совершенные в её ходе. По мнению генерального директора ВЦИОМ Валерия Федорова, «закрыть эту главу истории» предлагают 57% венгров, 49% австрийцев, 46% немцев. Народы же стран антигитлеровской коалиции, особенно тех, кто пострадал от военных преступлений больше других, считают своим моральным долгом хранить память о них. Так считают 50% словенцев, 62% поляков, 83% русских. Различные стороны считают спорные вопросы истории принципиально важными для самоуважения и самоутверждения нации и для выяснения её отношений с бывшими оппонентами. Рассуждая о том, что принесла Красная армия народам Польши, Чехословакии и другим, 77% россиян говорят: «освобождение от фашизма», и только 11% – «коммунистическую оккупацию». Естественно, что мнение по этому вопросу у самих освобожденных резко отличается.

Не вызывает в таком контексте удивления тот факт, что инициативы наших политиков по введению уголовной ответственности за отрицание этого факта находят широкую поддержку населения. Такую идею С. Шойгу одобряют 50% опрошенных россиян. Ведь всем сегодня очевидно, что для России в её нынешнем состоянии признание определяющей роли СССР в победе над фашизмом – один из способов защиты нашего права участвовать в решении судеб Европы и мира.[4]

Согласно последнему опросу, проведенному под эгидой РОС, во многих семьях хранятся награды (37%) и фотографии военных лет (32%). На вопрос «Что значит быть патриотом России?» молодые люди ответили следующим образом: «уважать и знать историю России» (69%), «испытывать гордость за свою страну» (58%), «уважительно относиться к участникам ВОВ, людям пожилого возраста» (49%), «испытывать чувство ответственности за происходящее в стране» (34%), «быть готовым к самопожертвованию ради интересов страны» (29%), «принимать участие в общественной политической жизни страны» (16%), «не уклоняться от

---

[1] Афанасьева А.И., Меркушин В.И. К 60-летию великой Победы. Великая Отечественная война в исторической памяти россиян // Социс. 2005. №5. С.14-15.

[2] Всероссийские опросы ВЦИОМ проведены в 2007-2010 г. Опрошено по 1600 человек в 140 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%.

[3] Пресс-выпуск №1483 http://old.wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/13446.html

[4] Федоров В. Новые бои за историю//«Профиль», 26 апреля 2010, № 15-16. - с.32.

службы в армии» (12%), «честно и добросовестно трудиться» (10%). Но среди этих высказываний встречались и такие: «я презираю свое отечество, с ног до головы, но мне становится грустно, когда иностранец разделяет со мной это чувство», «сейчас Родина и государство – слишком разные понятия, непонятно, за кого отдавать жизнь, и отдавать ли». Лишь 23% уверенно ответили, что они являются патриотами, а 57% осторожно заметили «скорее да, чем нет», поскольку у 14% ответивших таким образом, «память о ВОВ заслоняют иные события проблемы». 14% считают, что «скорее нет, чем да», и «нет» – 4%. В данном случае 18% молодежи практически не считают себя патриотами страны. По данным М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги среди молодежи тех, кто ощущает себя патриотом в полной мере – 33%, не в полной мере – 42%, не ощущают себя патриотами 17% и затрудняются с ответом 8%. В сумме неблагоприятную позицию заняли 26% молодежи. Авторы делают вывод, что чем выше в стране социальный дискомфорт, тем слабее чувство патриотизма[1].

Представляется целесообразным рассмотреть тот социальный фон, на котором формируется современная молодежь, из чего складывается тот мозаичный, осколочный мир поколения будущего. Может быть, тогда мы поймем, куда исчезает патриотизм и почему некоторым представителям молодежи приходит в голову использовать георгиевские ленточки в качестве шнурков для ботинок. У нас начинает преобладать так называемый *показной* патриотизм. Поскольку в некоторых художественных фильмах, публицистических телепередачах развенчивается собственная история, наблюдается ухудшение экономической ситуации, то имеется очень мало поводов испытывать гордость за Россию. Многие молодые люди без сожаления покидают свою родину. Однако желание молодежи гордиться своей большой и сильной страной есть. Но вопрос заключается в том, какие формы оно приобретает. Отсутствие должного внимания к молодым людям со стороны государства, желание бизнеса получить от них максимальную материальную выгоду и другие факторы вместо патриотизма порождают всплеск национализма, экстремизма, снижение толерантности в целом.

Авторами статьи в течение ряда лет проводились эмпирические исследования по данному направлению. Они позволили выявить факторы, способствующие проявлению интолерантности. Например, в феврале 2003 г. с целью определения социальной дистанции по отношению к другим этническим группам авторы провели пилотажное исследование среди молодежи тюменских вузов (всего 348 человек в возрасте от 18 до 22 лет). Для измерения была использована методика Э. Богардуса.[2] Респондентам было предложено ответить на вопрос: «Какие взаимоотношения с представителями других национальностей для Вас приемлемы?» Варианты ответов располагались в диапазоне от *«брачные отношения»* до *«игнорирование»*. Если респондент выбирал вариант «брачные отношения», то он автоматически соглашался со всеми последующими позициями. Если останавливался на варианте «быть жителями одного города», то предыдущие варианты для него были неприемлемы. В качестве объектов исследования определены две группы: национальности, имеющие наибольший удельный вес в структуре населения Тюменской области[3] и представители рас и национальностей, формирующие у Тюменской молодежи общее представление об их коренных признаках.

В первую группу вошли: татары, немцы, украинцы, белорусы, чуваши, башкиры, ханты (в связи с отсутствием у молодежи дифференциальных представлений об аборигенах Тюменской области в эту группу также включены ненцы, селькупы и манси, тем не менее, различия у аборигенов Тюменской области значительны и представляют научный интерес как самостоятельный объект исследования), чеченцы (чеченская диаспора немногочисленна, но включена для выявления обобщенного представления молодежи о «лицах кавказской национальности»). Вторая группа представлена: американцами и англичанами (в связи с геополитическими процессами при непосредственном их участии), японцами, китайцами, французами, итальянцами, арабами и евреями (ассоциативная связь с событиями на Ближнем Востоке

---

[1] Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. Второе издание, дополненное и исправленное. М., 2010. С.79.

[2] Татарова Г.Г. Методология анализа данных в социологии (введение). М., 1999. С.81.

[3] Тюменская область в цифрах. Статистический сборник. Тюмень, 2000. С.14.

и Ираке), негритянским населением (как африканцами, так и афроамериканцами)[1] (См.: Рис.1, рис.2).

Рубежным критерием толерантности принят показатель: «*быть коллегами*», обеспечивающим высокую степень коммуникации.

По первой группе очевидна неприязнь к чеченцам – 85% (по мнению авторов, вызванная деятельностью СМИ, создавшими негативный образ чеченца); в меньшей степени к хантам – 68% (бытующее «пренебрежение к нацменьшинствам»); еще меньше выражена нетерпимость к чувашам – 51% (скорее, как реакция на слово, нежели персоналии).

Вызывает определенный интерес толерантность и самих аборигенов Тюменской области. Как показали данные фактического анализа, не половая принадлежность и не уровень образования «влекут» человека в ряды потенциальных националистов.

В качестве действительно значимого фактора выступает возраст: молодежь в большей мере ориентирована на негативные этностереотипы, которые с возрастом ослабевают.

Так среди основных факторов, обусловливающих рост этнического негативизма в молодежной среде, по мнению Хайруллиной Н.Г[2], можно было отметить кризисное состояние социума; разрушение ценностного мира; установка на «свою» группу, «своих» товарищей, которые помогут и защитят. Респондентам, положительно ответившим на вопрос об этнической неприязни, исследователи предложили назвать национальность, которая вызывает у них антипатию. Всего от сельских и городских участников анкетного опроса было получено 410 ответов (опрос проводился в 1999–2000 гг. и охватил преимущественно северные территории Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов), которые можно классифицировать следующим образом: региональный негативизм – русские (32 и 29%); этнофобия – азербайджанцы (20 и 23%), чеченцы (17 и 19%), цыгане (7 и 11%), грузины (6 и 8%), татары (4 и 3%). Наиболее очевидными, согласно результатам исследования, являются русская и «антикавказская» мотивации, которые составили 55% ответов участников опроса. Как считает Н.Г. Хайруллина, оба стереотипа носят социально-экономический, а не сугубо этнический характер. Первый связан с теми представителями, которые на протяжении последних трех десятилетий ведут нефтегазовое освоение региона. Второй возникает как реванш на реальную или мнимую, непропорциональную с точки зрения респондентов, концентрацию представителей Кавказа в наиболее доходных социальных «нишах», которые хотели бы занять менее удачливые представители аборигенного меньшинства[3].

По результатам, полученным авторами, по первой группе в качестве желаемых коллег названы: украинцы – 88%, немцы (как этнос, проживающий на территории Сибири) – 80%, белорусы – 74%. По второй группе: арабы – 32% и евреи – 36% (одной из доминирующих причин названа эскалация напряженности на Ближнем Востоке); более терпимы к неграм – 42% и китайцам – 42% (к так называемым «цветным»). Характерно, что нетерпимость к «российским» национальностям представлена рельефнее и поэтому, содержит большую потенциальную угрозу (см.: для сравнения арабы и чеченцы).

Наибольшие симпатии у тюменской молодежи вызвали (готовы вступить в брак): французы – 56%, украинцы – 49%, англичане – 46%, белорусы – 44%, итальянцы – 39% и немцы – 38%. Национальная неприязнь и нетерпимость (к чеченцам – 34%; к евреям – 23%; к неграм – 21,3%) вызывают не только социальную напряженность в российском обществе, но и предопределяют диспропорции в моральных стандартах, и, следовательно, деление людей на «своих» и «чужих»; снижение нравственных требований к «своим» и ужесточение спроса с

---

[1] В пределах Тюменской области сосредоточено наибольшее количество представителей четырех аборигенных народов: 90% ханты; 95% манси; 65% ненцы; 45% селькупы. В среде четырех названных народов в пределах Тюменской области сохранились группы с достаточно сильным традиционно-культурным потенциалом – гыданская, тазовская ямальская, полярно-уральская, группы кочевых тундровых ненцев, нумтинско-пуровская группа лесных ненцев, войкарская, сынская, куноватская, казымская группа ханты, сосьвинско-ляпинская группа манси, верхне-тазовская группа селькупов.
Хайруллина Н.Г. Социодиагностика этнокультурной ситуации в северном регионе. Тюмень, 2000. С.3.

[2] Хайруллина Н.Г. Социодиагностика этнокультурной ситуации в северном регионе. Тюмень, 2000.

[3] Там же. С.163.

Рис.1. Готовы ли вы к тому, чтобы с представителями разных национальностей ...

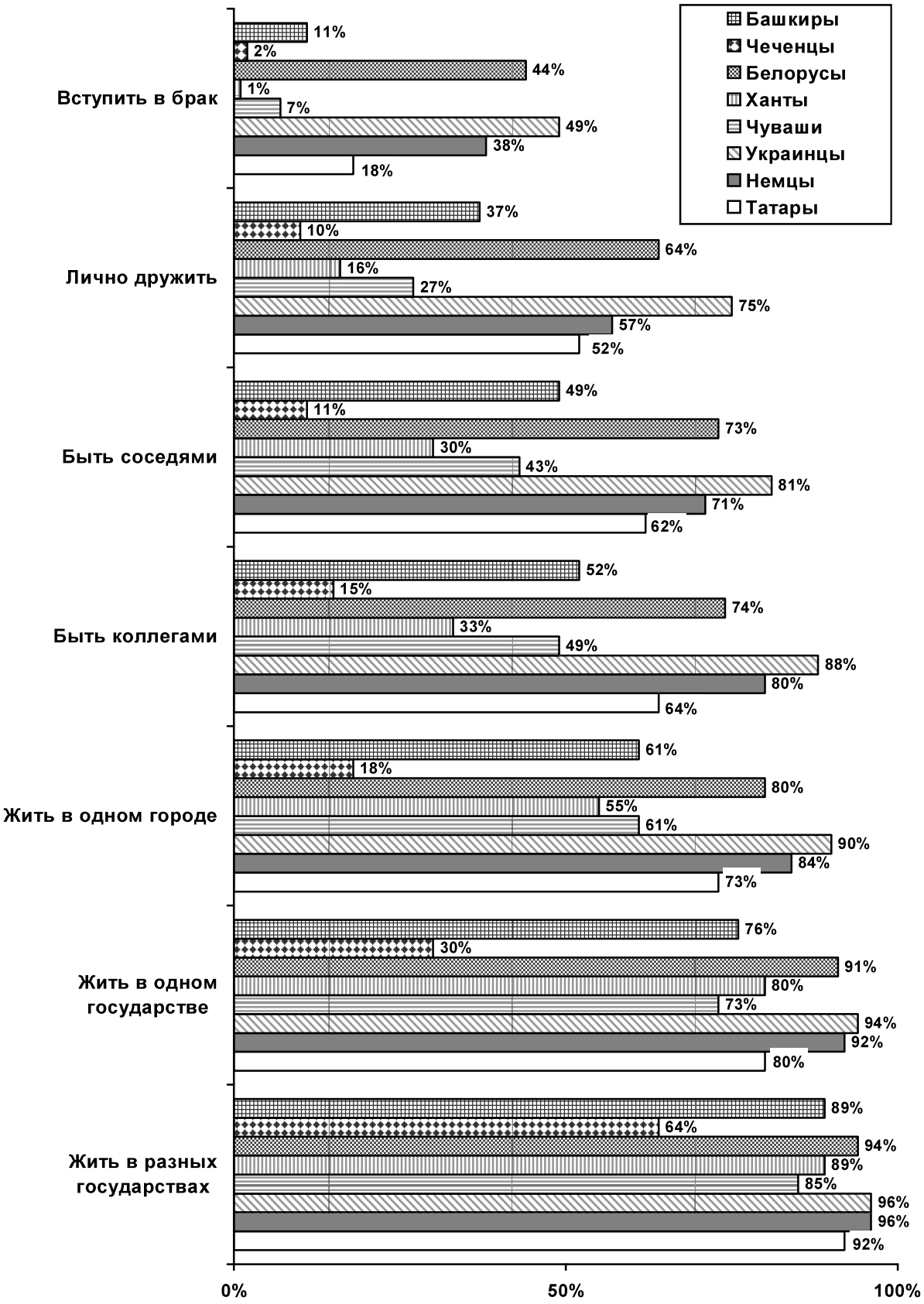
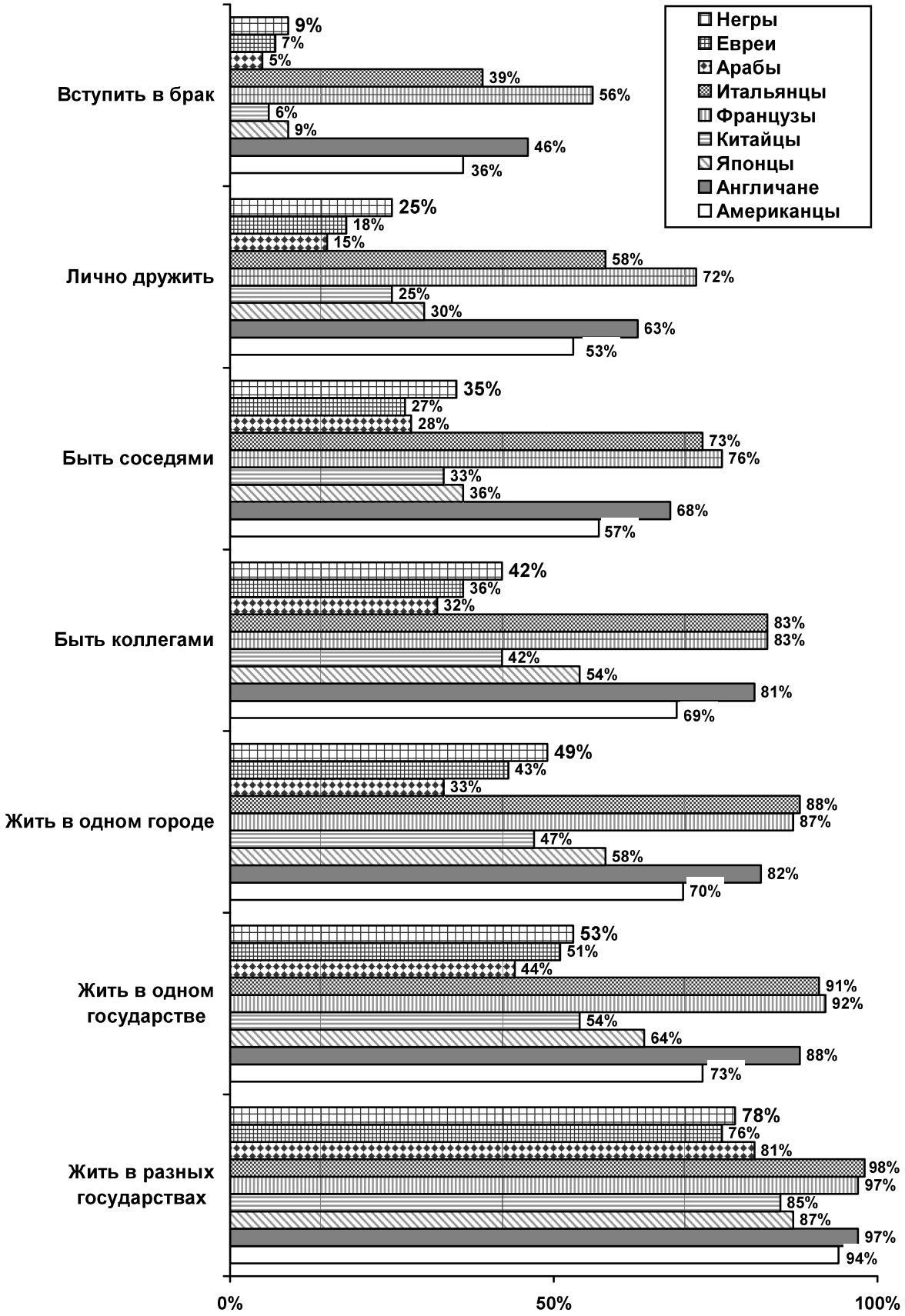


Рис.2. Готовы ли вы к тому, чтобы с представителями разных национальностей ...



«чужих»[1].

Эта двойственность оказывает и самое непосредственное влияние на правовую и политическую сферы, формирует заданные стандарты и стереотипы в межличностных взаимоотношениях и результатах совместной деятельности, в геополитических процессах современности, а порой и провоцирует выступление националистических группировок.

Косвенно подтверждает результаты исследования опрос, проведенный авторским коллективом под руководством Н.Г. Хайруллиной[2]. В ходе него было выявлено, что практически половина респондентов (48%) отметила существование определенной степени напряженности в отношениях между представителями различных национальностей. 38% опрошенных оценили отношения как стабильные и беспроблемные. Существование сильной напряженности отметили 7% участников опроса, затруднились ответить – 5%[3]. Причем женщины, будучи более эмоциональными и коммуникабельными, чаще, чем мужчины отмечали наличие определенной предконфликтной ситуации. Причинами, вызывающими напряженность в отношениях между представителями различных национальностей, по мнению респондентов, были: низкая культура общения (22%), ущемление прав отдельных народов (17%), особенности обычаев различных народов (13%), борьба за власть на разных уровнях (10%).[4]

Если мы обратим внимание на исследования, проведенные в 2006 г. в режиме социологического мониторинга «Как живешь, Россия?» в 12 регионах России, куда вошла и Тюменская область, то они показали значительное увеличение доли лиц, указавших на определенную степень напряженности. Самое большое число респондентов, выразивших безусловную готовность принять участие в конфликте в интересах своей национальной группы, оказалось в г. Тюмени[5]. Конфликтогенными факторами явились миграционные и социально-экономические процессы в области. Следует отметить, что Тюменская область по темпам развития входит в число регионов-лидеров по социально-экономической привлекательности.

В Тюменской области периодически появляются сообщения о летящих в культовые здания бутылках с зажигательной смесью, о массовых драках между русскими и представителями Средней Азии на юге региона, о судах над скинхедами в г. Сургуте, которые избивали и убивали граждан Таджикистана и Узбекистана и своих же россиян. При этом они провозглашали «русскую идею»[6]. И во всех этих случаях фигурируют представители молодого поколения от 18 до 25 лет. Все эти факты, свидетельствующие о наличии проблемной ситуации в области, побудили авторов статьи провести в мае-июне 2007 г. опрос респондентов, целью которого явилось выявление степени толерантности в обществе и определение факторов, вызывающих межэтническую напряженность на юге Тюменской области, так как юг области все чаще попадает в сводки криминальной хроники. Отбор респондентов осуществлялся с помощью квотной стратифицированной выборки со связанными параметрами (национальность, пол, возраст, семейное положение, сфера занятости). Исследование проводилось в пяти городах: Тюмень, Тобольск, Ишим, Заводоуковск, Ялуторовск. Всего было опрошено 725 человек. Мужчины – 47%, женщины – 53%[7].

---

[1] Грошев И.Л., Грошева И.А. Гуманистическая дилемма полиэтнического общества // Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сб./Под ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск, 2004. Вып.6. С.160.

[2] г.Тюмень, 2003 г.: 378 респондентов, из них женщины составили 64,8%, мужчины – 35,2%

[3] Хайруллина Н.Г., Салихова А.Р. Динамика социокультурной ситуации на юге Тюменской области// Вестник Тюменского Нефтегазового университета. Региональные социальные процессы. 2005.№1. С.104.

[4] Хайруллина Н.Г., Салихова А.Р. Динамика социокультурной ситуации на юге Тюменской области// Вестник Тюменского Нефтегазового университета. Региональные социальные процессы. 2005.№1. С.105.

[5] Керимов К.С. Конфликтогенные факторы межнациональных отношений в северном регионе//Вестник Тюменского Нефтегазового университета. Региональные социальные процессы. 2006. №3. С.53.

[6] http://www.ihtus.ru/chron/112006/02.shtml

[7] Грошева И.А., Грошев И.Л. Проблема формирования толерантности в Тюменской области: опыт социологического анализа //Вестник РУДН. Серия Социология. 2009.№2. С.54-62. Респонденты: служащие госучреждений (27%), акционерных предприятий (21%) и частных предприятий (19%); имеющие высшее образование (47%); специалисты (26%) и служащие (30%); семейные (57%); без детей (38%), с одним ребенком (30%) и с двумя детьми (27%). 64% опрошенных – жители Тюмени, 13% – Тобольска, 8% – Ишима, 10% – Ялуторовска, 7% – Заводоуковска.

В блоке вопросов, диагностирующих этническую ситуацию в области, оценивались не только этническая ситуация, но и самоидентификация респондентов, понятия о национальности и этническом самочувствии; определялись факторы, вызывающие напряженность в регионе, социальная дистанция к представителям различных национальностей.

Распределение ответов по отношению к нынешней этнической ситуации оказалось следующим: 31% оценивают её как спокойную, 33% более склоняются к мысли, что ситуация неспокойная и 30% раздражены. Однако несколько иная картина складывается в возрастных группах. Особенную обеспокоенность (50%) и раздраженность (24%) высказывает молодежь в возрасте до 20 лет и респонденты в возрастной группе 25-29 лет (41% и 23% соответственно). Эти возрастные группы являются не только наиболее динамичными и агрессивно настроенными, но и инициируют субкультурные стереотипы и нормы поведения. Респонденты в зрелом возрасте от 35 до 49 лет спокойно оценивают обстановку, чаще отмечалась позиция «я считаю, что ситуация спокойная, угрозы не ощущается». Для респондентов в возрастной группе «50 лет и старше» наряду со спокойной оценкой характерен ответ «меня раздражает увеличение представителей других национальностей». Такой же раздражитель и у возрастной группы 20-24 года. Настораживают ответы жителей Ялуторовска: среди них больше всех положительных ответов на позицию «в области назревает конфликтная ситуация» и жители характеризуют обстановку как неспокойную. Самые спокойные в этом плане респонденты проживают в Ишиме. Это легко объясняется: Ишим – пограничный город (граница с Казахстаном) и вопросам этнической толерантности там уделяется значительно больше внимания со стороны местной администрации. В Заводоуковске и Тюмени имеется значительное количество респондентов, которых раздражает присутствие других национальностей. Т.о. крупные населенные пункты, притягивающие представителей некоренных национальностей, повышают не только плотность (компактность) их расселения, но и являются концентраторами напряженности и обеспокоенности со стороны «аборигенов». Учитывая тот факт, что мигранты чаще используются для выполнения неквалифицированных видов работ, в т.ч. по обслуживанию городских улиц, коренное население видит их каждый день, что создает иллюзию массовости и вездесущности иностранцев. Отсюда появляется треть раздраженных наличием представителей южных народностей.

Значимость и связующий компонент национального признака определяется в «отношении к национальности как фактору». Большинство респондентов выразило свое мнение в высказывании: «благодаря национальности сохраняется память о предках, Родине и ее истории» (35%). 30% ответивших считают, что «каждый должен гордиться своей национальностью» и 19% полагают, что национальность «дана человеку от природы или Богом и менять ее нельзя». Лишь 6,3% ответивших посчитали, что национальность «это то, что разъединяет людей, противопоставляет их друг другу».

В качестве основного же объединяющего фактора (см.: Рис.3), респонденты чаще сходились во мнении, что это «государство, в котором мы живем» (78,2%). Также часто назывались практически всеми группами респондентов такие признаки как «язык, на котором мы говорим» (51,4%) и «историческое прошлое» (54,1%). Обращает на себя внимание тот факт, что в качестве объединяющего признака практически не заявлена религия, хотя ей, в настоящее время, пытаются приписать консолидирующую роль.

Респонденты также выделили ряд признаков, которые различают людей разных национальностей (пороговое значение свыше 50%): 1. Внешность (отметили 4 из 5 респондентов). 2. Особенности национального характера (4 из 5). 3. Религия (3 из 4). 4. Особенности поведения (3 из 4). 5. Народные традиции и обычаи (3 из 5). 6. Конфессиональное единство (отметило больше половины респондентов). Признак, имеющий двойственное значение, т.е. выступающий для одних объединяющим, а для других разъединяющим – общность календарных обрядов (47% и 44% соответственно).



При анализе парных распределений среди ответов на вопрос, «Какие признаки различают или объединяют представителей той или иной национальности» обнаружились различия в ответах у мужчин и женщин. Мужчины утверждают, что людей различают религия и внешность, женщины – особенности национального характера и внешность. Больше всех уверены в том, что религия разъединяет людей представители возрастных групп до 20 лет и 20-24 года. Молодежь не считает религию консолидирующим фактором. Многие исследователи отмечают доминирование прагматических интересов среди молодежи, амбивалентность в отношении религиозного мировоззрения. Действительно, как можно совмещать принципы достаточности, нестяжательства, терпение и страдание с пропагандой материального успеха?[1]

На внешность больше склонны обращать внимание респонденты в возрастных группах 25-29 и 50 лет и старше, живущие в гг. Тюмени, Ишиме и Заводоуковске. Респонденты от 30 до 49 лет, жители гг. Тобольска и Ялуторовска выделяют как основу для различий особенности национального характера.

Важность и актуальность национального признака в сфере коммуникации прослеживалась при ответе на вопрос «Обращаете ли Вы внимание на национальность окружающих». Большинство респондентов (37%) обращают внимание в том случае, если представители других национальностей чем-то несимпатичны. 26% ответивших (в основном это молодые люди в возрасте до 20 лет) обращают внимание на национальность окружающих в любом случае и примерно столько же (27%) вообще не замечают этот фактор. Т.о. четверть опрошенных настороженно относится к представителям иной национальности, и в этой ситуации вполне вероятно наличие стремления к общению только со «своими».[2]

В качестве факторов, являющихся причинами возникновения напряженности между людьми разных национальностей, респонденты признают низкую культуру общения, слабое владение ситуацией со стороны федеральных и местных органов управления, неконтролируемую миграцию (см. табл.1, респондентам предоставлена возможность выбора нескольких вариантов ответов).

---

[1] Белова О.Р., Вишневский Ю.Р. Глобализация и развитие предпринимательства// Глобализация: мифы и реальность: Материалы Международной научно-практической конференции. Тюмень, 2009. С.26.

[2] П.1.4. Декларации принципов толерантности. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://antirasizm.ru/news.php?page=1

Таблица 1

Факторы, вызывающие напряженность в межнациональных отношениях

Факторы	Σ	пол		возраст						
		муж.	жен.	до 20	20-24	25-29	30-34	35-39	40-49	50 и >
Неспособность Федеральных властей…	22	25	18	22	21	20	28	14	20	26
Неспособность местных властей...	24	28	20	22	14	26	29	27	25	25
Низкий уровень культуры…..	42	38	46	52	42	46	45	43	35	38
Ошибки в политике	22	26	18	12	17	21	23	27	30	21
Неуважение к культуре	34	31	37	38	41	35	29	31	32	32
Ухудшение экономической ситуации	23	20	25	12	22	22	23	23	26	26
Миграция…	34	31	37	42	38	34	35	32	33	27
Уголовные элементы	13	15	12	32	9,9	16	11	11	15	12
Национальные движения	13	14	12	16	21	9,8	15	8	10	7

Следует согласиться с тем фактом, что мнение населения достаточно объективно в оценке двустороннего характера процессов межнационального взаимодействия как со стороны власти, так и со стороны рядового обывателя.

В основном все участники опроса считают основной причиной появления конфликтов на межнациональной почве является низкая культура межнационального общения. Эти ответы коррелируют с данными, полученными в исследовании Н.Г. Хайруллиной, о котором упоминалось выше. «Неуважение к культуре» и такая позиция как «миграция из других регионов страны, борьба за рабочие места» фигурирует практически у всех групп респондентов. Проблему миграции особо отмечают респонденты в возрасте до 20 лет и жители Тобольска и Ялуторовска. Также молодежь до 20 лет и жители Ишима в большей степени обеспокоены низкой культурой межнационального общения. Причем именно респонденты в возрасте до 20 лет указали на такую причину как «использование уголовными элементами трудностей межэтнических отношений», а респонденты, живущие в Ишиме добавили сюда и «ухудшение экономической ситуации, различия в размере заработков».

Понятие «низкий уровень культуры общения» у респондентов складывается из трех составляющих:

1) низкий уровень знакомства с традициями и обычаями национальных меньшинств;

2) отсутствие желания узнавать, понимать собеседника;[1]

3) определенный страх за сохранение собственной самобытности, самоидентичности и чувства национального достоинства.

Эти компоненты со временем, на фоне дестабилизации в мире, лишь усиливаются и подкрепляются новыми аргументами и фактами, имеющими психологический характер. Социальные ожидания предопределяют внутреннюю готовность к активизации поступков в случае внешней угрозы.

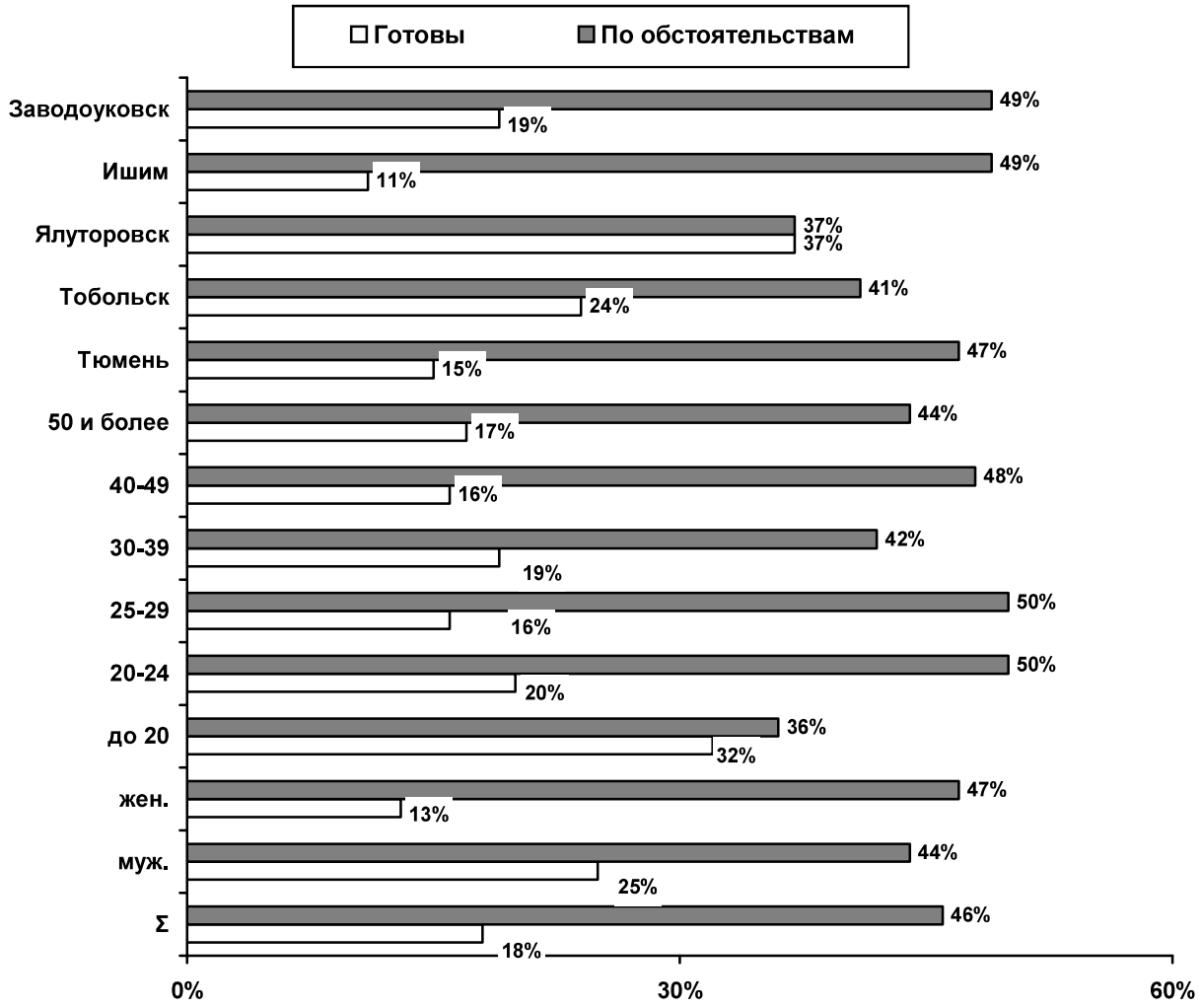
5% респондентов отмечают наличие предконфликтной ситуации и, следует предполагать, что активная часть потенциальных участников открытых столкновений находится в пределах 4-5%. Данный процент представляет угрозу стабильности, т.к. установка на противостояние и противодействие при определенных внешних и внутренних условиях, служит своеобразным детонатором для готовности к действию «неопределившейся» части населения области.

[1] п.п. 1.1, 1.4 Декларации принципов толерантности.[Электронный ресурс] Режим доступа: http://antirasizm.ru/news.php?page=1

Например, готовность отстаивать свои национальные интересы обнаруживается у 64% процентов опрошенных, 18% – не определились, а 17% откажутся от каких-либо активных действий. Принять участие в конфликте в интересах своей национальной группы при конкретных обстоятельствах готовы 46% респондентов, что не может не тревожить, т.к. к названной выше процентной доле активной части населения (4-5%) прибавляется 40% активно-пассивного настроя. Можно предположить, что существует некоторое «пороговое значение» по численному составу, когда групповое ожидание действий должно трансформироваться в акты реального противостояния и противодействия психологической угрозе со стороны коренного населения.

Обращает на себя внимание в этом провоцирующем вопросе бóльшая готовность мужчин принять участие в межнациональном конфликте и молодежи в возрасте до 20 лет, для женщин это характерно в скрытой форме (зависит от обстоятельств). Тревожная ситуация в г.Ялуторовске, где население высказало достаточно активную позицию в этом вопросе:

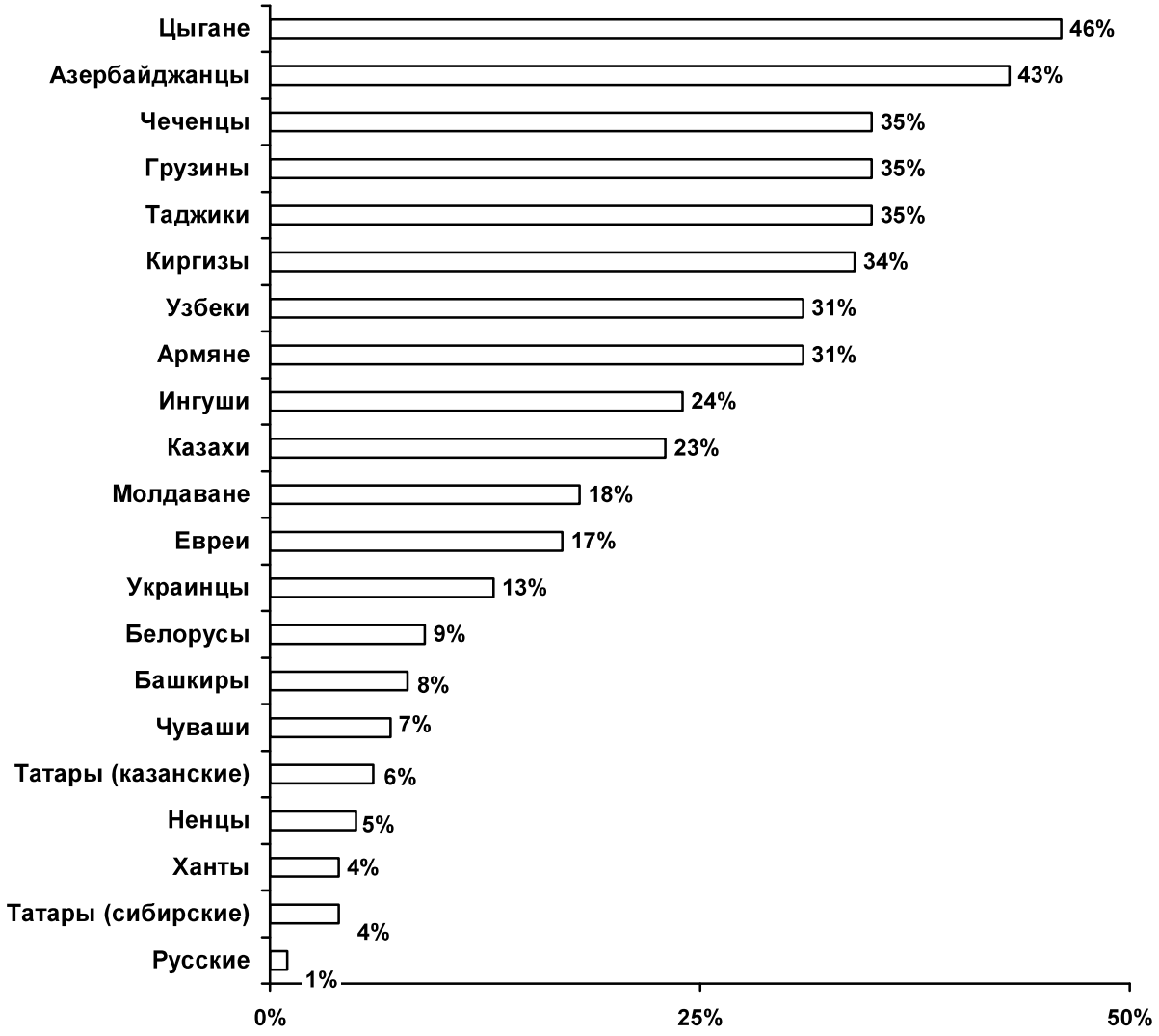
Рис .4. Степень готовности респондентов принять участие в конфликте в интересах своей национальной группы



Предварительный анализ существующей в Тюменской области социальной дистанции между представителями различных национальных групп, которая выявлялась при помощи косвенного вопроса по методике Э. Богардуса, дал следующие результаты. Более всех среди граждан России респонденты не приемлют этническую группу цыган: 46% респондентов определили по отношению к ним самую большую социальную дистанцию, т.е. выбрали позицию «быть гражданами разных государств». Это вполне объяснимо, так как люди видят их –

занимающихся попрошайничеством на центральных улицах города Тюмени при попустительстве местных властей. Также цыгане часто фигурируют в уголовной хронике в делах, связанных с торговлей наркотиками. Далее следуют азербайджанцы, грузины, таджики, киргизы, чеченцы, узбеки, ингуши:

Рис.5. Региональная этническая интолерантность



Эти данные подтверждают исследования М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги Московского института социологии РАН[1], проведенные в 2009 г. Нетерпимость к представителям ближнего южного зарубежья имеет устойчивую тенденцию к сохранению и приумножению.

Наибольшая толерантность среди респондентов, выбравших в качестве наиболее приемлемых отношений брак (Пороговое значение 20%), наблюдается по отношению к русским – 80%, украинцам – 26% и белорусам– 23%. Дружбу предпочитают по отношению к сибирским татарам – 30%, белорусам – 23%, татарам казанским – 22%, украинцам – 21%.

Из ответов следует вывод о пониженной толерантности в области к выходцам из ближнего зарубежья (республики Средней Азии). Следует отметить, что за последние пять лет (с 2002 по 2007 гг.) на территорию Тюменской области, по данным официальной статистики, прибыло более 56 000 представителей Средней Азии, а в случае продолжения их активной миграции в область нетерпимость к ним может возрасти спонтанно.

---

[1] Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. Изд. 2-е, доп. и испр. М., 2010. С.207-209.

Если сравнивать данные, полученные по этой методике в 2007 г с данными опроса методом случайной выборки, проведенного авторами статьи в 2003 г. (N=348 чел.), то самая большая неприязнь была отмечена по отношению к представителям чеченской национальности. И сегодня можно наблюдать повышенный порог нетерпимости к ним же, т.е. речь идет об устойчивом стереотипе сознания, сформировавшемся в обществе. Поскольку опрос 2003 г. был проведен во время очередной конфликтной ситуации в Чечне, люди стремились на бланке для ответов в рукописном варианте, избегая таблицы, выражать свое резко отрицательное отношение к чеченцам. Следовательно, нельзя сбрасывать со счетов и деятельность средств массовой информации, массированная атака которых до сих пор сказывается на чеченском населении (например, чеченцам приписано участие в конфликте в Кондопоге) и отнюдь не способствует установлению толерантности в обществе. Освоение принятых в данной культуре или социальной группе способов стандартного реагирования является необходимым элементом инкультурации и первичной социализации. Однако часть из них может оказаться нецелесообразной при других условиях. Если индивид не пересматривает их в дальнейшем, а реагирует привычным образом, по заученному однажды стандарту, то его поведение окажется в большинстве случаев не гибким, неадаптивным, породит существенную напряженность в отношениях с окружающими его людьми. Стереотипные реакции не предполагают выявление причины поступков других людей, рассмотрение тех особых обстоятельств, при которых они были совершены, они так же не учитывают и особенностей характеров действующих лиц. Стереотипные реакции как привычки жестко связываются с определенными жизненными ситуациями. Привычными могут стать эмоции, характерные для таких ситуаций, действующие как их знаки и пусковые механизмы определенных образцов – «стандартов» поведения. Отрадно отметить тот факт, что позицию «игнорирование» (т.е. находились те, кто выходил за рамки таблицы и отмечал нулевую позицию) как в предыдущем исследовании вводить не пришлось. Так как в первом случае пилотажный проект проводился среди молодежи, во втором случае – среди всего населения, и это позволило нивелировать негативизм и даже экстремизм молодежной среды.

В общем виде подавляющим большинством респондентов признано неприязненное отношение к следующим представителям других национальностей (пороговое значение 20%): к лицам, занимающимся торговлей (60%); к людям других национальностей, приезжающим на работу или постоянное место жительства (35%) (см.: Рис. 6).

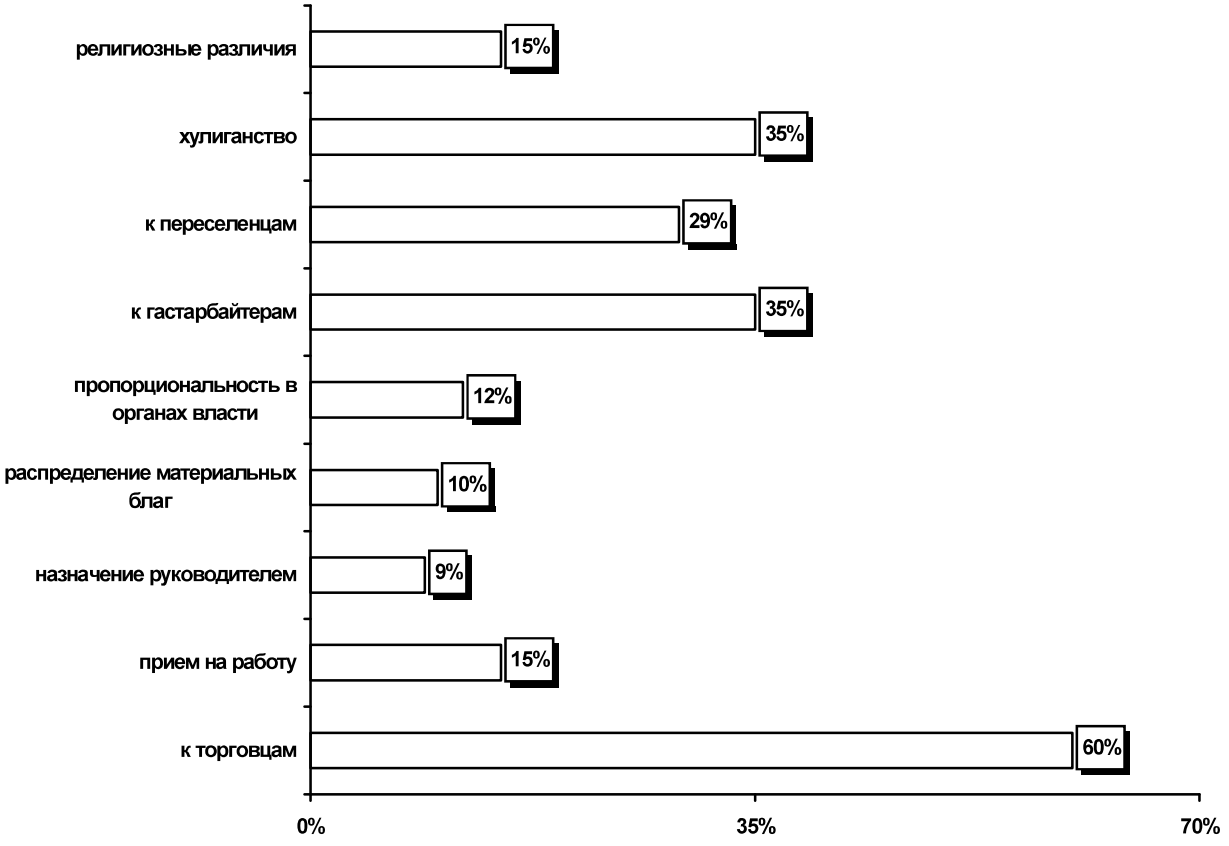
Единодушное мнение респондентов указывает на «неприязненное отношение к представителям других национальностей, занимающихся торговлей», а это, пожалуй, та сфера, в которой труд представителей южных народов весьма заметен. Более того, происходит раздел сфер влияния в области бизнеса по национальному признаку. Поскольку рыночный бизнес в основном курируют представители из Азербайджана и Грузии, естественно они и получают негативные оценки со стороны населения. Хотя при устной беседе респонденты затруднились отличить азербайджанца от грузина. Отсюда следует вывод: неприязнь лежит скорее в области психологии и социально-экономической неудовлетворенности; неприязненное отношение проявляется скорее не к конкретным этническим группам, а просто к мигранту как таковому, т.е. преобладают антииммигрантские настроения. К такому же выводу приходит при изучении гражданской идентичности и Л.М. Дробижева.[1]

Среди положительных явлений в области межнациональных отношений (пороговое значение 20%) респондентами были названы: проведение Дней национальных культур (54%); заключение межнациональных браков (40%); высокую степень терпимости по отношению к представителям других национальностей (34%); проведение выставок произведений народного творчества (32%). Среди отрицательных явлений 35% респондентов называют хулиганские действия и другие нарушения общественного порядка на национальной почве. В основном это молодежь в возрасте до 20 лет и 20-24, жители Ишима и Тобольска. Эти ответы кор-

[1] Дробижева Л.М. Гражданская идентичность в Москве и регионах//Вестник РУДН. Серия Социология. 2008. №3. с. 104

релируют с ответами о причинах, вызывающих напряженность в отношениях между людьми различных национальностей, проживающих в Тюменской области. По мнению представителей возрастной группы 25-29 лет и жителей Ялуторовска и Ишима недопустимо «использование религии и чувств верующих людей для возбуждения вражды к людям других национальностей». В связи с этим следует отметить и тот факт, что деятельность Русской Православной церкви не способствует становлению толерантных отношений в обществе, лоббируя преподавание в школе основ православной культуры и выполняя несвойственные ей функции в светском государстве. Проповедуемые идеи далеко не так однозначны как в самой религии, так и в целом в обществе. На самом деле, справедливость, о которой так много сказано в священном писании, в большей степени рассматривается лишь в отдаленном будущем (судный день). Равенство не обеспечивается ни по физиологическим признакам, ни по социальному статусу человека. Ни одна религия не предоставляет абсолютно равные права мужчине и женщине, верующим и атеистам, старшим и молодым. Таким образом, вполне естественно и обоснованно наличие двойной морали. Этот факт очень чутко улавливает современная молодежь.

Рис.6. Факторы, определяющие негативные проявления в сфере межнациональных отношений (кто и что вызывает неприязненное отношение)



Например, в марте 2010 г. студентам третьего курса факультетов юриспруденции и управления Тюменской государственной академии мировой экономики, управления и права было предложено в виде эссе изложить свою точку зрения на тему: «Религия спасет мир. Согласны ли Вы с таким утверждением?» В исследовании приняли участие 42 человека в возрасте 19-21 год. Поражает рациональность и наблюдательность молодого поколения. Вот некоторые из полученных высказываний:

Даша Л.: *«Религия – это достаточно динамичная система, нацеленная на продвижение церкви. А церковь, в свою очередь, направлена на повышение статуса политики. Поражает, как во время духовной службы батюшка поднимает вопросы кризиса и в целом экономиче-*

ской политики, оправдывая деятелей государственных органов власти. Разве в этом состоит идея церкви? Лично я верю в Бога, но не верю в Церковь. Религия спасет мир только в том случае, если каждый человек будет нацелен на внутренний мир, познание себя, веры, которую он исповедует, духовную реализацию, если будет следовать канонам данной религии. И не потому, что требуется, а потому, что совпадает с моралью. Проявление доброты и великодушия к окружающему – это действительно спасет мир». К такому же выводу, что служители Русской православной церкви давно определились и их деятельность сводится к верному служению не обществу и даже не государству, а власти, пришли коллеги из Нижнего Новгорода, изучая проблему религиозности современного студенчества.[1]

Антон З.: *«Обидно, что в настоящее время религия измеряется высотой куполов, тяжестью крестов и количеством золота в этих предметах (применительно к России). Да, конечно, церкви и церковники хорошо доводят до нас смысл милосердия, сострадания, прощения, любви и просят нас искать в себе эти качества и чувства. Но многие понимают все слишком буквально и начинают придерживаться заветов только из страха попасть в преисподнюю. Делать все нужно исходя из веры в самого себя, людей, надежды на безоблачное будущее... Страшно осознавать, что религия и политика очень похожи. Все-таки, наверное, прежде чем спасать мир надо спасать себя, находить в себе что-то хорошее и нести это в мир. Только надо, чтобы это сделал каждый».*

Очевидно, что молодые люди делают акцент на индивидуальном самосовершенствовании, указывают на тот факт, что начинать в первую очередь, необходимо с себя. Разочарование в декларируемых социальных установках на добро и справедливость сказывается и на отношении к действующим социальным институтам. Можно предполагать, что лозунг «На Бога надейся, а сам не плошай» весьма актуален для молодых людей. У опрошенных также вызывали тревогу религиозные фанатики, способствующие разжиганию межнациональной розни, были негативные отзывы о служителях церкви за платность услуг (ссылались при этом на так называемые «прайсы» у входа в церковь и т.д.). Позиционируют себя верующими очень многие, однако это скорее группа «сочувствующих», так как религиозность не присуща им в полной мере.

По мнению М. Позднякової и Л. Рыбаковой, наблюдаемый в настоящее время рост религиозности у подавляющей части взрослого населения еще недавно атеистической страны обусловлен переживанием собственной слабости, беспомощности, потери контроля над событиями индивидуальной жизни и поиском опоры при упорядочении своих представлений об окружающем мире, что является необходимым условием стабильного существования. Опора на веру, интуицию, обращение к тому, с чем ты не сталкиваешься в реальной жизни, – это одновременно и признание собственного бессилия и оценка своей дезинтегрированной позиции в социуме.[2]

Население региона всё отчетливее связывает собственные экономические трудности, имущественное расслоение, социальную несправедливость с доминированием представителей других национальностей именно в экономической сфере, т.е. там, где формируются и распределяются видимые финансовые потоки. Очевидно, что такая постановка вопроса, отчасти, отвлекает внимание незащищенных слоев (к числу которых относится молодежь) от истинных причин и факторов, имеющих фундаментальное (но скрытое) влияние. Осуществляется своеобразный «перенос внимания населения» на причины второго и даже третьего порядка с одновременным «уводом из-под ответственности» настоящих виновников ситуации и оценке их крайне неэффективной работы.

В анкете был поставлен открытый вопрос «Если бы Вам представилась возможность раз-

---

[1] Широкалова Г.С., Аникина А.В. Гражданственность и религиозность современного российского студенчества//Российское образование в условиях социальных трансформаций: социологические очерки /Под общ. ред. Ю.Р. Вишневского. Екатеринбург, 2009. С. 678

[2] М. Позднякова, Л. Рыбакова. Религиозность как значимый элемент личностной структуры современного подростка и ее влияние на приобщение молодежи к психоактивным веществам [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.narcom.ru/ideas/socio/154.html

работать «Программу развития этноконфессиональных и этнонациональных отношений» в области, что бы Вы предложили сделать в первую очередь?». Несмотря на то, что люди проявили некоторую пассивность при ответе на этот вопрос, в анкетах часто встречались замечания в адрес миграционной службы и мигрантов. Надо отдать должное, что замечания справедливы, так как инциденты с участием трудовых мигрантов в Тюмени и области случаются (это в основном кражи, насилие в отношении женщин), но усилиями соответствующих структур эта информация либо замалчивается, либо поспешно опровергается этнонациональная или этноконфессиональная сущность конфликта, поскольку в области выбрана стратегия: толерантность любой ценой. В данном контексте следует признать отсутствие четкой доктрины со стороны властных органов, «распыление информации» о реальном состоянии и уровне межнациональных отношений и слабость позиций рядовых обывателей, не имеющих возможности сопоставить собственные взгляды с социальной (национальной) политикой государства. Например, в октябре 2006 г. в пос. Богандинский произошла самая крупная в истории Тюменской области драка, в которой было задействовано более двухсот человек с применением огнестрельного оружия. В конфликт оказалась втянута также молодежь из деревень Княжево, Винзили, Боровое, из городов Тюмени и Ялуторовска[1]. Далее последовало опровержение межнациональной сущности конфликта в сети Интернет, и заявлено, что конфликт является следствием хулиганских действий. Однако эти хулиганские действия явно носили национальную окраску, судя по количеству арестованных представителей южных народностей. Весьма вероятно, что отголоски этих событий повлияли на результаты, полученные в авторском исследовании в 2007 г., так как большинство негативных реакций было получено именно от респондентов Тюмени и Ялуторовска.

Вероятно, в настоящий момент в области выбрано верное направление: не акцентировать внимание на такого рода конфликтах. Но выбранная стратегия не освобождает миграционную службу от более строгого контроля за въезжающими на территорию области, чтобы избежать проникновения представителей ближнего зарубежья с криминальным прошлым или с криминальными наклонностями. Очень часто виновниками конфликтов становятся именно они, а затем для воинствующей части местного населения (а это самая мобильная часть – молодежь до 20 лет) уже не существует разницы между «хорошей» частью и «плохой» среди приезжих: бьют всех. Возникает ситуация: с одной стороны, официальными органами утверждается, что в Тюменской области нет конфликтов на межнациональной и межконфессиональной основах, межнациональной напряженности тоже нет. С другой стороны: напряженность в области растет, что признает общественность (социологи, психологи и др.).

На основании проведенного исследования, анализа ситуации, причин межнациональной напряженности и прогноза развития событий весь полученный материал целесообразно рассмотреть с позиции причинно-следственной зависимости (см.: Таблица 2)

Как показало проведенное исследование, проблемы межэтнического взаимоотношения существуют и в таких благополучных регионах как Тюменская область, имеющих возможность широко использовать финансовый и научный потенциал. В сравнении с данными исследований ведущих специалистов и на основе авторских исследований представляется возможным сформулировать следующие выводы:

1. Особенную тревогу вызывают представители молодого поколения, как было выявлено по результатам исследования, не отличающиеся повышенной терпимостью к людям, чем-то не похожим на них. Этническая толерантность личности проявляется в различных критических ситуациях межличностного и внутриличностного выбора тогда, когда выработанные в ином социально-культурном образе жизни этнические стереотипы и нормы решения встающих перед личностью проблем не срабатывают, а новые нормы или стереотипы находятся в процессе своего формирования. Таким образом, в основе этнической толерантности лежит высокий уровень сознания человека, который владеет общепринятыми ценностями поликультурного социума.

[1] http://www.demos-center.ru/news/14240.html

2. Деятельность Правительства области в этноконфессиональной и этнонациональной сферах хорошо известна лишь 6% населения, что означает слабую PR-компанию и, как следствие, отсутствие поддержки у населения области. Основной же упор для конфессиональных организаций во взаимодействии с государственными органами управления должен быть сделан на воспитание и просвещение, а также консультирование при разработке государственных программ.

3. В настоящее время становится актуальной система поликультурного образования, исходя из трех направлений: просветительского, диагностического и коррекционно-развивающего. В области просвещения необходимо обучение навыкам распознавания проявлений этнических стереотипов, этноцентризма и дискриминации по признаку этничности и расы в различных сферах общественной жизни; формирование более адекватных представлений о различных культурах и психологических особенностях их представителей. В диагностике необходимо уделять внимание, прежде всего определению общего уровня толерантности отдельных групп участников образовательного процесса (целесообразно применять методику Э. Богардуса). В коррекционной работе обязательно формирование позитивной этнической идентичности и толерантности по отношению к другим этносам.

Очевиден тот факт, что актуализация проблем, связанных с молодежью в современных условиях обусловлена возрастающим влиянием этой демографической группы не только на будущее любого государства, но и на формирование тактики и стратегии развития мирового сообщества. Выяснился тот невероятно простой факт, что результаты эволюции развития человечества (достижения в культуре и искусстве), научно-техническом прогрессе оказались невостребованными уже настоящим поколением. Просчеты во внутренней политике, а иногда сознательное инициирование абсолютной свободы и вседозволенности среди молодых людей привели к росту молодежного экстремизма, нравственного и правового нигилизма, росту правонарушений и преступлений, забвению культуры.

Таблица 2

Тенденции развития межнациональных отношений в Тюменской области

Причина возникновения точек напряженности	Тенденции развития событий
Для трети респонденты – «миграция из других регионов страны, борьба за рабочие места»	Тюменская область с высоким уровнем жизни и благоприятным географическим расположением (рубеж европейской и азиатской части страны) останется привлекательной для «иностранной» рабочей силы
Для трети респондентов – «неуважение к культуре, национальному характеру народов, проживающих на территории области»	Усиление внимания к национальной уникальности, стремление к выравниванию возможностей представителей всех национальностей и этносов повлечет за собой противостояние, противоречия между культурными традициями, нравами, обычаями
Для 2 из каждых 5 респондентов – «низкая культура межнационального общения»	Наследие прошлого, когда русская нация являлась «старшим братом», опекуном, в результате потери данного статуса теряется и баланс между прочими национальными особенностями
«Неспособность властей на Федеральном (по оценке каждого пятого) и местном (по оценке каждого четвертого) уровне решать проблемы межнациональных отношений в регионе»	Проблема состоит именно в том, что разрешить противоречия с позиции верховной власти крайне нецелесообразно в виду уникальности тех национальных ансамблей, что сложились в субъектах федерации, поэтому прерогатива разработки программ будет принадлежать самим субъектам с последующим закреплением статуса в федеральных законах

В настоящее время мы фактически возвращаемся к решению задач середины прошлого века: формируем устойчивую национальную политико-экономическую и социокультурную

систему. В связи с этим речь должна идти о комплексном обучении молодого человека самой обыкновенной и одновременно самой необычной из всех специальностей – профессии полноценного члена общества. Имеется и иная проблема, требующая научно обоснованного подхода к изучению молодого поколения – демографическая. Дело в том, что с 2004 г. общая численность населения в возрасте 14-30 лет резко сокращается и этот процесс сокращения будет продолжительным. Причем компенсировать потери прироста населения при помощи миграционного обмена не удастся. С 2008 по 2021 гг. численность молодежи (по данным Росстата) в возрасте 14-30 лет в составе населения Российской Федерации сократится на 13 млн. человек (равнозначно численности населения Москвы). Сказанное вновь подтверждает целесообразность широкого исследования возможностей использования гражданского потенциала численно резко сокращающейся молодежи, которой предстоит перенять и функционально поддерживать все социальные институты государства, включая воспитание и обучение нового молодого поколения и социальную защиту пенсионеров.[1]

Приобретение комплекса систематических знаний, умений и навыков, традиций и ценностных ориентаций формирует так называемую культурную компетентность личности. Отсутствие понимания необходимости комплексного воспитания индивида, вступающего на путь социальных преобразований, порождает массу тупиковых, даже курьезных ситуаций.

Например, в распространенном заявлении участников круглого стола, проходившего по инициативе Молодежной палаты Тюменской областной думы 27 июня 2007 г., посвященного радикализации неформальных молодежных объединений Тюменской области в частности говорилось: «Не секрет, что в настоящее время большое внимание уделяется борьбе с терроризмом, предотвращению возбуждения расовой, национальной, религиозной и социальной вражды. Деятельность по этим направлениям требует объединения усилий представителей властных структур, общественных организаций и граждан. Необходимо развернуть кампанию «борьбы с экстремизмом», *разгромить любые очаги национальной самоорганизации и поставить все общество под контроль*» (курсив авт.).[2]

Прежде чем обнародовать такое заявление, необходимо было вспомнить уроки истории, предостерегающие нас от таких необдуманных шагов: путь от защиты национальной самобытности культуры и введения всеобщего контроля до открытия Освенцима и Дахау на самом деле очень короток. Наоборот, необходимо воспитывать толерантность в многонациональном и многоконфессиональном обществе. На молодежном форуме в Интернете, посвященном Всероссийской научно-практической конференции «Молодежь – будущее России» (г.Тюмень, 19-20 ноября 2009 г.) прозвучала фраза: «*Вы, взрослые, получили такую молодежь, которую воспитали*». Исходя из вышесказанного, трудно не согласиться с представителем молодого поколения.

Механизм включения молодежи в общественные отношения, формирующие ее мировоззрение, ценностные ориентации, гражданскую позицию, профессиональный и социальный статус, по мнению Горшкова М.К. и Шереги Ф.Э., имеет две формы:

- *интеграция* молодого поколения в культурные, нравственные, правовые, политические и идеологические традиции общества путем принятия ею господствующих социальных норм в качестве основы своих ценностных ориентаций через воспитание и обучение;
- *дифференциация* молодежи по ячейкам социально-профессиональной структуры общества путем профессиональной ориентации и профессиональной подготовки.

В результате социализации молодежь либо идентифицирует себя с господствующими социально-экономическими (в том числе распределительными) отношениями и нормами общества, и тогда бесконфликтное воспроизводство последнего гарантировано, либо по тем или иным причинам не идентифицирует себя с основными нормами общества, отчуждается от

---

[1] Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: демографические тенденции, историческое сознание. Мониторинг общественного мнения. Ноябрь-декабрь 2009. № 6 (94). С.12.

[2] [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://shopingnavigator.ru/?id=130217

них, и тогда назревает конфликт поколений.[1] В случае возникновения угрозы (реальной или мнимой) стабильности существования социума нормы перестают выполнять охранительную функцию, и тогда возникают фобии, стереотипы, которые выполняют своеобразную защитную функцию и начинают играть консолидирующую роль. Такое явление встречается на фоне ослабления исторической памяти, отсутствия идеологической и воспитательной функций общества, получает дополнительную окраску при помощи СМИ и закрепляется «благодаря» ухудшению социально-экономических условий.

Экономическая дестабилизация в России десятки лет отвлекала внимание чиновников и политиков от необходимости работы в области социальной и правовой защиты наиболее ущемленных в этих аспектах граждан. Стремление восполнить допущенные пробелы в кратчайшие сроки приводит к принятию решения, направленного на совершенствование правовой базы, что обеспечивает лишь техническую составляющую, но не разрешает причин более глубокого (духовного) уровня. Как было отмечено выше, чаще всего причинами социальных конфликтов выступали такие факторы как социально-экономические трудности, социальная несправедливость, неуважение и незнание другой культуры (а чаще всего и своей тоже). В связи с этим перед авторами статьи встал вопрос: отражены ли указанные аспекты в государственных программах по работе с молодежью? Стоит отметить, что Государственная молодежная политика (ГМП) осуществляется в отношении молодых граждан в возрасте от 14 до 30 лет, хотя сегодня необходимо проводить комплекс мероприятий не только в молодой возрастной группе, но и среди поколения старше 30.

Проанализируем основные направления Государственной молодежной политики на период до 2013 года[2] (См.: Таблица 3).

Продекларированные положения государственной молодежной политики соответствуют сложившейся ситуации в России, но, на взгляд авторов, не могут быть реализованы в этой трактовке. Отсутствует понимание у населения структуры и способов воплощения ГМП, а главное – нет ответственности государства (органов власти) за возможные ошибки в расчетах и прогнозах. Любопытны данные опроса, проведенного ВЦИОМ еще в 2002 г. по проблеме молодежной политики в России. (*Опрос населения был осуществлен в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик России. Интервью по месту жительства 13-14 июля 2002 г., N= 1500 респондентов*).[3] Из них 74% положительно оценили опыт работы с молодежью в Советском Союзе и в то же время 38% не смогли выявить достижений в этой области. 31% затруднились определиться с необходимостью разработки специальной молодежной программы, а 39% не смогли оформить свои предложения по решению молодежных проблем. Тем не менее, 95% не смогли ответить на вопрос: почему вы считаете, что специальная государственная программа по работе с молодежью не нужна? В настоящее время молодежную политику государства положительно оценивают лишь 15% молодежи. Это невысокий показатель, но он больше, чем был 10 лет назад – 5%. 42% придерживаются мнения, что в России для молодежи «что-то делается, но это мало заметно». 32% недовольны результатами сегодняшней молодежной политики государства и 11% затруднились с ответом.[4]

По данным ФОМ, в социальную программу работы с молодежью, по мнению населения, обязательно должны быть включены: трудоустройство (28%), организация досуга (24%), бесплатное образование (14%), воспитание (13%), обеспечение жильем (8%), борьба с наркоманией и алкоголизмом (8%). Не пользуются популярностью обеспечение достойной зарплатой (2%), приобщение к здоровому образу жизни (2%), создание молодежных организаций (2%), запрет в СМИ пропаганды насилия, рекламы алкоголя и др. (1%).[5]

---

[1] Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: демографические тенденции, историческое сознание. Мониторинг общественного мнения. Ноябрь-декабрь 2009. № 6 (94). С.7.

[2] www.dumai.ru/mdrlibrary/laws/doktrina.htm

[3] www.fom.ru

[4] Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. – Второе издание, дополненное и исправленное – М.: Институт социологии РАН, 2010. - с. 143

[5] О молодежной политике. Опрос 1–2 августа 2009 г.. 100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 2000 респондентов. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://bd.fom.ru/pdf/d31molp.pdf.

Таблица 3

Оценка направлений государственной молодежной политики на период до 2013 г.

Направление	Оценка тенденций
- содействие физическому, творческому, профессиональному, социальному развитию и становлению молодежи;	исследователи отмечают постоянное снижение интеллектуального уровня и отрицательную мотивацию молодежи, отсутствие активной жизненной позиции;
- формирование культуры здорового образа жизни, охрана здоровья молодых граждан;	наркомания, алкоголизм и психические расстройства – обнаруживаются все более в раннем возрасте; перспектива отмены бесплатного образования и незначительная доля охваченных культурным просвещением (не более 5%);
- поддержка молодежи в сфере образования, культуры, досуга, творчества;	
- содействие экономической самостоятельности, занятости и предпринимательству молодежи;	отсутствие навыков и знаний, желание иметь «сейчас» и «сразу все» создает предпосылки для дальнейшей криминализации;
- поддержка молодой семьи, обеспечение жильем, создание условий, способствующих увеличению рождаемости;	снижение рождаемости вследствие моральной, физической и экономической несостоятельности молодежи, недоступность жилья;
- формирование духовно-нравственных ценностей и гражданской культуры молодежи;	дальнейшее возрастание прагматизма, индивидуализма и эгоизма, снижение уровня нравственной допустимости, а реализация Болонской декларации модифицирует имеющиеся ценности в потребительский тип личности;
- разработка, принятие и реализация национальных стандартов и программ воспитания духовно-нравственных ценностей и гражданской культуры молодежи;	
- создание и развитие печатных и электронных средств массовой информации и игр, обеспечивающих позитивную социализацию молодежи;	втягивание молодежи в виртуальное пространство стиля «action» не оставит место для позитивной социализации;
- профилактика проявлений экстремизма, агрессии и асоциального поведения в молодежной среде;	наблюдается рост национализма, отсутствуют государственные структуры, имеющие возможность постоянной и направленной профилактики, следовательно – уход значительной части молодежи из-под влияния государственной идеологии, отсутствует мониторинг этнонациональных и этноконфессиональных отношений;
- работа по нейтрализации идеологии и проявлений социальной и национальной нетерпимости;	
- коррекция поведения, реабилитация молодых людей, склонных к агрессии, насилию, правонарушениям и их последующая интеграция в общество;	
- создание условий для социализации молодых граждан, лишенных родительского воспитания и опеки;	увеличение числа детей, воспитывающихся в детдомах и интернатах;
- включение потенциала социально значимой активности молодежи в процессы государственного и общественного строительства;	выделение в молодежной среде элит разного уровня с целью обеспечения преемственности не только стиля и методов чиновничьей работы, но и ошибок присущих уходящему поколению, снижение возраста управленцев до 18 лет приведет к снижению уровня компетенции власти;
- формирование и использование молодежного резерва для обновления и ротации кадров органов государственной власти и местного самоуправления;	
- интеграция российской молодежи в международное сообщество.	эмиграция образованной молодежи в страны с развитой промышленностью и социальным обеспечением, принятие гражданства этих стран.

Этот факт выглядит противоречивым и странным, поскольку среди социальных и экономических проблем регионов сама молодежь выделяет рост цен на товары и услуги (66%), низкий уровень заработной платы (58%), безработицу (32%), наркоманию (31%), недоступ-

ность жилья (31%), алкоголизм (30%), ситуацию на дорогах (27%), преступность (25%)[1]. Говоря о проблемах, на которых в большей степени стоит сосредоточиться руководителям регионов России, молодые люди особо выделяют: снижение безработицы и создание новых рабочих мест – 50%, борьбу с ростом цен – 41%, борьбу с бедностью - 36%, повышение доходов населения – 36%.[2]

Каждый пятый молодой человек в возрасте 18-25 лет допускает для себя возможность участия в акциях протеста. Среди них в основном сельские рабочие с низким уровнем дохода.[3] Однако большинство (68%) все же не собирается участвовать в каких-либо акциях протеста, что коррелирует с авторскими данными и позволяет на сегодняшний момент оценить когорту населения 18-25 лет как основу стабильности. Последний опрос Фонда Общественного Мнения показал, что, несмотря на молодость, которой свойственен бунтарский дух, нынешняя российская молодежь не готова к тому, чтобы выйти на улицы и участвовать в акциях протеста. По данному показателю возрастная группа 18–25 лет не имеет качественных отличий от группы старше 25 лет (72% и 71% соответственно)[4], и этот результат соотносится с высокой степенью удовлетворенности своей жизнью и лояльности действующей власти. Около половины молодых людей имеют постоянную работу (в январе 2010 г. – 44%), 12% получают стипендию, 10% пользуются финансовой поддержкой родственников и друзей[5]. Однако после таких оптимистичных утверждений исследователи ФОМ все же отмечают, что поколение в возрасте 18-25 лет не ожидает в ближайшее время улучшения экономической ситуации в России и собственного материального положения.[6]

Подводя некоторые итоги, следует ещё раз указать на сложность и высокую вариативность молодёжной среды, представляющей все возможные идейные, политические, религиозные и другие взгляды и убеждения. Именно в этом кроется проблематика неадекватности среди молодых преемников тех реформаторов, которые «завершили свою созидательную работу» на демонтаже советского государственного строя. Молодым предоставлена не только возможность социального и профессионального взросления, но на их плечи возложена задача формирования новых принципов, новых традиций и новых реалий социально-политических и экономических отношений. Эффективность же данной работы определяется уровнем консолидации всех участников процесса, но, как показывает практика, наличие в молодёжной среде значительного количества разнонаправленных сил не позволяет достигать требуемых параметров динамичного эволюционного развития страны. Наблюдается отток образованной молодёжи в другие страны, слабая реализация своего потенциала в собственной стране.

По мнению авторов статьи, ошибочность в проводимой молодёжной политике состоит в её значительной ангажированности и желании тотального контроля со стороны органов власти. Такое давление на формирующееся сознание приводит к прямо противоположным результатам – рост агрессии, цинизм, открытое противопоставление своих убеждений сложившимся в обществе стандартам поведения. Вычленять молодёжную среду из общего контекста населения страны – значит порождать ещё больший круг проблем, а оказывать прямую

---

[1] См.: Мегаопрос «ГеоРейтинг» 3–17 июня 2009 г. 1930 населенных пунктов, 68 субъектов РФ, 34 000 респондентов.)

[2] «Поколение Y»:социальный портрет современной молодежи 18-25 лет, составленный по свежим данным Фонда Общественное Мнение. [Электронный ресурс] //Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/map/pokolenie21/press_r140410np

[3] Социальные проблемы, волнующие молодежь. [Электронный ресурс] //Режим доступа: http://bd.fom.ru/pdf/d29molod.pdf. Мегаопрос «ГеоРейтинг» 3–17 июня 2009 г. 1930 населенных пунктов, 68 субъектов РФ, 34 000 респондентов.

[4] Мегаопросы «ГеоРейтинг» с мая 2007 г. по март 2010 г. Каждый опрос –1930 населенных пунктов, 68 субъектов РФ, 34 000 респондентов.

[5] («Поколение Y»: социальный портрет современной молодежи 18-25 лет, составленный по свежим данным Фонда Общественное Мнение. [Электронный ресурс] //Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/map/pokolenie21/press_r140410np

[6] Новое поколение: установки и оценки. [Электронный ресурс] //Режим доступа: http://bd.fom.ru/pdf/d13np10.pdf

государственную поддержку молодежи – значит усилить рост инфантилизма и иждивенчества. Очевидно, что своё будущее (пусть даже и в самых общих чертах) молодёжь наблюдает воочию, регистрируя факты и явления, происходящие со старшим поколением. В этой ситуации, создание «инкубаторов для взращивания прогрессивной и целеустремленной молодежи» – показатель слабости государственной социальной политики в целом. Вполне адекватно и необходимо формировать для молодёжи «комфортное будущее» на примере их родителей. Это подразумевает стабильность и востребованность в профессионально подготовленных кадрах, что может быть обусловлено лишь экономическим ростом, реальной борьбой с коррупцией и чиновничьим произволом, снижением этнической, религиозной и клановой напряженности, уменьшение влияния политики на экономику, обеспечением продовольственной и экологической безопасности жизнедеятельности на территории России и др. Молодёжь должна быть соучастником этих событий, т.е. субъектом, а не объектом политики; своими руками, совместно с родителями «строить новый дом», имя которому – Россия. Возможно, это и есть патриотизм в самом настоящем смысле.

Д.В. Гуськов (УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург)

Патриотизм в противостоянии национальному экстремизму

Тема патриотизма, причин перерастания его в крайние, радикальные формы национализма является достаточно актуальной. Именно проблема возникновения и развития радикальных форм национализма, а особенно национального экстремизма является одной из основных проблем, с которыми приходится сталкиваться правительствам большинства государств в мире. Россия – это многонациональная страна с многоукладной экономикой, поэтому при взаимодействии различных социокультурных и этнических групп между собой, взаимодействии их с государственной властью возникают конфликты, социальная напряжённость и вследствие этого – радикальные националистические и экстремистские настроения в российском обществе.

Наглядно сложившуюся ситуацию иллюстрируют межнациональные стычки в городе Кондопога, события, произошедшие в середине декабря 2010 г. в столице нашей Родины. Между политиками, учеными и общественными деятелями разгорелся спор по поводу того, кто из участвовавших в конфликтах на межнациональной и межэтнической основе является патриотом, а кто националистически настроенным экстремистом; как в данной ситуации осуществлять нравственную оценку происходящего: «хороший патриотизм» против «плохого национализма», «плохой национальный патриотизм» против «хорошей толерантности и космополитизма», «хороший умеренный национализм» против «крайнего, деструктивного национализма».

Современное российское общество переживает трансформацию системы ценностей, обусловленную модернизацией общественной жизни. Процессы модернизации общественной жизни, обусловленные глобализацией, становятся факторами, стимулирующими напряженность в межнациональных отношениях, которые сопровождаются межэтническими конфликтами, частичной деградацией титульной нации, появляются различные оппозиционные группы, добивающиеся своих целей через национальный экстремизм и терроризм. По мнению ряда представителей власти и либеральной интеллигенции в условиях «вынужденного» притока мигрантов, наплыва западного авангардного культурного суррогата молодежь должна выступить проводником идеологии толерантности, модернизации российской культуры и укрепления межпоколенческих и межнациональных отношений, должна быть готова к противостоянию политическим манипуляциям и экстремистским призывам. Данная точка зрения имеет право на существование, но прежде чем делать такие выводы, вначале необходимо разобраться в следующих вопросах:

- каковы причины перерождения здорового патриотизма, например, в этнический национализм или национальный экстремизм;

- почему толерантность, как линия поведения, навязывается молодёжи властными кругами в рамках проводимой молодежной политики, а не является естественным качеством поведения молодежи;
- возможно ли противопоставить патриотизм и национальный экстремизм.

Для разъяснения поставленных вопросов необходимо обратиться к трактовке понятий «патриотизм» и «национализм». На наш взгляд, можно ориентироваться на такие определения понятий «патриотизм» и «национализм»[1]: «Патриотизм» – нравственный и политический принцип, социальное чувство, коренящееся в гражданской морали, содержанием которого является любовь к отечеству, гордость за его прошлое и настоящее, готовность подчинить свои интересы интересам страны, стремление защищать интересы родины и своего народа. «Национализм» – специфическое состояние сознания этноса и социально-психологических ориентаций людей, преувеличенная, нетерпимая форма проявления национального мышления и национального сознания, а также сопряженные с ними идеология, теория и социальная практика. Суть национализма составляет проповедь собственной национальной исключительности, с необходимостью дополняемая недоверием к чужим, конкретно определяемым, этническим общностям и в крайних проявлениях – отказом им в праве на существование.

Проецируя описываемые указанными понятиями данные социальные явления на социокультурные процессы, происходящие в настоящее время в России и мире, сразу можно констатировать следующее.

В современных условиях интеграции, интернационализации и глобализации патриотизм направлен на социальный прогресс, помогает сохранять особенности национальной культуры народов. Одновременно при этом интеграция, интернационализация и глобализация в определенной степени оказывают деструктивное воздействие на особенности национальной культуры народов, а именно на ценностную и регулятивную функции национальной культуры. В результате вышеуказанных деструктивных воздействий патриотизм автоматически доводится до крайнего (абсолютного) состояния и перерождается в национализм, который в свою очередь может принять радикальную, деструктивную форму. В данных обстоятельствах национализм возникает как реакция этноса на деструктивные воздействия внешней среды: будь-то экономические, социокультурные, политические перемены или иноэтнические воздействия, обусловленные глобализацией.

Доведенный до крайнего (абсолютного) состояния патриотизм выражает узкие этнические интересы и смыкается с национализмом и национальным экстремизмом. В этой связи необходимо заметить, что от радикальных форм национализма патриотизм отличается тем, что относится с уважением к национальному сознанию других народов.

В нормальных условиях существования каждый человек своей нации вырабатывает свой собственный патриотизм – «привязанность к родной земле, языку, традициям». Но в периоды экономических, социальных и политических перемен, иноэтнического воздействия возникает национализм, как реакция этноса на указанные деструктивные воздействия, нередко проявляющийся в крайних, радикальных формах. В настоящее время Россия переживает все указанные деструктивные воздействия и особо сильно негативное иноэтническое воздействие. Таким образом, по возникновению, национализм – это здоровая реакция патриотически настроенного индивидуума на инородное вмешательство или какой-либо экономический, социокультурный или другой сбой, хотя в некоторых случаях эта реакция принимает крайние, радикальные формы, оказывающие деструктивное воздействие на общество.[2]

Если же провести анализ употребления понятий «патриотизм» и «национализм», то оказывается, что понятие патриотизма более конкретно, так как чаще всего Родина и народ, интересам которых подчиняет себя патриот, ассоциируются с государством, которое характе-

---

[1] Александров А. Национализм и патриотизм в истории и современном мире, полемические заметки, [электронный ресурс] режим доступа: http://www.dazzle.ru/antifascism/aanipviism.shtml

[2] См.: Там же.

ризуется наличием единого государственного механизма в качестве общегосударственного социального института.

Исторический источник патриотизма – веками и тысячелетиями закрепленное существование обособленных государств, формировавших привязанность к родной земле, языку, традициям. В условиях образования наций и образования национальных государств патриотизм стал составной частью общественного сознания, отражающего общенациональные моменты в его развитии.[1] Именно вовлеченность в единый государственный механизм как общегосударственный социальный институт обусловливает наличие у граждан общих целей и задач, общих социальных интересов, которые выражает патриотическое чувство. Националист, исповедующий национализм в крайних, радикальных формах имеет свои конечные цели, отличающиеся от конечных целей патриота:

Во-первых, националисты утверждают, что они заботятся о «духе» нации, её культуре, традициях и так далее. Сам факт такой заботы свидетельствует о том, что значительная часть граждан отнюдь не разделяет представления националистов об идеалах национальной духовности, иначе наличествовал бы консенсус и бороться было бы не с кем, следовательно, националисты отстаивают, по существу, собственное видение национальной культуры.[2]

Во-вторых, националисты выступают от лица субнациональных групп, то есть этносов. В этой связи называть их было бы правильно «этнистами», но слово «национализм» для них самих удобнее, так как позволяет вводить в общественность в заблуждение, делая вид что этнист выступает от лица всей нации. Если при этом он представляет компактное меньшинство, отождествление этноса с нацией служит софистическим оправданием сепаратизма. Сепаратист по определению является антипатриотом. Но также и национализм (т.е. фактически этнизм) «коренного большинства» вносит раскол в нацию и способствует ослаблению государства.[3]

Применительно к России можно сказать, что патриотизм это апелляция к стране, которая у нас общая, объединяющая своих граждан, а национализм, как апелляция к этносу, которых у нас в стране много.

В XX столетии произошел разрыв социального и культурного циклов, под влиянием мировых социокультурных и экономических процессов, в том числе и глобализации, темпы культурных перемен стали гораздо более быстрыми. Теперь на протяжении одной жизни может чередоваться несколько культурных эпох. В настоящее время стремительно рушится привычный уклад жизни, уходит в прошлое то, что еще недавно составляло основу социокультурной среды. Современная «глобальная» культура стремительно преображает окружающую среду, общество, быт людей. Ускорение перемен сокращает длительность жизненных ситуаций, современному человеку за определенный отрезок времени приходится переживать гораздо больше разных жизненных ситуаций, чем людям, жившим раньше. Это оказывает разрушительное воздействие на его психику и провоцирует индивидуума на девиантное поведение, именно девиация, доведенная до крайности (экстремизма) превращает патриота в экстремистски настроенного националиста. В итоге причины превращения патриота в экстремистски настроенного националиста можно выявить, ответив на вопросы: «Как чувствует себя личность в глобальном мире, с какими ценностями и моделями поведения соотносит себя? Как воспринимаются социокультурные изменения различными социальными и национальными группами?».

Если же провести аналогию между переходом от экстремальности к экстремизму и переходом от патриотизма к национализму в радикальных, деструктивных формах, то можно обнаружить, что эти социальные процессы схожи.

---

[1] См.: Александров А. Национализм и патриотизм в истории и современном мире, полемические заметки, [электронный ресурс] режим доступа: http://www.dazzle.ru/antifascism/aanipviism.shtml

[2] См.: Майков А. В. Патриотизм и национализм в системе «свой-чужой» [электронный ресурс] режим доступа: http://www.russ.ru/layout/set/print/Mirovaya-povestka/Patriotizm-i-nacionalizm-v-sisteme-svoj-chuzhoj

[3] См.: Там же

Понятия «экстремизм» и «экстремальность» происходят от одного латинского слова extremus – край, конец. Оба понятия несут значение интенсивности, напряжённости, остроты. Однако экстремальность при этом отличает природный стихийный характер, что проявляется не только в активности человека, но и в активности внешней среды (стихийных бедствиях, природных катаклизмах). В отличие от экстремальности экстремизм всегда несёт с собой личностное начало, и экстремистское поведение всегда отмечено эгоцентризмом и своеволием.[1]

Возникновение экстремизма, также как и радикального (ультраправого) национализма является реакцией индивидуумов и отдельных социальных групп на воздействие различных негативных факторов социальной среды: экономическое неравенство и несправедливость распределения собственности; высокая социальная напряженность; конфликтность общественных отношений; падение престижа политической власти; неуправляемость процесса социализации; размывание системы приоритетных духовных ценностей; ослабление регулирующей роли государства; нарастание криминогенности в обществе.

Истоки деструктивного экстремизма, как и радикальных форм национализма базируются на одних и тех же социокультурных и экономических факторах.

Среди объективных причин перерастания патриотических настроений в националистические, которые могут проявляться в радикальных формах, можно выделить следующие: деструктивные социальные процессы и сдвиги; миграция; стихийная урбанизация; обострение экологических и демографических проблем; резкая ломка традиционных стереотипов и социальных ориентиров, образа жизни.

Также среди объективных причин распространения экстремистских и радикальных националистических настроений можно назвать «информационный взрыв», который в условиях глобализации, информатизации, интернационализации в данном процессе играет особую роль. В данных обстоятельствах современная пресса, литература, кино, радио и телевидение выполняют весьма сомнительную функцию, эстетизируя, романтизируя экстремизм различного толка, что отражается на эмоционально-чувственном и нравственно-психологическом состоянии человека.[2]

Ещё одним аргументом за идентичность процессов перерождения патриотизма в радикальный национализм и экстремальности в экстремизм служат результаты социологических исследований Ю.А. Зубок и В.И. Чупрова, которые проанализировали механизм перерастания экстремальных проявлений в экстремистские взгляды в молодёжной среде.

Крайние формы экстремальности, перерастая в экстремистские проявления, способствуют самореализации молодых людей...В немалой степени перерастание экстремальных проявлений в экстремистские взгляды опосредовано влиянием внешних условий, нарушениями в функционировании институциональных и неинституциональных механизмов социальной регуляции. В условиях социальной неопределенности и при отсутствии четких целей развития общества процесс его воспроизводства принимает стихийный, вероятностный характер. Происходит дисфункция социальных институтов, активизируются неинституциональные механизмы саморегуляции.[3] В результате экстремальность приобретает крайнюю форму экстремизма. Этот процесс может быть также следствием влияния внешних по отношению к молодёжи сил, использующих её экстремальность в своих интересах.[4]

Под влиянием тех же самых факторов патриотизм переходит в свою крайнюю форму – национализм, нередко принимающий радикальные, деструктивные формы. Именно национализм как крайняя форма патриотизма является естественным социальным регулятором в условиях дисфункции социальных институтов и кризиса общественного развития.

Теперь необходимо обратиться ко второму вопросу данной статьи и разобраться, почему же толерантность, которую пытаются навязать молодому поколению в рамках официальной

---

[1] Томалинцев В.Н., Козлов А.А. Введение в социальную экстремологию: Учеб. пособие. СПб., 2005. С.86.

[2] См.: Там же. С.85.

[3] Чупров В.И., Зубок Ю.А. Молодёжный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции. М., 2009. С.19.

[4] Там же.

молодежной политики, отторгается этой же самой молодежью, а национализм, даже в радикальных формах, наоборот, находит здесь благодатную почву.

Для развития толерантности в России делается очень много, судя по всему, правительство считает толерантность – главным приоритетом молодежной политики. Несмотря на предпринятые меры, толерантность как антипод национального экстремизма и ксенофобии не может являться качественным показателем поведения молодежи, так как в современных социокультурных и экономических условиях, характеризующихся наличием множества деструктивных факторов, под влиянием которых естественное социальное чувство патриотизма, свойственное каждому индивидууму, гражданину, перерождается в национализм, национальный экстремизм и ксенофобию, что в итоге вызывает органическое неприятие толерантности в любых формах, а тем более толерантности, насаждаемой «сверху» в рамках официальной молодежной политики. В данных социокультурных и экономических обстоятельствах попытки «привить» толерантность современной российской молодежи не могут являться эффективной мерой борьбы с крайними, радикальными формами национализма, а тем более с национальным экстремизмом. В такой ситуации возникает естественный вопрос: а может ли тогда «хороший» патриотизм являться эффективным фактором противостояния «плохому» радикальному национализму и национальному экстремизму?

Патриотизм может быть эффективным фактором противостояния крайним, радикальным формам национализма, национальному экстремизму только том в случае, когда будут в большей степени нейтрализованы социокультурные и экономические обстоятельства, оказывающие деструктивное влияние на естественное социальное чувство патриотизма, превращающие патриота в националистически настроенного экстремиста.

Т.Х. Дебердеева (ВИПКРО, Владимир)

Гражданственность и патриотизм как национальная идея современности

Что такое национальная идея? Философский словарь определяет понятие «идея» следующим образом: «Идея (греч. idea – буквально: «то, что видно», образ) – философский термин, обозначающий «смысл», «значение», «сущность». Соответственно национальная идея – смысл, значение, сущность нации. Русская национальная идея – это идея о судьбе и месте России – это смысл существования нации.

Термин национальная идея используется рядом мыслителей для характеристики проблем и представлений, связанных с определением исторической роли России в составе мирового сообщества, особенностями российской истории, русской культуры, народного характера и менталитета, со смыслом существования России во всемирной истории[1]. В России наличие национальной идеи подменяет (заменяет) индивидуальный смысл жизни. Ф.М. Достоевский писал: «Без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация»[2]. Как отмечает А.С. Панарин, ценностная неангажированность и аллергия на «большие идеи» – естественная реакция на идеологическую одержимость тоталитарных режимов. Но прозябание вне ценностного смысла, упадок со всеми его приметами – имморализмом, коррупцией, гнетущей скукой бытия – этой агрессией пустоты, способны вызвать острую массовую реакцию. Добавьте к

---

[1] Барабанов Е.В. Русская идея в эсхатологической перспективе. // Вопросы философии. 1990. №8; Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX в. и начала XX в. // О России и русской философской культуре (философы русского послеоктябрьского зарубежья). М.,1990; Бердяев Н.А. Русская идея в контексте мировой истории // Русская идея. М.,1992; Ильин Д. Русская идея на полигоне «демократии» // Наш современник, N3, 1991; Ильин И.А. О России. М.,1991; Ильин И.А. О русской идее // Родина. Русская философия. Православная культура. М.,1992; Карасев Л.В. Русская идея (символика и смысл). // Вопросы философии, N8, 1992; Межуев В.М. О национальной идее // Вопросы философии. 1997. №12; Осипов Г.В. Россия: национальная идея и социальная стратегия // Вопросы философии. 1997. №10; Сагатовский В.Н. Русская идея: продолжим ли прерванный путь? СПб., 1994; Соловьев В.С. Русская идея. // Русская душа. М., 1994; Тулаев П. Русская идея: «Камо грядеши?»// Наш современник. 1991. №11; Янов А. Русская идея и 2000-ый год. // Нева. 1990. №10-12; и др.

[2] Достоевский Ф.М. Дневник писателя. ПСС. Т. 23. Л.,1981.

этому оскорбленное патриотическое чувство, питаемое бесцеремонностью победителей в холодной войне, экономическое обнищание, повсеместное нарушение принципов социальной справедливости – и получите социальную катастрофу»[1]. Безыдейное существование невозможно в принципе. В.Е. Грум-Гржимайло в статье «Русский народ» писал: «Мы легко миримся с недостатками и лишениями жизни, имея всегда впереди мечту, подвиг. Нет подвига, нет цели, – и русский человек опускается. На сцену являются карты, водка, лодырничество»[2]. «Если же русский усомнится в смысле существования, – продолжает его рассуждения Л.П. Карсавин, – то может дойти до крайнего скотоподобия или равнодушия ко всему»[3].

Таким образом, национальная идея рассматривается мыслителями как ведущий аспект самосохранения нации, предотвращающий социальные катастрофы. Сущностные черты национальной идеи не были даны заранее, раз и навсегда, а формировались в процессе многовекового творчества народа. Путь развития национальной идеи был неоднозначен, включал и взлеты и кризисы. «Русская идея – это идея бытия, организованного вокруг идеала и получающего благодаря этому высокий духовный тонус»[4].

Оказавшись в 1990-х гг. на перепутье своего развития, Россия вновь обратилась к поиску национальной идеи особенно необходимой в эпоху перемен. Именно в этом время Д.С. Лихачев предложил считать национальной идеей российскую культуру, обладающую как выраженной самобытностью, так и значимостью для развития мира в целом[5]. Один из позитивных образов человека, сформированных в Российской культуре – патриот и гражданин – высокий духовный идеал, способный организовать пространство ценностей вокруг себя. «Национальная идея (идеология) может сыграть роль духовной скрепы[6], особенно на переломном этапе развития. Граждан страны можно объединить на основе исторических традиций, фундаментальных нравственных ценностей, которые часто принимают форму идеологических лозунгов и госсимволики. Эти ценности должны быть приемлемы для абсолютного большинства граждан и отражать характерные черты и особенности российского менталитета». Осознавая это, ведущие государственные деятели современной России обращаются к проблеме национальной идеи, определяя приемлемые ценности, отражающие российскую ментальность:

- В 1999 г., будучи еще председателем правительства, В.В. Путин отмечал: «Мне представляется, что новая российская идея родится как сплав, как органичное соединение универсальных, общечеловеческих ценностей с исконными российскими ценностями, выдержавшими испытание временем»[7]. В послании президента РФ Федеральному собранию РФ (26 апреля 2007 г.) Путин подчеркивал: «Убеждён, общество лишь тогда способно ставить и решать масштабные национальные задачи, когда у него есть общая система нравственных ориентиров. Когда в стране хранят уважение к родному языку, к самобытным культурным ценностям, к памяти своих предков, к каждой странице нашей отечественной истории»[8].
- В первом послании президента Д.А.Медведева Федеральному собранию (ноябрь 2008 г.) говорится: «Патриотизм. При самом трезвом, критическом взгляде на отечественную историю и на наше далеко не идеальное настоящее. В любых обстоятельствах, всегда – вера в Россию, глубокая привязанность к родному краю, к нашей великой культуре. Таковы наши ценности, таковы устои нашего общества, наши нравственные ориентиры. А говоря проще,

---

[1] Панарин А.С. На рубеже тысячелетий: Россия в поисках цивилизационного и геополитического равновесия // Научный альманах "Цивилизации и культуры". Вып. 3. М., 1996.
[2] Грум-Гримайло В.Е. Русский народ. // http://derzava.com/art_desc.php?aid=394
[3] Карсавин Л.П. Восток, Запад и русская идея. Пг., 1922. // http://derzava.com/art_desc.php?aid=394
[4] Панарин А.С. «Вторая Европа» или «Третий Рим» (парадоксы европеизма в современной России) // Вопросы философии. 1996. №10.
[5] Лихачев Д.С. Русская культура в современном мире // Новый мир, N1, 1991.
[6] Попов Ю. Россия в поисках духовных скреп // Известия. 2009. 4 мая.
[7] Послание В.В. Путина к Федеральному собранию РФ (1999) // http://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millenium.html
[8] Восьмое послание президента В.В. Путина к Федеральному собранию РФ (2007) // http://www.factnews.ru/article/26Apr2007_poslanie1#25

таковы очевидные, всем понятные вещи, общее представление о которых и делает нас единым народом, Россией. Это то, от чего мы не откажемся ни при каких обстоятельствах». Знаковым стало обращение Медведева к словам П.А. Столыпина, который говорил: «Прежде всего, надлежит создать гражданина, и, когда задача эта будет осуществлена, гражданственность сама воцарится на Руси»[1].

Итак, гражданин и патриот – национальная идея современной России, нравственные ценности, принимающие форму идеологических лозунгов, ценности, приемлемые для абсолютного большинства граждан России. Но все ли граждане России, все ли участники образовательного процесса, адекватно и точно понимают, что включают в себя понятия гражданин и патриот?

Существуют две равноправно принятые трактовки понятия гражданин. Это, во-первых, лицо, которое принадлежит к постоянным жителям данной страны (государства), имеет все права, предоставляемые законами этой страны, исполняет все установленные законами обязанности (в таком смысле определяется гражданин в словаре С.И. Ожегова, в этом контексте мы говорим о себе как о гражданах России). Но гражданин, это (во-вторых) еще и человек, который знает свои права и обязанности и, что самое главное, обладает общественным чувством соучастия в больших и малых делах, понимает свой гражданский долг, у которого есть гражданская ответственность, гражданская совесть. В этом высоком значении понятие «гражданин» вошло в российскую культуру, стало выражением служения родному народу, чувства готовности идти на жертвы во имя Родины. В таком смысле в «толковом словаре» Д.Н. Ушакова определяется: «Гражданин – сознательный член общества, человек, подчиняющий свои личные интересы общественным».

С древнейших времен в России в *политико-правовое* понятие «гражданин» вкладывался особый *нравственный смысл*: быть гражданином – значит занимать определенную моральную позицию, связанную с чувством долга и ответственности по отношению к своему отечеству, народу, национальным ценностям, святыням, культуре.

Гражданин – носитель гражданственности. Понятие гражданственности еще более (чем гражданин) многозначно: активная и сознательная включенность в дела политического сообщества; психологическое ощущение себя гражданином, полноправным членом политического сообщества; способность и готовность выступать в роли гражданина; высшая добродетель свободного и полноправного участника политического сообщества; приверженность интересам политического сообщества, чаще всего государства, готовность идти на жертвы ради этих интересов. «Гражданственность предполагает динамичную ценностно-правовую связь людей (общностей), как граждан, с определенным государством, реализуемую через их отношение к правам и обязанностям, закрепленным в соответствующих нормативных актах (конституция, законы), а также в обычаях и традициях. Гражданственность развертывается в диапазоне от простого законопослушания до гражданской активности, в критические периоды выходящей за пределы, определяющие устойчивость системы и направленной на ее радикальное переустройство»[2].

Диапазон реализации гражданственности позволяет вычленить «этажи» (уровни) гражданственности (или формирования гражданина) по степени активности человека – носителя гражданских качеств:

1 уровень (простой) – гражданские качества: сознательность, общественное чувство соучастия, гражданская ответственность, гражданская совесть.

2 уровень (выше) – гражданская позиция – точка зрения, отношение человека как гражданина к происходящему рядом, вокруг него.

3 уровень (высокий) – гражданская компетенция – механизм, обеспечивающий реализацию

---

[1] Первое послание президента Медведева Д.А. к Федеральному собранию РФ (2008). // http://embrus-az.com/157-poslanie-prezidenta-rossii.html

[2] Козлов А.А. О патриотизме. Основные понятия и краткий исторический аспект // http://www.nravstvennost.info/library/news_detail.php?ID=2263

прав и исполнение обязанностей, которые обусловлены статусом гражданства. Данные компетенции имеют три аспекта: знаниевый, процедурный и гражданский.

Когнитивный аспект: определенный уровень знаний, а также определенный уровень готовности и способности к овладению этими знаниями, который может считаться необходимым для того, чтобы обеспечить гражданственность, т.е. знания, например, об устройстве политической, экономической и внешнеэкономической систем.

Процедурный аспект: знания и способности, необходимые для активной реализации прав и обязанностей.

Гражданский аспект: наличие способности (навыков) и внутренних установок, необходимых для того, чтобы знания об устройстве политической системы и о реально существующих путях для решения возникающих проблем дополнялось соответствующей практической активностью.

Таким образом, гражданская компетенция включает в себя определенные качества как интеллектуального, так и морального характера, а главное – способность и готовность действовать.

Важнейшей проблемой, волнующей всех, кто профессионально озадачен проблемами формирования гражданских качеств личности и патриотизма является вопрос о разведении смысловых полей двух понятий. Эта проблема до конца не решена современной наукой, а особенно, практикой. Принципиальное различие между гражданственностью и патриотизмом состоит в том, что первое это политико-правовое состояние, а второе – испытываемое чувство. Но интуитивно ощущаемая близость, родственность этих двух понятий не случайна. Гражданственность и патриотизм объединяет то, что они являются общечеловеческими ценностями. Более того, «формирование гражданина» – это социализация, а «воспитание гражданина» напрямую связано с воспитанием патриотизма. Кроме того, гражданственность и патриотизм в содружестве и переплетении составляют суть гражданского воспитания.

Рассматривая патриотизм как самостоятельное явление, следует заметить, что философский словарь трактует его как нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к отечеству, преданность ему, гордость за его прошлое и настоящее, стремление защитить интересы родины.

Патриотизм – интегральная характеристика, включающая в себя многие составляющие. Так, патриотизм предполагает формирование активной гражданской позиции личности, гражданского самоопределения, осознания внутренней свободы и ответственности за собственный политический и моральный выбор. Все это требует наличия специфических морально-психологических качеств, таких как гражданское мужество, смелость, честность, порядочность, а также убежденности и умения отстаивать свою точку зрения. Наряду с этим, в условиях демократизации российского общества приобретают большую значимость такие свойства личности, как терпимость и уважение к другому мнению, умение убеждать или принимать другую точку зрения, толерантность, что может выступать в качестве критериев и показателей эффективности в формировании гражданственности.

Явление «патриотизм» включает в себя: почитания места своего рождения и места постоянного проживания как своей Родины, любовь и забота о данном территориальном формировании, уважение местных традиций; уважение к своим предкам; совершение конкретных действий для улучшения состояния своей Родины. Эта структура патриотизма повсеместна, что придает патриотизму характер универсального, всеобщего явления.

Однако российский патриотизм имеет и свои национальные особенности, заключающиеся в следующем:

- сознательный и народный характер, высокая ответственность россиян за судьбу Родины, ее надежную защиту;
- державность, которая отражает тот исторический факт, что в течение большей части своей истории Россия являлась великим государством, оплотом которого была армия;
- в недалеком прошлом патриотизм сводился к военно-патриотической тематике. Эта тенденция (традиция) во многом сохраняется, о чем свидетельствую различные программы пат-

риотического воспитания граждан. Сегодня необходим перенос акцентов с военно-патриотического воспитания на гражданско-патриотическое, притом в условиях общемировой интеграции;

- российский патриотизм носит интернациональный характер. Ведь наша страна – многонациональное государство. Но люди различных вероисповеданий, культур по праву называют себя россиянами, ибо у них единая Родина – Россия.

Носитель патриотизма – патриот – [греч. patriotes – земляк], по мнению В.И.Даля это «любитель отечества, ревнитель о благе его». По В.С. Соловьеву «Нравственная обязанность настоящего патриота – служить народу в человечестве и человечеству – в народе». С точки зрения Д.Н. Ушакова, патриот – это человек, преданный своему народу, любящий свое отечество, готовый на жертвы и совершающий подвиги *во имя интересов своей родины*. Но практика российского патриотизма свидетельствует о том, что интересы Родины подменяются интересами государства. Эта подмена взывает к необходимости уточнить: патриот, человек любящий не столько государство, сколько Родину (Родина – отечество, отчизна, страна в которой человек родился; исторически принадлежавшая данному народу территория с ее природой, населением, особенностями исторического развития, языка, культуры, быта и нравов). Именно здесь находится главное сущностное разграничение понятий гражданин и патриот.

Патриотизм важен для развития общества, так как выполняет в нем ряд специфических функций[1]:

1. Интегрирующую – объединяет большинство нации, ответственное за формирование образа будущего своей страны не только сегодня, но и завтра на основе приоритета интересов общества и государства.
2. Охранительную – осуществляет формирование и развитие того, что определяется как национальная безопасность.
3. Стабилизирующую – придает прочность и устойчивость социальной, этнонациональной и государственной системам во всех их основных звеньях (языке, культуре, стереотипах поведения, нравственных и правовых нормах и т.д.).
4. Регулирующую – определяет характер реакций на внешние воздействия и влияет на характер вновь складывающихся связей и отношений во всем их многообразии.
5. Воспитательную – воздействует на целенаправленную деятельность органов государственной власти и институтов гражданского общества с целью придания им определенного смысла и направленности.

Исследования убедительно показывают, что патриотизм, в содружестве с гражданственностью, выполняет роль скрепляющего общество фактора, который нейтрализует негативные явления и процессы и выступает мощным стимулом позитивного развития личности и общества в целом. А формирование гражданственности будет способствовать становлению в России гражданского общества.

Осознавая потенциал самосохранения и, одновременно, инновационности патриотизма и гражданственности, государство и возводит эти качества в ранг национальной идеи.

Решать задачу формирования гражданственности и патриотизма в подрастающем поколении призвано все обществе, но особенно – система образования, которая в прямом смысле слова образует личность, формирует сам образ жизни народа, передает новым поколениям ценности нации.

П.С. Дёмин, к.пед.н.

Проблемы патриотического воспитания военнослужащих

Обеспечение военной безопасности России, модернизация ее Вооруженных Сил невозможны без целенаправленной, рассчитанной на длительную перспективу патриотической работы среди граждан, прежде всего среди военнослужащих.

---

[1] Козлов А.А. О патриотизме. Основные понятия и краткий исторический аспект. http://www.nravstvennost.info/library/news_detail.php?ID=2263

Патриотизм – одна из наиболее значимых, непреходящих ценностей, присущих всем сферам жизни общества, государства и личности. Он олицетворяет собой любовь к своему Отечеству, сопричастность его истории, культуре, достижениям, составляющим духовно-нравственную основу личности, формирующим ее гражданскую позицию и потребность в достойном, самоотверженном, вплоть до самопожертвования, служении Родине.

В начале 1990-х гг. в обществе и Вооруженных Силах начали нарастать негативные социальные процессы, девальвироваться многие духовные ценности и теряться ориентиры военной службы, размываться понятия «честь», «долг», «Родина», «присяга», «патриотизм» и др. Это было обусловлено целым рядом причин: отсутствием целенаправленной работы по патриотическому воспитанию военнослужащих, коррупцией среди военных чинов разного ранга, их корыстной деятельностью, снижением служебной активности офицеров, массовым увольнением их до окончания установленного срока службы и др.

В настоящее время, как показывают результаты исследований, ситуация хотя и не меняется кардинальным образом, но имеет тенденцию к улучшению. Большинство опрошенных военнослужащих считают, что основные потенциальные возможности возрождения и укрепления патриотизма в нашем обществе заключены во внутренней и внешней политике нашего государства, в способности и готовности Вооруженных Сил обеспечить военную безопасность страны.

В 2004 г. Социологический центр ВС РФ провел комплексное исследование отношения военнослужащих различных категорий к проблеме патриотического воспитания в обществе и Вооруженных Силах[1]. Анализ результатов опросов по проблемам патриотического воспитания в Вооруженных Силах показал, что многие озабочены падением патриотических настроений в обществе и Вооруженных Силах и предлагают свое видение решения проблемы. Такой подход можно назвать *активно-деятельностным*. По сути, респонденты рассматривают патриотизм в качестве одного из наиболее значимых чувств, воплощенных в действенную, побудительную силу, реализующую это чувство в процессе целеустремленной деятельности граждан в интересах защиты Отечества.

Патриотами *себя считают* большинство опрошенных (64%). Две трети респондентов *гордятся и дорожат государственными символами России*: флагом, гербом, гимном. Вместе с тем каждый шестой из числа опрошенных к названным государственным символам относится либо безразлично, либо не гордится ими, либо затруднился высказать свою позицию. По мнению респондентов, патриотизм проявляется наиболее ярко *в исполнении воинского долга в Вооруженных Силах* (49%), *защите интересов Родины с оружием в руках* (37%), *успешной боевой учебе, овладении оружием и военной техникой* (33%), *чувстве гордости за достижения своей Родины (в науке, производстве, искусстве, спорте), за великую историю Отечества* (23%), в инициативном выполнении приказов и приказаний командиров и начальников (17%), *активном участии в патриотических начинаниях, акциях* (10%), *духовной сопричастности (сопереживании) триумфам и поражениям Отечества* (6%).

Результаты исследования свидетельствуют о том, что в патриотизме заключен *огромный воспитательный потенциал*, реализация которого не только способствует формированию добросовестного отношения военнослужащих к выполнению своего воинского долга, но и побуждает их к сознательному подражанию героям Отечества.

Результаты опроса респондентов показали, что для возрождения и укрепления патриотизма в обществе и армии необходимо значительно улучшить патриотическую работу в школах и детских дошкольных учреждениях (56%); улучшить социально-экономическое положение народа (55%); развернуть в стране военно-патриотическую работу по поддержке армии и флота (33%); активизировать патриотическую работу с населением в регионах (27%); систематически оказывать государственную поддержку патриотическим общественным объединениям и организациям (26%); добиваться изменения позиции СМИ в отношении патрио-

[1] Было опрошено 445 офицеров, 569 курсантов ввузов и военнослужащих, проходящих военную службу по призыву (кандидатов на заключение контракта) в частях, соединениях и военных вузах МВО, ЛенВО, ПУрВО, СибВО, ДВО, СКВО, СВ, ТОФ, БФ, 800 студентов военных кафедр гражданских вузов страны.

тического воспитания: от позиции отрицания к активной пропаганде патриотических идей (15%); организовать шефство молодежи над историческими памятниками в честь побед русского оружия (14%); развернуть на государственном уровне подготовку к празднованию исторических юбилейных дат (14%); предоставлять больше возможностей для духовно-нравственного влияния на общество и его граждан Русской православной церкви и другим конфессиям (10%).

Большинство опрошенных военнослужащих (70%) убеждены в том, что одним из основных условий возрождения патриотизма в России является *формирование в обществе единой общенациональной идеи*, способствующей развитию страны, укреплению ее безопасности. В условиях частичной утраты обществом традиционно российского патриотического сознания, отсутствия общенациональной идеи, противоречивости идеологических установок, усиления социальной поляризации многие (78%) высоко оценивают роль патриотического воспитания как фактора укрепления Вооруженных Сил, как одного из основных условий формирования и утверждения единой общенациональной идеи в нашем государстве.

Воспитание патриотизма в нынешних условиях – задача сложная. Ее выполнение зависит от способности руководителей всех рангов правильно оценивать обстановку, определять первоочередные цели, использовать эффективные способы их достижения. Большинство опрошенных военнослужащих (85%) оценивает работу по патриотическому воспитанию в обществе как слабую, не отвечающую требованиям настоящего времени. Такую же оценку состоянию патриотического воспитания военнослужащих в Вооруженных Силах дает каждый пятый респондент (почти 19%). Поэтому подавляющее большинство респондентов (93%) считает необходимым повысить уровень, улучшить содержание и организацию патриотического воспитания в стране в целом и Вооруженных Силах в частности.

Следует отметить, что работа по военно-патриотическому воспитанию молодежи в последние годы была практически свернута, снизилось количество призывников, занимающихся военно-прикладными видами спорта. По данным исследований, проведенных Российской академией управления, слова «патриот», «патриотизм» в общественном сознании стали приобретать негативный оттенок. Если в 1987 г. патриотами своего Отечества считали себя 93% опрошенных, то на сегодня – лишь 23%[1]. Наиболее ярко эти настроения проявляются в ходе призыва граждан на военную службу. Многие юноши призывного возраста любыми путями стараются уклониться от исполнения конституционной обязанности по защите Родины. Наблюдается явная деформация духовного мира личности, изменение ценностных ориентаций.

Приоритетными у молодежи становятся ценности меркантильного характера, а духовные (признание в коллективе, уважение друзей, любовь родителей, семейное счастье) заметно вытесняются на второй план. Почти половина опрошенных офицеров (43%) считают, что образцом для подражания у молодых людей являются герои боевиков, преуспевающие бизнесмены и удачливые члены преступных групп. Тем не менее, у существенной части молодежи по-прежнему пользуются большим авторитетом воины-участники боевых действий в «горячих точках» (32%); воины, совершившие подвиг в защиту своего Отечества (22%); воины-профессионалы (20%).

Патриотическое, правовое, нравственное, физическое и другие виды воспитания в Вооруженных Силах являются составными частями воинского воспитания и представляют собой его содержательную сторону. Сделать патриотическое воспитание приоритетным направлением в системе воинского воспитания означает: во-первых, фактически, а не на словах признать важность работы по патриотическому воспитанию военнослужащих, усилить внимание к ней; во-вторых, вменить в обязанность всем без исключения должностным лицам активно участвовать в процессе патриотического воспитания; в-третьих, существенно повысить уровень педагогической и методической подготовки всех категорий воспитателей. Цель патриотического воспитания – развитие в Вооруженных Силах высокой социальной активности военнослужащих, гражданской ответственности, привитие воинам-контрактникам духовных

---

[1] См.: Актуальные задачи развития Вооруженных Сил Российской Федерации. М., 2004. С.62.

ценностей и высоких моральных качеств, стремления проявить их в процессе военной службы в интересах защиты Отечества.

Л. М. Дробижева, д.ист.н., (ИС РАН, Москва)

Гражданская интеграция в полиэтническом российском обществе

Современная Россия, преодолевая последствия переходного периода, определяет свою позицию не только по политическому и экономическому (с соответствующими трансформациями в социальной структуре) векторам. Не менее важно и восстановление идеологической системы координат, в соответствии с которой выстраивается пространство меняющихся идентичностей и солидарностей, их ценностно-нормативный и коммуникационный потенциал. В постсоветское время граждане Российской Федерации столкнулись с необходимостью переосмысления пространства страны, в которой они живут: ее новых территориальных очертаний, этнического состава населения, политического устройства, рождающихся и отмирающих ценностей, изменяющейся социальной стратификации. Скорости и масштабы осознания трансформационных изменений, встраивание в новую систему отношений, освоение новых смыслов и значений были разными. Все это определяло многообразие жизненного мира, в котором происходила, с одной стороны, индивидуализация идентичностей людей, а с другой – росла потребность в пространстве, где тебя понимают и разделяют какие-то интересы, усиливалась важность больших, *воображаемых* (термин Б. Андерсона) *сообществ* – областного, республиканского, государственного, гражданского, политической нации.

Когда речь применительно к нашей стране заходит о таком феномене, как *национально-гражданская общность*, не только склонные к преувеличениям СМИ, но и многие представители научного сообщества предпочитают в лучшем случае говорить об этом как о некоем почти недостижимом идеале, а в худшем – как о кризисе идентичности российского социума. Такая логика подтверждается ссылками на различного рода негативные тенденции: нарастание этнонационалистических настроений, популярность великодержавно-шовинистических концепций, усиление социально-классовой розни и пр. Спору нет, подобные явления – часть нынешней социальной реальности. Однако хотелось бы обратить внимание и на наличие иной тенденции – процесса постепенной, может быть пока еще не столь значимой, как хотелось бы, гражданской интеграции полиэтнического российского общества.

Категория *гражданско-государственная (национально-гражданская) идентичность* включает не только лояльность государству, но и отождествление индивида со своими согражданами, представления об этом сообществе, ответственность за судьбу страны и сопутствующие этому чувства (гордость, обида, разочарование, пессимизм или энтузиазм). Так же, как и в республиканской, локальной, этнической идентичности здесь присутствуют когнитивные, эмоциональные и регулятивные элементы (готовность к действию во имя этих представлений и переживаний).

Прошедшие с 1991 г. годы – срок исторически небольшой, но не случайно социологи во всем мире выделяют один тренд: *сжатие времени и фрагментация пространства*. За истекшее время существования новой России ныне живущее поколение пережило немало последствий распада СССР: взрыв этничности и национальные движения, суверенизация в республиках и сепаратизм регионов, укрепление вертикали власти и переосмысление демократизации первого этапа трансформации. Помимо смены политического устройства общества, это был период кардинальных социальных изменений: формирования новых слоев, новых стилей жизни, ценностей, ориентаций в экономической и социально-культурной сферах. Такого рода масштабные трансформации отразились на самосознании людей, их идентичности.

Понятие *«государственно-гражданская»*, или *«национально-гражданская»* идентичность достаточно новое для нашей публичной сферы, да и для российской научной литературы, ибо в России исторически сложилось понимание нации как этнокультурной общности. И только в постсоветское время стали употребляться такие понятия, как *«государственная идентичность», «россияне», «российская идентичность»*. В общественный дискурс вошло

понимание нации как граждан государства, по аналогии с Францией, Великобританией, США[1].

За этими новациями был политический смысл, а не стремление российских ученых адаптировать свой понятийный аппарат к нормам, принятым в мировом сообществе. Если под нацией понимается государственная общность, то снимается или, как минимум, редуцируется право наций как этнокультурных, этнических образований на самоопределение вплоть до образования самостоятельного суверенного государства. Ибо категория «суверенитет» закрепляется за государственной общностью. Для России это особо важно, поскольку в начале 1990-х гг. республики в ее составе приняли Декларации о суверенитете. Поэтому не случайным стало употребление в публичном пространстве, особенно в выступлениях Президента РФ, понятия «нации» не в традиционном этнокультурном смысле, а в смысле государственной, гражданской общности – «политической нации». Это находит выражение через такие определения, как «российская нация», «граждане России», «мы как нация», «мы – народ России», «единый народ России» и т.д.

В таком значении «нация» и производное от него определение «национальный» (интересы и т.п.) в посланиях Президента РФ Федеральному собранию в 2000 г. употреблялось 10 раз, в 2005 г. – 15 раз, в 2007 г. – 18 раз[2]. Но одно дело политический дискурс, а другое – его преломление во мнении общества. Современная идентичность населения России – сложный конгломерат новой российской, ностальгической советской, социальной, региональной, локальной, этнокультурной, религиозной идентичностей. Естественно, все политические, социально-культурные, экономические трансформации общества находят отражение в государственно-гражданской идентичности, поэтому по изменениям в ней судят о направлениях в развитии социума, но и она сама, ее характер, масштабность, интенсивность, способствует ориентации и мобилизации людей, становится социальным ресурсом в общественном развитии. Именно с этой точки я постараюсь рассмотреть *идентичность россиян как ресурс государства и общества*.

Здесь, однако, уместно небольшое отступление. Все исследовательские центры, отслеживающие динамику общероссийской идентичности, фиксируют ее устойчивость и приближение к условно называемым базовым идентификациям (семья, профессия и др.). По данным Всероссийского центра трансформационных процессов Института социологии РАН в 2002 г. 63% респондентов солидаризовались с образом «мы – россияне»[3]. Институт комплексных стратегических исследований РАН в 2004 г. зафиксировал российскую идентичность у 45% жителей мегаполисов и 51% у провинциалов[4]. Согласно исследованию по проекту РМЭЗ (RLMS) гражданами России ощущали себя «часто» и «иногда» 65% опрошенных (68% горожан и 59% селян)[5].

Отдавая должное важности статических замеров общероссийской идентичности, хотелось бы указать на целесообразность более глубокого исследования ее содержания и динамики процесса ее складывания. В этом контексте необходимо, как минимум:

- дать реальную оценку и перспективность интегрирующих общество ценностей;
- определить, какой тип идентичности (государственно-гражданский, региональный, этнический и т.д.) будет доминирующим, какие факторы станут влиять на российскую ментальность в перспективе;
- оценить модернизационные, традиционалистские и амбивалентные тенденции применительно к регионам и стране в целом и выявить доминирующие перспективные направления.

---

[1] Инициатива принадлежала члену-корреспонденту РАН В. Тишкову, но споры с ним вели и Р.Абдулатипов, и Э. Баграмов, и член-корреспондент РАН Ж. Тощенко, и В. Козлов, и др.

[2] Подсчеты произведены с помощью поисковой функции в программе Microsoft Word - Ctrl + F. Тексты президентских посланий размещены на сайте www.kremlin.ru.

[3] Данилова Е. Н. Через призму социальных идентификаций // Россия реформирующаяся. М., 2005. С.226.

[4] Российская идентичность в условиях трансформаций. М., 2005.

[5] Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения проводится Институтом социологии РАН совместно с Университетом Северной Каролины (США) и Институтом питания РАМН. Руководители с российской стороны П. Козырева и М. Косолапов.

Ответы на эти и аналогичные вопросы могут дать материалы совместной работы ресурсной группы Института социологии РАН с Межрегиональными институтами общественных наук в 2006 - 2007 гг.[1], а также данные социологических исследований в Республике Саха (Якутия) – в 2006 и 2007 гг.[2]

Итак, по результатам опросов в регионах с доминирующим русским населением гражданами России ощущали себя 86% респондентов. В Свердловской, Томской и Воронежской областях этот показатель был выше (около 90%), в Саратовской и Калининградской областях и Приморье ниже (порядка 77%). При этом не менее половины опрошенных составили группу тех, кто ощущают себя гражданами России в значительной степени. Эти индикаторы интересно сравнить с данными по этнически гетерогенной Республике Саха (Якутия), где ситуация в 2007 г. выглядела так: национально-гражданскую идентичность – ассоциирование себя в значительной мере с гражданами России – предпочли 63% якутов и 81% русских. Кроме того, почти 30% якутов и 15% русских отождествляли себя с гражданами России «в некоторой степени». В целом же в той или иной степени положительно отвечали на вопрос более 90% населения республики. Если сравнить эти показатели с их аналогами 1990-х гг. (20% и 79%, соответственно), то легко заметить, что представление «мы – россияне» укрепилось у обеих референтных групп, причем у якутов даже значительно больше, чем у русских. Это – серьезная подвижка, но необходимо учитывать, что оба этноса вкладывают в данное понятие несколько разное содержание. При перенесении соответствующего вопроса в административно-территориальную плоскость («кем вы себя больше чувствуете: якутянином или россиянином, или и тем и другим в равной степени»?) в 2007 г. доля представителей титульного этноса, ассоциирующих себя только россиянами, оказалась в административном смысле невелика – около 5%, но и россиянами, и якутянами чувствовали себя 67%; среди русских – 47%. Следовательно, респонденты, представляющие титульный этнос, по-видимому, отождествляли себя с россиянами, в основном, по критерию территориально-пространственного, а не гражданского единства. А это, в свою очередь, свидетельствует о том, *что национально-гражданская общность, позволяющая редуцировать этническую рознь и социальную дифференциацию, у нас пока только складывается*[3]. Что, впрочем, не снижает позитивную оценку данной тенденции, особенно с учетом того обстоятельства, что историко-культурная константа в самосознании населения нашей страны была иной, чем в странах Запада.

Не менее важна и содержательная сторона проблемы. Так, данные наших опросов показывают, что большинство людей уже считают, что быть гражданином России значит «чувствовать ответственность за страну»: от 62 до 76% респондентов в Приморье, Томске, Екатеринбурге, Саратове, Воронеже, Калининграде считают это «очень важным». Более детальный анализ материалов опросов по Саха (Якутии) о восприятии русскими и якутами своего места в гражданском сообществе России также дает основания утверждать, что за этим реально стоит большее, чем ощущение себя россиянами, так сказать, просто по территории. Среди факторов, которые консолидируют якутян с гражданами страны, треть якутов и четверть русских назвали именно «ответственность за ее судьбу». По рейтингу консолидирующих факторов гражданская ответственность оказалась на втором месте, конкурируя с такими представлениями, как «родная земля, природа» и «общее историческое прошлое». Хотя доминирует, конечно, в том числе и в силу этого исторического прошлого, категория «единое государство» – административно-территориальный фактор.

---

[1] В ресурсную группу Института социологии РАН, создавшую программу исследования, входят Л. Дробижева, М. Черныш, А. Чирикова.

[2] В опросный лист этих исследований были включены блоки вопросов, фиксировавшие «мы-образы" и корреспондировавшие с такими же вопросами в исследованиях 1990-х гг. Это давало возможность провести сопоставления

[3] Отсюда – и заинтересованность в формировании гражданского общества, его ценностей и норм не только среди демократически ориентированной части российской общественности, но и у представителей власти.

Интересно отметить и то, что якуты не меньше, а даже чуть больше, чем русские, консолидируются с гражданами России через чувство ответственности за судьбу страны и особенно через единое государство (свыше 70% против примерно 57%, соответственно). Полученные в ходе исследования данные делают очевидным факт: пусть якуты и реже, чем русские, ощущают тесную связанность с Россией как с территориальной общностью, для них при этом отнюдь не меньшую, а даже несколько большую важность представляют категории «государственное единство» и «ответственность за судьбу страны».

Тенденция к гражданской консолидации проявляется и через *соотношение региональной и общероссийской идентичности*: опросы показывают, что, в целом, первая начинает уступать второй, хотя и ненамного. Так, в Калининграде в 2006 г. практически одинаковая доля населения (77%) считали себя россиянами и жителями города (области). В Воронежской и Томской областях российская идентичность несколько превосходила региональную. Что примечательно, в Приморье в значительной степени ощущают себя россиянами 57%, а земляками и жителями локусов – 39%, а ведь именно относительно этого региона досужие политики высказывают опасения по поводу его дистанцирования от России.

Наконец, есть основания говорить о том, что в отличие не только от 1990-х гг., но и от начала 2000-х гг. *гражданская идентичность стала даже более значимой, чем этнонациональная*. Это иллюстрирует соотношение тех респондентов (в массиве опрошенных доминирующее большинство – русские), кто не ощущают близости с людьми своей национальности (минимальное количество таких в Томске 9%, максимальное – в Калининграде 26 - 27%[1]), с теми, кто в значительной степени ощущают связь с представителями только своей национальности – их было по регионам не более одной трети[2]. Это, скорее всего, дает основания говорить не просто о преодолении кризисных элементов в русском самосознании, но и о выстраивании новой российской идентичности, восходящей отнюдь не только к этническому происхождению индивида.

Чтобы адекватно оценить подобные показатели, необходимо вернуться в наше недавнее прошлое. В 1990-е гг. в субъектах РФ наблюдался действительно высокий уровень и региональной, и этнической идентичности, значимо превосходящий общероссийскую идентичность. В той же Саха (Якутии) преимущественно якутянами в 1999 г. считали себя 77% городских якутов и 85% сельских, а россиянами, как уже упоминалось, около 20%, да и русских, считавших себя в основном россиянами, было в республике около 50%. Надо сказать, что и в других республиках (Татарстане, Башкортостане, Северной Осетии-Алании) региональная/республиканская идентичность населения была не менее высока. Да что и говорить, если и в Москве – столице государства – лишь четверть москвичей идентифицировали себя как россиян, а остальные еще чувствовали себя гражданами СССР или не могли определиться со своей идентификацией. Многие люди тогда еще не оправились от шока, связанного с распадом СССР, другие ожидали его восстановления, территориальные границы представлялись нечеткими, новые социальные отношения еще только формировались и выглядели фрагментарными. В тех условиях идентичность русских ученые оценивали как кризисную.

Граждане российских республик, особенно представители титульных этносов, тогда были в более комфортном положении. Местные элиты развернули деятельность по формированию локальной идентичности: создавались гимны, флаги и гербы республик, в них происходили выборы своих президентов и т.п. Так у людей воспитывалась гордость за свою республику, ощущение чувства регионального единства.

И это не следует, как принято часто делать, относить исключительно к проявлениям этнонационализма. В ситуации трансформаций во всех сферах жизни, нечеткости директив и дискуссий в Центре локальная идентичность, стимулируемая провозглашенными суверенитетами, представлялась людям более определенной и надежной. Ведь в 1990-е гг., когда

---

[1] Возможно, в Калининградском регионе в массив опрошенных попало большое число маргиналов.

[2] Только в Свердловской области их больше, что связано, видимо, с повышенной «русскостью», стимулируемой как сильным притоком мигрантов, так и более высокой идентификацией по критериям «российскости» (95%) и приверженности к европейским ценностям (57%).

Центр строил отношения с субъектами Федерации по принципу передачи льгот в обмен на лояльность, падающая легитимность федеральной власти, по сути, компенсировалась ростом региональной солидарности, в том числе республиканской. Суверенитеты воспринимались и как некая компенсация за нереализованные интересы народов в советское время. Местные элиты успешно использовали возможности, открытые демократизацией политической системы, и немало сделали не только для изменения идеологии, но и для использования местных экономических ресурсов. В результате слово «суверенитет» стало значимым не только для горожан, но и для сельских жителей республик, в чем легко убедиться, обратившись к опросам 1994 и 1997 - 1999 гг. Элементы суверенитета, полученные в постперестроечное время, высоко оценивались и элитой, и всем населением республик. В 1999 г. практически 60% якутов и четверть русских жителей республики (в основном старожилы) полагали, что «республика должна быть суверенным государством в составе Российской Федерации», а не просто республикой. Аналогично 70% якутов и более 50% русских соглашались с мнением, что «только республика должна распоряжаться своей землей и природными ресурсами». Среди перемен, положительно повлиявших на жизнь российского общества, установление республиканского суверенитета получило среди якутов столь же высокую поддержку, как и свобода СМИ, многопартийные выборы и расширение отношений с Западом, и практически равную с оценкой русскими свободы СМИ и расширением отношений с Западом.

Когда решение Конституционного суда РФ отменило право республик считаться суверенными, ликвидация этого статуса и приведение законодательных норм и положений местных конституций в соответствие с Конституцией РФ и всей законодательной базой Российской Федерации стали очень нелегким процессом. Иногда законодатели в республиках прибегали к каким-то компромиссным, с их точки зрения, решениям, или «уловкам» с точки зрения законодателей Центра. Например, в Конституции Башкортостана говорится о государственности, которой, как известно, без суверенитета не бывает. Не менее психологически трудным был отказ и от каких-то, пусть и символьных, знаков достижений в данной области, в частности, празднования Дней провозглашения суверенитетов. Например, в Саха (Якутии) 27 сентября по-прежнему проходят праздничные мероприятия, посвященные годовщине принятия Декларации о государственном суверенитете республики. Теперь в выступлениях руководителей республики акцентируется внимание на значимости этих событий для социально-экономического развития территории, а не для возрождения культуры титульного этноса, как это было в 1990-е гг.

Рассматривая возрастание значимости гражданской идентичности как позитивную в целом тенденцию, хотелось бы указать на некоторые связанные с этим проблемы. Сильная национально-государственная идентичность может быть тревожным симптомом назревающих изоляционистских и даже националистических настроений. Но на данном этапе это, скорее всего, компенсаторное изменение в самосознании российских граждан после переживания распада Союза и огульной критики прошлого. К тому же, возможно, это – результат активного идеологического воздействия администрации Президента РФ по конструированию представлений о принадлежности к общей идентичности граждан России и солидарности.

Ибо борьба за номинацию, за наименование признается в современном мире одним из важных ресурсов, способных обеспечить социальное доминирование. Слова, по П. Бурдье, «в значительной мере делают вещи»[1]. В этом отношении президентский дискурс – важный стимулятор формирования «мы-образа», транслируемый при помощи образования, СМИ и т.д. Проблема для определения будущего России – содержание этого дискурса.

И здесь приходится констатировать, что важнейший смысловой его конструкт – *дихотомия «мы-они»* – выглядит следующим образом: сильное государство, солидаризирующееся вокруг него общество, которые противостоят внутреннему и внешнему врагу, намеренному разрушить нашу страну, использовать наши ресурсы. В роли «они» были: и «террористическая интервенция», нарушающая целостность страны; и «олигархические группировки, ко-

[1] Бурдье П. Практический смысл. М., 2001. С.111-112.

торые... обслуживают исключительно собственные интересы»; и коррупция российских государственных институтов; и некий неопределенный, но вполне понятный враг, который «самыми грязными технологиями пытается разжечь в нашей многонациональной, демократической стране межнациональную и межконфессиональную рознь»; и даже «наши партнеры», которые «ведут себя некорректно, добиваясь односторонних преимуществ».

Центром позитивного «мы-образа» стало сохранение за Россией роли «крупнейшей европейской нации», чья «цивилизаторская миссия на Европейском континенте должна быть продолжена», поскольку наша страна опирается «на базовые морально-нравственные ценности, выработанные народом России, за более чем тысячелетнюю свою историю». В этой связи «подавляющее большинство граждан страны» должны стать «реальными соучастниками общего созидательного процесса», и каждый из них – «гордиться своей страной» и «чувствовать свою сопричастность с судьбой государства». На этих идеях, типологически близких дискурсу лидеров национально-патриотического направления, и формируется *реальная российская идентичность, чьей доминантой становится государство как институт.*

Естественно, в современных условиях люди не обязаны, как это было в недавнем прошлом, повторять то, что есть в президентских посланиях, но их идеи транслируют СМИ, они выходят в публичную, образовательную сферы, формируя представления. А если они есть, то будут иметь, согласно теореме Томаса[1], реальные последствия. В этой связи неудивительно, что глубинные интервью показывают: *отождествление себя с гражданами России у респондентов часто происходит по линии «государство – институт», а не «гражданство-сообщество».* Впрочем, следует помнить, что переходное общество несет в себе стереотипы прошлого, а в истории нашей страны институты власти были распорядителями судеб людей, инициаторами модернизационных перемен. Так что *западная модель ранжирования государства и общества, в рамках которой граждане – политическая нация, сообщество, а государство – совокупность институтов, служащих ему, у нас еще не утвердилась.*

Тем не менее ситуация в этой области стала понемногу меняться. Уже упоминавшийся факт, что значительная часть респондентов ассоциирует свою принадлежность к россиянам с чувством ответственности за страну, говорит о пусть не до конца отрефлексированном чувстве солидарности – не может же рядовой гражданин ощущать нечто подобное относительно должностного лица или госучреждения. С этим коррелируют и представления о том, что «важно быть российским патриотом, любить Россию». Такого мнения ныне придерживаются свыше 90% опрошенных в Воронежской, Калининградской, Саратовской, Свердловской областях и более 80% в Приморье и Томской области (во всех регионах свыше 60% считают, что это очень важно). Патриотические чувства – вид эмоциональных ощущений, не соотносимых с государственными структурами. Их вряд ли у нас кто-то любит, чаще их ругают, а реально к ним проявляют большую или меньшую лояльность. Тогда как любить страну, живущих в ней людей можно, поэтому данный индикатор следует интерпретировать как эмоциональный элемент именно гражданской идентичности. Другой проблемный аспект становления национально-гражданской идентичности - вопрос о ее векторе: модернизационном или же традиционалистском (в смысле роста великодержавных настроений и/или этнического национализма как идеи преобладания этнических интересов над всеми другими, в том числе интересами личности, граждан). Наши исследования, в которых были предусмотрены блоки вопросов, сформулированные так, чтобы выявить индикаторы этих процессов, показывают в данной связи следующее. Достаточно очевидно, что за общероссийской идентичностью скрываются, как минимум, различия социально-политических ориентаций и установки «разных скоростей» модернизационного процесса. При том, что 85% по всему массиву опрошенных считают себя гражданами новой России, 49% еще в разной мере чувствуют себя советскими людьми. В большинстве регионов ими ощущают себя 15-26% населения, это, главным

[1] Теорема Томаса – описание феномена социального взаимодействия, данное американским социологом У. Томасом: «Если человек определяет ситуацию как реальную, то она станет реальной по своим последствиям». Например, если вкладчики, боясь, что их банк прогорит, заберут оттуда свои деньги, он действительно прогорит.

образом, старшее поколение[1]. Но если какая-то часть россиян еще и ностальгируют по прошлому, то уже немало и тех, кто ассоциируют себя с людьми, разделяющими европейские ценности. Таких в целом по массиву 36% (в Приморье их 22%, в Воронежской и Саратовской областях – 29%, в Томской и Свердловской – 57%). Наконец, практически половина граждан в изучаемых регионах – 48% (в том числе порядка 21% в значительной степени) ассоциируют себя с теми, кто добились успеха в современных условиях. Памятуя о российской привычке больше критиковать себя, а не хвалить («не высовывайся!»), это очень неплохие показатели.

Тем не менее *идентичность россиян в современных условиях достаточно противоречива*. Упомянутым оценкам сопутствуют и традиционалистские ценности, причем не как дань уважения к традиции, к прошлому, а в виде представлений, тормозящих переход к пониманию современного образа жизни в глобализирующуюся эпоху. Об этом, например, говорит убежденность 78% респондентов в том, что «надо родиться в России», чтобы быть россиянином, а 84% полагают, что для этого надо «прожить в России большую часть жизни» (свыше 50% считали и то и другое очень важным). Между тем представление о свободном перемещении и мобильности – один из важных показателей современной жизни, модернизации. Конечно, возможно, что на позицию респондентов по данному вопросу влияет факт усиливающегося потока иноэтничных мигрантов: далеко не все россияне привыкли к таким процессам. Но это обстоятельство не должно скрывать традиционалистскую подоснову подобных представлений – ориентацию на этническую замкнутость. Об этом свидетельствует коррелирующая ориентация на то, что россияне должны быть русскими (46% респондентов) или православными (58% по массиву в целом).

В самом обобщенном виде характеристика формирующейся гражданской идентичности жителей России может быть дана так. В настоящее время она, во-первых, достаточно противоречива: *в ней соединены традиционалистские и модернизационные тренды*, а во-вторых, *отягощена государственническими (в институциональном смысле) стереотипами*, которые – пока, правда, больше на эмоциональном уровне – начинают трансформироваться в представления о подлинном гражданско-национальном единстве.

Говоря о перспективах гражданской интеграции россиян, можно утверждать, что в ближайшем будущем здесь не должно произойти существенных подвижек. Система властных отношений вряд ли изменится, так что существующее направление идеологических воздействий на общество сохранится. Демократические оппозиционные силы в настоящее время достаточно слабы, чтобы изменить вектор идеологического влияния. Что же касается национально-патриотического течения оппозиции, то, как показывает анализ соответствующих Интернет-сайтов, публикаций в газете «Завтра» и журнале «Наш современник» и т.п., его представители в основном склонны считать, что власть прислушалась к их голосу (о том же говорят и евразийцы в лице А. Дугина). В таком контексте можно предполагать, что консолидация основной части населения будет происходить на основе оборонного сознания. Ведь 63% респондентов в целом по массиву считают, что «западные страны ставят целью ослабить Россию». Различия по регионам вокруг этой доли очень небольшие, лишь в Воронежской области эти настроения заметно сильнее (74%). Скорее всего, это связано тут с значительной долей сельского населения и худшим, чем в ряде других регионов, экономическим положением. Правда, одновременно пойти на снижение жизненного уровня во имя сохранения военной мощи готовы совсем немногие – 12% (от 7 - 11% в Калининграде, Приморье, Саратовской области, до 21% – в Свердловской области, возможно, в связи с тем, что здесь особенно пострадала значимая для региона военная промышленность).

Рецидивы психологии «осажденной крепости» придадут процессам формирования национально-гражданской идентичности изоляционистский и антимиграционный оттенок. Ведь в настоящее время 44% граждан полагают, что «проникновение другой культуры и языка вредит населению» (различия по регионам незначительны). Примерно такое же коли-

[1] Общественное мнение - 2006. Аналитический Центр Юрия Левады. М., 2006. С.18.

чество респондентов – 43% – во-первых, придерживаются в той или иной мере позиции, что Россия должна быть страной для русских, а во-вторых, согласны с мнением, что «национальность всегда будет разъединять людей». Около 90% во всех регионах не желают принимать у себя людей другой этнической принадлежности, не хотят видеть в мигрантах потенциальных граждан страны. Причем такие настроения имеют место как в центральных (Саратовская и Свердловская области), так и в пограничных (Калининград, Приморье) районах. Подобные данные иногда упрощенно трактуются как нарастание националистических настроений в противовес мотивам гражданской интеграции. Для такой оценки, конечно, есть основания. Пережитые в поздне- и постсоветское время этнические вызовы, массовые национальные движения в СССР и в Российской Федерации, военные действия и постконфликтная ситуация в Чечне и другие события травмировали этнонациональное сознание русского населения. Тем не менее более детальный анализ взглядов респондентов позволяет говорить о том, что *за негативными подходами к консолидационным процессам стоят преимущественно либо сугубо констатационные, либо антииммигрантские установки.* Подтверждение тому:

- готовность большинства респондентов работать с коллегами иной национальности: такого мнения придерживаются порядка 53-65% по стране;
- позитивное отношение к межнациональным супружеским союзам, которые в целом одобряют 56% россиян, а с какими-то оговорками – 18%;
- достаточно высокая доля тех, кто просто готовы контактировать с иноэтничными соседями и иметь среди них близких друзей (порядка 38%).

Наконец, характер претензий к мигрантам большинства населения также говорит об их в первую очередь социально-экономическом, а не этническом характере. Главные проблемы с приезжими ассоциируются у большинства опрошенных с конкуренцией на рынке труда (свыше 80%) и жилья (50-60% и выше), а также с трудностями адаптации мигрантов (50-70%). В наибольшей мере такого рода проблемы волнуют жителей Воронежской и Свердловской областей и Приморья, т.е. там, где миграционное давление ощущается сильнее.

В настоящее время и федеральный Центр, и субъекты Федерации принимают меры по урегулированию миграции, но общественные настроения быстро изменить не удастся. Поэтому ощущение недружелюбия к мигрантам, усиливаемое реальными потребностями развития сферы обслуживания и экономики, будет подпитывать общественную фрустрацию, которая, естественно, найдет отражение в травматических формах групповой идентичности.

Наконец, следует сказать, что региональные консолидации на данном историческом этапе станут не столько противостоять, сколько подпитывать национально-гражданскую идентичность. Регионы становятся значимым ресурсом корректировки социальных взаимодействий. Чем больше будет доверия к федеральной и региональной власти, ощущения, что люди на местах участвуют в принятии важных для них решений, тем надежнее окажется совместимость этих идентичностей у широкого круга граждан.

Б.В. Дубин (Левада-Центр, Москва)

Координата будущего в общественном мнении

Проблематизацию категории «будущее», возникновение проблемы будущего в поле интеллектуальной работы, а затем и в массовом сознании, коллективном образе чувств и мыслей в ряде «передовых», «продвинутых» обществ Запада (потом их назовут «развитыми») правомерно связывать с глубокой перестройкой механизмов социальной и индивидуальной регуляции. Речь идет о растущей значимости, даже о приоритетности механизмов целеполагания и целедостижения в структурах социального действия и взаимодействия. В этом смысле отмеченный процесс сосредоточения на перспективных координатах поведения как социальный, более того – массовый феномен характерен прежде всего для Нового времени, а может быть, и еще уже – для модерной эпохи[1]. Условное начало группового осознания этого проблематического момента можно датировать, с одной стороны, активным обращением к

[1] См.: Zarifian Ph. Temps et modernité: le temps comme enjeu du monde moderne. P., 2001.

идее и жанру утопии в европейской словесности Возрождения, барокко, романтизма, а позднее, уже в буржуазную эпоху, – с развитием жанра научной фантастики и, еще позже, фэнтези. С другой – отмеченной точкой в данном плане рассуждений выступает теоретическая разработка категории «воображение» у Канта, Шиллера, йенских романтиков, Колриджа, Э. По в связи с проблематизацией центральной для модерна категории человеческой субъективности[1]. Утопия при этом заступает место традиции, значение которой в регуляции поведения и организации коллективного опыта, напротив, слабеет[2]. Впрочем, столь же активной и последовательной рационализации средствами письменной культуры и примерно в тех же хронологических и географических рамках подвергается и традиция, прошлое. Одним из специализированных инструментов этой рационализации становится история как научная дисциплина, а затем, вслед за ней и по ее образцу, этнография и археология традиционных обществ и культур; взаимовлияние форм письма и форм истории – отдельная тема ретроспективного исследования[3].

Данный процесс движется и многократно ускоряется по мере рационального осознания и последовательного артикулирования элитами, а затем и на массовом уровне гетерогенности социальной реальности, разнохарактерности обществ, как современных, так и архаических, экзотических и др. В данном конкретном случае речь идет о фиксации и выражении разновременности, наличия и взаимодействия в социальном и индивидуальном опыте нескольких различных планов или типов времени (времени ритуала, повседневной жизни, праздника, воспоминания, ожидания, ностальгии, фантазии, сна). С пониманием упомянутой разнородности коррелирует растущее значение субъективности в обществах Нового времени – в познании, социальном действии, экономике, политике, законодательстве, искусстве и проч.

Сферой условной, игровой реализации способностей автономного и вместе с тем социабельного субъекта выступает при этом воображение, относимое как к прошлому (память), так и к будущему (надежда). Короче говоря, здесь фиксируется сознание социальных и культурных перемен (изменчивости) и значимой категории выбора (альтернатив), а соответственно, – ключевая инстанция (фигура) сознательного и деятельного, свободного, самоответственного и социально-ориентированного субъекта.

Социальное время я вслед за Ю.А. Левадой буду трактовать как последовательность социальных действий или фаз социального действия (циклы, ритмы); культурное время – как соотношение значений типов (слоев, пластов) этих действий[4]. Развитость категорий времени и, в частности, будущего времени в этой логике – выражение сложности социальной морфологии общества, ее «глубины», устойчивости и одновременно гибкости, динамизма. Будущее (как и прошлое) выступает областью мысленного обобщения координат и оценок социального действия, генерализации и универсализации коллективного опыта, в том числе и в первую очередь – согласования интересов, идей, значений, относимых в рефлексии к прошлому, настоящему и будущему: фиксация и измерение времени – это фиксация и измерение согласованности/рассогласованности времен, отмеченной точкой которых так или иначе выступает настоящее[5]. При этом в сфере настоящего действие институциональных и ролевых структур для массового сознания как бы скрыто, выделяется лишь зона «своего» поведения. Здесь каждый, можно сказать, «меряет по себе». Собственное действие, программа поведения ясны, очевидны актóру либо потому, что рационализированы и учтены им, либо –

---

[1] См.: Старобинский Ж. К понятию воображения: вехи истории // Он же. Поэзия и знание: История литературы и культуры. Т. 1. М., 2002. С. 69–84.

[2] Подробнее см.: Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990; Утопия и утопическое мышление / Под ред. В. Чаликовой. М., 1991.

[3] См.: Certeau M. de. L'écriture de l'histoire. Paris: Gallimard, 1975, в частности вводную главу этой книги «Разновидности письма, разновидности истории» (http://www.ruthenia.ru/logos/number/2001_4/02.htm#_ftn6).

[4] См.: Левада Ю. Статьи по социологии. М., 1993. С.41 и далее; Он же. Исторические рамки «будущего» в общественном мнении // Он же. Ищем человека: Социологические очерки, 2000–2005. М., 2006. С. 62–75.

[5] Реконструируя этот механизм обращения и приурочивания времен, Августин («Исповедь». XI, XX. 26) говорит про «три времени – настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего». Августин А. Исповедь / Пер. с лат. М.Е. Сергеенко. М., 2000. С.222.

и гораздо чаще – потому, что они для него привычны. Так или иначе, они воспринимаются им как индивидуальные, свои.

В сферах же воображения (отнесения в прошлое или будущее) рамки для массового сознания задаются действием ролевых структур и базовых институтов, прежде всего – репродуктивных, связанными с их взаимодействием конструкциями значимых и общезначимых «исторических» событий, а с другой стороны, с переводящими, транспонирующими их в категории опыта нормативными (по преимуществу аскриптивными) схемами типового жизненного сценария, выстроенными по осям «детство – юность – зрелость – старость», «мужское – женское». Соединение таких стандартных жизненных сценариев с предписаниями базовых институтов (универсальными требованиями ролей, дифференцированными фазами действия, ритмами их смены и повторения) собственно и задает динамику индивидуальных жизненных проектов (биографий), коллективных действий тех или иных социальных групп, движений и т.п.

В этих рамках я бы аналитически выделял несколько конструированных типов будущего по формам и модусам их соотнесенности с настоящим:

- *будущее как ухудшение – готовность к худшему, порча*. Предлагается видеть за этим установки и оценки маргинализируемых, стигматизируемых групп;
- *будущее как продолжение «такого же» – инерция*. Можно трактовать это как расчет на нормальную, так или иначе привычную работу основных институтов в модальности либо улучшения, либо опаски и предупредительной осторожности («Лишь бы не было хуже»). Для сравнительно-типологического анализа важны различия в характере этих основных институтов (в их основе и повседневной деятельности преобладают значения мобилизационные, адаптивные, консервативные, достижительские, неотрадиционалистские, самоорганизующиеся и саморегулирующиеся) и в инстанциях, наделенных способностью инициативы и ответственности, либо, напротив, приспособления и ускользания от ответа. В целом так можно характеризовать сознание «среднего среднего» большинства;
- *будущее как сфера решения проблем прошлого* (в том числе – настоящего, но ретроспективно представленного уже как прошлое), т. е. ориентация на достижение и проекция связанных с этим проблем в зону неопределенности, будь то в позитивном или негативном залоге. Так можно характеризовать сознание новых и восходящих социальных групп;
- *открытое будущее – сфера нового*, неожиданного, неопределенного, ей соответствует категория выбора, способность к сознанию перемен, переломов и к рационализации их характера, глубины, последствий (собственно, сознание модерности). Способность выбора между различными альтернативами определяется ключевыми установками на самостоятельность, состязательность, солидарность (но прежде всего – активность, «В начале было дело» – гётевского Фауста), которые лежат в основе модерных обществ, их базовых, модельных институтов.

В концептуальном плане я бы предложил связывать наличие/отсутствие, развитость/слабость представлений о будущем в сознании и действиях различных групп социума, в том числе – его предсказуемости/непредсказуемости, со следующими комплексами значений и обстоятельств как независимыми переменными анализа:

- со степенью дифференцированности социума, нарастанием в нем многообразия самостоятельных, специализированных институтов и существованием независимых, конкурирующих элит (включая художественные), вырабатывающих и выносящих в публичное поле различные сценарии будущего, создающих и рационализирующих, рафинирующих «языки» обсуждения будущего, а соответственно, с наличием различных, независимых, конкурирующих каналов коммуникации между различными группами и слоями социума;
- со степенью плотности внутри- и межгрупповых коммуникаций в актуальном обиходе различных групп и слоев, иначе говоря, со степенью их открытости/закрытости;

- с уровнем институционального или системного доверия в различных группах социума[1];
- со степенью аскриптивной жесткости или принципиальной вариативности типового жизненного сценария (обобщенно говоря, значимостью «игры») в различных группах социума, в коммуникациях между ними, между поколениями и т.д.

Социологи, как правило, имеют дело с эмпирическими свидетельствами о первых трех из перечисленных выше аналитически выделяемых типах будущего – действием на массовое сознание, соответственно, механизмов порчи, инерции, проекции. Область «открытого», непредсказуемого будущего крайне редко становится актуальной для обычного сознания – разве что в детстве, отрочестве, юности. Чаще ее появление сопровождает экстраординарные состояния общего перелома (катастрофа, война) либо выносится в область фантазирования (сны, игра, искусство). В этом последнем случае художник, подчеркивая смысловые дефициты и напряжения в настоящем, нередко оказывается указчиком и отгадчиком будущего.

Про массовое сознание современной России допустимо сказать, что в своем большинстве россияне придерживаются представлений о времени и о будущем времени как о механизме инерции или результате порчи. Излагая свои прожективные представления о российском обществе через десять лет, россияне прежде всего сосредоточиваются на характеристиках ухудшения и на моментах коллективной (государственно-национальной, семейной) идентичности, способных, по их оценкам, хоть как-то сдержать, смягчить или снизить разрушительное воздействие времени. Преобладающая часть – в среднем, около трех пятых – взрослых россиян год за годом не чувствуют уверенности в завтрашнем дне. Опять-таки до трех пятых российского населения, по их свидетельству, могут представить будущее себя и своей семьи не далее чем на ближайшие месяцы.

Таблица 1

Каким вы представляете себе российское общество через 10 лет? Что из перечисленного в этом списке может соответствовать тому, что будет тогда в России? (в % от числа опрошенных; приводятся лишь наиболее значимые позиции) (2008, N=1600).

Возможные тенденции	%
Богатые станут богаче, а бедные – беднее	38
Деньги будут играть всё большую роль, люди будут более расчетливыми	34
Россия будет играть все большую роль в мировом сообществе	30
Возрастет значение семьи	25
Людям старших поколений станет всё сложнее понимать общество	24
Возрастет число людей, неспособных поддерживать свое материальное и социальное положение	24
Общество станет более холодным, эгоистичным	23

Таблица 2

На какой срок вы в состоянии ясно представить себе будущее своей семьи, свое собственное будущее? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1997, 2400 чел.	1998, 2400 чел.	1999, 1600 чел.	2009, 1600 чел.
Не более чем на один день	17	23	26	13
На ближайшие недели	19	24	21	17
На ближайшие месяцы	25	23	21	25
На год-два	16	14	15	22
На три-пять лет	5	4	4	10
На шесть-десять лет	2	1	1	2
Более чем на десять лет	1	2	2	2
Затрудняюсь ответить	15	9	10	9

[1] Подробнее об этой важнейшей категории см.: Eisenstadt S.N. Power, Trust, and Meaning. Chicago, 1995; Luhmann N. Trust and Power. Ann Arbor: UMI, 2007; Селигмен А. Проблема доверия. М., 2002; Левада Ю.А. Механизмы и функции общественного доверия // Он же. Ищем человека. М., 2006. С. 177–186.

Таблица 3

На сколько лет вперед вы можете планировать свое будущее? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1991, 2000 чел.	2001, 1600 чел.	2006, 1600 чел.	2007, молодежь, 2000 чел.
На много лет вперед	2	2	2	5
На ближайшие пять-шесть лет	3	6	10	15
На ближайшие год-два	16	34	34	48
Не знаю, что будет даже в ближайшие месяцы	62	53	48	29
Затрудняюсь ответить	17	5	6	3

Ощущение стабильности, всегда ненадежной и быстро сменяющейся напряжением, конфликтами, ухудшением ожиданий, в лучшем случае увеличивает среди респондентов долю тех, кто может планировать свое будущее на год-два вперед и не более того; в подобных случаях особенно заметен рост данного показателя у молодежи.

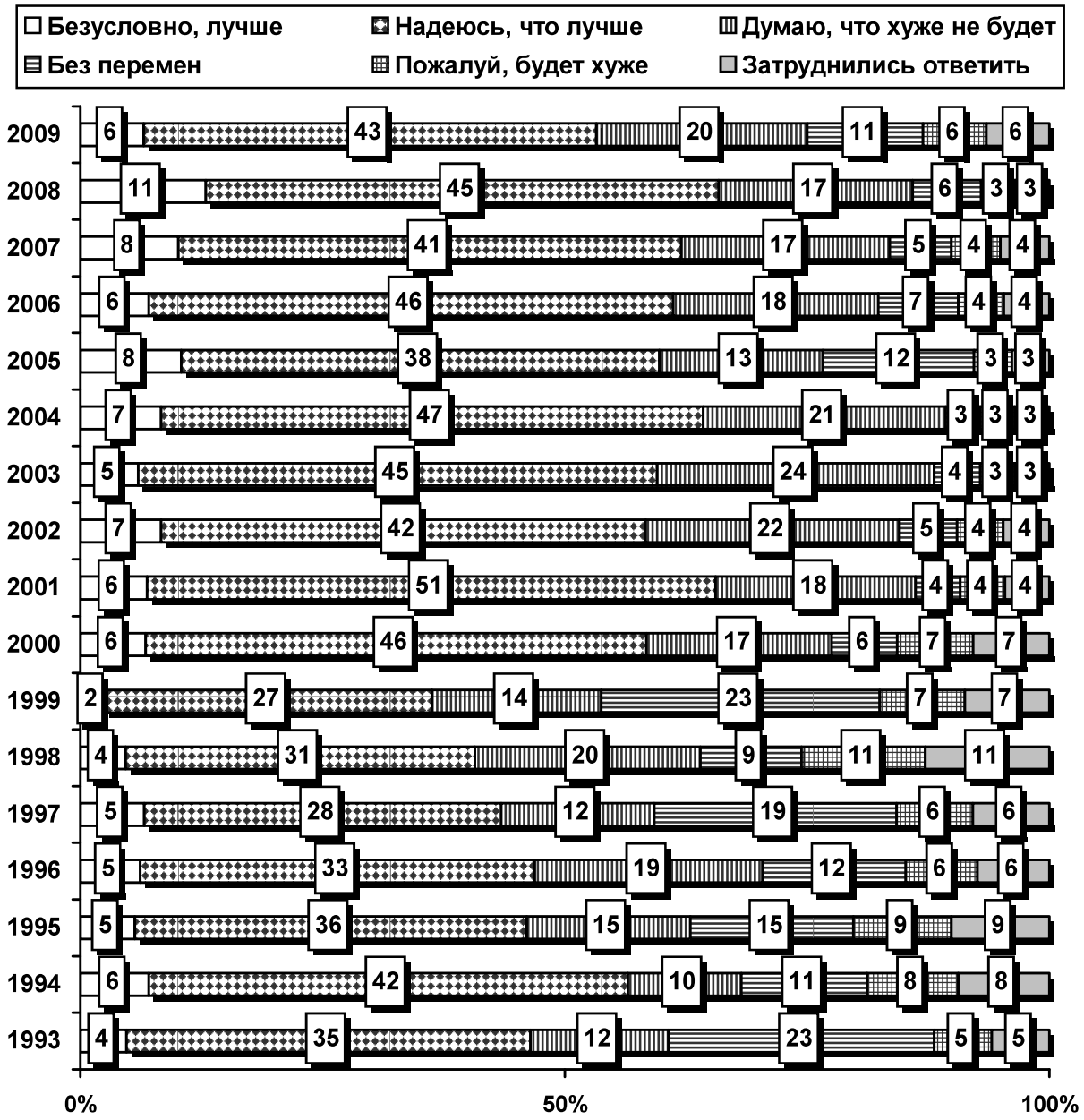
Так относительная стабилизация материального положения в большинстве российских семей и даже известное улучшение его накануне последних парламентских и президентских выборов в стране привели к некоторому укреплению веры в будущее. Больше того: поскольку источником стабильности в настоящем и уверенности в будущем для большинства россиян выступает исключительно верховная власть, относительное улучшение ожиданий на предстоящий год вообще чаще всего связано для наших респондентов с электоральными циклами. Однако подобное улучшение, как правило, длится недолго (См.: Рис.1). К примеру, относительно благополучная ситуация 2007 – начала 2008 гг. начала заметно ухудшаться с осени 2008-го после объявления о наступлении экономического и финансового кризиса в мире и в стране. Соответственно, с октября-ноября 2008 г. у большинства россиян стало укрепляться ощущение, что тяжелые времена – как казалось большинству еще весной 2008 г., уже пройденные – напротив, еще только предстоят. Иными словами, большинство вернулось к стандартным ожиданиям и оценкам будущего как области ухудшения.

При этом россияне, более уверенные в своем будущем, чаще других выступают за сохранение нынешнего положения дел, и наоборот. Иными словами, будущее даже наиболее успешными россиянами рассматривается по преимуществу как продолжение настоящего, инерция, в лучшем случае – удержание нынешнего состояния. Характерный пример: за теперешнюю партию власти на последних выборах в московскую городскую Думу 2009 г. активнее голосовали именно те, кто сумел улучшить свое положение к настоящему времени и, как можно полагать, надеется подобным голосованием гарантировать сохранение статус-кво.

Интерпретация материала. Как представляется, решающие факторы того, что массовые представления россиян о будущем, как правило, настолько негативны, а улучшения в данной сфере оказываются ненадежными и краткими, определяются всем ходом социальной жизни и принципиальной структурой российского социума последних десяти-пятнадцати лет. В частности важную роль здесь играет отсутствие сколько-нибудь самостоятельных, конкурирующих и влиятельных элит, последовательное упрощение и фрагментация общества, неавторитетность средств массовой коммуникации (при регулярном и продолжительном телесмотрении). Сознание разрыва – и ширящегося разрыва – между «верхами» и «низами», между успешным, богатым меньшинством и привыкшей к мало- или среднеобеспеченному существованию массой укоренилось в населении, однако авторитетности власти, богатства, способностей, интеллекта в обществе по-прежнему нет. Соответственно, нет и образцов поведения, сколько-нибудь влиятельных для больших социальных групп, слоев россиян. Опросы о героях года, влиятельных политиках, журналистах и массмедиальных фигурах, художественной интеллигенции и т. д. демонстрируют абсолютное лидерство властного тандема, на фоне которого любые другие, всегда разрозненные имена собирают не более нескольких процентов опрошенных. Такая же ситуация – в потреблении периодической печати: влия-

тельных общенациональных газет, тем более журналов, в стране нет, преобладает интерес исключительно к местной еженедельной прессе.

Рис.1. Каким для вас будет наступающий год в сравнении с минувшим?



О слабости институционального и системного доверия в российском обществе последних десятилетий не раз писали социологи, включая автора настоящих строк. Россияне не рассчитывают (в обоих смыслах – не могут ни рационально калькулировать, ни полагаться на основании предшествующего опыта) на позитивное взаимодействие с представителями каких бы то ни было институтов нынешнего российского социума. Характерные для большинства россиян представления о тотальной коррумпированности этих институтов от ЖКХ до высших чиновников – оборотная сторона недоверия к ним.

В подобных условиях общей и устойчивой стратегией большинства населения, наиболее крупных социально-демографических групп остается адаптация от противного со всегдашней установкой на возможное понижение («Как бы не было хуже»).

Таблица 4

Как изменилась за минувший год ваша уверенность в будущем?
(в % от числа опрошенных) N=1600

Год оценки	Укрепилась	Осталась такой же	Ослабла	Ее не было и нет	Затруднились ответить
2004	13	44	26	14	2
2005	13	52	21	12	2
2006	16	57	17	9	2
2007	24	56	14	4	2
2008	11	51	32	6	1
2009	13	52	24	9	2

Таблица 5

Мы переживаем сейчас самые тяжелые времена, или они уже позади, или еще впереди? (в % от числа опрошенных) N=1600.

Вариант ответа	1992	1998	2008			2009
	янв.	сент.	апр.	нояб.	дек.	март
Переживаем их сейчас	21	27	15	25	24	23
Они уже позади	1	6	43	18	16	11
Они еще впереди	73	58	27	45	52	55
Не знают, затруднились ответить	5	9	15	12	8	11

Соответственно, преобладающая часть (от двух третей до четырех пятых) россиян раз за разом признается социологам в неспособности влиять на положение дел у себя на работе, в районе, городе, стране, где они живут, – в невозможности позитивно рационализировать собственное поведение, улучшить условия жизни, повысить результативность своих действий, оптимизировать ситуацию в целом.

Невозможность влиять на положение дел, причем в немалой степени – даже в рамках семьи и ближайшего круга родных-близких (разрыв поколений и др.), – демпфируется и компенсируется в массе россиян за счет усиления жесткости нормативного жизненного сценария, подавления механизмов достижения, дифференциации, увеличения многообразия. Отсюда – преобладающая в российском социуме установка на понижающую адаптацию, принятая большинством россиян эскапистская конструкция социального «алиби» (жизни как бы вне актуального пространства и времени), чувство зависти к социальным «другим» и мера по привычному для «всех» скромному, а то и скудному уровню как средство коллективного контроля и самоконтроля (самоконвоирование).

Положение и роль молодежи, в том числе более успешной молодежи, в социуме подобного устройства, ее несколько большие возможности и некоторые реальные достижения принимаются большинством соотечественников разве что как аскриптивные допущения в рамках данной фазы жизненного цикла (по традиционалистской модели – «перебесятся»). Характерно, что у самой молодежи, даже наиболее благополучной, успехи, если они есть, сопровождаются привычным ощущением неуверенности и незащищенности[1]. Это, конечно, предельно далеко от самочувствия и социальной практики, скажем, европейской молодежи начальных периодов модернизации – например, членов обществ типа «Молодая Германия», «Молодая Польша», «Молодая Венгрия» и тому подобных на протяжении XIX в. (ср. их самосознание, еще в начале модерна афористически выраженное Новалисом: «В наших силах сделать мир другим»[2]).

---

[1] Подробнее см.: Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н. «Средний класс» as if: мнения и настроения высокодоходной молодежи в России // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 3. С. 27–41.

[2] Сегодня подобное ощущение избранников ушло по преимуществу в типовую рекламу с ее самоподбадриванием: «Будущее – в твоих руках», «Все тебе подвластно» и т. п. Оба эти контрастных смысловых плана ежедневно сосуществуют в реальности теперешней России

Сегодняшнюю Россию скорее можно назвать страной без будущего – без сколько-нибудь артикулированной авторитетными элитами и принятой основными группами перспективы. После конца больших утопий XX в. и связанного с ними мессианистского подъема в массе населения и большинстве «продвинутых» групп страны преобладают установки на самозащиту, социальную консервацию, символическую компенсацию – образы «врагов», идеи «особого пути», ностальгия по воображаемому державному прошлому и т. п. Хронические проблемы социокультурного устройства России – задачи системной инновации, гратификации достижений, репродукции качественного уровня – остаются нерешенными. Эту ситуацию многократно осложняет продолжающееся сохранение большей части огромной страны в статусе гигантской периферии, которая, с одной стороны, в изобилии поставляет во властный и богатый ресурсами центр соответственно социализированный «человеческий материал», а с другой – гасит либо трансформирует «с точностью до наоборот» какие бы то ни было императивы и импульсы, идущие из центра.

Т.А. Дубровская, д.ист.н.; В.Е. Макаров, к.воен.н. (РГСУ, Москва)

Патриотизм как фактор Победы, безопасности и устойчивого развития России

Так что же это за феномен «патриотизм?» Под патриотизмом принято понимать любовь к своему Отечеству. Как всякое общественное отношение, патриотизм реализуется в деятельности, представляющей собой определенную социальную ценность, в деятельности, отвечающей интересам общества, которые чаще всего формулируются государством и его институтами. Носителем патриотизма как деятельности является народ и составляющие его люди. Поэтому патриотизм в деятельностном смысле часто персонифицируется как характеристика личности, что, конечно, не исключает коллективной патриотической деятельности. Более того, патриотизм – всегда коллективное действие или действие в коллективе, общественности, – ведь, как говорят, – «Один в поле – не воин». Поэтому патриотизм всегда общественное социальное явление.

Заметим, что патриотизм иногда не вполне правомерно отождествляют с героизмом, т.е. с отдельным или несколькими поступками, входящими в разряд необычных, совершаемых опять же во имя высоких социально-одобряемых целей. Возможен и массовый героизм, но чаще речь идет о героизме индивидуальном. Конечно, героизм есть следствие патриотизма, если в патриотизме видеть не поведение, а мотивы. В одной из песен советских времен были такие слова: «Когда страна стать прикажет героем, у нас героем становится любой». Ситуация, когда героизм проявлялся при исполнении приказа, не была редкой, но быть героем когда прикажет страна, или стать героем может любой – это совсем не одно и тоже. Были, конечно, на войне случаи, когда Звезду Героя Советского Союза получали люди, которые по своей биографии, поведению мало соответствовали общественным представлениям о личности героя. Но это были исключения. Помнится, один литературный персонаж советского времени говаривал: «Героизм состоит в том, чтобы хотя бы один день прожить честно».

В своем первичном семантическом значении патриотизм (от позднелат. patrios) означает принадлежность к отцам, что указывает на совпадение смыслового наполнения данного термина с чувствами и отношениями, которые складываются внутри семьи между родителями и детьми. Первичный патриотизм племени или рода, живущего собирательной кочевой жизнью, основывался на кровном родстве между членами небольших общинных групп и получал свое активно-деятельностное воплощение в родительской заботе о безопасности и благополучии своих детей. При переходе к оседлому образу жизни понятие «патриотизм» существенно расширяется, приобретая новое специфическое значение, – любовь к родной земле, родному дому, месту, где рождались, жили и умирали целые поколения представителей той или иной общины. С появлением и активным ростом городов значение патриотизма как любви к родной земле начинает ослабевать. Однако в городском быту развивается новый элемент патриотизма – привязанность к определенной этнокультурной среде, ощущение сопричастности с жизнью крупного социального организма. Вместе с тем с XVIII в. понятие

«патриотизм» приобретает современное значение – любовь к Родине, которое определяется неизбежным семантическим давлением латинского корня patria, и последовательно привязывается к понятиям «нация» и «гражданство». Проявление государственного патриотизма было востребовано в связи с необходимостью консолидации усилий для создания национальных государств, укрепления различных форм государственной власти. На базе национального патриотизма стало возможным объединение в единую общность людей с разными религиозными и социально-политическими представлениями, этнической и расовой принадлежности. Теоретические основания государственного патриотизма были разработаны в трудах Г. Гегеля. Гегелевское понимание патриотизма означает, что государство как высшая форма организации и высшая ценность выступает главным объектом возвышенных чувств и помыслов личности и общества. Осмысление патриотизма в русле создания национальных государств предполагает проявление его субъектами чувства национальной гордости за Родину, активное участие в укреплении государства и государственности как первоочередного условия развития общества и личности, эффективного санкционирования социальных институтов. Таким образом, патриотизм в современном мире становится той идеологической основой, на которой множество индивидуумов с различными интересами объединяются вокруг смыслообразующей идеи государственности и формируют ядро национального государства – нацию.

Следовательно, исходя из исторической и психосемантической природы исследуемого феномена можно сделать вывод, что патриотизм – это социально-психологическое свойство личности, сформированное на архетипических образах, заложенных в исторической памяти нации и получающее свое сущностное развитие в процессе социальной самореализации человека, идеологическая основа объединения людей различной этнокультурной принадлежности с различными религиозными, социально-политическими взглядами вокруг смыслообразующей идеи национальной государственности.

Таким образом, в мировоззрении российской нации понятие «патриотизм» формируется на основе таких устойчивых архетипов, как:

- коллективизм, выраженный в подчинении личных, индивидуальных интересов интересам народа, готовности к самопожертвованию во имя общего блага;
- служение персонифицированному образу сильной централизованной власти;
- воинская доблесть, аккумулированная в образе воина-защитника;
- самоуважение, гордость за свой народ, обусловленные идеями мессианства.

Все вышеперечисленные архетипы составляют идеологическую основу формирования российской нации вокруг тех или иных смыслообразующих идей государственности. При этом следует учесть, что для нации, сформированной при приоритете этнокультурных особенностей, гораздо более серьезной угрозой является не утрата рациональных политических идей государственности, но потеря ценностного стержня ее существования. Иными словами, российская нация сможет пережить потерю политических причин существования государства, как это не раз происходило в отечественной истории. Однако если сохраняется преемственность ценностно-культурных ориентиров, аккумулированных в исторической памяти, то сохраняется скрепляющая основа российской нации, которая, будучи адаптирована к изменяющимся историческим условиям, создаст необходимую идеологическую базу для нового государственного устройства. Патриотизм, таким образом, служит интегральным показателем, который отражает основные ценностные параметры самоидентификации российской нации. Следовательно, уровень патриотических чувств населения России как социально-психологического качества каждой личности является своеобразным мерилом жизнеспособности российской нации в конкретных исторических условиях внешних цивилизационных и внутренних субъективных вызовов.

Итак, патриотизм в его активно-деятельностном проявлении возникает в виде поведенческих установок. Патриотические чувства воспитываются и развиваются в процессе получения знаний по истории, культуре своей Родины и преломляются через личное восприятие человека, создавая устойчивый образ, формируя мировоззрение по отношению к тем или иным

событиям прошлого, а значит настоящего и будущего. Основывается личное восприятие на тех мнениях, оценках, духовных и этических истинах, которые человек может почерпнуть из доступных внешних источников информации и коммуникации. Все познается в сравнении – в сравнении с обобщенным опытом исторического прошлого, опыта окружающих людей, собственными теоретическими знаниями.

С.Н. Ермоченко, канд. культурологии (СГТУ, Саратов)

Генезис патриотизма в контексте российской воинской культуры

Сегодня в России имеет место противоречие между интересами и требованиями военной службы (как одного из видов государственной службы) к личности и существующим уровнем подготовки граждан к служению Отечеству. Но в современной исследовательской литературе вопросам изучения воинской культуры, вопросам использования огромного потенциала воинской культуры на службе развития личности не уделяется достаточного внимания. Чаще в историческом контексте рассматриваются становление традиций воинского порядка, военного дела, военного искусства, военно-экономического потенциала, а анализ современного состояния проблемы практически отсутствует.

Боевая мощь армии не может ограничиваться лишь техническим развитием вооружений. В сражениях и битвах, боях и специальных операциях победу завоевывают люди. Они управляют техникой, от их боевого духа и отношения к долгу, патриотизма и самоотверженности, профессионализма и самоотдачи зависит решение поставленных задач. Высокий боевой дух и моральная сила военнослужащих формируются в течение долгого времени и связаны со многими сегментами социокультурной жизни страны. Они представляют собой результат сознательного целенаправленного воздействия социальных и культурных институтов на мировоззрение, интеллект, мораль и психику человека. Результаты призывных кампаний последних лет и проводимых мероприятий по переходу к комплектованию должностей солдат и сержантов военнослужащими, проходящими военную службу по контракту, показывают на изменение ценностных ориентаций призывников и военнослужащих. Размываются понятия «патриот», «воинский долг», «воинская честь». Недостаточно эффективно работает система патриотического воспитания в целом и военно-патриотического воспитания в частности. Это можно объяснить функциональной некомпетентностью многих современных общественных институтов, чья деятельность связана с осуществлением патриотического воспитания. Но самым главным препятствием на пути развития стратегий патриотического и военно-патриотического воспитания является отсутствие фундаментальной основы, которая объединила бы различные процессы усвоения, сохранения, развития и воспроизводства компонентов, составляющих российскую воинскую культуру. Несомненно, такой фундаментальной основой может выступать система многоуровневой подготовки граждан к служению Отечеству.

В государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006-2010 годы», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации 2005 г. № 422, подчеркивается актуальность и отмечается необходимость продолжения работы, направленной на решение всего комплекса проблем патриотического воспитания программными методами.

Исследования, посвященные возможностям воспитания человека-патриота, практически не учитывают влияния российского социокультурного процесса на интериоризацию ценностей патриотизма. Определенность и конкретность иерархии ценностей в сознании человека зависят от духовной атмосферы общества, его традиций, коллективных представлений и особенностей включённости различных групп населения в культурно-исторический процесс. Если в советское время патриотизм реализовывался в качестве идеи безальтернативного принятия идеала советской Родины и ненависти к ее врагам, то вряд ли возможно сегодня конституировать безальтернативное принятие современной России как идеала, и патриотизма как любви к России на этой основе.

Поэтому комплексное рассмотрение российской воинской культуры и формирование структурно-содержательных моделей многоуровневой подготовки граждан к служению Отечеству, бесспорно, актуально.

Патриотизм, как духовно-нравственная основа народа, рассматривается в работах философов Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, И.А. Ильина, Л.П. Карсавина, Н.О. Лосского, Ф.А. Степуна, Е.Н. Трубецкого, Г.П. Федотова, П.А. Флоренского, Г.В. Флоровского, С.Л. Франка. В понимании нравственного смысла военных действий отечественные религиозные философы полемизировали со взглядами на нравственное содержание войны Л.Н. Толстого и его последователей. В целом можно заметить, что размышления русских религиозных философов о войне и воинской культуре являются частью христианской этики, ищущей нравственное равновесие между универсальными христианскими ценностями и государственным патриотизмом.

Исторический контекст воинской культуры разрабатывается такими авторами, как О.А. Митько, А.Е. Мусин. В литературе широко представлен анализ составляющих частей воинской культуры: воинских ритуалов (К.Б. Раш, В.Д. Серых, В.Н. Ягодинский) и военного костюма (В.М. Глинка, Л.Е. Шепелев). В работах В.Н. Гребенькова и А.Б. Григорьева предпринимается попытка дать определение и выявить специфику современного состояния российской воинской культуры.

В отечественной литературе сложилась традиция рассмотрения военных действий в рамках философии и социологии войны. Сложная морально-нравственная перспектива, возникающая в ходе военных действий, т.е. проблемы насилия, формирования образа врага, вопросы войны и мира, является объектом исследования философии войны (А.Г. Дугин, В.С. Заболотный, А.Е. Снесарев). Социология войны уделяет большое внимание объяснению места и роли войны в системе социальных отношений, ее специфики как особого рода отношений между людьми, различными социальными общностями, государствами (В.В. Серебрянников). Вопросам взаимодействия различных социальных групп в армии, проблемам насилия и дискриминации в армии посвящены работы представителей саратовской социологической школы (И.Ю. Суркова, В.Н. Ярская).

Важным теоретическим направлением для диссертационного исследования являются анализ и разработка моделей военно-патриотического воспитания. Проблема формирования ценностных ориентаций и социальных установок военно-патриотической направленности у молодежи призывного возраста носит комплексный и междисциплинарный характер. Основы в разработке проблемы подготовки молодежи к защите Отечества были заложены А.В. Барабанщиковым, А.Н. Вырщиковым, В.Ю. Микрюковым, Е.Г. Радионовым, Н.С. Рейнгардт, М.И. Рожковым, Н.А. Савотиной. Специфику военно-патриотического воспитания раскрывают П.Ф. Агинов, В.Н. Гребеньков, М.Б. Кусмарцев, Т.С. Колябина, В.И. Лутовинов, В.К. Новик, А.И. Пятикоп. Однако необходимо отметить, что в работах данных авторов военно-патриотическое воспитание лишь номинально связано с общим культурным развитием. Важность ориентации военно-патриотического воспитания на культурные традиции в целом лишь констатируется, но не получает должной теоретической разработки.

Воинская культура социума как система складывалась исторически. Она выработала относительно устойчивые отношения между деятельными объектами в армии, которые призваны поддерживать в обществе такие важнейшие символические конструкции, как патриотизм, честь, служение, долг, подвижничество, преданность. Воинская культура предстаёт человеческим творением, поскольку воплощает опыт предшествующих поколений, включает в себя процессы усвоения, сохранения, развития и воспроизводства составляющих ее компонентов.

Одним из важных компонентов российской воинской культуры является базовое понятие – патриотизм. Без определенного уровня патриотизма невозможна и профессиональная мотивация военнослужащего.

Генезис патриотизма в России связан с представлением о служении народу и, прежде всего, служении воинском, при этом содержание понятия патриотизма в историко-

культурологическом контексте неоднородно и неоднозначно. В рамках отечественной религиозной философии существует традиция осмысления войны и военной службы в морально-нравственном контексте; война в ее интерпретации – не столько способ изменения политической реальности, сколько способ утверждения моральных и общекультурных ценностей. Воспитание патриотизма и воинских доблестей в мирное время есть условие сохранения нации и государства.

Эффективное военно-патриотическое воспитание невозможно без уважительного и бережного отношения к воинской культуре в обществе. В повседневной жизни военно-патриотическое воспитание и воинская культура не всегда взаимосвязаны, не носят социальной и культурной значимости, воспринимаются, скорее, как сегменты специфической военной профессиональной деятельности. Гуманистический пафос идеи служения Отечеству, лежит в основе и воинской культуры, и военно-патриотического воспитания. Воинская культура и военно-патриотическое воспитание — это два взаимозависимых и взаимоопределяемых элемента социокультурной среды.

В основании типологии современной отечественной воинской культуры лежит субкультура воинов или (как требует современное российское законодательство) военнослужащих. Носителями воинской культуры являются офицеры, прапорщики и мичманы, курсанты военных образовательных учреждений профессионального образования, сержанты и старшины, солдаты и матросы, проходящие военную службу по контракту, а также сержанты, старшины, солдаты и матросы, проходящие военную службу по призыву. Отдельные группы общества в определенные жизненные периоды могут становиться носителями воинской культуры. Наличие разнообразных групп общества, являющихся носителями воинской культуры, влечет деление воинской культуры *на официальный и неформальный виды.*

Основанием для типологизации официальной воинской культуры является место службы военнослужащего:

а) в видах Вооруженных Сил;

б) в родах войск;

в) в войсках, не входящих в виды Вооруженных Сил;

г) в других войсках, воинских формированиях и органах.

Дополнительным основанием для типологизации официальной воинской культуры является детализация места службы военнослужащего. Например, штабная культура, культура военного образования и науки, воинская культура в войсках (войсковая культура), воинская культура в военных комиссариатах.

Неформальная воинская культура существует как в армии, так и вне её. Так, до перехода на годичный срок службы, коллектив военнослужащих, проходящих службу по призыву, неформально делился на группы в зависимости от срока службы, с вытекающим от такого деления социальным статусом внутри воинского подразделения. Зачастую такое неформальное деление и неформальные (неуставные) взаимоотношения между военнослужащими приводят к так называемой «дедовщине» (издевательствам, унижению, выполнению работы за старослужащего и т. д.), что можно отнести к проявлениям воинской контркультуры, смыкающейся с преступной субкультурой. Вне армии неформальные элементы воинской культуры можно найти в ветеранских организациях и общественных объединениях.

Можно выделить следующие особенности (черты) официальной воинской культуры:

- высокая степень готовности к выполнению должностных (профессиональных) обязанностей;
- официальность в межличностных отношениях;
- высокий уровень требовательности и контроля со стороны командиров и начальников;
- высокий уровень профессионализма и ответственности;
- директивность в повседневной деятельности.

С точки зрения отношения к преобразованиям, российскую воинскую культуру можно охарактеризовать как замкнутую и традиционную в материальных и духовных символах.

Детальный анализ составляющих воинской культуры демонстрирует многомерность этого понятия, его связь с разнообразными сегментами общественной системы.

Для эффективного выполнения такой важной культурной функции, как воспитание, общество и армия нуждаются в определенных символах и знаках, составляющих основу воинской культуры в целом. Условно воинскую культуру можно подразделить на материальные основания и культурные символы. Особенность отечественной воинской культуры заключается в том, что и материальные основания и культурные символы неразрывно связаны между собой. Рассуждая о Боевом знамени или военной форме, невозможно оставить без внимания вопросы воинской чести и доблести, профессиональной подготовки и т.д. Материальные ценности воинской культуры являются воплощением духовных принципов служения Отечеству. Это тот случай, когда материальное прорастает духовным.

Итак, воинскую культуру социума можно определить как систему исторически сложившихся, относительно устойчивых отношений между деятельными объектами в армии, которая призвана поддерживать в обществе такие важнейшие символические конструкции как патриотизм, честь, служение, долг, подвижничество, преданность. Воинская культура предстаёт человеческим творением, поскольку воплощает опыт предшествующих поколений, включает в себя процессы усвоения, сохранения, развития и воспроизводства составляющих ее компонентов. Принципиально важной функцией воинской культуры является производство и воспроизводство составляющих ее элементов в ряде сменяющих друг друга поколений[1]. В России подобную функцию может и должно выполнять военно-патриотическое воспитание, основанное на отечественной воинской культуре.

Во все времена смысловое поле патриотических ценностей пересекалось со смысловыми полями религии, морали войны и мировоззренческими идеями современников. Война – сложное социально-политическое и непростое нравственное явление, затрагивающее фундаментальные ценности и принципы развития культуры. Является ли война абсолютным злом? Как, убивая на войне, не стать убийцей? Во́ину необходимы такие эмоции, такая нравственная система человеческих и воинских добродетелей и ценностных ориентиров, которые переломят все ужасы и страхи войны. Найти их, обосновать, построить систему воспитания, найти механизмы передачи ценностей и, прежде всего, ценностей патриотизма, передать их во́ину воспитанием в мирное время – задача гуманитарных наук, задача общества.

Можно выделить три основных мировоззренческих подхода к войне – пацифизм, апологетика и плюрализм. Первый подход категорически отвергает войну, считая ее пережитком варварства. Такое отношение характерно для гуманистической традиции Возрождения (Эразм Роттердамский), для эпохи Просвещения (Гольбах, Гельвеций, Руссо), для Канта, и было выражено в популярном жанре трактатов о вечном мире. В рамках этого же направления можно указать теории ненасилия и пацифизма, положенные в основу многочисленных антивоенных организаций и движений.

Апологетика считает, что война сыграла исключительно благоприятную роль в становлении человеческой культуры, способствовала прогрессу, воспитывала сильные жизнеспособные поколения и помогала людям развить перед лицом смертельной опасности многие творческие способности. Так полагал и полагает милитаризм всех разновидностей: древнеримская историография, Макиавелли, идеологи колониальных завоеваний (Гоббс), «философия войны», выросшая из германской военной стратегии (Клаузевиц, Мольтке), Ницше, социал-дарвинизм и др.

Наконец, сторонники третьей точки зрения – плюрализма – рассматривают войну как большое зло, но признают ее в некоторых случаях необходимой и имеющей благотворные последствия. Это наиболее распространенная точка зрения, т.к. она преодолевает радикализм первых двух. Ее защищали философско-правовая мысль конца Возрождения – начала Нового времени с Гуго Гроцием во главе, классический рационализм – Бэкон, Локк, эволюционистские теории, марксизм, отвергавший международные войны, но призывавший к классовой

---

[1] Гребеньков В.Н. К проблеме оснований анализа военной культуры общества. URL: http://www.conf.stavsu.ru/_WordDocs/391.doc (дата обращения: 07.12.2008).

борьбе, наконец, современная правовая мысль, допускающая войну как «последнее средство» в деле достижения мира[1].

Мировоззренческие различия в отношении к войне, к подготовке к войне государства, к подготовке к войне военнослужащих напрямую связаны с отношением к патриотизму в социуме и представлениями патриотизма политическими партиями, религиозными конфессиями, движениями и группами – от религиозного патриотизма до полного отрицания оборонной составляющей патриотизма, к государственному патриотизму, далее – милитаризм-патриотизму и, наконец, – национал-патриотизму.

Сложная природа, многомерная структура и многоаспектность патриотизма получают в исследовательских работах (В.И. Даль, Н.М. Карамзин, В.И. Лутовинов) разнообразные и неоднозначные толкования этого понятия, что подтверждается многовариантностью его проявления и использования. Кроме того, проблема патриотизма рассматривается различными авторами в разных исторических, социально-политических и экономических условиях, в зависимости от сформировавшихся под влиянием полученных знаний взглядов и выработанной под воздействием различных факторов, и, прежде всего, фактора понимания и принятия воинской культуры, мировоззрения, личной гражданской позиции, в т.ч. и в отношении к своему Отечеству (Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, В.К. Левашов).

Краткий историко-культурный экскурс понимания патриотизма в российском обществе показывает: патриотизм как любовь к Отечеству является мощным мотиватором социального поведения и, одновременно, представляет собой основу мировоззренческой позиции как отдельного человека, так и нации в целом[2]. В зависимости от социально-культурных условий социальные связи между людьми модифицируются, способствуя привнесению специфических, свойственных тому или иному историческому периоду особенностей патриотического сознания населения. В целом патриотические движения в России развивались и развиваются под знаком фундаментальной политизированности. При этом:

- патриотизм является неотъемлемым компонентом отечественной культуры, одной из основ культурного единства и играет первостепенную роль в становлении культурной идентичности;
- идеи патриотизма в России имеют глубокую философскую основу, что свидетельствует о том, что общество не принимает суггестивно концепцию патриотизма, а переосмысливает эти идеи, открывая в них, в зависимости от исторического контекста, новые коннотации;
- патриотизм является базовой ценностью российской воинской культуры;
- степень распространения патриотических идей и их содержание напрямую зависят от особенностей воинской культуры того или иного общества. Специфика материального и символического компонентов воинской культуры, восприятие обществом ценностей воинской культуры определяет систему патриотических установок;
- воспитание патриотизма в мирное время есть условие сохранения нации и государства в любых условиях современной реальности;
- основным механизмом передачи и сохранения патриотической концепции и воинской культуры в обществе является военно-патриотическое воспитание.

Составной частью патриотического воспитания является военно-патриотическое воспитание, направленное на формирование готовности к военной службе как особому виду государственной службы. В практике работы социальных институтов при реализации стратегий военно-патриотического воспитания выделяются два его составляющих компонента. *Первый* компонент условно можно обозначить как социокультурный, который включает в себя все многообразие культурных установок, определяющих общественные приоритеты в конкретный исторический период. Социокультурный компонент военно-патриотического воспитания во многом является главенствующим, составляя концептуальную основу военно-

---

[1] Скворцов А.А. Этические проблемы войны в русской религиозной философии XX века // Этическая мысль. Вып. 2. М., 2001 URL: http://ethics.iph.ras.ru/em/em2/13.html

[2] Колябина Т.С. Патриотизм и гражданственность как комплекс социокультурных и духовных ценностей (концептуальный анализ) // Общество и право. № 2 (12). Краснодар, 2006.С.106-117.

патриотического воспитания. Только сформировав личность гражданина и патриота России с присущими ему ценностями, взглядами, ориентациями, интересами, установками, мотивами деятельности и поведения, можно рассчитывать на успешное решение более конкретных задач по подготовке к реализации функции защиты Отечества, к военной и другим, связанным с ней, видам государственной службы.

Социокультурный компонент – объединяющее звено между военно-патриотическим и патриотическим воспитанием.

Второй специфический (профессиональный) компонент связан с получением конкретных знаний и умений, необходимых для выполнения гражданского долга и конституционной обязанности по защите интересов Родины. Этот компонент дополняет социокультурную составляющую военно-патриотического воспитания.

Однако эти два компонента на практике могут противоречить друг другу. Узкопрофессиональные ценности и установки зачастую оказываются не востребованными в рамках целого сообщества. Особенно эта тенденция характерна для профессиональных военных интересов, которые в условиях мирного времени могут трактоваться как «милитаристские», «имперские» и пр. Кроме того, в качестве устойчивой тенденции в русле функционирования и развития духовного потенциала современных Вооруженных Сил следует отметить углубление разрыва связей военно-политического сознания призывников и военнослужащих с российской государственной военной политикой. Во многом это связано с современным осмыслением проблем мира и войны, т.е. определенным кризисом в социокультурном компоненте военно-патриотического воспитания. Отсутствие ясных и четких позиций в обществе по проблемам войны и мира, модернизация Вооруженных Сил и их численная оптимизация, замена ряда должностей военнослужащих должностями гражданского персонала, а также порой чрезмерное акцентирование внимания в средствах массовой информации на миролюбивой политике Российской Федерации серьезным образом дезориентируют сознание и мировоззрение большинства призывников и военнослужащих, способствуют размыванию основных ценностных ориентиров военно-профессиональной деятельности[1].

Связующим звеном между этими двумя компонентами военно-патриотического воспитания должна выступать *воинская культура*, которая сочетает и профессиональные принципы, и общекультурные установки. В этом проявляется регулятивная функция воинской культуры в духовно-нравственном развитии человека. Поэтому эффективное военно-патриотическое воспитание невозможно без уважительного и бережного отношения к воинской культуре в обществе. К сожалению, сегодня и в педагогической практике, и в повседневной жизни, и в исследовательской литературе взаимосвязь воинской культуры и военно-патриотического воспитания игнорируется. Более того, игнорируется и социокультурная значимость военно-патриотического воспитания и воинской культуры, они воспринимаются скорее как сегменты специфической профессиональной деятельности, а, именно, военной, которая при отсутствии явного противника теряет значимость для общества и культуры. Гуманистический пафос идеи служения Отечеству, лежащий в основе воинской культуры в целом и военно-патриотического воспитания, приглушается и теряется на фоне политической, экономической риторики.

Воинская культура и военно-патриотическое воспитание как вектор воинской культуры – это два взаимозависимых и взаимоопределяемых элемента социокультурной среды. Воздействуя на один из них, мы получаем соответствующие изменения в другом.

К числу определяющих принципов военно-патриотического воспитания как важного условия реализации его целей и задач можно отнести:

1. Приоритетность исторического, культурного наследия России, ее духовных ценностей и традиций.

---

[1] Смирнов А.И. Россия: на пути к профессиональной армии (опыт, проблемы, перспективы). М., 1998. С.61.

2. Системность, преемственность и непрерывность в развитии молодежи, с учетом особенностей ее различных субкультур[1].
3. Максимальное проникновение социокультурного компонента военно-патриотического воспитания во все направления подготовки граждан к военной службе.
4. Связь военно-патриотического воспитания с другими направлениями и составными частями патриотического воспитания.

Сегодня все более очевидны недостаточность традиционных представлений о задачах и функциях патриотической работы, а также формализм, проявляющийся в увлечении парадными оборонно-массовыми мероприятиями. За изъянами практики стоят несовершенство теории военно-патриотического воспитания, ее известное отставание от общего уровня современных гуманитарных исследований, отрыв от традиций российской воинской культуры.

О.А. Ефанова, к.филос.н.; Е.А. Лаврухина, к.филос.н. (РАГС, Москва)

Что знают, как оценивают и относятся россияне к Великой Отечественной войне? Историческая память россиян и её доминанты: знания, оценки и отношение[2]

Великая Отечественная война – одно из тех исторических событий, которые позволяют многочисленным последующим поколениям россиян причислять себя к народу, способному на всемирно значимые свершения. Поскольку в истории найдется не много актов подобного коллективного подвига, направленного на физическое и социокультурное сохранение значительного числа стран и народов, актуализация идеологем этого события в исторической памяти россиян является весомым фактором подъема национального самосознания. Обращение к позитивному социальному опыту прошлых лет особенно актуально в условиях идеологических метаморфоз последних десятилетий.

Результаты социологического исследования свидетельствуют о том, что доминантами народного «военного» сознания являются всеобщность гордости за Победу, массовый героизм и патриотизм, ярко проявившиеся не только в годы войны, но и в послевоенный период всенародного воодушевления, с которым советские люди восстанавливали разрушенное народное хозяйство. Для основной части наших соотечественников это событие ценно в той или иной степени, а значит, и не ушло из активного пласта памяти, и не было вытеснено другими историческими событиями. Данный факт подтверждает итоги предшествующего исследования исторической памяти российского населения, когда в качестве наиболее интересующих периодов истории были в первую очередь названы эпоха Петра I и Великая Отечественная война. В то же время для некоторой части населения события Великой Отечественной войны отодвинуты на периферию сознания. Об этом свидетельствует тот факт, что пятая часть опрошенных мало интересуется этими событиями.

По статистике, у подавляющего большинства россиян (91%) кто-то из родственников принимал участие в войне, а каждый десятый потерял в ней кого-то из своих близких. Однако опрос показал, что уже появились семьи, чьи связи с военным прошлым утеряны. На вопрос: «Был ли кто-то из Ваших ближайших родственников на фронте в годы Великой Отечественной войны?» – утвердительно ответил 71%. При этом 5% опрошенных не смогли ответить на этот вопрос. В основном это молодежь, которая объективно «не знала живыми» своих родных – участников военных действий 1941-1945 гг. в связи с естественной сменой поколений. Таким образом, уже можно говорить о том, что *семья* постепенно уходит из числа основных носителей «правды о той войне». Основные знания о войне и ее событиях 18-39 летние вынесли из системы образования (поколение 60-ти лет и старше указывают учебные заведения только в 38% случаев).

---

[1] Концепция военно-патриотического воспитания [электронный ресурс] Режим доступа: http://www.nasled.ru/pressa/obozrev/N01_99/1_09.HTM

[2] (По итогам социологического исследования «Великая Отечественная война 1941 - 1945 гг. в исторической памяти народа (к 60-летию победы), проведенного СЦ РАГС при Президенте РФ в ноябре 2004 года)».

Итак, на первое место в трансляции информации о Великой Отечественной войне новым поколениям в начале XXI в. вышли образовательные учреждения, кино и театр, художественная литература. С одной стороны, эти средства межпоколенческих коммуникаций могут формировать и формируют общую картину Великой Отечественной войны, дают точные и устойчивые знания о ее ходе, причинах и итогах, что демонстрируют итоги опроса. Но с другой стороны, эти формы трансляции ценностей абстрактны по своей сути, что приводит к утрате эмоциональной привязанности к событиям Войны, более рациональным оценкам, *душевной отстраненности от предмета поклонения.* Пуповина, связывавшая плотью и кровью несколько поколений, находится на грани обрыва. Об этом могут свидетельствовать косвенные данные, полученные в ходе опроса. Пока еще предпочтения при выборе кинофильмов о Великой Отечественной войне отданы «старым фильмам о войне» – 41%. Но уже «любят и те, и другие» – 37% респондентов, «любят современные фильмы о войне» – 8% (та группа, где восприятие войны сформировано в отрыве от традиционного освещения военных событий). Это в основном люди 18-24 лет и 25-29 лет (15% и 19%, соответственно). Подобное замещение вызвано объективными факторами – изменением структуры восприятия и особенностями памяти, которая носит «стековый» характер, будучи не безграничной по своей природе.

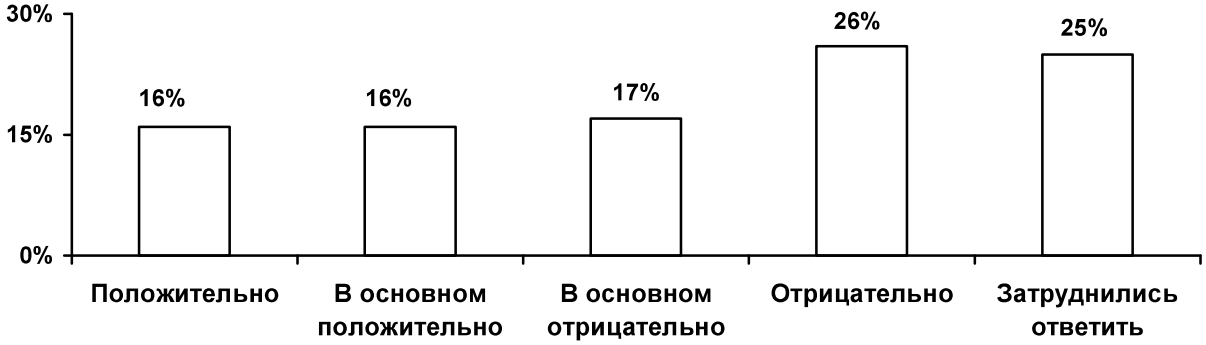
Каждая новая эпоха привносит свои значимые события и закрепляет их в сознании, вытесняя предшествующие. Перестройка, развал СССР, межнациональные конфликты, война на Кавказе – реалии жизни последнего поколения. Реалии более зримые, близкие. Для того, чтобы какие-либо события прошлого детерминировали настоящее, требуется их специальная актуализация. Старое содержание требует новой формы, красок, логики представления. Однако при этом надо учитывать, что закономерно теряется собственно *дух эпохи.*

Можно предположить, что Великая Отечественная война в сознании значительной части россиян начинает переходить из ранга «события особой важности» в ранг «одного из значительных исторических событий, происшедших когда-либо в России». Результаты исследований еще раз подтверждают вывод о том, что воспроизводство «отношения» к Великой Отечественной войне как символическому капиталу нации требует сегодня «особых» декораций. Поддержание в сознании народа образа Победителя, так необходимого в условиях масштабных социальных трансформаций, нуждается в искусственной подпитке через разнообразные формы введения новых поколений в данный исторический опыт. В итоге на смену живым носителям (это произойдет уже через 20 лет) должна прийти грамотно построенная идеология. Сегодня еще можно сделать ставку на толерантное и благодарное отношение поколений, не задетых войной, к старшим поколениям. Так, например, на вопрос «Как Вы считаете, достаточно ли в нашей стране заботятся о ветеранах войны?» – «Нет» ответил 71%. Причем здесь на первое место вышли именно 18-24 летние (76%). В группах 25-39 лет считают заботу недостаточной 66% респондентов.

Конкретные вопросы, связанные с жизнеобеспечением ветеранов и тружеников тыла, ярко отражают противоречивые процессы в сфере реформируемой в России системы социальных льгот. Это говорит, в первую очередь, о недостаточной разъясняющей политике государства в данных вопросах. Значительное число затруднившихся (26% и 19%) и статистически незначительные расхождения при распределении ответов демонстрируют несогласованность и столкновение интересов различных групп.

Рисунок 1

Рис.1. Отношение к замене льгот ветеранам войны компенсационными выплатами



Особый интерес представляет сегодня отношение общества к труженикам тыла. С одной стороны, их значимость признавалась всегда: «победа ковалась в тылу», но практически, существовал жесткий формальный раздел между фронтовиками и тружениками тыла при распределении социальных благ.

Всероссийский опрос показал, что при воспоминаниях о войне, о тружениках тыла думают 21% россиян, причем большая часть этих респондентов сконцентрирована в малых городах и селах, где в годы войны и после нее люди реально испытывали большие лишения. При постановке вопроса о необходимости уравнять в пенсионном обеспечении фронтовиков и тружеников тыла положительные ответы преобладают у сельчан (62%). Затруднившихся ответить на данный вопрос больше всего в столичных, краевых или областных центрах.

Среди историко-социологических проблем экономической сферы всегда особо важен был вопрос вознаграждения за труд. В контексте вышеописанного встает вопрос об оценке неимоверно тяжелого труда работавших в тылу. Тогда вознаграждением за труд стала победа. А сейчас?

Таблица 1

Как Вы полагаете, следует ли уравнять в пенсионном обеспечении фронтовиков и тружеников тыла?

Варианты	Σ	Столичный, краевой, областной центр	Другие города, пгт	Село
Да	49	44	48	62
Не уверен	21	21	24	16
Нет	11	12	12	6
Затруднились ответить	19	22	16	16

При анализе ситуации в возрастном и образовательном разрезе мы сталкиваемся со следующим феноменом: при весьма значительном количестве затруднившихся среди молодых (18-29 лет) менее всего считают, что нет необходимости в уравнивании (в среднем 6%). Значительное число противников уравнивания в старших возрастных группах (30-59 лет) – до 15%. Это объяснимо, во-первых, тем, что старшие поколения более полно представляют себе роль фронтовиков и тружеников тыла в годы войны (угроза жизни и тяжелый труд), а, во-вторых, для молодых – это монолитное поколение победителей (теперь – старики), где каждый в равной мере достоин уважения, признания и заботы. Провести между ними разделительную линию молодым оказалось сложно.

Здесь выразилось, в том числе, уже отношение к *старости и поколению, пережившему войну.* При этом на вопрос: «Что из истории Великой Отечественной войны вызывает у Вас чувство гордости?» – ответ «Подвиг тружеников тыла, работавших на заводах, в колхозах, на

стройках» был отмечен по всем возрастным группам более, чем в 50% случаев, а в рейтинговом распределении занял второе место после ответа «Массовый патриотизм и героизм на фронта». При этом более высокие оценки труду в тылу дают респонденты с высшим и неоконченным высшим образованием. В целом гордость за подвиг тружеников тыла испытывают в День Победы 30% респондентов (для сравнения, «гордость за подвиг советского солдата» – 45%).

Нельзя сказать, что проблема патриотического воспитания в России в последние годы снята с повестки дня. Казалось бы, самые сложные времена (1990-е гг.), демонстрировавшие самый высокий уровень антипатриотических настроений в общественном сознании (в среднем около 70% молодых людей до 30 лет при любой удобной ситуации были готовы покинуть и покидали страну), прошли, и сейчас мы наблюдаем рост национального самосознания. Тем не менее обществу еще долго придется предпринимать значительные усилия, чтобы хотя бы в какой-то мере приблизиться к *легендарному патриотизму* времен Великой Отечественной войны, породившему массовый героизм людей на фронтах.

В формировании высокого уровня исторического сознания и исторической памяти о ратных делах и военных победах России и ее воинов огромная роль принадлежит самой исторической действительности – драматической и героической. Но большая заслуга в этом принадлежит также литературе, искусству, кино, средствам массовой информации - в первую очередь телевидению, всей системе образования, особенно циклу общественных наук. В ряду последних, исключительную роль играют военно-историческая наука и военно-исторические научные учреждения и общественные и политические организации. Именно они во многом определяют специфику формирования патриотического сознания в обществе в различные периоды истории.

Каковы итоги идеологической работы последних лет? Большая часть россиян – 72% – считают себя в той или иной степени патриотами. Особенно выражены патриотические настроения в среде людей с высшим и неполным средним образованием. Последнее объяснимо тем, что в эту группу попали в большей своей части россияне 50-60 лет и старше, т.е. выросшие в послевоенные годы и воспитанные тогда же. Они носители еще *советского патриотизма*.

Таблица 2

Считаете ли Вы себя патриотом России?

Варианты	Σ	образование			
		высшее и н/высшее	среднее специальное	полное среднее	неполное среднее
Да	45	48	42	43	53
Скорее да, чем нет	37	39	40	26	37
Скорее нет, чем да	7	6	7	9	5
Нет	5	4	5	5	6
Затруднились ответить	6	4	6	10	9

В возрастном разрезе ситуация наиболее интересно представлена в возрастных группах 18-49 лет. *Скорее не считают* и *не считают* себя патриотами 12% 18-24 летних россиян, 18% 25-29 летних, 15% 30-39 летних, 14% 40-49 летних. Т.е., самая молодая группа оказалась самой благополучной. Это можно объяснить тем, что это те люди, которые другой России не знали – они ровесники перестройки и они ее *дети.* Для них все существующее разумно. Вторая группа, 25-29 летние, в которой зафиксированы самые высокие показатели непатриотических насторений, – это, фактически, потерянное поколение, вступившее в эпоху перемен с неокрепшим сознанием, пережившее ломку ценностей. Изучение смысложизненных ориентиров этого возрастного слоя важно в дальнейшем. В ближайшие годы это поколение войдет в социально активный возраст и будет определять содержание экономики, политики, культуры и т.п. в стране в целом. Можно также предположить, что близкие по ценностным установкам 30-49-летние россияне, чье неприятие существующей действительности зафиксиро-

вано в среднем у 14%, – это те, кто не смог реализовывать себя в сложившихся условиях, те, кто не приемлет современную организацию жизни в России.

Таблица 3

Считаете ли Вы себя патриотом России?

Варианты	Σ	Возраст (лет)					
		18-24	25-29	30-39	40-49	50-59	60 и старше
Да	45	34	32	37	49	48	62
Скорее да, чем нет	37	46	43	43	31	38	26
Скорее нет, чем да	7	6	10	9	10	5	3
Нет	5	7	8	5	4	4	3
Затруднились ответить	6	8	8	6	7	5	6

С другой стороны, наши современники считают, что за *ту родину* воевать стоило. Эти выводы косвенно подтверждают ответы на вопрос «За что сражались советские люди в годы войны?» Во всех вышеуказанных группах преобладает ответ «За Родину» (более 80%). «За родных и близких» – более 60%. В числе факторов, которые сыграли определяющую роль в достижении победы над фашизмом, были в первую очередь указаны: патриотизм – 63%; героизм на фронте и в тылу – 63%.

На вопрос: «Что из истории Великой Отечественной войны вызывает у Вас чувство гордости?» – также большая часть респондентов указала на «Массовый патриотизм и героизм на фронтах» – 85%. Причем, несмотря на появляющиеся многочисленные факты в СМИ об антигуманных действиях, заградительных отрядах, о штрафных батальонах и иных «издержках войны», идея великого героизма советских людей практически не претерпела изменений со времен первых послевоенных поколений. *О принудительном героизме* в годы Великой Отечественной войны заявили только 5% россиян.

Увы, церкви в формировании патриотического и героического духа нашего народа в годы войны, благодаря которому СССР одержал победу, респондентами было отведено незначительное место – всего 10%. Роль этого института, активно сегодня лоббирующего свои ценностные и смысловые позиции в общественном сознании российского общества, в годы войны явно представляется смутно. Слишком широк разброс ответов и, кроме того, более 22% просто затруднились ответить. Казалось бы, что наиболее близкими к действительности должны быть ответы старшего поколения - фактического свидетеля деятельности церкви в те годы. Однако, расхождения в ответах с респондентами других возрастных групп почти отсутствуют

Таблица 4

В чем состоял вклад православной церкви и других конфессий в достижение победы над фашистской Германией?

Варианты	Σ	Возраст (лет)					
		18-24	25-29	30-39	40-49	50-59	60 и старше
В сборе денежных средств для нужд Красной Армии	18	13	15	12	17	30	21
В духовной поддержке народа	39	42	40	33	43	44	37
В воспитании патриотизма	10	9	11	7	11	11	10
В сплочении народа	23	26	23	19	19	22	27
В другом	1	<1	1	1	1	2	-
Не вижу никакого вклада	18	18	20	18	17	14	20
Затруднились ответить	22	22	19	28	24	19	21

Сумма ответов не равна 100%, так как по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов

Активно выделилась только позиция – «сбор денежных средств для Красной Армии». С другой стороны, старшее поколение в меньшей степени отдает дань церкви в деле духовной

поддержки народа. Велико число затруднившихся и тех, кто вообще не видит никакого вклада, в том числе и россияне старше 60-ти лет. Причины такого распределения требуют дополнительного исследования.

Как воспринимается Великая Отечественная война в контексте международных отношений? Тот факт, что 82% россиян считает, что именно СССР внес решающий вклад в Победу, а не союзники (2% – США, 2% – Англия), конечно, отраден. Но показательно и то, что 10% россиян считают это делом коалиции в целом. Вопрос коалиционности сегодня непраздный. Объединение стран на новых основаниях (после распадов «соцлагеря и каплагеря») в наше время весьма актуально. Создание Европейского Союза, расширение НАТО и аналогичные процессы демонстрируют перераспределение сил и позиций на мировой арене.

Во всероссийском опросе, посвященном Великой Отечественной войне, выявлялось отношение россиян к странам, принимавшим участие в войне. Полученные результаты заставляют задуматься. Казалось, потери в Великой Отечественной должны были вызвать стойкую отрицательную реакцию по отношению к стране-захватчице – Германии. Однако россияне четко дифференцируют фашистскую Германию и современную, которая является по их оценкам партнером России – в 51% случаев и нейтральной по отношению к России страной – в 27% случаев. Только около 6% продолжают считать Германию противником России.

С другой стороны, весьма неоднозначна оценка отношений с США. Треть россиян считает США противником России, пятая часть – признает ее нейтральное отношение к нашей стране и только треть считает США нашим партнером. И это при значительном количестве затруднившихся – 19%. В российском массовом сознании продолжает складываться новый «образ врага» в лице США. Причиной этому могут служить расхождения между Россией и США на международной арене по ряду значимых для страны вопросов (пересмотр договора по ПРО, ситуация на Балканах, расширение НАТО, война в Ираке и т.д.).

В анализируемом социологическом опросе проблема международного партнерства была высвечена через призму борьбы с международным терроризмом (нужна ли сегодня коалиция России с другими странами, подобная антигитлеровской коалиции, для борьбы с международным терроризмом). О необходимости в той или иной степени объединения на данной основе высказалось 75% респондентов. Однако, анализ результатов выявил противоречия в оценке США. Если на вопрос общего характера (*как было описано выше*) значительная часть россиян высказалась о США как противнике России, то при выборе стран-партнеров по борьбе с терроризмом США были указаны в 2,3 раза чаще, чем Англия, в 2,5 раза – чем Франция, в 2,6 раза – чем Германия, в 4,9 раза – чем Европа в целом… Фактически, здесь можно говорить о столкновении представлений о США эпохи «холодной войны» и современных – как о сильном, опытном и способном противостоять террористической угрозе государстве-конкуренте, но не противнике. Тот факт, что 76% посчитали необходимым ответить на достаточно серьезный вопрос о том, с кем необходимо России объединяться сегодня для борьбы с терроризмом, говорит о важности этих проблем для населения страны. Вопросы безопасности и мер по их обеспечению – это функции государства, а не населения. Если население стремится ответить на подобные вопросы – значит, они стали для него повседневно важными.

По социологическим исследованиям последних лет у более 70% современных россиян родственники и близкие, так или иначе, участвовали в защите нашей Родины. Из них 63% потеряли на войне кого-то из родных. Война фашистской Германии с Россией действительно стала для нашей страны страшным бедствием, равнозначным по своей разрушающей силе бушующим природным стихиям. При оценках Победы и отношению к ней как символическому событию в жизни нашего народа самым острым является вопрос о жертвах, их ужасающем количестве.

На вопрос: «Какие события, факты войны 1941-1945 годов вызывают у Вас чувства горечи и боли?» – 91% респондентов указал «людские потери». На вопрос: «Какие чувства преобладают у Вас в связи с итогами войны?» 13% испытывают *горечь за понесенные нашей страной поражения и потери,* а еще 52% *и гордость, и горечь одновременно.* Прямой вопрос

на эту тему (нужны ли были такие жертвы?) задевает то сочетание ценностей, выбор между которыми часто невозможен или может быть осуществлен однозначно только в экзистенциальной ситуации - это ценность индивидуальной жизни и ценность жизни общества. В мирное время выбор между ними всегда не будет таким, как во время военных действий. Никто не станет утверждать, что А. Матросов не ценил свою личную жизнь. Романтиками молодогвардейцев признали только 12% респондентов. Но тот факт, что 69% респондентов считают, что Победа стоила той цены, которую за нее заплатили, говорит о том, что последствия победы фашизма страшат все-таки людей больше, чем собственно людские жертвы. Этой точки зрения придерживается как молодые (63%), так и те, кому за 60 (71%), что является дополнительным показателем внутренней консолидированности общества вокруг проблем Великой Отечественной войны.

Особняком стоит группа вопросов на так называемые злободневные сегодня темы, те, которые вчера или были вне обсуждения, или оценивались только с точки зрения «военного времени». Значительное место в сознании современников занимает тема репрессий. В качестве причин поражений в войне «репрессии против военачальников Красной Армии» были выбраны в 37% случаев. Причем в большинстве своем этот выбор сделали люди с высшим образованием и в возрасте от 30 лет и старше. Наибольшее количество респондентов, акцентирующих внимание на этой проблеме – 40-49-летние. Наименьшее – в группе 18-24-летних (28%). Такие *феномены войны* как насильственная депортация некоторых народов СССР (10%), переход на сторону фашистской Германии тех людей, которые были против советского строя (7%), штрафные батальоны, роты (17%), заградительные отряды (9%) уже прочно вошли в сознание людей и вызывают чувство горечи, особенно в группе людей с высшим образованием и частично в группе со среднеспециальным образованием (например, по вопросам депортации). Однако в возрастной группе 60 лет и старше случаи обращения к этим проблемам встречаются реже, чем во всех других группах, поскольку перед лицом опасности все действия казались и кажутся оправданными. Вопрос о том, могут ли все вышеуказанные факты войны быть оправданными обстоятельствами военного времени, остается открытым.

Наиболее же понятной и отмеченной во всех возрастных и группе респондентов с высшим образованием явилась проблема репрессий по отношению к людям, вышедшим из окружения, находившимся на оккупированной территории, бывшим в плену (50% и 41%, соответственно). Объяснений этим фактам не найти на поверхности. Теперь это признанная в российском обществе «горькая правда», которой не найдено оправданий.

Кроме того, хотелось бы отметить жизнеспособность давно существующего мифа о том, что Россию спасают не герои, а огромная территория и прочие геоклиматические факторы. Ответ зафиксирован в 24% случаев (вопрос о причинах победы). Причем почти в равной степени в группах 18-59 лет. Подобный выбор причины победы значительно нивелирует роль человеческого подвига, совершаемого именно в суровых климатических условиях и на огромной территории.

С другой стороны, была отдана дань советскому воспитанию как важному фактору победы – почти 20% респондентов (причем во всех группах, кроме самых молодых).

Тема фашизма была затронута в исследовании в различных вариациях. В числе причин войны большая часть респондентов (79%) указала именно на «Стремление фашизма к мировому господству». Движущим фактором победы в войне была указана и *ненависть к фашизму* – 48% ответивших. При оценках того, за что испытывают гордость россияне в День Победы, в 55% случаях была отмечена именно *благодарность поколению, победившему фашизм.* Т.е. почти половина россиян до сих пор жестко позиционировано и не приемлет фашизм как идеологию.

Понятно, что принижать каким-либо образом Победу Советского Союза над фашизмом - это вести ценностно-смысловую войну против собственного народа. Смердяков в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» в разговоре с Марьей Кондратьевной говорил: «В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого, отца нынешнему, и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная

нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки-с». *Порядок нового рейха* все-таки россиян в большинстве своем не прельщает.

Определенным индикатором характера восприятия исторических событий, связанных с Великой Отечественной войной, является оценка населением роли И.В.Сталина в войне. Почти две трети респондентов оценили ее в той или иной мере положительно. Обращает на себя внимание выраженная дифференциация количества и степени положительных и отрицательных оценок по возрастным группам. Наблюдается постепенное возрастание положительных оценок от 48% в младшей группе (18-24 года) к 84% – в старшей (60 лет и старше) и убывание отрицательных оценок от 19% к 5% в соответствующих группах. Примерно пятая часть респондентов в возрасте до 50 лет не смогли сформулировать свое отношение к этой знаковой фигуре. Следует отметить, что, как показывает сравнение данных опросов 2001 и 2003 гг. по исторической памяти, дифференциация оценки роли Сталина в истории нашей страны по возрастным группам устойчиво сохраняет отмеченную выше направленность. В то же время при оценке роли Сталина в целом в судьбе России количество положительных оценок на порядок ниже (одна треть респондентов по сравнению с двумя третями при оценке его роли в Великой Отечественной войне). Это свидетельствует о том, что в массовом историческом сознании победа советского народа над фашизмом устойчиво связана с именем Сталина, хотя оценка его роли не является безусловно положительной для всех периодов войны. Так, значительная часть опрошенных (45%) в числе основных причин поражений Красной Армии в первые месяцы войны назвали стратегические просчеты Сталина и советского руководства. Этот фактор, по всей видимости, определенным образом влияет на более критический подход к оценке роли Сталина в истории страны в целом.

Достаточно важными для характеристики исторической памяти о Великой Отечественной войне являются представления о роли и значении господствовавшей в изучаемый исторический период идеологии. Анализ материалов исследования позволяет говорить о том, что отношение к советскому периоду в истории нашей страны в массовом сознании в целом можно охарактеризовать как достаточно взвешенное. Отмеченное в исследовании 2001 г. Стремление сохранить в памяти целостный образ эпохи, выразившееся в том, что более половины опрошенных высказались против демонтажа памятников советского периода, можно квалифицировать как устойчивую тенденцию. Так, пятая часть опрошенных в числе основных факторов достижения победы назвала советское воспитание. Следует при этом отметить, что для молодежи роль этого фактора менее значима, чем для старшего поколения. В младшей возрастной группе (18-24 года) данный фактор выделили только 15% опрошенных, тогда как в старшей (60 лет и старше) его назвали уже четверть респондентов.

Представление о том, что идеологическая составляющая играла в характеристике исследуемого периода достаточно значимую роль, нашло свое отражение в оценке значения советского строя и коммунистической идеологии для участников войны. По мнению более четверти опрошенных (28%), советские люди сражались в годы войны именно за эти ценности. При этом представители старшего поколения, так же как и при оценке роли советского воспитания, чаще указывают данные ценности в качестве значимых. Интересно отметить, что наименьшее значение, указанные факторы имеют не для младшей возрастной группы, а для 25-29-летних. Этот факт можно объяснить тем, что взросление данного поколения пришлось на период наиболее ожесточенных идеологических баталий, когда все советское подвергалось тотальному остракизму.

Материалы исследования свидетельствуют, что респонденты, высоко оценивая роль Сталина в победе над фашизмом, отдают дань уважения и другим лидерам «Большой тройки». Почти половина опрошенных признали роль Сталина решающей. При этом сохраняется существенное различие в оценке его роли в зависимости от возраста и, в меньшей степени, от образования. Самую высокую оценку дает старшее поколение (67%), а самую низкую – младшее (40%), причем разброс цифр, как мы видим, довольно значительный. Интересно отметить, что оценки молодых людей (до 39 лет) практически не различаются. Резкий скачок в сторону положительной оценки наблюдается, начиная с группы 40-49-летних.

Роль Рузвельта и Черчилля в достижении победы считают значительной более трети россиян (36%). Около трети респондентов (31) затруднились дать оценку роли данных государственных деятелей, тогда как оценка роли Сталина вызвала гораздо меньше затруднений (14%). Более четверти опрошенных считают роль Черчилля и Рузвельта в достижении победы над фашизмом незначительной (29). В целом приведенные данные свидетельствуют, что историческая память российского населения о Великой Отечественной войне становится более объемной. Лидеры ведущих государств антигитлеровской коалиции занимают в ней уже значительное место. Следует отметить, что и Черчилль и Рузвельт выступают в массовом сознании как фигуры одного масштаба. Респонденты, практически, не видят между ними различий. То же самое относится и к оценке вклада Англии и США в победу над фашистской Германией. Значительно большее количество опрошенных указали на значительную роль стран антигитлеровской коалиции в целом. Вместе с тем следует отметить, что небольшое число опрошенных считают вклад Англии и США (2%) в достижение победы над фашистской Германией более значительным, чем вклад СССР, а 10% стремятся не выделять решающую силу, предпочитая считать победу достижением всех стран антигитлеровской коалиции в целом.

На основании приведенных данных можно сделать вывод, что в исторической памяти российского народа победа над фашизмом является итогом совместной борьбы СССР, внесшего наибольший вклад в победу над фашизмом, и других стран антигитлеровской коалиции, вклад которых в достижение победы выступает как единое целое. Великие исторические события, ознаменованные ратными делами воинов нашего Отечества, его военными победами, прочно вошли в историческое сознание народов России, стали важнейшим элементом их исторической памяти, как бы ни мешали этому разного рода смуты, идеолого-политические кризисы, нередко потрясавшие Россию. Нынешнее поколение настойчиво пытается раскрыть всю правду о Великой Отечественной войне, оценить с нравственной точки зрения все процессы, которые имели место параллельно с боевыми действиями, работой в тылу и собственно Победой. Это необходимо, чтобы воздать должное всем так или иначе задетым войной людям или хотя бы памяти о них. Данные цели можно только приветствовать. Главное, чтобы они не становились предметом политических и научных манипуляций, не подменили собой действительно великий подвиг того поколения и не посеяли раздор в обществе. Пока Великая Отечественная война - историческое событие, которое является одним из мощных факторов консолидации национального сознания.

Социологические исследования последних лет свидетельствуют, что историческая память российского народа оценивает Великую Отечественную войну как символ для всего народа, а ее итоги и последствия как выдающиеся в истории нашего Отечества и во всемирной истории. Это означает, что опыт в оценке старшего поколения трансформировался и приобрел символическую значимость и для последующих поколений. В основе такой оценки лежат объективные и субъективные обстоятельства. Здесь и история каждой семьи, неразрывно связанная с историей Великой Отечественной войны и послевоенная история страны в целом, ибо каждый из ныне живущих так или иначе ощущает на себе последствия войны и победы над фашизмом, которая была и остается днем нашей гордости и скорби; и осознанное и интуитивное признание победы в Великой Отечественной войне над фашизмом как фактора величия Отечества, с одной стороны, и фактора, определившего содержание и направленность всемирной истории, - с другой. Более того, историческая память о Великой Отечественной войне, победе над фашизмом выступает структурообразующим элементом духовного настроя народа, фактором его сплочения и мобилизации на преодоление имеющихся недостатков в жизни, на решение стоящих перед ним экономических, социальных и политических задач. И, конечно, фактором формирования и укрепления оборонного сознания, которому, к сожалению, в последние годы уделялось крайне мало внимания. Историческая память достаточно устойчива и в хорошем смысле консервативна. Практически память о Великой Отечественной войне при всех ее проблемах, ошибках, провалах - это практически сейчас единст-

венное историческое событие, которое большинство оценивают как выдающееся, характеризующее дух нашего народа, и это объединяющее начало нужно сохранять.

М.А.Ешев, к.соц.н. (Адыгейский ГУ, Майкоп).

Ориентационно-ценностная роль патриотизма для студенческой молодежи

В постсоветский период Россия пережила много изменений, в том числе, смена формы правления, территориального устройства и политического режима, сужение географических границ, переход от командной к рыночной экономике. Все это негативно отразилось не только в политической и экономической сферах жизни населения, но и в духовной. В результате указанных трансформаций разразился духовный кризис, наиболее отчетливо прослеживающийся в кризисе патриотического сознания, в результате чего нарушилась связь поколений, молодежь погрузилась в некий моральный вакуум. Патриотизм стали рассматривать как отжившую ценность, мешающую строить новое демократичное общество, свободное от прежних стереотипов. Одновременно происходило крушение патриотических парадигм. Однако в начале XXI в. произошло осознание того, что без формирования у молодежи чувства российского патриотизма невозможно сохранить целостность современного общества.

Зарождающийся российский патриотизм имеет, по крайней мере, два отличительных признака. С одной стороны, он представляет собой новый социальный феномен, а с другой, – является приемником советского патриотизма. В СССР чувство любви к своей стране было коллективным, при жестком регулировании общественной жизни со стороны руководства государства, патриотические ценности были жизненной основой всей идеологии. Программы учебных заведений, печатные издания, радио и телевидение были направлены на формирование патриотического сознания молодежи. Патриотизм понимался, в первую очередь, как жертвенность во имя общего блага, способность подчинить личностные интересы общественным. В такой интерпретации патриотизм был приоритетной ценностью у молодого поколения и служил его основным консолидирующим фактором.

В результате глобальных изменений начала 1990-х гг. происходит смена идеологий, а вместе с ней и смена ценностных ориентиров. Такие, ранее непоколебимые ценности, как чувство любви к своей Родине, осознание долга перед Отчизной перестают быть ориентиром российской молодежи, на первый план выходят материальные блага. Экономическая независимость начинает превалировать над духовным богатством в сознании молодого поколения. Исследования свидетельствуют об ориентации молодежи на частную жизнь. Доминирующими в системе ценностей становятся деньги, материальное благополучие, тогда как понятие «патриотизм» практически отсутствует[1].

Результаты проведенных исследований в России и в Адыгее свидетельствовали о духовной деградации молодого поколения. В начале XXI в. происходит очередная смена ценностей. Постепенно приходит осознание невозможности сохранения единства государства без патриотического воспитания молодежи как основного способа возрождения значимости патриотизма в ценностной системе. Так, подавляющее большинство россиян (89%) убеждены, что сегодня в нашей стране нужно уделять больше внимания патриотическому воспитанию молодежи[2]. Принимаются государственные программы патриотического воспитания, проводятся различные мероприятия, направленные на формирование патриотических чувств. Например, в рамках реализации Правительственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006-2010 гг.» в Республики Адыгея разработана комплексная программа по созданию системы патриотического воспитания молодежи.

---

[1] Государственный доклад о положении молодежи и социально-экономических проблемах в молодежной среде [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.nasledie.ru/oborg/2_10/doc_01/article.php?art=2).

[2] Всероссийский опрос городского и сельского населения в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик всех экономико-географических зон. 10 января 2004 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: (http://www.fom.ru).

Наметившиеся положительные тенденции возрождения патриотических ценностей находят отражение и в социологических исследованиях. В ноябре 2006 г. в рейтинге жизненных приоритетов патриотизм занимает четвертое место – выше него только семья, дети, дом (95%), душевный комфорт (92%), материальное благополучие (88%). Улучшился количественный показатель и тех, кто считает себя гражданами России[1]. Не вдаваясь в глубокий анализ статистических данных, можно отметить два взаимосвязанных процесса, происходящих в современной России: возрождение патриотических ценностей на основе существующего исторического опыта и становление нового российского патриотизма.

В российском обществе начинает осознаваться необходимость формирования патриотических чувств в молодежной сфере: с одной стороны, патриотизм нацелен на укрепление целостности полиэтничной и поликонфессиональной России, а также позволит решить ряд социально-экономических и политических проблем, а с другой, – идея общенационального патриотизма будет способствовать формированию единого гражданского общества. В условиях модернизации российского общества проблема формирования патриотизма как социокультурной ценности у молодежи представляется одной из самых актуальных. Патриотизм является значимым ценностным ориентиром, его недооценка в условиях трансформирующегося общества может иметь крайне негативные последствия.

В *теоретическом аспекте* актуальность изучения проблемы патриотизма обусловлена дискуссионностью содержания самого понятия «патриотизм». Неоднозначность трактовки данного понятия и подмена его близкими по смыслу, но не тождественными категориями свидетельствует о том, что процесс концептуализации данной категории не завершен. Вследствие чего, возрастает значимость комплексного, социокультурного анализа патриотизма. В *практическом аспекте* – определяется необходимостью единения поликультурного российского общества и урегулированием межэтнических взаимосвязей. На становление и развитие патриотизма в настоящее время оказывают влияние два основных фактора: *внутренний и внешний.* Первый (внутренний) – связан с трансформационными процессами в России. Распад СССР негативно отразился не только в социально-политической и экономической сферах жизнедеятельности общества, но и в духовной. Возникновение нового государства – Российской Федерации – сопровождалось сменой ценностно-нравственных ориентиров, в результате чего нарушилась связь поколений, молодые погрузились в некий моральный вакуум. Такие, ранее непоколебимые ценности, как чувство любви к своей Родине, осознание долга перед Отчизной перестали быть ориентиром современной молодежи.

Указанные изменения привели к депатриотизации и дезинтеграции российского общества, и, как следствие, в общественном сознании сформировались: равнодушие, эгоизм, немотивированная агрессивность, неуважительное отношение к государству и социальным институтам. В целом, современное социально-психологическое состояние российского общества, а особенно его молодой генерации, может быть охарактеризовано понятием «фрустрация». Это и социальная реадаптация многих молодых людей, и растущая неуверенность в завтрашнем дне, и обесценивание стимулов творческой деятельности и инновационных подходов. Но формирование гражданина-патриота способно дать новый импульс духовному оздоровлению социума.

Внешний фактор проявляется во влиянии общемировых глобализационных процессов на социокультурную ситуацию в российском социуме. Зачастую такие процессы, размывая образ «Родины» в общественном сознании, оказывают отрицательное воздействие на формирование патриотизма. Проблема патриотизма актуальна также и при постановке вопроса о построении единого, социально ориентированного и прогрессивно развивающегося поликультурного государства. Полиэтничность большинства субъектов Российской Федерации, в частности Республики Адыгея, побуждает сформировать в общественном сознании идею патриотического единства, нацеленную на сохранение социокультурного единства северокавказских народов. При отсутствии такого понимания естественные проявления любви к своей

---

[1] Федоров В. Патриотизм // «Российская газета» - федеральный выпуск №4255 от 22 декабря 2006 года [Электронный ресурс] Режим доступа: (www.rg.ru/gazeta/rg/2006/12/22. html#rg-4255).

малой Родине (к ценностям своего этноса) выливаются в высказывания о превосходстве своего народа над всеми остальными, и, как следствие, создается межэтническая напряженность. Зачастую смысл понятия «патриотизм» и необходимость формирования патриотических чувств не находит понимания в общественном сознании россиян. Особенно эта проблема актуализируется в молодежной среде. При этом важно заметить, что чувство общероссийского патриотизма в полиэтничном регионе может выступать как интегративный фактор, укрепляя целостность мультикультурной России.

Проблемное поле патриотизма носит междисциплинарный характер, так как является предметом рассмотрения различных научных дисциплин: истории, философии, политологии, педагогики, социологии. Начало традиции изучения патриотизма было положено в трудах античных мыслителей. В своих размышлениях Аристотель, Платон, Цицерон обращались к вопросу о любви к своему Отечеству[1]. Позже проблемы патриотизма рассматривались в работах таких представителей мировой философии как Гегель, Ш. Монтескье, Жан-Жак Руссо и другие.[2] На данном этапе зарождается идея государственного патриотизма, поскольку в качестве объекта патриотических чувств мыслители рассматривают государство в целом.

В России изучение патриотизма начинается с XIX в. Разработка проблематики патриотизма осуществлялась разными течениями и направлениями русской философской мысли. В трудах Н.А. Бердяева, Н.Я. Данилевского, Н.А. Добролюбова, В.С. Соловьева, Е.Н. Трубецкого, П.Я. Чаадаева и др. получает осмысление духовное содержание патриотизма[3]. Параллельно происходит процесс становления и развития Русской идеи, в формировании которой принимали активное участие и ученые-историки[4]. Развитие патриотизма в концепции Русской идеи продолжилось и в годы эмиграции после Октябрьской революции и гражданской войны. Среди мыслителей, которые пытались отстоять и сохранить корни русской культуры и исключительности, можно выделить И.А. Ильина, П.Б. Струве, Г.П. Федотова, Г.В. Флоровского[5].

Начальный этап развития патриотизма в советском государстве характеризовался отказом от его традиционного понимания. Такая тенденция прослеживается в работах В.И. Ленина, Г.В. Плеханова[6]. Однако, несмотря на то, что в официальной общественной науке феномен советского патриотизма исследовался с позиций господствовавшей классовой идеологии, и существенное внимание уделялось политической составляющей патриотизма, следует признать значительные успехи в этой области научного знания. Особенно много нового привнесли в изучение рассматриваемой проблемы ученые в послевоенный период. В этот период были проведены исследования, посвященные анализу содержания и сущности патриотизма[7]. В данном аспекте наибольшее развитие получали вопросы соотношения патрио-

---

[1] Аристотель. Политика. Соч. Т.4. М., 1984. С. 375 – 645; Платон. Критон // Платон, Сочинения: В 3-х тт / Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. Пер. с древнегреч. Т. 1. М., 1968; Цицерон. Диалоги: «О государстве», «О законах» / Подг. И.Н. Веселовский, В.О. Горенштейн, С.Л. Утченко. М., 1994; и др.

[2] Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т.3. Философия духа. М., 1977; Монтескье Ш. Размышления о величии и падении римлян // Избранные произведения. М., 1955; Руссо Ж.Ж. О родине //Руссо Ж. Трактаты. М., 1969.

[3] Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990; Данилевский Н.Я. Россия и Европа, М., 1991 Добролюбов Н.А. Избр. филос. произв. М., 1948; Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. Сочинения в 2 т. Т.1. М., 1989; Трубецкой Е.Н. Избранное. М., 1995; Чаадаев П.Я. Философические письма. Письмо первое // Статьи и письма. М., 1989. С.40-55; Чернышевский Н.Г. Очерки гоголевского периода русской литературы // Избр. филос. соч. в 3-х т. Т.1. М., 1950. С.408-796; Хомяков А.С. О старом и новом // Русская философия первой половины XIX века. Свердловск, 1987. С.180-270.

[4] Карамзин Н.М. О любви к отечеству и народной гордости // Соч., Т.3. СПб, 1848. С.465-477; Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч. Т. 3. М., 1988; Соловьев С.М. О современном патриотизме // Записки Петроградского Религиозно-философского общества. Пг,1916.

[5] Ильин И.А. Путь духовного обновления. М.: Русская книга, 1993; Струве П. Б. Прошлое, настоящее и будущее // Русская мысль. Книга 1-2, 1992; Федотов Г.П. Будет ли существовать Россия? Париж, 1967; Флоровский Г.В. Утверждение евразийцев // На путях. Книга 2. Москва-Берлин, 1992. С.5 - 190.

[6] Ленин В.И. Воинствующий милитаризм // Полн. собр. соч., Т. 17; Плеханов Г.В. Патриотизм и социализм // Избр. философ. произв. М., 1957.

[7] Чалмаев В. Философия патриотизма // Молодая гвардия. 1967, №10. С.106-120; Рогачев П.М., Свердлин М.А. Патриотизм и общественный прогресс. М., 1974; Колесников А.Н., Стариков Л.П. Классовое и общечеловече-

тизма и общенациональной гордости. Общенациональная гордость рассматривается в трудах Г.О. Зиманаса, М.Н. Росенко, И.И. Серовой как новый элемент в структуре советского патриотизма[1]. В интерпретации В.В. Макарова, патриотизм выступает как явление общественного сознания, отмечаются его источники и структура[2]. Значительное внимание уделялось вопросам, связанным с развитием интернационализма и патриотизма. В работах А.Г. Агаева, И.Е. Кравцева, Р.Я. Мирского[3] анализировалась взаимосвязь патриотизма с интернационализмом. В научных трудах Ю.И. Дерюгина, Л.В. Рощина и др, освещались проблемы военно-патриотического и интернационального воспитания[4].

В постсоветский период произошла духовно-нравственная трансформация, повлекшая за собой вытеснение патриотизма из системы значимых социокультурных ценностей. В связи с чем, научный интерес представляют социологические исследования А.Г. Здравомыслова, Н.И. Лапина, В.Т. Лисовского, М.О Мухададаева, Б.Л Ручкина, И.А. Суриной, В.А. Ядова и др., которые посвящены исследованию молодежи и выявлению изменений в ее системе ценностных ориентиров в аспекте негативных радикальных трансформаций[5].

Между тем научная разработка рассматриваемой проблемы продолжилась. Вместе со сменой методологических парадигм расширялись и дисциплинарные подходы к изучению вопросов, связанных с понятием и сущностью патриотизма[6]. В конце 1990-х гг. А.И. Вдовин, Г.А. Зюганов, О.А. Платонов обращались к рассмотрению проблемы патриотизма в рамках формирования нового государства[7]. Исследования А.А. Крупника, В.И. Лутовинова, В.Ф. Фролова посвящены проблемам формирования патриотизма[8].

Учитывая, что феномен патриотизма реализуется через множество форм, особое место

ское в социалистическом патриотизме. Волгоград, 1987; Мирский Р.Я. Советский патриотизм – патриотизм высшего социалистического типа: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1987;

[1] Зиманас Г.О. Общенациональная гордость советских людей. М.1979; Росенко М.Н. Патриотизм и общенациональная гордость советского народа. Л., 1977; Серова И.И. Советская общенациональная гордость. Минск, 1981.

[2] Макаров В.В. Патриотизм как явление общественного сознания: его источники и структура: Автореф. дис. ... канд филос. наук. Волгоград, 1969.

[3] Агаев А.Г. Патриотизм и интернационализм советского человека. М., 1975; Кравцев И.Е. Пролетарский интернационализм, отечество и патриотизм. Киев, 1965; Мирский Р.Я. Патриотизм и интернационализм в развитом социалистическом обществе. М., 1982.

[4] Дерюгин Ю.И. Военно-патриотическое воспитание молодежи. М., 1987; Патриотическое и интернациональное воспитание студентов: Сборник трудов ученых социалистических стран. М., 1989; Рощин Л.В. Философско-социологические вопросы военно-патриотического воспитания. М., 1982.

[5] Государственный доклад о положении молодежи и социально-экономических проблемах в молодежной среде 2000 г. URL: http://www.nasledie.ru/oborg/2_10/doc_01/article.php?art=2; Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Отношение к труду и ценностные ориентации личности. // Социология в СССР. Т.2, М., 1996; Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей. // Социс, № 5. 1996; Социология молодёжи / Отв. ред. В.Т. Лисовский. СПб., 1996; Луков В.А. Проблема обобщающих оценок положения молодежи // Социс. 1998. № 8; Медведев Н.П. Переоценка ценностей как социальный феномен. Ставрополь, 1995; Ручкин Б.Л. Молодежь и становление новой России // Социс. 1998. № 5.С. 90-98; Сурина И.А. Ценностные ориентации как предмет социологического исследования. М., 1996.

[6] Козлов А.А. Молодые патриоты и граждане новой России: социологический очерк. СПб., 1999; Малинкин А.Н. Понятие патриотизма // Социологический журнал. 1999. №1/2; Трифонов Ю.Н. Сущность и основные проявления патриотизма в условиях современной России (социально-философский анализ): Автореф дис... канд. филос. наук. М, 1997.

[7] Вдовин А.И. Российская нация. М., 1996. С.46-92; Зюганов Г.А. Россия - Родина моя. Идеология государственного патриотизма. М., 1996. С.213-239; Платонов О.А. Русская цивилизация. М., 1995. С. 3-41.

[8] Крупник А.А. Патриотизм в системе гражданских ценностей общества и его формирование в воинской среде: Автореф. дис... канд. филос. наук. М., 1995; Лутовинов В.И. Патриотизм и проблемы его формирования у российской молодежи в современных условиях. Автореф. дис... д-ра филос. наук. М., 1998; Фролов В.Ф. Проблемы патриотического воспитания личности в современных условиях // Проблемы развития личности в современном российском обществе. М., 1996. С.101-107.

в его изучении занимает вопрос типологизации. В. Зорькиным, Е.С. Троицким, и др. выделены многообразные типы патриотизма по различным критериям[1].

Несмотря на значительное количество работ, посвященных проблемам воспитания патриотизма, некоторые аспекты остались недостаточно проанализированными либо вообще без рассмотрения. Например, практически отсутствуют работы по исследованию корреляции этнического и национального патриотизма.

В современной, постнеклассической науке патриотизм носит междисциплинарный и полипарадигмальный характер, получая осмысление в области философских, исторических, политологических, социологических, педагогических наук. Проблемное поле расширяется, в него включаются такие вопросы, как модификации ценностного содержания патриотизма; соотношения патриотизма, национализма и шовинизма; изменение ценностных оснований идентификации общества; отношение к патриотизму различных социальных групп; влияние этнических процессов на развитие патриотических чувств. Отдельный аспект исследуемой проблемы сопряжен с социокультурной трансформацией российского общества. Этот аспект отражен в работах М.К. Горшкова, Н.А. Журавлевой и др. Воспитательный потенциал патриотизма и его роль в процессе социализации личности, раскрывается в работах А.С. Калюжного, В.И. Руденко, С.Н. Самтонова и др. В этот же период А.Н. Вырщиковым, С.Ю.Ивановой и др. рассматриваются проблемы возрождения патриотического воспитания и его неразрывная связь с формированием гражданственности в современных условиях[2]

Различные аспекты исследуемой проблемы получили отражение и в работах ученых Серного Кавказа. Советский патриотизм, его объект и имманентные признаки выступали предметом научного интереса В.Ш. Нахушева. Проблематике патриотизма посвящена докторская работа С.Ю. Ивановой, которая по существу явилась первым в современной отечественной науке обобщающим исследованием, где раскрывается содержание патриотизма в его социокультурной опосредованности и аксиологической сущности. Патриотизм в рамках политических процессов России анализируется Т.В. Беспаловой. Т.С. Колябина рассматривает формирование патриотизма как духовной ценности у россиян. Т.В.Пискуновой изучаются модификации ценностного содержания патриотизма[3].

---

[1] Зорькин В. Патриотизм истинный и ложный // Диалог. 1994;Троицкий Е.С. Патриотизм – движущая сила преодоления кризиса российского общества // Патриотизм: общественный и национальный. Истоки. Сущность. Типология: сб. статей. М., 1996.

[2] Вершина Н.А. Трансформация системы ценностных ориентаций студенчества // Ломоносовские чтения 2002. Студенты. Том 1.URL: http://lib.socio.msu.ru.; Вырщиков А.Н., Кусмарцев М.Б. Патриотическое воспитание молодёжи в современном российском обществе. Волгоград, 2006; Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ). М., 2000; Ефремов В.Я. Деятельность государственных органов и общественных организаций по воспитанию военнослужащих в духе российского патриотизма (1918 - 1922 гг.): Автореф. дисс. к.ист.н. Самара, 2001; Журавлева Н. А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М., 2006; Иванова С.Ю. Возрождение традиций патриотического воспитания студентов // Гражданская идентичность и патриотическое воспитание в полиэтническом регионе. Ростов н/Д, 2007. С. 90-97; Иванова С.Ю. Гражданско-патриотическое воспитание как фактор стабилизации полиэтничного социума в современных условиях // Полиэтничный макрорегион: язык, культура, политика, экономика. Ростов н/Д. 2008; Иванова С.Ю. Лутовинов В.И. Современный российский патриотизм. Р н/Д, 2008; Калюжный А.С. Общее содержание воспитания военнослужащих: учеб. пособие. Н. Новгород, 2004; Карманова Д.А. Патриотизм как общественное явление: социально-философский анализ: Автореф. дисс… канд.филос.н. Иваново, 2007; Качкин А. Патриотизм: условие российской национальной идентичности или пиар-проект? Социс. 2007. № 8; Колябина Т.С. Социальная идентичность как основополагающий элемент патриотизма и гражданственности // Теория и практика общественного развития. 2005, № 3; Парашин А.Ю. Патриотизм: историко-социологический анализ: Автореф. дисс… к.соц.н. М., 2006; Патриотизм народов России: традиции и современность. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. М., 2003; Руденко В.И. Формирование патриотизма как ценности у студенческой молодежи: Дисс… к.пед.н. Тюмень, 2005; Самтонов С.Н. Патриотическое воспитание студентов на основе этнокультурного опыта: Дисс… к.пед.н. Элиста, 2008.

[3] Беспалова Т.В. Патриотизм в современном российском политическом процессе: Автореф. дисс… к.полит. н. Ростов н/Д., 2004; Иванова С.Ю. Патриотизм в культуре современной России: Дисс. д.филос.н. Ставрополь, 2004. Колябина Т.С. Патриотизм и гражданственность как комплекс социокультурных и духовных ценностей: динамика формирования у современных россиян: Автореф. дисс… к.соц.н. Краснодар, 2006. Нахушев В.Ш. Советский патриотизм и интернационализация жизни народов. Ставрополь, Черкесск, 1985. Пискунова Т.В.

В Республике Адыгея отсутствуют работы, исследующие проблему патриотизма непосредственно в социологическом ракурсе. Однако ряд ученых обращают внимание на определенные аспекты патриотизма. Работы Т.И. Афасижева посвящены комплексному изучению советского патриотизма и патриотического воспитания. А.Ю. Шадже исследует патриотизм как ценность. З.А. Жаде рассматривает патриотизм в аспекте общегражданской идентичности. Л.Н. Котруца анализирует формирование патриотизма в школьной системе воспитания[1].

Следует заметить, что изучение проблем патриотизма в начале XXI в. заметно активизируется и на эмпирическом уровне. Исследованием проблем патриотизма в масштабе всей страны занимались и занимаются несколько творческих коллективов в Институте социологии РАН, Институте социально-политических исследований РАН, Институте психологии РАН и других. Периодически проводятся массовые опросы Фондом общественного мнения, Всероссийским центром изучения общественного мнения, Центром Левады и другими.

Аналитический обзор специальной литературы, посвященной проблеме патриотизма, позволяет сделать следующие выводы.

- социологического исследования патриотизма как ценностного ориентира студенческой молодежи полиэтничного региона практически не проводилось;
- некоторые аспекты патриотизма оцениваются исследователями неоднозначно, что создает проблемное поле в социологии;
- зачастую патриотизм рассматривается без учета междисциплинарного и полипарадигмального характера. Особенно значим социокультурный подход, который позволяет рассмотреть патриотизм в культурном многообразии. Кроме того, социокультурный подход обладает определенным универсализмом, который предоставляет возможность изучить культурные и социальные условия, влияющие на формирование патриотизма[2].

Патриотизм – многоаспектная социокультурная ценность, в основе которой находится естественное чувство любви и привязанности к своей Родине, побуждающее к активным действиям на пользу своему Отечеству, формирующее стремление быть ему полезным и охватывающее все стороны культуры личности и общества в целом, а также нацеленное на урегулирование общественной жизни и сплачивание российского поликультурного социума в единое целое. Патриотизм охватывает все стороны культуры личности и общества в целом, он нацелен на урегулирование общественной жизни и сплачивание российского поликультурного социума в единое целое.

Исследование патриотизма в нашей стране имеет свою специфику. Научное осмысление патриотизма зарождается на советском этапе развития России. Для данного периода было характерно изучение патриотизма с позиций классического подхода, согласно которому патриотизм интерпретировался как социальное чувство. Причем анализ такого сложного явления был подчинен интересам государственной идеологии и осуществлялся без опоры на су-

---

Модификации ценностного содержания патриотизма в сознании российской молодежи: Авт. дис. ... к.соц.н. Ростов н/Д., 2007. С.6.

[1] Афасижев Т.И. Под знаменем патриотизма: (Советский патриотизм как важная форма социальной активности молодежи в условиях развитого социализма). Майкоп, 1980; Афасижев Т.И. Военно-патриотическое воспитание учащейся молодежи. Майкоп, 1988; Жаде З.А. Патриотизм как фактор укрепления российской идентичности // Патриотизм и интернационализм как источники победы советского народа в годы Великой отечественной войны: Всероссийская научно-практическая конференция 27-29 ноября 2008 г. СПб – Майкоп, 2008. Котруца Л.Н. Формирование патриотического сознания у старшеклассников в школьной системе воспитания: Дисс… к.пед.н. М., 2009. Шадже А.Ю. Этнические ценности как философская проблема. М.. Майкоп, 2005.

[2] *Эмпирическую базу* составили результаты проведенного автором конкретного социологического исследования – массового опроса студентов Адыгейского государственного университета, Майкопского государственного технологического университета и филиалов высших учебных заведений Республики Адыгея в декабре 2008 – февраль 2009 гг. Данное исследование проводилось в форме анкетирования. Применялась случайная пропорциональная выборка. Объем выборки составил 800 респондентов (59% –девушки, 41% – юноши. Кроме того, методом контент-анализа автором были исследованы номера газеты «Советская Адыгея» (до января 1991 года – «Адыгейская правда»). Для комплексного изучения были проанализированы выпуски газеты, вышедшие в 1968-1969, 1978-1979, 1988-1989, 1998-1999 и 2008-2009 гг. В качестве смысловой единицы анализа выступали встречающиеся в публикациях лексемы и понятия, относимые к теме «патриотизм».

щественную эмпирическую базу. Исследования российского периода в рамках постнеклассического подхода характеризуются сменой методологических ориентиров. Патриотизм приобретает междисциплинарный и полипарадигмальный характер, являясь предметом рассмотрения ряда социогуманитарных наук. Формируясь как чувство любви к своему Отечеству и готовность к его защите, в современный период патриотизм предстает многоаспектным феноменом. В *философском* смысле патриотизм рассматривается как неотъемлемая часть духовного развития человека и общества в целом, а также как наиболее значимая ценность. В *политологическом* аспекте патриотизм, являясь составной частью политической жизни социума, оказывает влияние на формирование идентичности человека. *Педагогический* подход акцентирует внимание на воспитательном потенциале патриотизма и его роли в образовании личности как патриота своей Родины. В рамках *социологической науки* патриотизм рассматривается как сложная социальная система, системообразующими элементами которой выступают: патриотическое сознание, патриотическая деятельность, патриотическое отношение и патриотическая организация. Патриотизм является социально обусловленным и социокультурным явлением, реализация которого в жизни социума происходит через ряд функций. Основным признаком социокультурного содержания патриотизма является взаимосвязь социального и культурного аспектов, оказывающая воздействие на его формирование и развитие.

В современной научной мысли вопросы соотношения патриотизма и национализма отличаются дискуссионностью и рассматриваются с различных, часто противоречащих друг другу, позиций, что обуславливает содержательную демаркацию таких понятий «патриотизм», «этнонационализм» и «гражданский национализм». Этнонационализм активизирует чувство «горизонтального товарищества», ощущения этнического братства. Напротив, гражданский национализм утверждает «вертикальную» солидарность – приверженность личности к стране; к народу, в общем смысле слова, без дифференциации на «своих» и «чужих». Общероссийский патриотизм нацелен на формирование единой российской нации. При таком подходе патриотизм близок по содержанию гражданскому национализму и противоположен этнонационализму, который отражает интересы одной этнической группы.

Развитие патриотизма у молодого поколения представляет собой одну из основных задач модернизирующегося российского общества и необходимое условие его самосохранения и интеграции. Основным путем формирования патриотизма в полиэтничном регионе является проведение целенаправленной, эффективной, адаптированной и систематической работы по патриотическому воспитанию, посредством включения в подобную работу всех социальных институтов. Сегодня, процесс, направленный на формирование патриотического сознания молодежи, характеризуется своей незаконченностью и невключенностью многих социальных учреждений.

Исторический анализ свидетельствует о том, что патриотизм в различных проявлениях существовал на Руси с момента зарождения древнерусского государства и в своем становлении и развитии прошел длительный путь: патриотизм Русского государства; патриотизм Российской империи; советский патриотизм; российский патриотизм. Тенденция комплексного теоретического изучения проблемы патриотизма зарождается в Советском Союзе и развивается в Российской Федерации, что позволило выделить два этапа исследования: *советский и постсоветский (российский) периоды.*

С образованием Советского государства в официальной науке, следуя марксистской идеи отказа от традиционного патриотизма, исследуемый феномен рассматривается и получает осмысление исключительно как политическое явление. При этом происходит выделение единственно возможного социалистического патриотизма, который подчинен задачам интернационализации советского общества и противопоставляется космополитическим утопиям. *Начиная с 1930-х гг.* научное осмысление патриотизма сводится к минимуму. Это было обусловлено как объективными, так и субъективными причинами. Между тем, в государственной идеологии намечается переход от интернационализма к советскому патриотизму. Патриотизм превращается в надежную опору политического режима коммунистической пар-

тии. *С 1960-х гг.*, проводятся содержательные теоретические исследования советского патриотизма по ряду направлений. Большинство из них посвящено определению понимания и содержания советского патриотизма, сочетанию патриотизма и интернационализма. Патриотизм определяется как политический и нравственный признак, содержанием которого является любовь к отечеству. Достаточное внимание уделялось и вопросам соотношения патриотизма и общенациональной гордости. Тем самым, к концу 80-х годов был накоплен определенный теоретический опыт в изучении патриотизма. При этом диссертант отмечает, что акцент ставился на теоретических разработках данного феномена, тогда как эмпирическая база практически отсутствовала.

После распада Советского государства проблема патриотизма актуализируется в рамках углубления духовного кризиса. Особенностью изучения патриотизма в России конца XX в. является исследование рассматриваемой проблемы в аспекте глобальных социокультурных трансформаций и переоценки ценностно-нравственных ориентиров российского общества. На данном этапе происходит зарождение полипарадигмального подхода к анализу проблемы патриотизма. При этом в социологической науки проводится ряд эмпирических исследований в общероссийском масштабе, посвященных выявлению ценностной иерархии, которые свидетельствуют о радикальных изменениях в системе ценностей российского социума в середине 1990-х гг. *На современном этапе* проблема российского патриотизма, приобретая междисциплинарный и полипарадигмальный характер, получает развитие в ряде социально-гуманитарных наук: философии, истории, политологии, педагогики и социологии. Проблемное поле расширяется, в него включаются такие проблемы как модификации ценностного содержания патриотизма; социокультурный анализ патриотизма; формирования патриотических качеств у студентов; влияние этнических процессов на развитие патриотических чувств.

Особенно значимо соотношение патриотизма с этническим и гражданским национализмом. Научное осмысление понятия «национализм» связано с такими категориями, как «нация», «этнос». В зависимости от степени соотнесения этих понятий по-разному определяется сущность и содержание национализма, а также его корреляция с патриотизмом. Вопросы взаимосвязи патриотизма и национализма волнуют мыслителей и исследователей уже не одно столетие. Одни авторы отождествляют эти явления, другие – противопоставляют. Во многом это зависит от того, сторонником какого теоретического подхода является исследователь – *примордиализма, инструментализма или конструктивизма.* Примордиализм утверждает, что прототипы наций и национализм существовали всегда – как данность с самого начала человеческой истории. Сторонники инструментализма считают, что национализм искусственно изобретается и выступает в качестве инструмента борьбы за власть. В рамках конструктивистской концепции такие категории как «этнос», «нация», «национализм» рассматриваются как идеальные модели, конструкции, которые создает политическая элита для достижения каких-либо целей.

Между тем в современной науке традиционным стало выделение *этнического и гражданского национализма*. Этнический национализм основан на признании нации высшей формой этнической общности, которой принадлежит исключительное право обладания государственностью. Этнонационализм полагает, что нация основана на общем реальном или предполагаемом происхождении. Принадлежность нации определяется объективными генетическими факторами, «кровью». Сторонники данной формы утверждают, что национальная самоидентификация имеет древние этнические корни и потому носит естественный характер. Этнонационализм акцентирует внимание на ценностях, скрепляющих определенную этническую общность. При гражданском национализме в обществе обеспечивается ее монолитность, а этническое происхождение не влияет на реализацию гражданских прав и свобод. Гражданский национализм ставит своей задачей консолидацию общества на принципах равноправия граждан вне зависимости от их этнического происхождения и является наиболее прогрессивным продолжением политики национализма. Гражданский национализм близок по содержанию общероссийскому патриотизму и более приемлем для поликультурной России, чем этнический. При этом в ходе социологического исследования в Республике Адыгея

было установлено, что в сознании студенческой молодежи продолжает превалировать традиционный взгляд на национализм, который используется с негативным смыслом как идеология национального превосходства и исключительности.

На основе типологизации ценностей, предложенной Н.И. Лапиным[1], автором был составлен перечень десяти терминальных ценностных ориентиров (*семья, национальность /этническая принадлежность/, свобода, знание, экономическая независимость, дружба, патриотизм, счастье, душевный комфорт, здоровье*). Анализ данных проведенного исследования позволил определить степень значимости каждой из указанных ценностей и их место в сознании студентов Адыгеи.

В результате сложных трансформационных процессов патриотизм перестает занимать доминирующее положение в системе ценностных ориентиров студенческой молодежи Республики Адыгея. Наиболее значимыми ценностями студентов выступают такие традиционные ценности, как семья, здоровье и счастье. Менее важными являются патриотизм и этническая принадлежность. Подобные тенденции проявляются в масштабе всего российского общества с середины 1990-х гг. Самой значимой ценностью для современных студентов Республики Адыгея является *семья* как основной институт человеческой интеграции, элементарная единица социентальной системы. На *первое место* семью поставило абсолютное большинство респондентов – 77%. На *втором месте* в ценностной иерархии находится *здоровье.* Такой ценностный ориентир важен для 40% опрошенных студентов. Здоровье представляет собой общее физическое и психическое состояние человека. Следующей ценностью респонденты отметили *счастье*. Оно занимает *третье место* среди предложенных ценностных ориентиров для 37% студентов. Под счастьем предлагается понимать удовлетворенность жизнью, переживание приятных и радостных моментов. *Четвертое место* среди современных ценностных ориентиров студенчества занимает *дружба* как бесспорная ценность, характеризующаяся близкими и доверительными отношениями, значимая составляющая жизненного мира большинства людей. Такую позицию поддержало 34% студентов Республики Адыгея. На *пятое место* студенты поставили *свободу.* Подобное распределение ценностных ориентиров характерно для 30% респондентов. Свобода характеризуется способностью человека действовать в соответствии со своими интересами и целями, а также практической свободой личности выбирать свою линию поведения в различных обстоятельствах. Следующим ценностным ориентиром студенческой молодежи является *знание*. 29% студентов отнесли знание на *шестое место*. *Душевный комфорт* как ценностный ориентир студентов занимает *седьмое место.* 31% респондентов поддержал подобную позицию. Под душевным комфортом предлагается понимать внутреннюю гармонию человека, другими словами, отсутствие внутренних конфликтов. На *восьмое место* студенты Адыгеи определили экономическую независимость. Такой ответ характерен для 30% респондентов. При этом на основе сравнительного анализа с исследованиями в масштабе всей страны, диссертантом отмечается, что современные студенты Республики Адыгея не рассматривают материальные блага в качестве наиболее ценных ориентиров. Следующей ценностью респонденты отмечают *патриотизм.* На *девятое место* патриотизм поставили 35% от общего числа опрошенных студентов. Менее значимым ценностным ориентиром для студенческой молодежи Республики Адыгея является *национальность (этническая принадлежность)*. С такой позицией согласны 86% респондентов.

Для комплексного исследования динамики проявления патриотизма у студентов автором были составлены и проанализированы четыре блока вопросов.

К первому блоку относятся вопросы, связанные с выявлением понимания и содержания патриотизма. Анализируя полученные данные, диссертант отмечает, что для *студенческой молодежи характерно традиционное понимание патриотизма*. 40% респондентов определяют патриотизм как чувство любви к Родине. Для каждого четвертого студента патриотизм – это гордость своим Отечеством. Еще 16% выбирают ответ «уважение культуры, истории

[1] См.: Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей // Социс, 1996. №5.

страны»; 15% – «любовь к своей семье, к родному краю» и всего для 4% патриотизм – «любовь к народу». При этом в ценностном сознании студентов Адыгеи практически не отображена основная функция современного патриотизма – *консолидация поликультурного общества.* Между тем, респондентам свойственно идентифицировать себя с гражданами России, свыше 30% опрошенных студентов считают себя, в первую очередь, гражданином России. Для большинства респондентов понятие «Родина» отождествляется со страной, в которой они родились.

Второй блок вопросов нацелен на уточнение критериев человека-патриота и патриотичности. Результаты проведенного исследования показали – 52% опрошенных студентов считают себя патриотами, причем представителям мужского пола более свойственна подобная идентификация. Патриотизм представляет собой комплексный социокультурный и нравственный феномен, в котором можно выделить несколько основных аспектов: *когнитивный, эмоциональный, поведенческий и этнокультурный.* Для студентов Республики Адыгея характерно выделение *поведенческого компонента* патриотизма. Главным критерием патриотичности личности они считают наличие стремления работать и действовать для процветания страны. Подобную установку поддержало 28% анкетируемых студентов. Однако этнокультурная составляющая патриотичности также находит отображение в ответах респондентов.

Следующий блок вопросов посвящен определению факторов, оказывающих наиболее значимое влияние на формирование современного патриотизма. Согласно данным исследования 35% респондентов считают, что на развитие патриотизма в первую очередь влияет социальный фактор, 30% отметили политический фактор, 18% – экономический, а 15% полагают, что в большей степени развитие патриотизма зависит от этнической принадлежности. При этом 51% опрашиваемых студентов отрицает роль традиций и обычаев в формировании современного патриотизма, отмечая естественный характер проявления патриотизма.

В исследованиях ценностных ориентаций молодежи важны те косвенные обстоятельства, которые отмечаются в прожективных вопросах. Так, на вопрос *«Как Вы смотрите на будущее России?»* 68% студентов дают ответ «с надеждой и оптимизмом». Согласно данным проведенного исследования, 65% студентов гордятся тем, что живут в России; четверть не испытывают чувства гордости, но страну менять не хотят; 7% относятся к ней безразлично.

Анализ полученных результатов позволяет сделать вывод: динамика проявления патриотизма у студенческой молодежи Республики Адыгея в целом положительна.

Основное звено социализации личности, направленной на формирование ее патриотических качеств, – патриотическое воспитание. *Одной из особенностей современного воспитания патриотизма является его неразрывная связь с формированием гражданственности.* В 65% случаев в студенческом сознании находит понимание необходимость формирования общенациональной идеи, фундированной на единении поликультурного социума, в качестве которой может выступать патриотизм, а также четко сформулированной патриотической идеи, отвечающей требованиям современных условий. Причем формирование такой идеи зависит в большей степени от создания государством необходимых условий. Такое мнение разделяют 36% опрошенных студентов. Однако высокий процент (34) составляет и та часть респондентов, которая считает, что это *«решение экономических и социальных проблем».* Еще 4% опрошенных студентов затрудняются ответить. Не остается без внимания и значимость проведения целенаправленной политики государства. Подобный ответ был отмечен в 26% случаев. К тому же, по мнению студенческой молодежи Адыгеи, в наибольшей степени отрицательно влияет на формирование нравственно-патриотических качеств молодого поколения *отсутствие четкой патриотической идеи в обществе.* Значимость патриотического воспитания отражается в сознании студентов Республики Адыгея. При этом 70% опрошенных респондентов считают возможным применение опыта воспитания советского периода, однако, не в полном объеме, а с адаптацией к современным реалиям общественной жизни. Учитывая полиэтнический состав Республики Адыгея, является, несомненно, важным мнение студентов относительно степени влияния этнической идентичности личности на формирование общенационального патриотизма. Большинство респондентов отрицают воздействие

этнической принадлежности на воспитание и развитие патриотизма. Пятая часть опрошенных студентов полагают, что идентификация человека с определенным народом способствует формированию российского патриотизма, 16% отмечает негативное влияние, а у 29% возникли затруднения с ответом на этот вопрос. Сегодня, как считает большинство опрошенных респондентов, социальные институты не воспитывают чувства патриотизма, причем публичные институты, например, школа и высшие учебные заведения, преуспевают в этом гораздо меньше, чем институты первичной социализации – такие как семья. Большая часть опрошенной молодежи (64%) отмечает негативное воздействие западной культуры на формирование патриотизма. Также 40% студентов признают наличие проблемы патриотического воспитания в Республике Адыгея, причем 31% от общего числа опрошенных указывает на недостаточность уделяемого внимания указанной проблеме, в частности, средствами массовой информации (СМИ).

СМИ – один из основных факторов, влияющих на патриотическое воспитание в полиэтничном регионе, вследствие чего был проанализирован вопрос освещения проблемы патриотизма в республиканских печатных СМИ. Они были исследованы методом контент-анализа. Большинство статей посвящено патриотическому воспитанию молодого поколения. Недостаточно внимания уделяется современному состоянию патриотизма, а также принятию и действию государственных программ в сфере патриотического воспитания. К тому же, зачастую печатные СМИ преподносят информацию относительно патриотического воспитания в положительном русле, умалчивая о многочисленных проблемах в данной сфере.

***Ю.П. Зарецкий, д.ист.н. (ВШЭ-НИУ*, Москва)**

Историческая память и национальная идентичность

«Переписывание истории» в той или иной мере наблюдается не только в постсоветском пространстве, но и во вполне «благополучных» странах. Ее цель – достаточно безрассудная – попытаться кратко очертить некие общие рамки возможного осмысления национальных историй в сегодняшнем социально-гуманитарном знании.

Начнем с *истории*. Изначально это древнегреческое слово означало «представление результатов исследования», сегодня оно чаще всего употребляется в трех значениях. *Первое из них – прошлое, т.е. один из составных элементов закрепленной в европейских языках и европейском сознании триады: прошлое-настоящее-будущее, с помощью которой люди структурируют время*[1]. *Второе – рассказ о каком-то событии или событиях. Наконец, третье и главное значение – наука, изучающая прошлое.* Тут следует заметить, что не только в обыденном сознании, но и в научном, эти три значения часто смешиваются[2]. Выражение «знать историю» чаще всего одновременно подразумевает и знание о том, что имело место в прошлом, и знакомство с сочинениями историков. При этом не обращается внимание, по крайней мере, на три важных обстоятельства: создававшиеся историками образы прошлого на протяжении столетий не раз драматически менялись; в разное время разные группы историков обращались к разным сторонам этого прошлого (отсюда различные направления в историографии: политическая история, социальная история, экономическая история, история идей, история ментальностей и так далее); у современных историков, так же как и у их предшественников, трудно обнаружить что-нибудь, похожее на общность взглядов на про-

[1] В этой связи полезно помнить, что такое структурирование времени не является универсальным. В японском языке, например, настоящее и будущее времена грамматически выражаются одинаково, поэтому можно сказать, что в нем есть только прошедшее и настоящее время.

[2] Можно добавить, что, помимо некоторых социальных и культурных обстоятельств, такое сплошь и рядом встречающееся смешение «прошлого» и «истории» обязано русскому языку (в немецком, например, «прошлое» и «историческое знание» обычно различаются, и для такого различения есть соответственно слова *Geschichte* и *Historie*). Русский язык, впрочем, в данном случае является, скорее, правилом, чем исключением, - в английском и французском *history* и *histoire* также используются в обоих смыслах.

шлое[1]. Первое значение слова история – история как *прошлое* – наиболее очевидно и едва ли требует каких-то специальных комментариев. В представлении сегодняшнего европейца это расположенные на временной оси события, которые уже произошли, т.е. нечто, что было когда-то, чего нет сейчас и чего никогда больше не будет.

Второе значение (история как *рассказ*), напротив, нуждается в пояснениях. Долгое время считалось само собой разумеющимся, что наше научное знание о прошлом существует в виде связного повествования. Но вот начиная с 1970-х гг. эта очевидность стала предметом пристального внимания ученых, «открывших», что посредниками между прошлым и историком, его изучающим, являются *язык* и *текст:* стало очевидно, что прошлое становится доступным историку преимущественно благодаря сохранившимся *рассказам* о нем, оставленным современниками; что результаты исследований историков тоже представляют собой *рассказы*. Т.е. обнаружилось, что наши научные знания о прошлом по преимуществу представляют собой описания последовательностей событий (нарративов), составленные на основе других описаний. Дело, однако, в том, что, если верить философам и лингвистам (от Витгенштейна до Деррида), никакая языковая конструкция не является нейтральным передатчиком значений: она всегда подчиняется определенным законам и несет в себе определенные культурные «матрицы» смыслов. Всякое использование языка, следовательно, неизбежно подчиняется этим предзаданным смыслам. Сказанное считается особенно справедливым в отношении развернутых нарративов, в частности, исторических. Так, Х. Уайт, проанализировав тексты, созданные крупнейшими историками XIX в. – Мишле, Ранке, Токвилем, Бурхардтом, Марксом и др., – выявил 4 «архетипа», лежащие в основе их построений: *роман, комедия, трагедия и сатира*. По Уайту, любой историк невольно стоит перед выбором одного из этих способов повествования, причем делает свой выбор не из стремления к постижению исторической истины (хотя он и может искренне верить в то, что показывает, «как было на самом деле»), а руководствуясь моральными или эстетическими соображениями[2]. В итоге, традиционно приписываемая историкам роль производителей объективных научных знаний о прошлом, как и сама возможность постижения прошлого, оказались поставленными под сомнение. Стали все чаще звучать заявления, что сегодня – как это уже было до формирования в XIX в. *historischeWissenschaft* – историю следует относить не к области научных знаний, а к изящной словесности[3].

История как *рассказ*, таким образом, оказывается тесно связанной с историей как *наукой, изучающей прошлое*. Об изменениях, которые произошли в последние десятилетия в понимании сути этой науки, ее задач и возможностей, следует сказать несколько подробнее[4]. Сегодня понимание «исторической науки» (ее сейчас обычно обозначают менее амбициозно – «историческое знание») все чаще обособляется от двух ее основных постулатов, сложившихся в XVIII в.: что история изучает процесс развития человечества, который имеет общую логику и направленность; что этот процесс поддается объективному (=научному) познанию[5]. Приобретает особую значимость мысль о социальной обусловленности исторического знания. Речь идет не о банальной формуле влияния общественных интересов, государственной политики, личности историка и тому подобного на историческую науку – такого рода влияние всегда так или иначе признавалось. Имеется в виду, что сам образ прошлого, как тако-

---

[1] Сказанное справедливо и по отношению к какому-нибудь отдельному его эпизоду (например, Октябрьской революции/большевистскому перевороту/революции 1917 года в России), и по отношению к прошлому человечества в целом – в последнее время все чаще высказываются сомнения по поводу самой возможности создания единой мировой истории

[2] Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002.

[3] Примечательно, что великий немецкий историк Древнего Рима Т. Моммзен в 1902 г. еще мог получить Нобелевскую премию по литературе.

[4] См. об этом также: Зарецкий Ю.П. Феодализм, исторический источник, история, наука: «модный» взгляд на старые вещи // Новые российские гуманитарные исследования. 2007. № 2 (www.nrgumis.ru/articles/article.php?binn_rubrik_pl_articles=189).

[5] См.: Iggers G. Historiography in the Twentieth Century: from scientific objectivity to the postmodern challenge. Hannover; London, 1997.

вой, в историографии не может быть «объективен» в принципе. Он является либо его «реконструкцией» (в лучшем случае), либо вообще «конструкцией», имеющей мало отношения к «подлинному» прошлому. При этом признается, что в обоих случаях этот образ напрямую зависит от властных отношений в обществе и является предметом манипуляций сил, имеющих своей целью достижение тех или иных политических результатов в настоящем. О все большем признании такого рода обусловленности исторического знания можно судить по вторжению соответствующих тем в повестку дня крупнейших международных форумов историков. Одна из основных тем XIX конгресса исторических наук в Осло (2000), например, была сформулирована следующим образом: «Использование истории, злоупотребление ею и ответственность историков»[1].

Эта формулировка подразумевает не только то, что продукция, производимая историками, является не «чистым» знанием, а знанием, зависимым от конкретных социальных и политических обстоятельств. Она имеет в виду, что это знание неизбежно так или иначе «используется» властными силами, причем нередко во вред обществу, что приводит к таким печальным следствиям, как войны, геноцид, межэтнические конфликты и так далее. Наиболее часто приводимый пример такого использования – роль ученых XIX в. в формировании идеологии и практики национализма. «Научно обосновав» три важнейших характеристики нации: восходящее к далекому прошлому единство языка, территории и культуры, они создали историческую «смесь» огромной разрушительной силы, не раз использовавшуюся на протяжении XX в. (тут достаточно упомянуть о двух мировых войнах) и продолжающую использоваться в разных частях Европы в наши дни (наиболее известный сегодняшний пример – события в Косове и вокруг него).

Важная характерная черта современного исторического знания – историоризация (и проблематизация) целого ряда привычных понятий. Это историоризирующее / проблематизирующее направление в историографии породило в последние 20-30 лет большую серию исследований, посвященных самым разным темам. В качестве примера тут можно привести популярную монографию известного американского историка П. Гири «Миф о нациях: Средневековое происхождение Европы»[2]. Главная мысль автора (правоту ее он доказывает на примере становления идеи «нации» в европейской науке XIX в.): представления миллионов современных европейцев, гордящихся своим происхождением от кельтов, франков, галлов, гуннов, сербов и т.д., основываются на иллюзиях. Соответственно, задача его исследования – показать, как эти иллюзии возникли, т.е. «деконструировать» миф об онтологичности нации и представлений о ней как о вечной и неизменной реальности. Другой пример – недавно переведенное на русский язык исследование Л. Вульфа «Изобретая Восточную Европу»[3]. В нем на многочисленных примерах показывается, что в привычном для нас делении европейского континента на Западную и Восточную Европу нет ничего «естественного»: до XVIII в. такого деления просто не существовало. Концепция отдельной, «отсталой», Европы появилась только в эпоху Просвещения, когда его деятели с высот своих знаний стали снисходительно-любопытствующе обозревать окружающий их мир. Наконец, к этому же историоризирующему и проблематизирующему направлению относится и только что появившееся на русском языке исследование немецкого историка Ф.Б. Шенка, посвященное функционированию культурной памяти об Александре Невском. Главный вопрос, который ставит в нем автор (нужно заметить, для нашей историографии звучащий довольно непривычно), не то, каким был его герой «на самом деле», а «как изменялся образ Александра Невского в период более чем семисотлетней его истории»[4]. Известный французский философ П. Рикёр, говоря в одной из своих последних лекций об общих сдвигах в историческом знании XX в., определил их емкой формулой: *«историю событий сменила история интерпретаций»*. Ра-

---

[1] См.: www.oslo2000.uio.no.
[2] Geary P.J. The Myth of Nations: The Medieval Origins of Europe. Princeton, 2002.
[3] Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.
[4] Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти. М., 2007. С.10.

зумеется, эта формула претендовала не столько на полноту, сколько на обозначение общей тенденции.

Второе понятие, о котором пойдет речь, *память* (точнее, социальная память), тесно переплетено с понятием «история». Его введение в научный оборот и начало изучения социальной памяти относят к 1920-м гг. и связывают с именем М. Хальбвакса[1]. Для Хальбвакса *память является социальной конструкцией, создаваемой в настоящем*. То есть она понимается не как сумма воспоминаний отдельных людей, а как некое *коллективное культурное произведение, развивающееся под влиянием семьи, религии и социальной группы через языковые структуры, повседневные жизненные практики и общественные институты.* Т.е. она *«конституирует систему общественных конвенций, в рамках которой мы придаем форму нашим воспоминаниям»*[2]. Работы Хальбвакса, оказавшиеся особенно востребованными в последние десятилетия XX в., положили начало новому междисциплинарному направлению исследований[3]. Социальная память, ее формирование, отношение между социальной памятью и историческим знанием стали темой широких научных и общественных дискуссий. В них следует обозначить одно важное различие в позициях участников. Если для Хальбвакса и некоторых его последователей социальная память и историческая наука выступают как антагонисты (историческая наука начинается там, где заканчивается коллективная память и наоборот), то новое поколение ученых склоняется к сближению этих понятий. Как замечает один из них, «когда постулируют дихотомию коллективной памяти и истории, упускают социальный и культурный контекст, в котором находится сам историк» и приписывают историческому знанию объективность и внеисторичность, которых оно вряд ли заслуживает. «Историки работают с некоторой целью – по существу затем, чтобы формировать коллективную память исторического цеха и, в конечном счете, общества, в котором живут. Ученое разыскание стремится к тому, чтобы преобразить коллективное понимание прошлого»[4].

С 1980-х гг. *историки начали активное изучение коллективной памяти.* Одна из самых известных и масштабных работ в этом направлении – проект под руководством П. Нора «Места памяти»[5]. Предметом исследования в нем стали места, вещи и события, в совокупности составляющие материал, из которого конструируется коллективная память во Франции. Этими «символическими объектами» стали отдельные местности, памятники, события, ритуалы, символы и традиции, составляющие многообразие французской национальной идентичности: Пантеон, Жанна д'Арк, Триумфальная арка, словарь Ларусса, Стена коммунаров и еще десятки других. «Способ, каким составленные из этих обломков фрагменты прошлого дошли до нас, – говорит Нора, – то, как они возникали, исчезали, дробились на части и вновь использовались, и является тем, что создало нас»[6]. Таким образом, главной задачей исследования, объединившего крупнейших историков Франции, стал поиск ответов на вопросы, злободневные для сегодняшнего французского общества: Что такое Франция? Что значит быть французом? Как менялись представления о Франции и французах во времени?

Наконец, третье понятие, *национальная идентичность*, наиболее неопределенное и противоречивое по причине его гораздо большей укорененности в общественно-политическом лексиконе, чем в научном. *Идентичность* в данном случае понимается как социальная идентичность, то есть принадлежность человека к той или иной устойчивой группе людей. Эта принадлежность обычно считается фактом, если признается, с одной стороны, самим че-

---

[1] См.: Хальбвакс М. Социальные рамки памяти.М., 2007.

[2] Гири П. История в роли памяти? // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 14. М., 2005. С. 116.

[3] См. на русском языке: Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004; Франсуа Э.«Места памяти» по-немецки: как писать их историю? // Ab imperio. 2004. № 1. С. 29-43.

[4] Гири П. История в роли памяти? // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 14. М., 2005. С. 118.

[5] NoraP.(Ed.). Les Lieux de mйmoire. Vol. 1-7.Paris, 1984-1992; сокращенный русский перевод: Франция – память. СПб., 1999.

[6] Нора П. Как писать историю Франции? // Франция - память. СПб., 1999. С. 92-93.

ловеком, с другой, окружающими его людьми или обществом в целом. Долгие разъяснения здесь, впрочем, едва ли требуются. *Национальный* – иной случай, поскольку это слово нагружено многообразными смыслами. Два из них наиболее очевидны: исходный смысл понятия «нация» может пониматься, во-первых, как общество и государство и, во-вторых, как тот или иной народ (этнос). В западноевропейских языках сегодня, безусловно, доминирует первый смысл, в современной России – второй[1].

Особенности сегодняшнего российского понимания национальной идентичности обусловлены вполне конкретными историческими обстоятельствами. Хорошо знакомые каждому понятия «нация» и «национальность» вошли в наш политический, научный и повседневный лексикон в значительной мере благодаря российским социал-демократам, которые, как известно, были довольно хорошо знакомы с западной общественной наукой (преимущественно немецкой) конца XIX – начала XX вв. Принципиальное значение для введения в обиход этих понятий имела знаменитая статья «Марксизм и национальный вопрос», которая после победы большевистской революции превратилась не только в «азбуку» национального строительства, но и в важнейший инструмент укоренения новых понятий в русском языке[2].

Что касается понятия «национальность», то оно стало постепенно приобретать все большую значимость начиная с 1926 г., после того, как было внесено в опросный лист Всесоюзной переписи населения[3]. Тогда (впервые в нашей истории!) каждый житель СССР не просто услышал это слово из «уст» новых властей, но был обязан идентифицировать себя с той или иной национальностью/народностью. В итоге, государственная власть получила картину «национального состава населения СССР»[4], необходимую для выработки ею «национальной политики».

Введение в 1932 г. в СССР паспортной системы с соответствующей графой окончательно сформировало и на десятилетия «зацементировало» советское понимание «национальности». Хотя и не сразу. Первоначально каждый гражданин СССР при получении паспорта был волен указать в графе «национальность» ту, к которой он сам себя относил независимо от места рождения, происхождения, вероисповедания, родного языка и других факторов. Однако очень скоро, по-видимому, уже с конца 1930-х гг., в СССР «национальность» стала пониматься почти исключительно как родство по крови. Никакой личной свободы в определении собственной идентичности не допускалось, знание языка, обычаев и тому подобное отходило на второй и третий планы, и именно родство по крови становилось важнейшим признаком принадлежности к той или иной «национальности» - во всяком случае, именно указания на такое родство требовали различные инструкции, анкеты и повседневные практики. В общем,

---

[1] Приведу для иллюстрации пример. Дело происходило в начале октября 2006 г. в одном из немецких университетов на первой встрече только что принятых студентов I курса, часть которых составляли иностранцы. Каждому нужно было кратко представиться, т.е. назвать свое имя и добавить пару слов о себе. Все шло рутинно, пока одна девушка не встала и не произнесла: «Я (такая-то). Я из Казахстана, но я русская». Тут же возникло недоумение, и присутствующие стали перешептываться, пытаясь выяснить, что эти загадочные слова означают: какой же она все-таки национальности (то есть гражданкой какого государства она является)? Казахстана (=казашка)? Или все-таки России (=русская)? Или, может быть, у нее двойное гражданство? Какой-то особый статус? Смысл сказанного прекрасно поняла лишь одна студентка из России, находившаяся в аудитории и рассказавшая мне эту примечательную историю.

[2] См.: Особенности конституирования национальной и этнической идентичности в современной России. СПб., 1999; Сухачев В.Ю. Национальная идентичность – теория и реальность // Там же. С. 30-37.

[3] Программа переписи включала 14 признаков. Кроме «национальности» (в переписном листе ее синоним – «народность»), в эти признаки входили: пол, возраст, родной язык, место рождения, продолжительность проживания в месте переписи, брачное состояние, грамотность, физические недостатки, психическое здоровье, занятие (с выделением главного и побочного), положение в занятии и отрасль труда, для безработных – продолжительность безработицы и прежнее занятие, источник средств существования (для не имеющих занятия).

[4] Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по республикам СССР // Демоскоп.ру (http://demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php).

вполне можно согласиться с заключением, сделанным историками: в СССР «личная национальность стала исключительно вопросом крови»[1].

В постсоветское время такая картина «национальных общностей» и критерии их обозначения подверглись резкой критике со стороны российских ученых, и, вместо понятий «нация» и «национальность», в научный оборот стали вводиться принятые в мировой науке понятия «этнос», «этническая группа» и другие[2]. Однако трудности с овладением новым понятийным аппаратом и его использованием оказались серьезнее, чем ожидали ученые: в государственно-политической и широкой общественной практике обозначение этнических групп и понимание их природы в постсоветское время не претерпело серьезных изменений. Вот что писал в этой связи В. Тишков: «Что сто́ит хотя бы первая строка нынешней Конституции: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации». Эти старые клише «многонациональности» из советских деклараций, когда за них не нужно было платить процедурой реализации, перекочевали в совершенно новую политическую ситуацию более ответственных смыслов»[3]. В последнее время, впрочем, российские граждане все чаще сталкиваются с иной трактовкой своей «национальной идентичности»: как гражданства и, соответственно, понимания «нации» как российского общества и государства в целом. Например, когда заполняют визовую анкету, выезжая за границу, или слышат в средствах массовой информации о российских «национальных интересах», национальном проекте «доступное жилье» и так далее.

В заключение нужно подчеркнуть: поиски новой коллективной идентичности сегодня актуальны не только для России. *Стремительно меняющийся мир настоятельно ставит задачу формирования новых национальных (а нередко и наднациональных) идентичностей, требуя преобразований существующих форм коллективной памяти.* Из России особенно заметны такие преобразования в странах бывшего СССР, обычно болезненно у нас воспринимающиеся и обозначаемые как «переписывание истории» (особенно в Украине и Балтийских государствах). Но «переписывание истории» в той или иной мере наблюдается не только в постсоветском пространстве, но и во вполне «благополучных» странах. Упоминавшийся выше проект Нора исходил из вполне конкретной практической задачи конструирования новой французской идентичности. *«Мы переходим от одной модели нации к другой»*[4], подчеркивал Нора, в статье красноречиво озаглавленной «Как писать историю Франции?» и без ложной скромности добавлял, что его проект – «ответ императивным требованиям момента, единственный, который соответствует сегодня состоянию науки и сознания»[5].

Как это ни может показаться удивительным, но задача обретения новой коллективной идентичности в высшей степени актуальна сегодня не только для «россиян», но и для англичан, немцев, американцев[6]. Для правительств, общественных и научных институтов стран ЕС особенно. Количество научных публикаций, конференций и исследовательских проектов (как правило, международных и междисциплинарных), в которых так или иначе присутству-

---

[1] Особенности конституирования национальной и этнической идентичности в современной России. СПб., 1999. С. 367. К сказанному необходимо добавить, что в официальной советской идеологии любые проявления национализма и расизма категорически осуждались.

[2] Следует заметить, что до перестройки понятия «этнос» в ходу не было. См.: Любимова Г.В. Изучение проблем этнической самоидентификации в отечественной литературе 1990-х гг. (www.sati.archaeology.nsc.ru/Home/pub/Data/arj/?html=lubg.htm&id=1304).

[3] Тишков В.А.Забыть о нации (Постнационалистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9 (цит по: www.portal.rsu.ru/culture/rostov.doc).

[4] Нора П. Как писать историю Франции? // Франция - память. СПб., 1999. С. 89-90.

[5] Там же. С. 93. Следует добавить, что смелое и масштабное предприятие Нора стало впоследствии образцом для исследований о возникновении и переустройстве национальных идентичностей через образы памяти о прошлом, ведущихся в целом ряде европейских стран.

[6] В США, например, после краха идеи американского общества как «плавильного котла» и стремительного роста потока иммигрантов из стран Латинской Америки, тревогу забили ученые консервативного толка, увидевшие главную угрозу американской идентичности в потоке иммигрантов-латиносов и призвавшие к восстановлению англо-протестантского основания этой идентичности (см.: HuntingtonS.P. Who Are We? The Challenges to America's National Identity. NewYork, 2004).

ет идея «формирования» или «создания» новой европейской идентичности, сегодня не счесть. Речь в них идет об европейской политической и экономической интеграции, исчезновении государственных границ, миграционных процессах и, не в последнюю очередь, о необходимости новой наднациональной истории, соответствующей задаче строительства единой Европы[1]. Сегодня трудно представить, каковы будут конкретные результаты этих масштабных проектов. Больше того, не вполне ясно, в какой мере прислушиваются к экспертным мнениям историков политики и прислушиваются ли вообще. Скорее всего, историческое знание больше используется ими для достижения тех или иных сиюминутных результатов, чем играет какую-то самостоятельную роль. Но из этого едва ли следует, что историки так уж бесполезны для переустройства современного общества. Они могут, по крайней мере, упрямо, с надоедливыми подробностями и повторами рассказывать своим читателям о том, как создаются фантомы прошлого, как они использовались для достижения конкретных политических целей раньше и как используются сейчас.

С.Г. Зырянов, д.полит.н., Е.В. Терещук, к.соц.н. (. ЧФ/И/ УрАГС, Челябинск).

Студенты о Великой отечественной войне в контексте семейной традиции

Анализируя проблему отношения молодежи к Великой отечественной войне, Дню Победы, мы рассматривали её применительно к индивиду. Настал момент рассмотреть ее в пространстве семьи, ответив на следующие вопросы: влияют ли на восприятие этих исторических событий установки в семьях студентов, связано ли это с реликвиями Великой отечественной войны, хранящимися в семьях. Одна из главных функций семьи – воспитание подрастающего поколения, передача накопленного опыта, в том числе и приобщение к исторической памяти, через призму которой молодые люди оценивают значимость и характер событий прошлого и настоящего своей страны.

Самосознание любого общества начинается с истории. Ее символически значимые события формируют смысловую основу национальной и гражданской идентичности. В то же время историческое сознание подвержено как бы незаметному воздействию повседневных перемен. Меняется жизнь – и вслед за ней постепенно меняется и историческое сознание. Вот почему результаты социологического зондирования исторических представлений, особенно поколения, только вступающего в жизнь, являются эффективным инструментом социальной диагностики.[2]

Как отмечают социологи ИС РАН, необходимо признать, что сегодня россияне «черпают» символы величия в основном в советском прошлом страны, и, прежде всего, это Победа советского народа в Великой Отечественной войне (67%)[3]. (См.: Рис.1).

Результаты исследования РАГС также подтверждают, что Победа СССР над фашизмом до сих пор относится к символам гордости в отечественной истории (на что указывают 23% опрошенных), занимая по значимости второе место после развития космонавтики (33%).[4]

Но современный россиянин все больше удаляется от советской истории, которая становится далеким прошлым, лежащим за пределами исторического опыта новых поколений. К примеру, для современной молодежи, например, российская культура (великие писатели, музыканты, поэты, художники) по своему значению обогнала события Великой Отечественной

---

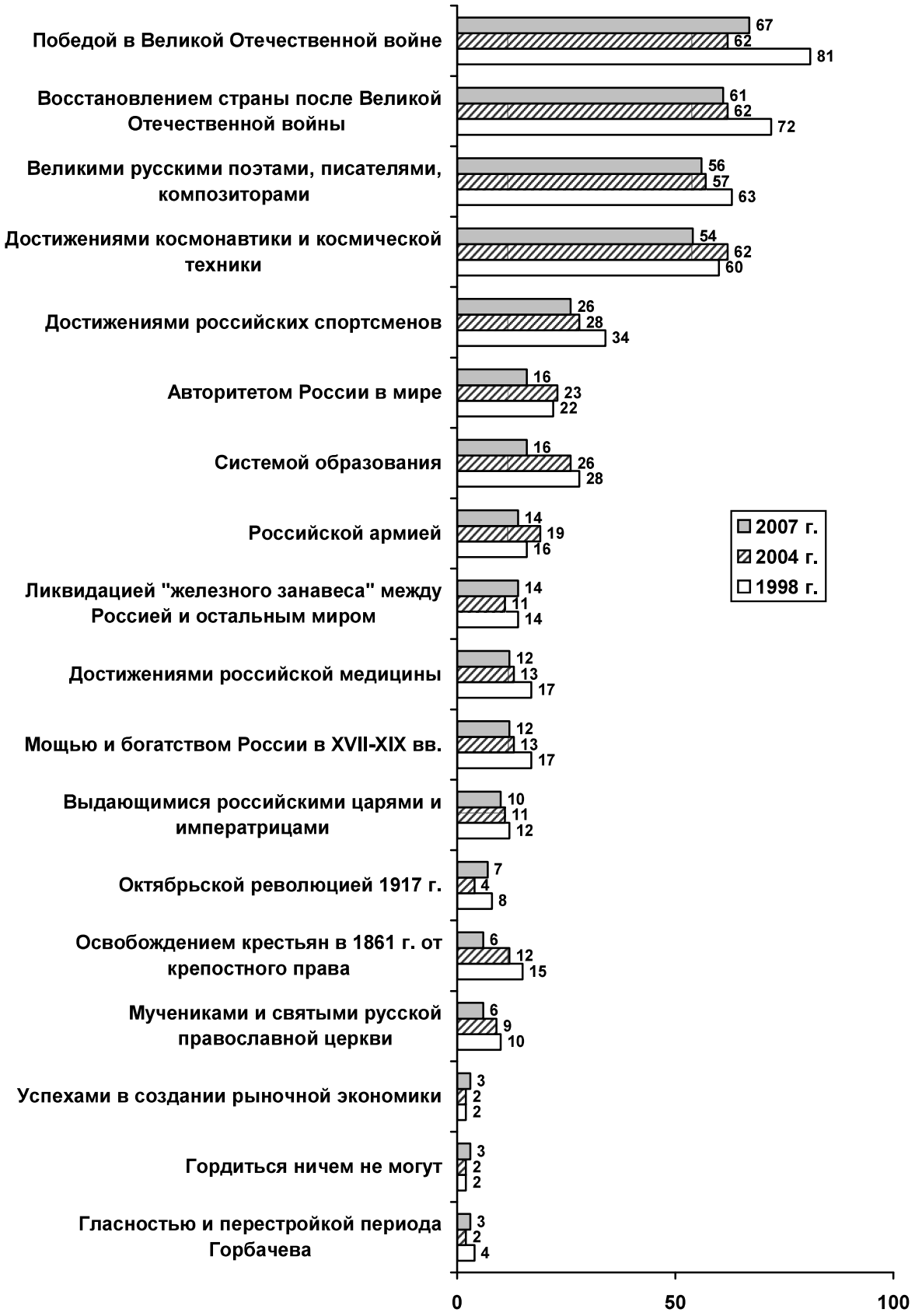
[1] В качестве примеров участия историков в создании европейской коллективной памяти укажу на серию популярных монографий «Строить Европу» («Faire l'Europe») крупнейших ученых современности (с 1993 года она выходит под редакцией Жака Ле Гоффа и переводится на основные европейские языки) и на масштабный проект CLIOH, имеющий задачей преподавание и изучение европейской истории на всех уровнях, основываясь на наднациональном видении европейского прошлого (см.: www.stm.unipi.it/Clioh/indexold.html).

[2] Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты // Информационно–аналитический бюллетень ИС РАН. 2007. №7 // Интернет-ресурс: http://www.isras.ru/INAB_2007_4_main.htm

[3] Российская идентичность в социологическом измерении // Информационно-аналитический бюллетень ИС РАН. 2008. №3 // Интернет-ресурс: http://www.isras.ru/INAB_2008_3_main.htm

[4] Бойков В.Э. Историческая память российского населения // Интернет-ресурс: http://www.rags.ru/s_center/istoriya/analiz.shtm

Рис.1. Чем из прошлой истории страны сегодня гордятся граждане России (допускалось не более 5 вариантов ответа)



войны (62 и 54% соответственно), не говоря уже об Октябрьской революции и других историко-политических событиях советского и досоветского периодов.[1]

Вопросы трансляции исторической памяти связаны с проблемами межпоколенческих отношений, с нежеланием молодежи безоговорочно усваивать и воспроизводить ценности и модели поведения старшего поколения. Однако, по данным ВЦИОМ, население России, например, рассматривает межпоколенческие различия менее значимыми в сравнении с социально-экономическими и социально-политическими. По значимости различия между поколениями (47%) «пропустили вперед» другие: между бедными и богатыми – 79%, населением и властью – 71%, между рабочим классом, интеллигенцией и бизнесменами – 53%[2]. В условиях социальных трансформаций качественно изменяется значимость для молодого поколения жизненного и социального опыта старших поколений. Этот опыт – в отличие от периодов эволюционного, «спокойного» развития – не воспринимается молодежью как актуальный и для нее. По данным тюменских социологов, лишь 31% молодых людей твердо заявляют, что родители для них – образец; для 47% родители могут служить образцом далеко не во всем; 11% – вообще не признают родителей образцом; еще 11% затруднились с ответом.[3]

Влияют ли межпоколенческие проблемы – проблемы отцов и детей – на отношение к одному из определяющих событий истории страны – к Победе в Великой Отечественной войне? Насколько далеко ушла студенческая молодежь от старшего поколения в восприятии значимости Дня Победы? Проведенное среди студентов исследование позволяет зафиксировать следующие аспекты обозначенной проблемы.

Для семей большинства опрошенных студентов День победы – это «праздник со слезами на глазах», день памяти о родных, прошедших войну. И, судя по всему, такое отношение к Дню Победы и к Великой Отечественной войне воспринято и самим молодым поколением. Это отражается на личностной оценке студентами актуальности событий 65-летней давности, уверенности в том, что подвиг в Великой Отечественной войне будет примером для новых поколений, в готовности называть себя патриотами. Немаловажное значение в передаче исторической памяти молодому поколению имеют хранящиеся в семьях студентов реликвии Великой отечественной войны.

Каковы существующие в семьях студентов традиции празднования Дня Победы? Отражают ли они только ценности средних и старших поколений или восприняты и молодым поколением тоже?

Почти две трети студентов (61%) отмечают, что День Победы для их семей – это день памяти о родных, прошедших войну. Ответы 29% студентов подчеркивают, видимо, общую объективную значимость Дня Победы для общества, страны: для них 9 мая является «праздником со слезами на глазах». Для 12% опрошенных и их семей этот праздник не несет никакой смысловой нагрузки и воспринимается просто как дополнительный выходной день. Таким образом, в семьях сохраняется отношение к Дню Победы как значимому историческому событию, по крайней мере по ответам большинства опрошенных представителей молодого поколения.

Отношение к Великой Отечественной войне, которое существует в семьях студентов, коррелирует с некоторыми параметрами, фиксирующими личностные пристрастия и ценностные ориентации студентов. Это дает определенные основания для предположения о том, что молодое поколение скорее всего интериоризировало значимость (или незначимость) Великой Отечественной войны и победы над фашизмом, присущее семьям респондентов.

---

[1] Российская идентичность в социологическом измерении // Информационно-аналитический бюллетень ИС РАН. – 2008. - №3 // Режим доступа: http://www.isras.ru/INAB_2008_3_main.htm

[2] Известия. 2007. 20 марта.

[3] Трушников Д.Ю., Трушникова В.И. Ценностные ориентации молодежи в системе воспитания в условиях университетского кластера // Молодежь российских регионов в системе межрегиональных и межгосударственных социально-экономических и политических связей / IV Уральские молодежные социологические чтения: Всероссийская научная конференция. В 2 выпусках. Вып.1. Екатеринбург, 2008. С.145.

Так, отношение к Дню Победы в семье отражается и на интересе студентов к Великой отечественной войне. Студенты, которые согласны с утверждением «Великая Отечественная война была давно, мне это не интересно», намного чаще, чем в среднем, отмечают, что для их семьи День Победы – это просто выходной (на 41% больше). В то же время отношение в семье к Дню Победы, как к «празднику со слезами на глазах» и как к дню памяти о прошедших войну родных, несколько увеличивает корреляцию с наличием интереса к Великой отечественной войне (несогласие с утверждением «Великая отечественная война была давно, мне это не интересно»).

При этом нужно отметить, что подавляющее большинство опрошенных студентов не согласны с утверждением о том, что давность Великой отечественной войне снижает интерес к этим событиям и заслоняется повседневной жизнью (83%). О том, что война не представляет для них интереса, заявили только 2% респондентов.

Студенты, которые считают, что память о Великой отечественной войне сохранится в сознании нынешней молодежи, чаще, чем в среднем, отмечают, что в их семье День Победы – это «праздник со слезами на глазах» (на 5% больше среднего показателя). Суждения студентов о том, что память о Великой Отечественной войне заслоняют иные события и проблемы, в большей степени коррелирует с отношением к Дню Победы в семье как к простому выходному (на 12% больше среднего показателя). Группа студентов, отрицающих наличие каких-либо мыслей и чувств по поводу 65-летия Победы, однозначно воспринимают 9 мая как просто выходной день (на 88% больше среднего показателя).

Выбор студентами позиции о значимости для семьи Дня Победы обнаруживает корреляцию и с готовностью студентов назвать себя патриотами.

Таблица 1.

Готовность студентов называть себя патриотами и отношение к Дню Победы в семьях студентов

Вы можете себя назвать патриотом?	**Чем для семьи является «День победы»**			
	«Праздник со слезами на глазах»	День памяти о родных, прошедших войну	просто выходной	Σ
да	33	22	11	24
скорее да, чем нет	55	60	48	58
скорее нет, чем да	9	14	27	14
нет	3	4	14	4

Студенты, для которых День Победы – не просто очередной выходной, а наполненный определенным смыслом праздник («праздник со слезами на глазах», день памяти о родных, прошедших войну), чаще, чем в среднем, называют себя патриотами. И наоборот: восприятие Дня победы как выходного в большей степени коррелирует с неготовностью назвать себя патриотом (по позиции «скорее нет» – на 13% больше, чем в среднем, по позиции «нет» - на 9% больше, чем в среднем). И такая корреляция вполне объяснима, поскольку патриотизм предполагает гордость за свою страну, интерес и к ее победам и достижениям, их признание.

В памяти людей аккумулируются представления о героических событиях отечественной истории, о выдающихся деятелях и ярких достижениях страны. Эти представления играют роль ценностных ориентиров, способствуют укреплению гражданского самосознания и патриотизма. Но память хранит и картины бесславных войн, кровавых репрессий, социальных невзгод, повлекших большие нравственные, человеческие и материальные утраты. Эти ее феномены, напротив, могут рождать у людей отрицательные эмоции, вызывать отчужденное отношение к стране и государству.[1]

[1] Бойков В.Э. Историческая память российского населения // Интернет-ресурс: http://www.rags.ru/s_center/istoriya/analiz.shtm

Из всех социально-демографических характеристик респондентов (пол, курс, специализация, факультет, вуз, город) статистически коррелирует с оценкой студентами отношения в семье к Дню победы пол и специализация обучения.

Выявляя влияние социально-демографических характеристик респондентов на их ответы о том, чем для их семьи является День Победы, мы в определенной степени констатируем опосредованность этих ответов личностными особенностями социализации и образования самих студентов. Другими словами, «интерпретируем интерпретацию».

Девушки чаще, со свойственной им эмоциональностью, характеризуют отношение семьи к Дню Победы как к «празднику со слезами на глазах» (на 10% больше, чем в среднем по выборке). Представители сильного пола больше склонны к прагматичности в оценках того, какое значение для семьи имеет День Победы.

Доля молодых людей несколько выше среди тех, кто в День Победы вспоминает родных, прошедших войну (на 4% больше, чем в среднем), или относится к этому дню просто как к выходному (на 6% больше, чем в среднем).

Что касается корреляции характера специальности, по которой обучаются студенты, и оценкой ими отношения в семье к Дню победы, то «гуманитариев» и студентов социально-экономического профиля несколько больше, чем в среднем по выборке, среди тех, кто характеризует отношение в семье к Дню победы как к «празднику со слезами на глазах». Доля «технарей» и «естественников» в этой группе чуть меньше среднего. Вероятно, такая взаимосвязь может объясняться личностными склонностями студентов, выбравших различный профиль обучения, что отражается на их бóльшей или меньшей прагматичности и рациональности в восприятии современности и исторического прошлого страны, а также уровнем осведомленности об этом.

Таблица 2.

Специализация студентов и отношение к Дню Победы в семьях студентов

Специализация	**Чем для семьи является «День победы»**			
	«Праздник со слезами на глазах»	День памяти о родных, прошедших войну	просто выходной	**Σ**
Гуманитарная	39	34	37	**35**
Естественнонаучная	10	13	12	**12**
Социально-экономическая	25	21	19	**22**
Техническая	26	32	32	**30**

Значимого влияния возраста студентов, факультета и вуза, в которых они обучаются, места проживания на содержание и выбор ответов об отношении в семье к Дню Победы не обнаружено.

Как было отмечено выше, подавляющее большинство семей опрошенных студентов относятся к Дню Победы осмысленно, вкладывая соответствующее значение в этот праздник. Чем обусловлена такая «связь времен», несмотря на прошедшие 65 лет? Видимо, в определенной степени это обусловлено и хранящимися в семьях реликвиями Великой Отечественной войны. Половина респондентов отметила, что в их семьях хранятся реликвии войны. При этом выявился определенный парадокс:

Таблица 3

Хранятся ли реликвии Великой Отечественной войны

Варианты ответа	2010	2005
Да	50	40
Нет	50	60

Получается: за 5 прошедших лет число семей, в которых хранятся реликвии Великой Отечественной войны, не уменьшилось, а возросло. Конечно, тут не могли не сказаться осо-

бенности мониторинга («студенты», которых мы опрашивали в 2005 и 2010 гг. – разные люди). И все-таки возможно и другое объяснение – за эти годы внимание к семейным реликвиям Великой Отечественной войны возросло.

Как показывает таблица двухмерного наложения, прослеживается корреляция между наличием хранящихся в семьях студентов реликвий Великой Отечественной войны и отношением к Дню Победы как к дню памяти о родных, прошедших войну. Другими словами, имеющиеся в семье реликвии ВОВ как бы «персонифицируют» общий для страны праздник в особый день для отдельной семьи. Отсутствие в семьях реликвий Великой отечественной войны чаще, чем в среднем, коррелирует с отношением к Дню победы в семье как к простому выходному (на 8% больше, чем в среднем по массиву).

Интересен территориальный разрез ответов респондентов:

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Хранятся ли реликвии Великой Отечественной войны в вашей семье?»

город	**Хранятся ли реликвии ВОВ**		
	да	нет	Итого:
В целом по массиву	50	50	100
Альметьевск	49	51	100
Белгород	59	41	100
Волгоград	51	49	100
Екатеринбург	53	47	100
Краснодар	55	45	100
Магадан	36	64	100
Магнитогорск	48	52	100
Москва	58	42	100
Нальчик	45	55	100
Нижневартовск	37	63	100
Нижний Новгород	56	44	100
Пермь	52	48	100
Тюмень	44	56	100
Уфа	64	36	100
Челябинск	43	57	100

Заметно, что чаще, чем в среднем, реликвии хранятся у студентов, проживающих в Уфе, Белгороде, Москве, Н. Новгороде, Краснодаре (несколько выпадает из объяснимой ситуации Нальчик, где, казалось бы, этому должны содействовать и национальные традиции, и реальные боевые действия в годы войны), меньше всего – в Магадане, Нижневартовске, Челябинске, близки к медианным значениям ответы студентов Волгограда, Перми, Екатеринбурга, Альметьевска.

Какие именно реликвии Великой отечественной войны хранятся в семьях опрошенных студентов? (См.: Таблица 4).

Только 51% респондентов отметили наличие тех или иных реликвий ВОВ, которые хранятся в их семьях (что в целом соответствует доле подтвердивших наличие реликвий Великой отечественной войны в семьях).

Студенты, в семьях которых хранятся какие-либо реликвии войны, чаще отмечают, что это награды родных, прошедших войну, фотографии, вещи военных лет, письма. Существенно реже встречаются книги и газеты, патроны и осколки, трофеи, похоронки, документы, записи, стихи, оружие и его элементы, благодарности за службы, открытки, монеты, форма, значки, марки. Здесь нужно учесть специфику вопроса анкеты. В позицию «другое» часто попадали варианты, которые можно отнести к уже обозначенным в вопросе позициям. В частности, к вещам военных лет, на наш взгляд, имеет смысл причислить хранящиеся в семьях значки, марки, форму, монеты, оружие (и его части), трофеи, патроны, осколки, книги, газе-

ты (суммарно – 2,2%). В категории «другое» остаются документы (0,3%), похоронки (0,3%) открытки (0,3%), записи, стихи (0,3%), благодарности за службу (0,2%) – суммарно 1,2%. Любой исследователь будет по-своему структурировать ответы на этот полузакрытый вопрос в зависимости от целей и задач исследования.

Студенты, в семьях которых к Дню победы относятся как к простому выходному, хранится существенно меньше реликвий ВОВ, чем в семьях, которые воспринимают 9 Мая как «праздник со слезами на глазах» или как день памяти о родных, прошедших войну. Другими словами, наличие реликвий ВОВ в семьях, персонификация войны в вещах военных лет, которые дороги для семей, чаще способствует поддержанию исторической памяти и ее передачи новым поколениям, обеспечивая «связь времен».

Таблица 4

Реликвии Великой отечественной войны, хранящиеся в семьях студентов
% от числа опрошенных

Варианты ответа	**%**
награды	37,1
фотографии	32,0
вещи военных лет	12,8
письма	11,3
книги, газеты	0,3
патроны, осколки	0,3
трофеи	0,2
похоронка	0,2
документы	0,2
записи, стихи	0,1
оружие, элементы оружия	0,1
благодарности за службу	0,1
открытки	0,1
монеты	0,1
Итого ответивших:	**51**

В целом вывод может быть следующим: проблемы отцов и детей, проблемы поколений, стремление пересмотреть и переоценить героическое «наследие отцов», если и затрагивают отношение к Великой отечественной войне, то в меньшей степени они отражаются на восприятии самого факта победы советского народа над фашизмом. Большинство нынешних студентов отдают дань памяти победе в Великой отечественной войне, и это во многом заслуга семьи, поколений отцов и дедов, которые сумели передать молодежи смысл и значение этих исторических

В.Н. Иванов, чл.-корр. РАН (ИСПИ РАН, Москва)

Великая Победа и проблемы безопасности[1]

60-летие великой победы активизировало внимание к военной проблематике политиков, писателей, журналистов, и ученых, представляющих разные области научного знания: историки, философы, социальные психологи, экономисты, социологи, работающие в области военной и исторической социологии[2].

---

[1] *Примечание редактора: публикация данной статьи – дань уважения к автору, одному из известнейших отечественных социологов, и к его патриотической позиции – о роли социологии в сохранении и защите исторической памяти о Великой Отечественной войне.*

[2] См., например, Тюшкевич. Законы войны: механизм действия, факторы использования. М., 2002; Черных А.И. Историческая социология на Западе (конец XX в.) //Социс. 2002. № 2; Романовский Н.В. Социологическая энциклопедия в 2-х томах. Руков. научного проекта Г.Ю. Семигин, гл. ред. В.Н. Иванов. М, 2003, С. 527; Образцов И.В. Социология военная. «Социологическая энциклопедия» в 2-х томах. М., 2003, Т. 2, С. 511; Серебрянников В.В. Социология войны. М., 1997.

Разумеется, выбор исследовательских проблем идет с учетом вызовов времени, новых социальных условий и решаемых обществом задач, в первую очередь связанных с национальной безопасностью. Немаловажной остается проблема борьбы с фальсификацией истории Великой Отечественной войны и в целом Второй мировой. Замысел нынешних фальсификаторов заключается в том, чтобы принизить значение победы, и особенно решающей роли нашей страны в разгроме германского фашизма. Именно решающая роль нашего народа и его Вооруженных сил в разгроме фашистской Германии, в избавлении Европы от фашистского порабощения обусловила соответствующее положение в Европе и в мире сегодня, которое было закреплено в Ялтинских, Потсдамских документах 1945 г. и Хельсинкских соглашениях ОБСЕ в 1975 г.

Не прекращаются инсинуации «виновности» Советского Союза в развязывании войны, о якобы готовившемся им упреждающем ударе по Германии. В качестве иллюстрации к сказанному приведу высказывание Ю.Н. Афанасьева: «Скажем ли мы, к примеру, когда-нибудь – какая это была война, Великая Отечественная? – поставил он вопрос, обращаясь 15 сентября 1993 г. к обозревателю «Литературной газеты», и ответил: – Отечественной мы ее назвали по сталинской версии. А на самом деле? Разве это не была схватка двух тиранов?» «Вы хотите сказать, что целью войны было насаждение коммунистического режима в Европе?» – спросил обозреватель. «Именно к этому готовился Сталин, – к войне наступательной, агрессивной, – ответил собеседник. – Все факты говорят об этом. Дислокация войск, профиль военных училищ, характер оружия. И выходит, что мы вели не свою войну...».

В своих заблуждениях, Ю.Н. Афанасьев не одинок. На подобной же позиции, к сожалению, стоят и некоторые известные исследователи, исповедующие идею «равной ответственности СССР и Германии за развязывание Второй мировой войны»[1]. Так, некоторое время тому назад в Государственном Университете – высшей школе экономики состоялось обсуждение книги А.Г. Здравомыслова «Немцы о русских на пороге нового тысячелетия»[2]. Представляя книгу, автор в частности обратил внимание на то обстоятельство, что предметом исследования наряду с другими были вопросы о том, как влияет на восприятие друг друга память о войне, выяснение, в чем состоит эта память, в какой мере она мотивирует поступки сегодняшних немцев. Обращает на себе внимание высказанное в ходе дискуссии суждение профессора А.Б. Гофмана: «Нельзя не согласиться с автором, – отметил он, – в вопросе о равной ответственности СССР и Германии за возникновение Второй мировой войны».

Невольно возникает контрвопрос: почему? Разве можно ставить на одну доску страну, стремившуюся насадить в мире фашистский порядок силой оружия, и страну, воспротивившуюся этому? Для того чтобы обоснованно судить о характере и итогах войны, надо уяснить, какие цели ставили перед собой противоборствующие стороны и как они достигались. Цель фашистской Германии состояла в захвате и ликвидации СССР как государства, в порабощении и истреблении огромных масс славянских и других народов, которых идеологи фашизма определяли как «низшую расу», в создании «Великой Германии» до Урала, в завоевании мирового господства. Советский Союз и другие страны антигитлеровской коалиции ставили своей главной целью защиту свободы и независимости своих государств и других подвергшихся нападению стран, разгром и искоренение фашизма. Об этом было прямо заявлено в директиве Совнаркома СССР и ЦК Коммунистической партии от 29 июня 1941 г., в выступлении И.В. Сталина по радио 3 июля 1941 г., в последующих решениях Советского руководства. Образованием антигитлеровской коалиции. В этих документах отмечалось, что СССР совместно с другими участниками антигитлеровской коалиции ставит своей целью освободить народы от фашистских захватчиков и оказать им содействие в воссоздании национальных государств, предоставить освобожденным народам полное право и свободу самим решать вопрос о государственном устройстве; установить такой порядок в Европе, который бы

---

[1] См.: В сообществе профессиональных социологов // Социс. 2004. № 10. С. 125.

[2] Здравомыслов А.Г. Немцы о русских на пороге нового тысячелетия. Беседы в Германии: 22 экспертных интервью с представителями немецкой интеллектуальной элиты о России – ее настоящем, прошлом и будущем, контент-анализ и комментарии». М., 2003.

полностью исключал возможность новой агрессии со стороны Германии. В освободительной миссии Советской Армии выразилась не только необходимость защиты своих государственных интересов, но и всемерное уважение интересов народов других стран.

Сегодня немало публикуется разного рода спекуляций по поводу вступления Советской Армии на территории других стран. В заявлениях Советского правительства в последние годы войны подчеркивалось, что вступление Советской Армии на территории других стран диктуется, во-первых, исключительно военной необходимостью и не преследует цели приобретения какой-либо части территории и изменения существующего общественного строя; во-вторых, Советская Армия вступает не территории суверенных государств не как завоевательница, а как освободительница народов от немецко-фашистского ига[1].

Не лишне напомнить об этом тем исследователям, которые пишут о равной ответственности СССР и Германии за развязывание Второй мировой войны, игнорируя при этом действительные цели государств. Со стороны Германии они были черным по белому изложены не только в гитлеровском «Майн кампф», но и в плане «Ост», разработанном Розенбергом, Герингом и другими и утвержденном Гитлером, где прямо была поставлена задача «уничтожить 30-40 млн. евреев, славянских и других народов». На завоеванных Германией территориях никто не должен был иметь образование более 4-х классов и т.п. Гитлер ненавидел и боялся советской интеллигенции. Он считал необходимым «создать республики без сталинского духа. Интеллигенцию, которую создал Сталин, следует уничтожить. Уничтожить надо весь механизм руководства русского государства. В великорусском пространстве надо применять грубейшую силу. Идеологические узы еще не достаточно связывают русский народ. Как только будут устранены функционеры, эти узы распадутся».

Вполне понятно, что для нас в этой войне речь шла о жизни и смерти нашего государства и населявших ее народов. Мы должны были одолеть противника любой ценой. Другого выхода не было. В свете всего этого научно обоснованная оценка характера и уроков войны и уяснение смысла победы имеют принципиальное значение не только для понимания прошлого, но и для правильного взгляда на настоящее и верного прогнозирования будущего. Главный вывод заключается в том, что война завершилась победой Советского Союза и его союзников и полным поражением фашистской Германии, Италии и Японии.

Далекое от истины толкование хода и итогов войны некоторыми теоретиками перекочевало из научных (псевдонаучных) статей в учебники. И это сегодня особенно опасно. Безусловно, искаженные, сфальсифицированные оценки и выводы способны нанести урон идейно-нравственному воспитанию молодежи. Так, В.Я. Хуторский в «Истории России» без всяких доказательств утверждает, что Сталин в 1942 г. «надеялся завершить перевооружение армии … и напасть на Германию»[2]. Другой пример: А.А. Данилов и Л.Г. Косулина пришли к выводу, что Сталин «не исключал возможности нанесения превентивного удара по Германии»[3]. В учебнике А.А. Кредера явно принижается роль СССР во Второй мировой войне, неверно расставляются акценты и даются субъективистские оценки значения и роли основных сражений на советско-германском фронте и других театрах военных действий. Утверждается, например, что начало перелома в ходе войны положило сражение у аттола Мидуэй (центральная часть Тихого океана) в июне 1942 г., когда американский военно-морской флот и авиация нанесли серьезный урон вооруженным силам Японии. Автор игнорирует влияние Сталинградской и Курской битв на ход Второй мировой войны[4]. Такие примеры, к сожалению, не единичны. Отечественная миссия исторической социологии – отстаивание истины, утверждение объективных, научно обоснованных оценок и событий прошлой войны.

Советский Союз, несмотря на огромные потери и разрушения, вышел из войны окрепшим и более мощным в экономическом, и военном отношении государством чем до начала

---

[1] См. подробнее: Внешняя политика СССР. Сборник документов. М. 1947. т.5. С.370, 403; Вторая мировая война. Итоги и уроки. М. 1985. С. 122.

[2] См. подробнее: История России. Советская эпоха. (1917-1993) М., 1995, С. 96.

[3] См. подробнее: Данилов А.А., Косулина Л.Г. История государства и народов России. XX век, М., 2001.

[4] См. подробнее: Кредер А.А. Новейшая история. XX век. Учебник для основной школы. М., 1996, С. 143-145

войны. На советско-германском фронте Гитлер использовал подавляющую часть своих войск и войск европейских союзников. В течение первых двух лет против Красной Армии сражались почти все действующие силы вермахта. В течение последующих трех лет на советско-германском фронте находилось две трети соединений и техники, которыми располагала тогда фашистская Германия. Приняв на себя удар основных сил противника, Советский Союз сыграл главную роль в их разгроме. Именно на Восточном фронте было уничтожено 507 немецко-фашистских дивизий и 100 дивизий союзников Германии — почти в 3,5 раза больше, чем на всех остальных фронтах Второй мировой войны. На прошедшей в мае 2004 г. в Москве международной научной конференции «1941 год. Мир в огне. Новые документы. Новые подходы» приводился такой факт: по новейшим исследованиям американских и английских историков, на советско-германском фронте было уничтожено и выведено из строя 93% всех вооруженных сил противника. По итогам войны соотношение наших безвозвратных потерь по сравнению с германскими составляет 1,3 : 1. Разница в потерях объясняется в основном за счет истребления фашистами наших военнопленных.

Всего за время войны было проведено 50 стратегических операций. Каждая из них отличалась оригинальностью, новизной применяемых способов действий, что, как правило, оказывалось неожиданным для противника. Успешное использование новых способов вооруженной борьбы, новаторское решение многих управленческих и других проблем явились результатом творчества многих военачальников разного уровня. Но неправомерно говорить, что все это осуществлялось помимо или даже вопреки воле И. В. Сталина. Без его ведома и согласия никакие важные решения не принимались. Кстати, следует отметить, что анализ недавно проведенного сотрудниками ИСПИ РАН и Московского Института социально-культурных программ опроса ветеранов Великой Отечественной войны, посвященного 60–летию победы, в частности, показал, что большинство опрошенных высоко оценили роль И.В. Сталина как военного руководителя[1]. На вопрос: «Как Вы оцениваете деятельность И.В. Сталина на посту Верховного главнокомандующего?» 68% опрошенных ответили: «Сталин был выдающимся военным руководителем» и лишь 11% ответили, что И.В. Сталин фактически Вооруженными Силами не руководил.

Небезынтересно сопоставить оценки участников Великой Отечественной войны, на чьи плечи легла непомерная тяжесть боевых действий, с мнением выдающегося полководца Маршала Советского Союза Г.К. Жукова: «И.В. Сталин внес большой личный вклад в дело завоевания победы над фашистской Германией и ее союзниками. Авторитет его был чрезвычайно велик и поэтому назначение Сталина Верховным Главнокомандующим было воспринято народом и войсками с воодушевлением. Конечно, в начале войны, до Сталинградской битвы, у Верховного были ошибки, которые бывают, как известно у каждого. Он их продумал и не только внутренне переживал, а стремился извлечь из них опыт и впредь не допускать. Опираясь на всестороннюю помощь ЦК и организаторскую деятельность партии на местах, горячий патриотизм советского народа, поднявшегося на священную войну с фашизмом, Верховный Главнокомандующий умело справился со своими обязанностями на этом высоком посту»[2].

С позиции предмета исторической социологии к числу наиболее важных проблем следует отнести выяснение влияния войн на взаимодействие и развитие различных обществ и общественных систем. Наукой накоплен огромный теоретический и эмпирический материал по проблематике войн. Как отмечается в справочном издании «Наука побеждать», (изданном ВАГШ ВСРФ в 2002 г., т.6), за последние 5,5 тыс. лет было около 14,5 тыс. больших и малых войн (в том числе две мировые), в ходе которых погибло, умерло от эпидемий и голода свыше 3,6 млрд. человек. Войны всегда приводили к обострению противоречий, способствовали вызреванию революционных ситуаций.

---

[1] См.: Кузнецов В.Н., Иванов В.Н., Сергеев В.К.. Юбилей великой победы. М., 2005. С. 56. Всего было опрошено 1200 участников Великой Отечественной войны в 10 регионах России, а также 200 экспертов, в роли которых выступали военные ученые и военачальники.

[2] См.: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М. 1974. т. 1, С. 342.

Применительно к Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. с учетом уже проделанной огромной исследовательской работы следует сделать акцент на ряде важных моментов. В их числе: характер ожидаемой и реальной войны. В послереволюционные 1920-1930-е гг. в СССР было развернуто военное строительство с учетом опыта Первой мировой, гражданской войны, войн с Испанией, Финляндией и т.д., однако, значительное влияние имели взгляды Н.И. Бухарина, М.Н. Тухачевского, других партийных и военных теоретиков, считавших, что будущая война – война классов и Красная Армия это армия мировой пролетарской революции. Конечно, с приходом к власти Гитлера были внесены некоторые коррективы, но в целом классовый подход к этой проблеме преобладал. В действительности война, навязанная СССР фашистской Германией, была войной народов, а не классов. И первый вывод, который следует сделать, что, несмотря на значительные масштабы антифашистской пропаганды в целом массовое сознание не было сориентировано должным образом. Необходимые меры в этом направлении были срочно приняты уже в самом начале войны.

Война, обеспечение безопасности государства, образ жизни, стиль руководства страной и военным строительством – важные проблемы для исследований. В годы первых пятилеток утвердился коллективистский образ жизни, когда общественное преобладало над личным, и мобилизационный стиль руководства и управления, что само по себе сыграло положительную роль в перестройке жизни страны на военный лад, помогло обеспечить единство фронта и тыла. Последнее было обусловлено также социально-политическим и идейно-нравственным единством советских людей.

В современной борьбе идей, которая с окончанием «холодной войны» не завершилась, широко используются разного рода домыслы о так называемом освободительном движении народов России, в качестве одной из основных форм которого его апологеты называют «власовское движение». Для тех, кто сегодня активно фальсифицирует историю Второй мировой войны, фигура генерала Власова остается в центре внимания. Достаточно сослаться на 4-х томное издание эмигранта из России, издателя журнала «Мосты» В. Баташева под названием «Власов». Автор формулирует проблему «предатель или патриот» и решает ее в пользу Власова–патриота. «Я не первый, – говорит В. Батшев, – кто хочет восстановить доброе имя Андрея Андреевича Власова и миллионов погибших в борьбе с коммунизмом». В качестве своего единомышленника он называет А.И. Солженицына, ссылки на труды которого широко использует. Он утверждает, что «тема советско-германской войны – последнее, что осталось у нынешнего российского идеологического аппарата, из советских мифов, и развенчание этих идеологем – серьезный удар по советской мифологии. И тут я не первый. На 10 лет раньше по ним ударил своим «Ледоколом» Виктор Суворов»[1].

«Удары» такого рода будут продолжаться и впредь. В книге И. Шафаревича «Русский народ в битве цивилизаций» приводится такая цифра: около 1 миллиона граждан СССР учувствовало в войне на стороне врага. Автор говорит о том, что «очень глубок должен быть раскол в народе России, чтобы появилось такое нетипичное для русских явление, как «власовское движение»». (Этим термином он объединил все соединения советских подданных, участвовавших в войне на стороне немцев). Он ставит вопрос об отношении к общественному строю и об отношении к стране, вспоминает при этом позицию большевиков в Первой мировой войне. Подчеркивает, что основная масса народа встала на защиту своей страны независимо от отношения к тогдашнему режиму[2]. Думается, наверное, все же было бы точнее сказать, что для большинства народа нашей страны не было противоречия в отношении к строю и к стране. Социалистическая идея как идея справедливого общества была принята советскими людьми. Не всеми, но большинством. И это тоже стало одним из источников массового героизма и в конечном счете достижения победы[3].

---

[1] См.: НГ EX LIBRIS, 10 марта 2005, С. 1-2.

[2] См. подробнее: Шафаревич И. Русский народ в битве цивилизаций. М., 2004, С. 157.

[3] В подтверждение этого тезиса можно привести множество свидетельств. Вот выдержка из письма поэта Ильи Сельвинского своей жене: «Если из этой операции я не вернусь живым – пусть это не будет для тебя катастрофой. Можешь быть уверена, что твой муж погиб в бою так, как погибают в бою патриоты, для которых понятие

Существенной составной частью Великой Отечественной войны была борьба советских людей, оказавшихся на временно оккупированной фашистами территории. О размахе всенародной борьбы говорят такие цифры и факты. За три года войны в тылу врага действовало более 6 тыс. партизанских отрядов и подпольных групп, в которых сражались свыше 1 млн. партизан и подпольщиков. В ряде оккупированных областей и районов усилиями населения и благодаря партизанскому движению сохранялась Советская власть, существовали партизанские зоны и края, куда не могли добраться оккупанты. Борьба советских людей в тылу врага имела важное интернациональное значение. Она являлась мощным побудительным примером для народов других стран, оккупированных фашистами. Кроме того, Советские партизаны сражались в партизанских отрядах Югославии, Польши, Чехословакии, Болгарии, других стран. Интернациональное единение народов в борьбе с фашистской агрессии – одна из характерных черт как Великой Отечественной, так и всей мировой войны[1].

В опубликованном втором издании «Воспоминания и размышления», приуроченном к 30-летию Победы в Великой Отечественной войне, Маршал Советского Союза Г.К. Жуков отмечал в частности: «Где бы ни находился советский человек – на фронте, в тылу страны, в тылу врага, в фашистских лагерях, - всюду и везде он делал все от него зависящее, чтобы приблизить час победы. И никому не удастся преуменьшить значение военного и трудового подвига советского народа в Великой Отечественной войне»[2].

Однако желающих это сделать не стало меньше за минувшие тридцать лет. Но если в прежние времена попытки такого рода делались в основном нашими недоброжелателями в западных странах, то сегодня к ним присоединились и некоторые отечественные воители «за правду», и было бы неверным не замечать их усилий, их желания услужить тем, кому претит величие и слава России.

По сути, остается малоизученной поднятая в свое время Василем Быковым проблема положения советских людей, оказавшихся по разным причинам в разных странах оккупированной гитлеровцами Европе. «Мы теперь много и правильно говорим, – писал В. Быков, – о последствиях прошлой войны в жизни нашего народа, о нашей героической борьбе с немецким фашизмом, на которую встал весь советский народ. Но много ли мы знаем о том, в каком положении оказались наши земляки, по разным причинам очутившиеся на той стороне фронта, в различных странах оккупированной Европы. По ряду причин большинство из них не принимало сталинского большевизма на их родине, но не могло принять оно гитлеризм. Оказавшись между молотом и наковальней, эти люди были подвергнуты труднейшим испытаниям, некоторые из них этих испытаний не выдержали. После войны положение мигрантов усугубилось еще и тем, что вина некоторых была распространена на всех, за некоторых ответили все»[3]. Здесь есть необходимость дать объективную оценку происшедшему, раскрыть его причины и следствия.

Важной исследовательской проблемой в этой связи является система управления армией, соотношение единоначалия и партийного руководства. Последнее считалось альфой и омегой всей управленческой деятельности в Советской России. Необходимо осмыслить опыт русской армии от полного и беспрекословного единоначалия к приказу №1 Временного Правительства, узаконившему солдатские комитеты, выборность командиров и т.п., затем – от партизанщины и выборности командиров через двуначалие (командир и комиссар) к полному единоначалию: командир и замполит. Роль партийных и комсомольских организаций в армии была весьма значительной, но они решали задачи укрепления дисциплины и единоначалия (конечно, не только). Запрет партийных организаций в российской армии в настоящее время требует своего осмысления, равно, и таких проблем, как: армия и религия; РПЦ и иные конфессии в армейских условиях; армия и национальная идея (Православие. Самодержавие.

России и революции слиты воедино». (См.: Сельвинский И. На войне. Из дневников и писем родным // Новый мир. 1984, № 12, С. 167). Такого рода единство было могучим источником силы и стойкости воюющего народа.

[1] См.: Вторая мировая война. Итоги и уроки. М., 1985. С. 161-162.

[2] Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1974. Т. 2, С.442.

[3] Быков В. Вступительные заметки // Дружба народов. 1991. № 8, С. 149.

Народность – уваровская триада) – социалистическая идеология (интернационализм, социальная справедливость, дружба народов), их связи с идейной аморфностью, неопределенностью в настоящее время. Все больше ощущается необходимость государственного патриотизма как основы идейного воспитания воинов. Служба по контракту (покупной патриотизм) не решает всех проблем. Всеобщая воинская обязанность – принцип, выдержавший испытание временем. Уместно в связи с этим привести выдержку из открытого письма писателя, ученого, публициста, участника Великой Отечественной войны В.В. Суходеева: «В дни подготовки и празднования Победы в Великой Отечественной войне важно превратить дело Победы, традиции Победы, идеологию Победы, правду Победы, потенциал Победы в действенное орудие борьбы всех патриотов за вывод России из полуколониального положения, неопределенного социально-политического состояния и вялотекущего общественного кризиса в плацдарм боев за приумножение наших сил, за возвеличение и процветание нашей Родины – России. Вне этого празднование Дня Победы в Великой Отечественной войне Советского Союза поистине лишено главного смысла исторического значения!»[1]. С автором письма нельзя не согласиться. Страна, не создавшая достаточного военного потенциала не может рассчитывать на успешное решение задач обеспечения собственной безопасности. Военный потенциал, как его сегодня определяют исследователи, включает в себя наряду с военной организацией страны, оборонно-промышленный комплекс и духовную компоненту. Военный потенциал характеризуется соответствующими количественными и качественными параметрами, отражающими состояние человеческих ресурсов и производственных мощностей, их структурой и размещением, а также наличием необходимых природных ресурсов (сырья, топлива), уровнем развития науки и техники, транспорта, связи, сельского хозяйства и т.д.

В условиях радикальных общественных трансформаций Россия утратила свою прежнюю военную мощь. По всем основным критериям и показателям произошло резкое ухудшение. Касается ли это промышленного производства или численности населения и его здоровья, развития научных исследований и инфраструктуры – по всем показателям ситуация резко ухудшилась по сравнению с концом 1980-х – началом 1990-х гг. Как отмечают исследователи этих проблем, после окончания холодной войны стала пропагандироваться точка зрения, что России уже никто не угрожает, и поэтому нужна глубокая демилитаризация страны. Конечно, она была необходима, но политическим руководством России были выбраны такие методы и темпы, которые привели к деградации всей научно-технической и производственной базы оборонно-промышленного комплекса (ОПК), к резкому ослаблению военной организации и военной безопасности страны. Все это, естественно, имело негативные последствия для обороноспособности России[2].

Работу над обновлением концепции национальной безопасности предполагается проводить максимально открыто, гласно, с привлечением экспертов из различных научных и учебных заведений, общественных организаций и объединений, представляющих гражданское общество[3]. Участие в этой работе российских социологов, накопивших к настоящему времени значительный опыт изучения проблем безопасности в различных аспектах и в разных социальных условиях – ответственный гражданский долг.

Е.Н. Икингрин, к.соц.н. (НГПУ, Нижневартовск), Е.И. Пронина (ИС РАН, Москва)

Актуальные проблемы патриотического воспитания молодежи

---

[1] Суходеев В. Письмо ветерана Великой Отечественной на злободневную тему. Правда. 2005, № 19, 22-24 февраля.

[2] См. подробнее: Коваленко А.Т., Хрусталев Е.Ю., Шиленко Н.И. Экономические проблемы развития военного потенциала России // Экономическая наука современной России. 2004, № 3. С.70. *Примечание редактора: дальнейшую часть статьи с анализом ситуации в Вооруженных Силах РФ, имеющую ситуативное значение, мы сократили.*

[3] См. подробнее: Иванов И.С. Концепция национальной безопасности XXI веке // Где ты, Петр Великий, когда ты так нужен нам? М. 2005. С. 22-23.

Патриотизм в России всегда рассматривался как символ мужества, доблести и героизма, силы русского народа, как необходимое условие единства величия и могущества Российского государства. Многовековая история наших народов свидетельствует, что без патриотизма немыслимо создать сильную державу, невозможно привить людям понимание их гражданского долга и уважения к закону. Поэтому патриотическое воспитание всегда и везде рассматривается как фактор консолидации всего общества, является источником и средством духовного, политического и экономического возрождения страны, ее государственной целостности и безопасности. Сложность формирования патриотического сознания, в связи с изменением ценностных критериев в духовной сфере, наиболее четко фиксируется через характеристику таких понятий как «Родина», «патриотизм».

В связи с глобальными социально-политическими преобразованиями в России, прекратила свое существование действовавшая в свое время система идеологического воспитания граждан. Образовавшийся вакуум стал быстро заполняться, с одной стороны, широким потоком западных «духовных ценностей», культивирующих самые низменные человеческие чувства: вседозволенность, ниспровержение высокой морали, уважительности, превозношение насилия и жестокости. С другой стороны, отечественные средства массовой информации, постарались выплеснуть все, что накопилось в годы застоя, при этом, ниспровергая все, что было сделано и накоплено в советские годы, искажая исторические факты, иронизируя над традиционной российской нравственностью и духовностью, патриотическими чувствами народа. Молодому человеку, находящемуся под воздействием разнообразных информационных потоков, несформировавшихся идеологических убеждений, культа западной культуры, сложно было определять для себя ценностные ориентиры и следовать им. Закономерно существующая во все времена проблема отцов и детей приобрела в этот отрезок времени кризисные формы. Эксперты[1], по своим возрастным категориям в основном представляющие «плеяду» отцов, прошедшие советскую школу становления гражданственности, дают очень низкую оценку патриотическим чувствам молодежи. Почти две трети из них (64%) считает, что у современной молодежи не развито чувство патриотизма. Лишь 1 из 4 экспертов (28%) на вопрос «По Вашему мнению, развито ли чувство патриотизма у современной молодежи?» дал полностью или частично положительный ответ. Почти 8% затруднились дать какую-либо оценку. Относительно того, насколько за последние годы изменилась ситуация с формированием патриотического сознания в молодежной среде, мнения экспертов разделились на две равные части: 47% считает, что состояние патриотического сознания в молодежной среде изменилось, столько же – уверено в обратном: оно не изменилось, и если изменилось, то в худшую сторону.

С самого раннего возраста необходимо воспитывать в личности высокие морально-нравственные устои, понимание преобладания ценностей общественных, государственных над корпоративными и личными, прививать уважение к культурному наследию своего народа, готовность к самопожертвованию на благо Отечества, приверженность национально-конфессиональным традициям. Нравственные идеалы и патриотические чувства начинают формироваться в семье. Принимают ли в настоящее время участие родители в патриотическом воспитании своих детей? С точки зрения основного массива экспертов (76%), родители не принимают активного участия в патриотическом воспитании своих детей. Лишь 1 из 5 экспертов (21%) дал позитивную оценку их участию в патриотическом воспитании. Общественные организации, в отличие от семьи, по мнению более 70% экспертов, принимают самое деятельное участие в патриотическом воспитании молодежи. Лишь 1 из 4 экспертов оценили такое участие негативно.

---

[1] В статье приводятся результаты социологического исследования (май 2004 г.) «Патриотическое воспитание и условия формирования гражданской позиции молодежи в Ханты-Мансийском автономном округе».
(анкетный опрос 805 жителей гг. Сургута, Нягани, Ханты-Мансийска, Радужного, Советского, Кондинского, Белоярского районов в возрасте от 14 до 30 лет и 197 экспертов, специалистов различных социальных институтов, занимающихся проблемами патриотического воспитания молодежи в округе.

Общественное мнение традиционно отводит главенствующее место в формировании патриотических позиций и установок электронным и печатным источникам информации. Роль СМИ в процессе патриотического воспитания нельзя оценивать однозначно. Они представляют собой сложный и многогранный институт, состоящий из множества органов и элементов, предназначенных реализовать многообразные задачи информирования населения о происходящих событиях и явлениях. С помощью СМИ формируется, распространяется и сохраняется массовая культура в различных ее вариантах и проявлениях. Апеллируя к таким эмоционально-чувственным элементам общественного сознания, как любовь к Родине, национально-патриотические настроения, СМИ способны оказать поддержку значительным слоям населения в проведении тех или иных акций. Постоянные сообщения СМИ об отклоняющихся от общепринятых в обществе норм явлениях и событиях, подаваемых чаще всего сенсационно, порождают у читателей, слушателей и зрителей беспокойство и страх перед нарушением обычного миропорядка. Молодые люди, которые часто и много смотрят передачи, заполненные насилием, убеждаются в том, что мир жесток, безнравственен и беспорядочен. Они склонны примириться с этими негативными явлениями и рассматривать их как неотъемлемую часть их жизни.

Деятельность СМИ (окружных, местных и федеральных) по формированию патриотического сознания молодежи, была оценена экспертами по-разному. Наибольшее количество положительных оценок (43%) получили окружные СМИ, наибольшее количество отрицательных (50%) – федеральные СМИ. Мнения экспертов о деятельности местных СМИ по формированию патриотического сознания молодежи разделилось почти на равные части, одна из которых считает, что местные СМИ освещают вопросы патриотического воспитания удовлетворительно, другая – выразила противоположное мнение.

Формирование патриотических чувств неотделимо от гражданского самоопределения молодежи, от развития правового самосознания и гуманистических воззрений. Перечисленные качества закладываются в раннем детстве в семье и окончательно должны быть сформированы в школьные годы. Более половины экспертов считает, что школа воспитывает в молодых людях такие качества, как гражданское отношение к обществу (61%), бережное отношение к природе (59%), правовое сознание (58%), гуманное отношение к окружающим (50%), чувство патриотизма (57%). По мнению большинства экспертов, в целях формирования гражданской позиции подрастающего поколения в общеобразовательных учреждениях округа проводятся разнообразные мероприятия патриотической направленности. Особенно эксперты выделяют: чествование памятных дат, дней военной славы и вахты памяти (91%), работу и встречи с ветеранами и героями военных действий (83%), коллективное посещение городских (сельских) музеев и тематических выставок (79%), работу военно-патриотических кружков, клубов (74%), создание школьных музеев боевой и трудовой славы (60%), деятельность поисковых отрядов по розыску погибших участников военных действий (54%), работу молодежных организаций (пионерских, скаутских, союза молодежи) (53%). Оценивая по пятибальной системе состояние патриотического воспитания в образовательных учреждениях округа, каждый второй эксперт соразмерил это состояние с оценкой «удовлетворительно», каждый третий поставил хорошие оценки, и только 13% – отрицательно оценили состояние патриотического воспитания в образовательных учреждениях округа.

Более 70% экспертов уверены в том, что в образовательных учреждениях округа существуют сложившиеся традиции патриотического воспитания молодежи. С данной точкой зрения согласны только 36% опрошенных молодых людей, более 50% из них не согласны с тем, что в образовательных учреждениях округа сложились традиции патриотического воспитания молодежи. Не совпадают мнения экспертов и молодежи в оценке эффективности работы по патриотическому воспитанию, проводимой в муниципальных образованиях различными структурами общества. Эксперты, непосредственно принимающие участие в разработке, организации и проведении различных мероприятий патриотического содержания, склонны считать проводимую работу эффективной (таково мнение 65% специалистов, занимающихся проблемами патриотического воспитания молодежи). В молодежной среде преобладают

иные оценки: 56% молодых респондентов не считает, что в их муниципальных образованиях проводится эффективная работа по патриотическому воспитанию молодежи.

Из всех социальных институтов, в той или иной мере ответственных за состояние патриотического воспитания в округе, с точки зрения значительной части экспертов (57% и 56%) и молодежи (42% и 41%), уделяют недостаточно внимания патриотическому воспитанию политические партии и средства массовой информации. По мнению 45% опрошенных молодых людей, к таким институтам общества относятся и учреждения образования. Остальные структуры общества: спортивные организации, военно-патриотические организации и движения, военкоматы, комитеты, управления, отделы по молодежной политике, общественные организации и объединения, с точки зрения большей части опрашиваемых категорий граждан, уделяют внимание патриотическому воспитанию в достаточной степени.

Об эффективности работы различных социальных институтов по патриотическому воспитанию молодежи, осуществляемой в муниципальных образованиях округа, могут свидетельствовать такие показатели, как массовость проведения мероприятий патриотического или военно-патриотического характера. Основная часть опрошенных молодых людей, свыше 80%, в подобных мероприятиях либо никогда не участвовала, либо участвовала очень редко. Только незначительная часть респондентов (7%) указала на то, что принимала регулярно или довольно часто участие в мероприятиях патриотического или военно-патриотического характера.

По данным исследований, до начала 1990-х гг. формирование понятия «Родина» у учащихся общеобразовательных учреждений начиналось с понятия «малая Родина» (места, где родился и живешь; где находится родной дом; город, село, где живут родные и жили предки) и заканчивалось такими понятиями, как «республика, страна, государство». Для большинства из нас Россия начинается с «малой Родины» – с того уголка земли, где мы родились, сделали первые шаги, нашли друзей на всю жизнь…

Любой регион в социальном отношении – это, прежде всего, люди, его население. Их отношение к своему городу (поселку), степень удовлетворенностью своей жизнью, социально-психологическое состояние неизбежно накладывает отпечаток на социальную жизнь региона. Около 50% опрошенных молодых людей проявляют желание жить и работать в своем городе или поселке, им нравится здесь жить, поэтому их можно назвать патриотами родной земли. Немного более одной третьей части респондентов считает, что в их населенном пункте живется не хуже, чем везде, вполне нормально. Не удовлетворены своей жизнью и хотели бы уехать из своего муниципального образования 13% молодых респондентов. Молодежи, считающей свой город (поселок) бедным и запущенным краем, у которого нет будущего и нет традиций, всего 10%. В глазах значительной части респондентов (около 40%) родной край имеет богатые возможности и традиции, 45% характеризует свой город или поселок как территорию со средними возможностями.

Как истинных патриотов своей «малой Родины», молодых людей, проживающих в округе, волнуют различные проблемы. Большая часть респондентов в число проблем, которые беспокоят больше всего, включает жилищные проблемы (54%), проблемы трудоустройства (51%) и проблемы наркомании (45%). С этим мнением молодежи солидарна и основная часть экспертов, не исключавшая при этом и значимость таких проблем, как трудности с организацией досуга (46% опрошенных экспертов) и экономические, финансовые проблемы (41% опрошенных экспертов).

По мнению социологов, период перестроечной и постперестроечной России еще долгое время будет отражаться на состоянии патриотического сознания в стране. Детям и подросткам через средства массовой информации и произведения культуры внушались не лучшие образцы массовой культуры, космополитизма, наихудшей морали. Соответственно, у подрастающего поколения стали развиваться равнодушие к своей родине, бездуховность, агрессия, наркомания и т.д. Равнодушны ли молодые люди, проживающие в округе, к своей «малой» и «большой» Родине? По результатам опроса, только 13% опрошенных молодых людей не испытывает чувства гордости ни за свою страну, ни за место, где они родились, 13% за-

труднились выразить по этому вопросу свое мнение, основная часть респондентов испытывает чувство гордости за свою родину. Чуть более 80% опрошенной молодежи не может сказать, что жалеет о своем российском гражданстве, значительно меньшая часть, 17% респондентов имеет противоположное мнение. Эксперты думают несколько по-иному, «сгущая краски» в процентном выражении относительно молодежи, которая не испытывает чувство патриотизма к своей родине. С их точки зрения, более 30% молодых людей жалеют, что они родились и живут в своей стране. Доля молодых людей, которые хотят навсегда уехать из России и собираются это сделать, незначительна: 4%. Тем не менее, 12% респондентов все же хотели бы эмигрировать, если бы имели возможность осуществить свое желание. 16% собираются временно поехать за границу, возможно, для получения образования или по работе. Большинство опрошенных молодых людей (55%) не желает ни при каких условиях (даже при плохом развитии событий) сменить свое Отечество. Это свидетельствует о распространенности патриотических настроений в молодежной среде округа.

Несмотря на пессимистические оценки экспертов состояния патриотического сознания у молодежи округа, эксперты почти единогласно (95%) выразили мнение о том, что не все потеряно и возрождение патриотического сознания у молодых югорчан возможно.

В настоящее время в стране все более осознается необходимость возвращения государства в мир детства, воссоздание (на новой основе) во многом утраченных традиций патриотического воспитания. Более 70% экспертов, принимавших участие в социологическом исследовании, подтверждают необходимость воссоздания (на новой основе) системы патриотического воспитания в целях развития патриотизма у каждого гражданина России с детских лет.

С.Н. Иконникова, д.ф.н. (СПбГУП, С.-Петербург)

Историческая память как духовный ресурс цивилизации

«Память истории священна» – такова была жизненная позиция Д.С. Лихачева, реализованная в научных трудах о русской культуре, публицистике и общественной деятельности. Она отразила возрастающий интерес в общественном сознании к различным формам исторической памяти, отношение к традициям и реальным событиям прошлого, истории искусства и науки, политики и религии, техники и повседневности, памятникам и биографиям, сохраненным письмам, дневникам, фотографиям, записным книжкам и любимым вещам. Исследователи называют такие знаки памяти культурными символами, отразившими в самосознании и ментальности народа духовные ценности и коллективные представления исторической эпохи.

Историческая память – своеобразный пантеон национальной идентичности. Она содержит знание об исторических битвах, судьбоносных событиях, жизни и творческой деятельности выдающихся деятелей политики и науки, техники и искусства. Историческая память воспроизводит непрерывность и преемственность социального Бытия.

Д. С. Лихачев писал: «Память противостоит уничтожающей силе времени. Память – преодоление времени, преодоление пространства. Память – основа совести и нравственности, память – основа культуры. Хранить память, беречь память – это наш нравственный долг перед самим собой и перед потомками. Память наше богатство»[1]. Память как «бестелесная духовная субстанция» становится отчетливой силой, особенно во времена предельных испытаний, выпадающих на долю людей. Человеку необходимо ощущать себя в истории, понимать свое значение в современной жизни, оставить о себе добрую память. Культурная память — необходимое условие нравственной жизни, духовной оседлости, национальной идентичности, привязанности к родным местам и патриотизма.

Однако процесс исторической памяти не означает механического повторения и воспроизведения прошлого, он отражает сложность, неоднозначность человеческих отношений,

[1] Лихачев Д. С. Память истории священна. М., 1986. С. 14.

изменение духовных ценностей и личных позиций, влияние субъективных мнений. Свидетельством тому «белые пятна» и «черные дыры» в мировой и отечественной истории.

Историческая память нередко становится ареной идеологических конфликтов, душевных драм и трагедий. Переписывание истории, переоценка прошлого, свержение кумиров, ирония и насмешка разрывают хрупкую нить исторической памяти, изменяют энергетический потенциал культуры. Великие «отцы» становятся забытыми «дедами», новые памятники противоречат прежним ценностным ориентирам, мемориалы становятся бесхозными, книги оказываются ненужными. Примеров тому масса. Меняются экспозиции в музеях, восстанавливаются стертые цензурой имена на картинах и фотографиях, возрождаются старые памятники. Историки и писатели вносят вклад в возвращение исторической памяти в более полном объеме. Литературные произведения, фильмы передают современникам представления о трагических страницах российской истории. Немалое значение имеет устная история, закрепленная в воспоминаниях участников событий. Их достоверность создает особый эмоциональный канал сопричастности к прошлому. Памятники как тексты истории являются информационным и духовным ресурсом цивилизации, говорящим или молчащим свидетелем перемен и противоречивых мнений. Историческая память живет активной жизнью, она не только воссоздает образы прошлого, но и вызывает широкий спектр эмоций – восхищения и поклонения, скорби и страдания, пренебрежения и скептицизма. Двойственная природа исторической памяти соответствует противоречивости реальной жизни. Греческий миф о Мнемозине – богине воображения и памяти одновременно – очень точно представлял два лика памяти, воспроизводящей прошлое и придающей ему новые оттенки – от почтения до цинизма.

Цивилизация опирается на достижения культуры, они составляют ее духовный каркас, фундамент и опору. Национальная и социальная идентичность определяется уважением к истории во всей противоречивости и многообразии ее проявлений. Историческая память – своеобразный «перекресток» прошлого, настоящего и будущего. Исторические памятники – это символы и знаки, тексты и артефакты, необходимая основа взаимопонимания поколений и диалога культур.

Альтернативные пути развития истории также отражаются в исторической памяти и воспроизводятся как нереализованные возможности. Воспоминания воссоздают контуры возможных событий, тем самым высвобождая скрытую эмоциональную энергию. Альтернативные тропинки в прошлое помогают восстановить утраченные миры. Историческая память — источник эмоциональных и психологических переживаний человека, она вызывает чувства благоговения и радости, сострадания и величия. Отношение к истории связано с политической и идеологической ситуацией, предписанием власти о том, что следует помнить, а что надо забыть и исключить из памяти. Развитие демократии и свободы слова предполагает реализацию права личности на собственное мнение, противостояние авторитаризму. Историческое прошлое является риторическим конструктом настоящего, оно воссоздается в дискурсе, и молчание нередко становится симптомом забвения.

В «Декларации прав культуры» Д. С. Лихачев отмечал, что культура является духовной основой цивилизации, гуманистическим ориентиром, критерием ее самобытности и целостности. Общественные преобразования должны опираться на ценности культуры и национальное самосознание. Не только военные конфликты и терроризм, но и безответственная модернизация наносят урон культурному наследию: исчезают исторические центры городов, разрушаются памятники и ландшафты, искажаются биографии выдающихся деятелей культуры. Культурное наследие составляет богатство человечества. В Декларации содержится призыв к тому, чтобы считать преступлениями против человечества любые действия, ведущие к уничтожению памятников истории и культуры.

Вандалы — это не только хулиганы, совершающие варварские поступки, но и некомпетентные, невежественные чиновники, принимающие решения; и амбициозные архитекторы, в угоду собственной славе готовые на снос памятников истории; и реставраторы, создающие «новодел» без соответствующих исторических образцов; и режиссеры, искажающие

замысел классического произведения; и ученые, угодливо переписывающие историю; и политики, изобретающие идеологические мифы, далекие от реальности. В свое время известный русский художник и общественный деятель Н. К. Рерих, разработавший «Пакт о защите культурных ценностей», назвал разрушение памятников культуры в мирное время «тихими погромами». К сожалению, варварское обращение с исторической памятью не ушло в прошлое, и в последние годы эта проблема стала особенно актуальной для Санкт-Петербурга. Так называемая «уплотнительная» застройка, архитектурные сооружения, не прошедшие общественной экспертизы, самовольные археологические раскопки, установка малохудожественных памятников, искажающих исторический облик города, – все это свидетельства утраты уважения к исторической памяти. Гармоничное развитие города, бережное сохранение уникального исторического наследия и бесценного природного ландшафта являются стратегической основой политики модернизации.

Т. Исмагамбетов, к.полит.н. (Институт развития Казахстана)

Историческая память и казахстанский патриотизм

Патриотизм как любовь к Отечеству неотрывна от осознания самих себя гражданами одного и того же государства или на этничность. Патриотизм был новым феноменом по сравнению со средневековой лояльностью монарху-суверену. Отчетлива связь идеи патриотизма с новым пониманием суверенитета – суверенитета нации.

Одна из проблем – это как соединить гражданственность как правовое состояние с идеей и чувством гражданина, которые напрямую связаны с идей и чувством патриотизма. Чтобы шымкентец слился с кокшетаусцем и восточно-казахстанцем, казах с русским и немцем в осознании казахстанскости.

И также как нельзя ставить телегу впереди лошади, так нельзя считать, что идея и/или чувство патриотизма может быть причиной сложения нации на основе одного, либо нескольких этносов. Патриотизм – это любовь к Родине. В этом смысле необходимо любить нечто (родные горы, степи, леса, людей с их особенным обликом и т.п.). Секрет в том, что любовь чаще возникает, когда причастен к созиданию нового. Именно в этом суть чувства патриотизма, которое проявляется в этом вышеперечисленном множестве конкретизирующих его чувствований. Этнические особенности этих чувствований различны, например, известны поэтические строки: «Два чувства равно близки нам, любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам». История России в ее периодических смутах и тяжелых войнах отразилась в этих словах. Такое чувствование сложно представить у английского или французского поэта.

Уже сказано, что идея патриотизма неотрывна от осознания себя гражданами одного и того же государства и имеет свое историческое время, когда оно появляется. Тогда что же нужно для формирования гражданственности? В первую очередь усилия интеллектуалов и политиков.

Но что же есть Отечество? В отличие от двузначного понятия родина, Отечество тесно связано с государством. Интересной могла быть ненаписанная история освоения предками казахов обезлюдевших после истребления Цинским Китаем просторов Джунгарии. Почему нет позитивного показа высоты человеческих характеров, также как и низменности помыслов. Известно, что причиной обострения земельного вопроса у кочевников-казахов в середине XVIII в. был не только рост населения, но и появление пастбищ, закрепленных за каким-либо власть предержащим из числа казахов. В наиболее острой форме эта узурпация земель при опоре на власть происходила в Букеевской орде, и без того ограниченной в угодьях. До этого, ситуация первых десятилетий XVIII в. понятна: сужение кочевий из-за джунгарской экспансии и борьбы с волжскими калмыками. Эпизодические битвы за пастбища происходили и с соседями-башкирами. Правда с ними многое было достойного описания в категориях дружеских отношений, включая факт призвания восставшими против царизма башкирами тогда еще малоизвестного будущего хана Абулхаира.

Обострение земельного вопроса с 70-х гг. XIX в. вызвало переселение крестьян из центральных губерний России. Столыпинские аграрные преобразования после 1907г. имели целью снизить накал земельного вопроса в чисто русских губерниях не по-революционному, путем предела части или всех помещичьих земель, в разрушением вековечной русской крестьянской общины, выделением наиболее зажиточной части. Проблему малоземелия и безземелия предлагалось решить переселением на Восток.

И русские и казахи оказались заложниками так и неизжитой экстенсивности земледелия. В последний раз этот массовый, направляемый «сверху» подход известен на пример освоения целинных и залежных земель в 1954-1956 гг. Факты могут рассмотрены с двух разных углов и противоположными выводами: 1) критика политики центра, изменявшего этническую структуру населения Казахстана; 2) проблема изживания экстенсивности экономики, сохраняющая актуальность и по сей день. При этом, второй «угол» изучения нисколько не отменяет факта изменения этнического состава населения. Достоинство второго подхода состоит в том, что вместо критики «постфактум» мы, казахстанцы, имеем возможность увидеть то наследие, от которого надо избавиться в переоценке ценностей – экстенсивность экономики. Она проявляется в неизжитой сырьевой направленности, несмотря на программы инновационности и прочего.

Почему не можем позитивно описать расширение этнической территории казахов (этнической Родины) в возвышенном изложении как описали в литературе и в кино освоение просторов американцы? Ведь казахи осваивали опустевшие после истребления Цинами просторы Джунгарии, междуречье Волги и Урала, малозаселенные степи за Иртышом. Некрополи Мангышлака свидетельствуют о жизни туркменских племен до казахов. Несколько иная история с казахским заселением Северного Приаралья. В русских документах вплоть до 1740-х гг. говорится о совместной борьбе казахских и каракалпакских дружин против волжских калмыков и джунгар. Каркалпаки кочевали, имея северной границей кочевок Эмбу и доходя до Тобола. В отличие от казахов они более были склонны к земледелию вдоль рек. Но впоследствии был использован повод, чтобы изгнать почти всех каракалпаков с Северного Приаралья. Они ушли в низовья Амударьи, а оставшаяся часть образовала внеплеменные группы в составе казахов.

Это важность богатства – т.е. скота в понимании того времени, а значит, пастбищ для скота, была важнее нематериальных ценностей. Не потому ли деловой хваткой известные американцы не повторяют слова Маркса о готовности капитала идти на преступление при норме прибыли в 200, 300, 500%, а просто делают бизнес и понимают значение репутации. Наши же продвинутые из деловых людей давным-давно ценят не скот, а счет в банках и прочие материальные богатства, но их душа скорее готова «кинуть» партнера по бизнесу, чем думать о важности собственной репутации.

Понятие идеологии само по себе является спорным и дискутируемым, в том числе в казахстанской политологии. Национальная идея на практике ряда стран представляет собой очертания проекта или сам проект действий по реализации самовыражения нации. Наиболее очевидный и наглядный пример это национальная идея Японии – производство качественной, лучше мировых стандартов, продукции.

Патриотизм советских народов в годы Великой Отечественной войны кажется исключением из схемы, связывающей идею патриотизма, чувства и образное представление с национальностью. На самом деле, исключение кажущееся. В годы тяжелой войны писатели и поэты концентрировались не на славословиях партии и марксизму-ленинизму. Более того, сама официальная идеология и власть обратились к исторической памяти этносов. Соответственно, имена Александра Невского и Дмитрия Донского, Минина и князя Пожарского, Суворова и Кутузова упоминались в речах Сталина и официальной пропаганде. Памяти других этносов были позволено обратиться к славным героям прошлого. В честь некоторых из этих выдающихся деятелей прошлого были учреждены боевые ордена с высоким статусом среди государственных наград. Украинцы обратились к памяти Богдана Хмельницкого. Казахи вспомнили имена Срыма Датова и Аблая, сказители воспевали деяния эпических героев прошлого.

Но после войны на ряд имен, в том числе эпических, к примеру, на имя батыра и бия Эдигея, был наложен запрет.

Официальная идеология советской эпохи могла на время смириться с пробуждением исторической памяти этносов, чтобы использовать ее в напряжении духовных сил народов в противостоянии сильному врагу. Но эта официальная идеология не могла позволить исторической памяти существовать и развиваться свободно и самостоятельно усилиями интеллектуалов. В дальнейшем, посредством подмены фактов усиленно продвигался тезис, что советский патриотизм основан на преданности партии и идеям марксизма-ленинизма.

У нас есть комплекс политических желаний, но не идеологии. Необходимо нечто неуловимое до поры до времени, чтобы искания интеллектуалов превратить в идеологию. Принципы патриотизма – любовь к Отечеству, сопричастность к политическому и культурному ландшафту страны, соблюдений равных и обязательных для всех «правил игры». И нормативом может быть, что и в трудные моменты и годы благоденствия граждане одного государства выигрывают вместе, но кто-то больше, а не одна группа за счет других.

Казахстанская реальность показывает ряд фактов, вселяющих оптимизм в отношении перспектив патриотизм и гражданственности: дружба народов в советские времена, принцип межэтнического согласия, закрепленный в Конституции. И наиболее очевидные силы противодействия на этом пути – коррупция, замыкание в узких интересах одной социальной или этнической группы.

Ю.Н. Клочко, А.Ю. Клочко

Патриотизм и национальная общность (социально-философский анализ)

Патриотические чувства и взгляды формируются под влиянием множества факторов. К ним относятся природно обусловленные или «естественные», связи и отношения между людьми, все многообразие социально-культурных связей и отношений, а также идеальные, духовные связи и отношения. На наш взгляд, это триединство выражает саму сущность человеческого бытия: как «чисто животное», так и «чисто духовное» в человеке без социально-культурного опосредования – это пустые абстракции. Анализ социальных и культурных опосредований «материальных» и «идеальных» связей и отношений составляет специфику предметной области социологии знания, которая изучает взаимное влияние социальных отношений и человеческого сознания и знания.

Под динамикой социальных отношений имеются в виду интеграция и дезинтреграция, соединение и разъединение, ассоциация и диссоциация, образование единств и дифференциация, сплочение и распад, солидаризация и раскол и т.п. С одной стороны, социальные общности оказывают воздействие на патриотические чувства и взгляды личности в процессе ее социализации («обобществления»), с другой стороны, члены этих общностей являются относительно независимыми, самостоятельными и свободными личностями.

Под социальными общностями имеются в виду национальная, культурная, религиозная, историческая и государственная общности. Речь идет о социальных единствах, которые отличаются, по меньшей мере, тремя необходимыми признаками: основанной на взаимном доверии солидарностью; социальной связанностью; взаимностью обязательств. Такая трактовка социальной общности соответствует теннисовской «soziale Gemeinschaft»[1] и не противоречит тому, что М. Вебер понимал под «объединением в общность» (Verge-meinschaftung)[2], поскольку за социологическим номинализмом, как и за социологическим реализмом, следует признать относительную правоту[3].

Нет и не может быть такой национальности, одна лишь принадлежность к которой давала бы исключительное или монопольное право считать себя «истинным» патриотом. Тем не менее, любовь к родине всегда имеет национальный характер, поскольку субъект патриотиче-

---

[1] Tennis F. Gemeinschaft und Gesellschaft // Handworterbuch fur Soziologie. Stuttgart, 1959.

[2] Weber M. Soziologische Grundbegnffe // Wirtschaft und Gesellschaft Grundriss der verstehenden Soziologie. 5 Aufl. Tubmgen, 1985. S.21-23.

[3] Scheler M. Max Webers Ausschaltung der Philosophic // Gesammelte Werke Bd.8, Bern, 1980. S.430-438/

ских чувств и взглядов всегда принадлежит к определенной расе, национальности, этносу. Действительно, мы любим нашу родину не как абстрактные «человеки» – этнически стерильные гуманоиды, которые, якобы, лишь по мере взросления и социализации «приобретают» принадлежность к определенной нации, рационально выбирая, идентифицировать себя с ней или нет. С феноменологической точки зрения, дело обстоит как раз наоборот. Более того, уже генотипически, а также бессознательно (через жизненные образцы) мы «укоренены» в родной земле и любим ее именно как русские, украинцы, белорусы, татары, евреи и т.д. По мере взросления и социализации мы «осознаем», как оригинально проявляются и индивидуально выражаются в нашей личности родовое и народное начала, этнические особенности и черты национального характера – и только на основе этого сознания происходит самоидентификация с «родным» этносом, а впоследствии вырабатывается самосознание «человека вообще», представителя «человечества» или «земной планетарной цивилизации».

В этом смысле все, кто любит родину – националисты, поскольку полноценная любовь к своей родине предполагает любовь к своему народу. Но не служит ли реабилитация понятия «национализм» оправданием расовой и национальной розни, расизма и нацизма? Нет. Взгляд на новорожденного, а затем и взрослеющего человека как на то, что с расово-этнической точки зрения есть tabula rasa , – рационалистический гуманитаристский атавизм эпохи Просвещения, связанный с космополитическим представлением о «равенстве всех людей по природе». Существует мнение, что это представление восходит к идее вселенского единства во Христе. Ссылаются на апостола Павла: «...Все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись. Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного, нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы: одно во Христе Иисусе»[1]. На самом деле идея единства во Христе не имеет ничего общего с таким представлением, кроме внешнего сходства. Равенство всех перед Богом отнюдь не отрицает значимости расовых, этнических и родоплеменных различий между людьми (как и всех иных физически-телесных различий, например, пола, возраста, природных способностей, а также социальных различий, например, богатства, положения в обществе). Все христианские конфессии выступают против переоценки, *завышения значимости различий,* а именно против основанных на этих различиях и апеллирующих к ним притязаний на расовое, национальное, этническое и прочее *превосходство.* Христианство отрицает превосходство бедного перед богатым точно так же, как и богатого перед бедным, как мужчины перед женщиной, так и женщины перед мужчиной, как правителей перед подданными, так и подданных перед правителями. С точки зрения христианства, достоин осуждения и опасен не национализм как *любовь* к своей нации, народу, роду и племени, а национализм как *ненависть* к чужой нации, иному народу, роду и племени. Таким образом, христианством отвергается греховное извращение любви инстинктивным влечением к власти и господству. Это влечение находит сублимированное выражение в идее «богоизбранности», «особой исторической миссии» одного отдельного народа. Сотворение народом «кумира» из самого себя – вот что с христианской точки зрения неприемлемо, именно оно в первую очередь и отрицается христианством.

На языке социологических описаний это означает, что для общества опасен не национализм, а его политизация. В первом приближении политизация национализма есть не что иное, как экспансия политики на сферу национальных отношений, ее политическая «колонизация». Например, когда говорят о придании национального характера политическому конфликту, речь идет именно о политизации национальных отношений, а не «национализации» политических. На сферу национальных чувств и взглядов, на всю традиционную национальную культуру и уклад жизни распространяется специфический для политической сферы способ мировосприятия. При ближайшем рассмотрении это означает, что к социальной реальности и ее национальному измерению начинает прикладываться единственный, претендующий на тотальность масштаб – соответствие отношениям власти, прежде всего, отношениям господства и подчинения. Национальное (и социальное вообще) воспринимаются лишь как то,

[1] Библия. Гл.3. С.27–28.

что на бессознательном уровне согласуется или не согласуется с властолюбивыми импульсами, а на сознательном уровне – с «интересами», сформированными на их основе целями, а также возможностями и средствами их достижения.

Подчинение национального инстинкту власти – это не «национальные особенности политики», не «политика в национальной сфере» и не «национальная политика» – сам национальный способ бытия начинает восприниматься и осознаваться людьми как сущностно связанный с властными отношениями. Такое национальное самосознание может сводиться, например, к простой формуле «принадлежать к данному народу (расе, нации, этносу) – значит быть господином всех других народов, быть выше их в природном, нравственном, общественно-статусном отношениях», или «быть представителем данного народа (расы, нации, этноса) – значит быть лучшим, например, самым свободолюбивым и гордым человеком, который никогда и ни при каких обстоятельствах не потерпит подчинения другим народам» и т.п. Так, у народа, покоренного другим народом или потерпевшего поражение в войне, появляется сознание униженного национального достоинства. Он может примириться с этим и увидеть собственное предназначение («судьбу») в служении «высшей расе», «народу-господину», «главенствующей нации», а потом частично или полностью ассимилироваться. Он может не примириться, сопротивляться и, в конце концов, освободиться от ига, восстановив самоуважение и сознание национального достоинства. Он может также не примириться, но оказаться неспособным освободить самого себя, и тогда уязвленное чувство национального достоинства, жажда мести и ненависть к захватчикам в
сочетании с реальным бессилием ведут к формированию национального ресентимента, который затем наследуется из поколения в поколение как элемент национального самосознания.

Национальное в широком смысле слова – язык, культура, религия, уклад жизни и т.д. тотально политизируется, поневоле «заражаясь» властным мироотношением (хотя бы и в отрицательном смысле, если дело доходит до ресентимента). Вывод о принадлежности к «избранной касте господ» или «забытой богом касте рабов» на основании принадлежности к определенному народу (расе, нации, этносу) – миф, несмотря на правдоподобные аргументы, например, из истории, антропологии, культуры и т.д. Так, у народа, долгое время господствовавшего над другими народами и выработавшего имперское самосознание («комплекс сверхполноценности»), могут быть действительные преимущества перед народами, находившимися в его подчинении или в зависимости от него, в том числе даже антропологические. Они накапливаются из поколения в поколение благодаря занятию определенными, главным образом интеллектуальными видами деятельности, например, управлением, исследованием, созерцанием. В качестве «аргумента» могут быть использованы и любые реально существующие различия между народами, например, особенности национального характера (северных и южных, западных и восточных народов Старого и Нового света и т.п.).

В чем заключается специфика властного мироотношения и мироощущения? Как известно, «воля к власти» выражается в стремлении установить собственное господство, первенствовать (лидировать), превосходить, доминировать и контролировать, править и управлять и т.п., а также в готовности к подчинению, послушанию, покорности, лояльности, согласию и ожидании от других точно такой же готовности. Все, что препятствует утолению этого глубинного человеческого влечения, вызывает агрессивную реакцию, которая в своем крайнем выражении нацелена на физическое уничтожение препятствия. Эпифеноменом инстинкта власти, большей частью бессознательного, является смутное чувство враждебности ко всему, что вызывает сопротивление. Однако на более или менее сознательном уровне происходит различение «врага» (препятствия) и «друга» (того, что помогает преодолеть препятствие).

Причем внутренней закономерностью политической сферы, определяющей ее специфику, является то, что идентификация «врага» феноменологически первична, «друга» – вторична. Люди склонны выдавать свою враждебность к препятствиям, стоящим у них на пути, за дружелюбие к тому (тем), что (кто) им не мешает, а стремление расправиться с «врагами» за желание защитить «друзей». Так, в старые времена правители, стремясь в агрессивной войне против соседнего государства захватить чужую территорию, поработить и ограбить чужой

народ, часто уверяли свой народ, что хотят защитить его от соседа – «врага», от которого, дескать, исходит угроза, и с помощью казенного патриотизма успешно вербовали армии «защитников отечества». Обработка общественного мнения строится обычно на демонизации противника, «политике двойных стандартов», требующей от ее глашатаев органической лживости. Такие рациональные псевдооправдания иррациональных по своей сути влечений В. Парето называл «дериватами».

В сфере межнациональных отношений стремление к превосходству и господству проявляется в первую очередь в идентификации других народов и их представителей («иностранцев», «инородцев», «иноверцев» и т.п.) как «врагов», а представителей своего народа («наших») как «друзей». Таким образом, политизация национального делает «чужих» «врагами», «своих» «друзьями». Эта простая, на первый взгляд, подмена в действительности бывает не так очевидна, если принять во внимание, что политическая элита или ее отдельные представители зачастую стремятся ввести народ в заблуждение с помощью псевдопатриотической фразеологии, подыгрывая обыденной ксенофобии. Если им это удается, то у наиболее внушаемой части общества любовь к своему народу (национализм как любовь) превращается в болезненную, доходящую до фанатизма страсть (национализм как ненависть к «чужим», замаскированную под ложную любовь к «нашим»). Национальная общность оказывает иногда решающее влияние на формирование патриотизма. Так, в России русский среди русских обычно чувствует себя «дома», а это – предпосылка естественного («инстинктивного») патриотического чувства. Тем не менее, расовая или этническая общность редко бывает исключительным фундаментом патриотизма, несмотря на всю «естественность» такого отношения.

Национальный характер любви к родине – необходимая, но не достаточная основа патриотизма. В современном мире едва ли найдется монорасовое, а тем более моноэтническое государство. «Национальное государство» – утопическая регулятивная идея (в кантианском смысле) государственного оформления национальной общности, исторический опыт свидетельствует о том, что в действительности она никогда и нигде не была реализована. Российская Федерация являет собой пример полирасового, многонационального, полиэтнического государства, где к тому же многие национальные и этнические группы исторически расселены отчасти смешанным образом, отчасти компактно. Национальный патриотизм или патриотизм на национальной основе в ней очень распространен (особенно среди русских), но он вряд ли может претендовать на то, чтобы быть единственной формой патриотизма.

Кроме национального патриотизма, в современном «посткоммунистическом» российском обществе широко распространен патриотизм на «интернациональной» основе. Имеется в виду два вида патриотизма: во-первых, патриотизм на основе «реального интернационализма», то есть фактически сложившегося внутреннего сверхнационализма; во-вторых, патриотизм как составная часть идеологии бывшего советского государства, или «советско-имперский» патриотизм. Последний сегодня – хотя и «пережиток прошлого», но еще весьма действенный элемент практического сознания россиян старшего и отчасти среднего поколений. Причина его актуальности – в ностальгии по СССР как «дружной семье народов», а также в глубочайшем разочаровании и ресентименте, которые возникли у многих граждан России после распада СССР.

Возникает вопрос, что же такое «интернациональный патриотизм» как составная часть советского имперского сознания? «Интернациональный патриотизм» («интернационал-патриотизм») – это либо форма патриотического сознания на этапе его становления, когда в ходе социализации патриотических чувств и взглядов еще не в полной мере осмыслена значимость национального наследия и не завершена национальная самоидентификация, либо форма извращения зрелого патриотического сознания на этапе его распада под влиянием ресентиментной идеологии, отрицающей непреходящую ценность любви к родине в системе человеческих ценностей. В любом случае интернациональный патриотизм – феномен внутренне неустойчивый, недолговечный, имеющий тенденцию к саморазрушению.

Разновидностью патриотизма на национальной основе является двойной патриотизм членов национально-этнических диаспор, существующих практически во всех государствах ми-

ра; у большинства членов диаспор две родины – историческая (страна предков) и собственно родина (страна, где они родились и постоянно живут). Например, у многих выходцев из России, живущих в США, Великобритании, Франции, Германии и других странах, сохраняется эмоциональное отношение к России как исторической родине, и в то же время возникает патриотическое чувство к этим странам. По мере ассимиляции, происходящей у разных этносов в разных странах с разной скоростью, любовь к исторической родине постепенно ослабевает, но при определенных условиях она, как тлеющие угли, может вспыхнуть с новой силой.

А.А. Козлов, д.соц.н. (СПбГУ, С.-Петербург)

Формирование патриотизма и гражданственности современной российской молодежи: теоретико-методологический и историко-социологический подходы

И в истории, и в сегодняшней жизни трактовки *патриотизма и гражданственности* и их составляющих существенно различались, а временами и вовсе становились взаимоисключающими. И главным образом потому, что *тема патриотизма и гражданственности всегда была предельно идеологизирована.* Данное обстоятельство требует от исследователя осторожности и внимания к базовым, системообразующим элементам, в наименьшей степени связанным с разного рода идеологическими и нравственными трактовками данных феноменов. Однако не следует приуменьшать значения *идеологических, нравственных, а также этнических* составляющих, которые, говоря философским языком, имманентно присущи феноменам гражданственности и патриотизма, а, выражаясь языком литературным, составляют их живую душу, как и связанные с ними образы и понятия.

Понимание генезиса данных феноменов возможно в контексте социальной динамики, являющей собою постоянные изменения социальной ситуации, значений каждого из составляющих конкретной социальной композиции, а также и самих исследуемых феноменов в движении, развитии и взаимодействии, причем с учетом ее неравномерности, как в линейной, так и нелинейной плоскостях, что, в свою очередь, открывает возможность вероятностного прогнозирования. Сквозь призму социальной динамики отчетливей виден и аспект самоорганизации. Иными словами, социальная динамика, в силу ее инновационной сути, позволяет вывести данные понятия из разряда «омертвленных» и перевести их в плоскость живой социально-исторической конкретики.

Патриотизм и гражданственность – два разных по своей природе, но в тоже время теснейшим образом взаимоувязанных феномена. Они проявляются как социальные характеристики личности и социальных общностей и указывают на качество их социального развития. *В самом общем виде, патриотизм (греч. patriotes – соотечественник, от patris –родина, отечество) представляет собою интегративную, системообразующую характеристику личности (социальной общности, общества в целом), имеющую генетические корни, отражающую исторически объективно сложившуюся связь человек (общность) – среда обитания и развития и подразумевающую нравственно-эмоциональную связь названных субъектов с комплексом географических, этнических, исторических, культурных, идеологических, эстетических, религиозных и т.п. представлений, собственно и оцененных в понятии «Родина», имеющих ценностно-деятельностью природу и проявляющихся в стремлении данные ценности отстаивать, защищать и приумножать. Гражданственность же предполагает е основном динамичную ценностно-правовую связь людей (общностей), как граждан, с определенным государством, реализуемую через их отношение к правам и обязанностям, закрепленным в соответствующих нормативных актах (конституция, законы), а также в обычаях и традициях. Гражданственность развертывается в диапазоне от простого законопослушания до гражданской активности, в критические периоды выходящей за пределы, определяющие устойчивость системы и направленной на ее радикальное переустройство.*

Данные два понятия реализуются в контексте этничности, одним из основных признаков которой является самоидентификация представителей одной этнической общности по отношению к другим. В реальности все эти понятия – патриотизм, гражданственность и этнич-

ность – взаимоувязаны и находятся в динамическом соотношении и единстве, каждый раз определяемом спецификой момента и характером воздействия комплекса разного рода объективных и субъективных факторов. Их учет имеет решающее значение при формировании систем воспитания и стратегий социального управления. Понятно, что, играя существенную роль в жизни людей, обществ и государств, патриотизм был и остается предметом исследования. За истекшие три столетия сложилось несколько подходов к его исследованию.

Первый, получивший наибольшее распространение в научно-исследовательской литературе и публицистике, можно назвать *возвышенно-деятельностным.* В соответствие с ним патриотизм трактуется как возвышенное чувство любви к Родине, Отечеству, как сугубо *позитивное* эмоциональное отражение, проявление в абстрактной форме любви к составляющим понятия Родины. Сила патриотического чувства побуждает человека к активным действиям на благо Родины. –

Второй подход трактует патриотизм *как общественное явление.* Содержание и характер данного явления в значительной степени обусловливаются особенностями исторического развития общества, государства и его правящей элиты.

Третий подход, сложившийся в 1960-х – начале 1980-х гг., рассматривает патриотизм *как явление общественного сознания,* причем с середины 1980-х гг. стала преобладать тенденция осмысления патриотизма как одного из явлений духовной жизни общества.

Четвертый подход – *государственнический или этатический* – характеризуется рассмотрением государства как главного объекта патриотизма. Наиболее полно ее разработал Г. Гегель, согласно которому понимание патриотизма означает стремление к общим целям и интересам государства, будь то интересы личности, группы людей или общества в целом. Государство же выступает главным объектом высших чувств и помыслов личности и выражается в чувстве гордости за державу.

Пятый подход – *личностный.* В нем первостепенная роль отводится личности как высшей ценности. А проявления патриотизма, по словам Г.Флоровского, представляют собой «культурное творчество и национальное напряжение собственных сил».

Шестой подход – *духовно-религиозный,* самый древний, рассматривает данное качество личности как акт высокой духовности, являющейся глубоко религиозным.

Патриотизм по своему характеру консервативен и выполняет следующие *функции:*

1. *Интегрирующую,* то есть направленную на объединение большинства нации на основе приоритета интересов общества и государства и ответственную за формирование образа будущего своей страны не только сегодня, но и завтра.
2. *Охранительную или защитную.* В ее рамках осуществляется формирование и развитие того, что определяется как национальная безопасность.
3. *Стабилизирующую,* то есть придающую прочность и устойчивость социальной, этнонациональной и государственной системам во всех их основных звеньях (языке, культуре, стереотипах поведения, нравственных и правовых нормах и т.д.).
4. *Регулирующую,* то есть определяющую характер реакций на внешние воздействия и влияющую на характер вновь складывающихся связей и отношений во всем их многообразии.
5. *Воспитательную,* воздействующую на целенаправленную деятельность органов государственной власти и институтов гражданского общества с целью придания им определенного смысла и направленности.

Исследования убедительно показывают, что патриотизм в связке с гражданственностью и этничностью выполняет роль скрепляющего общество фактора, который нейтрализует негативные явления и процессы и выступает мощным стимулом позитивного развития личности и общества в целом. Глубинная основа патриотизма, как и многих нравственных и эстетических чувств и эмоций отдельного человека и целых народов, имеет генетические корни и может быть объяснена с позиций эволюционной генетики. Веками большинство народов, перемещаясь через значительные пространства, либо гибли, растворялись среди других, более сильных, либо находили свою нишу, которая обладала необходимыми для нормального раз-

вития характеристиками. И здесь вступал в силу динамический фактор взаимодействия общества с природой. Л.Н. Гумилев справедливо отмечал[1], что «особенно это прослеживается, когда главную роль играет натуральное или простое товарное хозяйство. Способ производства определяется теми экономическими возможностями, которые имеются в природных условиях территории, кормящей племенную группу или народность. Род занятий подсказывается ландшафтом и постепенно определяет культуру возникшей этнической целостности». Устойчивость этноса тем выше, чем более разнообразен ландшафт. Л.Н. Гумилев определяет высокую устойчивость этносов к разного рода изменениям, к примеру, сукцессивным, то есть резким изменениям исторического окружения, или масштабным и долговременным природно-климатическим колебаниям, кардинально влияющим на характеристики ландшафта и образ жизни населяющих их народов, при наличии 3-4 ландшафтных характеристик (скажем, лес, лесостепь, море, горы). В этих условиях этносы имеют возможность маневра в изменившихся условиях, самосохранения и развития в течение длительного времени. Со временем природно-ландшафтная связь отражалась в генотипе и своеобразно закреплялась в культуре. Границы же обитания этносов и народов были подвижны, но базовая территория оставалась, как правило, неизменной. А утрачивались те территории, которые отличались от базовой, где проживали и другие народы, и ландшафт был иным. Так в сознании людей проявлялось понятие «Родина». В свою очередь, социальная динамика процессов складывания и развития исследуемых феноменов во многом определила последующую историю народов, обществ и государств.

Искусственно вырванные из среды под воздействием чаще всего внешних обстоятельств, представители этих народов и переселившиеся (или насильно переселенные) в иную, отличную по характеристикам среду, в первом поколении в массе своей испытывали острое чувство дискомфорта, ностальгические переживания, вплоть до болезненных, психопатологических по своей природе состояний. Кроме того, следует учитывать и еще один немаловажный момент: *доминанту постоянства и стабильности в этногенезе*. Это стремление соотносится с генетически закрепленной в большинстве людей склонности к постоянству и стабильности и естественно находит выражение в более сложных чувствах, выполняющих, к тому же, охранительную функцию, — таких, как патриотизм, за которым стоит издревле сложившаяся привязанность к месту своего жительства, стремление к покою и уравновешенности жизненного уклада. Таким образом, закрепление на генетическом уровне связи человека и целых народов с исторической (базовой) территорией сопровождается культурным наполнением, находя выражение в понятии патриотизма, уже как нравственной охранительной ценности, ориентированной на стабильность и относительный покой.

Будучи конкретно историческим понятием, патриотизм в каждую эпоху имеет различное социальное, в том числе и различное ценностное содержание. Однако первооснова его, в общем-то, остается одной и той же, как и структура составляющих его элементов: отчий дом – родной край (малая родина) – ареал обитания народа – страна в целом. При этом последние два элемента структуры не обязательно выступают в названной последовательности, поскольку государственные границы могут и не совпадать с ареалами обитания народов. В этом смысле патриотизм не всегда созвучен с понятием государства, хотя и тесно с ним связан. В иных случаях имеет смысл говорить о *территориальном, этнокультурном или этнорелигиозном патриотизме*. Кроме того, с формированием вследствие интеграционных процессов общностей более значительных по своему масштабу, можно поставить вопрос о проявлении в будущем таких феноменов, как *европейский* или, скажем, *латиноамериканский патриотизм*.

Понятие *«гражданин»* оставил нам в наследство античный мир. А целые века последующие за этим интереснейшим периодом человеческой истории можно смело назвать процессом постижения смысла данного понятия и освоения всего связанного с ним комплекса отношений. В античном мире словом «гражданин» (греч. polites; лат. civis) называлось лицо,

[1] Гумилев Л.И. Этногенез и биосфера Земли. 2-е изд. Л., 1989. С.167.

наделенное совокупностью политических и иных прав и обязанностей в соответствии с греческими и римскими законами. Понятно, что таковыми могли быть лишь свободные люди. Но при этом, существовали и ограничения по социальному положению и полу, вероисповеданию и т.д. Исчезнув в потемках раннего средневековья, многие столетия спустя, затребованное набиравшим силу капиталистическим способом производства и связанным с ним отношениями, это гордое слово засияло на знаменах Великой французской революции и начало свое трудное, но победное шествие по миру. В своей сегодняшней интерпретации оно означает субъекта, члена политического сообщества, имеющего права и обязанности, связанные с членством в нем. Вместе с тем, граждане (или коллективы) являются и субъектами непосредственной демократии, как активные элементы, которые путем непосредственного властного изъявления осуществляют государственную или публичную власть. В идеале, гражданские права – права по закону, даны всем гражданам данного национального сообщества, хотя в национальных законодательствах имеется множество исключений и цензов. Причем, это понятие предусматривает, прежде всего, *правовую связь* человека, как физического лица, с конкретным государством. Его права и обязанности определяются внутренним законодательством страны: конституцией, законом о гражданстве и другими правовыми актами, но также и нормами международного права, которое в ряде спорных случаев, как отмечено в Конституции РФ, приоритетно по отношению к национальному законодательству.

Применительно к личности и социальным группам в их повседневной жизни, данное понятие находит выражение, прежде всего, в терминах *«гражданское сознание» и «гражданское поведение».* В первом случае, имеется в виду некая особая форма индивидуального группового и массового сознания, специфически, в виде понятий и образов, закрепленная в определенных стереотипах, воздействующих на образ мысли человека (сообщества людей – граждан государства) и на характер принимаемых им решений. Во втором же, речь идет об устойчивых стереотипах поведения, увязанных с понятием гражданства и проистекающих из характера гражданского сознания. Гражданское сознание и поведение формируются в процессе *социализации.* Более того, они являются производными от воспитания и образования, которые, в свою очередь, также зависят от множества факторов: уровня развития государства и общества и господствующих экономических и политических отношений, от специфики функционирующих социальных общностей и институтов, от степени влияния лидирующих групп, взаимосвязи с мировым сообществом и т.д.

Таким образом, наиболее существенной и определяющей является связь *«личность-государство».* Хотя есть и еще один компонент, существенно влияющий на характер данной связи, а именно *общество*. Но это понятие играет весьма специфическую роль. Оно *не равнорасположено в воображаемом континууме «личность – общество – государство».* К тому же у общества, строго говоря, нет граждан, а есть только члены, которые, хотя и руководствуются в своем гражданском сознании и поведении существующими законами и нормами, но в значительно большей степени действуют на основе моральных и идеологических норм, традиций и представлений, имеющих, к тому же, преимущественно групповой характер. Во многом это обстоятельство определяет специфику *«гражданского общества»* как совокупности неполитических отношений: экономических, социальных, нравственных, религиозных, национальных и т.д., в рамках которых осуществляется самопроявление свободных граждан и добровольно сформировавшихся ассоциаций и организаций, огражденных соответствующими законами от прямого вмешательства и произвольной регламентации их деятельности со стороны государственной власти.

Вероятно, следует заметить, что зачатки гражданского общества прослеживаются в истории России еще в раннем средневековье в деятельности таких институтов, как народное вече, сходы, соборы и т.д. То же самое можно видеть и в истории многих других государств (например, возникновение и утверждение Магдебургского права, под действие которого попала часть русских земель – Новгород, Псков, также часть Малой и Белой Руси). Но вследствие специфики-развития России все эти формы угасли, в то время как на Западе стали базой развития гражданского общества, демократии в целом.

Таким образом, применительно к российской ветви развития некого общества можно выделить несколько важнейших этапов, каждый из которых можно было бы назвать нереализованным шансом развития в сторону демократии и гражданского общества.

Первый – как уже говорилось, *в раннем средневековье*, когда наметились тенденции установления прочных связей с Западом, нашедшие отражение в политике киевских князей, особенно Владимира Мономаха и Ярослава Мудрого. Но изменившаяся геополитическая ситуация, усиление противостояния католической и православной церквей, активная военная экспансия Запада в сторону России, но что самое главное, татаро-монгольское нашествие, подвели черту под этим периодом и способствовали снятию самой возможности развития в сторону гражданского общества.

Не открыл и не мог открыть такой возможности и *петровско-екатерининский период*. «Причины этого очевидны, – пишет Х. Роггер, – при самодержавии политических партий не бывает. Руководство традиционно считает политическую деятельность своей монополией и с подозрением относится к любым независимым действиям, которые могут посеять распри, а потому такие действия не просто не поощряются, а запрещаются вовсе»[1]. Здесь вполне уместно привести комментарий В.Ключевского, точно подметившего, что «древнерусская государственная власть обращалась к своим подданным как строгий отец к детям-малолеткам, приказывая исполнять не рассуждая, или дозволяя рассуждать только о способе исполнения, а не о смысле и надобности исполняемого. Петр сохранил за властью прежнюю, строгую физиономию, но несколько смягчил ее обращение, тон речи»[2]. Протодемократические пассажи «тайной республиканки» Екатерины, в проектах, указах и особенно в знаменитых «Наказе» и Манифесте 6 июля 1762 г., которые провозглашали жизнь по точным и постоянным законам и право всякого «все то делать, что законы дозволяют», а также декларировали «спокойствие духа в гражданине, происходящего от уверенности в своей безопасности», давали определенный толчок развитию зачатков гражданского сознания. «Русские умы, – писал В.Ключевский, – впервые призывались рассуждать о государственной вольности, о веротерпимости, о вреде пытки, ограничении конфискаций, о равенстве граждан, о самом понятии *Гражданина*, – о предметах, о которых рассуждать дотоле не считалось делом простых людей, – а те, чье это было дело, рассуждали о том очень мало»[3]. Началось это сверху, с ближайшего окружения императрицы, и, расширяясь, со временем неизбежно разрослось в новый, доселе неведомый на Руси и очень неудобный для власти феномен: *устойчивое общественное мнение,* этот истинный закладной камень гражданского общества. Следует ли удивляться, что волнение, вызванное этой (хотя и отнюдь не романтического свойства) «оттепелью» в тогдашней-то, совершенно неготовой к по-настоящему радикальным преобразованиям России (а Екатерина сделала лишь то, что смогла), просто закономерно должно было смениться *ледяной метелью павловского беспутства.* Быстро распрощавшись с конституционными иллюзиями, навянными братьями Паниными и Д. Фонвизиным, *Павел проявил самое непримиримое отношение к правам и свободам*, подтвержденное стремлением реально бороться с ними огнем и мечом, причем куда решительней, чем его мать. Да, Павел, как явно чужеродная для России персона и, к тому же, изрядно запоздавшая, был просто обречен. Но уходя оставил (опять же – закономерно!) в наследие двум следующим императорам-сыновьям *систему,* прозванную *«аракчеевщиной»*. Как пишет историк Н. Шильдер, «однажды Павел Петрович читал газеты (о событиях во Франции – А.К.) в кабинете императрицы и был вне себя: «Что они все там толкуют! – воскликнул он. – Я тотчас бы все прекратил пушками». Екатерина ответила сыну: «Vous etes une bete feroce (Ты жестокая тварь. – фр.) или ты не понимаешь, что пушки не могут воевать с идеями? Если ты так будешь царствовать, то не долго продлится твое царствование» [4].

---

[1] Rogger H. The Formation of the Russian Right 1906-1909// Californian Slavic Studies 1964,Vol. 3 , P.66.
[2] Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., Мысль, 1993. С.268.
[3] Там же. С.275.
[4] См.: Шильдер И. К. Император Павел I. СПб., 1901.

Либеральный период правления Александра I – период, заметим, верхушечного либерализма, без каких либо кардинальных реформ (как это похоже на период правления М. Горбачева), ко всему, торжественно расцвеченный и причудливо искаженный блестящими победами русского оружия в 1812-1814 гг., целиком ушел в дворцово-светские интриги и тайные заговоры, завершившись неудачным военным мятежом 25 декабря и последовавшей *николаевской реакцией*, стабилизировавшей страну на четверть века, но исторически отбросившей ее назад на целых полстолетия (К. Маркс).

Второй период – эпоха реформ Александра II. Это была единственная и вполне реальная возможность России *своевременно и сколько-нибудь значительных потерь* перейти на путь цивилизованного развития и. соответственно, добиться вершин, о которых и дня, к сожалению, можно только мечтать. Вот почему дату смерти великого реформатора, 1(13) марта 1881 г., можно отмечать как одну из самых трагических вех истории страны, надолго потерявшей себя, а заодно и свое место в цивилизованном мире.

Советский период так же, как и предыдущие, не мог открыть какие-либо существенные возможности в силу нежизнеспособности принятой модели, тупиковости пути и крайней идеологизации гражданственности и патриотизма.

Наконец, *третий этап начался со времени образования на карте мира нового государства, получившего название Российская Федерация*. Причем, в отличие от времени Александра II, наше государство и общество начали свой путь в крайне неблагоприятных условиях, в одной из низших точек развития этногенеза (по Л. Гумилеву – в фазе обскурации), характеризующейся крайне слабыми показателями энергетической активности этноса, угасанием и развалом социальных институтов, обращением подавляющего большинства людей к своим маленьким жизненным проблемам с закономерным отчуждением от государства, культурной и нравственной деградацией и, конечно же, сниженными показателями гражданственности и патриотизма[1].

Но, что не менее важно, Россия оказалась без своего места в цивилизованном мире, оставив за собою на сегодня, как это ни горько, нишу сырьевого придатка, и встала, либо перед перспективой жестокой борьбы за свое место в современном мире, отвечающее ее реальным возможностям, либо перед перспективой остаться третьестепенной страной, чья территориальная целостность и суверенитет в ближайшей перспективе остаются не только под вопросом, но и являются предметом политических и иных интересов действующих в современном мире сил. Вот почему следует крайне серьезно относиться к высказываниям З. Бжезинского о России как «лишней стране» и видеть за его словами отнюдь не только игру воспаленного воображения одного из ее патологических ненавистников. А поэтому-то целенаправленное формирование гражданственности и патриотизма представляется важнейшим на сегодня и на нижайшую перспективу действием, способным начать процесс консолидации россиян и создать противовес деструктивным тенденциям национального сознания. Но не слепо, путем, уже пройденным, и способами, уже опробованными. *А со знанием дела и цивилизованно.*

Многое из того, что происходит в нашем государстве и обществе указывает на то, что мы вышли к подъему. Заметны тенденции к осмыслению народами нашей страны себя в качестве россиян, в особенности, у молодежи. Растут показатели патриотического сознания и поведения. Требование патриотизма как одной из основных составляющих государственной политики – уже не голос одиночек. Оно проявляется и в массах народа – и «в низах», и «в верхах». Но *успешный (цивилизованный!) путь выхода из кризиса возможен лишь при сочетании развития патриотических тенденций с гражданским развитием населения страны, со способствованием неразрывному развитию гражданского общества и правового государства.* В настоящее время мы имеем его лишь в зародыше, который охватывает весьма незначительные слои населения и тяготеет преимущественно к столицам – Москве и Петербургу. В массе своей население лишь испытывает определенную и очень плохо осознанную потребность в неких гражданских инициативах, не выходящую, однако, у большинства из лабирин-

[1] См.: Тысячелетие вокруг Каспия. М., 1993; Этногенез и биосфера Земли. 2-е изд. Л., 1989.

тов формирующегося гражданского сознания. У старших поколений – преимущественно в консервативных формах, более соответствующих понятиям ушедшей эпохи, а у молодого поколения в более реальных, отвечающих сегодняшним требованиям.

Поэтому в истории России, вплоть до настоящего времени и еще в длительной перспективе, *человек и общество*, с одной стороны, а *государство*, – с другой, будут заметно смещены к полюсам воображаемого континуума, в силу различающихся интересов и природы, образуя лишь относительное единство, хотя и динамичное, постоянно изменяющееся по своим характеристикам. А пространство между ними, заполняемое, будем надеяться, возрастающей гражданской активностью народа, в принципе, возможно измерить через единство и противоположность их *коренных и конъюнктурных интересов*.

Мало сказать, что критерии гражданственности, особенно в переходное время, в критические периоды истории, следует искать в особом ощущении, или с позволения, угадывании, объективных законов развития общества, этноса, как живой метасистемы, в соотнесении с ними своих помыслов и действий. Здесь важно схватить ключевое, системообразующее понятие, через которое и «прорезается» это самое ощущение. И, кажется, лучше всего выразил суть сказанного выше А. Сахаров, давший толкование Родины *переломного времени именно в гражданском смысле*: «Родина не национальное и географическое понятие. Родина – это свобода!»

Вероятно, следует ввести еще одно понятие, объясняющее или, крайней мере, дающее возможность объяснить замысловатость человеческого поведения – «*гражданское мужество».* Эта деятельная характеристика означает отнюдь не столько баррикадную храбрость (хотя, временами, и мы это знаем, потребна и таковая), сколько особое качество личности, внешне обозначаемое как интеллектуальная мобильность, в котором концентрируется и выражается способность к переосмыслению накопленного опыта и знаний, очищению их от всего неистинного, не подтвержденного опытом, а также и от частностей, мешающих видеть целое, к выбору альтернативного варианта, способа действий и, соответственно, перевода всего этого в личностную программу. Иными словами, речь, в известной степени, идет об антиподе так называемой «*твердости убеждений»,* которая, по меткому замечанию В. Ключевского, чаще инерция мысли, чем последовательность мышления. Вряд ли стоит трактовать гражданское мужество как спонтанный акт. Действие – лишь завершенное выражение процесса, зачастую идущего через усилие, даже насилие над собою, когда человек оказывается вынужденным, «прижав себя к стене», ответить на вопрос, являющийся логическим продолжением знаменитых вопросов юности: «Кем быть?» и «Каким быть?» – «С кем быть?» И не на основе надуманных фантазий, а исходя из законов развития реальности бытия.

История знает, в каких тяжелейших ситуациях находились (да и находятся сейчас) многие поставленные *в ситуацию гражданского выбора*. Одни, к примеру, явно не симпатизировавшие советской власти – кадровые военные, ученые, деятели культуры и т.д., в первые годы после октябрьского переворота делали нелегкий выбор: быть со своим народом, со своей страной, работать во имя ее будущего возрождения и процветания. Хотя многим пришлось платить за свой выбор дорогой ценой. Другие, непримиримые враги, посвятившие многие годы жизни борьбе с коммунистическим режимом, встали перед выбором после 22 июня 1941 года: быть со своим народом, со своей Родиной, пусть даже вдалеке от нее, или вместе с «фашистской силой темною». Не за Советы и коммунистов, а против силы, в тот момент куда более страшной и для Родины, и для всего человечества. И, знаем, неоднозначным был этот выбор. Высшим и определяющим его критерием была здесь любовь к своей Родине и стремление ее защитить. Но именно этой любви не было в ситуации, которую можно было бы назвать комической, если не была бы она так страшна: когда репрессированные большевистские вожди, прекрасно понимая всю абсурдность выдвинутых против них обвинений (то есть зная, каковы истинные обвинения к ним), и отлично зная цели главного организатора большого террора – «Хозяина», выступали на процессах с дикими самообличениями, лжесвидетельствовали против своих вчерашних коллег и боевых товарищей. Сегодня мы

знаем, что часть из них делали это не из страха смерти, а во имя своеобразно понимаемой чести партийного мундира, авторитета «вечно живого учения», да и сохранения неправедно нажитых миллионов. Осознавали ли эти, еще недавно – «лидеры мирового коммунистического движения», принужденные разыгрывать, в сущности, мерзкий фарс, в какой нравственный тупик завела их оторванная от реальности идеология, по язвительному выражению Наполеона Бонапарта (кстати, действительного члена Национальной академии наук) «туманная метафизика, которая каверзно отыскивает причины, на основе которой хотят строить законодательство народов»[1]. Доходила ли до них мысль о том, что на последней своей баррикаде они не герои-мученики, а перемазанные кровью собственного народа клоуны-жертвы ядовитой паутины схоластики, которую сами же и сплели? Ведь, даже умирая, кричали: «Да здравствует Сталин!» Вряд ли мы сможем когда-либо узнать. Но одно очевидно: никакой гражданственности они не проявили, да и объективно не могли проявить.

Наконец, нельзя обойти молчанием попытки некоторых публицистов приписать гражданские и патриотические качества изменнику Власову. Думается, однако, что только глубокое невежество, замешанное на ложно понимаемом демократизме (это ли не разновидность экстремизма?) и догмате покаяния (еще один вид искаженного, превращенного сознания) подвигло их на столь сомнительные изыскания. Но никакой Власов не гражданин и не патриот, ибо бороться за светлые идеалы, будучи жалкой марионеткой осужденного Судом Народов гитлеровского фашизма, просто невозможно. Что, кстати, следует усвоить нынешним поборникам борьбы за свободу под эсэсовскими штандартами в Эстонии, Латвии и еще кое-где. Иногда можно слышать: «А что ему было делать? Вернись он, его все равно бы расстреляли!», что, заметим, вовсе не факт. Но разве такая постановка вопроса определила мужественное поведение Карбышева, М. Лукина, других генералов и старших офицеров, испытавших все тяготы фашистского плена?

Вспоминается, наконец, трагедия 2-й армии, в августе 1914 г., совершившей стратегически важный отвлекающий маневр, спасший союзников и обеспечивший «чудо на Марне», и в неравном сражении наголову разгромленной немцами в Мазурских болотах, причем не по вине командующего. И заметим, ему ничто не угрожало, кроме нового назначения (он свой долг выполнил), или, в худшем случае, почетного плена. Однако, первое он, в свете случившегося, считал невозможным, а второе – неприемлемым, ибо сам указывал подчиненным: «Попадать в плен – позорно. Лишь тяжелораненый может найти оправдание». Но главное – понимание действительных причин трагедии, немногим тогда известных, и высокая ответственность за своих погибших солдат заставили генерала А.Самсонова сделать иной нравственный и гражданский выбор. Он застрелился.

Два русских человека: один – генерал от кавалерии русской армии, другой – генерал-лейтенант армии советской. Две судьбы, два выбора. Может, в назидание будущим поколениям?!

В поисках критериев гражданского поведения следует учитывать, что связь *«человек (личность) – государство»* предполагает вполне определенные отношения человека свободного, с одной стороны, и системы, с другой. Человек свободный, как субъект неотчужденных прав, — понятие относительно стабильное. А вот государство (система) может иметь совершенно различные качественные характеристики (демократическая республика или националистическая диктатура, например). Отсюда гражданственность поведения или позиции личности (если она действительно созрела до уровня человека свободного и уже обладает определенным, зафиксированным в истории знанием, опытом) может выражаться в поддержке, либо в несогласии с какими-то действиями системы, либо в отрицании системы целиком и в борьбе с нею. Человек свободный всегда будет в оппозиции диктатуре, а при наличии определенных личных качеств перейдет в лагерь активных борцов за демократию (из «кухни» на «баррикады»).

И здесь снова противоречивая связка гражданственности и патриотизма. Любовь «к отеческим гробам», безотносительно, каков характер системы, чревата формулой безоглядного служения отечеству. Грань здесь весьма тонкая и прозрачная: от служения отечеству до со-

трудничества с режимом, даже ненавистным, расстояние до того малое, что невольно (так уж устроена жизнь) грань эту постоянно переступаешь. И тем самым, каждый раз оказываешься в ситуации труднейшего нравственного выбора.

Как-то, в пылу полемики, С. Ковалев, именуемый «правозащитником №1», а, в сущности, ангажированный политик, процитировал бодро, сославшись на Льва Толстого: «патриотизм – последнее прибежище негодяев!», – менторски напомнив каждому, в ком это чувство проявляется, его аморализм и никчемность, а заодно и продемонстрировав некую абстрактно-вселенскую гражданственность своей собственной позиции. Позиция такого рода отнюдь не оригинальна и встречается в истории переломных лет довольно часто. Ее высказывали в годы перестройки и в первое время после развала Советского Союза почти все лидеры демократического движения, за что, заметим, заслужили презрение народа. А до них, в революционные годы, многие представители прогрессивной западной и российской интеллигенции. К примеру, английский поэт и драматург Дж. Драйден как-то заметил: «дураком довелось бывать, но патриотом – никогда». Г.Э. Лессинг писал другу, что он не знает, что такое «любовь к родине», – в лучшем случае, это героическая слабость, которой он был бы рад избежать. Ф. Шиллер, которым восхищались в России, писал в год Французской революции, что «патриотические интересы важны только для незрелых наций», а писать лишь для одного народа – ничтожная, банальная цель. Гете до конца жизни придерживался того же мнения (хотя, заметим, имена Шиллера и Гете не сходили со знамен и лозунгов немецкого патриотического движения). И великий Пушкин жаловался на несчастье быть рожденным в России. Что же до упомянутого выше правозащитника, то частенько повторяемая им и его единомышленниками цитата принадлежит не Л. Толстому, как это иногда считают, а английскому писателю С. Джонсону. Да и исторический контекст высказываний был иным. Это было время Просвещения и Великой Французской революции, и как справедливо замечает У. Лакер, подборку цитат из работы которого мы только что привели, в тот период «царило полное безразличие к патриотизму. Люди того времени были космополитами, они верили в Humanitas и прогресс всего человечества, в системе их ценностей ни патриотизм, ни национализм не занимали высокого места»[1]. А революционеры и их ближайшие преемники строили, правда, с помощью пушек, единую Европу.

Но подходим ли мы сегодня под этот канон? Вряд ли: другое время, иные задачи. И здесь снова необходимо вернуться к *соотношению гражданского и патриотического*. С развитием общества гражданское степенно становится приоритетным по отношению к патриотическому – но вовсе не заменяет и не отменяет последнего. Да и не способно этого сделать. И главным образом, потому, что патриотизм, как чувство более глубокое по своей природе, формируется в человеке – значительно раньше гражданских представлений. Но что самое главное, он по своему характеру консервативен.

Гражданственность же более динамична и означает, помимо формальной принадлежности к государству и вытекающими из этого следствиями, не только отношение к правам и обязанностям. Это *нравственно-правовое отношение* органически связанное с векторными тенденциями развития человечества. И если исторически подтверждено, что таковыми являются демократия, права человека, правовое государство, гражданское общество, рынок, – то это и есть глубинные критерии гражданственности. Вот поэтому-то возможна оценка декабристов, как провозвестников свободы, с упреждением исполнивших свой гражданский долг. Поэтому, в целом, гражданским отношением можно считать решение большинства народа России, отвернувшегося от замаранного кровью и окончательно доказавшего свою нереформируемость советского режима. Именно здесь, а не в формальном выполнении предписаний, живая душа гражданственности. Но каковы же функции гражданственности?

Первую из них можно назвать *мобилизующей,* т.е. формирующей у людей активное отношение к действительности. В ее рамках и под ее прикрытием осуществляется формирование и развитие того, что называется гражданским обществом.

---

[1] Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма / Пер. с англ. М., 1994. С.397.

Вторая функция – *направляющая,* связанная с целеполаганием и придающая устойчивость действиям личности, гражданских объединений.

Наконец, третья функция – *регулирующая,* т.е. определяющая характер реакций на внешнее воздействие (скажем, на естественное взаимопроникновение или силовую экспансию) и воздейсвующая на характер вновь складывающихся связей и отношений. Причем вплоть до отвержения и слома отживших отношений и систем, в том числе и государственной.

Все три функции своеобразно проявляются в ценностном мире личности, в зависимости от специфики ее воспитания и развития, особенностей среды и т.д. *А само взаимодействие гражданского и патриотического носит ярко выраженный волновой характер: в эпоху великих переломов гражданское всегда доминирует над патриотическим. Более того, учитывая, что в революционные эпох борьба, и подчас ожесточенная, носит отчетливо выраженный классовый характер, знамя патриотизма зачастую оказывается руках сходящих с арены социальных слоев и политических групп. В этом случае консервативный характер патриотизма резко усиливается и приобретает выраженный реакционный оттенок.* Ярким примером является знаменитая Вандея во Франции, понятие, ставшее нарицательным. В предреволюционные годы в России патриотические лозунги не сходили с уст черносотенцев, которым откровенно симпатизировала одряхлевшая монархия. Патриотическая идея ярко проявлялась в белом движении в годы гражданской войны в России, явлении во многом уникальном, безысходно трагическом и, в отличие от предыдущих примеров, безусловно позитивном, сконцентрировавшем в себе тех, кого в большинстве можно назвать честью и совестью нации. Определенное исключение составляют разве что национально-освободительные движения, которые скрепляются патриотизмом и национализмом и носят в основном прогрессивный характер. Однако велика опасность скатывания их на путь нарушения прав человека, что произошло во всех без исключения государствах в постсоветском пространстве.

Что же касается России, то во времена крушений великих империй, как в 1917-м, так и в 1991-92 гг., соотношение гражданского и патриотического проявлялось крайне своеобразно и противоречиво. Во-первых, гражданское, в первый период, было приоритетным в русских регионах страны, а патриотическое – у титульных народов в его национальных образованиях. А во-вторых, гражданское сопутствовало лидирующим группам общества, в то время как патриотическое – их противникам, стоящим на крайне консервативных позициях. В обоих случаях такая противоречивость стимулировала националистические эксцессы, причем в межнациональном аспекте – обоюдно, а также вызвала рост сепаратизма, создавая угрозу распада. И если после 1917 г. распавшуюся империю удалось в основном собрать в процессе гражданской войны, используя наднациональные лозунги и силу оружия, то после катаклизма 1991-92 гг. новые руководителям России пришлось спасать положение уже невоенными, а преимущественно (если не считать Чечни) административно-правовыми методами. Гражданский потенциал такого рода действий оказался сравнительно невелик. А патриотические лозунги на время перешли к «непримиримым», занявшим явно консервативные позиции. Однако относительная стабилизация ситуации способствовала снижению потенциала консерватизма в его реакционном выражении, а становящемуся государству – чем дальше, тем больше – оказывался потребен патриотизм, как скрепляющая сила и как идеологическая основа возрождения и развития.

Стабилизация ситуации, как и всегда в таких случаях, приводит к снижению реакционно-консервативного потенциала патриотизма и к постепенному возвращению его в лоно своих основных функций с проявлением, пока еще слабым, приоритета гражданского. В этом качестве патриотическое и гражданское начинают проявляться в таких глобальных процессах, как формирование российской нации, государственности и т.д.

Наконец, следует остановиться еще на одном важном факторе становления и развития гражданского сознания. Речь идет о *социально-профессиональной структуре общества* и перипетиях ее исторического развития, а также о роли социально- профессиональных групп. Исторический опыт показывает, что социально-профессиональное положение человека, равно как и развитие самой социально-профессиональной структуры общества оказывают нема-

лое воздействие на перспективу демократического и правового развития человеческого общества в целом. На эту особенность уже давно обратили внимание западные социологи, работая над концепциями постиндустриального, технотронного и т.д. обществ, отслеживая становление их на практике.

В так называемом крестьянском обществе ценна личная свобода, исходя из специфики деятельности крестьянина, как основного и преобладающего в этом обществе элемента. Но не столько для личного развития, сколько для оптимального производства, коим командовать без риска малой производительности и неурожаев просто невозможно. И это мы хорошо знаем из практики принудительного колхозного строительства. Рабочий обязательно должен быть лично свободным, но его потребность в демократии номинальна, как и в свободе духовной. Он лишь частичный в общей системе производитель, однако производитель коллективный. Эту его особенность не только увидели, но и откровенно использовали коммунисты, прежде всего большевики, реализовав на практике замысел диктатуры пролетариата. Но лишенный глубокой внутренней потребности в свободном развитии и вполне удовлетворенный реализацией своих прав через профсоюзное движении, пролетариат как «класс-гегемон», естественно, не смог самовыразиться в этой диктатуре.

Но подобно тому, как марксисты провозгласили тезис о пролетариате как могильщике буржуазии (что, кстати, не подтвердилось), развитие общества привело не только к росту интеллектуального слоя, но и к возрастанию его влияния на все стороны жизни, что, в конечном счете, означало появление своего рода могильщика перспектив революций и разного рода диктатур. Именно интеллектуалы, испытывая исходящую от природы своей жизнедеятельности и, в особенности, своей профессиональной деятельности (в основе своей, глубоко творческой) постоянную потребность в свободе, в неограниченном догмами развитии идей, в их нерегламентируемом обмене, оказались в зримой перспективе антиподами казарменным порядкам, как убогого тоталитаризма, так и диктатуры закона современной бюрократии, этой изощренной полицейщины нашего времени. Знамя свободы, но еще не рычаги управления, перешло в руки интеллектуалов. Именно им предстоит нащупать и просчитать соотношение закона и морали, долга и ответственности, порядка и совести, без чего новый век будет выглядеть столь же угрожающе бездушным, как и век минувший.

История России, как и любой другой страны, полна ярких примеров патриотизма: от деяний полумифических героев древности, защитников земли русской, до конкретных персонажей. При этом список выдающихся патриотов отнюдь не исчерпывается только военными героями. Но следует заметить, что и сама история, и генезис российского патриотизма заметно отличались от их европейского аналога. Если анализировать европейскую историю, видно, что становление наций и национальных государств в основном совпадало с эпохой буржуазных революций. В те времена буржуазия, провозглашая новые ценности и идеологию, выступила с оружием в руках против одряхлевшего феодализма. Поддержанная большинством нации в этой борьбе, буржуазия выражала ее национальные интересы, а потому, хотя и великой кровью, добивалась победы, проявляя затем свое истинное лицо и корыстные интересы. Примечательно в этом смысле замечание одного из крупнейших исследователей эпохи французской революции А. Манфреда: «Республика, как только с нее сняли якобинские покровы, предстала в своей отталкивающей буржуазной наготе. Она оказалась жестоким миром низменных страстей, волчьей грызни из-за дележа добычи, республикой чистогана, спекуляции, хищнического беспощадного эгоизма, создающего богатство на крови и поте других»[1]. Как это похоже на то, что переживаем и мы в своей новой постперестроечной России. Или у истории одни и те же законы для всех без исключения, или она попросту никого и ничему не способна научить.

При этом важно отметить, что буржуазия была носителем качественно новых понятий, порожденных логикой развития капитализма и буржуазного общества - патриотизма, гражданственности, гражданских прав и свобод, правового государства и других принципов и по-

[1] Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М., Мысль, 1980. С.60.

нятий, по которым ныне живет большинство стран и народов нашей планеты, относящих себя к «цивилизованному человечеству». Именно выдвижение и затем освоение этих понятий и принципов *означали смешение воедино патриотизма и гражданственности, как сложного и подчас внутренне противоречивого симбиоза, в котором приоритет, в конечном счете, закрепился за гражданской составляющей* в конкретном социально-правовом пространстве.

В России, также пережившей на рубеже XVII-XVIII вв. грандиозный перестроечный катаклизм, дело обстояло совсем иначе, здесь и речи не могло идти о буржуазной революции, ввиду отсутствия предпосылок таковой. А потому прорыв из острейшего и гибельного кризиса приобрел форму реформации феодализма. По воле Петра утвердившееся в жестокой борьбе с внешним и внутренним врагом самодержавное «государство помещиков и купцов» (К.Маркс), также не смогло обойтись без обращения не только к патриотическим чувствам россиян, но и пробудило в них ростки гражданственности. Взять, к примеру, хотя бы обращения самого Петра к своим сподвижникам, к армии на поле под Полтавой, в которых он взывал к «чадам возлюбленным» не только как к своим подданным, но и как к гражданам, выполняющим свой долг перед Отечеством: «Пришел час решить судьбу Отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за Отечество, Православную веру и за церковь, а о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, жила бы только Россия в славе и благоденствии»[1].

Так закладывались основы *имперского, государственного (этатистского) по своему характеру патриотизма*, сохранившегося в общих чертах вплоть до падения монархии в 1917 г. и последовавшего вскоре развала империи. Причем процесс этот был схож с теми, что развивались в Восточной Европе, в частности, в Австро-Венгрии. Особенность его, замечает А. Мыльников, в том, что «этатистский патриотизм при кажущейся его безнациональности (и даже наднациональности) фактически отождествлялся с культурно-языковой основой господствующих этносов»[2], а потому с самого начала вступал в конфронтацию с растущим самосознанием народов, подвластных обеим – австрийской и венгерской – коронам. И можно с достаточной долей вероятности утверждать, что именно этот *имперский патриотизм*, культивировавшийся в Петербурге и Вене сыграл, в конечном счете, негативную роль и для русской и для австро-немецкой господствующих этнических общностей, надолго задержав становление собственно русского и австрийского национального самосознания. Но если для Австро-Венгрии эпоха этатического патриотизма завершается с падением империи в 1918 г., то победившая в России советская власть под иными идеологическими знаменами возрождает *этатистский патриотизм*, запустив в действие невиданную в погибших империях гигантскую машину воспитания и контроля, а значит, замораживает процессы становления национального самосознания еще на 70 лет. Не потому ли – в отличие от всех бывших республик Союза – только русские, составляя абсолютное большинство населения новой России, в массе своей практически никак не проявляют себя в качестве господствующего народа. Сегодня можно только предполагать: или процесс становления русского национального самосознания еще проявит себя (к этому есть определенные основания), или же мы «проскочим» этот этап в силу существенно изменившихся обстоятельств внешнего и внутреннего порядка, и вновь, хоть и на ином качественном уровне, возвратимся (как бы по спирали) к новому российскому патриотизму с выраженным этатистским содержанием, но проявленному уже в реалиях демократии, гражданского общества (что тоже возможно).

Но вернемся к Петру. Нельзя не обратить внимание на крайнюю противоречивость такого рода обращений императора. Петр – выученик передовой буржуазной Европы, но душою – мрачный русский деспот, «не привыкший уважать человека ни в себе, ни в других»[3]. Но ведь таково средневековье! – неоднократно замечал: «Говорят чужестранцы, что я повелеваю рабами, как невольниками..., английская вольность здесь (в России – *А.К.)* неуместна, как к

---

[1] Острогорский М. Учебник русской истории. 25-е изд. СПб., 1913. С.130.

[2] Мыльников А.С. Народы Центральной Европы: формирование национального самосознания. ХУШ-Х1Х вв. СПб., 1997. С.88-92.

[3] Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993. С.177.

стене горох. Надлежит знать народ, как оным управлять»[1]. Позже Н.М.Карамзин – проповедник самобытности России – в 1811 г. писал: «У нас не Англия,... в монархе российском соединяются все власти... Отец семейства судит и наказывает без протокола, – так и монарх в иных случаях должен необходимо действовать по единой совести»[2]. Что же касается Петра, то в трудах своих он пытался соединить несоединимое: «хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно. «Совместное же действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства – это, по замечанию В. Ключевского, загадка, доселе неразрешимая»[3]. Однако для Петра исторически не существовало никакой альтернативы.

И случайно ли, великий Пушкин, дитя уже другого века, работая над главами «Истории Петра I», ни в этой работе, ни в поэтическом варианте («Полтава») ни слова не говорит об упомянутых выше обращениях великого императора? Иной, нежели у Петра, смысл заключен в его призыве к соотечественникам: «Мой друг, отчизне посвятим души прекрасные порывы!» Его современники и друзья-декабристы, выступив против тирании под знаменами свободы, выполнили, хотя и с упреждением, свой патриотический и гражданский долг, но уже в его новом значении.

В послепетровскую эпоху Россия не единожды переживала *всплески гражданско-патриотических порывов*. И тогда сословно разделенная и пребывающая в состоянии перманентного антагонизма страна на короткий срок становилась неколебимым идеологическим монолитом. Вспомним 1812 г., в который и господин, и холоп согласно встали под знамена защиты Родины, на миг превратившись из подданных императора в граждан Отечества. Славное время, звездный час Петра Багратиона и Якова Кульнева, Надежды Дуровой и Василисы Кожиной и еще многих, но не Фаддея Булгарина. Время ему подобных еще впереди. По воспоминаниям очевидца событий аббата Серюга, «Наполеону удалось вдохнуть в русских еще и другой дух, столь мало свойственный им в обычное время, – это дух любви к родине и ко всему родному. Высшие классы нашего общества внезапно переродились; из французов и космополитов они вдруг превратились в русских». «Все – пишет историк и мемуарист Вигель, – опасались одного, это мира. Опасение мира, особенно после занятия Москвы, было одинаково и в обществе и в армии». И лучше всего это чувство нации выразил уже после оставления Москвы Кутузов отвечая Лористону относительно просьбы Наполеона о прекращении войны: «Кончить войну? Да ведь мы ее только начинаем»[4]. Вспомним и русско-турецкую войну 1876-78 гг. – славный период нашей истории, когда Россия впервые выступила не покорительницей, а освободительницей братьев-славян. На время войны был установлен классовый мир: народовольцы, отказавшись от террора, устремились в действующую армию, а правительство прекратило их преследовать (правда, только в армейских частях). Думается, что историкам, вместе с социологами еще предстоит осмыслить эти годы как рубеж формирования именно *гражданско-патриотических ценностей россиян и складывания основ гражданского общества*.

Но закончились славные походы, и их участники вновь стали непримиримыми врагами, борьба между целыми поколениями которых завершилась крахом империи в роковом 1917-м. Россия шла к постижению смысла гражданственности путем куда более трудным и долгим, нежели Запад и впервые зримо приблизилась к заветной черте лишь в период александровских реформ 1860-х гг., *означавших реальную и, увы, единственную возможность* разорвать без потрясений клубок противоречий между деспотизмом и свободой, просвещением и рабством, оказавшихся и непосильной ношей и проклятием петровско-екатерининской эпохи, означенной зыбким и алогичным, в сущности своей, понятием «просвещенный абсолютизм». Александр II Освободитель жил в эпоху переходную, и не только жил, но и творил ее, и потому нес на себе и весь груз наследия прошлого, ему дорогого, и, одновременно, тенден-

---

[1] Мартов А. Рассказы о Петре Великом / Подг. Л Н. Майков. СПб., 1891. С.82.

[2] Карамзин П.М. Записки о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М, 1991. С.102.

[3] Ключевский В. О. Сочинения. Т. 4, М., 1986. С.221.

[4] Астапенко М, Левченко В. Атаман Платов: жизнеописание М., Современник, 1988. С.131, 142.

ции будущего. Отсюда и его противоречивость, и постоянные колебания, и осторожность[1]. В частности, разговоре с С. Ланским, министром внутренних дел, он заметил: «Мы не должны от себя скрывать, что Россия входит в новую, еще небывалую эру, и потому на будущее преступно было бы правительству смотреть, так сказать, сложа руки. Так, мы должны быть готовыми ко всему... и не делать все вдруг»[2]. Как жаль, что властвовавшему еще недавно «прорабу перестройки» и первому президенту СССР, эти принципы были неведомы. Решимость Александра II и его соратников осуществлять реформы по превращению страны в высокоразвитое цивилизованное государство, а значит, и способствовать проявлению возможностей развития гражданского общества, хотя, заметим, конституционная тема царю была неприятна, и он не скрывал своего негативного отношения к ней, вызвала симпатии современников. К тому же, гласность, отмечает Л. Брюс, обеспечила, и довольно быстро, гражданское просвещение общества, усвоившего проповедь либеральной публицистики, и дала толчок гражданской активности, сделав, в свою очередь, великого реформатора своего рода заложником действий, которые он же и начал. Возрастающее давление на правительство способствовало подготовке нового витка реформ, в чем заслуга М. Лорис-Меликова, причем «уже в обстановке сотрудничества самодержавной власти с общественными кругами в сфере законодательства»[3]. Но росла и тревога, как в определенных кругах российского общества (особенно среди быстро оформлявшихся крайне-правых и крайне-левых). Следует учитывать, что известная непоследовательность и медлительность Александра и его окружения, тяжесть невзгод войны и т.д., привели как к кризисному состоянию общества, так и к довольно ощутимому разочарованию в уже старом, больном, но, что более важно, существенно исчерпавшем свои реформаторские возможности монархе.

Не просто обстояло и с отношением к переменам в России и за рубежом. Освободительный поход на Балканах, где россияне впервые за два столетия исполняли свой гражданский интернациональный долг, изменил геополитическую ситуацию, а возможность сближения России с Германией не сулили ничего хорошего ее традиционным противникам. Не странно ли на этом фоне наблюдать буквально взрыв, на первый взгляд, истерической активности отщепенцев, присвоивших себе право говорить и судить от имени – ни больше ни меньше – всего народа во имя «великой идеи». И в прокуренных ли конспиративных квартирках в действительности принимались решения, круто изменившие вектор движения России – от перспективы процветания к скорой катастрофе? Ведь до сих пор остаются без ответа вопросы: сколько стоил в то время терроризм (по общим оценкам, очень много), кто финансировал, в чем причины вялости и слепоты полиции, контрразведки, да и разведки и т.д.?

Заметим, что и понимание гражданственности в лидирующих группах общества в годы после трагической гибели Александра II 1 марта 1881 г., существенно деформируется, насыщается уже не столько правовым, сколько идеологическим содержанием, со все возрастающей долей нетерпимости, негативизма и антигосударственности. Во власти же, с воцарением Александра III, возобладали националистические, с флером славянофильства, идеи, явно оппозиционные по отношению к магистральной линии реформ его отца. Одновременно рвется только-только обозначившаяся связка патриотизма и гражданственности. Чем дальше, тем больше патриотизм превращается в антипод гражданственности, символизируя реакционно-охранительную тенденцию, наиболее ярко проявившуюся в деятельности черносотенных сил (Русское собрание, Союз русского народа и т.д.). Многие годы спустя Н. Марков, депутат царской Государственной Думы и один из черносотенных вождей, впоследствии активно сотрудничавший с немецкими фашистами, писал, что по духу «черная сотня» стала не только прообразом политических партий нового типа, но и была почти аналогична национал-социализму. Отчасти поэтому не смог патриотизм сыграть своей освежающей роли с началом первой мировой войны, пусть даже официально нареченной Великой отечественной.

---

[1] Власть и реформы. От самодержавия к советской России СПб., 1996. Ч.IV. Гл.1.
[2] Валуев П. А. Дневник: 1847-1860. СПб., 1891. С.550.
[3] Власть и реформы. От самодержавия к советской России СПб., 1996. Ч.IV. Гл.1. С.363.

Но всему этому безвольно способствовала и даже симпатизировала сама медленно умирающая монархия вкупе с духовенством. Враз и уже навсегда выбитая из колеи реформ, потерявшая ориентиры и последние надежды, она могла демонстрировать лишь *неразумный консерватизм* вперемежку с наивными иллюзиями, все чаще переходящими в откровенную реакцию и мракобесие. И следует понять, что в такой ситуации никакой Столыпин уже ничего не мог сделать. Империя исчерпала и запас прочности и лимит времени. Большевикам осталось лишь разбросать свои семена в уже подготовленную для этого и, вдобавок, сдобренную кровавым дождем войны почву.

Короткий, но до предела насыщенный период между 25 октября 1917 г. до окончания гражданской войны в 1920-22 гг., представляет существенный интерес и дает ответ на вопрос о том, почему советский период не стал благоприятным для формирования патриотизма и гражданственности, более того, затормозил данный процесс и исказил его формы и сущность, вследствие чего они не стали фактором его устойчивости в критические 1980-1990-е гг. Ответ в природе советского строя, руководящей идеологии, ориентированной на реализацию *замысла мировой революции*, о чем, не скрывая, говорили все вожди большевизма. Россия, до известного времени, оставалась для большевистских вождей лишь инструментом реализации грандиозного проекта мировой революции. В их тогдашней интерпретации понятия патриотизм, гражданственность, отечество выполняли второстепенные, сугубо защитную и ресурсную функции. А вся тактика временных отступлений осуществлялась во имя наступления генерального. Поэтому ни о каком патриотическом и гражданском воспитании речи тогда идти не могло. Всемерно доминировал классовый подход и идея интернациональной миссии Советской республики.

Но было бы ошибкой сводить все и вся только к революционной миссии новой власти. Противоречивость ситуации состояла в том, что неудачи потребовали передышки для сосредоточения сил для нового броска. А для этого следовало *укрепить советскую государственность*. Укрепление государственности началось с быстрой трансформации практически всех основополагающих принципов государственного и национального строительства. В первую очередь, в трактовке права наций на самоопределение. В дальнейшем понятие самоопределения наций исчезает из партийных документов, а право на отделение приобретает абстрактный характер. Полемика перенеслась в плоскость федеративного устройства, «той искомой формы государственного союза», живым воплощением которого Сталин объявил РСФСР[1], не забывая, как нам сегодня стало ясно, и своей главной задачи – «будущего социалистического унитаризма». Так формировалась идейная база собирательства растерянных в ходе революции территорий.

Государственный подход со временем взял верх, но не подавил подхода революционного до самого конца существования Советского Союза. Как полагал английский историк Э. Карр, выдвинувший заслуживающую внимания концепцию соотношения революционных перемен в России и устоев русской государственности, новое руководство страны по мере удаления от октябрьского переворота «все более и более открыто становилось наследником русской государственной власти и провозглашало свои цели в выражениях, которые для чувствительного уха отзывались безошибочным эхом прошлого России». В итоге же, «дело России и дело большевизма начали сливаться в одно неразрывное целое», а политика новой власти стала все более определяться исконными национальными интересами страны[2]. Говоря о формировании пространства нового, советского патриотизма, следует отметить и то, что в своих основных чертах он не противоречил ни традициям российской государственности, ни менталитету нации. Известный американский исследователь Т. Андерсон полагал, к примеру, что политика советского руководства опиралась на «варяжско-византийско-монгольско-славянское наследство». Основным проявлением этой традиции автор считает постоянный фактор жесткой централизации[3]. Проявлением этой традиции является, по мнению англий-

---

[1] Сталин И.В. Соч., Т.5. С.39.

[2] Carr E. Socialism in One Country: 1924-1926. L., 1957.Vol. 1. P.4-22.

[3] Aderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origins and Spread of Nationalism. L., 1983. P.361-373.

ского политолога М. Уоллера, и демократический централизм. А знакомых с экономикой старой России специалистов отнюдь не пугала централизация экономики и повальная национализация, ибо «у нас всегда и в прошлое время, при царском режиме, очень значительные отрасли хозяйства принадлежали государству»[1]. К этому следует добавить, что большевистская диктатура вовсе не находилась в некоем социальном вакууме. Большевикам удалось вовлечь в революционное движение как огромную народную стихию, так и, по тогдашней терминологии, «буржуазных спецов», до поры до времени отвечая их определенным чаяниям и настроениям, и использовать в своих утопических целях ее традиционный этатизм, политическую незрелость, склонность к жестким силовым методам решения проблем. Таким образом, поле советского патриотизма было, в основном, подготовлено. Иначе обстояло с формированием базы советской социалистической гражданственности. Уже с первых дней после октябрьского переворота стал обнажаться классовый характер новой власти, поставившей значительные слои населения в положение «лишенцев», то есть лишенных полностью или частично гражданских прав и свобод (до 1936 г.). В первой советской конституции 1918 г. прямо указывалось: «Руководствуясь интересами рабочего класса в целом, Республика лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые пользуются ими в ущерб интересам социалистической революции»[2]. Понятно, что в этой ситуации не могло быть и речи о всенародном единстве. Последствия такой политики крайне негативно сказались на судьбе советского государства, достигшего ощутимого гражданского единства лишь в годы хрущевской оттепели.

Что касается зачатков гражданского общества, даже применительно к пролетарским слоям, то им так и не суждено было прорасти. Отвергая возможность участия широких масс в управлении государством, а тем более в широких гражданских инициативах и мотивируя это крайне низким культурным уровнем основной массы рабочих, В.И. Ленин уже в 1920 г. заявляет: «Разве знает каждый рабочий, как управлять государством? Практические люди знают, что это сказки... Кто управлял из рабочих? Несколько тысяч по всей России и только»[3]. *Это не просто поворот на 180º (*хотя, конечно, не стоит питать иллюзии в способности малограмотных людей качественно выполнять обязанности высококвалифицированных управляющих*), это конец самой идеи диктатуры пролетариата, это, по сути своей, поворот к диктатуре бюрократии.* И не вызывает удивления последующий пассаж с заменой диктатуры пролетариата диктатурой партии. Фактически же власть переходит целиком в руки узкой и отнюдь не сплоченной группы партийных функционеров. В результате и без того мизерное поле гражданской активности заключается в жесткие рамки служения партии— пролетариату и его союзникам, и подчинения партии и пролетариату, причем, без каких-либо оговорок, всех остальных. Так был поставлен большой крест на перспективе формирования гражданского общества, правового государства, равно как и на других светлых иллюзиях.

Что же касается эпохи социалистического патриотизма и гражданственности, то ее начало правильно можно определить с утверждением на политическом Олимпе И. Сталина, всерьез занявшегося реализацией идеи построения социализма в отдельно взятой России – Советском Союзе, не забывая при этом, как говорилось выше, о конечных целях. В его руках оказалось пусть разрушенное, но великое государство. А государство нежизнеспособно без граждан и патриотов. Сталин это хорошо понимал, и потому уделил большое внимание формированию нового человека. Особенно, к 1930-м гг., когда подросло поколение, не помнившее реалий революции и гражданской войны и смотревшее на происходящее иными, нежели старшее поколение, глазами. К середине 1930-х гг. наметились тенденции патриотической направленности в образовании и воспитании. Был осужден нигилистический подход к русской истории и негативное отношение к традициям русского народа, реабилитировались цари-реформаторы, герои национальных войн. В области образования свернуто обучение на-

---

[1] Валентинов И. (Вольский И.) Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М., 1991. С.63.

[2] Конституция и конституционные акты РСФСР: (1918-1937). М, 1940. С.24.

[3] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.42. С. 253.

циональным языкам и установлен приоритет русского языка, сокращено число лиц нерусских национальностей в руководстве и т.д. Начиная с 1936 г., предпринимаются активные усилия по формированию гражданского сознания молодежи. Так в очень короткий срок (всего одно поколение) Сталин вполне справился с нелегкой задачей: было сформировано замысленное им поколение, с отличным не только от поколений старших, но и от всего цивилизованного человечества миропониманием и мироощущением. Суть его – *в неразрывности идеологического, нравственного, политического и этнического, образующего некое органическое целое*, направляющего действия и помыслы человека в различных, даже самых невероятных обстоятельствах. Именно это поколение приняло на свои плечи всю тяжесть войны и вернулось с нее в количестве всего 3%.

Однако, как показала война, гражданский мир и согласие в стране так и не были достигнуты. Некоторая часть людей в этих условиях оказалась объективно неспособной выработать гражданское мировоззрение и стремилась уклониться от выполнения обязанности по защите Родины. Другие, которых тоже немало, защищая страну от агрессора, руководствовались в основном патриотическими, а не идеологическими побуждениями. Наконец, довольно большое число граждан Советского Союза, не обладая ни гражданственностью, ни патриотизмом, или утратив их, и исходя из побуждений мести за поруганные властью честь и достоинство, а иногда из безысходности, перешли на сторону врага. Были и идейные противники, которые осознанно сотрудничали с врагом, были просто подонки, лишенные чувства чести. Но с ними все понятно. И, если Великая Отечественная *аукнулась нам (о чем почти не пишется) и рецидивом войны гражданской,* вина за это целиком лежит персонально на Сталине, на партийном руководстве, на их недальновидной одновременно преступной политике классового национал-большевизма. В этом свете еще величественней предстает славный, с большой долей трагизма, подвиг большинства советских людей честно и до конца выполнивших свой патриотический, гражданский и воинский долг.

Если же попытаться сформулировать своего рода партгосзаказ системе воспитания гражданственности и патриотизма молодежи, то это означало бы ориентацию «на безграничную преданность советских людей советскому общественному строю, своему социалистическому отечеству, делу коммунизма», ибо «патриотизм нового, высшего типа – одна из движущих сил развития социалистического общества»[1]. Критерием же служила ленинская посылка о коммунистической нравственности. Их экономической основой провозглашалась социалистическая система хозяйства, социалистические производственные отношения; политическую основу составлял советский государственный строй, а идейно-теоретическую базу – марксизм-ленинизм. Отсюда и директивы разных лет, направленные на формирование личности социалистического типа. Понятно, что советское гражданство получает новое качество и начинает принципиально, если следовать языку источников того времени, отличаться от гражданства капиталистических стран. Суть этого кардинального отличия – в установлении «не только юридической связи, но и морально-политического единения с коллективом трудящихся – активных строителей коммунистического общества, сплоченных сталинской дружбой народов»[2].

В определенной степени *советский патриотизм* можно назвать не только этатистским, но и *идеологическим патриотизмом.* Идеологическое, будучи иным по природе феноменом, постоянно и в специфической форме сопровождает гражданское и патриотическое. И если ослабевает одна его составляющая (в нашем случае, марксистско-ленинская), то усиливаются другие (к примеру, религиозная, националистическая). Природа явлений от этого естественно не меняется, а вот характер взаимодействия и их последствия могут измениться в зависимости от применяемых для его обеспечения способов. Ведь «идеологию можно определить как систему побуждений и управления человеческим обществом,... как систему, стимулирующую и направляющую человеческое поведение»[3]. В единстве своих функций, познава-

---

[1] Большая Советская Энциклопедия. Изд. 2-е. Т.39. 1952. С.486.
[2] Там же. С.421.
[3] Lemberg E. Ideologie und Geselschaft. Stuttgart, 1974. S.34.

тельной, оценочной, программно-целевой, футурологической, интегрирующей, защитной и социально-организующей, как замечает Ю.Г.Волков, идеология не только дает целостную картину мира и интегрирует знания, но и стимулирует и направляет человеческое поведение, интегрируя при этом действия людей и общества, определяя директивы человеческой деятельности и поведение личности в социальном мире. Поэтому «самостоятельное прогрессивное развитие экономики, политики, культуры без идеологии невозможно, ибо дает не целостное, не эффективное развитие общества, а стихийное, беспорядочное»[1]. Ясно и то, что насильственный способ взаимодействия идеологического, с одной стороны, и патриотического и гражданского, с другой, не только неприемлем, но и чреват серьезными конфликтными коллизиями.

Партгосзаказ четко определил важность формирования в советских людях сознательного патриотизма, как понимания коренного превосходства социализма над капитализмом и, таким образом, упора в идеологической и воспитательной работе на особый род сознательности – коммунистическую. Далее, делался упор на осознание своего долга как понимания значения своей преобразовательной деятельности и гордости своей Родиной, своими достижениями в борьбе за коммунизм; на сознательное сочетание патриотизма и интернационализма. Ведь, согласно одному из идеологических тезисов той поры, построение социализма было «великим патриотическим подвигом советского народа и в то же время его бессмертной интернациональной заслугой». Словом, следуя мысли Д.Волкогонова, – последнего певца социалистического патриотизма, – «главная отличительная особенность советского патриотизма заключается в том, что любовь к Родине нерасторжимо слилась с преданностью коммунистическим идеалам»[2]. Наконец, в советском патриотизме выделялась еще одна характеристика – его действенность: то есть выражение его в творческой активности и инициативе, преданности Родине, когда интересы государства превыше всего, в бережном отношении к социалистической собственности, стремлении лучше трудиться во имя... и т.д. И это потому, объяснял Д.Волкогонов, что «все действия людей, их труд, поступки, намерения в конечном счете носят общественный характер, а значит, выражают отношение человека к своей Родине. Важно, чтобы это отношение играло роль мощного стимула социальной, нравственной активности каждого человека»[3].

Что касается системы патриотического воспитания, то оно, в условиях превращения всей страны в огромную военную базу, надолго приобрело приставку «военно-патриотическое». Такая трансформация существенно сузила ее смысл, деформировала само понятие патриотизма, а с другой, лишь отчетливей выявила агрессивную сущность строя.

Такого рода гражданское и патриотическое воспитание нанесло существенный вред и отчасти спровоцировавшим в 80-90-е гг. кризис ценностей и закономерную реакцию их отторжения у массы представителей нескольких поколений. С другой стороны, попытка силового совмещения нравственной и правовой основы исследуемого феномена с искусственно привнесенной идеологией в качестве определяющей величины, потерпела полное фиаско. И дело даже не в ложности или истинности идеологического учения или концепции, а в разной природе этих феноменов, могущих взаимодействовать, но оказавшихся органически несоединимыми. Что и было подтверждено российским историческим опытом.

Невозможно обойти и вопрос *о соотношении гражданственности, патриотизма и национализма.* И потому, что понятие «патриотизм» в перестроечные годы стало подаваться в продемократических средствах массовой информации как сугубо негативное. И потому, что само слово «патриотизм» отзывается в современной России настороженностью любого нерусского, подсознательно вызывая в нем чувство национального дискомфорта. Но в не меньшей степени и потому, что у русских, живущих в национальных субъектах нашей Феде-

---

[1] Волков Ю.Г. Идеология. СПб. Ростов н/Д., 1996. С.19-20; Волков Ю.Г. Идеология и гуманистическое будущее России СПб. , 1999.

[2] Волкогонов Д.А. Оружие истины. М., 1987. С.177.

[3] Волкогонов Д.А. Феномен героизма. М., 1985. С.131.

рации не вызывает никакого энтузиазма упоминание о патриотизме так называемых титульных народов. В большинстве своем, крайне малочисленных, однако, через своих представителей доминирующих в управленческих эшелонах, которые осуществляют политику, больно затрагивающую интересы нетитульного большинства. Да и в новой Европе трактовка национализма приобретает сугубо негативный характер.

Но в патриотизме ли здесь дело? Очевидно, что налицо подмена понятий. То, с чем мы все имеем дело, – *обыкновенный национализм*, причем, зачастую в крайних проявлениях, исторически имеющий глубокие корни и обретший в разных краях и весях своих идеологов и глашатаев. А патриотизм, к примеру, российский, русский, бурятский, татарский или калмыцкий вовсе ни при чем. Кроме того, срабатывает и механизм психологической защиты. *Идеологическое воспитание советского времени закрепило в массовом сознании, что национализм является чем-то неприличным и даже постыдным*. В самом деле, открыто называть себя националистами до сего времени рисковали сравнительно немногие, либо убежденные его приверженцы, либо субъекты, рассчитывающие на дивиденды, небескорыстно вызывая на себя волну возмущения своих цивилизованных соотечественников. Для большинства же, признание в этом «пороке», даже если это действительно так, явно неприемлемо. Вот тогда-то, в подсознании обывателя и происходит вытеснение неудобного, вызывающего тревогу понятия и замещение его более благозвучным, как патриотизм.

Вместе с тем, следует учитывать и *психо-генетическую природу националистического*. Если исходить из выводов Н. Бехтеревой, О. Крылова, Г. Лебона, Н. Лосского, В. Розанова, Й. Мьеэна, К. Юнга, несмотря на разность объектов их исследований и идеологические позиции, то *суть национализма* в своей первооснове может быть оценена, как глубоко дремлющий *подсознательный инстинкт*, обусловленный не только сохранением чистоты своего рода, но и неким утонченным чувством, идущим из глубины человеческой души. В научной интерпретации – некоего «биохимического голоса» идущего от памяти и воплощенного в таком, с одной стороны, нравственном, а с другой, «автономном психическом» качестве (К. Юнг), как совесть[1]. Отсюда, попытки «борьбы» с этим чувством не более чем попытки борьбы с природой человека. Но известно, что с природой нельзя бороться. Ее нужно понимать. И понимая, управлять процессами. Нельзя не отметить, что ясности в данный вопрос наши средства массовой информации и политики не только не внесли, но и, цитируя своих лидеров и кумиров, опять же на обыденном уровне, основательно его запутали.

В противопоставлении патриотизма и национализма довольно часто ссылаются на высказывания Д. Лихачева, который, разделяя эти два понятия, подчеркивает, что патриотизм – «это даже не чувство, это важнейшая сторона личной и общественной культуры духа, когда человек и весь народ поднимаются над самими собой и ставят себе сверхличные цели»[2]. Национализм же, по его мнению, «самое тяжелое из несчастий человеческого рода». «Как и всякое зло, оно скрывается, живет во тьме и только делает вид, что порождено любовью к своей стране. А порождено оно на самом деле злобой, ненавистью к другим народам и той части своего народа, которая не разделяет националистических взглядов». Отсюда и выводы: во-первых, что национализм базируется на чувствах неуверенности и неполноценности, а во-вторых, что «сознательная любовь к своему народу не может сочетаться с ненавистью к другим народам»[3]. На первый, взгляд убедительно. Тем более, что говорит все это патриарх русской историографии и литературоведения. И по большому счету, если воспринимать сказанное в качестве некоего нравственного императива, кажется, что это действительно так.

---

[1] См.: Юнг К.Г. Психология архетипа младенца. Душа и миф: шесть архетипов. Киев-М., 1977; Юнг К. Человек и его символы. СПб., 1996; Бехтерева Н.П. Введение// Механизмы управления памятью. Межд. симпозиум. Л., 1979; Крылов О.А. Значение ядерной ДНК нейронов головного мозга в механизмах фиксации адаптивной памяти // Механизмы управления памятью. Межд. симпозиум. Л., 1979; Лосский И.О. Характер русского народа. М., 1990; Лебон Г. Психология социализма. СПб., 1995.

[2] Лихачев Д. С. Избранные работы в трех томах. Л., 1987. Т.2. С.468.

[3] Лихачев Д. С. Заметки и наблюдения. М., 1991.

Но при внимательном рассмотрении возникают и определенные вопросы. Даже в контексте русской традиционной трактовки национализма как отрицательного феномена (что не свойственно западной традиции), к примеру, если отдельный человек в определенных условиях способен «подняться над собой», то народ может лишь осознать себя самим собой, а значит выделить себя по известному принципу «свой – другие» (где же здесь зло?); подняться же над самим собой – значит, если не прибегать к позитивной аллегории, с большой вероятностью потерять этого «самого себя». Или, как это можно отрицать соединение любви и ненависти в одном субъекте? Человек – не электронная машина, не допускающая в своей программе столь значимого противоречия. Он куда более сложен и, в отличие от ЭВМ, моментально выдающей сигнал сбоя, от природы противоречив. А противоречия лежат в основе его побуждений и действий, причем, как в норме (предмет психологии), так и в патологии (предмет психиатрии). Нечто подобное можно встретить и у великого А.С.Пушкина, Утверждавшего несовместимость гения и злодейства. Увы, совмещаются. Ведь не случайно существует понятие «гений зла».

В определенной степени данное противоречие корректируется уровнем культуры человека, смягчая или обостряя проявление данного противоречия, но не ликвидируя его вовсе, а лишь очерчивая правила хорошего тона, да и то в ситуациях преимущественно равновесных, когда стороны не нарушают неких правил приличия. А если они нарушаются одной из сторон или обоюдно!?

И к тому же, на характер противоречия оказывают воздействие множество факторов разной природы и силы действия: социальных, идеологических, политических, экономических, психологических и т.д. Не случайно, нигде в мире мы не сможем найти идеального решения проблем, им порождаемых. В одном случае, напряжение вследствие намеренно, явно или тайно создаваемых привилегий титульной нации. В другом случае, вследствие нарушаемых пропорций и группового этно-национального эгоизма, как в любящих поучать весь мир и только три десятилетия назад пошедших по пути преодоления расовой сегрегации Соединенных Штатах, где, несмотря на жесткие нормативы, еще далековато до идиллии. Или в России, где никаких правил в данной области, похоже, еще долго не будет выработано.

На первый взгляд, теоретически, противоречие как бы безупречно, но возникающие на его основе задачи неразрешимы. Что-то вроде знаменитого гордиева узла, рубить который, однако, страшновато. Но вся штука в том, что Александр Македонский вовсе не рубил этот узел мечом, как это, вполне в традициях своего времени, присочинил описывавший его доблести греческий историк Каллисфен. А вот другой историк, Аристобул, повествуя об этом случае, отказывается от драматических приемов, избегает мифологизации: по его описанию, Александр не разрубил мечом узел, а просто вынул заклепку из хомута. «Его, как технически образованного человека, – замечает немецкий историк Ф. Шахермайр, – больше устраивал именно такой способ[1]». А что если и нам стать в позицию «технически образованных» и попытаться разобрать данное противоречие. В этом случае, прежде всего, окажется, что *противопоставление патриотизма и национализма оказывается до известной степени искусственным, поскольку эти два феномена различны по своей природе.* А вот их соединение вполне естественно, что было подмечено Н.О. Лосским, определившим патриотизм как «естественную любовь к родине, и национальное чувство, т.е. любовь к русскому народу как носителю важных духовных и исторических ценностей».

Патриотизм – феномен нравственный и обращен к той сфере ценностного мира человека, который лежит в основе нравственной самоидентификации того или иного народа, формирования, по Д.С. Лихачеву, его «культуры духа». Кроме того, патриотизм формируется естественным путем и превращается в особую ценность по мере взросления личности (равно как и народа), и кристаллизации ее ценностных, а шире – жизненных – ориентаций. Выполняя целый ряд позитивных функций, о которых уже говорилось выше, он не может быть ни

[1] Шахермайр Ф. Александр Македонский. Пер. с немецкого.Ростов-на-Дону, 1996. С.177-178.

опасным, ни негативным фактором, а лишь определяет параметры, в которых любой народ может быть самим собой.

Иное дело *национализм*. Он, по своей природе, уходит корнями в этно-национальную сферу. И если и обретает нравственное содержание, то в связи в ней. Ярко проявившийся в Европе на рубеже XVII-XIX вв., в эпоху становления национальных государств и национально-буржуазных революций, он сыграл определенную положительную роль, став и объединяющей силой и союзником нарождавшейся западной демократии. Именно национализм, как замечает Э.Д. Смит, придал устойчивость и силу социальным процессам через идеологические конструкты типа «общей судьбы», но в особенности – через миф об «этнической избранности», как правило, обеспечивали этнической группе долгую жизнь[1]. Кроме того, в то время только идеология национализма, выступая «от имени псевдонародной культуры и беря свою символику из здоровой, простой трудовой жизни крестьян, народа»[2], могла солидаризировать богатых и бедных, капиталистов и неимущих. В этом смысле, по справедливому замечанию Н. Скворцова, *идеология национализма* не только выполняет именно государственную функцию, она политически эффективна и пользуется ответной поддержкой со стороны широких народных масс. Ибо национализм предлагает в данной привлекательной упаковке, «ощущение безопасности и стабильности в тот период, когда жизненный мир потерял свою целостность, а люди оторваны от своих корней. Таким образом, функцией национализма являлось создание ощущения целостности и исторической непрерывности, связи со своим прошлым, преодоление отчуждения между человеком и обществом, которое несет с собой новый общественный порядок»[3].

Однако в нашем столетии национализм в своих крайних выражениях приобрел преимущественно негативное значение, чаще становясь союзником (или орудием) агрессивных, тиранических режимов. Что почти не свойственно *патриотизму*, в силу своей *оборонительной природы* просто не способному служить в качестве обеспечения агрессии, хотя он временами и может, при идеологическом давлении, обеспечивать внутреннюю реакцию (к примеру, быть базой борьбы с «внутренним врагом»).

В определенной степени *национализм* сохраняет свое позитивное значение, ибо, как показывает опыт, эпоха образования национальных государств еще не завершена. Но, во-первых, *восточноевропейский национализм*, выполняя свою позитивную функцию, тут же проявил и крайние формы и показал свой антигуманный лик, проявившись в давлении на нетитульные народы по этно-национальному признаку. Во-вторых, он проявился в условиях, когда, по справедливому замечанию многих исследователей и политиков, средства уничтожения стали гораздо более смертоносными, а войны несравненно более разорительными. В итоге националистические побудительные мотивы (как правило, не будучи стабильно и «безопасно» выраженными) стали намного более опасными как для народа, в среде которого они формируются, так и для всего человечества, в чем мы убедились на примерах войн и вооруженных конфликтов в бывшей Югославии, в Чечне. И человечество, озабоченное своей безопасностью вынуждено, насколько оно сегодня способно, избирать пути и способы адекватного реагирования. В принципе, можно согласиться с У. Лакером и другими исследователями в том, что «между идеями Гердера или демократическим национализмом Мадзини и Гарибальди и межнациональными конфликтами в Восточной Европе наших дней нет ничего общего»[4].

Возвращаясь к природе национализма применительно к России, следует отметить, что сильнейший толчок его развитию дал процесс распада СССР, совпадающий по времени с «перестройкой». А образование новой России дало естественный толчок процессу формирования *российской нации (нации россиян)*. И самым значимым признаком, указывающим на

---

[1] Smith A.D. The Ethnic Sources of Nationalism // Ethnic Conflict and International Security /Ed. by M.E. Braun. Princeton, 1993. P.27-41.

[2] Gellner E. Nations and Nationalism. Oxford, 1983. C.130.

[3] Скворцов Н.Г. Проблема этничности в социальной антропологии. СПб., 1996. С.156-157.

[4] Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма / Пер. с англ. М., 1994. С.397.

то, что «процесс пошел» является набирающая силу самоидентификация жителями России себя как «россиян», в отличие от других, то есть не россиян, а, следовательно, и рост национализма, причем во всем диапазоне его проявлений.

Последнее обстоятельство требует пояснения, суть которого сводится к характеристике процессов, исходя не столько из понятия *народа* (в данном случае *русского*), сколько из его роли как подавляюще массовой системообразующей *основы новой нации*, с учетом значения многовековой *метисации*, которая в основном привела к образованию *нового этнотипа*, превращению русских в россиян (как это было с превращением славянских массивов в IX-XII вв. в народы славянской группы, а в случае России – в русских, народ славяно-угорской группы, со значительным вливанием тюркского элемента). На базе этого слияния и возникли, ближе к XIX в., собственно россияне, как новый этнотип. К этому следует добавить и довольно значительный процент россиян, происшедших от межнациональных браков (до одной трети в трех-четырех поколениях), и доминанту русской культуры, на базе которой формировалась национальная (нерусская) интеллигенция, и знаковые имена русской славы разных лет, например: А. Суворов, М. Кутузов (тюркские корни), П. Багратион, В. Чабукиани (грузинские), К. Рокоссовский, И. Балинский (польские), Л. Ландау, Ю. Харитон (еврейские), С. Рихтер, Б. Раушенбах (немецкие) и т.д., естественно вписавшиеся как в единую ткань русской культуры, так и в этнотип.

В условиях становления российской государственности и общероссийской нации следует занять по отношению к *российскому национализму* позицию как к естественному феномену, сопутствующему процессу образования наций и немыслимому без такового, обращая, однако, внимание на его опасные крайности, и, тем самым, выйти за пределы сложившейся российской традиции трактовать этот феномен исключительно в публицистически-негативном духе. Такого же рода процессы идут и в других независимых государствах в постсоветском пространстве. Сочетание процессов интеграции и размежевания, становления государственности и наций с присущими им атрибутами – проявлением национальных интересов, формированием национальных идей, конечно же, вызывает их столкновение и, как следствие, напряженность. На российском уровне – та же картина. С одной стороны, процесс образования общероссийской нации, а с другой – углубление самоидентификации народов нашей страны, имеющих свою исторически обретенную территорию, в особенности русских, что явно недооценивается политиками и идеологами.

В такой ситуации многие, прибегая к советам «просвещенных» западных экспертов, пытаются найти аналоги для России в процессах, свойственных нынешней Европе или Америке, постоянно, кстати, ощущающих сепаратистское напряжение. Чего стоят, к примеру, затянувшийся ольстерский конфликт, проблема басков, квебекская эпопея, да и постоянно дающий о себе знать и имеющий глубокие исторические корни территориальный сепаратизм в США[1].

Но вряд ли это справедливо. Ведь современной России временные аналоги подыскать очень сложно. С одной стороны, наша страна и общество проходят (хоть и не в первый раз) первые стадии формирования капиталистических отношений, со всеми присущими этому процессу «детскими болезнями». Во времени они аналогичны тем, что происходили в Европе в XVI -XIX вв. Складывание же общества буржуазного типа с соответствующими ему процессами классо-образования и формирования социальной структуры, прерванными в 1917 г., у нас начинается и вовсе с нуля. Нельзя при этом не учитывать и весьма значительный научно-технический и культурный уровень развития страны к началу «перестройки». С другой стороны образование национальных государств с присущими процессами образования наций в Европе, в основном, прошло в XVIII-XIX вв., растянувшись до начала XX в. в странах юго-восточной Европы, *в то время как Россия специфически вошла в подобные процессы в самом конце XX в., как бы зависнув на растяжках между эпохами и столетиями.* Это очень похоже на Монголию, которая, в соответствии с замыслами идеологов коммунизма, пыталась со-

[1] Козлов Д. А. Новоанглийский сепаратизм в США в начале XIX века. СПб., 1997.

вершить скачок из феодализма в социализм, минуя целый ряд стадий. Или на многие африканские страны, «втиснутые» в капитализм с уровня родо-племенных отношений. Во всех случаях такого рода скачки стремительны и поверхностны, порождают непростые социальные, экономические, политические, этнические и психические проблемы. В частности, известный франко-африканский психиатр Ф. Фанон отмечает, что освоение культурных идеалов белых для многих черных заканчивается расстройством психики. Но малые страны и народы *вынужденно приспосабливаются* к условиям, в то время, *как большие и великие поставлены перед необходимостью эмпирически, отвергая знахарские рецепты политических компиляторов, закономерно искать свой особый путь, дабы не потерять себя.* Не «третий», а обеспечивающий самобытность и безопасность этнокультурной идентичности.

Нельзя назвать простыми в каждом случае и отношения людей, принадлежащих к формирующимся или уже сложившимся нациям, с одной стороны, и, как правило, частями организованных диаспор, с другой. Однако при более или менее нормальном развитии отношения типа «свои-другие» выстраиваются в два уровня. На первом как *межнациональные отношения в рамках одного государства*. А на втором уровне – *в практике взаимоотношений между нациями, имеющими свою государственность и суверенитет*. Совершенно естественный для многих стабильных национально-государственных систем этот уровень только осваивается россиянами, которые еще недавно жили «в семье единой, новой» вместе с теми, кого сегодня мы постепенно начинаем осмысливать как других и даже чужих.

Понятно, что эти «другие» и «чужие» не случайно по-разному поминаются применительно к отмеченным уровням. Отношения между россиянами в нормальном варианте предполагаются лишь как отношения между своими, но «другими». А само сосуществование реализуется в трех классических формах: *симбиотической* (с характерной тенденцией к слиянию), *ксенической* (означающей устойчивое сосуществование различных народов как бы в своих нишах и взаимодополняющих друг друга) и, наконец, в *химерической* (вызванной временными обстоятельствами, а потому весьма конфликтной и неустойчивой).

Беда наша в том, что эти процессы, вследствие отсутствия какой-либо осмысленной национальной политики, основанной на долгосрочной стратегии, порождают слишком много неясностей, в которых национализм, переходя в крайние состояния, находит свою питательную среду.

Говоря о *разнородности понятий «патриотизм» и «национализм»*, следует обозначить их логические пары: «патриотизм – космополитизм», «национализм – интернационализм», «гражданственность – анархизм». В результате становится окончательно ясно, что одно вовсе не вытекает из другого.

Итак, логической парой патриотизма является *космополитизм*, довольно широко и своеобразно проявляющийся в современном мире и в России у представителей различных социальных слоев и возрастных групп, а в особенности в среде столичной интеллигенции. В крайности своей они противоречат и исключают друг друга. Но в массе житейских ситуаций, в сознании и ценностном мире отдельного человека вполне могут уживаться. С космополитизмом сочетается, как правило, и *«усеченный» патриотизм, показателем которого является связь человека с родным домом, населенным пунктом, регионом, но не со страной*. Тем более что в нынешней России *понятие государства неоднозначно понятию Родины*.

Логическая пара *«национализм – интернационализм»* лишний раз показывает насколько искусственно совмещение национализма с патриотизмом. Ведь патриотом в разной степени может быть и националист, и интернационалист, равно как гражданин и анархист. Но в то же время гражданин и интернационалист совсем не обязательно должны быть патриотами. Точно так же, как космополит (как показывают исследования, вовсе не «безродный»), вполне может бы одновременно и гражданином, и анархистом, и даже националистом. Все дело здесь в специфике формирования данных характеристик складывающейся из них структуры в каждом отдельном случае. А это определяется условиями формирования личности в детстве и юности, в особенностях семейного и государственного воспитания. В российской действительности, с учетом истории нашей страны, формирование подобных структур наиболее

интересно с исследовательской точки зрения. И вряд ли можно ошибиться, сказав, что две характеристики, а именно патриотизм и анархизм, играют здесь наиболее существенную роль.

Складываясь в крайнем оформлении двух характеристик: государственность и безгосударственность, притом, что пространство между ними многие столетия оказывалось ничем не заполненным, а если прибегнуть к физической аналогии, было своего рода торричелливой пустотой, как ни странно, обеспечивающей притяжение этих двух несоединимых, взаимоисключающих характеристик, русская душа, русский дух, сам противоречивый, за века блуждания в потемках и минуты озарения выработал, по Н.А. Бердяеву, некую антиномичность[1], выраженную в единстве-противоречии свободы и воли, рабского, из под палки, порядка внешнего бытия и повседневного внутреннего жития «по совести». И потому дикий для любого европейца вопрос: «Как жить будем, по закону иль по совести?» – для нас, русских, да и остальных россиян воспринимается как нечто естественное, само собою разумеющееся. Потому-то в России непреодолимым препятствием для самых нелепых законодательных актов является дурное их исполнение. И, конечно же, именно поэтому, на короткие мгновения, так разительно и непредсказуемо меняется лик россиян и самой России – от апатии и малоподвижности к всплескам, сопровождающимся огромными выбросами энергии, к порывам, немыслимым для европейского ума. «Страстность и могучую силу воли, – замечает Н. Лосский в своей книге «Характер русского народа», – можно считать принадлежащими к числу основных свойств русского народа».

Права З.В. Сикевич, когда пишет, что «свобода в нашем понимании – понятие европейское, ограниченное некими правовыми рамками, между тем как воля предполагает стихию, неупорядоченный взрыв «самореализации», прежде всего групповой, а не индивидуальной, никем и ничем неограниченное непокорство», указывая на маргинальность носителей этих характеристик и душевных состояний, «но разве не маргинальна и сама «воля» в сравнении со «свободой»?[2]

Использование трех обозначенных логических пар в социологическом исследовании, в сочетаниях полюсных характеристик по доминантам их проявления обещает весьма интересные результаты, особенно при проектировании социальных портретов как личностей, так и целых народов, и способно пролить свет на многие доселе невыясненные моменты. К примеру, русские – патриоты, анархисты, интернационалисты; а, скажем, французы – преимущественно патриоты, националисты, граждане[3].

Опыт цивилизованного развития, осознание своей ответственности за судьбу уже не только одного народа, а всей нашей планеты неизбежно приводит к мысли о необходимости надежного контроля за феноменами общественной жизни, могущими представлять всеобщую угрозу. *Агрессивный национализм* при сочетании разного рода факторов несколько раз за прошедшее столетие приводил человечество к трагедиям глобальных масштабов, варварски попирая законы развития, деформируя пространство и время. А ведь на уровне таких всеобщих категорий, как пространство и время мы встречаемся с функционированием некой всеобщности, в пределах нашей планеты определяемой понятием «ноосфера». Обобщая исторический опыт, можно сделать вывод, что возможно, воздействуя силовым образом, искривить, деформировать пространство. Но можно, при известных условиях, и взломать его, вызвав всеобщую катастрофу. Можно, видимо, «поиграть» и со временем до известного (кому?) предела. Но время есть феномен, явно влияющий на все наши действия. Чем масштабней действие, тем ощутимей, вследствие его возможного несоответствия общей логике и законам функционирования, последствия для всех нас. Если продуктом таковых действий является материализованная система (скажем, государство), которая по сути своей и по природе сдерживает функционирование ноосферы или придает ей в сколько-нибудь значимых, важных для ее жизнедеятельности масштабах деформацию (это ли не искривление простран-

---

[1] Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С.58.
[2] Сикевич З.В. Расколотое сознание. СПб., СПбГУ, 1996. С.8.
[3] Сорокуев Э.А., Крыско В.Г. Введение в этнопсихологию. М,, 1996. С.87-91, 135-137.

ства вопреки логике, законам и попытка обернуть время вспять?), то время начинает сокрушать эту систему, расчищая путь для нормального развития целого. Не случайно мы говорим: система не выдержала испытания временем. И, главным образом, потому, что возможно Движение только вперед, а назад, увы, пусть в самых экзотических Формах, нет.

Но поскольку мы в общих чертах выяснили не только различие между патриотизмом и национализмом и, думается, доказали необязательность и не всеобщность публицистического варианта, выражаемого в связке «национал-патриотическое», уместно дополнить что гражданственность в современных условиях, пронизывая ценностную структуру, не только организует ее, но и делает невозможным сколько-нибудь значительный подъем крайнего национализма. Ибо гражданские права и обязанности во всей их полноте и есть правовая основа развития как личности, так и общества, организации сознания и поведения в соответствии с вектором демократического развития. Конечно, не только государство должно много сделать для развития гражданственности своего народа. Но и сами люди, народ являются вершителями своей судьбы. Общее направление развития, пусть в самом общем виде, было проговорено в годы «перестройки» и выбрано в 1992 году. А это значит, что фантастические или ориентированные в прошлое рецепты решения проблем неприемлемы. Россияне в большинстве всегда были патриотами своей страны. А теперь мы начинаем все больше осознавать себя гражданами новой России. Сплетаясь воедино, гражданственность и патриотизм могут быть и стимулом в решении проблем возрождения нашей прекрасной Родины и заслоном националистическим соблазнам.

Вопрос о ключевых принципах и подходах к формированию системы патриотического и гражданского воспитания молодежи, имеющего в качестве главных целей и развитие социальной активности молодежи, и профилактику негативных проявлений в сознании и поведении молодежи, в современных условиях приобретает весьма важную роль. Ибо речь идет о создании не просто конгломерата форм и видов воспитания, объединенных общими целями, а *системы*, которая стала бы предметной основой общественно-государственной системы как социального института. Данный институт должен осуществлять свою деятельность в *системе социальных координат*, постоянно соприкасаясь в проблематикой прав и свобод личности, а также с деятельностью различных социальных институтов. Думается, что определение системы воспитания как *воспитания патриотического* и выбор в качестве цели этой системы *формирование человека-гражданина* вполне оправдан.

Опыт развития демократий показывает, что любое государство, избравшее данный путь, может быть только правовым. А это значит, что приоритет в многообразных отношениях в таком обществе принадлежит, в первую очередь, праву. Но было бы ошибкой, исходя из данной посылки, сводить все многообразие воспитания исключительно к праву, а само воспитание превращать в правовое. Понятие *гражданского* значительно шире *правового*, поскольку включает в себя и само правовое, и множественность связей и отношений, имеющих нравственную, социальную, экономическую, идеологическую, этническую и биологическую природу. *Гражданское*, в отличие от правового, предполагает не только исполнение действующих законов и законопослушание. Оно связано с генеральными векторами развития страны и государства и *отражает в себе перспективные национальные интересы государства и общества*. А если раскрыть еще более глубокий пласт, то базируется на такой значимой величине, без которой просто немыслимо развитие, как *общенациональная идея*.

Именно поэтому *гражданское внутренне противоречиво*, ориентировано на перспективу и в силу этого *может в отдельных ситуациях противостоять правовому*. Такое происходит в периоды социальных переломов, изменяющих природу общества и характер действующих в нем отношений. В качестве примера можно привести период так называемой «перестройки», с одной стороны, подведшей черту под предыдущим развитием исторически исчерпавшего свои возможности Советского Союза и приведшей его к краху. Поведение лидирующих групп общества в этот период, несомненно, можно было характеризовать, с точки зрения действовавшего тогда советского законодательства как антигосударственную деятельность, включая и измену Родине. Но эта деятельность в своем *гражданском качестве* выражала бо-

лее высокий смысл, нежели правовые нормы и положения (типичная ситуация в переломные периоды общественного развития). Она была нацелена не на преобразования, а на слом отжившего строя, в то время как право выполняло свою функцию – защиты строя и его стабильности независимо от политической и иной конъюнктуры. Стабильности того, что уже не давало России никакой возможности нормально развиваться. Кстати, в схожей ситуации находились в 1787-93 гг. французские революционеры, а в 1825 г. декабристы.

По прошествии смутного времени и определенной стабилизации ситуации *гражданское* вновь начинает играть свою *конструктивную стабилизирующую роль*. Соответственно, между ним и правовым (как впрочем, и между другими составляющими – *гражданским и патриотическим, гражданским и национальным* и т.д.) преодолевается состояние непримиримого противоречия и устанавливается позитивное равновесие. Хотя определенная противоречивость сохраняется всегда. Именно в такой ситуации проявляется объективная потребность в гражданском воспитании.

Одним из ключевых принципов гражданского воспитания является его *естественность*. Постановка вопроса таким образом не случайна и возвращает нас к практике действовавшего в советское время *коммунистического воспитания*. В самом общем виде оно было зафиксировано в партийных документах того времени и имело следующий вид: формирование марксистско-ленинского мировоззрения; общественно-политическое воспитание; нравственное воспитание; эстетическое и художественное воспитание; трудовое воспитание; профессиональное воспитание; интернациональное воспитание; патриотическое воспитание; правовое воспитание; атеистическое воспитание; физическое воспитание. Не вдаваясь в детальный разбор данной структуры, отметим все же ряд его особенностей:

- данная структура не может характеризоваться как логически стройная и, скорее, представляет собою жестко зафиксированный (что контролировалось партийными органами) конгломерат основных составляющих, связанных основным направлением: «формирование марксистско-ленинского мировоззрения». Более того, в практике воспитания тех лет, по понятным причинам, и не предпринималось попыток поставить под сомнение и саму структуру, и иерархию ее элементов;
- хотя в данной структуре просматривается определенная иерархия, она небезупречна по целому ряду моментов. К примеру, трудно объяснить, почему интернациональное воспитание в такой многонациональной (и как показал опыт – высоконапряженной) стране, каким был СССР, отставлено на седьмое место;
- в данной системе напрочь отсутствуют жизненно важные направления воспитания, остро необходимые самой личности, особенно в детском и подростковом возрасте, такие, как половое и семейное. А физическое, важность которого бесспорна во всех возрастных периодах, вообще поставлено на последнее место. Лишь в последние годы существования Союза делались робкие, но в целом неудачные попытки полового и сексуального воспитания.
- но что самое главное, дело не столько в наборе направлений и их иерархии, а во взаимодействии и гибкости. А вот этого-то системе коммунистического воспитания явно не хватало.

Уже перечень этих позиций показывает, насколько далекой от жизни, от актуальных проблем развития самих воспитуемых, поставленной «с ног на голову» была выстроенная схема.

Говоря о принципах формирования *системы воспитания*, мы еще раз подчеркиваем, что в своем окончательном виде таковая *может быть только системой патриотического и гражданского воспитания*. Все остальное носит вспомогательный и дополняющий характер и может выступать в виде долгосрочных или краткосрочных составляющих. Кроме того, *структура воспитательной системы должна быть тесно увязана с основными этапами и законами развития личности* и с логикой их освоения.

Жизнь человека начинается с осознания себя, с освоения основных норм и правил, причем процесс этот невозможен вне активности самой формирующейся личности. Далее, формирующаяся личность должна быть крепкой, здоровой. А это значит, что физическое воспитание должно переместиться с последнего на первые места. И речь не только о физическом

воспитании, но и о *здоровом образе жизни.* Освоение правил и норм, начиная с самых простых истин, осознание и освоение собственных прав и обязанностей открывает дорогу гражданскому и нравственному воспитанию и т.д.

Огромное значение имеет *культурное сопровождение* воспитательного процесса, начиная с раннего детства. Задача воспитательной системы – создание адекватной, соответствующей параметрам российской национальной культуры (и национальных культур составляющих Россию народов) *эмоционально-культурной среды*. Вероятно, имеет смысл обсудить тему пропорций в национальной и иной тематике в наиболее значимых СМИ, об идеологическом обеспечении данного процесса. И конечно, с первых лет жизни ребенок должен познать ценность и смысл труда, без которого невозможно ничего достигнуть ничего совершить. При этом, ориентироваться следует не только на результат труда (как вознаграждение), но и на сам процесс. Что же касается идеологического наполнения воспитания, то оно определяется содержанием общенациональной идеи, национальных интересов, патриотического и гражданского долга.

Говоря о естественности системы и структуры воспитания, мы предполагаем выделение двух важнейших моментов, существующих в неразрывной взаимосвязи: *выделение в качестве несущих конструкций соответствующих природе человека направлений воспитания* и *соответствие этапам и законам развития личности.* В первом случае, подразумевается такое построение системы воспитания, когда структура ее основных составляющих выстроена в соответствии с объективными потребностями формирующейся личности. А во втором, в соответствии со спецификой этапов и законов формирования и развития личности. На каждом из них структура воспитания приобретает вид, присущий потребностям данного этапа, а также его целям и задачам. Искусство же реализации воспитательных задач заключается в диалектическом соответствии потребностей формирующейся личности с интересами государства и общества, как в конкретике, так и исходя из длительной перспективы. Особенность действия воспитательных систем в демократических или проходящих путь демократического становления государствах и обществах заключается в том, что сама система воспитания приобретает государственно-общественный характер независимо от форм и уровня ее институциализации. А это значит, что в данном процессе равнозначно и равноправно принимают участие и государственные институты, и общество в лице его организаций и инициатив. Беда в том, что в силу неразвитости институтов гражданского общества в современной России, данная часть воспитательной системы очень слабо выражена и зачастую становится ареной столкновения и реализации групповых интересов разного рода общественных организаций. Такие, как правило, больше громко заявляют о себе, чем работают. А реальный охват людей крайне незначителен. Кроме того, предметом их деятельности является воспитательная работа с детьми и подростками, требующая определенной квалификации и соблюдения ряда непреложных научно-обоснованных правил. А значит, требуется определенная регламентация и государственное лицензирование такой деятельности.

Выше уже говорилось о значении *национальной идеи*. Между тем, система патриотического и гражданского воспитания должна иметь в своей основе не просто идею, но своего рода сверхидею, способную логически выстроить всю систему на относительно дальнюю перспективу, а также «зажечь» своей энергией самих воспитуемых, сообщив им высшие позитивные цели жизни и сориентировав их на активную жизненную позицию в качестве реальных и значимых участников процесса возрождения великой России, а значит, и своей республики, региона, города, села. Учитывая различие интересов государства, его институтов, общественных организаций как, с одной стороны, естественное в силу различия их природы, целей, задач и т.д., а с другой стороны, в силу конъюнктурных претензий их лидеров в конкретной обстановке, складывающейся в стране, регионах имеет смысл поставить вопрос о достижении общенационального согласия по проблематике воспитания в общем виде, по целям и задачам, способам. Но при этом учесть, что достигнутое (на какой-то определенный срок) согласие должно быть обязательным для всех его участников.

Представляется, что в качестве целей воспитания можно в целом принять: формирование национального самосознания, гражданственности, патриотизма, уважения законности и правопорядка, внутренней свободы и чувства собственного достоинства; ориентация личности на гуманистические установки и смысложизненные ценности в новых социально-политических и экономических условиях, определение своего места и целей жизнедеятельности, формирование самосознания и гуманистически направленных высших потребностей; воспитание потребностей молодежи к освоению ценностей общечеловеческой и национальной культуры, формирование эстетических ценностей и вкуса, стремление к созданию и приумножению ценностей духовной культуры, участию в культурной жизни российского общества; приобщение молодежи к общечеловеческим нормам морали национальным традициям, кодексу профессиональной чести и моральным ценностям соответствующих социальных слоев и групп воспитание адекватной самооценки результатов своей деятельности; выявление и развитие задатков, формирование на их основе общих и специфических особенностей, индивидуальности личности, возвышение ее творческого потенциала и способности к саморазвитию; воспитание потребности к труду как первой жизненной необходимости, высшей жизненной ценности и главному способу достижения жизненного успеха, целеустремленности и предприимчивости, конкурентоспособности во всех сферах деятельности; воспитание потребности к физической культуре и здоровому образу жизни, стремления к созданию семьи, продолжению рода, материальному обеспечению и воспитанию нового поколения в духе гуманизма и демократии. В качестве основных принципов воспитания авторы рассматриваемой концепции предлагают и раскрывают: гуманизм, духовность, демократизм, патриотизм, конкурентоспособность, толерантность, индивидуализацию, вариативность.

К всему сказанному следует добавить необходимость не только утверждать в сознании патриотические и гражданские ценности, но и потребность и умение эти ценности отстаивать, защищать. Речь идет *о военно-патриотическом направлении воспитания*. Понятно, что, имея такую богатую событиями военную историю, мы закономерно получаем отражение ее опыта и в воспитании. Практически все элементы воспитания как бы пронизаны двумя заповедями, идущими к молодому человеку от его предков: а) помни о защитниках своей Родины; б) будь защитником ее. В нашу задачу вовсе не входит детальное описание данного направления воспитания, его функции, структуры и т.д. Тем более что есть работы, в которых авторы решили эту задачу блестяще[1]. Мы полагаем, что куда более серьезной задачей является определение роли и места военно-патриотического воспитания в системе патриотического и гражданского воспитания в целом. На наш взгляд это просто необходимо в связи со стихийной тенденцией, идущей от советской системы воспитания, где военно-патриотическое было одной из ведущих составляющих, в соответствии с идеологической и оборонной доктриной тогдашнего государства. В условиях, когда страна была фактически превращена в огромную военную базу (что явно входило в противоречие и с тенденциями мирового развития, и с интересами развития страны), *военно-патриотическое воспитание по своей масштабности подменяло остальные направления* и, в определенной степени, способствовало маскировке разного рода недостатков.

В определенной степени это касалось и базовых понятий патриотизма. *Патриотизм* в основе своей имеет эмоционально-нравственную связь человека с его землей, историей, языком традициями, культурой как ценностями. Но если это ценности, то их следует, по необходимости, отстаивать, защищать. Вот здесь-то и заложено противоречие. Если в человеке не сформировалась данная связь, то, что он будет защищать и отстаивать? Еще одно противоречие, если можно сказать, латентного свойства, но дающее о себе знать. *Патриотизм – категория созидательная*, функционально настроенная на развитие и процветание. Военная сфера связана с разрушением. Причем, как мы знаем из истории, вовсе не всегда оправданным.

---

[1] См напр.: Лутовинов В.И. В патриотизме молодежи — будущее России. Пособие для педагогов, руководителей образовательных учреждений и организаторов работы с молодежью. М., 1999; Подготовка учащейся молодежи к защите Отечества и военной службе в условиях оборонно-спортивного оздоровительного лагеря. М., 2003; Лутовинов В.И., Мельниченко И.И. Развитие патриотизма в России XXI века. М., 2004.

Но есть еще одно соображение. *Военно-патриотическое воспитание не является собственно патриотическим.* Это, скорее, область гражданского воспитания, поскольку речь идет о долге молодого человека перед Отечеством. А категория долга, прав и обязанностей – все-таки предмет гражданского и правового воспитания. Конечно, в неразрывно связи с патриотическим и будучи пронизано им.

Теперь о защите Отечества. Тоже не простой вопрос. И подросток в свои 13-17 лет уже способен формулировать свое мнение относительно многих сложных даже для взрослых вопросов. Хотя бы относительно того, что вовсе не все войны, которые вела наша страна в разные периоды истории, были справедливыми. Особенно это относится к периодам гражданских войн. То же и о героях, которые формировались в соответствии с классовыми доктринами. Представляется, что огромный вред (если не самый существенный) нанесло так называемое ниспровергательство и *конъюнктурное переписывание истории* под известные социальные заказы последних лет. Сколько путаницы, сколько злобы, грязи накопилось в этих, выскочивших как чертики из бутылок, так называемых авторах. Кажется, не удалось. Но след остался. Мы не случайно говорим об этом. Поскольку *история и ее образы в значительной степени мифологизированы.* И так должно быть. Поэтому вовсе не всегда требуется некое, с душком, «правдокопательство», особенно под заказ.

В оценке роли и значения военно-патриотического воспитания требуется учитывать и сегодняшние реалии, в которых, с одной стороны, отражается потребность вооруженных сил в военнослужащих и резерве, а с другой стороны, те векторные процессы, характерные для всего мира, когда в высокотехнологичных армиях осуществляется переход на профессиональную основу. В таких условиях *пытаться возродить военно-патриотическое воспитание в его советском виде не только не реально, но и вредно*. Поэтому лучше оставить его одной из составляющих, не пытаясь придавать ему гипертрофированный вид.

У нас слишком много ценного и славного в нашей истории. И имена великих героев гармонически сочетаются с именами великих ученых, инженеров, деятелей культуры и искусства. Они – наша немеркнущая слава и гордость. Но перед нами стоят и задачи возрождения великой России. И думается, что образы прошлого, лики великих деятелей страны будут вдохновлять новые поколения россиян на свершения во имя своей великой Родины.

Т.С. Колябина, к.с.н. (ИСПИ РАН, Москва)

Социальная идентичность – патриотизм и гражданственность

Трансформация общественных структур и отношений естественным образом влечет за собой кризис старой системы ценностей и идеологем, а утверждение новых институциональных форм сопровождается ростом социальной потребности в обновленном соответственно духу происшедших перемен содержании базовых ценностей. Так произошло и в современном российском обществе: в ходе реформ были переоценены и отвергнуты официальные социокультурные ценности и идеалы, сохранявшиеся незыблемыми в течение всего советского периода, в том числе, представления о советском патриотизме и гражданственности. На первый план вышли активно пропагандируемые реформаторами «общечеловеческие ценности», в самом понимании которых явственно ощущался глобалистский и отчасти космополитический оттенок. На идейной основе общечеловеческих ценностей планировалось осуществить экономическую и культурную интеграцию России и других постсоветских государств в мировое сообщество, включить их в сложившийся глобальный порядок.

Однако этот позитивный замысел имел своей оборотной стороной ослабление у значительной части населения законного чувства национального достоинства, развитие комплекса национальной неполноценности, раболепного преклонения перед Западом, иронического отношения к патриотическим ценностям. Трудности и негативные следствия реформирования сопровождались дальнейшим разочарованием в качествах россиян как этноса и ростом безразличия к исторической судьбе страны, политической и гражданской индифферентности. С другой стороны, утрата патриотизма способствовала усилению тенденций регионального се-

паратизма, социальной безответственности властных структур и элит. Возникла угроза утраты российским обществом социальной идентичности.

Начало социально-экономической стабилизации поставило вопрос об идеологическом оформлении идущих в российском обществе процессов, прежде всего, процесса укрепления вертикали власти, преодоления тенденций регионализации. Насущной оказалась также проблема выхода из мировоззренческого и нравственного кризиса, воспитания молодых поколений на базе позитивных социокультурных ценностей. Для сохранения социальной идентичности российского общества необходимо восстановление значимости ценностей, связанных с идеями патриотизма и гражданственности. Но эта задача достаточно сложна, поскольку речь идет не о возвращении к прежним в содержательном отношении представлениям о патриотизме и гражданственности, восходящим к советскому времени, и не о возрождении «альтернативных» диссидентских идей патриотизма и гражданственности, которые при всей их духовной позитивности имели выраженный антигосударственный характер и потому непригодны для нового этапа социального строительства. Необходимо наполнение идей патриотизма и гражданственности новым содержанием, которое было бы адекватным времени и неуязвимым для критической рефлексии и в силу этого составляло бы надежную основу для интеграции российского общества и роста социального оптимизма.

В этой связи особую актуальность приобретает социологическое исследование патриотизма и гражданственности как социокультурных концептов, имеющих глубокое ценностное содержание, изучение их динамики в мировоззрении современных россиян. Актуальность обращения к данной теме обусловлена также необходимостью развития социокультурной рефлексии российского общества и его правящей элиты, углубления знаний общества о себе самом. Мировоззренческие процессы, затрагивающие представления об историческом, геополитическом, культурном статусе России, ее судьбе в современном глобализационном контексте, о сущности российского патриотизма и месте России в мировом сообществе, о том, что значит быть российским гражданином, тесно связаны с динамикой российской социальной идентичности, которая в настоящее время поставлена под вопрос. Рефлексивное познание российским обществом самого себя неотделимо от его самосохранения. В конечном счете, актуальность заявленной нами темы определяется ее значимостью в перспективе поддержания социальной идентичности.

Категория «социальная идентичность» применяется для описания индивидов, групп, общностей в качестве относительно устойчивых, «тождественных самим себе» целостностей. Социальная идентичность дает характеристику субъекту с точки зрения его принадлежности к различным формам социальной организации, начиная с семьи как микроячейки общества, до геополитических образований. Социальная идентичность индивида связана с сознательной ориентацией на определенный стиль жизни, выбирая который он формирует свою тождественность с определенной группой, ее ценностями и образом жизни. Возможность социальной идентификации помогает индивиду ответить себе самому на ряд жизненно важных вопросов: «Кто я?»; «Какое сообщество является моим?»; «Нужно ли оно мне?»; «Как оно связано с другими сообществами?» и т.д. Причем речь здесь идет не только о национальной идентичности, хотя в первую очередь исследования затрагивают именно эту проблему, но и о религиозной, этнической и других типах идентичности, то есть речь идет о разработке проблемы идентификации как таковой.

Мы можем охарактеризовать понятие «идентичности» как процесс осознания индивидом себя как части некоего сообщества, принятие системы ценностей, предлагаемой этим сообществом и деятельность, направленная на поддержание его (сообщества) существования. В роли объекта идентификации может выступать любое объединение людей: малая группа, этническая общность, нация и даже мир в целом. Более того, процесс идентификации может носить символический характер, если речь идет, например, об идентификации с референтной группой, в роли которой также могут выступать различные объединения людей. Однако необходимо учитывать, что самоидентификация практически не имеет ценности, если индивид не получает признания среди тех, к кому он хотел бы присоединиться, и, особенно, если это

люди пользующиеся авторитетом. Эта потребность принадлежать к определенной общности является одной из самых сильных в индивиде. Следовательно, для индивида принципиально важным является наличие обратной связи с той общностью, с которой он себя идентифицирует. Таким образом, проблема идентификации выводит нас на восприятие индивидом мира, себя в этом мире и на оценку событий, происходящих в нем, что обуславливает, в конечном счете, его поведение. В современных сверхсложных социальных организмах, каковыми являются индустриальные государства, в условиях продолжающихся процессов социально-экономической глобализации число форм и типов идентичностей все более возрастает. В процессе социализации индивид справляется со многими ролями, каждая из которых имеет свою идентичность.

В зависимости от того, какой объект является основанием идентификации, можно выделить различные типы социальных идентичностей: профессиональная (ученый, рабочий, фермер, учитель и т.д.); этническая (русский, еврей, украинец, немец, итальянец и т.п.); - региональная (москвич, каталонец, сибиряк, баварец и т.п.); политическая (коммунист, либерал, социалист, монархист); религиозная (верующий, колеблющийся между верой и неверием и т.п.); конфессиональная (мусульманин, христианин, буддист и т.п.); национальная (государственная) (американец, россиянин, советский человек, австралиец, бельгиец и т.п.) и др. Таким образом, индивид осознает себя членом сразу многих групп и общностей. Иерархия идентичностей в сознании индивида не является догмой и меняется в зависимости от ситуации, времени и места. Например, религиозно-конфессиональная идентичность. В одних условиях она не играет существенной роли и вообще не как не выражена в ролевой функции («религиозный индифферентизм»), в другой – выступает на первый план и даже доминирует, вытесняя другие идентификации индивида (исламские ваххабиты). Эта активизация конфессиональной идентичности может быть связана не с признаками «пробуждающейся» религиозности, а с признаками политической и этнической коллективной солидарности, стимулированной процессом социальных коммуникаций. Значительное место в теоретическом дискурсе относительно феномена патриотизма занимает тема возможности сосуществования национальной (государственной, российской) идентичности и идентичности этнической.

Этническая идентичность базируется на языке, культуре, традициях, обычаях предков, территории и др. Национальная (российская, гражданская) идентичность предполагает соотнесение себя («Я») с определенным индификационным пространством государства, политическим и культурно-историческим гражданским сообществом (образ «Мы»). Необходимо указать на непротиворечивость этих двух идентичностей. Характеризуя личность, мы говорим: «Этот русский человек Иванов – патриот своей страны, защитник Родины, истинный россиянин!». Поскольку большинство современных государств являются полиэтническими, гражданско-политические и культурные показатели национальной идентичности имеют приоритет над подобными показателями этнической идентичности. Тем не менее, в нашей стране, в условиях становления российской государственной идентичности, как показывают многочисленные социологические исследования, на уровне массового сознания приоритет остается за этнической, а не государственной идентичностью. Значительная часть населения не идентифицирует себя с гражданами России.

Социальную идентичность индивида можно рассматривать в двух ракурсах: личного (индивидуального) и группового. Личная, индивидуальная идентичность индивида является более устойчивой категорией, так как в условиях глобального социального переустройства индивид «сам» в большей степени, чем в групповой идентичности может определять выбор и глубину собственной идентификации. Исходя из предложенной проблематики, необходимо изучение принадлежности личности к групповым идентичностям на этническом, религиозном, социально-политическом, региональном и государственном уровнях. Нас интересует возможность расширения образа социального «Я» через преодоление сформированных идеологических и политических стереотипов мышления, а также трансформация ценностных отношений к государству, обществу, личности.

Социальная идентичность должна рассматриваться в следующих плоскостях:

- когнитивной (связанной с конкретным знанием о себе как члене общностей и с осознанием особенностей этих общностей, а также отличий «своих» и «чужих»);
- ценностной (различные ценностные представления о себе и своих общностях, разрешениях и запретах, нормах и требованиях);
- аффективной (оценка значимости своего членства в общности, определение позитивных и негативных установок по отношению к «своим» и «чужим»);
- защитной (упорядочивание социального опыта как реакция на дестабилизирующую социальную среду).

Это наиболее важные функции социальной идентичности. Поэтому она должна рассматриваться в качестве инструмента, оказывающего влияние на ценности, стратегию и нормы поведения личности. Этот «инструмент влияния» сам постоянно трансформируется в изменяющемся обществе.

Согласно модели социальной идентификации А. Тайфеля и Дж. Тернера[1], преодоление кризиса социальной идентичности и достижение более положительных социальных идентичностей возможны через ряд следующих стратегий:

- попытки оставить группу, утратившую, с точки зрения индивида, свою позитивную определенность («социальная мобильность»);
- попытки изменить ценности или фокус процесса сравнения («социальное творчество»);
- вызов или прямой конфликт с большинством («социальная конкуренция»).

Исходя из вышеизложенного, вполне логично, что сам кризис социальной идентичности можно рассматривать как «утрату позитивной определенности группового членства». Э. Эриксон рассматривает более широкий ракурс проблемы кризиса идентичности. Он анализирует кризис личной идентификации в социально-историческом контексте. Моменты перехода от одной личностной целостности к другой, знаменующие продвижение к новой стадии развития, он называет кризисами. Однако понятие «кризис» в концепции Эриксона не означает обязательно болезненный конфликт противоположных тенденций. Это, прежде всего, выбор личности между «прогрессом и регрессом, интеграцией и задержкой», и, главное, «нельзя разделять личный рост и изменение общества, кризис идентичностей в индивидуальной жизни и современные кризисы в историческом развитии». По мнению Эриксона, резкое изменение условий существования зрелой личности вызывает у нее потерю чувств личной тождественности и исторической непрерывности[2].

Для замены старой идентичности новой зрелая личность обязана включиться в новые социальные отношения, систему ценностей и оценок, сформировать новые цели. Какое понимание кризиса социальной идентичности предлагается социальными психологами, социологами, исследовавшими эти проблемы на постсоветском пространстве в последние годы? Следующие трактовки кризиса социальной идентичности представляются наиболее удачными: «Кризис социальной идентичности – отражение в сознании индивида несоответствия сложившейся идентификационной системы личности новым требованиям реальности (внешней и внутренней), которое актуализирует необходимость сознательного выбора новой идентичности, умение следовать этому выбору. Этот процесс сопровождается переоценкой имеющихся ценностей и выработкой новых, а также динамикой соотношения бессознательных и осознанных механизмов идентификации, которые проявляются в условиях кризиса». «Кризис социальной идентичности в ситуации нестабильности общества можно определить как ощущение утраты смысловой насыщенности прежних форм социальной идентификации и поиск новых, отвечающих потребности человека в смысле и способствующих наиболее адекватной адаптации в изменившейся социальной реальности». Так, если ранее самоидентификация индивида во многом зависела от позиции, занимаемой им в обществе и по большей части определялась от рождения, то в настоящем мы уже не можем однозначно утверждать,

---

[1] См.: Taifel H. Social identity and intergroup relations. Cambridge, 1982; Тернер Дж. Структура социологической теории. М., 1978, 1985.

[2] См.: Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис /пер. с англ. М., 2006.

что индивид, являясь гражданином данного государства, и воспринимает себя как гражданин, поскольку одновременно он может являться членом общественного движения, служащим транснациональной корпорации и т.д.

Мы уже не можем утверждать, что именно государственная принадлежность индивида является для него основополагающей. Помимо этого наблюдается рост взаимозависимости современного мира, что проявляется не только в сфере экономики, но, что может быть имеет еще большее значение и в сфере культуры, а в результате происходит размывание национальных идентичностей. Индивид «ощущает» существование глобального общества, но он не рассматривает себя как часть этого глобального общества. Жители этого общества выступают для него не как «мы», частью которых он мог бы считать себя, но как «они», которые могут быть для него не просто представителями чуждого сообщества, но и врагами. «Иными словами, социальная группа [также как и отдельные индивиды]... вместо ощущения включенности в существующие нормы глобального общества чувствует себя отличной от этого общества и болезненно переживает эту свою непохожесть и отличия, она переживает «драму отчуждения». Этот феномен, который характерен для развитого общественного сознания, получил название «не–идентификации». Возможно, как следствие подобного процесса мы можем рассматривать попытки возрождения своих национальных традиций в том виде, в каком они якобы существовали раньше, также как и замыкание внутри некоей локальной общности. Индивид, поддаваясь патерналистским настроениям, сознательно или неосознанно пытается спрятаться от враждебного мира. Ощущая ослабление влияния на него его собственной национальной идентичности и не будучи в состоянии рассматривать себя как часть глобального сообщества, он пытается изолироваться от окружающего его мира, создавая свои собственные мифы, и главным из которых является его миф о той прекрасной родине, которую он потерял и которой более не существует. Как следствие возникновения данного мифа в некоторых обществах наблюдается не только стремление к воссозданию национальных традиций, но и установка на изоляционизм. Более того, этот же феномен вызывает возникновение таких стихийных массовых протестов, которые направлены против различного рода международных организаций, как, например, МВФ, с чьей ролью индивиды и связывают само возникновение и развитие глобального общества.

Другой стороной данного процесса может служить стремление индивида к замыканию в рамках малой общности или корпорации, представители которой являются для него «своими», в противовес «чуждому миру». Таким образом, с позиций социальной психологии, общие закономерности кризиса социальной идентичности в период радикальных социальных изменений указывают на то, что кризис социальной идентификации проявляется в утрате смысловой определенности соотношения себя («Я») с теми или иными социальными группами и категориями. Это выражается в отсутствии или снижении уровня самоидентификации в некоторых ее типах, что стимулирует поиск других групп и социальных категорий, идентификация с которыми наиболее полно и адекватно отвечает на вопрос: «Кто я?» в изменившейся социальной реальности, реализуя основную потребность индивида в смысле жизни и способствуя более успешной адаптации в существующих реалиях. Главным критерием социального становления личности является «степень ее независимости, уверенности, самостоятельности, раскрепощенности, инициативности, незакомплексованности, проявляющаяся в реализации социального в индивидуальном, что обеспечивает реальное социокультурное воспроизводство человека и общества». Согласно современным теоретическим исследованиям, идентичность – изменяющаяся структура, она развивается на протяжении всей жизни, проходит через преодоление кризисов, может изменяться в прогрессивном или регрессивном направлениях, то есть быть «успешной» (эффективной) или «негативной» (индивид отклоняет любые взаимодействия). Собственно кризисной идентичностью разумно считать состояние людей, не способных в силу разных причин (в том числе и вследствие психологический ригидности) адаптироваться к меняющимся условиям жизни.

Неустойчивое, лабильное состояние социальной идентичности становится нормой современных обществ. Как замечает З. Бауман, ситуация в современных обществах существенно

отличается от той, что была до середины минувшего века, и важнейшим элементом этой перемены становится приход новой «краткосрочной» ментальности на смену «долгосрочной»[1].

Заслуживает внимания концепция идентичности разработанная известным британским социологом Э. Гидденсом. Он продолжает исследование идентичности не просто как психологической проблемы, а как проблемы современного мира и истории. В своей работе «Модерн и самоидентичность» Гидденс стремится показать идентичность и самоидентичность как явления современной культуры. По определению Гидденса, идентичность и самоидентичность не даны в процессе деятельности, а создаются и поддерживаются в рефлексивной активности повседневной жизни. Гидденс представляет собственную гипотезу структуры идентичности. Идентичность – это два полюса, с одной стороны, абсолютное приспособленчество (конформизм), с другой, – замкнутость на себя. Британский социолог предлагает понятие «общей идентичности», которую он характеризует как часто неосознаваемую уверенность в принадлежности к какому-либо коллективу, общие чувства и представления, разделяемые членами коллектива, выражаемые как в практическом, так и в дискурсивном сознании. В целом, Гидденс является противником постструктуралистских и большинства постмодернистских теорий, предрекающих кризис способности современного человека обрести свою идентичность. Итак, в зарубежной и отечественной гуманитарной мысли сложились определенные общие и особенные традиции исследования феномена идентичности как психологического и социокультурного феномена. Их суть заключается в том, что идентичность имеет структурное строение, основными параметрами которого являются целевой, содержательный и оценочный. Обычно происходит выделение двух аспектов идентичности: личностного и социального. В современных теориях личностный аспект чаще всего трактуется как вторичный по отношению к социальному. Он формируется на основе использования выработанных в процессе социальной категоризации понятий.

В современном российском обществе наблюдается кризис социальной идентичности, связанный со сменой основных ценностей и стереотипов. Утрата обществом духовного единства и стабильности проявляются в том, что, согласно мнению психологов, «старшие поколения испытывают потерю идентичности, молодые – не могут определить свою идентичность»[2]. Перед российским обществом в настоящее время остро стоит проблема новой социальной идентичности. Либо будет создана возможность для населения позитивно идентифицировать себя со своей страной и ее историей, стоящими перед ней культурными задачами, либо будут прерваны последние идентификационные связи и общество окончательно распадется. Необходимо установить правильную субординацию российской идентичности и «малых» этнических идентичностей и преодолеть тенденции регионального и этнического сепаратизма.

Центральное звено формирования новой российской макроидентичности – реактуализация патриотических и гражданских ценностей. Многоплановость патриотизма как составляющей личной и социальной идентичности находит отражение в многообразии имеющихся в научной литературе подходов к интерпретации этого понятия:

- *Эмоциональный подход* связан с классификацией патриотизма прежде всего или исключительно как возвышенного чувства любви к родине.
- *Деятельностный* подход, восходящий к общей деятельностной парадигме в отечественной психологии и философии, связывает патриотизм не только с чувством, но и с целенаправленной и осознанной деятельностью акто́ра по его практической реализации.
- Третий, также базирующийся на марксизме подход делает *акцент на социальной обусловленности сущности патриотизма*; к началу 1980-х гг. этот подход конкретизировался в понимании патриотизма как феномена общественного сознания. В постперестроечный период терминология была скорректирована и патриотизм стал рассматриваться многими иссле-

---

[1] См.: Бауман З. Возвышение и упадок труда // Социс. 2004. №5. С.77-86.

[2] Андреева Г.М., Шевелева А.Ю. К вопросу о проблеме группы в социальной психологии // Вестник Московского университета. Серия 14 Психология. N°1, 1998. С. 41-47.

дователями как одно из проявлений духовной жизни общества[1]. Тогда же патриотизм начали исследовать в аспекте этнического и национального менталитета.

- Четвертый подход можно классифицировать как *государственнический*, поскольку здесь патриотизм понимается исключительно как преданность государству.
- Согласно *личностному* подходу патриотизм интерпретируется как одно из измерений взаимоотношений общества, государства и личности, при этом личность рассматривается как приоритетное явление, а государство и общество – как структуры, существующие для обеспечения всестороннего развития и самореализации личности.
- Наконец, согласно еще одному из подходов, *духовно-религиозному*, патриотизм понимается как явление духовной природы, как важнейший этап духовного развития личности, проявление ее религиозного отношения к родине как носительнице определенного провиденциального замысла и идеи.

Оптимальным подходом к пониманию сущности патриотизма и гражданственности как социокультурных и духовных феноменов является диалектическое представление, отражающее неразрывное единство государственного и гражданского патриотизма, преданности отечеству и государству и сознательной активности в сфере строительства гражданского общества и обеспечения прав личности. Единство государственного и гражданского начал в понимании патриотизма способствует гармонизации ценностных приоритетов в решении проблемы отношений государства и личности, развитию культуры патриотизма как духовно-ценностной базы эффективного функционирования всех структур общества.

Патриотизм можно рассматривать как неотъемлемую составляющую российской ментальности. Тем не менее, в силу этносоциокультурных особенностей этой ментальности динамика патриотических ценностей в общественном сознании имеет маятниковый характер, что обусловило усиление внепатриотически-индивидуалистских ориентаций в ранний постперестроечный период. Высокий в настоящее время статус идеи патриотизма в общественном сознании и социально-практической деятельности россиян дает возможность использовать ее в качестве духовной базы для реинтеграции общества, формирования адекватных запросам времени смысложизненных установок.

Воспроизводство и поддержание высокого уровня патриотизма и гражданственности в обществе является одним из элементов целостной системы социокультурного воспроизводства, функционирование которой предполагает непрерывность следования установленным культурным образцам. Современное российское общество, находящееся в состоянии посттрансформационного духовного и нравственного кризиса, характеризуется, в том числе и дезадаптацией системы социокультурного воспроизводства, усилением межгенерационного противостояния и ценностного раскола, что препятствует нормальной интернализации молодым поколением ценностей патриотизма и гражданственности.

Реактуализация в общественном сознании комплекса ценностей патриотизма и гражданственности органически связана с формированием новой социальной идентичности россиян на макро- и микроуровне, предполагающим восстановление утраченной личностью гражданской самоидентификации, преодоление отчуждения личности от государства и властных структур, выработку жизнеспособной национальной идеологии, решение «национального вопроса» как проблемы соотношения национальной российской идентичности и этнических «малых идентичностей», развитие политической и правовой культуры на всех уровнях общественной и частной жизни.

Формирование патриотизма и гражданственности у молодых поколений россиян представляет собой одну из основных задач пореформенного общества и необходимое условие его самосохранения и интеграции. В условиях трансформирующегося общества, углубления социокультурного раскола и распространения среди населения индивидуалистических ценностей специфика формирования патриотической и гражданской позиции определяется необходимостью культивирования и пропаганды традиционных ценностей коллективизма, со-

[1] См.: Платонов О.А. Русская цивилизация. М., 1995

циальной справедливости и созидания, критики и осуждения негативных явлений, в том числе и в практике государственных структур, восстановления доверия граждан к государству. Большое значение имеет единство воспитательных мер на когнитивном, эмоциональном и поведенческом уровне, направленное на создание у населения позитивного образа российского государства.

Патриотическое чувство – как экзистенциальное переживание – носит двусторонний характер: оно одновременно и входит в «Я-концепцию» личности в качестве одной из ее фундаментальных составляющих, образуя аспект личной идентичности, и как бы размыкает рамки индивидуальности и выводит личность в широкое сообщество, придавая ей грань социальной идентичности. В последнем случае патриотизм выступает как целенаправленно формируемое в ходе социализации осознанное чувство, связанное с ощущением ответственности, солидарности, интегрированности в конкретное, незаменимое сообщество.

В.Н. Кузнецов, чл.-корр. РАН (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва).

Смысл Великой Победы[1]

В условиях войны общенациональная цель для страны и ее народа, для любого гражданина и патриота, для каждого солдата – это Победа. А смысл Победы – в достойной, благополучной и безопасной жизни людей в условиях мира. Для мирной жизни институционализация цели через средства ее достижения; через мотивацию деятельности и взаимодействия; через преодоление бедности, неравенства и преступности – это та же Победа. Это – человеческое счастье и удовлетворенность жизнью. На мой взгляд, фундаментальная особенность характеристики нынешней социокультурной реальности определяется формирующейся надеждой российского общества на счастливую жизнь именно сейчас, равно как и в ближайшей перспективе. Ведь прорыва и маневра в непонятную даль не бывает. Это – глубоко социологическая проблема. Возможно, такое массовое стремление и вера людей в счастье, в Победу и обусловят ныне предпринимаемый стратегический маневр, интеллектуальный и экономический прорыв, который как раз и мотивирован надеждой, уверенностью и волей к Победе. Поэтому так актуален и фундаментален запрос народов к отечественной науке – особенно в контексте институционализации общенациональной цели.

Уникальность социологического подхода к изучению феномена «Победа» обусловлена тем, что процесс движения от цели к результату (победе, счастью) включает в себя: мотивацию, поступки людей и их взаимосвязи, идеалы и ценности, российскую мечту, патриотизм, ответственность, идеологию, самоотверженность, сострадание, терпимость, безопасность, умения и навыки жить во имя Родины, волю к Победе, уважение права Другого человека и народа на жизнь и счастье.

Воспитание с детства и юности исторической памяти о величии и трагизме Победы в Великой Отечественной войне Советского Союза может быть дополнено выработкой мотивации и умений в формировании *мечты о служении России*; в создании *стойкой личной позиции* по поводу участия в жизнеобеспечении народов России; в выработке мотивов, энергетики, воли и умений для осуществления достойных *личных поступков* для учреждения правды и справедливости. Важно и необходимо определить пути и способы её продвижения как конкретного, понятного и одобряемого гражданами движения России к достойной, благополучной и безопасной жизни для всех.

Первый шаг в этом направлении – формирование социологии Победы и предварительных подходов к рассмотрению миссии российской социологии в общем деле возрождения нашей страны[2].

---

[1] *Прим.ред. : Статья подготовлена к 65-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне, но её смысл и пафос, на наш взгляд, выходят за рамки конкретной юбилейной даты. Одновременно мы посчитали нетактичным устранять из статьи эту конкретику.*

[2] Кузнецов В. Социология Победы // Безопасность Евразии. 2004. № 2.

Второй шаг – это изучение социологического смысла Победы для XXI в., которое можно назвать Общенациональной целью России в деле достижения безопасности и благополучия человека. Такая постановка вопроса о смысле жизни, о смысле побед и поражений обусловила новую научную проблему – новую интерпретацию Миссии Российской Социологии в XXI веке[1]. Мы достигли многих позитивных результатов к 64-летию Великой Победы Советского народа над фашизмом. О них мечтали наши деды, прадеды, наши бабушки и прабабушки, завоевавшие эту Победу. Но многое в российской реальности апреля и мая 2009 г. их бы огорчило, а за эти реальности сегодня отвечаем мы: все вместе и каждый по отдельности.

Суть реальности: в стране около двух миллионов беспризорных детей, которые эксплуатируются организованной преступностью и терроризмом. Такого не было в годы войны и в трудные первые послевоенные годы. В России, через 64 года после Победы в страшной, разрушительной войне сотни тысяч обиженных, брошенных обществом и униженных пожилых людей: инвалидов, пенсионеров, очень бедных ещё работающих людей. Для многих из них монетизация льгот, стремительный рост оплаты жилищно-коммунальных услуг, отсутствие постоянного уважения и заботы со стороны общества и государства трансформировалось в деформацию и утрату смысла жизни.

Шестьдесят восемь лет назад, в 1941 г. народы СССР были разными: имели разные культуры, традиции, поклонялись разным богам. Был страх перед властью. Многие семьи потеряли отцов, матерей, детей, которые стали жертвами репрессий. Но в трудные дни начала фашистской агрессии разные люди, разные народы объединились и духовно, и организационно, чтобы победить, чтобы после 1945 г. восстановить страну.

Сегодня против каждого гражданина, против каждой семьи в России идёт объявленная война на всей территории страны: агрессоры – многоликая коррупция, организованная преступность и международный терроризм. Особенностью ситуации является состояние информационной, культурной, идеологической среды, создаваемой СМИ, в том числе и государственными. В ноябре 2004 г. учёные Петербургского университета осуществили анализ (просмотр) тех программ, которые были представлены в эфире главным городским телеканалом для всех телезрителей. Л. Вербицкая, ректор университета, так прокомментировала итоги исследования. «Никого не шокирует, – констатировала она, – что за один день нам показывают 160 драк, 202 убийства, 10 половых актов, 66 распитий спиртных напитков, 32 негативные новости. 39 раз звучит неприличная брань, но она стала нормой жизни»[2]. Понятен поэтому ответ известной актрисы Ч. Хаматовой на заданный ей «Российской газетой» вопрос о том, как она защищает своих двух дочек от окружающего нас буквально повсюду негатива, развращающего и душу, и вкус. «Во-первых, я не даю им смотреть телевизор, – сказала она. – Надеюсь, что до пяти лет они не узнают, что это такое. Также все, что связано с компьютерными играми, появится в доме еще очень и очень не скоро. Сначала я хочу, чтобы они полюбили читать, смотреть определенные мультфильмы (которые проходят мой жесткий контроль). Я и куклы стремлюсь покупать им с позитивным выражением лица. Также стараюсь их учить быть добрыми и щедрыми на улице, несмотря ни на что»[3].

Очень важно интерпретировать новую ситуацию внутри нашей страны, которая обусловлена реальными переменами в отношениях между людьми в российском обществе, между народом и властью. Пояснением могут стать отдельные итоги социологического исследования, осуществлённого Институтом комплексных социальных исследований (ИКСИ) РАН в начале 2005 г. и посвящённого 20-летию итогов перестройки (см.: Рис.1, 2; Табл. 1)[4].

---

[1] Кузнецов В. Общенациональная цель: безопасность и благополучие человека как фундаментальная проблема российских общественных наук. О некоторых дискуссионных аспектах новой интерпретации Миссии Российской Социологии в XXI веке // Безопасность Евразии. 2004. № 3.

[2] Приведено по: Шергина Н. Под властью рейтинга // Российская газета, 2004, 27 декабря. С. 5.

[3] Приведено по: Головко О. Чулпан Хаматова: «Не боюсь быть некрасивой» // Российская газета, 2005, 25 марта. С. 17.

[4] Родная газета», 2005, 18–25 марта, № 10. С.8.

Рис.1. Что можно считать достижением России (СССР) за 1985–2005 гг.

(в % от числа опрошенных)

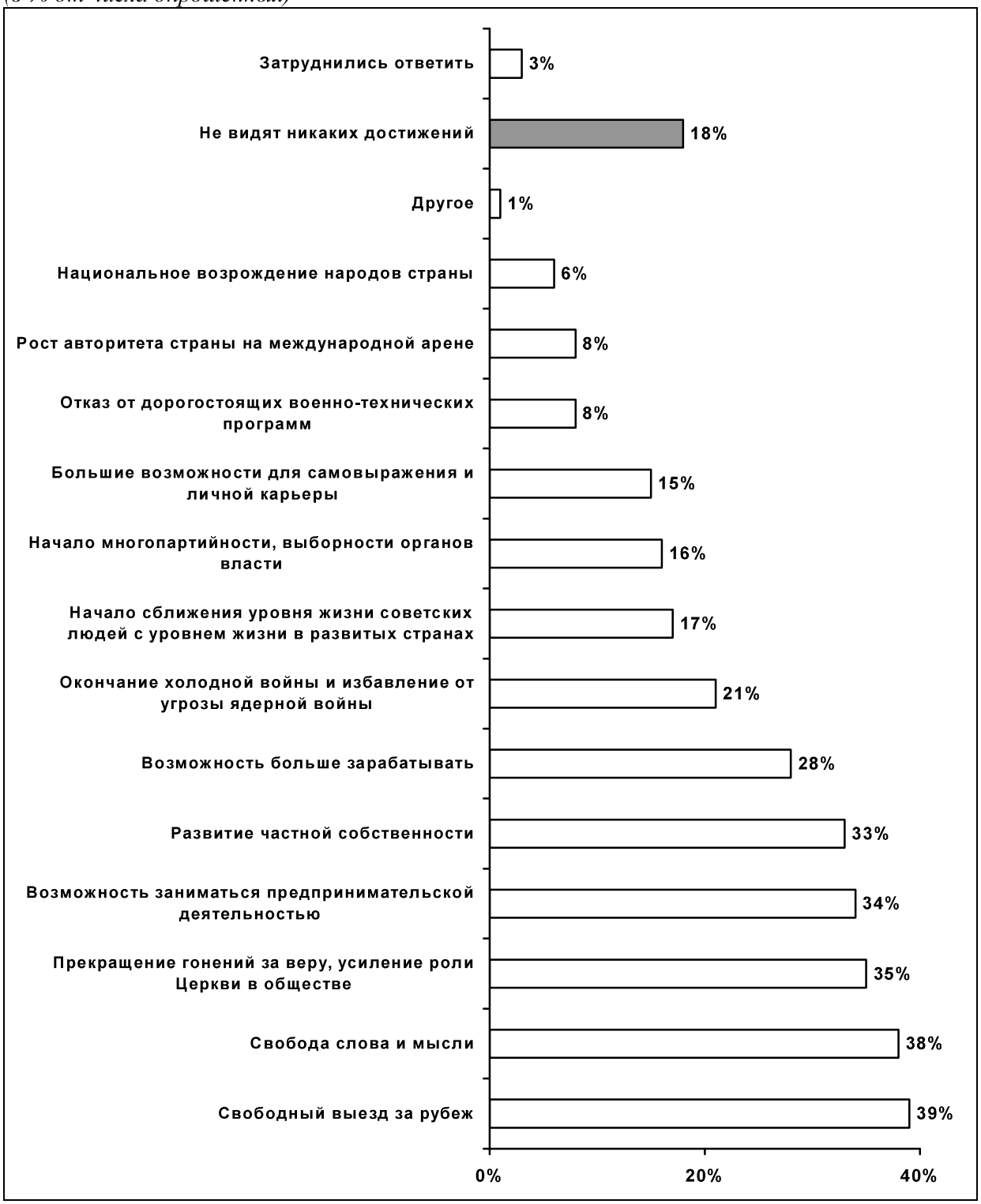


Рис. 2. Что можно отнести к главным потерям России (СССР) за 1985–2005 гг.

(в % от числа опрошенных)

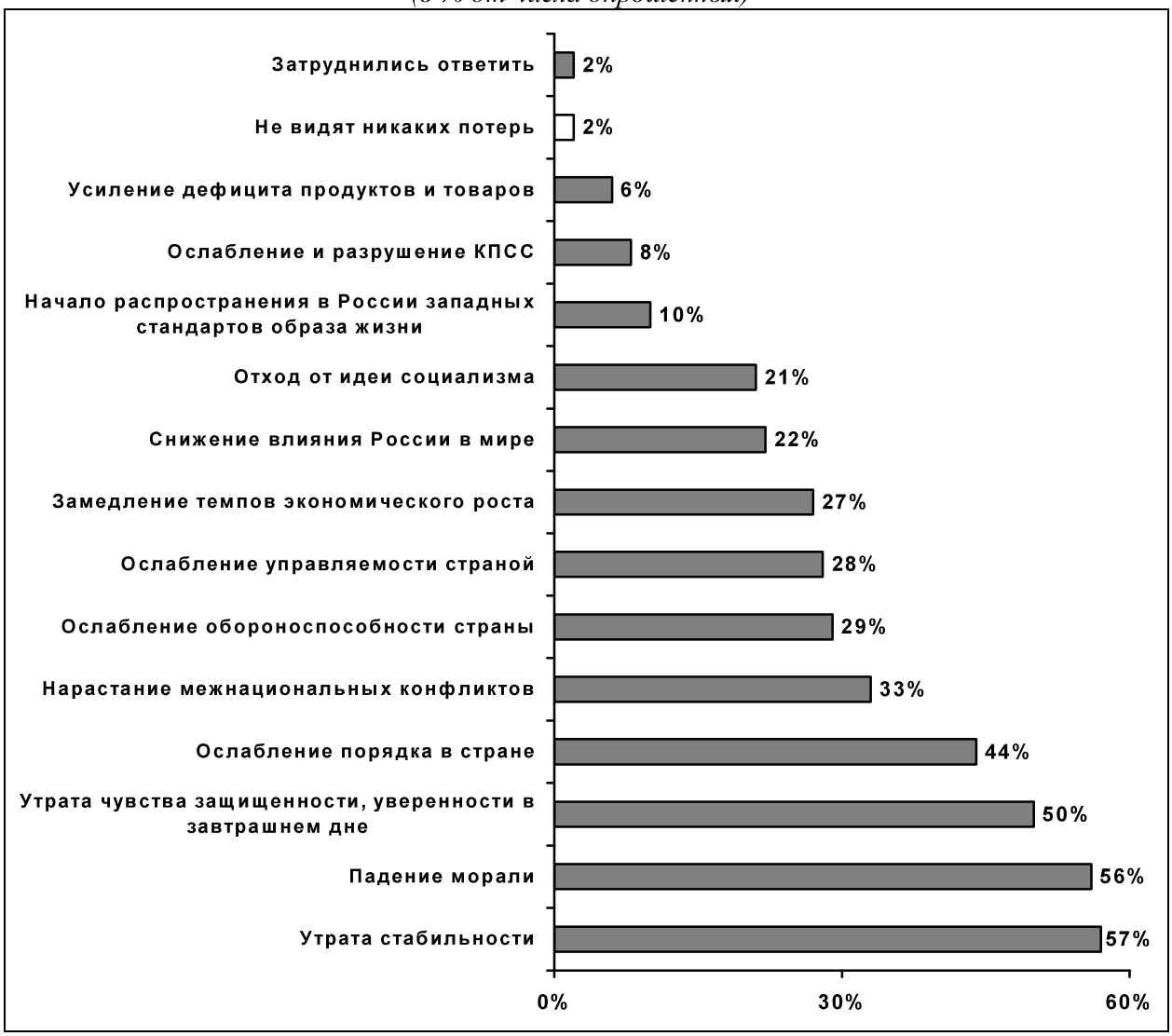


Таблица 1

Главные уроки, которые, по мнению россиян, должны извлечь Россия, её лидеры из опыта и практики перестройки в России (СССР) за 1985–2005 гг.

(в % от числа опрошенных)

Уроки	%
России надо идти своим путем, учитывая, но не повторяя опыт других стран	59
России нужна твердая и сильная власть	41
Реформы в обществе надо начинать с экономики, а не с политической системы и демократии	39
Нельзя менять жизнь методом революций, необходимы постепенные преобразования в обществе	34
Россия может процветать только тогда, когда во главе ее – сильная личность, хозяин	26
В России нельзя допускать чрезмерной концентрации власти в одних руках	17
Нельзя в недемократическом обществе проводить реформы демократическим путем	12
Не надо «изобретать велосипед»: западная модель развития наиболее эффективна, надо твердо ей следовать	8
В России любые реформы обречены на неудачу	6
Другое	1

Сумма цифр более 100%, так как можно было отметить до четырёх ответов.

Известно, что после того, как уроки «извлечены», их надо, изучать, создавать такие программы деятельности, чтобы добиваться поставленных целей с минимальными потерями. И здесь, возможно, начало Миссии российской социологии.

Летом 2007 г. редакция газеты «Комсомольская правда» (тираж 725429 экземпляров) задала опытным и уважаемым как в России, так и во многих зарубежных странах экспертам (А. Владимирову, генерал-майору, вице-президенту Коллегии военных экспертов России; В. Есину, генерал-полковнику, первому вице-президенту Российской академии проблем безопасности, обороны и правопорядка; Л. Ивашову, генерал-полковнику, президенту академии геополитических проблем; А. Шаравину, директору Института политического и военного анализа), вопрос: «Возможно ли военное столкновение между США и Россией?» Итоги дискуссии с их участием были опубликованы в газете 17 июля 2007 г.

В. Есин, А. Шаравин представили обоснованную позицию о весьма слабой, «ничтожно малой» вероятности войны между Россией и США. Л. Ивашов считает, что «война США против России возможна». Я более полно приведу позицию А. Владимирова и её обоснование, так как она представляется весьма близкой к озабоченностям по поводу глобальной ядерной войны (катастрофы), которые прозвучали в Люксембурге (24–25 мая 2007 г.). «Война между Россией и США возможна уже в ближайшие 10–15 лет, – убеждён А. Владимиров. – И инициатором её, и прямым агрессором будут США. Основные причины войны – борьба за монопольное владение ресурсами России и недопущение к ним Китая. А цели такой войны очевидны уже сейчас. Это устранение самого мощного геополитического соперника, обладающего возможностью за 30 минут стереть США с лица земли. Это обеспечение беспрепятственного доступа США к ресурсам Сибири и Российского Дальнего Востока. Это устрашение остального мира и Китая военной победой и мощью технологий и оружия... Эта война неизбежно перерастёт в ядерную. Независимо от того, какие средства будут применяться в её начале... Какими бы ни были сценарии возможной российско-американской войны, итог будет только один – наша полная победа! Эта война будет безусловным преступлением против человечества и закончится неминуемым национальным крахом Североамериканских штатов»[1].

Самое предварительное сопоставление содержания и структуры новой архитектуры мироустройства XXI века (Проект России) позволяет предложить пять тезисов.

1. Именно в многообразии практик по сохранению жизни оформилось новое качество дуальной оппозиции «компромиссность – бескомпромиссность» как необходимость сохранения традиций предотвращения противоречий и войн, как потребность в новых гуманитарных инновациях.

2. Оформленность в 2009 г. двух существенно разных проектов мироустройства обусловила «обнажённость» главного глобального движущего противоречия как главного антагонистического противоречия культуры жизни и культуры смерти.

Несколько лет тому назад Ч. Айтматов, размышляя об особенностях первого десятилетия XXI в., констатировал: наступают жестокие времена. «Самоуничтожение – таков диагноз» считает Дж. Кьеза, подводя в послесловии книги итоги своих размышлений о возможном мироустройстве XXI в. «Без реформы международных институтов, которая позволила бы мирным путём прийти к общим решениям, – полагает он, – без своевременных обдуманных и согласованных решений очень скоро может наступить цейтнот, во время которого восторжествует склонность к использованию силы, к удару мечом как к единственному и неизбежному средству, способному разрубить узел. Самые сильные попытаются забрать себе то, что осталось. Неужели для безумных войн нас хотят мобилизовать? Однако это не будет банальным повторением войн в Косове, Афганистане, Ираке. Все они были мотивированы различными, но одинаково лживыми способами. Мы в них участвовали и продолжаем участвовать. Но теперь окажется, что это были всего лишь скромные подготовительные манёвры. Во всё более лихорадочном переделе основных ресурсов уже участвуют такие протагонисты, как

[1] Приведено по: Комсомольская правда, 2007, 17 июля. С. 14–15.

Китай, неколонизируемые страны, обладающие силой и способностью к сопротивлению, к защите своих интересов, к принятию автономных решений, не зависящих от Империи. Поэтому не случайно учёные, следящие за ядерным риском, вновь начали пристальное наблюдение за стрелками «атомных» часов, которые обратным отсчётом указывают время и вероятность, отделяющие нас от столкновения, в котором это оружие будет использовано»[1].

3. Всё более значимой для всего многообразия практик компромиссного становится проблема Понимания. Речь идёт не только о том круге специалистов, которые готовят компромиссы, осуществляют их, а потом оценивают результаты. Речь идёт о всё расширяющемся круге граждан, которые стремятся понять *смысл ситуации,* когда компромисс необходим и возможен; *содержание позиции* каждой стороны компромисса; смысл, содержание, структуру и *ценность* как *своих уступок* другой стороне компромисса, так и значительность, актуальность *и ценность уступок,* которые предлагает другая сторона компромисса; *процедуру и условия* «течения» компромисса, свою роль в этом процессе; *значимость и плодотворность результатов* компромисса, как для своей стороны компромисса, так и для другой стороны (других сторон) компромисса. По существу, в практиках осуществления компромиссного возрастает роль фактора Понимания. Сложность этой тенденции связана с общим планетарным процессом «осреднения, упрощения, примитивизации», по мнению великого русского социолога и философа, логика и писателя А.А. Зиновьева[2]. В своём завещании всем нам, книге «Фактор понимания», А.А. Зиновьев социологически, логически, философски обосновал значительность и важность сохранения и повышения именно образовательного уровня для миллионов людей с тем, чтобы через практики компромиссов преодолевать реально идущие процессы упрощения познания[3].

4. Именно необходимый и достаточный уровень понимания функционирования компромиссного обусловливает формирование, сохранение и позитивную трансформацию в осуществлении чувства Меры. Для компромисса понимание и осуществление феноменов «Мера», «Чувство меры» имеет исключительное значение для всех стадий восприятия дуальной оппозиции «компромиссность – бескомпромиссность». Это «касается» и оценки ситуации, требующей компромиссности к её разрешению; к уступкам; к процедуре; к результатам компромисса. Особенно значительна необходимость «чувства меры» на «границах» компромиссного, когда «переизбыток» компромиссности ведёт к конформизму, к бездеятельности; когда «слабость» компромисса превращает его в некомпромисс, в некомпромиссное.

5. Понимание природы практик компромиссного, его качественной определённости; понимание источников динамики компромиссного и его сущностных характеристик; понимание исключительной роли дуальной оппозиции «компромиссность – бескомпромиссность» и дуальной позиции «компромиссность – справедливость» в становлении новых моделей мироустройства XXI в. объективно и субъективно «складывает» убедительные основания для развёртывания борьбы за мир и безопасность в XXI в.

Интересная подробность. Весной 2009 г. в редакции «Комсомольской правды» прошёл «Круглый стол», в ходе которого известные эксперты представили свои соображения о предотвращении агрессивных нападений террористов. Поучительно суждение Л. Ивашова, президента Академии геополитических проблем. «Наиболее эффективное сотрудничество в борьбе с этим злом, – пояснил Л. Ивашов, – у нас осуществлялось совместно с мусульманскими странами: Йемен, Сирия, Египет, Иран... Если говорить о сотрудничестве с НАТО, пока я не знаю ни одного примера, ни одного совместно задержанного террориста или взятого совместно килограмма наркотиков. Регулярные теракты на Северном Кавказе раскалывают единство не только кавказских народов России, но и сами народы. Одновременно формируют негативный образ России как государства, не способного защитить своих граждан. Терроризм это глобально-системное средство геополитической борьбы, подчиненной идее ми-

---

[1] Кьеза Дж. Война империй: Восток – Запад: Раздел сфер влияния. М., 2006. С. 317–318. (Выделено мною. – *В.К.*).

[2] Большаков В. Фактор понимания // Парламентская газета, 2007, 18 мая. С. 29.

[3] Зиновьев А.А. Фактор понимания. М., 2006.

рового господства и управляемой из единого центра, разнесенного через командные пункты, штабы по всем регионам планеты. Меня всегда спрашивают: а где же этот штаб? Я советую внимательно присмотреться к Лондону. Террористы находят поддержку в западных демократиях и в либеральной среде. Мировым прибежищем террористов всех мастей сегодня проявляет себя Британия. Лондону очень удобно влиять на многие другие страны, манипулируя изнутри террористическими сообществами»[1].

Смысл Великой Победы в Великой Отечественной войне Советского Союза весной 2009 г. воспринимается как Послание Победителей каждому человеку, всем народам мира жить достойно, по правде, по справедливости. Но это Послание постоянно напоминает, что сохранение и укрепление мира требует каждодневной работы по укреплению доверия между людьми, по личному учреждению каждый день через свои поступки честности и справедливости. Здесь и сейчас мы все оправдываем, очеловечиваем значимость, важность, необходимость Победы; мы подтверждаем каждый день простой факт: Смысл Великой Победы нами усвоен, понят – мы достойны итогов Великой Победы.

В Глобальной Игре, которую народы мира, народы России, развернули после 8 августа 2008 г. с международным и российским истеблишментом, ведущая роль принадлежит обоснованию стратегической гуманитарной цели как основанию глобальных Правил Игры для новой Повестки Дня. Ещё никогда ранее не соединялись в гуманитарном взаимодействии доверие, честность и справедливость. Для мирового истеблишмента это объективно противоречит главным смыслам культуры капитализма, культуры войны и культуры смерти.

Соединение исторической памяти с активной и достойной жизненной позицией, ориентированной через доверие, честность и справедливость на сохранение и упрочение мира и безопасности, позволяет оформить и наполнить динамикой глобальную Повестку Дня, посвящённую Великой Победе в войне 1941–1945 гг. против фашизма.

А.В. Кузнецова, к.соц.н. (ИСПИ РАН, Москва)

Культура патриотизма как фактор консолидации российского общества

XXI столетие – это век развертывания глобальных процессов и перехода к постиндустриальному информационному обществу, что выдвигает на первый план проблему выработки и реализации стратегии устойчивого развития общества на основе принципов коэволюции природы и общества, социального гуманизма, свободы, справедливости и солидарности. Главный вызов нашего времени – необходимость совершения «человеческой, духовной революции», смысл которой состоит в превращении человечества в *единый субъект истории.*

Переход от понятной всем парадигмы личного потребления к парадигме общечеловеческого жизнеустройства, разумеется, вовсе не прост. Если бы он реально произошел, то это было бы невиданным скачком, космическим прорывом, по своему значению равным появлению самого человека, который сегодня все более должен становиться субъектом решения проблем своего собственного «жизненного мира» и при этом, одновременно, испытывать воздействие социальных процессов планетарного масштаба[2]. Однако сложнейшие проблемы планетарного масштаба все-таки решаются в пределах своего отечества, страны, государства. И решение вопроса о том, быть или не быть и человеку, и его родине, и всей планете Земля, во многом зависит от того, как удастся соединить человеку судьбу Отчизны и планеты со своей личной судьбой.

Возможен ли, реален подобный синтез в принципе? Он определенно *невозможен,* если основную ставку делать по-прежнему исключительно на социально-экономические проекты и программы, на развитие социума как такового, безотносительно и безразлично к качеству воспроизводимой им личности и бытующей в нем культуры. Приходится с сожалением констатировать, что современная политика и стратегия управления сосредоточены в основном на наращивании научно-технической, индустриальной и военной мощи, что объективно спо-

---

[1] Овчинников А. Штаб мирового терроризма ищите в Лондоне // Комсомольская правда, 2009, 13 апреля.

[2] Здравый смысл. 1999. № 11. С.37; Гонеева В.В. Патриотизм и нравственность // Социально-гуманитарные знания. 2002. № 3. С.187.

собствует и служит усилению позиций идеологов «технотронной цивилизации», ратующих в целях установления и поддержания общественного порядка за тотальный контроль над поведением людей с помощью новейших технологических средств.

Было бы серьезной ошибкой призывать сегодня к противопоставлению научно-технологического, социального и личностного развития, но необходимость преодоления кризисного состояния мирового сообщества в целом и составляющих его отдельных обществ, переход их к качественно новому типу социальных изменений требуют отказа от силового, технократического подхода к социальному управлению и овладения социокультурным (гуманистическим) подходом. Именно так вопрос о целях управления выносится на уровень социально-политической дилеммы: формирование общества как зрелой *социокультурной системы,* способствующей достижению его единства на основе солидарных отношений, диалога и согласия между людьми, склонными к ответственности и к самоконтролю, или создание развитой *материально-технологической системы,* основанной на лояльности к власти, силовом управлении и безусловном подчинении.

Сегодня нетрудно понять правоту Э. Фромма в том, что единство современного мира представляет собой, скорее, «единое потенциальное поле битвы»[1]. Живая ткань такого мира разъедается недоверием и антагонизмом. Преодоление подобного состояния общества, сопряженного с феноменом отчуждения, начинается с поворота к другой системе познания мира, к другому представлению о месте и роли человека в этом мире и другой системе ценностей, противостоящих тенденции варваризации общества и господству в обществе «массового человека». Если общество стремится устранить социальное зло и установить гуманистический социальный порядок, оно должно создавать условия для того, чтобы делать жизнь людей и их самих лучше.

Постиндустриальная цивилизация становится возможной лишь при условии формирования зрелой способности общества к воспроизводству и развитию духовной личности. Чтобы не подвергнуться саморазрушению, человечеству предстоит научиться взращивать, воспитывать именно такую личность, способную к самопроявлению, самоорганизации и социальной ответственности, к саморазвитию на основе культуры, что, в свою очередь, предполагает усиление воздействия духовной культуры на общественную жизнь. «Как, однако, могло случиться, – задает справедливый вопрос А. Швейцер, – что мы дошли до такой крайней степени пренебрежения духовной сущностью культуры? ... Культура – совокупность прогресса человека и человечества во всех областях и направлениях при условии, что этот прогресс служит духовному совершенствованию индивида... Не подлежит никакому сомнению, что мы утратили необходимые для культуры этические принципы. В течение многих десятилетий мы все больше приучаем себя пользоваться относительными этическими критериями и избегать этического толкования любых проблем. Отказ от последовательной этической оценки вещей мы истолковываем как прогресс нашей объективности... Все больше и больше мы скатываемся к состоянию, характеризующемуся отсутствием мировоззрения. Отсутствие же мировоззрения предопределяет и отсутствие культуры ... Таким образом, перед нами стоит великий вопрос: как долго сможем мы обходиться без мировоззрения, несущего в себе идеалы совершенствования человека?»[2]

Эти глубокие мысли замечательного ученого, лауреата Нобелевской премии, имеют непосредственное отношение к исследуемой нами проблеме. Высокая культура патриотизма, прежде всего, выражает духовную сущность отношения человека к своей Отчизне и человечеству в целом. Такой патриотизм включает в себя мировоззрение, гуманистическим идеалом которого является духовное развитие личности в процессе деятельности на благо Родины как части всего человечества. При этом высшим их благом и самоценностью выступает сам человек.

---

[1] Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С.367.

[2] Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М., 1992. С.94-96.

Отвечает ли этим критериям и требованиям современная российская действительность? К сожалению, на этот вопрос мы не можем сегодня дать положительного ответа. Экономическая дезинтеграция, социальная дифференциация общества, девальвация духовных ценностей оказали негативное влияние на общественное сознание большинства социальных и возрастных групп населения страны, резко снизили воспитательное воздействие российской культуры, искусства и образования как важнейших факторов формирования патриотизма. Стала все более заметной постепенная утрата нашим обществом традиционно российского патриотического сознания. Объективные и субъективные процессы существенно обострили национальный вопрос. Патриотизм кое-где стал перерождаться в национализм. Во многом утрачено истинное значение и понимание интернационализма. В общественном сознании получили широкое распространение равнодушие, эгоизм, индивидуализм, цинизм, немотивированная агрессия, неуважительное отношение к государству и социальным институтам. Проявляется устойчивая тенденция падения престижа военной и государственной службы. Острота ситуации состоит в том, что в стране уже мало кто верит в какие-либо политические режимы и общенациональные идеологии. Разочарование в несостоявшихся коммунизме и демократии сопровождается духовным разладом и полным ощущением того, что человек в нашей стране оказался забытым и брошенным на произвол судьбы.

С такими умонастроениями чрезвычайно трудно добиться повышения энтузиазма в преобразовании общества и формирования его духовного единства на основе высокой культуры патриотизма как общезначимой, первостепенной ценности нашего народа.

Однако чрезвычайная трудность, сложность и острота современного положения в России вовсе не означает его *инфернальности*. Это положение совершенно неверно, с нашей точки зрения, интерпретировать как полностью безнадежную и абсолютно катастрофичную ситуацию. Не согласны мы и с известными оценками наших политических оппонентов за рубежом, вроде «нам пора начать думать о мире без России», или что «существование России есть не данность, а проблема» и т.д. и т.п. По нашему мнению, современная стратегия мышления и действия немыслима «вне России и без России». Мы разделяем позицию, согласно которой Россия все еще обладает *значительным потенциалом ускоренного и устойчивого развития*. В стране формируется ситуация, открывающая «окна возможностей» для реализации стремления прогрессивных сил общества, не откладывая далее решения накопившихся проблем, преодолеть кризис, переломить негативные тенденции и создать условия для позитивных изменений.

Налицо *огромный человеческий капитал*, обширные природные ресурсы, производственная и коммуникационная инфраструктура, накопленные финансовые сбережения, а также крепнущий частный сектор и упорно пробивающие дорогу рыночные отношения. Стабилизировалась политическая ситуация, наблюдается некоторое оживление экономики, складывается общественный консенсус по поводу желаемого социального порядка. Важнейшей стратегической задачей является выбор основного пути, ведущего к реализации имеющегося потенциала и к сбалансированному развитию, а также определение наиболее «слабых звеньев», мешающих воспользоваться предоставленными «окнами возможностей». Достижение этих целей требует преодоления как *«антиобщественности государства»*, так и *«антигосударственности общества»*. Государство для человека, а не наоборот. Необходимо осуществить переход от человекозатратного к человекосберегающему характеру изменения общества, к управлению, опирающемуся не только на волю, жесткие нормы и правила, учет и контроль, но и, в первую очередь, на культуру. Вне опоры на нее нет ни личности, ни нации, ни государства. Вне такой *объединительной силы, как национальная духовная культура,* все разговоры о патриотизме, о порядке, о гуманизме, свободе и демократии превращаются или в пустой звук или содержат в себе серьезные угрозы для общества.

Разумеется, решение задачи соединения продуктивной деятельности государственной власти, всего общества с культурой невозможно решить без отсечения различного рода патоло-

гий, проявлений паразитизма и варварства, без установления консенсуса на основе принципов ненанесения ущерба друг другу и «*позитивного плюрализма*» (П.А.Сорокин)[1].

Социологические исследования последних лет показывают, что в нашей стране в современный период сложилась остро-проблемная ситуация: с одной стороны, налицо «утрата в процессе межсистемной трансформации политической и социальной субъективности – способности ставить перед собой общественно значимые цели и добиваться их реализации. В результате распада прежней советской идентичности, фактического отказа нового российского государства от выполнения одной из основных функций целеполагания самопроизвольно и противоречиво начался процесс складывания больших социальных групп с различным «социокультурным кодом». Тем не менее есть основания предполагать: между этими формирующимися социальными группами существуют «перекрестные идентичности», т.е. нечто общее, что позволяет говорить о наличии некой интегративной, социокультурной, мировоззренческо-деятельностной рамки, которая в перспективе может стать основой для консолидации российского общества»[2]. Речь, следовательно, идет о существовании в России ментальных предпосылок к формированию «*новой общественной субъективности*», о возможности определения реального пути выхода из ментального кризиса общества.

Таким образом, в настоящее время в российском обществе складывается *дискурс*, связанный с проблемами преодоления кризиса и определением путей возрождения Отечества. Однако имеющиеся разработки пока еще не стали, к сожалению, реальной стратегией и тактикой движения России к процветанию всех россиян. Некоторые известные российские ученые считают, что основная причина этого состоит в отсутствии консолидации, сосредоточения общества и, прежде всего, объединяющей российской идеологии. Более того, необходимо и важно, с их точки зрения, обосновать общенациональный проект под названием «Стратегический маневр», концептуальным и смысловым ядром которого может стать *«россиянизм»* как объединяющая российская идеология XXI в.[3] Именно она, как показывают жизнь и исследования, именно *объединяющая патриотическая идеология*, как это было не раз в самые тяжелые и смутные времена в истории России, и сегодня реально востребована народами и различными социальными слоями. Она объективно необходима, так как только идеология консолидации общества на основе достижения единой цели – выхода их из кризиса и возрождения Отечества, созидания общего блага и достойной жизни каждого россиянина, обогащает и наполняет глубоким жизненным смыслом идеалы и ценности граждан, соединяя их с российской мечтой и исторической миссией, благодаря сохранению и упрочению исторической памяти, а также повышению культуры патриотизма[4].

В смысловом «ядре» новой российской идеологии патриотизма особо выделяется *духовность*. Именно в ней видится ключ к нравственной самоидентификации, к нравственному самоопределению народов Российской Федерации, к формированию способности страны решать сложнейшие проблемы современности, чтобы занять достойное место в мире. При этом следует иметь в виду, что именно антироссийские идеологии становятся ныне наиболее эффективным средством овладения инфраструктурой, интеллектуальным капиталом, энергоресурсами, российскими землями.

Патриотизм во все времена занимал особое место в жизнедеятельности российского общества, выступая ключевой проблемой становления российской государственности, ее защиты от внешней экспансии, осуществления национальных отношений и духовной жизни. Вот почему социально-гуманитарная мысль, политическая теория (идеология), религия, литература и

---

[1] См.: Андреев Э.М. Новейшие российские реальности: интегративный социологический анализ // Гуманитарный ежегодник. 1. Ростов н/Д., 2002. С.186.

[2] Рябов А., Курбангалеева Е. Введение // Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. М., 2003. С.11.

[3] См.: Кузнецов В.Н. Российская идеология 21: Опыт социологического исследования формирования российской идеологии XXI века. М., 2004. С.10-19.

[4] Справедливы и сегодня слова В.В. Путина: «Если говорить про объединяющую идеологию, то для такой страны, как Россия, – это, конечно, патриотизм. Нам недостаточно вспоминать, какими мы были великими, талантливыми и красивыми. Надо, чтобы мы и сегодня были такими» (Коммерсантъ. 2003, 18 июля).

искусство, публицистика *вопросы генезиса, содержания и форм проявления патриотизма* всегда держали в центре своего внимания. Можно сказать, что неразрывная связь всей истории России с таким социокультурным феноменом, как патриотизм, является отличительной чертой самого существования и развития нашей страны. Вся история России убедительно свидетельствует о том, что на всех этапах ее развития государственно-патриотическая идея была одним из приоритетных факторов, обеспечивающих консолидацию общества и позволяющих ему преодолевать самые трудные и тяжелые состояния. Необходимо заметить, что в России исторически сложилось так, что *государственно-патриотическая идея* выступала не только как официальная идеология правящего класса, но и находила отражение в программных документах общественно-политических движений и партий, в общественных настроениях, которые не только были проникнуты любовью к Родине, но и преследовали определенную цель: государственного переустройства с последующими коренными изменениями в обществе.

Можно выделить ряд исторических этапов становления и развития представлений о патриотизме.

Первый этап – собирание русских земель, зарождение и формирование русского государства. Он характеризуется историческими рамками X-XV вв.: от принятия христианства на Руси до царствования Ивана Грозного. Духовным стержнем этого этапа было утверждение *идеи святой Руси*, объединение удельно-княжеских земель на православной основе. Русь на данном этапе духовно идентифицировала себя с православием. Отказаться от православия означало перестать быть русским. Так, Александр Невский, например, решительно отверг помощь западных союзников в борьбе с татаро-монголами, поскольку их

условием при этом было принятие католической веры. Упоминание о патриотизме как явлении общественной жизни встречалось уже в летописях IX в., он проявлялся в преданности своему князю и дружине. Верность всегда высоко ценилась в русском воинстве. Для дружинников считалось позором оставить поле сражения, а в свою очередь, князь и воевода считали постыдным бросить свое воинство. Патриотическая идея глубоко пронизывает древнейший памятник русской литературы, дающий представление о зарождении и развитии общественно-политической мысли Киевской Руси, «Повесть временных лет» (начало XII в.). Автор летописи, с любовью отзываясь о родной земле и прославляя ее защитников, решительно осуждает княжеские междоусобицы и призывает к объединению, к совместной охране отчего края. Еще более яркое представление о месте и роли патриотизма в жизни русского народа дает «Слово о полку Игореве» (конец XII в.). Главная его идея: на основе патриотического служения общенациональным интересам объединение, укрепление, единство Руси, которое мыслится автором «Слова» в виде союзных отношений всех русских князей, опирающихся на добрую волю и патриотизм. Испытания, выпавшие на долю русскою народа, военная мощь его врагов, татаро-монгольское нашествие ускорили накопление в народе патриотической силы и энергии, развили понимание необходимости национального объединения. Личностный патриотизм соединялся с идеей национального единства и постепенно приобретал общенациональное и социальное значение. Ведь именно патриотизм, национальное достоинство и единство во многом обусловили победу русских воинов на Куликовом поле в 1380 г. Оборона Смоленска боярином Шейным в «смутное время», борьба против польского короля Сигизмунда и Лжедмитриев, другие исторические события в жизни русского народа свидетельствуют, что *идея защиты Отечества* стала великой и несокрушимой силой.

Второй этап – утверждение и укрепление русского централизованного государства во главе с единым центром - Москвой. Временные рамки данного этапа XVI -XVII вв., вплоть до реформ Петра I. На этом этапе идея святой православной. Руси получила дальнейшее усиление и развитие, превратилась в *мессианскую концептуальную идею под названием «Москва – третий Рим»*. Исторически сложилось, что после падения в 1453 г. Константинополя как второго Рима Русь становилась единственной православной страной. Это дало основание псковскому монаху Филофею в «Посланиях» первой половины XVI в. одним из первых воплотить и обосновать данную концепцию. После падения Византии русская мысль провоз-

гласила третьим Римом Москву. С этого времени Русь уже не только духовно отождествляла себя с православием, но и вместе с тем провозгласила себя его единственной опорой, центром духовного притяжения народов. Национально-государственное объединение на патриотической основе резко повысило могущество Московского царства, одновременно укрепив и саму патриотическую идею, прочно соединив **ее** с государственностью. «Устав ратных и пушечных дел» (начало XVII в.) закрепляет патриотизм как военно-профессиональное качество и норму поведения воинов.

Третий этап – существование и развитие Российской империи как самодержавно-монархического государства. Этот этап охватывает время от реформ Петра I (начало XVII в.) до падения царской власти и осуществления социалистической революции в октябре 1917 г. Для него свойственно, с одной стороны, *усиление светской самодержавно-монархической власти, возвышение ее над властью духовной*, а с другой – *сохранение основ российской духовности*. К этому периоду исторического развития Россия окончательно осознает себя как единое Отечество для всех населяющих ее народов. *Духовный стержень России получил свое выражение в триаде «Самодержавие. Православие. Народность».* В период реформаторских преобразований Петра I государственный патриотизм становится выше всех ценностей и добродетелей. Служба Отечеству, усердие в делах государственных были объявлены главной добродетелью и даже закреплены в «Табели о рангах» как непременное условие получения чинов, наград, званий. Мотивы единства и сплоченности народов на основе патриотизма находят свое отражение в трудах Ф. Прокоповича, И.Т. Посошкова, В.Н. Татищева, во многих работах других русских авторов XVII-XVIII вв. При этом патриотическая идея разрабатывалась отечественными исследователями этого периода как целый комплекс идей. Так, А.Н. Радищев был одним из первых, кто поднял вопрос о существе *патриотических качеств русского народа*. В «Беседе о том, что есть сын Отечества» он утверждает идею бескорыстного служения людей делу процветания Родины, установления в ней демократического порядка, развития культуры. А.Н. Радищев, обращая внимание на содержание патриотических качеств русского человека, отмечал: «*Твердость в предприятии, неутомимость в исполнении* – суть качества, отличающие патриотизм русского народа»[1]. Российские гуманисты показали взаимосвязь патриотизма с политической жизнью общества. Не случайно представление о национальной чести и достоинстве у них сочеталось с деятельностью по завоеванию политической свободы, а любовь к Родине – с неприятием унижения и деспотии по отношению к личности, народу в целом. Именно о таком патриотизме Н.М. Карамзин еще в 1802 г. написал в «Вестнике Европы»: «Патриотизм есть любовь ко благу и славе отечества и желание способствовать им во всех отношениях. Он требует рассуждения и потому не все люди имеют его... Любовь к собственному благу производит в нас любовь к отечеству, а личное самолюбие – гордость народную, которая служит опорою патриотизма...»[212].

Много новых мыслей и идей было высказано в 19 столетии, в эту эпоху «золотого века» русской культуры. Этот период истории России был богат на различные события, так или иначе повлиявшие на формирование концепции Русской идеи. Это и война 1812, и декабристское движение и появление многочисленных кружков, возникновение различных идейных течений и направлений в общественной мысли, а затем и Крымская война, сложная внешняя политика России. 19 век - это время жизни и творчества выдающихся деятелей культуры, которые и по сей день остаются гордостью России, чьи мысли продолжают развиваться в современном ^ мире, помогая нам понять настоящее, проследить связь некоторых событий. Формировавшаяся на рубеже 18-19 вв. российская интеллигенция предприняла в 19 столетии грандиозную попытку осознания культурно-исторического своеобразия, «самобытности» российской жизни. Россия вступила на путь самоидентификации, направленной на выявление и глубинное понимание своей индивидуальной сущности. Это была благородная задача, которая по мере ее осуществления вела к становлению подлинно национального самосозна-

---

[1] Цит. по: Троицкий Е.С. Русская нация. М., 1993. С.257.

[2] Карамзин Н.М. О любви к Отечеству и народной гордости // «Вестник Европы. 1802, № 4.с. 59-61.

ния и определению места Российского государства в историческом процессе среди других стран. Интерес к своему прошлому, оживление памяти говорили о пробуждении национального светского самосознания, в процессе которого образованное русское общество пока еще интуитивно осознает, что живет в рамках иной культурно-цивилизационной общности, чем народы Западной Европы. Историческое сознание своей *инаковости* побуждает к выработке такого понимания истории, в которой нашлось бы место и России. Именно в XIX в. в рамках единого потока становления российского национального самосознания наметились различные течения, такие, как *западничество и славянофильство*. Среди людей середины XIX в., мыслителей, говоривших и писавших о России, выдвигавших оригинальные концепции русской истории, ее судьбы, места в мировой цивилизации, можно выделить таких корифеев культуры, философии и истории России, как А.С. Пушкин, П.Я. Чаадаев, славянофилы братья Аксаковы и Киреевские, А.С. Хомяков, западники К.Д. Кавелин, Т.Н. Грановский, П.В. Анненков; таких деятелей, как В.Г. Белинский, А.И. Герцен, великих русских поэтов В.А. Жуковского, М.Ю. Лермонтова, К.Н. Батюшкова, А.А. Фета, Н.А. Некрасова, поэта, дипломата и общественного деятеля Ф.И. Тютчева, а также идеологов официальной доктрины С.С. Уварова, М.П. Погодина и др.

Говоря о влиянии событий во внутренней и внешней политике России на формирование русской национальной идеи, общественной мысли, нельзя забывать и том, что западноевропейские идеи также в той или иной мере оказали воздействие на развитие общественной мысли в России. Интеллигенция тех лет восприняла философию истории Гегеля с ее идеями единства и преемственности развития мировой истории, Шеллинга с его интересом к духовной жизни отдельных народов, Фихте – с идеей формирования национального самосознания.

Все эти черты можно пронаблюдать и в мыслях русской интеллигенции 1830-1840-х гг. Русские мыслители, литераторы, общественные деятели складывали свое представление о Родине из целого ряда образов, это и история родного народа, героизм предков, национальные традиции, пришедшие из древности, это и все то, что названо гениальным Пушкиным как «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам», это и современная Россия: ее природа, национальная идея, вера. Здесь нужно отметить и мысли о будущем России, ее месте и роли в мире.

Для многих мыслителей середины XIX в. Россия была живым организмом, который представляет из себя духовное, языковое и культурное единство, исторически связавшее русский народ с его национальными младшими братьями, это «оплот европейско-азиатского, а потому и вселенского мира и равновесия». Эту мысль в основном поддерживали идеологи официальной доктрины, а также славянофилы, для которых Родина – это святая Русь православная, богатырская земля. Славянофилы (Хомяков, Аксаковы, Киреевские, Самарин) верили в принципиально мировоззренческое отличие русского пути от чересчур рационального западного, ощущали православие как определяющую координату самого российского жизненного уклада. Призвание России – облагородить европейскую цивилизацию. А.С. Хомяков отмечал, что перед Западом Россия имеет неисчислимые выгоды, т.к. на нашей истории не лежит пятно завоевания, «кровь и вражда не служили основанием государству русскому, и деды не завещали внукам преданий ненависти и мщения». Особенность России состоит, по словам И.В. Киреевского, в том, что русская национальная идея исходит из чистого христианства и когда-нибудь Россия вернется к «тому живительному духу, которым дышит ее церковь».

Напротив, П.Я. Чаадаев критически оценивает прошлое России. Трагизм судеб своей Родины П.Я. Чаадаев связывает с оторванностью от человечества: «Опыт времен для нас не существует. Одинокие в мире мы ничего миру не дали». Но П.Я. Чаадаев, незаслуженно причисленный к ярым западникам, считал, что Россия, благодаря своей оторванности от Запада, может разрешить величайшие проблемы мысли и общества, вывести весь мир на новый уровень, Россия «получила в удел задачу дать в свое время разгадку человеческой загадки». Проанализировав наследие русской интеллигенции 1830-1840-х гг., можно сказать, что уже тогда *Родина не олицетворялась с государством*. Н.А. Бердяев, говоря об этом времени, отмечал,

что XIX в. – это время «столкновения между сознанием империи, носителем которого была власть, и сознанием интеллигенции». Но для всех мыслителей XIX в.свойственно отношение к своей Родине как к «державе». Это является отличительной чертой русской интеллигенции этого периода. *«Державность»* – это не государство, не институты власти, это своего рода рационализация этнических чувств, основа этноисторического сознания. Ф.И. Тютчев под «державностью» понимал способность подчинять частные индивидуалистические интересы и стремления высшим интересам, стремлениям целого общества, народа.

Проследив представления о Родине в среде русской интеллигенции 1830-1840-х гг., можно как бы нарисовать ряд образов, олицетворявших Родину для людей тех лет. Для них Россия – это не только бескрайние просторы, родная природа, климат, но и целая совокупность идей, особый дух народа, традиции, это родная история. Мыслители этого периода определяют роль и место современной им России в мировой цивилизации как равной Западной Европе, не уступающей ни в культурном, ни в историческом плане. Но они не боятся говорить о многочисленных проблемах России. Интеллигенция 1830-1840-х гг. сыграла большую роль в признании России в качестве великой державы, отметив многие достижения русского народа. Лучшие представители русской мысли этого периода призывали соотечественников к серьезному изучению своей страны, к постижению души народа со всеми ее светлыми и темными свойствами, считая это одной из важнейших нравственных обязанностей каждого. *Патриотизм* людей этого поколения – *общероссийский* (а не патриотизм «малой родины»), а подчас и *общеславянский*, что говорит об их необычайном духовном и культурном богатстве. Во взглядах российских ученых подчеркивалась идея о том, что *любовь к родине* – это *черта, свойственная настоящему гражданину*, т.е. человеку, который искренне и самоотверженно защищает принцип «общего блага». «Что такое патриотизм и патриоты всякий знает. Но не всякий знает, – писал В.Г. Белинский, что патриоты разделяются на два разряда. Одни получают имя патриот за свои заслуги от общества в истории, как получили его Минин и Пожарский, Сусанин и другие... Другие сами себя провозглашают патриотами, чтобы громче других говорить о любви и ревности ко всему отечественному»[1]. Между тем именно В.Г. Белинский отметил необходимость видеть *связь между патриотизмом как любовью к своей родине с общечеловеческим,* свойственным другим народам и странам. «Любовь к отечеству, – считал Белинский, – должна выходить из любви к человечеству, как частное из общего. Любить свою родину значит пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества и по мере сил своих способствовать этому»[2].

Подлинный патриотизм, по взглядам русских философов, связан не только с любовью к своему отечеству, но и с реальной оценкой состояния жизни народа в нем, истинным отражением положения дел в государстве, степенью его демократизации. Об этом ярко сказал П.Я.Чаадаев, который замечал: «Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы, прежде всего, обязаны Родине истиной. Я люблю мое Отечество, как Петр Великий учил любить его»[3].

Глубокие идеи по проблеме содержания и специфике патриотизма высказали русские философы в конце XIX - начале XX вв. Среди них В.С. Соловьев, И.А. Ильин С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, Л.Ф. Лосев, П.И. Новгородцев, В.В.Розанов и др.

В работе *В.С. Соловьева* «Оправдание добра» в сжатой форме представляется *сущность патриотизма, отражающая, во-первых, осознанное отношение личности к своим обязанностям по отношению к Отечеству, во-вторых, активно-деятелъностное, а не созерцательное отношение к ним в реальной действительности.* Он подчеркнул связь патриотической идеи с поступками высоконравственного содержания во имя своей Родины. По мнению В.С. Соловьева, сущность патриотизма образуют две доминирующие составляющие «ясное соз-

---

[1] Белинский В.Г. Собр. соч. в 8 т. Т.6. М., 1995. С.374.

[2] Белинский В.Г. Соч. Т.4. М., 1954. С.489.

[3] Чаадаев П.Я. Соч. М.: 1989, с. 150-151.

нание своих обязанностей по отношению к Отечеству и верное их исполнение»[1]. По взглядам В. Соловьева, патриотизм как социальное явление, выражая любовь человека к своей Родине, своему народу не означает пренебрежительного отношения к другим народам. Более того, он обращает внимание на сочетание патриотизма с уважительным отношением к истории и традициям других народов. «Мы должны любить все народности, как свою собственную. Этой заповедью утверждается патриотизм как естественное и основное чувство, как прямая обязанность лица к своему ближайшему собирательному целому, а в то же время это чувство освобождается от зоологических свойств народного эгоизма, становясь основою и мерилом для положительного отношения ко всем другим народностям сообразно безусловному и всеобъемлющему нравственному началу»[2]. *В.В. Розанов*, обращая внимание на социально-политическую ценность патриотизма в общественном сознании народа, заметил: «Любить, верить и служить России – вот программа. Пусть это будет ломоносовский путь»[3].

Близкие положения по вопросу патриотизма, связи индивидуального и социального в нем отразил *С.Н. Булгаков* в труде «Моя Родина», который вышел в свет лишь в 1990-е гг. «Родина есть священная тайна каждого человека, так же как и его рождение... Нужно особое проникновение и, может быть, наиболее трудное и глубокое, чтобы познать самого себя в своей природной индивидуальности, уметь полюбить свое, род и родину, постигнуть в ней самого себя, узнать в ней свой образ Божий... Родина-святыня для всякого, и, как таковая, она всегда дорога и прекрасна», – отмечал он[4].

Известный русский философ *А.Ф.Лосев* в своих трактовках патриотизма обращает внимание на следующую мысль – *ощущение слитности индивида с Родиной, готовность разделить с ней свою судьбу*. Он подчеркивал: «Благородный гражданин любит свою Родину также не за то, что она везде и всегда, во всем и непременно велика, высока, богата, прекрасна и пр. Нет. Мы знаем весь тернистый путь нашей страны; мы знаем многие и томительные годы борьбы, недостатка, страданий. Но для сына своей Родины все это – свое, неотъемлемое свое, родное: он с ним живет, с этим погибает; он и есть это самое, а это самое родное, и есть он сам»[520].

Близкие идеи на сущность и связь патриотизма с конкретными делами человека, служением Родине развивает *И.А. Ильин*. Он обращал внимание, что подлинный патриотизм человека проявляется тогда, когда его высшая цель жизни не отличается от цели его родного государства, когда между ними обнаруживается истинное и живое тождество. «Мое дело есть дело моей родины и моего государства, так что, с одной стороны, все вредное моей родине и государству не может стать моим делом; с другой стороны, дело моего народа и моего государства мне настолько близко и важно, как если бы оно касалось меня самого и моей судьбы – вот формула истинного патриотизма, гражданства»[6]. Философ обращал внимание на то обстоятельство, что обретение родины должно быть пережито каждым гражданином самостоятельно и специфично, в зависимости от духовного мира личности. «*Никто не может предписать другому человеку его родину* – ни воспитатели, ни друзья, ни общественное мнение, ни государственная власть: ибо любить и радоваться, и научить по предписанию вообще невозможно»[7]. Он также обращает внимание на то положение, что патриотизм в духовном мире личности опирается на ее нравственные ценности. А они в свою очередь на всем протяжении российской истории были свойственны русском народу. «Патриотизм может жить и будет жить лишь в той душе, для которой есть на земле нечто священное, которая живым опы-

---

[1] Цит. по: Государственно-патриотическая идеология как фактор формирования духовного потенциала армии и флота. М., 1999. С.36.

[2] Соловьев В.С. Соч. в 2-х т. Т.1. М.: 1988, с. 378.

[3] Цит. по: Русская идея. М., 1992. С.260.

[4] Цит. по: Русская идея. М., 1992. С.364, 373.

[5] Там же. С.426.

[6] Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С.265.

[7] Там же. С.228.

том испытала объективность и безусловное достоинство этого священного - и узнала его в святынях своего народа», – писал И.А. Ильин[1].

Русский философ, раскрывая положения о *подлинном*, а не *мнимом патриотизме*, подчеркнул такое его качество, как *критическое отношение к тому, что в истории и в современной ему России вызывает обоснованное недовольство и неприятие*. «Духовная любовь вообще не предается беспочвенной идеализации, но созерцает трезво и видит с предметной остротой, – указывал И.А. Ильин. – Любить свой народ – не значит льстить ему или утаивать от него слабые стороны, но честно и мужественно выговаривать их и неустанно бороться с ними. *Национальная гордость* не должна вырождаться в *тупое самомнение и плоское самодовольство*; она не должна внушать народу манию величия. Настоящий патриот учится на политических ошибках своего народа, на недостатках его характера и его культуры, на его исторических крушениях и на неудачах его хозяйства. Именно потому, что он любит свою родину, он пристально и ответственно следит за тем, где и в чем его народ не находится на надлежащей высоте; он не боится указывать на это[2].

Оригинальные положения по вопросу патриотизма и его социальной роли высказал известный русский философ *Н.А. Бердяев*. В своей фундаментальной работе «Судьба России» он обратил внимание на такие положения, как особенности российского патриотизма, вытекающие из пройденного страной исторического пути; его роль в созидательной (мирной) жизни и в условиях ведения войн; воздействие гражданского патриотизма россиян на культуру других народов и взаимоотношений с ними. Он, как и другие отечественные ученые, подчеркивал активно-деятельностную сторону реализации патриотизма в обществе, в его развитии. В своей трактовке этой стороны патриотизма как феномена Бердяев отмечал его проявление в политической жизни российского общества. «Все наши политические достижения, – писал он, – находятся в прямой зависимости от степени нашего патриотического воодушевления, от роста ответственности национального сознания в русском обществе и народе... Русский народ должен сейчас сделать величайшее напряжение духа, чтобы доказать миру, что в России есть патриотизм, есть национальное сознание, есть гражданское достоинство... Патриотизм есть великая школа гражданственности в опасный для родины час»[3].

Вообще заметим, проблема патриотизма привлекала огромное внимание мыслителей русского зарубежья, которые чуть ли не впервые на научном уровне проанализировали вопросы, касающиеся понятия Родины, основных представлений о ней. Здесь можно привести целый ряд работ И.А. Ильина («Родина и мы» /1926/; «О России. Три речи» /1934/; «Основы борьбы за национальную Россию» /1938/ и др.), Г.П. Федотова («Письма о русской культуре» /1938/), Н.А. Бердяева («Судьба России», «Самопознание» /1918/), а также произведения В.В. Розанова, Н.О. Лосского, А.Ф. Лосева, Л.П. Карсавина, Б.К. Зайцева, С.Н. Булгакова.

Заметное место в разработке проблемы патриотизма занимает *советский период отечественной истории*, т.е. с конца 1917 г. до начала 1990-х гг. В этот период советской официальной наукой было создано большое количество работ по самым различным аспектам рассматриваемой проблемы. Большинство из них были подвержены воздействию господствующей классово-партийной идеологии и отражали одностороннее и весьма идеологизированное постулирование ею сущности патриотизма. Это проявлялось, прежде всего, в том, что утвердившееся в официальной общественной науке понимание феномена *советского патриотизма* ограничивало его объект лишь одним из компонентов Отечества, который отождествлялся, главным образом, с основами социалистической системы, общественного и государственного строя. Вследствие этого исследование советского патриотизма сводилось, прежде всего, к его конкретно-историческому содержанию, нередко оторванному от реальной действительности. Вместе с тем в целом ряде исследований, особенно фундаментальных, были

---

[1] Цит. по: Патриотическая идея накануне XXI века: прошлое или будущее России. Материалы межд. научно-практической конференции. Волгоград. 19-20 ноября 1998 г. 1999. С.5.

[2] Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С.234-235.

[3] Бердяев Н.А. Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности. М., 1918. С.96.

достигнуты определенные теоретические и практические результаты. Среди представителей официальной науки, уделявших большое внимание изучению патриотизма как одного из социально значимых явлений советской действительности выделяются: А.Л. Агаев, А.Н. Вырщиков, Н.И. Губанов, С.Д. Емец, В.М. Зарванский, А.Н. Колесников, М.М. Кучуков, В.В. Макаров, Р.Я.Мирский, В.Ш.Нахушев, Ю.С. Петросян. П.Н. Поспелов, П.М. Рогачев, П.Е. Сапегин, М.А. Свердлин, Л.П. Стариков, С.В. Хмелевский и др. В работах этих авторов, в частности, рассмотрены некоторые стороны, особенности и закономерности исторического развития патриотической идеи, разработаны отдельные подходы к уяснению ряда существенных признаков патриотизма, большое внимание уделено анализу его содержания и структуры. Применительно к задачам социалистического строительства и проблемам развития общества и государства был осуществлен *функциональный подход* к пониманию патриотизма с учетом его роли и значения в конкретных исторических условиях.

Немало научных работ было посвящено изучению *проблемы патриотизма через призму взаимосвязанных с ним категорий, ценностей, принципов*. Огромное внимание уделялось рассмотрению *военного аспекта патриотизма*, его взаимосвязи с защитой социалистического Отечества, необходимостью обеспечения его экономической, социально-политической и оборонной мощи, изучению и созданию всех условий для развития патриотических сознания, чувств, качеств у подрастающего поколения, формированию у него готовности к военной службе.

В целом можно констатировать, что позитивное знание о патриотизме, получившее определенное приращение по ряду направлений в условиях советского периода развития, не должно игнорироваться, а тем более отвергаться по причине резко изменившихся социально-политических, экономических и иных факторов, детерминирующих смену ценностей и приоритетов в общественных науках на рубеже конца 1980-х – начала 1990-х гг. Результаты научных исследований, представляющие собой базу для более глубокого и всестороннего социального анализа патриотизма в новых изменившихся условиях, должны быть, безусловно, творчески использованы. Отказ же от принципа *исторической преемственности в научном исследовании* (столь сложной, неоднозначно понимаемой в наши дни проблемы) крайне затруднит достижение тех результатов, которые должны быть получены в ближайшей, а тем более – в отдаленной перспективе.

Основные задачи уже завершенных и продолжающихся научных исследований по проблеме патриотизма остаются в большинстве своем нерешенными. Сущность, содержание, структура, критерии этого феномена, его объект, субъект, проявления и функции исследованы пока неглубоко, несистемно, вне тесной связи с постоянно изменяющимися реалиями и теми конкретными проблемами, которые могут и должны быть решены с помощью развития патриотизма как фактора, воздействующего на многие процессы в обществе и государстве. Важно отметить, что без выяснения сущности патриотизма, его роли и места в нашей жизни невозможно правильно определить, принимая во внимание его тесную взаимосвязь с другими очень сложными явлениями и процессами сегодняшнего бытия, отношение к отечественной истории и культуре, к религии и национализму, стратегию и пути возрождения России в период трансформации, обеспечения ее безопасности и защиты, предназначение государства, сущность идеологии, роль и значение воспитания, проблемы развития и самореализации личности и целый ряд других актуальнейших вопросов.

Статус проблемы патриотизма в общественном сознании, в социально-гуманитарных науках, в социально-практической деятельности людей по-прежнему очень высок. Это связано с тем, что по своим истокам, содержанию и значению *патриотизм является общесоциальным институтом*, который обеспечивает единство и целостность, устойчивость и целенаправленность развития общества как самоорганизующей системы. Он относится к числу внутренних механизмов сплочения социальных индивидов и групп, обеспечивая их взаимопонимание и единение в социальной деятельности. В условиях реального социального пространства и времени патриотизм объединяет массы людей смысложизненными установками

и ориентациями поведения по отношению к своему Отечеству, помогают этим массам стать единым народом и развивать свое общество.

Среди исследований, посвященных непосредственно современному патриотизму, следует, прежде всего, назвать работы А.В. Абрамова, Х.Х. Бокова, Е.Т. Бородина, В.В. Гонеевой, Н.И. Зинчукова, В.А. Зорькина, Г.А. Зюганова, С.Ю. Ивановой, А.М. Ковалева, И.А. Козикова, В.Н. Кузнецова, М.М. Кромма, В.И. Лутовинова, В.В. Макарова, А.Н. Метина, С.Е. Микуленко, Л.Е. Морозовой, В.Ш. Нахушева, Ю. Олещук, А.А. Преображенского, М. Раца, В.К. Селивановой, Е.С. Троицкого, Р.Г. Яновского и др.

Если проанализировать всю совокупность источников, посвященных проблеме патриотизма, ее изучению, осмыслению в различные периоды Российской истории, то можно придти к следующим выводам. Анализ содержания патриотической идеи, разрабатывавшейся отечественными мыслителями на протяжении нескольких веков, показывает, что,

- патриотизм не только является неотъемлемым компонентом русской идеи, но и одновременно представляет собой глубокую традицию отечественной гуманитарной науки и культуры;
- патриотизм почти всегда рассматривался как необходимое условие силы русского народа, единства и величия России, могущества Российского государства;
- сущность патриотизма по-разному трактовалась различными мыслителями, прежде всего, в плане его духовного выражения и деятельностного проявления. Характерно, что рассмотрение проблемы патриотизма почти всегда находилось под воздействием немалого числа оппонентов, которые в различных формах ограничивали возможности ее конструктивной и более основательной разработки.

Современное понимание патриотизма характеризуется многовариантностью, разнообразием и неоднозначностью. Во многом это объясняется сложной природой данного явления, многоаспектностью его содержания, структуры и многообразием форм проявления. Кроме того, проблема патриотизма рассматривается разными исследователями в различных исторических, социально-экономических и политических условиях в зависимости от их личной гражданской позиции, отношения к своему Отечеству, от использования ими различных сфер знаний и т.п. С разрушением идеологической оболочки патриотизма на волне переоценки ценностей были утрачены, потеряны многие его корни, уходящие в глубину веков. Этот негативный процесс, объективный в силу продолжающихся катаклизмов, присущий различным сферам нашей жизни, связанный с разрушением, распадом советской командно-административной системы, во многом был инициирован «перестроечной» конъюнктурой, политическими спекуляциями, внутренним, идущим «сверху» антикоммунизмом, который расшатал фундамент не только социалистического, но и общероссийского здания.

В исследовании проблемы нового российского патриотизма, анализе иных элементов его содержания с учетом важнейших изменений, происшедших в нашем обществе, сделаны лишь первые шаги. Пока еще не реализован *многомерный* подход к формированию идеологии «россиянизма», не раскрыт ее *социологический смысл* как фактора консолидации общества, не исследована культура патриотизма как социологическая категория. Таким образом, разработка новой, научно обоснованной концепции российского патриотизма, его теоретических и прикладных аспектов, соответствующих изменившимся условиям, является актуальной задачей отечественной науки. В соответствии с этим были определены цели и задачи данного диссертационного исследования.

С одной стороны, наличие и действие факторов социальной дезорганизации, звеньев уязвимости (социальной поляризации, конфликта ценностей, кризиса экономико-технологического и интеллектуального развития, снижения уровня и качества жизни, роста преступности и криминализации общества, неблагополучной экономической и демографической ситуации и т.д. и т.п.), делают консолидацию российского общества в современный период нереальной.

С другой стороны, сегодняшний «субъект массового сознания и коллективного поведения» существенно изменился, более того, как показывают результаты социологических ис-

следований, ныне можно говорить о существовании ментальных предпосылок к формированию «новой общественной субъективности», о зарождении пусть пока еще весьма слабой, но очевидной тенденции к новому гражданскому объединению общества на нетрадиционных для России основаниях, о взаимном тяготении друг к другу субъектов социальной жизни (индивидуальных и коллективных) и готовности их к компромиссным решениям на пути к общественному согласию.

Поэтому, если основную ставку по-прежнему делать на социально-экономические проекты и программы, сосредоточенные **в** основном на наращивании научно-технической, экономико-индустриальной и военной мощи, на развитии социума как такового, безотносительно и безразлично к качеству воспроизводимой им личности и бытующей в нем культуры, то консолидация общества и формирование объединяющей его идеологии, разумеется, невозможны. Однако при условии трансформации основных систем общественной жизни в направлении: управления – на развитие человеческого потенциала; социальной сферы – на повышение качества жизни; идеосферы – на формирование нового мировоззрения, положение существенно меняется, и на этой основе формирование культуры патриотизма и консолидация общества становятся возможными.

Научное изучение и формирование знаний и представлений о культуре патриотизма как явлении духовно-практической жизни предполагает комплексный, междисциплинарный анализ данного феномена познавательными и методологическими средствами, прежде всего, социально-гуманитарных дисциплин. Целостные представления о культуре патриотизма, ее сущности, содержании, роли, которую она играет в жизнедеятельности общества, можно составить, лишь опираясь на новые научные подходы, отражающие динамично изменяющиеся потребности конкретной социальной практики, используя весь арсенал исследовательских средств, обращенных к духовной проблематике России.

Переход к парадигме общечеловеческого жизнеустройства, соединение личной судьбы каждого человека с судьбами своего Отечества и планеты Земля в целом зависит от зрелой способности общества к формированию гражданских качеств личности на основе духовной культуры патриотизма. Высокая *культура патриотизма* выражает духовную, нравственную сущность отношения человека к своему Отечеству как части человечества в целом и предполагает творческую деятельность во имя их блага. Эта культура является общезначимой, первостепенной ценностью нашего народа. Вне опоры на нее нет ни личности, ни нации, ни государства, наоборот, возникают серьезные угрозы для общества. Как показывают жизнь и социологические исследования, именно культура патриотизма и как часть ее - новая патриотическая идеология способны стать в современный период основой консолидации общества для преодоления кризиса и определения путей возрождения страны, для реализации стратегии движения России к процветанию ее граждан.

Социологическим смыслом качественно иного характера трансформационных изменений в России в целом является формирование социального взаимодействия нового типа, который все больше включает в себя *социокультурные* составляющие и все больше подчиняется логике духовно-культурной коммуникации. Сама культура при этом, включая культуру патриотизма, является способом ценностного, смыслового понимания действительности, качественной оценки и освоения гуманистических норм жизни, проявления и развития сущностных сил личности, т.е. сферой поиска, проектирования и конструирования новых социальных и личностных источников и устоев человеческого мира.

Н.Н. Кузьмин– д.и.н. (ЛНУ им. Т. Шевченко, Луганск, Украина).

Историческая память в различных типах обществ

Историческая память в том или ином виде *присутствует в социальном, политическом дискурсе любого общества*. При помощи исторической памяти социальные объекты создают и при ее помощи их разрушают или трансформируют. Поэтому исследование исторической памяти актуальны при обращении к различным измерениям социальности. Историческая па-

мять представляет собой универсалию социокультурной реальности или, пользуясь терминологией К.Л. Пайка[1], этик-конструирования социальных представлений. К сфере исторической памяти можно отнести мифологические построения, объясняющие через прошлое текущее состояние общества и мироздания, конкуренцию исторических хроник, обосновавших те или иные преимущественные права, этнические истории эпохи торжества национального государства, марксистскую интерпретацию истории, разнообразные современные конструкты. То, что историческая память является инвариантом среди элементов, формирующих картину мира различных обществ, не означает того, что *историческая память в разные социокультурные эпохи* не обладала существенной спецификой. Поскольку разные исторические варианты обществ различаются по способам формирования картины мира, обоснования легитимности властных отношений, социальной структуры и т.д., логичным будет утверждать, что можно выделить *типы исторической памяти*.

Можно предположить, что существовала *историческая память традиционного общества, общества эпохи модерна, и что современное состояние общества (Второй модерн, поздний модерн, зрелый модерн, постмодерн и т.д.)*, которое явно отлично от предыдущих, также конституирует *специфический тип исторической памяти*. Обосновать это предположение возможно за счет выявления специфики исторической памяти в каждом из указанных выше типов социальности.

Традиционное общество изначально строило свою картину мира на конструировании истории возникновения мира, появления первых людей, первых типичных социальных взаимодействий, первых технологий и государств. Существовавшее в тот или иной исторический момент состояние государства, общества обосновывалось через связь с событиями в прошлом. Претензии в конкурентной борьбе часто опирались на исторические аргументы. Так, например, новгородская летопись называет основателя Киева Кия простым перевозчиком, а в киевской традиции летописания он является князем, которому уделяет внимание сам византийский император. Таких примеров можно найти великое множество. Подобное использование исторической памяти являлось правилом, одним из основных методов политической аргументации в традиционном обществе. Для культур, основывающихся на традиции, характерна более высокая ценность того, что было в прошлом, обоснование новаций за счет исторических прецедентов, аналогий. Так, в 1871 г. японский император Мэйдзи издал указ, в котором предписывалось всем чиновникам носить одежду европейского стиля. Обосновывалось же эта новация следующим образом[2]: «Полагаем Мы, что одеждам следует меняться в лучшую сторону во времена перемен, а мужи государственные должны своим авторитетом определять их. Нынешние одеяния и головные уборы были определены по примеру установлений, существовавших в древнем государстве Тан. Они скроены ниспадающими и оставляют впечатление слабости. Считаем это весьма прискорбным. В нашей божественной стране с самого начала управление осуществлялось с опорой на военных. Сын Неба являлся главнокомандующим войсками, а люд поклонялся его обличью… Выглядя слабым, как можно управлять Поднебесной хотя бы один день? Так что теперь Мы желаем решительно изменить установления относительно одежды и обновить их, возвратиться к временам предков и построить государство с почтением к военному». То есть переход к европейскому мундиру преподносился как возврат к одежде предков. Тем самым реформа становилась легитимной в глазах людей, чьи представления, ценности сформированы традиционной культурой.

Поскольку традиционное общество было весьма сегментировано (высокая социальная дистанция между группами и иерархичность, отсутствие единой системы права и наличие множества отдельных прав), то *историческая память приобретала множество направленностей*. Правящие династии, спонсируя создание исторических хроник, обосновывали свои исключительные права, общины апеллировали к историческим прецедентам для защиты

---

[1] Триандис Г.К. Культура и социальное поведение: учебное пособие / пер. с англ. В.А. Соснина. М., 2007. С.40.

[2] Мещеряков А.Н. Открытие Японии и реформа японского тела (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. [Электронный ресурс]– Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/me20.html.

своих прав и привилегий, аналогично простой народ сопротивлялся росту повинностей, обосновывая это более высокой ценностью сохранения старых порядков. Традиционное общество в целом было весьма чувствительно к историческим прецедентам – на то оно и традиционное. Таким образом, главным существенным признаком исторической памяти традиционного общества было то, что оно *«погружено» в историческую память*. Исторический прецедент являлся в нем, наряду с суждениями о сакральном, одним из самых весомых аргументов. Очень часто *пространство исторической памяти переплеталось с пространством сакральных знаний.*

Историческая память продолжает играть важную роль и *в обществе модерна*. В некоторых аспектах ее значение даже больше, поскольку модерну свойственно рациональное конструирование *метанарративов* (либерализм, национализм, марксизм), которые, с одной стороны, значительно изменяли социальную реальность, а с другой – основывались на конструктах исторической памяти. Однако историческая память в эпоху модерна приобретает иные характеристики, поскольку происходит *полная инверсия ценностных приоритетов: замена традиции прогрессом*. Поэтому рост исторических обоснований в эпоху модерного национального государства парадоксален. Почему в культуре, которая одной из главных ценностей объявила новацию, в которой новое изначально ценнее старого, а вера в прогресс фактически получила сакральный статус, историческое обоснование главной политической структуры – государства – приобрело такую важность? Разве недостаточно для обоснования национального государства наличия языкового и культурного единства. Национализм, ориентируясь на исторические конструкты, был не одинок. Его главный соперник в борьбе за поддержку масс – марксизм – также «открыл» в многообразии исторических фактов извечную борьбу эксплуататоров и эксплуатируемых. Мог ли марксизм состояться как успешная идеология без конструирования исторического процесса, только лишь на основе экономических и философско-антропологических изысканий? Вопрос риторический – исторический век предписывает свои законы. Не следуя им, нельзя попасть в мейстрим. Продолжая эту традицию, современный неомарксист И. Валлерстайн, отказавшись от устаревшей формационной теории, пытается создать новую картину исторического процесса. Возможно, *историзм в модерне представляет собой своеобразную компенсацию за устремленность общества в будущее*. Тогда значимость исторической памяти в обществах модерна – это обратная сторона их прогрессизма. Иными словами историзм и прогрессизм представляют собой две стороны одной медали. Отсюда и ставшие расхожими утверждения, подчеркивающие *единство прошлого и будущего*. Данный парадокс можно объяснить тем, что XIX в. – век победоносного шествия национального государства, это еще и век торжества научного мировоззрения. Для обоснования любого социально и политически значимого конструкта в это время требовалось прибегать к ссылкам на научное знание. Типичный пример – марксизм, который одновременно выступал как идеология и как научная теория (вспомним, что сформировавшаяся в XVII-XVIII вв. идеология либерализма обосновалась традиционными философскими средствами и не нуждалась в сциентизме). Национализм, как и марксизм, не мог найти свое обоснование в экономических статистических выкладках и поэтому обратился к исторической науке. Благодаря трудам историков, национальное строительство обрело научное обоснование. В модерне историческая память уже не переплетена с сакральным, а выступает эрзацем сакрального в секуляризованном обществе. Наиболее ярко это проявляется в идеологии национализма, о которой У. Альтермат справедливо сказал следующее: «В XIX и XX вв. национализм занял место религии. Национальное чувство в качестве функционального элемента взяло на себя интегративную функцию религии. Национализм идет навстречу религиозному состоянию человека и заменяет собой религию в качестве силы современного общества, формирующей общности. Более подробный анализ национализма показывает на самом деле, что он содержит псевдорелигиозные элементы. Это выражается, например, в том, что он действует с помощью тех же средств, что и церковь, и имеет сакрально-литургические

формы. Люди приветствуют национальный флаг как самое святое, они поют гимны стран»[1]. *История в модерне стала инструментом трансцендирования государства.* Перед главами государств всегда возникала проблема превращения их из посюстороннего института, инструмента, задача которого политическая организация общества, защита его членов от внутренних и внешних угроз, в нечто независимое от граждан (или подданных). В традиционной культуре трансцендирование осуществлялось за счет божественного происхождения правителя (или его сакральной сопричастности – помазание), а конструирование истории играло вспомогательную роль. Строительство национального государства также нуждалось в трансцендировании, поскольку с обычными функциями государства неплохо справлялись наднациональные империи и династические государства. В условиях секуляризации сакральное обоснование не работало.

Интересно, что одно из первых использований *националистического дискурса* в Европе в период, когда секуляризация еще не стала актуальным социокультурным процессом, основывалось на сакрализации нации. Это утверждение о том, что Бог был англичанином[2]. Однако в XIX в. такой вариант уже не проходил, поэтому в качестве инструментов трансцендирования использовалась историческая память, которую пришлось усилить новой исторической наукой. Последняя, перейдя от жанра жизнеописаний и политически событий к исследованию истории народов, стала помимо своей воли способом формирования нового качества исторической памяти, на основе которой и осуществлялось трансцендирование национального государства. Конструировать историю пытались и при построении либеральной политико-правовой доктрины, одной из исходных посылок которой стал миф о договорном происхождении государства (это миф в полном смысле этого слова, поскольку ничего подобного в истории никогда не было). XVII столетие – это еще переходный период от традиционного общества к модерну, поэтому здесь, с одной стороны, работает логика предшествующей культуры (чисто мифологического конструирование), а с другой – ярко выражена характерная для модерна особенность использования исторической памяти для создания идеологий. Эта особенность заключается в том, что при конструировании тех или иных социальных представлений в модерных обществах исторической памяти служит в качестве предпосылки построения социально-политических нарративов.

Общества модерна имели историческую память в качестве исходного тезиса обоснования своего существования. От мифа о договорном происхождении государства оттолкнулся либерализм. Национализм обнаруживал национальное единство в прошлом. Марксизм видел в проектируемом социально-политическом устройстве завершение исторического процесса борьбы эксплуатируемых с эксплуататорами. Таким образом, если традиционное общество «погружено» в историческую память, то *общество модерна опирается на историческую память, отталкивается от нее*. Именно этот тезис снимает противоречие между важной ролью исторической памяти в обществе модерна и устремленностью этого общества в будущее. Основываясь на исторической памяти, общества модерна выстраивали своеобразный линейный график, соединявший прошлое, настоящее и будущее. Проиллюстрировать процесс, когда историческая память служит предпосылкой, от которой отталкиваются при конструировании социальной реальности, можно при помощи высказываний современных строителей национального государства в Украине (здесь нет никакой иронии, это стандартный процесс, через который проходили многие народы). На круглом столе «Каким должен быть современный учебник по истории Украины», который был организован Комитетом Верховной Рады Украины по вопросам науки и образовании и проходил 19 мая 2010 г. профессор Ю.И. Шаповал высказал следующее мнение: «Чтобы легитимизовать понятия «независимая («незалежна») Украина», «Украинское государство», в публикациях историков, особенно в учебниках по истории, при описании определенных эпох, событий и людей, должны

---

[1] Альтерматт У. Этнонационализм в Европе /пер. с нем. С.В. Базарнова. М., 2000. С.140-141.

[2] В 1559 г. будущий епископ Лондона Джин Эйомер провозгласил, что Бог – англичанин и призвал своих соотечественников семь раз в день благодарить Его, что они родились англичанами (Лурье С.В. Историческая этнология: учебное пособие для вузов. М., 1997. С.297).

приводиться доказательства существования собственной (власної) истории, которая корнями уходит в древность (старовину)». А председатель Института национальной памяти И.Р. Юхновский заявил, что «Историческую память делает власть. Цель исторической памяти – консолидация украинского народа и создание украинской политической нации»[1]. Эти высказывания с очевидностью показывают, что Историческая память выступает как исходная предпосылка «легитимизации понятия» и «консолидации народа». В целом эти высказывания соответствуют характеристикам исторической памяти модерна, но одновременно своей откровенностью они демонстрируют изменение роли и места исторической памяти в современных обществах, культура, системы социального взаимодействия которых уже по многим параметрам отлична от классического модерна, но для которых в социологической мысли еще не выработан общепринятый термин. Пользуясь терминологией У. Бека, современное общество можно обозначить как *Второй модерн.*

Для понимания изменения характеристик исторической памяти необходимо обратится к существенным признакам социокультурных трансформаций современности. Их подробный анализ требует отдельного исследования. Мы же здесь их только перечислим, применительно к исследуемой проблематике.

Во-первых, это *кризис метатеорий социальной и политической жизни*: уже не имеют решающего значения концептуализированные предписания, какие в прошлом предоставляли индивиду религиозные и мифологические системы, метанарративы либерализма и марксизма. Бауман видит сущность эпохи постмодерна в переходе от *«законодательного»* разума к *«интерпретирующему»*[2]. Конечно, данный процесс можно оценивать как некое восхождение. Но более точным будет понимание, что выход на первый план интерпретации есть следствие утраты метанарративов, дававших в прошлом полное понимание всех социальных, политических, экономических процессов и явлений.

Во-вторых, в результате вышеизложенного, *у членов современных обществ нет однозначного представления о функциях политической власти, ее роли в жизни общества.* В свою очередь, политическая власть на рубеже тысячелетий все менее и менее чувствует себя обязанной обществу. Главным направлением ее деятельности в сфере установления контактов с обществом стали *различные манипулятивные технологии.* Борьба идей исчезла, а пришедший ей на смену конфликт интерпретаций открывает дорогу манипуляциям. Как осуществление власти, так и отношение людей к государству, политическим силам становится реактивным. Неопределенность социальной и политической жизни, отсутствие четкой картины развития, изначально заданных врагов и союзников порождают реактивное социально-политическое бытие.

В-третьих, это *изменение отношения ко времени.* Политическое сознание модерна четко структурировало прошлое и было нацелено в будущее. Настоящее было лишь этапом. В ситуации резкого усложнения текущих событий, в условиях, когда в прошлом стало невозможно разобраться и дать общепринятую оценку историческим фактам, когда будущее неопределенно и пугает, настоящее становится, как подчеркивает К. Монгардини, привилегированной территорией[3].

В-четвертых, *значительно изменились функциональные характеристики современного государства.* А. Турен справедливо утверждает, что современное государство воспринимается не как «агент интеграции действующих лиц общества», а скорее как руководитель предприятия, верховный бюрократ[4]. Ослабление значимости государственной власти в условиях

---

[1] «Яким має бути сучасний підручник з історії України». Круглий стіл з цього питання було організовано Комітетом Верховної Ради України з питань науки і освіти 19 травня 2010 р. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://lb.ua/article/society/2010/05/26/46211_yakim_maie_buti_suchasniy.htm

[2] Бауман З. Философия и постмодернистская социология // Вопросы философии. 1993. №3. С.47.

[3] Монгардини К. Культура настоящего: изменение отношений в эпоху позднего модерна // Социологический журнал. 1995. №2.

[4] Турен А. Возвращение человека действующего / пер. с фр. Е.А. Самарской]. М., 1998. С.47.

глобализации привело к тому, что люди столкнулись с неопределенностью чувств преданности, лояльности, идентичности[1].

В-пятых, *трансформировалась социальная структура, которая уже не разделена четко на страты и классы, а представляет собой причудливую мозаику множества групп и субкультур*. В такой ситуации исчезает четко выраженное групповое сознание – оно становится ситуативным, индивид одновременно входит во множество социальных групп и, соответственно, в его сознании одновременно присутствуют различные и даже противоречащие друг другу установки. Как указывалось выше, историческая память в эпоху модерна была составляющей различных метанарративов. Распад последних привел к тому, что историческая память не встроена в них в качестве фундамента. Соответственно *историческая память*, как и остальные элементы социальной, политической культуры современных обществ, *является реактивной и ситуативной*, она легко становится частью манипулятивных технологий. Те или иные ее составляющие легко извлекаются на свет при необходимости, вызванной изменчивым ходом обстоятельств.

Если в рамках модерной исторической памяти подразумевалось, что славное прошлое обусловливает не менее славное настоящее и будущее, то отсутствие в современной картине мира такой однозначной связи, приоритет задач настоящего позволяет полностью *подчинить историческую память сиюминутным проблемам*. Понятно, что и ранее историческую память извлекали на свет целесообразно, но она использовалась для решения глобальных проблем национального строительства, обоснования территориальных претензий, мобилизации масс на решение важных задач. Примером такого манипулятивного обращения с прошлым, подчинение его сиюминутным проблемам является то, как греки в ситуации кризиса весны 2010 г., в ответ на упреки собратьев по Евросоюзу в том, что греческие граждане явно живут не по средствам, быстренько припомнили европейцам значимость достижений своих античных предков для современной европейской цивилизации. Среагировали и оправдались. Блестящий ход с точки зрения пиартехнологий. Но какое отношение имеет неэффективность греческой экономики и государственного управления к деятельности и идеям Солона, Перикла, Аристотеля? Может наоборот, современным грекам должно быть стыдно, что они, говоря словами Т. Шевченко, «плохие правнуки славных великих прадедов»? Однако задаваться такими вопросами в современном мире не принято, сейчас главное – правильно среагировать на ситуацию. С точки зрения модерновой исторической памяти великое прошлое Греции должно было обеспечить достойное настоящее. Но в обществе потребления историческая память стала товаром, разменной монетой, которую легко можно использовать на рынке политических манипуляций. Результатом усложнения социальной структуры стала *плюрализация исторической памяти* в рамках прежде однородных обществ. Сохранение важной роли исторической памяти связано с ростом значимости меньшинств, субкультурных групп, гендерной проблематики. Борющиеся за свои права группы, движения ищут истоки легитимности в истории. П. Нора называет в числе причин *«расцвета памяти»* «демократизацию» истории. Под этим он подразумевает «мощное движение освобождения и эмансипации народов, этносов, групп и даже отдельных личностей в современном мире. Речь идет о быстром возникновении разнообразных форм памяти меньшинств, для которых отвоевание собственного прошлого является необходимой составляющей утверждения собственной идентичности»[2]. Для национальных меньшинств это обычное дело, однако сейчас нередкими стали попытки *переконструирования истории*, например, с точки зрения гендерного неравенства. Яркий пример такого подхода – обнаружение американским археологом М. Гимбутас[3] матриархального устройства в неолитической Европе, разрушенное в результате вторжения кочевников-индоевропейцев, для которых, наоборот, свойственен ярко выраженный патри-

---

[1] Фергюсон Й. Глобальное общество в конце двадцатого столетия // Международные отношения: социологические подходы. М.1998. С. 195–221.

[2] Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3 (40–41). [Электронный ресурс] Режим доступа.: http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html.

[3] Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: Мир Древней Европы /пер. с англ. М.С. Неклюдовой. М., 2006.

архат. М. Гимбутас не просто обосновывает наличие матриархата в Древней Европе, но и постоянно проводит в своей работе идею, что под руководством женщин неолитические сообщества Европы 5-4 тысячелетий до н.э. (культуры Винча, Бутмир, Триполье-Кукутени и др.) достигли значительного экономического процветания, успехов в искусстве и социальной гармонии. Вторжение патриархальных индоевропейцев, наоборот, привело цивилизацию Древней Европы к упадку. Можно найти и множество других примеров конструирования ИП для обоснования особых прав и статусов разнообразных меньшинств. Результатом этого стала *резкая плюрализация исторической памяти*, делающая невозможным создание последовательных и общепринятых мемориально-исторических конструктов. Приветствуя неоднородность социальной структуры общества Второго модерна, создают принципиально *плюралистичное пространство исторической памяти*. Если в классическом модерне существенные разногласия в области интерпретации истории подавлялись, то, например, политика мультикультурализма фактически означает право на сосуществование и равную ценность различных версий исторической памяти. Это приводит к тому, что она приобретает относительные характеристики: *историческая истина заменяется исторической правдой, которая, как известно, у каждого (каждой культурной группы) своя*. Постоянное соприкосновение с иной исторической памятью имеет следствием утрату уверенности в своей. В такой ситуации устойчивость исторической памяти определяется уже технологическим воздействием. Другим следствием плюралистичности пространства исторической памяти является возникновение конфликтов в этой сфере, чему мы в Украине являемся свидетелями. *Ослабление государства привело к тому, что оно перестало быть основным актóром формирования исторической памяти*. Это характерно для молодых государств, где отсутствует *инерция* созданной в прошлом исторической памяти. Украина – классический пример такого плюрализма. Даже современная Россия с ее вертикалью и прочими властными достопримечательностями не может прийти к согласию в области интерпретации истории. В начале 2010 г. журнал «Форбс» составил десятку лучших профессий на американском рынке труда в 2010 г.[1] Интересно, что в список лучших вошла профессия историка, соседями которой оказались профессии, также имеющие непосредственное отношение к научной деятельности: биолог и математик. То, что историк в оценке американских экспертов равноценен специалистам, деятельность которых имеет прямое практическое применение, демонстрирует значение истории. Скорее всего, это значение и *связано с возможностью при помощи исторического знания воздействовать на человеческие сообщества. Историческая память стала использоваться как некое концептуальное оружие, задачей которого может быть конструирование или деконструирование социальных общностей.* Глобализация имеет еще одно следствие для исторической памяти. Если ранее она была *герметична* в рамках одного государства, то *открытость современных информационных потоков, миграции, когда люди, воспитанные в рамках одной исторической памяти, вынуждены жить в пространстве другой,* привели к тому, что *возникла потребность согласования историй взаимодействующих обществ.* Отсюда идея создания учебников истории, которые не вызывали бы идиосинкразии у носителей другой исторической памяти. Чем закончится этот процесс пока непонятно, однако вряд ли следует ожидать радикальных трансформаций исторической памяти различных обществ, ее полного согласования. Скорее всего, просто появятся новые варианты исторических конструктов и плюрализм исторической памяти только усилится. Современное состояние исторической науки и квазинаучные построения предлагают потребителю набор исторических смыслов, из которых он может выбрать то, что необходимо в конкретной ситуации.

Историческая память Второго модерна в чем-то напоминает традиционное общество – она постоянно присутствует в социально-политическом дискурсе и касается разнообразных проблем. Однако современность уже не погружена в историю, а потребляет ее, удовлетворяя сиюминутные потребности. Таким образом, в обществах, расставшихся с модерном, историческая память является не средой, в которой осуществляется социально-политическая дея-

[1] FORBES: ТОП-10 лучших и худших профессий [Электронный ресурс] Режим доступа: http://ua-reporter.com/novosti/77788

тельность и не ее концептуальный фундамент. Историческая память в современном мире – это легко трансформирующийся инструмент, своеобразный «софт», инсталлируемый в те или иные институты в зависимости от актуальных потребностей. Наблюдая рост значимости исторической памяти в социальном и политическом дискурсе, мы должны понимать, что в значительной степени он связан с попытками манипуляции общественным мнением, с отсутствием у его трансляторов иных аргументов. Сталкиваясь с конкретными проявлениями использования исторической памяти необходимо задавать себе вопрос – с какой целью это делается?

А. Ластовский к.соц.н. (ИС НАН Беларуси, Минск)

Между советским прошлым и национальной перспективой: особенности исторической памяти жителей современной Беларуси

Согласно исследованиям социологов, для большинства постсоветских обществ характерна острая необходимость переосмыслить свое прошлое. Так, историческая память жителей современной Беларуси крайне неоднородна: с одной стороны, она сложилась на основе официального образа истории, много лет насаждавшегося советской властью. С другой стороны, уже в независимой республике советский образ истории претерпел бурные трансформации, что вызвало у населения всплеск интереса к своему прошлому и желание «переписать» всю историю белорусского государства.

Особенно острая необходимость переосмысления своей истории и поиска общей перспективы возникает в государствах, которые претерпевают радикальные трансформации в своем социокультурном развитии. В качестве примера можно привести новые государства в Восточной Европе (в том числе Беларусь), где распад советского образа истории потребовал *пересмотра и переопределения национального исторического нарратива, поиска объединяющих способов осмысления своей истории.* Каковы же особенности исторической памяти жителей Беларуси, которые сложились в результате длительного упорядочивания официального образа истории советскими властями и бурных трансформаций описаний прошлого уже в независимой республике.

Исходной в анализе является теоретическая рамка исследований памяти, распространенная в современном социальном знании, где *историческая память рассматривается как представления о прошлом, которые подтверждают для членов общества их коллективную идентичность и символически обозначают их единство во времени и пространстве благодаря созданию общей истории.* Соответственно, и сама историческая память нами рассматривается в тесной связке с формированием и воспроизведением национальной идентичности. Вместе с тем существование множества трактовок и версий в междисциплинарном пространстве исследований памяти (весомым свидетельством чему является и разнообразие используемой терминологии – *«коллективная память», «социальная память», «историческая память», «культурная память»*) предполагает необходимость уточнить избранный теоретический подход. Наиболее продуктивным в данном контексте представляется использование общего термина *«историческая память»*, отсылающего ко всей совокупности представлений о прошлом. При этом для аналитических целей необходимо *выделение нескольких уровней исторической памяти, обусловленных дискурсивной стратификацией социума.*

Прежде всего, стоит отметить *уровень памяти, который формируется властным дискурсом и представляет собой кодифицированный набор описаний, идей и образов прошлого.* Здесь очевидна параллель с *концепцией культурной памяти Я. Ассмана* как «коллективного концепта для всего знания, которое определяет поведение и опыт в интерактивной рамке общества и которое передается через поколения в повторяющихся социальных практиках и инициациях»[1]. Культурная память характеризуется дистанцией от повседневности. У нее есть фиксированные точки, в которых прошлое сворачивается в символические фигуры, к которым прикрепляются воспоминания. Как пишет Ассман, память о судьбоносных собы-

[1] Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 44.

тиях прошлого укрепляется с помощью культурных формаций (тексты, ритуалы, монументы) и институциональной коммуникации (повторение, практика, соблюдение). В современном обществе важнейшими институтами трансляции культурной памяти выступают институт образования (чаще всего непосредственно контролируемый государством) и средства массовой информации.

Другой уровень исторической памяти формируется в результате инкорпорации и усвоения культурной памяти в массовом сознании, это обыденные представления о прошлом, зачастую фрагментарные и противоречивые. Здесь вполне рациональным выглядит предложение И.М. Савельевой и А.В. Полетаева воспользоваться терминологией французского социолога С. Московичи и употребить для категоризации данного уровня исторической памяти определение «социальные представления о прошлом»[1].

И наконец, *третий уровень в исторической памяти вновь может быть связан с подходом Я. Ассмана, который ввел различие между коммуникативной и культурной памятью, связанное «с различием между повседневностью и праздником, между профанным и сакральным, между эфемерным и прочно-обоснованным, между частным и общим»*[2]. Повседневная коммуникация характеризуется высокой степенью тематической нестабильности, обоюдностью ролей и неорганизованностью. В такой коммуникации каждый индивид формирует память, которая социально опосредована и соединяет индивида с группой. Наиболее важная характеристика коммуникативной памяти – это ограниченный временной горизонт, который с течением времени постоянно смещается. Два вышеупомянутых уровня исторической памяти отсылают к восприятию прошлого, опосредованному через институциональные каналы, а коммуникативная память – к личному опыту прошлого. Наиболее связными и целостными предстают нарративы прошлого, которые формируются как индивидуальные биографии либо как семейные предания.

Стоит отметить, что все эти уровни разделяются только аналитически, в социальной практике они взаимосвязаны. Например, даже рассказ о личном травматическом опыте повседневной жизни в период войны не может быть полностью дифференцирован от тех представлений, которые циркулируют в культурной памяти. Эта взаимосвязь обязательно должна учитываться при проведении соответствующих исследований.

Изучение каждого из выделенных уровней предполагает и использование различного методологического инструментария. Так, наиболее приемлемыми методами для изучения *культурной памяти, по нашему мнению, будут дискурс-анализ и контент-анализ,* тогда как социальные представления о прошлом вполне могут исследоваться с помощью опросов общественного мнения. Для изучения же коммуникативной памяти несомненным преимуществом обладает методология устной истории. Уточним, что в рамках данной статьи мы будем анализировать в первую очередь именно второй уровень исторической памяти, т. е. социальные представления о прошлом, опираясь на результаты различных опросов общественного мнения. Но при этом все равно приходится учитывать и описывать дискурсивное пространство знания о прошлом в Беларуси.

Естественно, что общие представления о прошлом могут происходить из различных источников. Это может быть и устная память, передаваемая в рамках семьи из поколения в поколение, или коммуникативная память различных социальных групп.

Но при формировании исторической памяти о прошлом народа главенствующую роль занимают все же официальные институты – система образования, СМИ, музеи и архивы и т.д. Поэтому *дискурс исторической памяти чаще всего политизирован*, он обусловлен конфигурацией актуальных политических интересов. Соответственно, смена курса государственной политики приводит к тому, что история переписывается, а социальные представления о прошлом подвергаются трансформации. Так, главной задачей дискурса исторической па-

---

[1] Савельева И.М., Полетаев А.В. Обыденные представления о прошлом: теоретические подходы // Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории / Ред. Л.П. Репина. М., 2008. С.50–76.

[2] Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 44.

мяти в советский период было создание общей истории «советского народа» с акцентированием классовых интересов низших социальных страт. После 1991 г. молодое белорусское государство столкнулось с проблемой формирования национальной исторической памяти, что потребовало радикальных изменений в системе образования[1] и вызвало оживленный интерес к различным вопросам белорусской истории на страницах прессы. Содержание и значения официального дискурса памяти на протяжении всего нескольких лет (1989–1991 гг.) полностью изменились, но коллективное сознание не поддается такой легкой ломке. *В коллективных представлениях о прошлом наслаиваются как актуальные идеологемы, так и обломки, остатки прежних постулатов, которые ушли с поверхности публичного дискурса, но остались в сознании социальных групп.* Поэтому в качестве рабочей гипотезы нами выдвигалось предположение, что *историческая память* жителей Беларуси *не выступает некой гомогенной целостностью,* она имеет свою специфику, в первую очередь, среди различных возрастных групп, что обусловлено сменой образовательных парадигм в советское и постсоветское время.

В основу работы положены материалы специального социологического исследования, проведенного сектором социальной и этнической психологии Института социологии НАН Беларуси в июне 2008 г. (республиканская репрезентативная выборка – 1147 респондентов, анкетный опрос). Для подтверждения этих данных мы будем также ссылаться на результаты исследования «Восприятие населением новых независимых государств истории и постсоветского периодов», проведенного в апреле-мае 2009 г. в рамках проекта «Евразийский монитор» на территории постсоветских государств (в Беларуси за осуществление этого исследования отвечала социологическая лаборатория «Новак»). Также будут использоваться результаты исследования «Национальная идентичность белорусов: кто мы и какими будем?», осуществленного летом 2009 г. социологической лабораторией «Новак» в кооперации с Белорусским институтом стратегических исследований и инициативой «Будзьма».

Мы остановимся на анализе трех индикаторов исторической памяти: *истоки белорусской государственности; выделение ключевых событий в истории Беларуси (как вызывающих гордость, так и горечь и стыд); оценка важнейших исторических персоналий*[2]. При обработке ответов на открытые вопросы каждый уникальный вариант ответа рассматривался как категория. Количество упоминаний каждой категории могло существенно отличаться, категории могли быть как уникальными, т. е. упоминаться 1 раз, так и достаточно распространенными, упоминаться множество раз (например, «Победа в ВОВ»). *Категории, близкие по своему семантическому значению, объединялись в общие темы.*

В первую очередь обратимся к проблеме истоков белорусской государственности. Каждое национальное государство пытается утвердить себя в истории, представить свои истоки уходящими далеко в прошлое, что повышает статус значимости национальной идентичности. Соответственно, история любой нации представляется уходящей в глубокую древность, при этом национальная история обычно имеет свой «золотой век» и эпоху упадка. Такие построения подвергаются деконструкции со стороны современных исследователей национализма, которые утверждают, что современные нации – это явление эпохи модерна, они появляются в Европе только в период Великой французской революции[3].

Соответственно, и белорусская нация (именно как «модерная» нация) возникла лишь в XIX в. Но уже первые попытки написать историю Беларуси в конце этого столетия выводили истоки белорусской государственности к эпохе Полоцкого княжества. Великое Княже-

---

[1] См.: Ліндэр Р. Гісторыкі і ўлада. СПб., 2005. С. 437–445. Гл. «Школьныя падручнікі: перагляд і новая цэнзура».

[2] Для того чтобы более детально и полно выявить особенности и противоречия исторической памяти среди жителей Беларуси, был использован список различных исторических деятелей, респондентам предлагалось оценить их вклад в историю Беларуси по шкале «положительно/противоречиво/отрицательно». В опросе также использовались фигуры исторических деятелей, позаимствованные из более широкого исторического контекста (российского или советского), но оказавшие самое непосредственное влияние на ход истории Беларуси.

[3] Более подробно см.: Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004.

ство Литовское в первых националистических исторических нарративах соответствовало мифологеме «золотого века» для белорусского народа[1]. В марте 1918 г. белорусскими националистами была предпринята попытка создания независимого государства – Белорусской Народной Республики, впрочем, не увенчавшаяся успехом.

Позже в советские времена националистическая версия белорусской истории была пересмотрена (в том числе «благодаря» репрессиям среди историков), а период Полоцкого княжества был вписан в контекст существования Киевской Руси и древнерусской народности. Великое Княжество Литовское рассматривалось как государство литовских феодалов. Возникновение ВКЛ описывалось следующим образом: «Литовские князья, воспользовавшись тяжелой борьбой русского народа с татаро-монголами на востоке и немецкими агрессорами на западе, стали подчинять своей власти западные земли Руси… Этим было положено начало созданию Литовского государства. Образование его определялось интересами литовских феодалов, которые хотели укрепить свое господство над литовским крестьянством и упрочить свою власть в соседних землях Руси»[2].

Особое значение придавалось включению белорусских земель в состав Российской империи, но фактически в советской исторической науке утверждалось, что полноценное существование белорусская нация получила только в форме Белорусской Советской Социалистической Республики[3]. Естественно, такая концепция развития белорусской государственности была радикально пересмотрена после распада Советского Союза. В исторической науке и затем в системе образования вновь возобладали взгляды, возводящие истоки белорусской государственности к временам Полоцкого княжества, а «золотым веком» снова стал период Великого Княжества Литовского. Но такой националистический ренессанс в преподавании истории во второй половине 1990-х гг. в результате исторической политики президента Беларуси А. Лукашенко вновь сменился реактивацией советских исторических мифологем, в том числе и «БССР как первого белорусского государства». Как мы подчеркивали, такие резкие смены в дискурсе исторической памяти должны были закономерно повлечь «разнобой» в коллективных представлениях. Вопрос об истоках белорусской государственности, заданный в ходе проведенного исследования, выявил отсутствие единства мнений в общественном сознании по этому вопросу.

Итак, мы видим, что единства мнений по этому поводу не наблюдается. Следует выделить следующие существенные моменты: (1) для значительного числа респондентов оказалось затруднительным ответить на данный вопрос; (2) преобладают все же мнения, которые возводят историю Беларуси к далекому историческому прошлому (Полоцкое княжество, Великое Княжество Литовское).

В соответствии с нашей гипотезой, у представителей старшего поколения должны были бы преобладать взгляды, сформированные при советской образовательной системе, где первым белорусским государственным образованием считалось БССР.

Далее мы рассмотрим различия в оценке генеалогии белорусской государственности среди различных возрастных групп (уже основываясь только на данных исследования Института социологии НАН Беларуси). Действительно, люди в возрасте старше 50 лет более склонны отдавать предпочтение именно БССР как первому белорусскому государству (15%), чем респонденты более молодого возраста (5%). Но при этом представители старших возрастных групп также предпочитают возводить генеалогию белорусской государственности к Полоцкому княжеству или к периоду Великого Княжества Литовского. Таким образом, в этом вопросе существенных линий разрыва во взглядах на историческую память между различными возрастными группами выявить не удается.

---

[1] См.: Ліндэр Р. Гісторыкі і ўлада. СПб., 2005. С. 437–445. Гл. «Школьныя падручнікі: перагляд і новая цэнзура».

[2] См.: История Белорусской ССР. Минск, 1961. Т.1).

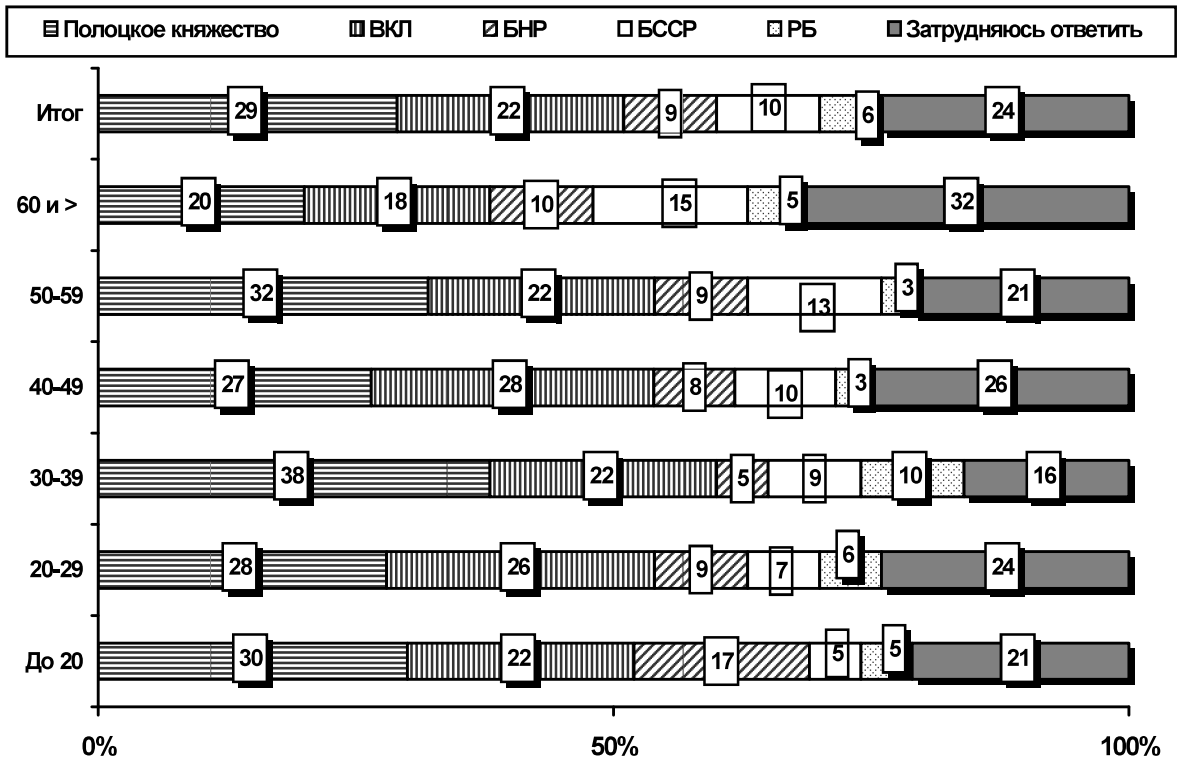
[3] Утварэнне БССР мела вялікае гістарычнае значэнне. Упершыню за шматвяковую гісторыю беларускі народ набыў сваю дзяржаўнасць» (Абецадарскі Л.С., Баранава М.П., Паўлава Н.Г. Гісторыя БССР: Вучэбны дапаможнік для вучняў сярэдняй школы. Минск, 1961. С. 126).

Таблица 1.

Истоки белорусской государственности по мнению жителей Республики Беларусь (в % от числа опрошенных в каждом исследовании)[1]

исследования	Полоцкое княжество	ВКЛ	БНР	БССР	РБ	Затрудняюсь ответить
Институт социологии (июнь 2008)	29	22	9	10	6	24
«Новак» (лето 2009)	18	38	5	12	9	18

Рис.1. С какого периода начинается, по Вашему мнению, история белорусской государственности?



Представления о прошлом жителей Беларуси мы покажем с помощью группировки по историческим периодам. Выделяются следующие исторические периоды: *современная история*, хронологические рамки которой располагаются от обретения Республикой Беларусь независимости и до нынешнего момента; *история советского периода*; *история до начала XX столетия* (т.е. история до Октябрьской революции 1917 г.). Вместе с тем эту периодизацию приходится скорректировать с помощью выделения отдельного топоса Великой Отечественной Войны, поскольку восприятие этого события является чрезвычайно важным для сознания жителей Беларуси. Многие исследователи отмечали, что комплекс представлений о Великой Отечественной войне является наиболее значимым для становления белорусской национальной идентичности[2]. Центральность именно этого события для исторической памяти присуща многим европейским странам. «Сегодня переоценка прошлого – Второй мировой войны, оккупации, коллаборационизма и Сопротивления – входит

[1] В исследовании «Национальная идентичность белорусов: кто мы и какими будем?» в закрытом вопросе первый вариант был сформулирован несколько иначе: «Полоцкое и Туровское княжество».

[2] См.: Rudling P. «For a Heroic Belarus!»: The Great Patriotic War as Identity Marker in the Lukashenka and Soviet Belarusian Discourses // Sprawy Narodowosciowe (Nationalities Affairs). 2008. № 32. P. 43–62; Марплз Д., Падгол У. Палітыка новай памяці ў другой расійскамоўнай дзяржаве // ARCHE. 2008. № 11. С. 91–100.

в число главных тем публичного дискурса всех европейских обществ». Вместе с тем осмысливается эта война в различных странах по-разному[1].

Но даже при такой общей для европейских стран «одержимости войной» белорусский случай выглядит особым. Наиболее близкие параллели в памяти о ВОВ существуют с современным российским обществом. Для наших стран эта война по-прежнему «отечественная», а не «мировая», началась она в 1941-м г., а не в 1939-м, да и празднуем победу мы 9-го мая, а не 8-го, как во всем остальном мире[2].

Легко заметна значительная доля преемственности между образом войны, который артикулируется в государственном дискурсе современной Беларуси, и тем, как Великая Отечественная война использовалась для легитимации коммунистической власти. «Война с ее многочисленными реальными и мифическими проявлениями героизма и жертвенности представляла собой замечательный материал для создания патриотических символов и образцов коллективной памяти. Более того, общая борьба советских народов давала возможность, не игнорируя, а скорее наоборот, акцентируя внимание на местной специфике, создавать модель общего патриотизма – общей советской идентичности. Таким образом, миф о Великой Отечественной войне, базовую основу которого составляли идеологемы о морально-политическом единстве советского общества, о руководящей роли коммунистической партии, о единстве партии и народа, фронта и тыла, о пламенном советском патриотизме и массовом героизме, о дружбе народов и тому подобное, призван был сыграть особую роль в единении советского общества»[3].

Память о войне продолжает активно воспроизводиться и в современном белорусском обществе, где для ее трансляции активизированы практически все возможные каналы культурной политики. Особое внимание формированию патриотического воспитания с помощью героических примеров времен Великой Отечественной войны уделяется в системе образования[4]. Медиакультура также переполнена материалами, отсылающими к этому событию, особо стоит упомянуть постоянные трансляции фильмов о войне на телевидении, некоторые из них пользуются неувядающей массовой популярностью (например, сериал «Семнадцать мгновений весны»). Киностудия «Беларусьфильм» еще в советский период получила неофициальное название «Партизанфильм», и по-прежнему тема войны доминирует в белорусском кинопроизводстве. Также стоит отметить, что важнейшие государственные праздники в Республике Беларусь – День Независимости и День Победы – непосредственно связаны с триумфальными моментами периода Великой Отечественной войны. Поэтому совершенно неудивительным выглядит тот факт, что, по результатам социологического исследования, наиболее значимым событием в истории Беларуси, которым можно гордиться, выступает победа в Великой Отечественной войне.

Вместе с тем можно говорить о том, что белорусский образ войны отличается от советского и имеет свою специфику, которая начала складываться еще в СССР. Во-первых, отмечается огромное число жертв среди белорусского народа, который приобретает статус не только *народа-героя, но и народа-мученика*, чья победа в войне была оплачена трагической ценой (этому способствует постоянное воспроизведение риторической фигуры о каждом четвертом белорусе, погибшем во время войны). Во-вторых подчеркивается исключительная заслуга именно белорусского народа в победе над фашизмом, при этом особую роль играет так называемый *«партизанский миф»*. Постепенно *уходит в тень «советский народ как победитель фашизма», и это почетное место занимает белорусский народ.* Великая Отечественная *война предстает в сознании белорусов событием трагическим*

---

[1] Вельцер Х., Ленц К. Поколение дедов в Европе // Отечественные записки. 2008. № 5. С. 12; Требст Ш. Может ли «1945 год» стать общеевропейским местом памяти? // Отечественные записки. 2008. № 5. С. 23–32.

[2] Дубин Б. «Кровавая война» и «великая» победа // Отечественные записки. 2004. № 5. С. 68–84.

[3] Гриневич В. Расколотая память: Вторая мировая война в историческом сознании украинского общества // Неприкосновенный запас. 2005. № 40–41.

[4] См.: Смалянчук А. Школьны падручнік гісторыі Беларусі як «месца памяці / месца забыцця» пра Другую Суветную вайну // Homo Historicus. Гадавік антрапалагічнай гісторыі. 2008. С. 370–383.

(«первый самый страшный удар в Великой Отечественной войне приняла на себя Беларусь»), как некое страшное испытание, доказывающее право народа не только на существование, но и на всеобщее уважение, *и вместе с тем героическим.* С другой стороны, у Великой Отечественной войны есть и негативные стороны – тяжелые потери, провальное начало войны, период оккупации и связанная с этим проблема коллобарационизма, да и само партизанское движение в неофициальной памяти, транслируемой преимущественно по семейным каналам в белорусской деревне, характеризуется вполне неоднозначно[1]. Эти негативные моменты остро обсуждались в СМИ в конце 1980–начале 1990-х гг., но в последнее время практически исчезли из публичного дискурса в Беларуси.

Таким образом, память о победе в Великой Отечественной войне среди жителей Беларуси является достаточно целостной и не вызывающей противоречивых интерпретаций. В массовом сознании она представляется тяжелым испытанием для белорусского народа, проявившего в этот период невиданный героизм, что можно расценивать как неоценимый вклад в победу над фашизмом. Эти социальные представления о прошлом полностью согласуются с тем образом войны, который функционирует в государственном дискурсе[2]: «Скажите, какое самое великое достояние нашего народа, за которое просто в ноги надо ему кланяться? Это победа над фашизмом... На алтарь победы в той войне мы положили миллионы людей. И самым свободолюбивым и честным народом был белорусский народ. Да, у нас были факты предательства. Но это были единичные факты. Наш народ сражался честно и гордо».

Стоит отметить, что при этом актуализируется связь прошлого и настоящего. Победа в войне – достояние народа, которым можно и нужно гордиться в наши дни. Это способствует выработке устойчивой положительной эмоциональной связи с национальной общностью, чей вклад в историю столь героичен. Упрощенность и непротиворечивость этого образа лишь способствуют его более успешному закреплению в массовом сознании. Можно согласиться, что историческая память о Великой Отечественной войне является ключевой для формирования белорусской национальной идентичности, наиболее устойчивым и артикулированным комплексом в представлениях о прошлом жителей Беларуси. При этом акцентирование внимания некоторых авторов на преемственности советского мифа о войне не позволяет увидеть, что в современной Беларуси память о войне наполнена иным содержанием: укреплению национальной идентичности способствует концентрация риторики на роли белорусского народа в победе
над фашизмом.

Наиболее разнообразным и насыщенным в представлениях о прошлом жителей Беларуси является топос, формируемый событиями современной истории. В нем можно выделить несколько важных тем, которые вызывают у жителей страны гордость.

Некоторые из них получают выраженную положительную интерпретацию:

- достижение независимости, которое, по мнению жителей Беларуси, уступает по значимости в истории страны лишь победе в войне;
- строительство новых сооружений, среди которых респонденты отмечают возведение Национальной библиотеки и ледовых дворцов. Есть и негативные реакции на масштабные стройки («строение дворцов и спортивных сооружений, когда население живет в бедности», «помпезность в строительстве»), но они менее распространены (всего лишь 4 ответа);
- спортивные достижения, при этом особо выделяют победы хоккейной сборной («победа белорусов над шведами в хоккее», «4-е место на ЧМ по хоккею») и победу Юлии Нестеренко на Олимпийских играх («белорусская бегунья, которая выиграла на Олимпиаде», «победа Нестеренко над американской гегемонией»). Отметим, что в современном мире спортивные

---

[1] См.: Шаталава В. Цені вайны: паліцэйскія і партызаны ў памяці насельніцтва беларускай вёскі // Homo Historicus. Гадавік антрапалагічнай гісторыі. 2008. С. 384–389.

[2] Лукашенко А.Г. Исторический выбор Беларуси: Лекция Президента Республики Беларусь в Белорусском государственном университете, Минск, 14 марта 2003 г. Минск, 2003. С. 35–36.

достижения давно стали символом национальной гордости, способствуя сплочению общества и укреплению национальной идентичности[1];

- победы белорусских артистов на международном музыкальном конкурсе «Евровидение», в первую очередь победа К. Ситник на детском конкурсе и успешное выступление Д. Колдуна. Отметим, что в данном случае важно признание белорусской культуры в международном масштабе, что опять же способствует выработке положительной эмоциональной связи с национальной общностью. С другой стороны, неудачные выступления наших артистов вызывают горечь и стыд;
- различные фестивали, среди которых особо выделяется фестиваль «Славянский базар» в Витебске.

Таблица 2

Темы современной истории Беларуси, вызывающие у жителей страны гордость

Темы в исторической памяти жителей Беларуси	**Количество категорий**	**Количество ответов**
Достижение независимости	70	200
Строительство новых сооружений	34	76
Спортивные достижения	49	70
Победы на «Евровидении»	20	56
Фестивали	12	52
Экономическое благополучие	50	51
Президентское правление А.Г. Лукашенко	23	34
День независимости	4	32
Культурные достижения	18	19
Праздники	13	18
Научно-технические достижения	10	10

Но некоторые сферы современной белорусской жизни вызывают противоречивые реакции у жителей страны:

- социально-экономическая жизнь современной Беларуси. Жители страны отмечают как рост производства, так и связывают его непосредственно со своим благосостоянием. Стоит отметить, что порою жизненные стандарты белорусов выглядят очень скромно. Но среди ответов достаточно много и негативных оценок экономического развития, и жалоб на высокий уровень цен. Нужно учитывать, что опрос проводился еще до того, как на Беларуси сказались последствия мирового финансового кризиса;
- политическая жизнь, которая вызывает также много противоречивых интерпретаций. Итоги президентских и парламентских выборов у части населения вызывают гордость, другая же часть населения относит эти итоги к событиям, вызывающим горечь и стыд. Часто упоминаются и несогласия с репрессивными и жесткими мерами власти по отношению к оппозиционным силам (разгоны демонстраций, аресты и т.д.).

Определенные же темы практически присутствуют только среди событий, которые вызывают негативные чувства. В первую очередь это внешняя политика. Среди ответов нередко встречаются указания на сложность взаимоотношений как с Западом («непризнание западными странами», «Беларусь считается недемократическим государством», «конфликты с США», «никак не войдем в ЕС», «отсутствие Беларуси в Евросоюзе»), так и с Россией («несбыточность союза России и Беларуси», «неурядицы с Россией по поводу газа», «нефтяные конфликты с Россией»). Также одним из однозначно негативных событий в современной истории для жителей Беларуси стала отмена льгот[2].

---

[1] См.: Sport and National Identity in the Post-War World / Ed by A. Smith, D. Porter, L.; N. Y.: Routledge, 2004.

[2] В Беларуси в 2007 г. была проведена социальная реформа, резко сократившая число категорий граждан страны, которые могли пользоваться льготами; в частности льгот были лишены пенсионеры и студенты.

В списке исторических персоналий присутствовала и фигура А. Лукашенко как наиболее яркой личности в истории Беларуси современного периода. В отличие от других фигур из этого списка присутствие среди перечисленных лиц действующего президента РБ вызывает определенные методологические затруднения. А. Лукашенко является наиболее значимым лицом в актуальной политической жизни, поэтому представляется весьма затруднительным отделить оценку его роли в истории Беларуси от оценки политики, проводимой им на данном этапе. Впрочем, заданная формулировка вопроса и включение в контекст из других исторических деятелей позволяют в какой-то степени рассчитывать на получение оценки роли А. Лукашенко в истории Беларуси. Носит она преимущественно положительный характер (58%). 24% оценивают её как противоречивую, 8% – как негативную. 10% воздержались от оценки. Однако эта оценка достаточно дифференцирована. Наиболее высокую положительную оценку роли А. Лукашенко в истории Беларуси дают жители страны старше 60 лет – 67%; в то же время положительная оценка менее выражена у респондентов в возрасте от 20 до 29 лет – 47%. Таким образом, если комплекс представлений о Великой Отечественной войне в сознании жителей Беларуси однороден и стабилен, характеризуется устойчивым набором метафор и выражений, то современная история порождает богатство интерпретаций. Некоторые темы из актуальной истории (установление независимости, спортивные достижения, строительство новых сооружений, победы на «Евровидении») вызывают наименее спорное восприятие в массовом сознании и могут рассматриваться как способствующие консолидации и сплоченности белорусской нации. В то же время оценки социально-экономического и политического развития Республики Беларусь противоречивы и вряд ли могут служить каким-то объединяющим началом.

Данные исследования Института социологии НАН Беларуси свидетельствуют, что в плане выработки положительного образа прошлого советский период отмечен преобладанием акцентированной и выраженной памяти о победе в Великой Отечественной войне, в тени которой другие события этого периода становятся малозначительными.

Октябрьская революция была упомянута лишь один раз, и это при том, что в Советском Союзе революционный миф составлял одно из важнейших оснований общесоветской идентичности. Хотя и в нынешней Республике Беларусь 7 ноября является государственным праздником, но смысл и происхождение этого праздника уже практически заретушированы[1]. Примечательно, что этот процесс идет гораздо интенсивнее, чем в России. Если в 1989 г. Октябрьскую революцию относили к главным событиям века 62% россиян (2-е место после победы в войне), то в 2003 г. – 40% (4-е место)[2] .

Лишь несколько исторических событий из советского прошлого, помимо Великой Отечественной войны, упоминались респондентами как вызывающие чувство гордости.

Таблица 3

Темы советской истории Беларуси, вызывающие у жителей страны гордость

Темы в исторической памяти жителей Беларуси	**Количество категорий**	**Количество ответов**
Победа в Великой Отечественной войне	89	567
Восстановление после войны	10	12
Участие в освоении космоса	10	11
Участие в создании ООН	6	6
Жизнь в составе СССР	5	5
Объединение Западной Беларуси с БССР	5	5
Образование БССР	2	4

[1] По данным «Евразийского монитора», приход к власти Ленина и партии большевиков в 1917 г. положительно оценивают 31% респондентов, опрошенных в Беларуси, противоречиво – 26%, отрицательно – 25%, не дали ответ – 17%.

[2] См.: Дубин Б. Память, война, память о войне // Отечественные записки. 2008. № 4. С. 6–21.

Любопытно, что все эти события связаны непосредственно с местом Беларуси советской истории. Даже при упоминания освоения космоса акцент ставится не на первопроходческом полете Гагарина, а на участии именно белорусов в космических программах («белорусские космонавты», «космонавты Климук и Коваленок», «полеты в космос белорусов»). Общая же категория «жизнь в составе СССР» упоминается лишь 5 раз (при этом некоторые респонденты отсылают именно к периоду, «когда главой был Машеров»[1], что опять же указывает именно на белорусский контекст). Это свидетельствует о том, что история 1917–1991 гг. в массовом сознании белорусов воспринимается скорее не как прошлое советского народа, а именно как прошлое белорусского народа в советском государстве. Вместе с тем распад Советского Союза по-прежнему болезненно воспринимается частью населения Беларуси, особенно представителями старшего поколения, которые дают наиболее резкую отрицательную оценку деятельности М. Горбачева и С. Шушкевича. Среди негативных событий в истории Беларуси фигурируют и «распад СССР», «подписание Беловежского договора», «соглашение в Вискулях» (хотя справедливости ради нужно отметить, что эти же события также упоминаются и в числе тех событий, которые у жителей Беларуси вызывают гордость)[2].

Оценка роли важнейших исторических деятелей советского периода также является неоднозначной.

Таблица 4.

Оценка роли в истории Беларуси разных политических деятелей советского периода

Деятели	Опрос*	Положительно	Противоречиво	Отрицательно	Затрудняюсь ответить
Ленин	ИС	18	32	25	25
	ЕМ	39	29	23	9
Сталин	ИС	8	27	44	21
	ЕМ	19	18	55	9
Машеров**	ИС	68	7	3	22
Горбачев	ИС	11	34	31	24
	ЕМ	23	29	39	8

* В строках, помеченных ИС, приводятся данные исследования Института социологии НАН Беларуси в июне 2008 г., помеченных же ЕМ — данные «Евразийского монитора» в апреле-мае 2009 г.

** В материалах исследования «Евразийского монитора» присутствует только обобщенная оценка П. Машерова, впрочем, также подтверждающая, что население страны воспринимает его безусловно положительно.

Таблица 5

Оценка роли в истории Беларуси Петра Машерова среди различных возрастных групп жителей Беларуси (в % от числа опрошенных)

Оценка	**Возрастные группы**						**Итого**
	до 20	**20–29**	**30–39**	**40–49**	**50–59**	**> 60**	
Положительно	38	56	64	80	79	74	68
Противоречиво	18	12	7	4	4	5	7
Отрицательно	8	5	2	2	3	3	3
Не знаю	36	27	27	14	14	18	22

Как мы видим, лишь оценка роли Машерова является безусловно позитивной. Но наиболее положительно его роль оценивают жители Беларуси старше 40 лет, которые и застали период нахождения Машерова во главе белорусского правительства

[1] П. Машеров в годы войны был одним из лидеров партизанского движения, в 1970-е гг. был руководителем белорусской коммунистической партии, пользовался большой самостоятельностью и публичным признанием. При Лукашенко Машеров стал одной из наиболее раскрученных исторических фигур, поскольку отсылал как к положительному опыту советского прошлого, так и к «независимости» проводимой политики.

[2] По данным «Евразийского монитора», распад Советского Союза положительно оценивают 16% респондентов, противоречиво – 13%, отрицательно – 59%.

Для них положительная оценка этого исторического деятеля достигает 80%, но для младшего поколения (до 20 лет) эта фигура уже не является такой значимой, уровень положительной оценки падает практически в два раза (до 38%), зато более трети представителей этого поколения (36%) не готовы дать оценку роли этого исторического деятеля.

Таким образом, даже позитивное восприятие фигуры П. Машерова не является объединяющим фактором для социальных представлений о прошлом жителей Беларуси, поскольку оно присуще в первую очередь старшим поколениям и приводит к генерационному разрыву в исторической памяти.

Таблица 6

Темы в советской истории Беларуси, вызывающие у жителей страны горечь и стыд

Темы в исторической памяти жителей Беларуси	Количество категорий	Количество ответов
Чернобыльская катастрофа	17	184
Развал СССР	17	93
Великая Отечественная война	17	50
Сталинские репрессии	19	34
Коллективизация	5	16
Период СССР	10	11
Афганская война	5	9

При этом в советском периоде имеется несколько болевых точек для социальных представлений о прошлом жителей Беларуси.

- авария на Чернобыльской АЭС, это событие лидирует в «черном списке» событий, вызывающих чувства горечи и стыда («авария на ЧАЭС», «взрыв на АЭС Чернобыльском», «горечь: Чернобыль», «за взрыв на ЧАЭС», «малая информация о радиоактивном заражении», «переселение людей из загрязненной зоны», «чернобыльская катастрофа»);
- война в Афганистане; («афганская война», «война в Афганистане», «участие белорусов в войне в Афганистане»);
- сталинские репрессии («репрессии 1917–1953 гг.», «репрессии сталинского времени», «репрессии, убийства», «Курапаты»);
- коллективизация («годы коллективизации», «коллективизация 30-х годов», «коллективизация и ее последствия», «раскулачивание»).

Таким образом, советский период в белорусской исторической памяти воспринимается далеко не однозначно. Как мы уже отмечали, позитивный образ советского прошлого формируется в основном за счет преобладания памяти о победе в Великой Отечественной войне, в то время как другие события советского периода воспринимаются противоречиво. Стоит отметить, что даже то, что Сталин руководил страной во время войны, не спасло деятельность этого исторического лица от ярко выраженной негативной оценки жителями Беларуси.

У старшего поколения жителей Беларуси сохраняются ностальгические воспоминания о правлении Машерова, но для младшего поколения этот период прошлого уже утрачивает значимость. Таким образом, память о советском прошлом (за исключением памяти о победе в Великой Отечественной войне) вряд ли может выступить консолидирующим фактором для укрепления белорусской национальной идентичности, поскольку порождает противоречивые интерпретации и серьезные разногласия в оценках среди жителей Беларуси.

Наиболее слабо представлена в массовом сознании жителей Беларуси *история страны досоветского периода*. Правда, далекое прошлое белорусского народа не вызывает и каких-то негативных реакций. Из этого периода лишь четыре события были упомянуты в качестве тех в истории Беларуси, что вызывают горечь и стыд: Люблинская уния (приведшая к ограничению независимости Великого Княжества Литовского и созданию Речи Посполитой), разделы Речи Посполитой, подавление восстания под руководством Кастуся Калиновского, а также единичное упоминание Ливонской войны. Куда более часты упоминания событий из белорусской истории, которые вызывают гордость:

Таблица 7.

Темы досоветской истории Беларуси, вызывающие у жителей страны гордость

Темы в исторической памяти жителей Беларуси	Количество категорий	Количество ответов*
Деятельность просветителей	27	32
Период ВКЛ	13	23
Грюнвальдская битва 1410 г.	10	17
Восстание под руководством К. Калиновского	5	12
Создание БНР	4	8
Битва под Оршей 1514 г.	4	5

* В таблице приведены данные по темам, где количество ответов превышает 5

Наибольшее количество категорий относится к деятельности просветителей («создание первой книги Ф. Скориной», «издание первой книги в Восточной Европе», «просветители: Е. Полоцкая, К. Туровский» – всего 26 категорий) и периоду ВКЛ («создание ВКЛ», «нахождение в составе ВКЛ», «расцвет культуры во времена ВКЛ» — 13 категорий). Также упоминаются период существования Полоцкого княжества, битва на Немиге, Грюнвальдская битва, битва под Оршей, конституция 1791 г., война 1812 г., восстания Костюшко и Калиновского, выпуск «Нашей нивы», Первая мировая война.

Стоит отметить, что некоторые события, в частности война 1812 г. и Первая мировая война, с исторической точки зрения, вряд ли могут относиться к достижениям белорусской национальной истории. Упоминание этих событий демонстрирует то, что по-прежнему в исторической памяти жителей Беларуси существуют представления о включенности истории нашей страны в более широкий историко-культурный ареал с Россией (истоки этих представлений могут сохраняться как к форме пережитков советского образования, но могут формироваться и благодаря актуальному мощному информационному воздействию на Беларусь российского культурного поля).

Наконец, обратимся к оценке роли тех деятелей, которых можно отнести к категории национальных героев. Наиболее положительно в этом ряду оценивается лидер освободительного восстания 1863–1864 гг. К. Калиновский, что может быть обусловлено тем, что и в советский период руководитель восстания из-за своих радикально-демократических взглядов рассматривался в положительном ключе. Наряду с Ф. Скориной, это одна из ключевых фигур белорусской истории. С другой стороны, К. Калиновский куда менее известен жителям Беларуси, чем первопечатник из Полоцка. Положительно его роль в истории Беларуси оценивают чуть более половины опрошенных (52%), в то время как треть опрошенных (31%) затрудняются дать какую-либо оценку. Тем не менее наиболее положительно его роль оценивает младшее поколение (60%), а среди представителей старшего поколения положительная оценка падает до 47%. Самые позитивные оценки получила деятельность исторических личностей, которые занимались культурно-просветительской деятельностью. Наиболее положительно население Беларуси воспринимает вклад в историю нашей страны таких выдающихся просветителей, как Ф. Скорина (85%) и Е. Полоцкая (84%). При этом их восприятие практически полностью лишено негативных коннотаций, они на самом деле объединяют всех жителей Беларуси, поскольку все социально-демографические группы неизменно позитивны в своей оценке роли этих исторических персон. Полоцкий князь Всеслав Чародей и литовский князь Витовт составляют пару исторических деятелей, чья роль в истории Беларуси оценивается населением страны практически одинаково. С увеличением возраста уменьшается положительная оценка их роли в истории страны (в случае Витовта – с 54 до 24%, в случае Всеслава Чародея – с 49 до 28%) и увеличивается и доля затруднившихся оценить их труды (в случае Витовта – от 27 до 59%, в случае Всеслава Чародея – от 30 до 61%). Следует учесть, что эти исторические персонажи фактически отсутствовали в советских учебниках по истории БССР, они появились там лишь в конце 1980-х гг., когда

уже начала вздыматься волна национального возрождения, поэтому подобные тенденции вполне объяснимы.

При этом нам кажется важным, что фигуры национальной истории не вызывают какого-либо отторжения или неприятия у старшего поколения. Несмотря на слабую актуализированность представлений о прошлом Беларуси досоветского периода, именно этот исторический период имеет наибольший потенциал для укрепления национальной идентичности. Отдаленность в прошлом для репрезентации исторических событий имеет неоспоримые преимущества: здесь снимается возможное противоречие между культурной и коммуникативной памятью (или, другими словами, между официальной и не-официальной памятью), что дает бóльшую свободу для создания позитивного образа событий прошлого.

Слабое знание жителями Беларуси истории своей страны до начала XX в. можно трактовать как «чистую доску», которая вполне может быть заполнена сконструированной памятью, и в этом преимущество старины перед современной историей, которая неизбежно будет вызывать противоречивые интерпретации. Этот потенциал начинает использоваться как в сфере образования, так и в СМИ (например, исторические публикации в газете «Беларусь сегодня», циклы исторических передач на государственных каналах телевидения), но возможности исторической памяти в данном случае, как свидетельствуют данные опроса, пока не используются полностью. В этой связи стоит еще раз отметить, что среди всех исторических деятелей, оказавших влияние на ход истории Беларуси, именно просветители эпохи Средневековья Франциск Скорина и Евфросинья Полоцкая получили однозначно положительную оценку. Следовательно, упор на деятельности известных просветителей может служить объединяющим фактором, способствующим согласованности исторической памяти белорусов.

Таким образом, анализ степени конфликтности/согласованности основных топосов в исторической памяти жителей Беларуси позволяет прийти к следующим выводам. Зафиксирована определенная дифференциация в социальных представлениях о прошлом населения Беларуси, которая основывается преимущественно на смене поколений. Впрочем, такие различия закономерно вытекают из вышеописанной смены образовательных парадигм. Старшие поколения гораздо более позитивно воспринимают советский период белорусской истории, тогда как досоветское прошлое для них (за исключением деятельности просветителей) практически неизвестно, хотя и не вызывает каких-либо негативных реакций. Младшее же поколение весьма осведомлено о различных событиях и персоналиях белорусской истории. Хотя этот разрыв, по нашему мнению, не является столь уж существенным, о «конфликте поколений» говорить сложно, поскольку есть объединяющие темы, которые воспринимаются разными поколениями одинаково. Важнейшим историческим мифом, конституирующим современную белорусскую национальную идентичность, является память о победе в Великой Отечественной войне, непротиворечивость и упрощенность этой памяти лишь способствует согласованности представлений о прошлом. Наиболее насыщен и разнообразен в белорусской исторической памяти топос современной истории, но за это приходится платить противоречивостью оценок и интерпретаций. Определенные темы современной истории (установление независимости, спортивные достижения, строительство сооружений, предназначенных служить в сферах культуры и спорта, победы на музыкальном конкурсе «Евровидение») могут расцениваться как способствующие консолидации массового сознания, но интерпретация социально-экономического и политического развития Республики Беларусь не является однородной.

Память о советском периоде в истории Беларуси отмечена преобладанием памяти о войне, оттесняющей из памяти народа другие события. Вместе с тем негативная (либо противоречивая) оценка жителями Беларуси политических руководителей этого периода, за исключением Петра Машерова, свидетельствует о том, что советская история не может выступать в качестве объединяющего фактора для целостной исторической памяти.

Наибольшим потенциалом для укрепления белорусской национальной идентичности обладает топос социальных представлений об истории Беларуси до начала XX в, он обладает

двумя важнейшими характеристиками: (1) незаполненность (что позволяет без особых проблем привнести в него нужное содержание) и (2) позитивно-нейтральное восприятие в массовом сознании. Консолидирующая роль оценки просветителей Франциска Скорины и Евфросиньи Полоцкой указывает на то, что досоветская белорусская история вполне эффективно может использоваться для формирования общности представлений о прошлом и настоящем белорусской нации.

В.К. Левашов, д.соц.н. (ИСПИ РАН, Москва).

Патриотизм и становление гражданского общества

В конце XX – начале XXI вв. в России в очередной раз на фоне острого социально-экономического и политического кризисов разразился духовный, в частности, кризис патриотических чувств, сознания и поведения. Отказ от службы в армии, дезертирство, массовое распространение отношений «дедовщины» в армии, проявление в молодежной среде фашистской и националистической идеологии – наиболее очевидные стороны этого процесса, которые вышли наружу. Положение с «дефицитом» патриотизма у граждан и молодежи стало настолько серьезным, что 18 июля 2005 г. Правительство РФ вновь приняло Государственную программу «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006 – 2010 годы». В 2005 г. завершился первый этап действия этой программы, однако вряд ли можно признать, что она сумела мобилизовать и реализовать резервы патриотизма в обществе. Более того, складывается впечатление, что различные социальные группы и слои общества, политики и государственные деятели по-разному трактуют, понимают и используют это явление. На чувствах патриотизма зачастую осуществляются политические спекуляции и разжигается социальная вражда. В этой связи полезно с позиции социологии взглянуть на проблему и попробовать отыскать методы и инструменты ее решения с учетом традиций социальной и политической жизни российского общества и государства и новых условий.

В общепринятом смысле патриотизм понимается как общественный и нравственный принцип, характеризующий отношение граждан к своей стране. В жизни это отношение проявляется в сложном комплексе чувств, знаний, ценностных ориентаций, установок, действий, обычно артикулируемым как любовь к Родине. Словарь В. Даля определяет патриота как «любителя отечества, ревнителя о благе его…»[1]. Ключевое, удачно найденное В.И. Далем слово в этом определении, – ревнитель, то есть усердный защитник, поборник интересов Родины. Если мы попытаемся провести простейшую социологическую операционализацию, то увидим, что под любовью к Родине следует понимать: заботу об интересах и исторической судьбе своей страны; гордость ее достижениями и критика недостатков; сочувствие к страданиям и социальным нуждам народа; уважение к историческому прошлому и традициям своей родины; привязанность к месту рождения, жительства – «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам»; готовность к самопожертвованию, борьбе с врагами отечества, защита интересов Родины.

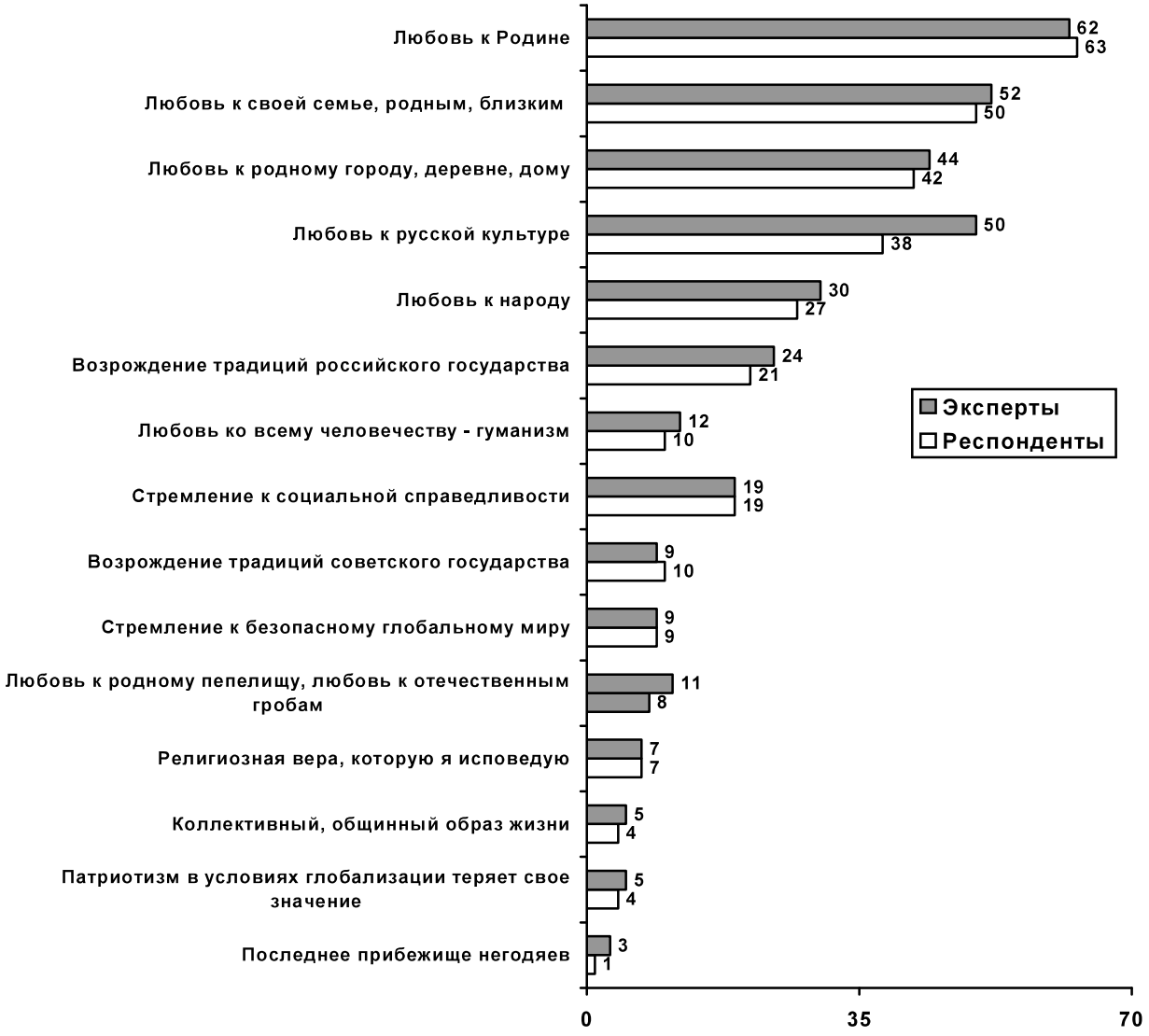
Обратимся к понятиям и определениям патриотизма, которые циркулируют в каналах массовой информации, транслируются политическими и общественными организациями, зафиксированы в учебной, научной, справочной литературе и электронных источниках. Эти понятия отражаются в сознании обычных граждан и экспертов следующим образом[2] (см.: Рис.1).

---

[1] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т.3. С.24.

[2] Здесь и далее приводятся результаты Всероссийского социологического мониторинга «Как живешь, Россия?» (научный руководитель В.К. Левашов). В исследовании использована квотно-пропорциональная выборка. Объем выборочной совокупности составлял на различных этапах 1312-1851 респондент. Эмпирическим объектом исследования выступало взрослое население России. В июле 2004 г. опрошено 1627 респондентов, 438 экспертов. (В состав экспертной группы вошли ученые, преподаватели вузов, активисты политических партий и движений, предприниматели, работающие в сфере международного бизнеса.) Опрос респондентов и экспертов проводился с помощью одного и того же инструментария.

Рис. 1. Что для Вас означает слово "патриотизм"?



Первые два ответа у рядовых граждан и экспертов совпали. Как и следовало ожидать, самым востребованным оказался вариант ответа «Патриотизм – это любовь к Родине» – наиболее распространенное смысловое клише в массовом сознании и пропаганде. Любовь к своей семье, родным, близким – на втором месте. Далее предпочтения у экспертов и респондентов несколько разнятся по рангам: «любовь к русской культуре» – 3-е место у экспертов (50%) и 4-е у рядовых респондентов (38%); «любовь к родному городу, деревне, дому» – 4-е место у экспертов (44%) и 3-е у респондентов (42%). Последующие распределения в рангах либо совпадают, либо в них наблюдаются несущественные различия. Сложившееся распределение ответов имеет свою логику. Для большинства респондентов слово «патриотизм» в первую очередь совпадает с «малой Родиной» – ближним социальным окружением: семьей, близкими, родным городом, деревней, домом. Эти ценности и составляют ядро патриотизма в современном российском обществе. Национально-государственные, социально-политические ценности отступили на дальний план, занимают 5–9 места. Произошло это в силу обвального падения доверия граждан к государству, его политике. На наших глазах в кратчайшие сроки, за несколько лет радикальных реформ протекал процесс «разгосударствления» политического сознания, патриотизма российского населения. Сегодня общество и его эксперты имеют сложившуюся, вполне определенную точку зрения о том, чьи интересы выражает и защищает российское государство:

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Чьи интересы, по Вашему мнению, выражает и защищает сегодня российское государство?» (% от числа опрошенных)

Время опросов	Гос. бюрократии	Богатых	Всех граждан России	Средних слоев	Бедных слоев	Затруднились ответить
2000, декабрь	44	46	9	8	1	9
2001, декабрь	38	40	9	6	0	21
2002, декабрь	54	61	6	7	1	10
2003, октябрь	54	53	9	8	1	13
2004, июнь:						
Респонденты	52	50	9	8	1	15
Эксперты	74	50	8	10	1	8
2005, сентябрь	52	54	8	8	1	15
2006, январь	51	50	10	8	0	12

Рядовые российские граждане считают, что современное российское государство почти в равной степени отражает интересы государственной бюрократии (52%) и богатых слоев общества (50%). Практически так же, с тем лишь различием, что на первом месте у современного российского государства все же стоят интересы бюрократии (74%) и лишь на втором – богатых граждан (50%) выразили свое мнение эксперты. 9% респондентов и 10% экспертов считают, что политическая практика современного российского государства отвечает идеалу социального государства. Итак, по мнению подавляющего числа респондентов, мы живем в государстве, которое не отражает интересы большинства граждан и общества в целом.

Богатство и распоряжение им, управление материальными ресурсами страны – в чьих интересах протекают в обществе фундаментальные социально-политические процессы в этой области? Какой характер они принимают? *Приведенные выше данные показывают – к сожалению, антагонистический.* И эта особенность не может не сказываться на всем комплексе нравственных отношений в социуме. Патриотизм как сложный феномен социально-классовых отношений в антагонистическом обществе имеет диалектическую, противоречивую природу. Он характеризует отношение людей к стране, государству, его лидерам, власти, обществу в целом, в то время как оно разделено на антагонистические и неантагонистические классы. Одна часть может быть солидарной или отчуждаться от другой части. Конкретный пример таких отношений можно найти в российском обществе, большая часть которого явно не одобряет деятельности «героев нашего времени», преуспевших на ниве приватизации.

Интересно, что однажды в истории России обострение конфликта интересов в праве владеть и распоряжаться собственностью и тем самым добывать себе средства существования позволили Л.Н.Толстому охарактеризовать патриотизм в России как ничтожное чувство. Приведем в силу необходимости обширную цитату из известной, написанной в 1894 г. статьи «Христианство и патриотизм», где великий русский писатель со свойственной ему ясностью социального видения реальности показывает сущность и пределы русского патриотизма на рубеже XIX и XX веков: «Я прожил полвека среди русского народа и в большой массе настоящего русского народа в продолжение всего этого времени ни разу не видал и не слышал проявления или выражения этого чувства патриотизма, если не считать тех заученных на солдатской службе или повторяемых из книг патриотических фраз самыми легкомысленными и испорченными людьми народа. Я никогда не слыхал от народа выражений чувств патриотизма, но, напротив, беспрестанно от самых серьезных, почтенных людей народа слышал выражения совершенного равнодушия и даже презрения ко всякого рода проявлениям патриотизма. То же самое я наблюдал и в рабочем народе других государств, и то же подтверждали мне не раз образованные французы, немцы и англичане о своем рабочем народе». Л.Н. Толстой дал столь резкую характеристику русского патриотизма через призму системы

отношений капиталистического мирохозяйствования. По его мнению, происходит то, что, несмотря на все усиленные средства, употребляемые правительствами для привития народам не свойственного им патриотизма и подавления в народах развивающихся в них идей социализма, – социализм все более и более проникает в народные массы, а патриотизм, так старательно прививаемый правительствами, не только не усваивается народом, но все более и более исчезает и держится только в высших классах, которым он выгоден»[1].

Традиционный национально-религиозный патриотизм, во многом сформировавшийся в социально-политических условиях становления национально-государственного мироустройства Вестфальской системы, трансформировался и уступал место светскому патриотизму эпохи империалистических отношений. *Патриотизм, еще питаемый идеологиями межнациональной и религиозной розни*, уступал место современному *светскому патриотизму* в многообразии социальных форм своего проявления, который уже не скрывал экономической природы в своей экспансии, в том числе в форме захвата чужих территорий. Светский патриотизм во многом стал результатом внутреннего диалектического противоречия Вестфальской системы между принципами защиты государственного суверенитета и стремления наций к самоопределению. I мировая война нанесла сокрушительный удар по принципам национально-государственного устройства Вестфальской системы и идеологии национально-религиозной интерпретации патриотизма. Во II мировой войне уже в полной мере проявился светский патриотизм, выстроенный на принципах непримиримой вооруженной борьбы многих народов, наций и государств за гуманистические ценности, против идеологии фашизма. В последней трети XX в. научно-технический прогресс резко интенсифицировал процессы в социальной, экономической, политической и информационной сферах жизни общества. Современный патриотизм проявляется и функционирует в условиях расширяющейся и углубляющейся коммуникационной взаимосвязанности человеческого общества; ресурсной и технологической взаимозависимости мирового хозяйства; диффузии материальных и духовных культур, проявляющейся в многообразии форм интеграции, дифференциации, конвергенции; разгосударствления – социализации системы международных отношений. Объективный процесс транснационализации поставил в повестку дня всех стран вопрос о патриотизме внешней политики правительств национальных государств. В условиях глобализации резко возросло значение патриотической ценности их политики. Имеет ли эта политика широкую социальную базу, или она проводится в узкокорпоративных интересах политического и экономического топ-менеджмента страны и действующих на ее территории ТНК? Почти полтораста лет тому назад ответ на вопрос *о соотношении ценностей патриотизма и мировой цивилизации* уже давала русская философская общественная мысль. Н.А. Добролюбов писал, что «патриотизм живой, деятельный именно и отличается тем, что он исключает всякую международную вражду, и человек, одушевленный таким патриотизмом, готов трудиться для всего человечества, если только может быть ему полезен. Ограничение своей деятельности в пределах своей страны является у него вследствие сознания, что именно здесь настоящее место, на котором он может быть наиболее полезен… Настоящий патриотизм, как частное проявление любви к человечеству, не уживается с неприязнью к отдельным народностям»[2]. Мнение Н.А. Добролюбова ценно еще и потому, что оно, на наш взгляд, адекватно отражает идеал русского национального самосознания, которое впитало в себя ценности тысячелетнего исторического опыта социокультурной коммуникации с другими народами, политическую культуру самого большого в мире государства эпохи модерна и постмодерна. Русское национальное сознание на протяжении многих веков формировалось в условиях сменяющих друг друга военных побед и поражений. Многократное чередование социальных и экономических подъемов и спадов в развитии, периодическое прохождение общества и государства через кризисы и катастрофы, социополитические «оттепели» и «зимы» сформировало и составило сущностное своеобразие великой русской культуры, привело к закалке русского духа: памяти, ценностных ориентаций, веры, воли и знаний к достижению цели. Время и ин-

[1] Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 39. С.53-54.
[2] Добролюбов Н.А. Избр. филос. произв. М., 1948. Т. 2. С. 567.

тенсивный исторический опыт выковали русский национальный характер и его стратегию жизни: довольствоваться малым и собирать ресурсы для великого во имя правды и социальной справедливости. Эта жизненная патриотическая стратегия продолжает работать и сегодня в обстановке «радостей» и «ужасов» современного русского российского капитализма, в условиях углубляющихся процессов глобализации.

Весь XX в. на нашей планете протекал под знаком противостояния двух социально-политических систем – капиталистической и социалистической. В процессе взаимодействия две общественные системы претерпевали существенные изменения, принимали отдельные качества друг друга. Это происходило и в силу того обстоятельства, что общественно-экономическая формация капитализма, утвердившаяся в основном в странах Западной Европы, Северной Америки и Японии, породила внутри себя и в остальном мире глобальные социальные противоречия, а формация социализма, возникшая как реакция на эти противоречия в странах экономически слабо развитых, достаточно часто являла собой результаты субъективной политики и носила черты социального эксперимента. В этих условиях происходил и происходит своеобразный обмен культурами и ценностями между общественными формациями. Этот процесс не закончился и продолжается в наши дни. Многие исследователи отмечали и считают, что он носит конвергентный характер. Уникальность современной исследовательской ситуации в России заключается в том, что большая часть общества успела пожить и при социализме, и при капитализме и имеет сейчас уходящую возможность сравнить эти два способа общественного устройства и жизни. Сегодня граждане еще могут выступить в роли экспертов-практиков и научных экспертов, вооруженных специальными теоретическими знаниями. Динамика мнений граждан России о том, что для них означают два известных понятия «социализм» и «капитализм», выглядит следующим образом:

Таблица 2

Что означают для Вас понятия «капитализм» и «социализм»?

(% от числа опрошенных)

Признаки	Социализм - это		Капитализм - это	
	Респонденты	Эксперты	Респонденты	Эксперты
Коллективизм	53	64	2	2
Порядок	41	31	13	12
Патриотизм	38	41	2	2
Справедливость	34	27	4	2
Нравственность	21	23	1	1
Права человека	20	9	17	24
Подавление личности	20	31	23	17
Власть узкой группы людей	19	26	42	42
Бедность	18	19	31	22
Народовластие	18	25	2	1
Духовность	17	17	3	2
Технический прогресс	15	13	29	41
Свобода	14	7	29	32
Экономическая отсталость	14	21	7	1
Высокий уровень жизни	13	6	24	31
Социальная незащищенность	12	14	37	34
Гуманизм	9	7	3	2
Преступность	3	4	39	33
Частная собственность	1	1	67	83

Проводя интерпретацию понятия «социализм» на основании наиболее часто употребляемых в массовой информации определений, нетрудно заметить, что граждане и эксперты бы-

ли единодушны в том, что для них социализм в первую очередь означает коллективизм (соответственно 53% и 64%). На второе место граждане поставили порядок (41%), а эксперты патриотизм (41%). Именно в такой пропорции общество ощущает дефицит двух фундаментальных ценностей сегодняшней жизни. Общество и государство основаны на порядке, – и его дефицит ощущают (41%) граждане во всех частях страны. Специализированное сознание экспертов выделяет дефицит патриотизма как социально-политическое инструментальное средство, с помощью которого можно исправить ситуацию в стране. У граждан на третьем месте патриотизм (38%), у экспертов – порядок (31%) и тут же подавление личности (31%). Такая иерархия социальных приоритетов вполне понятна. Можно предположить, что творческая структура личности экспертов чувствительнее ощущает проявления догматизма, косности и слепого диктата. Альтернатива «подавление личности» у граждан оказалась на 6-7 месте. Вперед поставлены такие социально-позитивные качества, как справедливость (4-й ранг – 34%) и нравственность (5-й – 21%).

Эксперты на пятое место ставят позитивное свойство «справедливость» (27%), а на шестом вновь появляется негативная характеристика социализма – «власть узкой группы людей» (26%). В целом у граждан первая пятерка когнитивных определений социализма состоит только из позитивных качеств, у экспертов – из четырех позитивных и одного негативного – «подавление личности». Далее, на наш взгляд, приоритеты распределились в силу социальной чувствительности респондентов, определяемой местом в социальной структуре общества и родом профессиональной деятельности. В целом, как видно из полученных данных, граждане склонны наделять свою прошлую жизнь при социализме более позитивными качествами, чем эксперты.

Первая пятерка понятий о капитализме у граждан состоит только из нейтральных (частная собственность) и негативных определений и выглядит следующим образом: «частная собственность» (67%), «власть узкой группы людей» (42%), «преступность» (39%), «социальная незащищенность» (37%), «бедность» (31%). У экспертов в такой же порядок определений вклинивается на третье место «технический прогресс». Такой выбор экспертов представляется логичным, отражая их профессиональный ракурс видения проблемы.

Структура ответов граждан на вопрос о том, в каком обществе они хотели бы жить, на протяжении последних пяти лет остается приблизительно одинаковой. В 2004 и 2006 гг. приблизительно одна треть респондентов хотели бы жить в социалистическом обществе, одна пятая (19-22%) – в капиталистическом, около 10% в каком-то другом и 36-39% затруднились ответить на этот вопрос. Последние значения индикатора свидетельствует о том, что сама по себе дихотомия «капитализм – социализм» становится не столь очевидной для современного массового политического сознания. Что касается экспертов, то их мнение несколько отлично. На 10% меньше число экспертов, которые хотели бы жить в социалистическом обществе. На столько же больше их хотели бы жить в другом. В каком? Ответ на этот вопрос отчасти дает следующий индикатор.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «В каком обществе Вы хотели бы жить?» (% от числа опрошенных)

Время опросов	Социалистическом	Капиталистическом	В каком-то другом	Затруднились ответить
1998, декабрь	38	22	10	30
2000, май	31	21	12	36
2000, декабрь	31	21	18	31
2002, декабрь	29	19	14	38
2003, октябрь	31	23	11	35
2004, июнь:				
Респонденты	34	22	8	36
Эксперты	23	20	19	38
2006, январь	32	19	10	39

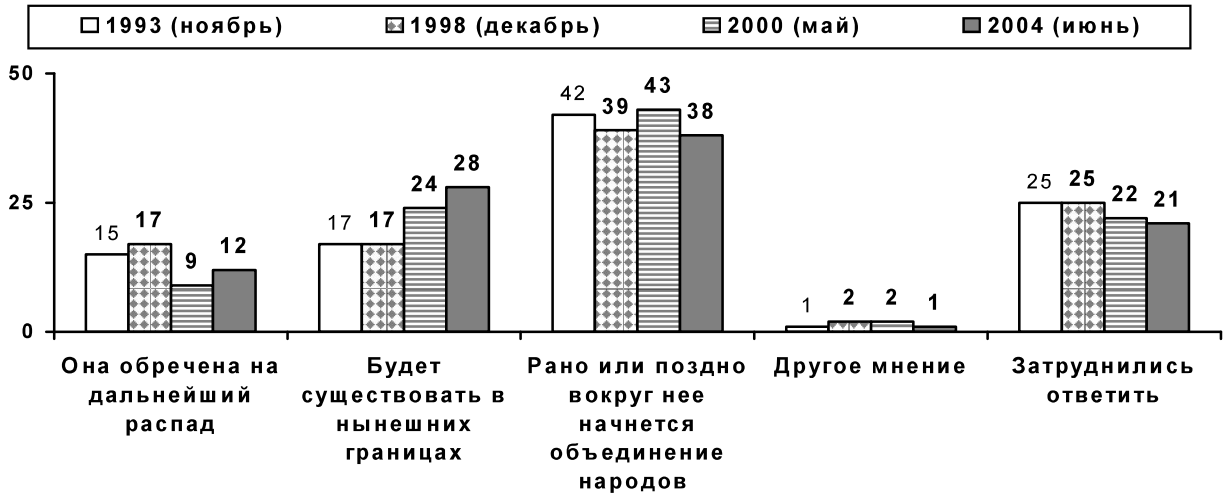
Таблица 4

Какой путь экономического развития наиболее приемлем для России?
(% от числа опрошенных)

Пути развития	1992, август	1996, май	2004, июль	
			Респонденты	Эксперты
Свободная рыночная экономика (как в США, Великобритании, ФРГ, Франции)	11	7	9	12
Социально-ориентированная экономика (как в Швеции)	8	11	14	28
Экономика с преобладанием государственных форм собственности (по образцу Китая)	5	8	9	13
У России должен быть свой особый путь развития, основанный на традиционных представлениях россиян об отношениях людей и земной справедливости	52	53	44	38
Другое мнение	2	1	1	1
Затруднились ответить	22	20	23	8

Граждане (44%) и эксперты (38%) в своем большинстве считают, что у России должен быть свой особый путь развития. На втором месте у тех и других выбор в пользу социально-ориентированной экономики наподобие шведской. На третьем у экспертов путь развития по образцу Китая, у граждан – свободная рыночная экономика, как в США, Великобритании, ФРГ. Какое будущее ожидает Россию? Представления респондентов и экспертов говорят не только о социальной эффективности реформ, но и настроениях пессимизма или оптимизма в обществе (см.: Рис.2). Полученные данные показывают, что на протяжении последних двенадцати лет количество пессимистов незначительно уменьшилось, количество реалистов («Россия будет существовать в нынешних границах») увеличилось приблизительно вдвое, а количество оптимистов, считающих, что вокруг России начнется процесс объединения народов, имеют признаки к снижению. Среди экспертов в 2004 г. заметно больше «реалистов» (34%), считающих, что Россия сохранится в нынешних границах.

Рис.2. Какое будущее ожидает Россию?



Измерение общественных настроений на ближайшую перспективу показало, что оптимистов обществе явно недостаточно. Отметим, что эксперты в ближнесрочном прогнозе оптимистичнее, чем рядовые респонденты. Но в целом необходимо констатировать, что сумма мнений затруднившихся ответить и пессимистов указывает на то, что общество испытывает явный дефицит уверенности в будущем. На каких направлениях политики следовало бы искать резервы уверенности общества? (см.: Таблицы 5, 6).

Таблица 5

Каким жизненно важным проблемам развития нашей страны сегодня уделяется мало внимания со стороны государства (% от числа опрошенных)

Направления	Население	Эксперты
Проблемы социальной жизни	13,5	12,3
Уровень и качество жизни	11,4	4,9
Развитие экономики	10,7	12,2
Проблемы образования, воспитания, духовной жизни	10,3	11,1
Проблемы здравоохранения	9,8	7,1
Оплата труда	5,3	1,9
Политическое управление	5,2	8,3
Безработица	4,8	1,6
Борьба с бедностью, нищетой	4,2	4
Социальные гарантии	4,1	4,7
Борьба с преступностью	3,2	2,1
Борьба с коррупцией	2,7	3,6
Экологические проблемы	2,7	4,5
Борьба с наркоманией	1,9	1,2
Проблемы безопасности жизни	1,8	4,7
Проблемы науки	1,8	5
Соблюдение прав человека	1,7	3,8
Мировые социальные стандарты	1	0
Культура	1	2,8
Патриотизм	0,8	0,9
Международные отношения	0,6	0,5
Борьба с терроризмом	0,5	0,3
Борьба с алкоголизмом	0,3	0,5
Борьба за мир	0,3	0,5
Информационные технологии	0,2	0,5
Торговля	0,2	0,2
Проблемы мировой экономики	0,2	0,2
Охрана труда	0,1	0,3
Миграция	0	0,2

Граждане и эксперты активно отвечали на открытые вопросы об актуальных направлениях и проблемах развития нашей страны, политики государства, актуальных сторонах глобализации в будущем. Анализ и группировка ответов на открытый вопрос о жизненно важных проблемах развития нашей страны, которым сегодня уделяется недостаточное внимание со стороны государства, показывает, что дефицит внимания, воли и результативности государственной политики ощущается по самому широкому кругу вопросов.

Особого внимания требуют проблемы развития экономики и тесно связанного с ней уровня и качества жизни населения, сельского хозяйства, малого и среднего бизнеса, армии, социальной сферы жизни, здравоохранения, образования, воспитания. Экспертов и респондентов особо тревожит положение дел с ценами на продукты и товары первой необходимости, тарифы ЖКХ, размеры пенсий, проблемы молодого поколения, его трудоустройство, беспризорничество. Сегодня круг актуальных вопросов политики пока еще по-прежнему задается доминантой стратегии выживания. В будущем, по мнению респондентов и экспертов, в первую очередь актуализируются такие стороны процессов глобализации, как охрана окружающей среды, борьба с бедностью, нищетой, терроризмом.

Таблица 6

Какие проблемы актуальны для российского общества и Вас лично в ближайшие годы (% от числа опрошенных)

Направления	Население	Эксперты
Борьба с бедностью, нищетой	11,3	5,1
Развитие экономики	9,6	13,9
Экологические проблемы	9,2	10
Уровень и качество жизни	8,3	5,8
Соблюдение прав человека	4,9	2,8
Оплата труда	4,9	2,1
Борьба за мир	4,9	3
Проблемы здравоохранения	4,7	3,2
Проблемы образования, воспитания, духовной жизни	4,4	5,8
Мировые социальные стандарты	3,7	5,3
Борьба с терроризмом	3,7	3
Международные отношения	3,6	5,6
Политическое управление	3,3	3,8
Проблемы социальной жизни	3,3	4,3
Социальные гарантии	3,2	0,9
Проблемы мировой экономики	2,6	9,4
Безработица	2,1	0,2
Проблемы безопасности жизни	1,8	2,4
Торговля	1,5	3,8
Культура	1,5	1,9
Охрана труда	1,3	0,4
Информационные технологии	1	2,6
Борьба с преступностью	1	0,4
Миграция	0,8	0,9
Борьба с коррупцией	0,8	0,4
Патриотизм	0,8	1,1
Борьба с наркоманией	0,5	0,6
Борьба с алкоголизмом	0,1	0
Проблемы науки	0,1	1,1

Интегрально мнение респондентов по проблемам развития в будущем можно было бы интерпретировать следующим образом. Возникновение глобальных проблем человечества требует проведения скоординированной в границах мирового сообщества политики государств. Стратегической целью этой политики на всей планете становится устойчивая коэволюция человека, общества и природы. Направления политики концентрируются и гармонизируются в единстве антропо-, социо- и экосферной составляющих.

Проблемы развития гражданского общества широко обсуждаются российским политическим классом и научным сообществом. Что следует понимать под гражданским обществом? Сущностным признаком социального феномена «гражданское общество» является значимая социальная общность граждан, образовавшаяся на принципах самоорганизации для реализации с помощью государства своих жизненных интересов и защиты гражданских прав, то есть прав, связанных с владением и распоряжением имуществом. Гражданское общество должно состоять из граждан, т.е. владеющих имуществом свободных членов общества, которые осознают, заявляют, декларируют и с помощью инструментов гражданского права и государства могут реализовать свои интересы. Если им не удается это сделать, то они являются частичными гражданами. А, следовательно, совокупность таких граждан не может называть-

ся состоявшимся гражданским обществом. В таком случае оно является незрелым, социально и политически неэффективным, т.е., имеет развивающийся характер.

Гражданское общество не может остановиться в своем развитии. Дело в том, что далеко не во всяком обществе все его члены являются гражданами, даже если они постоянно или большую часть жизни живут в той или иной стране. В силу разных причин и обстоятельств они могут не быть гражданами или частично обладать гражданскими правами и обязанностями. Вся история гражданского общества есть цивилизационный процесс изменения пропорции «граждан/неграждан» в каждой стране и на планете в целом. Продуктивной является постановка вопроса не о том, состоялось или не состоялось гражданское общество, а на какой стадии своего развития оно находится.

Гражданское общество находится в теснейшей причинно-следственной связи с инструментом своей власти – государством. Одной из древнейших форм социополитических отношений между обществом и государством является демократия. На протяжении большей части своего исторического развития гражданское общество состояло из меньшей части всего общества. Даже во многих т.н. развитых странах еще в XIX-XX вв. большая часть общества – женщины не являлись «полноценными» гражданами, были частично или полностью исключены из политического процесса, не обладали избирательным правом, не могли по своей воле распоряжаться имуществом.

В недавнем прошлом государство в своей политике, как правило, выражало интересы меньшей части общества. Но именно эта социально-политическая практика стала неприемлемой в условиях индустриального общества, требующего больших степеней свободы, и положила начало процессу формирования современной гражданской демократии. Государство все в большей степени, все для большего числа граждан начинает выполнять функцию реализации их интересов. Государство, которое выражает интересы господствующей группы граждан, является классовым, т.е., как правило, отражающим интересы меньшинства. Государство, которое стремится отражать и реализует права большинства членов общества – граждан, перестает в своем принципиальном признаке оставаться классовым. Существование гражданского государства предполагает, что классовое господство меньшинства превращается в социальное, всенародное, гражданское по своему социальному и политическому характеру государство большинства.

Статья 7 Конституции РФ гласит, что Россия является социальным государством, политика которого «направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». А в какой мере наше государство является социальным, т.е. гражданским по своей сути и проводит политику в интересах большинства граждан?

Согласно результатам социологических исследований, а также мониторинга «Как живешь Россия»? ИСПИ РАН достаточно значимая часть граждан РФ сомневается в гражданской направленности проводимых реформ: считают, что они проводятся в интересах бюрократии или в интересах крупного финансового, торгового и промышленного бизнеса.

Таблица 7

Отвечают или нет проводимые экономические преобразования интересам большинства населения (% от числа опрошенных)

	1992, август	2004, декабрь	2005, сентябрь	2006, январь
Да, отвечают	11	10	11	12
Нет	66	63	66	64
Затруднились ответить	22	27	24	24

За годы проведения либеральных реформ около 65% респондентов так и не изменили своего мнения об их социальном характере. Они считают, что проводимые экономические преобразования не отвечают интересам большинства населения. Сегодня российское общество не является в полной мере гражданским. Только 12% опрошенных граждан дает утвердительный ответ. Вот они и составляют реальный потенциал гражданского общества, существующего сегодня в России, по признаку совпадения интересов граждан и социальной на-

правленности проводимой экономической политики. Еще определеннее ответы на вопрос: «Чьи интересы, по Вашему мнению, выражает и защищает сегодня российское государство?» (см.: Таблица1). Только около 10% респондентов – граждан РФ считают, что российское государство защищает их интересы. Практически в своем количественном выражении значения двух последних приведенных индикаторов совпадают.

Еще один важнейший признак гражданского общества – собственность. Ею граждане владеют и свободно распоряжаются. Именно в этих целях государство проводило либеральные реформы приватизации собственности. А что думают о её результатах граждане?

Таблица 8

Кто в первую очередь выиграл в результате приватизации государственной собственности? (% от числа опрошенных)

Пути развития	1992 VIII	1995 I	1997 VIII	1999 XI	2000 XII	2002 XII	2003 X	2006 I
Теневые дельцы	35	53	53	68	40	51	48	41
Работники управления, чиновники	16	15	36	42	39	42	41	37
Предприниматели	-	14	22	32	19	19	21	20
Демократы, новая номенклатура	18	19	14	9	17	12	13	19
Партократы, старая номенклатура	15	10	22	32	17	19	18	18
Мафия вне России	14	11	20	33	16	16	16	12
Представители иностранного капитала	7	5	22	37	19	18	12	12
Работники торговли	12	2	10	20	10	10	5	6
Я и моя семья	-	1	2	4	4	3	4	4
Представители других стран СНГ	1	1	5	5	1	1	1	2
Интеллигенция, служащие	1	0	1	2	1	1	1	1
Трудовые коллективы	3	1	2	4	2	2	1	1
Рабочие, крестьяне	1	0	1	0,5	0	1	0	1
Кооператоры	8	-	-	-	-	-	-	-

«-» - альтернатива не входила в шкалу индикатора.

Всего 5% граждан считают, что от проведенной приватизации выиграло все общество.

Обратимся еще к одной стороне жизнедеятельности гражданского общества – классовой самоидентификации. Социальную основу гражданского общества составляет т.н. средний класс. От того, каким образом граждане понимают и оценивают свое место, роль, статус, материальное положение в структуре социальных отношений, и тем самым формируют стратегию развития социальных отношений, во многом зависит характер траектории гражданского развития страны в будущем. Какое место отводят себе российские граждане в структуре социальных и политических отношений общества? Российские граждане в среднем по совокупности всех признаков достаточно скромны в определении своего места в обществе. В этом смысле можно говорить о заниженном уровне их социальных претензий. Респонденты оценивают свое место в обществе по полученному образованию. На этом же уровне они оценивают свой социальный статус по квалификации, выполняемой работе и профессии. Налицо противоречие между уровнем социальных претензий, ожиданий, исходя из достаточно высокой самооценки по образованию, квалификации, выполняемой работе, профессии и степенью удовлетворенности качеством жизни, уровнем зарплаты и участием в политической жизни.

Как видно из представленных ниже данных, в картине социальной и политической самоидентификации респондентов можно выделить, по крайней мере, две доминирующие особенности. Российские граждане в среднем по совокупности всех признаков достаточно скромны в определении своего места в обществе. Свое место на шкале жизненных успехов они определили где-то на середине 10-балльного континиуума.

Таблица 9

Социальная самоидентификация респондентов (РФ, баллы)

Место в обществе	2002	2003
по образованию	5,44	5,85
по квалификации	5,90	5,82
по выполняемой работе	5,32	5,60
по профессии	5,49	5,58
по качеству жизни	3,70	3,84
по размеру зарплаты	3,39	3,32
по участию в политической жизни страны	2,52	2,48
в целом	4,53	4,64

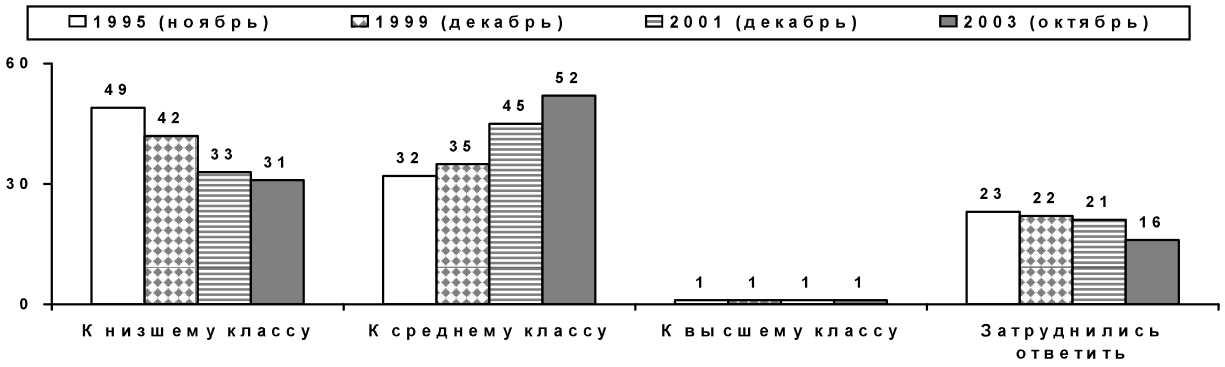
По 10-балльной шкале (10 – высшая ступень, 1 – низшая ступень)

В этом смысле можно говорить о заниженном уровне социальных претензий российских граждан. Высший балл по 10-балльной шкале составил всего лишь 5,85. Таким образом, респонденты оценивают свое место в обществе по полученному образованию. Далее приблизительно на этом же уровне они оценивают свой социальный статус по квалификации, выполняемой работе и профессии. В совокупности значения этих признаков показывают самооценку возможностей общества для своей самореализации в различных областях жизнедеятельности. Но как раз в этом главном своем функциональном предназначении гражданское общество терпит фиаско. Самооценка своего места в обществе по качеству жизни составила всего лишь 3,84, по размеру зарплаты – 3,32, а по участию в политической жизни страны самооценка зафиксирована на самом низком уровне 2,48 балла.

Налицо противоречие между уровнем социальных претензий, ожиданий, исходя из достаточно высокой самооценки по образованию, квалификации, выполняемой работе, профессии и степенью удовлетворенности качеством жизни, уровнем зарплаты и участием в политической жизни страны. Обозначившийся перекос в самооценке социального статуса делает неустойчивой всю структуру социальных отношений. Возникшее напряжение, по всей вероятности, должно быть снято за счет повышения качества жизни в материальной и политической сфере жизнедеятельности общества.

Прямой индикатор классовой самоидентификации подтверждает вскрывшееся между самооценкой и степенью её реализации в жизни. С одной стороны, за прошедшие 10 лет увеличилась группа респондентов, указавших на свою принадлежность к среднему классу. Но в то же время треть респондентов относят себя к низшему классу, а в совокупности с группой респондентов, которые затруднились ответить, – это почти половина населения. Величина значимая, а в совокупности с группой респондентов, которые затруднились ответить, она репрезентирует почти половину населения.

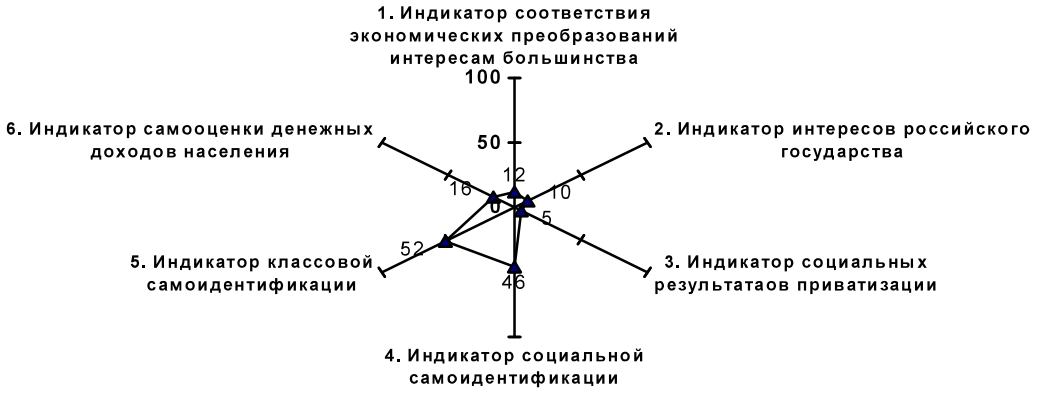
Рис.3. Самоидентификация классовой принадлежности респондентов (РФ, % от числа опрошенных)



Каковы особенности социальной структуры групп респондентов, определивших свое место в жизни по выделенным четырем классовым признакам? Согласно полученному распределению ответов, к высшему классу чаще склонны относить себя женщины, молодежь, студенты, руководители, «богатые», жители городов. К среднему классу в большей степени относит себя молодежь, студенты, служащие, «обеспеченные» и «ограниченные в средствах», горожане. С низшим классом идентифицируют себя в большей степени люди старших возрастов, рабочие, пенсионеры, «бедные» и «нищие». Как следует из полученных ответов, сегодня мы живем в обществе, в котором униженными и оскорбленными чувствуют себя значительное число населения. Структуру социальной самоидентификации общества определяет материальное положение составляющих его групп населения. Большая часть общества (до 90%) явно испытывают нехватку денежных средств и попадают в группы «ограниченные в средствах», «бедные», «нищие». Социальную основу среднего класса составляет группа «обеспеченных» граждан (до 16%).

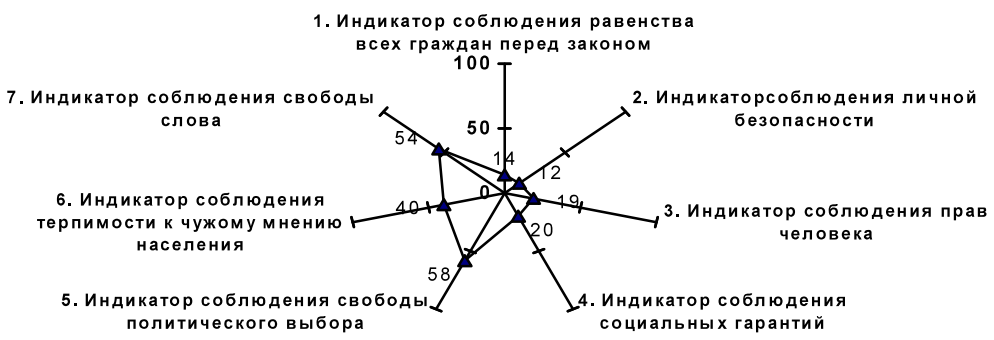
Сегодняшний потенциал гражданского общества в России можно измерить с помощью метода агрегирования значений приведенных выше индикаторов. Сведем все измерения в единую диаграмму.

Рис.4. Гражданский потенциал общества в России



Конечно, гражданское общество как сложный социальный феномен многолико в проявлениях своих разнообразных качеств. Контуры гражданского общества определяются признаками функционирования многих социальных и политических институтов: правового государства, собственности граждан, демократических свобод, политического и идеологического плюрализма, экономической и политической стабильности, общественной активности граждан. Измерим потенциал гражданского общества с помощью сложного индикатора «Обеспечение государством норм демократической жизни», динамика значений представлена в таблице. Построим диаграмму по этому индикатору по значениям измерения в январе 2006.

Рис.5. Гражданский потенциал общества в России



Ее показатели позволяют составить представление о потенциале гражданского общества. Гражданское общество в России достигло пока скромных показателей, которые измеряются

площадью сложного многоугольника. В своём полном 100% потенциале гражданское общество определяется площадью многоугольника. Конечно, абсолютное гражданское общество вряд ли когда-нибудь и кому-либо удастся построить, но социополитический процесс будет стремиться в своем развитии к бесконечному приближению к его идеальному пространству, т.е. к 100% площади многоугольника. В первом случае измерения площадь российского гражданского общества в соответствии со значениями измеренных индикаторов составила чуть больше 6% шестиугольника. Потенциал гражданского общества по индикатору обеспечения государством норм демократической жизни составил немногим больше 10%. Статистические данные и социологические измерения показывают, что приблизительно такая доля граждан страны владеет значительной собственностью, занимает высокий социальный статус, считает, что проводимые преобразования отвечают интересам большинства членов общества, разделяет ценности политического и идеологического плюрализма, правового государства и является политически активными гражданами. Итак, для 10% граждан России сегодня гражданское общество состоялось. Остальная часть населения страны проживает в другом обществе. Их ощущения, оценки и мнения не позволяют идентифицировать его как гражданское.

В.К. Левашов, И.С. Шушпанова,к.соц.н., В.А.Афанасьев, О.П.Новоженина (ИСПИ РАН)

Гражданское общество в России: устойчивость и потенциал[1]

Доминировавшая до середины 2009 г. структура тревожности российского общества претерпела некоторые изменения. Актуальность матери-альных проблем по-прежнему сохранилась, но экономический кризис вернул тревоги, связанные с преступностью и произволом чиновников. Острее стали восприниматься проблемы социокультурного характера. Социально-политическая ситуация в России середины 2010 г. продолжала задаваться последствиями мирового экономического кризиса, а также оперативными и долгосрочными, рассчитанными на стратегическую перспективу, антикризисными действиями и планами Правительства и Президента РФ. Совокупность объективных и субъективных факторов социально-политической жизни сформировала сложную композицию тревожностей общества.

В декабре 2009 г. экономические факторы тревожности были потеснены нарастающими проблемами безопасности общества и государства. По данным мониторинга, для трети респондентов (34%) стала актуальна проблема преступности. Острее начало реагировать массовое сознание на произвол чиновников (33%). Уровень обеспокоенности россиян этой проблемой к концу 2009 г. достиг максимума за все время включения ее в инструментарий опроса. В то же время наблюдалось некоторое снижение доли экономических факторов в структуре тревожности. Наименьшего значения за период наблюдений достигла обеспокоенность россиян повышением цен на продукты питания (32%), повышением тарифов на услуги ЖКХ (31%).

Летом 2010 г. дороговизна жизни (51%) и повышение тарифов на услуги ЖКХ (38%) остались доминирующими тревогами массового сознания, только увеличившими свой удельный вес за последние полгода.

Далее структура актуальных тревог не претерпела изменений: преступность (33%), экологическая обстановка (32%), произвол чиновников (31%), повышение цен на продукты питания (29%), безработица (26%), падение нравов, культуры (25%), безопасность близких (24%), терроризм (23%), наркомания (22%), алкоголизм (20%), разделение общества на богатых и бедных (14%), закрытие, простой предприятий (13%), высокая инфляция (9%), мировой экономический кризис (9%), обострение межнациональных отношений (8%), задержка выплаты зарплаты, пенсий (8%), монетизация льгот (5%). Из всего приведенного ряда тревог

---

[1] По материалам XXXI и XXXII этапов мониторинга «Как живешь, Россия?», проводимого Отделом стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН. Объем выборочной совокупности в декабре 2009 г. составил 1848 респондентов, в июне 2010 г. – 1826 респондентов. Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №08-03-00143 «Гражданское общество в современной России: социологическое измерение»).

обращает внимание увеличение тревоги граждан по поводу проявлений терроризма – рост с 9% в июне 2009 г. до 17% в декабре 2009 г. и до 24% в июне 2010 г. Тревожные настроения, связанные с безопасностью, ростом преступности, угро-зой терроризма постепенно нарастали в массовом сознании, как следст-вие кризисного положения не только в экономической, но и в социополитической сферах жизнедеятельности общества.

Структура и характер тревог в обществе в значительной мере зависит от социальной эффективности экономической политики, проводимой государством. Антикризисная политика государства обнажила ряд проблем социального характера. Обеспокоенность россиян своим материальным положением дополнилась тревогами в отношении безопасности, нарастающей угрозы терроризма, преступности. По мнению граждан, сложившиеся условия привели к активизации произвола чиновников, обострились проблемы падения нравов и культуры, алкоголизма и наркомании. Отметим, что факторы материального неблагополучия продолжали оставаться доминирующими в структуре тревожности россиян.

Экономическое состояние общества в долгосрочной стратегической перспективе определяет основные элементы и философию политической системы государства. В краткосрочной перспективе экономическое состояние общества не может не сказываться на отношении граждан к политической системе государства. За прошедший год это отношение существенно не изменилось.

В этой сфере общественных отношений ситуация развивалась в русле сложившихся в последние три-четыре года доминирующих тенденций. Приблизительно половина граждан (49%) считали, что в нашем обществе существует много недостатков, но их можно устранить реформами. Остальные три тенденции имеют схожую волнообразную форму проявления и стремятся к уравненной средней величине 15-17%. Количество радикально настроенных граждан за прошедшие годы сократилось в два раза, с 43% до 22%. Доля граждан, поддерживающих политическую систему (консерваторов) в е□ существующем виде, выросла с 3% до 13%. А число затруднившихся ответить остановилось на значении 13%. Что касается динамики поддержки различных форм защиты социальных интересов, то здесь не произошло серь□зных изменений. Мнения граждан относительно поддержки различных форм защиты социальных интересов варьировались от отказа защиты своих интересов до активных протестных настроений. Наибольшее число респондентов предпочли социально пассивную позицию. Доля россиян, уверенных в защищенности своих интересов, в июне 2009 г. впервые превысила 10% от числа опрошенных.

В.И.Лесняк, к.юрид.н.

Структура и сущность патриотизма и патриотического воспитания в новых социально-экономических условиях

Проведенный нами контент-анализ более чем трех десятков определений патриотизма и патриотического воспитания, а также опора на аффективную философию, разрабатываемую челябинским профессором Г.М. Брагиным, позволили определить, иерархически выстроить и содержательно наполнить компоненты такого сложного структурного образования, каким является патриотизм.

А.Ф. Харламов выделил следующие структурные компоненты патриотизма: потребностно-мотивационный, интеллектуально-чувственный (знания, взгляды, убеждения), поведенческий и волевой[1]. Н.В. Ипполитова в структуру патриотизма включила интеллектуальный, эмоционально-волевой и действенно-практический элементы[2]. Анализируя приведенные структуры патриотизма, приходишь к выводу, что и в первом, и во втором случае не ясна логика построения структурных конструкций. У А.Ф. Харламова поведенческий компонент предшествует волевому, а интеллектуальный объединен с чувственным. Создается впечатление, что вышеназванный автор, определявший структуру патриотизма еще в годы тоталитар-

[1] Харламов И.Ф. Педагогика: Учеб. пос. 2-е изд. М., 1990. С.389.

[2] Ипполитова Н.В. Теория и практика подготовки будущих учителей к патриотическому воспитанию учащихся: Дис. д-ра пед. наук. Челябинск, 2000. С.38.

ного режима, забыл классическое «от живого созерцания к абстрактному мышлению, а от него – к практике». Хотя эта ленинская цитата относилась к процессу познания, но нам представляется, что и в феномене патриотизма патриотические чувства зачастую предшествуют патриотическим знаниям.

Таблица1

Содержание компонентов патриотизма

Компоненты патриотизма	Содержание
Эмоциональный	Любовь к Родине, к родным местам, родному языку, родной природе; уважение к героическому прошлому своей Родины, к традициям и обычаям своего народа, уважение к другим народам, их обычаям и культуре, нетерпимость к расовой и национальной неприязни, классовой розни; стремление к укреплению чести и достоинства Родины; уважение к силовым структурам; гордость (национальная; за достоинства страны).
Интеллектуальный	Знание истории Родины, понимание задач, стоящих перед страной, и своего патриотического долга.
Интенциональный (потребностно-мотивационный; волевой)	Готовность защищать Родину, служить ее интересам, умножать своим трудом достоинства страны; следование российским традициям, нравам, обычаям; сохранение прогрессивных традиций; верность Отечеству, общественному строю, сыновнему долгу; стремление ставить общественные интересы выше личных.
Деятельностный	Активное и сознательное участие в трудовой деятельности при сочетании личных и общественных интересов; бережное отношение к собственности

В структурной триаде Н.В. Ипполитовой та же последовательность элементов: интеллектуальный элемент предшествует эмоционально-волевому. Непонятно, почему эмоции и воля слиты в один элемент.

Выделение эмоционального компонента обусловлено эмоционально-чувственным началом патриотизма. Это начало, прежде всего, проявляется в переживаниях в отношении «мое», а затем – «наше». Эти чувства и эмоции произрастают из хватательного рефлекса. Беря что-то, человек присваивает (делает своим) ранее чуждый (чужой, ничей и т.д.) объект. Не случайно так много авторов (В.Г Белинский, Н.А.Добролюбов, В.И.Ленин, П.М.Рогачев, А.В. Русецкий, М.А. Свердлин, И.О. Харламов, Н.Е. Щуркова и др.) определяют патриотизм через понятие «чувство». Наиболее сильным чувством в анализируемом компоненте является чувство любви к Родине.

Следующим компонентом в структуре патриотизма, который мы выделяем вслед за большинством исследователей, является интеллектуальный компонент. Он характеризует знания, взгляды, убеждения человека. Основу патриотического сознания составляют знания патриотического характера, на основе которых вырабатываются патриотические взгляды и убеждения. В убеждениях проявляется единство моральных знаний и чувств человека. Они являются идейно-психологическим компонентом сознания, непосредственно стимулирующим поведение человека, выбор действий и поступков. В современных философских исследованиях отмечается, что человеческое поведение определяется взаимодействием внешних объективных условий и системы внутренней детерминации, которая включает в себя три основных подсистемы: потребности, субъективные возможности (способности, знания-умения, качества характера) и жизненная позиция (диспозиция, готовность). Каждый из этих компонентов выполняет свою функцию. Подсистема потребностей задает модели потребного будущего и исходные импульсы к их реализации; подсистема возможностей дает средства для удовлетворения потребностей; а подсистема жизненной позиции осуществляет выбор предпочтительных потребностей и способов их удовлетворения и обеспечивает непосредственную го-

товность к определенному типу деятельности, определенного рода поступкам. В совокупности данные компоненты являются необходимыми и достаточными для обеспечения внутренней детерминации поведения[1]. Именно внутренняя детерминация поведения выступает в качестве содержания интенционального компонента героико-патриотического воспитания. Знания, умения, навыки, полученные на когнитивной стадии воспитания, в процессе интенциональной стадии превращаются в идеалы, принципы, готовность к героико-патриотическому поведению, поступкам, действиям, которые осуществляйся на праксиологической (деятельностной, практической) стадии.

Превращение социальных ценностей в личностные осуществляется на основе активной деятельности самой личности в процессе героико-патриотического воспитания и самовоспитания. Формы этой активности различны в разных сферах жизнедеятельности личности. Особое значение имеет деятельность, в процессе которой происходит интенсивный обмен социальным опытом и осваивается система данного общества. Выступая стимулятором активного жизненного проявления личности, ценности служат средством повышения продуктивности ее жизнедеятельности, возвышения ее нравственного потенциала. Человек проявляет свои убеждения, формирует необходимые умения и навыки только в практической деятельности. Человек-патриот проявляет свою жизненную позицию в практической деятельности человека на благо Родины, в служении Отечеству. Все это дает основание выделить в структуре данного понятия деятельностный компонент.

Основой формирования патриотического сознания сотрудников органов внутренних дел является: практическая деятельность, направленная на прогрессивное политическое, социально-экономическое и культурное развитие Родины; общественно-государственная подготовка, осуществляемая соответствующими кадровыми службами; воспитательная работа; самообразование.

Как отмечает Н.В. Ипполитова, «в процессе патриотической деятельности используются, расширяются и углубляются патриотические знания, формируются патриотические убеждения, проявляются патриотические чувства, реализуются потребности и интересы личности. Положительные эмоциональные переживания, связанные с деятельностью патриотического характера, побуждают человека к дальнейшей деятельности, к преодолению препятствий на пути к поставленной цели. Это в свою очередь способствует формированию умений и навыков, необходимых для практической деятельности, и развитию чувств и мотивации более высокого уровня»[2].

В современных условиях возникает настоятельная необходимость уточнить сущность патриотизма, поскольку успешность проведения воспитательной работы напрямую зависит от правильного определения исходных понятий и положений.

Так, большинство философов определяют патриотизм как высшее нравственное чувство (Н.И. Матюшкин, М.Б. Митин, П.М. Рогачев, М.А. Свердлин и др.) со ссылкой на ленинское определение («патриотизм – одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств»[3]. Другие ученые-философы рассматривают патриотизм как нравственный и политический принцип (И.В. Блауберг, И.К. Пантин и др.). В педагогических исследованиях по данной проблеме эти точки зрения также представлены: В.В. Белорусова, Н.Е. Щуркова и др. относят патриотизм к нравственным чувствам, а Н.И. Болдырев, И.П. Тукаев и др. считают патриотизм нравственным принципом. Но большинство педагогов (Н.П. Егоров, Л.Р. Болотина, Т.А. Ильина, Т.Н. Мальковская, И.С. Марьенко, А.Д. Солдатенков и др.) определяют патриотизм как сложное нравственное качество. Наряду с этим существуют и другие точки зрения: совокупность нравственных чувств и черт поведе-

---

[1] Культура жизни личности: Проблемы теории и методологии социально-психологического исследования. Киев, 1988. С.131.

[2] Ипполитова Н.В. Теория и практика подготовки будущих учителей к патриотическому воспитанию учащихся: Дис. д-ра пед. наук. Челябинск, 2000. С.42.

[3] Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т.37. С.190.

ния (И.О. Харламов); совокупность чувств, принципов и качеств (Л.И. Мищенко); часть духовности личности (Ш.Ш. Хайрулин). Такой разброс мнений, видимо, обусловлен сложностью рассматриваемого явления.

На основании выделенной структуры патриотизма и его содержания попытаемся определить его сущность.

Отнесение данного феномена к разряду социально-нравственных чувств (В.В. Белорусова, Н.Е. Щуркова и др.) не отражает со всей полнотой его сущности, хотя и отражает наиболее существенный признак, ибо чувства рассматриваются как «переживание человеком своего отношения к окружающей действительности»[1]. С учетом выделенной нами структуры патриотизма слишком узким представляется его определение как политического и (или) нравственного принципа (Н.И. Болдырев, И.П. Тукаев и др.). Эти определения политизируют и обедняют понятие патриотизма, не затрагивая, в частности, эмоциональную составляющую патриотизма. Так, политический принцип как основополагающее положение, которым человек руководствуется в деятельности, предполагает, прежде всего, отношение к Отечеству (верность, готовность к защите), рассматриваемому как социально-политическое явление. Как установлено Х.Г. Голотвиным и Р.Я. Мирским, понятие «Отечество» используется в неразрывной связи с понятием «Родина», характеризующим естественную привязанность человека к родной земле[2]. Определение патриотизма через политический принцип нарушает эту связь.

На этом фоне представляется более правомерным определение патриотизма как совокупности чувств, принципов и качеств (Л.И. Мищенко и другие). Но и такая трактовка не вполне отражает сущность патриотизма, ибо упускает из виду знаниевую и деятельностную составляющие этого интегративного понятия, поскольку подлинный патриотизм предполагает не только переживание человеком своего отношения к Родине и Отечеству, но и осознание им своего патриотического долга и его реализацию в патриотически направленной деятельности. Более приемлемой представляется позиция Н.В. Ипполитовой, связывающей сущность патриотизма с интегративностью свойств личности, что дает основание рассматривать патриотизм как неотъемлемую часть социально-нравственной направленности личности[3].

Таблица 2

Проявление патриотизма и его связь с социально-нравственной направленностью личности

Компоненты патриотизма	Их проявление	Социально-нравственная направленность
Эмоциональный	Высшее моральное чувство	Порывы, влечения, желания
Интеллектуальный	Интерес к познанию истории Отечества, знание отечественной истории	Знания, идеалы, убеждения, мировоззрение
Интенциональный (потребностно-мотивационный, волевой)	Социально-нравственный принцип, готовность встать на защиту Родины	Потребности, интересы, мотивы
Деятельностный	Поведение и деятельность по обеспечению правопорядка и охране личности, общества и государства	Деятельность, общение, поведение

[1] Ипполитова Н.В. Теория и практика подготовки будущих учителей к патриотическому воспитанию учащихся: Дис. д-ра пед. наук. Челябинск, 2000. С.503.

[2] Голотвин Х.Г, Мирский Р.Я. Традиции советского патриотизма. М., 1975. С.49-52.

[3] Ипполитова Н.В. Теория и практика подготовки будущих учителей к патриотическому воспитанию учащихся: Дис. д-ра пед. наук. Челябинск, 2000.

Под направленностью в современной психологии понимают:

- совокупность устойчивых мотивов, ориентирующих деятельность личности и относительно независимых от наличных ситуаций[1];
- важнейшую характеристику личности, определяющую цели, которые ставит перед собой человек, стремления, которые ему свойственны, мотивы, в соответствии с КОТОРЫМИ он действует, интересы, которыми он руководствуется в деятельности[2];
- субординированную систему отношений, взаимосвязанных между собой и характеризуемых со стороны содержания, качественных проявлений, организационных форм и выполняемых функций. Авторы последнего из приведенных определений (М.Е. Дуранов и В.Б. Орлов) представляют направленность как совокупность уровней: побуждения (порывов, желаний и лечений; интересов и потребностей; идеалов и убеждений); установки (представлений и мотивов; принципов); перспектив реализации (жизненной позиции; целеполагания, ценностных ориентаций и мировоззрения) и реализации (деятельности)[3].

Имея в виду социальную обусловленность патриотизма, его значение для развития не только личности, но и общества и государства, а также наличие в структуре не только эмоциональной, интеллектуальной, деятельностной, но и интенциональнои составляющих, позволяет рассматривать патриотизм как одну из характеристик социально-нравственной направленности личности. Введенное Н.В. Ипполитовой такое понимание патриотизма позволяет дать его целостную характеристику и определить его сущность.

Как сложное структурное образование патриотизм проявляется на различных уровнях поразному: на эмоциональном – как высшее моральное чувство; на интеллектуальном (когнитивном) – как интерес к познанию истории Отечества, знание отечественной истории; на интенциональном – как социально-нравственный принцип, как готовность встать на защиту Родины; на деятельностном (праксиологическом) – в поведении и деятельности по обеспечению правопорядка и охране личности, общества и государства.

Выявляя педагогический смысл обновленного понятия «патриотизм», Г.А. Коновалова пишет: «Исходной теоретической установкой и методологическим положением для исследования проблемы патриотического воспитания… является понимание того, что новые реалии мира (глобализация, интеграционные процессы, создание единого мирового) сообщества, становление поликультурности и т.п.) и страны (распад СССР возникновение СНГ, изменение границ и геопотилитического пространства Родины) изменили само понятие патриотизма». С приведенной выше цитатой трудно не согласиться. Однако далее, на наш взгляд, автор допускает ряд ошибок. Продолжим цитировать: «Патриотизм в его традиционном понимании как любовь к Родине и как идеологически ангажированное чувство, предполагающее доминирование общественных интересов над личными, личностное самопожертвование, ощущение собственного «я» деталью огромной государственной машины, – все это ушло в прошлое вместе с советским временем»[4].

Анализируя эту часть цитаты, укажем, что любовь к Родине была, есть и будет сердцевиной патриотизма. Что касается патриотизма как идеологически ангажированного чувства, заметим, что это чувство, прежде всего, без всякого ангажемента присуще человеку, а во-вторых, до тех пор, пока существует государство, патриотизм выступает и будет выступать в качестве идеологического стержня. Чем более демократично общество и государство, тем большая роль отводится патриотизму. Без него не смогут существовать ни государство, ни общество, ни личности, составляющие моральный и деятельностный континуум данного общества.

---

[1] Общая психология /Под ред. А.В. Петровского. М., 1986. С.401.

[2] Психология: Учеб. пособие для учащихся пед. училищ /Под ред. В.А. Крутецкого. М., 1974. С.43.

[3] Дуранов М.Е., Орлов В.Б. Личность обучающегося и ее развитие: Учебное пособие. Челябинск, 1997. С.41;

[4] Коновалова ГА. Организационно-педагогические условия патриотического воспитания учащихся в современной общеобразовательной школе: Дис. ...канд. пед. наук. Томск, 2003. С.68.

Определение сущности понятия «патриотизм» позволяет перейти к рассмотрению сущности процесса героико-патриотического воспитания. Сущность отражает внутренние связи и отношения, характерные для данного процесса, и проявляется в закономерностях и тенденциях. Воспитание – процесс, направленный на формирование личности. В связи с этим сущность воспитания заключается в создании условий для приобретения опыта поведения и основ общечеловеческой культуры. В процессе воспитания внешнее (объективное) воздействие становится достоянием внутреннего (субъективного), то есть переводится в область индивидуального сознания, чтобы впоследствии выразиться в отношениях, поведении и деятельности. Рассматривая героико-патриотическое воспитание как составную часть воспитательного процесса, можно отметить, что внешнее (объективное) воздействие связано с целеустремленной и систематической деятельностью органов государственной власти, институтов государства и общественных организаций, направленной на формирование у граждан: чувства любви к Родине, верности своему Отечеству; высокого патриотического сознания; готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Отечества.

В.В. Дьяченко определил сущность идеи патриотического воспитания подрастающего поколения в необходимости выполнения социального заказа общества и государства на целенаправленное воспитание личности в ее интересах[1]. Нам представляется, что сущность патриотического воспитания определена названным автором не полностью. Как нельзя жить в обществе и быть свободным от общества, также невозможно жить в государстве и быть свободным от государства. Следовательно, ни общество, ни тем более государство не должно, в силу наличия своих (социальных и государственных) интересов, замыкать воспитание личности лишь на интересах этой личности. Памятуя о том, что, по ныне действующей Конституции РФ, образование личности (а под образованием, согласно определению ЮНЕСКО, подразумевается единство четырех процессов: обучения, воспитания, развития и здоровьесбережения) осуществляется в интересах личности, общества и государства, то и сущность патриотического воспитания должна учитывать и диалектически сочетать все эти интересы. Таким образом, сущность патриотического воспитания нам видится в создании условий, обеспечивающих привитие личности чувства сыновней любви к Родине, верности своему Отечеству и жертвенного поведения во имя интересов Родины и Отечества.

Начальной стадией патриотического воспитания является стадия эмоционально-интеллектуального напряжения («заражения»). В пользу нашего утверждения свидетельствуют все исследователи, определяющие патриотизм через понятие «чувство». Сознание включается в процесс патриотического воспитания нередко позже, чем начинают работать чувства и эмоции. Огромное значение для формирования чувства патриотизма оказывают семья, родная территория, история народа, политическая, культурная и социальная среда, что впоследствии находит отражение на различных уровнях сознания - психологическом и идеологическом. Далее проходит когнитивная стадия, затем – интенциональная стадия как освоение способов мобилизации активности на изменение реальности, и, наконец, – операциональная стадия, – предполагающая действование с объектами реальности. И, следовательно, нам представляется, что при наличии хорошо отлаженного механизма государственно- патриотической идеологии патриотические чувства и идеи воплощаются в деятельности по преобразованию социальной реальности.

Е.В. Лобова к.соц.н. (УрГПУ, Екатеринбург)

Патриотические установки студентов вузов

Неотъемлемыми элементами гражданской культуры человека являются отношение к своей Родине, к государству, его традициям. Мнение студенческой аудитории здесь представляет особый интерес, ведь большая часть мероприятий патриотической направленности, про-

[1] Дьяченко В.В. Теория и практика патриотического воспитания в современной России: Дис. д-ра. пед. наук. М., 2001. С.18.

водимых государственными и общественными организациями, рассчитана именно на эту категорию молодежи.

В апреле-июне 2007 г. исследовательская группа факультета социологии Уральского государственного педагогического университета (М.А. Арапова, Е.В. Лобова, И.В. Шапко) провела исследование, посвященное вопросам патриотического воспитания молодежи в Свердловской области. Мы исходили из того, что патриотические установки могут проявляться на трех уровнях:

- Когнитивный: интерес к событиям, происходящим в стране; знание важных для России дат, ее истории; наличие размышлений о своей стране.
- Эмоциональный: отношение к своей стране, к людям, в ней живущим.
- Поведенческий: готовность к каким-то конкретным делам, видение того, «как я могу послужить Отечеству».

В ряду задач, для решения которых был выбран метод фокус-групп, были следующие:

1. Раскрыть понимание патриотизма студентами, выявить мировоззренческие установки студентов на служение Отечеству, в том числе отношение к службе в армии.
2. Охарактеризовать отношение студентов к государственным символам и государственным праздникам.

Фокус-группы (групповые дискуссии) со студентами двух вузов – УрГПУ) и УГТУ-УПИ) – проходили в июне 2007 г. Всего в исследовании приняло участие 15 человек.

Необходимо отметить, что понимание студентами патриотизма весьма стереотипизировано: первые слова, которые звучали во всех дискуссиях – «*это любовь к Родине*»[1]. Но студенты в дальнейшей дискуссии уточняли, что это любовь «*не к государству, а именно к стране: к людям, к природе*», «*любовь к земле, на которой мы родились и выросли*». Таким образом, патриотизм связывается в сознании студентов, в первую очередь, с «малой родиной». Это очень яркое эмоциональное отношение, потому что подразумевает нечто конкретное, близкое и понятное.

Второй смысловой блок в понимании патриотизма – чувство долга перед страной, готовность отстаивать ее честь, что-то сделать для нее: *«Каждый человек должен что-то внести в создание русской идеи». «Патриотизм – это чувство ответственности за будущее своей страны, своего государства. Но не государства в смысле госаппарата, а русского, российского народа, национального государства».* Размышления о долге, начинаясь с достаточно абстрактных общих высказываний, постепенно переходят к осознанию собственного возможного вклада в судьбу России: «*болеть за свою страну на играх олимпийских», «новости смотреть», «выполнять добросовестно свои обязанности».*

В рассуждениях студентов о долге патриотизм, служение Отечеству намеренно разводятся со службой в армии и каким-либо героизмом. Быть патриотом, служить России – не исключительное, а ежедневное занятие, оно доступно каждому и предполагает *добросовестную работу*, отстаивание интересов страны в любой сфере: будь то наука, спорт, воспитание детей, или защита родины с оружием в руках. Отношение к армии у большинства студентов, как юношей, так и девушек, отрицательное. Причем, это проявляется как на эмоциональном, так и на деятельностном уровнях: студенты негативно высказываются о службе в армии, не один из них не хотел бы служить после вуза или отпускать в армию своих детей. Армия в сознании студентов связывается с дедовщиной, с покалеченными молодыми парнями, неблагополучными слоями общества: *«...подразумевается не служба в армии, а защита страны в тяжелых условиях, к примеру, военное время. Разумеется, если человек патриот, он будет защищать свою страну... А именно службу в армии я не включаю в патриотизм». «Служить в армии – это не от большого ума. У нас в армии сейчас ситуация вообще проблематичная».* Лишь немногие высказали мнение, что служить в армии полезно для формирования личности молодых людей. Но даже эти высказывания прозвучали с оговоркой: «*в каком состоянии она сейчас находится – это, разумеется, для молодых людей не самый лучший*

[1] Здесь и далее по тексту *курсивом* выделены цитаты из фокус-групп.

вариант». В целом же большинство студентов придерживаются мнения: вовсе не обязательно служить в армии, чтобы быть патриотом.

Таким образом, в деятельностной составляющей патриотизма подчеркивается добровольность: человек сам должен выбирать, каким образом он может приносить пользу своей Родине и в какой сфере. Служение отечеству не может быть обязанностью.

Еще один смысл, вкладываемый в понятие патриотизм – это гордость за свою страну, сопереживание ее успехам и неудачам. Интересно отметить, что 5 лет назад особых причин для гордости молодые люди не видели, исследователи отмечали лишь наличие «потребности в гордости за Родину»[1]. Нынешние студенты уже отмечают конкретные поводы для гордости: наши спортивные победы в олимпиадах, наша военная техника, научные достижения. Чувство гордости за свою страну, таким образом, перестает быть просто неотъемлемой характеристикой патриота, а перерастает в личностно окрашенное чувство, которое испытывают и сами студенты. Важно отметить, что встречается и противоположное чувство – стеснение своей национальности, чаще всего, при выезде за границу. Это связано со стереотипным представлением о некультурном, развязном поведении русских. В представлениях студентов, патриот своей страны не должен «*стыдиться того, что ты живешь в этой стране, не стесняться символики русской, своей национальности*».

Наконец, еще один аспект, с которым связывается понимание патриотизма, – это любовь и уважение к культуре, традициям, символам, знание истории своей страны. Данный аспект имеет три проявления: когнитивный – знание традиций, государственных праздников, истории России; поведенческий – поддержание, соблюдение традиций, празднование знаменательных дат; и эмоциональный – отношение к этим традициям, праздникам, уважительное отношение к символам.

Когнитивный уровень: большая часть студентов легко рассуждают о российских традициях (имея в виду, в первую очередь, православные традиции и праздники), уверенно называют государственные праздники, лишь часть студентов демонстрирует знание российской истории и может назвать знаменательные для России даты, вспоминает, с чем они связаны.

Поведенческий уровень: практически все праздники студенты с готовностью отмечают. Но здесь фиксируется разделение: есть праздники, которые стали не столько государственными, сколько семейными (День защитника Отечества, 8 марта, День Победы). Их относят к народным праздникам, отражающим культуру нации. Практически в каждой семье сложились определенные традиции в отмечании этих праздников. Другая категория праздников – значимые государственные даты, такие как День Конституции, День народного единения, День принятия Декларации о суверенитете РФ. Эти праздники студенты называют «*непонятными*»: «*Было понятно, что это был дополнительный выходной, но общее непонимание было, зачем и для чего*». «*Я принципиально не отмечаю 12 июня. Потому, что я не понимаю, от кого мы отделились в конце 90-х годов. По-моему, все от нас, а мы от всех в ответ*».

Эмоциональный уровень: праздники, традиции празднования которых прививаются еще в школе и поддерживаются в семье, воспринимаются студентами как истинно народные праздники, когда ощущается единение народа. К таковым относятся День защитника Отечества, Международный женский день, День весны и труда. Особенный праздник – День Победы. Особые чувства вызывают и его традиции – парад военной техники и салют: *«чувство духа, чувство мощи», «чувствуешь причастность», «гордость за свою Родину, за Россию, чувствуешь локоть соседа, который также счастлив и рад».* Подобное отношение во многом формируется СМИ, которые активно поддерживают определенный «*праздничный дух*», создают настроение еще до наступления самого праздника. Что немаловажно, во многом благодаря СМИ эти праздники связываются в сознании молодежи и с определенными символами (в том числе, государственными): с государственным флагом, с определенными песнями, с парадом и салютом, с георгиевской лентой и гвоздиками, с орденами. Существование общенародных праздников и символов позволяет, хотя бы не надолго, ощутить единство

[1] Исследование Л.Я. Рубиной, М.Г. Бурлуцкой, И.В. Шапко «Понимание патриотизма и отношение к патриотическому воспитанию в молодежной среде», январь 2002 г. (УрГПУ).

русского народа, почувствовать гордость от того, что являешься гражданином России. Остальные государственные праздники воспринимаются как обычный выходной день. Многие студенты не знают даже даты их празднования (например, День народного единения, День принятия Декларации о суверенитете РФ). Данная ситуация объясняется тем, что подобные праздники не являются традиционными: сегодня празднуются, а завтра отменили, не складываются и определенные традиции их празднования. «*Если есть праздники, то должна быть какая-то система празднования. И вот что государство подразумевает: День народного единения – и что мы должны делать? Вот, День Победы – салюты, парад*».

Обобщая вышесказанное, можно сделать следующие выводы.

Отношение студентов к своей Родине, к России, безусловно, патриотично. Причем по сравнению с более ранними нашими исследованиями, у современной молодежи патриотизм проявляется не просто на эмоциональном уровне – в любви к Родине, гордости за достижения России в различных сферах. Но и, отчасти, на деятельностном – студенческая молодежь пытается представить свой собственный вклад в формирование образа России как сильного государства.

Патриотизм связывается в сознании студентов с приверженностью группе, общности. Ощущение Родины есть, когда есть ощущение других людей рядом. Именно этого чувства единства недостает российскому народу, именно поэтому россияне, по мнению студентов, непатриотичны. Однако любовь к России и ее людям, гордость за российский народ не всегда подкрепляются действиями на межличностном уровне, например, помощью ветеранам, тем, кто нуждается в защите и поддержке.

Важную роль в воспитании уважения и любви к близким, знакомым людям играет семья. Именно в семье закладываются основы любви к малой Родине и уважения к ближним, которые потом могут быть развиты в школе. Воспитание этих чувств в школьном коллективе уже менее эффективно, т.к. авторитет учителя снижается, и его роль современные школьники лишь в незначительной мере связывают с воспитательным воздействием[3].

Наконец, еще одна значимая характеристика патриотизма в молодежной интерпретации – его личностная избирательность. Нельзя воспитать патриота через обязательное участие в мероприятиях, в том числе службу в армии. Каждый может сам решать, как реализовать свои патриотические чувства, свой потенциал, и в какой сфере.

В.И. Лутовинов, д.филос.н. (РАГС, Москва).

Концептуальный анализ российского патриотизма

Как показывает анализ исследований, в которых рассматривается проблема патриотизма, использование и трактовка самого термина характеризуется многовариантностью, весьма разнообразно и неоднозначно. Во многом это объясняется сложной природой данного явления, многоаспектностью его содержания, неординарностью структуры, многообразием форм проявлений и т.д. Кроме того, проблема патриотизма рассматривается различными авторами в различных исторических, социально-экономических и политических условиях, в зависимости от их личной гражданской позиции, отношения к своему Отечеству, в силу использования ими различных сфер знаний и т.п.

В научно-исследовательской литературе проблеме патриотизма уделяется явно недостаточно внимания. В изложении его природы, изученности содержания, с учетом важнейших изменений, происходящих в нашем обществе, сделаны лишь первые шаги. Вследствие этого, разработка строго научной дефиниции патриотизма, рассмотрение ряда важнейших сторон данной проблемы является одной из задач отечественной науки в период реформирования Российской армии. Все многообразие подходов к пониманию патриотизма, имеющееся в научно-исследовательской литературе, можно искусственно дифференцировать по ряду направлений.

---

[3] Исследование: Рубина Л.Я., Прямикова Е.В., Лобова Е.В. Взаимодействие учащихся, учителей, руководителей, родителей в образовательной деятельности. Екатеринбург, 2006.

К первому из них относятся получившие наибольшее распространение в научно-исследовательской, публицистической, художественной литературе дефиниции, суждения, определяющие патриотизм как возвышенное чувство любви к Родине, Отечеству, что в значительной степени предопределяется этимологическими значениями самого термина «патриотизм». Это направление, фиксирующее определенное, хотя и безусловно позитивное, нередко ярко выраженное отношение к Отечеству ограничивается главным образом уровнем эмоционального отражения, проявления в абстрактной форме любви к природе, родному краю, отчему дому, к картинам детства и т.д. Именно таким является понимание патриотизма многими людьми, в том числе представляющими творческую интеллектуальную, культурную элиту. Данное направление может быть названо возвышенно-эмоциональным. В нем выделяется направленность, сила, возвышенность самого чувства безотносительно к характеристике субъекта к объекту, который имеет для него (кем бы он ни был) исключительное значение.

С этим направлением тесно связано второе, которое также основывается на понимании патриотизма как одного из высших, наиболее значимых чувств. Однако наряду с эмоциональной стороной рассматриваемое направление включает также деятельностный момент. Сила патриотического чувства не ограничивается лишь глубиной и возвышенностью любви к Отечеству. Это чувство должно побуждать личность, группу, нацию (субъект опять-таки не определяется) к активным действиям, поступкам на благо своей Родины. Такого рода деятельность является не только непременным условием истинного патриотизма, но и его критерием. Оттого, каков вклад той или иной личности, группы в дело Отечества, насколько та или иная деятельность соответствует интересам его развития, укрепления , зависит и патриотизм, уровень его сформированности и степень проявления у конкретного субъекта. Отмечая эту характерную особенность данного направления, выражающуюся в необходимости конкретной реализации патриотичности посредством конкретных действий, поступков в интересах Отечества, можно назвать его реализационно-деятельностным .

В третьем направлении патриотизм рассматривается как общественное явление. При этом различные точки зрения в отношении конкретной определенности такого явления образуют весьма широкий спектр. Содержание и характер данного направления в значительной степени обусловились особенностями исторического развития общества, государства, политикой его правящей элиты. В условиях более жесткого руководства и регламентированного функционирования советской общественной системы патриотизм представлял собой одну из ее важнейших идеологических основ, выступал в числе стержневых направлений воспитания подрастающего поколения.

В более поздний период, в конце 1960-х – начале 1980-х гг., в ряде общественных наук, особенно в философских, значительное развитие получила точка зрения, согласно которой патриотизм исследовался как явление общественного сознания. Примерно с середины 1980-х гг. стала преобладать тенденция осмысления патриотизма как одного из явлений духовной жизни общества. В некоторых исследованиях он изучался в контексте развития отечественной истории как проявление специфических черт менталитета, психики различных обществ и т.д.

Следующее, четвертое направление характеризуется тем, что объектом патриотизма является государство. Вследствие этого оно с полным основанием может быть названо «государственным патриотизмом». Появление такой разновидности патриотизма было востребовано достаточно определенными историческими условиями, а именно: необходимостью консолидации усилий для создания, укрепления государства, различных форм государственной власти. Не случайно поэтому, что одним из первых, кто разработал теоретические предпосылки данного направления, явился Гегель. Будучи убежденным сторонником прусской конституционной монархии, он завершает свою философскую систему ее идеализированным изображением. Как известно, данный исторический период будущей Германии (первые десятилетия XIX в.) был насыщен бурными событиями, в результате чего в центре Европы появилось крупнейшее государство со всеми его атрибутами, активная политика которого отра-

зилась впоследствии на судьбах многих народов мира. Гегелевское понимание патриотизма означает стремление к общим целям и интересам государства, которые являются, безусловно, приоритетными по отношению к любым другим, будь то интересы общества, группы или личности. Государство же, как высшая форма организации и высшая ценность, выступает главным объектом высших чувств и помыслов личности и общества, и, прежде всего, патриотических.

Пятое направление в определенной мере является альтернативным по отношению к предыдущему. Его представители, раскрывая сущность патриотизма, делают это в неразрывной связи именно с личностью, которая является для них высшей ценностью (в том числе по отношению к обществу, не говоря уже о государстве). Поэтому данное направление может называться личностным патриотизмом. Существенной стороной, отличающей его от предыдущего направления, для которого важнейшим компонентом является объект патриотизма (государство), является то, что в нем первостепенная роль отводится субъекту, т.е. личности. Она в этом плане занимает доминирующее положение, не возвышаясь над коллективом и не противопоставляя себя большинству. Идея понимания патриотизма в личностном ракурсе получила свое теоретическое обоснование еще у Флоровского. Он рассматривал патриотизм как культурное творчество и национальное напряжение собственных сил. Именно этот личностный акт, а не голая военная мощь, создает, по мнению Флоровского, величие России, формирует праведную и благословенную любовь к Родине.

Шестое, последнее направление во многом связано с предыдущим. Эта связь выражается в том, что очень часто (хотя и не всегда) субъектом патриотизма выступает личность. Сам же патриотизм рассматривается как важнейший момент, этап развития личности, а именно – ее духовного развития, самовыражения. При этом уровень такого развития является очень высоким, поскольку духовная самореализация личности предполагает проявление его целого ряда важнейших сторон, качеств, характеризующихся полнотой, целостностью, оптимальностью их сформированности. Содержание же этих качеств личности, самого акта духовности ее патриотизма является глубоко религиозным. Поэтому данное направление может быть определено как духовно-религиозное. Данное направление имеет самую богатую традицию, глубокие и мощные корни. Это объясняется не только огромным, более чем тысячелетним периодом развития религиозно-патриотических взглядов, чувств, но и величественным вкладом в разработку данного направления со стороны многих и многих видных представите лей власти, Русской Православной Церкви, литературы, философских и других наук.

Таким образом, из анализа основного содержания каждого из этих направлений, по которым различаются рассмотренные подходы к пониманию патриотизма, можно сделать вывод о спектральности, значительном разбросе точек зрения в отношении данного феномена. Это объясняется, в частности, его сложностью и многоаспектностью, многокомпонентностью содержания, разноплановостью структуры, многообразием форм проявления, изменением отношения к нему государственного руководства и общественной элиты, особенностями научных исследований проблемы патриотизма (осуществленных в разных исторических, социально-политических условиях, на базе различных наук и т.д.).

Каковы же наиболее сильные, существенные стороны, раскрывающие те или иные свойства, черты патриотизма, рассматриваемого в том или ином аспекте, содержатся в каждом из этих направлений?

Для первого направления характерно понимание патриотизма как одного из важнейших, наиболее возвышенных чувств. Природа этого чувства, очень богатого по содержанию, многообразного, сильного и устойчивого по проявлению, не ограничивается лишь эмоциональным началом. В связи с исключительной значительностью объекта патриотизма – Отечества, Родины – чувство, испытываемое к нему, имеет выраженную социальную направленность.

Второе направление рассматривает природу патриотического чувства во многом аналогичным образом, однако, по сравнению с предыдущим направлением, такое чувство обладает еще и побудительной силой. Вследствие этого патриотизм, благодаря силе и действенности чувства, является еще и деятельностным. Реальное же воплощение патриотического чув-

ства в конкретные дела, поступки, действия в интересах Отечества является критерием патриотизма, признанием его истинности.

В третьем направлении подчеркивается тесная взаимосвязь и взаимозависимость патриотизма и общества. В этом соотношении патриотизм рассматривается одновременно в разных ракурсах: как одна из составляющих общественного сознания, менталитета, национального самосознания, как компонент идеологии, культуры, истории, общественной психологии, как одна из высших ценностей, как направление воспитания, как источник благополучия, благосостояния и успешного развития важнейших сфер жизни. Существенно и то, что в качестве объекта патриотизма выступает та или иная сфера общества, а также оно само как социум.

В четвертом направлении в качестве объекта патриотизма выступает государство. Тем самым учитывается своеобразие исторического пути России, в развитии которой огромную роль сыграло именно государство. В современных условиях укрепление государства, государственности на основе патриотизма не только способствовало бы созданию правового общества, но и возрождению России как великой державы. Только в набирающем силу Российском государстве станет возможным рост национального самосознания, национальной гордости, достоинства всех граждан.

В пятом направлении особое, приоритетное значение принадлежит личности. Во-первых, она является субъектом патриотизма. При этом ее активная созидательная роль проявляется в процессе саморазвития – интеллектуального, нравственного, духовно-творческого, деятельностного – качеств, свойств гражданина-защитника Отечества. Во-вторых, крайне важно, что ключевым моментом активной самореализации личности патриота является отождествление ее высших интересов, целей, идеалов и т.д. с Отечеством, отношение к которому определяется возвышенностью любви к нему и силой долга. В своей основе исходные положения данного направления проникнуты гуманизмом, утвержденным в качестве высших ценностей любви, свободы выбора, творчества, возможности самоопределения и др.

Многие из этих позитивных моментов, характеризующих личностный патриотизм, в полной мере относятся и к шестому направлению, в котором во всей глубине раскрывается духовная природа патриотизма. Духовное предстает как наивысшая ценность, только через него и благодаря ему человек способен подняться до высоты истинного патриотизма. Особая значимость духовного не только в божественности его природы, но и в огромном богатстве культурного, исторического и собственно богословского содержания патриотизма, которое на протяжении тысячелетия развивалось в лоне православия. Высшие проявления духовного, такие как истинный патриотизм – результат сложного и длительного развития общества, этноса, личности. Содержание, направленность и особенно уровень духовного патриотизма, его реальное воплощение являются наиболее глубокой, существенной стороной данного подхода в теоретическом отношении.

Итак, исходные установки, в которых конкретизируются вышерассмотренные теоретические основы патриотизма для его более полного и всестороннего понимания и выведения нового варианта определения, в своей совокупности представляются в следующем виде.

- патриотизм, если иметь в виду его генезис, возникает и проявляется как чувство, все более социализируясь и возвышаясь посредством духовно-нравственного обогащения;
- понимание высшего развития чувства патриотизма неразрывно связано с его действенностью, что в более конкретном плане проявляется в активной социальной деятельности, действиях и поступках, осуществляемых субъектом на благо Отечества;
- патриотизм, будучи глубоко социальным по своей природе явлением, представляет собой не только важнейшую грань жизни общества, но и источник его существования и развития, выступает как атрибут жизнеспособности, а иногда и выживаемости социума;
- одним из характерных проявлений патриотизма является принцип державности, отражающий специфику исторического развития нашего общества, важнейшим фактором которого выступало государство, как относительно самодовлеющая сила. На современном этапе развития российского общества возрождение патриотизма во многом ассоциируется в качестве важнейшего условия возрождения России как великой державы;

- в качестве первоосновного субъекта патриотизма выступает личность, приоритетной социально-нравственной задачей которой является осознание своей исторической, культурной, национальной, духовной и иной принадлеж ности к Родине как высшего принципа, определяющего смысл и стратегию ее жизни, исполненной служения Отечеству;
- истинный патриотизм – в его духовности. Патриотизм как возвышенное чувство, незаменимая ценность и источник, важнейший мотив социально-значимой деятельности наиболее полно проявляется в личности, социальной группе, достигшей высшего уровня духовно-нравствен ного и культурного развития. Истинный, духовный в своей основе патриотизм предполагает бескорыстное, беззаветное, вплоть до самопожертвования, служение Отечеству, которое по своей значимости уступает лишь служению Богу.

Исходя из этих установок, в которых в концентрированном виде представлены основы понимания патриотизма как важнейшего явления нашей жизни, становится возможным, обобщив их наиболее существенные стороны, моменты, сформулировать его определение. Патриотизм понимается как одна из наиболее значимых, непреходящих ценностей, присущих всем сферам жизни общества и государства, является важнейшим духовным достоянием личности, характеризует высший уровень ее развития и проявляется в ее активно-деятель ностной самореализации на благо Отечества. Патриотизм представляет собой своего рода фундамент общественного и государственного здания, идеологическую опору его жизнеспособности, одно из первоосновных условий эффективного функционирования
всей системы социальных и государственных институтов.

В историческом плане патриотизм является необходимым и важным аспектом духовной и нравственной силы и здоровья общества, что особенно мощно и неудержимо проявляется на переломных этапах развития, во время больших, исторически значимых событий, в годы трудных испытаний. В процессе своего развития патриотизм зарождается и формируется как чувство, связанное с миросозерцанием родного края, ближнего окружения в раннем детском возрасте, а в более зрелом оно социализируется, возвышается, особенно благодаря осуществлению конкретных видов общественно-полезной деятельности.

Формирование истинного патриотизма связано с высшим уровнем развития личности, особенно в социально-духовном и нравственном плане. На этом уровне развития личность идентифицирует себя с Родиной, Отечеством. Ее «Я» становится частицей, неразрывно связанной со множеством других «Я» социума, что в реальной действительности и конкретной деятельности проявляется в единении их чувств, ценностей, взглядов, норм, идеалов, целей, действий и поступков, интегрирующим моментом которого выступают высшие интересы общества, активная реализация идеи служения Отечеству.

Истинный патриотизм предполагает формирование и длительное развитие целого комплекса позитивных качеств личности. Стержнем этого развития являются духовно-нравственный и социокультурный компоненты. Истинный патриотизм проявляется в единстве глубочайшего духовного освоения его субъектами истории и культуры своего народа и их активно-деятельностного участия в решении важнейших проблем современного общества, высокой гражданственности и социальной активности личности, осознающей свою нераздельность, неразрывность с Отечеством.

Малинкин А.Н. к.филос.н. (ИС РАН, Москва)

Понятие патриотизма: эссе по социологии знания

Патриотизм, во-первых и прежде всего, – *любовь к родине*, отечеству (patria). Это изначально социальное чувство – чувство общности, единства, солидарности с родными и близкими, чувство сопричастности их судьбе, поскольку «родина» как *родные люди* (мать, отец, близкие родственники или те, кто их фактически заменяет) и «родина» как исторически определенное *место и время* рождения поначалу образуют единый и нераздельный феноменологически первичный *мир современников и жизненный мир*[1]. «Знание каждого человека о

[1] О понятии «жизненный мир» (Lebenswelt) см.: Husserl E. Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendentale Phänomenologie // Husserliana. Den Haag. Bd. 6. 1954; Grathoff R. Milieu und Lebenswelt: Einfüh-

том, что он – «член» общества, – это не эмпирическое знание, а *«a priori»*, – гласит первая аксиома социологии знания М. Шелера. – Оно генетически *пред*шествует этапам его так называемого самосознания и сознания собственной ценности: нет никакого «я» без «мы», и «мы» генетически всегда раньше наполнено содержанием, чем «я»[1].

Любовь к родине есть особая разновидность *чувства любви*[2]. Она представляет собой *первичное эмоциональное выражение души и духа интимно-личностного характера*. Считать ее чем-то вторичным, искусственно создаваемым, производным было бы ошибкой. Формируясь в процессе социализации человеческой личности на базе множества социальных отношений, питаясь их энергией и отдавая им свою, любовь к родине является самобытным способом человеческого мироотношения. Даже те социальные отношения, которые оказывают существенное и решающее влияние на формирование патриотических чувств (скажем, национальные, политические, культурные), не могут заменить эмоционального отношения к родине – гордости, презрения, ревности, равнодушия, восторга, негодования, жалости, досады и т.д. Первоисточником любого эмоционального отношения к родине, в том числе негативного (например, ненависти), всегда является любовь. Как первичная *целостная* эмоция любовь к родине может быть источником и лежать в основе комплекса переживаний, воззрений и идей. Они могут иметь чрезвычайно сложную структуру и – будучи выражены в общезначимых символических формах – поддаваться объективному наблюдению и анализу, но сама по себе любовь к родине не может быть собрана или разобрана на составные части, как механический агрегат.

Во-вторых, патриотизм глубоко укоренен в человеческой *свободе*. Любовь к родине всегда есть дело свободного («автономного») самоопределения индивидуальной человеческой личности. Она либо есть, либо ее нет: заставить любить кого-то или что-то нельзя: «насильно мил не будешь». Любовь возникает и развивается, появляется или исчезает спонтанно, не по принуждению и не намеренно. Волевая сторона патриотизма в принципе производна от любви к родине, но фактически неотделима от нее, поскольку сущность подлинной любви проявляется в деятельном и жертвенном участии в бытии предмета любви.

В некоторых проблемных или критических жизненных ситуациях волевой компонент патриотизма выходит на первый план, вытесняя большую часть спектра патриотических переживаний, и требует активных социальных действий (как в случае защиты родного дома, края, отечества; в миграции или эмиграции). Аналогичный процесс происходит и в социальных общностях, когда возникает и проявляется коллективная воля к формированию или сплочению нации (народа), которая обычно направлена на выбор «лучшей доли», на то, чтобы взять «свою судьбу в собственные руки». Этот процесс Р. Михельс квалифицирует как *ирредентизм*[3].

В нормальных жизненных и исторических ситуациях патриотизм представляет собой единый эмоционально-волевой комплекс. Именно любовь к родине *пробуждает* волю к сплочению, единению всех, кто любит родину, ради активного, деятельного, а в определенных ситуациях жертвенного ей служения, в результате чего между патриотами устанавлива-

---

rung in die phänomenologische Soziologie und die sozial-phänomenologische Forschung. Frankfurt a/Main, 1995; о понятии «мир современников» (Mitwelt) см.: Scheler M. Probleme einer Soziologie des Wissens // Scheler M. Gesammelte Werke. Bd. 8. Bern, 1980.; Schütz A. Der sinnhafte Aufbau der sozialen Welt – Eine Einleitung in die verstehende Soziologie. Frankfurt a/Main, 1981; См. также: Ионин Л.Г. Социология культуры. М., 1996. С.69-75.

[1] Scheler M. Probleme einer Soziologie des Wissens // Scheler M. Gesammelte Werke. Bd. 8. Bern, 1980. S.52

[2] О понятии «любви» в предполагаемом здесь смысле см.: Августин Блаженный. Энхиридион Лаврентию. О вере, надежде и любви // Августин Блаженный. Творения. Том 2. Теологические трактаты. СПб., 1998; Scheler M. Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik // Scheler M. Gesammelte Werke. Bd. 2. Bern, 1980; Scheler M. Wesen und Formen der Sympathie // Scheler M. Gesammelte Werke. Bd. 7. Bern, 1973; Scheler M. Liebe und Erkenntinis. Bd. 6. Bonn, 1986; Шелер М. Ordo amoris // М. Шелер. Избранные произведения. М., 1994; Малинкин А.Н. Учение Макса Шелера о ресентименте и его значение для социологии // Социологический журнал. 1997. № 4. С.116-150; Ильин И.А. Путь духовного обновления // Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С.221-222.

[3] Michels R. Patriotismus // Handwörterbuch für Soziologie / Hrsg. von A. Vierkandt. Stuttgart, 1959. S. 439; Michels R. Der Patriotismus: Prolegomena zu seiner soziologischen Analyse. München und Leipzig, 1929.

ется органическая солидарность на основе взаимного доверия, бессознательного или осознанного. Обратный процесс – когда социально-групповая или общенациональная солидаризация вызывает «волну патриотизма» – разумеется, возможен и происходит в действительности; однако было бы ошибкой отождествлять его с патриотизмом как таковым. Эмоционально-волевой импульс, который индивиды получают в процессе солидаризации через социально-психологическое заражение, *не порождает* их любовь к родине, а лишь *актуализирует* их отношение (любовь, ненависть и т.д.) к ней, заставляет его осознать, стимулирует его или подавляет.

В-третьих, патриотизм находит *интеллектуальное* выражение в понятиях. В патриотических взглядах под определенным углом зрения осмысливаются те или иные социальные отношения, намечаются пути и способы их изменения в интересах отечества. Социальные идеи и теории, открыто провозглашающие свою патриотическую направленность (то есть зависимость от интересов отечества), можно охарактеризовать как «патриотически-идеологические».

Существует множество социальных идей и теорий, декларирующих свою независимость от каких-либо жизненно-практических ценностей и интересов, в частности, от патриотических, и претендующих, таким образом, на научную объективность. Должны и могут ли научно-теоретические конструкции, осмысляющие реалии человеческого социума, быть свободными от ценностей и интересов социума, к которому принадлежит их автор, – такова центральная проблема социологии знания. На примере исследования патриотизма мы попытаемся показать, как нам видится ее решение.

Любое социальное отношение может стать фактором формирования патриотических взглядов, идей, теорий и их последующей эволюции, либо их носителем. Вот почему, чтобы сделать первый шаг к differentia specifica понятия патриотизма, следует с самого начала провести принципиальное разграничение между социальными отношениями как факторами или носителями патриотизма и собственно патриотизмом как социальным феноменом (нас интересует именно последний). Так, патриотические взгляды, идеи, теории могут найти выражение в сфере политики, экономики, культуры и т.д.; тогда их носителями станут, соответственно, политические, хозяйственные, культурные и другие отношения. Здесь мы имеем дело с известным социальным явлением, когда одно социальное отношение выполняет функцию основы, базиса или носителя другого социального отношения[1]. С некоторой натяжкой можно сказать, что патриотизм в чистом виде, «без примеси» других социальных отношений существует только в виде эмоционально-волевого выражения. Натяжка состоит в том, что сами человеческие чувства, в первую очередь патриотические аффекты и эмоции, социально-культурно опосредованы; более того – культурно-исторический элемент составляет их сущность. Когда отстаивают обратный взгляд – то есть утверждают внесоциальную этиологию патриотических аффектов и эмоций и их интимно-личностный характер, – ссылаются, с одной стороны, на переживание явлений природы, особенности климата, ландшафта и т.п. и, с другой – на экзистенциальную неповторимость жизненного опыта, индивидуальность его переживания. Если верно, что патриотические переживания, подобно мистическим, на самом деле невыразимы, и попытки передать их в общезначимых символических формах заведомо обречены на извращение их подлинной сущности («мысль изреченная есть ложь»), то у социологии на самом деле нет доступа к «патриотизму» как сверхиндивидуальной реальности. Тогда то, что называется «патриотизмом», не может быть предметом социологии, поскольку таковым является социальная, – стало быть, сверхиндивидуальная – реальность. Самое большее, на что социология может рассчитывать, – это описывать и анализировать «патриотизмы» как искусственные рациональные «конструкты», как элементы политических, интел-

[1] Идеологизация этого социального явления привела к «материалистическому пониманию истории». Более конструктивным, с социологической точки зрения, представляется его теоретическое осмысление в онтологии Н. Гартмана. См.: Гартман Н. Проблема духовного бытия: Исследования к обоснованию философии истории наук о духе: Введение // Культурология. XX век: Антология. М., 1995. С.621-631.

лектуальных, литературных, религиозных, социальных и прочих «полей»[1]. На наш взгляд, это не так, и оба приведенных выше аргумента не выдерживают критики. Органическая естественность чувства любви к родине, связанная с особенностями ландшафта, климата и т.п., на наш взгляд, еще не свидетельствует о внесоциальности такой формы «первобытного» исконного патриотического чувства. Например, «русская березка»: этот символ России дорог сердцу каждого русского человека. Однако известно, что «белая береза» (Betula alba) не является отличительной особенностью российского ландшафта и широко распространена во многих странах мира. *Значит, дело не в дереве, а в том, почему оно стало национальным символом, а это – уже другая, не естественнонаучная (ботаническая), а социологическая проблема*[2]. То же самое можно было бы сказать о «русской зиме», «русских лесах и полях», «русском медведе» и даже о так называемой «русской душе» (в той мере, в какой она – естественный феномен народной жизни).

С другой стороны, индивидуально-личностный, глубоко интимный характер некоторых чувств – а к ним в большой мере относятся и патриотические – вовсе не исключает их культурно-исторической обусловленности и социальной значимости. Так, у каждого нормального человека есть потаенные уголки души, о которых, как он полагает, не должен знать никто, даже самый близкий человек. Но сокровенным мы не делимся с другими не потому, что «этого» больше ни у кого, кроме нас, нет. Скорей наоборот, действительная основа, объективная событийная канва интимных переживаний, как правило, банальна. При открытии, обнародовании она утрачивает ореол таинственности, а вместе с ним и магическое влияние на нас. Мы держим сокровенное при себе потому, что «это» имеет *отношение* лично к нам и *значимо* только для нас. Не факты, события, вещи, а их *особая индивидуальная значимость* являются кирпичиками в фундаменте нашей личности. Вольно или невольно, сознательно или бессознательно в течение всей жизни мы «культивируем» собственную личность, и важный элемент такого культа – соблюдение некоторых интимно-личных табу и ритуалов; мы бдительно следим за неприкосновенностью того, что для нас дорого, свято, или занимает место дорогого, святого в нашей ценностной иерархии[3].

Итак, и субъективные смыслы бывают разные, и сама субъективность не однородна: уже при первом приближении внутри нее выделяется то, что можно назвать *материей и формой переживаний*[4]. В описанной выше интроспективной картине главное заключается не в том, что составляет материю интимно-личных переживаний («это событие», продукт объективирующей интенции) некоего «я», но в том, *как оно* «это событие» *переживает и что* «это» *значит лично для него* («индивидуальное я», продукт субъективирующей интенции).

Между тем, социологию – а феноменологическая социология с ее ориентацией на интерсубъективность здесь не исключение – в отличие от глубинной психологии, например, психоанализа, интересует как раз не индивидуально-личностная значимость события, а его социальная значимость и общезначимость (которые, разумеется, также «проходят» через индивидуально-личностные переживания). Социологию может интересовать лишь *материя* пе-

---

[1] Bourdieu P. Sozialer Sinn: Kritik der theoretischen Vernunft. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1987.

[2] Берестяные грамоты, лапти, березовые веники, березовые лучины, деготь из березовой коры, лечебные березовые почки, крепкая березовая древесина – это лишь некоторые и, возможно, не главные причины превращения белой березы в национальный русский символ. Более глубокий пласт этой социологической проблемы (символизации) открывается при осмыслении того факта, что многие народы, живущие на территории России (например, якуты) почитали березу как *священное* дерево.

[3] Разумеется, кроме эмоционально-позитивных переживаний (о «хорошем»), интимно-личностную сферу образуют также эмоционально-негативные переживания (о «плохом»), например, чувства вины, стыда, раскаяния в связи с теми или иными поступками. Но известно, что даже у самого отпетого негодяя, матерого преступника, у которого, казалось бы, давно атрофировались нормальные человеческие эмоции, в глубине души всегда сохраняется что-то «святое».

[4] Категориальное различение материи и формы переживаний основывается на различении материи и формы познания в «феноменологии научного познания» Э. Кассирера. См.: Cassirer E. Philosophie der symbolischen Formen. Bd. 1-3. Berlin (Bd. 1. Die Sprache. 1923; Bd. 2. Das mythische Denken. 1925; Bd. 3. Phänomenologie der Erkenntnis). 1929; Кассирер Э. Философия символических форм: Введение и постановка проблемы // Культурология. XX век: Антология. М., 1995.

реживаний. Последняя в принципе социально значима и общезначима, потому что (через объективацию) представляет собой объективно существующую социальную связь между людьми[7]. Другими словами, материя переживаний социальна – в той мере, в какой человек является социальным существом – и *поэтому* интерсубъективна.

Например, величайшее достижение СССР – полет Юрия Гагарина в космос – имело огромную социальную (общественную, государственную, идеологическую и пр.) значимость, сплотив в патриотическом порыве миллионы советских людей. Вместе с тем это событие имело большую индивидуальную значимость для каждого советского человека в отдельности, поскольку вызывало индивидуально переживаемое чувство национальной гордости. Или другой, в некотором смысле обратный, пример: для А. хруст снега под ногами в морозную зиму, когда все утопает в сугробах, искрящихся на солнце, с детства – символ родины, России. Его переживания (особое восприятие хруста снега) имеют, как он полагает, исключительно интимно-личностный характер, поскольку связаны с детскими воспоминаниями о месте, где он родился, о близких и друзьях. А. никому никогда об этом не говорил и не скажет. Но его родные, близкие, друзья, да и каждый житель России, наделенный чувством прекрасного, – все когда-то переживали *подобное* тому, что переживал он (ведь все они родились и выросли в России) и поэтому хорошо понимают А. Им не требуется объяснять, почему в ясный морозный день глаза А. излучают восторг, почему он, ступая на хрустящий снег, радуется как ребенок. Им не надо приходить к консенсусу относительно общезначимых верифицируемых критериев, которые отличают «настоящую» русскую зиму от «ненастоящей», – ведь у них одна и та же родина.

Итак, патриотические чувства интерсубъективны. Вот почему патриотизм, будучи глубоко интимным индивидуальным чувством любви, одновременно способен сплачивать, объединять многих людей в единые, внутренне солидарные общности, в «мы»: дело в том, что он – не продукт *субъективного произвола* чувственной фантазии или мышления (то есть не каприз, не химера, не мания), а выражение *сущностной воли*[1], проявляющейся в индивиде, роде, народе, нации естественно и непроизвольно[2]. И по этой же причине – благодаря объективности и объективной ценности предмета патриотического отношения – социология как социология «понимающая» *в принципе способна понять и познать* такой интимно-личностный и субъективный феномен как патриотизм.

Далее мы попытаемся выявить и определить *сущностное ядро* патриотизма как социального феномена, установить его *основные формы и типы*, а также квалифицировать с точки зрения социологии знания социальные явления, сущностно-необходимо связанные с патриотизмом, но имеющие противоположный ценностный вектор. Таким образом, мы ограничиваемся рассмотрением собственно патриотизма в его философско-социологическом аспекте.

Патриотизм начинается с естественной бессознательной привязанности человека к отчему дому и родному краю. Чувство любви к родительскому дому, к родным и близким, к сверстникам и ближайшему взрослому окружению всегда глубоко индивидуально, за ним стоит уникальный жизненный опыт. Тем не менее, оно – источник формирования у человека в более зрелом возрасте патриотических и других социальных чувств и взглядов. Их объекты постепенно генерализируются, расширяясь концентрическими кругами (отчий дом – отчий край – отечество; родители – род – народ). Такое расширение происходит в ходе социализации личности, обусловлено половозрастными жизненными циклами, которые, в свою очередь, зависят от культурно-цивилизационных характеристик общества, или, проще говоря, от степени его развитости.

Формально-социологической особенностью социализации патриотических чувств и взглядов всегда является выход за границы той части социального пространства, которая на-

---

[1] Tönnies F. Gemeinschaft und Gesellschaft // Handwörterbuch für Soziologie / Hrsg. von A. Vierkandt. Stuttgart, 1959. S. 180-191.

[2] Ильин И.А. Путь духовного обновления // Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С.228.

зывается «жизненным пространством» и интуитивно отождествляется с «родиной»[1]. Выход за границы «родины» приводит к осознанию различия между «своей» и «чужой» территорией, к делению людей на «своих» и «чужих»; если он не имеет отрицательных последствий для личности (со стороны «чужих» или «своих»), то «чужие» не становятся «врагами», а их территория начинает восприниматься как «общая». Так впервые патриотическое сознание дифференцируется на «малую» и «большую» родину. В основе этого различения лежат не физическо-географические размеры территории, а социально-феноменологический смысл, который личность вкладывает в эти понятия сообразно масштабам своего жизненного мира[2]. То, что вчера для личности было «большой» родиной, завтра может стать «малой», поскольку она окажется включенной в еще больший круг социального пространства (отчий дом – отчизна; национальное государство – «мировое общество»; планетарная цивилизация – вселенная). Между любовью к так называемой «малой» родине (местным патриотизмом[3]), изначально более сильной и вещественно-конкретной, и любовью к родине «большой» (собственно патриотизмом) на первых этапах социализации может возникнуть ревностное, внутренне противоречивое чувство. В свете последнего «большая» родина представляется чем-то абстрактным, возвышающимся над привычным домашним и семейным кругом. Выход из него сопряжен с появлением отчужденности, которая в дальнейшем – по мере включения индивида в общегражданские и светские отношения – обычно исчезает. Таким образом, при нормальном процессе социализации местный патриотизм не «отмирает» и не «упраздняется»: поначалу он служит мостиком для перехода к собственно патриотизму, а впоследствии образует его базис.

В определенных обстоятельствах (расово-этническая дискриминация и сегрегация, гражданские войны, конфликты между регионом и центром и т.д.) нормальный процесс эмоциональной социализации нарушается – и отчужденность сохраняется или даже углубляется. Тогда местный патриотизм может послужить источником сепаратистских настроений, причиной миграции или эмиграции. Но и в стабильных условиях процесс генерализации объекта патриотических чувств не всегда идет гладко, поскольку зависит от огромного числа факторов, в частности, расовой и национально-этнической принадлежности, языка, вероисповедания, культурных традиций, исторической судьбы и экономического положения родного края, формы государства, политической системы и т.д. Не удивительно, что в современном большом многонациональном государстве (особенно в таком, как Россия) местный патриотизм бывает нередко более силен, чем патриотизм общегосударственный.

В процессе социализации личности патриотические эмоции дифференцируются и усложняются под действием рефлексии, попыток взрослеющего человека, с одной стороны, вычленить себя как сознательную индивидуальную личность из тех общностей, частью которых он, сам того не сознавая, являлся с рождения, а с другой стороны, «разобраться в собственных чувствах». Это стремление ведет к активному осмыслению пережитого опыта, переживаемого момента и антиципации будущего, к осознанию своего места в обществе и проектированию желаемого. Делаются первые шаги в направлении расовой, национально-этнической, религиозной, культурной, классовой и социально-групповой самоидентификации. Именно так – через социализацию мышления в ходе реструктуризации жизненного мира – впервые формируются и наполняются конкретным содержанием абстрактные понятия[4]. Прогрессирующая интеллектуализация этого процесса типична для нормального процесса

---

[1] Обратное заключение «материя переживаний объективна, потому что имеет социальную значимость и общезначимость, то есть признается всеми, а стало быть значит для всех одно и то же» было бы неверно и свидетельствовало бы об отказе от принципов феноменологии в пользу принципов неокантианства.

[2] В этом смысле и надо понимать выражения «крупная» или «масштабная» личность.

[3] Под «местным» патриотизмом мы не имеем в виду патриотизм в метафорическом смысле – корпоративный дух, солидарность, круговую поруку работников одного предприятия, фирмы.

[4] Это направление исследований, лежащее на стыке социологии, логики и социальной психологии, намечает в своем наброске «теории социального генезиса абстракции» К. Мангейм (Манхейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 252-253).

социализации, хотя его первоначальная эмоциональная основа может не только сохраниться, но и упрочиться.

Анализирующему свои переживания человеку зачастую кажется, будто путь их осмысления и осознания – это путь их полной рационализации, интеллектуального "снятия". Создается впечатление, будто происходит превращение интимно-личностной эмоциональной энергии в общезначимые символические формы, будто в этом размене чувств на слова, религиозные верования, обществоведческие понятия, политические идеи, правовые термины и т.д. эмоции сублимируются и пропадают. Но их периодические взрывы, происходящие во время войн, политических конфликтов и событий, природных и социальных катастроф, международных спортивных состязаний, небывалых национальных достижений и т.п., свидетельствуют, что дело обстоит намного сложнее. Львиная доля оценок, взглядов, убеждений, идей и даже теорий возникает под непосредственным воздействием патриотических порывов, «волн патриотизма».

Рациональные конструкты, имеющие аффективное происхождение, всегда образуют поверхностный, периферический слой индивидуального, группового и общественного сознания. Если бы влияние патриотизма и других «социальных эмоций» на общественную жизнь ограничивалось только этим, то следовало бы признать полную правоту сторонников естественнонаучной (позитивистской) парадигмы в социологии. Влияние патриотических, равно как и антипатриотических порывов мало отличалось бы тогда от воздействия *аффектов и страстей*, пагубного для непредвзятого исследования и научной объективности. Да это и было бы, скорее всего, проявлением аффектов и страстей. Ради познания истины от такого – аффективного – патриотизма следовало бы освободиться, как учил Б. Спиноза, считавший человеческое бессилие в укрощении и ограничении аффектов формой рабства[1]. Однако проблема заключается не в том, нужно ли идентифицировать и элиминировать аффективный патриотизм как замутняющий социально-научное познание фактор – это, бесспорно, необходимо, пока мы полагаем, что находимся в рамках социальной науки, – а в идентификации конкретной идейно-теоретической конструкции как социально-научной в отличие от политико-идеологической, социально-философской, религиозно-философской, социально-мифологической и т.д. То есть проблема заключается в полагании границ научности социального познания, а также в том, кем и откуда они полагаются – субъектом познания из самого познания, стремящегося к объективности, или, скажем, субъектом политического действия из политической сферы.

Аффективный патриотизм – важная составная часть множества авторитарно ориентированных политических идеологий (расистских, националистическо-экстремистских, религиозно-фундаменталистских и т.д.). Большинство из них не озабочено поиском истины (она им «известна»), равно как и соблюдением процедур научности познания, по сути своей демократических. Стало быть, задача в том, чтобы осознать и соотнести наши собственные ценности, заложенные в позиции, с которой мы производим идентификацию и квалификацию идейно-теоретической конструкции, с ценностями последней. Такое пропедевтическое релятивирование необходимо, чтобы разобраться, в каком контексте следует рассматривать знание, представленное в данной идейно-теоретической конструкции, – в контексте научного познания или практической деятельности, например, политики[2].

Между тем, представление о том, что патриотизм – только аффективный фактор, служащий помехой социально-научному познанию, но конститутивный для ненаучного знания, так же поверхностно, как и взгляд, согласно которому социально-научная истина в полной мере

---

[1] См. два последних раздела «Этики» – «О человеческом рабстве или о силах аффектов» и «О могуществе разума или о человеческой свободе». Б. Спиноза внес огромный вклад в создание естественнонаучной парадигмы познания и соответствующего ей образа «ученого» – «человека познающего» как высшей формы homo sapiens и animal rationale. Для Спинозы «любовь, желание и всякие другие так называемые аффекты души» – «модусы мышления» (Спиноза Б. Этика. М.-Л., 1933. С. 197-222; Бубер М. Проблема человека. М., 1992).

[2] На значимость социального контекста знания обратил внимание еще Б. Спиноза. В трактатах, посвященных политике, его отношение к аффектам и страстям совсем иное, чем изложенное в «Этике» (хотя он еще не проводит различия между «аффектами» и «чувствами»). См.: Спиноза Б. Политический трактат. М., 1910. С.3.

объективна лишь тогда, когда целиком исключает индивидуально-личностную субъективность[1]. Существенное и суверенное влияние патриотических чувств выражается не в их непосредственном воздействии на процесс мышления и его результат, а совсем другим способом. Они участвуют в формировании системы ценностных предпочтений человека, являются важнейшей составной частью *этоса* индивидуальной человеческой личности. Они входят в состав того, что Бл. Августин называет «ordo amoris», а Б. Паскаль – «ordre du coeur». Другими словами, если любовь к родине как необходимая составная часть ценностного отношения к миру детерминирует всю человеческую жизнь (в том числе способ мышления), мы имеем дело с *этологическим* патриотизмом. Он находит выражение в определенной жизненной позиции, а она, в свою очередь, – в образе и стиле жизни. Говоря о жизненной позиции, мы имеем в виду не декларативное утверждение патриотических взглядов, а определенную структуру жизненного мира, способ организации жизнедеятельности, повседневного поведения[2]. Патриотические аффекты, эмоции и взгляды являются, с этой точки зрения, всего лишь поверхностной оболочкой более глубокого, бессознательного и подсознательного пласта человеческого бытия в социуме.

Попытаемся пояснить, что такое этологический патриотизм. Любящий свою родину человек с самого начала иначе понимает свое предназначение в жизни, избирает иную стезю, иные цели и стратегию их достижения, он изначально ведет себя, мыслит и переживает иначе, чем тот, кто не питает к родине теплых чувств, а тем более тот, кто в глубине души ненавидит страну, в которой родился. Высшим проявлением его патриотизма бывает добровольная жертва собственной жизни ради спасения родины. Соответственно, у истинного патриота по-другому складывается жизненный путь – то, что называется судьбой, «биографией». Как правило, его судьба во многом переплетается с судьбами родины[3].

Так, во время войны истинный патриот идет на фронт защищать родину; совершая этот поступок, он не нуждается в публичной декларации своих патриотических чувств и взглядов, она для него – дело второстепенное. Но и в мирное время его патриотическая, или активная гражданская, позиция выражается в поступках, свидетельствующих о его готовности разделить судьбу родины, какой бы она ни была. Обыватель, настроенный патриотически индифферентно или антипатриотически, будучи сторонним наблюдателем, увидит в стремлении к самопожертвованию из любви к родине только пренебрежение здравым смыслом и личными интересами, то есть недостаток ума. Для истинного же патриота, совершающего патриотический поступок, наоборот, сомнения и раздумья о *целесообразности* совершения этого по-

---

[1] В этой связи показательна эволюция неопозитивизма до постпозитивизма, например, концепция «личностного знания» М. Полани (Полани М. Личностное знание: На пути к посткритической философии. М., 1985) или образ науки и «свободного общества» П. Фейерабенда (Фейерабенд П. Против методологического принуждения // Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С.465-466; Фейерабенд П. Наука в свободном обществе // Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С.470). Эта эволюция – запоздалое возвращение окольными путями к истине, которая стала очевидной для многих мыслителей еще в начале XX в. (например, для Э. Кассирера, М. Шелера, Э. Гуссерля, Г. Риккерта). А именно, субъективность бывает разная: одна имманентна и конститутивна для социального познания, ее исключение лишает его смысла; другая трансцендентна и деструктивна, ее исключение необходимо для сохранения специфики социального познания в отличие от обыденного и других форм сознания.

[2] Наше понимание патриотизма перекликается с концепцией И.А. Ильина. «Патриотизм, – пишет он, – ... уходит корнями в глубину человеческого бессознательного, в жилище инстинкта...» (Ильин И.А. Путь духовного обновления // Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 228). И.А. Ильин различает «инстинктивный» и «духовный» патриотизм, воспроизводя метафизический дуализм «духа» и «порыва» М. Шелера: «Патриотизм *всегда инстинктивен*. Но он *не всегда духовен*. И то, что должно быть достигнуто, – есть *взаимное проникновение инстинкта и духа в обращении к родине»* (Там же. С.219).

[3] Согласно И.А. Ильину, любить родину – значит соединить свою жизнь с жизнью народа и свою судьбу с его судьбою (Ильин И.А. Путь духовного обновления // Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. с. 226-227). Ср. определение патриотизма, которое дает А. Солженицын: «Патриотизм – это цельное и настойчивое чувство любви к своей родине, с готовностью жертвовать ей, делить невзгоды, но со служением не угодливым, не поддержкою несправедливых притязаний, а откровенным в оценке ее пороков, грехов и в раскаянии за них». Патриотизм, в понимании А. Солженицына, «чувство органическое, естественное, оно не требует никаких оправданий, обоснований» (Солженицын А. Россия в обвале. М., 1998. С.152).

ступка – первый признак личностной ущербности, нравственной слабости. Осмысливая пройденные пути, патриот и антипатриот обнаруживают, что их взгляды и разделяемые ими идеи соответствуют их практическому жизненному опыту. При этом оба склонны думать, что это происходит потому, что «практика определяет теорию». В действительности, социально-практический и социально-познавательный опыт человека равно изначально и в одинаковой мере (хотя и не фатально) предопределен той глубинно-психологической структурой, которую можно назвать этологической конституцией человека. Она как раз и объясняет тот неоспоримый факт, что у каждого человека «своя жизненная правда», несоизмеримая с «правдой» другого и «подтверждаемая» именно таким, а не иным стечением обстоятельств жизни – судьбой[1]. У патриота всегда есть аргументы и факты в пользу верности избранного пути; у антипатриота – тоже. Речь идет не об искажении правды (обмане, лжи) из-за аффектов и страстей, потребностей и интересов, а о разных правдах, или перспективах видения реальности.

Тот факт, что дети часто повторяют судьбу родителей, следуя по проторенной ими жизненной колее, словно на них лежит «родовое проклятие» или, наоборот, счастливая печать избранности, известен давно. Впрочем, судьба человека может сложиться не через повторение судьбы родителей и близкого окружения, а, наоборот, через сопротивление и преодоление ее мифической неотвратимости. Однако и в этом случае сохранится зависимость представителей молодого поколения от «наследия предков», хотя и в отрицательной форме. В этом смысле феномен индивидуальной, или «собственной», жизни представляет интересную социологическую проблему[2], исследование которой с помощью биографического метода начато сравнительно недавно. Дело в том, что сама ее постановка возможна только в обществе с высоким уровнем развития, когда уже не единицам, а большому числу людей удается выйти за пределы влияния традиционных жизненных образцов и «взять свою судьбу в собственные руки».

Попытки объяснить судьбу, не прибегая к традиционному суеверию (например, хиромантии), повериям обыденного сознания, мифическо-астрологическому истолкованию[16] или религиозному фатализму и мистике, начали предприниматься лишь в XX веке. Одними из первых и, на наш взгляд, наиболее основательных являются философско-социологическое учение М. Шелера об этосе и образцах[3], теория Э. Шпрангера о «жизненных формах»[4], но, прежде всего, постановка Г. Зиммелем – как философско-социологической – «проблемы судьбы». Зиммель определяет судьбу как результат взаимодействия объективных случайных причинно-следственных цепочек и субъективных внутренних жизненных интенций человека. «Точно так же с помощью понятия судьбы становится понятным то, что казалось промыслом «провидения», так как судьба человека и его индивидуальная сущность удивительным образом соответствуют друг другу, – пишет он. – Подобно тому, как мир определяет содержание нашего познания – но лишь потому, что познание ранее определило, каким может быть для нас мир, – так и судьба определяет жизнь индивида, но лишь потому, что этот последний избирал эти события по некоторому сродству, равно как и тот смысл, в котором они могут сделаться его судьбой»[5]. Далее Зиммель делает наблюдение чрезвычайно важное; оно

---

[1] Влияние места (и времени) рождения человека на его дальнейшую судьбу рассматриваются здесь с точки зрения феноменологически обоснованной социологии знания. Критику астрологического фатализма как особой разновидности мифического сознания см. в программной работе Э. Кассирера «Понятийная форма мифического мышления» (Кассирер Э. Понятийная форма в мифическом мышлении // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М., 1998).

[2] Beck U., Vossenkuhl W., Rautert T. Eigenes Leben: Ausflüge in die unbekannte Gesellschaft, in der wir leben. München, 1995.

[3] Scheler M. Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik // Scheler M. Gesammelte Werke. Bd. 2. Bern, 1980. Шелер М. Ordo amoris // М. Шелер. Избранные произведения. М., 1994.

[4] На основе шести биопсихических типов Э. Шпрангер выделяет шесть типов человеческой личности: 1) теоретический человек, 2) экономический человек, 3) эстетический человек, 4) общественный (социальный) человек, 5) властный человек, 6) религиозный человек (Spranger E. Lebensformen:. Geisteswissenschaftliche Psychologie und Ethik der Persönlichkeit. Tübingen, 1914).

[5] Зиммель Г. Проблема судьбы // Зиммель Г. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М., 1996. С.190-191.

прямо выводит нас к проблеме интерсубъективности, о которой мы говорили выше в связи с патриотизмом: «Если некоторые события становятся судьбой любого числа индивидов, то это происходит потому, что какие-то важные жизненные интенции предполагаются у всех людей»[1].

Ключевыми для философско-социологической интерпретации судьбы, являются, на наш взгляд, понятия этоса и жизненного образца. *Этос* – это система ценностей субъекта (человека, класса, народа и т.д.), сложившаяся на основе ценностных предпочтений по определенным правилам предпочтения одних ценностей и небрежения другими[2]. Этос человека в значительной степени архетипичен, он является источником ценностно-бессознательного отношения к миру, в котором сознательное отношение (в том числе интроспективное самопознание) – лишь надводная часть айсберга[3]. Изменения в нем происходят медленно, они обусловлены прежде всего сменой поколений, расовыми и этническими смешениями, большими социальными потрясениями и природными катаклизмами. Обычной формой передачи этоса являются, на наш взгляд, жизненные образцы[4], прежде всего традиционные, "наследуемые" детьми в первую очередь от родителей.

Так, типы этосов, существующие внутри русского этноса, хорошо известны как бытовые типажи, сказочные и литературные образы. Их объединяет одно: они персонифицируют разные формы человеческого бытия в социуме (социальные ниши), а именно способы жизнеустройства разных биопсихических типов, относительно независимые от общественно-экономического строя и политических порядков. За каждым из них стоит свой жизненный мир, своя жизненная «правда», более или менее определенная социальная среда[5]. *Жизненные образцы* – это персонифицированные жизненные программы, стратегии и тактики жизни. Для большинства людей они служат если не предначертанием их судьбы, то во всяком случае выполняют в их жизни символическую функцию предупреждающих указателей, маяков, пограничных столбов. Жизненные образцы – в отличие от моральных образцов, которые демонстрируют, как жить должно, – показывают, как жить можно[6].

Вероятно, нечто подобное имел в виду И.А. Ильин, когда писал, что «каждый народ имеет свои специфические особенности, образующие его национальный духовный уклад, или, выражаясь философически, – его национальный духовный акт». «Само собой разумеется, –

---

[1] Там же. С.191.

[2] Более подробно о понятии этоса см.: Малинкин А.Н. Учение Макса Шелера о ресентименте и его значение для социологии // Социологический журнал. 1997. № 4. С. 116-150.

[3] Обзор наиболее влиятельных точек зрения этнологов и культурных антропологов на то, что такое «этос» см.: Лурье С.В. Двойное дно этничности: Теоретические подходы к исследованию // Лурье С.В. Метаморфозы традиционного сознания: Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала. СПб, 1994. С.40-41. С.В. Лурье обращается к понятию этоса в связи с проблемой адекватной понятийной квалификации «этнического бессознательного», играющего роль «центральной зоны» («образа в себе») в процессе самоструктурирования этноса.

[4] Культурные антропологи, этнологи и культурологи предпочитают говорить о «культурных образцах». Последние, несмотря на сходство, отличаются от «жизненных образцов» в нашем понимании.

[5] Этнопсихологи давно пришли к выводу, что этническая культура не гомогенна. Речь идет о вариациях этнической идентичности внутри определенного этноса. Количество и качество этих вариаций не случайно. На наш взгляд, правомерно говорить о существовании внутри этноса (в синхроническом и диахроническом измерениях) жизнеспособных, воспроизводящихся «социоэтологических систем», в рамках которых одинаково необходимы – по принципу взаимодополнения – и «хорошие», и «плохие», и, на первый взгляд, совсем «никчемные» жизненные образцы.

[6] В своем учении об образцах М. Шелер говорит также об «образцах-моделях» – априорных идеях личностных образцов, дедуктивно выводимые из основных типов ценностей. Так, ценностям религиозным (или ценностям священного), духовным (или ценностям культуры), витальным (или ценностям жизни), утилитарным (или ценностям полезного), гедонистическим (или ценностям приятного) соответствуют образцы-модели святого, гения, героя, пионера цивилизации, искусника наслаждений (см.: Scheler M. Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik // Scheler M. Gesammelte Werke. Bd. 2. Bern, 1980; Scheler M. Gesammelte Werke. Bd. 10. Schriften aus dem Nachlass. Bd. 1. Zur Ethik und Erkenntnislehre. Bonn, 1986; Малинкин А.Н. Уроки истории. Политологическая концепция Макса Шелера и позднебуржуазный консерватизм // Социс. 1986. № 3. С. 78-87). Жизненные образцы, наоборот, апостериорны, они индуктивно выводятся как персонифицированные узлы реально существовавших и существующих социоэтологических взаимосвязей.

продолжает он в примечании, – что этот «акт» включает в себя и всю глубину бессознательного, жизнь инстинкта, страстей и наследственного уклада жизни». Что здесь подразумевается конкретно? «Так, каждый народ по-своему вступает в брак, рождает, болеет и умирает; по-своему ленится, трудится, хозяйствует и отдыхает; по-своему горюет, плачет, сердится и отчаивается; по-своему улыбается, смеется и радуется» и т.д.[1]

Итак, с помощью понятий этоса и жизненного образца мы хотели показать, во-первых, что отношение к родине формируется на самом глубоком уровне практического сознания; этот слой человеческой психики граничит с ее бессознательными – архетипическими и, вероятно, даже прафеноменальными – пластами, поэтому социологу знания, исследующему факты сознания, необходимо различать *аффективный и этологический патриотизм*. Во-вторых, отношение к родине является составной частью этоса личности и через него оказывает существенное влияние на всю человеческую жизнь (судьбу человека), в том числе на его образ мыслей и мировоззрение. Этологический патриотизм конститутивен социально-научному познанию, поскольку последнее осуществляется индивидуальными человеческими личностями. Однако этологический патриотизм, в отличие от аффективного, не является фактором, «замутняющим» или, наоборот, «просветляющим» научную истину. Ибо речь идет уже не о фальсификации или прямом обмане из патриотических (антипатриотических и т.д.) соображений, а о качественно разных мировосприятиях и картинах мира, выстроенных на различных ценностных, мировоззренческих основаниях[2].

Так, можно любить родину, но в стремлении помочь ей совершить нелепый или даже социально вредный поступок, создать теоретически несостоятельную или практически опасную идейную программу. С другой стороны, во всемирной истории и истории России немало примеров того, когда жизненная позиция, поступки, чувства и взгляды людей, настроенных, к примеру, антипатриотически, помогали привлечь внимание общественности к наболевшим проблемам и способствовали их решению.

По отношению к этологическому патриотизму не будет преувеличением сказать, что он «впитывается с молоком матери». Люди с малых лет бессознательно перенимают не только традиционные народные архетипы, но и личностные образцы из ближайшего окружения, за которыми стоят целые жизненные программы. Прежде всего образцами для них служат – вольно или невольно, к счастью или несчастью – отец и мать. Разумеется, экзистенциально обусловленный патриотизм, бессознательно воспринятый от родителей как жизненная программа, было бы неверно оценивать словами «хорошо» или «плохо» – он либо есть, либо его нет. Квалифицировать этологический пласт социального бытия в моральных терминах все равно, что порицать или хвалить воду за то, что она «мокрая». Господствующая в обществе мораль, а также действующее право во многих отношениях производны от господствующих типов этоса или находится с ними в *отношении лицемерного лжепатриотического взаимодополнения*[3].

Осознание этологического патриотизма – если оно вообще происходит – не всегда имеет позитивные последствия, то есть ведет к зрелым патриотическим чувствам и убеждениям. Оно может вызвать защитную реакцию протеста, отказа покорно повторять участь родных и близких, друзей и знакомых, а вместе с тем – разделить судьбу родины. Человек чувствует

---

[1] Ильин И.А. Путь духовного обновления // Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С.229-230.

[2] Манхейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. М., 1994.

[3] Например, нигде воровство так не клеймят позором на словах (среди «чужих») и нигде к нему так терпимо не относятся на деле (среди «своих»), как в России. Воровство – в широком, исконно русском смысле этого слова – никогда не покрывалось у нас сферой уголовного права, играя роль компенсаторного социально-экономического противовеса жестокому политическому абсолютизму и архаичным (феодальным) экономическим порядкам: без казнокрадства, взяточничества, мздоимства, жульничества, вымогательства, мошенничества, грабежа, разбоя и т.д. выжить было просто невозможно. Воровство давно вошло в плоть и кровь народной жизни, а после «перестройки», взяв общество в клещи сверху (казнокрадство, коррупция) и снизу (кражи, бандитизм), стало конститутивным элементом социально-экономического строя. См. о «новом русском» «клептократическом» капитализме (Малинкин А.Н. Учение Макса Шелера о ресентименте и его значение для социологии // Социологический журнал. 1997. № 4. С. 143-146).

себя жертвой – жертвой обстоятельств. Появляется стремление разорвать фатально сплетенный ими порочный круг, вырваться на свободу из затхлой, унижающей человеческое достоинство или криминогенной социальной среды, из тесного мирка «малой» или «большой» родины, которая, кажется, грозит задушить в своих объятиях. Из такой критической ситуации может быть много выходов, однако в любом случае происходит большая или меньшая деформация душевно-духовного строя личности, ведущая к появлению, так сказать, искаженных и превращенных форм патриотического сознания. На наш взгляд, их не следует уподоблять девиантному, или отклоняющемуся, сознанию, ибо у такой аналогии нет общего основания. Последнее понятие, необходимо связанное с социологией права и морали, ориентировано на теоретически обоснованные юридические и этические нормы, а потому предполагает общезначимый рациональный критерий, позволяющий различать «благие» и «злые», «законопослушные» и «преступные» замыслы, устремления, намерения, мотивы и т.п.

Выработка и применение общезначимого рационального критерия по отношению к любви к родине в принципе невозможны, если только они не осуществляются в рамках «казенного патриотизма» – составной части государственно-политической идеологии, которая учит, как *«правильно»* любить родину[1]. Но заставить любить родину нельзя, тем более, нельзя заставить любить ее по правилам, предлагаемым государством, – каждый любит или ненавидит ее не так, как надо, а так, как он может и хочет. Поэтому квалификацию патриотических чувств и форм сознания как «искаженных», «извращенных» и т.п. надо понимать не в абсолютном, а всегда лишь в соотносительном смысле. Убеждение в необходимости соотнесения оценки чужих патриотических чувств и взглядов с собственными и собственных – с чужими возникает по мере осознания того факта, что даже отрицание канона подлинной и чистой любви (выработанного, например, христианской религией) еще не означает отрицания самой любви.

Феноменологию форм патриотических чувств и сознания можно начать с простейшего и самого распространенного феномена – безразличного, равнодушного отношения к родине или даже вообще отсутствия определенного отношения к ней. Бывает, люди проживают всю жизнь, но так и не поднимаются до осознания своего отношения к родине. Патриотический индифферентизм – одна из основных причин непатриотических высказываний, поступков, решений. Непатриотизм, в отличие от антипатриотизма, означает не ненависть к родине, а забвение родины – ее исчезновение из поля предметов возможного внимания. Непатриотично ведут себя личность, социальная группа, партия, государство, которые не учитывают отечественные интересы там, где это необходимо или желательно.

Ненависть к родине – результат естественной протестной реакции человека, стремящегося вырваться из сложившегося жизненного мира, но временно не способного это сделать (например, путем изменения социально-экономических условий, миграции или эмиграции). Человек либо примиряется со средой, воспринимаемой им как «порочный круг», «ловушка» и т.п., либо продолжает с ней бороться, стремясь нейтрализовать влияние чуждого или враждебного социального окружения. В ответ на вязкое или агрессивное сопротивление среды у человека, ощущающего себя на родине «чужим», возникает ненависть по отношению ко всему, что ее олицетворяет, – родителям, родному дому, друзьям, знакомым и незнакомым людям, природному ландшафту, улице, городу, климату и т.д. Расширяясь концентрическими кругами, ненависть переходит на «большую» родину и все, что ее олицетворяет, – страну, народ, государство, его историю, государственно-образующую нацию, государственные символы и т.д.

Проявления антипатриотизма, хотя и не редки в быту, но в доктринальной форме встречаются не так часто. Гораздо чаще горячая и ревнивая любовь к родине принимает форму

---

[1] Например, рожать побольше детей, ехать на освоение целинных земель, осушать болота российского Нечерноземья, строить БАМ, выполнять интернациональный долг в Афганистане, наводить конституционный порядок в Чечне и т.д.

ложного антипатриотизма[1] («Люблю отчизну я, но странною любовью»), а ненависть и презрение к родине нередко маскируются в особого рода любовь – *лжепатриотизм,* или *псевдопатриотизм*. Разумеется, между двумя крайними формами патриотизма и антипатриотизма существует множество переходных форм. Все они находятся в динамике, так что под действием различных внешних или внутренних причин вчерашний ложный антипатриот может преобразиться в горячего патриота и наоборот. Точно так же, хотя и реже, вчерашний антипатриот становится патриотом и наоборот.

При неблагоприятных условиях, в первую очередь тогда, когда нет никакой реальной возможности – объективной или субъективной – вырваться из унаследованного жизненного мира и создать новый, на почве бессильной ненависти к родине может сформироваться *ресентимент*. Ресентиментный антипатриотизм перерастает в патриотический нигилизм. *Патриотический нигилизм* – это уже не ненависть к родине (специфичная для антипатриотизма), а отрицание позитивной ценности родины как таковой, то есть отрицание особого и незаменимого места родины в системе человеческих ценностей. Симптомы патриотического нигилизма свидетельствуют о необратимых изменениях в эмоциональной конституции и умонастроении человека, которые в принципе исключают возрождение любви к родине. Патриотический нигилизм выражается в слепом поклонении всему иностранному, фанатической преданности какой-либо чужой или древней культуре (умонастроение, специфичное для романтизма) и т.п.[2] Однако основными эпифеноменами или во всяком случае сопутствующими проявлениями патриотического нигилизма всегда выступают два «близких родственника» – гуманитаризм и космополитизм.

Гуманитаризм, сущностно-необходимо связанный с патриотическим нигилизмом, есть абстрактная любовь ко всему, что в глазах таким образом любящего имеет человеческое лицо (даже если это морда «друга человека» – собаки, кошки, свинки и т.д.). Гуманитаризм индифферентен по отношению к расовой, национальной, этнической, культурной и прочей принадлежности человека к конкретным группам, так как в его основе лежит ограниченная и исторически себя изжившая[3] идея равенства природы всех людей (разумная сущность человека), а также более чем двусмысленная идея «общечеловеческих» ценностей. Одним из первых – после Ф. Ницше – и, на наш взгляд, непревзойденных критиков гуманитаризма был М. Шелер. В работе «Ресентимент в структуре моралей»[4] он подверг «современное человеколюбие» вкупе с указанными выше идеями глубокой и всесторонней критике[5]. Шелер солидаризируется с Ницше, когда тот сводит идею «любви к человечеству», особенно в том виде, какой она приобрела в «социальном движении» конца XIX – начала XX вв. (социализме, феминизме, рабочем движении и т.д.), «к исторически аккумулированному и накапливающемуся благодаря традиции ресентименту и видит в ней симптом и выражение деградирующей жизни», однако не соглашается с ним в том, что источник современного человеколюбия – идея христианской любви.

---

[1] Ложный антипатриотизм типичен для русских, склонных к национальному «самобичеванию». Он часто сбивает с толку иностранцев, недоумевающих, как можно любить свою родину и свой народ и одновременно ругать их последними словами. Одна из причин такого «самобичевания» – естественная широта и недоразвитость национального самосознания, характерные для большой нации, рассеянной на огромной территории. Однако есть у него и глубокие социальные корни.

[2] Герой комедии Грибоедова «Горе от ума» Чацкий, за которым просматривается известный прототип, автор «Философических писем», – не продукт ущербного воспитания, а один из первых патриотических нигилистов и *поэтому* «лишних людей». Впрочем, является ли Чацкий действительно патриотическим нигилистом или только ложным (показным) антипатриотом, – спорный литературоведческий вопрос.

[3] На этот факт справедливо указывает, в частности, Н. Луман, говоря о тенденции «современного общества» к постепенному превращению в «мировое» (Luhmann N. Die Weltgesellschaft // Soziologische Aufklärung 2. Aufsätze zur Theorie der Gesellschaft. 3. Aufl., Opladen: Westdeutscher Verlag, 1986. S.51-53).

[4] Scheler M. Ressentiment im Aufbau der Moralen // Scheler M. Gesammelte Werke. Bd. 3. Bern: A. Francke AG Verlag, 1972; Шелер М. Ресентимент в структуре моралей: Введение и глава 1 / Пер. нем. А.Н. Малинкина // Социологический журнал. 1997. № 4.

[5] Её обзор дан нами – см.: Малинкин А.Н. Учение Макса Шелера о ресентименте и его значение для социологии // Социологический журнал. 1997. № 4. С.116-150.

Приведем два важных фрагмента из этой работы. В первом из них вскрывается сама сущность гуманитаризма, его центральный нерв. «Ресентимент является ядром в движении современного всеобщего человеколюбия уже хотя бы потому, – пишет М. Шелер, – что основу этого социально-исторического движения душ образует отнюдь не первичное и спонтанное *стремление к какой-либо позитивной ценности*, а *протест, импульс отрицания* (то есть ненависть, зависть, мстительность и т.д.) по отношению к господствующим меньшинствам, обладающим позитивными ценностями. Непосредственный объект любви в нем – не «человечество» (потому что вызвать любовь может только нечто наглядное); человечество – просто карта, которая *разыгрывается* им против того, что ненавидят. Человеколюбие есть прежде всего форма выражения вытесненного отрицания Бога, импульса, направленного против Него[1]. Оно есть форма проявления вытесненной ненависти к Богу. Оно все время пытается повернуть разговор к тому, что-де «не так много в мире любви», чтобы можно было отдать часть ее какому-то вне-человеческому существу, – поворот, явно продиктованный ресентиментом. Ожесточенность против идеи Господа как высшего существа, невыносимость «всевидящего ока», позывы к мятежу против «Бога» как символического единства и суммы всех позитивных ценностей и их оправданного господства – вот что в нем *на первом месте*; «любовное» преклонение перед человеком как *природным существом*, таким, которое из собственной боли, зла и страдания тотчас *радостно* выводит протест против «мудрого и доброго правления» Бога, – вот что *на втором*! Повсюду, где я встречаю исторические свидетельства этих чувств, я нахожу тайное удовольствие от возможности возвысить голос против божественного правления[2]. Так как позитивные ценности по крайней мере уже в силу традиции укоренены – причем и у неверующих тоже – в идее Бога, то понятно, почему внимание и интерес «человеколюбия», основанного на отрицании и протесте, обращены в первую очередь на самые *низменные*, *животные* стороны человеческой натуры: ведь они суть то, что у «всех» людей одинаково. Эта тенденция до сих пор отчетливо видна в тех случаях, когда хотят буквально определить «человеческое» в индивидууме. Во всяком случае, на «человеческое» ссылаются намного реже для объяснения чего-то доброго и разумного, того, что *отличает* человека от других людей в позитивном смысле, чем в тех случаях, когда его хотят оправдать перед лицом упрека или обвинения: «он ведь тоже человек», «все мы люди», «людям свойственно ошибаться» и т.п. Кто ничего из себя не представляет и ничего не имеет, тот, согласно эмоциональной направленности современного человеколюбия, – «все-таки человек». Уже одна эта ориентированность человеколюбия на *родовое* делает его нацеленным в сущности на низменное, на то, что следует «понять» и «простить». Ну, как не разглядеть здесь тайно тлеющей *ненависти* по отношению к более высоким позитивным ценностям, которые сущностно как раз и *не* связаны с «родовым», – ненависти, скрытой где-то глубоко под этим «мягким», «понимающим», «человеческим» отношением!»[3].

Для рассматриваемой нами темы еще более важен другой фрагмент, в котором гуманитаризм предстает в виде ненависти к родным и родине, вытесненной и сублимировавшейся через ресентимент в «любовь к человечеству». «Но «всеобщее человеколюбие», обязано ресентименту своим происхождением еще и в другом смысле, причем *двояком*. Во-первых, его источником является ресентимент как форма проявления внутренней противопоставленности и антипатии по отношению к имеющемуся в каждом конкретном случае *ближайшему кругу* сообщества и к *его* внутреннему ценностному содержанию; имеется в виду «сообщество», в котором человек формируется физически и духовно. Опыт показывает, что, как правило, у детей, тщетно добивавшихся родительской ласки, или страдавших от того, что их притязания

---

[1] Эту идею описал Достоевский в мировоззрении и образе мыслей Ивана Карамазова. (Прим. М. Шелера).

[2] Там, где религия и церковь полагают смысл и ценность Божией любви основанными на существующих в мире, эмпирически доступных позитивных благах и рациональных учреждениях (а не наоборот, любовь к миру – основанной на том, что он – «мир Божий»), там идея Божией любви уже и самой религией фальсифицируется в духе современного человеколюбия; и уж тогда «человеколюбие» с полным правом обрушивается на нее с обвинениями (Прим. М. Шелера).

[3] Scheler M. Ressentiment im Aufbau der Moralen // Scheler M. Gesammelte Werke. Bd. 3. Bern, 1972. S. 103-104.

на ласку не находили должного отклика, у детей, чувствовавших себя в родном доме по какой-то причине «чужими», внутренний *протест* очень рано перерастает в обостренное, доходящее до экзальтации чувство сопричастности «человечеству». Эта неопределенная, смутная экзальтированность – следствие вытесненной *ненависти* к семье, ближайшему окружению[1]. Если взглянуть на это в макромасштабе, то именно так в дряхлеющей Римской империи родилась лишенная всяческой опоры и такая же одинокая, как индивидуум, вырванный из питательной среды города-государства, любовь к «человечеству», тот «космополитический» аффект, которым пронизаны сочинения представителей ранней Стои[2]. И вот теперь этот мотив возродился в "современном человеколюбии". Это означает, что оно возникло прежде всего как *протест против любви к родине* и в итоге стало протестом против всякого организованного сообщества. Так что второй источник современного человеколюбия – вытесненная ненависть к родине. Во-вторых, корни современного человеколюбия уходят в ресентимент еще и потому, что оно является – по выражению его самого значительного представителя, О. Конта – «*альтруизмом*»[3].

Нет нужды рассказывать о случаях, когда из-за абстрактной любви к человеку убивали конкретных людей, – всемирная история и особенно отечественная история XX в. ими переполнена. Гуманитаризм и так называемый «абстрактный гуманизм», как и «всеобщее человеколюбие», «любовь к человечеству» – в сущности одно и то же, поскольку подлинный гуманизм, то есть духовная, жертвенная любовь человека к человеку и людям, всегда по необходимости конкретен. Отличие подлинного гуманизма от гуманитаризма как феномена, родственного космополитизму, превосходно сформулировал Ю.Н. Давыдов. Говоря о литературных персонажах, «рожденных из духа нашей великой нравственной философии», он пишет: «Это – тип мироощущения, который только и можно назвать истинно нравственным: ощущение причастности миру, взятому не абстрактно-«глобалистским» или универсально-«космическим» образом, но непосредственно-человечески: как реальный мир их родных и близких, их соседей и сослуживцев, их *со*-отечественников и *со*-временников; чувство тревоги и ответственности за все, происходящее в мире, вовсе не чуждое сокрушению человека по поводу себя самого, своих собственных ошибок и прегрешений»[4].

Космополитизм, в нашем понимании, – явление, в сущности, негативное, хотя в своих конкретных исторических формах далеко не однозначное. Он возник как умонастроение космической экзистенциальной бездомности («у философа нет отечества»), индивидуально-эгоистической отчужденности от родины и циничного безразличия по отношению к ней («ubi bene, ibi patria» – «где хорошо, там и отечество»). Так, для киников Антисфена и Диогена Синопского космополитизм был негативной реакцией на порядки и уклад жизни античного полиса. Космополит чувствует и считает себя «гражданином мира» не потому, что любовь к родине – «малой» и «большой» – настолько в нем крепка и сильна, что естественно перерастает в любовь ко всему миру, ко всем людям, человеку вообще, а, наоборот, потому, что явно или тайно ненавидит и презирает родину. У космополита любовь к отечеству либо

---

[1] Лучшего примера, чем история жизни, особенно юности, князя Кропоткина (см. «Автобиографию»), я просто не знаю. Ранний конфликт с отцом, который после смерти любимой сыном матери взял вторую жену, довел этого в сущности благородного и мягкого по натуре юношу до того, что он, начав с заступничества за слуг в родном доме, постепенно пришел к принципиальному отрицанию всех традиционных ценностей и идеалов русского народа и государства, пока – в конце концов – не оказался на идейных тропах анархизма (Прим. М. Шелера).

[2] Вообще, учение ранней Стои, в особенности Эпиктета и Марка Аврелия, необычайно сильно окрашено ресентиментом, и было бы интересно рассмотреть его с этой точки зрения детально (Прим. М. Шелера).

[3] Альтруизм Шелер считает «формой ненависти к самому себе», которая «лишь *выдаёт себя* в иллюзорном притворстве сознания за то, что противоположно ненависти – за «любовь» к другим людям» (Малинкин А.Н. Учение Макса Шелера о ресентименте и его значение для социологии // Социологический журнал. 1997. № 4. С. 116-150; Scheler M. Ressentiment im Aufbau der Moralen // Scheler M. Gesammelte Werke. Bd. 3. Bern, 1972. S. 82; Шелер М. Ресентимент в структуре моралей: Введение и глава 1 / Пер. нем. А.Н. Малинкина // Социологический журнал. 1997. № 4).

Scheler M. Ressentiment im Aufbau der Moralen // Scheler M. Gesammelte Werke. Bd. 3. Bern, 1972. S. 103-104

[4] Давыдов Ю.Н. Этика любви и метафизика своеволия. (Проблемы нравственной философии). М., 1982. С.274.

ничтожно слаба, либо вообще атрофировалась, так как яд ресентимента вытравил ее, дав взамен иллюзию причастности к общности более высокого порядка и значимости, – ко всему миру, человечеству. Но объективно более высокая ценность этой общности (самой по себе, конечно, не иллюзорной) для космополита не самоцель, не предмет любви и деятельного, жертвенного служения, а всего лишь средство – основание и повод для высокомерного, презрительного отношения к своему народу и родной стране. Но когда люди говорят о своей привязанности, приобщенности (эмоциональной или интеллектуальной) к тому, что выходит за рамки национальных и государственных границ, гордо называя себя «космополитами», они, очевидно, имеют в виду что-то совсем другое. Задачей социологии знания является как раз выявление разных, подчас противоположных смысловых пластов одного и того же понятия, что позволяет на уровне социологического мышления избежать смешения понятий, столь характерного для обыденного сознания.

Космополитизм и планетаризм – в принципе противоположные феномены. Планетаризм – это сверхнациональное сознание принадлежности к человеческой общности на планете Земля, чувство любви ко всем живущим и всему живому на ней и солидарности с ними, готовность деятельно и жертвенно им служить. В основе этого позитивного чувства и сознания необходимо лежит патриотизм, естественно перерастающий свои локальные и национальные границы. В случае, если речь идет о неполном, фрагментарном планетаризме, например, когда глобальное мышление еще формируется или уже сформировано так, что распространяется не на весь мир, а только на какие-то отдельные национально-культурные регионы, страны или по крайней мере одну чужую страну, видимо, более уместен термин «сверхнационализм», предложенный И.А. Ильиным[1].

Глобализация экономики, политики, культуры, образа и стиля жизни, в значительной мере стимулируемая электронными средствами массовой информации и Интернетом, – всемирно-историческая тенденция. Она неотвратимо ведет к формированию планетарной цивилизации и тому, что Н. Луман, делая акцент на коммуникации и приоритете когнитивных ожиданий над нормативными, называет «мировым обществом». Но глобализация не только не означает универсализацию и унификацию, но как раз во многом исключает их. Глобализация основывается на планетаризме, то есть предполагает патриотизм, интенсификацию развития национальных культур, еще более бережное отношение к их самобытности. Универсализация базируется на космополитизме, индифферентном или даже враждебном по отношению к национально-культурным различиям, ведет к их стиранию, забвению традиционных ценностей, самобытных устоев и обычаев.

Подобно тому, как любовь к «большой» родине основывается на любви к родине «малой», основой и необходимым условием планетаризма всегда был и будет патриотизм. Видеть в патриотизме то, что должно быть «преодолено» как нечто низменное (инстинктивная привязанность, восходящая к территориальному инстинкту животных), либо «изжито» как возрастное явление, либо «отвергнуто» как консервативная изоляционистская тенденция, – глубокое заблуждение. Любовь к отечеству не изолирует от мира, а как раз открывает мир в подлинном свете: позволяет увидеть планету Земля не как внутренне индифферентное, а потому не способное к развитию, общечеловеческое единство, но как плодотворное единство многообразия, ориентированное на инновации. С точки зрения социальной феноменологии, любовь к родине – «вечный» социальный феномен и непреходящая человеческая ценность. Она не подлежит ни психологическому «изжитию», ни диалектическому «снятию», основан-

---

[1] «*Сверхнационализм*, – пишет И.А. Ильин, – утверждает родину, и национальную культуру, и самый национализм, и особенно – духовный акт своеобразно-национального строения. (...) Ибо сверхнационализм доступен только настоящему националисту: только он сумеет увидеть ширь *духовной вселенскости* и не соблазниться ею – не соскользнуть в *духовную беспочвенность*» (Ильин И.А. Путь духовного обновления // Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С.242).

ному на мифической силе отрицания. От чего на самом деле необходимо отрешиться, так это от «морфологического шовинизма» и «националистического мессианизма»[1].

Особой – политико-идеологической – разновидностью космополитизма является интернационализм. Свое теоретическое обоснование он получил, как известно, в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина и других теоретиков международного коммунистического и рабочего движения как социально-классовый интернационализм – интернационализм капитала и интернационализм труда, капиталистов и рабочего класса. «Так как положение рабочих всех стран одинаково, – говорил Ф. Энгельс, – так как их интересы одинаковы, враги у них одни и те же, то и бороться они должны сообща»[2]. Поскольку интернационализм рабочих (трудящихся), так называемый «пролетарский интернационализм», ставит классовые интересы (то есть политическо-экономические) выше интересов национальных (прежде всего национально-государственных), а стало быть – выше интересов отечества, постольку он отрицает патриотизм. Согласно большевистскому «социально-революционному» принципу, сознательный пролетарий должен предавать свою «родину» и в мирное время, и особенно во время войны, работая на ее разложение и на победу рабочего Интернационала. Так, большевики во главе с В.И. Лениным выступили за поражение России в Первой мировой войне, поскольку оно ослабляло царизм, национальную буржуазию и приближало социалистическую революцию. Казуистичность концепции «пролетарского интернационализма» состоит в том, что отрицание любви к родине через отрицание ценностного приоритета интересов родной страны перед классовыми интересами маскируется псевдогуманной заботой о народе, точнее говоря, его «лучшей части» – трудящихся. Предательство интересов родной страны во имя трудящегося народа преподносится как особая, «истинная», любовь к родине («предаю тебя, но на твое же благо»). Однако подлинной целью разделения родины на родную страну и трудящийся народ, предпринимаемого коммунистической идеологией, является не забота об интересах народа (в нем видят лишь носителя классовой ненависти, подрывающей гражданский мир и ведущей сначала к «холодной», или скрытой, а затем «горячей», или открытой, гражданской войне, то есть орудие классовой борьбы, навоз истории), – подлинной целью такого разделения является захват политической власти в государстве с помощью социалистической революции и подготовка «мировой революции». Идея «мировой революции» (о ней ввиду ее откровенно утопического, саморазоблачительного характера коммунисты давно предпочитают помалкивать) образует главный нерв концепции «пролетарского интернационализма». Именно эта идея, как никакая другая, выражает мессианский, эсхатологический – и что особенно важно в свете нашей темы – космополитический дух марксистского учения. Перевернуть, разрушить «до основанья» весь мир, сломать все ненавистные, помогающие угнетать народы национально-государственные перегородки, разрушить и выбросить на свалку истории вековые национальные уклады жизни и духа, а затем на обломках старого мира построить, *сотворить* новый мир, охватывающий, подобно «мировому государству», весь земной шар (ибо как отрицание старого он в принципе несовместим со старым и мирится с ним только по необходимости и временно), – таково идейное ядро марксистской коммунистической утопии, позволяющее рассматривать интернационализм как особую разновидность космополитизма[3].

---

[1] Эту задачу в контексте «философии планетаризма» ставит Я.В. Сиверц ван Рейзема (Сиверц ван Рейзема Я.В. Философия планетаризма. М., 1995. С.14-15). «Любовь к отечествам, Родине не должна противоречить долгу перед Небом, Землей, Мыслью», – справедливо замечает И.А. Аргутинский-Долгорукий [Аргутинский-Долгорукий А.И. Путь России: Итоги тысячелетия. XXI век. М., 1997. С.63). Добавим только, что исполнение долга на уровне этих более высоких ценностных порядков не исключает, а предполагает исполнение правильно понятого долга перед родиной.

[2] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С.373.

[3] Наше понимание интернационализма близко его толкованию И.А. Ильиным (Ильин И.А. Путь духовного обновления // Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С.216, 242), с той разницей, что мы усматриваем сущностно-необходимую связь между космополитизмом и интернационализмом, считая космополитизм феноменологически и исторически первичным феноменом, интернационализм – феноменологически и исторически вторичным. И.А. Ильин фактически признает эту связь, критикуя интернационализм и космополитизм (как псев-

С точки зрения социологии знания весьма важен тот факт, что идеологический интернационализм во всех его разновидностях – социально-классовый («капиталистический», «пролетарский»), в области международных отношений («империалистический», «социалистический»), научно-мировоззренческий, с одной стороны, и интернационализм, в том виде, в каком последний существовал в социальной практике стран реального социализма, с другой – на самом деле вещи не только не одинаковые, но во многом даже несовместимые. То, что обычно называли и сейчас продолжают упорно называть «интернационализмом», подразумевая либо реальный социально-педагогический опыт, либо опыт межнациональных и межэтнических коммуникаций, есть по сути дела этическо-культурный сверхнационализм, который не имеет ничего общего с гуманитаристским интернационализмом как идейно-теоретическим принципом марксизма.

На наш взгляд, едва ли не все позитивное, что обычно приписывают достижениям «пролетарского» и «социалистического» интернационализма в указанных выше опытах «реального интернационализма», можно и нужно отнести на счет национальных нравственных культур и культур общения. Представители разных народов представляли друг для друга интерес, ценили друг друга, дружили между собой и уважительно относились друг к другу в годы советской власти (как, впрочем, и сейчас) не вопреки их самобытным культурам и национальным особенностям, а именно благодаря им.

Так, опыт «интернационального воспитания» в СССР наложился на традиционную русскую и российскую национальную этику и культуру общения, для которых были характерны добротолюбие, стремление к справедливости, соборность, нестяжательство, трудолюбие, гостеприимство и т.д., а также на этику и культуру общения других славянских и неславянских народов бывшей Российской империи с не менее богатыми и нравственно высокими традициями. На наш взгляд, нет оснований записывать в достижения «интернационального воспитания» эпохи СССР то, что на самом деле есть выражение открытости, «всемирной отзывчивости» русской души, прирожденного идеализма и «всечеловечества» русских, – качеств, о которых говорили Ф.М. Достоевский и В.С. Соловьев.

Для большинства народов СССР, но особенно для русского народа, «реальный интернационализм» означал на деле восприятие представителей других государств, наций, рас, этносов как равных, уважение к их национальному достоинству, самобытной культуре; отсутствие национального шовинизма – будь то великодержавного, или основанного на богоизбранности и особой миссии какого-то народа; жертвенную «интернациональную помощь» – военную, экономическую и культурную (в области образования и науки), – а также ряд других позитивных черт, идущих из глубин здорового национализма этих народов. Подчеркнем: под национализмом мы понимаем любовь к самобытному духу своего народа, развивающуюся в национальное самосознание, сохраняющую и творящую национальный уклад жизни. Между тем, официальные идеологи СССР понимали под «национализмом» только его политизированные, крайние и извращенные формы выражения. Однозначно негативный смысл термина «национализм» утвердился настолько прочно, что кажется сегодня единственно верным и незыблемым. Могло ли это быть случайностью? Разумеется, нет. «Пролетарский», а затем и

дохристианскую позицию «гражданина вселенной», как ложное «всечеловечество»): «Интернационалист, – пишет он, – будучи духовно *никем*, желает стать сразу «всечеловеком»; и это не удается ему, ибо всечеловечество есть духовное состояние, которое может быть доступно только духовно и национально самоутвердившемуся человеку. То, что откроется бездуховному интернационалисту, будет не «всечеловечество», а элементарная животная низина, которая даст не культурный подъем и расцвет, а *всеснижение и всесмешение»*. На сущностно-необходимую связь интернационализма и космополитизма обращают внимание Г.С. Батыгин и И.Ф. Девятко, исследуя антисемитскую кампанию против «безродных космополитов» в конце 1940-х гг.: «Следует заметить, – пишут они, – что коммунистическая доктрина традиционно прослыла космополитической, но в данном случае ярлык был переадресован буржуазии в стиле несложного пропагандистского эквилибра. К тому времени большевизм если не окончательно расстался с претензией на мировую революцию – идеей пролетарского интернационализма, – то не настаивал на ее немедленном осуществлении. Слова из «Коммунистического манифеста»: «Рабочие не имеют отечества. У них нельзя отнять то, чего у них нет» уже не цитировались. Декларировались патриотические установки» (Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Еврейский вопрос: хроника сороковых годов // Вестник Российской академии наук. 1993. № 1. С. 62).

«социалистический» интернационализм требовали лишь такого понимания национализма и лишь в таком толковании нуждались. Например, «Толковый словарь русского языка» (С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой) определяет «национализм» как «1) идеологию и политику, исходящую из идей национального превосходства и противопоставления своей нации другим; 2) проявление психологии национального превосходства, национального антагонизма, идеи национальной замкнутости». Здесь «национализм» фактически отождествляется с проявлениями «национального шовинизма», «национального экстремизма», «национального изоляционизма» и другими отклонениями в национальном самосознании. Общепринятость термина «национализм» в таком однозначно негативном смысле необходимо приводит к следующей альтернативе: либо в национальном аспекте социального бытия на самом деле нет и не может быть ничего позитивного; либо отсутствует понятие, обозначающее действительное позитивное содержание национального аспекта социального бытия. Так как наличие указанного позитивного содержания является, на наш взгляд, очевидным фактом, не требующим доказательств, следует признать, что понятие, которое могло бы его обозначать, попросту отсутствует.

Исследование вопроса, почему в данную конкретно-историческую эпоху в данном обществе в данное время отсутствует, казалось бы, необходимое понятие (между тем как существующие реалии прямо-таки «взывают» к нему), представляет собой, как писал еще К. Мангейм, один из методов социологии знания – выявление «*аспекта* мышления», характеризующего «*стиль мышления*» эпохи[1]. В интернационалистский стиль мышления, господствовавший в России 70 лет, понятие «национализм», разумеется, не вписывалось. Вот почему «национализм», «националист», «националистический» стали ругательными словами, точнее, политико-идеологическими языковыми метками – инструментами «национальной политики», которая имела двойной стандарт для внутреннего и внешнего пользования: если внутри СССР национальная эмансипация подавлялась, то на международной арене СССР был «лучшим другом» национально-освободительных движений.

Не удивительно, что советское «интернациональное воспитание» вело на практике к забвению «малой родины», к пренебрежительному отношению к ней как «провинциальной глубинке» Союза ССР, нивелированию национальных особенностей, препятствовало полноценному развитию национального самосознания. Малейший рост последнего вызывал тревогу и озабоченность как фактор, потенциально опасный для унитарного тоталитарного государства. Родину, Советский Союз, каждому надлежало любить не как представителю своего этноса – русскому, украинцу, белорусу, татарину, еврею, грузину, узбеку, якуту и т.д., – а как члену и гражданину мифической «новой исторической общности людей». Систематическое подавление естественного роста национального самосознания народов СССР привело в конце 1980-х – начале 1990-х гг. к взрывному выходу национальных чувств в радикальных формах (национально-освободительные движения протестного характера, политический экстремизм на националистической почве, сепаратизм). Этот порок сердца Союза ССР в «национальном вопросе» стал одной из главных причин его быстрого распада в 1991 г.

Миграция или эмиграция – радикальные способы решения проблемной жизненной ситуации, когда социальная среда начинает восприниматься личностью как чуждая, враждебная[2]. Они снимают внутреннее психологическое напряжение, приостанавливают или обращают вспять процесс аккумуляции ненависти, так что впоследствии некоторые мигранты или эмигранты внутренне примиряются с покинутой ими родиной и даже начинают скучать по ней. Они испытывают целый комплекс чувств, покрываемый одним словом «ностальгия». В обыденном словоупотреблении оно означает тоску по родине, страдание и боль от невозможности в данный момент воссоединиться с ней и полноценно любить и ненавидеть ее.

Социологический смысл ностальгии намного сложнее. В основе этого комплекса переживаний лежит чувство утраты «родной почвы» – той социальной реальности, с которой

---

[1] Манхейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. М., 1994. С.227.

[2] Об эмиграции и миграции в России и на постсоветском пространстве за 1991-1995 гг. см.: Локосов В.В., Орлова И.Б. Пятилетка № 13. Взлеты и падения. М., 1996. С.73-85.

эмигрант (мигрант) находился ранее в отношении *социоэтологического изоморфизма*. Под последним имеется в виду взаимосоответствие структуры низших инстинктивных влечений и высших духовных устремлений, простейших условных рефлексов и социально-психологических установок человека, то есть его фактического этоса, структуре жизненного мира, следствие врастания индивида как определенного биопсихического типа в определенную социальную среду[1]. Так как речь идет именно о естественно-историческом процессе «врастания» или «вырастания», а не о «приспособлении» или адаптации, то здесь уместна следующая метафора: эмигранта (мигранта) можно сравнить с трансплантированным органом, который, приживаясь в чужом организме, сталкивается с несоответствием своих тканей (биосоциальных «корней», этоса) тканям чужого организма (социальной реальности)[2]. Переживание этой «нестыковки» выражается в чувстве неуютности, неприкаянности, неустроенности, пустоты (даже при благоустроенном быте); безотчетном страхе, неуверенности в себе и в завтрашнем дне (даже при наличии твердых социальных гарантий со стороны «новой родины»); «непонимании» или, точнее говоря, чувстве внутреннего протеста, отказе понимать слова, образ мыслей и действий коренных жителей «новой родины» (даже при хорошем знании ее государственного языка и обычаев)[3]. В результате у многих эмигрантов (и части мигрантов) появляется умонастроение космической, экзистенциальной бездомности[4], заброшенности, и если оно сохраняется и укрепляется, то возникает опасность отторжения не только «новой родины», но и ожесточения или ненависти по отношению к «старой родине». Случаи, когда эмигранты, потеряв «старую родину», так и не обретают «новую», широко известны.

Бывают и такие случаи, когда люди теряют «старую» родину и не обретают «новую», не будучи ни эмигрантами, ни мигрантами. Речь идет о «ностальгии по старым добрым временам». Это не метафорическая, а вполне реальная боль и тоска по ушедшей в историческое прошлое родине (общественному строю, культурной эпохе, «духу времени») на почве неприятия новейших социальных реалий и нежелания к ним приспосабливаться. Если это чувство испытывают в течение длительного времени многие люди (причем не обязательно пожилого возраста), и оно находит понимание среди представителей разных слоев общества, то складывается устойчивое социальное умонастроение, которое К. Мангейм описал в «Консервативном мышлении»[5]. Футуристическая проекция романтического консерватизма, его, так сказать, «опрокинутость» на будущее выражает стремление реставрировать родину в прежнем виде, и даже сделать ее лучше – чтобы исключить саму возможность произошедшего изменения, переживаемого как «измена». Готовность к активному преобразованию существующего в отечестве общественного строя конституирует, согласно К. Мангейму, утопическое сознание[6].

Разумеется, утопическое сознание может сформироваться не только на основе ностальгии по прошлому, но и других чувств и идей самого разного происхождения (например, стремления «восстановить» чистоту расы, сделать общество монорасовым и моноэтническим; «вернуть» былое имперское могущество и величие; «возродить» древнюю культуру или мертвый язык и т.п.), а также на базе предчувствий, ожиданий, верований, надежд относи-

---

[1] Grathoff R. Milieu und Lebenswelt: Einführung in die phänomenologische Soziologie und die sozialphänomenologische Forschung. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1995.

[2] Говорят, что ампутированная нога продолжает болеть; эмигрантская ностальгия, наоборот, – боль продолжающего жить ампутированного органа.

[3] Такое непонимание (следствие отсутствия интерсубъективности, т.е. «жизненно-мировой» основы) – важный, психологический, фактор *реэммиграции*. О трактовке понятия «интерсубъективность» Дж.Г. Мидом, А. Гурвичем и А. Шюцем см.: Vaitkus S. How is society possible? Intersubjectivity and fiduciary attitude as problems of the social group in Mead, Gurwitsch, and Schutz. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1991.

[4] Философской манифестацией умонастроения космической бездомности стал экзистенциализм (прежде всего М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, А. Камю). Философско-антропологическую интерпретацию этой интеллектуальной моды XX в. см. в работе М. Бубера.

[5] Манхейм К. Консервативная мысль // Диагноз нашего времени. М., 1994.

[6] Манхейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. М., 1994. С.167-168.

тельно того, чего никогда в реальной истории не было и чему нет аналога в прошлом (мессианизм, идея тысячелетнего царства праведников, идея мыслящего универсума и т.п.). Но в любом случае общей чертой утопического сознания является более или менее выраженное влечение к реваншу, даже если оно откладывается «до второго пришествия» или сублимируется в оптимистические футурологические конструкции.

Если утопическое сознание необходимо связывает осуществление утопии с судьбами родины, возникает явление, которое можно назвать *контрпатриотизмом,* – это любовь к идеальному (утопическому) образу родины, которая оборачивается ревностью или ненавистью при столкновении с родиной, данной в виде социальной реальности, не соответствующей ее идеальному (утопическому) образу. Для контрпатриотизма характерно, далее, ясно осознанное различение между «родиной» (к ней сохраняется теплое чувство, сыновнее или дочернее отношение) и «теми, кто говорит и действует от ее имени» (к ним возникает стойкая неприязнь или ненависть). Более конкретной формой контрпатриотизма является четко осознанное различение между «родиной» и «государством, говорящим и действующим от ее имени». Таковой, например, была позиция оставшихся в стране участников «белогвардейского движения» и сочувствующих «белым» граждан по отношению к новой «социалистической» России: они горячо любили старую, царскую, Россию, хотели реставрировать ее путем контрреволюции и *поэтому* ненавидели большевистский режим. Таковой была позиция некоторых диссидентов по отношению к «советскому государству»: они любили свою родину, Россию, хотели сделать ее путем подрыва существующего строя свободной, процветающей страной и *поэтому* ненавидели коммунистический режим. Таково отношение к новой, «демократической» и «капиталистической» России большей части представителей политической оппозиции, прежде всего левой и радикально-левой: они любят свою родину, СССР, хотят путем контрреформирования или контрреволюции частично или в полной мере реставрировать Советское государство и *поэтому* ненавидят «демократический» режим.

С социологической точки зрения принципиально важно, что феноменологически первичный образ «родины» формируется под влиянием исторически конкретного государства («государственно оформленной родины») со всеми его слабостями, пороками и изъянами, а не только и не столько под действием идеального образа родины. Пройдя все «круги» социализации, не каждый становится приверженцем того государства, в котором живет, тем более не каждый стремится войти в реальную государственную власть, ибо нередко это означает не обрести соратников в борьбе за осуществление общеполезных программ и возвышенных идеалов, а стать *сообщником* гражданских, хозяйственных или уголовных преступников. Отсюда – неизбежность таких распространенных социальных явлений, как антипатриотизм и контрпатриотизм. На первый взгляд, борьба с «плохим» государством, его законами, идеологией и политикой, ведущаяся цивилизованными средствами, гражданская или политическая оппозиция к нему суть выражения подлинного патриотизма и говорить о контрпатриотизме в данном случае не уместно. Однако ответы на вопросы «а судьи кто?» и действительно ли государство «плохо» всегда даются в контексте разных мировоззрений и политических идеологий, с разных социальных позиций, в разных социально-исторических констелляциях. Но преимуществом формально-социологического понятия «контрпатриотизм» является универсальный характер его применения. Так, например, современное государство России, в котором реальная власть принадлежит государственной бюрократии, представителям «естественных» монополий, финансовой олигархии и криминального мира, кажется «хорошим» чиновнику, директору (или владельцу) предприятия-монополиста, банкиру, «вору в законе», но большей части рабочих, служащих, крестьян, интеллигенции – «плохим». И наоборот, сильное государство, ведущее страну к процветанию во всех отношениях, является «хорошим» для большей части народа, но может быть «плохим» для отдельных групп населения, например, анархистов, террористов, политических экстремистов, расистов, сепаратистов и т.д. Но в обоих случаях позиция тех, кто борется против господствующего режима, желая видеть свое отечество в преображенном виде, соответствующем его идеальному (утопическому) образу, можно назвать контрпатриотической.

С человеческой и гражданской точек зрения, закономерен вопрос: как надлежит оценивать антипатриотизм, возникающий вследствие стихийного или осознанного протеста против «роковой» неотвратимости собственной участи, обреченности жить в данном социальном окружении, в данном обществе и государстве? Будучи перевернутым, вопрос не меняет своей сути: как следует оценивать патриотизм, проявляемый, например, в условиях кровавой диктатуры или тоталитарного государства? Эти вопросы связаны с тем, что называется «нормальностью», и тем, как ее понимать.

На наш взгляд, осознание личностью собственного этологического патриотизма не только не всегда ведет к сознательному патриотизму de facto, но и не должно к нему вести. Результатами такого осознания могут быть антипатриотизм, контрпатриотизм, патриотический нигилизм и другие формы отношения к родине. Их появление нормально или ненормально в том смысле, что является манифестацией индивидуальной человеческой свободы, а не следованием общепринятой норме или отклонением от нее. Система норм полагается системой ценностей, а не наоборот. Вопрос о нормальности или «ненормальности» любви к родине лежит, как уже говорилось, не в нормативной сфере, а в аксиологической. Но и внутри аксиологической сферы возникает проблема нормальности, как только речь заходит о ценностных предпочтениях: какие системы ценностей надлежит считать предпочтительными – индивидуально-личностные, социально-групповые, классовые, государственные, общенациональные, общечеловеческие, вселенские? Ответ на этот метафизический вопрос не может быть дан в рамках настоящей статьи. Следует лишь сказать, что его социологическая постановка должна быть конкретной.

В нормальном состоянии современного общества индивидуальная человеческая личность, ее жизнь, свобода и независимость – ценности более высокого порядка и качества, чем ценности рода, народа и родины. Сначала такая позиция может показаться по меньшей мере непатриотичной. Но все гораздо сложнее – причем настолько, насколько сложнее сама человеческая жизнь. Дело в том, что под «нормальным состоянием современного общества» имеется в виду состояние *мира*. Между тем, для социоэтологии – социологической дисциплины, исследующей социальную феноменологию человеческих этосов, – граница между войной и миром чрезвычайно важна и переход из ситуации мира к войне имеет принципиальное значение. Во время войны угроза уничтожения рода, народа и родины нарушает не только привычное течение жизни, но и совершает переворот в ценностях: меняется их «нормальный» порядок. Принесение в жертву жизни человека, как и добровольное самопожертвование ради спасения рода, народа, родины становятся «нормальными» – точно так же, как умерщвление врага родины рассматривается уже не как «убийство», а как проявление мужества, доблести, отваги и героизма. Спрашивается: насколько такой переворот в ценностях, характерный для этоса всех социальных живых существ, сам по себе «естественен» и «нормален»? Отрицательный ответ на него дает гуманитаристски и космополитически ориентированный *пацифизм*. При этом он исходит, помимо всего прочего, из «противоестественности» и «ненормальности» войны и ее неизбежных следствий. С пацифистской точки зрения, индивидуальная любовь к родине, остающаяся втуне, сама по себе нормальна[1]. Но если дело доходит до публичной артикуляции и теоретизации любви к родине, – значит в обществе сложилась ненормальная обстановка. Так, политизация и милитаризация патриотических чувств, в том числе направленная на мобилизацию массового сознания перед лицом внешней агрессии против общества или в условиях его внутреннего распада, рассматривается пацифизмом как социальная патология или реакция, а рост патриотических настроений в обществе – как явление социально тревожное и потенциально опасное[2].

---

[1] Неявленная любовь к родине ни в коей мере не является добродетелью, а, скорее, терпима из соображений гуманности. Вполне закономерно, что автор сочинения "К вечному миру" (1795) И. Кант определял любовь как «чувственный патологический аффект».

[2] Известно высказывание О. Уальда «Патриотизм – это религия бешеных». Критика пацифизма не входит в нашу задачу. Рост патриотических настроений и появление так называемого "ура-патриотизма" (крайней формы аффективного патриотизма) может быть симптомом социальной болезни или унижения национального досто-

Насколько же поворот в ценностях нормален? По нашему убеждению, такой переворот является сущностной особенностью человеческого этоса, поскольку человек есть *живое социальное существо*. Во время войны добровольное самопожертвование ради спасения родины – высший патриотический акт – это в то же время высшее проявление свободы и независимости индивидуальной человеческой личности. И наоборот, отказ жертвовать собой во имя рода, народа и родины в целях спасения собственной жизни есть высшее проявление антипатриотизма – то, что у всех народов называется одинаково: предательство родины, изменничество[1].

Оценка радикально меняется применительно к состоянию мира в современном обществе. В мирное время отдельная личность не должна быть жертвой социальной среды, класса, общества – и наоборот. Не заслуживает любви «родина», которая с помощью идеологии и лжи выдает мирное время за военное или доводит общество до состояния «холодной» (скрытой) гражданской войны, требуя в ходе милитаризации социального бытия и сознания все новых жертв. Она, а точнее говоря, те, кто ее олицетворяет, – государство, правящая клика и ее приспешники (обычно представители высших классов и сословий), – как правило, преследуют при этом своекорыстные интересы и заслуживают ненависти, способной создать предпосылки для практического изменения общественного статус-кво. В таких условиях антипатриотизм понятен, а контрпатриотизм естественен и нормален.

***М.Ю. Мартынов**. д.полит.н. (СургГУ, Сургут)*

К вопросу о понятиях «национализм» и «патриотизм»

Проблемы формирования национального самосознания всегда привлекали внимание исследователей. Дискуссионным остается вопрос о мировоззренческой основе этого самосознания. Отечественные социологи все чаще приходят к выводу: «общечеловеческие ценности», «особенности национальной идеи» так и не стали конструктивными факторами в консолидации современной России; в качестве таковых могут выступить идеи патриотизма и гражданственности[2]. Однако в противоположность этой точке зрения, опирающейся на результаты эмпирических исследований, продолжаются умозрительные попытки, особенно в работах политологов, обнаружить консолидирующие ценности прежде всего в «национальных идеях». Это подчас проявляется в тенденции своеобразной *реабилитации понятия «национализм»,* освобождении его от шлейфа негативных коннотаций[3]. Объясняют это стремление, в частности, тем, что поскольку обществу нужна идеология, то националистическая в этом смысле предпочтительней, чем, например, религиозная или классовая[4]. Она позволяет, по мнению А.А. Герасимовой, обеспечить максимальную гибкость, уважительность к национальным вопросам в условиях полиэтнической страны. Чтобы, например, человек, объяв-

---

инства народа, реакцией на внешнюю угрозу или провокацией такой угрозы. (О «патриотической реакции» как защитном механизме этнической культуры см.: Зиммель Г. Проблема судьбы // Зиммель Г. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М., 1996. С.50-52). Но в данном случае речь идет о другом: позиция принципиального отказа от насилия заставляет пацифистов опасаться роста патриотической солидарности как необходимого условия и сигнала для насилия (в первую очередь по отношению к личности), как симптома тотальной политизации общественной жизни для его перехода к состоянию войны. Отсюда – настороженное отношение к патриотизму как таковому вообще.

[1] Пробным камнем для гуманитаризма и космополитизма является вопрос о возможности применения концепции «прав человека» по отношению к изменникам родины, например, шпионам. Ведь изменяющий своей родине шпион – тоже человек. Не заслуживает ли оправдания его антипатриотическая деятельность на том основании, что он – «гражданин мира», и предательство им национальных интересов (своей родины) есть на самом деле подлинный интернационализм, служение общечеловеческим интересам, поскольку объективно оно способствует поддержанию баланса сил и порядка в мире?

[2] Гаврилюк В. В., Маленков В. В. Гражданственность, патриотизм и воспитание молодежи // Социс. 2007. №4. С.44.

[3] Национализм в мировой истории / Под. ред. В. А. Тишкова и В. А. Шнидельмана. М., 2007. С.576.

[4] См., например: Миллер А. И. Дебаты о нации в современной России // Политическая наука. 2008. №1. С.8-9.

ляющий свою национальную особость, не рисковал быть обвиненным в покушении на права других национальностей[1]. При этом предполагается, что национализм будет вполне уравновешиваться идеями общегосударственного патриотизма и воспитанием граждан в духе уважения к другим нациям[2].

На наш взгляд, такая позиция, к сожалению, не снимает проблему, поскольку, несмотря на многообразие подходов к определению понятия «национализм», они *инвариантно включают в его смысловой объем тезис о высшей ценности своей нации и ее первичности в государствообразующем процессе.* С «патриотизмом» корреллирует «интернационализм», а понятие «национализм» им оппонирует. Стремление избежать подобных затруднений заставляет сторонников указанной позиции заниматься, по сути, манипуляциями со смысловым содержанием понятия «национализм». Наиболее распространенным приемом подобного рода становится *различение «плохого» и «хорошего» национализма.* Все дело, оказывается, в мере. Хороший, здоровый национализм – это тот, который уравновешивается интернационализмом, уважением к другим нациям, и в этом случае такой «правильный» национализм составляет, якобы, неотъемлемую часть патриотизма. Если же национализм не уравновешивается интернационализмом, то возникает «плохой», экстремистский национализм и происходит «неправомерное и весьма распространенное отождествление его с шовинизмом»[3]. Интернационализм призван сдерживать, «цивилизовать» национализм (патриотизм). Например, «вполне понятное и похвальное желание защищать свою Родину и свою нацию тоже имеет свои пределы, а предпринимаемые меры должны быть адекватны угрозам»[4].

Внешне привлекательные рассуждения о необходимости уметь балансировать между национализмом и интернационализмом при попытках соотнести их с действительностью оказываются не более чем словесной эквилибристикой. Кто будет измерять меру того и другого, как определить «пределы желаний защищать Родину» и их «адекватность угрозам»? В свое время Наполеон Бонапарт в письме русскому царю жаловался на варварские, партизанские, нецивилизованные формы военных действий против его армии. С его точки зрения, вероятно, русские оказались излишне патриотичны (националистичны), используя неадекватные, неодобряемые интернациональным общественным мнением средства ведения войны. С точки же зрения русских, «дубина народной войны» – самый что ни на есть удобный инструмент, чтобы «гвоздить» супостата. Попытки установить меру в соотношении патриотизма и национализма оказываются тупиковыми.

Как представляется, существование данного противоречия объясняется некорректным использованием термина «национализм» для обозначения внешне похожих, но существенно разных процессов. *В одном случае* его субстанциональное наполнение связано с существованием исторических общностей. Идентификация индивида с той или иной общностью – родом, племенем, народностью, нацией, – действительно, не может не формировать у него отношение эмоциональной привязанности к «земле предков», психологической установки как на защиту этой общности, так и на сохранение ее самобытности, особости, обеспечивающих эту идентификацию. Эти чувства, известные с архаичных времен, с образованием нации приобретают форму национализма. *В другом случае* данное понятие используется для обозначения идеологии, предполагающей формирование в государстве общности граждан, «снимающей» национальные различия. Но для обозначения этого способа идентификации гораздо уместнее, на наш взгляд, употреблять другое понятие – «патриотизм».

Происхождение патриотизма не только отлично от национализма, но и противоположно ему. Поскольку «политическое развитие и демократизация предполагает объединение нации, замену множества традиций, религиозных, этнических центров авторитетом единой

---

[1] Герасимова А.А. Патриотизм как этнополитическая категория // Власть. 2007. №4. С.55.
[2] Там же. С.57.
[3] Там же.
[4] Там же. С.58.

светской общенациональной политической власти»[1], шанс превратиться в общество гражданское, демократическое, получают те социальные образования, в которых государственная политическая идея, обретающая опору в чувстве патриотизма, «снимает» догосударственные националистические формы идеологии. Национальные идеи в многонациональном государстве не исчезают, но они теряют свой политический характер, трансформируются в идеи сохранения культурного своеобразия существующих этнических общностей. *В государстве национализм не может являться частью патриотизма,* потому что если он имеет не культурологический, а политический характер, то может быть по отношению к патриотическому только конкурентной идеей с разрушительными последствиями.

Вероятно, впервые в истории в завершенном виде переход от способа идентификации с исторической общностью – родо-племенными группами – к идентификации с политическим институтом – государством – произошел в древнегреческих городах в процессе так называемого синойкизма – объединения поселений в единый полис. Именно ценности гражданского долга, общегосударственного патриотизма явились одним из столпов античности, позволив Древней Греции и Древнему Риму в цивилизационной иерархии стать на порядок выше современных им «варварских» обществ, идеологически опиравшихся на реликты родо-племенных привязанностей.

Национализм и патриотизм не могут быть априорно «плохими» или «хорошими». Являясь идеологическими конструктами, они способны служить как общественным, так и узкогрупповым целям. Патриотизм, как известно, может превратиться в «прибежище негодяев» и стать средством политических манипуляций. И наоборот, национализм, обычно выступающий разрушительной антигосударственной силой, способен сыграть и прогрессивную роль. Происходит это в тех случаях, когда само государство носит антинародный характер, как это имеет место, например, в случае контроля государством-метрополией колонии. Тогда национально-освободительное движение, используя идеологию национализма, открывает путь к формированию суверенной государственности. А после обретения независимости встает *задача «снятия» национализма системой общегосударственных, патриотических ценностей.* Для сложившегося государства национализм, под какими бы флагами заботы о сохранении наций он ни возникал, в дальнейшем может выступать только угрозой.

Необходимость уточнения гносеологического содержания данных понятий представляет отнюдь не только академический интерес. Например, в ходе проведенных нами социологических исследований в Ханты-Мансийском автономном округе в 2007 г. по заказу Комитета по молодежной политике «Молодежь как социальный ресурс округа» и в 2008 г. «Реализация национального проекта «Образование» в автономном округе» по заказу Департамента образования и науки ХМАО[2] была зафиксирована, пусть и медленная по темпам, но вполне устойчивая *тенденция роста националистических настроений молодежи.*

Уровень межнациональной конфликтности в округе был оценен как достаточно высокий. Так, на вопрос анкеты: «В какой мере Вы ощущаете на себе конфликты между молодыми людьми разных национальностей в молодежной среде современной России?» – треть респондентов указала, что ощущает это в «очень большой мере». Если к ним добавить ощущающих конфликты, пусть и «в незначительной мере», получается подавляющее большинство – три четверти респондентов.

Интерпретировать рост националистических настроений необходимо с учетом идеологических обстоятельств, в том числе заметной неудовлетворенности молодежи предлагаемыми трактовками *отечественной истории.* Существование общегосударственной идеологии и патриотизма возможно только на основе реальной общей истории народов, образующих го-

---

[1] Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование / Пер. с англ. Под. ред. А.М. Салмина, Г. В. Каменской. М., 1997. С.54.

[2] Объектом исследований в обоих случаях являлись молодые люди в возрасте от 14 до 29 лет, проживающие на территории муниципальных образований: г. Сургут, Нижневартовск, Ханты-Мансийск, Пыть-Ях, Мегион, Урай, Сургутский, Октябрьский, Березовский районы. Опрос производился по квотной выборке с учетом следующих параметров: место жительства, возраст, пол, род занятий. Объем выборки – 1300 респондентов.

сударство. По справедливому замечанию И. Валлерстайна, «чтобы создать нацию, нужно восстановить ее историю»[1]. Причем историю героическую, которой можно гордиться. Между тем, взятый в нашей стране два десятилетия назад курс на поиски якобы «исторической правды» и бесконечного «покаяния» привел к появлению даже стыда за собственную историю, разрушению исторического самосознания народа. Выход из этого положения, на наш взгляд, один: отечественная история сегодня должна быть представлена такой, какой она есть, прежде всего, великой и героической. Постоянные экивоки на наличие в ней «плохих», «черных» страниц отнюдь не способствуют формированию чувства гордости за свою историю.

Общее героическое прошлое способно консолидировать не только народы России, но и стать притягательной силой для граждан республик бывшего Советского Союза, дать им возможность почувствовать, например, причастность к Победе в Великой Отечественной войне. Общее прошлое может сегодня играть в отношении этих стран не менее интегрирующую роль, чем экономические связи и газонефтепроводы. Те же, кто проводит политику отказа от советского прошлого, лишают свои народы наиболее героической страницы собственной истории. Между тем, как ни странно, доминирующие сегодня трактовки российской истории также не способствуют консолидации нашего многонационального общества. По сути дела, мифологическая ее интерпретация выглядит примерно так: до 1917 г. развитие России шло по восходящей линии и было прервано революцией, которую совершили враги российского государства в лице революционеров. Для потребления массовым сознанием подобная версия, на первый взгляд, выглядит приемлемой, позволяя оправдывать сегодняшние проблемы ссылкой на «сломанную» таким образом историю страны. Но на самом деле латентно она содержит провокацию национал-экстремистского мышления. Объяснения, откуда взялись революционеры-враги России, ответа не дают, и домысливать это приходится самому массовому сознанию. Оно же, как известно, всегда предпочитает объяснения самые простые. Поскольку в числе и революционеров, и членов первого советского правительства значительную долю составляли представители нерусских национальностей, вывод обывателя однозначен: враги Великой России, сломавшие ее историю, – инородцы Современная молодежь достаточно образована, чтобы обладать некоторыми знаниями для националистических выводов, и достаточно необразованна, чтобы эти выводы делать. Сегодня так называемые демократические политические силы, средства массовой информации часто сетуют на рост русского национализма и экстремизма, умалчивая, что своим однобоким, по сути конспирологическим, прочтением истории сами инспирируют его больше, чем кто-либо.

Получается, что распространенная ныне в массовом сознании версия отечественной истории служит не столько консолидации народов на основе идеи общегосударственного патриотизма, сколько подогревает межнациональное недоверие и подозрительность, провоцирует рост национализма. Неизбежной альтернативой отсутствию достойно представленной общей истории народов, образующих государство, становится мифотворчество истории отдельных этносов и наций, входящих в государство. Общие ценности патриотизма в этом случае замещаются национализмом, получающим позитивную коннотацию, нарастают шовинистические настроения, политические процессы набирают реверсивный ход и тем самым ослабляют институциональные скрепы государственности.

П. Нора, член Французской Академии, председатель ассоциации «За свободу истории». **Расстройство исторической идентичности**

Что может быть естественней, чем воздать справедливость людскому страданию? Что может быть безвредней, чем символическим актом законодателя дать коллективному преступлению ту оценку, которую оно заслуживает с моральной точки зрения? Что может быть справедливей, чем гарантировать жертвам защиту закона, который бы предусматривал воз-

[1] Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. М., 2006. С.139.

можную компенсацию и санкции против его нарушителей? Именно такие мотивы служат в глазах общества и депутатов, которые за них голосуют, мнимым оправданием для целого ряда законов нового типа, которыми Франция обзавелась за последние пятнадцать лет. Все они касаются не вызывающих сомнения коллективных преступлений и призваны предоставить борющимся за них категориям лиц те гарантии, которые в 1990 г. были предоставлены евреям в силу закона Гейсо. Однако следует ясно и четко понять, какая логика лежит в основе этих точечных мер, какие процессы к ним привели и чем все это может закончиться. Дело в том, что под покровом благородных устремлений (которые чаще всего скрывают лишь предвыборную демагогию и политическую трусость) лежит целостная философия, удачно приспособленная к духу времени, ведущая к всеобщей криминализации прошлого, и следует четко понять, что она подразумевает и куда ведет.

Это следует осознать как можно скорее, потому что, если после всех протестов историков, всех заверений политических деятелей, всех предостережений президента Республики («История не пишется законами»), всех парламентских и министерских комиссий, призванных направлять и регулировать проявления «долга памяти», в Национальной ассамблее снова окажется большинство, готовое законодательно решать, что в истории является истиной, ничто не помешает расширению понятия преступлений против человечества и его переносу на всех жертв национальной и даже всемирной истории, ведь, например, к резне армян в 1915 г. Франция не имела никакого отношения. А отсюда прямой путь к уголовной ответственности для тех, кто ставит эти преступления под сомнение. Понятие «преступлений против человечества» было создано для современных событий, которые не в силах был вместить разум и которые были настолько чудовищны и масштабны, что не подпадали ни под одну юридическую категорию. Оно характеризовало настоящее и не касалось ни воспоминаний, ни памяти, ни прошлого. Что касается закона Гейсо, принятого как реакция на негационизм Фориссона, он был направлен не против историков, а против активистов исторической лжи. С продолжениями закона Гейсо и расширительным толкованием преступлений против человечества мы попадаем в двойную ловушку: ретроактивного применения закона и сплошной виктимизации прошлого.

Ретроактивное применение закона и отсутствие срока давности, на которых строились решения Нюрнберга, а затем закон 1964 г., как и закон Гейсо, который на них ссылается, были ограничены периодом нацистских преступлений. Обратная сила закона простиралась по времени лишь на пять-шесть лет назад. За несколько лет мы успели шагнуть от этих шести лет до шести веков. Ничто не мешает потомкам всех жертв за историю Франции потребовать и получить то же самое, чего добились сыновья и дочери потомков рабов. Официального признания ждет вандейский «геноцид», у русских «белых» достаточно доказательств зверств, устроенных коммунистами на Украине, а у польских беженцев – массовых расстрелов в Катыни. Затем, с неопровержимыми доказательствами последуют потомки протестантов Варфоломеевской ночи, гильотинированных аристократов, уничтоженных альбигойцев. И почему бы Франции заодно, во имя фундаментальнейших принципов, не взять на себя компетенцию в области памяти во всемирном масштабе, предъявив обвинения испанцам и американцам за истребление ими индейцев, как на севере, так и на юге Америки. А китайцам в Тибете? На сегодняшний день на рассмотрение бюро двух палат Парламента поступило, кажется, уже около двадцати подобных законопроектов. Почему бы не дойти до времен Крестовых походов? Ведь в глазах исламского мира именно тогда началась история преступлений Запада, в которых Франции принадлежит одна из первых ролей.

История – всего лишь длинная череда преступлений против человечества. И поскольку авторы этих преступлений уже мертвы, подобные законы предназначены только для того, чтобы преследовать, в гражданском либо уголовном порядке, историков, изучающих эти периоды, и профессоров, которые их преподают, предъявляя им обвинения в соучастии в геноциде или «преступлениях против человечества». Я преувеличиваю? Вспомним о том, что лишь широкая и активная мобилизация историков, по собственному признанию президента Ассоциации антильцев, гвианцев, реюньонцев и махорцев (*Collectifdom*), заставила ее ото-

звать иск против О. Петре-Гренуйо, автора книги «Черная работорговля». Сегодня над сообществом историков нависло невыносимое подозрение в том, что они всего лишь защищают свои корпоративные интересы. Так словно бы история, в конечном счете, была просто памятью одной профессиональной группы, которая трясется над своими карточками и привилегиями, и из-за своего спокойного ремесла сделалась глуха к подлинной истории, состоящей из боли и страданий мужчин и женщин. Словно бы это была такая же память, как и все остальные. Это серьезный упрек. Он демонстрирует, сколь велик ущерб от гегемонии памяти и как велико ее всемогущество. Пришло время опасной радикализации памяти и ее корыстного, неправомерного и неподобающего использования.

На первых порах пробуждение памяти эмансипирующихся меньшинств – будь они социальными, религиозными, сексуальными или региональными – казалось ярким освободительным актом, формой восстановления справедливости по отношению к угнетенным, униженным, выкинутым на обочину истории, по крайней мере, как она преподавалась в школе. Благодаря возникшему тогда же у исследователей интересу к скромным подмастерьям истории, пробуждение памяти меньшинств привело к чрезвычайно быстрому расширению вопросника историков, плодотворному обогащению их теоретических перспектив и практики, если не к полному обновлению дисциплины. Наряду с другими направлениями, мемориальное измерение плодотворно проявилось в устной истории, истории рабочих, аграрной истории, истории женщин. С 1970-х по 1990-е гг. мы стали свидетелями удивительного расширения и даже революции в историческом сознании и познании, которые можно сравнить только с такими вехами, как либеральная и романтическая историография, историография критическая и позитивистская, а затем появление «Анналов». Память придала истории новый импульс, обновила подходы к прошлому и проникла во все периоды и отрасли исследования.

Проблемы начинаются в тот момент, когда история, которая не принадлежит никому и призвана сделать прошлое всеобщим достоянием, начинает писаться под давлением мемориальных групп, стремящихся насадить свое собственное прочтение прошлого. Это ведет к изменениям принципиально иной природы и сдвигам принципиально иного масштаба. Мы переходим от скромной памяти, которая лишь просит признания, уважения и хочет войти в большой нарратив коллективной истории нации, к памяти, обвиняющей и уничтожающей эту историю. Навязывающей вместо общей интерпретации свое пристрастное и однобокое в*и*дение. Нетерпеливо требующей придать своей версии прошлого официальный статус и оградить ее стеной республиканского закона. Готовой во имя страдания, которое она путает с истиной, отстаивать свои требования, не слишком задумываясь о средствах: политическом сектантстве, предвыборном шантаже, а если понадобится, - физических угрозах и личных выпадах. Да идет ли все еще речь о памяти?

Мы видим этот процесс в действии, когда, скажем, государство отказывается от чествования битвы при Аустерлице, в котором принимала участие вся Европа, под предлогом того, что оно прославляет колониальную политику Наполеона. Или когда власти решают не отмечать четырехсотлетие со дня рождения Корнеля, потому что члены его семьи будто бы были связаны с трансатлантической работорговлей. Пятнадцать лет назад я счел себя вправе охарактеризовать то время как «эпоху коммеморaций». С тех пор успели учредить столько же национальных церемоний, сколько до того за целый век Республики. Однако самые большие опасения вызывает не сама эта стремительная инфляция, а тот факт, что из шести установленных дат половина окрашена в цвета покаяния: 16 июля (против расистских и антисемитских преследований); 10 мая (память о работорговле и рабстве); 25 сентября (дань памяти арки[1]), а остальные (Индокитай, Северная Африка) свидетельствуют о дроблении памяти ветеранов и давлении со стороны различных групп интересов внутри их сообщества. Не стоило ли мне в таких условиях скорее говорить о контр-коммеморации, или негативной коммеморации? Появление все новых и новых законов, криминализирующих прошлое, наподобие тех, которые уже были и еще могут быть приняты после заключения в апреле 2007 г. по ини-

[1] Термин, обозначающий алжирских мусульман (арабов и берберов), служивших во французских войсках в ходе Алжирской войны 1957-1962 гг.

циативе Франции европейского рамочного решения, вводящего во всех странах Евросоюза ответственность за «публичную апологию, отрицание либо грубую банализацию» геноцида, преступлений против человечества и военных преступлений, ведет к распространению истории этого типа и ее превращению в государственную политику.

Если историки выступили против самого принципа т.н. «мемориальных» законов, то вовсе не для того, чтобы зарезервировать за собой – как собственность корпорации, как особую "память", претендующую на статус науки, – эксклюзивное право на истину в последней инстанции. Дело в другом: в силу своего гражданского призвания они просто находятся в первых рядах борьбы, касающейся всего общества, борьбы за интеллектуальную свободу и гражданские свободы в демократическом государстве. Всеобщая тенденция переписывать прошлое в свете памяти и судить его от ее имени прямо ведет к упразднению любых форм исторического мышления и духа истории. Этого ли мы хотим? Готовы ли мы принять все последствия этого шага?

Память по определению стирает хронологические различия и переходы, игнорирует факторы трансформаций и условия изменений. Речь больше не идет о том, чтобы понять и объяснить другим прошлое ради него самого, познать его, чтобы сделать зримым, воссоздать цепь причин, которые сделали нас тем, чем мы являемся сегодня, а о том, чтобы пригвоздить к каждому феномену прошлого оценку, основанную на сегодняшних критериях и ценностях, как если бы сами эти ценности и критерии не были продуктами истории и существовали испокон веков. Сегодня мы искренне верим и живем в тени прав индивида. Во многих отношениях это, конечно, отрадно, однако сами эти права имеют долгую историю. Случилось так, что память незаметно переплелась с моралью и поглотила историю.

В этом состоит изначальный порок, заложенный в опасном расширении категории преступлений против человечества. Само по себе появление подобного понятия, возможно, свидетельствует о прогрессе сознания человечества, для которого просмотр телевизионных новостей ежедневно дает поводы для справедливого негодования. Однако, если щедро и не слишком задумываясь переносить его на далекие времена, а также на человеческие общества, несравнимые с нашим, которые были не лучше и не хуже нас, а просто другие, это приводит к сплошным нелепостям. История не судит нашим судом. Она отдает долг памяти и воздает справедливость жертвам и побежденным. Однако история, целиком переписанная и подвергнутая суду с точки зрения побежденных и жертв, – это отрицание истории. Похоже на то, что, пристально вглядываясь в прошлое, целиком пронизанное насилием и войнами, наша спокойная эпоха, которая знакома с войнами и насилием лишь на расстоянии, опосредованно, испытывает естественный порыв целиком отбросить это прошлое во тьму ужаса, навсегда его проклясть и повернуться к нему спиной. Но коль так, это уже не просто опасность анахронизма, а антиисторическое искушение. Мы от него уже не так далеко. Следует задаться вопросом: может ли человеческое сообщество и национальная общность обойтись без генетического понимания своего прошлого и позитивного отношения к собственной истории?

Потрясения истекшего века заставили все страны предъявить счета к своему собственному прошлому. Однако ни одна другая страна не испытывает таких противоречивых чувств к своей истории, как наша, что является одновременно и одним из ярчайших симптомов, и одной из глубочайших причин нынешнего французского недомогания. Ни одна другая страна не почувствовала так остро мемориальный шок, который вот уже тридцать лет будоражит весь мир, чтобы усомниться в своей исторической идентичности. Невозможно не задаться вопросом, с чем это связано.

Само собой, на протяжении своей исключительно долгой национальной истории, пронизанной стремлением к единству, всегда являвшемуся ее навязчивой идеей, Франция прошла через череду потрясений, которые в первом приближении объясняют масштаб и глубину ее конфликтов памяти: это Революция и ее отзвуки, поражение 1940 г. и Оккупация, деколонизация и Война в Алжире, наша настоящая Гражданская война (если вспомнить за последние

два века лишь важнейшие события, при том лишь те, которые спровоцировали самые острые гражданские войны памяти). Это уже не так мало, но явно следует взглянуть еще глубже.

Особенности французской реакции на бушующие в мире бури памяти и ее особо острый характер, без сомнения, объясняются контрастом между мощью того светлого образа, в котором Франция привыкла себя представлять, и тяжким, запоздалым столкновением с исторической правдой, которая несовместима с этим образом, разбивает его и кажется еще черней, чем была на самом деле. Вокруг Алжира, Оккупации, Сопротивления, войны 1914 г., колонизации, если ограничиться этими примерами, было много мифов, лжи, фальсификаций, замалчивания и отрицания очевидного. Эти барьеры, воздвигнутые с помощью всех средств, которыми располагает государство, чтобы скрыть историческую правду (начиная с засекречивания архивов), подготовили почву для всех неутихающих болезненных дискуссий и запоздалых процессов. Они поддерживали вредную мысль о том, что в шкафу всегда лежит по скелету. Они превратили нас в потенциальных кающихся грешников, всегда готовых поверить в то, что карикатуры правдивы, а компенсации – легитимны. Призывы к сокрушению и покаянию легко находят путь через трещину, пролегающую между фундаментальной ролью, которую официальная история сыграла в складывании гражданского и национального сознания, и ее приземленными вариантами. Поскольку Франция слишком гордилась своей историей, она всегда преодолевает периоды цензуры всплесками коллективного бессознательного, за которыми следует официальное покаяние. Однако замена государственной лжи на государственную правду, а официальной истины на истину, установленную законом, ничего нам не принесет.

В конечном счете, главную причину того, что сегодняшнее отношение Франции к ее прошлому столь болезненно, следует искать в ее давнем призвании или претензии на то, что она воплощает универсальные ценности. Доказательствами этого служат особо разрушительный потенциал недавно поднятого на поверхность вытесненного колониального прошлого и пробуждение загадочной памяти о рабстве и работорговле.

Все европейские державы участвовали в колониальной авантюре. Экспансия за море, открытие, завоевание и эксплуатация территорий, познание других культур и стремление распространить свою собственную были, наряду с научным воображением, одним из импульсов европейского динамизма и его отличительной чертой. Сегодня эта авантюра стала главным пунктом обвинения против современного Запада. Однако лишь во Франции это обвинение было так глубоко воспринято. Оно даже заменило капитализм в роли основной мишени критического радикализма, на который Франция сохранила монополию. Еще в большей степени, чем христианские истоки антисемитизма, колониальные преступления принуждают осудить все то, чем мы являемся сегодня и были вчера. Это поистине смертный грех. Мы ставим себя перед ребяческим выбором, серьезно обсуждая, следует ли целиком и полностью осудить колонизацию, бесспорно отнеся ее к числу преступлений против человечества, или все-таки в ней чудесным образом можно отыскать несколько позитивных аспектов, наподобие строительства дорог или противостолбнячной вакцины. Две тысячи лет христианского чувства вины, на смену которым пришли права человека, были пущены на то, чтобы, во имя защиты личности, предъявить обвинение Франции и ее радикально дискредитировать. Государственная школа ринулась в этот омут с тем большим усердием, что в эпоху мультикультурализма она нашла в покаянии и национальном мазохизме свою новую миссию. Некогда сыграв роль флагмана человечества, сегодня Франция – чемпион мира по угрызениям совести. Тяжелая расплата. Странная привилегия.

Ю.А. Павлюченкова (МосГумУ, Москва)

Формирование гражданского сознания российской молодежи на современном этапе[1]

В настоящее время в России наблюдается повышенный интерес к молодежной политике, проводимой нашим государством. Пишут и говорят об этом политики и государственные

[1] [Электронный ресурс] Режим доступа: http://impisr.edunsk.ru/index.php?title

чиновники, общественные деятели и ученые, бизнесмены и представители религии. И если проанализировать содержательную сторону их выступлений и статей, то не часто можно встретить достаточно глубокое понимание проблем. Во-первых, мало кто ссылается на то, что уже было сделано – наши традиции, достижения, анализ ошибок. Во-вторых, редко встречается адекватное понимание того, какая сейчас молодежь, что ее волнует, что ей нужно. В-третьих, на вопрос «Что делать?» ответа не дается – только рассуждения, обвинения, воззвания[1].

В данном контексте для нас крайне важно понимать, что Россия – одна из немногих стран, которая стремительно переживает политические, экономические, социальные и культурные изменения вот уже несколько десятилетий. Поэтому важно не повторить ошибку – «разрушить все до основания», отвернуться от традиций и предыдущего опыта. Особенно актуально это и для молодежной политики, для формирования молодого достойного гражданина. Ведь «найти себя», «не потеряться» тяжело не только взрослым, но и молодым людям. При этом ищущий человек задумывается не только о себе, но и своем государстве в целом. Многие политики, исследователи, педагоги, общественные деятели отмечают, что возрождение России возможно только на основе преодоления старых способов мышления и действия, «методологической и идеологической недостаточности», на базе новой методологии и иного мировоззрения, которые несут в себе инновационные идеи, связанные с процессами эволюции и трансформации государственной, общественной систем, особого отношения к формированию патриотизма, гражданского сознания и самосознания, к более четкому определению национальной идеи россиян[2].

В России имеются богатые традиции формирования гражданственности, патриотизма, а также опыт взаимодействия с молодежью. Поэтому нам надо учитывать условия, определять формы использования, видоизменять и трансформировать уже имеющееся. Безусловно, на сегодняшний день внешне общественные институты в России представлены достаточно широко. Средства массовой информации постоянно информируют российское общество об активности молодежи. Но на сколько это является объективным? И не является это лишь политической игрой? В силу происходящего очевидна необходимость осмысления особого рода явлений, процессов, связей и отношений, которые обеспечивают сохранение общественной жизни, являются необходимым условием ее стабильного функционирования и воспроизводства, развития государственности в целом, активного, созидательного участия молодежи в рассматриваемых процессах. В этой связи обратим внимание на то, что речь идет, прежде всего, о тех специфических областях и направлениях социальной активности, где единство и целостность общества в наибольшей степени подвергаются испытаниям на «прочность»: государственная деятельность, деятельность общественных организаций, обеспечение различных видов безопасности, осуществление крупных общественных проектов и акций, требующих максимального напряжения сил, мобилизации духовных возможностей их участников.

Что же способствует или, наоборот, мешает сегодня в России формированию гражданского сознания, социального согласия, консолидации общества на основе «общего дела» решения позитивных задач, связанных с преодолением кризиса и возрождением страны, а также активного участия в данных процессах молодежи? С точки зрения политологических знаний актуальна роль идеологии. Идеология необходима в любом современном обществе. Формирование гражданского сознания – неотъемлемое условие развития любого государства, стремящегося к целостности и развитию. Важное значение эти позиции приобретают в российском обществе. По мнению многих исследователей и политиков России нужна такая идеология, которая способствовала бы возрождению здоровых духовно-нравственных основ и сил общества, выбору пути развития, соответствующего подлинным общенациональным интересам.

---

[1] См.: Дивненко, О.В. Особенности реализации Стратегии государственной молодежной политики: компетентностный подход. М., 2007.

[2] См.: Кузнецова А. В. Культура патриотизма как фактор консолидации российского общества. М., 2004.

В современный период понимание необходимости идеологии становится всеобщим. Если в последней трети XX в. получила распространение концепция деидеологизаци, то в самом его конце и в начале XXI столетия обозначился фактор, который специалисты квалифицируют как оформление новой глобальной реальности – начало всемирного этапа идеологизации всех сфер жизнеобеспечения народов мира[1]. Чтобы добиться успеха реформ, сформировать социальное государство, нужно изменить сам способ движения к прогрессу. Необходим, как считают эксперты, стратегический прорыв к новой идеологии, опережающей события, ориентирующей и сплачивающей людей. В основе этого – гражданское сознание общества и гражданское самосознание личности[2].

Особое значение в этой связи имеет формирование *гражданского сознания молодежи.* На сегодняшний день мы вынуждены констатировать, что исторически сложилось так, что в сфере отечественного образования и воспитания несколько десятилетий был нарушен ряд принципов, который позволял воспитывать уважение к Родине, служение на благо Родины, понятия чести и достоинства. Как отмечено в Стратегии государственной молодежной политики, принятой в декабре 2006 г., «целостная и последовательная государственная молодежная политика является важнейшим фактором устойчивого развития страны и общества, роста благосостояния ее граждан и совершенствования общественных отношений. Государственная молодежная политика – является системой государственных приоритетов и мер, направленных на создание условий и возможностей для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, развития ее потенциала в интересах России. Реализация государственной молодежной политики выступает инструментом социально-экономического и культурного развития, обеспечения конкурентоспособности и укрепления национальной безопасности страны. Государственная молодежная политика формируется и реализуется органами государственной власти и местного самоуправления, при партнерском участии молодежных и детских общественных объединений, неправительственных организаций и иных, юридических и физических лиц».

Напрямую в данном документе не отмечается приоритет формирования гражданственности и патриотизма у молодежи, да и в целом, безусловно, Стратегия требует доработки. Но появление этого документа – позитивный факт государственных изменений. Однако в формировании гражданского сознания молодежи большую роль должны играть общественные институты (желательно при поддержке государства). Важнейшими чертами объединяющей идеологии российского общества, как считают исследователи, призваны стать: 1. Гуманизм, человечность, ибо ее смыслом и назначением являются приоритет человека, достижение достойной жизни каждым из россиян.

2. Нацеленность на консолидацию общества на основе социальной справедливости.

3. Духовность, впитавшая в себя все лучшее как из идей отечественного космизма, так и из «жизненного мира» россиян, национального духа русского народа[3].

Именно горизонтальные связи людей, их неформальных объединений укрепляют каркас гражданского общества, способствуя человеку стать реальным субъектом в принятии решений о своей судьбе, судьбе другого человека и своей Родины в целом. Отметим, что русская духовность, которой посвящено достаточно много исследований, как на протяжении веков, так и на современном этапе, имеет *православные корни.*

Этот аспект также важен для формирования гражданского сознания российской молодежи. Обратим внимание, что безрелигиозных народов история не знает. Не является исключением и русский народ – его «национальной» религией, сыгравшей значительную роль в становлении отечественной государственности и культуры, является православие. Русская куль-

---

[1] Кузнецов В.Н. Российская идеология 21: Опыт социологического исследования формирования российской идеологии 21 века. М., 2004. С.27-28.

[2] Андреев Э.М. О системной методологии социально-политических трансформаций // Общая и прикладная политология. М., 1997. С.744-745.

[3] Россия: на пути к возрождению. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2003 году. М., 2004.

тура формировалась как культура в основе своей православная. Поэтому ее главной характерной чертой является опора на духовность, на нравственные устои. Проблема спасения в религиозном сознании является первостепенной и, в данном случае, православие утверждает: ни один из нас не спасется, если не спасутся другие. Мы можем в этом мире спастись не каждый сам по себе, а если спасутся все. Таким образом, православие предложило этику коллективного спасения и в этом свете этику национального самопожертвования. «Это была особая русская идея преодоления того узкого национального эгоизма, когда я думаю только о своем национальном интересе. Нет, я и национально не спасусь, если не спасется другой народ ... И поэтому русская идея – это не идея региональная, а это – идея всеобщего спасения, во имя которой должен жить каждый народ и каждый человек. И отсюда ….. возникает идея коллективизма..., который, действительно, тоже свойственен русскому национальному самосознанию и русской национальной идее»[1].

И в данном контексте мы считаем, что одной из важнейших форм формирования гражданского сознания российской молодежи на современном этапе является *духовное лидерство*. Этот феномен изучен еще недостаточно, но, тем не менее, понятно, что в данном случае затрагиваются глубинные серьезные личностные характеристики молодых людей. Безусловно, думающая и//или чувствующая молодежь стремится к духовным лидерам. Этот термин все чаще встречается в прессе, используется политиками, общественными деятелями, и все больше принимает примитивно-популистское значение. Тем не менее, данная форма имеет достаточно большой созидательный потенциал в воспитании активных граждан России. На современном этапе мы можем констатировать факт, что Русская православная церковь объективно все больше может претендовать на духовное лидерство среди молодежи, скажем не столько как «де юре», сколько «де факте».

Доказательством тому может служить исследование, имеющее название «Даниловское» и проведенное среди православных, пришедших поклониться святым мощам Спиридона Тримифунтского в Свято-Даниловский монастырь в апреле 2007 г. Основными задачами этого исследования являлось выяснение преобладающих мотивов и настроений российских православных, в том числе молодежи, относительно укрепления Веры, личностного развития и совершенствования; изучение проблем эффективности взаимодействия РПЦ с российским обществом. Исследователи предположили, что, имея достоверные данные о современных православных, их настроениях, мотивах, убеждениях, можно осуществлять поиск соответствующих социальных технологий взаимодействия с ними, позволяющих адекватно и эффективно укреплять Дух и стремление развиваться как отдельного россиянина, так и государства в целом. Исследование осуществлялось методом простой (случайной) выборки, объемом – 1117 человек. По итогам анализа качественной стороны документации получено в обработку 794 анкеты. 35% от общего числа респондентов – дети, подростки и молодежь в возрасте от 10 до 30 лет, из которых 41% – мужчины.

Исследование показало повышение образовательного и профессионального уровня россиян, их стремление к духовному развитию, уважение к Святым. Выраженным фактом явилось нарастание тенденций увеличения доли в лоне православной церкви молодых мужчин, а также детей и подростков. Данные результаты позволили сделать выводы и относительно глубины понимания молодыми людьми духовности, соотнесения духовности с уважением к человеку, Родине, со служением Родине. Отметим, что духовное лидерство может иметь место не только при формировании религиозного сознания. При светском общении данная форма взаимодействия с молодежью не менее актуальна и эффективна. Более того, другие формы формирования гражданского сознания молодежи не менее важны и требуют отдельного исследования. В целом, можно констатировать факт, что вопросы гражданского сознания молодежи стали актуальными как ни в какой другой исторический период России. Анализ и учет отечественных традиций, объективное понимание происходящего, эффективное взаимодействие с определенными общественными институтами, уважение к молодежи и

[1] Русская доктрина. М., 2007.

стремление упрочить положение РФ могут позволить получить эффективный созидательный результат при формировании активных сознательных молодых граждан России.

В.С. Пель, к.пед.н. А.В. Хлебалин,к.филос.н., М.В. Чельцов, к.педн. (НГУ, Новосибирск)

Гражданственность, демократизм и патриотизм молодежи: социологический анализ[1]

Рассматривая вопрос о чувстве гордости за страну, мы можем увидеть, что абсолютное большинство респондентов гордятся своей родиной. Положительно на этот вопрос ответили 86% опрашиваемых. При этом наибольшее чувство гордости у респондентов вызывают: победа в Великой Отечественной войне, достижения спортсменов России и уровень вооружения армии. 27% гордятся спортивными достижениями; 55% гордятся историей и успехами армии РФ и только 18% испытывают чувство гордости, связанное с техническими возможностями РФ. При этом наиболее часто встречающийся ответ – я горжусь победой в Великой Отечественной войне – встречается у 75% случаев) обусловлен, прежде всего, недавно и широко праздновавшимся 60-летием Победы и, соответственно, наличием массовой агитации. В то же время преимущественные направления развития России в будущем, по мнению респондентов, следующие: научное и культурное развитие – 25%; социально-экономическое развитие – 22%; усиление внешнеполитического статуса России – 21%; технические возможности – 14%; развитие гражданского общества и гражданско-правовых взаимоотношений граждан. Спортивным достижениям, успехам армии РФ и ее техническому оснащению отдали приоритет 7% респондентов.

Имеющееся чувство гордости за страну у респондентов практически никаким образом не связано с представлением о ее будущем развитии. Так, успехи армии и спортсменов, позволяющие большинству респондентов гордиться Россией сегодня (82%), никаким образом не отражаются в будущем – только 7% респондентов полагают, что данные направления могут стать приоритетными в будущем развитии государства и общества, и только 11% респондентов выделяют развитие гражданского общества и гражданско-правовых взаимоотношений граждан в качестве приоритетных в будущем.

При этом основными движущими силами развития России в будущем респонденты называют следующие: развитие личной инициативы граждан – 24%; развитие международного сотрудничества – 20%; усиление государственного влияния – 12%; усиление общественных инициатив – 8%.

В открытом варианте вопроса преобладали пожелания усиления патриотизма среди молодежи, развития экономики, снижение бюрократических преград у 19% респондентов. 18% респондентов не дали ответ на данный вопрос.

Анализ ответов респондентов позволил выстроить возможные направления развития России в будущем в порядке убывания следующим образом:

1) развитие гражданского общества, гражданско-правовых взаимоотношений граждан;
2) спортивные достижения, развитие спорта;
3) развитие технических возможностей;
4) успехи армии РФ, ее техническое оснащение;
5) научное и культурное развитие;
6) социально-экономическое развитие;
7) внешнеполитический статус, его усиление.

Анализируя ответы респондентов о положении РФ на международной арене, мы видим: 79% считают, что Россия была мировым лидером; 76% считают себя осведомленными о современном положении РФ на мировой арене, 64% следят за современными событиями. В целом, разительных противоречий в ответах респондентов на данные вопросы нет, однако разница в 12% между теми, кто считает себя осведомленным о современном положении РФ на

[1] Исследования Института молодежной политики и социальной работы НГПУ проводились в январе-феврале 2007 г. среди молодежи в возрасте 14-20 лет (старшие классы школ, 1-2 курс вузов) в городах: Новосибирск, Колывань, Куйбышев, Барабинск. Всего в исследовании приняли участие 280 респондентов.

международной арене, и теми, кто следит за событиями, говорит о недостаточно ясном представлении у молодежи о современных событиях.

Как нам кажется, в связи с этим необходимо обратить внимание и на соотношение следующих показателей: 39% респондентов считают Россию страной с высоким уровнем развития; 36% – страной третьего мира и 25% – страной с низким уровнем развития; одновременно 82% респондентов высказывают гордость за свое гражданство.

Мы отмечаем, что чувство гордости за страну, которое является истоком патриотизма, практически не зависит от внешнего статуса России. Однако, испытывая гордость за страну, только 59% респондентов отмечают, что чувствуют себя значимым членом общества. Мы наблюдаем явный диссонанс в соотношении «я горжусь Родиной» – «я нужен Родине». При этом треть респондентов (32%) отмечает, что в будущем россиянин должен быть гражданином с осознанной гражданской позицией.

Для более полного определения понимания молодежью понятий «гражданственность – гражданская позиция – гражданское общество» нам представляется необходимым сравнить ответы на разные вопросы анкеты. Так, респонденты выделяют следующие основные движущие силы развития России в будущем: развитие личной инициативы граждан – 24%; развитие международного сотрудничества – 20%; усиление государственного влияния – 12%; усиление общественных инициатив – 8%. В то же время 60% респондентов отметили, что для успешного развития России в будущем от гражданина будет требоваться участие в деятельности общественных организаций и преимущественная реализация собственных интересов; посчитали необходимым безусловно подчиняться государственным инициативам 15% респондентов; готовность пожертвовать своими благами в интересах общества проявило 8% респондентов; 17% респондентов высказали собственные мнения, среди которых преобладали требования государственной поддержки, доступности образования и усиления деятельности опять-таки государства по формированию гражданско-правовых отношений.

Выбирая основные черты россиянина в будущем, респонденты отметили: он должен быть гражданином с осознанной гражданской позицией и ответственностью – 32%; будущий россиянин должен быть патриотом – 19%; он должен проявлять терпимость (толерантность) по отношению к любым людям – 19%; он должен защищать интересы русского населения – 18%, а 13% респондентов в графу свободного ответа вписали фразу – он включает в себя все перечисленные варианты.

Соответственно, можно сделать вывод о недостаточности понимания позиции гражданина в среде молодежи (у 24% респондентов). Более чем у 30% молодежи имеются четко выраженные националистические настроения.

К сожалению, на данное положение дел значительное влияние оказывает и почерпнутая в различных источниках информация. Так, историей и современным состоянием культуры интересуются 46% респондентов, интересуются в той степени, в которой этого требует обучение – 40%, не интересуются – 14% респондентов. Информацию берут из СМИ – 33%, пользуются только материалами учебной программы – 36%, используют специальную литературу – 31% респондентов. Фактически, мы можем утверждать, что в своей пропорциональности количество респондентов, интересующихся современными событиями, культурой и традициями общества и, с достаточной долей допуска, объективно представляющих положение дел, составляет около 50% от исследуемого числа молодежи.

Помогает решить поставленные нами задачи анализ ответов на вопрос о соотношении понятий гражданин и патриот: 29% респондентов считают, что гражданин может быть патриотом; 13% – что гражданин должен быть патриотом; 9% – что патриот и есть гражданин; 5% – что патриот более важен, он может и не быть гражданином; 4% – что понятия гражданин и патриот несовместимы; 33% не дали ответа на вопрос.

Статистический и качественный анализ результатов исследования позволил определить основные тенденции формирования гражданской позиции молодежи и направления в определении понятий «гражданственность-демократизм-патриотизм».

Исследование показало:

- Подтверждается предположение, что наблюдается ярко выраженная дисфункция идеологической системы, а как следствие – проводимого воспитания и молодежной политики в России: понятия, призванные формировать мировоззренческую и гражданскую позицию молодого человека, оказываются фактически не связанными между собою. Наблюдается определенный «идеологический разнобой». Респонденты демонстрируют идеологическую «пустоту» – невозможность наладить логические связи между предложенными ответами.
- Имеющееся чувство гордости за страну у респондентов практически никаким образом не связано с представлением о ее будущем развитии. В целом, у молодежи нет устойчивых понятий, имеет место идеологический разнобой.
- Молодежь (более 50%) не имеет достаточно ясных представлений о современных событиях как внутри государства, так и на международной арене. Многие представления являются скорее ложными, сформированными под влиянием момента и при посредстве непроверенных источников – в том числе СМИ.
- Абсолютное большинство респондентов (86%) гордятся своей Родиной.
- Чувство гордости за страну, которое является истоком патриотизма, практически не зависит от внешнего статуса России.
- Наблюдается явный диссонанс соотношения «я горжусь Родиной» – «я нужен Родине», т.е. в среде молодежи нет четкого понимания собственной гражданской позиции.
- В целом, в среде молодежи присутствует верное понимание значений «гражданственность – гражданская позиция» при явной недооценке культурного, научного и социально-экономического развития общества и наличии ярко выраженной личностно-эгоистической направленности позиции. Принимая во внимание, что гражданская позиция, это, прежде всего, личная инициатива, ответственность, ориентация на общественные нужды и собственные силы, мы должны констатировать, что до настоящего времени исследуемая группа молодежи не доверяет собственным силам и готова не только подчиняться любым инициативам государства, но и не видит своего будущего без активной государственной поддержки. Подразумевая, что осознанная гражданская позиция формируется, в первую очередь, за счет осознания своей значимости для общества, мы должны констатировать, что полного понимания в соотношении «гражданская позиция – значимость личности – гордость за Родину» (иными словами, гражданственность-патриотизм) среди молодежи нет. Анализ результатов исследования показывает, что более чем 20% респондентов от общего числа молодежи, принявших участие в исследованиях, не имеют четкого представления о соотношении понятий «патриотизм – гражданственность» (гражданин, гражданская позиция). И можно сделать вывод о недостаточности понимания позиции гражданина в среде молодежи. Кроме того, более чем у 30% молодежи имеются четко выраженные националистические настроения.
- Фактически, описанная выше ситуация демонстрирует именно одиозное чувство национальной гордости при отсутствии возможности объяснить причины его обостренного состояния. Например, именно спорт, успехи в войнах являются причиной гордости за свою страну. При этом настораживает нетерпение в отношении лиц иной национальности в нашей стране (практически 50%) и четко выраженные националистические настроения более чем 30% респондентов. Так, вопрос в отношении обоснованности территориальных претензий Японии, в условиях слабой заинтересованности в информации о современном международном положении России, вызвал готовность отстаивать интересы страны (более 90% респондентов) даже в условиях ее сомнительной правовой состоятельности. Все это говорит о том, что мы имеем дело с некоторым агрессивным чувством национальной гордости, которое, как правило, свойственно людям, переживающим национальное унижение. При этом переживание этого чувства стимулируется сугубо внешними успехами России – спорт, былые военные успехи.

Итак, можно считать, что социологическое исследование подтверждает нашу гипотезу, что воспитание и молодежная политика, опирающиеся на понятия гражданственности, демократизма и патриотизма, но используемые независимо друг от друга и от иных понятий,

уточняющих их значение, могут привести к выхолащиванию этих понятий и к отсутствию в молодежной среде ясных представлений об их значении и своей реальной позиции.

Т.В. Пискунова, к.соц.н. (ЮФУ, Ростов н/Д)

Модификации ценностного содержания патриотизма в сознании российской молодежи

Тема патриотизма как качества, присущего гражданам того или иного государства, является непреходяще актуальной в любом обществе и во все времена – от античности и до наших дней. Особенно значимым в общесоциальном плане является факт наличия или отсутствия патриотизма у молодежи, идеалы и ценности которой, как известно, имеют и будут иметь огромное влияние на дальнейшее развитие общества. В динамично изменяющемся российском обществе с его успехами, трудностями и конфликтами тема патриотизма резко актуализируется на уровне государственной политики[1].

О практической актуальности темы свидетельствует тот факт, что при создании Концепции учитывались предложения федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, научных и образовательных учреждений, общественных организаций (объединений), творческих союзов, религиозных конфессий. На этой основе были обозначены следующие основные направления – духовно-нравственное, историко-краеведческое, гражданско-патриотическое, социально-патриотическое, военно-патриотическое, героико-патриотическое и спортивно-патриотическое. Можно констатировать, что патриотизм признан важнейшим социальным фактором и «важнейшей ценностью», призванной консолидировать российское общество. Отметим, что пути развития и формирования патриотического сознания, соответственно содержанию Программы, в целом ориентированы на военно-патриотическое, спортивно-патриотическое и историко-патриотическое воспитание граждан, в основном, в рамках образовательных учреждений и молодежных общественных организаций.

Необходимость исследования вопроса о конкретном содержании ценностей патриотизма в сознании населения России вообще и молодежи, в частности, требует анализа содержательных модификаций патриотизма в ценностном сознании российской молодежи. Без опоры на подобные исследования реализация любой Программы может оказаться «валовым подходом», а поэтому и неэффективным решением проблемы.

Исследования, посвященные возможностям воспитания патриотов, практически не учитывают влияния российского социокультурного процесса на интериоризацию ценностей патриотизма. Определенность и конкретность иерархии ценностей в молодежном сознании зависит от духовной атмосферы общества, его традиций, коллективных представлений и особенностей включенности молодежи в культурно-исторический процесс. Если в советское время патриотизм реализовывался в качестве идеи безальтернативного принятия идеала советской Родины и ненависти к ее врагам, то вряд ли возможно сегодня конституировать безальтернативное принятие современной России как идеала, и патриотизма как любви к России на этой основе.

Актуализирует проблему и тот факт, что современная отечественная социологическая наука, располагая обширным эмпирическим материалом по проблемам молодежного сознания, пока оставляет вне сферы своего внимания ценностные модификации патриотизма, в частности, ограничиваясь лишь выводами относительно смещения ценностного сознания молодежи от ценностей группового плана к индивидуальным ценностям. Таким образом,

---

[1] Это подтверждается, например, принятием постановления Правительства № 122 от 16 февраля 2001 г. о государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы». Затем последовало постановление Правительства РФ № 422 от 11 июля 2005 г. о государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы». Была разработана «Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации», которая принята к руководству в мае 2003 г. и представляет собой официально принятые взгляды на государственную политику в области патриотического воспитания.

теоретическая и практическая актуальность исследования модификаций ценностного содержания патриотизма в сознании российской молодежи становится несомненной.

Исследование патриотизма как социально значимой ценности общественного и индивидуального сознания не является принципиально новым для российского обществознания. Так, содержание патриотизма и идеи относительно его воспитания рассматриваются в наследии известных ученых и писателей (Н.А. Бердяев, В.Г. Белинский, В.И. Вернадский, В.И. Водовозов, Л.Н. Толстой, Н.И. Пирогов, Н.Г. Чернышевский и др.). Следует отметить труды православных ученых, исследующих патриотизм как богоугодное чувство любви к Родине (В.В. Зеньковский, И.А. Ильин, В.В. Розанов, П.А. Флоренский и др.). Огромный вклад в рассмотрение патриотизма и возможностей его формирования внесли представители педагогической науки. В XX в. в России интенсивно развивается теория и практика патриотического воспитания молодежи (П.Ф. Каптерев, Н.К. Крупская, А.В. Луначарский, А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинский, и др.). Важность чувства любви к своей Родине для формирования гражданственности, активной жизненной позиции рассматривают в своих работах современные ученые (Е.П. Белозерцев, И.Ф. Исаев, Д.С. Лихачев, В.Ю. Троицкий и др.). В советский период решалась задача социалистического патриотического воспитания – принятие идеала советской Родины.

Изучение литературы постсоветского периода по проблеме патриотизма показало, что в центре внимания исследователей были проблемы патриотического воспитания в различных его аспектах: гражданское воспитание (К.Ш. Ахияров, А.В. Подгорнов и др.); военно-патриотическое (П.Б. Белых, В.И. Лутовинов и др.); историко-патриотическое и национально-патриотическое (М.А. Дегтярев, М.В. Зима, В.Н. Устякин и др.). В работах многих современных педагогов проблема патриотического воспитания рассматривается в контексте образовательного процесса, а патриотизм исследуется как необходимая составляющая духовно-нравственного воспитания личности (И.М. Афанасова, И.Н. Глазунова, Л.В. Кокуева, А.А. Корзинкин, Т.И. Петракова и др.). Значительный блок работ посвящен формированию патриотизма у школьников на основе знакомства с героическим прошлым нашей Родины, биографиями великих людей, через усвоение народных традиций и иных элементов народной культуры (Л.В. Кокуева, Ю.В. Лазарев, Н.Н. Михнев, Д.С. Сенюк, А.Н. Целовальникова, А.И. Щаюк и др.). Изучаются возможности патриотического воспитания в процессе преподавания дисциплин гуманитарного цикла (И.М. Клименко, Ю.Б. Соколовская, Ю.В. Лазарев, В.Н. Устякин и др.).

В современной социологической науке можно выделить следующие направления исследования патриотизма: а) как значимой для общества духовной ценности; б) как необходимой духовной составляющей процесса социализации личности; в) как определенного ценностного качества людей, подлежащего целенаправленному формированию; г) обоснование форм, средств и методов формирования патриотизма у российской молодежи.

В социологии патриотизм исследуется, в основном, в гражданственном ракурсе как значимая для общества духовная ценность[1].

Тема патриотизма и патриотического воспитания рассматривается в работах, посвященных исследованию межэтнических взаимодействий и конфликтов, национализма и ксенофобии[2] и др.

---

[1] См.: Пахарь Л.И. Общезначимая духовная ценность для современной России // Безопасность Евразии. 2002. № 2; Чупров В.И., Зубок Ю.А. Молодежь в общественном воспроизводстве: проблемы и перспективы. М., 2000; Карпухин О.И. Молодежь России: особенности социализации и самоопределения // Социс, 2001. № 3; Колябина Т.С. Патриотизм и гражданственность как комплекс социокультурных и духовных ценностей (концептуальный анализ) // Всерос. науч. журнал «Общество и право». № 2 (12). Краснодар, 2006; Кузнецова А.В., Кублицкая Е.А. Гражданский патриотизм – основа формирования новой российской идентичности. М., 2005 и др.

[2] См.: Винер Б.Е. Этнические организации в Санкт-Петербурге // Социологический журнал, 2001. № 1; Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов н/Д, 2003; Денисова Г.С. Этнический фактор в политической жизни России 90-х гг. Ростов н/Д, 1996; Дубин В. Молодежь и идеология сегодня // Куда идет Россия. Общее и особенное в современном развитии. М., 1998; Здравомыслов А.Г. «Священность» этноса или релятивизм национальной конструкции? // Социологический

В настоящее время проблемы патриотизма и его формирования рассматриваются в работах, посвященных исследованиям ценностного сознания молодежи[1]. Отметим, что современная отечественная социологическая наука, располагая обширным эмпирическим материалом по проблемам молодежного сознания, пока оставляет вне сферы своего внимания ценностные модификации патриотизма, в частности, ограничиваясь лишь выводами относительно смещения ценностного сознания молодежи от ценностей группового плана к индивидуальным. Центральное место занимает идея патриотизма в работах, посвященных русскому национальному сознанию как фактору консолидации российского общества[2]. Отрицание военно-патриотических ценностей аргументируется в современных обоснованиях пацифизма[3]. Богатый эмпирический материал социологических исследований, проведенных в современной России авторитетными научными центрами, свидетельствует о неоднозначном понимании патриотизма населением страны вообще и молодежи в частности. Но в работах, посвященных проблеме формирования патриотизма, как правило, постулируется безальтернативное принятие современной России как идеала и патриотизма как любви к России на этой основе[4].

Таким образом, несмотря на значительные наработки современных исследований патриотизма, вне сферы внимания ученых остаются вопросы иерархии ценностей в молодежном сознании, место ценностей патриотизма в этой иерархии. Также слабо разработан вопрос о модификациях патриотизма в ценностном сознании российской молодежи.

Объектом нашего исследования выступили ценности патриотизма в их социокультурной динамике. Изучение данной проблемы осуществлялось с позиций социокультурного анализа, базирующегося на признании вариативности и содержательных изменений общественного и индивидуального ценностного сознания. При анализе социокультурных модификаций патриотизма применялись принципы историзма и детерминизма, развитые в работах отечественных (Г.С. Денисова, В.К. Левашов, А.Н. Малинкин, В.А. Тишков и др.) и зарубежных (О. Данн, А. Лепхарт, Э. Смит, Э. Хобсбаум и др.) социологов, исследующих трансформации ценностного сознания в сфере отношений к отечеству, государству, а также ценностных идентификаций собственной и иных этнических принадлежностей.

Патриотизм – духовная ценность, функционирующая в контексте системы ценностей личности. Поэтому в структуре ценностного сознания молодежи исследовательский интерес сосредоточен на ценностях патриотизма, воплощающихся в чувстве любви к своей Родине,

---

журнал, 1998. № 3–4; Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. М., 1996; Материалы «круглого стола» на тему «Патриотизм и национализм» // ОНС. 2004. №4; Соин Д.Ю. Этнополитические конфликты: аналитический обзор // Социологический журнал, 1998. № 3–4; Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997; Шипилов А.В. «Свои», «чужие» и другие. От античности до современности // Социс. 2006. № 5; и др.

[1] См.: Левашов В.К. Патриотизм в контексте современных социально-политических реалий // Социс. 2006. № 8; Ваторопин А.С. Политические ориентации студенчества // Социс. 2000. № 6; Дунаев М. Проблемы адаптации индивидуального сознания в трансформирующемся обществе // http://www.r-komi-tet.ru/obraz/opk-p-06.htm; Карпухин О.И. Молодежь России: особенности социализации и самоопределения. Социс. 2001. № 3; Качкин А. Принципы и ценности молодежи // http://referat.va.ru/referat-56743.html; Юлдашев Л.Г. Теории ценностей в социологии: вчера и сегодня // Социс. 2004. № 8; и др.

[2] См.: Гефтер М.Я. Мир мифов – российский зачин // Иное: Хрестоматия нового российского самосознания: в 4 т. Т. 3. Россия как идея. М., 2000; Гудков Л. Русское национальное сознание: потенциал и типы консолидации // Куда идет Россия. Альтернативы общественного развития. М., 1998; Левинсон А. Россия в осаде // www.polit.ru/lectures; Малинкин А.Н. Новая российская идентичность (Исследования по социологии) // Социологический журнал. 2001. № 1–2; Кузнецова А.В. Патриотическая идея в Российском обществе: генезис, состояние, тенденции. М., 2004; и др.

[3] См.: Илюхин Р.М. Многоликий пацифизм // Пацифизм в истории. Идеи и движения мира: Сб. ст. // Отв. ред. А.О. Чубарьян. СПб., 1998; Мураками Т.Ё. Лев Толстой и пацифизм: со сравнительной и «генеалогической» точки зрения // Там же; и др.

[4] См.: Морданова Л.Р. Ценность патриотизма и методы его воспитания: оценки и суждения молодежи о роли средств массовой информации //http://lib.socio.msu.ru/l/library?; Афанасова И.М. Сделать как можно больше пользы моему Отечеству // Духовно-нравственные проблемы национального хозяйствования: Материалы науч.-практ. конф. Рязань, 2005; Прусак А.И. Достоинство личности в социологическом дискурсе // Социс. 2006. № 7; и др.

уважении к ее истории и культуре. От интериоризации и реализации этой ценности зависит интенсивность и характер социальной активности молодых людей, выбор ими места жительства, работы, моделей поведения, которые могут находиться, как известно, в рамках права или быть внеправовыми.

С древнейших времен ценность патриотизма для реализации военной и экономической политики была чрезвычайно велика. Содержание понятия «патриотизм» не могло оставаться неизменным на протяжении тысячелетий, оно менялось, сохраняя одни составляющие, теряя другие, приобретая новые черты.

Анализ теоретических подходов отечественных и зарубежных авторов к исследованию патриотизма, а также краткий историко-культурный экскурс понимания патриотизма в российском обществе показывает: если патриотизм как любовь к отечеству – прерогатива психологической науки, то патриотизм в качестве мощного мотиватора социального поведения является социальным фактом и подлежит социологическому изучению. В зависимости от социально-политических условий социальные связи между людьми модифицируются, способствуя привнесению специфических, свойственных той или иной государственной культуре, особенностей патриотического сознания населения.

Так, на Западе сильная либеральная традиция обусловила постановку на первый план в понимании патриотизма личность с ее правами и, прежде всего, правом выбора, в том числе и выбор – жертвовать собою ради страны или нет. Патриотические движения в европейско-атлантических обществах развивались со второй половины XVIII в. под знаком фундаментальной политизированности. Нация, государство, отечество, родина зазвучали синонимично. У власти должны быть люди, любящие свое отечество, – патриоты. Это послужило началом третьей фазы политической модернизации – сигналом к наступлению века демократической революции. В просвещенных и реформированных слоях стала программной новая политическая модель общества – модель современной нации. Ее основу составляют следующие нормативные элементы: а) нация включает в себя всех жителей национальной территории, так как все они должны иметь одинаковые человеческие и гражданские права; б) все члены нации равноправны и должны получить возможность на участие в ее политической культуре в контексте солидарности нации; в) нация имеет право на политическое самоуправление в пределах своей территории; принцип суверенитета народа должен стать нормой государственной жизни; г) все народы имеют одинаковое право на существование, на образование нации и на самоопределение в пределах населенной ими территории.

Эта концепция современной нации содержит программу всесторонней демократизации. Она возводит понятие нации, трактуемое как нация, состоящая из граждан одного полиэтничного государства, или гражданская нация, в основополагающее понятие, определяющее политическое устройство постфеодальных обществ. Такое понятие нации во всем мире утвердилось в качестве ведущей модели современного политического устройства, хотя законодательно оно было воплощено лишь в XX в., а политическая практика и по сей день не всегда соответствует этому идеалу. Таким образом, нация и патриотизм становятся, с одной стороны, очень близкими понятиями, назовем такой вид патриотизма «национальным патриотизмом». С другой – понятие «патриотизм» начинает употребляться в ином значении, как «патриотизм политический», который проявляется как любовь к полиэтничному, мультикультурному государственному пространству. Эти два вида патриотизма очень близки, возможно, идентичны по содержанию. Их различает степень содержательной слитности с понятием «нация», «этнос».

Социокультурная динамика ценности патриотизма обусловлена социально-политическими условиями глобализации и демократизации мирового сообщества, определяющих включение в патриотизм поликультурного и поликонфессионального содержания. В отличие от государств традиционного типа, где патриотизм понимался однозначно как приверженность конфессионально единому государству, в настоящее время в процессе демократизации и глобализации мирового сообщества наблюдается формирование патриотизма как

приверженности нации-государству, который включает в себя осознание этнокультурных и этноконфессиональных различий населения страны.

Основополагающим условием формирования такого патриотизма является наличие высокой политико-правовой культуры, важным признаком которой является доминирование наднациональных политико-культурных ценностей над этнокультурными и этноконфессиональными.

Патриотизм в современном российском обществе проявляется разнообразно – на основе любви и приверженности к следующим базовым предметам: а) государству; б) этносу; в) территории. Они различаются по мотивации включенности индивида в политико-правовую жизнь государства и степени отождествления индивидом своих жизненных целей с целями государства. В зависимости от характера государства эти варианты патриотизма могут реализовываться в двух версиях – военной и светской, и выступают основой для конституирования широкого спектра идеологических модификаций патриотизма – от национализма до пацифизма.

Национализм выступает как определенная идеология, не ставшая пока в России общепризнанной для большинства населения и базирующаяся на идее патриотизма. Этническая многосубъектность РФ усиливает процессы этнической самоидентификации, усложняет межэтнические связи, что создает возможности формирования патриотизма как приверженности к этносу, региону, но не к государству в целом. Истоки такой ситуации – в особенностях экономических и политических изменений российского общества. Показано, что национализм присущ не только России. В социокультурном плане современный мир характеризуется неравномерностью развития, делением стран на центр и периферию. В каждой стране, являющейся многосубъектной и полиэтничной, выделяются «центр и периферия», находящиеся в положении неравного доступа к материальным, природным и духовным благам. Культурное содержание национализма и его влияние на народные массы обусловливается опорой на традиции, мифологию, религию, а также эксплуатацией идеи социальной справедливости. Национализм является экстремальной формой патриотизма и прорастает на его основе, поливариантно реализуясь в зависимости от политического, экономического и социокультурного контекста страны проживания.

Важно учитывать сложность национальных чувств и различать патриотизм на национальной основе и национализм, питаемый патриотическими чувствами и идеями. Это близкие, но не идентичные феномены. У них разные объекты любви и почитания: с одной стороны, «родной край», «родная страна»; с другой – «нация», «народ», что сказывается на характере и направленности обращенных к ним эмоций. В связи с этим нельзя согласиться с учеными, обосновывающими идею «правильно понятого русского национализма». Эта идея имеет глубокие корни в русской культуре и истории, но эти идеи, разрабатываемые современными учеными, не могут стать «рецептом» реализации солидарности и согласия в современном посткоммунистическом российском полиэтничном обществе.

Национализм основан на стремлении к увеличению фактического и институционального ранга этноса либо территории в контексте большого государства-нации. Этнический национализм имеет амбивалентное содержание. По отношению к этносу он проявляется как консолидирующая и мобилизующая сила, позволяющая структурировать и организовать общность на масштабные социальные действия; по отношению к полиэтничному государству-нации он может выступить в качестве разрушительной силы, так как базируется на отчуждении членов этнической группы от других и способствует возникновению этнонационального эгоизма, ксенофобии и конфликтов.

Патриотическая версия пацифизма акцентирует несоответствие военного типа патриотизма глобальным проблемам гуманизации общества, формированию отношения к человеку как в высшей ценности, самоцели общественного развития. Пацифистская модификация патриотизма ставит проблему сопоставления ценности жизни с ценностями, из-за которых жизнь у человека может быть отнята. В начале XX в. пацифизм предстал мощно набирающим силу общественным и политическим движением, перестав преимущественно относиться к сфере

духовного существования человека. Право человека на жизнь закреплено в международных документах. Всеобщая декларация прав и свобод человека гласит: «Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность» (статья 3). На основе данных репрезентативных всероссийских исследований, в том числе и исследований «Левада-Центра» показано, что на субъективном уровне население России не чувствует себя в безопасности, что потребность в безопасности человеческой жизни усилила антивоенные настроения населения России. Эта особенность свойственна в настоящее время ценностному сознанию многих зарубежных стран. Можно солидаризироваться с позицией, обоснованной Дж. Ролзом: «Политические принципы, признанные сообществом, имеют определенную близость с доктриной, проповедуемой пацифизмом. Существует общее неприятие войны и использование силы, а также вера в равный статус людей как моральных личностей. И, учитывая склонность наций, особенно великих держав, вступать в войну без оправданий и использовать государственный аппарат для подавления несогласия, уважение, выказываемое пацифизму, имеет целью предупредить граждан о зле, которое правительство склонно совершить от их имени»[1].

В настоящее время формирование патриотизма в сознании российской молодежи происходит в новых цивилизационных условиях. В жизни современного общества налицо объединительные тенденции: глобальная открытая экономика, единое поле социально-политических контактов, общее информационное пространство. Необходимы специальные индикаторы для определения нравственного прогресса или нравственной деградации отдельных государств и мирового сообщества в целом. К сожалению, остаются актуальными слова Э. Дюркгейма: «…совсем не доказано, что цивилизация – нравственная вещь. Чтобы решить этот вопрос, нельзя обращаться к анализу понятий, которые неизбежно субъективны, но надо бы найти факт, пригодный для измерения уровня средней нравственности, и затем наблюдать, как он изменяется по мере прогресса цивилизации. К несчастью, у нас нет такой единицы измерения»[2]. И все-таки глобализирующийся мир обретает в своих постановлениях и документах тенденцию ненасильственного развития всех стран. Стратегической целью политики на всей планете становится устойчивая коэволюция человека, общества и природы. Направления политики концентрируются и гармонизируются в единстве антропо- , социо- и экосферной составляющих.

Противоречие пацифистской модификации патриотизма к иным его версиям заключено в формах и средствах проявления любви к Родине. Понятие «пацифизм» содержательно шире патриотизма, так как отвергает насилие не только в политической жизни и межэтнических отношениях, но и в повседневном межличностном общении.

Патриотическое воспитание – это целенаправленная систематическая деятельность органов государственной власти и организаций по формированию у граждан высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины. Патриотическое воспитание направлено на формирование и развитие личности, обладающей качествами гражданина – патриота Родины и способной успешно выполнять гражданские обязанности в мирное и военное время. В деле патриотического воспитания огромное значение имеют опора на героическое прошлое, гражданское достоинство и готовность к защите Отечества и народа. Но ценности прошлого могут мотивировать людей на патриотические поступки только в том случае, если государственная политика во всех сферах общественной жизни легитимна в массовом сознании. Из-за отсутствия этой легитимности в настоящее время «опора на прошлое» может оказаться неэффективной. Двойственное отношение к традиционным ценностям свойственно любому обществу в периоды социальных потрясений, присуще оно и населению России. Люди переосмысливают свое отношение ко всем сферам социального, в том числе в стадии переосмысления находятся и ценности патриотизма. В ходе успешного строительства гражданского общества в России отношение населения к прошлому и настоя-

---

[1] Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995. С. 327–328.
[2] Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996. С. 56.

щему нашей Родины, вероятно, станет более позитивным и однозначным. Таким образом, патриотизм – это еще и гражданственность: человек обретает принадлежность к политике и правовым нормам государства.

В понимании отечественными учеными сущности, социальной роли и социальных последствий националистической модификации патриотизма, истоков этнического эгоизма и ксенофобии проявляются серьезные расхождения. Констатируется обеспокоенность молодежи обострением межнациональных отношений, фиксируется её интерес к национальным идеям, вопросам национальной самоидентификации. Отмечается, что предпочтение, которое отдает сегодня часть молодежи национал-демократическим идеям и политикам, может вывести к подвижной границе между национальными интересами и национализмом. Вместе с тем выявляется общая позиция в понимании патриотизма как уважения к Родине, которое предполагает уважение отдельной личностью себя в качестве представителя своей страны и нации. Сходятся ученые и в том, что патриотизм является одной из смысложизненных ценностей, которые связывают, объединяют поколения. Вне ценностей патриотизма невозможно становление личности как субъекта исторического и социального времени и пространства. Более того, ценности патриотизма интегрируют это пространство, задавая ему достойные темпы развития всех сфер общественной жизни.

Эта позиция имеет давние культурные корни и, вместе с тем, является глубоко современной, отвечающей требованиям развития глобализирующегося мира. При всем разнообразии мнений относительно идентичности России, смысла национальной идеи и т.д., ученые едины в том, что повседневность в своей функциональности и есть институционализация новых ценностей и смыслов во взаимосвязи традиций и текущей реальности.

В настоящее время в России происходит диверсификация различных форм патриотизма. Этот процесс обусловлен следующими объективными условиями: а) социокультурными противоречиями политико-правовых, территориально-региональных и этнических ценностей, разрушающими их единую иерархическую структуру; б) высокой степенью миграционной подвижности населения, затрудняющей идентификацию различных субкультурных групп с едиными социетальными ценностями нации-государства, его культурой и историей.

Исходя из понимания патриотизма как необходимой компоненты социализации и самоидентификации личности, важно учитывать, что нынешнее молодое поколение социализируется в эпоху цивилизационных изменений, когда содержание социализации усложняется: а) ведущую роль начинают приобретать не столько традиционные, сколько инновационные ценности; б) социализация проходит в условиях дисфункции социальных институтов. Ведущими тенденциями новых условий формирования патриотизма являются: 1) вхождение России в глобальную открытую экономику, единое поле социально-политических контактов, общее информационное пространство; 2) борьба различных центров мироэкономики за перераспределение экономических, финансовых и политических ресурсов, которая определяет на мировом уровне усиление центробежных тенденций.

Патриотическое воспитание понимается современной молодежью не как система воспитательных мероприятий, а скорее как предоставление человеку определенных возможностей, а часто и гарантий, вследствие чего у него возникает чувство патриотизма.

Итак, можно выделить следующие модификации патриотизма в сознании молодежи:

- традиционная форма культурно-исторического патриотизма, которая проявляется в любви к Родине, ее истории, культуре, обычаям и традициям;
- патриотизм в контексте толерантности, который зачастую сближается с пацифизмом;
- интериоризация духовных ценностей национализма в его различных модификациях;
- индифферентность к политико-правовым, этническим и территориально-региональным формам патриотизма, что объясняется низким качеством жизни, социальной, межконфессиональной и межэтнической напряженностью, безработицей, ростом преступности и пр.

А.Н. Покида, к.соц.н. (РАГС, Москва)

Специфика патриотических чувств россиян[1]

В последнее время одной из широко обсуждаемых тем в российском обществе является проблема патриотизма, в частности, его сущность, особенности проявления и роль в развитии российской государственности. Для российского патриотизма характерна своя специфика, обусловленная неповторимостью исторического развития страны, судьбой русского народа, его культурой, образом жизни, менталитетом, национальным самосознанием, богатством этносов, необъятностью территории, многообразием природы, климата и т.д.

Историческое развитие патриотизма в нашей стране носит неравномерный, прерывистый характер, порой сопровождаясь депатриотизацией общества. Особенно ярко эта тенденция проявилась в постсоветскую эпоху, когда сам термин «патриотизм» в высказываниях ряда публичных политиков и общественных деятелей приобрел негативный смысл.

Социологические опросы последних лет показывают, что в современном российском обществе существенно актуализировался массовый интерес людей к патриотическим идеям, лозунгам, символам, наблюдается рост патриотической самоидентификации россиян[2].

В ходе последнего опроса, проведенного Социологическим центром РАГС, доля респондентов, считающих себя патриотами России, составляет 84%. В 2009 г. к этой категории причисляли себя 81% респондентов, 2007 г. – 79%, 2005 г. – 81% опрошенных. В то же время в различных социальных группах количество людей, считающих себя патриотами, различно. Так, среди молодежи до 24 лет их 79%, среди лиц старше 50 лет – 87%. Самый высокий уровень наблюдается в группе с высшим образованием – 90%. К этому можно добавить, что в системе социокультурных ценностей современного российского общества патриотизм занимает одну из ведущих позиций наряду с такими ценностями, как образованность, законопослушание и др. Однако хотелось бы отметить, что приведенные цифры не отражают реальный уровень российского патриотизма, а лишь основываются на чувстве принадлежности индивида к определенной категории людей. Не быть патриотом сегодня не модно и не престижно. Патриотизм же – это особая направленность самореализации и социального поведения граждан, критериями для которых являются не только патриотическая самоидентификация, но и такие качества, как любовь к Отечеству и служение ему, обеспечение целостности и суверенитета России, ее национальной безопасности и устойчивого развития, долг и ответственность. Патриотизм является нравственной основой жизнеспособности государства и выступает в качестве важного внутреннего мобилизующего ресурса развития общества, активной гражданской позиции личности, готовности ее к самоотверженному служению своему Отечеству.

Результаты опроса позволяют говорить о том, что основная масса опрошенных правильно понимает сущность патриотизма, многообразие форм его проявления. У россиян понятие патриотизма ассоциируется, прежде всего, с любовью к Родине, преданностью своей стране, уважением к истории страны и памяти прошлых поколений.

---

[1] Статья подготовлена в рамках рамках реализации федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы»

[2] В статье анализируются данные экспертного и выборочного социологического опросов, проведенных в июне 2010 г. Социологическим центром РАГС при Президенте РФ. Обследование проводилось в 20 субъектах РФ, представляющих все экономико-географические зоны страны. Объем выборочной совокупности составил 1 600 чел. Выборочная совокупность опрошенных отражает доли населения, проживающего в центрах субъектов РФ, в средних, малых городах и сельских пунктах. Опросы проведены в республиках Башкортостан, Татарстан, Саха (Якутия), Краснодарском, Красноярском, Хабаровском краях, Брянской, Волгоградской, Воронежской, Иркутской, Московской, Нижегородской, Новосибирской, Псковской, Ростовской, Самарской, Свердловской, Челябинской обл., в Москве и Санкт-Петербурге. Общее количество опрошенных экспертов составляет 200 чел. В качестве экспертов выступили преподаватели истории образовательных учреждений различного уровня, работники музеев, библиотек, представители политических партий и общественных объединений в субъектах РФ, представители ведущих региональных СМИ. Некоторые результаты исследования представлены в сравнении с данными прошлых опросов, проведенных Социологическим центром РАГС в 20–24 субъектах Российской Федерации по сопоставимой методике.

Таблица 1

Представления россиян о патриотизме (%)

Варианты ответа	2007	2009	2010
Любовь к Родине, преданность своей стране	73	75	71
Уважение к истории страны и памяти прошлых поколений	65	67	58
Готовность к самопожертвованию ради своей страны	33	30	35
Любовь к родной природе	30	37	33
Бережное отношение к культуре своего народа	38	38	33
Попытка поставить традиции (местные, религиозные, национальные и др.) выше общероссийских интересов	4	3	4
Пренебрежительное отношение к другим народам	1	1	1
Стремление изолироваться от других народов мира	1	1	1
Другое	2	1	<1
Затруднились ответить	4	2	2

Самое интересное заключается в том, что население понимает и принимает патриотизм как ценность, но слабо представляет его на практике. Сила патриотического чувства не ограничивается лишь глубиной и возвышенностью любви к Отечеству. Это чувство должно побуждать личность, группу, нацию к активным действиям, поступкам на благо своей Родины. Однако, судя по данным таблицы, подобная активная жизненная позиция граждан во благо своей страны отмечается в два раза реже. Как позитивный момент, можно отметить низкий процент понимания патриотизма как стремления противопоставить свои традиции, свою культуру, свой народ, свое государство другим культурам, народам, государствам.

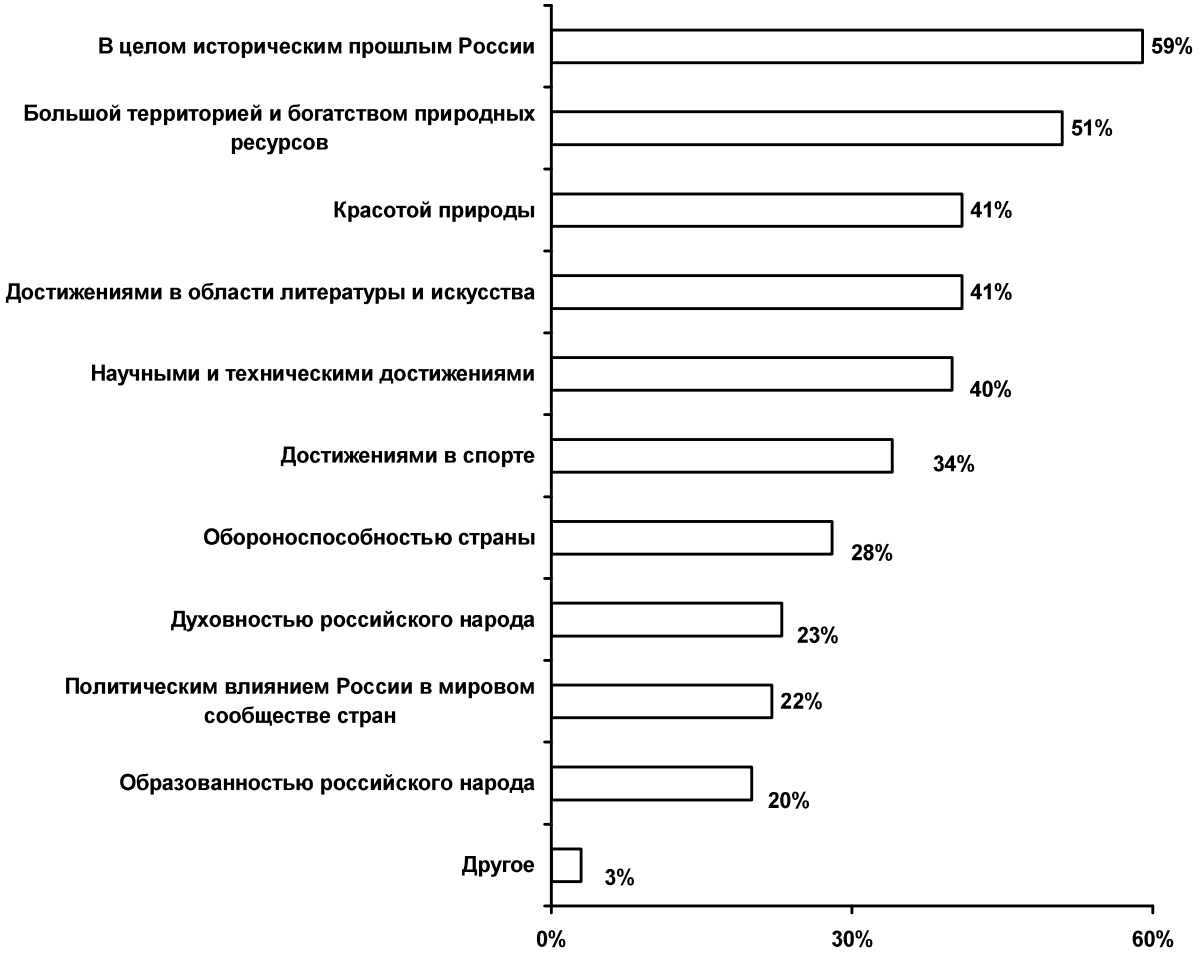
В то же время результаты опросов 2007 и 2009 гг. показывают, что около четверти опрошенных (24% и 26% соответственно) согласились с суждением, что «Россия – только для русских». В возрастной группе 18–24 года эта доля составляет уже 28% и 34%. Налицо проявление ксенофобии, недоброжелательного отношения к представителям других народов и наций, населяющих Россию. Понимание патриотизма представителями старшего поколения не очень сильно отличается от взглядов молодежи, взрослое население явно отдает предпочтение позитивному варианту патриотизма, возвышенно-эмоциональному, чаще связывая его с любовью к России, с верой в ее будущее и реже – с изоляционизмом и ксенофобией.

В этой связи можно выделить некоторые противоречия, негативно воздействующие на патриотизм. Наиболее типичны противоречия между обострением национальных чувств и стремлением к сохранению многонационального общества; между выражением любви к Родине на словах и отсутствием конкретных действий для ее блага, индифферентным отношением к действиям.

В особенностях понимания исторического прошлого и настоящего в массовом сознании российского общества наблюдается широкое многообразие. Например, это выражается в суждениях о роли русского народа в становлении Российского государства, в проявлении чувств по отношению к современному состоянию России. В связи с этим обратимся к данным, полученным в ходе исследования. Так, значительная доля респондентов (47%) указала, что по отношению к своей стране они испытывают смешанные чувства: и гордость, и горечь одновременно. Динамика приведенных оценок за последние пять лет показывает, что положительные тенденции в социально-экономическом положении страны, которые отмечались в последние годы, отразились на суждениях людей. В 2005 г. гордились своей страной 16% опрошенных, в 2009 г. – уже 21%. При этом главным основанием гордости за свою страну для абсолютного большинства выступает не ее современное состояние, а историческое прошлое – исторические события, память о великих предках, а также территория страны и богатство ее природных ресурсов. Полученную картину дополняют результаты открытых опросов населения о том, какими достижениями в истории России, по их мнению, можно гордиться и какие события прошлого или настоящего вызывают у них чувства горечи и стыда. Судя по этим данным, вызывают гордость у многих граждан, прежде всего, победа в Вели-

кой Отечественной войне 1941–1945 гг., освоение космоса, достижения в сфере отечественной науки и техники. Большинство указанных респондентами поводов для гордости за страну в прошлом связывается с советским периодом и сводится к достижениям, которыми страна доказывала свое первенство, свое превосходство над другими государствами.

Рис.1. Причины гордости россиян (РАГС // Власть. 2010. №12. С126).



Что касается отрицательных представлений о событиях прошлого или настоящего, то они в основном связаны со сталинскими репрессиями и ситуацией в социальной сфере, сложившейся в последние десятилетия, которую они наблюдают в стране или испытывают сами (социальная незащищенность граждан, низкий уровень жизни, социальное неравенство). Важную роль в формировании российского патриотизма играет также восприятие окружающего нашу страну мира и места России в нем.

Восприятие своей страны как великой державы всегда было неотъемлемой частью отечественного менталитета. На протяжении веков, при любом политическом режиме эта установка лежала в основе государственной идеологии России и поддерживала единство нации. Но в годы коренных перемен, связанных с изменением общественного строя и самого государственного статуса нашей страны, по этому глубинному убеждению был нанесен серьезный удар.

Результаты опросов показывают, что еще недавно россияне не могли однозначно оценить положение России в современном мире, однако в последние годы фиксируется заметное изменение образа страны в общественном сознании.

Таблица 2

Мнения россиян о положении России в мире (%)

Варианты ответа	2003	2005	2006	2007	2010
Россия была и остается великой мировой державой	20	23	25	30	34
Россия перестала быть великою державой, но может стать ею	45	49	48	49	39
Россия навсегда перестала быть великой мировой державой	15	20	16	8	12
Россия никогда не была и не будет великой мировой державой	-	3	3	2	4
Затруднились ответить	10	6	9	11	11

Уже довольно существенный процент населения смотрит в будущее с оптимизмом и ориентирован на восстановление статуса России как великой державы, а это во многом залог успешного развития страны. К сожалению, Россия остается великой державой не в результате современной политики государства, а благодаря обширности ее территорий, научному потенциалу, созданному в предыдущие годы, нашим победам. Так, 68% опрошенных заявили, что Россия имела статус великой мировой державы после победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Ответ на вопрос, останется ли Россия и в будущем великой мировой державой, лежит в области экономической политики государства, поскольку на фоне патриотической риторики о величии России все более очевидным становится кризис всей социальной инфраструктуры государства, ее не адекватность запросам и потребностям малоимущих слоев населения.

Как показывают результаты опроса, основная масса опрошенных респондентов (70%) предпочитает жить в России и не желает эмигрировать в другую страну, что свидетельствует о высоких гражданских и патриотических качествах россиян. Однако этого нельзя сказать обо всем населении. Обращает на себя внимание и то, что на протяжении последних десятилетий среди российских граждан достаточно широко распространены эмигрантские настроения. Эти факты говорят о серьезной «трещине» в гражданской самоидентификации российского населения. Причем это стремление выражают представители науки, искусства, спорта и других категорий населения, рассчитывающих на улучшение возможностей для достойной работы, получения зарплаты, удовлетворения творческих амбиций, а также значительная часть занятых предпринимательской деятельностью и молодых людей, представляющих самые разные социально-профессиональные группы. Общая статистика ответов такова:

Таблица 3

Распространенность эмигрантских настроений (%)

Варианты ответа	1999	2001	2003	2005	2007	2009	2010
Предпочитаю жить в России	73	68	73	66	76	74	70
Хочу временно уехать и собираюсь это сделать	6	7	5	7	6	5	7
Хочу навсегда покинуть Росси. И собираюсь это сделать	1	2	1	1	1	1	2
Хочу покинуть Россию, но не имею возможности	9	13	12	13	9	11	11
Затруднились ответить	12	11	8	12	8	9	10

При этом, чем моложе возрастная группа опрошенных, тем чаще ее представители выражают стремление временно или даже навсегда перебраться в другую страну. Так, например, выразили желание временно или навсегда уехать из России в возрастной группе 50–59 лет 18%, в группе 30–39 лет – 20%, в группе 18–24 года – 30%. Эмиграционные настроения населения обусловлены, прежде всего, следующими проблемами жизнеобеспечения населения: низким уровнем оплаты труда (47%); низким уровнем жизни (46%); отсутствием социальной защищенности (37%); неопределенностью будущего (35%); отсутствием работы (26%). В какой-то мере эти результаты подтверждают данные исследования, проведенного в сентябре 2009 г. (опрошены 2 400 чел. по всероссийской выборке), где 81% респондентов крайне низко оценили степень своей защищенности от возможных экономических потрясений, 50% –

постоянно опасаются потерять нажитое из-за каких-то неблагоприятных изменений или потрясений в нашей стране.

Для выявления основных черт и социальных характеристик, присущих российскому патриотизму, материалы исследования были подвергнуты кластерному анализу. Его смысл состоял в агрегировании ответов респондентов, характеризующих проявление различных патриотических ориентаций, с целью выявления статистических (кластерных) групп, выражающих к этим ориентациям положительное или отрицательное отношение. В итоге были сформированы группы в зависимости от того, относят ли респонденты себя к патриотам России, присуще ли им чувство долга по отношению к стране и государству, гордятся ли они достижениями России, считают ли они ее великой державой и др.

В первую группу вошли россияне, выразившие только положительное отношение ко всем приведенным выше патриотическим ориентациям. Условно их можно назвать «патриотами». Величина полученной группы оказалась равной 18%.

Вторую группу – «периферию» – составили респонденты, проявившие положительное отношение не ко всем отмеченным патриотическим установкам, при их отборе учитывалось соответствие 3 из 4 приведенных условий. Эта группа обладает наибольшей численностью (43%) в составе российского общества и по своим взглядам тяготеет к патриотам.

Третью группу образовали опрашиваемые, проявляющие индифферентное отношение к патриотическим ориентациям, – «равнодушные» (9%).

Четвертую группу составили респонденты, заявившие отрицательное отношение к приведенным выше патриотическим ориентациям – «антипатриоты». Доля этой группы составила 5%.

По сравнению с данными расчета, проведенного по аналогичной методике в 2007 г., можно констатировать увеличение численности патриотически настроенных россиян. Так, в 2007 г. группа «патриотов» составляла 17%, «антипатриотов» – 8%. При всей формальности выделения этих статистических групп, их социально-демографический состав значительно отличается.

Группу «патриотов» в основном составляют люди старшего поколения, проживающие в крупных городах и столицах, преимущественно с высшим образованием и материальным положением выше среднего.

Группа «антипатриотов» – это мужчины молодого и среднего возраста со средним образованием, имеющие относительно небольшой доход или находящиеся в поисках работы.

Результаты кластерного анализа позволяют обнаружить следующие тенденции. Россияне с ярко выраженным патриотическим настроением проявляют повышенный интерес к историческим процессам, протекающим в стране, выше оценивают свои знания по истории России, края, народа. Люди с более развитыми показателями патриотизма имеют и более позитивные показатели жизнедеятельности в целом. Каждому же второму «антипатриоту» свойственны эмигрантские настроения. Таким образом, анализ материалов ранее проведенных исследований показывает, что понимание патриотизма неодинаково в разных слоях российского общества. Опросы показали, что в российском обществе существенно актуализировался массовый интерес к патриотическим идеям, лозунгам и действиям, патриотические нотки звучат в речах руководителей, людей, однако патриотизм россиян по большей части остается декларативным, парадным. Так, вербально выражаемому патриотизму молодых людей зачастую противостоит желание уехать из страны, чтобы избежать проживания в среде, связанной с трудными жизненными условиями, какой-либо неустроенностью и невостребованностью. Поводы для гордости за свою страну россияне чаще находят в прошлом, в героико-победной сфере. Поводы стыдиться они гораздо чаще видят в настоящем – это в основном составляющие как раз повседневной жизни: материальные трудности, низкий уровень жизни, социальная незащищенность. До тех пор, пока поводы гордиться за страну россияне будут искать где-то далеко и вспоминать о них только по праздникам, а причины стыдиться будут видеть перед собой каждый день, ни о каком становлении российского патриотизма не может быть и речи.

О патриотизме как основе государственной политики России можно будет говорить в том случае, если реальностью станут меры правительства, направленные на повышение жизненного уровня жителей страны и на преодоление опасных для единства страны социальных контрастов.

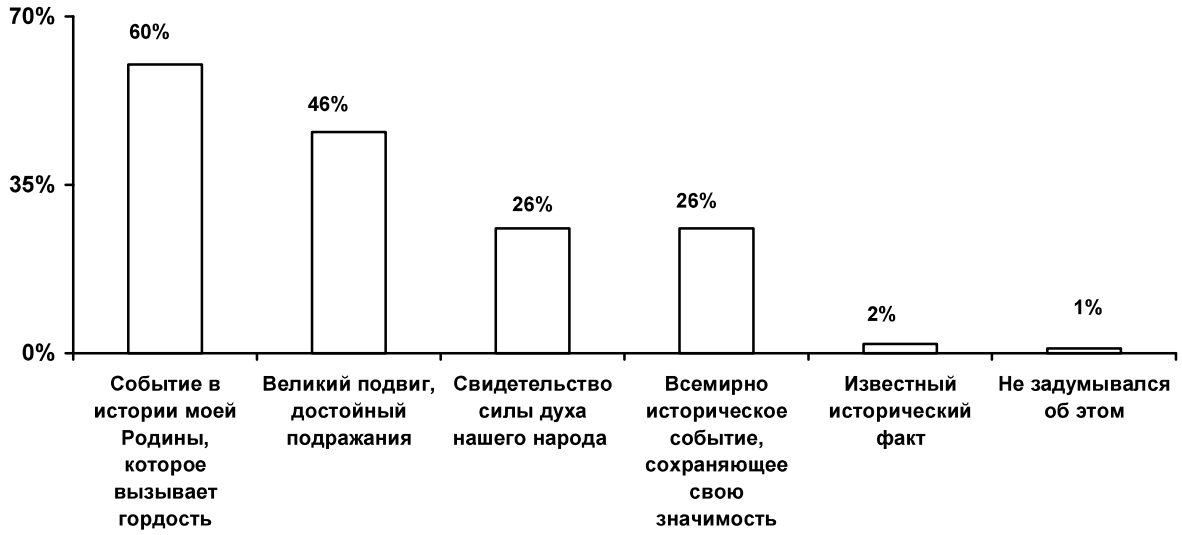
И.Б. Пржиленская, д.с.н. (СГУ, Ставрополь)

Великая Победа – глазами студенчества Ставропольского края

В апреле 2010 г. Ставропольским региональным отделением Российского общества социологов (РОС) совместно с Центром социологических исследований СГУ был проведен опрос студенческой молодежи Ставропольского края «Великая Победа глазами студенческой молодёжи»[1]. Цель опроса: выяснить, чем является Победа в Великой Отечественной войне, после которой прошло 65 лет, для современной молодёжи.

Основной вопрос исследования: «Победа в Великой Отечественной войне для Вас – это, прежде всего…»

Рис.1. Чем для Вас является Победа в Великой Отечественной войне?



Как видим, для большинства респондентов (3 из каждых 5) это – историческое событие, которое вызывает гордость». Почти половина опрошенных подчеркивает другой важный аспект, оценивая Победу в Великой Отечественной войне как великий подвиг, достойный подражания. Каждый четвертый участник опроса акцентирует социокультурную значимость Победы в Великой Отечественной войне, видя в ней свидетельство силы духа нашего народа. Наконец, каждый четвертый выделяет всемирно-историческую значимость этого события, актуальность его уроков и результатов для современного мира. Индифферентное отношение к Великой Победе зафиксировано в ответах лишь 3% участников опроса, ограничившихся или констатацией «Война – это известный исторический факт», или никогда не задумывавшихся над заданным вопросом. Отметим, что данные ответы отсутствуют среди студентов

[1] Было опрошено 828 студентов 1-5 курсов 8-ми вузов края: Ставропольский государственный университет, Северо-Кавказский государственный технический университет, Ставропольская государственная медицинская академия, Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт, Филиал Северо-Кавказской академии государственной службы в г. Ставрополе, Кавминводский институт сервиса (г. Пятигорск), Северо-Кавказский социальный институт, Ставропольский институт экономики и управления имени О.В.Казначеева (филиал Пятигорский государственный технологический университет). Выборка квотная. О репрезентативности выборки свидетельствует структура выборочной совокупности: 48% респондентов – юноши, 52% – девушки; 24 % опрошенных – студенты I курса; 20% – II курса; 27% – III курса, 11 % – IV курса и 18% – V курса. 56% опрошенных студентов обучаются по специальностям гуманитарного профиля; 18% – технического и 26% – естественнонаучного профиля.

старших курсов, что может служить показателем эффективности гражданского и патриотического воспитания в вузах края. Таким образом, можно констатировать, что современное молодое поколение в своём большинстве осознаёт значимость Победы в Великой Отечественной войне для нашей страны и нашего народа, понимает, какой подвиг был совершен.

Отношение к историческим событиям и их оценка зависит от степени осведомленности о них. В ходе опроса студентам было предложено оценить степень своей осведомлённости о Великой Отечественной войне. Большая часть опрошенных – 2 из каждых 3 (67%) выбрала вариант ответа, соответствующий *средней степени осведомлённости*: «Понимаю значимость этого события в истории России, знаю основные этапы и результаты Великой Отечественной войны, но точные даты и имена затрудняюсь назвать». Почти треть опрошенных (30%) выбрала ответ, соответствующий *высокой степени осведомленности*: «Знаю важнейшие даты, события, персоналии Великой Отечественной войны, их оценки в научной и популярной литературе». Вариант ответа, соответствующий *низкой степени осведомленности*: «Знаю, что такое событие было», выбрали 3% респондентов. Интересным представляется тот факт, что тех, кто высоко оценивает степень своей осведомлённости о Великой Отечественной войне, больше всего среди студентов технических специальностей (42%), а тех, кто низко оценивает степень своей осведомленности о Великой Отечественной войне, больше всего среди студентов естественнонаучных специальностей (15%).

Самооценка респондентами степени своей осведомленности о Великой Отечественной войне представляется несколько завышенной, о чем свидетельствуют ответы на открытые вопросы, касающиеся знаний студентами различных аспектов истории Великой Отечественной войны.

Так, отвечая на открытый вопрос: «Какие решающие сражения Великой Отечественной войны Вы знаете?», назвали Сталинградскую битву (71%), Курскую битву (52%), битву за Москву (35%), блокаду Ленинграда (22%), оборону Брестской крепости (15%), битву за Берлин (14%). Следует обратить внимание, что такие крупные сражения, как битву за Кавказ, которую должны знать все жители СКФО, назвали только 5% опрошенных. Смоленское сражение вспомнили 4%, героическую оборону Севастополя – 4%. Наступательные операции Красной Армии, крупные операции по освобождению стран Восточной Европы назвали единицы.

Ответы на другой открытый вопрос «Назовите имена выдающихся полководцев Великой Отечественной войны» также свидетельствуют о размывании исторической памяти молодого поколения. 83% опрошенных студентов назвали маршала Советского Союза Жукова, 29% – К.К. Рокоссовского, 18% – И.В. Сталина, 12% – И.В. Конева. Другие маршалы и генералы присутствуют в ответах эпизодически, упоминаются в анкетах от одного до 5 раз. В то же время среди выдающихся полководцев ВОВ были названы: генерал царской армии Брусилов (5 раз), Дзержинский (1), адмиралы Ушаков (41) и Нахимов (14), фельдмаршал Кутузов (5), генералиссимус Суворов (14), генерал Багратион (4), Фрунзе (1), маршал Тухачевский (13), и даже Распутин (1) и генерал Власов(4). Следует заметить, что подобная картина фиксируется в опросах, посвященных Великой Отечественной войне, проводимых по всей стране.

Вопрос о героях Великой Отечественной войны, на наш взгляд, должен был продемонстрировать уровень знаний неформализованной истории Великой Отечественной войны. Ответы студентов на данный вопрос свидетельствуют о том, что таких героев нынешняя молодежь практически не знает. Были единично названы З. Космодемьянская, А. Мересьев, А. Матросов, И. Кожедуб, А. Покрышкин, Н. Гастелло и др., а также герои-земляки. Однако чаще называли тех же выдающихся полководцев.

В качестве известных респондентам городов-героев большинством участников опроса (более 50%) названы: Волгоград, Ленинград, Москва, Севастополь. Следует отметить, что в половине случаев респонденты одновременно с Волгоградом называли Сталинград, а вместо Ленинграда – Санкт-Петербург. В отдельных случаях правильно были названы: Смоленск, Новороссийск, Тула, Мурманск, Керчь, Брест. В единичных случаях были даны неправильные ответы: Курск, Орел, Пермь, Ставрополь, Нижний Новгород, Харьков, Мамаев курган.

Ответы на следующую группу вопросов также свидетельствуют о том, что на общем фоне достаточно высокого знания и осознания значимости Победы в Великой Отечественной войне, присутствуют отдельные элементы незнания и субъективной переоценки этого события. Группировка ответов на открытый вопрос: «Как Вы думаете, почему война 1941-1945 гг. называется Великой Отечественной?», позволяет выделить четыре группы ответов, 1-3 из которых соответствуют выводам официальной истории, а четвертая имеет ярко выраженную личностную окрашенность. Ответы распределились так:

- «Потому что это была великая борьба за Победу, за независимость и свободу нашей Родины» (35%).
- «Потому что от этой победы зависела жизнь всех последующих поколений России» (18%).
- «Потому что она породила гордость за своих родственников, которые воевали» (23%).
- «Потому что она унесла много жизней простых людей» (24%)

Главными результатами Великой Отечественной войны, по мнению респондентов, являются: «Возможность жить под мирным небом и в свободной стране» (46%), «Гордость за Родину» (21%), «Факт защиты Родины от врагов – доказательство силы духа и доблести защитников» (20%), «Победа над фашизмом» (13%).

Главные уроки Великой Отечественной войны – это:

- «Война – самое страшное, что может быть»; «Война – это большие потери и горе, колоссальные разрушения» (45%)
- «Побеждает воинский дух, направленный на победу» (20%)
- «Главную роль в Победе сыграло мужество, объединение всех народов страны против общего врага» (19%)
- «Необходимо помнить о великом подвиге и о тех, кто завоевал победу» (16%).

Интерес представляют ответы на вопрос об основных источниках информации респондентов о Великой Отечественной войне.

Рис.2. Основные источники информации о Великой Отечественной войне



Особое значение имеет тот факт, что каждый третий респондент, указывая уроки в школе в качестве основного источника информации о Великой Отечественной войне, считает, что это событие рассматривается в школьном курсе истории недостаточно полно.

Таблица 1

Оценка респондентами достаточности освещения событий Великой Отечественной войны в…

Источники информации	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
В школьном курсе истории	56	36	8
В прессе	37	42	21
В художественной литературе	61	21	18
В художественных фильмах	66	21	13
В документальных фильмах	70	13	17
В произведениях искусства	31	31	38
В Интернете	43	31	26

По мнению респондентов, для того, чтобы молодежь помнила о Великой Отечественной войне необходимо регулярно, больше и чаще информировать о различных аспектах истории Великой Отечественной войны через СМИ, телевидение, художественные и документальные фильмы. Участники опроса предложили также другие формы работы: встречи с ветеранами, экскурсии по местам боевой славы, концерты, круглые столы, акции типа «георгиевская ленточка». Следует отметить, что именно георгиевские ленточки большинство участников опроса назвали в качестве символов Победы России в Великой Отечественной войне. Такими символами, по мнению респондентов также являются: Вечный огонь, Знамя Победы, Катюша, Красное знамя, ордена и медали, гвоздики, красная звезда, солдатская шинель, фронтовые письма, военные песни и др.

На основе приведенных выше данных можно сделать следующие выводы:

- знания молодых людей о Великой Отечественной войне в своём большинстве соответствуют содержанию *официальной истории*, преподаваемой в школе и вузе и презентируемой в других информационных источниках;
- снижение уровня знаний молодых людей о конкретных исторических фактах является закономерным явлением в условиях, когда, с одной стороны, уменьшается количество часов, отводимых на данную тему в учебных курсах истории, а, с другой стороны, непосредственных носителей социальной памяти становится все меньше и меньше (по результатам опроса у каждого четвертого респондента /23%/ нет родственников, переживших войну), основными становятся опосредованные источники информации;
- следует больше внимания уделять изучению истории Великой Отечественной войны в учебных заведениях, искать новые формы работы с этим историческим материалом, шире использовать возможности кинематографа, Интернет-порталы, поисковые экспедиции, изучение истории семьи и отдельных личностей в войне.

Следующая группа вопросов была направлена на выяснение социальных установок современных студентов на защиту Отечества.

Таблица 2

Что Вы делаете, чтобы быть достойным наследником Великой Победы?

Источники информации	Σ
Смотрю тематические передачи и обсуждаю их с друзьями	44%
Участвую в различных патриотических акциях («георгиевская ленточка», «вахта памяти», помощь ветеранам, возложение цветов)	31%
Изучаю историю своей семьи, родных, близких	30%
Изучаю тематическую литературу	21%
Готовлю себя к службе в армии	18%
Являюсь активным участником (военно)патриотической организации	7
Ничего не делаю	18%

Анализ ответов на вопрос: «Что Вы делаете, чтобы быть достойным наследником Великой Победы?», показывает, что основными механизмами наследования исторической памяти

являются просмотр тематических передач и обсуждение их с друзьями, а также участие в различных патриотических акциях. Можно сделать вывод, что молодым людям интересна данная тематика, что они готовы участвовать в различных формах гражданско-патриотической работы, но собственную инициативу при этом не проявляют. Следует отметить, что процент тех, кто выбрал вариант ответа «Ничего не делаю» (в целом это - каждый пятый), выше всего среди студентов 5-х курсов.

Рис.3. Как вы считаете, что определяет готовность россиян к защите Родины?



Ответы респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, что, прежде всего, определяет готовность россиян к защите Родины?» свидетельствуют о том, что личностно окрашенный и общественно значимый мотив стоит для молодых людей на одном уровне: 69% участников опроса выбрали вариант ответа «Стремление защитить родных и близких», а 60% – «Любовь к Отечеству». Следует отметить, что среди студентов 5-х курсов данная группа ответов составляет 85%.

То, что праздновать День Победы собираются все участники опроса, подтверждает тот факт, что Победа в Великой Отечественной войне остается важным элементом исторической памяти всех поколений.

Полученные ответы на вопрос: «Как Вы собираетесь отметить 65-ю годовщину Великой Победы»? свидетельствуют о том, что большая часть опрошенных собираются участвовать в общественных мероприятиях, посвященных 65-летней годовщине Победы (43%). Это позволяет заключить, что для современного студенчества Победа в Великой Отечественной войне остаётся всенародным праздником. Сложившиеся традиции по празднованию Дня Победы воспринимаются молодыми людьми, прежде всего, как дань памяти поколению Великой Отечественной войны, совершившему великий подвиг.

Пятая часть опрошенных (21%) намерена отпраздновать юбилей в кругу семьи, что свидетельствует о том, что для значительной части населения Победа в Великой Отечественной войне – не только гражданский, но и семейный праздник. Каждый пятый на момент опроса ещё не определился, как и с кем, он будет отмечать праздник. Это вполне объяснимо, поскольку для многих иногородних студентов ответ на этот вопрос зависит не только от их личных желаний, но и от того, где они будут находиться в день праздника. Определённая часть студентов (15%) намерена отмечать праздник в кругу друзей. Это также весьма показательно и говорит о том, что в среде молодёжи складываются свои традиции отмечать празд-

ник Победы, что позволяет считать, что этот праздник сохраняет свою значимость в жизни нынешнего поколения молодёжи.

Таким образом, Победа в Великой Отечественной войне остается тем историческим событием, результаты и уроки которого несут в себе большой потенциал патриотического воспитания современной молодежи. Молодежь понимает важность этого события и хочет знать о нем. Необходимым является поиск оптимальных в современных условиях форм изучения истории Великой Отечественной войны.

Следует отметить, что беспрецедентная по своему масштабу подготовка к празднованию 65-летия Победы в Великой Отечественной войне, инициированная и координированная государственной властью, активизировала интерес к истории Великой Отечественной войны, ее событиям, к тем людям, которые ковали эту Победу. Результаты социологических исследований свидетельствуют о том, что патриотические чувства современных россиян выше, чем они были в 1990-х гг. Следовательно, основной задачей сегодня является сохранить эту тенденцию внимания к событиям Великой Отечественной войны, использовать потенциал Великой Победы для формирования гражданственности и патриотизма молодого поколения.

Таким образом, основным фактором формирования гражданственности и патриотизма молодого поколения является сохранение и развитие этого потенциала, системность и регулярность просветительской работы, связанной с историей Великой Отечественной войны, создание специфической информационной среды, наполненной не только конкретными фактами о важнейших событиях этой войны, но и личностно окрашенными повествованиями о повседневных практиках военного времени, судьбах людей, прошедших войну.

В рамках системы образования эта работа имеет большой потенциал не только через актуализацию содержания курсов истории в школе и вузе, но и через регулярное обращение к проблематике Великой Отечественной войны в научно-исследовательской работе преподавателей и учащихся, а также через проведение общественных мероприятий.

Эффективность работы по актуализации истории Великой Отечественной войны как фактора патриотического воспитания, формирования общероссийской гражданской идентичности была бы выше, если бы в ней активно участвовали молодежные организации и объединения, имеющие широкие возможности для реализации патриотических порывов и убеждений молодых людей в их конкретной деятельности.

Е.И. Пронина, П.М. Тобенгауз (ИС РАН, Москва)

Образовательные учреждения – социальное пространство формирования гражданственности и патриотизма

Современная российская молодежь живет в мире, сложном по своему содержанию и тенденциям развития, считают исследователи поведения российской молодежи в условиях социокультурных изменений. В начале XXI в. в России в очередной раз на фоне социально-экономического кризиса разразился духовный кризис, одним из проявлений которого, по мнению многих исследователей, выступает кризис патриотических чувств, сознания и поведения. Уклонение от службы в армии, желание существенной части молодых жить и работать за границей, неучастие в выборах – наиболее очевидные стороны этого процесса.

Положение с «дефицитом» патриотизма стало настолько серьезным, что была принята Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации 2001-2005 гг.» и затем 18 июля 2005 г. Правительство Российской Федерации приняло Государственную Программу «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006-2010 гг.».

У исследователей проблем гражданской социализации молодежи и подростков может сложиться впечатление, что различные социальные группы, государственные деятели, различные институты и субъекты образовательного процесса по-разному трактуют, понимают и используют это явление. Это подтверждают результаты нашего исследования «Формирование гражданской и патриотической позиции молодежи и подростков России», проведенного

в мае 2007 г. среди учащихся старших классов школ гг. Оренбург, Белгород, Тверь, Магадан, Нижневартовск, нескольких городов, в т.ч. наукоградов, Московской области. На чувствах патриотизма зачастую осуществляются политические спекуляции и разжигается социальная вражда. Сегодня многие события патриотического прошлого России пересматриваются, их значимость оспаривается или преуменьшается. Знания об этих этапах жизни страны становятся фрагментарными, неполными, иногда необъективными.

В этой связи представляется важным с позиции социологии взглянуть на эту проблему, попытаться отыскать методы и инструменты ее решения с учетом традиций социальной и политической жизни Российского общества, государства и новых условий.

Как и раньше, проблема патриотического воспитания является предметом значительного числа исследований отечественных и зарубежных ученых. Данные вопросы освещались еще в трудах В.Г. Белинского, К.А. Гельвеция, Н.А. Добролюбова, А.Н. Радищева, К.Д. Ушинского, Н.Г. Чернышевского. В советской педагогике проблема патриотического воспитания подрастающего поколения разрабатывалась такими учеными, как А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинский, и другими. Анализируя протекающие в обществе социополитические процессы, тему патриотизма развивают Ю.Р. Вишневский, В.К. Левашов, А. Малинкин, Э.А. Паин, В.Т. Шапко, Н.Д. Никандров и другие авторы.

Важной особенностью сегодняшнего этапа развития патриотизма является *усиление ориентации россиян на собственное благополучие*. Направленность на общее благо, свойственная советскому времени, сочетается сегодня с заботой о себе, своем благосостоянии и положении в обществе. Государственные СМИ и другие официальные источники формирования общественного мнения предлагают точку зрения, согласно которой улучшение благосостояния каждого человека связывается с упрочением российского государства, его экономики, стабильности в обществе. И это выглядит вполне логично: чем благополучнее, стабильнее общество, тем лучше жизнь каждого его члена. Однако данные опросов не свидетельствуют о высоком доверии граждан[1] к официальным целям, провозглашаемым государством, официальным структурам, общественным деятелям и институтам законодательной и исполнительной власти. В этой ситуации личная забота о себе, своих близких, собственном благополучии и пр. естественным образом влечет за собой изменение характера патриотизма.

Другой важной особенностью содержания патриотизма в современных условиях является его направленность не только *на будущее*, но и *на настоящее*. Если в эпоху строительства коммунизма настоящее приносилось в жертву будущему, то сегодня, в условиях неопределенности, динамично и непредсказуемо меняющейся действительности, отсутствия национальной идеи, ориентация на долгосрочную перспективу не может быть оправданием проблем настоящего. Поднятие целины, строительство БАМа, мирное освоение космоса, освоение Севера по комсомольским путевкам было пронизано мыслями о будущем. Мысли о будущем благосостоянии, благополучии Родины, которые нашли отклик в песенном творчестве прошлых лет («Цвела бы страна родная, и нету других забот»; «Раньше думай о Родине, а потом о себе»), уступают место более рациональным мотивам поведения.

Одна из особенностей патриотизма, однако, заключается в том, что *подлинный патриотизм имеет непреходящий характер и относится к разряду общечеловеческих ценностей*. Действительно, любовь к Родине проявляется независимо от общественно-экономических, политических условий в государстве. Как считают многие исследователи, повышение значимости в содержании патриотизма такого признака, как *народность*, и предполагает уважение к традициям и обычаям своего народа, к родному языку, знание истории своей страны. Можно сказать, что *в современных условиях обращение к понятию «Родина» и «народность» составляют основу патриотизма*.[2] Это и является еще одной современной особенностью описываемого нами явления.

---

[1] Левашов В.К. Глобализация и патриотизм. Опыт социологического исследования. М., 2006. С. 94.
[2] Левашов В.К. Глобализация и патриотизм. Опыт социологического исследования. М., 2006. С.65.

В содержание понятия патриотизм также включаются составляющие, *отражающие развитие национального самосознания, взаимосвязь патриотизма и интернационализма* (уважение к другим народам, их обычаям и культуре, нетерпимость к расовой и национальной неприязни), что связано с расширением связей государства с другими странами, интеграцией с мировой культурой, происходящими во всем мире процессами глобализации. О чувстве самоуважения, народности и в тоже время братстве русского народа с другими народами искренне и с любовью и уважением говорили такие поэты и прозаики как А.С. Пушкин, В. Маяковский, К. Кулиев, Н. Думбадзе, Ч. Айтматов, Р. Гамзатов. В последнее время с этими показателями в России не все благополучно. В нашем исследовании об этом свидетельствует распределение ответов на вопрос «Если бы у тебя была безграничная возможность проявить себя как патриот России, что бы ты сделал(а) в первую очередь?», демонстрирующее наличие националистических настроений.[1] Среди ответов на вопрос достаточно ответов, свидетельствующих об отсутствии толерантности к некоторым ситуациям в обществе, в том числе носящим националистский характер. *Нетерпимость молодых к проявлениям инаковости возрастает с нарастанием кризиса.*

Как известно, *национальное самосознание и национализм* – явления противоположные. В то время как национализм ведет к национальной розни и отчуждению, национальное самосознание ищет и находит пути сближения и сотрудничества, ибо оно возвышается над индивидуальными и групповыми интересами, формируется из потребностей социального прогресса.[2] Сегодня, в условиях противоречивости и неопределенности развития общества, для некоторых молодых людей националистические настроения являются попыткой обрести хоть какие-то ориентиры, считают исследователи проблем молодежи.

Известно, что важным показателем развития мировоззрения студентов и школьников выступает характеристика *отношения к государству*, обусловленная уровнем осознания молодежью своего социального статуса, прав и обязанностей, а также уровнем социально-политической активности и ее направленностью. Мировоззрение школьника и молодого человека складывается из разнообразных компонентов, среди которых отношение к историческому прошлому государства, причастность к настоящему, степень осознания социально-политического участия, понимание обязанностей, долга, законопослушание и пр.

Анализ данных свидетельствует о том, что при переходе от школьной к студенческой ступени образования меняется порядок важности компонентов мировоззрения молодежи: принадлежность к государству, долг, обязанность, конституционные права, активность участия в политике. По результатам наших и других исследований после исполнения законов, которое в обеих группах вышло на первое место, у школьников следует бдительность и готовность помочь государству в борьбе с врагами, а у студентов противостояние произволу властей.[3] Анализируя данные исследований, мнения российских ученых, мы пришли к выводу, что порядок показателей свидетельствует *о наличии глубинного противоречия в формировании гражданской позиции молодежи между традиционным и современным*. Современная школа по-прежнему пользуется стандартным набором средств для воспитания гражданина и патриота. Возможно, это влияет на существующие различия в формировании моделей мировоззрения студентов и школьников. Для школьников в большей степени характерна модель *«человек для государства»*, а для студентов – *«государство для человека»*. Известно, что студентами становится лишь часть школьников, причем самая успешная. Но все студенты, так или иначе, являлись школьниками и прошли своеобразное «формирование» граждан-

---

[1] Пронина Е.И. Становление гражданской позиции подростка: константы и динамика. // Образ жизни в советской и постсоветской России / Под общ. ред. А.А. Возьмителя и Г.И. Осадчей. М., 2009. С.186.

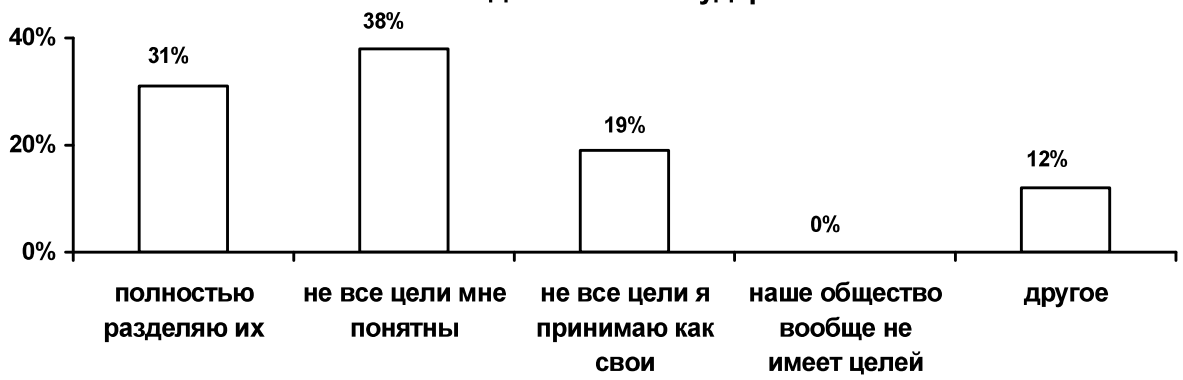
[2] Гасанов З.Т. Основные понятия и патриотического воспитания граждан Российской федерации. // Воспитание российского патриотизма, дружбы народов, гражданственности: Материалы Третьей Всероссийской научно-практической конференции (25-26 ноября 2003). М., 2007. С.47.

[3] Вишневский Ю.Р., Лобова Е.В., Пронина Е.И., Ружа В.А., Шапко В.Т., Шапко И.В. Современное российское студенчество – становление гражданина-патриота. // Гражданская культура современного российского студенчества / Под общ. ред. Ю.Р. Вишневского, В.Т. Шапко. Екатеринбург, 2007. С. 271.

ственности и патриотизма на уровне школы посредством участия в разного рода акциях при непосредственном контакте с различными субъектами образовательной системы.

В процессе формирования гражданского мировоззрения большую роль играют носители этого мировоззрения, в том числе школьные учителя. Чтобы понять, что движет учителями в их работе, мы задали вопрос: «Каково Ваше отношение к целям, которые провозглашает сегодня наше государство?»[1].

Рис.1. Отношение учителей к целям, которые провозглашаются сегодня нашим государством



Как видим, лишь треть учителей разделяют цели, провозглашенные государством. Более половины опрошенных не принимают эти цели, как свои, или считают их непонятными для себя. Вместе с тем, ни один из опрошенных не отметил позиции «наше общество вообще не имеет никаких целей», что свидетельствует о том, что учительская когорта не оценивает ситуацию на государственном уровне как ситуацию хаоса или неуправляемую.

По мнению учителей, воспитанию патриотизма мешает идея индивидуализма, личной безопасности и благополучия, а также, то, что родители не воспитывают детей в традициях патриотизма. Более того, по мнению самих же учителей, несмотря на то, что программа предусматривает такое направление как патриотическое воспитание, некоторые из них не занимаются этим. Причины, которые были отмечены: не остается сил (54%), не знают, как (52%), нет времени (52%), не считают это своей задачей (47%). Тем не менее, практически все учителя говорят, что в какой-то мере участвуют в патриотическом воспитании, правда, большая часть учителей «не очень активно». Учителя считают, что патриоты среди учеников есть, но их не много. Половина учителей считает, что школьники не знают, не понимают, что такое патриотизм. Большая часть учителей считают, что подростки хотели бы проявить себя как патриоты, но не знают, как это сделать.

Программа патриотического воспитания граждан на 2006-2010 гг., принятая на государственном уровне, на момент проведения исследования (2008 г.) еще «не набрала обороты». Об этом свидетельствует тот факт, что более половины учителей затруднились ответить на вопрос об эффективности программы через полтора года после начала ее реализации.

Одна из задач школы – готовить человека к функционированию, деятельности в современном мире. Вместе с тем, по мнению педагогов, патриотизм имеет среднее значение для адаптации молодого человека в современном мире. Изучая мнение учителей о мировоззрении школьников, мы спросили, насколько важно для подростка, по мнению учителей, уважать свою страну и гордиться ею. Обращает внимание большое количество затруднившихся ответить на этот вопрос учителей. В общей сложности треть педагогов не думали об этом или считают, что подростки не ощущают потребности уважать свою страну и гордиться ею.

Гражданина и патриота формируют в различной степени все агенты социализации. При этом у различных агентов социализации могут быть различные взгляды на проблему. Кто же,

[1] Исследование «Роль школы в формировании гражданственности и патриотизма» проведено в январе-марте 2008 г. Среди учителей Белгорода, Нижневартовска, Люберец, Троицка. Всего опрошено 79 экспертов.

по мнению учителей, в первую очередь должен заниматься формированием гражданской позиции школьников?

Рис.1. Кто, по мнению учителей должен заниматься формированием патриотической позиции у школьников



Подавляющее большинство педагогов отвели эту роль родителям, на втором месте оказалась позиция «Все госсистемы на всех уровнях», на третьем институт классных руководителей, на четвертом СМИ, затем детские и молодежные организации и, наконец, учителя-предметники. Военно-патриотические клубы заняли одно из последних мест в списке институтов и организаций, которые должны заниматься формированием гражданской позиции школьников.

Данные, полученные при опросе учителей, свидетельствуют о том, что в педагогическом сознании уже происходят изменения и отказ от некоторых прежних традиционных форм работы в области патриотического воспитания. Какая – по содержанию, формам и методам – работа будет перспективной и эффективной, подлежит дальнейшему изучению. Вместе с тем настораживает тот факт, что значительная часть учительского корпуса не знает, есть ли у подростка потребность уважать свою страну и гордиться ею. Также вызывает удивление тот факт, что большая часть педагогов, по-прежнему, не находит времени, сил и желания давать старшекласснику знания, помимо предметных.

Однако, как и в любом процессе, есть те, кто начинают, открывают, являются лидерами, неравнодушными и пр. И в педагогической среде идет интенсивное формальное и неформальное обсуждение, как воспитывать любовь к Родине, уважение к народу, что такое гражданственность и патриотизм, какими методами предпочтительнее воспитывать гражданина, можно ли воспитать патриота в нынешних условиях и многие другие вопросы волнуют педагогов и вызывают бурные дискуссии. *Учительское Интернет-сообщество* обсуждает тему воспитания патриотизма, демонстрируя различные подходы и мнения: «Не знаю, насколько можно научить патриотизму. Наверное, можно... Как и любому другому чувству... Только вот чувства двухцветными (черно-белыми, например) не бывают», «Патриотизм, в этом смысле, наиболее уязвим в смысле фальши. Как и любое чувство, он должен быть искренним. И в этом смысле, меня (внутренне) очень настораживают «Планы патриоритического воспитания». Как воспитать, научить патриотизму?». Учителя волнуются, спорят, задают вопросы: «Скажите, можно ли научить *любить* по плану? Человека – нет! А Родину – можно?». О формах работы говорится, что они уникальны, когда идут от души: «если в одной школе

десятилетиями встречаются с ветеранами, а в другой – «потому что по плану» – это разный патриотизм!!!». Такого типа рассуждения можно встретить на страницах специальной прессы, в дискуссиях интернет сообщества учителей истории и обществознания. Поиск ответов на вопросы, поставленные временем, актуален и важен. Тем более что самая главная военно-патриотическая составляющая, все, что связано с ветеранами Великой Отечественной Войны, все дальше в пространстве и времени от нынешнего молодого человека. Чтобы представить, каков разброс мнений о методах воспитания, приведем и другие точки зрения учителей истории и обществознания. Все чаще звучит призыв посмотреть на себя критически: «У нас и так слишком много ищут внешних врагов, не задумываясь о том, что главный враг России – собственная расхлябанность, тунеядство, самодовольство загадочно сопряженное с вечным нытьем о том, какие мы несчастные».

Существует такая точка зрения, согласно которой «специальные программы патриотического воспитания» составляют в основном лишь в авторитарных государствах. А в странах демократических уважение и любовь к Родине как-то сами собой приходят. В СССР таких программ было с избытком. И что? Вот год или два назад вновь заговорили о государственной программе патриотического воспитания. Сколько-то миллионов выделили даже на издание дисков с записями военно-патриотических маршей. А лучше бы для патриотического воспитания те миллионы потратить на сооружение пандусов для инвалидов. Глядишь, граждане бы убедились, что государство не только от них любви хочет, но и *их любит и уважает. И ответили бы взаимностью*».[1] Анализируя позиции педагогов, можно констатировать, что их высказывания носят противоречивый характер и отражают столкновение мнений. Очевидно, что даже в педагогической среде нет единой или доминирующей точки зрения на методы воспитания патриотизма и любви к Родине.

Итак, можно сделать некоторые выводы. Несмотря на то, что школа накопила большой практический опыт патриотического воспитания молодого поколения, в современных условиях этот опыт может быть использован лишь частично. Прежде всего, это связано с изменением политических ориентиров, с развитием новых экономических отношений, утверждением гуманистических принципов в системе образования.

В условиях деполитизации системы образования повышается ответственность воспитательных институтов в решении задач патриотического воспитания молодежи. Деполитизация школы, выведение за рамки образовательных учреждений деятельности детских политических организаций, проводивших большую работу по воспитанию подрастающего поколения в духе патриотизма, требует пересмотра содержания, форм и методов патриотического воспитания в школе и соответственно подготовки будущих учителей к проведению данной работы.

При переходе из школы в вуз со вчерашними школьниками происходят большие перемены. Если на школьной скамье учащийся чаще оценивает взаимоотношения личности и государство как личность для государства, то третьему курсу он рассуждает скорее таким образом, что складывается представление об этом взаимоотношении – государство для человека. Проанализируем некоторые данные исследования РОС «Студенчество о Великой Отечественной войне» (2010 г.) в сравнении с данными других исследований

Тема патриотизма очень актуальна не только на уровне школы, но и на уровне вуза. Большая часть (81%) опрошенных студентов называют себя патриотами. Если говорить о школе, то, согласно исследованию «Формирование гражданской и патриотической позиции молодежи и подростков России», 26% старшеклассников говорят о том, что тема патриотизма для них очень актуальна, 50% - что отчасти актуальна[2]. Однако эти ответы свидетельст-

---

[1] Интернет-сообщество учителей истории и обществознания // Сеть творческих учителей. http://www.it-n.ru/Board.aspx?cat_no=2715&Tmpl=Thread&BoardId=2718&ThreadId=18553

[2] Исследование «Формирование гражданской и патриотической позиции молодежи и подростков России» проведено в мае 2007 г. среди учащихся старших классов школ гг. Нижневартовск, Оренбург, Белгород, Тверь, Магадан, Лениногорск, нескольких городов Московской области. Всего опрошено 734 школьника. В статье анализируются ответы 534 респондентов, обработанные в программе VORTEX

вуют лишь о том, что респонденты хотят считаться патриотами, мы не можем с уверенностью говорить о том, что ими являются. Тема патриотизма сегодня поднимается государством, активно обсуждается на различных уровнях, быть патриотом России сейчас достаточно престижно, поэтому респонденты могут называть себя патриотами в том числе и для того чтобы не получить негативную реакцию со стороны сверстников или учителей, увидевших этот ответ.

Таблица 1

Влияние ответов «Вы можете себя назвать патриотом?» на мнения «ВОВ была давно, мне это не интересно" (в % от самооценки себя как патриота)

Вы можете себя назвать патриотом?	ВОВ была давно, мне это не интересно			
	согласен	не очень согласен	не согласен	Итого:
Да	1	13	86	100
нет	5	28	67	100
В целом:	2	16	82	100

Тема патриотизма связана в сознании студенческой молодежи с темой Великой Отечественной войны. Как видно из таблицы, те, кто называет себя патриотами, чаще интересуются войной, чем респонденты, которые себя патриотами не называют (86% против 67%). Наше исследование показывает, что у студентов сохранился интерес к Великой Отечественной войне. Большинство (4 из каждых 5) респондентов не согласны с утверждением «Великая Отечественная война была давно, и мне это не интересно». Это означает, что война по-прежнему актуальна, и интерес к ней сохраняется. С другой стороны, возможно, некоторые респонденты ответили, что Великая Отечественная война им интересна, потому что таков ожидаемый ответ. Кроме того, возможно, что у тех, кто называет себя патриотами, выше интерес не собственно к войне, а ко всей отечественной истории.

Подтверждают реальный интерес тех, кто называет себя патриотами, к Великой Отечественной войне ответы на вопрос о том, смотрели ли респонденты сериалы и фильмы о войне. Те, кто назвал себя патриотом, гораздо чаще смотрят такие сериалы и фильмы (70%), чем те, кто себя так не называет (49%). Просмотр по собственной инициативе фильмов и сериалов о войне является прямым индикатором интереса к ней. И респонденты, называющие себя патриотами, действительно больше интересуются Великой Отечественной войной, а не просто декларируют этот интерес. Вероятно также, что существует и обратный процесс, что просмотр фильмов может спровоцировать интерес к войне и подъем патриотических настроений. Поэтому в качестве меры по воспитанию патриотизма у подрастающего поколения можно использовать просмотр фильмов в семейном кругу. Просмотр фильмов в школе менее эффективен, т.к. студенты и школьники «больше любят литературные произведения и фильмы, которые они читали или смотрели не «по заданию» школьной программы»[1].

Таблица 2

Влияние ответов «Вы можете себя назвать патриотом?» на мнения «ВОВ была давно, мне это не интересно" (в % от самооценки себя как патриота)

Вы можете себя назвать патриотом?	Чем для семьи является День Победы			
	«праздник со слезами на глазах»	день памяти о родных, прошедших войну	просто выходной	Итого:
Да	40	56	4	100
Скорее да	27	63	10	100
Скорее нет	18	60	22	100
Нет	18	45	37	100

[1] Вишневский Ю.Р., Лобова Е.В., Пронина Е.И., Шапко В.Т., Шапко И.В. Современное российское студенчество – становление гражданина-патриота. // Гражданская культура современного российского студенчества / Под общ. ред. Ю.Р. Вишневского, В.Т. Шапко. Екатеринбург, 2007. С. 282.

Одним из показателей патриотизма может выступать отношение людей к государственным праздникам. В исследовании РОС «Студенты о Великой Отечественной войне» об этом говорит распределение ответов на вопрос «Чем для Вашей семьи является День Победы?» в зависимости от того, считают ли респонденты себя патриотами.

Четко прослеживается взаимосвязь: для респондентов, считающих себя патриотами, День Победы чаще – «праздник со слезами на глазах»; те же респонденты, которые не назвали себя патриотами, чаще отвечают, что День победы для них – просто выходной и не несет никакого смысла. Более противоречивы оценки Дня Победы как дня памяти о родных, прошедших войну.

Это подтверждает исследование «Формирование гражданской и патриотической позиции молодежи и подростков России», проведенное в мае 2007 г. среди учащихся старших классов школ[1]. В исследовании вопрос задавался относительно не только Дня Победы, но и других государственных праздников, а именно Дня защитника Отечества, Дня Независимости России, Дня Конституции (См.: Таблица).

Из тех, для кого тема патриотизма очень актуальна, по каждому из этих праздников дано большее число положительных ответов, наименьшее число положительных ответов дано респондентами, для которых тема патриотизма неактуальна. Гражданин-патриот видит в государственных праздниках не просто выходной, эти дни несут для него определенный исторический, духовный и нравственный смысл.

Таблица 3

Влияние «Насколько для тебя лично сегодня актуальна тема патриотизма?» на «Какие из перечисленных ниже дней ты считаешь праздничными лично для себя?"

, % от Насколько для тебя лично сегодня актуальна тема патриотизма?

Насколько для тебя лично сегодня актуальна тема патриотизма?	Какие из перечисленных ниже дней ты считаешь праздничными лично для себя? (любое количество ответов)					
	День Конституции	День Независимости России	День Победы	День защитника Отечества	Ни один из них так не считаю	Затрудняюсь ответить
Очень актуальна	17	40	88	64	2	3
Отчасти	14	35	87	57	3	2
Не актуальна	13	20	58	56	22	2
В целом:	14	33	84	58	5	2

Необходимо отметить «ведущее» положение среди этих праздников Дня Победы. День Победы (84%) и День защитника Отечества (58%) оцениваются как праздники значительно чаще, чем День Независимости (33%) и День Конституции (14%), что говорит о том, что Победа в Великой Отечественной войне является более важным событием для школьников, чем недавние важнейшие вехи в становлении современной России как государства. Следовательно, и патриотизм в сознании старшеклассников связан в большей степени с темой войны, защиты Родины, подвигов героев, чем с темой политического развития государства.

Таким образом, тема Победы в Великой Отечественной войне является и может оставаться достаточно эффективным средством воспитания патриотизма у подростков и молодежи. По-видимому, наиболее эффективно воспитание патриотизма через тему войны может происходить при участии семьи, особенно если в семье поддерживается память о войне, в частности, если хранятся реликвии войны.

Те, у кого дома хранятся реликвии Великой Отечественной войны, чаще называют себя патриотами (хотя этот разрыв и не очень велик) Вероятно, это связано с тем, что возможность прикоснуться к реликвиям делает Великую Отечественную войну более близкой, более реальной для подростка, чем просто разговоры об этом. К тому же, в тех семьях, в которых

[1] Исследование «Формирование гражданской и патриотической позиции молодежи и подростков России» проведено в мае 2007г. среди учащихся старших классов школ гг. Нижневартовск, Оренбург, Белгород, Тверь, Магадан, Лениногорск, нескольких городов Московской области. Всего опрошено 734 школьника. В статье анализируются ответы 534 респондентов, обработанные в программе VORTEX

хранятся реликвии войны, чаще либо живут участники войны, либо просто поддерживается почтение, интерес к этой теме, что пробуждает интерес и почтение у детей. Можно предположить, что связь в сознании студентов тем Великой Отечественной войны и патриотизма делает реликвии войны важным средством развития патриотизма.

Какой же смысл вкладывают сегодняшний студент в само понятие «патриотизм»?

Таблица 4

Что значит быть патриотом России

Варианты ответа	2010	2005
Уважать и знать историю России	70	67
Испытывать гордость за свою страну, любить Родину	59	62
Уважительно относиться к участникам Великой Отечественной войны, людям пожилого возраста	50	40
Испытывать чувство ответственности за происходящее в стране	34	32
Быть готовым к самопожертвованию ради интересов страны	29	33
Принимать участие в общественной политической жизни страны	16	16
Не уклоняться от службы в армии	13	14
Честно и добросовестно трудиться	11	11
Обладать чувством хозяина в своей организации, городе, стране	5	6
Покупать в основном отечественные товары	2	3
Другое	2	1

Как видим, в трактовке «патриота России» у студентов приоритетны уважение и знание её истории; гордость за свою страну; уважительное отношение к участникам Великой Отечественной войны, пожилым людям. В целом они отражают *эмоциональное* отношение к своей стране и к тем, кто для нее что-то сделал, уважение к ее истории, к Великой Отечественной войне. Менее популярны варианты ответа, отражающие ответственность по отношению к стране и готовность к самопожертвованию во благо страны. Достаточно редко респонденты называют качества гражданина: участие в общественной и политической жизни страны; честный и добросовестный труд. Кроме того, по мнению многих респондентов, хотя патриот должен уважать ветеранов Великой Отечественной войны, сам он необязательно должен быть готовым служить в армии и не уклоняться от службы в ней. Важно учесть и другие высказанные респондентами мнения: не мечтать покинуть страну; принимать Россию такой, какая она есть; патриотизм – то же самое, что и национализм; я презираю свое Отечество с ног до головы, но мне становится грустно, когда иностранец разделяет со мной это чувство; выступать против США, ненавидеть американцев; стремиться, чтобы страна развивалась во всех сферах жизни; вносить вклад в культуру, науку, бизнес страны; готовность умереть за страну, заботиться о будущих поколениях; любить именно страну, а не государство; уважать место, где живешь, и считаться с его правилами, порядками; сейчас Родина и государство – слишком разные понятия, непонятно, за кого отдавать жизнь, и отдавать ли; и др. Столь широкий веер мнений (учтем и то, что вопрос был полузакрытым, и эти оценки респонденты вставляли дополнительно) говорит о достаточно противоречивом понимании патриотизма. Ситуация усугубляется и реальной сложностью патриотизма как чувства, идеи и ориентира поведения, а самое главное – попытками навязать студенчеству однозначное его толкование.

Интерес представляет и взаимосвязь понимания патриотизма и отношения к Великой отечественной войне. Респонденты, не согласившиеся с утверждением, что война была давно, и им это не интересно», чаще отмечают, что быть патриотом России – в первую очередь, уважать и знать историю своей страны (72%). Очевидно, их собственный интерес к истории России, в частности, к ВОВ, подкрепляет их позицию, что патриот должен знать историю страны. В то же время, те, кому неинтересна ВОВ, в меньшей степени считают, что патриот должен знать историю России (47%). Респонденты, которым интересна война, чаще выбирают варианты «уважительно относиться к участникам ВОВ, людям пожилого возраста» (51% против 31% у тех, кому война неинтересна), «испытывать гордость за свою страну» (60%

против 55%), «быть готовым к самопожертвованию ради интересов страны» (29% против 22%). Однако они реже называют варианты, связанные с гражданским самосознанием («честно и добросовестно трудиться» (9% против 25% у тех, кому война неинтересна), «принимать участие в общественной и политической жизни страны» (16% против 20%)). Кроме того, несмотря на их уважительное отношение к ВОВ и ее ветеранам, они реже отмечают вариант «не уклоняться от службы в армии» (12% против 20%). Складывается впечатление, что те, кому интересна война, выбирают пассивные проявления патриотизма, в основном, на уровне чувств (гордость, уважение), но на поведенческом уровне они не готовы к реальным действиям. Такая ситуация характерна и для многих из тех, кому неинтересна Великая Отечественная война, но среди них таких людей несколько меньше. Подобную ситуацию можно наблюдать и в распределении ответов на этот вопрос в зависимости от того, называют себя люди патриотами, или нет. Те, кто называет себя патриотом, чаще понимают патриотизм, как чувства уважения, гордости, ответственности, но реже говорят о выражении патриотизма в реальных делах.

Знание истории России занимает первое место в списке качеств, показывающих патриотизм человека, особенно, по мнению тех, кто называет себя патриотом. Обращают на себя внимание «неправильные» ответы на вопрос «Знаете ли Вы важнейшие события Великой Отечественной войны? (напишите, о каких знаете)» (например, «Куликовская битва», «Бородино», «Битва под Полтавой» и т.д.). От 3525 участников исследования мы получили 42 неправильных ответа на вопрос о событиях ВОВ («Бородино», «Полтава», «Куликовская битва», «Брусиловский прорыв» и т.п.). Из 42-х неправильных ответов 86% были даны теми, кто назвал себя патриотами. Несмотря на то, что знание истории России, по мнению респондентов, является ключевым качеством патриота, те, кто назвал себя патриотом, чаще давали неправильные ответы, чем те, кто себя патриотом не назвал. Это подтверждает тезис, что некоторые студенты называют себя патриотами, но не готовы подтверждать это практическими действиями.

Учитывая, что современный патриотизм проявляется и функционирует в условиях объективно действующих взаимообусловленных сил глобализации, представляется несомненным *наличие проблем в воспитании патриотизма*, а также закономерным сам *вопрос об изменении характера патриотизма*. Для исследователей, изучающих тенденции гражданской социализации и проблемы социальной адаптации очевидно, что современная российская молодежь живет в мире, сложном по своему содержанию и тенденциям развития. В этих условиях одна из особенностей подготовки будущих педагогов к патриотическому воспитанию учащихся *связана с процессом демократизации общества*. В условиях многопартийной системы патриотические идеи выдвигаются в качестве ведущих представителями практически всех партий и течений, вплоть до явно реакционных, отмечают исследователи. Поэтому часто само понятие патриотизма связывается у молодежи с отрицательным отношением к определенным политическим теориям. Задачей педагогов при этом становится разъяснение воспитанникам сущности данного понятия, его содержания в современных условиях, а это требует специальной подготовки будущих педагогов в процессе обучения в вузе.

Молодежь воспринимается сегодня не столько как объект воздействия, сколько как субъект истории. Для того чтобы в эпоху глобализации осуществлять на практике политику государственного строительства и национальной безопасности, институты социализации должны формировать социально активное и ответственное молодое поколение, действия которого регулируются позитивными социальными нормами и общественными интересами. Это во многом по-новому ставит вопросы воспитания патриотизма и гражданственности в школе и вузе.

Принимая во внимание сложную структуру и современное содержание понятия «патриотизм», целесообразно определять патриотическое воспитание как процесс взаимодействия воспитателей и воспитанников, направленный на развитие патриотических чувств, формирование патриотических убеждений и устойчивых норм патриотического поведения, адекватных сегодняшнему дню. В осуществлении патриотического воспитания подрастающего по-

коления, развивая различные аспекты проявления патриотизма, ведущую роль, наравне с родителями, СМИ, общественными объединениями, играют педагоги. Поэтому особенно актуальной в современных условиях становится разработка проблемы подготовки будущих педагогов к данному направлению воспитательной работы.

Анализируя работы исследователей, разрабатывающих данную тематику, можно предложить некоторые рекомендации по подготовке педагогов к осуществлению патриотического воспитания учащихся. Как отмечалось ранее и подтверждается нашими исследованиями, форма проявления патриотизма может быть различной. На методологическом уровне патриотизм реализуется как нравственный принцип; на эмоционально-психологическом – как моральное чувство, на поведенческом – как интегративное нравственное качество. Такая трактовка позволяет дать целостную характеристику рассматриваемого явления и выявить его сущность для дальнейшего практического наполнения деятельности педагога по воспитанию патриотизма. Исходя из перечисленного, целью подготовки будущих учителей в вопросах патриотического воспитания должно являться формирование готовности личности к данному виду деятельности и овладение данной деятельностью. Это включает в себя нравственно-психологический аспект и аспект теоретической и практической подготовленности личности педагога. В самом общем виде можно сказать, что содержание подготовки будущих учителей должно отражать единство структурных элементов патриотизма - патриотических чувств, патриотических убеждений и патриотической деятельности.

Перед молодежью и более старшим поколением, перед исследователями процесса воспитания гражданственности и патриотизма в школе и вузе встает множество вопросов, одним из которых является почти риторический: «Мы живем в жестокий век, где, казалось бы, при таком высоком уровне развития науки, техники и человеческой мысли, продолжаются жестокие, варварские, а главное уносящие миллионы жизней войны, конфликты. Разве об этом мечтали наши деды и прадеды? Для этого ли ценой своих жизней отвоевали нам мир в Великой Отечественной войне?»[1].

Л.П. Репина, д.ист.н. (ИВИ РАН, Москва)

Историческое сознание и историческая память

Слово «история» имеет в большинстве европейских языков два основных значения: одно отсылает к прошлому человечества, другое – к литературно-повествовательному жанру, рассказу, нередко вымышленному, о неких событиях. В первом значении под историей подразумевается прошлое в самом широком смысле – как совокупность человеческих деяний. Кроме того, термин «история» указывает на знание о прошлом и обозначает совокупность *социальных представлений о минувшем времени*. Синонимами истории в этом случае выступают понятия *«историческая память», «историческое сознание», «историческое знание» и «историческая наука».* Явления, обозначаемые этими понятиями, взаимосвязаны, и провести границу между ними нередко трудно, почти невозможно. Однако в целом два первых понятия в большей степени указывают на стихийно формирующийся образ прошлого, в то время как два последних подразумевают преимущественно целенаправленный и критический подход к его познанию и оценке.

Примечательно, что термин «история», подразумевающий знание о прошлом, сохраняет в значительной степени и свой литературный смысл. Познание прошлого и оформление этого знания в связном устном или письменном изложении всегда предполагают рассказ о неких событиях и явлениях, вскрывающий их становление, развитие, внутренний драматизм и значение. История как особая форма человеческого знания сформировалась в рамках литературного творчества и сохраняет с ним связь до сих пор. Исторические источники разнообразны по своему характеру: это письменные памятники, устные предания, произведения материальной и художественной культуры. Для некоторых эпох эти свидетельства крайне ма-

[1] Воспитание гражданина в пионерской дружине. Минск, 2007. С.5.

лочисленны, для других – обильны и разнородны. Однако в любом случае *они не воссоздают прошлое как таковое, а их информация не является прямой. Для потомков это лишь фрагменты утраченной навсегда картины минувшего. Чтобы воссоздать исторические события, информацию о прошлом нужно выявить, расшифровать, проанализировать и истолковать. Познание прошлого связано с процедурой его реконструкции.* Ученый, равно как и любой интересующийся историей человек, не просто исследует какой-то объект, но, по существу, воссоздает его. В этом отличие предмета исторического знания от предмета точных наук, где любое явление воспринимается как безусловная реальность, даже если оно не изучено и не объяснено.

Историческое знание сформировалось в древности в процессе развития общества и социального сознания. Интерес сообщества людей к своему прошлому стал одним из проявлений тенденции к самопознанию и самоопределению. В основе его лежали два взаимосвязанных мотива – желание сохранить память о себе для потомков и стремление понять собственное настоящее путем обращения к опыту предков. Разные эпохи и разные цивилизации на протяжении всей истории человечества проявляли интерес к прошлому не только в разных формах, но и в разной степени. Общим и справедливым суждением современной науки можно считать предположение о том, что только в европейской культуре, уходящей своими истоками в греко-римскую античность, познание прошлого приобрело исключительное социальное и политическое значение. Все эпохи становления так называемой западной цивилизации — античность, средневековье, новое время, – отмечены интересом общества, его отдельных групп и индивидов к прошлому. Способы сохранения прошлого, его изучения и повествования о нем менялись в процессе общественного развития, неизменным оставалась лишь традиция искать в прошлом ответы на насущные вопросы современности. Историческое знание было не просто элементом европейской культуры, но одним из важнейших источников ее формирования. Идеология, система ценностей, социальное поведение складывались в соответствии с тем, каким образом современники понимали и объясняли собственное прошлое.

С 1960-х гг. историческая наука и историческое знание в целом переживают бурный период ломки традиций и стереотипов, сформировавшихся в новоевропейском обществе на протяжении XVIII-XIX вв. В течение последних десятилетий появились не только новые подходы к изучению истории, но и *возникло представление о том, что прошлое можно бесконечно интерпретировать.* Идея многослойности прошлого позволяет предположить, что единой истории не существует, есть лишь множество отдельных «историй». Исторический факт приобретает реальность лишь в той мере, в которой он становится частью человеческого сознания. *Множественность «историй» порождается не только сложностью прошлого, но и спецификой исторического знания. Тезис о том, что историческое знание едино и располагает универсальным набором методов и инструментов познания, был отвергнут значительной частью научного сообщества.* За историком признается право на личный выбор предмета исследования и интеллектуального инструментария.

Наиболее существенными для современных дискуссий о смысле истории как науки являются два вопроса. *Существует ли единое прошлое,* о котором историк должен говорить правду, или оно распадается на бесконечное множество «историй», подлежащих истолкованию и изучению? *Имеет ли исследователь возможность постичь истинный смысл прошлого и поведать правду о нем?* Оба вопроса касаются кардинальной проблемы социального предназначения истории и ее «пользы» для общества. Размышления о том, как историческое исследование может быть использовано обществом в современном, сложно устроенном, меняющемся мире, заставляет ученых вновь и вновь возвращаться к анализу механизмов исторического сознания, искать ответ на вопрос: каким образом и с какой целью занимались познанием прошлого люди предшествующих поколений. Предмет данного курса – история как процесс познания прошлого.

История как процесс познания прошлого, включающий отбор и сохранение информации о нем, – это одно из проявлений социальной памяти, способности людей хранить и осмысливать собственный опыт и опыт предшествующих поколений. Память рассматривается как

одно из важнейших качеств человека, отличающее его от животных; это осмысленное отношение к собственному прошлому, важнейший источник личного самосознания и самоопределения. Человек, лишенный памяти, утрачивает возможность понять себя самого, определить свое место среди других людей. Память аккумулирует знание человека о мире, различных ситуациях, в которых он может оказаться, его переживания и эмоциональные реакции, информацию о должном поведении в обыденных и чрезвычайных условиях. Память отличается от абстрактного знания: это знание, лично пережитое и прочувствованное человеком, его жизненный опыт. *Историческое сознание – сохранение и осмысление исторического опыта общества – представляет собой его коллективную память*. Историческое сознание, или коллективная память общества, неоднородно, так же как и индивидуальная память человека. Для формирования исторической памяти важны три обстоятельства: *забвение прошлого; различные способы истолкования одних и тех же фактов и событий; открытие в прошлом тех явлений, интерес к которым вызван актуальными проблемами текущей жизни.*

Людям *свойственно забывать одни события и преувеличивать значимость других (т. е. актуализировать их)*. Не случайно исследователи проблем социальной памяти и исторического сознания считают, что в исследовании своеобразия представлений о прошлом разных обществ и культур должно учитывать, *что и почему люди забывали*. Причины, по которым то или иное сообщество вычеркивало из коллективной памяти отдельные факты и события, позволяют понять, каким образом это сообщество осмысляло свое место в истории. *Забвение тех или иных аспектов прошлого происходило по разным причинам.*

Во-первых, людям *могли быть неизвестны отдельные обстоятельства и события*, в глубине столетий терялись целые эпохи истории регионов и народов. Как правило, забытой оказывалась история тех периодов, в которые не существовало развитой традиции письменной фиксации событий. Например, с большим трудом, путем гипотез, предположений и логических построений, воссоздается история племен и народов, стоявших у истоков современных европейских наций. Мы имеем крайне отрывочные, оставленные сторонними наблюдателями сведения о рассматривавших прошлое сквозь призму собственного исторического опыта и обладавших иным интеллектуальным инструментарием? Кроме того, мнения современников могли быть разными, они не только противоречили одно другому, но отражали абсолютно несходное восприятие одних и тех же явлений. Вторжение варварских племен на территорию Западной Римской империи традиционно определяется в учебниках истории как процесс гибели античной цивилизации и одновременно как эпоха Великого переселения народов. В этих привычных формулах современной исторической науки сохранилась двойственность восприятия событий их участниками и современниками. Для людей, принадлежавших кругу античной культуры, победы варваров означали гибель привычного и казавшегося незыблемым миропорядка. Они могли оценивать падение Рима по-разному: как катастрофу и попрание основ цивилизации либо как суровое, но справедливое наказание великой империи Богом за гордыню и неверие; однако в любом случае видели в этом разрушение универсального мира. Иначе сохранила эти события социальная и историческая память германских народов, создавших серию мифов, легенд и преданий о героях и вождях, их мужестве и доблести. На протяжении столетий эти легенды питали народный фольклор и литературную традицию средневековой Европы. Самим фактом своего существования в социальной памяти они зафиксировали восприятие эпохи варварского завоевания Империи как великого и героического периода истории германских племен. Кто из современников – образованный римлянин, церковный апологет или варвары – более точен в оценке события? Чье восприятие или логика рассуждений способны полностью удовлетворить современного любителя истории или профессионального исследователя?

Современники, очевидцы или ближайшие потомки не способны дать полноценную и всестороннюю характеристику событий или состояния общества в целом. Они, как правило, пристрастны к отдельным сторонам действительности и невнимательны ко всем прочим явлениям. В любом случае они чрезмерно связаны с реалиями исторического времени, для того чтобы оценивать его объективно и отстраненно. Потомки имеют больше шансов для беспри-

страстного познания прошлого. Они могут увидеть события, действия людей, отдельные проявления человеческой жизни в более широком контексте, выявить предпосылки и следствия событий. Однако будет ли их оценка абсолютно точной характеристикой «собственного смысла» явлений? Как обыватель, так и исследователь-профессионал, размышляя над историческими явлениями, могут обнаружить множество взаимосвязанных фактов и факторов: их перечень и оценка роли каждого – разные.

Возвращаясь к эпохе падения Римской империи и варварских завоеваний, необходимо указать, что это событие может рассматриваться и как факт проявления внутреннего кризиса античной государственности, социальной и хозяйственной систем; и как отражение устойчивости римских институтов, переживших варварские вторжения и мирно растворившихся в организации средневекового европейского общества; и как свидетельство внутренних изменений в варварских племенах; и как мощный толчок, позволивший германским народам преодолеть инерцию традиционного существования. Исследователи, разделявшие идеи германского национализма, видели в действиях варварских племен отражение героического духа и военной доблести, присущих германцам как этносу. Менее ангажированные исследователи могут беспристрастно рассуждать о военной этике древних германцев или вообще видеть в их действиях признаки варварского сознания и социальной организации.

Данные оценки противоречат друг другу, по-разному характеризуют смысл исторических процессов, породивших рассматриваемые события. Спектр суждений и глубина расхождений между ними на самом деле несравненно более значительны. Смысл событий, рассмотренный с точки зрения их укорененности в прошлом и влияния на последующий ход истории, в конечном счете также зависит от того, каким образом определяются взаимосвязи между событиями и насколько далеко они уводят в прошлое или будущее от рассматриваемого предмета. *Смысл событий зависит от того, как люди определяют их причины и следствия (историческое сознание не знает точных рецептов определения взаимозависимости явлений). В той или иной степени суждения о прошлом окрашены в тона мировоззренческих или идеологических предпочтений: конфессиональной принадлежности, сочувствия тем или иным социальным доктринам и политическим теориям, приверженности определенным теориям развития общества.* И наряду с этим всегда присутствует вопрос о том, имеют ли события прошлого вообще какой-то особый исторический смысл, не являются ли они результатом случайного стечения обстоятельств?

Оценка исторического смысла события не может быть абсолютно объективной и исчерпывающей. В историческом сознании явления прошлого всегда формируются под влиянием идей, представлений, осознанных и неосознанных предпочтений, актуальных для изучающего или воссоздающего их общества. *Образ прошлого – это всегда, хотим мы того или нет, отражение наших интересов.*

Содержание исторической памяти определяется не только способностью человека и сообщества людей запоминать или забывать определенные события прошлого. *Процесс запоминания не является механическим: хранится в памяти и передается потомкам та информация, которую считают важной и достоверной, а, как показывает изучение исторических сочинений, критерии достоверности были разными в разных обществах.* Представление о том, что важно знать о прошлом, также изменялось в зависимости от задач и интересов социальных групп. Сведения, представлявшие интерес для сообщества одного типа, могли восприниматься не заслуживающими внимания теми, кто обладал иной коллективной идентичностью.

Средневековые хронисты помещали в свои сочинения рассказы о войнах и вооруженных вторжениях, действиях правителей и могущественных людей светского и духовного статусов. Также они включали в свои повествования сведения о природных явлениях, помимо действительно крупных происшествий (землетрясения, засухи и др.), фиксируя и малозначительные, с точки зрения современных представлений об истории, факты. Европейские историки XIX в. мало чем отличались от античных и средневековых предшественников, считая достойными упоминания в своих трудах деяния политического характера. Войны, восстания,

политические преобразования, взаимоотношения государственных деятелей – именно это составляло, на их взгляд, основной предмет истории. *Их не интересовала хозяйственная жизнь, повседневность, отношения простых людей.* Тип истории, создаваемый ими, может быть определен как рассказ о деяниях.

В настоящее время одним из наиболее популярных направлений является *история повседневности,* где предметом исследований, историков стали частная жизнь, отношения между родственниками, друзьями, каждодневные условия труда и существования, представления о мире и эмоциональная жизнь людей. *Повседневная жизнь* не является открытием современных ученых: во многих обществах с развитой письменной традицией существовала практика ведения частных хроник, повествовавших о жизни отдельных семей, церковных и светских сообществ. Людям было важно сохранять память о своих предках: их славных и позорных деяниях, местах их погребения, участии в тех или иных значительных событиях. Конечно, большая часть происшествий, зафиксированных в историях отдельных сообществ, не попадала в официальные хроники и исторические сочинения. История как способ сохранения памяти о прошлом и его познания изначально существовала лишь в виде единства разнообразных «историй»: масштаб каждой из них определялся интересами сообщества, претензиями авторов, подходом к самому понятию истории.

Значительное влияние на состав исторической памяти оказывает система представлений об истинности и достоверности событий прошлого. Исторические сочинения, возникавшие в разных обществах, включали рассказы о фантастических и баснословных событиях, в истинности которых люди не сомневались и считали нужным передавать их из поколения в поколение. Истории многих народов и могущественных династий открывались рассказами о богах и героях, воспринимавшихся в качестве первопредков и зачинателей всех будущих событий. В средневековой Европе одним из обязательных элементов исторических повествований были истории о чудесных явлениях, которые рассматривались как важнейшие из происшествий. Что заставляло людей верить в эти невероятные события? Были ли они всего лишь легковерны, недостаточно образованы и интеллектуально развиты? Почему в самых развитых странах мира столь живуча вера в национальные мифы, а отдельные события и персонажи прошлого приобретают в массовом восприятии черты, сближающие их с героями и сверхъестественными персонажами архаического прошлого?

Вероятно, само понимание истинности и значения событий прошлого может иметь смысл, отличный от того, который вкладывают в него современные историки. Для них критерием истинности и достоверности является здравый смысл, который изначально разделяет все факты на возможные и невероятные, и правдивость свидетельств, сообщающих об этих фактах. Люди древности и средневековья, равно как и современные, отнюдь не были лишены стремления отделить реальные события от вымышленных, равно как и найти подтверждение достоверности фактов. Однако граница, отделяющая реальное от нереального, достоверное от вымышленного, определяется разными обществами или социальными группами поразному. Для многих эпох чудесное и сверхъестественное были не менее реальными фактами, чем война, неурожай или строительство храма; люди искали подтверждение чуда и, обнаруживая свидетельства о нем, бесспорно считали его достоверным фактом. Предания и рассказы предков были достаточным основанием подтверждения реальности самых необыкновенных историй – так рождались *мифы и легенды, которые были особой формой исторической памяти и исторического сознания.* Более того, допускалось и «исправление» памяти о прошлом: средневековый монах, составляя монастырскую хронику, переписывая житие местного святого или монастырский архив, мог вставлять туда сведения о событиях, память о которых не сохранили его предшественники. Был ли он фальсификатором, который включал вымысел в цепь подтвержденных свидетельствами исторических фактов, или же им двигало собственное представление об истине и справедливости? Возможно, его уверенность в том, что какое-то событие прошлого было бы справедливым, приводило к убеждению в реальности последнего. Записывая вымышленное сообщение, летописец, скорее всего, предполагал, что восстанавливает историческую правду, а не занимается ее фальсификацией.

Историческая память и основывающееся на ней историческое сознание относятся к числу тех явлений социальной и культурной жизни, содержание которых определяется представлениями разных обществ и социальных групп о реальности, истинности и достоверности. Эти представления менялись со временем и были укоренены в мировоззрении и интеллектуальных традициях отдельных народов и цивилизаций. Различные общества, а внутри них отдельные социальные группы не только формируют присущие исключительно им типы исторического сознания и исторической памяти, но и обнаруживают разную степень осмысления прошлого. В частности, взгляд на прошлое как на процесс развития, важный для понимания современности, – характерная черта греко-римской и иудео-христианской традиций, преемственность с которыми осознает современная историческая наука. Выяснение картины прошлого и сохранение памяти о собственной истории в этих культурах воспринимались как способ решения актуальных проблем, а история выступала и как «учительница жизни», и как инструмент познания прошлого.

Историческое сознание – память о прошлом и интерес к нему – свойственно в той или иной степени всем людям и народам. Вместе с тем и само отношение к прошлому, и способы получения информации о нем чрезвычайно разнообразны, что позволяет говорить о существовании разных типов исторического сознания. Основное различие между ними определяется двумя факторами: во-первых, разными пропорциями эмоционального и рационального отношения к прошлому; во-вторых, степенью достоверности той картины, которая воссоздается на основе отдельных исторических свидетельств.

Состав исторической памяти во многом зависит от субъективных и эмоциональных аспектов: сообщество вольно или невольно обращается к прошлому как источнику информации. *Массовое сознание воспринимает прошлое эмоционально, ищет в нем подтверждение собственных ожиданий и предпочтений, с легкостью стирает границы между достоверной и вымышленной картинами событий.* Социальная, или культурная, память указывает на неразрывную связь поколений, дает примеры опыта, который может быть использован в настоящем. В основе научного исторического сознания – признание *различия между прошлым и настоящим*, требование достоверности информации, на основании которой прошлое может быть восстановлено, постоянные сомнения относительно того, в какой степени исторические явления могут быть сопоставлены с фактами современной жизни. История как опыт социальной жизни, без которой современное общество не может осознать себя и определить пути развития, критически оценивается наукой с точки зрения способов и возможностей применения этого опыта. Для *массового, или некритического, исторического сознания* характерны три особенности: *осовременивание прошлого; ретроспективный подход к прошлому, представляющему в данном контексте интерес только с точки зрения происхождения современных явлений социальной жизни; свободное использование вымысла и воображения для реконструкции целостного образа прошлого*. Массовое сознание ищет в прошлом примеры для подражания или осуждения. Это означает, что история воспринимается как своего рода иллюстрация этических предпочтений конкретной эпохи. Исторические персонажи изображаются как примеры социального поведения, им приписываются качества и мотивы, которые представители отдельного сообщества считают определяющими для собственного поведения.

Рассмотрим пример из европейской средневековой истории. В XII в. в Германии (землях, входящих в состав современной Германские племена эпохи Великого переселения народов, варварские королевства, средневековые государства и монархии позднего средневековья воспринимались не как особые способы интеграции общества, для каждого из которых свойственны индивидуальные формы этнического сознания и политической организации, но всего лишь как этапы национального и государственного единения. Войнам средневековья приписывались те же причины, что и конфликтам нового времени: борьба национальных государств за свои интересы.

Другим примером поиска исторических корней современности является стремление найти в прошлом предпосылки нынешней демократии: в качестве таковых рассматривали уст-

ройство античных городов-полисов, Римской республики, средневековых городов-коммун, сословную организацию средневекового рыцарства. Всем этим разнородным и принадлежавшим к разным эпохам явлениям приписывались такие качества, как принципы свободы и равенства членов сообщества, культивирование институтов коллективного и публичного принятия важнейших решений. В современной России поворот к идеологии демократии и свободного общества отразился в стремлении найти подобные традиции в собственной истории: в качестве примера древней политической демократии вполне серьезно упоминается Новгородское вече.

Примечательно, что в современном мире любое сообщество или социальное движение стремится обнаружить своих «исторических предков»: так, феминистское движение ставит целью, с одной стороны, найти в истории примеры значительной и особой роли женщин, с другой — заявить о моральной несправедливости тотального господства мужчин в социальной и политической жизни предшествующих эпох. Идеологи национальных движений, борьбы этнических меньшинств за права или политическую свободу используют в качестве аргумента тот факт, что в далеком прошлом соответствующие права или свободы народа были отняты в результате несправедливых действий другого народа или государства. Одним словом, *к истории обращаются как к аргументу, оправдывающему актуальные для современности идеологические, социальные, политические притязания*. Последним приписывается моральная обоснованность и длительное существование. Подобная предыстория актуальных идей и устремлений нередко конструируется пристрастно, прошлое наделяется теми чертами, которых оно было лишено по существу.

Кроме того, *прошлое трактуется однозначно и предвзято.* Так, идея исторической справедливости притязаний какого-то народа на определенные территории требует того, чтобы из свидетельств прошлого были удалены факты, подтверждающие исторические права других народов на эти территории. Восприятие прошлого как исторической традиции, оправдывающей устремления и претензии отдельных народов или социальных групп, является иррациональным и нередко опасным порождением массового сознания. Оно игнорирует сложность исторических процессов, а иногда и прямо фальсифицирует связи между явлениями, относящимися к разным эпохам, создает иллюзию древности и бесспорности идей, порожденных современной ситуацией. Впрочем, историкам-исследователям, придерживающимся принципов объективности и стремящимся к непредвзятому анализу фактов, также трудно очистить свое восприятие прошлого от эмоциональной окраски и отказаться от трактовки минувших событий как прямых предшественников настоящего. Может ли историк быть беспристрастен? Этот вопрос является основополагающим для современной науки, однако им задавались и люди предшествующих эпох, способные критически осмыслить неоднозначность прошлого и знания о нем. Историк никогда не получает материал для своего исследования в готовом виде: факты, содержащиеся в источниках (свидетелях прошлого) должны быть сначала собраны, а затем проанализированы и истолкованы.

Обе процедуры, в том числе исходная, связанная с отбором материала, зависят от того, какие задачи ставит перед собой историк. В современной историографии широкое распространение получила идея о том, что, в отличие от специалистов в сфере наук о природе, историки сами создают материал для своего исследования. Это не значит, что они фальсифицируют или дополняют данные источников произвольными суждениями, однако из всего многообразия свидетельств они вынуждены отбирать определенную информацию.

Вопрос о том, что первично – источники (фактический материал) или интеллектуальная схема, – оказывается в работе историка сродни знаменитому парадоксу о курице и яйце. Приступая к исследованию, историк должен иметь предварительную гипотезу и систему теоретических и концептуальных представлений, так как без них он не сможет начать работу со свидетельствами прошлого. На этапе истолкования отобранных и систематизированных данных результаты его труда в еще большей степени зависят от научных, этических и моральных предпочтений. В своем отношении к прошлому историк не может руководствоваться только требованием объективного и беспристрастного анализа и не способен полностью

подчинить принципу историзма свое восприятие исторической реальности. Иные эпохи и общества интересны для историка с точки зрения их сопоставления с его собственным временем. Как и любой другой человек, интересующийся историей, подобно многим поколениям далеких предшественников, ничего не знавших о принципах научности и историзма, он ищет в прошлом истоки тех ценностей и форм социальной жизни, которые наиболее значимы в современном ему обществе. В истории исследователь находит элементы социальной организации, сходные или отличные от тех, которые являются базовыми для его собственной эпохи. Современность остается идеальной моделью, от которой историк отталкивается в истолковании прошлого.

Может ли, например, современный историк, разделяющий ценности демократии и свободы личности, быть беспристрастен в изучении социальной и политической жизни античности? Могут ли характеристики, данные им полисной демократии античной Греции и деспотическим монархиям Востока, быть простой констатацией существования различных форм государственности? Вольно или невольно он видит в античном мире черты близкой и значимой для него организации социальной жизни, а потому рассматривает античность как предшественницу современного общества и одновременно воспринимает восточные традиции как действительно чужой, отступающий от нормального путь развития. В отличие от обывателя, исследователь может сознательно дистанцироваться от подобного эмоционального и ценностного восприятия прошлого. Однако он не в состоянии освободиться от него полностью.

Еще более отчетливо моральная и политическая пристрастность историка обнаруживается при изучении недавнего прошлого, живую связь с которым еще не утратило современное общество. Изучение истории Третьего рейха или советского периода отечественной истории может осуществляться в разных направлениях, однако общие суждения, как правило, отражают идеологические предпочтения исследователя. Самый глубокий анализ объективных и глубинных причин, породивших фашизм или сталинизм, во многом снимает груз моральной ответственности с людей, живших при этих режимах и поддерживавших их, но не способен лишить исследователя права характеризовать их как трагические периоды национальной и всемирной истории. Оценка может диктоваться и реальными политико-идеологическими условиями. В гитлеровской Германии историки, разделявшие идеологию национал-социализма, последовательно искали и обнаруживали в прошлом подтверждения исконного национального превосходства германских народов и немцев как особой нации. Советские историки, следуя идеологии исключительной значимости революционной борьбы, находили в российской истории прямых предшественников господствующего режима. Это были народные восстания и крестьянские войны, декабристы, народники, революционеры и террористы – силы, олицетворявшие социальную борьбу и революцию. Вместе с тем идеология тоталитарного государства, задачей которого является борьба с внутренними врагами, требовала для советской власти новой исторической генеалогии. В качестве предшественников и образцов для подражания выдвигались монархи, отличавшиеся жестокостью и деспотизмом, – Иван Грозный и Петр I, которые были любимыми историческими персонажами Сталина.

В целом можно определить три группы факторов, имеющих социально-культурную обусловленность и определяющих отношение историка к прошлому: научные концепции социального развития, которыми исследователь руководствуется при отборе, анализе и истолковании исторических фактов; политические и идеологические принципы устройства общества, которые исследователь воспринимает как точку отсчета в своем восприятии прошлого; личные мировоззренческие и идеологические убеждения исследователя.

Историк ангажирован своим временем и не может быть свободен от социальных идей и политических идеологий. Историческая наука, так же как и массовое сознание, создает собственные мифы о прошлом и использует его для подтверждения тех или иных актуальных представлений. Однако добросовестность и профессиональная честность историка требуют отказа от прямого отождествления прошлого и настоящего. Историк балансирует на грани объективности и пристрастности, однако только он может поставить заслон на пути исполь-

зования прошлого как материала для политических идеологий и ложных социальных мифов.

История – это наука, изучающая человеческое общество в его развитии. В силу предмета изучения она относится к ряду социальных наук, занимая в нем особое место. Две главных особенности отличают историю от других наук о человеке. Первая связана с тем, что история имеет дело с уникальными и неповторимыми событиями и должна заниматься конкретными явлениями. Действительно, походы Александра Македонского, Великая французская революция, Вторая мировая война и все многообразные события и явления прошлого не могут быть воспроизведены и навсегда останутся единичными фактами. Цель истории — находить подобные факты, устанавливать их причины и следствия. Конкретные и уникальные явления не просто дают историку материал для размышлений, их изучение составляет основу его работы. Все это позволяет считать историю эмпирической наукой, т. е. дисциплиной, призванной с максимальной полнотой устанавливать, классифицировать и описывать факты прошлого. Вторая особенность истории – это чрезвычайная широта ее исследовательского поля. Фактом истории, а значит, и предметом изучения, может быть любое проявление человеческой деятельности. Историк, в отличие от специалистов в других социальных науках, имеет дело с явлениями самых разных типов: экономическими – фактами хозяйственной жизни людей; социальными – группами и слоями общества, принципами взаимодействия между ними, социальными институтами – основными учреждениями и устойчивыми правилами, в соответствии с которыми регулируется жизнь общества; психологическими – эмоциями и чувствами людей и больших человеческих сообществ; политическими и правовыми – политическими событиями, формами организации государства и управления, правовыми нормами и правилами социального поведения, сложившимися в процессе развития общества; культурными – явлениями, порожденными человеческим духом в сфере литературы, искусства, научного знания, а также мировоззрением и представлениями о мире, характерными для конкретного общества. Предмет исследования сближает историка со специалистами в областях экономики, права, социологии, литературоведения и истории искусства. История – самая универсальная из всех социальных наук, так как все они связаны с ней корнями и происходят из интереса человеческого общества к своему прошлому.

Одним из характерных примеров недавней истории является Вторая мировая война. Это событие по своим формальным параметрам может быть отнесено к политической истории. Существует множество работ, в которых подробно рассматривается ход военных событий, дипломатические акции, предшествовавшие началу войны и сопровождавшие ее. Однако понять смысл и историческое значение этого события невозможно, не принимая во внимание широкий спектр явлений социальной жизни Европы, приведших к войне или порожденных ею. В последние годы появилось много исследований, которые позволяют сделать вывод о том, что действия Гитлера, Сталина, Черчилля и иных политических лидеров, влиявших на ход истории, равно как крупные военные акции и дипломатические переговоры, отражают лишь поверхностный слой больших, втягивавших миллионы людей исторических событий. Приход к власти национал-социалистов и фашистов в ряде европейских государств не был случайностью, он отражал сложные и неоднозначные процессы, протекавшие в разных сферах европейского общества, включая экономику, политические и правовые институты, национальное и социальное самосознание. Социальное самосознание и поведение формируются не только под влиянием политических институтов и правовых норм, но зависят от массовой психологии, иррациональных чувств и представлений, которые делают целые народы приверженцами идеологий, противоречащих здравому смыслу и системе ценностей, культивируемых в течение столетий. События, которые на первый взгляд порождаются действиями политических лидеров и партий, могут быть в конечном счете объяснены только с учетом многообразных и отнюдь не однозначных по своей природе фактов.

В своем исследовании прошлого именно ввиду его многообразия историки должны учитывать и использовать идеи, понятия и выводы, сформулированные иными социальными науками. Любой исторический факт имеет много измерений и смыслов, вместе с тем он интересен как уникальное событие, занимающее свое место в процессе развития общества. Так,

история хозяйственной жизни для историка имеет смысл прежде всего как один из аспектов существования людей в определенную эпоху, а по как материал для выяснения законов функционирования экономики. Поведение социальных коллективов и целых народов в отдельных ситуациях не является всего лишь кирпичиком в создании учения о законах массовой психологии. Изучение социальных групп и классов общества конкретного периода, конфликтов и сотрудничества, которые их разъединяли и связывали, осуществляется историком не для того, чтобы создавать общие теории социального устройства общества. Историк имеет дело с материалом, который накладывает существенные ограничения на создание крупных теоретических схем.

Социология, философия, психология создают теории и понятия, которые историк может применять в своем исследовании, поставляя им в свою очередь «обработанное сырье» для обобщения и формулировки законов. Утверждение об эмпирическом характере истории имеет и более радикальные последствия – его логическим завершением считается констатация того, что историка не должна интересовать задача осмысления исторических событий, его ремесло – устанавливать их истинность и достоверно описывать.

История – это эмпирическая наука, изучающая отдельные события и явления. Значит ли это, что она не должна изучать общие закономерности развития общества? Может ли историческое исследование претендовать на теоретические обобщения, характеризующие этапы истории общества и механизмы их последовательной смены? Ученые, которые считают, что целью их ремесла является только выяснение фактов и скрупулезная реанимация прошлого, представляют собой значительную часть профессионального цеха. Однако подобная позиция – самообман. Любое явление прошлого должно быть рассмотрено с точки зрения его социальных функций. Например, в рамках «антикварного» интереса к истории создаются работы, реконструирующие костюмы и предметы быта, окружавшие людей в ту или иную эпоху. Их авторы, не обращаясь намеренно к общим проблемам организации общества, тем не менее касаются таких вопросов, как отражение в предметах повседневности самосознания определенных социальных групп и его изменение с течением времени, разделение людей по социальному признаку, демонстрация социального положения людей в определенных внешних знаках. Иначе говоря, исследователи-антиквары, не ставя перед собой теоретических задач, должны иметь собственное представление о принципах организации общества в конкретную эпоху. Исследователи политической истории в свою очередь могут досконально изучить и воссоздать ход событий. Вместе с тем они прямо или косвенно затрагивают вопрос о том, как действия политических лидеров воспринимались обычными людьми, почему те или иные события втягивали в свой ход массу участников (нередко целые народы), какое влияние войны или политические реформы оказывали на состояние общества.

Систематический интерес к прошлому и историческое знание как таковое были порождены желанием ответить на вопрос: имеет ли развитие человечества цель, стоит ли за этим некий единый замысел или план, и если да, – то каковы они. Прошлое могло рассматриваться как процесс морального развития людей, воплощения божественного замысла, движения к цивилизованности и прогрессу или становления государства и наций. Задолго до того как эти представления были сформулированы в концепциях европейских философов, экономистов и социологов нового времени, они воплотились в сочинениях их далеких предшественников – создателей библейских текстов, античных и средневековых историков. Со временем задачи исторического исследования, с одной стороны, и создания общих концепций организации и развития человеческого общества, с другой, были осмыслены как отдельные, принадлежащие к различным сферам интеллектуальной деятельности.

Из наук об обществе наиболее близкой к истории считается социология: обе имеют своим предметом общество в целом и исследуют различные формы социального поведения. В этом смысле они отличаются от экономики, политологии, психологии, истории религии и культуры. Историков и социологов разделяет не предмет исследования, а подход к задачам и методам изучения человеческого общества. К числу важнейших отличий относится разная интенсивность использования обобщающих концепций и теоретических построений. Для со-

циального историка модели и схемы являются инструментом познания исторической реальности – это скорее гипотезы, которые заставляют задавать новые вопросы прошлому, чем позволяют получить конечный ответ на вопрос о его смысле. Цель социолога – обобщение представлений о структуре и закономерностях развития общества, выявление основных и универсальных закономерностей поведения людей как социальных существ. Историк сосредоточен на многообразии социальной жизни. Его задача – определить особенности существования общества в конкретный период времени, в конкретных обстоятельствах и в конкретном месте. Историк, в отличие от социолога, занимается различиями, а не общеприменимыми обобщениями.

Являются ли подходы социальной теории и конкретного исторического исследования взаимопротиворечащими или взаимодополняющими? Ответ на этот вопрос неоднозначен.

Анализируя отдельные факты и события, историк должен так или иначе соотнести их с многообразными историческими явлениями и процессами. Он рассматривает изучаемый материал в системе причинно-следственных связей, сопоставляет его со сходными явлениями, имевшими место в иных регионах и в иное время. Зачастую историк осуществляет эти логические операции автоматически, неосознанно.

Рассмотрим несколько типических ситуаций. Исследования, посвященные войнам и крупным конфликтам, нередко сводят причины их возникновения к действиям политических вождей и военных руководителей, т.е. приписывают воле, инициативе, амбициям и дальновидности отдельных личностей значение главного фактора. В них опускается вопрос о том, в какой степени и каким образом походы Александра Македонского, военные экспедиции Наполеона или начатая Гитлером Вторая мировая война были порождены состоянием общества, и можно ли считать все последующее развитие прямым следствием этих политических акций? Эмпирический и фактографический подходы игнорируют проблему соотношения индивидуальной воли отдельных исторических личностей и социально-экономических предпосылок военного конфликта. Наконец, эти исследования не отвечают на главный вопрос о своеобразии данного события в ряду подобных. Великие военные конфликты в истории различаются лишь своими внешними и формальными аспектами: политическими акциями, масштабами военных действий, целями и результатами завоеваний.

Другим примером может служить изучение хозяйственной жизни. Нередко в исследованиях, посвященных экономике античности или средневековья, логика поведения людей в сфере производства или денежного обращения уподобляется логике современной экономической жизни. Факты, относящиеся к разным эпохам или регионам, в том числе и современного мира, интерпретируются с точки зрения универсальности экономических законов, а различия в хозяйственной жизни сводятся к измерениям интенсивности развития отдельных институтов или уровня производства. Однако универсальные на первый взгляд экономические законы при ближайшем рассмотрении оказываются гораздо более ограниченными. Они учитывают в лучшем случае специфику экономического развития и поведения людей в западноевропейском обществе нового времени, но не применимы к экономической истории других эпох и регионов. Так же как и в рассмотренной выше ситуации с военными конфликтами, исследователи, ориентирующиеся на факты, занимаются непроизвольной модернизацией истории: переносят понятия и социальные категории своего времени на события и явления прошлого. Исследовательский подход, который опускает задачу анализа конкретного события с точки зрения особенностей развития общества, исходит из представления, что история – это всего лишь совокупность отдельных и сходных по существу фактов. Этот взгляд в основе своей антиисторичен, он не учитывает того, что история – это процесс изменения общества во времени, причем не только в разные эпохи; одновременно могут существовать общества, чье развитие определяется разными закономерностями.

Определить исторический смысл любого явления в сущности невозможно без учета особенностей того общества, в котором оно укоренено. В свою очередь, определение этих особенностей не может быть дано без использования понятий и концепций, отражающих характеристики устройства общества и закономерности его развития. Эти понятия и концепции

позволяют выявить универсальные для всех социумов элементы. Исследование отдельных обществ в соответствии с этими абстрактными моделями позволяет преодолеть хаос бесконечного многообразия исторических фактов – их можно систематизировать и изучить в рамках определенной системы координат. Только таким образом можно сопоставить различные явления и формы социальной жизни, корректно выделить черты сходства и различия. Вместе с тем концепты и теоретические построения не являются буквальным отражением исторической реальности — они лишь инструмент, позволяющий эту реальность изучить и решить вопросы, которых факты сами по себе не ставят и не разрешают. Историк использует любые социальные модели и схемы как гипотезы, состоятельность которых проверяется только при анализе конкретного материала. Историческая наука, которая изначально была связана со стремлением общества понять закономерности своего становления, стала два столетия назад родоначальницей целого спектра самостоятельных наук об обществе. В настоящее время она обращается к теоретическим моделям и схемам социологии, антропологии, экономики и психологии как инструментам познания общества и одновременно испытывает эти теории на истинность.

Исторический анализ опирается на три категории абстрактных моделей, характеризующих устройство общества и определяющих правила его изучения. Эти категории различаются степенью своего обобщения конкретной реальности. Первая – концепции, трактующие общие закономерности организации общества и его развития. Вторая – понятия, которые претендуют на обозначение общих для любого общества принципов и форм поведения людей, и вместе с тем означающие, что их воплощение было строго индивидуальным в каждом конкретном случае. Третья – методы познания общества, т. е. совокупность проблем и приемов их разрешения, позволяющих вскрывать глубинное содержание исторических фактов.

Е.Ю. Рождественская, к.ф.н. (ВШЭ-НИУ, Москва)

Историческая память и политики меморизации

Статья посвящена социальным аспектам исторической памяти, способу обращения людей с малой, биографической, и большой историей, топосу вспоминать, означивать, понимать. Рассматриваются отношения между индивидуальной и коллективной памятью, функционирование которых в обществе пульсирует в ритме политической задачи. Развитие гражданского общества, его плюрализация востребует и утверждает право социальных акторов на разные исторические памяти, но это приводит к конфликтам в публичной сфере как свидетельствам дискурсивного передела и идеологической борьбы. Стратегии этой борьбы, реализуемой в политике меморизации (*что* стоит помнить и *как* вспоминать), рассматриваются в статье на примере медиализированных образов Второй мировой войны.

Человеческая память и социальная история находятся в непростых отношениях взаимного отчуждения освобождения. Как писал М.К. Лавабр, «память… славится умением тихо, но искренне сопротивляться тогда, когда политические власти грубо обращаются с историей и манипулируют прошлым»[1]. Это искреннее сопротивление памяти, не вошедшей в официальную память, соответственно в официальную историю общества, стало широко востребованным в наше время переписывания идеологий. Перестройка открыла архивы, сформулировала политический заказ на новые национальные идеи, заодно либерализировала и отношение к ущемленным социальным группам, коллективная память которых стала оформлять собственные дискурсы. Можно солидаризироваться с мнением П. Нора о предперестроечном Советском Союзе: «В противовес истории, которая практически из лжи превратилась в так называемую научность, возврат к памяти, может быть, и не является прямым подходом к исторической правде, но, без сомнения, является символом свободы и альтернативой тирании»[2].

---

[1] Лавабр М.К. Память и политика: о социологии коллективной памяти // Психоанализ и науки о человеке / Ред. Е.В. Филлипова, М. Шуаре. М., 1996. С.233.

[2] Цит. по: там же. С.234.

Исторические науки стали занимать гораздо более активную позицию в воспроизводстве коллективной памяти и чаще рассчитывать на свидетельства очевидцев, чем это было ранее. Идентификация самих историков с собственным социальным слоем, полом, поколением приводит часть из них к тому, чтобы рассматривать, обозначать передачу памяти через участников и свидетелей как «коммуникативную традицию»[1]. Под коммуникативной памятью мыслится больше, чем передача памяти благодаря свидетелям событий; скорее, это такие события и связанные с ними стратегии воспоминаний, на основе которых коллективы объединяются в сложном процессе выработки дискурсивных стратегий. Коллективы, о которых идет речь, – семьи, социальные группы, партии или даже этнические и некоторые другие группы с определенным опытом коллективного страдания, преследования, стигматизации и т.д. Они сами культивируют воспоминания исходя из определенных целей. Воспоминание – стартующее прежде всего как индивидуальное – впоследствии конструируется через институционализированный процесс организации воспоминания (например, через фонд памяти) таким образом, что становится чисто коллективным воспоминанием. Мы уже вспоминаем себя в таком модусе, который указывает на коллективные инстанции социализации в рамках коллективов, которые это восприятие контролируют, подкрепляют или отклоняют. Мы рассказываем их в той форме, которая также структурирует эти воспоминания. В этом заключается сложность позиции Устной истории или той ниши культурного поля, на которую она претендует. И еще сложнее она станет со временем, если доминирующие сообщества – не только очевидцы – внесут новые рамки соотнесения или изменят доминантный образец толкования. Ведь последующие поколения будут иметь другие ценности и другой горизонт опыта по сравнению с очевидцами, но каждый человек стремится по мере взросления и старения репрезентировать свой аутентичный опыт. Тем драматичнее, если написанная, медиально опосредованная, на выставках представленная история выступает чужой или даже враждебной. Для ставших рутинными воспоминаний столь же трагично простое обесценивание пережитого исторического опыта как форма символической смерти. Эта оспариваемость истории, разорванность различных поколений и социальных групп с собственными переопределяемыми традициями и ставшими самостоятельными мифами «снимается» в единении, реализуемом в стратегиях воспоминаний, а также в создании островков коллективной памяти в виде Фонда жертв Холокоста, «Мемориала», различных биографических архивов. А. Ассман описывает культурную память как перешагивающую эпохи и поддерживаемую нормативными текстами, а коммуникативную память – как, главным образом, связующую поколения через устно передаваемые воспоминания[2]. В связи с историей Шоа (Shoah) Р. Козеллек писал, что Шоа, или Холокост обозначает историю геноцида еврейского народа во время Второй мировой войны со сменой поколений изменяются характеристики воспроизводимого прошлого. Из насыщенного опытом, современного прошлого выживших очевидцев возникает «чистое» прошлое, лишенное опыта[3]. С вымирающим воспоминанием дистанция не только становится больше, но также изменяет свое качество, которое может быть скомпенсировано фильмами, мемуарами, выставками, картинами. История девочки по имени Анна Франк заново переживается через поставленный спектакль, переизданный на многих языках мира дневник, позволяя поколениям, уже далеким от реалий Второй мировой войны, пережить, а не только узнать, как это было.

Дилемма Устной истории – сохранять и передавать ли микрознание о стратегиях совладания с историей в виде «моральной ущемленности, скрытых защитных маневров, гнева и стыда» в описании истории, что составляет полноту ее субъективного отражения, – или ее задача готовить сегменты лишенной субъективности коллективной памяти для копилки культурной памяти сообщества. А. Ассман задается вопросом, должна ли «история» в голо-

---

[1] Plato A., von. Zeizeugen und die historische Zunft // BIOS (Zeitschrift fuer Biographieforschung und Oral History). Heft 1/2000. S.11.

[2] Assmann A. Errinnerungsraume. Formen und Wandel des kulturellen Gedaechtnisses. Muenchen, 1999. S. 20.

[3] Koselleck R. Nachwort // Beradt Ch. Das Dritter Reich des Traums. Frankfurt/M., S.130.

вах, сердцах и телах пострадавших сначала умереть, прежде чем она возродится в качестве науки, как феникс из пепла исследовательских опытов. Объективность, по Ассман, это не только вопрос метода и критического стандарта, но и мортификация, вымирание, выцветание страдания и ущербности[1]. Очевидно, что документированная коммуникативная память, которая живет несколькими поколениями, реифицируется при вхождении в культурную память сообщества, объективируясь как нормативный, пограничный или анормативный текст. Вопрос только в том, какова позиция в общем, но не равноценно означенном символическом пространстве культурной памяти, которую займет та или иная коммуникативная память определенной социальной группы. Реабилитация одних с неизбежностью требует развенчания других, поскольку наличие дискурса официальной истории иерархизирует культурное поле по принципу ближе – дальше. Из этого следует, насколько тесно связаны «История и память», «Опыт и история эпохи», насколько актуальны переходы от коммуникативной к культурной памяти, и что теряется, если «насыщенное опытом прошлое» со всеми его стратегиями подавления/овладения прошлым само не становится предметом исследования. Пример такого исследования – документация и анализ воспоминаний еще живых и передача их в «чистое будущее», которое не столь уж и «чистое»: свидетели эпохи, физически умирая, теперь имеют долгую медиальную жизнь после смерти. Их рассказы становятся частью медиальной «культуры воспоминаний» и все больше влияют на коллективную память.

Интерес и потребность социологов в материалах, собираемых в рамках не только устно-исторических, но и биографических исследований, назрела давно. С Устной историей эти направления объединяет тематизация субъективности. Устная история также занимается субъективностью: субъективными воспоминаниями, личными переработками пережитого, индивидуальным поведением и его объяснением в истории, личной ответственностью в исторических процессах и их толкованием вместе с биографическими конструкциями и жизненными путями. Субъективность, индивидуальность, активность актора в процессе социальной практики приобрели легитимность в глазах социолога-исследователя в связи с динамикой социологического знания, интересом к генезису социальных изменений. Как упоминал П. Штомпка в своей книге «Социология социальных изменений», не существует безагентных структур, равно как и неструктурированных агентов. Место встречи тотальностей и индивидуальностей, оперирующих структур и действующих агентов – практика[2]. И если продуктом агентно-структурной реальности является социальное событие, то воспоминание агента об этом событии может пролить свет на репертуар социальных возможностей и структурных ограничений его практики. Воспоминания, опрос свидетелей, биографии и автобиографии, личные фотографии и другие субъективные объекты воспоминаний – важнейшие источники для исследования исторического и социального развития, в котором субъекты, а также их опыты играют существенную роль в анализе развития консенсуса и конфликта в обществе, в отношении между «большой политикой» и субъективными возможностями в общественных отношениях, их границах и связях. В центре внимания – исследование людей в истории и их способе обращения с историей, топосе вспоминать, означать, понимать. Поэтому субъективные свидетельства являются источником для микроистории, где имеется мало других источников, или где субъективные источники вследствие своего предмета выходят на авансцену: например, гендерная идентичность, семья, родство, гендерные роли, стили воспитания, практики труда и профессии, а также воспроизводство элит во властных структурах, партиях и прочих институтах, религиозные связи и ритуалы, их секуляризация и т.д.

Как понятие Устная история – историографический импорт из США, оно прижилось, несмотря на редукцию к источникам устного характера. Но под Устной историей имеется в виду более чем техника опроса свидетелей событий, скорее – смена перспектив в буквальном смысле слова. Речь о другом способе рассмотрения, речь о том, чтобы сделать субъективность и опыт субъектов вообще предметом историографии и объяснить их как передаваемые по наследству или традиции, тем самым они получают статус, ранее неприемлемый в других

---

[1] Assmann A. Errinnerungsraume. Formen und Wandel des kulturellen Gedaechtnisses. Muenchen, 1999. S. 14.

[2] Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер с англ. Под ред. В.Ядова. М., 1996. С.272.

историографических школах. Для такой постановки вопроса и исследовательских целей недостаточно одних устных источников, необходимы многообразные другие эмпирические изыскания и комбинация методов. Задача Устной истории заключается в том, чтобы с помощью различных источников и методов обнаружить и описать след передачи индивидами и группами населения их опыта, культуры и жизненных форм.

Устная история – междисциплинарное направление на стыке истории, социологии, этнологии, социальной психологии, антропологии, все более социально ориентированная область истории, которая и методологически (Устная история как дополнительное производство источников через ретроспективное интервью), и концептуально (историческое исследование как субъектно ориентированная наука об опыте) дает представление о новых перспективах социального познания.

Эти перспективы безусловно связаны с историей сознания как индивидуализированным процессом присвоения/освоения истории. Историческое сознание означает в этом контексте синхронию переработки истории, интеграцию биографического в коллективную историю как результат превращения пережитой истории в означенное переживание, соединение прошедшего с современным и будущим посредством поиска смысла. Процесс присвоения истории, автономная реконструкция исторического переживания происходят в воспоминании как модальной форме интернализованной переработки истории.

Устные историки и социологи (П. Томпсон, Д. Берто, Г. Элдер, М. Коли, Т. Харевен) мотивировали свое участие в этом направлении следующим образом: «Нашей задачей было заново внести в социологию не «предмет» (который в большей степени является философской категорией), а конкретный опыт людей, погруженных в социальные отношения и исторический период времени. Мы обращались к людям, которых мы интервьюировали, как к носителям информации о социальных (или, скорее, социально-исторических) средах, истории жизни которых были запечатлены в этих контекстах в конкретное время (хотя и не обязательно вся их жизнь). Мы отдавали себе отчет, что люди, от которых мы получали информацию, сообщали нам не только «правду и ничего, кроме правды», однако мы полагали, что, собирая множество историй жизни из одной и той же среды, мы сможем обнаружить повторяющиеся модели, относящиеся к коллективным явлениям или разделенному коллективному опыту в конкретной среде. И, в самом деле, нам впервые удалось описать определенные социальные среды и коллективный опыт. Мы считали, что люди приобретают знания относительно механизмов функционирования среды, в которую они вовлечены. Такое знание социальных процессов и структур, без сомнения, имеет лишь частичный характер, однако его невозможно получить иначе (например, в книгах или архивах). Поэтому, с эпистемологической точки зрения, представлялось разумным спрашивать людей об их знаниях – чем всегда занимались антропологи. Кроме того, такой подход представлялся нам возможностью по-новому оценить «врожденные» знания, а, следовательно, и их носителей. Мы считали это полезным и в «политическом» плане, с точки зрения социальной справедливости и моральной реинтеграции в коллективное сознание членов общества более низких социально-экономических классов»[1].

Какие же эпистемологические проблемы устной истории по-прежнему возникают в дискуссии? Прежде всего, это проблема достоверности устной истории. Кто-то ищет в историях следы тщательно похороненной под официальными версиями событий правды, кто-то – логику и типику совершаемых поступков, кто-то реконструирует причины умолчания или оправдания, как, например, в переведенной на русский язык книге П. Сихровски «Рожденные виновными. Исповеди нацистских преступников»[2]. Правда и вымысел сплетены в единое целое под названием «история жизни». Можно отнестись к вымыслу изящно, как это делает в «Шести прогулках по повествовательному лесу» Умберто Эко. Он рассказывал, что любая реальность в мире реальности может быть поставлена под сомнение. Кто знает, прав ли на

[1] Bertaux D. A response to T.Kochuyt's 'Biographical and empiricist illusions: a reply to recent criticism' // Biography and Society. Dec. 1996. P.2.

[2] Сихровски П. Рожденные виновными. Исповеди детей нацистских преступников. М., 1997.

самом деле Эйнштейн, между тем как в мире вымысла факт смерти Эммы Бовари непреложен... Художественный вымысел дает нам прочный мир, куда устойчивее мира реального, даже если мы привыкли думать иначе[1].

Исследователи автобиографической памяти, не оставляя усилий по развитию методик, стимулирующих рассказчиков к возможно более правдивой версии пережитых событий, тем не менее так же скептичны. Так, Б. Росс считает, что «в большинстве случаев задача исследователя заключается не в различении правдивой и ложной «версий» (исключение составляет ситуация судебной экспертизы), а в выявлении пути, которым преобразуется значение действительного биографического факта, и в безусловном признании ценности автобиографического рассказа как способа создания субъектом ощущения реальности переживаемого события»[2]. Внимание исследователя переключается тогда с сомнения в правдивости на анализ направления преобразований запомненного события в процессе жизни. И мы не случайно углубляемся в специальную, хотя и смежную область изучения автобиографической памяти, поскольку вопрос о принципиальной и неизбежной субъективной окрашенности воспоминаний чрезвычайно важен. Из недавних экспериментальных исследований памяти (Тульвинг, Маркович, Гриффит и др.) явствует, что человеческая способность вспоминать свидетельства составлена из семантической памяти, впоследствии переименованной Тульвингом в память знания, и эпизодической памяти[3]. Эпизодическая память удерживает контекстуально (через время и место) связанные биографические эпизоды, которые позволяют путешествовать во времени (как правило, в прошлое), ее природа часто аффективна. Напротив, память знания (первично семантическая) контекстуально свободна и тем самым современна. Если эпизодическая память всегда основывается на активном вспоминании себя, то память знания соотносится с «чистым» знанием об информации. Поэтому отношение обеих систем памяти между собой – это встраивание эпизодического (вспоминания) на уровень знания, а не наоборот. Другие особенности автобиографической памяти, по Тульвингу, состоят в том, что информация должна пройти сначала семантическую память, прежде чем сможет достичь уровня эпизодической, и что часть информации «отвердевает» на уровне знания, в то время как другая часть связности с контекстом репрезентируется эпизодически. Если вызывать воспоминание, стимулируя в ситуации интервью рассказ о прошлом, насыщенный конкретными эпизодами, то есть апеллировать к эпизодической памяти, то не удастся минуть семантики, заложенных значений, поскольку именно через семантическую память информация «закладывается на хранение». Это означает принципиальную невозможность «очистить» автобиографическую память от субъективности, что порождает два методологических императива: «реабилитацию» субъективности и развитие техник нарративного опрашивания и анализа, сближающих произошедшее-пережитое-рассказанное.

Серьезная критика субъективных источников в историческом исследовании касается следующих оснований:

- как субъективные источники, они отражают только воспоминания отдельных индивидов, не давая обоснованных обобщений относительно опрошенных;
- они возникли вследствие субъективных интересов;
- эти источники, например, автобиографии, возникли гораздо позднее описываемых событий и часто в целях легитимации;
- ничто так не обманчиво, как воспоминание или память, населенные новыми событиями и опытами;
- устные источники возникают благодаря диалогу с Другим, преимущественно оценивающим, и тем самым создают собственные источники, которые в большей степени отражают

[1] Eco U. Interview of M. Arseno with Umberto Eco // Lire. November, 1991.
[2] Ross B.M. Remembering the Personal Past. Descriptions of Autobiographical Memory. Oxford University Press, N.Y., 1991. P.10.
[3] Markowitsch H.J. Die Errinerung von Zeitzeugen aus der Sicht der Gedaechtnisforschung // BIOS (Zeitschrift fuer Biographieforschung und Oral History). Heft 1/2000. S. 30-50.

современность и взгляды участников или коды их понимания, их отклонения или идентификации[1].

Часть представленной критики относительно «опыта» или значения «субъективности» основывается на определенной подмене. Если исключить те работы по истории, например, менталитета, которые относятся к источникам памяти некритично, недифференцированно, с наивной верой в их правдивость, останутся работы, обращающиеся к исследованию субъективности в истории и нуждающиеся именно в тех источниках, которые могут опосредовать эту субъективность. Выбранный метод исследования должен соответствовать его предмету. В таком случае те, кто критикует субъективность источников, должны в действительности критиковать не источник, а постановку вопроса.

Кроме того, многие пункты критики, направленной против субъективных источников, можно адресовать любому другому источнику, особенно официальным документам, которые разработаны субъектами социальных институтов со специфическими интересами. Очевидно, что здесь мы выходим за рамки собственно истории и конкурирующих внутри нее парадигм, – ведь то, что ограничивает политическая культура, позднейшая история утрачивает, если пренебрегает субъективным опытом и проработкой истории.

Год юбилея окончания Второй мировой войны обязал – и всех по-разному – вновь обратиться к теме памяти, – коллективной, индивидуальной, но не единой. Плюралистичные общества современности порождают и разные «памяти» как различные толкования одного и того же события с точки зрения определенного коллектива, социальной группы. Существенный культурный сдвиг заключается, пожалуй, в том, насколько эти «иные» памяти приобретают институционализированный характер. Монополия одной большой истории вынуждена тесниться и не без боя отдавать часть дискурсивного пространства иным коллективным «памятям» как полям иного смысла.

Но есть и другое, непространственное, – временное изменение толкования исторического сюжета, которое происходит как смена перспективы. Переживание военных событий вначале стартует как аутентичное воспоминание непосредственных участников – современников тех лет. Затем возникает новая фаза, изменяющая перспективу восприятия исторического события, – медиализация через романы, фильмы, выставки. Наконец, третья фаза связана с политизацией – пересмотром смысла, девальвацией прежних политических ценностей, переносом геополитических акцентов, сменой поколений с новыми задачами политической социализации и т.д. Итог – все более расходящиеся непосредственное воспоминание и память о нем. Здесь имеются в виду не последствия естественной убыли населения, выражаясь демографическим языком, или драма уходящей натуры. Мы подразумеваем (и потому спешим описать) те сложные идентификационные проблемы, которые выпали на долю поколения, которое переживало, училось языку рассказа, рассказывало другим, а затем не узнавало себя в том дискурсе, который преобладал либо утрачивал свои позиции в изменившейся социальной истории. Более того, сегодняшний день дарит нам удивительные картины битвы за свою интерпретацию (но за свое ли переживание?).

Подобный инсайт демонстрирует Прибалтика – Латвия, Рига, на улицах которой фронтовики с советскими медалями и латышские легионеры СС шли соседними улицами, свидетельствуя тем самым, что непосредственные участники исторических событий уже не делегируют свою память историкам как экспертам по прошлому и политикам как держателям исторического дискурса в политически легитимных целях. Прикрытые 9 мая платком медали, высаживаемый из троллейбуса шофером титульного этноса фронтовик с иконостасом на груди – свидетельства памяти, уходящей в подполье, редкого и краткого безвременья, промежающего дискурс уходящий и нарождающийся, опосредующего новую дискурсивную иерархию. Тот посыл, с которого мы начали, – плюрализация обществ востребует разные памяти – с очевидностью представляет высоко конфликтную публичную сферу, в которой нет места мирному сосуществованию, возникает соблазн манипуляции, инсценирования воспо-

[1] Plato A., von. Zeizeugen und die historische Zunft // BIOS (Zeitschrift fuer Biographieforschung und Oral History). Heft 1/2000. S.7.

минания в целях политически ангажированных *памятей*. Политика открывающихся на краткий период архивов, эпохи гласности, остроумно названной немцами Milchglasnost (симулякр из гласности и молочного стекла), манипуляции со спецхраном, коллективные мероприятия к юбилеям, прокатывающиеся волны мемуарного освоения ушедших событий – все эти сюжеты говорят о том, что коллективная память общества пульсирует в регулируемом политической задачей ритме.

Парадоксальным образом это может привести к исчезновению самого воспоминания, когда доминирующую позицию занимает политизированная версия истории, инструментально относящаяся к памяти и вычищающая иные аспекты, версии, что в итоге и приводит к омертвлению переживания. Этот процесс заметен в нарративах фронтовиков, которые вовлекаются в рассказ о пережитом по накатанному сценарию и используют устоявшийся язык. В результате новые темы, не столько факты, сколько ракурсы тематизаций рассказа вне героического дискурса (рассказ о том, как Мы ковали победу, как выстояли)
приводят часто к языковому ступору или порождают иного лингвистического субъекта (и соответственно проблему совмещения рассказов). А поколения уже непричастных к войне столкнулись с проблемой ритуализации отфильтрованного военного прошлого и, как следствие, с эмоциональной усталостью и частичным отторжением.

Остановимся на эмпирическом анализе одного упомянутого аспекта – медиализации как культурной политике меморизации. Этот аспект привлекает нас скрытым характером подготавливаемых изменений коллективного сознания, своего рода метафорой «черного ящика», когда известно, что на входе и выходе, но скрыта внутренняя конструкция. Одной фразой (принадлежащей Лассуэлу) – «кто что сказал, кому с каким эффектом» – раскрывается методологический подход к реконструкции медиализированных усилий по культивированию той или иной памяти как дискурсивного явления. И в этом смысле различаются собственно история как прошедшая реальность и тот образ относительно истории, который создается в нашем сознании с помощью медийных и арт-возможностей на пересечении образов памяти о пережитом-рассказанном и того репертуара смысловых интерпретаций, которые порождены актуальным социально-культурным контекстом.

Очевидно, спрос, социальный заказ на медийную интерпретацию прошлого может быть сформулирован в той ситуации, когда все меньше становится непосредственных носителей аутентичного исторического опыта, обращение к которым реализует стремление понять, «как это было», из первых рук, а их социально-возрастной статус в обществе снижается. Доминирующая массовидная культура воспоминания уступает со временем место маргинализирующейся культуре уходящего поколения, чей этос тем не менее инструментализируется в целях легитимации ценностей государственного порядка. То есть возникает временна́я поколенческая дистанция по отношению к завершенному историческому событию, и эту позицию, это пространство стремится занять медийная структура, привносящая новые (или, скорее, ревитализирующая прежние, работавшие) социально-политические значения на языке новых поколений. Прежде чем очертить фреймы анализа, стоит упомянуть изменившийся контекст взаимоотношений медиа-мира, политики и искусства, о которых писал Б. Гройс в «Феноменологии медиального мира»[1]. Он полагает, что «искусство оказалось в другом отношении к политике, по сравнению с тем, в котором оно находилось все это время. Оно начало оперировать в том же пространстве, в котором оперирует политика». Сближение систем политической и художественной репрезентации имеет следствием превращение политика в художника по объему производимой художественной продукции (постеры, клипы, документальные фильмы, ток-шоу и пр.), присутствию в средствах массовой информации и степени своей медиализации. «Мы живем в идеальной системе, в которой художник не является основным производителем визуального... Именно эта новая ситуация художника – потеря художником монополии на эстетическую репрезентацию политики – превратила радикально-политическую акцию в новый предмет интереса для искусства, именно эта потеря художни-

[1] Гройс Б. Феноменология медиального мира // http://azbuka.gif.ru/ important/groys-art-moscow-2004/

ком контроля над произведением искусства». Эстетизация политического пространства и политизация, привнесение политического дискурса в сферу искусства задают рамки той темы, которую мы назвали *политиками меморизации, медиализации и визуализации в отношении прошлого*. Здесь для нас важен тот аспект медиа-сферы, который per se создает интригу презентации. Б. Гройс делится своими наблюдениями: «Если вы спросите любого специалиста по медиа, каким образом создать медиа%фигуру, любой американский специалист скажет, – «вы должны быть controversial». Это означает, что вы должны создать такой имидж, который представляет ситуацию некоего столкновения, конфликта. Это является современной медиальной иконой в форме controversial, то есть в форме конфликта или кризиса. Икона пространства, в котором происходит идеологическая борьба, где сталкиваются различные современные пропагандистские машины, которые функционируют таким же образом, как и пропагандистская машина церкви»[1]. Таким образом, современное искусство политизируется, стремясь к медиальным репрезентациям, поскольку попадает в вилку отвержения либо поклонения.

Социальный аспект производства медиализируемого образа, участвующего в дискурсивной игре меморизации, с очевидностью увязан с теми социально-политическими идентичностями, которые мобилизуются в процессе этой игры. Ниже мы рассмотрим текст, произнесенный во время публичной дискуссии о вкладе СМИ в память о войне Е. Немых[2], режиссером телекомпании НТВ, автором сценария и режиссером проекта «Рождение Победы». Продукт – гламурное игровое кино, стилизованное под фильмы 1960-х, в сопровождении биографических рассказов известных в стране персонажей. Но речь автора интересна прежде всего с точки зрения публично конструируемой позиции оправдания (почему я это делаю) и обнаруживаемой биографической дилеммы (скрытый выбор собственной идентичности), что в целом оказывает влияние на образы меморизации.

Нижеследующий, законченный в смысловом отношении отрывок содержит, словами французского социолога Л. Тевено (L. Thevenot), несколько режимов оправдания. Режим оправдания отвечает дискурсу коллективной аргументации и координации действий, которые затем разворачиваются в более узком формате режима запланированного действия, в терминах целей и средств их достижения. Режим оправдания соотносится с различными ценностями, которые могут стать основанием определенного видения ситуации и ее публичного определения и критики: например, рыночные ценности, гражданские, технократические, приватные, ценности публичности. Аргументация с точки зрения одной ценности неизбежно ведет к критике других, провоцируя напряжения. Первый из режимов оправдания, который мы здесь встречаем – частный, биографический, т.е. собственная причастность к истории благодаря судьбам близких родственников:

«…я хочу все-таки сказать о своем отношении к проекту «Рождение Победы»… Для этого мне вкратце придется рассказать своюсемейную историю. У меня оба *деда воевали, и* оба *погибли в 1941 г. Погибли они, по странному стечению обстоятельств, практически в одном месте – под Тулой. Один из моих дедов был из семьи раскулаченных и репрессированных, он попал в штрафбат. Когда мне еще не было 10 лет, бабушка рассказывала, как она провожала деда, а он плакал и потихонечку ей на ушко сказал: «Ты знаешь, нам вообще не дают оружие». То есть их без оружия выгнали в чисто поле, под танки. Вот это, наверное, и есть та правда, которую поприветствовали бы мои старшие товарищи (участники дискуссии -* авт*). Другой мой дед, мамин папа, был начдив, у него все было прекрасно, он был красным командиром. Он тоже попал под Тулу и там погиб. В 1975 г. было празднование очередного юбилея Победы и нас нашли «красные следопыты». Это были пыльные брежневские времена, тогда это было полным официозом. Нас привезли под Тулу, там маршировали*

[1] Там же.

[2] Дискуссия «Память о войне в современных российских СМИ» состоялась 15 октября 2004 г. в рамках конференции «Малые Банные чтения», организованной журналом «Неприкосновенный запас» при участии журнала «Osteuropa» и поддержке Немецкого культурного центра им. Гёте (см.: Неприкосновенный запас. 2005. №2(3 (40(41)).

пионеры и играли оркестры, я первый раз увидела фронтовиков. Мне это было глубоко противно – потому, что официоз никак не сочетался с моим отношением к истории семьи, потому, что я знаю, что было потом с моей бабушкой, которая осталась одна с пятью детьми на руках. Что я хочу этим сказать? У меня два деда, мне сложно было разделить их в своем сознании. Когда я стала погружаться в проект «Рождение Победы», мне было важно найти интонацию, верную для них обоих. А это и оказалось сложным».

Биографический режим оправдания построен на стремлении совместить образы обоих дедов, несмотря на разорванность их общей истории: один репрессирован, другой – признанный герой-командир. Следовательно, режимы запланированного действия должны были бы выдать телезрителю картинки сложной «полной» истории, озвученной через свидетельские голоса переживших. Режим оправдания, введенный Е. Немых, скорее всего, имеет отношение к содержанию национальной государственной идеи. Ее смысл возможно сформулировать следующим образом: гласность добавила сложности истории, но не отменила главного – подвига, поэтому основная/официальная ее версия не подлежит изменению.

«Что я могу возразить своим оппонентам? (Звучали упреки в клишированности, официозной версии истории войны, заказе – авт.). Когда Горбачев принес нам свободу слова, а при Ельцине появились независимые средства массовой информации, возникла новая правда о войне и всплыло много историй, которые все это время замалчивали. Мне кажется, истина лежит где-то посередине. Были все эти истории, но и подвиг был, и ходили они в атаку под красным знаменем, хотя для многих сейчас это знамя КПРФ и Зюганова. Самое сложное сейчас – найти истину. Но 9 мая для очень многих граждан все равно День Победы. Это, может быть, единственный праздник, связанный скорее не с идеологией, а с национальным самосознанием. Да, во времена Брежнева он был фальшивым. Когда мы начинали работать над «Рождением Победы», оказалось очень сложно работать с этим материалом».

Следующий фрагмент, отражающий режим запланированного действия, раскрывает приоритеты, вытекающие из оправдательных мотивов. «Истина, что посередине», развертывается в понятный каждому видеоряд в сопровождении настоящих документальных историй. Важно отметить здесь термин «понятный» как эвфемизм известного, что понадобится нам ниже.

«Почему возникли эти ролики? Я не знаю, насколько наша концепция считывается при просмотре программ – надеюсь, что ближе ко Дню Победы это станет понятнее. Все действие происходит в кинотеатре, мы показываем фрагмент, стилизованный под советские фильмы о войне. Я писала сценарии, *естественно с помощью военного консультанта, ко всем 60 роликам и прибавить к ним ничего не могу. Они действительно отчасти придуманные и, наверное, никакого отношения к действительности не имеют. Но это же ролики – без слов под музыку смонтированный видеоряд, понятный любому зрителю. А вот сопровождаются они настоящими, документальными историями. Они очень разные – есть и те, в которых рассказывают, как необученных солдат выгоняли под танки, а есть, где, наоборот, шли умирать с именем Сталина на устах. Правда в том, что было и то, и это – было смешное и грустное, ужасное и восхитительное, если можно применить такой термин к войне».*

И, наконец, еще один заход на режим оправдания, обозначим его псевдогражданским[1]. Его уплотненное содержание таково: прилюдная порка эпохи гласности себя изжила, отсюда возникает общественная потребность в истине о войне на другом уровне.

«И здесь нельзя не учитывать мнение общества. По крайней мере, нам, телевизионщикам, нельзя. Ведь проблема не в том, что правительство что-то навязывает, – общество устало бесконечно слушать, какой русский или советский народ такой-растакой. Ни в одной другой стране этого нет, я в этом уверена. Вот так прилюдно себя пороть десять лет, честно вам скажу, надоело. Мне кажется, что важно осмыслить войну и найти истину на

[1] *Псевдо* – хотя бы потому, что это позиция корпоративная («телевизионщиков») манипулятивная (им известно, что общество «устало» и какое именно общество).

другом уровне, в ходе своего рода дискуссии. Я сейчас искренне говорю о своих чувствах, своих мыслях».

Если мы вспомним посыл биографического режима оправдания как стремления идентифицировать себя с обоими дедами, представить, завизуализировать, отдать должное историям как одного, так и другого, и попробуем найти точки соприкосновения с другим прозвучавшими режимами оправдания, то обнаруживается следующее. Между частно%биографическим сюжетом (историческая правда обоих дедов, равно имеющая право на доступ к дискурсивному пространству масс-медиа) и гражданским уровнем оправдания существует противоречивое напряжение. С одной стороны, справедливо рассказать и о репрессированном деде; с другой стороны, или на другом уровне оправдания, общество устало от этих историй. И делая выбор в пользу «иной истины», золотой середины, подвига, прагматика этого шага скрыто подвигает и к биографически идентификационному выбору в пользу деда – красного командира, у которого «все прекрасно». И теперь дополнительный, валидизирующий наши рассуждения, момент.

В развившейся впоследствии дискуссии на вопрос К. Эрнста: *«Вы говорите о том, что хотите создать многостороннюю правду. А вы бы поставили, например, рассказ человека, который воевал в РОА, во власовской армии? – Почему нет? Интервью идет ровно 40 секунд. Если за 40 секунд будет яркая и понятная история, мы, конечно, ее дадим. Если она будет запутанная и без определенных комментариев непонятная, то, скорее всего, она не пойдет».*

Выше мы отметили режиссерский критерий отбора историй и сюжетов – понятность всем и каждому. Потребность в комментариях сопровождает любой, не вписывающийся в официальную версию истории войны, сюжет. Запутанность – свидетельство противоречия интерпретаций и «разных правд» участников событий, имеющих различную легитимность в доступе к праву на мета-нарратив истории.

Соответственно, избегая запутанности, сложности, неоднозначности, эта позиция воспроизведет прежде всего принятую, известную и таким образом понятную историю (войны). Этим примером мы хотели показать, как корпоративное сознание причастных к производству медийных образов (войны) совершает серию выборов в напряженном поле различных режимов оправдания. Социальная подоплека этих выборов в нашей культуре и актуальных поколениях, переживших и еще удерживающих в памяти опыты войны, репрессий, послевоенного времени, а также испытавших травму социально-стратификационных перемен, весьма драматична и противоречива.

В заключение, обязывающем к более широким выводам, отметим, что проступают параллели между проблематикой противоречивого биографического опыта, официальной макроистории о войне и политикой медиализации, объединяемые термином «фигура умолчания». Документация военного прошлого (от события до повседневности) в медийном пространстве стремится избегать конфликтности как характеристики современного политизированного медийного продукта, предлагаемого на культурном рынке, но, с очевидностью, западном. Вследствие этого и возникают гламурность, хрестоматийность, стилизации и все большее отдаление и разрыв события, переживания и рассказа о нем. Непроговоренность всех сложных, неоднозначных событий войны в публичной сфере как ее уже дискурсивная «непрожитость» блокирует и на индивидуальном уровне готовность принять другие «правды» о войне.

Рассматривая характер коллективной памяти россиян о войне на основе многочисленных репрезентативных опросов, известный социолог Л. Гудков приходит к выводу, что «российское общество миновало период критической переоценки своего прошлого, в том числе – и военного, оставив в стороне дискуссии о «цене» победы, оценку предвоенной и послевоенной политики. Сегодня память о войне и победе включается главным образом механизмами консервации социального целого, удерживающими общество от усложнения, функциональной дифференциации. Воспоминания о войне нужны в первую очередь для легитимации централизованного и репрессивного социального порядка, они встраиваются в общий порядок посттоталитарной традиционализации культуры в обществе, не справившемся с вызова-

ми вестернизации и модернизации, общества, не выдержавшего напряжения начавшихся социальных изменений. Российская власть поэтому вынуждена постоянно возвращаться к тем травматическим обстоятельствам своего прошлого, которые воспроизводят ключевые моменты национальной мобилизации»[1].

Эти возвратно-поступательные движения идеологической машины между политическим заказом и собственно историей становятся все более затухающими, поскольку исчезает со сцены непосредственный участник и свидетель этих событий. Тем более важно деконструировать связь «политизация – медиализация – непосредственное воспоминание», поскольку во временной перспективе она будет дополняться и осложняться мифологическими образованиями.

Н.В. Романовский д.филос.н. (зам. гл. редактора журнала «Социс», Москва)

Историческая социология в структуре социологического знания

Историческая социология – относительно и старая и новая социологическая дисциплина. «Старая» – потому что первые попытки ее осмысления и изучения делались более ста лет назад. Новая – потому что в нашей стране она по существу делает первые шаги. Непросто выявить специфику исторической социологии, как непросто найти соотношение между историей и социологией. Даже в публикациях, которые претендуют на право быть исторической социологией, нередки крайности. Одни авторы тяготеют к истории, отводят социологии инструментальное место, другие решают чисто социологические задачи и т.п. Это проявляется в характере статей в рубрике «Историческая социология», которая появилась в журнале «Социологические исследования» с мая 1998 г. Ситуация в этой отрасли социологического знания достаточно сложна и специфична. Для ответа на возникающие вопросы следует рассмотреть ряд основополагающих теоретических аспектов исторической социологии. Анализ генезиса комплекса этих проблем позволяет выявить *пять (минимум) контекстов функционирования исторической социологии* и выйти на вопрос ее обновления и укрепления статуса в рамках современной отечественной социологии:

1. *Исторический.* За годы существования исторической социологии сложилось множество точек зрения на ее специфику. Менялось отношение социологов к исторической науке: Конт определял социологию как историю без дат и имен; позднее имело место увлечение поиском законов истории; какое-то время исторические данные служили одним из главных источников информации для социологов, и т.д. Менялись научные дисциплины, в рамках которых велись исследования настоящего и прошлого общества. Появление не в столь отдаленном прошлом «социальной истории», активное использование в исследованиях историков социологических методов и техник, изменения представлений о взаимодействиях истории и социологии, – все это влияло на понимание предмета «историческая социология». Так, многолетнее использование методов социологии учеными школы «Анналов» (Франция) уточнило диапазон и пределы социологического анализа в практике историков (менталитеты, роль природной среды, гендер и др.).

2. *Социологический.* Обособление исторической социологии во времена М. Вебера и Э. Дюркгейма только начиналось: не было жесткого различия между социальными фактами и фактами историческими; собственно социологические методы исследования эмпирической реальности тогда только создавались; социологи широко использовали материал истории для формирования выводов - практически как решающий банк эмпирических данных. Но на этом этапе обнаружились зависимости между пониманиями предмета социологии и разработкой проблем исторической социологии. Были попытки понять ее как философию истории, изучение законов (закономерностей) исторического процесса. Формировавшиеся отрасли социологического знания по-своему (и по-разному) относились к истории. Бурное развитие прикладной социологии снизило интерес к исторической социологии, но в конце XX в. она стала признанной отраслью знания.

---

[1] Гудков Л. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Неприкосновенный запас. 2005. №2-3.

3. *Общенаучный.* Проблемы взаимоотношений социологии и истории затрагивали комплекс наук об обществе. Историческая социология причастна к спорам позитивистов с антипозитивистами, неокантианцами, «спорам о методе», о соотношении исторического метода с социологическим, о законах и закономерностях общественного развития. Общественные науки обогащались социологическими теориями, терминологией, техниками сбора эмпирического материала, измерений, методами анализа и синтеза. Уточнения специфики социологии как науки касались и исторической социологии. Историческая социология причастна к спорам о классификации наук, о специфике знания об обществе, о «социальной науке», «исторической социальной науке», о новых научных дисциплинах (культурология, социальная антропология, этнология и др.).

4. *Общественный.* Социология (и историческая социология) меняли круг общественных функций. Социальная физика Конта служила исправлению язв, идеалам научного руководства обществом, а эволюционные теории социологии были в сущности своей историчны. М. Вебер исторической социологией называл социологию, обеспечивавшую историко-эмпирическое обоснование современных релевантных выводов[1]. Разные страны в разной степени реализовали возможности социологии (и смежных наук об обществе) влиять на общественные процессы. Подвижки в обществе, общественном сознании стимулируют переосмысление прошлого. В Англии и США в 1960-е гг. активно стали изучать социальные низы, массовые движения, позднее – гендерные аспекты истории. В Южной Африке потребовалось «переписывание» истории для преодоления идеологии апартеида. Даже с учетом отказа части социологов от позитивизма участие в делах общества, активная социальная роль остается спецификой социологии.

5. *Российский контекст.* Энтузиасты веры в законы истории, в возможность их использования обратились к исторической социологии в России во второй половине XIX в. В советское время значительная часть литературы (она показана в следующем разделе статьи), близкой к историческая социология или называемой авторами таковой, сложилась в условиях, когда ученые были вынуждены, прежде всего, выяснять отношения с истматом, истории с социологией, разъяснять методы, пользу историко-социологического знания. До настоящего времени заметно наследие ограничений на интерпретацию исторического процесса, социологические и исторические исследования. Объем социологического освоения проблем нашей истории отечественной наукой и зарубежной пока не в пользу первой. Сохранились опасения «социологического империализма», «вульгарного социологизма»; не преодолен синдром репрессий против школы М.Н. Покровского. В трудах историков чаще всего используются отдельные методы социологии.

Для анализа реальной ситуации с историко-социологическим знанием (в современной России и за рубежом) создан банк данных о соответствующих публикациях. Число публикаций на русском и иностранных языках, с которыми была возможность познакомиться непосредственно и по ссылкам в научных публикациях, близко к тысяче. Некоторая часть вошедшей в банк данных литературы приведена в ранее публиковавшихся статьях в журнале «Социологические исследования»[2], что позволяет минимально ссылаться на литературу. В банк данных включались:

- труды, авторы которых отнесли их к жанру исторической социологии;
- публикации в международном «Журнале исторической социологии»;
- статьи из историко-социологических рубрик «Социса»;
- труды, анализирующие соотношение истории и социологии и касающиеся в разной мере проблем исторической социологии;
- исторические работы с большим объемом социологических методов и информации, близкие к дисциплине исторической социологии.

---

[1] Wei B. J. Max Webers Grundlegung der Soziologie. Munchen u.a. 1992. S. 94.

[2] Тощенко Ж.Т. Историческая память и социология: Романовский Н.В. Историческая социология: опыт ретроспективного анализа // Социс. 1998. № 5.

Дифференциация включенных в банк данных работ делалась по основанию – цель постановки и решения проблемы, которую автор рассматривает как историко-социологическую. По этому критерию выделены следующие группы такой литературы:

1. Попытки нормативного описания исторической социологии как дисциплины. Так в отечественных справочных изданиях по социологии формулируется специфика исторической социологии[1]:

- изучение исторических процессов развития общества,
- изучение социальных систем, институтов и явлений,
- разработка социологических теорий исторического развития,
- методов анализа исторических данных,
- прикладные историко-социологические исследования.

Условно говоря, дифференциация осуществлена по целям и, укрупненно, по уровням (мета-, микро- и мезо-). Приводимые ниже данные такое описание дополняют.

2. Социологический ретроспективный анализ институтов, структур, ценностей и др. обществ прошлого; показ того, как социологическое знание применимо к прошлому, например, античность, что человеческому обществу присущи изначально определенные механизмы и процессы, что многие аспекты прошлого актуальны для современности. Типология подобных социологических этюдов показана в анализе публикаций в «Журнале исторической социологии». Те же сюжеты отражены в рубрике «Историческая социология» нашего журнала: социальные слои и группы, социальная мобильность, гендер, демография, государство, модернизация, институты, ментали-теты, повседневность и т.п.[2]. Монография А.И. Черных о социальных институтах советского общества 1920-х гг. определяет целью исторической социологии «понимание повседневной жизни» ушедших поколений, – важная составляющая нашей собственной жизни[3].

3. Построение теорий, концепций социологии на эмпирической базе исторического (и современного) материала. Здесь образцом являются труды классиков социологии на этапе становления и развития в конце XIX - начале XX вв. исторической социологии.

4. Историческую социологию как поиск общего (всеобщего) в историческом процессе рассматривали В.О. Ключевский – энтузиаст исторической социологии, его многие ученики. Курсу истории России он ставил «социологические задачи», назвав историю подготовительной ступенью «научного здания социологии». Со временем, по его словам, из науки о том, как строилось человеческое общежитие – «и это будет торжеством исторической науки» – может выработаться общая социологическая часть ее – наука об общих законах человеческих обществ[4]. В этом же направлении шел П. Сорокин, анализируя циклы социально-исторического процесса[5].

5. Концептуализация исторической социологии как теоретического поиска законов и закономерностей общественно-исторического процесса[6]. Э. Барнс понимал предмет исторической социологии как «теорию социальной эволюции» от первобытности до современности[7].

---

[1] Энциклопедический социологический словарь. М. 1995. С. 716-717 - перепечатка из ранее изданного справочника по западной социологии и реферативного обзора ИНИОН РАН. Автор этих работ В.В. Кудинов.

[2] Галкин Е.Б. Некоторые историко-социальные черты российской монархии // Социс. 1998. № 5; Герасимов Г.И. Высшее военное руководство РККА: анализ данных 1919-1941 гг. //Там же. 1999. № 8; Орлов И.Б., Лившиц А.Я. Социологический анализ «писем во власть» (1920-е годы) //Там же. 1999. № 2; Окорочкова Т.С. Женский труд в промышленности СССР в годы НЭПа //Там же. 1999. № 9; и др.

[3] Черных А.И. Становление России Советской: 20-е годы в зеркале социологии. М, 1998. С.19.

[4] Ключевский В.О. Русская история. Полный курс в трех книгах. Кн. 1. М., 1993. С. 5, 9. 15.

[5] См.: Сорокин П.А. Обзор циклических концепций социально-исторического процесса // Социс. 1998. №12.

[6] Ельчанинов В.А. История и социология. Уч. пособие. Барнаул, 1992; Бобров М.Я. Законы исторической социологии и методы их исследования. Барнаул, 1999; Иванов В.В. Введение в методологию социологии. К проблеме соотношения методологии и методики в социологии науки. Казань, 1997; Он же. Методологические основы исторического познания: Учебное пособие по исторической социологии. Казань, 1999; Он же. Введение в методологию социологии. Казань, 1999; и др.

[7] Barnes H.E. Historical sociology: its origins and development. Theories of social evolution from cave life to atomic bombing, NY, 1948.

В советских условиях подобные закономерности общественно-исторического процесса достаточно жестко сформулированы в теории исторического материализма. Частично эти труды нельзя отнести к исторической социологии, если в них нет социологической специфики.

6. Историческая социология как метод исследования этнографических явлений[1]. Это часть наследия времен, когда только в этнографии (а также лингвистике) в какой-то мере разрешалось применять социологические методы.

7. Описание возможностей инструментального использования методов, техник, приемов социологии историком, показ, о чем писали Дюркгейм и другие, близости истории и социологии[2]. В наших условиях это также пришло из времени, когда, прежде всего, приходилось (путем демонстрации на примерах) доказывать возможность использования социологии за пределами конкретных социальных исследований.

8. Компаративные историко-социологические исследования. Их объектом становились современные революции, судьбы крестьянства в модернизирующемся мире, модели модернизации на примерах нескольких стран и т.п. С помощью сравнений формулируются, проверяются, уточняются теории среднего уровня, метатеории. В последнее время стала объектом социологических сравнений, например, история СССР в рамках теории модернизации, индустриального общества[3].

9. Сопоставление социологических данных за достаточно продолжительный период времени, часто с определенными интервалами, позволяет выявлять тенденции, реально происходящие в социальных, межнациональных и других отношениях. В СССР – это исследование изменений в 1930-е, затем 1960-70-е гг. в селе Копанка, этносоциологические исследования[4] и др. В Великобритании начиная с конца прошлого столетия с интервалом в десять лет проводилось исследование «Бедность в Йорке»; в США известность получили исследования Мидлтауна (среднего города).

10. С исторической социологией связано изучение исторического сознания, исторической памяти – своеобразное отражение в сознании и поведении людей исторического опыта народа, формировавшего реально функционирующие ценности, мотивы и др., – часть общественного сознания народа.

11. Характеристика крупных социологов, историков, этнографов и др. с точки зрения исторической социологии. Так, в учебном пособии «Историческая социология»[5], показаны соответствующие аспекты творчества Н. Данилевского, К. Леонтьева, О. Шпенглера, П. Сорокина, Л. Гумилева. Персоналии печатал международный «Журнал исторической социологии».

12. Публикации источников по исторической социологии практиковала редакция «Журнала исторической социологии». В журнале «Исторический архив» опубликован журнал дежурных секретарей Сталина, демонстрирующий характерные черты стиля этого государственного деятеля. Такого же рода источники – справочник абонентов правительственной связи АТС-1 («кремлевка»), справочники по историкам, социологам России, которые могут дать количественные и качественные характеристики названных групп и т.п.

---

[1] Лашук Л.П. Введение в историческую социологию. М., 1977.

[2] Громыко М.М. О некоторых задачах исторической социологии // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. 1967. Вып. 3. № 11. С.115-120; Дробижева Л.М. История и социология. М., 1971; Миронов Б.Н. Историк и социология. Л., 1987; и др.

[3] Moore B. Social origins of dictatorship and democracy. Lord and peasant in the making of the modern world. Harmondsworth. 1977; Skocpol T. States and social revolutions. A comparative analysis of France, Russia, and China. Cambridge. 1979; Rimlinger G.V. Welfare policy and industrialization in Europe. America, and Russia. NY., 1971: Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того. что случилось с нами в 30-40-е годы. М., 1989; Вишневский А.Г. Серп и рубль? Консервативная модернизация в СССР. М., 1998; Хакамада С. Самоорганизация и стихийность: опыт сравнительного социально-психологического анализа России и Японии // Социс. 1999. № 4; Островски К., Тюни Г. Три политические культуры в Европе //Там же. 1998, № 2; и др.

[4] Копанка 25 лет спустя. М., 1965: Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М. Этносоциология: пройденное и новые горизонты // Социс. 2000. № 4.

[5] Афанасьев В.В. Историческая социология. Барнаул. 1995.

13. Отдельно можно выделить источники в большей мере количественного социологического анализа - историко-статистические публикации.

14. Социологические исследования прошлых лет, в настоящее время ставшие источниками трудов по исторической социологии[1]. В особой мере это касается социологического знания, накопленного в России в досоветские времена и в первые 15 лет советской власти. Перечень таких публикаций достаточно велик и на русском, и на иностранных языках. Журнал «Социологические исследования» по возможности знакомит современников с этим наследием[2]. В своей массе эти материалы не введены в научный оборот. К сожалению, современные обществоведы в России слабо знают публикации, которые длительное время находились на специальном хранении, как, например, данные опросов учащихся в педологических журналах «На путях к новой школе», «Педология», «Народное просвещение»; интересны как социологические источники, ждущие интерпретации, губернские статистические издания 1920-х гг., спутники активиста, отчеты к съездам Советов и т.п.

15. История современности (нового, или новейшего времени как эпохи) с опорой на социологическое освоение прошлого и с выходом на прогнозы общественного развития. Пример здесь работы И. Валлерстайна[3].

16. Выделяются историко-социологические труды, цель которых – идеологические (ненаучные) задачи. Характерная черта таких трудов – под заранее взятую автором схему (грядущей мировой революции и т.п.[4]) подбираются факты.

Можно заметить, что группировка публикаций по исторической социологии достаточно условна и не завершена; в ней, например, не выделены работы, рассматривающие взаимосвязи, взаимодействия истории и социологии. Но банк данных – при всей условности выделения его составляющих – расширил понимание типологии задач, решаемых в трудах жанра исторической социологии. Разные грани показанных выше подходов, осуществлявшихся в рамках индивидуально трактуемой исторической социологии, многоликость функций, целей трудов по исторической социологии отражают практику постановки и решения широкого круга задач. Вместе с тем, очевидно, часть из охваченных нашим банком данных публикаций могут не рассматриваться как часть исторической социологии, поскольку носят характер инструментальный, вспомогательный, находится на периферии социологического знания или вне его. На наш взгляд общеисторические, социальные закономерности, – тема отдельного разговора.

Наиболее близки проблемам нового в социологической теории и практике (в применении к современной России) позиции 2, 3, 4, 8, 15; социологический ретроспективный анализ институтов, структур, ценностей прошлого; показ того, как аспекты прошлого связаны с актуальными современными проблемами, оказываются составной частью нашей жизни; построение теорий, концепций социологии на эмпирической базе исторического (и современного) материала; компаративные историко-социологические исследования, в которых формулируются, проверяются, уточняются теории среднего уровня, метатеории; история современности как эпохи, опирающаяся на социологическое освоение прошлого и делающая прогнозы общественного развития. То есть, в контексте постановки проблем данной статьи, выделены

---

[1] Зингер Л. Национальный состав пролетариата в СССР. М., 1934; Авдеев Н. Трудовые конфликты в СССР. М., 1928; Феноменов М.Я. Современная деревня. Опыт краеведческого обследования одной деревни. Чч. 1-2. М., 1925; Верхневолжская этнологическая экспедиция. Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края. Л. - М., 1926; Гагарин А. Хозяйство, жизнь и настроения деревни (по итогам обследования Починской волости Смоленской губернии). М. - Л., 1925; Росницкий Н. Лицо деревни. По материалам обследования 28 волостей и 32 730 крестьянских хозяйств Пензенской губернии. М. - П., 1926; Мурин В.А. Быт и нравы деревенской молодежи. М., 1926; и др.

[2] Например: *Исаев А.А.* Переселение русских крестьян; *Кравченко А.И.* Исследование А.А. Исаевым крестьянской миграции // Социс, 1999. № 9.

[3] Валлерстайн И. Россия и капиталистический мир – экономика 1500-2010 // Свободная мысль. 1996. № 5; Глобальные и региональные проблемы в работах Иммануила Валлерстайна / под ред. А.И. Фурсова. М., 1998.

[4] Kilian H. Der politische Mord. Zu seiner Soziologie. Zurich, 1936; Monnerot J. Sociologie de la revolution. P., 1969; и др.

связи прошлого с настоящим, а также прогнозированием будущего а) непосредственно или б) через обобщающие концепции, теории, по своей научной природе имеющие элемент «загляда» в будущее.

Историко-социологическое знание прошлого для российской современности важно как а) (не-)пригодное наследие; б) исходная точка для движения вперед; в) фундамент, опора такого движения; г) теоретическое (социологическое) осмысление итогов и уроков прошлого и др. Историко-социологическое знание прошлого России и СССР (ограничимся XIX и XX вв.) может служить обновлению отечественной социологической теории и практики, обеспечивая достоверный анализ прошлого, настоящего и будущего.

В письме Г.Е. Зборовского (Екатеринбург) в «Социологические исследования» выделена одна из наиболее значимых проблем современной отечественной социологии: «...Неудовлетворенность ее состоянием часто обусловлена именно тем, что социологи не умеют (часто не хотят уметь) или не пытаются прогнозировать развитие социальных процессов, даже конкретных социальных ситуаций»[1]. Дополняя аргументацию автора, отметим, что корректное знание о современности, проекция его на формирующиеся тенденции будущего невозможны без опоры на историческую основу. Прошлое как состоявшийся социальный факт – доминанта настоящего и будущего. Прошлое – это знание о том, как возникло общественное явление, через какие этапы прошло и как приобрело современный вид. На его основе раскрываются смысл и значение настоящего, альтернативные потенции будущего, строятся мысленные (теоретические) конструкции, служащие руководством для исследующего.

В последние годы в нашей стране регулярно случаются неожиданные для общества, руководства страны, для ученых события. Ответ на вопрос о причинах неожиданностей дают наука или практика; последняя чаще запаздывает. Одна из причин такого положения, на наш взгляд, фрагментарность знания о современном обществе вследствие малой изученности советского общества во взаимосвязи с постсоветским настоящим.

Мы не знаем общества, в котором живем, — констатировал Ю.В. Андропов в 1983 г. Эта оценка знания советского общества на завершающем этапе его исторической траектории могла предупреждать политиков: управлять объектом, не зная его, равноценно плаванию по бурному морю без компаса и руля. По необходимости беглый анализ изученности (на тот момент) истории СССР в нашей стране и за рубежом позволяет предметнее раскрыть природу и следствия (для социологии) обозначенного «формулой Андропова» разрыва прошлого, настоящего и будущего. В теоретико-методологическом плане в обществоведческой мысли СССР (я упрощаю ситуацию, говоря о доминировавших взглядах, определявших общественное сознание и поведение большинства) господствовала догма о движении советского общества и всего мира к социализму и коммунизму. В сфере идеологии и политики аксиома социалистической природы советского общества вела к оценкам реального с точки зрения норм должного при социализме: социалистические классы, государство всего народа, отмирающее в перспективе, дружба народов, новая историческая общность – советский народ, превосходство социалистической общественной, государственной, экономической системы над противостоящей ей, социалистический образ жизни и др. Данные, не укладывавшиеся в схему, архивировались с тщательностью, исключавшей их попадание в руки исследователей. Жесткая опека над исследованиями социологов, возобновленными в 1960-е гг., имела целью хранить рамки идеологически допустимого.

В капиталистическом зарубежье взгляды были более дифференцированы. Их – тоже упрощенно – можно свести к трем позициям (они были перенесены и дискурс постсоветских обществ). Примерно равной силы позиции занимали оценки социалистического лагеря с позиций а) доктрины тоталитаризма и б) теории модернизации. Они не во многом расходились, но и не во всем исключали друг друга. Третью группу взглядов представляли сторонники (не изолированные от приверженцев тоталитарных подходов или теории модернизации) неомарксистских оценок, интеграции которых в доминировавшие взгляды препятствовал их мар-

[1] См.: Социс, 1999. № 6. С.101.

ксистский аппарат. В оценках перспектив зарубежная мысль делилась на тех, кто или предрекал «кумулятивный кризис» советской системы (в частности, «после Брежнева»), или считал возможным реформирование ее. Распад СССР советологи едва ли считали альтернативой до начала 1990-х гг.

Для обновления социологии, однако, важно, что на исходе советской эпохи научное знание о советском обществе с теоретической и информационно-фактической точек зрения выражалось метафорами «белое пятно», «черная дыра». «Развитой социализм», «ускорение», «перестройка» отражали размашистость выдвигавшихся планов ускоренного движения вперед, непонимание реальных условий среды, в которой эти действия намечались к проведению. Поспешный пересмотр ряда позиций после 1989 г., некоторые осторожно сформулированные обновленные подходы оказались не востребованными. Возобладало «незнание», о котором предупреждал Андропов, – мнения, убеждения сомнительной достоверности. Началось вторжение через СМИ в общественное сознание метафор и мыслей, вращавшихся вокруг бездумно повторяемых, часто компенсируемых агрессивностью формул типа «элиты», «тоталитаризм», «реформы», «обновление», «Россия, которую мы потеряли» и т.п. В дальнейшем негативным социальным фактором стала легковесная пропаганда в СМИ сенсационных субъективистских концепций, – сродни «Ледоколу» В. Суворова. Таких примеров, к сожалению, слишком много. В условиях нарастающей роли электронных средств информации, Интернета, резко повысилась степень манипулирования историческим знанием. Создалась перспектива сталкивания крупных социальных слоев в виртуальное сознание, дезориентированное поведение. Корпорация историков не консолидирована, затруднено оформление консенсуса взглядов на последние десятилетия XX-го в. в СССР и вокруг него, а затем в России.

Социологам ясна важность социальных фактов. Редакция журнала «Социологические исследования», когда либерализация доступа к ранее секретным архивам породила «архивную лихорадку», создала рубрику «Архивы начинают говорить». Публиковались важные для понимания социальной структуры, процессов советского времени с научными комментариями материалы об особенностях менталитета, поведения социальных групп[1], облике и мотивациях руководящего слоя СССР, аналитические данные о депортациях этнических и социальных групп, массовых репрессиях, перемещенных лицах[2]. Но ответ на вопрос «что?» (установление факта) переходит в вопросы «как?», «почему?». Сменившая ее рубрика «Историческая социология» пытается на них отвечать. Редакция журнала привлекает внимание к монографическим исследованиям о прошлом России и СССР, в которых есть попытки выявлять социологически важную проблематику[3]. Понимание недавнего прошлого, однако, далеко от потребностей. Осмысливание актуальной проблематики российской истории, к сожалению, удел малотиражных изданий. Современным исследователям российского общества трудно сделать прошлое доступным, понятным, используемым в актуальной практической деятельности. Трудность эта предметна.

Едва ли целесообразно разбирать меру исследованности конкретных событий или этапов истории России. Социологу важен весь релевантный исторический материал для анализа современности, сравнения тенденций, специфических для России и характерных для других стран, проверки «больших» теорий. Между тем, в последние годы по отечественной истории

---

[1] Панкратова М.Г. Сельские жители России. Судьбы и семьи в XX веке. М., 1995; Козлова И.Н. Крестьянский сын: опыт исследования биографии // Социс. 1994. № 4; Она же. Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора. М., 1996; Она же. «Повесть о жизни с Алешей Паустовским»: социологическое переписывание // Социс. 1999. № 5; и др.

[2] Шевяков А.А. Гитлеровский геноцид на территориях СССР // Социс. 1991. № 12; Он же. Жертвы среди мирного населения в годы Великой Отечественной войны // Социс. 1992. № 11; Попов В.П. Причины сокращения населения РСФСР после Великой Отечественной войны // Социс. 1994. № 10; Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический очерк) // Социс. 1991. № 6; Он же. Заключенные в 30-е годы (демографический аспект) // Социс. 1996. № 7; и др.

[3] Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. М., 1997. Т.1; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти (1945-1991). М., 1999; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-XX в.). В двух томах. СПб., 1999.

относительно мало исследований второй половины XX в.; робко ставятся общие вопросы исторического процесса в России.

Социологическая актуальность нашего прошлого очевидна. Мало исследованными, полными парадоксов остаются институты – опоры советского строя, активные и теперь – в измененных видах. Это партия, не противодействовавшая собственному запрету. Силовые ведомства, вначале ключевые в реализации установки на мировую революцию, затем стали ключевыми по доле расходов и во все большей, но неясной мере, по влиянию в политике: не исследованы их «интеракции». Не выяснены эволюция института «союзная республика» (специально – РСФСР, ключевого звена Союза). Парадокс института «колхоз»: насильно, казалось, навязанный, всеми проклятый, он устоял, даже в Украине, особенно пострадавшей во время голода 1930-х гг. Коминтерн – орган мировой революции, вырождается в малозначимый инструмент советской внешней и военной политики, сохранившись как миф о мировом революционном процессе.

Среди социальных проблем слабо проанализирована урбанизация с ее ощутимыми сейчас последствиями. Рабочие, в массе вчерашние крестьяне, резерв и опора партии, не поддержали в августе 1991 г. КПСС: крестьянство стало основой «красного пояса». Дискутируемая проблема современной элиты требует уточнить исходный материал советского времени: «новый класс», «номенклатура», «бюрократия». Истоки гендерных пли этносоциологических проблем, характер и особенности (типология) этноконфликтов частью уходят в советский период. Динамика девиантного поведения, криминальности и коррупции частично коренится в повседневном бесправии, низком правосознании, грубых нарушениях законности и смыкании частника («прото-бизнесмена») с криминалом в «тюремных университетах». Попутно подчеркнем, что проблемы преступности и коррупции в современной России понять без историко-социологического знания трудно. Ситуацию здесь часто сравнивают со средневековьем. И в этом сравнении истины больше, чем подозревают говорящие об этом. Как показывает анализ феномена силового предпринимательства, круг задач создания рыночной экономики, который стоит сейчас перед Россией, должен был решаться в средние века. Поскольку они не были решены, их решать приходится – с сопровождающими начальный период становления рынка явлениями.

Среди историко-социологических проблем экономической сферы важен вопрос вознаграждения за труд. Функция зарплаты в России и СССР была деформирована: работник не получал регламентированной и понятной части созданной стоимости. «Жалованное» сверху в сознании и поведении работника не связывалось с количеством и качеством труда, подрывая трудовую мотивацию, отношение к труду, трудовую мораль, обратной стороной стала популярная ныне «халява». Вероятно, в массовом сознании предприимчивость, интенсивный труд наталкиваются на укоренившийся ментальный барьер отсутствия связи качественного личного труда с вознаграждением и уровнем жизни. В духовной сфере (наряду с последствиями войн и лишений) не изучены метаморфозы патриотизма, его взаимодействие с национальным, этническим, интернациональным. Даже не поставлены как предмет исследования человеческие последствия и аспекты Великой Отечественной войны, потерь и лишений, – массовое одиночество женщин, сиротство, безрадостное существование пожилых, переживших утрату детей.

Это некоторые вопросы из сферы «что?». Что касается «как?» и «почему?», предстоит посмотреть на историю СССР в компаративном плане (применимы они или нет) ряда социологических, обществоведческих теорий. Структурно-функциональный анализ советской системы властвования вероятно, подтвердит малую применимость формул Парсонса к процессам перемен. Взгляды Дюркгейма на интеграцию и солидарность в индустриальном обществе в определенных пределах плодотворны и в применении к судьбе советской системы. Коммуникационная теория общества и власти (Н. Луман и др.) может обнаружить отсутствие в СССР ключевого элемента современной жизнеспособной политической системы. Разрывы «коммуникации» между властью и народом, обществом, интеллигенцией, случавшиеся в уходящем столетии, несут и более общий урок. Тип взаимоотношений общества и государ-

ства в России пора менять, он не может сохраняться прежним. Власть, в соответствии с Конституцией РФ и по природе – публичный институт, институт общества. Может быть, это главный социологический урок социальной, политической, военной, экономической, духовной и иной истории страны в XX в. Наконец, на это указывают некоторые публикации социологов о грядущих глобальных переменах, возможно, актуальными в обновленном виде будут идеи социализма, интернационализма.

В несколько ином ракурсе проблемы исторической социологии возвращают современника к тем классикам социологии, кто ратовал за сближение истории и социологии. Между социологией и историей существует некая диалектическая взаимосвязь: многообразие подходов к исторической социологии, возможностей ее использования связано с конкретным пониманием социологии как науки. «Разным социологиям» соответствует разная историческая социология. Возможно, специализация. дифференциация научных дисциплин уходит в прошлое: информационная революция делает сбор эмпирических данных на порядок доступнее, чем сейчас; взаимоотношения некоторых общественных дисциплин могут перейти в плоскость формирования «социальной науки» о прошлом, настоящем, будущем общества.

Историческая социология России прошлого позволяет выйти на более глубокие пласты современных проблем. Так, Октябрь 1917 года (казалось бы, какой период нашей истории исследован лучше?) можно считать попыткой большевистских лидеров «забежать» вперед при отсутствии предпосылок социализма. Но «забегание» могло стать и результатом просчета в отношении мировой (европейской) революции, или уже начинавшуюся европейскую революцию (Германия) остановил эффект (среди других факторов опыта социалистической революции в России, оттолкнув пролетариат Европы от попытки взятия власти. Революции 1917 г. могли быть также проявлением глубинного фактора российской истории XX в.: стремление низов (подавляющего большинства) к выживанию. Не был решен продовольственный вопрос. Инстинкт выживания был усилен опытом окопников мировой войны (решающий фактор революций 1917 г.). Война поражала масштабами миллионных жертв. Низы крупных городов также встали перед проблемой выживания – голода (очереди за хлебом – «локус» движения за свержение царизма). Но 1917 г. этот вопрос не ограничивается. Установку россиян на выживание укрепили: гражданская война (с интервенцией), последствия насильственной коллективизации, репрессии, Великая Отечественная война, послевоенный голод. Сколько написано историками о Великой Отечественной войне? Лишь сейчас складывается консенсус о числе людских потерь в эту войну: 26- 29 млн. Но кто исследовал психологическое воздействие войны, ее последствий, воздействия на социальные слои и группы населения СССР – женщин, детей, фронтовиков, стариков и т.д.? Даже социально-демографический состав этих миллионов погибших пока неизвестен. «Холодная война», угроза ядерной катастрофы, Карибский кризис, противостояние с НАТО, «Афган» и Чечня способствовали поддержанию инстинкта выживания (знаменитое: «лишь бы не было войны»). Выживание как доминанта истории России в XX в., запечатленная в менталитете, и сейчас удивляет аналитиков. Способность россиян не роптать в годы «реформ», их социальный оптимизм, традиция веры в «лучшее завтра» подчеркнуты в статье С.Ф. Гребениченко «Куда и почему идет Россия?»[1]. Как фактор перехода на путь «устойчивого развития» такой менталитет, можно утверждать, содержит элементы будущего и России, и регионов, где выживание или давнее прошлое (Европа, Северная Америка, Япония, Австралия, Новая Зеландия) или обычная повседневность. Стремление к выживанию, можно утверждать, сродни солидарности. Оно уходит в первобытное (примордиалистское) сознание (даже подсознание) людей. Это обстоятельство, заметим, указывает на близость социологии к «метафизике» бытия. Социологам многое можно обсуждать в предмете своей дисциплины – «человек живой», его жизнь. Социологическая наука, не раз писал Ж.Т. Тощенко, – это социология жизни. Выделенный мной аспект исторической социологии говорит в пользу такого взгляда на социологическое знание.

---

[1] Социс. 1999, № 7. С. 35.

Сентюрин Ю.П.

«Патриотизм» как историческое понятие и его политические характеристики

Историческая ситуация 1990-х гг. в России коренным образом изменила ход общественного развития нашей страны. В период радикальных социально-экономических преобразований в обществе началась ломка прежних ценностей и поиск новых нравственных ориентиров. Это обусловило появление новых демократических идеалов, вошедших в противоречие с советским социально-классовым содержанием просвещения и воспитания. Последовавшее изменение психолого-педагогического отношения к гуманистическим теориям развития личности актуализировало проблему определения содержания морального воспитания молодёжи в целом и патриотического воспитания в частности в русле реструктуризации идеалов отечественной науки, ведущей роли духовных ценностей в становлении человека и его связей с обществом. Особенно большое значение вопрос воспитания патриотических чувств имеет для политической культуры молодежного сегмента социума. Обусловлено это тем, что ее отношение к патриотизму формировалось в условиях «шоковых» реформ и последующего затяжного социокультурного кризиса, вызванного сменой парадигмы государственного целеполагания ценностных ориентаций граждан.

Как показывают социально-философские исследования, на начальных этапах истории человечества патриотизм носил стихийный характер. Осознанию и осмыслению данного понятия как социального явления предшествовало его элементарное наличие в практической деятельности людей (уважительное отношение к земле, любви к Родине, почитания умерших предков).

Что же такое «патриотизм», и какого человека можно назвать патриотом? Ответ на этот вопрос достаточно сложен и неоднозначен. В литературе «патриотизм» (греч. patriotes – соотечественник, от patris – Родина, Отечество) в общем определяется как «нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к Отечеству, преданность ему, гордость за его прошлое и настоящее, стремление защищать интересы Родины». Будучи конкретно- историческим понятием, патриотизм в каждую эпоху может иметь различную социальную и ценностную трактовку. Однако первооснова его остается одной и той же, как и структура составляющих его элементов: отчий дом – родной край (малая родина) – ареал обитания народа – страна в целом, и связана с процессом самоидентификации, т.е. с осознанием себя членом какой-либо группы, принятия на себя свойств этой группы и ответственности за неё. При этом последние два элемента структуры не обязательно выступают в названной последовательности, поскольку государственные границы могут не совпадать с ареалами обитания народов. В этом смысле патриотизм не всегда созвучен с понятием государства, хотя и тесно с ним связан и более выражен в понятии «Отечество».

В. Даль толкует «патриотизм» как «любовь к отчизне». «Патриот», по Далю, – «любитель отечества, ревнитель о благе его, отчизнолюб, отечественник или отчизник». Советский энциклопедический словарь ничего нового к вышеприведенному понятию не добавляет, трактуя «патриотизм» как «любовь к родине». Более современные понятия «патриотизма» связывают сознание человека с эмоциями на проявления воздействий внешней среды в месте рождения данного индивида, его воспитания, детских и юношеских впечатлений, становления его как личности.

Патриотизм, как явление социальной действительности, не существует вне субъекта и вне объекта. Субъектом патриотизма выступают все социальные образования: личность, социальная группа, слой, класс, нация и другие общности. Объектом патриотизма является Отечество как совокупность элементов природной и социальной среды данного общества, образующих, в силу неповторимости и своеобразия географических, исторических, духовных, культурных, социально-экономических, политических и иных сфер, условия для единения граждан, социальных групп и т. д., составляющих структуру этого общества. Являясь субъектом патриотического сознания и патриотического действия, человек имеет полное право пользоваться благами созданной им социальной ценности — патриотизма.

Существует также ряд подходов к интерпретации развития феномена «патриотизма» в культуре. *Натурцентрический, теоцентрический, социоцентрический и антропоцентрический подходы* формирования патриотизма используют совершенно ясные и неоспоримые аргументы в защиту своих позиций. Но данные концепции не в состоянии дать исчерпывающей трактовки таких сложных интегральных понятий, как патриотизм, Отечество, Родина. Философ-энциклопедист А.Ф. Лосев писал: «Родина ... не есть только территория, она не есть только национальность, она не есть только социальная жизнь. Родина есть Родина. Я знаю, что это нечто большое, великое, нечеловеческое; я знаю, что это что-то прекрасное, желанное и возвышающее». Хотя предложенные подходы и дают возможность рассмотреть и учесть основные типы факторов развития при построении конкретных образовательных программ, направленных на формирование патриотизма, но есть внутренние противоречия в каждом из этих подходов. Многие элементы патриотизма несут в себе одновременно и *охранительный, конструктивный*, и *деструктивный аспект*.

В исследованиях И.Ф. Бондаренко и В.В. Колпачёва выделены следующие основы, или истоки, патриотизма:

- *Естественные основы*. Первичный патриотизм был характерен, прежде всего, для кочевых народов и держался на кровной связи между членами семьи, рода.
- *Духовно-нравственные основы*. Патриотизм объединяет людей духовными узами и нравственными обязанностями. Духовность – это, прежде всего, религия, идеология и культура народа.
- *Политические основы*. В политическом плане патриотизм предполагает принятие народом существующей власти, формы правления, политического устройства государства, перспектив и целей его развития.
- *Государственный подход*. Он предполагает любовь человека к своему государству как таковому, ко всем его атрибутам: территории, населению, власти, армии, гимну, гербу, флагу и т. д.

Попытаемся дать понятиям «патриотизм» и «патриот» более четкие определения:

- Главный из них – наличие среди основных здоровых эмоций каждого человека *почитания места своего рождения и места постоянного проживания как своей Родины, любовь и забота об этой земле, уважение местных традиций, преданность до конца своей жизни этому месту*. В зависимости от широты восприятия места своего рождения, зависящего от глубины сознания индивида, границы его Родины могут простираться от площади собственного дома, двора, улицы, поселка, города до больших территориальных масштабов. Для обладателей высших уровней патриотизма широта их эмоций должна совпадать с границами всего государства, его Отечества. Низшими уровнями данного параметра, граничащего с антипатриотизмом, являются мещанско-обывательские понятия, отраженные в поговорке: «Моя хата с краю, ничего не знаю».
- *Уважение к своим предкам, любовь и проявление терпимости к своим землякам, проживающим рядом, желание помогать им, отучать от всего дурного*. Высший показатель данного параметра – благожелательность ко всем своим соотечественникам, являющимся гражданами родного государства, т.е. осознание общественного организма, называемого во всем мире «нацией по гражданству».
- *Делать конкретные, каждодневные дела для улучшения состояния своей Родины, ее украшения и обустройства, по оказанию помощи и взаимовыручки своим землякам и соотечественникам* (начиная от поддержания порядка, опрятности и упрочения дружеских отношений с соседями, в своей квартире, подъезде, доме, дворе до достойного развития всего своего города, района, края, Отчизны в целом).

Таким образом, широта понимания границ своей Родины, степень любви к своим землякам и соотечественникам, а также перечень каждодневных деяний, направленных на поддержание в должном состоянии и развитие ее территории и проживающих на ней жителей - все это определяет степень патриотизма каждого индивида, является критерием уровня его истинно патриотического сознания. Чем шире территория, которую патриот считает своей

Родиной (вплоть до границ своего государства), чем больше любви и заботы он проявляет к своим соотечественникам, чем больше каждодневных деяний он совершает для блага данной территории и ее обитателей по нарастающей (свой дом, двор, улица, район, город, область, край и т. д.), тем больший патриот данный человек, тем выше и истинный его патриотизм.

Эволюция понятия «патриотизм» в системе общероссийских ценностей.

За последние годы новейшей российской истории, пожалуй, ни одна идеологическая ценность не подвергалась таким глобальным переосмыслениям, а, следовательно, испытаниям, как патриотизм. Характерной чертой перестроечного времени стало крушение различных устоявшихся за советский период догм и постулатов. Так, была брошена в оборот и подхвачена интеллектуалами фраза: «Патриотизм – это чувство примитивное, оно есть даже у кошки». Предполагалось, что патриотизм – отжившая ценность, мешающая строить новое демократическое общество, свободное от прежних стереотипов».

Однако вскоре оказалось, что без патриотизма невозможно построить новое сильное государство, привить людям понимание их гражданского долга и уважение к закону. Без ясного, определенного акцента на защиту интересов России невозможно выработать сколько-нибудь плодотворную и самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику. Без заботы о собственной национальной экономике, национальном рынке, росте отечественных производителей, опоры на собственные силы невозможно улучшить жизнь людей. Без уважения к собственной истории, к делам и традициям старших поколений невозможно вырастить морально здоровую молодежь. Без возрождения национальной гордости, национального достоинства невозможно вдохновить людей на высокие дела.

Исторически формирование патриотической идеи совпадает с возникновением Русского государства. В период перехода от родового общества к древнерусскому государству этническое самосознание воплощалось в представление об общности происхождения и принадлежности к определенному племенному объединению, что привело впоследствии к формированию общей идеи русской земли, Руси как государства, русского, российского народа. Но не только географическое пространство сплачивало формирующуюся древнерусскую народность. Язык, верования, историческая память о прошлом, общность судьбы – все то, что можно назвать *историческим пространством*, и составляло вкупе Отечество.

Одной из ведущих в памятниках русской средневековой письменности была идея защиты своих, а не захвата чужих земель. «Да не посрамим земли Русской!», – эти слова киевского князя Святослава могут быть лейтмотивом всей боевой истории Российской армии. С середины XIII в. с утратой государственного суверенитета, ослаблением политической роли русской земли общерусская патриотическая идея уступила место локальным призывам. Со второй половины XIV в. клич «За землю русскую!» возродился в сочетании с другим – «За веру православную!». Православие объединяло русских в борьбе за государственную независимость, олицетворяя и одухотворяя эту борьбу. Неписаным правилом для русского воина было стоять насмерть за отца и брата, мать и жену, за родную землю. Верность воинскому долгу скреплялась устной присягой, клятвой на оружии и перед Богом. В военных походах и сражениях воспитывались взаимовыручка, товарищество, смелость, героизм, презрение к смерти во имя спасения Отечества. Постепенно эти качества стали основой патриотизма как важнейшего явления в социально-политическом и духовном развитии нашего общества, явившегося важной составляющей российского менталитета. В петровское время, с утверждением абсолютизма, государственное начало безраздельно господствовало в общественном сознании. Для этого времени характерен был рост национального самосознания складывающейся русской нации, что нашло свое выражение в новом осмыслении таких духовных ценностей, как «Отечество» и «патриотизм». Отечество отождествлялось с определенной территорией и исторически сложившейся на ней общностью населения, постепенно вырабатывалось представление: «*мы – россияне*».

Понятие «патриотизм» для того времени наиболее точно определил Вл. Соловьев: «Ясное сознание своих обязанностей по отношению к отечеству и верное их исполнение образуют добродетель патриотизма». Исходя из этих определений, суть любви к Отечеству со-

стоит в понимании главных задач, стоящих перед обществом и государством, в неустанной борьбе за их решение. Патриотизм в русском национальном самосознании был связан с жертвенностью, с необходимостью, если надо, отказаться от себя, от семьи. В то же время патриотизм чаще всего сопряжен в общественном сознании с военной, но не захватнической деятельностью. В годы правления Петра I патриотизм приобретает характер государственной идеологии, считается выше всех ценностей и добродетелей, а главным девизом россиян становятся слова «Бог, Царь и Отечество». С тех пор воспитание в армии основывается на положении: русский солдат служит не ради чести и славы своей или императора, а в интересах государства Российского. «Вот пришел час, который решит судьбу Отечества, – обращался Петр I к воинам перед Полтавской битвой. – И так не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество... А о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе, для благосостояния вашего». Такой подход к военной службе был закреплен в «Учреждении к бою», «Артикуле воинском», а также в Уставе воинском 1716 г.

Во времена СССР в стране произошло переподчинение собственно русских и российских интересов задаче интернационализации отношений в обществе. Это отразилось на русском самосознании, которое деформировалось, ослаблялось, утрачивая национальные корни. Значительнее слабее стала преемственность поколений, нарастали тенденции маргинализации населения, особенно молодежи, ее отчуждения от героических свершений и славы великих предков. В то же время в ходе Великой Отечественной войны, когда решался вопрос о судьбе нашего Отечества, народ и армия проявили небывалый по силе патриотизм, который явился основой духовно-нравственного превосходства над фашистской Германией. Вспоминая тяжелые дни сражения за Москву, Г.К. Жуков отмечал, что «не грязь и не морозы остановили гитлеровские войска после их прорыва к Вязьме и выхода на подступы к столице. Не погода, а люди, советские люди! Это были особые, незабываемые дни, когда единое для всего советского народа стремление отстоять Родину и величайший патриотизм поднимали людей на подвиг». Этот исторический факт свидетельствует о том, что форма власти, общественная система не в состоянии оказать решающего воздействия на высшие духовные ценности народа в моменты судьбоносных испытаний.

Менталитет советского общества, хотя и содержал в себе многие общерусские ментальные черты, тем не менее, весьма существенно отличался от менталитета прошлых веков. Этому способствовало стремление власти ограничить влияние церкви, режим террора и насилия в стране, принижение роли семьи в воспитании подрастающего поколения, культ личности. Этот период привел к образованию своеобразного и неповторимого менталитета «советского человека», по выражению Л.Н. Пушкарева, «сдвигающего горы и меняющего течение рек, не задумываясь о последствиях».

В современное время в условиях господства эгоцентрически трактуемой либеральной идеи стала возможной общественная деморализация. А.И. Солженицын характеризует следующим образом изменения в русском менталитете в новом Российском государстве: «...Рублево-долларовый удар 1990-х годов по-новому потряс наш характер: кто сохранял еще добрые прежние черты – оказались самыми неподготовленными к новому виду жизни, беспомощными, негодными неудачниками, не способными заработать на прокормление. «Нажива» стала новой идеологией. Разгромная, разрушительная переделка... – густо дохнула распадом в народный характер». Перед Россией встала важнейшая задача – реализовать огромный духовно-нравственный потенциал, накопленный за всю историю существования государства, для решения проблем в различных сферах жизни общества. Государственная стратегия России должна постоянно опираться на историческое и духовное наследие народа, поэтому в последнее десятилетие остро встал вопрос выработки национальной идеи, которая смогла бы объединить российский народ в новых исторических условиях. По мнению А. Кивы: «Национальная идея – это обруч нации. Как только он лопается, нация либо впадает в глубокую депрессию, либо распадается, либо становится жертвой какой-то реакционной идеи и даже человеконенавистнической идеологии».

Героическая и драматическая история России, ее величайшая культура, национальные традиции всегда были основой духовно-нравственного потенциала нашего народа, своеобразным стержнем общественного бытия. Поэтому, необходимо всегда помнить пророческие слова В.В. Розанова: «Цивилизации гибнут от извращения основных добродетелей, стержневых, «на роду написанных», на которых «все тесто взошло». Как свидетельствует история, России об этом следует всегда помнить.

Особенности «патриотического воспитания» современной российской молодежи в условиях политической трансформации российского общества.

В настоящее время особо остро стоит проблема патриотического воспитания молодого поколения, становления личности, обладающей качествами гражданина-патриота. Это крайне важно сейчас, когда появляются отдельные случаи перерождения патриотизма в национализм, когда во многом утрачено истинное значение и понимание интернационализма, в общественном сознании широко распространились равнодушие, эгоизм, цинизм, немотивированная агрессивность, неуважительное отношение к государству и социальным институтам. Сейчас под «патриотическим воспитанием» нужно понимать систематическую и целенаправленную деятельность общества по формированию у граждан патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины. Это сложная система социально-педагогической деятельности, связанная с передачей жизненного опыта от поколения к поколению, с целенаправленной подготовкой человека к созидательному труду на благо Отечества, формированием и развитием духовно-нравственной личности, способной любить свою Родину, постоянно ощущать связь с ней, защищать ее интересы, сохранять и приумножать лучшие традиции своего народа, его культурные ценности, постоянно стремиться к обеспечению безопасности личности, общества и государства. Содержание такого воспитания основывается на системе сформировавшихся на протяжении многих веков ценностей. В настоящее время российское общество не имеет общепризнанного идеала, а также набора духовно-нравственных ориентиров. В этой ситуации общество и государство должны вернуться на путь развития, основанный на использовании ценностей, которых в России больше, чем у многих других народов, но которые пока востребованы лишь отчасти.

В последние годы стала подчеркиваться особая актуальность переоформления содержания патриотического воспитания с учетом тенденций нового демократического развития России. Что говорит о востребованности реструктуризации теорий Русской идеи и осмысления феноменов патриотизма и патриотического воспитания в русле традиций культурно-ценностного подхода как наиболее адекватной ментальности народа России. В связи с этим, целью «патриотического воспитания» должно являться становление патриотизма, основанного на развитии готовности к сознательному служению Отечеству. А «патриотическое воспитание» должно являться процессом, направленным на становление политического сознания личности, отражающего отношение человека к своему Отечеству: уровень развития патриотических чувств, готовность к осознанному служению Родине и опыт деятельного созидания на благо своего народа.

Е.С. Сенявская, д.ист.н., А.С. Сенявский, д.ист.н. (ИРИ РАН, Москва)

Образ прошлого в контексте современной геополитики: Вторая мировая война и историческая память

Рубеж 1980-1990-х гг. явился крупным, международного значения поворотным пунктом динамики исторической памяти о войнах XX в. Вследствие распада «социалистической системы» и Советского Союза подверглись переоценкам все военные события столетия и особенно – Вторая мировая война. Этот процесс затронул все страны: и ведущие державы Запада, и бывшие страны «соцлагеря» в Восточной Европе, и новые государства, прежде входившие в состав СССР, включая постсоветскую Россию. Исторический поворот конца 1980-х гг. имел ряд составляющих, которые по-разному повлияли на разные страны и, соответственно, историческую память их народов.

Во-первых, речь идет *о капиталистической реставрации в странах бывшего «социалистического содружества»* со всеми вытекающими последствиями, в том числе в области идеологии, пропаганды, воздействия на массовое сознание. В этом контексте интерпретация многих событий, особенно имевших отношение к социалистическому периоду в этих странах, закономерно *подверглись инверсии*: говоря упрощенно, знаки плюса и минуса поменялись местами. Так, в Российской Федерации во многом изменилась трактовка истории революции 1917 г. и Гражданской войны. Внесены были существенные коррективы и в оценку внешнеполитического курса советской эпохи, включая военные события, хотя здесь изменения были не столь радикальными. Аналогично в бывших соцстранах корректировалась их история, особенно периодов «революционных переходов» и связанных с ними или предшествовавших им военных событий.

Другой пласт перемен с конца 1980-х гг. затронул *геополитические изменения на карте мира*, соотношение сил между государствами и их коалициями: победители в «холодной войне» получили явное преимущество и в текущей политике, и в возможности продвигать такие свои интересы, которые были нереальны в сложившейся исторически ранее системе международных отношений; изменились или выявились скрывавшиеся прежде геополитические интересы стран – осколков «соцсодружества» и новых государств, возникших на развалинах СССР, что закономерно привело к попыткам ревизии многих исторических событий и вытекавших из них правовых следствий (в виде фиксированных международными нормами границ и т.д.). Продвижение НАТО на Восток явилось мощным фактором, подкреплявшим эти претензии.

Наконец, геополитический наследник СССР – *Российская Федерация – оказалась в ситуации новых геополитических реалий и возможностей, существенно для нее урезанных.* Одновременно она стала объектом и мощного давления со стороны стран Запада, навязывающего ей роль побежденной в «холодной войне» страны, и объектом разнообразных притязаний и претензий со стороны соседей, – как новых постсоветских государств, так и бывших союзников по «соцлагерю». И здесь интерес новой России во многом заключается в сохранении, возможно более полном удержании тех элементов системы международных отношений, которая способствует обеспечению ее геополитической безопасности, а она исторически сформировалась именно в советскую эпоху, главным образом в результате Второй мировой войны.

В такой, очень непростой ситуации происходила и *трансформация исторической памяти*, в том числе и о войнах XX в. в указанных категориях стран с очень разными «историческими» интересами. Ревизии или «корректировке» в той или иной степени подверглись оценки практически всех войн XX столетия. Но наиболее яростным атакам подверглись представления о *Второй мировой войне и Ялтинско-Потсдамская система.* Причина заключается в том, что эта система зафиксировала итоги войны и строилась на основе сложившегося тогда соотношения сил в мире. Радикальные изменения этого соотношения к началу 1990-х гг., естественно, поставили под вопрос не только саму систему, но и интерпретацию Второй мировой войны, следствием которой она являлась. Критика стала раздаваться со стороны не только основных побежденных стран и их союзников, но и США, которые остались единственной сверхдержавой и претендуют на принципиально новое место в мире. Причем в том, что касается России, в большинстве стран используется *практика двойных стандартов*[1].

[1] СССР, который действовал в рамках общепринятой практики международных отношений обвиняется во всех смертных грехах, тогда как аналогичные или даже куда менее «корректные» действия других стран признаются правомерными. Например, замалчивается ответственность западных держав за Мюнхенский сговор, откровенно поправший нормы международного права и толкнувший Гитлера к территориальной экспансии в Европе, но «демонизируется» Пакт Молотова-Риббентропа, явившийся для СССР лишь ответом на англо-саксонскую стратегию подталкивания фашистской Германии к походу на Восток. При этом парадоксальной и во многом комичной выглядит позиция некоторых стран, активно обличающих этот пакт, но при этом получивших от него очевидный выигрыш. Например, Литва именно благодаря секретному протоколу к этому пакту получила территориальные приращения в виде Виленской области со своей современной столицей Вильнюсом, причем в тот

Обращение к историческим событиям приобретает характер откровенного давления на современную Россию. То, что при существовании СССР в международных отношениях невозможно было и помыслить, превращается в реальность. Например, в странах Запада, которые сами были партнерами в строительстве Ялтинско-Потсдамской системы, открыто подвергаются сомнению те аспекты в изменении миропорядка, которые были зафиксированы в международных правовых документах в интересах СССР, при этом ни в коей мере не затрагиваются изменения, в которых до сих пор заинтересованы страны Запада и их нынешние союзники[1]. Включение в орбиту НАТО стран Восточной Европы, в том числе ряда бывших союзных республик СССР, позволяет им не только ставить вопрос о ревизии некоторых итогов Второй мировой войны, предъявлять обвинения и претензии к России, но и лоббировать свои интересы в ведущих странах Запада, использовать их государственные институты для давления на Россию с целью переоценки истории и получения от этого реальных политических и иных дивидендов[2].

момент – в октябре 1939 г., т.е. через два месяца после подписания протокола, получив Вильно, Литва ликовала, отмечая это праздничными манифестациями, а отнюдь не возмущалась «позорным сговором» (Нарочницкая Н.А. За что и с кем мы воевали. М.: Минувшее, 2005. С. 36-37). Осуждая итоги Второй мировой войны, та же Литва почему-то не отказывается и от других территориальных приращений, в том числе порта Клайпеды. Не отказывается и Польша, которая приобрела Силезию и часть Восточной Пруссии, при этом предъявляя многочисленные обвинения СССР и претензии к России. Поляки забывают, как их руководство накануне Второй мировой войны вело активные переговоры с фашистской Германией на предмет присоединения к Антикоминтерновскому пакту и совместному походу на Восток, если та поддержит притязания Польши на Украину. Польша, которая пытается сейчас представить себя невинной жертвой двух агрессоров, отнюдь не являлась таковой. Обвиняя сегодня СССР в «четвертом разделе Речи Посполитой», сама она в 1938 г. с готовностью воспользовалась Мюнхенским сговором, чтобы выдвинуть собственные территориальные претензии при разделе Чехословакии, потребовав Тешинскую область Силезии. Между тем, СССР по этому пакту лишь возвратил территории дореволюционной России, которые были отняты у нее в период Гражданской войны и интервенции, включая агрессию Польши в 1920 г. В 1939 г. И.В.Сталин, защищая национально-государственные интересы своей страны и стараясь обеспечить ее безопасность в условиях агрессивной угрозы, в том числе и со стороны Польши, сговаривавшейся с Гитлером о разделе СССР, был отнюдь не более циничен, чем польские политики того времени, а точнее – прагматичен. Не нужно забывать и о прогерманской позиции Прибалтийских государств в конце 1930-х гг., так что их попытки предстать невинной жертвой сталинской экспансии также не выдерживают критики. И уж совсем откровенно циничными являются реабилитация и даже возведение в ранг национальных героев пособников Гитлера в этих странах, установка им памятников и проведение маршей ветеранов СС. Особенно наглядно тенденции усиления профашистских настроений в Прибалтике проявились в год 60-летия окончания Второй мировой войны. Так, президенты Литвы и Эстонии отказались приехать в Москву на празднование Дня Победы. Несколькими месяцами ранее, в начале февраля 2005 г. президент Латвии В. Вики-Фрейберга публично оскорбила ветеранов войны, заявив о том, что невозможно изменить сознание пожилых россиян, которые «9 мая будут класть воблу на газету, пить водку и распевать частушки, а также вспоминать, как они геройски завоевали Балтию» (Заявление МИД РФ от 03.02.2005 г. по этому поводу см.: http://www.ln.mid.ru/brp_4.nsf/sps/BBA0F14BC6C1F9D4C3256F9D00567836 2), а 15 марта опубликовала официальное заявление, в котором призвала латышей воздержаться от празднования 9 мая. 16 марта при попустительстве президента в Латвии прошел нацистский митинг (http://www.sng-baltia.ru/?cnt=allcnt&month=02&day=04&year=2005&rub=politics&id=7681 3). В столице Эстонии 8 мая 2005 г. состоялось открытие мемориала гитлеровскому вермахту и эстонцам, воевавшим на стороне фашистской Германии, участникам «оборонительных боев против Красной Армии», на церемонии присутствовал премьер-министр страны А. Ансип (http://top.rbc.ru/index.shtml?/news/society/2005/04/26/26152427_bod.shtml 4). В ночь на 9 мая в центре Таллинна был осквернен монумент советскому воину-освободителю, а накануне мэрия города запретила ветеранам Великой Отечественной войны зажигать в День Победы у этого памятника вечный огонь (http://www.proua.com/news/2005/05/09/142455.html). Два года спустя, 27 апреля 2007 г. по решению правительства Эстонии памятник «Бронзовому солдату» был разобран и перенесен из центра города на военное кладбище Таллина. Демонтаж монумента и снос мемориальной стены повлекли за собой массовые волнения в Таллине и других городах Эстонии (См.: http://ru.wikipedia.org/wiki 6). При этом прибалтийские государства требуют от России официальных извинений за «советскую оккупацию», «покаяния» за пакт Молотова-Риббентропа, несмотря на то, что еще в 1989 г. Верховный Совет СССР дал ему четкую правовую и моральную оценку.

[1] Нарочницкая Н.А. За что и с кем мы воевали. М.: Минувшее, 2005. С.66.

[2] Яркий тому пример – позиция правящих кругов США в отношении Прибалтики. Так, 20 мая 2005 г., всего 11 дней спустя после празднования 60-летия Победы над фашизмом во Второй мировой войне, Сенат США принял резолюцию с требованием к правительству России признать и осудить «незаконную оккупацию и аннексию Советским Союзом с 1940 по 1991 гг. прибалтийских стран – Эстонии, Латвии и Литвы». В резолюции утвер-

Память о Второй мировой войне весь послевоенный период являлась областью идеологических столкновений и попыток переписать историю в угоду геополитическим и иным интересам стран Запада, которые и ранее пытались приписать себе основную заслугу в победе над фашистской Германией. Причина идейных столкновений вокруг этой войны заключается, наряду с прочими, в ее особой значимости для целого ряда военных и послевоенных поколений. Так, по данным социологического опроса 1985 г., среди наиболее важных событий за последние полвека на первом месте американцы назвали Вторую мировую войну (почти 30%)[1]. Причем многие респонденты подчеркивают, что это было «большое мировое столкновение», «война справедливая, в которой мы сражались и победили», и война значимая, которая вызвала «создание новой мировой структуры»[2]. Еще более существенное место Вторая мировая война занимала и занимает в российском историческом сознании. Поэтому «сражение за умы» в этом принципиально важном вопросе носило не только «абстрактный» характер, но и всегда имело политическое значение.

Вместе с тем, в период существования СССР попытки «подправить» историю были относительно ограниченными и не ставили под сомнение сами основы интерпретации причин и характера Второй мировой войны, в том числе общих для союзников по антигитлеровской коалиции задач в войне и итогов совместной победы. Теперь же, с конца 1980-х гг. началась *эскалация ревизии исторической памяти*. При этом предметом «переосмысления» оказались *инициаторы и виновники войны, характер войны для разных сторон, ход войны, вклад ее участников в Победу, цена Победы, роль руководства и народа, мотивы участия в войне власти и народа, кто являлся победителем, да и была ли сама Победа, и многое другое*. После распада СССР беззастенчиво стали переставляться акценты в оценках не только роли участников войны, но и в причинах ее начала и в самом ее характере. Появилась тенденция ставить на одну доску Сталина и Гитлера, Третий Рейх и Советский Союз.

Историческая память о войне подверглась атакам как изнутри страны, так и извне. Наиболее радикальные российские политики, публицисты, историки не только раскрывали «белые пятна», ставя запретные ранее вопросы и рассекречивая документы, но многие из них необоснованно переставляли акценты в оценках и даже откровенно фальсифицировали историю по принципу «чем хуже, тем лучше», считая, что *разрушение исторической памяти является необходимым условием разрушения «тоталитарного режима» и его идеологии*. Но дело в том, что в своей деятельности они смыкались с внешними критиками России, которые руководствуются далеко не только формально-идеологическими соображениями, но и собственными геополитическими интересами, враждебными интересам России как таковой, в том числе и «новой». И сегодня ей для того, чтобы отстоять свои законные права, ранее обеспеченные нормами международного права и общепризнанными договорами с другими государствами, заключенными в результате исторических, в том числе военных событий, приходится часто напоминать об исторической правде и отстаивать ее от многочисленных посягательств, диктуемых не только абстрактными «общечеловеческими ценностями», но и вполне корыстными целями.

Вместе с тем, *российское историческое сознание демонстрирует весьма значительную устойчивость*. Как и ранее, в социологических исследованиях начала 1990-х гг. важнейшим событием XX в. признается Великая Отечественная война, занимая первое место, причем этот порядок в оценке событий не изменился и в последующие годы. По данным репрезентативного обследования ВЦИОМ в 1989 г. самым выдающимся событием XX в. ее назвали 77%, а в 1994 г. – 73% опрошенных. Значимость этой войны для истории страны отметили 70% молодежи в возрасте до 25 лет и 82% людей старше 50 лет[3]. В ноябре 2004 г. было проведено общероссийское социологическое исследование «Великая Отечественная война в ис-

---

ждалось, что их включение в состав СССР было «актом агрессии, осуществленной против воли суверенных народов». 23 июля аналогичную резолюцию приняла Палата представителей конгресса США.

[1] Шуман.Г., Скотт Ж. Коллективная память поколений // Социс. 1992. № 2. С. 49.

[2] Там же. С.57.

[3] Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1997. № 5. С. 12-13.

торической памяти народа», в ходе которого более 90% респондентов указали, что события Великой Отечественной войны в той или иной степени их интересуют, а День Победы 9 мая является для них праздником[1]. Таким образом, Великая Отечественная война рассматривается как позитивная символическая ценность, причем во всех поколениях россиян. В условиях ценностной и идейной дезориентации современного российского общества она фактически остается одной из немногих опор национального самосознания, которое отторгло многочисленные попытки, предпринятые в 1990-е годы, по ревизии оценок событий и итогов этой войны[2]. Для России историческая память о Великой Отечественной войне и Великой Победе играет особую роль, выступая в деморализованном обществе фактором его единения и мобилизации моральных сил народа на выдвижение позитивного и конструктивного сценария будущего развития. Пожалуй, пик интереса к исторической памяти о Второй мировой войне и одновременно массированных атак на роль в ней СССР пришелся на 2005 г. – год 60-летия Победы. Особенно активно на этот информационный повод отреагировали западные средства массовой информации. В специальном обзоре РИА Новости, подготовленном на основе мониторинга теле- и радиоэфира 86 зарубежных радиостанций и телекомпаний 19 апреля 2005 г., констатировалось: «Информационная возня по поводу исторической интерпретации Великой Отечественной войны не обходится без арсенала пропаганды ужасов. Опора журналистов на субъективную мемуарную память, личный опыт бывших участников сражений и откровенные домыслы геббельсовской пропаганды приводит к тому, что на первый план выходят образы, связанные с местью, ненавистью и насилием, мало способствующие консолидации общественного мнения и воскрешающие прежние внешнеполитические установки. Постулируется наличие «темной стороны» освободительного подвига Красной армии, которую якобы замалчивают в современной России»[3].

Таким образом, сознательно *переставляются акценты в оценках, возбуждаются отрицательные эмоции в отношении страны и армии-освободительницы, фабрикуется их негативный образ, внедряемый в массовое сознание*. При этом даже не упоминается главное – тот факт, что СССР и советский народ явились спасителями Европы от человеконенавистнической стратегии Гитлера на уничтожение целых государств и народов, причем огромной ценой десятков миллионов жизней и колоссальных материальных потерь. Забывается и то, что славянские и другие народы, в том числе Советского Союза, стали объектом фашистского геноцида. Не помнят и того, что СССР спас от уничтожения не только народы Европы, но и западные демократии, которые теперь пытаются ставить на одну доску агрессора и его жертву, гитлеровскую Германию и Советский Союз.

И вот уже со всех сторон звучат обвинения в том, что СССР «не так» пытался отсрочить фашистскую агрессию, что «плохо воевал», добывая победу большой ценой, «плохо освобождал» Восточную Европу, стремясь впоследствии не допустить повторения нашествия с Запада созданием барьера из дружественных себе стран. Запад формулирует эти претензии так: он требует от России «покаяться» «за вторжение в Восточную Европу и насильственное утверждение там марионеточных режимов, просуществовавших до рубежа 1980-х - 1990-х гг.». При этом политика двойных стандартов проявляется все более открыто. Выдвигая свои необоснованные обвинения, «демократические режимы Европы, требующие от России покаяния за тоталитарное прошлое, не стремятся извиняться за собственные преступления»[4].

В последние годы некоторыми кругами на Западе активно ставится под вопрос Освободительная миссия Красной Армии в Европе, а также делается акцент на жестокость ведения

---

[1] См.: Меркушин В.И. Великая Отечественная война 1941-1945 годов в исторической памяти народа // Социология власти. 2004. № 6. С. 58, 60.

[2] Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 4.

[3] «Зверства» Красной армии, или кровавый след освобождения // Россия в зарубежном теле- и радиоэфире. РИА Новости. № 046. 6-19 апреля 2005 г. С. 9.

[4] Крестовский В. Война и новые идеологические маркеры в англо-американских СМИ // 60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти. С. 148, 158; Трубникова Н. Как публицисты Латинской Европы отмечали юбилей // Там же. С. 176.

советскими войсками боевых действий на территории Германии. Позиция западных союзников СССР по антигитлеровской коалиции в течение всего послевоенного периода состояла в том, чтобы приписать решающую роль в Победе себе, в частности, преувеличивая значимость других театров военных действий – на Тихом Океане (при этом основные участники событий в этом регионе представляют их именно как отдельную войну, принципиально отличную от Европейского театра боевых действий), в Африке и в Западной Европе после запоздалого открытия в 1944 г. Второго фронта и высадкой англо-американских войск в Нормандии. В последние годы эта позиция усугубляется стремлением представить Освободительную миссию СССР в Европе не как освобождение, а как «новое порабощение» стран, оказавшихся в сфере советского влияния. Отсюда и откровенная ревизии Ялтинской системы, на которой строился послевоенный мир в Европе, и даже приравнивание ее к Мюнхенскому сговору.

Конструктивная память о Второй мировой войне должна быть направлена не на обострение проблем и противоречий, а на утверждение ценности единства мира и согласия. Однако базироваться они могут только на исторической правде, на тех ценностях, которыми руководствовались страны Антигитлеровской коалиции в борьбе с фашизмом, с нацистской агрессией, расизмом и геноцидом народов. Попытки умалчивать правду о войне, переписывать историю, переставлять акценты в ее интерпретации выгодна только тем силам, которые стремятся к разжиганию розни и конфронтации. В этом отношении гораздо более позитивной оказалась инициатива России и группы стран СНГ, к которым присоединились и другие государства, объявить 8 и 9 мая Днями памяти и примирения. Генеральная ассамблея ООН без голосования приняла соответствующую резолюцию, где говорится, что историческая победа в мае 1945 г. создала условия для учреждения Организации Объединенных Наций, призванной избавить грядущие поколения от бедствий войны, и что отныне 8 и 9 мая будут отмечаться ежегодно как день памяти жертв Второй мировой войны[1].

Важный пласт проблем, связанных с исторической памятью о войне, заключен в теме *«Война глазами победителей и побежденных»*. Историю войн с древности, как правило, писали победители. Однако после войн нового и новейшего времени обычно сохранялись побежденные страны, государства и народы с их самосознанием, культурой и т.д. Естественно, они тоже пытались осмыслить проигранную войну. И образы одной и той же войны у победителей и побежденных всегда существенно отличались. *Память о войне весьма дифференцирована*. В случае победы война обычно ложится в «копилку» национальной памяти, становясь предметом гордости за свою армию, страну, государство и т.д. В случае поражения о войне стараются либо забыть, либо переставить акценты так, чтобы отсечь вызываемые ею отрицательные эмоции и, напротив, вызвать положительные, а для этого используются разные средства. Например, акцентирование внимания на героических или победоносных эпизодах войны, героизация отдельных воинов и военачальников, поиски «объективных причин» поражения и т. д.

Интересно то, как *формировалась и эволюционировала историческая память Германии о Второй мировой войне*. Немецкий историк Р. Рюруп, рассуждая на тему о том, «как немцы обошлись с памятью о войне», констатировал, что «большинство немецкого населения восприняло 1945 г. как поражение, а освобождение от нацизма – как порабощение. ... За исключением некоторых известных публицистов значительное большинство немцев в первые послевоенные годы было не в состоянии открыто и беспощадно критиковать то, что совершила Германия в Советском Союзе. На первый план вышли собственные страдания и потери, боль от смерти близких, забота о военнопленных и пропавших без вести, бегство и ежедневная борьба за выживание. Казалось, что собственные страдания сделали народ неспособным к восприятию немецких преступлений и немецкой вины. Едва прошел первый испуг, начали говорить о несправедливости других, о «юстиции победителей»[2].

---

[1] См.: http://www.from-ua.com/news/41a2f33b6e002

[2] Рюруп Р. Немцы и война против Советского Союза // Свободная мысль. 1994. № 11. С. 80.

Эта тенденция переакцентировки, особенно по прошествии времени, в оценках войны психологически закономерна. Как высказался один из участников дискуссии в Интернете по поводу официальной трактовки истории Второй мировой войны, принятой сегодня в странах Прибалтики, «у разных народов существуют мало похожие друг на друга «альтернативные истории», «и причиной столь странного и совершенно разного отношения к историческим событиям является отнюдь не желание человека узнать правду о дне вчерашнем, а желание комфортно жить в дне сегодняшнем. Именно поэтому так отличаются трактовки одного и того же исторического события у разных людей и разных народов... В прошлом человек ищет опору и оправдание для настоящего»[1]. Когда эти психологические закономерности дополняются государственными интересами, подобное явление переоценок и даже оценочных инверсий становятся вполне объяснимыми: политика смыкается с массовыми общественными настроениями и опирается на них, даже если «новые интерпретации» полностью противоречат исторической правде.

Вот как пишет об этом российский социолог А.Г. Здравомыслов[2]: «Для каждого из государств, участвовавшего в войне, существует собственный рассказ, который оказывается для стран-победителей – средством воспроизводства национального самосознания, для стран, потерпевших поражение – фактором, дезавуирующим роль национального начала! В силу этого обстоятельства рассказ о войне в этих странах, и, прежде всего, в Германии, непопулярен. Этот «рассказ» желательно вытеснить из памяти!.. Но поскольку это невозможно, постольку возникает искушение включить в него какие-то оправдательные аргументы, прежде всего, за счет такого представления победившей стороны, которое дезавуирует значение и смысл самой победы, приравнивает в каких-то отношениях «победителям и «побежденного», палача и его жертву. Концепция тоталитаризма как раз и предоставляет логические средства для отождествления «фашизма» и «коммунизма». В постсоветский период это отождествление доведено до крайности в «Черной книге коммунизма». Основой этой работы является своего рода инверсия, осуществленная с помощью изменения оценки реальных исторических событий и фактов».

Отношение к войне потерпевшими поражение (Германия и ее союзники) характеризуется попытками *вытеснения из исторической памяти самого события, отказом от коллективной вины немцев и перекладыванием ответственности на руководство (остальные – «исполняли приказ»), подменой виновников развязывания войны (теория «превентивного удара»), палача и жертвы, обвинением победителей (в первую очередь, Красной Армии) в жестокости, насилиях, преступлениях, акцентированием внимания на частных вопросах, на страданиях самих немцев, и др.* Однако наиболее объективные немецкие историки признают: «Не подлежит никакому сомнению, что эта война велась немцами преступным образом и что она должна быть отнесена к величайшим преступлениям в истории»[3]. Конечно, этот факт и эта оценка с трудом принимаются массовым национальным сознанием в современной Германии. Более того, тенденция «вытеснить» память о войне, провести ревизию и переакцентрировку оценок характерны и для профессиональных историков, и для немецкой интеллектуальной элиты в целом. Вот как выглядят *тенденции в динамике исторической памяти о Второй мировой войне*, выявленные А.Г. Здравомысловым в результате экспертных интервью с ее представителями: «Судя по публикациям на тему о войне и по оценкам моих респондентов, вектор движения немецкого общественного мнения может быть обозначен *следующими вехами*:

---

[1] Цит. по: Владимирский А. Предъюбилейная «альтернативная история»: Пакт Молотова-Рибентропа, оккупация Прибалтики и Катынское дело в российских СМИ и Интернете // 60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти. Материалы к Международному форуму (Москва, сентябрь 2005). Под ред. Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. Библиотека либерального чтения. Вып. 16. М., 2005. С. 228.

[2] Здравомыслов А.Г. Немцы о русских на пороге нового тысячелетия. Беседы в Герма-нии: 22 экспертных интервью с представителями немецкой интеллектуальной элиты о России – ее настоящем, прошлом и будущем – контент-анализ и комментарий. М., 2003. С. 485.

[3] Рюруп Р. Немцы и война против Советского Союза // Свободная мысль. 1994. № 11. С.79.

- стремление ввести в дискурс концепцию «равной ответственности» Германии и Советского Союза за развязывание войны и равной «ужасности» войны и, как следствие, дегероизация воинского подвига советской стороны. Например, вводится тема сотрудничества РККА с вермахтом в 1920-е, и даже 1930-е гг., при этом «проба сил» в Испании после франкистского переворота остается вне поля зрения;
- преуменьшение вклада Советского Союза и Красной Армии в разгром фашизма в пользу союзников. Сам СССР рассматривается как «неправильный союзник». Например, Сталинградская битва приравнивается к сражению при Эль-Аламейне;
- выделение и подчеркивание при обращении к истории войны в Советском Союзе темы «коллаборационизма». Так, Власов известен гораздо больше, чем Карбышев;
- продолжающаяся дискуссия об оценке окончания войны: что это было? - «поражение» или «освобождение»? Массовое сознание и средства массовой информации склоняются в пользу «поражения», несмотря на заявление отдельных политических деятелей Германии об «освобождении» (при этом ни 8-е, ни, тем более, 9-е мая не являются национальными праздниками Германии);
- интерпретация создания и истории ГДР как оккупации Восточной Германии со стороны Советского Союза, приравниваемое к гитлеровскому режиму. Особенно наглядно эта интерпретация представлена на постоянной выставке в Берлине «Топография террора»;
- введение в массовое сознание немцев темы изнасилования немецких женщин советскими солдатами якобы с ведома военного и политического руководства страны в качестве одной из доминирующих тем;
- признание вины за холокост (уничтожение 6 миллионов евреев) при игнорировании вины перед русскими, поляками, белорусами, украинцами, т.е. перед народами, против которых проводились акции массового уничтожения»[1].

Как отмечает А.Г. Здравомыслов, проблема вины и ответственности за военные преступления и преступления против гражданского населения в общественном мнении ФРГ ранее ставилась весьма остро, причем если в 1960-е гг. преобладали мотивы индивидуальной ответственности, то к началу 1980-х гг. утвердилась концепция «коллективной ответственности нации». Проблема вины немцев за нацистские преступления рассматривалась на трех уровнях: «Во-первых, на индивидуальном уровне личной ответственности за деяния, совершенные именно этим человеком, включая членство в НСДАП и электоральное поведение 1932-1933 гг., участие в карательных и военных операциях на оккупированной территории. Во-вторых, на уровне институтов – организационных структур нацистского режима, часть из которых была признана Нюрнбергским трибуналом преступными организациями. Наконец, третий уровень ответственности и вины – общенациональный, состоящий в вычленении тех традиций и компонентов немецкой культуры и свойств национального характера, которые были активно использованы нацистской пропагандой в целях мобилизации. Это, прежде всего, касается идей расового и национального превосходства немецкого народа, миф о неполноценности других народов Европы и мира в целом»[2]. Но в немецком обществе происходят смена поколений и существенные изменения в массовом сознании, ключевым моментом которых является тезис, что молодые поколения не должны чувствовать себя виновными за дела отцов и дедов. *Поколенческие сдвиги* наряду с перечисленными выше содержательными изменениями в памяти о войне, позволяют утверждать, что трансформация исторической памяти немцев зашла достаточно далеко и характеризуется вытеснением «памяти побежденных и виновных»[3].

---

[1] Здравомыслов А.Г. Немцы о русских на пороге нового тысячелетия. Беседы в Германии: 22 экспертных интервью с представителями немецкой интеллектуальной элиты о России – ее настоящем, прошлом и будущем – контент-анализ и комментарий. М., 2003. С.502-503.

[2] Там же. С.516-517.

[3] В этой связи важно отметить и официальную позицию германского руководства, выраженную Г. Шрёдером в интервью газете «Бильд» 7 мая 2005 г. «Одна из самых страшных войн в истории человечества была спровоцирована и начата Германией. Даже если наше поколение лично не виновато в этом, мы несем ответственность за

Интересно и то, как отразились в немецкой исторической памяти отдельные важные аспекты войны. Например, восприятие противника, – как западных стран, так и СССР: «В отношении советских армий и после поражения продолжали сказываться антисоветские стереотипы, – отмечает Р. Рюруп. – Страх и ужас по отношению к советским войскам были распространены в значительно большей степени, чем в отношении англичан или американцев. Действительно, в первые дни прихода Красной Армии ее бойцами допускались значительные эксцессы, ограбления, насилие. Но публицист Э.Куби не ошибался, когда, оглядываясь назад, заявлял, что советские солдаты могли бы вести себя и как «карающая небесная рать», руководствуясь одной лишь ненавистью к немецкому населению. Многие немцы более или менее определенно знали, что именно произошло в Советском Союзе, и поэтому опасались мести или расплаты той же монетой. ... Немецкий народ в действительности может считать себя счастливым – его не постигло правосудие»[1].

В этом контексте примечательна распространенная мифология относительно массового изнасилования немецких женщин советскими военнослужащими при якобы отсутствии подобных фактов в зоне наступления западных союзников. Эта тема в контексте общего давления на Россию активно муссируется в западных СМИ. Так, в год 60-летия Победы «...на Западе во всю мощь пропагандируется новая книга британского военного историка М. Гастингса «Армагеддон: Битва за Германию, 1944-1945», посвященная преступлениям Советской Армии против мирного населения Германии и немецких военнопленных. Историк рисует буквально ритуальное возмездие, чинимое Советской Армией проигрывавшим войну немцам, и даже называет его «первобытным «изнасилованием» целой нации»[2].

Однако мораль войны – совершенно иная, нежели мораль мирного времени. И оценивать те события можно только в общем историческом контексте, не разделяя, и уж тем более не подменяя причину и следствие. Нельзя ставить знак равенства между жертвой агрессии и агрессором, особенно таким, целью которого было уничтожение целых народов. Фашистская Германия сама поставила себя вне морали и вне закона. Стоит ли удивляться актам стихийной мести со стороны тех, чьих близких она хладнокровно и методично уничтожала в течение нескольких лет самыми изощренными и изуверскими способами?

На протяжении Великой Отечественной войны тема возмездия была одной из центральных в агитации и пропаганде, а также в мыслях и чувствах советских людей. Задолго до того, как армия приблизилась к вражеской границе, проходя по истерзанной оккупантами родной земле, видя замученных женщин и детей, сожженные и разрушенные города и деревни, советские бойцы клялись отомстить захватчикам сторицей и часто думали о том времени, когда вступят на территорию врага. И когда это произошло, были – не могли не быть! – психологические срывы, особенно среди тех, кто потерял свои семьи, убитые оккупантами.

Кстати, закономерность ненависти к Германии со стороны вступавших на ее территорию советских войск понимали в то время и сами немцы. В апреле 1945 г. 16-летний житель Бер-

---

все периоды нашей истории. В нашем понимании это означает, что наша главная задача – строить мирное будущее для нашей страны в рамках единой Европы. Возможность участвовать в ее реализации я рассматриваю одновременно как вызов и обязанность. Память о войне и национал-социализме стала частью нашей национальной идентичности. Хранить ее – наша моральная обязанность, которую мы должны будем нести всегда» (http://www.ln.mid.ru/brp_4.nsf/sps/CC6729D638704446C3256FFC00363A0E). Эта ответственная позиция далеко не совпадает с массовыми настроениями послевоенных поколений немцев, особенно современной молодежи. Вместе с тем, тенденции, отмеченные А.Г. Здравомысловым, находят подтверждения и в данном интервью. Признав, что именно Россия вместе с союзниками по антигитлеровской коалиции освободила Германию и Европу от нацистской тирании, а русский народ заплатил за это наибольшую цену, Г. Шредер подчеркнул, что «конец войны означал для многих людей в Германии и за ее пределами не только освобождение: с этой датой связаны также изгнания, несчастья беженцев и новая несвобода». Как видно из этих слов, акценты смещаются даже в официальной позиции немецкой стороны.

[1] Крестовский В. Война и новые идеологические маркеры в англо-американских СМИ // 60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти. М., 2005. С.148, 158.

[2] Война Германии против Советского Союза 1941-1945. Документальная экспозиция города Берлина к 50-летию со дня нападения Германии на Советский Союз. Под ред. Р.Рюрупа. Berlin, 1992. С.255.

лина записал в своем дневнике слова одного из солдат вермахта, обращенные к толпе беженцев: «Прекратите нытье! Мы должны выиграть эту войну, мы не должны терять мужества. Если победят другие – русские, поляки, французы, чехи – и хоть на один процент сделают с нашим народом то, что мы шесть лет подряд творили с ними, то через несколько недель не останется в живых ни одного немца. Это говорит вам тот, кто шесть лет сам был в оккупированных странах!». Он знал, о чем говорил.

Но руководство Советской Армии принимало меры против насилий и бесчинств по отношению к немецкому населению, объявляя такого рода действия преступными и недопустимыми, а виновных в них лиц предавая суду военного трибунала вплоть до расстрела. Так, выйдя на земли Восточной Пруссии, командующий 2-м Белорусским фронтом маршал К.К.Рокоссовский издал приказ № 006, призванный «направить чувство ненависти людей на истребление врага на поле боя», карающий за мародерство, насилия, грабежи, бессмысленные поджоги и разрушения. Отмечалась опасность такого рода явлений для морального духа и боеспособности армии. 20 апреля 1945 г. была принята специальная директива Ставки Верховного Главнокомандования о поведении советских войск в Германии. Политическая работа в войсках также была направлена на то, чтобы «направить чувство ненависти к врагу по правильному руслу».

В то же время, если мы обратимся к документам немецкой стороны, то увидим, что еще до начала войны против СССР было заранее объявлено, что «в борьбе с большевизмом нельзя строить отношения с врагом на принципах гуманизма и международного права», тем самым изначально допускались любые нарушения международного права в будущих отношениях германских войск к мирному населению и советским военнопленным. Как один из многочисленных примеров программных заявлений немецкого руководства процитируем Указ Гитлера как Верховного Главнокомандующего вермахта от 13 мая 1941 г. о военном судопроизводстве на войне с Советским Союзом: «За действия против вражеских гражданских лиц, совершенные военнослужащими вермахта и вольнонаемными, не будет обязательного преследования, даже если деяние является военным преступлением или проступком... Судья предписывает преследование деяний против местных жителей в военно-судебном порядке лишь тогда, когда речь идет о несоблюдении воинской дисциплины или возникновении угрозы безопасности войск». Или вспомним знаменитую «Памятку немецкого солдата» (ставшую одним из документов обвинения на Нюрнбергском процессе), где звучали такие «гуманные» призывы: «Помни и выполняй: 1) ...Нет нервов, сердца, жалости - ты сделан из немецкого железа... 2) ...Уничтожь в себе жалость и сострадание, убивай всякого русского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик... 3) ...Мы поставим на колени весь мир... Германец - абсолютный хозяин мира. Ты будешь решать судьбы Англии, России, Америки... уничтожай все живое, сопротивляющееся на твоем пути... Завтра перед тобой на коленях будет стоять весь мир»[1]. В этом состояла политика фашистского руководства Германии по отношению к «расово неполноценным народам», к числу которых оно относило и славян.

В отношении немецкого населения или военнопленных советское руководство никогда не ставило перед своей армией такого рода задач. Следовательно, мы можем говорить именно о единичных (особенно по сравнению с действиями немецкой стороны) нарушениях международного права в ведении войны. Причем, все эти явления были стихийными, а не организованными, и со всей строгостью пресекались советским армейским командованием.

Между тем, документы показывают, что в западных зонах оккупации отнюдь не было той идиллии, образ которой сегодня внушается немецкому, да и всему западному сознанию. Например, в докладе 7-го отделения Политотдела 61-й армии 1-го Белорусского фронта от 11 мая 1945 г. «О работе американской армии и военных властей среди немецкого населения» сообщалось: «Американским солдатам и офицерам запрещено общаться с местным населением. Этот запрет, однако, нарушается. За последнее время было до 100 случаев изнасилова-

[1] См.: Рагинский М.Ю. Нюрнберг: перед судом истории. М., 1986. С. 5.

ния, хотя за изнасилование получается расстрел». Особенно отличились американские негритянские части. В конце апреля 1945 г. немецкий коммунист Г. Ендрецкий, освобожденный из тюрьмы западными союзниками, сообщал о положении в зоне Германии, оккупированной американскими войсками: «Большая часть оккупационных войск в районе Эрлангена до Бамберга и в самом Бамберге были негритянские части. Эти негритянские части расположились, главным образом, в тех местах, где оказывалось большое сопротивление. Мне рассказывали о таких бесчинствах этих негров как: ограбление квартир, отнятие предметов украшения, разорение жилых помещений и нападения на детей. В Бамберге перед зданием школы, где были расквартированы эти негры, лежали три расстрелянных негра, которые несколько времени тому назад были расстреляны военно-полицейским патрулем за то, что напали на детей. Но также и белые регулярные американские войска проделывали подобные бесчинства...». Однако вопрос о «бесчинствах Красной Армии» против немецкого населения сегодня раздувается на Западе до мифических размеров, тогда как отнюдь не менее масштабные аналогичные явления со стороны западных армий, – которые отнюдь не имели под собой такой психологической основы, какая была у советских солдат, чей народ пережил все ужасы фашистской агрессии и оккупации, - замалчиваются и отрицаются.

Забывается и поведение в сходных ситуациях граждан стран Восточной Европы, которые проявляли по отношению к побежденным немцам куда большую жестокость, чем наступавшие советские части. Так, в секретном докладе заместителя наркома внутренних дел, уполномоченного НКВД СССР по 1-му Белорусскому фронту И.Серова наркому внутренних дел Л.П.Берия от 5 марта 1945 г. отмечалось, что «со стороны военнослужащих 1-й польской армии отмечено особенно жестокое отношение к немцам», а в политдонесении политотдела 4-й танковой армии начальнику Политуправления 1-го Украинского фронта генерал-майору Яшечкину от 18 мая 1945 г. «Об отношении чехословацкого населения к немцам» сообщалось, что «За время пребывания в Чехословакии бойцы и офицеры наших частей были неоднократно очевидцами того, как местное население свою злобу и ненависть к немцам выражало в самых разнообразных, подчас довольно странных, необычных для нас формах... Все это объясняется огромной злобой и жаждой мести, которое питает чехословацкий народ к немцам за все совершенные преступления. Злоба и ненависть к немцам настолько велики, что нередко нашим офицерам и бойцам приходится сдерживать чехословацкое население от самочинных расправ над гитлеровцами». Подробное перечисление и описание этих «необычных по форме» расправ (сжигание живьем на кострах, подвешивание за ноги, вырезание на теле свастики, и т.п.) мало отличается от того, что творили в оккупированных ими странах сами немцы. Однако столь буквальное исполнение ветхозаветного принципа «око за око, зуб за зуб», судя по документам, вызывало недоумение и неприятие у советских солдат, которые в понимании справедливого возмездия в большинстве своем исходили из принципа, что «не должны уподобляться немцам».

Таким образом, сегодня на Западе и в Восточной Европе негативное отношение к русским целенаправленно подогревается и культивируется, в том числе искажением исторической памяти о Второй мировой войне: вытесняется память о советском солдате как освободителе и спасителе пострадавших от фашизма народов и внедряется фальсифицированный образ жестокого захватчика, «почти на полвека оккупировавшего восточноевропейские страны».

В России в «образе войны» тоже присутствует такой важный компонент как «образ врага». В XX веке русские дважды сталкивались в смертельной схватке с немцами. Однако у русского народа восприятие немцев весьма существенно различалось после двух мировых войн: после Первой мировой недавнего противника вскоре уже не рассматривали в прежнем качестве, а после Второй враждебные чувства, неприязнь к немцам во многом сохранились в сознании нескольких поколений. И прошел ряд десятилетий, прежде чем отношение к ним стало более или менее нейтральным. Весьма точно отражает его эволюцию ответ в ходе социологического опроса молодого респондента, чей отец три года воевал на советско-германском фронте: «Тот факт, что в первой половине века наша страна дважды воевала с

Германией, наложил на сознание всех советских людей определенный отпечаток. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что Вторая мировая война прочно заслонила в сознании большинства молодых людей Первую, которая началась еще до революции... Последняя война в большей или меньшей степени коснулась всех, и послевоенные поколения – это дети и внуки погибших или воевавших в этой войне. Поэтому отношение к ней – плод не только приевшейся государственной пропаганды, но и семейного воспитания. Думаю, что если у старшего поколения здесь действуют не только разум, но и эмоции, то у молодежи эмоций меньше, и она винит в ужасах войны не немцев, а фашизм...»[1].

В феврале 2005 г., накануне 60-летия Победы, Институтом социально-политических исследований РАН было проведено крупномасштабное межрегиональное социологическое исследование «Ветераны о Великой Отечественной войне». В тематическом блоке, посвященном отношению к немцам, ответы распределились следующим образом. На вопрос «Какие чувства испытывали советские люди к немцам в годы войны?» 53% респондентов назвали «ненависть к немецким фашистам», 24% – «ненависть ко всем немцам», 18% – «ненависть к солдатам и офицерам вермахта», 5% затруднились ответить. На вопрос «Какие чувства испытываете Вы к бывшему противнику сейчас?» самый большой процент ответов – 58% – был – «никаких», «ненависть» назвали 15%, «сострадание» (!) – 17%, «уважение» – 9%, и только 1% респондентов не смогли ответить на этот вопрос. Ответы на еще два вопроса оказались более дифференцированными. Так, на вопрос «Могут ли русские и немцы быть друзьями?» 56% участвовавших в опросе российских ветеранов войны ответили положительно, 13% отрицательно и 31% затруднились ответить. Наконец, когда респондентов спросили «Есть ли у Вас желание встретиться с бывшими противниками?», 15% подтвердили, что желали бы такой встречи, 60% ответили, что такого желания не имеют, и 25% затруднились ответить на этот вопрос[2].

Естественно, что память ветеранов, переживших все ужасы войны, отличается от исторической памяти последующих поколений, которые уже не воспринимают события прошлого столь личностно и остро. В совместном интервью Президента России с Федеральным канцлером ФРГ Г.Шрёдером газете «Бильд» от 7 мая 2005 г. В.В.Путин сказал: «Даже в самый тяжелый период войны руководство СССР призывало население не идентифицировать всех немцев с нацистами: «Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается». И это не было пропагандой. Это убеждение подавляющего большинства советских граждан. Немецкий народ во многом стал тогда жертвой политической безответственности своих тогдашних руководителей. Он был отравлен нацистской идеологией и втянут в кровавую бойню. Но ненависть и ожесточенность, возникшие вследствие германской агрессии и установившиеся на оккупированных территориях, преодолеть было очень не просто. Для этого потребовалось время и немалые усилия политиков и миллионов людей как в Германии, так и в нашей стране, чтобы вернулись чувства уважения и взаимной симпатии, веками существовавшие между нашими народами. И я с полным основанием могу сказать, что именно граждане Советского Союза, несмотря на все пережитое, смогли простить. При этом в некоторых других странах мира. многие граждане к такому примирению так и не пришли». А канцлер Шредер подчеркнул, что «ввиду ужасов войны германо-российское примирение до сих пор остается политическим чудом»[3].

Следует подчеркнуть и то обстоятельство, что люди, в наибольшей степени влияющие сегодня на историческую память, – политики, идеологи, журналисты, ученые, – принадлежат преимущественно к поколениям детей и внуков участников и современников Второй мировой войны. Следствия этого противоречивы: с одной стороны, отсутствие непосредственного опыта участия в тех драматичных событиях позволяет более спокойно и рационально подхо-

---

[1] Медведев Р.А. Русские и немцы через 50 лет после мировой войны // Кентавр. 1995. № 1. С. 15.

[2] См.: Кузнецов В.Н., Иванов В.Н., Сергеев В.К. Юбилей Великой Победы. Материалы к научной конференции «60 лет победы в Великой Отечественной войне». М., 2005. С. 36-37, 56-57.

[3] Из сообщения пресс-службы Президента России, размещенного на официальном сайте МИД РФ по адресу: http://www.ln.mid.ru/brp_4.nsf/sps/CC6729D638704446C3256FFC00363A0E

дить к их оценке; с другой, – существует опасность и даже тенденция забвения и искажения образа войны и стоящей за ним исторической правды. Речь не только о «неинформированности», но и об отсутствии мотивации сохранить правду об уже далеком прошлом, о стремлении подменить истину такой интерпретацией, которая выгодна в рамках современной политической и иной конъюнктуры.

В.М. Соколов, д.филос.н. (РАГС, Москва)

Патриотизм – суть российского менталитета[1]

Российский менталитет, духовный мир россиянина… В чем их суть, в чем специфика? Как меняются они в ходе исторического развития России? Какова их связь с коренными социальными преобразованиями современного общества? Каково влияние этих преобразований на патриотизм россиян? Все эти вопросы сегодня находятся в центре дискуссий в современном российском обществе.

В последние годы много говорится о патриотизме. Одни утверждают, что это «выдумка советской власти», другие – что патриотизм – исконное позитивное качество россиянина. Единственно правильный путь к выявлению истины – заглянуть в суть самого этого феномена, попытаться понять его истоки и специфику. Патриотизм – как социально-психологическое качество россиян – обусловлен самой сущностью российского менталитета: его духовностью, государственностью, коллективизмом (соборностью) и, отчасти, мессианством. Вернее, он равноправно стоит в одном ряду с ними, ибо все эти понятия тесно связаны между собой, одно обусловливает другое. Хорошо сказал об этом известный наш драматург В. Розов: «Мы – народ духовный. Чтобы разрушить россиян – надо разрушить духовность и все то, что с ней связано». Именно поэтому патриотизм – понятие базовое для характеристики россиянина.

Государственность русского человека сформирована многими объективными факторами и, прежде всего: трудностью сурового климата, спасаться от которого в одиночку, без помощи организованного общества было нельзя, большим пространством, на котором проживали россияне и которое трудно преодолевать опять-таки без государственной заботы и, главное, необходимостью на протяжении всей своей истории защищаться от многочисленных врагов. Следует иметь в виду и то, что в силу этих и других причин (особенности характера, религии и т.д.) государство зачастую наделялось некой священной сущностью: многие люди начинали считать, что государство создано по Высшей воле, оно преследует Высшие цели, оно представлено Высшими существами и т.д. Поэтому россияне исторически были склонны подчиняться государству не столько как внешней для них силе, но как Божественной воле, которая во многом соответствовала их собственным мировоззренческим представлениям. Подобная «государственная доминанта» в сознании россиян тесно связана со своеобразным *мессианством* российского менталитета. В истории цивилизации только два государства традиционно именовали себя как *святые*: Израиль и Россия. Со временем мессианство в российском менталитете стало окрашиваться не только в религиозные цвета. Исключительно истинным, «богоизбранным» примером для всех народов и государств «становится» и великая Российская империя, и советское государство, и коммунистическое строительство... И не только государство, но и русский народ, русский человек. Мессианство нельзя определить однозначно нравственно положительным или нравственно отрицательным качеством. Оно аморально, когда ведет к *насильственному* приобщению людей и народов к великой империи или великой идеи. Оно несет позитивный заряд, когда обусловливает особо развитое чувство гордости за свое государство, за свой народ, когда выливается в действенный патриотизм, способность к самопожертвованию во имя истинно великой цели. Думается, в российском менталитете присутствуют оба эти аспекта мессианства. Вера в величие России, в ее особую роль в мире настолько фундаментальный момент в российском менталитете

[1] Подробнее см.: Соколов В.М. Российская ментальность и исторические пути Отечества: Записки социолога. М., 2007.

тете, что пренебрегать этим – значит или бессознательно, или целенаправленно пытаться его разрушить.

Государственная доминанта в российском менталитете тесно связана и с *коллективизмом.* Коллективизм – не просто одна из известных и характернейших черт российской ментальности, это ее основополагающее качество, ибо определяет главную направленность *нравственности* россиян. Справедливо утверждается, что различные моральные системы отличаются друг от друга, прежде всего, соотношением коллективистских и индивидуалистических доминант в нравственном сознании людей. Западноевропейская, североамериканская цивилизации характеризуются тем, что в них господствуют нравственные нормы, которые основаны, прежде всего, на ценностях индивидуальных. В православно-славянской цивилизации в общественной морали господствуют нормы коллективистские. Речь не идет о том, чтобы на этом основании оценивать одну этическую систему как положительную, а другую как отрицательную. И то и другое имеет свои плюсы и минусы. Речь о том, что все они – государственность, мессианство, коллективизм, патриотизм – суть сути россиянина как представителя православно-славянской цивилизации. На практике, в социальной, политической деятельности, необходимо считаться с данными особенностями ментальности, без чего любое реформирование общества и более того, государственная политика в целом, обречены на провал. Пренебрегать же ими и тем более бороться с ними, искоренять эти качества – значит вольно или невольно стремиться уничтожить саму российскую нацию.

К сожалению, достаточно часто и весьма настойчиво различные политические силы, известные общественные и государственные лидеры пытаются это делать. Особенно это относится к тем, кто безоговорочно и некритично разделяет идеи либерализма. Типичными в этом отношении являются высказывания одного из теоретиков правых – Д. Дондурея[1], который особо сетует на то, что большинство российского народа «еще думает так, как будто битва на Куликовом поле кончилась вчера». В этом, по его мнению, главная наша беда, надо избавляться от подобной направленности мышления, и всем нам «нужно быстрее приноровиться к неизбежности либеральных ценностей». Лидеры правых без устали говорят о том, что чем полнее и быстрее россияне перейдут на позиции либерализма, тем лучше будет для них. Какие же «привлекательные», манящие «своей новизной» ценности содержит либерализм? В самом кратком виде суть их состоит в следующем: социально-экономические процессы в обществе должны проходить без всякого вмешательства государства, спонтанно, через безличный механизм свободного рынка, по принципу «не мешайте действовать»; ничто и никто не должен ограничивать индивидуалистическую свободу личности, тем более государство; равенство понимается только как равные условия конкуренции. И основное – в духовном плане: проповедь накопительства, приобретательства, богатства как главная и зачастую единственная ценность.

В корне неверно, прежде всего, утверждение наших либералов о том, что подобные теории разделяет «большинство цивилизованного человечества», что они единственно верные и неизбежны для всех. Они отчасти разделяются только западноевропейской и североамериканской цивилизациями, составляющими явное меньшинство среди всего человечества. Либеральные ценности не разделяют ни Китай, ни Япония, ни Индия, ни мусульманские страны, да и на Западе уже во многом отказались от тех постулатов либеральной теории, кото-

---

[1] *От редакторов-составителей*: *Представляется, что позиция Д. Дондурея не столь прямолинейна или – в процессе осмысления итогов российских реформ – существенно менялась:* «Нужно сразу сказать об огромных, непростительных идеологических ошибках так называемых реформаторов. Они сделали очень много для страны, осуществили бескровную социально-экономическую и социально-политическую революцию – но совершили преступление, отделив социально-экономические, политические, технологические революционные процессы от мировоззренческих, идеологических, духовных. Они исходили из превратных представлений о том, что люди, увидев изменения жизни, одновременно сами будут менять свои представления о ней, и не занимались созданием новой мифологии, новой идеологии, которая поддержала бы реформы. В 2000-е наступила ситуация двойственности, мировоззренческой обезвоженности» (Д. Б. Дондурей). Дондурей Д. Б. Наше понимание любви к родине выращено Сталиным. Запись интервью В. Семенова // Независимая газета. 2006. 24 октября. [Эл. источник]: http://www.ng.ru/scenario/2006-10-24/11_dondurey.html

рую исповедуют наши «новые либералы». Главное же заключается в том, что исторический опыт показывает, что либерализм в современном мироустройстве не только не ведет общество к духовному расцвету, к стабильности, но, напротив – загоняет его в тупик. И в этих условиях с какой-то маниакальной настойчивостью многие наши либералы стремятся сегодня загнать Россию в этот тупик, сломать российский менталитет, вытравить из него государственность, патриотизм, считают патриотизм отжившим понятием.

Почему же с такой же настойчивостью не пытаются разрушить свой менталитет японцы? Они успешно строят свое постиндустриальное общество, основанное на приоритете государства над личностью, не изменяя корпоративного характера своего мышления. Почему «бедные» французы до сих пор мыслят так, будто взятие Бастилии было вчера, до сих пор отмечают этот день как национальный праздник, до сих пор своим гимном считают революционную Марсельезу? Почему в той же Франции и государство, и общество так настойчиво борются против попыток размыть национальное, против того, чтобы чуждая культура не проникла к ним. В Париже вы практически не встретите вывески, рекламу, название фирм и т.д. на английском языке, известно, что там устанавливают квоты на показ иностранных кинофильмов. Думаю, наши господа либералы хорошо знают, что патриотизм в США – государственная политика, что американизм – национальная идея. Ничтожен там процент иностранной продукции, транслирующейся и по ТВ, и в кинотеатрах. На наших же экранах – засилье низкопробных американских фильмов, но почему-то это мало волнует либерально-демократических идеологов.

Встречаясь с американскими коллегами, очень трудно отвечать на их закономерные вопросы: почему мы показываем американские фильмы, в которых русские представлены как сплошные пьяницы, бандиты, дебилы? Почему и во многих наших фильмах такое негативное отношение к своей стране, к ее истории, людям? Один из американцев заметил, что если бы нечто подобное показали у них, то не только государство, но и общество выступили бы с таким протестом, что эта компания разорилась бы. У них не допустимо унижение своего народа, своего государства, тем более иностранцами.

Хотел бы коснуться еще одной темы, которая, хотя и косвенно, но также связана с темой патриотизма. Некоторые наши безоглядные поклонники Запада весьма своеобразно трактуют понятие «демократия». Как-то неловко повторять прописные истины, что демократия – это власть народа. Они же манипулируют понятием «демократия» по своим понятиям: когда в Государственную Думу народ избрал большой процент коммунистов, то они обозвали народ «быдлом», которому нельзя доверять. Как только большинство народа – 72% по результатам репрезентативных исследований, проведенных серьезными социологическими центрами – высказалось за возврат к музыке гимна, написанного Александровым, то наши либерал-демократы возмутились: а почему мы должны прислушиваться к мнению большинства народа? Сразу же раздались классические демагогические измышления: если бы на обсуждение народа выставили закон Ньютона, то он никогда не был бы открыт. Никто не собирается обсуждать на всенародном референдуме не только математические и физические теоремы и формулы, но и серьезные социальные и экономические вопросы, требующие решения узким кругом специалистов. Никто, например, не собирается выносить на референдум статьи Налогового или Уголовного кодексов, но Гимн страны – это дело *каждого* гражданина, *большинства* народа, а не кучки демагогов от демократии. Позиции современного нового либерализма в российском обществе, отрицающие патриотическую направленность российского менталитета, целенаправленную государственную политику по воспитанию достойного гражданина России, поддерживают не более 8-12% населения (об этом свидетельствуют результаты репрезентативных исследований). Но это активное меньшинство всеми силами пытается навязать свое мировоззрение большинству. Тревожно то, что это навязывание идет очень активно, агрессивно, используя сложившуюся ситуацию, при которой многими средствами массовой информации владеют как раз люди, выражающие мнение незначительного меньшинства населения России. Кстати, американские наблюдатели, о которых я уже упоминал, были удивлены, что по ТВ в различных дискуссиях чаще всего мелькают «знакомые все ли-

ца», входящие в эти 8-12%. Выразители же интересов подавляющего большинства населения России – весьма редкие гости.

Особенно острым атакам либеральных демократов подвергается именно патриотизм россиян. Это объясняется и тем, что патриотизм во многом определяет «линию раздела» в решении важнейшей проблемы: Россия должна, не раздумывая, идти по пути западноевропейской и североамериканской цивилизаций или у нее свой путь к прогрессу (как и свои особенности понимания самого прогресса).

Сегодня мы часто слышим, что негоже говорить о величии России, о ее особом предназначении, особом пути развития. Негоже – потому что это отголоски имперских замашек, негоже – потому что вообще нет и не может быть у России какого-либо особого места в мире и не должна она выделяться из общего строя «цивилизованных государств». И вообще, как можно говорить о ее величии, когда бюджет России составляет лишь 2% от бюджета Соединенных Штатов? Конечно, о финансовой, военной, экономической мощи России сегодня, к величайшему сожалению, говорить не приходится. В то же время психологически сильное желание видеть свою страну великой, прежде всего, духовно, нравственно, в сфере науки, культуры, образования есть не «блажь» нищего народа и не происки коммунистов. Это желание исходит из самой сущности российского менталитета. Разумная опора на российский патриотизм облегчает реформирование общества, может помочь выработать общенациональную идею.

Серьезный анализ позволяет сделать вывод о том, что в массовом сознании россиян во все большей степени будет проявляться ренессанс *патриотической доминанты*. Эта тенденция, если она не будет учитываться нынешней политической элитой, приведет к определенному ее отторжению в обществе. Так, общественное мнение весьма серьезно расходится с нравственной и политической оценкой СССР, часто исходящей от определенного толка общественных и политических деятелей России. Одобряют определение «империя» (в ее *негативном* звучании!) по отношению к бывшему СССР только 5% опрошенных (в основном – публицисты, научные работники, руководители некоторых общественных и государственных организаций). Если в 1992 г. для 25% опрошенных распад СССР уже был проблемой, вызывающей наибольшее беспокойство, то в 1993 г. уже *более половины* респондентов считали именно это событие главной причиной экономических трудностей, межнациональных конфликтов и других кризисных явлений. В 1999 г. таких стало почти 70%. Если в 1990-1991 гг. наблюдалось существенное падение (уменьшение) в сознании людей нравственного веса, значения таких понятий, как «Родина», «великая держава», «любовь к отчизне», «патриотизм», то, начиная с 1993 г., четко просматривается обратная тенденция: заметно возрастает значимость для многих людей данных понятий и особенно – «великая держава», «сильное государство», «патриотизм». Так, исследования, проведенные Институтом социальных технологий в 1999-2001 гг., показывают, что почти 70% опрошенных согласны с тем, что «Россия должна сохранять себя как великая держава, даже если это ухудшит ее отношения с окружающим миром», 65% из них считают, что прежние руководители страны (при президенте Б. Ельцине) не проводили подобной политики. Особенностью мнения о непатриотизме прежних властей России является то, что этого мнения придерживаются приблизительно в равной мере представители разных социально-демографических групп населения.

Характерно, что уже сегодня, в отличие от начала 1990-х гг., практически нет такой партии, серьезных общественных движений, которые бы не взяли на вооружения своих доктрин лозунги патриотизма, сильной России, то, что еще совсем недавно многие клеймили как отсталость и невежество. Только в обществе стабильном и стабильном на протяжении длительного времени можно ожидать преобладающее в сознании людей понимание первичности личности по отношению к государству, определенного космополитизма в ценностных ориентациях. В период перехода от общества кризисного, раздробленного к обществу стабильному вне всякого сомнения будет и дальше возрастать нравственная значимость понятий «Родина», «Россия», «патриотизм», которые по своей сущности носят связывающий, объединяющий характер.

Состоялось ли гражданское общество в России[1]

Ж.Т. Тощенко: По проблемам гражданского общества существует огромное количество точек зрения, я думаю, мы коснемся их, но основное внимание надо бы уделить ответу на поставленный темой вопрос. В связи с этим выскажу несколько тезисов.

Первое. Понятие «общество» в научной литературе начало использоваться только в XVIII в. В это время стали формироваться силы, которые могли оппонировать государству, противостоять ему, высказывать иную точку зрения, претендовать на то, что проблемы развития страны можно решать по-другому. Это связано с появлением политических партий, общественных организаций. Стала формироваться буржуазия, которая претендовала на политические права, не имея их. Т.е. появилась оппонирующая политической власти и государству сила.

Второе. Когда возникло гражданское общество? Я лично связываю его с Великой французской революцией, когда к тем силам, которые появились после Английской революции в XVII в. – партиям, общественным организациям, движениям, различным объединениям – добавилось принципиальное, гарантированное законом положение, что *каждый человек* может претендовать на участие в общественной, политической жизни страны. Данный момент – вовлеченность каждого человека во все основные виды деятельности государства я считаю важнейшим критерием формирования гражданского общества. Замечу однако: хотя это положение было провозглашено, это не означало, что оно было во всем реализовано. Не реализовано оно и до сих пор – ни в полном объеме, ни в странах, где зарождалось.

Третье. Гражданское общество – прежде всего феномен человека, хотя нельзя отрицать роли политических партий, общественных организаций, объединений, разнообразие которых определяет и политическая, и социальная, и экономическая, и культурная, и даже спортивная сферы общественной жизни. Спектр этих организаций увеличивается, и представляют они различные возможности реализации этого права. Даже общества садоводов или автолюбителей реализуют некоторые аспекты гражданского общества.

Так состоялось ли в России гражданское общество? И да, и нет. Рассуждая об этом, мы и здесь встречаемся с парадоксальностью, концепцию которой я изложил в монографии «Парадоксальный человек». С одной стороны, люди высоко оценивают возможность свободы слова, передвижения, ряд других позитивных моментов. Но одновременно возникает вопрос о возможности и праве влиять на решение государственных дел, даже на уровне местного самоуправления, о возможности его реализации. На вопрос одного исследования «Как Вы считаете, нужно, чтобы трудящиеся, население принимало участие в управлении?» 80% сказали – «да». А реально участвуют 12-13%. Столь же противоречивый характер носит отношение людей к «защитным» мерам. Поясню: если они попадают в трудное положение, то по сравнению с советским периодом, когда жаловались в партком, профком, завком, в подавляющем большинстве говорят: сейчас мы надеемся только на близких, родных, тех, кто связан с нами невидимыми узами. А на официальные органы, администрацию предприятия надеются примерно 15%. Таким образом, можно, конечно, говорить о том, что в России есть начала гражданского общест-

---

[1] В апреле 2006 г. в Российской академии государственной службы при Президенте РФ прошел «круглый стол» «Состоялось ли гражданское общество в России?». Его организаторами выступили социологические структуры РАГС и редакция журнала «Социологические исследования». Вели заседание директор Социологического центра, заведующий кафедрой социологии РАГС, главный редактор вестника «Социология власти», д.ф.н. В.Э. Бойков и главный редактор журнала «Социологические исследования», член-корреспондент РАН Ж.Т. Тощенко. В основу обсуждения легли результаты социологического исследования, проведенного Социологическим центром РАГС в ноябре 2005 г. (Результаты исследования, а также некоторые аналитические материалы и статьи по данной проблеме опубликованы в вестнике «Социология власти» (2005. №6). В обсуждении приняли участие В.К. Егоров – президент-ректор РАГС, зав. кафедрой теории и практики культуры, д.ф.н.; В.К. Левашов – зав. отделом стратегических и социально-политических исследований ИСПИ РАН, д.с.н.; Й.Д. Жук – депутат Московской областной Думы; С.В. Туманов – директор Социологического центра МГУ им. М.В. Ломоносова, д.ф.н.; О.Ф. Шабров – заместитель зав. кафедрой политологии и политического управления РАГС, д.п.н.; И.Г. Яковлев – директор научно-исследовательского центра Московского городского педагогического университета; Г.И. Марченко к.ф.н., доцент философского факультета МГУ; В.И. Патрушев – д.с.н., профессор РГСУ; В.Ю. Леденева – к.с.н., доцент кафедры социологии РАГС; О.А. Митрошенков – зав. сектором Социологического центра РАГС, д.ф.н.; другие специалисты.

ва, но до тех пор, пока человек не почувствует себя силой, влияющей на решение проблем, хотя бы на уровне местного самоуправления, о гражданском обществе как состоявшемся говорить проблематично.

В.Э. Бойков: Несколько проблем отчетливо высвечивается в наших исследованиях относительно обсуждаемых вопросов. Первая – это глубочайшее отчуждение населения, различных социальных групп и институтов от государства. Многие социологи считают, что категория «отчуждение» не может быть операционализирована в социологических понятиях и с помощью социологических индикаторов. Возможно, во всей полноте и нет. Тем не менее такие индикаторы есть. Когда человек не понимает политику государства, не доверяет государству, отстранен от властных структур и т.д., это, хотя бы в социально-психологической форме, и есть проявление реального отчуждения – и правового, и экономического, и политического, и других его форм.

Согласно нашему исследованию, доля респондентов, отметивших непонимание смысла и цели экономической и социальной политики, составляло 78-80%. Это – устойчивая цифра, начиная с 1990-х гг. (2002 г. – 78%, в 2005 г. – 81%). Посмотрим, как оценивают люди конституционное «равенство всех перед законом». До 60% считают, что на чиновников, милицию, прокуратуру и т.д. эта конституционная норма не распространяется абсолютно. Более того, к одним применяются одни нормы, к другим – иные.

Вторая проблема связана с отчуждением, разделением публичной политики и частной жизни. На вопрос «Как Вы считаете, участие в выборах – обязанность гражданина?» две трети говорят – «да». А вера в то, что участие в выборах дает возможность повлиять на власть, резко уменьшилась. Если в 1995 г. 62% ответили «да», то в 1999 и 2003 гг. – только 20-21%; сейчас этот уровень еще ниже. Две трети респондентов не верят в возможность влиять на деятельность властей и во всех других случаях, столько же – не хотели бы участвовать в управлении общественными делами в своем поселке, городском районе и т.д., потому что не видят в этом никакого смысла.

Так состоялось у нас гражданское общество или нет? Институционально вроде бы все в порядке: профсоюзы и партии есть, фонды какие-то существуют, общественные организации, но, по сути дела, только около 3% дееспособных граждан участвуют в какой-либо партийной деятельности. К тому же все эти институты гражданского общества стали тенью государственных структур, например, партия «Единая Россия». Другие институты или торпедируют государство, причем разрушительно, например, некоторые средства массовой информации, или становятся квазиинститутами. Это затушевывает проблему: по видимости все нормально, есть возможности, каналы, формы реализации гражданской активности, а на самом деле это не каналы, а «глушилки» гражданской активности. И люди чувствуют это. 5 лет назад наиболее действенными формами гражданского волеизъявления 20% респондентов считали акции массового протеста, митинги, демонстрации, сейчас – почти половина. И такая тенденция может приобрести протестный, я бы сказал, разрушительный характер.

Смысл гражданского общества – в консолидации интересов, в проявлении волеизъявления. У нас гражданское общество в тех формах, в которых оно сегодня проявляется, приводит к обратному эффекту. И пока не будет гражданского общества, говорить о демократии, о прогрессе, о свободе личности и т.д. просто бессмысленно.

В.К. Левашов: Широкая дискуссия, связанная с определением гражданского общества, идет не только у нас. Чтобы прояснить ситуацию, нужно обратиться к истории, генезису понятия, генезису социального, политического процесса. На мой взгляд, процессы установления гражданского общества прошли раньше, чем назвал здесь Ж.Т. Тощенко. Они связаны с появлением института имущественных отношений и отношений по этому поводу между гражданами и государством. Как только появился институт собственности, имущества, возникла необходимость оформлять эти отношения, появились свободные граждане. В греческом полисе, например, но поскольку не все члены общества были свободными гражданами, сфера гражданского общества объединяла лишь совокупность членов общества, которые являлись гражданами.

Медленно, сквозь века шел процесс понимания государством интересов граждан, постепенно оно все больше вовлекало их в процесс политического и социального управления. Ко-

гда классики марксизма говорили по поводу отмирания государства, то в первую очередь имелся в виду процесс, когда граждане принимали на себя в повседневной жизни часть государственных функций по управлению обществом. Т.е. они активно вовлекались в процессы социального и политического управления по мере того, как расширялся ареал свободных граждан. При этом гражданское общество было неравнозначно и неодинаково по своему качественному и количественному составу. Таким образом, гражданское общество есть изменяющееся в своей сущности понятие, в котором, по мере того как развивается человечество, появляется новое качество, меняются сущностные количественные и качественные характеристики...

И.Д. Жук: Я хотел бы остановиться на третьем вопросе: перспективах осуществления реформы самоуправления в российском обществе. У более чем половины муниципальных образований Московской области сегодня есть представление, как дальше жить в связи с проводимой реформой. Мы приняли Закон, утвердили Кодексы, но не подумали, что общество не подготовлено к этому, что у нас сегодня огромнейший голод на кадры работающих именно в низшем звене муниципальных образований. Как избрались главы городов и депутаты, мы знаем: кто больше заплатил, тот и прошел, но они тоже не знают, как «делать» это общество.

А проблем накопилось много. Возьмем жилищно-коммунальное хозяйство. Вроде бы все знают, что с ним сделать. Но все делается наоборот, и каждый год все хуже и хуже. Сегодня сказано, что должно управлять им именно общество, т.е. владельцы квартир, домов. В новых домах это еще возможно. А что делать со старым жилищным фондом? Похоже нужны другие схемы управления. Но их нет, а есть только недовольство населения, притом на всей территории.

Я занимаюсь вопросами развития дорожной сети на территории Московской области. В 2004 г. в России было 30 тыс. деревень, откуда люди не могли попасть в районные города. А на этот год по статистике таких деревень уже 50 тыс., потому что даже те оставшиеся грунтовые дороги, которые были, разбиты тракторами. Можно ли говорить серьезно о вопросах образования, здравоохранения, ЖКХ, если в России такое бездорожье? Сегодня без развития дорожной сети мы не реализуем ни одного национального проекта, а теряем по этой причине более 500 млрд. рублей.

Правительство нередко вносит вопросы, не продумав до конца возможность их решения, не прояснив, как это скажется на качестве жизни населения. Если такая задача не будет ставиться по каждому вопросу, по каждой программе или закону, мы не сумеем создать необходимого правового поля, которое нам бы дало возможность создать настоящее гражданское общество.

С.В. Туманов: Сформулирую три тезиса, которые также могут быть предметом для нашей дискуссии.

Первый. На протяжении последних полутора столетий в нашем Отечестве существовала специфическая социальная группа, которая была очень эффективным индикатором гражданского общества. Это интеллигенция. Как известно, в структуре западного общества такой группы нет. Я бы не стал утверждать, что это специфический российский продукт, хотя такая точка зрения существует и достаточно распространена. На мой взгляд, интеллигенция возникает в странах, которые вступают в стадию индустриального общества, требующую независимого от государства собственника и квалифицированного, достаточно самостоятельного работника, когда в силу ряда конкретных исторических причин в этих обществах, в этих странах нет нормальных зачатков гражданского общества. В данной ситуации на плечи интеллигенции ложатся функции отсутствующего гражданского общества: если не общественный контроль за государственной властью, то, по крайней мере, оппонирование ей с позиции интересов народа. Как любой паллиатив, интеллигенция выполняла эти функции противоречиво, порой уродливо, и об этом писал еще Ф.М. Достоевский, а потом практически каждый серьезный российский и советский писатель. В какие-то периоды эта группа объявляла свое право быть лидером в выражении интересов народа, будь то революция 1905 г. или трансформация коммунистической системы. В какие-то периоды, наоборот, подчиняла себя реализации этих интересов, как, скажем, народники или та часть интеллигенции, которая сознательно пришла на службу Советской власти. Но в любом случае речь шла о некой специфической функции –

исторической миссии интеллигенции. Вот этой группы, на мой взгляд, сейчас в России больше нет. По результатам наших опросов (последний в 2003 г.), есть 5-7% людей, которые считают себя интеллигентами. Большей частью это люди старше 50 лет, основная задача которых сегодня – выжить самим и помочь выжить своей семье. Есть женщины в возрасте 30-50 лет, которые тоже идентифицируют себя таким образом. Новейшая российская история не оставляет сомнений в том, что интеллигенция приняла самое активное участие в сломе той общественной системы, в рамках которой она только и могла существовать. Но она оказалась совершенно неспособной реализовать те лозунги гражданского общества, демократии и свободы, которые были вынесены на ее политические знамена. Несостоявшиеся в своей профессии завлабы, которые тогда правили от имени народа, в лучшем случае, руководствовались корпоративными интересами, но чаще всего – своими личными. Издевательский парадокс нашего времени состоит в том, что функцию контроля за властью у нас осуществляет сама эта власть. Понимая ненормальность положения. Но в российской истории все это уже было. В XVIII в. главным радетелем интересов народа была матушка-императрица, а её главными помощниками в этом благородном деле – помещики, «отцы родные» своим холопам. Тогда писалось Гражданское Уложение, создавались комиссии, и причина этой государственнической активности была та же самая – стремление понравиться цивилизованной Европе. Поговаривают, что сейчас у нас наверху очень озабочены предметной критикой по поводу слабости российского гражданского общества. Значит, есть шанс увидеть новые «потемкинские» деревни, потому что давно уже известно, что и у абсолютистской власти, и у власти буржуазии, и у власти бюрократии, нет более серьезного противника, чем гражданское общество. В XVIII в. вовремя спохватились и остановились, и сегодня во власти у нас сидят не альтруисты, так что будем иметь уже то, что имели.

Все, о чем я сказал, это следствие отсутствия гражданского общества или факторы, которые не способствуют его становлению. А по сути ведь речь идет об экономической самостоятельности и о способности к самоорганизации. Вот, на мой взгляд, в чем суть гражданского общества.

И вот *второй тезис*. С этой точки зрения, мы, как мне кажется, от гражданского общества сегодня дальше, чем были 20 лет тому назад, при Советской власти. Наше общество в тот период, поверив в свои силы, общечеловеческие ценности, наступающую эру благоденствия, дружно пошло во власть. И очень быстро многие вернулись «стриженными». И раньше основная часть населения не видела причинной связи между материальным благополучием и результатами своего труда, так уж устроена наша экономика. Приватизация государственной собственности еще более усилила иллюзию, что можно «на грош накупить пятаков». Тысячи, действительно, накупили, а основная масса стала вкладчиками «МММ», «Чары», «Тибета» и других структур со всеми вытекающими последствиями. Дефолт 1998 г. охладил пыл и тех, кто не пострадал в первые годы либеральных реформ, кто даже воспользовался этими реформами и уже чувствовал себя чуть ли ни средним классом. В итоге принцип частного преуспевания превратился в принцип частного выживания. Психологи считают, что в нормальном обществе существует 13-19% активного населения. Для молодежи эта норма – 25-30%. По данным опросов 2003 г., только 10% молодежи считало, что их будущее целиком зависит от них, и более 80%, – что государство обязано обеспечить им социальные гарантии. В других возрастных группах уровень патернализма еще выше. Только 7% взрослого населения считает, что каждый человек обязан сам заботиться о себе. Этот принцип частного преуспевания, который был самым популярным в начале 1990-х гг., имеет сегодня 7% сторонников, и более 40% уверено, что их жизнь целиком зависит от деятельности Правительства и Президента.

Высокие мировые цены на сырье и энергоносители создают условия для постоянного подпитывания этого государственнического патернализма. Регулярное дозированное повышение заработной платы и пенсий не решают материальных проблем населения. Но они еще более убеждают его в том, что проблемы его жизни и смерти целиком находятся в руках благодетеля-Президента. В Советском Союзе было много псевдоорганизаций, но ведь были и организации, которые возникли в результате творчества масс: студенческие строительные отряды, мо-

лодежные кооперативы, клубы авторской песни, были (полностью выродившиеся сегодня) правозащитные организации. Этот список можно продолжать и дальше. Даже у самой большой советской массы – очереди – были элементы самоорганизации (записи, перекличка, десятники и т.д.). Это, действительно, были не официальные, какие-то уродливые, но все-таки элементы гражданского общества. Сегодня лично я знаю в стране только одну инициативную и общественно значимую структуру – это «белые копатели», которые ищут тела погибших во времена Великой Отечественной войны. Работоспособным является Комитет солдатских матерей, но я, по правде сказать, не знаю, насколько эта организация является самоорганизацией, как, впрочем, и большинство некоммерческих организаций.

И *последний тезис*, но это самое главное. Есть исторически сложившееся гражданское общество, и есть проект сознательного моделирования такого общества в современной России. О способности бюрократии реализовать этот проект, мне кажется, можно не говорить. Значит, остаются благодетели за рубежом и сознательные граждане внутри страны. Если можно осуществлять демократию в Ираке, почему нельзя построить гражданское общество в России? Технологически кажется все просто, надо взять основные структурные элементы этого исходного образца, перенести на российскую почву. Но мы ведь не просто развивающееся общество, мы – социум, который уже побывал на заключительной стадии индустриального общества, со всеми его чертами, с его массовизацией и атомизацией человека, с его стандартизацией образа жизни, с его потребительством, и одного вируса массовизации, который сегодня разъедает классическое гражданское общество, в т.ч. и французское, об этом говорили, вполне достаточно для того, чтобы проект стал трудно реализуемым. Я понимаю, что есть люди, которые исповедуют другую точку зрения, и для того, чтобы этот теоретический спор получил практическую реализацию, добрые люди организовали эксперимент. К примеру, если реформа ЖКХ состоится, значит, с гражданским обществом у нас все в порядке, а если она вынесет на поверхность новую генерацию прохвостов, которые превратят каждый многоквартирный дом в очередную маленькую «Чару», «Тибет» и т.д., значит, в нашем Отечестве есть еще «отдельные» недостатки. Поживем –увидим.

О.Ф. Шабров: Вопрос о том, есть ли гражданское общество, по-моему, не стоùт никогда, пока есть государство. Если его нет, то тогда о чем писал Гегель? Или Маркс, когда говорил о гражданском обществе в условиях монархии немецкой, прусской; Ключевский, анализируя общество в Руси XII в., или Карамзин, который сравнивал общество наполеоновской Германии с обществом в России при Екатерине II?

Нам нужно быть более строгими в понятиях. Для меня гражданское общество – это сфера самоорганизации в отличие от государства, где существуют другие отношения – вертикальные в сфере управления в обществе в целом. Если это – сфера самоорганизации, то я согласен с С.В. Тумановым, его нельзя строить. Все, кто из государственного аппарата собирается его строить (а у нас есть такие любители), могут породить только искусственные конструкции типа «Единой России» (не знаю, почему у нас относят ее к числу партий?). И возникают тогда, действительно, не гражданское общество, а некие симулякры, видимость некой конструкции, которая к самоорганизации никакого отношения не имеет. Но ведь именно сфера самоорганизации обеспечивает потенциальную возможность развития любой системы управления, стабильность и условия для сферы самоорганизации в любой живой системе.

И поэтому возникает вопрос о первом условии нормального функционирования гражданского общества. Чтобы оно было способным обеспечить России устойчивое развитие, государство должно выполнять, вообще говоря, единственную функцию по отношению к нему – обнести себя «красными флажками» и не позволять чиновнику лезть туда, где развитие должно осуществляться путем самоорганизации, «само». Если мы таким образом ставим вопрос, тогда должны сказать, что гражданское общество может развиваться и нормально функционировать только в условиях правового государства, установившего те «красные флажки», за которые чиновник ни полшага не должен заступать.

Проблема правового государства, правового сознания стала предметом нашего исследования по программе ТАСИС, подписанной Государственной Думой. В ответах на вопрос: «Кто прежде

всего нарушает трудовые, социальные, гражданские права населения?» на первом месте оказались сложившаяся структура власти; на втором – суды. Почти половина респондентов считает, что судьи коррумпированы; 46% утверждают, что суд делает то, что ему скажет власть; судьями управляют богатые и т.д. 16% определили, что судьи руководствуются законом. Такова характеристики правоохранительной системы, которая и обязана (!) следить за соблюдением наших прав. Способно ли в таких условиях гражданское общество выполнять функцию обеспечения общественной системы? Думаю, нет.

Один из важных элементов самоорганизации гражданского общества – местное самоуправление. Если оно действительно отделено от государства, тогда это элемент гражданского общества. Но если государство различными путями, и недофинансированием, и определенными противоречиями в законодательстве не выйдет из этой сферы, значит, у нас нормального самоуправления не будет.

Г.И. Марченко: Тезис о минимизации государства представляется достаточно понятным в свете всеобщего недовольства, неудовлетворенности самим государством, и все мы находимся под властью этого широко распространенного предубеждения. Выражу некое сомнение по отношению к высказанной мысли. Функции, которые выполняют гражданское общество и государство, разные. Хотя одновременно они могут и совмещаться, гражданское общество может брать на себя социальные функции, которые не выполняет государство. И до тех пор, пока существует государство, пока оно развивается, будут появляться все новые и новые направления внутри самого общества, которые не будут покрывать государство, и тогда инициативные, гражданственно мыслящие, озабоченные не только своим частным интересом люди берут на себя миссию осуществлять эту роль. С другой стороны – от веку гражданское общество высказывало и высказывает сомнение, недоумение тем, что творит государство. И в разных формах. Считаю также, что существует неформальное измерение гражданского общества, измерение сердца. Вряд ли нужно все сводить только исключительно к движениям против, т.е. протестным. Были и есть те движения, которые были «за», нередко они инициировались самим государством, понятно, в поисках поддержки. И, наконец, существовали и существуют внутри самого государства чиновники, государственные служащие, бюрократы, люди, которые думают все-таки о народе, о населении. И тогда жесткое разграничение и демаркация между гражданским обществом и государством становятся рыхлыми.

О.А. Митрошенков: Признаки гражданского общества в России как будто очевидны. Конституцией закреплены основные права и свободы, отменена цензура. Есть разные партии, парламент, социальные группы и актóры – бизнес, многочисленные СМИ, профсоюзы, суд. Есть гражданские протесты: против монетизации льгот (январь 2005, 240 тыс. чел.), увеличения цен на бензин (февраль, 50 тыс.), реформы ЖКХ (март, 100 тыс.), новых правил дорожного движения (январь 2006, 10 тыс. чел.), митинги в поддержку О. Щербинского (февраль, 25 тыс.). На некоторые протесты власть реагирует вполне конструктивно. Создана Общественная палата. Пожалуй, значимые штрихи гражданского общества этим и ограничиваются. Это дает возможность утверждать, что тезис о наличии в России гражданского общества весьма спорен. Сегодня на просторах страны наблюдается скорее совокупность атомизированных и довольно бесправных индивидов, фрагментированных образований, которые гражданского общества не создают.

Среди признаков отсутствия гражданского общества в России: *Во-первых*, *расколотость российского социума и населения по различным линиям* – бедные и богатые; Центр и регионы; столица и провинция; элиты и народ; чиновники и все остальные; по национальным, религиозным, культурным, поколенческим основаниям. *Во-вторых*, *отсутствие объединяющих ценностей*. Таких как доверие, солидарность, согласие по базовым основаниям общества, уважение к жизни, личности и достоинству человека. Доминирует противоположное, т.е. то, что десоциализирует его. *В-третьих – фактическая бессубъектность российского социума*. Субъект общества – это социальная единица, способная постоянно принимать и реализовывать значимые (в масштабах общества), самостоятельные и ответственные решения и действия. У нас есть актóры, действующие лица, статисты, даже личности, но субъектов, кроме Президента и его админи-

страции, нет: все остальные лишь реализуют его волю, и ничего не решают. Бессубъектность общества противоречит демократии и рыночной экономике, следовательно, и гражданского общества. *В-четвертых – отсутствие среднего класса.* В разрозненном обществе государство претерпевает опасные трансформации, становясь корпоративистским, оно преследует собственные цели и интересы, отличные от целей и интересов общества, что противоречит его природе и интенции целого. Суть этой модели – в государственном перераспределении ресурсов «своим». Этот вирус приобретает характер эпидемии. Депутаты Госдумы намерены снять законодательный запрет для себя на параллельное занятие бизнесом. Это намерение отражает желание депутатов «подзаработать», обрести собственность. В их самосознании нет и намека на поворот к статусу «слуги общества». Скрыть этот цинизм от населения нет никаких шансов. Пятое. Ведущим субъектом корпоративного государства стала бюрократия и сопутствующие ей теневые отношения, клиентелизм, коррупция, взаимные обязательства. Наше исследование показало низкий уровень доверия к политикам, вынужденность приспособления к действиям властей, скепсис в возможности влиять на их решения.

Однако развитие гражданского общества – это не одностороннее движение, не монополия государства и каких-то органов. В самом обществе важно осознание необходимости действий в этом направлении. Однако сегодня мало людей, готовых участвовать в контроле за деятельностью органов власти, в работе общественных организаций и самоуправления. В результате образуется замкнутый круг: власть игнорирует интересы граждан, которые отвечают ей тем же. Ситуация начнет меняться только тогда, когда само общество научится влиять на власть, задействуя разные каналы. И – прежде всего – нужны новые модели мышления и действий, решительные и эффективные.

О других аспектах создания в России гражданского общества говорили участники «круглого стола». В частности, по мнению *В.И. Патрушева,* формирование гражданского общества может опираться на реализацию социальных целей, принятых государством и обществом, различные структуры общинного самоуправления, другие общественные организации. Среди причин, сдерживающих развитие гражданского общества, *В.Ю. Леденева* назвала приоритет властных полномочий против отношений собственности, огромное неравенство доходов, неприязнь между богатыми и бедными, элитой и населением, порождающими социальные основы для авторитарного режима с националистическими чертами, криминализацию общества. По ее предположениям «России необходима собственная модель (гражданского общества), адекватная российским условиям и менталитету русского человека», которая «будет воплощать в себе такие идеалы русского народа как соборность, духовность и ориентацию на общие цели через реализацию частных». О семантических шкалах, позволяющих реально измерить взаимодействие гражданского общества и государства, говорил *И.Г. Яковлев.* Выступивший в заключение президент-ректор РАГС В.К. Егоров высоко оценил потенциал «круглого стола» и предложил провести по обсуждаемой теме еще несколько подобных обсуждений и дискуссий, выразив надежду на их конструктивность.

Е.П. Тавокин, д.соц.н. (РАГС, Москва),
И.А. Табатадзе, к.соц.н. (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

К вопросу об исторической памяти о Великой Отечественной войне

Под *исторической памятью* будем понимать обобщенный коллективный опыт социальной группы или общества в целом, который формируется в процессе развития представлений человека о мире, является актуальным для ныне живущего поколения и хранится при помощи системы средств массовой информации и особых социальных институтов, для актуализации и последующего использования накопленного исторического опыта[1]. Объектом отражения исторической памяти является прошлое во всем многообразии его проявлений в духовной и материальной сферах жизни общества через связь поколений. Историческая память отличается от идентичной категории «историческое сознание». Последнее выступает

[1] См.: Дмитриева М.Г. Состояние и тенденции развития исторической памяти в массовом сознании российского общества. Автореф, канд. дисс. М., 2005. С. 20.

как более общее понятие. Оно имеет гораздо более протяжённый временной и пространственный лаг, охватывает как важные, так и случайные события. Оно впитывает в себя не только систематизированную информацию (в основном через систему образования), но и неупорядоченную (через средства массовой информации, художественную литературу и т.д.), восприятие которой определяется особыми интересами общества, социальной группы или конкретной личности. Немалую роль в функционировании исторического сознания играет *случайная* информация, часто опосредованная культурой окружающих человека людей, семьи, а также в известной мере традициями, обычаями, которые несут в себе определённые представления о жизни народа, страны, государства.

Историческая память, по мнению Ж.Т. Тощенко, определенным образом «сфокусированное сознание», в котором информация о прошлом концентрируется и приобретает актуальность, благодаря её тесной связи с настоящим и будущим[1]. Она, по сути, является выражением процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности людей в настоящем или для возвращения его влияния в сферу общественного сознания. Содержание исторической памяти представляет собой относительно устойчивую совокупность идей, взглядов, представлений, чувств, настроений, отражающих восприятие и оценку прошлого во всем его многообразии, характерных и для общества в целом, и для отдельных людей, различных социально-демографических, социально-профессиональных и этносоциальных групп.

Начиная с первых дней существования человека, *прошлое* постоянно окружает его в повседневной культуре, находя свое отражение в межличностных отношениях, во взаимодействии социальных групп, в общественном строе; в обрядах, обычаях, традициях, интегрирующих социальный опыт; в фольклоре, произведениях литературы и искусства, способствующих пониманию прошлого через художественные образы и т.п. Благодаря подобной связи между поколениями образуется целостная история человечества. Отражение этой связи и представляет собой историческую память. В культуре любого народа происходит постепенное накопление образов, наследование живых форм культуры. И это не что иное, как результат работы исторической памяти.

Историческая преемственность одно из основных условий полноценного функционирования социума. Без осмысления истории своей страны, происходивших и происходящих социально-экономических, политических и духовных перемен общество теряет ориентацию в будущее. Кроме того, уважение к истории, формируя высокое чувство национальной гордости, одновременно учит любить Родину не только в дни побед, но и в моменты потерь и поражений, делить с родным народом не только плоды его исторического подъема, но и времена трудностей и исторических тягот. Именно тогда общность исторических судеб народа становится нерасторжимой связью между соотечественниками – во времени и пространстве. Поэтому историческая память является одной из основ национального самосознания и выражается в знании народом своей истории и своих героев, в верном восприятии прошлого своей страны, в следовании национальным традициям и общественным устоям. Сохранение традиционных устоев отнюдь не является помехой для общественного развития, наоборот, оно представляет собой основание для патриотизма и общественного совершенствования. Народ, утративший историческую память, самобытность, теряет вместе с этим и ту культурную «нишу», которую он исторически занимал в мировой цивилизации.

Историческая память – часть общественного сознания, а потому она не только персонифицирована, но и социальна. И хранителями (субъектами) ее выступают социальные общности: семья, нации, государство; отдельный же член общества, очевидно, не может быть рассмотрен как полноценный носитель всей совокупности фактов, включенной в историческую память. В то же время, подлинная историческая память не может существовать без личной исторической памяти, без знания того, что связано с личной судьбой конкретного

[1] Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память // Парадоксальный человек. М., 2001.

человека, историей его семьи, предшественников, которые функционировали в истории. Это означает, что человек не может в полной мере ощутить себя гражданином страны, если он не только не знает важнейшие события, вехи ее истории, но и родословную своей семьи, историю своего города, села, края, в котором родился или живет. Без памяти нет личности, без личности нет человека.

Таким образом, историческая память выступает в виде сложного и многогранного духовного образования, фиксирующего состояние устойчивости и изменчивости в общественном развитии и обеспечивающего преемственность, связь времен и поколений, что в целом является основой для правильной ориентации в будущее. Способность исторической памяти воспроизводить прошлое и увязывать его с будущим является фундаментальным свойством человека и человеческого общества. Она представляет собой один из ключевых механизмов соединения людей этническими связями, обеспечивая идентичность исторических предков, общие воспоминания, коллективные гордость и унижения, радость и сожаления, связанные с тем, что случилось в прошлом.

Историческая память не может отражать прошлое абсолютно бесстрастно. Возникающие акценты в восприятии прошлого формируются под влиянием, прежде всего, меняющихся политических и нравственных установок. Мозаичность, разобщённость современного российского общества, обусловленные снятием государством с себя этатичных, скрепляющих функций и (по этой причине) отсутствием каких-либо стратегических целей и вообще осмысленной объединительной идеи, почти полярное различие социально-групповых интересов накладывают существенный отпечаток на содержание исторической памяти в различных социальных группах, делая её внутренне противоречивой. В ней, как следствие, переплетаются правда и вымысел, а чаще - целенаправленно внедрённая ложь, подлинно научные знания и особым образом интерпретированные мифы с легендами, диалектика и метафизика. Историческая память, её элементы и состояние являются относительно новыми объектами социологических исследований. Получаемая с их помощью информация позволяет принимать более взвешенные, обоснованные решения в деятельности по формированию патриотического отношения населения к стране и государству, усиления воспитательного воздействия культуры, искусства, образования, средств массовой информации на этот процесс.

Результаты многочисленных исследований убедительно свидетельствуют о том, что из всех явлений прошлого наиболее устойчивым элементом исторической памяти российского населения, сохраняющим неизменно первую позицию в соответствующих рейтингах, является память о Великой Отечественной войне. Другие достижения нашей страны, которыми следует гордиться, исследования 1998 и 2004 гг. ранжировали (за небольшим, не имеющим принципиального значения положением некоторых явлений) в следующем порядке: послевоенное восстановление страны; великие российские поэты, писатели, композиторы; достижения отечественной космонавтики; первый полет Ю. Гагарина в космос; достижения российских спортсменов; отечественная система образования; авторитет России в мире; мощь и богатство дореволюционной России; достижения отечественной медицины; российская армия; ликвидация «железного занавеса»; выдающиеся российские цари и императрицы; мученики и святые русской православной церкви; Октябрьская революция 1917 г.; гласность и перестройка; успехи в создании рыночной экономики[1].

---

[1] См.: Исследование Центра социологических исследований АОН при ЦК КПСС «Историческая память (на примере исследования историческою сознания населения РСФСР)», проведенного в 1990 г. (общероссийская репрезентативная выборка,V=2196 чел.); исследования конца 1980-х-1990-х гг. ВЦИОМ и исследования Российского независимого института социальных и национальных проблем 1996 г.; результаты исследований социологического центра РАГС «Историческая память в массовом сознании населения России» 2001 и 2004 гг. (общероссийская репрезентативная выборка = 2401 и 1601 чел. соответственно), Аналитический доклад ИКСИ РАН «Граждане новой России: Кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить (1994-2004 гг.)». М., 2004 и др.

Память о Великой Отечественной войне при всех её проблемах, ошибках, провалах – сегодня, пожалуй, единственное историческое событие прошлого, которое в немалой степени объединяет население России и бывших республик СССР[1]. Можно утверждать, что в условиях современной идеологической и политической невменяемости победа в Великой Отечественной войне стала фактически опорной позитивной точкой российского национального самосознания. В 2002 г. президент РФ В. Путин в знаменательный день 22 июня заявил: «Мы будем защищать правду о Великой Отечественной войне и бороться с любыми попытками исказить эту правду и оскорбить память тех, кто пал». Однако за прошедшее время мало что сделано для этого. По-прежнему продопжаются, хотя и более скрыто, фальсификации, подтасовки, а нередко – чудовищная ложь на выдающийся подвиг советского народа. При этом применяются весьма изощрённые «информационные технологии». В частности, пробуждаются симпатии к тем, кто во время войны действовал на стороне гитлеровцев против СССР. Чаще всего они представляются в виде «невинных жертв» (например, командовавший карательной дивизией в Белоруссии группенфюрер СС фон Панвиц) или «борцов со сталинизмом» (предатель-генерал Власов). Перед юбилеем Победы в 2005 г. «по суворовским училищам и кадетским корпусам с помпой и почетом ездил капитан власовской армии П. Бутков, который рассказывал учащимся как он вместе с гитлеровцами уничтожал «проклятых большевиков»[2]. Подключились к развенчанию сущности Великой Отечественной войны и «властители дум». В 1990-е гг. в государственных издательствах издавалась художественная литература, оправдывающая предательство. Основной ее смысл сводился к тому, что да, власовцы были изменниками, но ведь они боролись со «сталинизмом».

Необходимо признать, что массированная информационная война в пространстве исторической памяти о Великой Отечественной войне дала определенные результаты. Главный результат – раскол исторического сознания. Былое единодушие в понимании роли и оценках значения Великой Отечественной войны сменилось довольно противоречивым разбросом мнений. При этом в наибольшей степени последствия разрушительной информационной кампании проявляются у молодёжи.

Несмотря на то, что ВОВ воспринимается гражданами России как наиболее значимое для страны событие, интерес к ней существенно снизился. Из материалов исследования, проведенного Социологическим центром РАГС в 2004 г.[3], следует, что только 38% граждан России очень интересует это событие. В молодёжных (до 39 лет) группах этот показатель колеблется в пределах 17-22%. Среди молодёжи 18-24 лет в 3 раза больше, чем в старшей (60 лет и старше), кто никого не помнит из полководцев Великой Отечественной войны, и в 2,5 раза меньше не помнящих Героев Советского Союза той поры. Благодаря стараниям властей, исключивших известный всему миру подвиг «Молодой гвардии» из школьной программы, ничего не знает о молодогвардейцах почти треть молодых людей до 29 лет.

Одним из главных индикаторов характера восприятия Великой Отечественной войны является оценка роли И.В. Сталина в ней. В целом почти две трети респондентов оценили её положительно, однако значения этого показателя в возрастных группах существенно различны. Если в самой младшей (18-24 года) возрастной группе его значение равно 48%, то в самой старшей (60 лет и старше) – 84%! И хотя в массовом сознании российского населения наблюдается тренд в сторону положительного восприятия деятельности И.В. Сталина[4], негативные тона также имеют высокий процент. В этом отношении показательны данные опроса ВЦИОМ о личности Сталина, проведенного осенью 1999 г.[5]. 32% российских граждан тогда считали, что он был жестоким, бесчеловечным тираном, виновным в уничтожении

---

[1] Историческая память: преемственность и трансформации // Социс. 2002, № 8.

[2] См.: Тарасов А. Еще раз о компетентности // Первое сентября. 2005, № 22.

[3] См.: Афанасьева А.И., Меркушин В.И. Великая Отечественная война в исторической памяти россиян // Социс. 2005. № 8.

[4] Это особенно наглядно появилось в «проекте», который был реализован на телеканале ОРТ в 2008 г. под названием «Имя Россия». Несмотря на отчаянные фальсификации, к нескрываемому неудовольствию его авторов «Сталин» занял третье место в итоговом рейтинге.

[5] Историческая память: преемственность и трансформации. Материалы «круглого стола» РАГС. М., 2002. С.22.

миллионов невинных людей. Ровно столько же полагали, что какие бы ошибки и пороки ему ни приписывались, самое важное то, что под его руководством советский народ вышел победителем в Великой Отечественной войне. Сравнение материалов других исследований разных лет показывает, что авторитет Сталина в памяти народа возрастает: в 1990 г. высоко оценили его историческую роль 6% опрошенных, а в 2001 г. - 33%[1].

В высокой степени коррелируют с приведенными данными социологических исследований материалы экспертного опроса, проведенного авторами в сентябре-октябре 2009 г.[2] По мнению экспертов, 60% населения России в целом положительно воспринимает Победу в Великой Отечественной войне, остальные – в основном положительно. 85% экспертов полагает, что события ВОВ полностью или частично искажаются. Главными средствами искажения являются телевидение (57%), пресса (52%), система образования (32%) и Интернет (25%), то есть все подконтрольные государству структуры. При этом очень сильно искажаются начальный период войны (62%) и берлинская операция (17%). Что касается личности И.В. Сталина, то в целом эксперты весьма положительно оценили значение его деятельности в период ВОВ: 21% экспертов уверены в том, что он сыграл решающую роль, а 64% – «важную, но не решающую роль».

Как видим, несмотря на длительные усилия, направленные на дезавуирование итогов и событий Великой Отечественной войны, они по основным, ключевым позициям не были восприняты исторической памятью, не приняты в научной среде, отвергнуты массовым историческим сознанием. Тем не менее, тотальные по своим масштабам усилия разоблачителей не могли пройти бесследно. Главное «достижение» этой кампании заключается в том, что произошёл раскол, раздвоение исторической памяти. Об этом можно судить по ответам экспертов на вопрос «Какие факторы, на Ваш взгляд, в наибольшей степени способствовали победе в ВОВ?». Они расположились следующим образом: героизм народа 91%; патриотизм 58%; ненависть к фашизму 31%; талантливые полководцы 28%; руководство страной И.В. Сталина – 20%.

Момент истины заключается в том, что предметом гордости нынешних российских граждан, согласно материалам нашего исследования, являются достижения, относящиеся к периоду советской истории в области культуры, литературы, искусства, в космонавтике, спорте; бесплатные образование, медицина, забота о детях; и, конечно же, всенародная самоотверженность и массовый героизм советских людей в Великую Отечественную войну 1941-1945 гг., не только отстоявших свою Родину, но и освободивших народы Европы от гитлеровского порабощения и спасших мир от фашизма. Сейчас настала пора остановиться в саморазрушении, очистить историческую память народа от чудовищных фантомов. В этом случае у России сохранится шанс и в будущем играть историческую роль, которая по праву предначертана ей.

Ж.Т. Тощенко, чл.-корр. РАН (гл. редактор журнала «Социс», Москва)

Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния[3]

Среди многочисленных проблем, которые стали волновать население нашей страны, возросшую актуальность приобрела специфическая форма общественного сознания и поведения людей, охватывающая знания, понимание и отношение людей к историческому прошлому, его взаимосвязи с реалиями сегодняшнего дня и его возможному отражению в будущем. Более обстоятельное рассмотрение этого феномена позволило сформировать представление об

[1] Результаты опроса населения Российской Федерации по проблемам исторического сознания // Социология власти. 2001. № 5-6. С. 18.

[2] Численность экспертной группы 99 человек, среди которых было 70% мужчин, 316% представителей военного образования, 224% – технического, а также по 15% экономического, юридического и другого гуманитарного.

[3] *Примечание редактора: Включение в нашу монографию статьи Ж.Т. Тощенко, опубликованной в 2000 г., определяется двумя обстоятельствами: Ж.Т. Тощенко удалось выявить актуальность проблемы исторической памяти для отечественной социологии; конкретные данные 1990-х гг. – основа для сравнения.*

историческом сознании, об *исторической памяти*, которые оказались весьма устойчивыми характеристиками образа жизни людей и которые во многом определяли их намерения и настроения, опосредованно оказывая весьма мощное влияние на характер и методы решения общественных проблем. Однако справедливости ради нужно отметить, что в 80-90-е годы, в годы интенсивного развития социологии и анализа ею многих сторон социального бытия, данные о состоянии и проблемах исторического сознания фиксировались походя, попутно и учитывались постольку, поскольку их нельзя было игнорировать при характеристике политических и этносоциальных процессов: даже при эпизодичности отрывочных данных они помогали выяснить суть происходящих в обществе перемен.

Именно в эти годы социологи столкнулись с необходимостью трактовки и такого феномена общественного сознания, как историческая память. В результате тщательного, шаг за шагом, исследования ее различных аспектов и форм проявления данное понятие стало учитываться более целенаправленно, более обстоятельно и постепенно получило как теоретическое обоснование, так и эмпирическую интерпретацию. На этой основе появились первые опыты самостоятельного социологического анализа исторического сознания, его противоречивой, специфической сущности, а также особенностей функционирования исторического знания как населения, так и специалистов-историков, в том числе и будущих, т.е. студентов.

Если охарактеризовать *суть и содержание исторического сознания*, то можно сказать, что оно представляет собой совокупность идей, взглядов, представлений, чувств, настроений, отражающих восприятие и оценку прошлого во всем его многообразии, присущим и характерном как для общества в целом, так и для различных социально-демографических, социально-профессиональных и этносоциальных групп, а также отдельных людей.

В социологии, в отличие от философии, исследуются не теоретический и обыденный уровень общественного сознания, а реально функционирующее сознание, выраженное в позициях конкретных людей. Так как социологи обращаются за информацией к самим людям, то они сталкиваются с тем, что каждый отдельный объект научного исследования – человек, группа, слой, когорта – представляет весьма причудливое сочетание некоторых научных и повседневных (бытовых) представлений об истории в целом, истории России, истории своего народа, истории своего города, села, и иногда своей семьи. Особенно часто объектом пристального внимания становятся значительные исторические события, касающиеся страны, социальных слоев и групп, отдельной личности, некоторые проблемы в жизни народа.

Историческое сознание как бы «разлито», охватывает и важные, и случайные события, впитывает в себя как систематизированную информацию, в основном через систему образования, так и неупорядоченную (через средства массовой информации, художественную литературу), ориентация на которую определяется особыми интересами личности. Немалую роль в функционировании исторического сознания играет случайная информация, часто опосредованная культурой окружающих человека людей, семьи, а также в известной мере традиции, обычаи, которые несут в себе также определенные представления о жизни народа, страны, государства.

Что же касается *исторической памяти*, то это определенным образом сфокусированное сознание, которое отражает особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим. Историческая память по сути дела является выражением процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности людей или для возвращения его влияния в сферу общественного сознания.

При таком подходе к исторической памяти хотелось бы обратить внимание на то, что *историческая память не только актуализирована, но и избирательна* – она нередко делает акценты на отдельные исторические события, игнорируя другие. Попытка выяснить, почему это происходит, позволяет утверждать, что актуализация и избирательность в первую очередь связаны со значимостью исторического знания и исторического опыта для современности, для происходящих в настоящее время событий и процессов и возможного их влияния на будущее. В этой ситуации *историческая память нередко персонифицируется*, и через оцен-

ку деятельности конкретных исторических личностей формируются впечатления, суждения, мнения о том, что же представляет особую ценность для сознания и поведения человека в данный период времени. Историческая память, несмотря на *определенную неполноту*, обладает все же удивительной особенностью удерживать в сознании людей основные исторические события прошлого вплоть до превращения исторического знания в различные формы мировоззренческого восприятия прошлого опыта, его фиксации в легендах, сказках, преданиях. И, наконец, следует отметить такую особенность исторической памяти, когда в сознании людей происходит *гиперболизация, преувеличение* отдельных моментов исторического прошлого, ибо она практически не может претендовать на прямое, системное отражение — она скорее выражает косвенное восприятие и такую же оценку прошлых событий.

Данные социологических исследований 1990-х гг. показывают *достаточную устойчивость* в оценке исторического прошлого, хотя возможные для сравнения данные базируются на различных социологических исследованиях, осуществленных разными социологическими организациями с применением неодинаковых методик.

Так, в рамках всероссийского исследования «Историческое сознание: состояние, тенденции развития в условиях перестройки» (май — июнь 1990 г., N - 2196 человек, руководитель В.И. Меркушин) наиболее значительными событиями для судеб народа были названы: эпоха Петра I (мнение 72% опрошенных); Великая отечественная война (57%); Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война (50%); годы перестройки (38%); время борьбы с татаро-монгольским игом (29%); период Киевской Руси (22%). Далее следовали: годы после отмены крепостного права (14%); период НЭПа (12%); индустриализация, коллективизация и культурная революция (12%); время царствования Ивана Грозного, правление Екатерины II, первая русская революция (все по 11%)[1]. Интересно отметить, что этот порядок в значительной степени сохраняется в последующие годы, хотя и имеет свои особенности. Так, по данным Российского независимого института социальных и национальных проблем (опрос 1996 г.), эпоху Петра Великого как предмет национальной гордости назвали 54% опрошенных. Что касается реформ Екатерины II, то их высоко оценили 13%, период освобождения крестьян в царствование Александра II – 9%. В то же время период застоя был оценен положительно 17% опрошенных, хрущевская оттепель – 10%. Самые последние экономические события – перестройка и либеральная реформа – отторгаются – их позитивно оценивают соответственно 4 и 3% опрошенных.

Следовательно, несмотря на определенные колебания в официальной политике российской власти в 1990-е гг. и многочисленные попытки пересмотреть историю России, в сознании и в исторической памяти населения продолжают оставаться как наиболее значительные периоды, когда Россия претерпевала серьезные и порой кардинальные изменения – период реформ Петра I и Екатерины II, отмена крепостного права, русские революции XX в.

Несколько иная ситуация складывается, когда людьми оцениваются события XX в., ибо здесь срабатывает *краткосрочная историческая память*, когда многие ее реальные участники еще живы и события истории еще являются *частью личной жизни* человека и поэтому не избавлены от индивидуального их восприятия, их специфического понимания и объяснения. На это восприятие накладывают отпечаток официальные и полуофициальные трактовки событий, литературные и бытовые оценки деятельности государственных и общественных деятелей, причем многие из них многократно пересматривались применительно к происходящим изменениям в политической жизни страны. Но – и это можно отнести к *парадоксам – основные параметры массовых установок по отношению к важнейшим событиям XX в. остаются без изменения*. Иначе говоря, *историческое сознание проявляет определенную устойчивость, последовательность* – на него мало повлияли колебания – порой и резкие, происходящие в официальной пропаганде. Феномен отторжения скороспелых выводов о тех или иных событиях – предмет особого разговора. Но очевидно, что *попытки воздействовать на*

[1] Историческое сознание: состояние и тенденции развития в условиях перестройки (результаты социологического исследования) // Информационный бюллетень Центра социологических исследований АОН. М., 1991. С.96.

историческую память в угоду политическим и идеологическим интересам, изменить историческое сознание по большому счету не удаются.

Рассмотрим это подробнее. Так, в исследованиях начала 1990-х гг. важнейшим событием XX в. признается Великая Отечественная война, занимая первое место (57% опрошенных) по сравнению с Октябрьской революцией (второе место, 50%). Этот порядок не изменился в оценке этих событий в последующие годы, несмотря на огромные общественные сдвиги в политическом и экономическом устройстве страны, что лишний раз подтверждает, что нет автоматизма влияния общественного бытия на общественное сознание. Исследования Всероссийского центра исследования общественного мнения (ВЦИОМ), охватившего по репрезентативной выборке все население России, показали, что в 1989 г. самым выдающимся событием XX в. Великую Отечественную войну (вторую мировую войну) назвали 77%, в 1994 г. – 73% опрошенных[1]. В других, в том числе и региональных исследованиях, феномен Великой Отечественной войны также высоко оценивается исторической памятью. Такое мнение требует, на наш взгляд, особого пояснения. Великая Отечественная война оценивается исторической памятью как наиболее значимое событие, во-первых, потому, что эта память связана с историей каждой семьи, ибо это событие затронуло самые существенные и сокровенные стороны в личной жизни людей. Во-вторых, это событие определило не только будущее нашей страны, но и всего мира и поэтому его оценка базируется не только на осознаваемом, но и на интуитивном признании роли этой войны в истории всего человечества. В-третьих, Великая Отечественная война, как справедливо утверждает Л.Д. Гудков, стала «*символом, который выступает важным элементом позитивной коллективной идентификации, точкой отсчета, мерилом, задающим определенную оптику оценки прошедшего и отчасти понимания настоящего и будущего*»[2]. О том, что это событие стало символом для всего народа, всех его слоев и групп, свидетельствует тот факт, что значимость этой войны для истории народа отметили 70% юношей и девушек в возрасте до 25 лет и 82% людей старше 50 лет. А это означает, что *опыт в оценке старшего поколения трансформировался и приобрел символическую значимость и для последующих поколений.*

Этот показатель усиливается тем обстоятельством, что в условиях современной идеологической и политической невнятицы победа в Великой Отечественной войне стала фактически *единственной позитивной опорной точкой национального самосознания нынешнего российского общества.* И хотя в 1990-е гг. были предприняты многочисленные попытки дезавуирования итогов и событий этой войны, они были отвергнуты исторической памятью. Попытки пересмотра значения битвы под Москвой, Сталинградом, попытки дегероизации подвигов Зои Космодемьянской, Александра Матросова и других были не только не приняты в научной среде, но и отвергнуты массовым историческим сознанием. Точно также не воспринимаются и не находят отклик «исследования» типа книг В. Суворова – они в лучшем случае становятся достоянием группы людей, не столько жаждущих истины, сколько ищущих повод для выражения своих амбиций, приобретения славы, производства сенсации, получения популярности и денег. Само *национальное самосознание как бы защищается от этих нападок, не желает потакать тому, что может унизить национальное достоинство, историю страны и историю своего «я».* По большому счету, это отказ поддержать ревизию того, что сплачивает народ и отказ от чего может обернуться крупнейшей духовной, а затем и политической катастрофой.

Что касается *Октябрьской революции*, то она в историческом сознании предстает как знаменательная веха, как точка отсчета, которая знаменовала поворот в мировой истории. Однако как знаковое событие ее оценка по оси «положительно – отрицательно» серьезно изменилась в 1990-е гг.: значительно выросло число людей, которые критически оценивают итоги и результаты революции. По данным ВЦИОМ, в 1989 г. Октябрьскую революцию к важней-

---

[1] Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. - Информационный бюллетень. 1997. №5. С.12.

[2] Там же. С.13.

шим событиям XX в. отнесли 63%, в 1994 – 49% опрошенных[1]. Однако, признавая роль этого события, люди оценивают это событие неоднозначно. В упомянутом исследовании под руководством В.И. Меркушина (1990 г.), 41% опрошенных оценили Октябрьскую революцию как первую в истории успешную социалистическую революцию, 15% – как народное восстание, 26% – определили ее как стихийное стечение обстоятельств, приведших к власти большевиков. Кроме того, 10% оценили Октябрьскую революцию как переворот, совершенный кучкой интеллигенции, а 7% – как заговор большевиков[2]. Эта неоднозначность оценок продолжает сохраняться и в настоящее время, ибо в обществе существуют политические силы, которые желают перечеркнуть многие страницы истории, связанные с существованием Советской власти, *представить советскую историю как некий провал в развитии российского общества*.

Что касается других значимых событий в жизни советского (российского) общества в XX в., то в качестве важнейших в разные годы назывались различные события. Но под влиянием политической конъюнктуры, общественного настроения эти оценки существенно изменялись, иногда коренным образом. Так, по данным ВЦИОМ, в качестве важнейших событий этого века назывались массовые репрессии в 1989 г. – 23%, в 1994 г. – 16%, войну в Афганистане – 12% в 1989 г. и 24% в 1994 г., а начало перестройки соответственно 23 и 16%. После 1991 г. как одно из важнейших событий многие люди стали называть распад СССР (в 1994 г. – 40%). В других исследованиях и в другом контексте об этом сожалели до 70%, что сопоставимо с цифрой 71% голосовавших за сохранение Советского Союза на референдуме в марте 1991 г. Иначе говоря, из событий XX в. нас объединяет и роднит в основном только оценка Великой Отечественной войны. Подобное единодушие проявляется и при оценке наших научно-технических достижений, таких, как полет Ю. Гагарина, освоение космоса, что отмечает практически каждый третий опрошенный.

Однако способность людей, их общественного сознания квалифицированно судить об историческом прошлом, правильно воспроизводить и давать оценку историческим событиям подвергается серьезному сомнению. В исследовании В.И. Меркушина вместе с населением опрашивались и эксперты – 488 преподавателей исторических дисциплин в школах, техникумах и вузах, которые скептически охарактеризовали возможность многих людей критически мыслить и делать обоснованные выводы.

Таблица 1

Оценка уровня исторического мышления людей (в % к числу опрошенных)

Умения	Уровни			Затруднились ответить
	Высокий	Средний	Низкий	
Умение воспроизводить историческое прошлое, чувствовать эпоху	2	28	61	9
Умение ориентироваться в историческом пространстве и времени	1	24	65	9
Умение вскрывать причинно- следственные связи в истории	1	14	78	6
Умение свободно оперировать историческими фактами	1	21	70	7
Умение определить достоверность исторических фактов	1	16	67	15

[1] Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. - Информационный бюллетень. 1997. №5. С.12.

[2] Историческое сознание: состояние и тенденции развития в условиях перестройки (результаты социологического исследования) // Информационный бюллетень Центра социологических исследований АОН. М., 1991. С.96.

Эти издержки исторического мышления особенно наглядно проявляются, когда исследуется историческое сознание отдельных народов, когда при оценке прошлого в их памяти актуализируются события, которые определяли их судьбу. Здесь происходит удивительное *переплетение рационального и эмоционального восприятия*, ревностная оценка поворотных событий в жизни своего народа и их последствий.

Так, при исследовании общественного мнения населения Северного Кавказа по ряду проблем социально-политического развития в ходе социологических наблюдений было замечено, что многие явления и события минувшего века до сих пор будоражат умы людей, приковывают к себе пристальное внимание деятелей культуры и науки. Наиболее глубокий след в памяти этих народов оставила Кавказская война 1817-1864 гг. Как оказалось, эта память концентрирует в себе не только открытую и доступную для всех информацию, но и *латентные источники* – такие, как семейные предания и легенды, рассказы, народные песни, официальная и неофициальная топонимика. Специальное исследование, проведенное отделом философии и социологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований в 1995 г., показало: той или иной информацией о Кавказской войне располагали 84% всех опрошенных, в том числе 95% адыгов. Более того, это событие имеет не просто характер воспоминания о прошлом – около 40% (среди адыгов 55%) считают, что это событие тесно вплетено в социально-политическую реальность современности. В этой связи, на наш взгляд, следует особо подчеркнуть, что в массовом, реально функционирующем сознании проявлены достаточно разнообразные характеристики причин этой войны. Вопреки некоторым «научным» и околонаучным утверждениям, что во всем виновата самодержавная политика России, в массовом сознании такой позиции придерживались только 46% опрошенных, в то время как 31% обвинили Турцию и 8% – местных феодалов[1]. Мы становимся очевидцами того факта, что историческая память, как и плоды некоторых исторических изысканий, используется в текущей политико-идеологической полемике, ангажируются различными политическими силами.

Сейчас *искусственно созданные модели интерпретации прошлого* отмечены этноцентризмом, эмоциональной окрашенностью и, будучи поддержаны массовым сознанием, стимулируют мышление по аналогии; их авторы пытаются объяснить современные проблемы с «методологических» позиций концептуальной и мировоззренческой архаики, что иногда причудливым образом уживается с самыми различными научными теориями. Многие специфические, но очень важные для отдельных народов события становятся весьма весомым фактором как общественного сознания в целом, так и их исторической памяти, вовлекая в явную, а иногда и незримую дискуссию и представителей других народов, в настоящее время проживающих на данной территории (события прошлого в истории Татарстана, судьбы государственности Тувы, историческое прошлое разделенного лезгинского народа и др.). *Правильная расстановка акцентов в толковании исторических событий способствует в первую очередь рациональному, дружественному сосуществованию народов*. В ином случае появляются настороженность, предубеждение, негативные клише («империя», «шовинистическая политика» и т.п.), которые имеют особенность долго сохраняться, нагнетать социальную напряженность и порождать конфликты.

Еще раз подчеркнем, что при выявлении суждений об исторических деятелях *оценивается не столько личность как таковая, а совокупность тех деяний, которые повлияли на ход истории и которые принесли кардинальные изменения в жизни миллионов людей*. В этом смысле понятно, что оценка реформ Петра I как наиболее выдающегося события российской истории коррелирует с оценкой самого Петра, деятельность которого позитивно оценивали в начале 1990-х гг. 74% населения[2]. В этом же исследовании были высоко оценены результаты деятельности В.И. Ленина (мнение 57%), Г.К. Жукова (55%), Александра Невского (28%).

---

[1] Хунаху Р.А., Цветков О.М. Исторический феномен в современном преломлении //Социс, 1995, № 11.

[2] Историческое сознание: состояние и тенденции развития в условиях перестройки (результаты социологического исследования) // Информационный бюллетень Центра социологических исследований АОН. М., 1991. С.96.

Другие исследования, проведенные в более позднее время, также показывают определенную устойчивость в оценке исторических деятелей, в первую очередь Петра I, Екатерины II, Ивана Грозного, Александра II. Конечно, в оценке значения тех или иных деятелей проявляется некоторый *перекос*, а именно – близость и сопричастность к жизни XX в. вносит определенные коррективы, хотя они по своей сущности различны. Так, при оценке Г.К. Жукова, несмотря на критику его действий, на сомнения, которые были высказаны в ряде публикаций, его личность все более и более героизируется, приобретает черты общенационального масштаба, превращаясь в символ национальной гордости и непогрешимости (святости, как это было бы сказано в прошлые века).

При оценке же таких деятелей XX в., как В.И. Ленин, И.В. Сталин, при всей значимости этих фигур (их роль признается большинством населения), оценка их деятельности распадается как на позитивную, так и негативную. Эта *эмоционально-ценностная оценка* политических деятелей тесно коррелирует с личным опытом, индивидуальным восприятием и персональным их приятием или отторжением.

Таблица 2

Оценки политических деятелей России XX в. – что принес тот или иной деятель – больше положительного или больше отрицательного (в % к числу опрошенных)
(опрос ВЦИОМ, январь 2000 г.).

	Положительного	Отрицательного
Николай II	18	12
Сталин	26	48
Хрущев	30	14
Брежнев	51	10
Горбачев	9	61
Ельцин (март 1999 г.)	5	72
Ельцин (январь 2000 г.)	15	67

Очевидно, что на такие оценки, как и при оценке исторических событий, прямое влияние оказывает личное представление о современниках, стоявших у кормила власти, или информация, которая связана с краткосрочной памятью, сформированной в значительной части населения под влиянием среды. И если о ранее функционирующих личностях оценка близка к воспоминаниям (общественное мнение нельзя упрекать в незнании закулисных механизмов власти), то на современников переносится вся ответственность за трудности, переживаемые сейчас Россией. И тот факт, что в январе 2000 г. общественное мнение несколько изменилось по отношению к Ельцину (как и анализ некоторых других данных), позволяет утверждать, что уход Ельцина воспринимается людьми не как смена лиц (урочная или досрочная – это не столь важно), а как признак окончания определенной нерадостной и противоречивой для людей эпохи, которые склонны простить кое-что как прощают свершившуюся, но уже малоисправимую утрату. И в тоже время, как свидетельствуют данные этого исследования, 46% опрошенных считают, что предоставлять ушедшему президенту гарантии безопасности не следовало, поскольку он должен отвечать за незаконные действия и злоупотребление властью[1].

И все же, эти и подобные оценки исторических личностей прошлого, несмотря на некоторую кажущуюся хаотичность, все же и на уровне массового исторического сознания улавливают роль и значение наиболее выдающихся деятелей прошлого. Информация, циркули-

[1] Левада Ю. Мнения и настроения. Январь 2000 г. // Независимая газета, 2000. 9 февраля

рующая в обществе на уровне этого сознания, в принципе соответствует тому, чего придерживаются и в исторической науке, и в процессе преподавания в вузах, среднеспециальных и общеобразовательных учебных заведениях. И в этом их величайшая заслуга. Несколько особняком стоит характеристика усилий СМИ на поле исторического знания. В большинстве они следуют сложившимся концепциям, и если искажают в процессе изложения некоторые исторические факты или события, то в большинстве случаев не изменяют общую оценку исторического прошлого. Отдельные случаи грубейшего попрания истории при всем кажущемся интересе читателей проходят практически бесследно, не затрагивая глубинные пласты памяти.

Более предметно и наглядно выглядят исторические предпочтения людей при их оценке выдающихся деятелей XX в. *по определенным параметрам*, по тем сферам общественной жизни, в которой они действовали. Так, Российским независимым институтом социальных и национальных проблем был проведен в 1999 опрос о том, кого россияне считают «самым-самым» в уходящем веке среди военноначальников и ученых.

Что касается военных, на первом месте оказался Г.К. Жуков, на втором - К.К. Рокоссовский, на третьем – С.М. Буденный (21%). В десятку наиболее выдающихся военных деятелей России XX в. вошли М.Н. Тухачевский (17%), К.Е. Ворошилов (15%), М.В. Фрунзе (15%), И.С. Конев (13%) и В.К. Блюхер (8%). Примечательно, что в десятку выдающихся российских полководцев вошли белогвардейский адмирал А.В. Колчак (12%) и герой первой мировой войны генерал А.А. Брусилов (7%).

Что касается ученых, то наиболее выдающимся участники опроса признали «отца советской космонавтики» С.П. Королева (51%). На втором месте – великий русский теоретик космоплавания К.Э. Циолковский (39%). В первую десятку вошли также один из создателей атомной бомбы И.В. Курчатов (28%), изобретатель легендарного автомата М.Т. Калашников (25%), биолог и селекционер И.В. Мичурин (17%), физиолог И.П. Павлов (16%), генетик Н.И. Вавилов (15%), авиаконструктор А.Н. Туполев (13%), физик П.Л. Капица (13%) и литературовед Д.С. Лихачев (14%)[1].

Анализ этих мнений позволяет сделать вывод, что в данной информации достаточно четко проявляются оценки, которые содержатся в научных и научно-популярных публикациях, хотя там не ставится задача определения рейтинга исторических персонажей.

Характерной чертой исторического сознания в конце 1990-х гг. стал отход от идеологических оценок и признание роли и значения деятельности той или иной личности без обязательного соотнесения ее с интересами определенных классовых или политических сил. В этом отношении показательны данные опроса ВЦИОМ *о личности Сталина*, проведенного осенью 1999 г. 32% российских граждан считают, что он был жестоким, бесчеловечным тираном, виновным в уничтожении миллионов невинных людей. Ровно столько же полагают, что какие бы ошибки и пороки ему ни приписывались, самое важное то, что под его руководством советский народ вышел победителем в Великой Отечественной войне. «Мы еще не знаем всей правды о Сталине и его действиях» – убеждены 30% опрошенных[2].

На наш взгляд, такая характеристика отражает *противоречивость, неоднозначность, а иногда и парадоксальность* оценок деятельности конкретных исторических деятелей. Но именно такие оценки являются наиболее действенными и объективными по сравнению с некоторыми исследовательскими «трудами», в которых авторы поставили заранее заданную цель доказать ту или иную версию. Ради нее они подбирают только тот материал, который подтверждает их идеи и исключает всю ту информацию, которая может быть поставлена под сомнение. И вот в настоящее время мы становимся свидетелями публикаций о Ленине, Сталине, Николае II, о других исторических персонажах, в которых «исследуется» их жизнь с позиций прямо противоположных, тому, что писалось 20-50 лет назад. Но если раньше авторы таких «трудов» ставили задачу возвеличить (или очернить), подбирая соответствующую фактуру и игнорируя все, что противоречит позитивной (негативной) информации, то в 1990-

[1] Комсомольская правда, 1999. 21 декабря.
[2] Комсомольская правда, 1999. 21 декабря.

е гг. с таким же рвением и подобострастием подбираются факты и информация прямо противоположного характера с целью доказать иные положения, иные установки. В этой ситуации становятся весьма любопытными данные общественного мнения, которые более полно, объемно и объективно характеризуют противоречивость жизни и деятельности многих исторических личностей.

Огромный пласт исторического сознания представляет информация, которая относится к восприятию того, что связано с жизнью личности, ее ближайшего окружения. Представление о лицах национальных героев, гениев, талантов и их деятельности хранится в совокупной исторической памяти, как в своеобразном музее – их знают по учебникам, по научной и художественной литературе. Но таких — единицы. *Память же о миллионах и миллионах других* хранится в запасниках этого музея, в *памяти только близких, родных, друзей.* Но это миллионы кирпичиков в фундаменте нашей исторической памяти, безымянные работники и свидетели, без которых немыслима сама История и, что особенно важно, *наша причастность к ней.* Глубоко убежден, что человек не может в полной мере ощутить себя гражданином страны, если он не только не знает важнейшие события, вехи ее истории, но и *родословную своей семьи, историю своего города, села, своего края, в котором он родился или живет.*

К сожалению, большинство советских людей (россиян) имеет весьма приблизительное знание о своем генеалогическом дереве, часто не дальше третьего поколения, т.е. своего деда. Об этом свидетельствуют данные, полученные в социологическом исследовании 1990 г.[1] На вопрос «Составлялась ли в Вашей семье родословная?» только 7% дали положительный ответ. На вопрос «В чем видите причины слабого знания истории своей семьи?» 38% сказали, что некому было рассказать об этом, а 48% утверждали, что этот вопрос для семьи был безразличен, к нему относились равнодушно. Эта *отчужденность от личной приобщенности к истории*, пренебрежение к своим корням проявляются и в том, что только 14% заявили, что знают историю происхождения своей фамилии (20% утверждали, что знают частично). Не высока и культура отношения к фамильным реликвиям. Пока она ограничивается хранением таких *материальных носителей*, которые имеют краткосрочную историю: 73% утверждали, что у них есть фотографии бабушек и дедушек (обратите внимание, что 27% даже не стали и этого утверждать), 38% – что есть такие памятные вещи как ордена, медали, почетные грамоты, наградные знаки. О письмах с фронта, других семейных реликвиях сказали 15%, а о дневниках, рукописях, переписке – только 4% опрошенных. Как характеризовать этот *личный срез исторического сознания*, исторической памяти? На наш взгляд, можно говорить о его слабой развитости, о том, что оно низкокачественно, и осмелюсь утверждать, оно подрывает основы более высоких чувств – патриотизма, гордости за свою страну, готовности ее защищать и отстаивать ее интересы. В этой связи позволю себе одно личное воспоминание. Будучи в 1959 г. в своей первой зарубежной туристической поездке – а это была ГДР, меня в соответствии с программой поселили на два дня в семью немецких крестьян в Саксонской Швейцарии. Велико было мое удивление, когда вечером глава семьи (заметьте – крестьянин) продемонстрировал мне книгу записей, в которой велась родословная этой крестьянской семьи с XVII в. Судя по этим записям, это была непрерывающаяся хронология крестьянского рода, который успешно дожил до XX в. и, учитывая профессии сына и дочерей этого крестьянина, собирался продолжить эту впечатляющую традицию и дальше.

К сожалению, в нашей стране такие традиции были или утрачены (для дворянских и купеческих семей), или не культивировались (для крестьянских и мещанских семей). Почему это случилось – это тема отдельного разговора, хотя в социологической литературе мы уже имеем первые опыты (на основе биографического метода) обстоятельного анализа истории ряда семей в нескольких поколениях, что дает образную, живую, раскрашенную всеми крас-

---

[1] Историческое сознание: состояние и тенденции развития в условиях перестройки (результаты социологического исследования) // Информационный бюллетень Центра социологических исследований АОН. М., 1991. С.93.

ками историю страны через историю семьи[1]. Знание о семейной родословной тесно переплетается с историей своего народа. Национальная самоидентификация всегда играла огромную роль в личном поведении людей, но ее значение особенно возросло в условиях переходного периода. В исследовании В. И. Меркушина на вопрос «Испытываете ли Вы гордость за Родину, свой народ, свой город, свой коллектив?» первое место заняла оценка своей этнической принадлежности – об этом сказали 62% опрошенных.

К вопросу об *истории семьи* примыкает информация об *истории своего города (села),* которая не намного превышает показатели знания о своей родословной: о том, что они эту историю знают, говорили 17% людей. Правда еще 58% претендовали на то, что они что-то знают об истории города (села), но это, во-первых, относилось больше к горожанам, а во-вторых, здесь срабатывал эффект присутствия – что-то знать еще не означает удовлетворительности этого знания. Показателен и тот факт, который регистрирует не просто созерцательное отношение к истории, но и желание внести свой вклад в сохранение ее ценностей, ее объектов и символов. Согласно имеющейся информации, только 4% людей принимают непосредственное участие в восстановлении памятников истории и культуры. Еще 33% говорили о том, что они содействуют этому процессу, в частности, внося некоторые средства в их восстановление. Иначе говоря, *гражданская активность людей по отношению к своему историческому прошлому* еще невелика. С личной исторической памятью и историческим сознанием связан ренессанс интереса к народному духу, тяга к культурному и духовному наследию прошлого. Положительно воспринимаются восстановление памяти незаслуженно забытых имен (мнение 58%). 85-91% активно поддерживает возрождение народных промыслов, народной медицины, народных гуляний, ярмарок.

Анализ проблемы «историческое знание – каково оно?» начну с данных уже упоминавшегося исследования В.И. Меркушина. На вопрос «Удовлетворяет ли Вас качество исторического образования в школе?» положительный ответ дали всего 4% опрошенных. Даже каждый второй преподаватель (48%) признал уровень преподавания истории в школе низким. А ведь историческое сознание, историческая память, объективно отражающие хотя бы основные вехи в развитии страны, народа не могут сформироваться без того, чтобы историческая информация подавалась систематически, полно, без преобладания эмоций и попыток фальсификации, когда исторические факты замещаются всякими версиями, порожденными больше фантазиями и произвольной отсебятиной.

Между тем *тяга к историческому знанию значительна*. Интерес к прошлому продиктован желанием знать правду о прошлом (мнение 41% опрошенных), стремлением расширить кругозор (30%), потребностью понять и узнать корни своей страны, своего народа (28%), желанием знать уроки истории, опыт предшествующих поколений (17%), стремлением найти в истории ответы на злободневные вопросы (14%). Как видим, мотивы достаточно убедительны, достаточно ясны и в определенном смысле благородны, так как отвечают потребности людей быть гражданами своей страны в полном смысле этого слова. Здесь включаются и *мотивы идентификации* (быть вместе со своей страной, своим народом) и *стремление к объективным знаниям*, ибо это, по мнению 44% опрошенных, позволяет лучше понимать современность, а, по мнению еще 20%, помогает в принятии правильных решений. 28% населения видят в историческом знании ключ к воспитанию детей, а 39% считают, что без знания истории невозможно быть культурным человеком. Примечательна самооценка людьми своих знаний истории:

---

[1] Козлова Н.Н. Крестьянский сын: опыт исследования биографии. Социс, 1994, № 4; ее же. Горизонты повседневности советской эпохи: голос из хора. М., 1996: Чуйкина С.А. Реконструкция социальных практик. - Социс, 2000, № 1

Таблица 3

Степень оценки исторических знаний (в % к числу опрошенных)

Виды исторического знания	Самооценка знания			Затрудняюсь ответить
	Хорошо	Посредственно	Плохо	
История России	17	56	15	9
История своего народа	14	50	21	10
Всеобщая история	3	38	35	18

Примечание: недостающее количество процентов (по строке) относится к воздержавшимся от любого ответа

Теперь сравним эти данные с суждениями экспертов-учителей истории, преподавателей исторических дисциплин в вузах и техникумах, которые в этом исследовании отвечали на аналогичные вопросы. 44% из них признали уровень знаний у населения по истории России средним и низким. По истории своего народа соответственно средним и низким 25 и 63%, по всеобщей истории – 20 и 69%. Примечательно, что, на наш взгляд, такие данные достаточно точно отражают реальную сложившуюся ситуацию с «главными» историями. Стоит также признать, что история своей страны, своего народа будет всегда «ближе» к сердцу, чувствам, социальным ценностям и настроению людей. Причем интерес к различным эпохам (этапам) в жизни неодинаков.

Таблица 4

Наиболее интересные темы в истории России (в % к числу ответивших).

Темы	Население	Студенты
Жизнь выдающихся ученых, полководцев, деятелей культуры	48	51
История Древней Руси, становление централизованного государства	37	33
Жизнь и деятельность царей, ханов, князей	29	32
Жизнь, быт, обычаи, традиции, устное народное творчество	27	40
История народов нашей страны	22	13
История советского общества	20	6
История религиозных движений и учений	17	12
История освободительного и революционного движения	10	1

Ответ на эти потребности призваны дать все – и система образования, и семья, и средства массовой информации, и художественная литература, и наука. Это – важная задача, ибо, по мнению 80% преподавателей-историков, самой страшной бедой является не столько плохое, недостаточное или одностороннее историческое знание, сколько искажение этого знания, засилье устаревших догм. Немалый вред наносят и «новаторские» поиски, например трудов академика А.Т. Фоменко и его адептов и соавторов, в которых ставится под сомнение вся выработанная многими поколениями историков система научного знания[1]. Издаваемые стотысячными тиражами по сравнению с мизерным количеством научных исторических трудов, эти сочинения претендуют на замещение прежнего исторического знания произвольными версиями и домыслами. Спасает сейчас одно – и в этом, может быть, сказывается упоминаемая устойчивость исторического сознания – что, как показывают пробные опросы, эта ин-

[1] См.: Мифы «новой хронологии» академика А.Т. Фоменко. (Материалы научной конференции в МГУ) // Новая и новейшая история. 2000. № 3.

формация рассматривается читателями как особый вид фантастики и приключений наравне с детективами и отнюдь не научной фантастики в ярких обложках, заполонившими прилавки на книжных развалах.

В заключение хотелось бы отметить один примечательный факт: в настоящее время происходит процесс формирования очень интересной научной дисциплины – исторической социологии. Исходя из этой объективной потребности, журнал «Социологические исследования» на суд общественности вынес многие волнующие людей и поныне события прошлого. Это нашло отражение в материалах Б.Н. Казанцева о «неизвестной» статистике уровня жизни рабочего класса (1993, № 4) и о проблемах занятости городского населения в середине 60-х годов (1996, № 5); А.А. Шевякова о всесоюзной переписи 1939 г. и «тайнах» послевоенной репатриации (1993, № 5 и № 8) и советской продовольственной помощи странам народной демократии (1996, № 8); В.П. Попова о демографической ситуации в России в 40-е годы и после Великой Отечественной войны (1994, № 10; 1995, № 3- []); о паспортной системе в СССР (1995, № 8-9); В.Н. Земскова о заключенных в 30-е годы (1996, № 7) и репатриации советских граждан и их дальнейшей судьбе (1995, № 5-6). С 1998 г. журнал стал публиковать специальную рубрику «Историческая социология», где были опубликованы материалы, в которых предприняты попытки реконструировать многие исторические события, исходя из документов, характеризующих массовое историческое сознание (письма во власть, истории карьеры, события 20-40-х годов, денежная реформа, протестное движение глазами современников и др.). Комплекс проблем, лежащих на стыке истории и социологии, дает возможность подойти к характеристике исторического сознания и исторической памяти и как части общественного сознания во всем их противоречивом развитии, и в то же время учитывать *относительную самостоятельность* этого феномена и специфические формы его научного познания[1].

Все это позволяет сделать вывод, что, как показывает данный анализ, становится очевидным, что без определенного уровня знания, понимания и уважения к историческому прошлому невозможно быть не только гражданином, но и сформировать новую российскую государственность, российское гражданское общество.

Д.В. Трынов (УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина)

Место исторической памяти в системе гражданской культуры.

М. Хальбвакс в своих работах обращался к исследованию феномена *исторической памяти*. По его мнению, познание и осмысление истории происходит не на индивидуальном, а на коллективном уровне. «Существуют основания различать две памяти, одну из которых можно, если угодно, назвать внутренней, а другую - внешней, или же первую личной, а вторую – социальной»[2]. Тем самым Хальбвакс утверждал, что историческая память есть ничто иное как *социальный факт.* П. Нора, продолжая исследования Хальбвакса, отмечает серьёзные различия между памятью *как таковой* и историей. «В сердце истории работает деструктивный критицизм, направленный против спонтанной памяти»[3]… «память — это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим. История же — это репрезентация прошлого»[4]. Противоречие между прошлым и настоящим Нора преодолевает с помощью концепции «*мест памяти*».

Кто мы? Откуда мы? С чего мы начали и куда идём? Ответы на эти вопросы хранит историческая память, тем самым выступая консолидирующим фактором социального развития. Поиск идентичности осуществляется человеком на основе признания *факта общественного прошлого.* Нить, которая ведёт из прошлого к настоящему, а затем и будущему позволяет сохранять уверенность в нерушимости социального целого. Прошлое обладает осо-

---

[1] См.: Афанасьев В.В. Историческая социология. Барнаул, 1995; Иванов В.В. Введение в историческую социологию. Казань, 1998.

[2] Хальбвакс М. «Коллективная и историческая память». http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/

[3] Нора П., Озуф М., Ж. де Пюимеж, Винок М. Проблематика мест памяти. Франция-память СПб., 1999. С.21.

[4] Там же. С. 20.

бой ценностью для человека именно потому, что он ощущает преемственность, закономерность исторических событий, которые привели к определённому *состоянию современности*. Тем самым, историческая память формирует патриотичность, преданность национальной истории, стране и государству.

Несмотря на то, что историческая память весьма новый объект исследования отечественной гуманитарной науки, тем не менее, мы можем обнаружить довольно много попыток его описания и определения. Обратимся лишь к некоторым из них. «Историческая память это обобщенный коллективный опыт социальной группы или общества в целом, который формируется в процессе развития представлений человека о мире, является актуальным для ныне живущего поколения и хранится при помощи системы средств массовой информации и особых социальных институтов, для актуализации и последующего использования накопленного исторического опыта»[1]. «Историческая память это «сфокусированное сознание», в котором информация о прошлом концентрируется и приобретает актуальность, благодаря её тесной связи с настоящим и будущим»[2]. «Историческая память составляет одну из основ осознания человеком своего «Я» в семейной родословной и в истории своего народа, понимания нашего «Мы» в национальной и культурной общности страны, а также в рамках общечеловеческой цивилизации»[3].

Многочисленные определения исторической памяти объединяют ряд стержневых положений. Во-первых, историческая память имеет *два уровня*: личностный и коллективный. *Личностный* уровень отражает включённость человека, и его «ближнего» круга в естественный ход исторических событий. Индивид погружается в социальное прошлое через историю своих предков, память о которых хранится в семейных фотоальбомах, письмах, вещах и т.д. Тем самым, человек имеет собственное представление об исторических событиях и формирует личный взгляд на них. На *коллективном уровне* определяется состояние памяти об истории народа, государства, национальной культуры и т.д. Соотнесение социального и личного прошлого создаёт условия для восприятия истории не как чего-то далёкого и ненужного, а живого и близкого. Память об исторических событиях оказывает тем самым эмоциональное воздействие на носителя исторической памяти. Во-вторых, факторы, формирующие историческую память не всегда упорядочено и целостно отражают ход истории. Напротив, проблемное изложение исторических событий позволяет в большей степени осознать противоречивость и драматизм той или иной эпохи, усвоить её уроки. В-третьих, историческая память рациональна, она исходит из утвердившихся каналов информации (чаще всего уроки истории в школе и вузе). Фрагментарность, «прерывистость» цепи событий, отсутствие «акцентов» объясняют феномен *потери памяти* и возможности манипулировать общественным сознанием[4]. В-четвёртых, историческая память не является чем-то самодостаточным и независимо функционирующим, она включена в систему *исторического*[5] *и общественного сознания,* универсальным регулятором которых выступает *культура.* Упадок или разрушение устоявшегося типа культуры ведёт к коллапсу исторической коллективной памяти. В забвении общества оказываются целые поколения и эпохи. Культура выступает в качестве регулирующего механизма коллективной памяти, но вместе с тем она выполняет и другие важнейшие функции: *оценочную, коммуникативную, передачи социального опыта*[6]. Высокий уровень культуры, позволяет обществу находить силы для выхода из кризисных ситуаций не теряя идентичности, самобытности и сплоченности.

---

[1] Тавокин Е.П, Табатадзе И.А. К вопросу об исторической памяти о Великой Отечественной войне! //Социс. 2010. № 5. С. 62

[2] См.: Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память// Парадоксальный человек. М., 2001.

[3] Бойков В.Э. Состояние и проблемы формирования исторической памяти// Социс. 2002. № 8. С.85.

[4] Кара-Мурза С.Г. Манипуляция общественным сознанием. Глава 19. Отключение памяти и нравственности. М. 2001

[5] Тавокин Е.П, Табатадзе И.А. К вопросу об исторической памяти о Великой Отечественной войне! //Социс. 2010. № 5. С.62.

[6] Коган Л.Н. Теория культуры. Екатеринбург, 1993. С.14.

Прежде всего, культура воздействует на те механизмы, которые определяют взаимодействие человека и общества. В поле зрения исследователя попадает определённый *культурный* срез, а не культура целиком. Средним уровнем, который в наибольшей степени воздействует на формирование и сохранение исторической памяти является *гражданская культура.* Гражданская культура определяется как качественная характеристика различных видов деятельности социальных общностей, суть которой в том, что она выступает мерой самореализации человека как гражданина, причём не в формально – юридическом, а в социокультурном смысле этого понятия[1]. Теоретический конструкт гражданской культуры включает три основных компонента: *ценностный, информационный и деятельностный.*

Аксиологический уровень представлен системой ценностей, которая является основным источником жизненных устремлений, установок личности, как побуждающими так и ограничивающим её деятельность. Выработанные ценностные ориентации человека определяют его гражданскую позицию. Гносеологический уровень отражает информированность человека о социальных, политических, правовых и пр. аспектах жизнедеятельности общества. Современного человека сложно представить «отключённым» от информационно потока, индеферентным к происходящим в стране и мире событиям. Интерес к различным социальным сферам даёт возможность гражданину соответствовать определённым интеллектуальным критерием, востребованным на данном этапе развития. Праксеологический уровень отражает конкретную гражданскую деятельность, включённость человека, уровень его участия в социальных процессах. Активное отношение к окружающему миру выявляет зрелость и обоснованность гражданской позиции. Человек, имеющий высокий уровень гражданственности требователен к себе, государству, институтам гражданского общества, он готов активно участвовать в разнообразных проектах, способных улучшить условия жизни.

Типология гражданской культуры позволяет оценить наиболее устоявшиеся, закрепившиеся в обществе гражданские практики, разделяемую большинством систему ценностей. В классическом исследовании Алмонда и Вербы выделены три типа гражданской культуры: *патриархальная, подданническая и культура участия*[2].

Вместе с тем было бы неверно понимать теоретические контуры гражданской культуры окончательно установленными и завершёнными. Напротив, исследования в этой области продолжаются. Обратимся ещё к одной грани гражданской культуры: *измерению социального пространства времени.* «Гражданская культура явление целостное, а категория культуры гражданственности выполняет функцию по описанию всей социальной системы»[3]. Это означает, что пространство общей исторической памяти, а также образ и перспективы социального будущего можно рассматривать как структурообразующие элементы гражданской культуры. История выступает как предпосылка настоящего, а будущее как перспектива, альтернативы которого обнаруживаются в созидательных способностях общества и его солидарности. Универсальные закономерности взаимосвязи социального пространства времени состоят в том, что нельзя однозначно отдать предпочтение прошлому, настоящему или будущему. Как только начинается прославление прошлого, общество погружается в унылое прозябание, консервацию и безыдейность. Если приоритет отдаётся настоящему, то социальная энергия тратится на удовлетворение насущных проблем, без учёта интересов будущих поколений. Общество тем самым приобретает иждивенческие формы, а его отношение к будущему становится безразличным. Наконец, если движущей силой развития общества является исключительно перспектива будущего, то возникает риск создания утопического мышления. Человек в таком обществе не может быть самоценным, а становится придатком, винтиком системы, стремящейся всеми возможными способами достигнуть поставленной утопической цели. Поэтому кажется вполне справедливым тезис о том, что гражданская культура – это культура умеренности.

---

[1] См.: Казаков Е.С., Шапко В.Т., Чегодаева Т.А.Культура гражданственности. Екатеринбург, Н. Тагил. 2004.
[2] Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии.// Полис. 1992. №4. С.122-130.
[3] Казаков Е.С., Шапко В.Т., Чегодаева Т.А.Культура гражданственности. Екатеринбург, Н. Тагил. 2004. С.72.

Особую значимость гражданской культуры подтверждают и социологические опросы. По данным ВЦИОМ, сегодня 53% россиян на вопрос «*кто они?*» отвечают «*граждане России*». Гражданственность всё чаще выступает как наиболее «подходящее» объяснение социального единства. Намного реже россияне идентифицируют себя с той или иной национальностью, религиозной конфессией и т.д. Это положительный симптом в общественном сознании, так как он позволяет «очертить» ряд основных принципов социальной жизни, которые могут привести к столь желанной солидарности. Вместе с тем появляется необходимость теоретического и эмпирического исследования гражданственности, тенденций её формирования.

Одним из образующих структуру гражданственности элементов, как уже было отмечено, можно считать историческую память. Сложно представить себе гражданина, безразлично относящегося к истории своей нации, семьи, государства, края. Живой интерес и желание постигнуть перипетии истории, выявить наиболее существенные моменты, осознать её уроки естественным образом сопутствуют гражданской деятельности. Историческая память не имеет генетической природы, она определяется исключительно культурными предпосылками, отсюда следует, что развитие культуры может стать определённым универсальным способом преобразования всей сферы исторического сознания.

Обратимся к основным функциям исторической памяти в системе гражданской культуры:

- *формирующая* национальное самосознание;
- *идентификации* исторических событий как значимых так и не значимых для современности;
- *хранения* информации об истории государства, нации, края, семьи;
- *трансляции* опыта социального прошлого, для восприятия уроков истории.

Для России проблема формирования и сохранения исторической памяти актуализируется глубокой общественной трансформацией, переходу к демократии и рыночной экономики. Долгие годы государство обладало нерушимым правом *трактовать и транслировать* историю своим гражданам. Государство осуществляло ревизию исторических фактов с точки зрения политической целесообразности. Подчас это выходило за пределы разумного: по прихоти руководства партии искажалась историческая правда, раздувались заслуги генсека, предавались забвению имена государственных деятелей, полководцев, национальных героев и т.д. Инакомыслие и «другая» трактовка истории строго карались «ответственными органами» и порицались обществом. История государства и нации была табуированной темой для советского гражданина, именно потому, что являлась объектом манипуляции. Взращенный на советской идеологической истории гражданин имел весьма специфические черты. Патриотизм был неотъемлемым признаком (правильнее сказать общественной «обязанностью») советского человека. Однако т.н. «квасной патриотизм», то есть представление о том, что в твоей стране «всё самое лучшее», объясняется вовсе не «победой советского образа жизни», а глубокой изоляцией большинства советских граждан от мировых реалий[1].

Советский человек имел незначительные возможности влиять на ход развития государства и общества, поэтому он находился в изоляции и был отчуждён от собственной истории. Историческая память в таких условиях формировалась через противоречия, продиктованные «официальной версией». Советская историческая наука делила прошлое страны на «до» и «после» Октябрьской революции. Советскому гражданину пришлось отказаться от памяти о своём прошлом. В народном сознании появился колкое определение: «Иваны, не помнящие родства».

Собственно отчуждённость личности от истории понятна: отдельно взятый человек мало осознаёт свою причастность к мировому историческому процессу. Да и национальная история «рекрутирует» человека на общественные свершения крайне редко, исключительно, во времена социальных потрясений, войн, революций. Так появляются *национальные герои* один из важнейших элементов исторической памяти. Герои истории выступают в качестве

---

[1] См. Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале общественного мнения. Эпоха Брежнева. Ч.1, Ч.2. СПб., 2003.

общественного идеала, то есть носителей *абсолютных* черт личности. История России полна сюжетов о «выходцах из народа, спасших державу». Отношение к национальным героям неустойчиво и определяется насущными представлениями современников об исторической роли того или иного лица. Особенно это отчётливо проявляется в эпоху социальных перемен[1]. Образ героя следует понимать двояко. С одной стороны, герой – это фигура национального масштаба, оказавшая значительное влияние на ход истории или конкретного исторического события. С другой стороны, образ героя имеет оценочный характер, причём оценка ведётся с позиций современности. Эта особенность становится особенно актуальной в «переходные периоды», такие как смена общественной формации, политического режима и т.д. Охватывающая общество аномия определяет сдвиги в исторической памяти.

Во всём массиве исторических событий, широко известных обществу, всегда доминируют *государственные свершения,* поэтому персонификация (то есть построение события вокруг человека) помогает воспринимать исторический процесс как *творящийся* людьми. Тем не менее, антагонизм государство – гражданин в истории традиционно решался в пользу первого. Курс школьной программы предполагает изучение истории государства, а через её призму уже истории культуры, искусства, народов и т.д.

Современная российская ситуация сложна и неоднозначна: с одной стороны, в 1990-х гг. были созданы все условия для развития демократических институтов и гражданского общества, с другой, это не привело к «мгновенному переустройству» господствующего типа гражданской культуры (в широком смысле всех видов гражданских отношений). Пореформенная Россия столкнулась с феноменом, который П. Штомпка назвал «культурная травма». Общество оказалось не готово к глубинным изменениям и, испытав «посттравматический шок», начало воссоздавать «понятный» всем его членам жизненный уклад. На посткоммунистическом пространстве многие страны переживали или в настоящий момент переживают это состояние. Культурная травма влечёт за собой такие явления как возвращение к практике авторитаризма, отказ от многопартийности, построение жёсткой вертикали власти, ущемление гражданских прав и свобод (их декларирование и отсутствие в реальности), наращивание государственной собственности, увеличение роли государства в экономике, отказ от демократических преобразований и т.д. Таким образом, важной проблемой стало отсутствие опыта, демократических традиций, к которым можно было бы обратиться. Демократия воспринималась и воспринимается значительной частью российского общества как чуждое и заимствованное явление. При этом некоторыми политическими деятелями раздувается патриотические настроения, которые, якобы, не могут нам позволить «воспользоваться плодами» развитых западных стран. Прогрессивные преобразования подчас трактуются чуть ли не как «предательство предков». Принятие концепции либеральной демократии и всё что из неё следует, рассматривается определёнными государственными структурами как пораженчество. Эти, весьма вредные тенденции, можно рассматривать как попытки манипулировать общественным сознанием и патриотическими чувствами граждан, их болезненными ощущениями утраты «великого и могучего» Советского Союза.

Подытожим вышеизложенное некоторыми обобщающими выводами.

1. Необходимо осознать, что все попытки создать «единый взгляд» на историю бесплодны. Погружение в историческую фактологию неизбежно приводит исследователя к мысли о противоречивости всякой исторической эпохи, события, явления. Навязывание единой точки зрения сегодня выглядят неактуальным и устаревшим. Россия пережила этот опыт советской исторической идентичности, когда оценка исторического события становилась «делом партийной номенклатуры», а затем транслировалась обществу. Таким образом, единственной правдой об истории была правда, изложенная партийным руководством страны. В конечном итоге вскрытие исторической правды и архивов в перестроечный период привело общество к

[1] Трынов Д.В. Образ героя и антигероя в исторической памяти российских и украинских студентов// Управление социальным развитием регионов в условиях выхода из кризиса в современной России и странах СНГ. Материалы международной научно-практической конференции. Часть 2. Челябинск 2010. С. 306-310.

недоверию государству и переоценке значимости всей социальной истории. Произошёл «надлом» памяти и уничижение национальной истории[1].

2. Всякое историческое событие актуально до тех пор, пока оно хранится в исторической памяти. Сегодня для российского общества чрезвычайно актуально не утратить остатки исторической памяти о Великой Отечественной Войне. В условиях, когда уходят последние живые свидетели войны, и события из *реальных* превращаются в *мемориальные* необходимо изыскать средства, которые будут способствовать сохранению исторической памяти.

3. Развитие навыков гражданственности во всех сферах социального взаимодействия может способствовать возрождению интереса к истории, преодоления её крайних оценок.

И.Б. Фан д.полит.н. (ИФиП УрО РАН, Екатеринбург)

Патриотизм и гражданственность без гражданина
Размышления по поводу патриотического дискурса в России

О патриотизме писать нелегко: написано много, а отделять подлинное от неподлинного в современности – дело неблагодарное. Задача данной статьи заключается в том, чтобы проанализировать позицию тех, кто считает патриотизм своей монополией, и попытаться выявить содержательное многообразие данного ментального явления. Именно здесь возникает право каждого на собственное понимание патриотизма с учетом его взаимосвязи с общим его смыслом в рамках национального сознания и с учетом перспективы становления космополитического сознания. Необходимо разобраться и в соотношении понятий патриотизм, гражданственность, гражданин. Это важно в связи с тем, что чаще всего в официальном политическом или педагогическом дискурсе говорится о патриотизме в формально-абстрактном духе, как будто можно воспитать чувство без того, кто чувствует. Патриотизм оторван от гражданственности, и то, и другое рассматривается без учета конкретно-исторического субъекта как реального носителя этих свойств. Получается, что предикат оторван от предмета, свойство или отношение – от субъекта. Результат педагогического (эстетического и т.п.) воздействия в таком духе оказывается нулевым, если не противоположным задуманному. Бюрократически организованные дела (школьное воспитание, заказная кинопатриотика и т.д.) бесплодны.

В средствах массовой коммуникации до 2000-х гг. присутствовали самые различные идеологические представления о гражданственности. Однако в последние годы официальный дискурс был направлен на «упорядочение» массового сознания в соответствие с интересами действующей власти. Это коснулось и значений понятий патриотизма и гражданственности. Весьма громко заговорили о необходимости гражданского воспитания, понимаемого исключительно в военно-патриотическом и даже верноподданническом духе. Либерально-демократический дискурс гражданственности был оттеснен на периферию публичной сферы, подвергнут «разоблачающей» критике. Один из самых значительных сдвигов в публичном дискурсе – это вытеснение вопроса «Какой гражданин нужен России?» вопросом «Что сделать с населением, чтобы оно не мешало нынешней власти?». Произошло замещение общественной потребности в участии граждан в управлении обществом и государством, включая участие в определении целей его развития, потребностью власти в конструировании «нетребовательного политического потребителя», создаваемого в целях самосохранения власти. Сместились и акценты: в структуре политической культуры граждан, которую должны культивировать учебные и воспитательные учреждения, подчеркивалась необходимость лояльности власти и замалчивались ценности активного участия граждан в управлении государством. Однако официально навязываемое понимание гражданственности абстрактно. Но нет гражданственности вообще, она есть комплексное качество гражданина как субъекта общества, политики и права. Поскольку в разные исторические эпохи понятие гражданина напол-

[1] Достаточно вспомнить общественный резонанс на опубликование секретных протоколов к пакту Молотова-Риббентропа в 1989 году. Оно имело удручающее воздействие и ещё раз утвердило отношение к СССР как «империи зла».

нялось разным содержанием, то речь может идти о разных исторических типах гражданина и гражданственности (или политической культуры, или этоса гражданина), а также о многообразии идеологических дискурсов гражданственности в европейском и российском социально-политическом пространстве[1].

По нашему мнению, феномен гражданина возникает и воспроизводится в результате динамичного взаимодействия множества социокультурных факторов. Один их ряд образуют социально-политические институты, создающие объективные условия и возможности для существования гражданина в качестве социального и политического субъекта. Другой ряд – это культурные и ментальные факторы: традиции, нормы, символы, ценностные ориентации, социальные установки, стереотипы восприятия и оценки ситуаций, стандарты и модели поведения и т.д., мотивирующие деятельность индивидов и определяющие характер функционирования социальных и политических институтов. Точкой пересечения этих двух рядов факторов является личность, которая выступает в качестве главной основы существования феномена гражданина. Соответственно, три измерения образуют данный феномен в целом. Гражданин – это публичная роль личности, подразумевающая совокупность прав (возможностей, свобод личности, являющихся обязанностями государства по отношению к личности) и обязанностей (функций личности по отношению к обществу и государству). Причастность публичной власти, участие в ее осуществлении, как в прямой форме, так и в косвенной - посредством делегирования части собственной власти представителям, – определяющая функция гражданина в демократическом государстве. Институциональная основа феномена гражданина – его конституционный статус, ментальная – этос гражданина, или его политическая культура (гражданственность), взятая сквозь призму установок и моделей поведения.

Практическая актуальность исследования реальной политической культуры россиян, то есть ментального измерения российского гражданина, состоит в том, что именно политическая культура нации и гражданина является основанием легитимности институционального порядка властвования. Даже в целях конструирования объекта власти необходима опора на реально существующую культуру и ментальные установки населения. Однако не меньшую роль в политике играет та или иная интерпретация содержания политической культуры конкретного общества, ее сегментов и каждого ее члена, поскольку от этого зависит вектор будущего развития. Важно, чтобы сохранялись различные идеологические интерпретации содержания политической культуры – либеральная (неолиберальная), консервативная (неоконсервативная), социалистическая (коммунистическая), социал-демократическая. Их конкуренция создает возможность более адекватного отражения интересов и потребностей разных групп общества.

Прежде, чем выявить качественные характеристики российского патриотизма, его место в политической культуре россиян, коротко рассмотрим структурные элементы любой политической культуры. Политическую культуру (или гражданскую идентичность, или гражданственность) американской нации С. Хантингтон определяет через политико-правовые, идеологические, культурные, социально-психологические признаки, основу которых составляет англо-американо-протестантская культура; ее формула – «лояльность, патриотизм, идентичность»[2]. При этом лояльность включает пассивные и активные моменты, последние обозначаются через понятие гражданского участия. Эту формулу можно использовать как структурный инвариант, который предусматривает конкретное социокультурное наполнение. Патриотизм в условиях современности – это лишь один из элементов гражданственности, или политической культуры гражданина (или нации как политической общности) в рамках национального государства. Гражданственность – качество гражданина (нации), детерминированное совокупностью конкретных социокультурных характеристик.

---

[1] Фан И.Б. От героя до статиста: метаморфозы западноевропейского гражданина. Екатеринбург, 2006; Фан И.Б.. Многообразие дискурсов гражданственности: проблема единства смысла // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. (Серия «Дискурсология». Вып. 1). Екатеринбург. 2006. С.110-122.

[2] Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004.С.344.

Результаты социологических исследований общественного мнения, полученные Левада-Центром[1], позволяют судить о состоянии политической культуры массового индивида, о наличии и уровне патриотизма. Основой всего комплекса установок российских граждан в их отношении к деятельности органов власти является социально-политическое и моральное отчуждение массового индивида от общественных и, особенно, государственных дел. Массовое ощущение констатирует незначительное место гражданина в нынешней политической системе, контрастирующее с декларируемым конституционным статусом гражданина РФ. Наше предположение состоит в том, что между отчуждением населения от политики (и соответственно, политической и социальной пассивностью) и отсутствием
патриотизма существует глубокая связь. Низкая степень причастности власти, или фиксация отчуждения граждан от политики, порождается не только инерцией традиций советской политической системы, но является следствием целенаправленных мер отстранения человека от власти, предпринимаемых в последние годы. Состояние политического отчуждения раскрывается посредством такого признака, как «моральная ответственность». Соответствующие ментальные установки перекликаются с институциональным (конституционным) статусом гражданина, связанным с институтом гражданства. Как политико-правовой институт гражданство, по закону «О гражданстве РФ» (2002 г.), есть «устойчивая правовая связь человека с государством, выражающаяся в совокупности их взаимных прав, обязанностей и ответственности, основанная на признании и уважения достоинства, основных прав и свобод человека». Воспроизводство данного института помимо юридических и политических аспектов и связи с другими политико-правовыми институтами, зависит еще и от соответствующих ментальных установок – как со стороны должностных лиц, носителей государственной власти, так и со стороны гражданина, и в том числе – готовности выполнять обязательства (права и обязанности), нести ответственность (политическую, юридическую, моральную). От гражданина требуется выполнять сложную роль субъекта демократической политической системы: востребовать частные и публичные права и свободы гражданина, выполнять обязанности по отношению к обществу и государству – платить налоги, нести воинскую службу, пользоваться правами собственника, участника различного рода правоотношений, активными и пассивными правами избирателя и т.д. От государства – обеспечить законодательную фиксацию и исполнение законов, устанавливающих равные для всех граждан права и свободы, что подразумевает ответственность органов власти и должностных лиц за надлежащее исполнение обязанностей государства перед гражданами. Однако в последние годы демократические требования государства к населению, касающиеся исполнения роли гражданина, как и требования по отношению к должностным лицам, фактически сняты. Часто мелькает фраза «Народ не готов к демократии».

В исследовании Левада-Центра взят узловой аспект взаимодействия, двусторонней связи гражданина и государства – динамика «моральной ответственности» человека за действия властей и происходящее в стране. «После разрушения советской модели… «безусловное» отрицание всякой моральной ответственности человека за власть и страну неизменно и значительно преобладает над «безусловным» ее принятием»[2]. Взаимный обман и невыполнение обязанностей – наиболее часто упоминаемые характеристики, свидетельствующие о показном, «лукавом» характере зависимости граждан от государства. На наш взгляд, именно с этим связан низкий уровень патриотизма населения, причем, и по отношению к властям (если понятие «отцов» отождествляется с должностными лицами), но и по отношению к обществу (как социальному наследству предков, как «отечеству»), поскольку общество пронизано социальным недоверием.

Это была реальность, но есть еще и «витрина». В рамках официального политического дискурса происходит идеологизация понятия политической культуры населения. «… поня-

---

[1] Левада Ю. Общественное мнение в политическом зазеркалье // Вестник общественного мнения. 2006. №2. С.9-17.

[2] Левада Ю. Общественное мнение в политическом зазеркалье // Вестник общественного мнения. 2006. №2. С.12.

тие «политической культуры» выполняет в публичном дискурсе две основные (и взаимосвязанные) функции: оно работает на конструирование коллективных идентичностей (граждан, членов нации, «большинства» и т.д.) и служит для обоснования тех или иных политических программ»[1]. Из комплекса характеристик политической культуры гражданина (нации), обобщенных в формуле «патриотизм, идентичность, лояльность», официальный политический дискурс фактически поддерживает лишь лояльность высшим государственным лицам. Собственно патриотизм и сводится к признанию высшего лица государства – «лидера нации» («отца» – в советской терминологии). Идентичность массового человека носит неопределенно негативистский характер[2]. Патриотизм, получивший в последнее время гипертрофированную поддержку, обернулся русским национализмом[3]. Власти озабочены эффектом их предыдущей политики потворства патриотическим силам. В официальном дискурсе, в том числе в программе партии «Единая Россия», доминирует установка на лояльность и патриотизм, комплекс демократического участия представлен лишь в декларативно-имитационной форме. Идеологи «Единой России» сконструировали собственную модель коллективной идентичности, эклектически соединяющей разные характеристики. Цель данного идеологического конструкта – обоснование программы модернизации «сверху», легитимация действующего политического режима и интеграция общества вокруг политики «вертикали власти». Акцент на «русском» (этнически, религиозно и традиционно понимаемом) в этой модели продиктован стремлением идеологов правящей партии уйти от политики ельцинского периода и вытеснить ценности либерально-демократического проекта реформ и представления о «гражданской» идентичности нации. Вместо последних предлагается возрождение традиций имперского прошлого и «русской» культуры[4]. Образ русской политической культуры, который «единороссы» стремятся утвердить в общественном сознании, построен на утверждении «духовной и культурной самобытности России», которая заключается в абсолютной ценности государства, признании его в качестве главного фактора национальной самоидентификации, в идеале «единства власти и народа», в склонности к идеократии, основанной на вере в Россию как сверхдержаву; в приверженности официальному лидеру страны, соборности, в моральном понимании социальной справедливости и т.п.

В публичном пространстве присутствуют и, на первый взгляд, иные варианты патриотического дискурса. Патриотизм с точки зрения коммунистической идеологии – это «любовь к родине, преданность своему отечеству, своему народу. Подлинный патриотизм – борьба за лучшее для народа и социальный прогресс, за социализм и коммунизм. Он несовместим с буржуазным национализмом и космополитизмом и нераздельно связан с пролетарским интернационализмом»[5]. Это определение советского времени сейчас несколько обновлено. Характеристики патриотизма – ложный и настоящий, подлинный и неподлинный, меняются на противоположные в зависимости от идеологии и социально-политических интересов, которые она выражает. Каждая из идеологий объявляет ложным патриотизм собственного идеологического противника, оппозиции. Все зависит от социальной группы, субъекта, интерпретирующего отношение к родине, оппозицию всегда обвиняют в антипатриотизме. Но есть и момент популизма в данной мировоззренческой установке, этот момент сопутствует любой политической борьбе или даже ее имитации. Более сложную модель коллективной идентичности представляют либералы. Наряду с традиционными «константами» в современной российской политической культуре они видят сегмент, ориентированный на нормы либерально-

---

[1] Малинова О.Ю. «Политическая культура» в Российском научном и публичном дискурсе // Полис.2006.№5. С.119.

[2] См.: Гудков Л. Негативная идентичность. М., 2004.

[3] См.: Гудков Л., Дубин В. Своеобразие русского национализма// Pro et Contra. 2005.Т.9.№2 (29). С.25-40; Зверева Г. Националистический дискурс и сетевая культура // Там же. С.6-24.

[4] Различные версии такого проекта описаны О.Ю. Малиновой (Малинова О.Ю. «Политическая культура» в Российском научном и публичном дискурсе // Полис.2006.№5. С.С.120-121).

[5] Словарь иностранных слов. М., 1989.С.376.

демократической культуры. В соответствии с данной моделью, российская политическая культура представляет собой конфликт различных субкультур[1].

Однако наибольшее распространение получили подобные определения: «Патриотизм – это ощущение духовной связи с Отечеством, с Россией, это любовь к ее прошлому и настоящему, это надежда и вера в ее будущее»[2]. Попытаемся дать анализ этого определения, выявить его смысл, а главное – социального субъекта, в интересах которого оно дается. На первый взгляд, это бесспорное положительное утверждение. Оно кажется таковым в силу того, что является традиционным и относится к социальным стереотипам общественного сознания. Но стоит поразмыслить над ним, как выявляется то, что это пустая абстракция, поскольку здесь нет никакого указания на социокультурный и исторический контекст данного явления, нет характеристики субъекта, общности, которая ощущает связь с «отцами». Неопределенно безлично подразумевается некое «мы», население, живущее на данной территории в настоящее время. Однако даже базовое гуманитарное знание свидетельствует, что существуют разные исторические типы общностей – род, племя, семья, община, нация. В каждом из типов, очевидно, должна по-разному ощущаться эта «духовная связь» с предками, поскольку все они имеют разные признаки и характеристики. Итак, первое, от чего надо бы отказаться при определении патриотизма, это от его абстрактного характера – внеисторического, внеконтекстуального, бессубъектного. Патриотизм историчен, контекстуален, у него всегда есть конкретный социальный субъект, наполняющий его специфическим содержанием.

В анализируемом определении важную роль играют религиозные категории – вера, надежда, любовь, трактуемые с точки зрения православия. Это религиозное содержание дает нам понимание патриотизма вневременного (вечного), внеконтекстуального, бессубъектного. Данное содержание патриотизма и сохраняется в различных словарях и официальном политическом дискурсе. Но ведь такое определение автор адресует российскому обществу конца XX – начала XXI вв., которое обладает своими характеристиками, и в котором православные верующие и люди, признающие свою религиозную принадлежность, не составляют большинства общества!?

По Конституции РФ, Основному закону, определяюшему строение общества и нормы его бытия, мы живем в светском государстве, где уважаются права каждого на свободу совести. Религия является частным делом каждого человека в российском государстве. Значит, консервативно-православная трактовка патриотизма – это попытка понимание части общества навязать всему обществу, то есть выдать частное за всеобщее. Частным здесь является религиозное – православное – понимание. Характеристика «частное» не означает неуважения к православию, она ставит его лишь в ряд с другими версиями патриотизма, признает право представителей других конфессий, безрелигиозных людей и атеистов на собственное отношение к Родине. К тому же любовь в данном определении фигурирует неопределенная, абстрактная, слепая – к прошлому и настоящему. Но и прошлое (российская история), и настоящее (со всеми его проблемами и противоречиями) может по-разному интерпретироваться и оцениваться разными слоями населения, с разных политических, идеологических и научных позиций. Прошлое не однозначно, к тому же разными поколениями переоценивается, а разными властями, как правило, переписывается. И любовь, как и надежда, вера, может быть не только «слепой», но и критичной, разумной, понимающей, мудрой, различающей доброе и злое, а главное – реальное. Современное понимание патриотизма должно учитывать и многоконфессиональность российского общества, и численность неверующих и атеистов, и светский характер российского государства.

Невозможно раз и навсегда определить патриотизм. Каждое поколение людей делает это по-новому. Приобретенный исторический опыт в рамках конкретного поколения также вносит вклад в конкретное содержательное наполнение патриотизма. Социокультурный контекст патриотизма включает целый набор институциональных и ментальных признаков и ха-

---

[1] Кутковец Т.И., Клямкин И.М. Нормальные люди в ненормальной стране // Московские новости. 2002.№25; Кутковец Т.И., Клямкин И.М. Новые люди в старой системе // Новые известия. 2002.№170-171.

[2] В.Ю. Троицкий. О патриотическом воспитании // http: // www.russia-talk.com|/ patriot.htm

рактеристик социальной группы (общности) или индивида: социальный статус (то или иное место в социальной структуре общества), экономический статус (доходы, наличие собственности, возможности выезжать или обучать детей за границей и т.д.), масштаб включенности в международные экономические, политические, культурные связи, политический и правовой статус, знания, нормы, ценности, психологические установки, приверженность той или иной субкультуре и т.д. В зависимости от сочетания данных характеристик и патриотизм будет наполнен различными чертами и оттенками. Даже на уровне здравого смысла ясно, что отношение к Отечеству будет разным у сына крупного партийного деятеля советского времени, сумевшего приватизировать какую-то часть госсобственности, и у потомка человека репрессированного или потомка представителя депортированного народа. Также важно, как понимается само Отечество, это общество (как совокупность потомков исторических «отцов») или это государство (государственный аппарат, номенклатура), или нечто безличное, где смешаны и то, и другое? «Подлинным патриотам» свойственно отождествление общества (отечества, Родины) и государства, и любви к первому с любовью ко второму. Любая критика просчетов государственного управления консервативными патриотами воспринимается как «подрыв нашей веры в будущее». Однако вера в будущее и слепая апология власти – не одно и то же. Криминализация (деморализация и т.д.) населения ими трактуется как отход от истинной веры, как результат искушения либерализмом.

Еще один оттенок понимания патриотизма исключительно с православных позиций – нетерпимость к инакомыслящим. «Православные патриоты», монополизировавшие право на трактовку патриотизма, довольно агрессивно настроены по отношению к тем, кто подвергает сомнению или критике это сакральное отношение к «отцам» (Отечеству), кто пытается рационально анализировать прошлое и настоящее. В таковых они видят «кощунствующих» или «врагов». Консервация от века существующего содержания «любви к Отечеству» тесно связана с воинственным противостоянием всякому иному отношению к тем или иным явлениям российского прошлого и настоящего, отличающемуся от «канонов». Православный патриотизм не учитывает социальных, политических, культурных, информационных изменений в обществе, в своем фанатическом неприятии любых содержательных изменений даже не видит, что сам изменился по сравнению с прошлыми историческими этапами эволюции Русской православной церкви и православной общественности. Перед нами достаточно серьезные признаки консервативной идеологии, направленной на сохранение существующего политического порядка и служащей сохранению власти верхушкой бюрократии, номенклатуры, подмявшей под себя крупный бизнес. Апеллируя к ценностям любви, истинной веры и т.д., «патриоты» фактически манипулируют массовым сознанием во имя мобилизации сторонников и прикрытия личных и групповых интересов.

Сакрализация ценностей, присущая религии, иногда играет злую шутку с православными патриотами-монополистами. В частности, они объявляют святынями русский литературный язык или А.С. Пушкина. Да, это ценности для россиян, но нельзя абсолютизировать эти ценности и не позволять новым поколениям вносить в них изменения, по-своему их воспринимать. Думаю, что Александр Сергеевич удивился бы, если бы узнал, что его канонизировали в качестве святого. Почему нельзя читать его произведения с уважением, но без низкопоклонства? Обратной стороной сакрализации и абсолютизации ценностей становится нетерпимость и стремление изгнать (уничтожить) инакомыслящих. Эта установка приводит иногда к возникновению крайних форм «патриотизма». Некоторые группы «патриотов» говорят, что они не христиане (!), выступают за объединение нацболов, коммунистов, евразийцев, позитивных русскиех мусульман и патриотических сатанистов, за захват политической власти, уничтожение всех врагов, торжество православия они связывают с разрушением западной культурной идентичности[1]. Более чудовищной и вредоносной смеси консервативных, православных, патриотических и нацистских построений придумать сложно.

[1] http: //www.chaskor.ru/article/vremya_bezobrazya_15391

Ни одно из пониманий патриотизма не должно иметь монопольное право на подлинность. Другое дело, что различные трактовки патриотизма могут и имеют общую ценностную основу: уважение «отцов» (истории), но не их (ее) культ, возможность разного отношения к ним в рамках общих правил, которые должны определяться через исключение крайностей – полного отрицания собственной истории и полного безоглядного ее одобрения. Хорошо бы сделать правилом стремление к разумному, умеренному приятию российской истории. Всякая гипертрофия опасна и чревата разжиганием социальных конфликтов. Меняется жизнь, а с нею – наши представления о ценном в ней. Инвариантные ценности корректируются, трансформируются, обновляются. Взаимосвязь Традиции и Современности систематически переосмысливается. И литературный язык, и отношение к А.С. Пушкину все время меняется. Само изменение – и в жизни, и в культуре есть переработка и развитие исходной ценностной основы. И у наших отцов были достижения и промахи, а у некоторых – и преступления. Не считать же сакральным все без разбора! Значит, и любовь к «отцам» в каждый момент истории конкретна, специфична, уникальна, и одновременно есть в ней тот самый инвариант – общие для всех ценности, определяемые генетическим происхождением и социокультурной преемственностью. Личность в зависимости от собственного опыта, образования и других характеристик тоже имеет право на собственное отношение к Родине, перекликающееся с пониманием патриотизма в масштабах больших социальных групп и общества в целом. Все эти факторы оказывают влияние на представления человека о его отечестве и месте его самого в этом отечестве. Это и определяет характер конкретного личного индивидуального патриотизма. Д. Драгунский написал, что в современной российской кинопатриотике, «застрявшей в сетях взаимоисключающих исторических концепций», есть две беды – путаница понятий и неискренность[1]. Он раскритиковал специальный, заказной военно-победоносный патриотизм в российском кино, который призван вызывать гордость и восторг за Родину. Автор склонен считать такой подход искусственным и имеющим эффект, противоположный ожиданиям. Для него патриотизм – скорее грусть и ностальгия, в нем важна искренность. Это чувство часто возникает, когда родина утрачена. Российские граждане в настоящее время не лояльны государству, с которым зачастую отождествляют родину. Для Драгунского основанием патриотизма является не прагматизм, но любовь как печальное чувство страдания, переживания сопричастности. Это нежное индивидуальное чувство, а в ходульном заказном военно-патриотическом воспитании никакого смысла нет.

В понимании патриотизма особую роль играет этнический аспект. Имеют значение характер и масштабы общности, приверженность к которым фиксирует это сознание. Этнический слой в патриотизме задает консервацию происхождения, чистоты этноса, которому должен быть предан конкретный человек. Этническое, связанное с бессознательным, архетипическим, содержит исходное противопоставление своего этноса и чужого, наших и чужих «отцов», друзей и врагов. Отсюда и в современности противопоставления русских и нерусских, под которыми могут подразумеваться представители любых народов. Однако зачем продолжать войны наших отцов, когда забыты их причины и поводы и установилась иная повестка жизни, иная социальная организация, иная культура? Так ведь можно вспомнить столкновения между отдельными племенами внутри того, что сейчас считается русским этносом! Неужели войны прошлого необходимо вести в настоящем? Но не пора ли поставить вопрос о возможности патриотизма без противопоставления – ни на этнической, ни на политической основе?

Мышление посредством комплекса бинарных оппозиций этнических (русские/нерусские) и религиозных (православные/неправославные) *своих и чужих* заряжено потенциальными конфликтами. Оно усиливается еще и противопоставлением подлинного и неподлинного. Это статичная консервативная логика, не учитывающая исторических изменений, контекстуальности происходящего, не выясняющая глубоких причин тех или иных явлений в реальности, но сводящая все к этническим или религиозным факторам. Сюда относятся и мотивы

[1] Драгунский Д. Патриотизм. Они врут, потому что я им не верю // http:// www.chaskor.ru/ article/ patriotism_22679

«унижения русского народа», ущемления национального достоинства русских, «антипатриотического помрачения, противопоставляющие все «подлинно русское» всему нерусскому – «западному» и т.п. Необходимо считать допустимым множество интерпретаций патриотизма, различие мнений в отношении к проблемам общества и государства, нужно стремиться не к полярным, но к взвешенным умеренным мнениям, предполагающим приятие родины, но и возможность анализа ошибок «отцов», критики тех или иных политических решений, приведших к тем или иным социальным проблемам. Многообразие понимания патриотизма, на наш взгляд, укладывается в диапазон, границы которого заданы оппозицией сакральное/профанное (прагматическое, повседневное).

«Патриот» (греч.) – соотечественник, значит, патриотизм в исходном значении слова – приверженность, любовь к родине (отечеству)[1]. Патриотизм включает знание, чувство и практическое осуществление связи с соотечественниками в прошлом и настоящем. Главное – связь не только с территорией и природой («березками), но с людьми, жившими или живущими на этой территории, среди этих природных и социокультурных условий, с людьми, у которых есть общий исторический опыт – опыт переживаний (национальных достижений, общей радости, труда, войны, реформ, экономических депрессий и т.д.). Эта связь может устанавливаться и через предметы – духовные и материальные ценности, в которые вложены опыт, навыки, чувства предков. Инвариантным ядром патриотизма является уважение ко всему тому, благодаря чему ты стал человеком, прежде всего – уважение к предкам прямым и косвенным, людям-создателям, чей труд лег в основу нынешних условий твоей жизни, к тем, кто создал Общее благо – совокупность материальных и духовных ценностей, которыми можно пользоваться и гордиться в настоящее время. Это еще и личная ответственность за полученное в наследство, и право переосмысливать, интерпретировать и производить Общее Благо в соответствии с собственным пониманием. Нельзя патриотическое сознание сводить лишь к чувствам, в его структуре дифференцируются рациональный, чувственно-эмоциональный и практический уровни. Важно, чтобы все эти элементы не возгонялись до крайностей и не основывались на исключительно этнических или религиозных догматах и взглядах. Иначе патриотизм может играть неблаговидную роль побудителя социального и политического напряжения, внутриполитических и международных конфликтов. Абсолютизация крайностей ведет к формированию различного рода социальных и политических фобий (например, страха перед «мировой закулисой»), ксенофобии, изоляционизма, расизма, великодержавного шовинизма и т.д.

Произошла девальвация слова «патриотизм» в глазах населения. Парадокс заключается в том, что патриотами называют себя люди, стремящиеся законсервировать какие-то ценности прошлого. Но они, очевидно, и не подозревают, что блюсти неприкосновенность сакральных ценностей они призывают под словом «патриотический», которое относится к варваризмам[2], чужеродным заимствованным словам, образованным не по нормам русского языка. Слово «патриотизм» пришло в русский язык из греческого и меняется вместе с исторической эволюцией русского литературного языка как основы культуры. Призыв сохранить в неизменности литературный язык, культуру и патриотизм утопичен, он лишает нынешние поколения людей права на собственное прочтение созданного ранее и творчество новых ценностей. Эволюция слова «патриотизм» в российской культуре и многообразие его значений – я «патриотам» наука. Хранить чистоту и неизменность веры, языка, культуры, расы – и сложно, и не нужно. Жизнь и культура (общество, современность) смешивают все формы и явления, связывают в различные взаимозависимые образования. И требования хранить «чистоту» явлений оказываются связанными с репрессиями над жизнью, культурой, людьми.

Отношение большинства россиян к Родине и государству складывается в контексте присущего современной российской культуре разрыва между абстрактным и конкретным, должным и сущим, имитационно-декларативным и фактическим, формальным и неформальным, сакральным и профанным, абсолютным и относительным, официально утверждаемым дол-

---

[1] Советский энциклопедический словарь.М., 1989. С. 988.

[2] Виноградов В.В. История слов/ Отв. ред. академик РАН Н.Ю. Шведова. М., 1999. С.870.

гом каждого россиянина и нежеланием его исполнять этот долг в силу множества причин. Причем, этот разрыв массами ощущается все более апатично, полюс должного (сакральной любви к Родине) переживается все более равнодушно, поскольку им слишком часто злоупотребляли. На самом деле это довольно плачевная ситуация, но выход из нее подскажет не манипуляция общественным сознанием, но серьезное отношение разных органов государства к собственному гражданину. Он поймет, что нужен Родине, когда общество и государство на деле, а не на словах признают, что им нужен каждый гражданин.

В. Федоров, ген. директор ВЦИОМ (Москва)

Патриотизм у россиян – в прошлом. Новый русский патриотизм: национальный, государственнический или гражданский? [1]

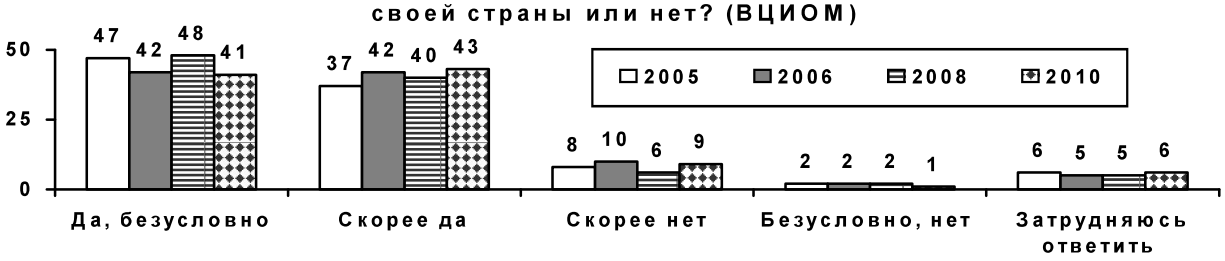
Сегодня патриотизм и то, как его понимают граждане – это своеобразный ракурс, который позволяет понять, что же на самом деле происходит в обществе. Россия переболела «детскими болезнями» патриотизма и ее граждане трезво оценивают ситуацию.

Недавно ВЦИОМ провел опрос в 140 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России и он показал довольно интересную картину, что в стране практически нет так называемого *«квасного»* патриотизма. Поясню, это когда человек считает, что только в его стране все самое лучшее в мире. Данные нашего опроса показали, что только 5% считают, что быть патриотом значит не замечать недостатков своей страны.

Теперь очень популярен ответ россиян, что быть патриотом – значит говорить правду о своей стране, какой бы горькой она не была. Так считает практически каждый пятый опрошенный, но это совершенно не противоречит истинной любви к Родине, а напротив означает, что граждане довольно трезво оценивают ситуацию, что есть и хорошее, которое надо сохранять, но есть и плохое, которое надо менять.

Патриотизм для россиян – это любовь к стране и к своей семье, а не к власти или к государству. Таков основной итог проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) опроса, считают ли россияне себя патриотами и в чем, по их мнению, проявляется патриотизм[2].

Рис.1. Как бы вы сами себя охарактеризовали - как патриота своей страны или нет? (ВЦИОМ)



Подавляющее большинство россиян – 84% – считают себя патриотами. Это значит, что они любят свою страну, ведь именно так мы сегодня расшифровываем понятие «патриотизм».Но, в меньшей степени, чем два года назад (88% в 2008 г. против 84% в 2010). В первую очередь, это москвичи и петербуржцы, а также пожилые респонденты (по 88%). Лишь каждый десятый признается в том, что не испытывает патриотизма к своей стране (10%). В основном это жители малых городов (12%), респонденты моложе 35 лет (12-13%) и обеспеченные сограждане (12%).

За два года снизилась доля россиян, определяющих себя как граждан России (58% в 2010 г. против 70% в 2008). Все другие варианты ответа – «просто человек», «москвич», «русский», «европеец», «отец» и проч. – резко уступают гражданской самоидентификации. Но с

---

[1] http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/13650.html?no_cache=1&cHash=ba6d2141a3 http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/13603.html?no_cache=1&cHash=00b61ddfda «ER.RU» http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/13582.html?no_cache=1&cHash=803de311b7

[2] Пресс-выпуск ВЦИОМ №1522. Москва, 2010. 23 июня.

2006 г. растет доля респондентов, ответивших на вопрос «Кто я такой» словом «человек» (с 24 до 30%). Меньше стало тех, кто определяет себя как жителя своего региона, города, села (с 23 до 19%). 18% идентифицируют себя через национальную принадлежность (18%). Все больше становится тех, кто определяет себя через свою семейную роль (с 7% в 2005 г. до 17% в 2010). 15% считают себя советскими людьми. Значительно реже россияне определяют себя как представителей определенной профессиональной группы (7%) или конфессии (5%). 6% считают себя космополитами, 2% – европейцами.

Таблица 1

Как бы Вы ответили сами себе на вопрос «Кто я такой?»

(закрытый вопрос, не более трех ответов)

Варианты	2005	2006	2008	2010
Гражданин России	60	59	70	58
Советский человек	14	13	13	15
Европеец	2	2	1	2
Гражданин мира	4	3	4	6
Житель своего региона, города, села (сибиряк, москвич, новгородец и т.д.)	19	16	23	19
Назвал бы свою национальность (русский, украинец и т.п.)	16	16	19	18
Назвал бы свои религиозные убеждения (православный, мусульманин и т.д.)	4	3	4	5
Назвал бы свою профессию, род занятий (учитель, предприниматель и т.д.)	6	4	7	7
Назвал бы свою семейную роль (отец, жена, бабушка и т.п.)	7	8	13	17
Просто сказал бы «человек»	29	24	26	30
Другое	1	1	1	1
Затрудняюсь ответить	1	1	1	1

Интересно, однако, что главным предметом, основанием гордости за свою страну для абсолютного большинства выступает не ее драматическое настоящее или, тем более, светлое будущее, а прошлое – исторические события, память о великих предках. Истинным же проявлением патриотизма мы считаем не работу на благо страны, а уважение к отечественным традициям, укрепление собственной семьи и воспитание детей.

Новый российский патриотизм имеет довольно необычное лицо, сильно отличающееся и от классически-советского, и от перестроечно-реформаторского образцов. С одной стороны, все последние двадцать лет в нем росла составляющая «любить Родину» и падала – «работать во благо страны». С другой – снижается доля тех, кто настроен при любой погоде «рубить правду-матку» о своей стране, наслаждаясь морально-политическим стриптизом, и тем более – отдавать всего себя коренной переделке страны, забывая о собственных профессиональных, семейных и прочих обязанностях. Сегодня готов поработать на Россию только каждый четвертый, а десять лет назад декларировал такую готовность каждый третий.

Согласитесь, между этими двумя подходами есть существенная разница. В первом случае говорится об отношении, не требующем каких-то активных действий, а во втором без таких действий уж точно не обойтись. То есть мы все сильнее любим свою страну, но все реже готовы что-либо ради нее сделать. И уж точно работать мы все больше хотим на себя, а не на Родину.

Не пользуются большой популярностью и такие жесткие определения патриотизма, как «защищать свою страну от любых нападок и обвинений» (согласны с этим только 27%), «стремиться к изменению положения дел в стране, чтобы обеспечить ее достойное будущее» (готовы 26%), «говорить о своей стране правду, какой бы горькой она ни была» (18%). Не востребован и «квасной» патриотизм – только 5% из нас согласны считать патриотом того, кто в принципе отказывается видеть у своей страны какие-либо недостатки.

Таблица 2

В чем, на ваш взгляд, проявляется истинный патриотизм?

(закрытый вопрос, не более трех ответов)

Варианты	2005	2006	2008	2010
В разговорах и беседах со знакомыми на патриотические темы	7	7	6	13
В голосовании на выборах за патриотические партии и политиков-патриотов	14	17	17	14
В участии в патриотических организациях	9	13	10	9
В праздновании исторических событий и юбилеев	17	14	13	19
В конструктивной критике недостатков в своей стране	10	12	9	10
В работе с полной отдачей по своей специальности	35	30	37	26
В укреплении семьи и воспитании детей	61	50	50	46
Уважение традиций	-	47	48	48
Затруднились ответить	14	7	8	6

И только для 19% патриот – это тот, кто считает свою страну лучшей, чем другие. Не видно экзальтации по поводу символов российского государства (главным предметом гордости за свою страну ее флаг, герб и гимн считают только 9% опрошенных), религии ее народов (тоже 9%), их обычаев (12%), родного языка (13%). Меньше, чем раньше, поводов гордиться победами наших спортсменов (11%, пять лет назад было 14%). Немногим чаще мы гордимся душевными качествами нашего народа (15%), военной мощью нашего государства (16%), жемчужинами нашей культуры – литературой и искусством (17%). Еще больше тех, кто гордится родной природой (21%), нашей землей вообще (30%), а также малой родиной – местом, где родились и выросли (32%). И вне конкуренции – наша история (ею гордятся 47%), а также ее персонажи, великие деятели прошлого (еще 22%).

Все это – версии патриотизма, обращенного в прошлое. Его, вопреки тотальному разоблачительству перестроечных правдорубов, большинство склонны считать по-настоящему великим и заслуживающим если не всяческого восхваления, то хотя бы уважения. Один из респондентов, рязанский повар Сергей, так описал эту ситуацию: *«У нас были великие умы, отличные гены. Да только истребили русский народ... Я горжусь только прошлым Великой Руси, а будущего не вижу. И это грустно»*.

На этом фоне «патриотизм сегодняшнего дня», т.е. политическая активность, разворачивающаяся под флагом патриотизма, привлекает немногих. Лишь 9% россиян считают, что «истинный патриот» должен участвовать в работе патриотических общественных организаций. 13% – что он должен разговаривать со знакомыми на патриотические темы, 14% – что он должен голосовать на выборах за патриотические партии. Гораздо больше тех, кто считает достаточным для патриота уважать традиции (48%), участвовать в праздновании исторических событий и юбилеев (19%), укреплять свою семью и воспитывать детей (46%).

Российский патриотизм больше не требует ходить на митинги и демонстрации под красными или черно-золотыми знаменами или отдавать на выборах свой голос записным патриотам. Практически исчезли такие советские формы «ультрапатриотизма», как принципиальный отказ от работы на иностранную фирму (сегодня только 9% считают это непатриотичным) или брак с иностранцем (16%). Даже переезд на постоянное место жительства в другую страну называют непатриотичным поступком только 22%. Как сказала в интервью респондентка-фотомодель, вышедшая замуж за итальянца и живущая на два дома: «*Для меня патриотизм – это обучать русскому языку мужа-иностранца, чтобы говорить дома на родном для меня языке»*.

Зрелость общества подчеркивает и тот факт, что непатриотичным считается не знать государственных гимна, герба и флага, так считают 60% респондентов, тогда как в 2006 году так считали всего лишь 48%.

Но вот что не может быть прощено ни при каких обстоятельствах, так это отказ от службы в армии по призыву (50%), уклонение от уплаты налогов (57%) и незнание государственной символики (60%). Интересно, что сегодня наши граждане считают непатриотичным уклоняться от службы в армии – половина опрошенных. Хотя вы сами знаете, что армия сегодня еще далека от той, которую ее хотели бы видеть окружающие. Перелом в отношении к призыву, смена вектора с отрицательного на положительный, произошла в начале 2000-х гг. И с тех пор количество его сторонников устойчиво превышает противников. Правда, есть нюанс: среди сторонников явно доминируют мужчины и пенсионеры, а среди оппонентов – женщины и молодежь. Похоже, годичный срок службы – это хрупкий компромисс, позволяющий удерживать общество в относительной лояльности призывному принципу комплектования армии. А попытки трактовать его расширительно грозят резким падением количество сторонников призыва вообще.

Интересно, что в возрастном разрезе существенных различий в оценках почти нет

Таблица 3

В чем, на ваш взгляд, проявляется истинный патриотизм? - Ответы респондентов разных возрастных групп *(закрытый вопрос, не более трех ответов)*

	Σ	Возраст				
		18-24	25-34	35-44	45-59	60 и >
В разговорах и беседах со знакомыми на патриотические темы	13	16	13	11	11	17
В голосовании на выборах за патриотические партии и политиков-патриотов	14	11	11	15	16	14
В участии в патриотических организациях	9	11	6	10	9	9
В праздновании исторических событий и юбилеев	19	29	18	15	20	16
В конструктивной критике недостатков в своей стране	10	13	9	10	10	9
В работе с полной отдачей по своей специальности	26	26	30	28	25	25
В укреплении семьи и воспитании детей	46	36	48	52	46	45
Уважение традиций	48	45	50	49	49	46
Затруднились ответить	6	5	5	3	7	7

Мне кажется, что мы переболели «детским болезнями», которые отмечались в 1990-е гг. – это болезни полного самоуничижения, что в стране все плохо и ничего у нас нет, гордиться нечем, а вся история – «кровавая баня» и прочее. А в 2000-х, наоборот, мы наблюдали эйфорию – что в России все просто замечательно, и мы впереди планеты всей. Конечно, подобный кураж важен для выздоровления, но назвать его трезвой самооценкой нельзя. А сейчас, в 2010-ом, я думаю, что мы как раз вышли на тот уровень, когда общество адекватно расценивает происходящее. То есть люди понимают, что в России есть чем гордиться, но есть и серьезные болевые точки, проблемы, которые надо решать.

Итак, мы далеко ушли от советского принципа: считать свою страну лучшей в мире и закрывать глаза на ее недостатки. Но и перестроечный позыв – активно менять страну к лучшему, идя наперекор сложившемуся положению, – давно иссяк. Теперь мы предпочитаем любить Родину расчетливо, не тратя на это особых сил и энергии, но настойчиво самоустраняясь от «повышенных обязательств» и оберегая как зеницу ока автономию своей частной сферы.

Возможно, это и неплохо. Ведь каждый сегодня по мере сил «возделывает свой сад», прикрывшись от соседа высоким забором. Но есть что-то, чего остро недостает нашему патриотизму, чтобы он из элемента словесного «джентльменского набора» современного россиянина стал действительно важным мотиватором его поведения. Нам недостает предметов и оснований для гордости, взятых из дня сегодняшнего (самому свежему из всеми признаваемых достижений нашего народа – полету в космос – уже полвека). Нет героев сегодняшнего дня,

на которых хотелось бы равняться (Чичваркин, Абрамович, Билан - персонажи, конечно, яркие, но «делать с них» свою жизнь абсолютное большинство россиян не готово). И, наконец, возможно, самое главное. Нам не хватает понимания того, как взаимосвязаны успех страны в целом и успех каждого ее жителя. И осознания, что одного без другого не бывает.

В.Р. Цылев, д.соц.н., Т.В. Мулина, к.соц.н. (МурмГПУ, Мурманск)

Патриотизм молодых мурманчан: многообразие феномена

В последнее время вместе с укреплением российской государственности стал активнее проявляться патриотизм россиян. Так, в исследовании ВЦИОМ, которое проводилось в ноябре 2006 г., 83% респондентов причислили себя к патриотам России, причем практически одинаково во всех слоях общества. В рейтинге жизненных приоритетов патриотизм занял четвертое место – выше были только семья, дети и дом. В исследовании были выявлены некоторые особенности современного патриотизма: россияне не видят ничего предосудительного в таких ситуациях, как работа в иностранной фирме (нормальным или допустимым ее назвали 63% респондентов), переезд в другую страну (62%), брак с иностранцем (52%), уклонение от службы в армии (допускают 40% опрошенных с теми или иными оговорками) и др.[1] Можно сказать, патриотизм россиян в современных социально-культурных условиях приобретает какие-то новые черты. Не быть патриотом, согласно результатам исследования ВЦИОМ, в наше время оказывается непрестижным и немодным.

Сам факт возрастания патриотических настроений граждан нашей страны не является неожиданным. Исследователи феномена патриотизма отмечают, что без него невозможно построить новое сильное государство, привить людям понимание их гражданского долга и уважения к закону, выработать сколько-нибудь плодотворную и самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику. Без уважения к собственной истории, к делам и традициям старших поколений невозможно вырастить морально здоровую молодежь[2]. Российским правительством разработана и принята новая федеральная целевая программа «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2006-2010 гг.». Сегодня она реализуется. В связи с этим интерес представляет исследование особенностей проявления патриотизма различными группами населения страны.

На изучение специфики патриотизма молодежи Мурманской области был направлен один из блоков исследования, которое проводила социологическая лаборатория Мурманского государственного педагогического университета совместно с Управлением по делам молодежи Мурманской области в декабре 2007 г. Выборочная совокупность составила 775 человек с соблюдением квот по полу, возрасту (для трех возрастных групп: 15-19, 20-24 и 25-29 лет) и месту жительства (Мурманск и область). Была реализована доступная модель выборки, опрашивалась молодежь всех основных социальных групп: учащаяся, работающая, служащая в армии и безработная.

Изучение феномена патриотизма сталкивается с трудностями из-за неоднозначности трактовки термина, многовариантности его использования. Это обусловлено сложной природой патриотизма, многообразием форм его проявления, зависимостью его конкретного содержания от исторических, социально-политических и экономических условий. Различается толкование патриотизма изучающими его исследователями: в зависимости от гражданской позиции, мировоззрения, исторических и социально-экономических условий и т.д. Пожалуй, нет разночтений только в его главной черте: любви к своему отечеству, родине. Социологический словарь добавляет к этому любовь к своей стране, народу, привязанность к месту своего рождения, месту жительства[3].

---

[1] Федоров В. Российский патриотизм - истинный и мнимый // Российская газета. 2006 г. 22 декабря.

[2] Баранов П.А. Патриотизм в системе общероссийских ценностей // Человек и его потребности к социально-политической и социально-психологической сферах. Материалы межвузовской научной конференции 10 декабря 2002 г. СПб., 2003. С. 50.

[3] Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль. 2003. С. 164.

Философы серебряного века в определении патриотизма делали акцент на его духовной природе, связывая его прежде всего с духовным развитием человека, его гражданственностью, привязанностью к месту жительства, культурной среде (В.С. Соловьев[1], И.А. Ильин[2]). Истинный патриот, согласно И.А. Ильину, выступает как человек, любящий свое отечество, осознавший свои обязанности перед ним из чувства долга, чести, признательности и имеющий высокий уровень духовного развития, проявляющийся в его нравственной, политической и правовой культуре. Современные авторы пытаются в той или иной степени учесть имеющиеся подходы к изучению патриотизма. Так, по мнению В.И. Лутовинова, патриотизм выступает как некое духовно-нравственное образование личности, среди основных черт которого можно выделить комплекс позитивных чувств (любви, привязанности) к Отечеству, месту жительства, соотечественникам, интерес к культуре, истории страны и активно-деятельностную гражданскую позицию[3].

Выявление патриотизма проводилось двумя способами. В открытом вопросе у респондентов спрашивалось, *считают ли они себя патриотами,* и выражалась просьба обосновать свою позицию. Второй способ заключался в *оценке опрашиваемыми различных проявлений патриотизма по 7-балльной шкале.*

Приверженцев патриотизма оказалось достаточно много, хотя и несколько меньше, чем по данным ВЦИОМ: 70% молодых мурманчан *называют себя патриотами.* 24% указывают на отсутствие патриотических чувств и 6% затруднились ответить на этот вопрос. Был определен уровень проявления патриотических чувств и черт у групп молодежи, по-разному позиционирующих свой патриотизм (см: Таблица 1).

В большей степени у молодых людей выражены проявления патриотизма, связанные с наличием определенных позитивных чувств к стране, соотечественникам («желание процветания своей стране и своему народу», «чувство радости и гордости за достижения страны на международной арене», «любовь и уважение к своему языку, культуре»). У позиционирующих себя «патриотами» эта оценка составила от 6,1 баллов до 6,3 по 7-балльной шкале, у «непатриотов» – от 4,8 до 5,5. В меньшей степени проявились черты патриотизма, связанные с обязательствами по отношению к стране («осознание необходимости несения воинской службы» и «поддержка отечественного производителя» – у «патриотов» соответственно 4,6 и 4,7 балла, у «непатриотов» – 3,3 и 3,5 балла), а также «знание и почитание государственной символики» (4,8 и 3,3 балла).

Разница в оценках степени проявления патриотизма у групп молодежи, позиционирующих себя «патриотами» и «непатриотами», оказалась не столь существенной, как можно было бы предполагать, и по отдельным направлениям составляет от 0,8 до 2,1 балла. В то же время эта разница, несмотря на не очень убедительное значение, является статистически значимой по «критерию Стьюдента». Самая большая разница между «патриотами» и «непатриотами» была выявлена в «чувстве любви и преданности к Отечеству», т.е. именно в той характеристике патриотизма, которая является основной во всех его определениях (2,1 балла); наименьшая – в «желании процветания своей стране и своему народу» и «знании истории страны, края, народа и интерес к ней» (по 0,8 балла).

---

[1] Философский словарь Владимира Соловьева. Ростов н/Д, 1997. С. 34.

[2] Ильин ИЛ. Общее учение о праве и государстве. О сущности правосознания / Собрание сочинений в 10 т. Т. 4. М., 1994. С. 242-243.

[3] *Лутовинов В.И.* Российский патриотизм: история и современность // Евразийский вестник. 2006. №17. (http://www.rusidea.ru/?part=76&id=674).

Таблица 1

Оценка молодежью проявления патриотических качеств по 7-балльной шкале
(от 1 – «практически нет» до 7 – «ярко проявлено)

Аспекты проявления патриотизма (патриотические чувства, черты)	Позиционирование патриотизма			Средняя
	Патриот	«Непатриот»	Затрудняюсь ответить	
Желание процветания своей стране и своему народу	6,3	5,5	6,1	6
Чувство радости и гордости за достижения страны на международной арене	6,2	4,8	5,6	5,8
Любовь и уважение к своему языку, культуре	6,1	5	5,7	5,7
Сопереживание в трагических ситуациях соотечественникам	5,9	5	5,7	5,6
Чувство привязанности к «малой Родине»	5,5	4,2	4,8	5,1
Стремление жить и работать в своей стране	5,5	3,9	4,2	5
Желание, чтобы дети жили и работали в своей стране	5,4	3,7	4,1	4,9
Чувство любви и преданности к Отечеству	5,4	3,3	4,6	4,8
Знание происходящих в стране событий и интерес к ним	5,1	4,2	4,6	4,8
Чувство солидарности и благожелательности к соотечественникам	4,9	3,9	4,5	4,6
Знание истории страны, края, народа и интерес к ней	4,9	4,1	4,2	4,6
Знание и почитание государственной символики	4,8	3,4	4,3	4,4
Поддержка отечественного производителя	4,7	3,5	4,4	4,4
Осознание необходимости несения воинской службы	4,6	3,3	4	4,3
Средний балл	**5,4**	**4,1**	**4,8**	**5**

Для выявления латентных переменных с целью обобщения проявлений патриотизма был использован *факторный анализ,* результаты которого оказались весьма интересными. В факторную модель были дополнительно включены вопросы, направленные на выяснение позиции респондентов в отношении патриотизма: его определение, мнение о его месте в современном мире и представление о необходимости его государственного воспитания. Факторный анализ выполнялся с помощью программы SPSS методом главных компонент. В полученной модели было выделено *четыре фактора,* у которых числа корреляционной матрицы превышают значение 1. Эти факторы в совокупности объясняют 63% дисперсии всех переменных, что свидетельствует о достаточно хорошей объяснительной способности модели.

В *первый фактор* были включены переменные, выражающие чувственное, эмоциональное отношение к своей стране, народу, соотечественникам, культуре. Во *второй* –выражающие стремление поддержать ее своей деятельностью: жить и работать в стране, служить в армии, поддерживать отечественного производителя. В *третий* вошли переменные, связанные со знанием государственной символики, истории и культуры страны, края, происходящих в них событий и интересом к ним. А вновь введенные переменные (включая «определение у себя чувства патриотизма») образовали *четвертый фактор.* Таким образом, в проявлениях патриотизма четко выделились четыре составляющих, которые можно обозначить как *эмоционально-чувственная, деятельностная, когнитивная и гражданская* позиции. Эти составляющие в достаточно явном виде можно найти в приведенных выше определениях. Что интересно, пере-

менная «любовь и уважение к своему языку, культуре», вошедшая в два фактора (1 и 3) с коэффициентом корреляции более 0,5, действительно несет в себе черты их обоих. С одной стороны, она отражает чувство, с другой – объектом этого чувства выступают язык и культура, которые предполагают их знание. Выделенные в факторном анализе *четыре компоненты патриотизма,* по-видимому, действительно являются важными и даже определяющими в определении этого феномена, поскольку все они получили подтверждение своего действительного существования в обоснованиях респондентами наличия у себя патриотических чувств в открытом вопросе. Ответы молодых людей при обобщении уложились в выявленные четыре категории, при этом четвертая составляющая (гражданская позиция) дополнилась новым содержанием, вполне соответствующим ее общему смысловому контексту.

К *эмоционально-чувственной* составляющей проявлений патриотизма были отнесены такие ответы, как «люблю свою страну как бы то ни было», «есть чувство гордости за то. что живу именно в России...», «всегда очень болею и переживаю за представителей России в спортивных соревнованиях» и т.д. Т.е. при объяснении причины определения себя патриотом респондент указывает на те или иные чувства, которые он проявляет по отношению к своей Родине. Подобных обоснований было больше всего – 55%.

К *деятельностной* составляющей относились ответы, в которых молодежь аргументировала свой патриотизм службой в вооруженных силах, выражала готовность воевать за страну, а также говорила о способствовании развитию страны: «работаю на свою страну», «готов защищать свою страну и т.д.». Подобным образом отвечали 12% респондентов.

К *когнитивной* составляющей были отнесены ответы, в которых указывалось на важность для респондентов событий, происходящих в стране, знаний о стране: «интересуюсь политикой и жизнью страны», «постоянно слежу за событиями, которые происходят в нашей стране» и др. – таких ответов было 18%.

И как выражение *гражданской* позиции понимались такие ответы, как «живу, работаю в этой стране», «я россиянин», «это моя Родина, здесь мои корни», «потому что каждый житель страны должен быть патриотом» и т.н. Здесь респонденты как бы заявляли: я гражданин своей страны и поэтому я патриот, т.е. патриотизм оказывался естественным продолжением их гражданской позиции. И по количеству ответов эта составляющая патриотизма заняла 2 место – 30% из числа назвавших себя патриотами. Некоторые опрашиваемые указывали на наличие у себя проявлений патриотизма, относящихся к двум различным категориям (их было 15% от числа ответивших), но большинство называли проявления только одного вида. Для оценки относительного уровня проявления у молодежи выделенных составляющих патриотизма были построены индексы по группам переменных, объединенных факторным анализом в четыре фактора. При этом переменная «любовь и уважение к своему языку, культуре» была исключена из обработки, так как она не имеет достаточно высокой однозначности в принадлежности к определенному фактору. Переменные, составляющие фактор «гражданская позиция», были перекодированы в 7-балльную шкалу для приведения в соответствие с остальными. Оценки уровня проявления составляющих патриотизма у респондентов, считающих себя «патриотами» и «непатриотами», таковы:

Таблица 2

Средняя оценка уровня проявления составляющих патриотизма у респондентов, позиционирующих себя «патриотами» и «непатриотами» (по 7-балльной шкале)

Составляющие патриотизма	Позиционирование патриотизма	
	«патриот»	«непатриот»
Чувственно-эмоциональная	5,7	4,4
Деятельная	5	3,6
Когнитивная	4,9	3,9
Гражданская позиция	6,4	2,8

Различия средних баллов у «патриотов» и «непатриотов» по всем составляющим патриотизма статистически значимы (при проверке по «критерию Стьюдента»), но все же говорить об их существенном различии, наверное, нельзя (как и в случае сравнения по отдельным проявлениям патриотизма). Значительное различие между теми, кто позиционирует себя «патриотами» и «непат-

риотами», наблюдается только в их гражданской позиции, что естественно. При анализе приведенных выше данных следует учитывать, что в первых трех составляющих патриотизма их проявление меняется постепенно от 1 - практическое отсутствие до 7 – ярко выражено. А гражданская позиция имеет среднее значение 4 - *отсутствие выраженной позиции.* Соответственно, выше 4 – респондент в большей степени поддерживает развитие патриотизма в обществе и сам стремится быть патриотом; ниже 4 – считает, что патриотизм изжил себя. Относительная близость средних баллов «патриотов» и «непатриотов» у первых трех составляющих говорит о том, что среди тех, кто не относит себя к патриотам, есть такие, у которых проявления патриотизма по каким-то из его составляющих обнаружены достаточно ярко, и наоборот, не у всех патриотов одинаково сильно выражены все составляющие патриотизма. Подтверждение этому предположению можно найти, если обратиться к обоснованиям молодых людей своей непатриотической позиции. Из тех, *кто не считает себя патриотом,* большая половина респондентов (52%) основной причиной этого считает отсутствие поддержки государства и условий для благополучной жизни в России: «страна должна заботиться о своих гражданах», «не ощущаю никакой помощи от страны», «нет условия для жизни, если бы смог, то уехал бы». 13% респондентов, объясняя свою позицию, отмечали: «мне не нравится моя страна», «я разочаровался в России», «в России нельзя быть патриотом», «нечем гордиться», т.е. выражали негативную оценку страны в целом. Но наряду с такими, достаточно резкими оценками страны были обоснования непатриотической позиции и иного рода. Например, 13% респондентов считали, что не могут назвать себя патриотами, т.к. это звание «нужно заслужить», «я ничего для этого не сделал». 8% молодежи не относят себя к патриотам страны, но при этом сами отмечают у себя проявление патриотических чувств, например, «непатриот, но в сложной ситуации готов постоять за страну», «непатриот, но болею во время спортивных соревнований» и даже «непатриот, но люблю свою страну». И только 12% молодежи высказали принципиальную позицию против патриотизма: «необходимо одинаково любить все страны», «патриотизм способствует развитию национализма в стране», «патриотизм – это религия бешеных» и т.п. Во многих ответах респондентов чувствовалась боль, переживания по поводу существующих в стране негативных явлений. Возникает впечатление, что такая молодежь рада была бы назвать себя патриотами, если бы в стране произошли позитивные изменения, и условия их жизни хоть немного бы улучшились. Закономерно встает вопрос: кого в большей степени можно считать патриотами: тех, кто так себя позиционирует, но при этом не испытывает к стране никаких особых чувств? Или тех, кто не считает себя патриотом, но остро переживает трудности, существующие в стране, готов поддержать ее в трудную минуту, испытывает определенные обязательства по отношению к ней?

Таблица 3

Проявления патриотизма у разных групп молодежи (по 7-балльной шкале)

Группы с разными проявлениями патриотизма	Составляющие патриотизма (индексы, баллы)				Средний балл	Доля группы
	Чувственно-эмоциональная	Деятельностная	Когнитивная	Гражд. позиция		
1 «Патриоты»	**6,2**	**6**	**5,8**	**6,8**	6,2	34,2
2	**5,8**	3,8	4,2	**6,7**	5,1	16,9
3	4,1	4,7	3,8	**6,4**	4,7	9,4
4	4,6	5,2	5	3,2	4,5	9,6
5	**5,6**	4,6	3,5	4	4,4	13,9
6	4,9	2,4	5	4,2	4,1	8,2
7 «Непатриоты»	2,9	2,2	2,8	2,6	2,6	7,7

Чтобы выделить группы патриотически и непатриотически настроенной молодежи по комплексу выделенных четырех составляющих патриотизма, был выполнен *кластерный анализ методом* K-Means. В него были включены четыре фактора, полученные с помощью факторного анализа. Выборка была разделена на семь групп по особенностям проявления респондентами патриотических чувств:

Значения F-статистики по всем четырем переменным (факторам) показывают, что их распределение по кластерам выполнено с высоким уровнем значимости ($\alpha < 0{,}001$).

Группы молодежи в таблице расставлены в порядке убывания уровня проявления патриотизма (по столбцу «средний балл»). Шрифтом выделены относительно высокие значения проявлений патриотизма. Средние баллы в крайних группах (у «патриотов» и «непатриотов») различаются существенно. В первой группе проявления всех составляющих имеют высокий уровень, а в седьмой – низкий; в остальных – как относительно повышенного уровня, так и относительно пониженного. Например, респонденты группы 3 позиционируют себя в значительной степени «патриотами» – 6,4 балла (напомним, что для составляющей «гражданская позиция» балл 4 обозначает нейтральную позицию), а остальные составляющие патриотизма выражены у них в среднем» степени (чуть больше развита деятельностная – 4,7 балла). Группа «патриотов» самая многочисленная (34,2%) и, если исходить из приведенных выше определений патриотизма, наверное, только входящая в нее молодежь может претендовать на этот статус. Самая малочисленная группа «непатриотов» составляет всего 46 человек (7,7% от числа ответивших на открытый вопрос). Численность групп «патриотов» и «непатриотов» значительно уменьшилась по сравнению с аналогичными группами, определяемым просто по самоопределению респондентов. Рассмотрим, как позиционировали свой патриотизм представители выделенных в кластерном анализе групп

Таблица 4

Позиционирование респондентами патриотизма (непатриотизма) (по результатам кластерного анализа)

Группы с разными проявлениями патриотизма	Позиционирование патриотизма		
	Патриот	«Непатриот»	Затрудняюсь ответить
1 «Патриоты»	94	3	3
2	94	2	4
3	89	7	4
4	21	70	9
5	54	37	8
6	41	43	16
7 «Непатриоты»	13	76	11

Заметно, что «патриотами» считает себя абсолютное большинство первых трех групп (более 89%), а «непатриотами» – респонденты, попавшие в 4-ю и 7-ю группы (более 70%). Если соотнести эти данные с другими данными, то можно увидеть, что отмеченные особенности позиционирования патриотизма связаны прежде всего с уровнем проявления гражданской позиции по отношению к нему. В первых трех группах эта позиция имеет ярко выраженный характер, поддерживающий патриотизм, а в 4-й и 7-й группах сдвинута в сторону его отрицания. Для 5-й и 6-й групп в среднем характерна нейтральная гражданская позиция, и они занимают промежуточное место по числу наличия в них патриотов. Можно также отметить, что влияние гражданской позиции на уровень патриотизма является существенным, но не определяющим. Так, относительно большее число патриотов в 5-й группе в сравнении с 6-й (45 против 20) обусловлено тем, что в ней выше среднего уровня проявлена чувственно-эмоциональная составляющая патриотизма (5,6 балла), а в 6-й группе наблюдается снижение уровня деятельностной составляющей (2,4 балла). И особенно интересным является тот факт, что в группе 1-й («патриотов») 3% респондентов позиционируют себя «неиатриотами», а в группе 7-й («непатриотов») 13% респондентов – «патриотами». По-видимому, в первом случае мы встречаемся с ситуацией протестного «непатриотизма», когда человек считает, что нельзя быть патриотом в нашей стране, так как находит в ней много негативных явлений, но в тоже время искренне переживает за нее (о подобных ответах выше упоминалось) и в целом является сторонником патриотизма. Во втором случае, возможно, позиционирование респондентом себя патриотом обусловлено его конформизмом и следованием за пропагандой патриотизма в СМИ, но при этом он никаких особых чувств по отношению к стране не испытывает. По-видимому, подобных «патриотов» и «непатриотов» можно в достаточном количестве найти и в промежуточных группах. Данный факт еще раз указывает на то, как

сложно выявлять действительный патриотизм населения и как опасно ориентироваться только на самоопределение респондентами себя патриотами.

Разноликость выделенных в кластерном анализе групп, по нашему мнению, отражает реальное состояние современного патриотизма. Сложность этого феномена, многозначность его проявления ведут к тому, что даже у специалистов нет его однозначного понимания. Тем более нельзя этого ожидать от массового сознания. Респонденты позиционируют себя «патриотом» или «непатриотом» вне зависимости от того, какие проявления патриотизма для них характерны, они отталкиваются от имеющихся у них общих представлений о патриотизме, от социально одобряемых ориентиров, и поэтому картина получается очень размытой. С другой стороны, наверное, нельзя определять патриотизм, отталкиваясь только от его проявлений (без самоопределения респондентов), ибо патриотизм – это все же сознательный выбор человека, его гражданская позиция. Эта позиция в полной мере открывает и проявляет себя, когда стране грозит опасность. Тогда могут иметь место явления массового патриотизма, а в спокойное время патриотический настрой, по-видимому, представляет собой некий континуум от явного выражения патриотизма до его практического отсутствия, что и показывают результаты исследования.

При всей *полученной размытости картины* патриотизма, наверное, можно считать, что в крайние группы («патриотов» и «непатриотов») попала молодежь с достаточно четко выраженной позицией в отношении патриотизма, и поэтому сравнение их может показать какие-то отличительные черты современного патриота. Возьмем в качестве оснований для сравнения *интерес молодежи к политической жизни страны и ее отношение к правопорядку,* По данным исследования, *патриотически настроенная молодежь* проявляет значительно больший интерес к политической жизни страны: почти 40% обычно следят за политическими событиями, причем 15% делают это регулярно, и только 3% политикой не интересуются совсем. С другой стороны, из *«непатриотов»* всего 9% проявляют интерес к политике, 63% – скорее не интересуются, а 28% – «не интересуются совсем». Зависимость степени интереса к политике от патриотизма статистически подтверждена по критерию χ^2 с достоверностью более 99%. Патриоты в большей степени интересуются также деятельностью политических партий (регулярно или эпизодически 81% против 54% у «непатриотов»); совсем не интересуются только 19% против 45%. В большей степени ориентированы «патриоты» и на участие в выборах. Регулярно участвовать настроены 65% против 26% у «непатриотов», а не настроены участвовать 8% против 41%.

В целом, отношение молодежи к политике свидетельствует о более высокой политической культуре группы «патриотов», об их активно-деятельностном участии в жизни страны, что и должно быть характерно для них согласно определению патриотизма.

Рассмотрим различия «патриотов» и «непатриотов» в их отношении к совершению *правонарушений.* Различия средних оценок у групп «патриотов» и «непатриотов» статистически значимы (по «критерию Стьюдента» с достоверностью более 95%). В среднем эти различия составляют 0,5 балла, что для применяемой шкалы в 3 балла соответствует 25%. «Патриоты» в большей степени настроены на соблюдение законов и правил повеления. «Непатриоты» в среднем склонны иногда допускать правонарушения, кроме тех, которые связаны с пропагандой, приобретением, хранением и употреблением наркотиков, но даже к этим нарушениям относятся более терпимо по сравнению с патриотами. Таким образом, по изучаемому аспекту правовой культуры можно сделать вывод, что она в большей степени развита у патриотично настроенной молодежи.

Подводя итог исследованию, можно сделать, по крайней мере, два основных вывода.

1. Феномен современного патриотизма крайне сложен для изучения из-за его неоднозначности понимания и многовариантности проявления. При определении себя патриотом каждый респондент ориентируется на какое-то свое особое понимание этого феномена, в результате чего мы встречаемся с самыми разными его уровнями (от явного патриотизма до явного непатриотизма) и ликами (от протестного непатриотизма до конформистского патриотизма). Поэтому трудно и даже, наверное, невозможно сегодня найти грань, где кончается непатриот и начинается патриот. Во всяком случае, самоопределения тем или иным для этого явно недостаточно.

2. Сравнение «патриотов» и «непатриотов» показывает, что патриотически настроенная молодежь имеет более высокую политическую и правовую культуру, в большей степени нацелена на активно-деятельностное участие в жизни страны, имеет более выраженную демократическую гражданскую позицию. Иначе говоря, современный патриотизм несет в себе черты, которые ему традиционно приписывались. А выявляемые его трансформация и различные новообразования, помимо культурно-исторических причин, по-видимому, результат расширения границ патриотизма, охвата им групп населения, демонстрирующих новые формы его проявления.

Чивильдеев А.П. к.соц.н. (СКСИ, Майкоп)

Формирование патриотической культуры в военном вузе: социокультурная специфика

Актуальность темы исследования определяется необходимостью комплексного социологического анализа духовно-культурных оснований, положенных в основу современной системы патриотического воспитания военнослужащих. Происходящие в российском обществе изменения, не только свидетельствуют о возрастании роли и значения властных институтов и структур в достижении целей национального развития, но и выдвигают качественно новые задачи развития страны. Успешное их решение возможно при глубоком осмыслении гражданами России всего происходящего, при вовлечении их в полноценную деятельность в интересах общества и государства. Это предполагает формирование у граждан, и у военнослужащих, проходящих обучение в военных вузах, в особой степени, высших духовных и социально значимых ценностей патриотизма, долга, готовности к защите Отечества. Социология культуры способна предложить наиболее действенные подходы в исследовании критериев и показателей работы по патриотическому воспитанию военнослужащих. Сюда следует отнести, прежде всего, повышение социальной активности и уровня социализации, самореализации граждан, особенно молодежи. Подъем образования, политической и правовой культуры военных специалистов, связан с достижением социально-экономической и политической стабильности, укреплением национальной безопасности. Существенной стороной исследований по теме в социологии культуры становится необходимость минимизации негативных проявлений в молодёжной среде, снижение преступности, повышение уровня общественной безопасности и правопорядка.

Определение результатов работы по патриотическому воспитанию в виде конкретной оценки предполагает, в первую очередь, всесторонний анализ этой деятельности с помощью методик социологии культуры, а также дифференциацию критериев и показателей по наиболее значимым уровням. В ряде отраслей гуманитаристики оформилось достаточно правильное представление, что патриотическое воспитание представляет собой сложную управляемую систему, включающую многообразие взаимосвязанных между собой элементов, внутренних устойчивых связей и отношений объективного и субъективного характера. В то же время в социологии культуры система содержательного, организационного и методического определения патриотического воспитания, ещё не получила должного научного оформления.

В связи с тем, что работа по патриотическому воспитанию характеризуется сложной социологической структурой, включающей в себя целую совокупность различных компонентов, исследование по данной теме должно раскрываться комплексно, как единое целое.

В основу научного анализа могут быть положены труды и методологические рекомендации классиков науки О. Конта, М. Вебера, П.А. Сорокина, Э. Дюркгейма, Н.И. Кареева, Г. Спенсера, А. Шютца, С.Л. Франка, П.Л. Лаврова.

Возможность ролевого поведения вносить изменения, в частности, в культурные ориентации человека, активно используется в ролевом определении – одном из базовых методов социокультурного тренинга (Л.А. Петровская, Ю.М. Жуков, Л.В. Растянников, Н. Рудестам, Ж.Т. Тощенко, У.М. Гвайер). Социологически ориентированные вопросы общественного детерминизма раскрыты в трудах Т. Адорно, Э. Гуссерля, К. Поппера, П. Гайденко, Н. Лумана, А. Турена, Э. Хаан, В. Эйхгорна. Механизм взаимодействия общества и личности раскрыва-

ется при исследовании воздействия на личность социальной среды, в том числе микросреды (Н.К. Михайловский, Т.И. Афасижев, Л.П. Буева, Ю.В. Сычев), коллектива (Г.М. Гак, П.Е. Кряжев, К. Поппер, А.К. Уледов), а также в анализе связи общественных отношений со структурой личности (Б.Г. Ананьев, А.В. Дроздов, А.И. Кравченко, Т. Парсонс, К.К. Платонов, Ю.А. Левада), посредством выделения в личности социально значимых свойств, черт, имеющих массовую типизацию (Д. Белл, Г.Л. Смирнов, А. Тоффлер, Э.Г. Юдин). При рассмотрении личности как элемента конкретных социальных структур, совокупности социальных функций (В.С. Агеев, А.Т. Здравомыслов, А.К. Коэн, А. Мейер, В.А. Ядов), исследования коммуникативности осуществляются с помощью анализа усвоения индивидом определенной системы социальных ролей (А.Я. Гуревич, Б.С. Ерасов, И.С. Кон, Р. Мертон, А.А. Радугин), развития социальной роли личности (Е.А. Ануфриев, М.В. Дружинин, М.С. Каган), выделения и изучения ценностных ориентаций личности (Ю.Н. Давыдов, С.А. Ляушева, Ф. Теннис, В.П. Тугаринов, Д.М. Угринович, З.И. Файнбург, А.Г. Эфендиев).

Исторические и научные предпосылки формирования социологической теории и культурного обоснования практики обучения и воспитания военнослужащих связаны с именами П.А. Румянцева, Г.А. Потемкина, А.В. Суворова, М.И. Кутузова, Ф.Ф. Ушакова, П.С. Нахимова, Г.К. Жукова, К.К. Рокоссовского. Значимый вклад в становление и развитие системы отечественного военно-педагогического знания внесли А.Г. Базанов, А.В. Барабанщиков, В.И. Вдовюк, В.П. Давыдов, Н.И. Киряшов, В.Я. Слепов.

Проблемы патриотического воспитания рассмотрены в работах современных специалистов-исследователей – Т.С. Буториной, А.Н. Булкина, А.Н. Вырщикова, А.М. Герасимовой, А.В. Губченко, Ю.П. Квятковского, С.В. Климиной, Н.И. Кондаковой, Ю.Т. Корепанова, М.Б. Кусмарцева, В.К. Левашовой, А.Н. Овечкина, Н.И. Овчинниковой. Широкий спектр раскрываемых в трудах перечисленных авторов идей, тем не менее, не снижает актуальности современных и перспективных исследований по выделенной проблематике.

Патриотическое воспитание, как сложная управляемая система, предназначенная для выполнения функций по формированию гражданственности, патриотизма, готовности к достойному служению Отечеству у российских военнослужащих, требует создания оптимальных условий и координации усилий различных социальных и государственных институтов для повышения его действенности и эффективности. Большое значение в решении социологических проблем формирования национально-культурного самосознания слушателей и курсантов военных вузов, имеет культурологический анализ и понимание причин, сдерживающих потенциал патриотического воспитания и снижающих эффективность реализации государственной программы «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2006-2010 годы».

Одним из направлений повышения эффективности работы по патриотическому воспитанию и, соответственно, её результатов, является рассмотрение и решение комплекса научно-исследовательских проблем, накопившихся в этой сфере. Важное значение имеет поиск и разработка новых подходов к созданию более совершенных основ деятельности по формированию патриотизма у российских граждан. Актуальная проблема для социологии культуры – определение реального состояния, уровня и оценки работы по патриотическому воспитанию в военных вузах. Без постоянного анализа и объективной оценки результатов работы по патриотическому воспитанию, процесс её осуществления фактически теряет свой смысл, так как самое главное в нем – именно достижение поставленных целей и конкретных задач.

В динамике самореализации слушателей и курсантов военных вузов, главным инструментом анализа и оценки состояния и результатов работы по патриотическому воспитанию, служит система критериев и показателей, разработанная для определения достижений, позитивных сторон, культурологических тенденций этой деятельности. Определение конкретных результатов должно стать нормой, важнейшим принципом патриотического воспитания, независимо от того, кто, где, когда и с кем его осуществляет. Поэтому умелое использование системы критериев и показателей работы по патриотическому воспитанию становится важнейшим условием повышения её эффективности.

Одна из наименее разработанных проблем патриотического воспитания – методика оценки его состояния, эффективности и конкретных результатов этой деятельности. Соответственно, все ещё не определены содержание и методика социологической работы по анализу и оценке современного значения уважения к закону, социальной ответственности военнослужащих. При таком подходе воспитательная деятельность, в том числе работа по патриотическому воспитанию в высшей школе рассматривается, как правило, лишь в рекомендательном плане. В этой связи предлагается активизировать разработку конкретных методик оценки некоторых направлений воспитания, применительно к результатам работы по патриотическому воспитанию военнослужащих.

Результаты всестороннего социологического анализа специальных методик патриотического воспитания с различными категориями граждан, должны быть апробированы в течение определенного времени в различных условиях работы в зависимости от конкретного ведомства, органа, организации, региона. Социокультурное значение деятельности командования военных вузов в этом направлении, определяется, в том числе и активностью разработки научно-методических основ патриотического воспитания в социологии культуры.

Объективная оценка результатов работы по патриотическому воспитанию достигается при комплексном использовании всех критериев. В перспективах социологии культуры следует выделять практическое и повсеместное использование мотивации патриотизма, как самостоятельного социокультурного явления. Его научный анализ должен чётко обосновываться, чтобы исключить или свести к минимуму недостоверность полученных данных. Формы этой работы должны стать организационным воплощением новых подходов и принципов современной социально-гуманитарной науки, способствовать развитию, обогащению каждой личности, её самореализации.

В качестве методологической основы для определения критериев оценки результатов работы по патриотическому воспитанию предложено считать деятельность, как процесс формирования патриотизма в сознании, ценностях, действиях, поступках и поведении личности, группы, категории граждан.

Социальные нормы малых групп могут соответствовать или, наоборот; противоречить нормам общества в целом. Это, в свою очередь, позволяет конкретизировать наполнение патриотической идеи, готовности к достойному служению Отечеству. Когда человек оказывается в какой-либо малой группе, то, общаясь с ее членами, он получает информацию о ценностях данной группы, ее обычаях, традициях, ритуалах и прочих; правилах поведения. Такие знания необходимы ему для понимания действий других членов группы и коррекции собственного поведения. При этом индивид подвергается воздействию различных групповых санкций в ответ на свое поведение. В социальном формате большой группы, изучение любого учебного предмета в военном учебном заведении не является самоцелью, а призвано обеспечить, в конечном счете, профессионализм выпускника как обобщенную характеристику его профессиональной компетентности, профессионального воспитания и развития, психологической подготовки. Тем самым результат обучения призван сформировать у слушателя, курсанта готовность и способность к вхождению в будущую профессию. Проблема идеала и подражания среди молодых людей не была бы столь острой, если бы стадия индивидуализации в развитии личности учитывалась полнее. А именно – уже на начальных стадиях, в основной деятельности детей в школе – учебной. Но именно этого-то ученик часто лишен, возможности индивидуализации учебного процесса очень скудны.

Таким образом, поиск индивидуализации даже общепринятых, стандартных форм деятельности обучаемых – задача военных педагогов. Для 48-53% респондентов актуальна необходимость советоваться с обучаемыми, спрашивать их мнение, даже если никаких серьезных идей от них пока не ждут. Использовать правила деловой этики – не отметать в грубой и категоричной форме неправильное предложение. Даже если по существу в учебных занятиях при этом ничего не меняется, у обучаемого формируется чувство своей индивидуальности, собственного достоинства, ответственности за свои действия. Если он упорно настаивает на том, чтобы быть, «как все», не надо упрекать его в этом, критиковать. Поэтому первая задача

педагогов – сделать подражание открытым, управляемым. На этом, в частности, акцентируют внимание до 85% педагогов-практиков.

Стадия индивидуализации требует особого внимания. Субъект должен иметь определенную свободу выбора, свободу проявлений своей индивидуальности. При этом не надо бояться, что свобода слишком оторвется от учебной необходимости. Личность на этой стадии возмущает обязательность принятия готовых, уже сформулированных решений, правил. Но если дать им возможность вносить свой вклад в выработку этих правил, частично модифицировать принятые стандарты, то самолюбие окажется вполне удовлетворенным.

Классификацию мотивов патриотизма в социологии культуры следует ориентировать на составление содержательной классификации различных целей поведения, к которым стремится индивид, а также перечня мотивов в целом. Мотивы формируются в процессе индивидуального развития как относительно устойчивые оценочные диспозиции, и классификация должна давать возможность выяснить, на основании каких возможностей и активизирующих воздействий среды возникают индивидуальные различия в мотивах, а также какое целенаправленное вмешательство способно изменить мотивы деятельности. Измерение мотивов – определение силы мотива, его направленности, степени значимости для индивида, на основе чего создается иерархия мотивов, которая достаточно полно описывает поведение индивида в организации. При проведении измерения мотивов в интересах социологии культуры, следует учитывать, что поведение человека в каждый момент времени определяется не любыми или всеми возможными мотивами, а тем из самых высоких мотивов в иерархии (например, самым сильным), который при данных условиях теснее всего связан с перспективой достижения соответствующей цели. Такой мотив активизируется, становится действенным (одновременно могут активизироваться и другие духовно ориентированные мотивы, соподчиненные с ним или находящиеся с ним в конфликте).

Актуализация мотива – выделение и дифференциация внутри ситуации специфических условий актуализации определенного мотива. Мотив перестает быть действенным, т.е. активно участвовать в процессе мотивации, когда либо достигнуто целевое состояние, соответствующее отношениям индивид – среда, либо индивид только приблизится к желаемому состоянию, но это кажется ему достаточным; либо условия ситуации сделают другой мотив более насущным, в результате чего этот другой мотив активизируется и станет доминирующим. Действие, как и активизация мотива, нередко прерывается до достижения желаемого состояния или может прерываться и затем возобновляться (отложенное действие).

Среди обследованных курсантов 20% составляли лица с высоким уровнем эффективности переработки информации, 33% – выше среднего, 30% – ниже среднего, почти 17% (каждый шестой) – с низким уровнем эффективности переработки информации. Образовательная деятельность складывается из отдельных функциональных способностей – восприятия, мышления, научения, воспроизведения знаний, речи или моторной активности, которые обладают собственным, накопленным в ходе предыдущего опыта запасом возможностей (умений, навыков, знаний). Однако теория мотивации образования целенаправленно этим не занимается, принимая их как данное, хотя именно от мотивации зависит, как и в какой степени будут использованы различные функциональные способности. Теория мотивации образования объясняет выбор между различными альтернативными действиями, между различными вариантами восприятия ситуации.

Решение проблемы влияния мотивации на наблюдаемое поведение – изучение последствий осуществления мотивов. Сложность данного подхода заключается в том, что мотивы напрямую не наблюдаются и поэтому не поддаются непосредственному познанию, в связи с чем приходится применять специально разработанные инструменты измерения мотивов.

Перспектива образования – это прогресс познания, интеграция знания. В структуре образования человек не только умножает свои знания, но и преодолевает противоречия между различными воззрениями по актуальным вопросам духовного и материального производства. Двойственный характер знания в высшем образовании проявляется, прежде всего, в том, что здесь производится не только систематизированное, но и специализированное знание. В от-

личие от обыденного опыта, образование постоянно раскрывает перед человеком сферу неизвестного, непознанного.

Проведенный анализ существующей системы высшего образования показывает, что к реформированию высших учебных заведений, готовящих управленческие, инженерные кадры для основных сфер нашего общества, необходимо подходить комплексно, добиваясь, при оптимизации их количества, повышения качества подготовки выпускников. В современных условиях возникла объективная необходимость определения оптимальной последовательности получения высшего образования военными специалистами, а также приведения системы их подготовки в соответствие с потребностями военной науки, общества и государственным образовательным стандартом. Снижение престижа воинской службы, уровня жизни офицеров, отсутствие механизма реализации социально-правовых гарантий военнослужащих прямо сказывается на отношении молодежи к службе в армии. Отражением этого является уменьшение количества юношей призывного возраста, желающих стать офицерами, снижение конкурса в некоторые военные училища и как следствие – ухудшение возможностей для отбора лучших кандидатов в курсанты.

Все более актуальным становится изучение деятельности и личности современного слушателя и курсанта, возрастает необходимость формирования в стенах вуза всесторонне развитой личности, всемерного развития ее творческих способностей. Согласно принципу единства материальной и духовной деятельности, усвоение знаний и творческого опыта возможно лишь в ходе практической деятельности социализированного человека. Поэтому решающая роль в развитии творческих и других способностей обучаемых в военных вузах принадлежит собственным действиям с учебным материалом, самостоятельной работе, направленной на овладение современными научными знаниями, практическими умениями и навыками, необходимыми в деятельности специалистов. Отсюда задача вуза – научить самостоятельно приобретать знания, развивать логическое мышление и творческие способности. Этого нельзя достичь путем применения лишь объяснительно-иллюстрационных методов обучения. В последнее время взоры администраций и преподавателей вузов все чаще обращаются к активным методам обучения, в наибольшей мере способствующим формированию творчески активной личности. Среди таких методов важнейшее место принадлежит проблемному обучению, которое призвано обогащать учебный процесс новым содержанием и формами деятельности преподавателей и обучаемых. Усложнение видов деятельности и задач, решаемых специалистами, предъявляет повышенные требования к их подготовке.

Современный выпускник военного вуза – это высококвалифицированный специалист, который имеет фундаментальную общетеоретическую и специальную подготовку. Формирование таких качеств у обучаемых – главная цель высшего образования. Определение целей высшего образования путем анализа задач воспитания будущих специалистов и моделирования их личности, комплексный характер проблем улучшения качества гуманитарных и инженерных кадров требуют дальнейшего улучшения всех компонентов учебно-воспитательного процесса, прежде всего – содержания образования и организационных форм обучения.

Характер и форма включения в сферу образования оказывают значительное влияние на социальное положение человека в других сферах жизни, возможности его мобильности, культурного роста. Очевидно, что здесь в большой степени восприятие действительности зависит от того, как человек её интерпретирует. Теория социального действия учитывает сложную сеть взаимосвязанных систем патриотических и нравственных ориентаций, постоянно находящихся в процессе приспособления друг к другу, что неизменно приводит к их изменениям, разрывам, конфликтам. Таким образом, возможности применения каких-то определенных знаний на практике зависят от действий, которые осуществлялись в процессе усвоения этих знаний. По сути дела, образование – это есть частный случай проявления регуляционной функции социализации в жизнедеятельности человека. В самом деле, для осуществления предметного действия, как известно, необходим материализованный образ, отражающий как сам предмет и его окружение, так и осуществляемое по отношению к нему

действие. Когда действие производится в умственном плане, помимо указанных образов часто бывает необходимо знать об отношениях между теми предметами, с образами которых производится направленное манипулирование.

Любые знания применимы, в том смысле, что они обеспечивают регуляцию определенных действий: эмпирические или теоретические, находятся ли на уровне образов, предметных отношений или понятий, «опознавательные» или «оперативные». Другое дело, что у каждого из видов знаний имеется своя «область применения», связанная с возможностями этих знаний в регуляции действий (умственных и внешних, предметных). В этом смысле можно говорить о характере оперативности знаний. У каждого офицера, курсанта существует своя концептуальная модель процесса усвоения знаний, как модель функционирования педагогической системы в общей структуре социализации. Что включается в эту модель в качестве ее элементов, как понимается взаимодействие между этими элементами – определяется оценкой обучаемых той или иной ситуации и действие в ней. Зачастую знания, усваиваемые в вузе, организованы не так, чтобы включаться в модель практической деятельности, и тогда они существуют отдельно от нее, а сама модель социализации складывается стихийно, что делает ее несовершенной. По-видимому, от содержания именно этой модели, а также от содержания оперативных моделей некоторых наиболее значимых элементов педагогической системы (обучаемый, преподаватель, администратор) зависит позиция педагога в учебном процессе - диалогическая или монологическая. Иерархия профессиональных ценностей специалиста определяет его тип личностной ориентации. Сформированность этой системы позволяет исследователю формальной организации вуза быстро находить эффективные способы выхода из сложных ситуаций, точнее – преобразовывать эти ситуации в социально-практические и технические задачи, намечая для себя конкретные цели и способы их достижения.

В методику обучения и воспитания должен быть заложен не только принцип развертывания понятийного содержания обучения, но также процедуры организации, диагностики и корреляции ситуаций взаимопонимания. Раскрыта динамика постоянного разрушения и восстановления предметного взаимодействия, в построении которого обучаемые должны принимать участие с первых дней обучения. Целенаправленное формирование социально-ориентированного сотрудничества в обучении позволит построить такую теорию и практику учебной деятельности, в которой понятийное содержание и форма содержательного взаимодействия участников учебной работы будут поняты в единстве критериальных определений патриотического воспитания.

Предметом учебных отношений являются не только сами знания, умения, навыки, но и граница между знанием и незнанием, умением и неумением. Психологическим механизмом учебного взаимодействия является не имитация, а определяющая рефлексия, формула которой: «Я знаю, что я это знаю (умею). Я понимаю, что я этого не понимаю». В рамках учебных отношений и происходит освоение рефлексивных компонентов учебной деятельности, формируется умение учиться. Аналогично реализуется и принцип единства патриотического сознания и патриотической деятельности.

Среди основных критериев социологии культуры, характеризующих результаты работы по патриотическому воспитанию, можно выделить:

- критерий, в котором центральное место занимает патриотическое сознание и его атрибуты (знания, чувства, взгляды, убеждения, мотивацию, ориентации, идеалы);
- деятельностный, результативный критерий, выражающийся в непосредственном проявлении активности, конкретных действий личности, группы, категории граждан по формированию и развитию патриотизма.

С помощью данных критериев, результаты работы по патриотическому воспитанию граждан могут быть определены следующими способами:

- по конечному результату (определение эффективности в плане реализации взаимодействия между субъектом и объектом);

- по конкретным особенностям работы по патриотическому воспитанию с точки зрения оптимального использования в этой деятельности соответствующих средств, форм, методов для решения задач воздействия на личность или группу;
- изучением, фиксированием, анализом тех реально проявляемых изменений, которые произошли или происходят в личности (группе) как в объекте патриотического воспитания в результате его осуществления.

Зачастую причиной ошибок оказываются не какие-либо дефекты знаний, а именно неверное понимание требований, ожиданий преподавателя как партнера в общей учебной работе. Принимаясь за решение поставленной задачи, обучаемый всегда начинает при этом развертывать совершенно определенную форму сотрудничества, в которой он доопределяет, переопределяет для себя существующие требования. Но обучаемый может строить совсем не ту форму сотрудничества, которую планировал и ожидал от него преподаватель. Это лишний раз подтверждает, что именно в области социокультурного развития могут быть сделаны первые шаги по пути гуманизации высшей школы. Содержание образования в целом можно перестроить на подобной «антропоцентрической» основе. В качестве перспективных направлений поиска критериев оценки результатов работы по патриотическому воспитанию выделены: нравственно-этическое, правовое, трудовое, военно-профессиональное, экономическое, художественно-эстетическое, умственное, физическое, формирование готовности личности управлять собой.

Предлагаемая система профессионально-узнаваемых ситуаций позволяет развернуть содержание высшего образования в динамике, тем самым, создавая возможности для интеграции знаний по ряду учебных дисциплин, что придает целостность, системную организованность и личностный смысл усваиваемому материалу, обеспечивает возможность органичного формирования и развития как познавательных, так и профессиональных.

Социальный процесс – это обязательно последовательная смена стадий и состояний. Последовательность познания – закономерность социального процесса. Социальные процессы, как в широком, так и в узком смысле, – это всегда цель и продукт деятельности людей. Объективные законы в них проявляют себя как законы-тенденции, как результат противоречивого взаимодействия различных социальных сил. В этом заключена основная характеристика социальных процессов, в этом состоит трудность их организации и осуществления.

Ю. Шеррер, ***проф.(École des Hautes Études en Sciences Sociales, Париж; Центр М. Блоха, Берлин)***

Отношение к истории в Германии и Франции: проработка прошлого, историческая политика, политика памяти

В последние два десятилетия в общественно-политическом дискурсе и исторических исследованиях западных стран доминируют концепты исторической политики. В 1970-е гг. в Германии прекратилось замалчивание преступлений Третьего Рейха, а признание геноцида евреев легло в основу политического самосознания ФРГ. Однако подобный ландшафт исторической памяти начинает давать трещины – укрепляется другой взгляд на Вторую мировую войну, представляющий немцев ее жертвами. Во Франции эксцессы новой официальной «политики памяти» вызвали недоумение и сопротивление в научном сообществе.

Разгромное поражение Германии во Второй мировой войне потребовало принципиального изменения ее политической ориентации. В частности, пришедшие к власти правительства в западной и восточной частях Германии должны были определиться в своем отношении к недавнему прошлому. Притом память о национал-социализме и Сопротивлении в двух немецких государствах была отнюдь не общей. В ФРГ неотъемлемым элементом политической культуры стало признание вины за Холокост. Напротив, в ГДР, объявившей себя антифашистским государством, национал-социализм рассматривался как явление чужой, внешней по отношению к ней истории, а сама Восточная Германия провозглашалась сокрушительницей национал-социалистической диктатуры. После воссоединения в 1990 г. обоих немецких го-

сударств стала актуальной еще и «проработка диктатуры ГДР» (Diktaturaufarbeitung der DDR), как это обозначено в официальном дискурсе ФРГ. Что касается Франции, то там историческая политика Де Голля и его последователей десятилетиями определялась памятью о résistance (Сопротивлении). Лишь со временем изменившиеся историко-политические обстоятельства позволили критически переосмыслить вопрос о коллаборационизме режима Виши и депортации евреев из Франции, а позже сделать достоянием «долга памяти» (devoir de mémoire) войну в Алжире и пытки, практиковавшиеся в ходе ее французскими военными.

В последние два десятилетия в публичном общественно-политическом дискурсе, журналистике и исторических исследованиях в западных странах доминируют концепты исторической политики (Geschichtspolitik), политики прошлого (Vergangenheitspolitik), политики идентичности (Identitätspolitik) и политики памяти (Erinnerungspolitik). Это позволяет связать воедино такие понятия, как памятные места и мемориалы, культура памяти (Erinnerungskultur), культура истории (Geschichtskultur) и историческое сознание (Geschichtsbewusstein), но прежде всего определить соотношение истории и памяти (а также индивидуальной, коллективной, национальной, социальной, коммуникативной и культурной функций памяти). Все эти понятия имеют отношение к идентичности либо же к поискам идентичности того или иного рода. Концепты «политика прошлого» и «историческая политика» первоначально появились в Западной Германии в связи с несколько расплывчатым и потому труднопереводимым понятием «преодоление прошлого» (Vergangenheitsbewältigung). В то время как «преодоление прошлого» лишь очень отдаленно связано с памятью о террористическом режиме и учиненном им Холокосте, термины «политика прошлого» и «историческая политика» ориентированы на более прагматичную и одновременно реалистическую оценку прошлого.

Сегодня немецкое Vergangenheitsbewältigung («преодоление прошлого») употребляется в других языках, прежде всего в английском и французском, без перевода, но только по отношению к ФРГ и Третьему рейху. Напротив, возникший позднее концепт «проработка прошлого» (Aufarbeitung der Vergangenheit), восходящий к статье Т. Адорно 1959 г.[1], не ограничивается только Федеративной республикой, а распространяется и на другие государства. «Безжалостное осмысление (schonungslose Reflexion)» прошлого, утверждал Адорно, должно эффективно воздействовать изнутри, как самоанализ, а не служить внешним силам в качестве пропагандистского оружия. Следовательно, «проработка прошлого» означает критическую работу над памятью о прошлом. В немецком языке понятие «политика прошлого» относится к немецкому прошлому и его преодолению или, по меньшей мере, проработке. Понятно, что политика прошлого имеет дело с институциональным и персональным наследием прежней системы и нацелена на принятие в относительно короткие сроки некоторых законодательных и судебных решений, связанных с этим прошлым. Напротив, историческая политика в общем и целом направлена на формирование общественно значимых исторических образов и образов идентичности (Geschichts- und Identitätsbilder), которые реализуются в ритуалах и дискурсе, претерпевая изменения со сменой поколений или по мере эволюции социальной среды. В демократических обществах историческая политика ни в коем случае не ограничена собственно политической сферой, в нее, наряду с политиками и публицистами, вовлечены также акторы из разных других профессиональных групп с различными интересами и стратегиями, которые они привносят в процесс осмысления истории. В политическом оформлении исторических представлений решающая роль принадлежит историкам, действующим в сферах своей профессиональной компетенции: ученым и преподавателям, архивистам и кураторам экспозиций, музейным работникам и сотрудникам мемориалов. При этом сама природа плюралистических обществ предполагает формирование в них различных и даже противоречащих друг другу толкований прошлого.

---

[1] Adorno Th. W. Was bedeutet: Aufarbeitung der Vergangenheit? // Adorno Th. W. Gesammelte Schriften. Bd 10/II. Frankfurt a. Main, 1977. S. 555-572. Имеется русский перевод: Адорно Т. Что значит «проработка прошлого?» // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3 (40-41). С.42.

Поэтому историческая политика – это намного более широкое явление, чем история на службе политики. Это также нечто большее, чем просто формирование и закрепление нормативного или догматического мировоззрения, поскольку включает в себя передачу самого разного рода воспоминаний и опыта, а также поиск забытых фактов и следов отвергнутых альтернатив. Историческая политика – это еще и тематика научных исследований с целью поиска ответов на вопросы о том, как исторические интерпретации превращаются в политическое противоборство, кто и с какой целью делает это и к чему это приводит. В данной статье я использую понятие «историческая политика» в широком смысле, как оно обычно употребляется в современной исторической и политической науке, а также в политической социологии, и в значительно меньшей степени прибегаю к понятиям «политика прошлого» и «политика памяти», имея в виду публичное обращение к истории и памяти[1]. К этому же разряду, без сомнения, принадлежит использование истории в государственных и политических целях, однако ни в коем случае нельзя сводить историческую политику только к официозной трактовке истории.

ГЕРМАНИЯ

По отношению к национал-социалистскому прошлому государства – преемники германского рейха, ФРГ и ГДР, придерживались совершенно разных стратегий, которые определялись соответствующими оккупационными властями.

ФРГ (до воссоединения с Восточной Германией)

Переход от диктатуры к демократии был крайне трудным и длительным процессом. 1945-й г. не стал нулевой точкой отсчета, знаменующей начало совершенно новой немецкой истории. Не было какой-то готовой нормы, к которой можно было бы перейти. Как бы то ни было, сразу после окончания войны не произошло решительного разрыва с прошлым Третьего рейха. Огромное большинство немцев стремилось к материальному и психологическому возрождению, вытесняя из сознания реалии Третьего рейха, только-только ставшие прошлым. Озабоченное тем, чтобы достичь хоть какой-то степени «нормализации», немецкое население с апатией либо негативными эмоциями реагировало на Нюрнбергские процессы[2], которые, по замыслу держав-победительниц, должны были сыграть и воспитательную роль. Осознания преступного характера национал-социализма не произошло. Господствовало мнение, что все происходящее – это просто суд победителей над побежденными. Преступления Третьего рейха в общественном сознании уравнивались с ущербом, нанесенным немецким городам бомбардировками союзников, а признание массовых национал-социалистических организаций преступными воспринималось как огульное коллективное обвинение всего народа. Исключениями стали лишь немногие общественно значимые фигуры и политики, которые, как философ К. Ясперс, протестантский теолог К. Барт и первый президент ФРГ Т. Хейс, заговорили о коллективной вине и коллективном стыде, о «коллективной ответственности» немецкого народа за Холокост, имея в виду необходимость признания своей вины и обязанность ее искупить. Именно из осознания ответственности за преемственность и разрывы в культуре и обществе родился концепт «проработка прошлого».

Проработка прошлого в 1949-м и далее в 1950 гг. позволила историку Н. Фраю говорить о «политике прошлого»[3]. Эта политика, которая формировалась по мере все более активной

---

[1] Разнообразным определениям этих понятий и концептов посвящено несчетное число научных работ. Из самых важных работ, посвященных исторической политике и политике прошлого, а также культуре памяти, которые я использовала, следует назвать: Frei N. Vergangenheitspolitik: Die Anfänge der Bundesrepublik und die NS-Vergangenheit. München, 1996; Wolfrum E. Geschichtspolitik in der Bundesrepublik Deutschland: Der Weg zur bundesrepublikanischen Erinnerung: 1948—1990. Darmstadt, 1999; Reichel P. Politik mit der Erinnerung: Gedächtnisorte im Streit um die nationalsozialistische Vergangenheit. Frankfurt a. M., 1999.

[2] Нюрнбергские процессы – это, во-первых, международный военный трибунал над главными военными преступниками (20.11.1945 – 01.10. 1946) и, во-вторых, 12 последующих процессов над нацистскими военными преступниками, проводившихся в американской оккупационной зоне американским военным трибуналом и закончившихся 14 апреля 1949 г.

[3] Frei N. Vergangenheitspolitik: Die Anfänge der Bundesrepublik und die NS-Vergangenheit. München, 1996. S. 13-14.

интеграции ФРГ в сообщество западных государств, в том числе и по мере расширения рамок исторической политики, означала в первую очередь:

- уголовно-правовую и судебную квалификацию совершенных нацистами преступлений с применением насилия;
- политико-правовое отношение к национал-социалистическому прошлому, то есть компенсацию ущерба различным категориям жертв национал-социализма и персональное юридическое преследование конкретных преступников из числа национал-социалистов;
- критический разбор национал-социалистического прошлого и его проработка в исторических трудах, литературе, искусстве и философии.

Все эти три измерения политики прошлого были в известной степени идентичны политическим и общественным детерминантам «преодоления прошлого». В первые два десятилетия существования ФРГ здесь шли широкие политические дебаты о преступлениях, совершенных национал-социалистами, о компенсации ущерба различным категориям жертв, о реституции, репарациях, антисемитизме и процессах над национал-социалистами. Навязанная западными союзниками денацификация в Западной Германии была малоуспешной. Уже в 1949 г. был принят закон об амнистии, который открыл многочисленным бывшим национал-социалистическим чиновникам и кадровым военным путь в государственные структуры и в заново формируемую армию. И вряд ли экономическое возрождение и перевооружение ФРГ могли бы состояться без опыта и знаний представителей прежнего национал-социалистического режима. В эпоху Аденауэра политика прошлого обосновывала отказ от дальнейшего уголовного преследования нацистов ссылкой на желательность умиротворения общества и политической стабилизации. В середине 1950-х уже почти никто не опасался преследований со стороны государства или судебных органов за свое национал-социалистическое прошлое. Однако черта была подведена не только под прошлым 3,6 млн. денацифицированных и десятков тысяч амнистированных немцев. По большей части вышли на свободу и те, кто в 1945-1949 гг. был осужден в рамках Нюрнбергских процессов или военными судами союзников за военные либо нацистские преступления. Несмотря на вытеснение из сознания «проклятого» прошлого в первые два послевоенных десятилетия, дух преодоления прошлого был жив в литературе, театре, кинематографе и других видах искусства, оказывая воздействие на формирующееся историческое сознание. Достаточно упомянуть провокативный спектакль Р. Хоххута «Наместник» (1963) и два самых известных и успешных в западногерманской литературе романа, посвященных проработке национал-социалистского прошлого: «Жестяной барабан» (1959) Г. Грасса и «Урок немецкого» (1968) З. Ленца. В рамках преодоления прошлого, основной задачей которого применительно к современной истории стало критическое изучение нацистского прошлого и преступлений национал-социализма, в Мюнхене в 1952-м был создан Институт современной истории. В 1960 гг. при исторических факультетах стали создаваться кафедры современной истории. Тем не менее, процесс включения в школьные программы взрывоопасных вопросов о причинах Холокоста и заражения всего общества национал-социалистической идеологией оказался длительным и трудным. Даже в 1960-е границы Германии в географических атласах указывались по состоянию на 1937 г., и немецкие восточные области обозначались как «находящиеся под управлением Польши».

Только в конце 1950-х и в начале 1960-х гг. в ведущих средствах массовой информации постепенно начиналось обсуждение до тех пор вытеснявшегося из сознания прошлого, что, в конечном счете, привело к образованию той специфической политической культуры ФРГ, важнейшим элементом которой является моральное неприятие нацистского прошлого. Процессы над Эйхманом в Иерусалиме (1961-1962), над палачами Освенцима во Франкфурте (1963-1964) и другие крупные процессы против бывших национал-социалистов, а также споры о сроках давности в бундестаге привели к заметному росту интереса в обществе к национал-социалистическому прошлому. Прежде всего, смена поколений явно способствовала тому, что в повестке дня политики прошлого появилось требование критической проработки прошлого. В 1960-х возникло представление о «непреодоленном прошлом», которое вызвало

многочисленные протесты людей, поддерживавших национал-социализм или даже активно участвовавших в его деятельности. Но смена ориентиров произошла, и во многом этому способствовало «поколение 1968 г.»

Переоценка политико-культурных ценностей в 1970-х и 1980-х гг., в контексте которой формировалась доминирующая сегодня в ФРГ культура памяти, центрированная вокруг жертв нацизма, предполагала открытое критическое обсуждение и признание вины. Важным этапом на этом пути стала восточная политика В. Брандта, которая ориентировала политику прошлого, основанную на признании ответственности немцев за нацизм, в направлении исторической политики, имевшей целью повлиять на будущее.

7 декабря 1970 г. первый социал-демократический канцлер ФРГ подписал в Варшаве договор, который определил границу между Германией и Польшей по Одеру-Нейссе как окончательную. При этом Брандт объяснил, что федеральное правительство просто приняло этот факт как «результат истории» (die Ergebnisse der Geschichte). В тот же день канцлер от имени немецкого народа преклонил колени перед мемориалом жертв национал-социализма в бывшем Варшавском гетто. Этот эпизод с преклонением колен, символизировавший радикальный разрыв с прежним курсом западногерманской внешней политики, и с просьбой от имени немецкого народа о прощении за совершенные преступления, поляризовал немецкое общество. Однако со временем изображение коленопреклоненного Брандта стало в сознании не только многих немцев, но также поляков и представителей других наций символом политики сближения и примирения, основанной на моральных принципах. В рамках недели братства в 1971-м Брандт подчеркнул, что память об Освенциме будет оставаться травмой и для будущих поколениий.

Длительное замалчивание преступлений Третьего рейха было нарушено в 1970 гг., когда стали проводиться выставки и создаваться новые исторические музеи, которые способствовали пересмотру оценок нацистской диктатуры и политическому просвещению в целом. В 1973-м федеральный президент Г. Хайнеман инициировал конкурс «Немецкая история» для учащихся. Интерес к собственной истории должен был содействовать выработке у детей и молодежи сознания ответственности. Без знания истории нельзя было преодолеть прошлое.

Историко-политическое обучение, историческая и политическая дидактика постепенно становились элементами образования, что создавало условия для проработки прошлого. Историческая дидактика (Geschichtsdidaktik) как наука об изучении истории стала самостоятельной научной дисциплиной, занимающейся важнейшей категорией, какой является «историческое сознание». В 1970-1980 гг. эта категория превратилась в ключевую в рамках исторической дидактики. На формирование исторического и политического сознания влияла также музейная и мемориальная политика. Начиная с 1980-х школы открыли свои двери для свидетелей событий нацистских времен, которые рассказывали о борьбе за выживание и преследованиях в национал-социалистическом государстве. В рамках политики прошлого устная история (oral history), то есть воспоминания современников событий, стали признанным методом изучения новейшей истории.

Хотя в отечественных документальных и художественных фильмах времена национал-социализма освещались довольно обстоятельно, лишь зарубежный, американский телесериал «Холокост» смог потрясти сознание массового зрителя и пробудил у него готовность к критическому анализу национал-социалистического прошлого. Этот четырехсерийный телефильм в январе 1979 г. каждый вечер собирал у экранов от 10 до 20 млн. зрителей — больше, чем любая другая передача немецкого телевидения, посвященная современной истории. Этот популярный американский сериал повлиял также семантически: с тех пор слово «Холокост» стало в Германии употребляться для обозначения нацистского «окончательного решения еврейского вопроса», то есть полного уничтожения евреев. Общество немецкого языка объявило «Холокост» «словом 1979 г.».

Тем не менее вытеснение из сознания и отрицание криминального характера национал-социализма, по мнению философа и публициста Р. Джордано, в 1980-е приняло в немецком обществе форму «повторной вины» («zweite Schuld») и «самообмана» (Lebenslüge). Психо-

аналитики А. и М. Мичерлих еще в 1967 г. в своей вызвавшей горячую дискуссию книге «Die Unfähigkeit zu trauern» («Неспособность к скорби»), опираясь на примеры враждебного отношения отдельных людей и масс в целом к признанию вины за соучастие в политических преступлениях, указали на недостаточную активность властей в преодолении нацистских преступлений в эпоху Аденауэра.

В 1970 г. усилилась тенденция к отрицанию или преуменьшению масштабов уничтожения евреев и к непризнанию существования газовых камер. Подобные умонастроения были характерны преимущественно для крайне правых кругов, и это получило название ревизионизма, или негационизма (Negationismus). В 1985-м в ответ на попытки ревизионистов фальсифицировать историю был принят закон «О лжи об Освенциме» (Auschwitz-Lüge) (с дополнениями от 1992, 2002 и 2005 гг.), согласно которому отрицание Холокоста преследуется по закону. Раньше Холокост в уголовно-правовом отношении ставился в один ряд с насильственными действиями других диктатур, что серьезно затрудняло его осуждение. Авторитетным представителям общественности, которые ставили под сомнение введение уголовно-правового понятия «отрицание Холокоста» как средства «преодоления прошлого» и настаивали вместо этого на политическом просвещении, не смогли – в отличие от других стран – добиться своего из-за специфики немецкого прошлого.

Заметной вехой в исторической политике ФРГ стала памятная речь федерального президента Р. фон Вайцзеккера, с которой он выступил в бундестаге 8 мая 1985-го в честь 40-й годовщины окончания войны и ликвидации национал-социалистской тирании. Впервые человек, занимающий высший государственный пост в ФРГ, назвал 8 мая «днем освобождения» (а не днем капитуляции или краха). «Он освободил нас всех от системы национал-социалистской тирании, презирающей человека. Никто, даже ради этого освобождения, не забудет о том, какие страдания свалились на многих людей 8 мая и продолжились после него. Но мы не можем считать причиной бегства, изгнания, зависимости окончание войны. Напротив, причина кроется в ее начале и в начале той тирании, которая привела к войне. Мы не можем отделить 8 мая 1945-го от 30 января 1933 г.». В этой речи фон Вайцзеккер впервые назвал все категории массовых жертв национал-социализма: евреи, западноевропейские и восточноевропейские цыгане (синти и рома), коммунисты, гомосексуалисты.

Следующим важным этапом на пути поиска немецкой национальной идентичности стал так называемый спор историков, который разгорелся в 1986-1987 гг. в связи с обсуждением немецкого прошлого и сомнениями в отношении совершенных немцами преступлений[1]. В этом споре, в котором, по словам Хабермаса, речь шла об «апологетических тенденциях в описании современной немецкой истории», т.е. об отношении к совершенным немцами преступлениям, впервые было использовано новое понятие «историческая политика». Если говорить в общих чертах, то Нольте представлял войну Германии против СССР в 1941-1945 гг. прежде всего как превентивную защитную меру национал-социалистов против угрозы развязывания Советским Союзом войны с Германией, а создание национал-социалистских концентрационных лагерей и лагерей смерти – просто как реакцию на сталинский Гулаг. При этом военные преступления немцев и практику геноцида во времена национал-социализма он объяснял не внутригерманскими, а внешними по отношению к Германии причинами[2]. Главный аргумент Хабермаса в полемике с Нольте состоял в том, что нацистские преступления, представляемые как «реакция на большевистскую угрозу уничтожения», и Освенцим, сводимый к формату технической инновации, теряют свою историческую «уникальность». Возражая против историзации Э. Нольте преступлений нацизма, Хабермас настаивал на том, что искать национальную идентичность Германии следует в «конституционном патриотизме» (Verfassungspatriotismus) – единственно возможной форме патриотизма, «не отчуждаю-

[1] Его инициаторами выступили философ Ю. Хабермас и историк Э. Нольте. Хабермаса поддержали историки Х. Моммзен, Э. Йеккель и публицист Р. Аугштайн (издатель и шеф-редактор журнала «Шпигель»), а на стороне Нольте выступили историки А. Хиллгрубер, И. Фест, Ю. Хильдебранд и советник Г. Коля М. Штюрмер.

[2] См.: Nolte E. Vergangenheit, die nicht vergehen // FAZ. 06.06.1986; Idem. Der europäische Bürgerkrieg von 1917—1945: Nationalsozialismus und Bolschewismus. Frankfurt a. M., 1987.

щей нас от Запада»[1]. С тех пор понятие конституционного патриотизма стало основным в исторической политике в ФРГ, а признание геноцида европейских евреев как исторически беспрецедентного феномена легло в основу политического самосознания ФРГ. «Спор историков» также ставит вопрос, можно ли сравнивать национал-социалистическую диктатуру с другими диктатурами и что именно позволило национал-социализму найти опору в широких массах.

ГДР

История разделенной Германии стала также историей разделенного прошлого и разделенной памяти о национал-социализме и сопротивлении национал-социалистическому режиму. Каждое из двух немецких государств воспринимало себя как политическую альтернативу национал-социалистской диктатуре: ФРГ – как парламентскую демократию западного образца, а ГДР – как «антифашистское» государство. Еще до образования ФРГ и ГДР (1949) денацификация в западной и в восточной части Германии проходила по-разному – согласно идеологическим установкам соответствующих оккупационных властей. В ГДР была проведена радикальная замена национал-социалистской функциональной элиты; в ФРГ ничего сравнимого по масштабам не произошло. В «антифашистской» ГДР период национал-социализма рассматривался как чужая история и подразумевалось, что Германская Демократическая Республика и есть победительница диктатуры национал-социализма. Исходя из основополагающего мифа об антифашизме, ГДР также претендовала на наследие антигитлеровского Сопротивления. При этом внимание в Восточной Германии продолжительное время было сосредоточено на героизированном коммунистическом Сопротивлении, которое на Западе сначала игнорировали в пользу столь же идеализированного военного и гражданского Сопротивления. Евреи, как отдельная категория жертв, в ГДР никак не упоминались, и никаких дискуссий о Холокосте здесь не было. ФРГ как государство – преемник Третьего рейха взяла на себя всю ответственность за совершенную несправедливость и возмещала ущерб Израилю (не в последнюю очередь для того, чтобы интегрироваться в сообщество западных государств). Восточная Германия в этом процессе возмещения ущерба не участвовала. Согласно официальной позиции ГДР, как антифашистское государство, не имела с Третьим рейхом ничего общего и поэтому не могла привлекаться к ответственности за преступления национал-социализма. Только весной 1990-го первая свободно избранная Народная палата и последнее правительство ГДР признали ответственность всей Германии за Холокост. Поскольку у Восточной Германии не было необходимых финансовых средств, чтобы выплачивать компенсации Израилю, она открыла свои границы всем евреям, которые хотели эмигрировать из Советского Союза.

С 1950 г. антифашистское самосознание ГДР подкреплялось празднованиями 8 мая как «Дня освобождения немецкого народа от гитлеровского фашизма». До 1966-го День 8 мая, как и в СССР, был узаконенным праздником. В 1985 г., в сороковую годовщину окончания войны 8 мая снова отмечалось как праздничный день. Только в 1980-е миф об антифашистском Сопротивлении стал разрушаться.

Происходившие в ФРГ часто весьма напряженные обсуждения понятий «политика прошлого», «историческая политика» и «культура памяти» прошли мимо ГДР, не оставив там никакого следа. Напротив, понятие «историческое сознание» было включено в лексикон «второго немецкого государства». Историческое сознание (с помощью системы преподавания и пропаганды истории) стало синонимом социалистического сознания и должно было содействовать победе в «классовом противостоянии между социализмом и империализмом». Несмотря на то, что история в ГДР была прерогативой политики и ее главной задачей было обоснование легитимности государства СЕПГ, порой приходилось серьезно менять исторические трактовки, прибегая к интеллектуальной эквилибристике. В ГДР велись исследования и по современной истории, однако, в отличие от ФРГ, лишь по послевоенной.

Новая ФРГ, или объединенная Германия

[1] Habermas J. Eine Art Schadensabwicklung // Die Zeit. 1986.11.07.

Знаменательные события 1989 г. и воссоединение в 1990-м немецких государств не изменили подхода новой ФРГ к национал-социалистическому прошлому. Напротив, общественный интерес к Третьему рейху и Холокосту даже возрос. Но теперь, после объединения двух частей Германии, прошлое ГДР тоже стало объектом политики прошлого и исторической политики. Запаздывание старой ФРГ в проработке «первой немецкой диктатуры» в 1950-е гг. не должно было повториться в случае с диктатурой ГДР. Гэдээровское прошлое как бы накладывалось на прошлое национал-социализма и позволяло сблизить одно с другим. Для проработки прошлого ГДР использовались почти те же критерии, что и после краха нацистского режима в 1945-м: уголовно-правовое преследование преступников, их гражданская дисквалификация, а также компенсации жертвам. Однако, прежде всего, речь шла о юридической и уголовно-правовой проработке прошлого ГДР как неправового государства. Снова вошло в оборот выражение «правосудие победителей», но на этот раз победителями были братья по крови, представители того же народа. Для пожилых людей это была уже вторая «нулевая точка»: для них второй раз пробил час «Ч», и в 1990 г., как и в 1945-м, они были дезориентированы. Потому что и теперь потерпевшее крах общество ГДР не могло сразу освободиться от тяжкого наследия диктатуры СЕПГ.

Проработка истории ГДР на основе массы архивных материалов, доступ к которым был открыт сразу после ликвидации восточногерманского государства, происходила с беспрецедентной скоростью. Длина полок только с документами Министерства государственной безопасности составила 170 погонных км. Их непрекращающаяся оценка проводилась с учетом опыта, накопленного после 1945 г. Так, сразу же была создана парламентская комиссия, призванная заниматься «проработкой истории и последствий диктатуры СЕПГ в Германии» (чего не было в свое время сделано при сведении счетов с национал-социализмом), которая уже собрала девять томов экспертных материалов и опросов свидетелей.

И действительно, ни одна область современной европейской истории после 1945-го не исследовалась столь интенсивно, как исчезнувшее в 1990 г. восточногерманское государство и общество[1]. К тому же изучать ГДР помогали многочисленные специальные институты. Кроме уже упомянутой парламентской комиссии, созданной в 1992-м, заслуживают упоминания Центр исследования современной истории в Потсдаме, Институт Х. Арендт в Дрездене, Отдел образования и исследований при Федеральном уполномоченном по изучению документов службы государственной безопасности бывшей ГДР (по имени его первого руководителя именовавшийся «ведомством Гаука» - ныне «ведомство Биртлера»). Открытие новых исторических музеев, реконструкция мемориалов в память о жертвах национал-социализма и создание мемориалов жертвам политических преследований в ГДР позволили в самое короткое время сформировать новую культуру памяти и воспоминаний о советской оккупационной зоне в Германии и о ГДР. Взять хотя бы известную практику использования НКВД/МВД бывших национал-социалистских лагерей (в частности, Бухенвальда), где в 1945-1949 гг. коммунистические капо (надзиратели из числа заключенных) сотрудничали с бывшим фашистским руководством лагерей.

Так как в 1990-х в центре проработки прошлого находилась преимущественно восточногерманская служба государственной безопасности[2], все новые и новые открытия укрепляли впечатление о ГДР как о «государстве штази». Это часто больно било по чувству собственного достоинства бывших граждан Восточной Германии, которые видели в ГДР отнюдь не только неправовое государство и диктатуру. ФРГ в рамках исторической политики пока так и не удалось интегрировать все пережитое бывшими жителями ГДР в новое общефедеральное национальное самосознание. Так, 8 мая 2009 г. уроженка Восточной Германии канцлер А. Меркель назвала ГДР «неправовым государством» и «государством доносчиков». Берлин,

---

[1] Обзор исследований ГДР см.: Mählert U., Wilke M. Die DDR-Forschung – ein Auslaufmodell? Die Auseinandersetzung mit der SED-Diktatur seit 1989 // Deutschland Archiv. 37 (2004). S. 465-474.

[2] Здесь из множества литературных источников следует назвать прежде всего: Gieseke J. Mielke-Konzern: Die Geschichte der Stasi: 1945—1990. München, 2001; Staatssicherheit und Gesellschaft: Studien zum Herrschaftsalltag in der DDR / J. Gieseke (Hg). Göttingen, 2007.

как новая столица воссоединенной Германии, теперь осмысливает культуру памяти, которой могла бы руководствоваться немецкая историческая политика. Создание Немецкого исторического музея призвано как бы оплатить двойной послевоенный счет Германии. В центре города в 2005-м возведен центральный немецкий мемориал в память евреев, убитых в Европе. Это головной музей Холокоста в Германии, место памяти и воспоминаний о шести миллионах жертв-евреев. Однако публичные дебаты вокруг Берлинского мемориала Холокоста проходили отнюдь не умиротворенно: как-никак народ впервые ставил в центре своей столицы памятник собственному позору. Еврейский музей в центре Берлина – самый большой музей такого типа в Европе – был открыт еще раньше (2001). В память о других категориях жертв, например, о цыганах синти и рома, которые протестовали против деления жертв геноцида на первый и второй сорт, должен быть создан отдельный мемориал.

Сооружение памятника Холокоста является своего рода апогеем исторической политики и политики памяти в Германии, но, с другой стороны, в воссоединенной Германии укрепляется взгляд на Вторую мировую войну, представляющий немцев ее жертвами. В этой связи характерны историко-политические демарши объединений «изгнанных», которые намереваются создать в Берлине «Центр против изгнаний». Другие группы выступают против декретов Бенеша[1]. Переселение восточноевропейских этнических немцев трактуется как «преступление против человечности», при этом полностью игнорируется исторический контекст, то есть вопрос о причинах переселения. В соседних Польше и Чехии план создания Центра изгнанных имел сильный политический резонанс: здесь возникли опасения, что музей такого рода завуалирует вопрос о том, кто несет ответственность за Вторую мировую войну и тем самым за последовавшие изгнания.

Ландшафт немецкой памяти порой дает трещины в самых неожиданных местах. Так, до сих пор политически безупречный писатель М. Вальзер в своей благодарственной речи 11 октября 1998 г. в связи с награждением его Премией мира Немецкой книготорговли раскритиковал «долг памяти». Освенцим, по его словам, превратился в универсальную «моральную дубину», а «наш позор используется в целях, не имеющих никакого отношения к прошлому». Вальзер выступил против «ритуализации» общественной памяти и за перенос конфликта с национал-социализмом на уровень индивидуальной совести. Другого рода провокативность в отношении немецкой исторической политики продемонстрировал американский политолог Д. Голдхаген. В своей опубликованной в 1996-м в США диссертации «Исполнители воли Гитлера», которая появилась в немецком переводе в 1998 г., он утверждает, что немцы – самое позднее с XIX столетия – стали руководствоваться когнитивной моделью «антисемитизма, исключающего евреев из числа представителей рода человеческого» (eliminatorischen Antisemitismus), в результате чего евреи представали людьми, достойными ненависти. Вопрос «Так все-таки все немцы виновны?» спровоцировал новый спор среди историков, который, как никакая другая дискуссия до этого, одновременно пробудил в обществе интерес к исторической науке и удовлетворил потребность СМИ в скандалах.

Можно привести много других примеров, подтверждающих, что Германия не освободилась от своего прошлого и что политика прошлого и историческая политика по-прежнему тесно связаны между собой. Это подтверждается настоящим бумом в музеях, на выставках и на мемориальных мероприятиях, посвященных жертвам национал-социализма, и вообще широким присутствием исторической тематики в аудиовизуальных СМИ, в связи с чем часто говорят о «рыночной стоимости воспоминаний» (Marktwert der Erinnerung) и «театрализации памяти» (Gedächtnistheater), спорами вокруг закона о компенсациях лицам, угнанным на принудительные работы в Третий рейх, выставкой (1995), посвященной преступлениям вермахта во Второй мировой войне, процессом запрета НДП, спорами о перемещенных ценностях и все новыми процессами над военными преступниками. По-видимому, национал-социализм и в будущем останется важным фактором немецкой исторической политики, потому что прошлое – это не только некая память, которую можно отработать или преодолеть.

---

[1] В настоящее время имеется в виду прежде всего ряд декретов о лишении гражданства и имущества немецкого и венгерского населения Чехословакии, что привело, в частности, к изгнанию немцев из этой страны.

Новые поколения ставят новые вопросы, воспринимая прошлое без надрыва, но также и с меньшей однозначностью. Можно ли представить себе диктатора, подобного Гитлеру, человечным, как в фильме «Крушение» режиссера О. Хиршбигеля, или делать его посмешищем, как в фильме «Мой фюрер» режиссера Д. Леви? То, что было табу для старшего поколения, с изменением исторической политики предстает совсем в ином свете.

ФРАНЦИЯ

Вырастающие из семантического контекста и философии немецкого языка понятия преодоления и проработки прошлого во Франции совершенно неизвестны. Концепт исторической политики сюда тоже до сих пор не проник. Напротив, отношение к прошлому здесь тесно связано с проблематикой памяти и «работой памяти» (travail de mémoire). Определяющим событием здесь стало появление в 1978-м статьи историка П. Нора о «коллективной памяти». Так же, как и в случае общего определения памяти, для Нора важно то, что историки могут извлечь из нее пользу, отмечая и описывая все те формы присутствия прошлого и политизированного подхода к истории, которые до сих пор не подверглись критическому анализу в историографии. Большой успех публикации под редакцией Нора «Места памяти» («Lieux de Memoir») (1984-1992)[1], в которой памятные места трактовались как символы национальной идентичности, придал новый импульс исследованию проблематики памяти. В общественном дискурсе сначала использовалось только понятие «политика памяти» (politique de la mémoire = Erinnerungspolitik), а также – намного реже – «управление прошлым» (gestion du passé = Verwaltung der Vergangenheit). В 1990-х появилось понятие «долг памяти» (devoir de mémoire = Erinnerungspflicht), которое сначала использовалось применительно к депортации и геноциду французских (и других европейских) евреев и на котором настаивали союзы бывших жертв депортации. Между тем моральный и нормативный долг памяти имеет отношение также и к другим категориям жертв.

Проблематике памяти посвящено необозримое море литературы, размеры которой можно сравнить только с объемом теоретико-методических и концептуальных статей о политике прошлого, исторической политике и культуре памяти в Германии. Однако даже с учетом того, что «политику, имеющую дело с памятью» (Politik mit der Erinnerung) часто весьма трудно отличить от «политики, имеющей дело с историей» (Politik mit der Geschichte) и от «политики, имеющей дело с прошлым» (Politik der Vergangenheit), французская «политика памяти» имеет совсем иные корни, нежели немецкие политика прошлого и историческая политика, не говоря уже о том, что они весьма различны по своим целям. Ниже я опишу некоторые важнейшие этапы формирования французской политики памяти и долга памяти. Кстати, отмечу, что современная французская история и историография морально-нормативной формуле «долг памяти» предпочитает выражение «политическое использование прошлого» (usage politique du passé, иногда usages politiques du passé)[2].

Капитуляция 1940 г. и последующая немецкая оккупация страны, продолжавшаяся вплоть до лета 1944-го, разрушили единство французской нации. После окончания оккупации надо было создавать новую основу национального единства, и различные политические силы принялись разрабатывать, по существу, модели преодоления возникшей ситуации. Необходимо было ликвидировать появившиеся в обществе разломы, опираясь на идею некоей скрепляющей нацию идентичности. Ключевую роль в этом сыграло Сопротивление, идеологическое использование которого было в особенности выгодно голлистам и коммунистам, располагавшим в послевоенной Франции большим влиянием. Хотя в идеологическом плане эти движения имели мало общего, для тех и других история и память значили очень много. В обеих партиях Сопротивление трактовалось как вооруженная национально-освободительная борьба. Каждая из них считала, что она не только представляет определенные политические интересы, но и образует некую общность, которая строится и легитимируется на основе объ-

[1] Nora P. Memoire collective // La nouvelle histoire / J.Le Goff, J. Revel (Hg). P., 1978. S. 398-401; Les lieux de mémoire / P. Nora (Hg). 7 Bd. P., 1984-1992.

[2] Hartog R., Revel J. Les usages politiques du passé. P., 2001; Andrieu C., Lavabre M.-C., Tartakowsky D. Politiques du passé: Usages politiques du passé dans la France contemporaine. Aix-en-Provence, 2006.

единяющей ее членов интерпретации истории. Де Голль и его сторонники обращались к тому большинству французского населения, которое не участвовало в Сопротивлении, но и не сотрудничало с немцами. В голлистской модели внешнее, за пределами Франции, но также и внутреннее, т.е. внутри страны, сопротивление было, в первую очередь, продолжением войны, пусть и нетрадиционными средствами. При этом господствующая интерпретация Сопротивления голлистами ставила в центр не образ борца, а нацию в целом, так что картина Сопротивления обходилась без фигуры борца Сопротивления, что обеспечило ее позитивное восприятие широкими массами населения независимо от политической ориентации. Эта голлистская интерпретация Сопротивления, не в последнюю очередь под влиянием государственной режиссуры, в 1950-х и 1960-х гг. стала господствующей. Акцентирование военно-патриотических аспектов Сопротивления, кроме всего прочего, несло в себе определенный реабилитирующий момент: ответственность за режим Виши ложилась лишь на сравнительно немногих людей, а большинство населения Франции освобождалось от подозрений в пассивной лояльности режиму Виши или даже его поддержке.

От Де Голля до Миттерана история выполняла терапевтическую и педагогическую функции. Обсуждались только те аспекты прошлого, которые казались полезными для нации. Де Голль с особой настойчивостью возвеличивал нацию как раз в то время, когда Франция всего за несколько лет потеряла свою огромную колониальную империю. Наследовавший Де Голлю Ж. Помпиду перед лицом страхов, которые овладевали людьми перед лицом войны в Индокитае и Алжире, напротив, призывал «забыть об этих ранах, разделяющих французов, из уважения к Франции». Миттеран же воспринимался как «верный и доблестный наследник» Французской революции, двухсотлетие которой он пышно отпраздновал, обойдя спорные вопросы о революционной диктатуре и насилии, в отношении которых французы до сих пор расходятся во мнениях. Революция, по Миттерану, олицетворяла только права человека.

Свою непосредственную близость к истории французские президенты охотно подтверждают эффектными выходами на публику. Так, в день своего вступления в должность президента Франции (21 мая 1981) Ф. Миттеран посетил Пантеон, чтобы продемонстрировать тесную связь с «великими людьми нации». Связь с историей должна была продемонстрировать и состоявшаяся в 1984-м на полях сражений Вердена встреча французского президента с канцлером ФРГ Г. Колем, которые протянули друг другу руку над могилами 800 тыс. павших здесь французских и немецких солдат в знак примирения бывших «заклятых врагов» (это очень напоминает ситуацию с преклонением колен В. Брандтом перед мемориалом еврейского гетто в Варшаве «ради наступления мира»). Эта сцена в Вердене вошла в новый немецко-французский учебник истории, появившийся в рамках совместной историко-политической инициативы обеих стран.

Единственный президент Пятой республики, для которого прошлое было грузом, от которого следовало освободиться, – это В. Жискар д'Эстен. Он, в частности, отменил в 1975 г. торжественное празднование 8 мая (в свою очередь, Миттеран отменил это решение Жискара д'Эстена сразу после своего избрания в 1981-м). В своем новогоднем телеобращении в 1977 г. Жискар д'Эстен призвал французов не поддаваться «ревматическим болям истории». Если Де Голль и Миттеран полагали, что республика не несет никакой ответственности за преступления, совершенные режимом Виши, то Ж. Ширак по сравнению со своими предшественниками выглядел просто иконоборцем: в ходе дискуссии в мемориале жертвам «Вель д'ив»[1] 16 июля 1995-го он признал ответственность французского государства за депортацию евреев и призвал французов к покаянию.

Несмотря на то, что во французском лексиконе нет термина «историческая политика», президенты Пятой республики (с 1958 г.) пользуются историей как стратегическим инструментом своей политики в несравненно больших масштабах, чем президенты и канцлеры ФРГ. Заложенная во французской президентской конституционной системе полнота власти первого лица, которая легитимируется процедурой прямых выборов президента народом,

[1] Vel d'Hiv («Зимний велодром») – творение В. Шпитцера, чудом уцелевшее во время антисемитской облавы.

обеспечивает ему, в частности, привилегию охранять историю от имени нации и выступать в роли верховного арбитра в отношении различных интерпретаций истории. Президент также имеет право, например, принимать окончательное решение о том, кто из великих французов должен быть помещен в национальный зал славы Пантеон (пантеонизация) и кто – из стратегических соображений – должен быть «депантеонизирован». Однако, в обход этой важной функции централистского государства, серьезные решения, касающиеся политики памяти, в последние десятилетия принимаются в тесной увязке с интересами различных групп гражданского общества, равно как и ангажированных интеллектуалов, и не в последнюю очередь определяются динамикой исторических исследований, поставляющих всё новые материалы. Так, французский миф о Сопротивлении, по оценкам представителей гражданского общества, с 1970-х претерпевает постоянную деконструкцию. Выжившие свидетели-евреи все чаще рассказывали о своем пребывании в лагерях. Фильм М. Офюльса «Печаль и жалость» (1969) разрушил представление об однородной Франции, объединяемой Сопротивлением, показав поведение среднего француза, который если и не сотрудничал с немцами, то умел с ними договориться. Хотя президент Помпиду запретил показ «Печали и жалости» по государственному телевидению, этот фильм положил начало той фазе памяти, которую историк А. Руссо назвал «разбитым зеркалом». Еще в 1971 г. Помпиду, самолично не участвовавший в Сопротивлении, помиловал П. Тувье, одного из бывших руководителей милиции режима Виши, который помогал шефу гестапо К. Барбье в преследовании евреев. Помпиду хотел подвести черту под периодом, когда «французы не любили друг друга». В 1973-м появился французский перевод книги американского историка Р. Пакстона «Франция в период Виши», который еще в 1964 г. проследил историю коллаборационизма по документальным источникам.

Принятый в 1979-м (при Жискаре д'Эстене) закон позволил открывать архивы уже через 30 лет, и это резко активизировало историческое исследование режима Виши. Все больше свидетельств коллаборационизма и ответственности французов за депортацию евреев становилось достоянием общественности. В 1980 г. в Париже был основан Институт современной истории – первое научное учреждение во Франции по изучению новейшей истории. Основанные на архивных материалах работы А. Руссо «Синдром Виши: С 1944 года до наших дней» (1987) и Э. Конана «Виши: Прошлое, которое не проходит» (1994), а также открытые историко-политические дискуссии с участием профессиональных историков способствовали широкому общественному одобрению судебных процессов против военных преступников. В юридическом и в гражданском плане эти процессы против видных деятелей периода национал-социалистского господства во Франции имели огромное значение для политического просвещения и культуры памяти в стране.

Первым стал большой процесс против К. Барбье, одного из самых активных проводников политики национал-социализма в оккупированной Франции. В 1994-м помилованный президентом Помпиду Поль Тувье был приговорен французским судом к пожизненному заключению за участие в казнях евреев. Следующим в 1998 г. стал процесс против М. Папона, генерального секретаря префектуры Бордо, подписавшего приказы об аресте и депортации из этого региона более 1 600 евреев. После войны Папон скрывал свое прошлое и быстро продвигался на государственной службе. В 1958-м Де Голль назначил его префектом полиции Парижа, а в 1961-м вручил ему крест Почетного легиона. В том же году, пользуясь полномочиями префекта полиции, Папон разогнал на улицах Парижа демонстрацию сторонников алжирского освободительного движения, о котором стали открыто говорить только в 1980-х гг. В 1978-м Папон стал министром бюджета в либерально-консервативном правительстве Жискара д'Эстена. Политическая карьера Папона закончилась только в 1981-м с приходом к власти левого правительства. В том же году в Бордо начался первый процесс в связи с его участием в депортации евреев в 1942-1944 гг. В 1998-м он в конце концов был признан виновным в преступлениях против человечности и приговорен к десяти годам тюрьмы с поражением в гражданских правах. Этот последний процесс имел особенно широкий общественный резонанс, докатившийся даже до школ. В 2006 г. Верховный суд обязал телеканал «Ис-

тория» («Histoire») показать наиболее существенные эпизоды процесса Папона. К тому времени на этом канале уже прошли две серии передач о процессах над Барбье и Тувье.

С 1970-х отношение общества к Холокосту стало меняться. Еврейские организации были все более активны, а депортированные в прошлом евреи начали открыто рассказывать о том, что они испытали в лагерях. Но вместе с этим нарастало и отрицание Холокоста, то есть существования газовых камер. 13 июля 1990 г. был принят «закон Гайсо» (Loi Gayssot), названный по фамилии предложившего его депутата-коммуниста, против расизма, антисемитизма и ксенофобии, который предусматривал наказание за отрицание преступлений против человечности, в частности геноцида в отношении евреев, во время Второй мировой войны. Закон Гайсо стал первым в ряду так называемых «законов памяти» (lois mémorielles = Erinnerungsgesetze), которые образовали ядро системы, называемой во Франции «политикой памяти» вместе с «долгом памяти» и «работой памяти» (travail de mémoire = Erinnerungsarbeit). 29 января 2001-го влиятельное армянское меньшинство добилось принятия закона, в соответствии с которым «Франция публично признала геноцид армян в 1915 г.» В октябре 2006-го парламент постановил, что отрицание геноцида армян должно влечь за собой такое же наказание, какое закон Гайсо предусматривает за отрицание геноцида евреев. Однако через сенат этот закон пока не прошел (дело тормозится из-за политических оглядок на Турцию). Еще один «закон памяти», так называемый закон Тобира (Loi Taubira — по имени депутата-социалиста от Французской Гвианы), принятый 21 мая 2001 г., признает рабство и работорговлю «преступлением против человечности».

Наряду со Второй мировой войной, важнейшей темой во французской исторической политике и политике памяти является война в Алжире (1954-1962). Ангажированные кинорежиссеры уже давно проинформировали французское общество о преступных страницах истории этой военной кампании, однако в официальном лексиконе словосочетание «война в Алжире» долгое время оставалось под запретом, так как оно затрагивало «честь Франции». Вместо этого говорили об «операциях французской армии в Алжире». О совершенных армией военных преступлениях и пытках французский официоз до недавнего времени не распространялся. Бывшая французская колония Алжир оставалась незаживающей раной не только для Франции, но и для алжирской стороны, которая ожидала жеста покаяния от бывшей метрополии[1]. 23 февраля 2005-го был принят закон относительно роли Франции как бывшей колониальной державы, и не только применительно к Алжиру. Закон был внесен усилиями лобби ностальгирующих репатриантов и французов алжирского просхождения, то есть преимущественно переселенцев из Алжира. Статья 4 этого закона требует, чтобы на школьных уроках учителя истории подчеркивали «позитивную роль французского присутствия на заморских территориях и, в частности, в Северной Африке».

Эти «законы памяти» с самого начала вызвали противодействие французской общественности. С одной стороны, опасались, что многочисленные группы жертв и меньшинств, требуя реализации своих «прав» или исполнения «долга памяти», будут преследовать исключительно собственные узкие интересы. С другой стороны, существовала опасность, что законодатели будут выходить за рамки проблем, имеющих отношение к французской национальной истории и исторической идентичности (как это было в случае признания геноцида армян). Исходя из этого, историки выступили принципиально против вмешательства законодательной власти в сферу, где суждения могут выноситься лишь на основании результатов исторических исследований. Закон о позитивной роли Франции в качестве колониальной метрополии вызвал беспрецедентные протесты против «преподавания официальной истории». В них, кроме преподавателей истории и ученых-историков, приняли также участие многие известные люди, которые выступали против всех «законов памяти, не достойных демократического государства». В крупнейших ежедневных газетах, таких как Le Monde и Libération, публиковались петиции и призывы против юридического ограничения исторических исследований и против клятв в верности «историческому долгу». Созданное в 2005 г. объединение «За сво-

[1] Полное описание алжирской войны см.: La guerre d'Algérie: 1954-2004, fin de l'amnésie // B. Stora, M. Habit (Hg). P., 2004.

боду истории» (Liberté pour l'histoire) приняло обращение, в котором говорилось: «История не является объектом юридиспруденции. В свободном государстве ни парламент, ни судебные власти не должны определять историческую правду. Политика государства, даже если она исходит из лучших побуждений, не является исторической политикой». Этот закон мог иметь и неприятные внешнеполитические последствия, так как его резко осудил президент Алжира А. Бутефлика в речи, посвященной 60-й годовщине резни в Сетифе, Гелме и Бужи, когда по вине колониальных властей погибло около 45 тыс. алжирских гражданских лиц.

Внутрифранцузские споры «о положительной роли колонизации» были весьма ожесточенными, потому что всего лишь за несколько недель до этого в пригородах больших городов молодые «французы» из семей иммигрантов жгли машины и общественные здания. Наконец, президент Ширак вынужден был вмешаться в «битву памяти» (bataille des mémoires = Schlacht der Erinnerungen) между гражданами, тоскующими по колонизации, и ассоциациями потомков рабов с Антильских островов и Гваделупы: «В Республике нет никакой официальной истории. История не пишется на основании закона. Писать историю – это дело историков». В конце 2005-го была создана парламентская комиссия по «оценке действий парламента в области памяти и истории», а годом позже проект закона о «Позитивном влиянии французского присутствия на заморских территориях» был отозван. Не в последнюю очередь новейшие исследование истории рабства и колонизации[1] способствовали тому, что Ширак объявил 10 мая Днем отмены рабства. Он заявил с пафосом: «Величие страны состоит в том, чтобы принимать всю свою историю целиком. С ее славными страницами, но также и с ее теневыми сторонами. Наша история – это история великой нации. Мы смотрим на нее с гордостью. И мы видим ее такой, какая она есть».

На этом фоне дебатов вокруг законов памяти и культуры памяти Н. Саркози в своей предвыборной кампании не прошел мимо политики памяти, используя французскую историю как неистощимый источник материала для утверждения национальной идентичности, и это стало одним из его главных лозунгов. Как соперник Ж. Ширака, он хотел преодолеть «самоотрицание» (Selbstverleugnung) и «тенденцию к систематическому раскаянию», восстановив ценность Сопротивления: Францию нельзя упрекать в совиновности в преступлениях Второй мировой войны, в том числе и в соучастии в Холокосте.

Вскоре после своего вступления в должность в мае 2007 г. вновь избранный президент декретом предписал, чтобы ежегодно 22 октября во всех средних школах страны зачитывалось письмо 17-летнего участника Сопротивления Ги Моке, расстрелянного в 1941-м немецкими солдатами. Он должен был служить примером мужества и самоотверженного патриотизма для нынешней молодежи. В феврале 2008 г. Саркози предписал, чтобы каждый ученик французской начальной школы взял своего рода шефство над памятью одного из 11 тыс. депортированных во время Второй мировой войны еврейских детей: каждый ученик должен знать имя и биографию хотя бы одного ребенка, погибшего в Холокосте.

Это невиданное в Пятой республике вмешательство президента в школьные программы встретило жесткое сопротивление как преподавателей, так и ученых-историков. Они защищались от попыток навязать им сверху предписанную историографию и превратить ее в «политический инструмент». Однако звучали и другие голоса, например члена Французской академии историка М. Голло, который выступил в поддержку Саркози: "По истечении периода, начавшегося с речи Ж. Ширака 16 июля 1995 г. о соучастии французского государства в преследованиях евреев, необходимо восстановить равновесие… Мы не можем сохранять из этого времени только Виши и исключать Сопротивление. Франция была также и нацией Сопротивления». Саркози также впервые создал Министерство национальной идентичности и иммиграции.

Борьба против французских законов памяти вышла на общеевропейский уровень, когда в 2007-м на совещании министров европейских стран обсуждалось предложение о том, чтобы в каждой стране ЕС «публичное отрицание геноцида, преступлений против человечности и

[1] Régent F. Esclavage, métissage, liberté, la Révolution française en Guadaloupe. P., 2004; Idem. La France et ses esclaves: De la colonisation aux abolitions: 1620—1848. P., 2007.

военных преступлений, пренебрежительное отношение к ним или грубое их преуменьшение» наказывалось, как во Франции, «лишением свободы на срок от одного года до трех лет». Поскольку возникла реальная угроза того, что во всем Европейском союзе последнее слово об исторических фактах будет формулироваться в виде судебных приговоров, в октябре 2008 г. Пьер Нора от имени объединения «За свободу истории» опубликовал документ под названием «Воззвание из Блуа», который подписали многие видные европейские историки и который был напечатан во всех крупных западных газетах. В нем говорилось, что в свободном государстве политические власти не имеют права определять, чтó есть историческая правда, и что, безусловно, нельзя ограничивать свободу историков, угрожая им уголовным преследованием. Политики должны заботиться о коллективной памяти, но ни в коем случае не должны институционализировать ее от имени государства посредством правовых актов.

Конечно, у «Воззвания из Блуа» сразу же нашлись противники, которые упрекали историков в том, что они якобы присвоили себе исключительное право на историческую память. Однако недавно споры о «законах памяти» во Франции утихли. Своим постановлением президент Национального собрания Франции Б. Акуайе в ноябре 2008-го запретил впредь принимать законы, подобные уже принятым законам памяти, а вместо этого разрешил принимать резолюции, не имеющие юридических последствий. Если законы памяти в Пятой республике свидетельствуют об исключительно сильном политическом вмешательстве в культурное и историческое наследие, то «Воззвание из Блуа» доказывает, что история в плюралистском обществе может оспариваться и становиться событием политического значения. Оно подтверждает важную роль историков в развитии исторического сознания общества, их ответственность за преподавание в школах и за школьные учебники, а также за директивы Министерства по вопросам воспитания. Воззвание свидетельствует и о том, что европейские историки и интеллектуалы в состоянии тормозить историко-политические инициативы также и на европейском уровне. Остается лишь следить, в каком направлении будут в дальнейшем развиваться дебаты между политиками, членами самых разных организаций и историками на общеевропейском уровне.

Кратко обрисованные здесь различия исторической политики в Германии и Франции можно в значительной мере объяснить особенностями истории XX в. и различием политических культур двух стран. И все же возникает вопрос: в свете сопоставления глубинной предрасположенности обеих обществ к той или иной политике не является ли справедливым давнишнее суждение Марка Блока, согласно которому немцы «интенсивнее переживают свои коллективные воспоминания, нежели французы, которые издавна склонны руководствоваться здравым смыслом».

М.А. Шимина, д.соц.н. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород)

Менталитет как социологическая категория

О менталитете говорят и в научных, и в политических, и в журналистских кругах. Причем большинство исследователей, не являющихся социологами, полагают, что феномен ментальности должен быть объектом социологического анализа. Однако, за редким исключением, социологи обходят это понятие стороной, используя более удобные для операционализации понятия. Цель этого теоретического дискурса состоит в том, чтобы определить пути интериоризации понятия «менталитет» в структуру социологического знания.

Понятие «менталитет» относится к заимствованным категориям, перенесенным в наше обществоведение из зарубежной социологии. Его освоение и распространение можно оценить как составную часть вестернизации нашей науки и публицистики. Термин «менталитет» берёт свое начало от позднелатинского слова mens, mentis – «сознание, мышление, ум, рассудок», в чем можно удостовериться, заглянув в любой словарь латинского языка. Уже в этой многозначности изначально заложена возможность самого широкого толкования и применения этого слова. Оно активно употребляется в большинстве европейских языков и повсюду звучит примерно одинаково. Так, в немецком «die Mentalitat» – это образ мысли,

склад ума, в английском «mentality» умственное развитие, склад ума, умонастроение, во французском «mentalite» – направление мыслей, умонастроение, направленность ума, склад ума и т.д. Из этого многообразия важно отметить изначальную этимологическую привязанность понятия к человеческому сознанию, мышлению, умственной деятельности.

В английском научном языке термин «менталитет» употребляется с середины XIX в., в немецкой научной терминологии – со второй его половины, во Франции его использовал еще М. Пруст. Первенство в применении и изучении термина «менталитет» принадлежит французским ученым. В 1930-е гг. группа историков под руководством М. Блока и Л. Февра создали школу, получившую название «Анналов». Так назывался журнал, в котором они печатали свои исследования по менталитету, стремясь сориентировать историческую науку на то, чтобы свернуть с пути исследования объективных социально-экономических процессов на анализ структур духовной жизни. Менталитет для них – центральный узел или своеобразный стержень исторического процесса. С того времени и до наших дней слово «менталитет» стало связываться со школой «Анналов» во Франции, Англии, США и в других странах. Для ученых школы «Анналов» менталитет – это своеобразные установки сознания. Менталитет, по их мнению, включает в себя базовые понятия и представления о человеке, обществе, природе и Боге. Но главное, что все эти понятия и представления не подвергнуты логической систематизации, не пропущены через логическое осмысление. Они связаны не столько с сознанием, сколько с подсознанием. Они регулируют поведение человека, а не его мысль. Французские ученые рассуждают следующим образом: при помощи мышления, сознания человек познает мир. Менталитет – это манера понимания мира, истолкование мира, а не его познание. Для создания «модели мира», истолковывания его, понимания его сути, человек использует «неотрефлексированные» впечатления, совокупность представлений и образов – это и есть менталитет. Значит, мышление – это познание мира, а менталитет – это манера мышления человека, его склад ума, его особенность, своеобразие его как личности. Так раскрывают сущность менталитета французские исследователи[1].

Менталитет – осмысление мира, прежде всего с помощью образов, окрашенных эмоциональными и ценностными ориентациями, тесно связанными с традициями, настроением, чувством. В «Большом энциклопедическом словаре Ларусса» менталитет определяется как «совокупность умственных привычек, верований, психических установок, характерных для какой-либо общности или группы... Это совокупность манер поведения, мышления, суждения о чем-либо, моральные установки, склад мышления»[2]. Таким образом, речь идет не столько о системном характере менталитета, а сколько о некоей, включенной в это понятие совокупности различных явлений духовной жизни.

В Германии в 1993 г. предприняли попытку дать развёрнутое толкование понятия «менталитет». Была издана фундаментальная обобщающая работа более чем тридцати авторов под общей редакцией профессора П. Динцельбахера «Европейская история менталитета». Авторы осуществили всесторонний обзор проблем, входящих, по их мнению, в содержание европейского менталитета, сведя его к следующим основным моментам: индивидуум-семья-общество; сексуальность-любовь; религиозность; тело и душа; болезни; радость; счастье и страдание; работа и праздник; возрастные особенности; умирание и смерть; страхи и надежда; общение; чужое и собственное; власть, право; природа и окружающий мир; пространство; время и история[3]. Приведённый перечень проблем дает представление не только о богатстве содержания ментального феномена, но и свидетельствует о так и не устоявшихся представлениях о его сущности. Иными словами, каждый из исследователей наполняет термин тем содержанием, которое кажется ему более значимым и удобным. Так, американский ученый Д. Филд указывает, что менталитет коренится в материальной жизни и широко распро-

---

[1] Менталитет и культура предпринимателей России XVII–XIX вв.: Сборник статей /Отв. ред. Л.Н. Пушкарёв. М., 1996. С.4.

[2] Там же. С.6

[3] История ментальностей, историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996. С.97-98.

странен в значительной части населения. Он оказывает непосредственное влияние на экономические, политические и социальные отношения. По его мнению, «менталитет молчалив: он проявляется скорее в деятельности, чем в речи или в явном представлении»[1].

В нашей же научной литературе существует большое разноречие в том, что должно вкладываться в понятие «менталитет». Для отечественных исследователей характерно понимание менталитета в основном как общественного явления, обладающего качествами, свойственными той или иной нации, и, тем самым, определяющего ее лицо. Что касается российской истории и ее ментального содержания, то можно сослаться на исторические портреты В.О. Ключевского, написанные по принципу «Личность в контексте эпохи». В своих исследованиях характера россиян Ключевский учитывал географический фактор, природную среду, материальные и социальные условия жизни. По его мнению, если речь идет о конкретном человеке, то имеет значение вся совокупность окружающих его обстоятельств, формирующих характер поведения от рождения до последних дней[2].

Другой русский историк, С.М. Соловьев, критиковал отечественную интеллигенцию за недостаточное внимание к изучению умоначертания низшего класса, и поэтому она оказалась не способной правильно оценить отношение крестьянства к свободе, дарованной реформой 1861 г.[3] Проблема менталитета российского крестьянства и крестьянского сообщества – общины хорошо отражена в материалах международной конференции «Менталитет и аграрное развитие России», изданных в 1996 г. Развернутое определение менталитета попытался дать Г. Бутуль в монографии «Менталитет», изданной в 1952 г. Он пишет: «Менталитет – это совокупность идей и интеллектуальных установок, присущих индивиду и соединенных друг с другом логическими связями или же отношениями веры... наш менталитет находится между нами и миром как призма»[4]. Очевидно, что Г. Бутуль пытается связать понятие «менталитет» не с подсознанием, а с верой. Он определяет место менталитета между миром и субъектом, воспринимающим этот мир как бы через призму.

Таким образом, менталитет, по мнению Г. Бутуля, – это манера восприятия мира. В словаре Ожегова слово «менталитет» называется «книжным» и определяется как «мировосприятие, умонастроение»[5]. Такое определение менталитета, хотя и иллюстрируется примером «менталитет русского народа», совершенно недостаточно. И дело здесь не столько в изначальном смысле слова, сколько в сути отражаемых в нем явлений. По мнению Е.А Ануфриева и Л.В. Лесной, больше правы те, кто обращает внимание на то, что менталитет, не имея четко выраженной логической формы, обладает определенной системностью, отличается как от правосознания, так и от верования. Это скорее совокупность образов и представлений, которыми руководствуется человек или группа людей. Скорее всего, менталитет лежит между двумя формами познания: рациональным и религиозным, взаимодействуя как с первым, так и со вторым[6]. Е.А. Ануфриев и Л.В. Лесная сформулировали следующее понятие: менталитет – это обобщенное социально-психологическое состояние субъекта (народа, нации, народности, социальной группы, человека), сложившееся в результате исторически длительного и достаточно устойчивого воздействия естественно-географических, этнических, социально-политических и культурных условий проживания на субъект менталитета, возникающее на основе органической связи прошлого с настоящим. Складываясь, формируясь, вырабатываясь исторически и генетически, менталитет представляет собой совокупность социально-политических качеств и черт, их органическую целостность (менталитет россиян, немцев, французов, украинцев, белорусов, чеченцев, сербов и т.д.), определяющую многие стороны

---

[1] Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): Материалы междунар. конф. Москва, 14–15 июня 1994 г. М., 1996. С.8.

[2] Ключевский В.О. Исторические портреты: Деятели исторической мысли. М., 1991.

[3] Соловьев С.М. Общедоступные чтения о русской истории. М., 1992.

[4] Менталитет и культура предпринимателей России XVII–XIX вв.: Сборник статей / Отв. ред. Л.Н. Пушкарёв. М., 1996. С.5.

[5] Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 1992. С.358.

[6] Ануфриев Е.А., Лесная Л.В. Российский менталитет как социально-политический и духовный феномен. // Социально-политический журнал. 1997, № 3. С.24.

жизнедеятельности данной общности людей, проявляясь в их духовной и материальной жизни, в специфике общественных отношений, социальных и политических институтах.

Можно отметить имеющиеся примеры применения менталитета в работах о будущем российского образования. Этому посвящена значительная часть книги Б.С. Гершунского «Философия образования для XXI века». Свою образовательную концепцию автор строит на основе широкого понимания менталитета, обосновывая его роль в системе ценностей и целей российского образования XXI века. Б.С. Гершунский обосновывает необходимость социологических исследований индивидуальных и групповых характеристик ментальности, указывая в то же время на методологические трудности в исследованиях ментальности социума, находящего свое материальное воплощение в культуре. «По существу, менталитет социума – производная от широко понимаемой культуры, хотя и сам менталитет порождает и изменяет культуру»[1]. Л.Н. Пушкарёв и ряд исследователей находят, что более полно и точно (но не абсолютно, конечно) передать смысл слова «менталитет» можно с помощью термина «духовный мир», давно уже используемого в научной литературе[2]. Ведь духовный мир – это своеобразный итог, результат духовной деятельности человека. Менталитет также постоянно действующее активное начало в деятельности человека, это своеобразный фермент, не только стимулирующий эту деятельность, но и нередко определяющий поведение человека и его отношение к окружающему миру.

По убеждению В.К. Трофимова, столь популярный сегодня в научных изданиях термин «менталитет» по своей сути есть фактически не что иное, как более современный научный эквивалент категории «социальный характер», а слову «национальный характер» соответствует понятие «национальный менталитет». «Национальный менталитет – это глубинная суть национального характера, в которой выражены самые важные внутренние сущностные качества национального характера»[3]. По мнению В.К. Трофимова, на уровне сущности национальный менталитет включает в себя устойчивые внутренние, глубинные, нередко потаенные коллективные представления, ценности, мыслительные и эмоциональные конструкции, свойственные тому или иному народу, а на уровне явления он предстает как внешнее обнаружение внутренних ментальных свойств народа в специфике организации социальной и политической жизни, а также в опредмеченных продуктах материальной и духовной культуры народов, несущих национальную окраску[4]. Совершенно очевидно, что в наше время понятие «менталитет» связано с особенностями общественной жизни, с теми путями, которыми предстоит идти России. Если она выберет западный путь, то положительное отношение к российской традиции, истории, менталитету вряд ли будет способствовать этому процессу. И наоборот, признание менталитета в качестве основной характеристики российского социума обращает нас к истории, традициям народа, к патриотизму. Эта мысль отчетливо прослеживается в книге А.С. Панарина «Искушение глобализмом». «Сегодня, – пишет А.С. Панарин, – когда «либеральные» теоретики-публицисты рассуждают о тоталитаризме, они делают упор на «туземные» корни – на традиции русской общины, на причуды неисправимого национального менталитета, словом – на особенности природы русского человека»[5]. Понятие менталитета близко по своему смыслу к таким терминам, как архетип, мировоззрение, ценностная ориентация, идеология[6]. Однако менталитет, несмотря на такую близость, не сводится ни к одному из них и не исчерпывается даже их совокупностью. Сравнивая менталитет и архетип, можно увидеть, что общим у них является то, что они означают собой групповые представления людей, их своеобразную память и по своему содержанию «погружены» в бессознательный слой души человека. Однако между этими феноменами существует и глу-

---

[1] Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века. М., 1998. С.133.

[2] Пушкарёв Л.Н. Что такое менталитет? Историографические заметки // Отечественная история. 1995. № 3. С.164.

[3] Трофимов В.К. Менталитет русской нации: Учебное пособие. Ижевск, 2004. С.60.

[4] Там же. С.70.

[5] Панарин А.С. Искушение глобализмом. М., 2002. С.119.

[6] Веремьев А.А. Введение в культурологию: Учебное пособие. Брянск, 2000. С.48.

бокое различие, которое связано с тем, что если архетипы, как их понимал К. Юнг, это неизменные образы мира, унаследованные людьми от своих предков, и одинаковые у всех индивидов и социальных групп человечества, то менталитет более динамичен и имеет дифференцированный характер, поскольку различные социальные общности обладают неодинаковым менталитетом. Тем не менее, несмотря на столь существенное различие, содержание архетипа и менталитета во многом совпадает, поэтому в ряде случаев национальный менталитет исследуется через призму национальных архетипов[1].

Менталитет, как специфическая форма коллективного сознания, влияет на оценку событий, и в этом обнаруживается его связь с ценностными ориентациями и мировоззрением. Но, в отличие от последних, он обладает более синкретическим характером, ибо менталитет шире по объему, а его основу составляют не рациональные, а бессознательные структуры[2]. Менталитет, как и идеология, связан с интересами определённых социальных групп и во многом влияет на поведение личности. Однако если в идеологии социальная общность осознает свои интересы и может формулировать их в виде теоретических конструкций, то менталитет восходит к бессознательному слою душевной жизни и не может быть до конца выражен в рационально-теоретической форме. Таким образом, можно сделать вывод, что ни у зарубежных, ни у отечественных ученых до сих пор нет единого определения понятия «менталитет». Каждый исследователь употребляет его в том виде и смысле, который кажется ему наиболее приемлемым и удобным. По нашему мнению, понятие «менталитет» по отношению к народу приближается по смыслу к понятиям «национальный характер», «народный дух». В широком смысле, менталитет – это вся духовная оснащенность человека и общества, их традиции, ритуалы и т.д. При этом обычно менталитет молчалив и проявляется скорее в повседневной будничной деятельности людей, а не в их речи или каких-либо ясных представлениях. Удивительно то, что менталитет больше относят к этносу, а не к другим социальным общностям. И он так же трудно поддается определению, как и этнос. На трудности определения этноса обращал внимание еще Л.Н. Гумилев, полагая, что этнос скорее дан в ощущениях, нежели в понятиях[3]. Вместе с тем границы явления едва уловимы в пространстве между индивидом и коллективом, между бессознательным и сознательным[4]. В силу этого можно предположить, что речь идет о холистических свойствах, которые нельзя разложить на атомы-признаки (любой такой признак может и не относиться к ментальности). Иногда говорят об эмерджентных свойствах, которые являются сверхчувственными, но в то же время не поддаются рациональной логической обработке. Стало быть, открываются перспективы для феноменологии, герменевтики и идиографических методов в целом, с помощью которых возможна расшифровка феномена ментальности. Среди известных конструктов, которые могли бы приблизить эту расшифровку, можно было бы назвать «ноэсис» – понятие, разработанное Э. Гуссерлем. Понятие описывает поток переживаний вне контекста отношения к самим переживаниям. Проще говоря, речь идет о жизненном опыте человека, который не подвергся рефлексии. Думается, что менталитет попадает как раз в структуру неотрефлектированного человеческого опыта, существуя как один из смыслообразующих факторов опыта. Так же как и этнос, он попадает в диспозицию «мы – они», являясь объединяющим началом индивидов, которые полагают себя «своими» по отношению к другим. В таком случае возможно присвоение термина со стороны социологов, но социологов, работающих в рамках феноменологической парадигмы. Для обнаружения холистических структур ментальности необходимо погрузиться в пучину повседневности и обратиться к арсеналу понимающей социологии. Другого пути, на наш взгляд, нет.

---

[1] Культурология. Учебное пособие для студентов вузов / Науч. ред. Г.В. Драч. Ростов н/Д., 1995. С.395-411.
[2] Веремьев А.А. Введение в культурологию: Учебное пособие. Брянск, 2000. С.48.
[3] Гумилев Л.Н. Сочинения. Этногенез и биосфера Земли. М., 1994. С.48.
[4] Малахов В.С., Филатов В.С. Современная западная философия. Словарь. М., 1991. С.176.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение……..3
Айвазян А.А.
Методология гражданственности и гражданское самосознание……..…8
Айвазян А.А., Ольховиков К.М.
Представления о гражданственности и экстремизме: общее и особенное……..…18
Андреева Ю., Омельченко Е.Л.
В лабиринтах нового молодежного патриотизма…….……..26
Андреева Е.В.
Трансляция культурной памяти и сохранение национального самосознания……..…28
Афанасьева А.И., Меркушин В.И.
Историческая память россиян о Великой Отечественной войне……....32
Балабанов С.С., Саралиева З.Х.
Историческая память о Великой Отечественной войне: поколенческий подход……...42
Бодалев А.А.
Феномен нравственности и гражданственности……..……48
Бойков А.М..
Русский национализм: этносоциальные истоки, виды и причины роста……..….52
Бойков В.Э.
Состояние и проблемы формирования исторической памяти россиян……...54
Вершинин С.Е.
Неодновременность образа Родины…….…..60
Вишневский Ю.Р., Ружа В.А.
Семантическое пространство понятия «патриотизм» в массовом сознании……..…....67
Вишневский Ю.Р., Ружа В.А.
Историческая память и память о войне в общественном сознании……....87
Вишневский Ю.Р., Ружа В.А.
Представления российских студентов о Великой Отечественной войне:
5 лет спустя……...93
Гаврилюк В.В., Маленков В.В.
Гражданственность, патриотизм и воспитание молодежи……...99
Грошев И.Л., Грошева И.А.
Трансформация идей патриотизма в молодежной среде: системный анализ……..106
Гуськов Д.В.
Патриотизм в противостоянии национальному экстремизму……129
Дебердеева Т.Х.
Гражданственность и патриотизм как национальная идея современности……133
Дёмин П.С.
Проблемы патриотического воспитания военнослужащих……137
Дробижева Л. М.
Гражданская интеграция в полиэтническом российском обществе……140
Дубин Б.В.
Координата будущего в общественном мнении……147
Дубровская Т.А., Макаров В.Е.
Патриотизм как фактор Победы, безопасности и устойчивого развития России…...154
Ермоченко С.Н.
Генезис патриотизма в контексте российской воинской культуры……..156
Ефанова О.А., Лаврухина Е.А.
Что знают, как оценивают и относятся россияне к Великой Отечественной войне?
Историческая память россиян и её доминанты: знания, оценки и отношение……..162
Ешев М.А.
Ориентационно-ценностная роль патриотизма для студенческой молодежи……171

Зарецкий Ю.П.
Историческая память и национальная идентичность……181
Зырянов С.Г., Терещук Е.В.
Студенты о Великой отечественной войне в контексте семейной традиции……..187
Иванов В.Н.
Великая Победа и проблемы безопасности……193
Икингрин Е.Н., Пронина Е.И.
Актуальные проблемы патриотического воспитания молодежи……199
Иконникова С.Н.,
Историческая память как духовный ресурс цивилизации……203
Исмагамбетов Т.
Историческая память и казахстанский патриотизм ……..205
Клочко Ю.Н., Клочко А.Ю.
Патриотизм и национальная общность (социально-философский анализ)……...207
Козлов А.А.
Формирование патриотизма и гражданственности современной российской молодежи: теоретико-методологический и историко-социологический подходы…211
Колябина Т.С.
Социальная идентичность – патриотизм и гражданственность……..239
Кузнецов В.Н.
Смысл Великой Победы……...246
Кузнецова А.В.
Культура патриотизма как фактор консолидации российского общества……252
Кузьмин Н.Н.
Историческая память в различных типах обществ……264
Ластовский А
Между советским прошлым и национальной перспективой: особенности исторической памяти жителей современной Беларуси……271
Левашов В.К.
Патриотизм и становление гражданского общества……284
Левашов В.К., Шушпанова И.С., Афанасьев В.А., Новоженина О.П.
Гражданское общество в России: устойчивость и потенциал……297
Лесняк В.И.
Структура и сущность патриотизма и патриотического воспитания в новых социально-экономических условиях……....298
Лобова Е.В.
Патриотические установки студентов вузов……...303
Лутовинов В.И.
Концептуальный анализ российского патриотизма……306
Малинкин А.Н.
Понятие патриотизма: эссе по социологии знания……..310
Мартынов М.Ю.
К вопросу о понятиях «национализм» и «патриотизм»……..332
Нора П.
Расстройство исторической идентичности……335
Павлюченкова Ю.А.
Формирование гражданского сознания российской молодежи на современном этапе……339
Пель В.С., Хлебалин А.В., Чельцов М.В.,
Гражданственность, демократизм и патриотизм молодежи: социологический анализ……343

Пискунова Т.В.
Модификации ценностного содержания патриотизма в сознании российской молодежи……346
Покида А.Н.
Специфика патриотических чувств россиян……353
Пржиленская И.Б.
Великая Победа – глазами студенчества Ставропольского края……..358
Пронина Е.И., Тобенгауз П.М.
Образовательные учреждения – социальное пространство формирования гражданственности и патриотизма……363
Репина Л.П.
Историческое сознание и историческая память……...373
Рождественская Е.Ю.
Историческая память и политики меморизации……384
Романовский Н.В.
Историческая социология в структуре социологического знания……..394
Сентюрин Ю.П.
«Патриотизм» как историческое понятие и его политические характеристики…..403
Сенявская Е.С., Сенявский А.С.
Образ прошлого в контексте современной геополитики: Вторая мировая война и историческая память……..407
Соколов В.М.,
Патриотизм – суть российского менталитета……..419
Состоялось ли гражданское общество в России……..423
Тавокин Е.П. Табатадзе И.А.
К вопросу об исторической памяти о Великой Отечественной войне……...429
Тощенко Ж.Т.
Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния……433
Трынов Д.В.
Место исторической памяти в системе гражданской культуры……444
Фан И.Б.
Патриотизм и гражданственность без гражданина Размышления по поводу патриотического дискурса в России……449
Федоров В.
Патриотизм у россиян – в прошлом. Новый русский патриотизм: национальный, государственнический или гражданский?.....457
Цылев В.Р., Мулина Т.В.
Патриотизм молодых мурманчан: многообразие феномена……..461
Чивильдеев А.П.
Формирование патриотической культуры в военном вузе: социокультурная специфика……..468
Шеррер Ю.
Отношение к истории в Германии и Франции: проработка прошлого, историческая политика, политика памяти……...474
Шимина М.А.
Менталитет как социологическая категория……...488

